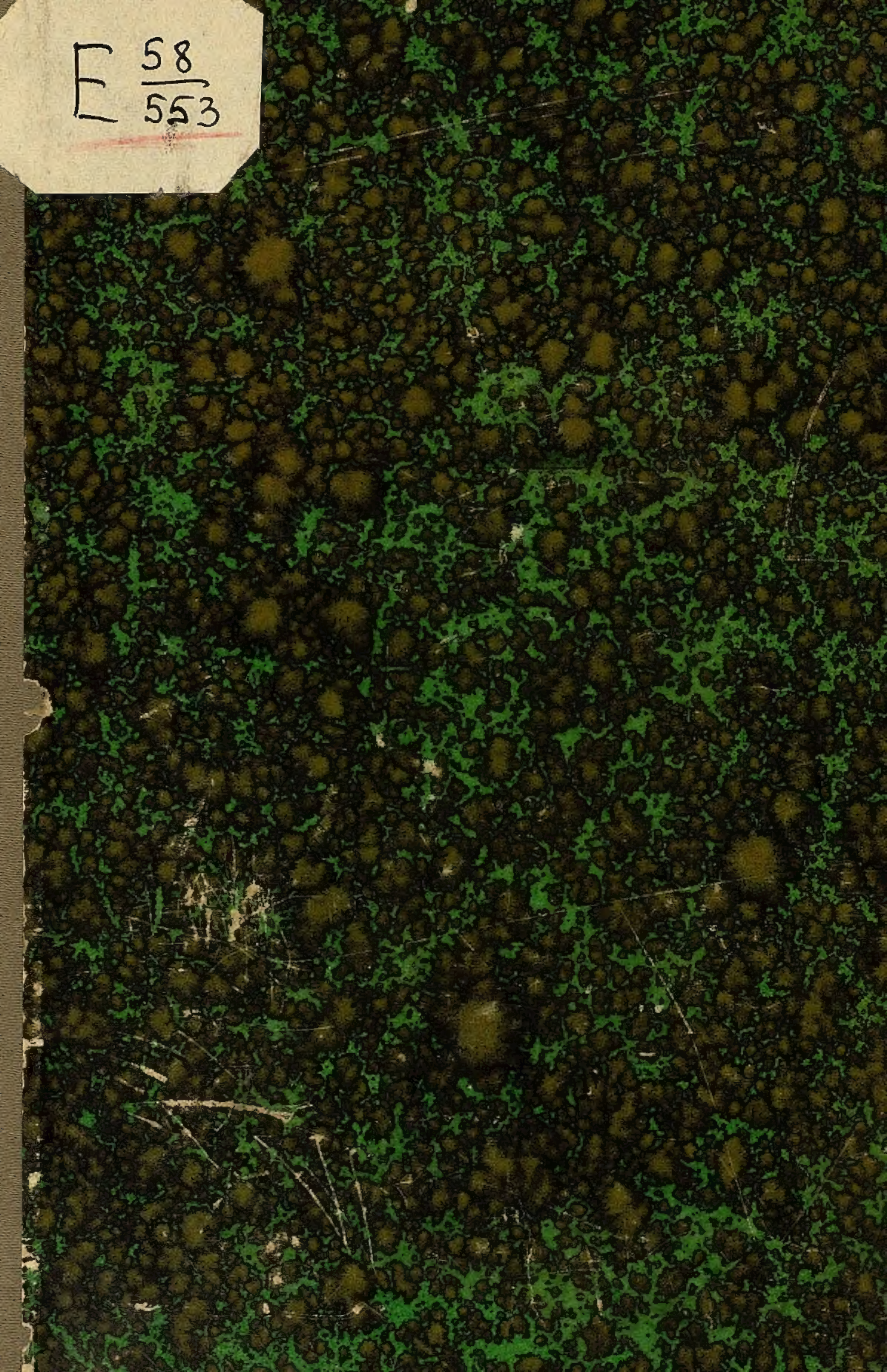

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ СТАТЬИ

ЖУРНАЛА

УЧИТЕЛЬ

за 1861 годъ.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1866.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. ВЪ ТИПОГРАФІИ И ЛИТОГРАФІИ С. СТЕПАНОВА (БЫВШ. І. ПАУЛЬСОНА И КОМП.)

На углу Фонарнаго и Екатерининскаго канала д. Франка.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА

„УЧИТЕЛЬ"

за 1861 годъ.

Изъ всѣхъ сословій, несущихъ важныя и многотрудныя обязанности, сословіе учительское, въ рукахъ котораго находится образованіе будущихъ гражданъ, едва ли не болѣе всѣхъ другихъ нуждается въ постоянномъ самоусовершенствованіи. А между тѣмъ оно менѣе другихъ находитъ возможность удовлетворять духовнымъ своимъ потребностямъ, какъ по ограниченному состоянію своему, такъ и потому, что литература наша чрезвычайно бѣдна сочиненіями по части воспитанія и обученія. Въ точно такомъ же положеніи находятся и многіе родители, которые, не будучи въ состояніи нанять учителя, желали бы сами обучать дѣтей своихъ, но не знаютъ, какъ приняться за это дѣло. Издаваемые съ недавняго времени педагогическіе журналы очевидно стараются пополнить этотъ пробѣлъ и доставить учителямъ и родителямъ необходимыя для успѣшнаго воспитанія и обученія средства; но благая цѣль ихъ достигается не вполнѣ, потому что они 1) для людей небогатыхъ слишкомъ *дороги*; 2) сообщаютъ большею частію только статьи *общія*, *теоретическія*, обращая мало вниманія на практику, и 3) предполагаютъ въ читателяхъ своихъ болѣе или менѣе законченное общее образованіе.

Желая по возможности содѣйствовать устраненію этихъ недостатковъ, которые впрочемъ мы вовсе не ставимъ въ вину упомянутымъ журналамъ, мы намѣрены съ 1-го января 1861 года приступить къ изданію такого педагогическаго журнала, который 1) доставлялъ бы читателямъ своимъ средства къ самоусовершенствованію и замѣнялъ бы имъ въ нѣкоторой степени библіотеку по всѣмъ наукамъ, необходимымъ образованному человѣку; 2) служилъ бы практическимъ руководствомъ при воспитаніи дѣтей; 3) сообщалъ бы матеріалы для элементарнаго обученія, знакомя съ тѣмъ вмѣстѣ, для большаго успѣха, и со всѣми извѣстными способами преподаванія, и 4) по цѣнѣ своей былъ бы доступенъ и бѣднѣйшему.

Назначается же изданіе наше преимущественно для домашнихъ наставниковъ, народныхъ учителей и родителей. Доставляя особенно послѣднимъ возможность самимъ совершить элементарное обученіе дѣтей своихъ, оно тѣмъ удовлетворитъ и современному требованію воспитанія — чтобы дѣти какъ можно долѣе оставались при родителяхъ, въ семействѣ.

Сообразно съ предположенною нами цѣлью журналъ «УЧИТЕЛЬ» въ главныхъ основаніяхъ своихъ будетъ раздѣляться на **два** отдѣла.

ОТДѢЛЪ I.

Въ этомъ отдѣлѣ будутъ сообщаться **матерьялы для самоусовершенствованія**, т. е. свѣденія изъ различныхъ наукъ, необходимыя всякому образованному человѣку вообще и воспитателю въ особенности. Сюда относятся:

1. **Ученіе о физической природѣ человѣка:** а) Анатомія и физіологія, т. е. описаніе человѣческаго организма и его отправленій. б) Процесъ естественнаго развитія организма отъ рожденія до возмужалости. в) Діететика: условія здоровья и долгой жизни; вліяніе на организмъ пищи, воздуха, жилища, занятій и т. д. г) Человѣческій организмъ въ здоровомъ и больномъ состояніи; разсмотрѣніе болѣзней, особенно дѣтскаго возраста.

2. **Опытная психологія**: а) Изслѣдованіе душевныхъ способностей и силъ человѣка; б) процесъ развитія этихъ способностей въ различныя эпохи жизни.

3. **Популярная, практическая логика.**

4. **Педагогика**, т. е. теорія воспитанія, сообразная съ законами человѣческой природы: а) Воспитаніе физическое, умственное, эстетическое и нравственно-религіозное въ примѣненіи къ различному возрасту и полу. б) Воспитаніе домашнее и общественное (училищевѣденіе); очерки воспитанія отдѣльныхъ личностей. в) Личность, значеніе и обязанности учителя какъ человѣка, гражданина и воспитателя.

5. **Исторія воспитанія:** біографіи знаменитыхъ педагоговъ и изображеніе ихъ дѣятельности; описаніе замѣчательныхъ воспитательныхъ и учебныхъ заведеній. Дѣтскіе сады, народныя училища, учительскія семинаріи.

Затѣмъ уже въ дополненіе къ этимъ спеціальнымъ познаніямъ будутъ сообщаемы:

Свѣденія изъ всѣхъ прочихъ отраслей человѣческаго знанія: естественныхъ наукъ (зоологіи, ботаники, минералогіи, химіи, физики, астрономіи и проч.), изъ народнаго и сельскаго хозяйствъ, технологіи, математики, географіи, исторіи, литературы и т. д.

Всѣ статьи перваго отдѣла будутъ изложены самымъ простымъ и общедоступнымъ языкомъ, причемъ, для избѣжанія сухости, особенное вниманіе будетъ обращено и на внѣшнюю форму изложенія, чтобы сдѣлать содержаніе привлекательнымъ и занимательнымъ для такихъ даже читателей, которые не привыкли къ серьёзному, научному чтенію.

ОТДѢЛЪ II.

Этотъ отдѣлъ будетъ сообщать **матерьялы для преподаванія** въ семействѣ ивъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Сюда относятся:

1. **Дидактика**, т. е. изложеніе общихъ правилъ преподаванія на различныхъ ступеняхъ развитія.

2. **Методика**, т. е. изложеніе различныхъ способовъ и пріемовъ преподаванія по всѣмъ предметамъ.

3. **Примѣненіе различныхъ методъ на практикѣ**, т. е. подробно изложенные уроки по отдѣльнымъ учебнымъ предметамъ, могущіе служить образцами для преподаванія, особенно элементарнаго. Такимъ образомъ будутъ изложены слѣдующіе предметы: общенаглядное обученіе, чтеніе и письмо, законъ божій, ариѳметика, геометрія, естественная исторія, начала физики, географія, исторія, языки, (русскій и иностранные), рисованіе, пѣніе, гимнастика и проч.

4. **Указаніе и объясненіе искуствъ ремеслъ,** а также **игръ** и вообще механическихъ занятій, приличныхъ дѣтямъ различнаго возраста.

Какъ видно изъ программы этихъ двухъ главныхъ отдѣловъ, изданіе наше представляетъ особенность, которая, быть можетъ, лишаетъ его собственно журнальнаго характера. Мы впрочемъ не будемъ въ претензіи, если журналъ нашъ будетъ признанъ популярнымъ сборникомъ наукъ вообще и педагогики въ особенности. Тѣмъ не менѣе онъ будетъ имѣть опредѣленный, современный характеръ, который выразится въ постоянномъ сочувствіи

истинному прогрессу во всѣхъ его проявленiяхъ. Замѣтимъ еще, что отрицательныя и такъ называемыя обличительныя статьи также не входятъ въ програму; эту часть мы совершенно предоставляемъ другимъ журналамъ, равно какъ и обязанность служить органомъ гласности для учителей. Нашъ журналъ будетъ только органомъ, руководящимъ ихъ дѣятельностiю. Изъ этого однако опять не слѣдуетъ, что бы мы остались равнодушными ко вновь возникающимъ, животрепещущимъ вопросамъ; только мы будемъ вотѣчать на нихъ не отрицательными статьями, а положительными фактами, почерпнутыми у тѣхъ народовъ, у которыхъ эти вопро более или менѣе уже рѣшены.

Независимо отъ двухъ главныхъ отдѣловъ, въ журналъ войдутъ еще слѣдующiя рубрики, которыя, смотря по надобности, будутъ помѣщаемы чрезъ одинъ или два нумера.

1. **Критика и библiографiя.** Разборъ и обозрѣнiе педагогическихъ сочиненiй, учебныхъ пособiй и руководствъ по всѣмъ предметамъ, книгъ для дѣтскаго чтенiя и т. п.

2. **Смѣсь.** Замѣтки различнаго содержанiя, относящiяся болѣе или менѣе къ воспитанiю и обученiю. Вопросы и задачи изъ различныхъ наукъ для размышленiя и рѣшенiя. Сюда же будутъ помѣщаться и *отвѣты* на всѣ частные вопросы, съ которыми читатели, нуждающiеся въ какомъ-либо свѣденiи или совѣтѣ по воспитательной и учебной части, пожелаютъ обратиться къ намъ.

3. **Важнѣйшiя правительственныя распоряженiя.**

По мѣрѣ надобности къ тексту будутъ прилагаться чертежи, рисунки и проч.

Журналъ «УЧИТЕЛЬ» будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ, 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, такъ что въ годъ составится **24 выпуска.**

Каждый выпускъ будетъ содержать отъ **2 до 3 листовъ текста въ большую 8-ю долю и два столбца** четкой, убористой печати. Каждый такой листъ будетъ содержать слишкомъ **два листа** обыкновенной печати.

Подписная цѣна за 24 выпуска въ годъ съ доставкою на домъ или съ пересылкою во всѣ мѣста Россiи — **4 руб. сер.**, безъ доставки **3 р. 50 к. с**

Прочитавъ програму, читатели могутъ спросить: какимъ образомъ можно на какихъ-нибудь 60-ти листахъ, хотя и равняющихся 120-ти обыкновеннымъ, помѣстить такое количество столь разнообразныхъ матерьяловъ? Редакцiя принуждена будетъ давать статьи по одной или двумъ наукамъ въ годъ, или же краткiе отрывки по всѣмъ наукамъ; въ первомъ случаѣ интересъ будетъ повременно частный для отдѣльныхъ лицъ, а во второмъ—никому никакой пользы не окажется. Въ предупрежденiе этого замѣчанiя мы отвѣтимъ, что полагаемъ избѣжать и той и другой крайности слѣдующимъ образомъ. Такъ какъ учителю, и вообще всѣмъ нашимъ читателямъ, нужна наука не для отвлеченно-ученой цѣли, а для практики, то нѣтъ никакой надобности излагать, напр. анатомiю и физiологiю, психологiю и педагогику въ одно и то же время съ одинаковою подробностiю и совершенно отдѣльно другъ отъ друга. Какъ въ жизни различныя науки соединяются въ одинъ фокусъ, чтобы освѣтить собою какую-нибуть практическую дѣятельность человѣка, такъ и мы намѣрены излагать всѣ науки, необходимыя для разумной воспитательной дѣятельности, въ возможно тѣсной связи, выставляя только одну за другою на первый планъ. Изъ прочихъ же наукъ, имѣющихъ для воспитателей лишь общiй интересъ, будутъ сообщаемы важнѣйшiя свѣденiя въ монографiяхъ. Кромѣ того, если журналъ нашъ будетъ имѣть хоть нѣкоторый успѣхъ, мы намѣрены выдавать подписчикамъ ежегодно *одно полное сочиненiе* по какой-либо наукѣ, въ видѣ премiи.

Но откуда, спросятъ насъ, мы будемъ черпать наши матерьялы:—Германiя есть настоящая родина науки вообще и педагогики въ особенности; будучи знакомы съ богатою литературою ея, какъ популярно-научною, такъ и спецiально педагогическою, мы будемъ пользоваться этимъ источникомъ и брать все годное для нашей цѣли. Съ тѣмъ вмѣстѣ мы будемъ пользоваться и литературою других народовъ, особенно англичанъ; сло

вомъ, будемъ брать хорошее, гдѣ оно встрѣтится. Конечно, много зависитъ и отъ выбора; но будучи хорошо знакомы съ потребностями того общества, для котораго преимущественно мы назначаемъ нашъ журналъ, мы надѣемся удовлетворить въ этомъ отношеніи современнымъ требованіямъ.

Что касается до постоянныхъ сотрудниковъ нашихъ, то они не принадлежатъ къ категоріи *извѣстнѣйшихъ педагоговъ;* мы можемъ только сказать, что они, какъ и редакторы, болѣе или менѣе уже знакомы педагогической публикѣ.

Предпринимая изданіе это безъ всякихъ спекулятивныхъ замысловъ, единственно для пользы нашихъ собратовъ-учителей и родителей, мы надѣемся найти между ними достаточное число подписчиковъ, чтобы подержать наше предпріятіе. По сдѣланному нами расчету намъ нужно отъ 2 до 3 тысячъ подписчиковъ. Въ Россіи же около 20,000 учителей, изъ которыхъ болѣе половины занимается первоначальнымъ воспитаніемъ и обученіемъ; по крайней мѣрѣ такое же число родителей нуждается въ разумномъ воспитательномъ руководствѣ. Мы слѣдовательно расчитываемъ на весьма скромную долю этого огромнаго числа, и намъ было бы очень совѣстно, еслибъ мы, не смотря на всѣ старанія наши доставить читателямъ вполнѣ достойное чтеніе, по истеченіи перваго года принуждены были прекратить наше изданіе—за недостаткомъ подписчиковъ.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о названіи журнала. Мы назвали его «Учителемъ» не для того, чтобы намекнуть на преобладающую тенденцію его, или показать, что мы преподаваніе считаемъ важнѣе воспитанія,—а потому единственно, что желаемъ возвысить учительское званіе въ глазахъ общества, хотимъ показать, какое великое значеніе заключается въ этомъ названіи, какія трудныя обязанности несетъ на себѣ учитель, и что учитель вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитатель, или иначе сказать: учитель, преподаваніе котораго не имѣетъ воспитательнаго вліянія, не достоинъ имени учителя.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

«Изъ жизни — для жизни.»

Въ этихъ листахъ первый номеръ журнала «Учитель» является на судъ читателей.

Въ разосланныхъ редакціею объявленіяхъ объяснены причины, побудившія ее предпринять изданіе новаго педагогическаго журнала, и вмѣстѣ съ тѣмъ изложена цѣль и подробная программа его. Теперь редакція считаетъ обязанностью прежде всего высказать свое пониманіе современныхъ требованій отъ воспитанія и обученія; высказать основныя общія положенія, которыя она съ одной стороны намѣрена постоянно разъяснять и развивать въ своихъ теоретическихъ и практическихъ статьяхъ, и которыми, съ другой стороны, она будетъ также постоянно руководствоваться при изслѣдованіи и возможномъ въ настоящее время разрѣшеніи вопросовъ, относящихся ко всему общему образованію.

Настоящее всегда бываетъ слѣдствіемъ прошедшаго.

Различныя преобразованія, совершающіяся въ послѣдніе годы въ нашей общественной и государственной жизни, новыя условія ея, вызванныя этими преобразованіями, требуютъ отъ каждаго изъ насъ новой дѣятельности. Воспитаніе, приготовляя человѣка прежде всего для дѣйствительной жизни въ извѣстное время, должно необходимо сообразоваться въ исходныхъ началахъ, въ направленіи, въ цѣляхъ своихъ, однимъ словомъ, во всемъ дѣлѣ своемъ съ потребностями этого времени. Поэтому-то вмѣстѣ съ совершающимися основными измѣненіями въ жизни нашего общества и всего государства неминуемо должно было возникнуть преобразовательное движеніе и въ системѣ нашего воспитанія и обученія.

Прежнія основанія, прежнее направленіе, прежнія цѣли, еще такъ недавно вполнѣ руководившія всѣмъ и всѣми въ дѣлѣ какъ домашняго, такъ и общественнаго воспитанія, обнаруживаютъ теперь все ярче и ярче свою полную несостоятельность и должны будутъ скоро совершенно уступить вырабатывающимся новымъ.

Эти отживающія понятія, которыя, повторяемъ, составляли основаніе, исходное начало, и давали направленіе всему нашему домашнему и общественному образованію, возникли, окрѣпли, вошли, такъ сказать, въ плоть и кровь нашу вслѣдствіе той односторонней дѣятельности, которой единственно посвящали себя почти всѣ, получившіе у насъ хоть какое нибудь образованіе; они укоренились, сжились съ нашимъ обществомъ вслѣдствіе той дѣятельности, которая одна считалась приличною для человѣка, посѣщавшаго учебное заведеніе, и на которую поэтому обрекались всѣ, кто у насъ воспитывался и обучался. Иначе и быть не могло.

Эта вполнѣ односторонняя дѣятельность легла въ основаніе, дала начало нашимъ училищамъ и всему нашему воспитанію и обученію, какъ домашнему

такъ и общественному. Слишкомъ за полтораста лѣтъ совершалось преобразованіе нашего отечества, вступало оно въ систему европейскихъ державъ, принимало участіе въ дѣлахъ западной Европы. Петру Великому необходимы были люди знающіе и способные занять множество различныхъ новыхъ служебныхъ мѣстъ, разомъ возникшихъ вслѣдствіе совершенно новаго государственнаго устройства, введеннаго въ наше отечество. Такихъ людей вовсе не было; ихъ надо было приготовить такъ или иначе, только какъ можно скорѣе.

Изъ этого само собою слѣдуетъ, какія новыя училища, съ какимъ направленіемъ могли возникнуть въ нашемъ отечествѣ и для какой цѣли. Замѣтимъ, что вмѣстѣ съ этими училищами возникла и новая система всего нашего воспитанія и обученія. Петръ Великій, по причинѣ такой насущной необходимости, долженъ былъ обратить преимущественное вниманіе на образованіе дворянскаго сословія, приготовлявшагося къ занятіямъ дѣлами государственными, — заботиться болѣе всего объ образованіи изъ молодыхъ дворянъ людей практическихъ, хотя нѣсколько знакомыхъ съ дѣломъ, способныхъ занять извѣстныя служебныя мѣста, и потому онъ прежде всего началъ открывать спеціальныя училища. Потомъ Петру необходимы были люди, которые бы могли растолковывать, разъяснять тогдашнему обществу благую цѣль его преобразованій совершенно чуждыхъ этому обществу, вполнѣ противныхъ всѣмъ его вѣковымъ обычаямъ, суевѣріямъ и привычкамъ. Петру надобны были люди, которые, пользуясь довѣріемъ общества, были бы въ состояніи объяснить ему пользу всѣхъ европейскихъ нововведеній, входящихъ даже въ семейную жизнь и требовавшихъ отъ нея совершеннаго перерожденія и потому естественно встрѣчавшихъ сильное противодѣйствіе и упорную борьбу. Такихъ людей ближе и скорѣе всего могло доставить наше духовенство, которому въ подобныхъ случаяхъ общество и народъ привыкли вѣрить въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ. Вотъ почему Петръ Великій также необходимо долженъ былъ стараться о возможно скорѣйшемъ образованіи духовнаго сословія. Наконецъ онъ повелѣлъ учреждать при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ цифирныя или арифметическія школы, въ которыхъ обучали грамотѣ, цифири и какимъ-то основаніямъ геометріи. Въ этихъ школахъ, кромѣ дѣтей изъ дворянъ, обязанныхъ непремѣнно учиться, могли обучаться также и дѣти всѣхъ свободныхъ состояній. Впрочемъ такимъ позволеніемъ никто не пользовался; кого не заставляли учиться, тотъ не учился. Посадскіе люди въ 1720 году подали даже челобитную въ сенатъ о томъ, чтобы ихъ дѣтей не брали въ школы. Итакъ если цифирныя школы и можно назвать народными, по крайней мѣрѣ по идеѣ основанія ихъ, потому что въ нихъ могли обучаться мальчики всѣхъ званій, то онѣ существовали только номинально, вовсе не достигали своей цѣли. Дворяне, учившіеся рѣшительно изъ одного принужденія, потому что неуспѣвшіе въ наукахъ не опредѣлялись къ должностямъ и лишались права жениться, предпочитали обучаться дома грамотѣ у грамотѣевъ-церковниковъ по часослову или псалтирю, да письму; къ этому иные прибавляли еще ученіе первымъ правиламъ арифметики, что считалось уже роскошью. Слѣдовательно цифирныя школы оставались большею частью пустыми и закрывались.

Такимъ образомъ мы видимъ, что главная, такъ сказать, осязательная въ то время причина, побудившая Петра заводить новыя спеціальныя училища, заключалась въ крайнемъ недостаткѣ людей, способныхъ отправлять различныя государственныя должности; и потому совершенно естественно, что основное начало, все направленіе и цѣль новаго образованія состояла единственно въ приготовленіи молодыхъ дворянъ къ одной служебной дѣятельности.

Мы должны здѣсь нѣсколько остановиться, чтобы имѣть возможность прослѣдить тѣ обстоятельства, которыя утвердили такое совершенно неправильное направленіе во всей системѣ нашего образованія непосредственно въ самомъ началѣ существованія его.

Реформа Петра Великаго не имѣла почти никакого вліянія на внутреннюю жизнь нашего народа, который не принималъ ни малѣйшаго сознательнаго уча-

стія, трудился по прежнему въ потѣ лица, пахалъ поле, совершалъ свои работы и жилъ, какъ жили и заповѣдали его предки. Существенныя перемѣны произошли въ бытѣ дворянскаго сословія и особенно въ понятіяхъ, въ манерахъ, въ одеждѣ, въ образѣ жизни какъ семейной, такъ и общественной тѣхъ лицъ, которыя окружали государя, служили въ гвардейскихъ полкахъ, во флотѣ и еще въ коллегіяхъ. Кипучая, совершенно новая дѣятельность, развившаяся въ возникавшемъ изъ «топи блатъ и тьмы лѣсовъ» городкѣ, совершалась далеко не съ тою ревностью въ Москвѣ, гдѣ новизна встрѣчала сильное сопротивленіе въ закоснѣлой старинѣ, да еще въ Архангельскѣ, временно въ Воронежѣ и еще въ нѣкоторыхъ городахъ; а въ другихъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества эта дѣятельность почти и не откликалась въ жизни народа. Здѣсь явились только новыя по имени власти, новыя внѣшнія административныя формы, содержаніе которыхъ и лица, приводившія эти формы въ исполненіе, остались прежнія, перемѣнившія одни названія. Внутри Россіи дѣла въ сущности совершались по прежнему; народъ не видѣлъ и не ощущалъ особенныхъ перемѣнъ въ своемъ положеніи, не вызывался къ новой дѣятельности и потому не принималъ никакого сознательнаго участія въ преобразованіяхъ. Только прежняя, вполнѣ спокойная жизнь помѣщиковъ, погрязшая въ лѣни, въ грубыхъ удовольствіяхъ, была нѣсколько потревожена: дворянскихъ недорослей требовали на службу царскую и заставляли учиться. Но дворяне, какъ мы уже упомянули, предпочитали обучать сыновей своихъ дома, а не посылали ихъ въ архіерейскія или монастырскія цифирныя школы.

Слѣдовательно изъ училищъ, учрежденныхъ Петромъ, только одни спеціальныя дѣйствительно существовали, посѣщались учениками и дѣйствовали. Молодыхъ людей, выходившихъ изъ этихъ спеціальныхъ училищъ, вмѣстѣ съ тѣми, которые ѣздили съ царемъ за границу или были посланы туда для образованія и уже вернулись, было достаточно для того, чтобы Петръ Великій могъ приступить къ осуществленію своихъ главнѣйшихъ желаній и плановъ.

Въ то время во всѣхъ отношеніяхъ, во всѣхъ проявленіяхъ и условіяхъ нашей семейной и общественной жизни мы нисколько не были похожи на европейцевъ. Между тогдашнимъ состояніемъ нашего отечества и западныхъ европейскихъ государствъ, пользовавшихся уже многими удобствами въ жизни, благими слѣдствіями болѣе или менѣе просвѣщенной дѣятельности, существовало неизмѣримое растояніе, которое не могло не поразить Петра. Поэтому-то съ одной стороны, сознавая дремавшія мощныя силы своего народа, онъ устремилъ всю свою могучую дѣятельность преимущественно на возможно скорѣйшее если не уничтоженіе, то по крайней мѣрѣ сокращеніе этого разстоянія. Для этого онъ употреблялъ всѣ средства, напрягалъ всѣ силы свои, чтобы перенести въ наше отечество какъ можно скорѣе и какъ можно болѣе всего европейскаго. Потомъ онъ желалъ ввести Россію въ систему европейскихъ государствъ и доставить ей въ средѣ ихъ почетное, достойное ея могущества мѣсто. Наконецъ Петръ, какъ человѣкъ, хотѣлъ и долженъ былъ самъ еще убѣдиться на дѣлѣ въ пользѣ неусыпныхъ трудовъ своихъ и убѣдить въ ней народъ свой, по крайней мѣрѣ заставить закоснѣлыхъ многочисленныхъ приверженцевъ старины сознаться въ преимуществѣ новой жизни предъ прежней. Онъ торопился, спѣшилъ и потому дѣлалъ великія ошибки. Занимаясь совершеннымъ преобразованіемъ всѣхъ отраслей государственнаго устройства, всѣхъ условій и проявленій семейной и общественной жизни, и стремясь прежде всего доставить нашему отечеству внѣшнее значеніе и голосъ въ Европѣ, Петръ Великій не имѣлъ ни времени, ни возможности наблюдать одинаково за точнымъ, правильнымъ приведеніемъ въ исполненіе всѣхъ своихъ распоряженій, всѣхъ намѣреній. Поэтому-то большая часть его плановъ не была вовсе выполнена, или осуществлялась только форменно, на бумагѣ. Новое дѣло шло успѣшно только тамъ, гдѣ работалъ или непосредственно руководилъ самъ царь; а онъ постоянно и неутомимо лично участвовалъ въ осуществленіи тѣхъ своихъ плановъ, которые болѣе всего занимали его, приходились ему по душѣ, составляли сокровища

сердца его. Эти завѣтныя мысли, какъ мы видѣли, были устремлены на внѣшнее возвышеніе Россіи, которое для нея собственно не представляло такой насущной необходимости, и конечно наше отечество достигло бы его вѣрнѣе и успѣшнѣе, идя медленнѣе, выработывая и развивая здоровыя силы всего своего народа, приводя ихъ въ стройный порядокъ и занимая ихъ истинно производительною, сознательною дѣятельностью.

Войско и флотъ представляли главныя очевидныя средства, которыми Петръ Великій могъ скорѣе всего другого выказать предъ глазами всей Европы могущество Россіи и доставить ей голосъ въ дѣлахъ запада. Вотъ отчего быстрое сооруженіе флота, котораго у насъ совсѣмъ не было, и совершенно новое устройство регулярныхъ постоянныхъ полковъ заняли бóльшую часть самой энергической дѣятельности Петра.

Устремляя свое вниманіе на приготовленіе людей для занятія всѣхъ новыхъ государственныхъ должностей, онъ болѣе всего старался какъ можно скорѣе образовать такихъ людей, которые бы знали и понимали дѣло военное и морское, и могли бы, подъ главнымъ общимъ руководствомъ царя, руководить отдѣльными частями. Для этого-то царь самъ съ топоромъ въ рукахъ изучаетъ судостроеніе на Сардамской верфи, самъ живетъ на солдатскомъ пайкѣ: — сначала выписываетъ искусныхъ мастеровъ корабельнаго дѣла, механиковъ, инженеровъ, — римскій кесарь шлетъ ему даже военноначальника, виновника нашего пораженія подъ Нарвою. Но потомъ, въ самое короткое время, подъ непосредственнымъ руководствомъ царя-учителя и перваго работника, выходятъ изъ числа его окруженныхъ природные русскіе генералы и офицеры, искусные предводители флота и арміи. Этихъ-то немногихъ людей на первый случай достаточно Петру, чтобы начать блестящее дѣло внѣшняго возвышенія отечества. Народъ въ этомъ дѣлѣ не принимаетъ ни малѣйшаго сознательнаго участія.

Полтавская побѣда увѣнчиваетъ славою эти неусыпные труды Петра; новый порядокъ торжествуетъ надъ прежнимъ; западныя государства почтительно привѣтствуютъ юную, созданную Петромъ имперію, даютъ почетное мѣсто въ средѣ своей. Но Полтавская побѣда, блистательно оправдавшая преобразованія Петра, труды его на благо отечества, въ то же время своимъ блескомъ и славою утверждаетъ на полтораста лѣтъ все направленіе съ его исходными началами, данное великимъ кормчимъ родному кораблю, — оправдываетъ и утверждаетъ и тѣ основанія, на которыхъ воздвигалось зданіе всего отечественнаго образованія.

Вполнѣ несправедливо было бы мнѣніе, что Петръ Великій считалъ образованіе необходимымъ единственно только для приготовленія людей къ служебной дѣятельности. Такое начало и направленіе наше воспитаніе и обученіе получили только вслѣдствіе самыхъ неблагопріятныхъ историческихъ обстоятельствъ, въ которыхъ долженъ былъ дѣйствовать Петръ, вслѣдствіе необходимости удовлетворить первымъ потребностямъ возбужденной имъ дѣятельности, вслѣдствіе желанія скорѣе увидѣть плоды трудовъ своихъ. Въ сущности же Петръ Великій сознавалъ безусловно великое значеніе образованія для человѣка и для всего государства. Онъ хотѣлъ истиннаго просвѣщенія своего народа, онъ желалъ пересадить науку въ родную почву, содѣлать ее собственностью, произведеніемъ русскаго ума и сердца. Не доказываютъ ли это его бесѣдованія съ Лейбницомъ и планъ академіи наукъ?—Но Петръ не успѣлъ и не могъ исполнить того, что осуществляется постепенно и вѣками.

При непосредственныхъ преемникахъ Петра боролись двѣ партіи: новая — его послѣдователи, выросшіе и образовавшіеся въ его школѣ, слѣпо во всемъ поклонявшіеся ему, — и закоснѣлая партія невѣжественной старины, безусловно порицавшая все дѣло Петра. Въ этой борьбѣ двухъ самыхъ крайнихъ противныхъ партій рѣшался вопросъ о жизни или смерти стараго или новаго порядка. Къ счастію дѣло Петра одержало побѣду, но къ несчастію даже самые существенные недостатки, заключавшіеся въ исходныхъ началахъ этого дѣла, вслѣдствіе поспѣшности, съ которою оно было начато и совершалось Петромъ, не были обнаружены, остались незамѣченными.

Какъ только приверженцы старины утратили всю свою силу, началось снова

расширеніе предѣловъ государства, распространеніе внѣшняго величія и славы, которыя отдаляли насъ и отвлекли отъ внутреннихъ дѣлъ. Войско, доставившее Полтавскую побѣду, при такомъ направленіи, и теперь являлось самымъ необходимымъ и ощутительно полезнымъ дѣятелемъ въ государствѣ. Вотъ почему на устройство его, на образованіе офицеровъ постоянно обращалось главное вниманіе правительства, издерживались относительно огромныя деньги и учреждались кадетскіе корпуса. Новыя побѣды Миниха въ Турціи и въ Семилѣтнюю войну усиливали все болѣе и болѣе значеніе военной службы, превосходство ея предъ гражданскою, которая у насъ дѣйствительно не приносила существенной пользы, и необходимость распространенія военнаго образованія.

Если первый русскій университетъ, онованный по плану Ломоносова въ Москвѣ въ 1755 году, и былъ назначенъ для распространенія научнаго образованія въ нашемъ отечествѣ, для водворенія науки въ Россіи, то такое назначеніе осталось только однимъ добрымъ предположеніемъ, вошедшимъ въ уставъ университетскій, такъ и вслѣдъ за нимъ открытая академія художествъ въ сущности, на самомъ дѣлѣ не образовывали истинныхъ людей науки, или истинныхъ ходожниковъ, а приготовляли большею частью или просто чиновниковъ, или профессоровъ-чиновниковъ, художниковъ и академиковъ-чиновниковъ. Императрица Екатерина II, воспитавшая себя и дѣйствовавшая подъ вліяніемъ гуманныхъ идей, распространенныхъ энциклопедистами XVIII столѣтія въ Европѣ, идей, которыя впрочемъ тогда еще носились въ воздухѣ, вертѣлись на устахъ каждаго джентельмена того времени и еще вовсе не переходили въ жизнь, составила въ 1782 году подъ предсѣдательствомъ Завадовскаго *Коммисію для учрежденія народныхъ училищъ*. Въ 1786 году эта комиссія издала первый полный *Уставъ училищъ малыхъ и главныхъ*, получившихъ, какъ казалось и какъ сказано въ самомъ уставѣ, прямое назначеніе распространять во всѣхъ классахъ народа общее образованіе для одной цѣли — для просвѣщенія народа. Но эта высокая, истинная цѣль никогда не осуществлялась на дѣлѣ и не могла осуществиться, потому что едва ли кто-нибудь понималъ ее, кромѣ императрицы и составителей устава. Притомъ важныя внѣшнія дѣла, которыя всегда стояли на первомъ планѣ, войны съ Турціею, завоеваніе Крыма, раздѣлъ Польши, Вооруженный нейтралитетъ, расширившіе еще болѣе предѣлы Россіи, усилившіе наше внѣшнее вліяніе и озарившіе правленіе Екатерины II новою славою, постоянно отвлекали императрицу отъ внутреннихъ дѣлъ. Поэтому-то очень понятно и весьма естественно, почему не только уставъ народныхъ училищъ, но и безсмертный *Наказъ* комиссіи для составленія новаго уложенія Россіи, начертанный самою императрицею, и изданіе *Учрежденія для управленія губерніями* мало подвинули впередъ нашу внутреннюю жизнь, вообще слабо дѣйствовали на пользу отечества. Главныя и малыя народныя училища, открытыя въ Петербургѣ, скоро начали посѣщаться учениками и дѣйствовали довольно успѣшно. Но открываемыя въ губерніяхъ, какъ главныя, такъ особенно малыя народныя училища оставались болшею частью пустыми. Въ столицѣ не только дѣти служащихъ дворянъ поступали преимущественно въ кадетскіе корпуса, иногда и въ главное народное училище, но и дѣти придворныхъ служителей, приказныхъ, бѣдныхъ мѣщанъ и солдатъ обучались въ малыхъ училищахъ. Но для чего учились послѣднія? Также ради будущей службы, чтобы потомъ помѣститься куда-нибудь писцами во вновь открытыя губернскія и уѣздныя присутственныя мѣста, въ магистраты, въ ремесленныя управы и т. д. Слѣдовательно въ посѣщеніи учениками всѣхъ званій малыхъ столичныхъ народныхъ училищъ мы не видимъ возникающей потребности образованія; это явленіе, по нашему мнѣнію, доказываетъ только, что въ обитателяхъ столицы уже утвердилось стремленіе къ служебной дѣятельности, доставлявшей вѣрный кусокъ хлѣба, чины, а съ ними и возведеніе во дворянство, почетъ и проч.

Образованіе въ это время сдѣлалось потребностью нашего высшаго общества, необходимымъ условіемъ участвованія въ его кружкѣ. Но какое образованіе? Усвоеніе извѣстныхъ манеръ, извѣстна-

го внѣшняго вычурнаго лоска, сгибанія спины, утонченность въ чувственныхъ наслажденіяхъ и заучиваніе бывшихъ тогда во всеобщемъ ходу извѣстныхъ фразъ, изрѣченій и мыслей французскихъ энциклопедистовъ — и больше ничего. Правда, въ числѣ государственныхъ екатерининскихъ людей мы встрѣчаемъ Бецкаго, Паниныхъ, Завадовскаго, трудящихся на пользу отечества; но труды ихъ увеличиваютъ внѣшній блескъ и славу царствованія Екатерины II и имѣютъ только слабое вліяніе на улучшеніе внутренняго быта нашего. Наконецъ мы встрѣчаемъ и въ среднемъ кругу нѣсколько отдѣльныхъ высокоотрадныхъ личностей, въ которыхъ проглядываетъ истинное образованіе и стремленіе къ нему только изъ за него самого и для посильнаго распространенія его въ нашемъ отечествѣ. Укажемъ на одну личность Новикова, вполнѣ безкорыстно трудившагося на пользу общественнаго просвѣщенія. Но, повторяемъ, что всѣ эти вполнѣ благія распоряженія и попеченія какъ самой императрицы и окружающихъ ее государственныхъ мужей, такъи труды немногихъ отдѣльныхъ частныхъ личностей большею частью оставались безъ ощутительныхъ послѣдствій; не проникали вовсе въ жизнь народа, которому они были еще совершенно чужды и непонятны.

Внутри нашего отечества, во вновь учрежденныхъ губерніяхъ появились опять только новыя власти съ громкими названіями губернаторовъ, предсѣдателей палатъ, прокуроровъ, множество новыхъ присутственныхъ мѣстъ, т. е. новыя административныя формы, и продолжались въ сущности прежнія варварства помѣщиковъ, притѣсненія со стороны приказныхъ и прежній мракъ и невѣжество народа. Все это вмѣстѣ произвело Пугачевскій бунтъ и дало ему полную возможность достигнуть громадныхъ размѣровъ.

Наши дворяне-помѣщики, продолжая самоуправтсвовать въ своихъ деревняхъ, гаремничать, разорять крестьянъ своихъ и гоняться съ собаками по полямъ, рѣшительно не хотѣли служить; держали дѣтей своихъ какъ можно долѣе при себѣ, и всѣмъ воспитаніемъ и собственнымъ своимъ примѣромъ пріучали ихъ къ той же отвратительной животной жизни. Вѣрный снимокъ съ домашняго деревенскаго воспитанія и обученія сыновей помѣщиковъ въ то время мы находимъ въ «Недорослѣ» Фонъ-Визина.

Такое явное гибельное зло, которое не только растлѣвало всѣ нравственныя начала въ народной жизни того времени, разрушало всѣ производительныя силы народа, но, проникая въ дѣтей и укрѣпляясь всѣмъ воспитаніемъ въ молодомъ поколѣніи, угрожало въ будущемъ дѣйствовать еще съ бо̀льшимъ успѣхомъ и въ бо̀льшихъ размѣрахъ, — такое зло необходимо должно было побудить императрицу принять дѣйствительныя мѣры, которыя бы заставляли дворянъ отдавать сыновей своихъ въ учебныя заведенія и поступать на службу.

Петръ III, какъ извѣстно, позволилъ дворянству служить и не служить, и уничтожилъ этимъ всѣ принудительныя мѣры Петра I. Императрица Екатерина II не могла, да и не думала возстановлять ихъ, и не отмѣнила постановленія своего супруга. Даровавъ дворянамъ право имѣть свои собранія, она дозволила занимать должности по дворянскимъ выборамъ только тѣмъ изъ дворянъ, которые находились прежде въ государственной службѣ. Но эта мѣра, можетъ быть, вполнѣ благодѣтельная и необходимая въ то время, совершенно неумышленно съ одной стороны еще глубже укореняла въ обществѣ мысль, что для дворянина существуетъ только одна приличная дѣятельность — государственная служба, и что для нея и ради нея только и должно воспитывать и обучать дѣтей. Съ другой стороны она впослѣдствіи принесла значительный вредъ. Маленькій дворянинъ, будущій помѣщикъ, приготовлялся сначала къ службѣ, потомъ служилъ нѣсколько лѣтъ и наконецъ, выйдя въ отставку, поселялся въ своемъ имѣньи, начиналъ управлять дѣлами сельскаго хозяйства, вовсе не зная и не понимая его. Само собою разумѣется, что, не умѣя управлять имѣньемъ, совершенно не зная настоящаго дѣла помѣщика и его истинныхъ обязанностей, онъ дѣйствовалъ во первыхъ совсѣмъ непроизводительно ни для себя самого, ни для государства, и потому его дѣятельность не могла быть полезною и не считалась

служеніемъ отечеству. Во-вторыхъ такой помѣщикъ, выбранный въ предводители дворянства, еще менѣе могъ понимать значеніе и дѣло свое, какъ представителя интересовъ всего уѣзднаго или губернскаго дворянскаго сословія. Поэтому-то существенно благодѣтельныя права, дарованныя Екатериною II дворянамъ, блестѣли только на бумагѣ, а на дѣлѣ приносили самую незначительную пользу. Вся бѣда всѣхъ нашихъ самыхъ благихъ проектовъ внутреннихъ преобразованій состояла въ томъ, что мы спѣшили какъ можно скорѣе начертать ихъ на бумагѣ, облекали ихъ въ формы уставовъ или другихъ законоположеній, печатали и объявляли. Но были ли у насъ люди-исполнители, объ этомъ мы вообще не думали.

Въ почетныя должности предводителей выбирались обыкновенно люди богатые, или по крайней мѣрѣ очень зажиточные, которые пировали сами, считали первою обязанностью задавать обѣды своимъ дворянамъ и проживались.

Слѣдовательно вышеозначенное ограничительное постановленіе, вызванное необходимостью заставить дворянъ служить и обучать дѣтей своихъ, не только утверждало прежнее ложное начало, руководившее всѣмъ нашимъ образованіемъ, но и отнимало отъ будущихъ помѣщиковъ возможность хорошенько приготовиться къ своимъ истиннымъ занятіямъ, лишало наше отечество возможности имѣть настоящихъ сельскихъ хозяевъ и уничтожало всю обильную пользу, которую могли бы принести дворянству и всему государству права, дарованныя императрицею.

Впрочемъ, мы должны еще замѣтить, что между тогдашними помѣщиками были отставные военные, которые сами, не внимая воплямъ и рыданіямъ добродушныхъ сожительницъ своихъ, вырывали изъ ихъ объятій двадцатилѣтнихъ сыновей и отсылали ихъ на службу царскую. Зажиточные служилые помѣщики и тѣ, которые сохранили кое-какія связи, пріобрѣтенныя во время службы, старались даже записывать сыновей своихъ тотчасъ послѣ рожденія въ гвардейскіе полки. Вообще въ то время существовалъ обычай записывать дѣтей еще въ утробѣ матери сержантами или капралами въ полки гвардіи пѣшей или конной, въ почетную награду за особенныя заслуги родителей. Этотъ обычай доказываетъ, какъ глубоко начало служебной дѣятельности, какъ единственно приличной дворянину, проникло уже въ то время въ жизнь самаго образованнаго общества, и что военная служба предпочиталась гражданской, пользовалась большимъ почетомъ.

Да, военное направленіе все болѣе и болѣе расширялось въ нашихъ новыхъ побѣдахъ и завоеваніяхъ, въ Вооруженномъ нейтралитетѣ, въ Куйчукъ-Кайнарджискомъ мирѣ, въ присоединеніи Польши, однимъ словомъ, въ расширеніи предѣловъ нашего отечества, въ громадномъ возвышеніи его внѣшняго значенія, вліянія и могущества. Поэтому-то Екатерина II обращала особенное вниманіе на военное образованіе. Она учредила артиллерійскій и инженерный и преобразовала совершенно морской и сухопутный кадетскіе корпуса.

Въ царствованіе же императрицы Екатерины II возникаетъ и первое женское учебное заведеніе. Въ 1764 году, по проекту Бецкаго, открыто первое воспитательное заведеніе для благородныхъ дѣвицъ при с.-петербургскомъ Воскресенскомъ (Смольномъ) монастырѣ. Это конечно было чрезвычайно важно и должно бы было имѣть самое благодѣтельное вліяніе на семейную и общественную жизнь нашу. Хотя нисколько не приготовленные къ этому родители, прежде вовсе не думавшіе о воспитаніи и обученіи дочерей своихъ, сначала встрѣтили новое учрежденіе вполнѣ непривѣтливо, и воспитанницъ для перваго женскаго института такъ же трудно было доставать, какъ и учениковъ въ петровскія школы; но все-таки основаніе женкому воспитанію было положено. Оно принесло намъ несомнѣнную пользу, хотя далеко не ту, которую могло бы принести, если бы оно было начато и совершалось иначе, настоящимъ образомъ. Какъ въ первомъ воспитательномъ заведеніи для благородныхъ дѣвицъ, такъ и во всѣхъ другихъ послѣдующихъ женскихъ институтахъ хотя и предназначалось готовить будущихъ матерей, но дѣвицы воспитывались вовсе не для дѣйствительной жизни, а въ четырехъ стѣнахъ, почти въ полномъ за-

творничествѣ. Дѣло въ томъ, что въ жизни находили пропасть соблазновъ, безнравственностей, однимъ словомъ, ужасно много зла во всѣхъ отношеніяхъ, и потому старались прежде всего скрыть отъ будущихъ матерей это зло; хотѣли воспитать ихъ вполнѣ чистыми и невинными, и удаляли отъ всѣхъ соприкосновеній съ дѣйствительною жизнью. Что же вышло изъ такого воспитанія? Конечно то, что могло выйти. Дѣвицы выходили изъ институтовъ какими-то одушевленными восковыми куколками, которыя, вступая въ нашъ грѣшный, имъ совершенно невѣдомый міръ, ничего не понимали, не знали, какъ сѣсть, какъ ступить и что сказать. Все хорошее и дурное имъ было одинаково вполнѣ ново и неизвѣстно; онѣ неизбѣжно должны были принимать всѣ внѣшнія формы, понятія, сужденія, однимъ словомъ, все направленіе, господствовавшее въ той средѣ, въ которую онѣ вступали. Слѣдовательно институтское воспитаніе не имѣло и не могло имѣть полнаго благодѣтельнаго вліянія на будущую жизнь своихъ питомицъ; оно не образовывало будущихъ настоящихъ матерей, какъ предполагалось, потому что не готовило дѣвицъ для жизни, а постоянно удаляло ихъ отъ нея. Иначе говоря, дѣвицы получали въ институтахъ воспитаніе, совершенно противное потребностямъ и условіямъ дѣйствительной жизни, и потому вліяніе такого воспитанія должно было совершенно исчезнуть, забыться. Пользу приносило и принесло нашей семейной и общественной жизни только обученіе институтское, потому что оно впослѣдствіи доставляло бѣдной матери возможность самой начать ученіе своихъ дѣтей.

Начало служебной дѣятельности, положенное въ основаніе всему нашему образованію Петромъ Великимъ и пустившее, какъ мы видѣли, глубокіе корни въ нашу общественную жизнь при императрицѣ Екатеринѣ II, развивалось все полнѣе и полнѣе въ послѣдующія царствованія, пока не овладѣло совершенно всею нашею какъ общественною, такъ и государственною дѣятельностью.

Въ 1811 году при Педагогическомъ институтѣ открытъ былъ особенный публичный курсъ для вольныхъ слушателей. Слушавшіе этотъ курсъ были чиновники, обязанные, на основаніи Именного указа 6 августа 1809 года, подвергаться испытанію для полученія чиновъ 5 и 8 классовъ. Слѣдовательно цѣлый курсъ, продолжавшійся ежегодно съ мая до ноября, назначался не для того собственно, чтобы служащіе могли пріобрѣтать спеціальныя свѣдѣнія, необходимыя для ихъ служебныхъ занятій и потомъ доказать такія свѣдѣнія на опредѣленномъ испытаніи, но только для производства ихъ въ коллежскіе ассесоры и статскіе совѣтники. Всѣми подобными мѣрами и постановленіями необходимость воспитанія и обученія, только единственно ради приготовленія къ службѣ, постепенно становилась яснѣе и яснѣе для общества, переходила въ сознаніе его. Въ то же время и наши дворяне-помѣщики перестали отнѣкиваться отъ службы; желаніемъ чиновъ, орденовъ и почестей, доставляемыхъ единственно службою, сильно овладѣло ими, задѣвало за живое, возбуждало въ нихъ мелкое, неумолкаемое честолюбіе. Они всѣми силами старались помѣщать сыновей своихъ особенно въ военно-учебныя заведенія, доставлявшія болѣе правъ, самыя видныя мѣста и быструю блистательную карьеру. Кадетскіе корпуса, вслѣдствіе такого стремленія дворянства, переполнялись; надо было открывать новые въ столицахъ и въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ. Для дѣтей солдатскихъ учреждались кантонистскія школы и потомъ баталіоны и полубаталіоны кантонистовъ. Въ этихъ училищахъ сначала только сыновья солдатъ приготовлялись въ карабинерные учебные полки, въ военные писаря, въ топографы; а потомъ, за неимѣніемъ возможности и благопріятнаго случая помѣстить дѣтей своихъ въ другія высшія училища, бѣдные дворяне и чиновники отдавали ихъ также въ баталіоны кантонистовъ, особенно въ кондукторскія отдѣленія. Однимъ словомъ, въ это время всѣ наши хоть сколько-нибудь привелигированныя сословія съ полнымъ рвеніемъ стали стремиться на службу и воспитывать для нея дѣтей своихъ. Вотъ почему и всѣ наши учебныя заведенія, существовавшія при Екатеринѣ II и переименованныя или вновь учрежденныя уставами 1804 и 1828 годовъ, университеты, лицеи, гимназіи и даже приход-

скія училища, повинуясь понятіямъ и потребностямъ имъ современнаго общества, необходимо должны были приготовлять учениковъ и потомцевъ своихъ почти единственно для государственной службы. Открыты были даже два высшихъ училища: Императорскій Царскосельскій (нынѣ Александровскій) лицей и Императорское училище правовѣдѣнія, для исключительнаго приготовленія молодыхъ людей къ занятію должностей въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи. Такимъ образомъ участь человѣка рѣшалась уже въ раннемъ дѣтствѣ его: девяти-или десятилѣтніе мальчики были будущіе чиновники юстиціи или внутреннихъ дѣлъ; судьба ихъ была рѣшена и подписана.

Учрежденіе этихъ двухъ высшихъ спеціальныхъ училищъ ясно показываетъ, что принципъ приготовленія къ служебной дѣятельности получилъ полную гражданственность въ системѣ всего нашего образованія, составилъ краеугольный камень его.

Да, этотъ принципъ до того разрося, до того овладѣлъ и наполнилъ все дѣло нашего воспитанія и обученія, что куда бы ни обратились, въ семью ли, или въ какое-нибудь училище, начиная съ приходскаго до университета и до другихъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, самыхъ разнородныхъ, вездѣ приготовлялись люди къ службѣ.

Въ приходскихъ училищахъ обучались большею частію дѣти бѣдныхъ мѣстныхъ мѣщанъ и чиновниковъ; но для чего? Мѣщанскія дѣти, выучившись кое-какъ грамотѣ и выкладкамъ на счетахъ, тотчасъ же покидали училище, и поступали мальчиками въ мелочныя лавочки, или отдавались родителями въ ученье различнымъ мастерствамъ и ремесламъ. Долѣе оставаться въ школѣ имъ незачѣмъ было, потому что приходское училище въ сущности вовсе не было народнымъ; оно прежде всего было приготовительнымъ училищемъ для уѣзднаго и, кромѣ механическаго наученія чтенію, письму и выкладкамъ на счетахъ, не доставляло дѣтямъ мѣщанъ болѣе никакихъ полезныхъ знаній, нисколько не дѣйствовало на проясненіе ихъ умственнаго и нравственнаго состоянія. Дѣло другое, дѣти бѣдныхъ чиновниковъ; они проходили и уѣздное училище, обучавшее совершенно ни къ чему непригоднымъ наукамъ и Богъ знаетъ какимъ образомъ. Но его необходимо было пройти дѣтямъ бѣдныхъ мѣстныхъ чиновниковъ, потому что они готовились прямо на службу; а безъ выпускного свидѣльства изъ уѣзднаго училища они не могли получить впослѣдствіи желанный чинъ коллежскаго регистратора, желанный 14 классъ. Изъ уѣздныхъ училищъ, находившихся въ губернскихъ городахъ, дѣти чиновниковъ поступали еще въ мѣстныя гимназіи, далѣе и выше которыхъ они не распространяли своего образованія. Только очень немногіе рѣшались держать пріемный экзаменъ въ университетъ, куда поступали также ради будущей службы молодые люди, приготовлявшіеся дома, или окончившіе курсъ въ гимназіяхъ, находившихся въ столицахъ или въ университетскихъ городахъ. Но вы, читатель, можетъ-быть спросите, зачѣмъ молодые люди учились въ университетахъ, когда уже прямо изъ уѣздныхъ училищъ могли поступать на службу и получать чины? Въ такомъ случаѣ вы вѣроятно забыли, что у насъ существовали училищные разряды, которые давали поступающимъ на службу весьма различныя права на вступительный чинъ и назначали различные сроки на производство въ слѣдующіе чины. Если приготовленіе къ службѣ составляло дѣло и цѣль всего воспитанія и обученія, то естественно, что родители, имѣвшіе хоть нѣсколько здраваго разсудка и нѣкоторыя средства, должны были для самой очевидно-существенной пользы дѣтей своихъ посылать ихъ въ гимназіи и потомъ въ университеты, потому что эти учебныя заведенія были доступнѣе прочихъ для всѣхъ и каждаго и доставляли служебныя права. Если бы число учениковъ и права для поступленія въ кадетскіе корпуса, особенно въ лицей и въ училище правовѣдѣнія не были очень ограничены, то конечно, безъ всякаго малѣйшаго сомнѣнія, всѣ бы бросились въ то время отдавать сыновей своихъ только въ эти особенно привилегированныя учебныя заведенія; въ такомъ случаѣ всѣ другія училища, не исключая и университетовъ, остались бы положительно пустыми.

Но обратимся къ нѣкоторымъ другимъ специальнымъ училищамъ, назначеннымъ для приготовленія молодыхъ людей къ извѣстнымъ промышленнымъ дѣятельностямъ. Можетъ быть, хоть эти училища избѣгли служебнаго принципа и остались вполнѣ вѣрными своему назначенію? Увы! Въ коммерческомъ училищѣ мы находимъ пансіонеровъ различныхъ нашихъ административныхъ вѣдомствъ, которые приготовлялись вовсе не къ торговымъ, купеческимъ занятіямъ, а обязаны были по окончаніи ученія прослужить извѣстное число лѣтъ въ этихъ вѣдомствахъ. Даже многіе купеческіе сынки, обучавшіеся въ этомъ училищѣ, старались потомъ поступать въ государственную службу. Изъ Горыгорецкаго высшаго земледѣльческаго института выходили большею частію также чиновники, а не свѣдущіе сельскіе хозяева. Слѣдовательно всѣ наши учебныя заведенія самыя специальныя и самыя общія, занимались въ сущности только одною общею для всѣхъ ихъ специальностью — приготовленіемъ къ службѣ, предъ которою преклоняются и сглаживаются всѣ другія специальности.

Проникая изъ жизни въ основныя начала воспитанія и обученія, давая направленіе и составляя все дѣло и всю цѣль нашего образованія, принципъ служебной дѣятельности, какъ единственно приличной человѣку обучавшемуся, изъ какого бы званія онъ ни былъ и для какого бы дѣла онъ ни готовился, входитъ опять въ жизнь вмѣстѣ съ молодыми людьми, окончившими свое ученіе, расширяется въ ней безконечно и переходитъ въ кровь и плоть всѣхъ и каждаго изъ насъ. Наши различныя частныя общества, вольно-экономическое, сельскаго хозяйства, страховыя общества и проч., всѣ перерождались болѣе или менѣе въ какія-то присутственныя мѣста, занимавшіяся перепискою, облеченною въ опредѣленныя формы; а члены этихъ обществъ становились безгласными чиновниками подъ управленіемъ директоровъ, занимались также нехотя, не изъ любви къ дѣлу. Даже люди, посвятившіе себя специальнымъ занятіямъ, становились непремѣнно болѣе или менѣе чиновниками. Наши профессора и учителя неизбѣжно превращались въ профессоровъ и учителей-чиновниковъ, академики, художники въ академиковъ и художниковъ-чиновниковъ, первостатейные купцы въ купцовъ-чиновниковъ, и т. д. и т. д. безъ конца. Иначе и быть не могло: человѣкъ родился, росъ, воспитывался, вступалъ въ жизнь, жилъ и дѣйствовалъ постоянно подъ вліяніемъ одного и того же основного принципа, руководившаго и наконецъ овладѣвшаго всею общественною и государственною дѣятельностью; онъ не могъ не подчиниться этому всеобщему вліянію.

Всѣ приведенные факты очевидно и неопровержимо даютъ намъ полное право сказать, что всѣ родители, воспитатели, всѣ наши учебныя заведенія, однимъ словомъ, всѣ и все, что только у насъ занималось воспитаніемъ, воспитывало своихъ дѣтей, питомцевъ, учащихся не къ тому, чтобы они впослѣдствіи сдѣлались людьми, а единственно готовило ихъ на службу.

Какіе же плоды принесло это стремленіе къ одной служебной дѣятельности, сдѣлавшееся всеобщимъ въ настоящемъ столѣтіи? Какихъ дѣятелей обществу и государству доставляли наши училища, все наше домашнее и общественное воспитаніе и обученіе?

Прежде всего бросается въ глаза слѣдующее явленіе: въ продолженіе послѣднихъ полутораста лѣтъ обучается и воспитывается почти исключительно одно дворянское сословіе, которое, правда, быстро увеличивается, потому что первый военный чинъ и 8-ой гражданскій классъ доставляютъ дворянство и вмѣстѣ съ нимъ право владѣть населенными помѣстьями и привилегіею на стыдъ заниматься какою бы то ни было другою дѣятельностью, кромѣ службы. Слѣдовательно только самое незначительное въ сравненіи съ остальною массою народонаселенія число людей могло двигаться впередъ, усвоить себѣ внѣшній европейскій образъ жизни, пользоваться извѣстными правами и принимать хотя нѣкоторое участіе въ государственныхъ дѣлахъ подъ главнымъ общимъ руководствомъ правительства, которое собственно одно только и дѣйствовало, заботясь обо всемъ и опредѣляя дѣло и занятія всѣмъ и каждому. Другія сословія, осо-

бенно земледѣльческій классъ народа, не могли принять никакого сознательнаго участія въ преобразованіяхъ нашей внутренней жизни. Народъ жилъ по прежнему, работалъ по преданію и навыку, не двигался впередъ, коснѣлъ въ старинныхъ суевѣріяхъ, предразсудкахъ и т. д., не проявлялъ почти никакихъ признаковъ сознательной, разумно-нравственной человѣческой жизни. Такое явленіе весьма естественно.

Для образованія народа дѣлалось очено мало, почти что ничего, или по крайней мѣрѣ то, что дѣлалось, не имѣло почти никакого вліянія на развитіе и просвѣтлѣніе разумно-нравственныхъ силъ народа, которыя спали сномъ крѣпкимъ, непробуднымъ. Наши приходскія школы, какъ мы уже сказали, обучали только грамотѣ и не были собственно народными училищами, а приготовительными для уѣздныхъ училищъ. Правда, былъ у насъ человѣкъ, покойный министръ народнаго просвѣщенія, графъ Уваровъ, который, будучи еще попечителемъ с.-петербургскаго учебнаго округа, сильно хлопоталъ о народныхъ училищахъ, понимая все великое значеніе ихъ для народа и для всего государства. Въ 1820 году его стараніями открытъ былъ 2-й разрядъ педагогическаго института собственно для приготовленія народныхъ учителей. Но, по различнымъ обстоятельствамъ, трудамъ и заботамъ Уварова не суждено было осуществиться.

Впрочемъ, потребность въ народномъ образованіи въ то время еще не проявлалась съ такою осязательною очевидностью. Самъ народъ не выражалъ особеннаго желанія учиться, а общество и помѣщики не находили никакой существенной надобности въ просвѣщеніи крестьянъ и ремесленниковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, для чего было образовывать народъ? Для чего было развивать нравственно-разумныя силы народа, возбуждать и пріучать ихъ къ сознательной дѣятельности? Чувствовалась ли въ то время потребность въ такой народной дѣятельности? Народъ обработывалъ поле и доставлялъ хлѣбъ; народъ же, не выходя изъ своего грубаго состоянія, доставлялъ солдатъ, которые дрались на диво, изумляли своею стойкостью Фридриха Великаго и Наполеона I, и одерживали новыя побѣды. Въ обоихъ случаяхъ, повидимому, необходимы были только однѣ физическія, тѣлесныя силы народа, которыя славно выказывали себя, потому что были здравы и мощны.

Внѣшнее могущество наше росло не по днямъ, а по часамъ; и послѣ 1812 года Россія изумила Европу своею силою, заставила ее преклониться предъ собою. Императоръ Александръ I вносилъ миръ и спокойствіе въ западныя державы, освобожденныя имъ отъ владычества Наполеона I. Успѣвая такъ быстро и блистательно въ нашихъ внѣшнихъ дѣлахъ, мы обращали мало вниманія на внутреннія, были увѣрены, что они идутъ также великолѣпно успѣшно. Слѣдовательно для чего же было настойчиво хлопотать объ образованіи народа? Могло ли въ то время существовать сознаніе, что народъ надо образовывать уже только потому, что образованіе есть прямое достояніе каждаго человѣка? Могло ли существовать это свѣтлое сознаніе тогда, когда воспитаніе и обученіе въ самомъ образованномъ обществѣ считалось необходимымъ и полезнымъ только для приготовленія къ будущей службѣ? Но вѣдь въ такомъ случаѣ кто бы сталъ обработывать поля? Пожалуй, не стало бы хлѣба?

Мы теперь ясно видимъ, что вслѣдствіе подобныхъ обстоятельствъ и понятій только то сословіе нуждалось въ воспитаніи и обученіи, которое имѣло право служить и считало приличною для себя только одну служебную дѣятельность. Слѣдовательно только оно и участвовало въ государственныхъ преобразованіяхъ, т. е. приводило въ исполненіе различныя новыя распоряженія и постановленія правительства, относящіяся ко внутреннему устройству нашего отечества.

Но сотвѣтствовали ли народнымъ потребностямъ всѣ новыя учрежденія, всѣ перемѣны, касавшіяся большею частью только внѣшнихъ административныхъ формъ? Народъ не принималъ въ нихъ участія и никогда не выражалъ своихъ потребностей. Кто же могъ узнать ихъ? Кто могъ указать, истинныя потребности какъ народа, такъ и всего государства, чтобы потомъ можно было принять такія мѣры, совершать такія преобра-

зованія, которыя бы могли вполнѣ удовлетворить этимъ потребностямъ, вели бы народъ впередъ и позволяли бы разумно-нравственнымъ силамъ всего народа содѣйствовать улучшенію своей внутренней жизни? И могли ли у насъ явиться такіе люди, которые бы, такъ сказать, угадали, что было нужно нашему народу и всему государству? Все наше образованіе, приготовлявшее насъ къ одной служебной дѣятельности, совершалось на иностранный ладъ и постоянно удаляло насъ отъ народной жизни. Съ самаго малолѣтства все западное являлось намъ въ полномъ постоянномъ блескѣ; все же отечественное, родное было блѣдно, незамѣтно, и потому не привлекало насъ; мы естественно не обращали на него вниманія и постепенно забывали. Поэтому-то, оканчивая наше ученіе и поступая на службу, мы гораздо ближе знали, что дѣлалось въ западныхъ государствахъ, чѣмъ въ нашемъ отечествѣ; мы понимали жизнь западной Европы, а наша родная жизнь, жизнь нашего народа становилась для насъ совершенно чуждою. Слѣдовательно, какимъ же образомъ могли у насъ явиться люди, вполнѣ сознававшіе истинныя потребности нашего отечества?

Но положимъ даже, что какимъ бы то ни было образомъ, случайно, или вслѣдствіе вдохновенія, предпринимались мѣры, составлялись учрежденія, издавались новыя постановленія, вполнѣ соотвѣтствовавшія нашимъ потребностямъ. Было ли довольно этихъ преобразованій, начертанныхъ только на бумагѣ? Конечно нѣтъ; надо было ихъ привести въ исполненіе. Но были ли у насъ настоящіе исполнители, которые бы могли осуществить на дѣлѣ, въ жизни, благодѣтельныя распоряженія правительства? Вѣдь наши учебныя заведенія, все наше домашнее и общественное воспитаніе и обученіе готовило людей вообще для службы, а не для опредѣленнаго спеціальнаго дѣла, соединеннаго съ этою службою. Какъ такъ? спросятъ читатели; а наши спеціальныя училища развѣ не приготовляли своихъ питомцевъ по крайней мѣрѣ для извѣстнаго рода государственной службы? Точно такъ: спеціальныя учебныя заведенія приготовляли дѣйствительно для извѣстнаго рода службы, но не къ исполненію дѣла, соединеннаго съ этимъ родомъ службы. Если бы камеральные факультеты въ университетахъ, Горыгорецкій земледѣльческій институтъ и другія сельско-хозяйственныя образцовыя фермы и училища приготовляли людей знающихъ народное и сельское хозяйство, а не только чиновниковъ, то у насъ были бы опытные и свѣдущіе сельскіе хозяева, и земледѣльческая промышленность, главная въ нашемъ отечествѣ, шла бы постоянно впередъ, усовершенствовалась бы. Если бы горныя училища приготовляли людей знающихъ и любящихъ горное дѣло, а не только чиновниковъ въ горное вѣдомство, то горнозаводская промышленность пошла бы также впередъ; у насъ было бы много золота. Если бы военно-учебныя заведенія выпускали офицеровъ, понимающихъ военное дѣло и военное искусство, а не только военную службу, то оно шло бы у насъ постоянно впередъ, и мы имѣли бы нарѣзное оружіе, если не раньше, то по крайней мѣрѣ не позже другихъ народовъ западной Европы, и т. д. и т. д. Но при всеобщемъ стремленіи къ служебной дѣятельности, вполнѣ господствовавшемъ въ нашемъ обществѣ, ни одно спеціальное учебное заведеніе, говоря откровенно, не заботилось образовывать молодыхъ людей, знающихъ извѣстное дѣло, а напротивъ того, всѣ приготовляли питомцевъ своихъ или вообще для службы, или для извѣстнаго рода службы, что въ сущности значило то же самое.

И такъ за неименіемъ настоящихъ знающихъ и опытныхъ исполнителей, которые потомъ и въ жизни не могли образоваться, занимаясь перепискою бумагъ или рѣшеніемъ дѣлъ на бумагѣ, самыя благія предначертанія правительства для улучшенія состоянія всѣхъ сословій, всего народа, не приносили обильной пользы. Увлеченные и ослѣпленные славою внѣшняго величія и могущества, мы не давали себѣ довольно времени распознать истинныя причины, по которымъ эти благодѣтельныя мѣры правительства почти совершенно неощутительно улучшали внутреннюю жизнь.

Мы не изслѣдывали внимательно, соотвѣтствовали ли новыя административныя формы потребностямъ нашего народа и всего отечества; мы не спрашива-

ли, были ли у насъ хорошіе исполнители. Нѣтъ, мы поступали совершенно инымъ образомъ. Замѣчая, что извѣстная мѣра, по какимъ бы то ни было причинамъ, не приносила пользы, мы иногда замѣняли ее другою, или большею частью дополняли ее другими вспомогательными учрежденіями и постановленіями. Такимъ образомъ размножались наши присутственныя мѣста, образовывались различныя инстанціи, а съ ними расплождалась и пагубная переписка, дававшая возможность запутать и затянуть каждое, самое правое и простое дѣло. Для всѣхъ возникавшихъ новыхъ мѣстъ нужны были новые чиновники, и слѣдовательно необходимость приготовленія къ служебной дѣятельности поддерживалась до поры до времени такими искуственными и вовсе не производителрными мѣрами.

Теперь посмотримъ, насколько эта единственная служебная дѣятельность была полезна самимъ служащимъ? Не забудемъ что служащіе у насъ были всѣ, кто только обучался и воспитывался, слѣдовательно болѣе или менѣе образованные дѣятели. Большая часть изъ нихъ оканчивали свою служебную карьеру столоначальниками или много-что начальниками отдѣленій, совѣтниками въ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ, въ департаментахъ-палатахъ, и проч. Слѣдовательно дѣятельность ихъ доставляла имъ ежегодно отъ 300 до 1500 р. сер., т. е. положенное жалованье. На эти деньги, особенно въ столицѣ, семейному человѣку почти невозможно существовать. Заниматься еще какимъ-нибудь инымъ дѣломъ они не могли, во первыхъ потому, что служба занимала большую часть времени, во вторыхъ потому, что если и оставалось свободное время, то большая часть изъ служившихъ не знала и не могла совершать никакихъ другихъ занятій. Что же оставалось дѣлать? Надо было существовать и потому пользоваться незаконными доходами, брать взятки, т. е. совершать преступленіе. Прямая, естественная причина этому злу лежала опять въ системѣ нашего образованія, которое дѣлало человѣка совершенно неспособнымъ ни къ какой другой дѣятельности, кромѣ служебной.

Но какъ бы то ни было, брались ли взятки, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ весьма тяжелая, сидячая служебная дѣятельность доставляла занимавшемуся ею человѣку самыя ничтожныя средства, на которыя онъ не могъ даже существовать. Каждая другая дѣятельность, если бы только онъ могъ заниматься ею, принесла бы ему не въ примѣръ болѣе.

Съ другой стороны такая служебная дѣятельность была мало производительна и для государства, которое платило жалованье за переписываніе бумагъ, за составленіе бумажныхъ докладовъ, за рѣшеніе дѣлъ на бумагѣ и т. д.

Рано или поздно несостоятельность этой дѣятельности должна была обнаружиться. Правительство наконецъ не могло болѣе содержать безъ всякой пользы такое огромное количество служащихъ. И вотъ у насъ явились люди, которые не могутъ достать себѣ пропитанія. Не странно ли? Въ Россіи, въ безпредѣльной Россіи, гдѣ такъ незначительно народонаселеніе, гдѣ необозримыя плодоносныя и обильныя дарами природы страны покоятся нетронутыми пустырями только потому, что совершенно недостаетъ головъ и рукъ человѣческихъ, вдругъ являются люди, которые не въ состояніи заработать себѣ кусокъ насущнаго хлѣба? Для англичанина, нѣмца, француза такое явленіе покажется совершенно неестественнымъ, непонятнымъ, почти невозможнымъ; но мы его вполнѣ понимаемъ: оно есть неизбѣжное грустное слѣдствіе того совершенно ложнаго направленія, которое приняла вся наша дѣятельность. Мы не можемъ винить этихъ людей. Для каждаго дѣла нужно знаніе, умѣніе и извѣстный навыкъ совершать его. Отъ человѣка отживающаго, или въ которомъ всѣ разумно-нравственныя силы притупились подъ многолѣтнимъ машинальнымъ переписываніемъ бумагъ, едва ли возможно, да и справедливо ли будетъ требовать, чтобы онъ снова принялся за азбуку и проложилъ себѣ совершенно новую дорогу, даже изъ необходимости добыть себѣ кусокъ насущнаго хлѣба? Мы можемъ винить и въ этомъ случаѣ только ту же служебную дѣятельность. Знатно же она похозяйничала у насъ во всѣхъ направленіяхъ...

Но началась и кончилась Крымская война... Съ душевнымъ восторгомъ чи-

тали мы слова Высочайшаго манифеста: «Да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый подъ сѣнію законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодами трудовъ невинныхъ.» Эти истинно благодатныя слова распахнули предъ нами широкія ворота, открыли для всѣхъ сословій новые пути гражданской дѣятельности, сдѣлали всякую честную и полезную дѣятельность приличною для всѣхъ и каждаго.

—

Чему же научили насъ послѣдніе пять лѣтъ? Что за новая кипучая дѣятельность вдругъ разомъ появилась у насъ? Дѣятельность, которая постоянно съ большею и большею силою откликается во всѣхъ частяхъ нашего отечества, проникаетъ во внутреннюю жизнь всѣхъ сословій, требуетъ участія всего народа? Какое совершенно новое руководящее начало проявилось во всѣхъ государственныхъ преобразованіяхъ, во всѣхъ различныхъ частяхъ общественныхъ предпріятій? Чѣмъ преимущественно занималась наша литература? Что составляло почти исключительно содержаніе ея, давало направленіе ей?

Въ эти годы обнаружились многіе глубокіе болѣзненные недостатки наши; всѣ эти недостатки, какъ доказываютъ вышеизложенные факты, были самыми естественными и непосредственными слѣдствіями всей прежней служебной дѣятельности, всего нашего прежняго воспитанія, приготовлявшаго людей только къ службѣ. Поэтому-то правительство прежде всего всѣми мѣрами старалось дать полный просторъ частной общественной дѣятельности, которая, соединяя интересы отдѣльныхъ лицъ съ общественными, была бы вполнѣ производительна и для всего государства, и удовлетворяла бы проявившимся потребностямъ его. Главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, учрежденное по мысли и при полномъ содѣйствіи правительства, явилось первымъ громаднымъ общественнымъ предпріятіемъ въ нашемъ отечествѣ. Въ немъ приняли участіе всѣ сословія; частная дѣятельность отдѣльныхъ лицъ соединилась съ дѣятельностью всего общества, личные интересы связывались съ истинными интересами всего государства и въ нихъ находили себѣ удовлетвореніе. Вслѣдъ за этимъ громаднымъ обществомъ возникло множество другихъ въ 1857, 58 и 59 годахъ. Это внезапное явленіе доказываетъ, что какъ все общество, такъ и отдѣльныя лица сознали полную несостоятельность и непроизводительность прежней служебной дѣятельности, и принялись за совершенно новую. Такимъ образомъ въ нашей жизни возникло новое руководящее начало — начало развитія свободной сознательной дѣятельности каждаго человѣка, а съ нимъ вмѣстѣ возникало, хотя смутно и неопредѣленно, уваженіе въ человѣкѣ его человѣческаго достоинства. Но какъ принялись мы за эту новую дѣятельность? Мы не были приготовлены къ участвованію въ общественныхъ дѣлахъ; мы не знали хорошо новой дѣятельности нашей; мы чувствовали и сознавали крайнюю необходимость ея, какъ для своихъ личныхъ выгодъ, такъ и для пользы всего общества и государства. Мы бросились участвовать въ этой дѣятельности, какъ угорѣлые, необдуманно, безъ малѣйшихъ предварительныхъ свѣдѣній и опытности, и потому многіе должны были жестоко поплатиться.

Литература наша, какъ выраженіе внутренней жизни общества и народа, въ это время необходимо должна была устремить свою дѣятельность сначала преимущественно на обнаруживаніе нашихъ недостатковъ; предавала ихъ гласности и приняла почти исключительно отрицательное направленіе: у насъ образовалась и стала преобладать обличительная литература. Хотя не всегда полное безкорыстіе и одна любовь къ истинѣ руководили обличительными дѣйствіями ея, но во всякомъ случаѣ она была существенно полезна. Обнаруживая наши недостатки, слѣдствія прошлой жизни, раскрывая порою даже источники ихъ, она вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно слѣдила за проявленіями новой общественной дѣятельности, предавала гласности многія злоупотребленія скрытыхъ дѣйствій различныхъ акціонерныхъ правленій, приняла неопытныхъ акціонеровъ подъ свое мощное покровительство и побуждала

ихъ принять сознательное и дѣятельное участіе въ ихъ дѣлахъ, а не только покупать акціи и, лежа на боку, спокойно ожидать выдачи дивиденда, какъ было прежде. Кромѣ того, по дозволенію и приглашенію правительства, особенно наши періодическія изданія ревностно участвовали и участвуютъ въ обсужденіи различныхъ новыхъ государственныхъ вопросовъ и преобразованій; наконецъ наша литература первая провозгласила обществу и то новое начало, которое незамѣтно вырабатывалось и легло въ основаніе всего современнаго движенія, начало развитія свободной сознательной дѣятельности каждаго человѣка.

При такомъ совершенно новомъ направленіи, система нашего образованія не могла долѣе руководствоваться своими прежними отжившими началами. Въ 1856 году, въ одной изъ книжекъ Морского Сборника была напечатана статья Н. И. Пирогова «*Вопросы жизни*» съ слѣдующими словами въ началѣ эпиграфа: «Къ чему вы готовите вашего сына? кто-то спросилъ меня — Быть человѣкомъ, отвѣчалъ я.» Этотъ отвѣтъ былъ гласомъ народа; въ немъ высказана цѣль всего современнаго воспитанія, которую сознавали всѣ здраво мыслящіе люди, но не умѣли высказать ее такъ коротко, просто и ясно, какъ высказалъ нашъ знаменитый Пироговъ. Въ этомъ заключается вся великая заслуга его и причина той всеобщей извѣстности, которую пріобрѣли «Вопросы жизни».

Дѣйствительно, въ прежнее, очень недавнее время, какъ мы видѣли, всѣ наши учебныя заведенія приготовляли питомцевъ своихъ только для службы. Слѣдовательно человѣку еще въ его дѣтствѣ предназначалась извѣстная дѣятельность, въ выборѣ которой онъ самъ вовсе не участвовалъ. Съ проявленіемъ въ обществѣ стремленія къ развитію свободной сознательной дѣятельности каждаго человѣка, этотъ прежній принципъ воспитанія не могъ долѣе существовать. Новая жизнь требовала, чтобы воспитаніе приготовляло людей самостоятельныхъ, способныхъ сознательно избрать себѣ дѣятельность и потомъ правильно совершать ее.

Но человѣкъ тогда только можетъ избрать себѣ настоящее свое дѣло, когда онъ знаетъ свои способности и силы, какъ духовныя, такъ и тѣлесныя, — понимаетъ, къ чему онъ способенъ. Поэтому воспитаніе должно прежде всего приводить питомцевъ къ сознанію своихъ способностей, къ возможно полному, свѣтлому самопознанію. Но самопознаніе не есть что-нибудь готовое, существующее внѣ воспитанника, которое стóитъ только взять да прямо вложить въ голову его; нѣтъ, оно постепенно возникаетъ и развивается внутри человѣка вмѣстѣ съ правильнымъ развитіемъ всѣхъ его способностей. Человѣкъ рождается слабымъ, немощнымъ ребенкомъ, ничего не понимающимъ, а только чувствующимъ вліянія внѣшняго, окружающаго міра. Онъ сначала посредствомъ внѣшнихъ органовъ чувствъ постепенно знакомится съ этимъ внѣшнимъ міромъ; потомъ начинаетъ отличать себя отъ внѣшняго міра, и наконецъ въ немъ возникаетъ постепенно болѣе и болѣе ясное внутреннее, чисто духовное сознаваніе самого себя. Слѣдовательно воспитаніе не можетъ разомъ привести питомца къ самопознанію, а должно постоянно заботиться о согласномъ всестороннемъ развитіи всѣхъ духовныхъ и тѣлесныхъ способностей и силъ человѣка. Въ этомъ-то развитіи и заключается все дѣло современнаго воспитанія и обученія.

Развитіе дитяти идетъ правильно, если оно совершается согласно съ природными законами развитія человѣческаго духа и тѣла.

Такъ какъ эти законы одни и тѣ же для всѣхъ людей, то всѣ дѣти должны получать одно и то же начальное воспитаніе и обученіе, которое поэтому по всей справедливости можетъ быть названо *общимъ образованіемъ*.

Общее образованіе, состоящее ни въ чемъ другомъ, какъ въ постепенно правильномъ развитіи всѣхъ духовныхъ и тѣлесныхъ способностей и силъ человѣка, продолжается только до тѣхъ поръ, пока въ воспитанникѣ не возникаетъ сознаніе этихъ способностей, пока онъ не придетъ къ самопознанію, пока онъ не будетъ въ состояніи вполнѣ сознательно сказать себѣ: я способенъ къ такому-то дѣлу. На этомъ оканчивается общее образованіе въ собственномъ смыслѣ и начинается *самовоспитаніе*, продолжающее-

ся всю жизнь; начинаются специальныя занятія, которыя составляютъ уже собственное дѣло самого человѣка; онъ ими распоряжается, какъ хочетъ и какъ знаетъ.

Итакъ потребность развитія свободной сознательной дѣятельности каждаго человѣка, появившаяся въ жизни, перешла изъ нея въ систему нашего воспитанія, дала ему направленіе и опредѣлила все дѣло его, которое состоитъ въ *правильномъ всестороннемъ развитіи всѣхъ способностей и силъ человѣка.*

Вмѣстѣ съ этимъ новымъ началомъ и пониманіемъ воспитанія, образованіе становится достояніемъ и насущною потребностью всѣхъ сословій, всего народа.

Читая наши педагогическіе журналы, читая отдѣльныя педагогическія статьи, помѣщенныя въ другихъ періодическихъ изданіяхъ, мы вездѣ находимъ одно преобладающее стремленіе распространить въ обществѣ это новое пониманіе воспитанія и обученія, распространить въ немъ сознаніе необходимости предварительнаго общаго образованія.

Въ различныхъ преобразованіяхъ, предпринимаемыхъ правительствомъ въ системѣ нашего воспитанія и обученія, мы также видимъ благое стремленіе удовлетворить современнымъ потребностямъ и понятіямъ. Открыты и открываются постоянно новыя женскія гимназіи; въ артиллерійскомъ училищѣ постепенно закрываются общіе юнкерскіе классы; въ морскомъ министерствѣ составленъ *проектъ преобразованія морскихъ учебныхъ заведеній съ учрежденіемъ новой гимназіи,* предоставленный общему обсужденію. Еще гораздо ранѣе министерство народнаго просвѣщенія напечатало *проектъ устава среднихъ и низшихъ училищъ,* въ вѣдѣніи его находящихся, и пригласило всѣхъ, кто можетъ и желаетъ, выразить свое мнѣніе объ этомъ проектѣ. Наконецъ мы находимъ фактическія доказательства, что сознаніе необходимости предварительнаго общаго образованія, какъ правильнаго развитія дѣтей и приготовленія ихъ къ самостоятельному и сознательному избранію спеціальныхъ занятій, начинаетъ проникать и въ нашу общественную жизнь. Даже многіе богатые и знатные родители, по крайней мѣрѣ въ столицахъ, воспитываютъ сыновей своихъ дома до университета, или отдаютъ ихъ въ гимназіи, потому что онѣ ближе всѣхъ другихъ нашихъ училищъ подходятъ къ общеобразовательнымъ учебнымъ заведеніямъ.

Чего же теперь общество вправѣ требовать отъ отечественной литературной дѣятельности и особенно отъ нашихъ спеціальныхъ періодическихъ изданій? Въ чемъ должно состоять главное дѣло ихъ? Оно не можетъ состоять ни въ чемъ другомъ, какъ въ основательномъ и всестороннемъ объясненіи новаго общаго начала, дающаго направленіе всей современной дѣятельности, и въ доставленіи своимъ читателямъ положительныхъ вѣрныхъ свѣдѣній и знаній, однимъ словомъ, положительнаго матерьяла, выработаннаго наукою и жизнію, для того чтобы они не только могли вполнѣ обнять это новое начало, но и осуществлять его въ своей собственной жизни и своею собственною дѣятельностью, которая въ такомъ только случаѣ сдѣлается вполнѣ полезною и производительною и для каждаго отдѣльнаго человѣка, и для общества, и для всего государства. Каждый спеціальный журналъ долженъ во всѣхъ статьяхъ своихъ вѣрно показывать тотъ *часъ,* который наступилъ въ извѣстное время въ избранной имъ спеціальной дѣятельности. Слѣдовательно педагогическіе журналы должны постоянно показывать, который часъ наступилъ во всѣхъ частяхъ области воспитанія и обученія.

Изъ всего изложеннаго ясно слѣдуетъ, къ чему и мы должны стремиться въ издаваемомъ нами журналѣ, въ чемъ должно состоять наше главное дѣло и какими началами мы должны руководствоваться въ нашей педагогической дѣятельности.

Во всѣхъ помѣщаемыхъ въ нашемъ журналѣ статьяхъ мы будемъ постоянно разъяснять, что означаетъ правильное всестороннее развитіе дитяти и доставлять возможный въ настоящее время практическій матерьялъ для осуществленія этого развитія на дѣлѣ, при совершеніи воспитанія и обученія дѣтей. Для сего мы обратимъ особенное вниманіе на *психологическія статьи,* которыя постараемся излагать безъ всякихъ ученыхъ замашекъ, какъ можно общепонятнѣе, занимательнѣе и примѣнимѣе къ воспи-

танію и обученію. Безъ знанія опытной психологіи, слѣдовательно безъ знанія природныхъ законовъ нашего духовнаго развитія, нѣтъ никакой возможности вполнѣ правильно развивать дитя, т. е. правильно воспитывать и обучать его. Поэтому кто посвятилъ себя воспитанію и обученію дѣтей, для того знаніе природныхъ законовъ духовнаго развитія человѣка есть первая, самая насущная необходимость. Но mens sana in corpore sano, и правильное развитіе духа нашего тѣсно связано съ правильнымъ развитіемъ тѣла; вотъ почему *описаніе человѣческаго организма и его отправленій и изложеніе процесса естественнаго развитія организма отъ рожденія до возмужалости* должны также занять почетное мѣсто въ первомъ отдѣлѣ нашего журнала. Главныя статьи второго отдѣла будутъ заключать въ себѣ: 1) *общепонятное теоретическое изложеніе общихъ правилъ преподаванія на различныхъ ступеняхъ развитія учащихся* (дидактика) *и различныхъ способовъ и пріемовъ преподаванія по всѣмъ предметамъ* (методика); 2) *примѣненіе различныхъ методъ на практикѣ, т. е. подробно изложенные уроки по отдѣльнымъ учебнымъ предметамъ, которые могли бы служить образцами для преподаванія, особенно элементарнаго.* Этими статьями мы надѣемся доставить особенно бѣднымъ родителямъ хотя нѣкоторую возможность правильно совершать начальное обученіе своихъ дѣтей, и дать всѣмъ воспитывающимъ и обучающимъ положительный матерьялъ, выработанный наукою воспитанія и испытанный на дѣлѣ, правда, большею частью не у насъ, а въ Германіи, Англіи, Бельгіи и проч. Такой матерьялъ, полагаемъ, можетъ содѣйствовать воспитывающимъ и обучающимъ въ правильномъ исполненіи ихъ обязанностей.

Вмѣстѣ съ принципомъ правильнаго всесторонняго развитія человѣка, который теперь руководитъ нашимъ общимъ образованіемъ, послѣднее становится достояніемъ каждаго человѣка и всего народа. Въ настоящее время министерство народнаго просвѣщенія сильно хлопочетъ объ учрежденіи настоящихъ народныхъ училищъ; въ народѣ нашемъ въ послѣднее время очевидно проявилось отрадное стремленіе къ грамотности; общество тотчасъ же изъявило ревностное желаніе принять участіе въ удовлетвореніи такой возвышенной современной потребности нашего народа и начало устраивать *воскресныя школы* почти во всѣхъ странахъ отечества. Мы съ своей стороны, желая по возможности содѣйствовать священному дѣлу народнаго образованія, сообщимъ цѣлый рядъ статей подъ общимъ заглавіемъ «*Матерьялы для устройства народныхъ училищъ*».

Во всѣхъ прочихъ статьяхъ мы будемъ разъяснять различные отдѣльные вопросы, относящіеся къ воспитанію и ко всему общему образованію, и по возможности сообщать свѣдѣнія изъ различныхъ наукъ, преимущественно изъ естествознанія, необходимыя для *учителей въ народныхъ училищахъ*, чтобы они, за неимѣніемъ всѣхъ другихъ средствъ, могли хоть нѣсколько расширять кругъ своихъ знаній, *самоусовершенствоваться.*

Мы слышали, что разосланныя нами объявленія возбудили въ нѣкоторыхъ преподавателяхъ неудовольствіе. Изъ программы нашей они вывели заключеніе, что будто мы принимаемъ на себя роль учителей, хотимъ *учить* всѣхъ и каждаго, занимающагося воспитаніемъ и обученіемъ. Нѣтъ: мы вовсе не желали подать поводъ къ такимъ заключеніямъ; мы никого не желаемъ учить. Занимаясь практически и теоретически воспитаніемъ и обученіемъ, слѣдя постоянно за развитіемъ педагогики у другихъ народовъ, которые далеко опередили насъ въ этомъ, да и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, мы желаемъ только подѣлиться съ другими учителями, съ родителями и со всѣми, кто у насъ занимается и интересуется воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей, тѣмъ, что мы сами выработали и пріобрѣли. Мы желаемъ имѣть *мыслящихъ* читателей и постараемся доставить имъ положительный матерьялъ для плодотворнаго размышленія о дѣлѣ общаго образованія. Каждый воспитатель и учитель найдетъ въ этомъ матерьялѣ плоды вѣковой теоретической и практической педагогической дѣятельности, изъ которыхъ сложилась современная наука воспитанія. Конечно все это можетъ навести воспитывающихъ и обучающихъ на различныя

новыя мысли и соображенія, ознакомить ихъ съ различными существующими способами и пріемами преподаванія, увеличить и расширить ихъ педагогическія свѣдѣнія и опытность. Впрочемъ для *готовыхъ* учителей и воспитателей мы не пишемъ; мы издаемъ скромный журналъ нашъ для тѣхъ, которые, какъ и мы, не считаютъ себя готовыми, а желаютъ постоянно провѣрять и развивать свои взгляды на воспитаніе и обученіе и всю свою педагогическую дѣятельность.

Кто же можетъ сомнѣваться въ необходимости постояннаго саморазвитія и самоусовершенствованія, особенно въ наше время, когда все почти ежедневно идетъ впередъ исполинскими шагами? Кто рѣшится, по совѣсти, сказать, что онъ вполнѣ развитъ и готовъ, что онъ все знаетъ, что относится къ его дѣлу, что онъ можетъ исполнять это дѣло съ полнымъ совершенствомъ, и, потому, ему незачѣмъ болѣе идти впередъ, слѣдить за всѣми улучшеніями, которыя совершаютъ въ этомъ дѣлѣ другіе люди, занимающіеся имъ? Конечно, никто. Мы, учителя и воспитатели, постояннѣе и сильнѣе, чѣмъ кто-нибудь другой, должны стремиться къ саморазвитію и самоусовершенствованію. Наше дѣло—дѣло правильнаго всесторонняго духовнаго развитія ввѣренныхъ намъ питомцевъ: оно также безконечно и постоянно должно усовершенствоваться, какъ безконечно и самое развитіе безсмертнаго духа человѣческаго. Таково истинное дѣло общаго образованія или воспитанія и обученія, и мы теперь сознали это. Будемъ ли мы въ состояніи правильно развивать питомцевъ своихъ, если сами остановимся въ нашемъ развитіи, перестанемъ самоусовершенствоваться?

Никто не можетъ дать другому того, чего у него самого нѣтъ; такъ же точно никто не можетъ развивать, воспитать, образовать другого, если онъ самъ не воспитанъ, не образованъ.

Воспитатель, учитель, наставникъ можетъ дѣйствовать на развитіе, воспитаніе, образованіе воспитанника только въ той степени, въ какой онъ самъ воспитанъ, развитъ, образованъ.

Онъ можетъ истинно развивать, воспитывать, образовывать только до тѣхъ поръ, пока онъ самъ работаетъ надъ своимъ собственнымъ образованіемъ, развитіемъ, воспитаніемъ.

Эти три аксіомы должны сдѣлаться внутренними убѣжденіями каждаго изъ насъ, занимающихся воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей, сжиться со всѣмъ духовнымъ существомъ нашимъ, такъ чтобы мы и не помыслили дѣйствовать противъ нихъ и безъ нихъ.

И не только должны мы, учителя и воспитатели, постоянно слѣдить за развитіемъ одного нашего дѣла во всемъ объемѣ и во всѣхъ частяхъ его, но мы должны также постоянно слѣдить и за всѣми новыми проявленіями въ современной жизни, потому что въ нихъ выражаются современныя потребности нашего общества и всего отечества, которыя имѣютъ огромное вліяніе на все воспитаніе, нерѣдко сообщаютъ ему новое начало и новое направленіе. Поэтому-то мы въ нашей воспитательно-учебной дѣятельности должны брать руководящія ею начала изъ самой жизни и воспитывать и обучать нашихъ питомцевъ для той же жизни.

Но если мы, учителя, и воспитатели, будемъ дѣйствительно совершать свое дѣло такъ, какъ только возможно въ наше время, то успѣемъ ли мы одни образовать изъ воспитанниковъ нашихъ людей сознательно самостоятельныхъ, сильныхъ разумно-нравственною волею, способныхъ выбрать себѣ настоящее свое дѣло и потому съ любовію цѣлую жизнь заниматься имъ? — Нѣтъ, намъ нужна помощь и полное содѣйствіе семьи. Родители даруютъ тѣлесную жизнь дѣтямъ своимъ; они же руководятъ и первыми проявленіями духовной жизни ихъ, и потому только родители могутъ положить прочное основаніе и впослѣдствіи дать твердое направленіе всей будущей разумно-нравственной, истинно-человѣческой жизни дѣтей своихъ. Къ нимъ обращаемъ мы заключительное краткое слово.

Родители! слѣдили ли вы за тѣмъ, что совершилось въ послѣдніе годы предъ глазами вашими, что совершается теперь? Усмотрѣли ли вы во всѣхъ современныхъ отечественныхъ событіяхъ проявленіе новаго начала — начала свободнаго развитія сознательной дѣятельности каждаго человѣка, къ которой вы должны отнынѣ готовить дѣтей своихъ, потому

что они прежде всего люди? Если вы поняли это новое жизненное начало, то вы должны радоваться и торжествовать: оно требуетъ довѣрія къ собственнымъ природнымъ силамъ человѣка, и требуетъ полнаго свободнаго развитія ихъ; онъ ставитъ человѣка на ноги, предоставляетъ ему самому избирать себѣ занятія; быть полнымъ хозяиномъ будущей судьбы своей. Родители! это начало требуетъ, чтобы вы воспитывали дѣтей своихъ не такъ, какъ васъ воспитывали, предназначая заранѣе къ одной извѣстной дѣятельности. Внемлите же гласу времени; старайтесь постоянно развивать самихъ себя, самоусовершенствоваться, ясно сознавать потребности современной жизни; откажитесь отъ закоснѣлыхъ предразсудковъ минувшаго, сбросьте ихъ съ себя; да не перейдутъ грѣхи ваши на дѣтей вашихъ! Не приготовляйте ихъ ни къ какой заранѣе вами назначенной дѣятельности, а доставляйте имъ общее образованіе, развивайте всѣ духовныя и тѣлесныя силы и способности ихъ, до тѣхъ поръ пока дѣти ваши сами не будутъ въ состояніи сознательно избрать себѣ то дѣло, къ которому они чувствуютъ себя способными. Воспитывая дѣтей своихъ, не руководитесь никакими планами, заранѣе на нихъ составленными. Пусть они сами проложутъ себѣ въ жизни дорогу, и своимъ честнымъ и полезнымъ трудомъ, а не случаемъ и не покровительствомъ другихъ людей. Воспитывайте такъ, какъ велитъ Богъ, проявившій свое веленіе въ вѣчныхъ законахъ природы человѣческой. Совершивъ это, будьте покойны: дѣти ваши вездѣ достанутъ себѣ обильно производительную, честную и почетную дѣятельность. Посмотрите: государственная служба, науки, искусства, художества, торговля, ремесла, земледѣліе, нетронутыя, необозримыя тучныя степи, нѣдра горъ, — все въ нашемъ отечествѣ требуетъ и ждетъ одной сознательной человѣческой дѣятельности.

I.

Что такое народное училище и въ чемъ состоитъ его дѣло?

Человѣкъ рождается съ стремленіемъ и возможностью развиваться тѣлесно и духовно.

Для тѣлеснаго развитія необходима пища, вода, воздухъ, теплота и т. д.

Духовное развитіе совершается вслѣдствіе постояннаго воспринимания и усвоенія впечатлѣній отъ внѣшнихъ предметовъ посредствомъ зрѣнія, слуха, вкуса и обонянія. Врожденныхъ представленій, понятій, сужденій человѣкъ не имѣетъ.

Мы живемъ, развиваемся тѣлесно, пока въ нашемъ тѣлѣ происходитъ постоянный обмѣнъ матеріи, т. е. непрерывное обновленіе и уничтоженіе веществъ, образующихъ наше тѣло. Пока обмѣнъ матеріи совершается правильно, нормально, мы пользуемся здоровьемъ. Съ нарушеніемъ же правильности этого отправленія, мы заболѣваемъ и страдаемъ.

Слѣдовательно если человѣкъ имѣетъ отъ природы здоровое тѣлосложеніе, получаетъ достаточную здоровую пищу, и если питаніе его совершается нормально, правильно: то онъ пользуется здоровьемъ, и тѣлесное развитіе его идетъ правильно.

Точно такъ же мы развиваемся духовно, расширяемъ нашу духовную дѣятельность, пока въ насъ совершается обмѣнъ впечатлѣній, представленій, мыслей, сужденій.

Слѣдовательно: во 1) правильность и здравость духовнаго развитія нашего зависитъ отъ врожденныхъ основныхъ способностей, отъ впечатлѣній внѣшняго міра и отъ правильнаго соединенія пер-

выхъ съ послѣдними посредствомъ здоровыхъ органовъ чувствъ; во 2) это развитіе идетъ впередъ, совершается до тѣхъ поръ, пока внѣшнія впечатлѣнія, такъ сказать, продолжаютъ питать духовныя силы наши, возбуждаютъ, вызываютъ ихъ на дѣятельность.

Положимъ теперь, что человѣкъ или цѣлая община людей родятся, выростаютъ, живутъ почти постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ, окруженные всегда одною и тою же внѣшнею природою; не имѣютъ почти никакихъ продолжительныхъ сообщеній съ другими людьми, отъ которыхъ они могли бы перенять что-нибудь новое; а сосѣди ихъ живутъ почти въ тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ, видятъ ту же внѣшнюю природу, имѣютъ тѣ же самыя занятія, совершаемыя одинаковымъ образомъ. Что же происходитъ? Далеко ли и долго ли идетъ духовное развитіе человѣка, находящагося въ такомъ положеніи? Онъ видитъ все одни и тѣ же предметы, ведетъ цѣлую жизнь однообразныя занятія, которыя возбуждаются только необходимостью удовлетворить самымъ первымъ потребностямъ животной жизни его и совершаются почти безъ размышленія, навыкомъ, по преданію. Сначала окружающіе предметы дѣйствуютъ на человѣка, производятъ впечатлѣнія; но скоро, еще въ дѣтствѣ, когда всѣ силы духа и тѣла слабы и нѣжны, они приглядываются ему, перестаютъ имѣть малѣйшее вліяніе. Поэтому человѣкъ, находящійся въ такомъ положеніи, рано оканчиваетъ свое бѣдное духовное развитіе. Въ немъ вообще нѣтъ и слѣда высшихъ стремленій и сознаній духа, составляющихъ главное различіе разумной человѣческой природы отъ чувственной животной. Да и не можетъ быть этого слѣда; откуда же ему взяться? — Стремленіе къ развитію, врожденное каждому человѣку, получаетъ самую слабую, ничтожную пищу, не успѣваетъ окрѣпнуть. Силы душевныя рано знакомятся совершенно коротко съ тѣмъ, что возбуждаетъ ихъ дѣятельность, усвоиваютъ себѣ всѣ работы, могутъ совершать весь механическій трудъ свой, назначенный имъ на всю жизнь. Недовольныя такою пищею, онѣ можетъ-быть еще нѣкоторое время имѣютъ жизнь, ищутъ чего-то, но не находя себѣ удовлетворенія, утомляются въ безплодномъ напряженіи, большею частью слабѣютъ, теряютъ энергію, или остаются постоянно въ одномъ и томъ же состояніи; а иногда, если и развиваются, то въ своемъ развитіи принимаютъ извѣстное одностороннее направленіе, вынужденное окружающими обстоятельствами, напр. стремленіе къ лукавству, обманамъ и др.

Чтобы доказать еще разительнѣе и ощутительнѣе невозможность сознательнаго духовнаго развитія и постепенное замираніе его при скудости и постоянномъ однообразіи внѣшнихъ впечатлѣній и при отсутствіи всякаго малѣйшаго внутренняго возбужденія духовныхъ силъ нашихъ, мы обратимся къ физіологіи.

Основываясь на фактахъ, опредѣленныхъ и доказанныхъ многими физіологическими наблюденіями, мы можемъ принять, что духовная наша дѣятельность сосредоточивается преимущественно въ головномъ мозгѣ и что проводниками ей служатъ головные мозговые нервы. Тѣ же наблюденія доказываютъ, что головной мозгъ нашъ измѣняется въ вѣсѣ, качествѣ и формѣ отъ большей или меньшей духовной дѣятельности. Если человѣкъ очень мало и поверхностно роботаетъ головою, не имѣетъ пищи для умственныхъ занятій, то въ этомъ случаѣ головной мозгъ и нервы остаются въ бездѣйствіи, не упражняются, и потому, слабѣютъ, теряютъ чувствительность, энергію, воспріимчивость, становятся дряблыми и мало по малу совершенно неспособными быть проводниками духовной дѣятельности, точно такъ же какъ наши мускулы слабнутъ и превращаются въ хилое, дряблое вещество, если мы не упражняемъ ихъ движеніями.

Слѣдовательно если впечатлѣнія отъ окружающей природы будутъ постоянно скудны, однообразны, всегда одни и тѣ же, и если духовныя силы человѣка не будутъ возбуждаемы и упражняемы другимъ какимъ-либо образомъ, то не только эти силы слабѣютъ, но вмѣстѣ съ ними и организмъ нашъ грубѣетъ, становится все болѣе и болѣе нечувствительнымъ, неспособнымъ для отправленія духовной дѣятельности.

Далеко ли можетъ простираться духовное развитіе человѣка, если къ такимъ подавляющимъ внѣшнимъ обстоятель-

ствамъ присоединяется еще гнетъ отъ другихъ людей? Если еще другой человѣкъ имѣетъ право отнимать добытое тяжкимъ трудомъ въ потѣ лица, подавляетъ каждое малѣйшее самостоятельное человѣческое проявленіе, и если этотъ нравственный гнетъ продолжается не два, три года, а цѣлыя столѣтія?

Можетъ ли быть въ этомъ человѣкѣ хотя слабое сознаніе своего человѣческаго достоинства, пониманіе своихъ человѣческихъ правъ и обязанностей?

Послѣ всего сказаннаго, не имѣемъ ли мы полнаго основанія утверждать, что человѣкъ или извѣстная часть народа, проводящая свою бѣдную жизнь постоянно въ подобныхъ безвыходно безотрадныхъ обстоятельствахъ, будетъ трудиться только изъ того, чтобы не умереть отъ голода и холода! Больше незачѣмъ трудиться.

Кантъ говоритъ, что онъ тотчасъ бы слѣзъ съ лошади и не иначе какъ съ шляпою въ рукахъ обращался бы съ этимъ благороднымъ животнымъ, если бы оно только могло подумать словцо *я*.

Не можемъ ли мы, основываясь на неопровержимыхъ фактахъ, утверждать, что и въ самыхъ благоустроенныхъ государствахъ все еще существуютъ цѣлыя многолюдныя общины людей, которые имѣютъ самое ограниченное, такъ сказать, одно чувственное пониманіе этого маленькаго словца, а о высокомъ нравственномъ значеніи его и соединенныхъ съ нимъ человѣческихъ правахъ и обязанностяхъ не имѣютъ никакого понятія? Такое понятіе не могло и возникнуть у нихъ.

Эти люди совершенно естественнымъ путемъ до того свыкаются съ своею жизнію, что если у нихъ есть только кусокъ чего-нибудь для утоленія голода и кое-какое прикрытіе отъ непогоды: то они вполнѣ пребываютъ довольными судьбою своею. Все тѣло ихъ и всѣ члены тѣла до того уже привыкли къ извѣстному вѣковому роду жизни, къ извѣстнымъ всегда однимъ и тѣмъ же движеніямъ, сопряженнымъ съ однообразно, механически въ продолженіе цѣлой жизни совершаемымъ трудомъ, что каждое малѣйшее уклоненіе отъ этого образа жизни, отъ этихъ движеній, требующее новаго необычнаго изгиба въ тѣлѣ, или тѣмъ болѣе духовнаго напряженія, должно производить въ этихъ людяхъ вполнѣ тревожное, даже болѣзненное ощущеніе.

Какова же можетъ быть производительность страны, большая часть обитателей которой находится если не въ совершенно такомъ положеніи, то по крайней мѣрѣ въ очень близкомъ къ нему?

Такая страна, сколь бы ни были обильны естественныя производительныя силы ея, не только не можетъ наслаждаться благосостояніемъ, но постоянно будетъ претерпѣвать нужду и бѣдность.

Изъ всего предъидущаго слѣдуетъ, что благосостояніе страны — а къ достиженію его мы должны стремиться всѣми мѣрами и учрежденіями — если только эта страна не совершенно обижена природою, обусловливается почти исключительно производительностью труда народа, которая въ свою очередь находится въ полной зависимости отъ состоянія духовныхъ и физическихъ силъ его.

Если эти силы здоровы и правильно развиваются, то можно сказать, что и благосостояніе страны обезпечено. Такъ ли это? Мы видѣли уже, что наше духовное развитіе совершается посредствомъ усвоенія внѣшнихъ впечатлѣній и соединенія ихъ въ представленія, понятія и сужденія. Слѣдовательно, при здравыхъ природныхъ духовныхъ способностяхъ, основательность, содержаніе и объемъ нашего духовнаго развитія зависятъ вполнѣ отъ качества внѣшнихъ впечатлѣній и отъ послѣдовательно правильнаго и сознательнаго усвоенія ихъ духовными силами нашими.

Изъ этого общаго основнаго закона нашего духовнаго развитія естественно слѣдуетъ: во 1) чѣмъ достаточнѣе будетъ количество здравыхъ, вѣрныхъ впечатлѣній, чѣмъ въ большей постепенности и послѣдовательности они сообщаются человѣку и чѣмъ основательнѣе, глубже усвоиваются имъ, тѣмъ духовная дѣятельность его будетъ обширнѣе и энергичнѣе и самый организмъ его становится способнѣе къ отправленію этой дѣятельности. Во 2) скудость, постоянное однообразіе, непослѣдовательность и безпорядочность внѣшнихъ впечатлѣній и только одно поверхностное, внѣшнее усвоиваніе ихъ мало возбуждаютъ и развиваютъ духо-

вныя силы человѣка, которыя оттого слабѣютъ, засыпаютъ, и самое тѣло, какъ мы видѣли, становится все болѣе и болѣе неспособнымъ къ проявленію духовной дѣятельности. Въ 3) мы не можемъ имѣть никакихъ представленій о тѣхъ предметахъ, или вообще о томъ, чего или чему подобнаго мы никогда не видали, не слыхали, не осязали и т. д., т. е. отъ чего мы не получали никакихъ впечатлѣній посредствомъ одного изъ нашихъ чувствъ.

Люди, находящіеся въ выше описанномъ нами положеніи, не только вообще получаютъ очень бѣдныя и постоянно однообразныя впечатлѣнія, притомъ въ совершенномъ безпорядкѣ и, такъ сказать, только отъ одной внѣшности, наружности вещественныхъ окружающихъ предметовъ и дѣйствій ихъ; но кромѣ того они вовсе не имѣютъ никакихъ впечатлѣній отъ предметовъ духовныхъ, отвлеченныхъ. Этимъ людямъ никогда никто не потрудился дать хоть нѣсколько разумное понятіе о человѣкѣ и природѣ, о Богѣ, объ обязанностяхъ и правахъ человѣческихъ. Поэтому обо всемъ этомъ они не имѣютъ никакихъ представленій, никакихъ свѣтлыхъ понятій, а если и имѣютъ, то самыя ограниченныя и нелѣпыя, опутанныя суевѣріемъ и грубыми предразсудками.

Какими же средствами, какимъ путемъ можно вывести этихъ людей изъ ихъ совершенно неразвитаго состоянія, возбудить въ нихъ разумно-нравственную человѣческую дѣятельность?

Можно ли этого достигнуть посредствомъ различныхъ административныхъ, экономическихъ, финансовыхъ и подобныхъ мѣръ и учрежденій? Положительно нѣтъ. Всѣ такія мѣры будутъ слишкомъ далеки отъ пониманія народа; да притомъ эти мѣры, при добросовѣстномъ выполненіи, ихъ имѣютъ болѣе благодѣтельное вліяніе на проявляющуюся уже дѣятельность, могутъ содѣйствовать, поощрять и развивать сознательный трудъ народа, когда онъ уже возникъ и совершается.

Самое простое и вѣрное средство въ этомъ случаѣ, какъ и вездѣ, есть уничтоженіе основныхъ причинъ и обстоятельствъ, породившихъ такія грустныя ненормальныя явленія и погрузившихъ цѣлыя массы народа въ такое бѣдственное, унизительное положеніе. Эти причины и обстоятельства, какъ мы уже знаемъ, состоятъ въ совершенной неразвитости понятій и въ скудости и однообразіи внѣшнихъ впечатлѣній, которыя не только не могутъ возбуждать и питать духовныя силы народа, но разслабляютъ ихъ и останавливаютъ дѣятельность ихъ въ самомъ началѣ развитія.

Слѣдовательно прежде всего надо уничтожить указанныя препятствія и потомъ стараться уяснять, распространять и углублять получаемыя внѣшнія впечатлѣнія и доставлять постепенно новыя, еще совершенно неизвѣстныя. Наконецъ, расширяя мало по малу кругъ духовнаго зрѣнія и пониманія народа, образовывать и утверждать въ немъ хотя только самыя начальныя, необширныя, но основательныя, возможно ясныя понятія о Богѣ, о разумно-нравственномъ значеніи человѣка, объ окружающей природѣ, и такимъ образомъ возбудить въ народѣ внутреннюю, постоянную потребность усвоивать себѣ новыя представленія, понятія, сужденія, знанія, свѣдѣнія, однимъ словомъ сознательную потребность идти постоянно впередъ въ своёмъ развитіи, а не оставаться на одной и той же ступени почти первобытнаго естественнаго состоянія человѣка. Ощущеніе этой высокой, благодатной потребности духовнаго развитія есть первое, самое священное достояніе человѣка, отдѣляющее его на неизмѣримое разстояніе отъ всѣхъ другихъ созданій.

Мы теперь ясно видимъ, что достигнуть всѣхъ этихъ благодатныхъ результатовъ можно единственно только распространеніемъ въ народѣ истиннаго просвѣщенія и образованія. Слѣдовательно благосостояніе государства, сила, могущество, производительность его обусловливаются вполнѣ состояніемъ просвѣщенія и образованія народа.

Просвѣщеніе распространяется въ народѣ посредствомъ училищъ.

Поэтому учрежденіе и размноженіе народныхъ училищъ должно составлять первую, постоянную, неусыпную заботу всякаго государства.

Кто понимаетъ такое безусловно важное значеніе народныхъ училищъ, какъ основныхъ двигателей и виновниковъ нравственнаго и матерьяльнаго благосо-

стоянія народа, тотъ не скажетъ, что государство можетъ не имѣть средствъ для учрежденія оныхъ.

Возбудите только и просвѣтите производительныя силы народа и потомъ всѣми другими административными, финансовыми и экономическими учрежденіями не стѣсняйте, а содѣйствуйте свободному развитію ихъ разумной дѣятельности, и каждая лишняя копѣйка, употребленная государствомъ на это святое великое дѣло, возвратится сторицею.

Но какимъ же образомъ скромныя народныя училища могутъ совершать такія великія дѣла?

Они могутъ устранить и уничтожить одну изъ коренныхъ причинъ духовной ограниченности и бездѣятельности народной—бѣдность и постоянное однообразіе внѣшнихъ впечатлѣній и поверхностное, безпорядочное усвоиваніе ихъ. Проясняя и углубляя эти впечатлѣнія, приводя ихъ въ порядокъ и постепенно, послѣдовательно доставляя новыя, народное училище можетъ образовать и утвердить въ дѣтяхъ, а потомъ и во всемъ народѣ, по крайней мѣрѣ начальныя, возможно ясныя и простыя понятія о Богѣ, природѣ и человѣкѣ.

Возбудить въ народѣ разумную дѣятельность, расширить и углубить кругъ его духовнаго зрѣнія, положить въ немъ прочное здравое основаніе и утвердить постоянную потребность разумно-нравственной дѣятельности — не значитъ ли все это совершить великое дѣло, положить вѣрный и обильный залогъ всему будущему благосостоянію государства?

Выразивъ такимъ образомъ наше пониманіе настоящаго народнаго училища, мы вмѣстѣ съ этимъ опредѣлили его ближайшее прямое назначеніе, главные основные предметы ученія, общій характеръ преподаванія,—однимъ словомъ, мы обозначили весь скромный и незамѣтный кругъ дѣятельности народнаго училища, развивающей и питающей зародыши будущихъ сознательно производительныхъ, нравственныхъ силъ народа.

Сдѣлали ли мы это? Посмотримъ. Народное училище 1) должно очистить, прояснить, углубить и привести въ сознательный порядокъ тѣ представленія и понятія, которыя уже составились въ дѣтяхъ въ продолженіе ихъ домашней жизни, и пріучить дѣтей громко, ясно и правильно выражать, высказывать свои пониманія. Вмѣстѣ съ этимъ дѣти совершенно естественно развиваются, подготовляются и становятся способными къ воспринятію новыхъ, уже не столь простыхъ представленій, понятій, свѣдѣній и проч. Это важное, основное дѣло самаго начальнаго возбужденія правильной и свѣтлой духовной дѣятельности въ дѣтяхъ совершается скорѣе и вѣрнѣе всего *общенагляднымъ обученіемъ*. Сущность нагляднаго обученія и какъ должно совершать его, мы изложимъ подробно впослѣдствіи.

Во 2) народное училище должно сообщать новыя представленія, понятія, сужденія, и дать возможность дѣтямъ впослѣдствіи самимъ пріобрѣтать и правильно выражать ихъ посредствомъ *чтенія, письма и счисленія*.

Въ самомъ дѣлѣ, научая дѣтей правильно и ясно читать, писать и считать, мы не только доставляемъ имъ новыя понятія, свѣдѣнія, мысли, проясняемъ и расширяемъ ихъ пониманіе, но вмѣстѣ съ этимъ снабжаемъ ихъ самымъ легкимъ, удобнымъ и вѣрнымъ средствомъ постоянно впослѣдствіи безъ посторонней помощи увеличивать количество своихъ свѣдѣній.

Въ 3) народное училище должно съ особеннымъ тщаніемъ доставлять дѣтямъ возможно ясныя понятія, возбудить въ нихъ возможно свѣтлыя и живыя сознанія о нравственномъ значеніи человѣка, о его обязанностяхъ, о Богѣ; потому что въ домашней, семейной жизни дѣти не имѣютъ случая пріобрѣтать эти священныя понятія и сознанія, а безъ нихъ человѣкъ никогда не пойметъ и не познаетъ своихъ обязанностей и правъ, своихъ отношеній къ Богу и другимъ людямъ, онъ всегда останется въ невѣдѣніи безсмертной, истинно человѣческой половины существа своего. Что же другое, какъ не религія можетъ полнѣе и живѣе основать и вкоренить въ дитяти эти понятія и сознанія? Поэтому-то преподаваніе *закона Божія* должно составлять краеугольный камень всего ученія въ народныхъ училищахъ.

Но преподаваніе религіи не должно быть облечено въ сухой, безжизненный догматизмъ; оно не должно безъ пользы

обременять памяти, а совершаться въ простыхъ бесѣдахъ, съ кротостью, любовью, проникать прямо въ сердце ученикамъ, увлекать ихъ къ себѣ и просвѣщать своими простыми истинами.

Въ 4) народное училище должно доставить обучающимся дѣтямъ по крайней мѣрѣ главныя основныя понятія о видимой природѣ, о трехъ царствахъ ея; слѣдовательно *начало естествовѣдѣнія* должно также необходимо входить въ число учебныхъ предметовъ. Кромѣ того естественныя произведенія природы, растенія, животныя, какъ ежедневно и постоянно встрѣчаемыя въ сельской жизни, хотя только по общей наружности своей, уже знакомы дѣтямъ, и потому доставляютъ готовый и самый удобный матерьялъ для начальнаго нагляднаго обученія.

Въ 5) народное училище должно заботиться о здоровомъ тѣлесномъ развитіи дѣтей, приспособлять организмъ къ ихъ духовной дѣятельности, сообщать правильность, гибкость и ловкость движеніямъ дѣтей посредствомъ *разумныхъ, систематическихъ гимнастическихъ упражненій и игръ,* дѣйствующихъ на правильное развитіе всѣхъ мускуловъ.

Въ 6) дѣло народныхъ училищъ, какъ мы видѣли, не можетъ ограничиваться только однимъ сообщеніемъ всѣхъ этихъ понятій и знаній; нѣтъ, оно должно постепенно утверждать ихъ въ дѣтяхъ, и такимъ образомъ возбудить въ нихъ постоянную потребность разумной человѣческой дѣятельности, стремленіе къ дальнѣйшиму развитію. Изъ этого слѣдуетъ, что народное училище должно быть не только учебнымъ, но преимущественно *воспитательнымъ* заведеніемъ. Какія же воспитательныя средства имѣетъ бѣдное народное училище, въ которомъ одинъ учитель долженъ возиться по крайней мѣрѣ съ 60 мальчуганами и дѣвочками? — Воспитательныя средства заключаются во всемъ ученіи, во всѣхъ обозначенныхъ учебныхъ предметахъ, особенно въ преподаваніи закона Божія и въ гимнастикѣ.

Къ этимъ названнымъ учебнымъ дисциплинамъ, для усиленія воспитательныхъ средствъ школы, мы необходимо должны присоединить и *обученіе пѣнію, музыкѣ и рисованію,* какъ искуствамъ, болѣе и дѣйствительнѣе всего другого способнымъ смягчить нравы и характеръ дѣтей и возбудить въ нихъ простое сочувствіе и стремленіе ко всему доброму, полезному и хорошему. Гармонія уже сама по себѣ, а тѣмъ болѣе пониманіе и умѣніе воспроизводить гармонію, невольно и незамѣтно возвышаетъ всѣ помыслы человѣка, облегчаетъ его тяжелые труды и занятія, заставляетъ забывать хоть на нѣсколько минутъ горе и всѣ волненія. Простые люди чувствуютъ внутреннюю потребность и выражаютъ и горе и радость въ безъискуственныхъ звукахъ. Удовлетворимъ же такому природному, прекрасному влеченію: осмыслимъ эти звуки, придадимъ имъ сознательную стройность и гармонію. Они вмѣстѣ съ чтеніемъ составятъ прекрасное, благородное и вполнѣ нравственное занятіе и увеселеніе народа въ праздничный день, удержатъ его отъ пьянства, разврата и облегчатъ тяжкій трудъ его.

Постараемся теперь, на основаніи всего сказаннаго, еще проще и яснѣе обозначить главное дѣло народнаго училища. Оно существуетъ не только для обученія дѣтей, но преимущественно для воспитанія ихъ, и цѣль его не есть сообщеніе извѣстныхъ свѣдѣній, знаній, а образованіе и вкорененіе возможно большаго числа основныхъ, полныхъ, истинныхъ понятій въ ребенкѣ посредствомъ сообщенія свѣдѣній и знаній. Народное училище должно прежде всего достигнуть того, чтобы дѣти, окончившія въ немъ свое обученіе, ясно, правильно и возможно полно понимали и сознавали постоянно окружающую ихъ природу, все, что совершается около нихъ, всѣ естественныя несложныя отношенія ихъ къ родителямъ, къ семьѣ и дому своему, къ сосѣдямъ и т. д., однимъ словомъ, чтобы дѣтямъ было вполнѣ ясно и понятно все, что они ежедневно видятъ, слышатъ и дѣлаютъ. Если дѣйствительно въ продолженіе нѣсколько лѣтъ обученія въ народномъ училищѣ каждый изъ окружающихъ предметовъ будетъ просто, ясно и наглядно разъясненъ дѣтямъ въ цѣломъ видѣ и въ частяхъ, если будетъ совершенно просто объяснено его образованіе, развитіе и настоящая жизнь и назначеніе, и если все это основательно и отчетливо усвоится дѣтьми: то естественно, что

они пріобрѣтутъ много вѣрныхъ и ясныхъ понятій. Вмѣстѣ съ этимъ духовныя силы ихъ до того окрѣпнутъ и до того пріучатся такими постепенно-правильными упражненіями къ сознательной, ясной дѣятельности, что уже потомъ сами будутъ искать себѣ новыхъ впечатлѣній, новой сознательной дѣятельности. Да, они каждый разъ до тѣхъ поръ не будутъ спокойными, довольными, пока эта дѣятельность не сдѣлается для нихъ вполнѣ ясною, потому что въ нихъ уже составились и утвердились извѣстныя нормы ясности пониманія во время обученія.

Ученіе въ народномъ училищѣ должно, какъ мы видѣли, начинаться съ очищенія и просвѣтленія тѣхъ понятій, которыя уже имѣются дѣтьми. Для этого прежде всего надо узнать эти понятія, т. е. умѣть выспрашивать у дѣтей, или заставлять ихъ высказывать свои понятія громко и отчетливо. Эти понятія, пріобрѣтенныя дѣтьми еще до ученія, конечно могутъ касаться только извѣстныхъ вещественныхъ предметовъ, извѣстныхъ дѣйствій, однимъ словомъ, того, что дѣти видѣли, слышали и сами дѣлали. Слѣдовательно для проясненія, очищенія и углубленія дѣтскихъ понятій необходимо въ продолженіе начальнаго ученія, такъ сказать, мало по малу перебрать самые предметы и дѣйствія, произведшіе эти понятія, показывая и возможно всесторонне, просто и наглядно объясняя ихъ дѣтямъ. Этотъ естественный методъ обученія по дѣйствительнымъ предметамъ и есть собственно общенаглядное обученіе. Такимъ образомъ не только спутанныя, поверхностныя и большею частью ложныя и затемненныя нелѣпыми предразсудками и суевѣріями понятія дѣтей очищаются, проясняются и углубляются, но вмѣстѣ съ этимъ сами дѣти скоро начинаютъ чуствоватъ свѣтлую перемѣну въ своемъ пониманіи; они развязнѣе, яснѣе и смѣлѣе начинаютъ говорить; училище съ самаго начала не покажется имъ страшилищемъ, и они съ радостью спѣшатъ на ученіе. Потомъ слѣдуетъ сообщать новыя понятія, вводя постепенно въ кругъ дѣтскаго пониманія тѣ изъ окружающихъ предметовъ, дѣйствій и отношеній къ семьѣ и сосѣдямъ, которые еще вовсе не обращали на себя вниманіе дѣтей. Самая бѣдная окружающая природа можетъ дать достаточное питаніе духовнымъ силамъ человѣка, возбудить и поддерживать ихъ дѣятельность и стремленіе къ развитію, если только она не одною наружностью или внѣшними формами своими будетъ производить на него впечатлѣніе, а проявится ему, при кроткомъ, терпѣливомъ и свѣтломъ посредничествѣ другого знающаго человѣка-наставника, въ своихъ скрытыхъ силахъ и откроетъ ему свою внутреннюю дѣятельность съ ея причинами и слѣдствіями.

Вспомнимъ, что большинство, да почти всѣ дѣти, обучающіяся въ народномъ училищѣ, по окончаніи въ немъ ученія, не поступаютъ въ другое какое-нибудь училище, а прямо начинаютъ заниматься практическою дѣятельностью, и въ той же странѣ, гдѣ они родились и выростали. Поэтому-то первое и ближайшее дѣло обученія въ народномъ училищѣ и должно состоять въ томъ, чтобы ознакомить дѣтей какъ можно основательнѣе и обширнѣе съ мѣстомъ жительства, съ родиною ихъ, чтобы все, что въ ней совершается, живетъ, существуетъ, было возможно ясно, понятно и сознательно для дѣтей. Обозначенные нами выше предметы первоначальнаго народнаго обученія не должны преподаваться какъ отдѣльныя науки; нѣтъ; о наукахъ и помину не должно быть въ народномъ училищѣ. Сначала должно брать весь матерьялъ для обученія изъ окружающей природы, изъ отношеній дѣтей къ родителямъ, между собою, къ сосѣдямъ, вообще изъ самой жизни дѣтей. Поэтому то быть настоящимъ учителемъ въ народномъ училищѣ чрезвычайно трудно. Положимъ, что человѣкъ усердно, разумно и съ любовью приготовлялся къ этому скромно высокому званію, что онъ усвоилъ себѣ извѣстные настоящіе пріемы и способы преподаванія, общіе для всѣхъ народныхъ городскихъ и сельскихъ училищъ; но матерьялъ для преподаванія въ каждой мѣстности долженъ быть болѣе или менѣе другой, сообразный съ условіями мѣстнаго быта, понятіями, нравами, занятіями, однимъ словомъ, сообразный со всею мѣстною жизнью народа. Въ каждой мѣстности учитель встрѣтитъ дѣтей съ извѣстнымъ количествомъ понятій, порожденныхъ и вполнѣ по объему и по содержанію обусловливаемыхъ

мѣстными потребностями, мѣстною жизнію. Каждая мѣстность имѣетъ болѣе или менѣе свои отличительныя занятія, свои обычаи, свои повѣрья, предразсудки, преданія, отъ которыхъ вполнѣ зависитъ количество, объемъ и содержаніе дѣтскихъ понятій и степень развитія дѣтей. Настоящій, образованный и знающій народный учитель не можетъ прямо приступить къ обученію дѣтей грамотѣ, счисленію, естествознанію, религіи. Онъ прежде всего долженъ познакомиться съ мѣстною жизнію и особенно узнать всѣ понятія дѣтей съ причинами, ихъ породившими, однимъ словомъ, какъ тѣлесное, такъ и духовное состояніе дѣтей, чтобы знать, на что и какъ потомъ дѣйствовать преподаваніемъ и какой матерьялъ надо употребить для преподаванія. Одно отвлеченное, теоретическое обученіе будетъ безжизненно, сухо и совершенно непонятно и чуждо для дѣтей, оно съ перваго же раза совершенно озадачитъ ихъ, оттолкнетъ отъ ученія. Слѣдовательно преподаваніе непремѣнно должно быть наглядное, и матерьяломъ для него должны служить мѣстные предметы, мѣстная природа, мѣстная жизнь, хотя только наружно знакомая дѣтямъ. Сначала постепенно очищая, углубляя и расширяя такимъ нагляднымъ путемъ уже составившіяся пониманія дѣтей, потомъ увеличивая и размножая ихъ яснымъ и простымъ обученіемъ религіи, грамотѣ и прочему, учитель мало по малу передаетъ дѣтямъ и утверждаетъ въ нихъ вѣрныя начальныя понятія и пониманія, однимъ словомъ, возбуждаетъ здравую духовную дѣятельность и даетъ имъ возможность впослѣдствіи поддерживать и расширять эту дѣятельность преимущественно посредствомъ чтенія и письма и вообще посредствомъ всего труда, который осмыслится, сдѣлается сознательнымъ.

Изъ всего предъидущаго ясно и естественно слѣдуетъ, что народное училище какъ по кругу дѣятельности своей, по прямому назначенію своему, такъ и по средствамъ къ выполненію этого назначенія, по сообщаемымъ знаніямъ и особенно по методѣ преподаванія есть вполнѣ самостоятельное, оконченное воспитательное учрежденіе. Оно не можетъ быть пріуготовительнымъ училищемъ, и не должно занимать низшую ступень между другими учебными заведеніями. Воспитательная и учебная дѣятельность народнаго учителя есть совершенно самостоятельная, особенная, первоначально-образовательная дѣятельность, которая совершается особеннымъ путемъ, особенными преподавательными пріемами и способами. Превосходный професоръ, отличный директоръ, инспекторъ, учитель гимназіи могутъ быть вполнѣ неспособными для дѣятельности въ народномъ училищѣ. Поэтому непосредственной административной зависимости и подчиненности народнаго училища гимназіямъ или другимъ какимъ учебнымъ заведеніямъ не должно быть. Дѣло мастера боится; только мастеръ дѣла можетъ вполнѣ хорошо совершать его; тѣмъ болѣе наблюденіе за совершеніемъ дѣла и управленіе имъ можетъ быть поручено одному мастеру этого дѣла. Вмѣшательство же людей неопытныхъ и незнающихъ, не говоря уже про зависимость отъ нихъ, развѣ только напортитъ, а добра никакъ не принесетъ. Отъ одного и того же человѣка нельзя требовать, чтобы онъ зналъ все и имѣлъ время на все. Вполнѣ довольно, если директоръ гимназіи, зная отчетливо свое дѣло, добросовѣстно, настоящимъ образомъ выполняетъ его. Дайте ему еще другую дѣятельность, и обѣ пойдутъ непремѣнно плохо. Внѣшняя централизація въ области воспитанія не ведетъ ни къ чему хорошему, а только задерживаетъ, сжимаетъ свободное правильное развитіе отдѣльныхъ самостоятельныхъ частей. Если мы будемъ соединять внѣшней связью самостоятельныя учебныя заведенія, подчинять по степенямъ ихъ одно другому, то все наше народное образованіе уподобится безобразному и безжизненному зданію, подвальный этажъ котораго въ такомъ случаѣ неизбѣжно будутъ составлять народныя училища. Не знаемъ, здорово ли жить постоянно въ сырыхъ, заплеснѣлыхъ и полутемныхъ подвалахъ?!!

Система всего народнаго образованія должна составлять живое органическое цѣлое, а не мертвое безжизненное зданіе. Это органическое цѣлое мы лучше и вѣрнѣе всего можемъ сравнить съ живымъ, одушевленнымъ организмомъ человѣка. Въ тѣлѣ человѣческомъ каждый изъ его членовъ вполнѣ самостоятеленъ,

нисколько не подчиняется другимъ членамъ, самостоятелно совершаетъ свою особенную дѣятельность, вполнѣ согласную съ его назначеніемъ. Между тѣмъ всѣ члены вмѣстѣ находятся въ постоянной живой внутренней связи между собою, составляютъ единоцѣлый, стройный, благообразный организмъ человѣка и, повинуясь только единой волѣ, согласно выполняютъ все назначеніе и всю дѣятельность этого организма. Отдѣленные отъ него, они умираютъ, теряютъ возможность существованія. Но съ другой стороны и весь организмъ здраво существуетъ и живетъ только до тѣхъ поръ, пока составляющіе его члены находятся въ органической связи между собою, существуютъ и живутъ. Слѣдовательно какъ отдѣльные члены, такъ и все тѣло человѣка живетъ, отправляетъ свою дѣятельность до тѣхъ поръ, пока они находятся въ живой органической связи между собою. Эту связь составляютъ и поддерживаютъ не мускулы, не жилы, не артеріи, а сама жизнь всего организма, всѣ жизненныя отправленія его, состоящія, какъ извѣстно, въ постоянномъ обмѣнѣ матеріи, въ постоянномъ разложеніи, уничтоженіи и воспроизведеніи веществъ тѣла посредствомъ правильнаго и здороваго питанія и правильной дѣятельности каждаго члена и всего организма.

Назначеніе какъ всего организвма человѣческаго, такъ и каждаго изъ членовъ его есть постоянное отправленіе жизни, вслѣдствіе правильнаго совершенія соотвѣтствующей и назначенной каждому члену опредѣленной дѣятельности. Назначеніе каждаго училища и всей системы училищъ состоитъ въ распространеніи образованія въ народѣ. Каждое училище совершаетъ это общее дѣло въ томъ кругу и въ той степени и съ тѣми средствами, какъ ему назначено. Слѣдовательно надо прежде всего вѣрно опредѣлить этотъ кругъ дѣятельности и снабдить училище надлежащими средствами, необходимыми для выполненія этой дѣятельности, и потомъ дозволить ей развиваться и совершаться свободно и самостоятельно подъ руководствомъ людей, вполнѣ знающихъ и посвятившихъ себя такой дѣятельности. Внутренняя же, живая, органическая связь между всѣми училищами возникнетъ сама собою и самымъ естественнымъ путемъ, и будетъ состоять въ согласномъ стремленіи къ одной общей цѣли,—образованію народа. Скромная, ограниченная дѣятельность каждаго рода училищъ будетъ поддерживаться и находить себѣ приличное здоровое питаніе въ общей благодатной дѣятельности всѣхъ учебныхъ заведеній, всей системы народнаго образованія.

Слѣдовательно никакихъ ступеней не должно быть въ системѣ народнаго образованія, и народныя училища, какъ и всѣ другія общеобразовательныя заведенія, поэтому не могутъ составлять ни низшую, ни среднюю, ни высшую ступень; они должны быть вполнѣ самостоятельными и имѣть свое назначеніе и свой опредѣленный кругъ дѣятельности. Все дѣло народныхъ училищъ состоитъ въ томъ, чтобы очистить, прояснить, углубить и расширить понятія и пониманія народа, возбудить въ немъ живую, сознательною духовную дѣятельность и такимъ образомъ вывести цѣлыя массы народа изъ нравственнаго оцѣпенѣнія и усыпленія, изъ невѣжества, огрубѣлости, лѣни, грязи, пьянства. Однимъ словомъ, народное обученіе должно возбудить и развить въ народѣ его здоровыя, природныя разумно-нравственныя силы чтобы треснула, распалась и слетѣла вѣковая кора предразсудковъ, суевѣрій, сжимавшая и подавлявшая эти силы, и чтобы онѣ выглянули на свѣтъ Божій, встрепенулись и съ могучею юною энергіею начали бы новый, сознательный, вполнѣ производительный трудъ, единственно вѣрный и обильный источникъ и матерьяльнаго, и нравственнаго благосостоянія народа.

II.

О томъ, какъ возникли и развивались народныя училища въ Англіи и Германіи.

Вездѣ люди, во всемъ люди: безъ людей ничего не сдѣлаешь! Это простая, всѣмъ извѣстная истина. Каждое дѣло, каждое учрежденіе требуетъ для исполненія своего людей знающихъ и добросовѣстныхъ, — иначе ничто не пойдетъ впередъ, все останется мертвою буквою, пусто и безжизненно. Мы ни на волосъ не подвинемся впередъ въ священномъ дѣлѣ народнаго образованія, если не будемъ имѣть настоящихъ народныхъ учителей. Это вѣрнѣе, чѣмъ дважды два — четыре. Пока у насъ не будетъ такихъ учителей, до тѣхъ поръ мы никакихъ благихъ результатовъ не дождемся. Слѣдовательно прежде всего надо подумать о приготовленіи настоящихъ народныхъ учителей. Какъ бы это сдѣлать?

Въ концѣ предъидущей статьи моей я высказалъ мнѣніе, что система всего народнаго образованія есть живой организмъ, и что народныя училища составляютъ одинъ изъ самостоятельныхъ членовъ этого организма. Какъ каждое растеніе, животное и вообще всѣ органическія, живыя тѣла въ природѣ, получая отъ нея свое питеніе, выростаютъ и развиваются сами собою, по извѣстнымъ природнымъ законамъ, такъ и народное образованіе, только саморазвиваясь, можетъ выработать себѣ вполнѣ природныя, настоящія формы, въ которыхъ окрѣпнувъ и возмужавъ, будетъ приносить постепенно болѣе и болѣе совершенный и обильный плодъ. Въ слѣдующемъ краткомъ историческомъ очеркѣ я постараюсь пояснить и доказать эти слова, представивъ читаталямъ въ главныхъ чертахъ постепенное органическое развитіе народныхъ училищъ въ Англіи и въ Германіи.

Кромѣ того этотъ очеркъ, при всей краткости своей, покажетъ, какое участіе принимало и принимаетъ общество въ этихъ государствахъ въ образваніи народа, и можетъ-быть хотя нѣсколько опредѣлитъ тотъ путь, по которому мы должны идти, чтобы прочно и здраво начать это великое святое дѣло отъ котораго зависитъ и нравственное, и матерьяльное благосостояніе нашего отечества.

Народныя училища въ Англіи (*) носятъ различныя названія: Parish schools (приходскія или общинныя), Burgh schools (городскія), Sunday schools (воскресныя), Ragged schools (школы для оборванцевъ) и т. д. Въ этихъ школахъ обучаются дѣти самыхъ бѣдныхъ родителей. Богатые отдаютъ своихъ дѣтей въ Grammar chools (нѣчто въ родѣ нашихъ гимназій), а дѣти мѣщанъ и ремесленниковъ ходятъ въ плохія частныя школы, потому что родители не допускаютъ, чтобы дѣти ихъ учились вмѣстѣ съ бѣдными дѣтьми, хотя и не въ состояніи заплатить за посѣщеніе Grammar schools. Такова сила нелѣпыхъ средневѣковыхъ сословныхъ предразсудковъ.

До 16 столѣтія въ Англіи были только однѣ Grammar schools, въ которыхъ и бѣдныя дѣти простолюдиновъ должны были обучаться латинскому языку. Въ 16 столѣтіи, когда начала распространяться реформація, составилось нѣсколько частныхъ обществъ съ цѣлію доставить бѣднымъ людямъ знаніе религіи и вообще обученіе, сообразное съ условіями и потребностями ихъ жизни. Въ 1699 году всѣ такія отдѣльныя общества слились въ одно большое общество для распространенія христіанскихъ знаній (Society for promoting christian knowledge), которое до 1750 года учредило въ Англіи и въ Валисѣ 1600 народныхъ училищъ (Parisch schools) для дѣтей бѣдныхъ рабочихъ. Въ 1785 году возникло общество, открывавшее воскресныя школы. Но обученіе въ этихъ училищахъ сначала долгое время совершалось очень плохо. Въ 1810 году Белль (Dr. Bell), бывшій миссіонеромъ въ Остъ-Индіи, введеніемъ своей Monitor-system (въ которой старшій и способнѣйшій ученикъ

(*) Schulwesen Englands' von L. Schacht. 1860.

по указаніямъ учителя обучаетъ отдѣленія младшихъ учениковъ), улучшилъ систему обученія. Его метода заслужила общее одобреніе, и въ томъ же году изъ упомянутаго общества составилось знаменитое «National society for promoting the education of the poor in the principles of the established church», которое, въ своихъ народныхъ училищахъ только для дѣтей англиканской церкви, вводило monitor-system. Въ это же время явился Іосифъ Ланкастеръ, со своею извѣстною системою взаимнаго обученія, составлявшею собственно улучшеніе Беллевой. По предложенію Ланкастера, образовалось другое огромное общество, «The britisch and foreign schools society», также съ цѣлью учрежденія народныхъ школъ, но для дѣтей всѣхъ вѣроисповѣданій. Въ вѣдѣніи этихъ двухъ обществъ до сихъ поръ находится почти все народное образованіе въ Англіи.

Въ 1839 году, по настоятельнымъ представленіямъ лордовъ Брума и Дж. Росселя, въ министерствѣ было учреждено *учебное отдѣленіе* (Committee of council on education), и парламентъ опредѣлилъ выдавать ежегодно 30,000 ф. ст. на вспомоществованіе народнымъ училищамъ. Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ лордъ Дж. Россель постоянно поднималъ сильныя пренія въ парламентѣ по вопросу о народныхъ училищахъ и указывалъ на введеніе «prussian system». Хотя это предложеніе было отвергнуто протестами упомянутыхъ обществъ, не терпящихъ никакого стѣсненія, но правительство въ 1858 году назначило ежегодно 668,873 ф. ст. (болѣе 4,000,000 руб. сер.) на улучшеніе народныхъ школъ и особенно учительскихъ семинарій, и опредѣлило 35 инспекторовъ для наблюденія за обученіемъ въ тѣхъ только училищахъ, которыя получаютъ отъ него пособіе. Но не смотря на всѣ пожертвованія и горячее участіе общества и на богатое содѣйствіе со стороны правительства, народныя училища имѣли бы самое ничтожное вліяніе на улучшеніе нравственности и на образованіе народа, еслибы въ Англіи, въ продолженіе нынѣшняго столѣтія, не было обращаемо особенное вниманіе на приготовленіе народныхъ учителей.

«До начала нашего столѣтія эти учителя находились въ самомъ жалкомъ состояніи; избираемые изъ всякаго сброда, они не имѣли ни необходимаго образованія, ни умѣнія привлечь дѣтей въ школу и сдѣлать имъ пребываніе въ ней дѣйствительно полезнымъ. Задача народнаго образованія, столь трудная и многосложная во всѣхъ странахъ, въ Англіи представляетъ, вслѣдствіе особенныхъ условій, еще болѣе затрудненій, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Съ прошедшаго вѣка народное хозяйство приняло въ Англіи совершенно новыя и отличныя отъ первыхъ временъ формы: оно перешло съ удивительною быстротою изъ формъ натуральнаго хозяйства и развитія промышленности посредствомъ ремеслъ въ новыя формы хозяйства денежнаго и развитія фабричной промышленности. Вслѣдъ за множествомъ новыхъ открытій, поставившихъ англійскую промышленность въ обладаніе столькими новыми силами, послѣдовало необходимо развитіе большихъ промышленныхъ предпріятій; прялка деревенскихъ жителей не могла конкурировать съ новыми машинами, хотя онѣ не были движимы парами; вязаніе чулокъ, занимавшее цѣлыя графства, должно было сосредоточиться въ немногихъ городахъ, гдѣ устроены были машины, и т. д. Все это должно было содѣйствовать быстрому развитію промышленности, торговли и народнаго богатства, развитію, котораго мы не видимъ въ другихъ странахъ, — но характеръ этой промышленности долженъ былъ неблагопріятно вліять на характеръ и благосостояніе низшихъ классовъ. Громадныя фабрики сосредоточили рабочее населеніе, селившееся до сихъ поръ по деревнямъ, въ этихъ дымныхъ, черныхъ городахъ; семейство, работавшее прежде дома, было разбросано по разнымъ частямъ этихъ громадныхъ зданій; отецъ уходилъ рано изъ дому и, усталый, изнуренный, если не пьяный, возвращался домой поздно вечеромъ; мать также большею частью стала проводить день внѣ дома; дѣти оставлялись безъ присмотра до шести или семи лѣтъ, на улицѣ, гдѣ учились всякимъ порокамъ, а семи лѣтъ посылались на фабрику (къ чему ихъ нерѣдко принуждали тѣмъ, что только подъ этимъ условіемъ давали ѣсть), гдѣ, въ трудной и притупляющей

работѣ; они, безъ предварительнаго образованія, безъ воспитанія и умственнаго развитія, рано пріучались работать самымъ ужаснымъ образомъ три дня въ недѣлю, чтобы пьянствовать на заработанныя деньги остальные четыре дня. Въ такихъ обстоятельствахъ обществамъ распространенія образованія предстояла двоякая задача: они должны были не только учреждать школы, но и всѣми силами стараться завлекать въ нихъ дѣтей и побуждать необразованныхъ, грубыхъ родителей пускать своихъ дѣтей въ школу, вмѣсто того, чтобы посылать ихъ насильно на фабрику. Они должны были неослабно стараться о томъ, чтобы ученіе было и весело, и пріятно для дѣтей; съ другой стороны, они должны были заботиться, чтобы учитель, своимъ нравственнымъ вліяніемъ на дѣтей, удерживалъ ихъ на хорошемъ пути. Другая задача состояла въ томъ, что школа, чтобы имѣть какое-нибудь значеніе и вліяніе и принести пользу этимъ необузданнымъ и буйнымъ жителямъ улицъ, должна была замѣнять и самое семейство и *воспитаніе*, которое въ обыкновенныхъ случаяхъ дается дома и котораго не касается школа. Здѣсь не только нельзя было найти учениковъ, подготовленныхъ къ школѣ домашнимъ вліяніемъ, но нужно было вполнѣ замѣнить эту домашнюю воспитательную дѣятельность и, кромѣ того, бороться съ пагубнымъ домашнимъ вліяніемъ. Слѣдовательно, нужно было «найти людей, которые могли бы дать ребенку то, что семейство не умѣло, не могло или не хотѣло дать, — людей, достаточно проникнутыхъ религіозною идеею, чтобы понять всю святость такой задачи, довольно преданныхъ дѣлу, чтобы предпринять его, и довольно умныхъ и развитыхъ, чтобы совершить его добросовѣстно и съ пользою. Конечно, такихъ людей нельзя было найти въ прежнемъ сословіи школьныхъ учителей; такихъ людей надо было образовать. Для этого были необходимы школы для образованія школьныхъ учителей и учительницъ; созданіе ихъ сдѣлалось цѣлью стремленій разныхъ обществъ, и вскорѣ эти заведенія стали ихъ надежнѣйшею опорою».

Благородный и благодѣтельный Sir James Kay Shuttleworth, оказавшій великія услуги народному образованію въ Англіи, первый отправился въ Швейцарію, изучалъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ учебныя заведенія въ Лозанѣ, Луцернѣ, Цюрихѣ, учрежденныя на основаніяхъ Песталоцци; потомъ тщательно ознакомился съ учительскими семинаріями въ Германіи и Голландіи и, по возвращеніи, улучшивъ систему Белль-Ланкастера, учредилъ первую учительскую семинарію Battersea близъ Лондона (Training school or college), которая съ 1843 года сдѣлалась собственностью National Society. Впрочемъ, еще въ 1841 году это же общество основало двѣ семинаріи для образованія учителей и учительницъ (St. Marks college и Whiteland's house) и потомъ много другихъ, изъ коихъ ежегодно выходитъ до 280 учителей и учительницъ. Britisch society, съ своей стороны, еще съ 1818 года начало заводить подобныя семинаріи. Эти же общества и другія тщательно и постоянно съ горячимъ соревнованіемъ заботились объ изданіи хорошихъ руководствъ къ обученію, какъ для учителей, такъ и для учениковъ, и множества баснословно дешевыхъ, здравыхъ книгъ для народнаго чтенія.

Въ учительскія семинаріи принимается на 3 года каждый молодой человѣкъ, желающій посвятить себя званію народнаго учителя. Такой человѣкъ долженъ прежде обучаться въ продолженіе 5 лѣтъ какъ pupil-teacher, у какого-нибудь народнаго учителя, имѣющаго школу, къ которому онъ поступаетъ не старше 13 лѣтъ, по выдержаніи небольшаго экзамена въ познаніяхъ, соотвѣтствующихъ элементарнымъ народнымъ училищамъ. Такихъ pupil-teachers бываетъ иногда нѣсколько у одного и того же учителя: они помогаютъ ему преподавать въ народной школѣ (усовершенствованная monitor-system), и потомъ ежедневно учитель обязанъ давать имъ $1^1/_2$ часовой урокъ. Правительство не только выдаетъ ежегодное пособіе такому учителю за подготовленіе будущихъ народныхъ учителей, но и каждый изъ pupil-teachers получаетъ отъ него отъ 10 до 20 ф. Если ученикъ захочетъ перемѣнить свое поприще, то можетъ во всякое время, безъ малѣйшихъ формальностей, оста-

вить учителя, который еще выдаетъ ему свидѣтельство по способностямъ, усердію, нравственности, служащее лучшею рекомендаціею.

По прошествіи 5 лѣтъ pupil-teacher выдерживаетъ болѣе строгое испытаніе, особенно въ дидактическихъ способностяхъ, и поступаетъ въ семинарію на 3 года; онъ живетъ тамъ, называется student или queen's scholar и получаетъ отъ правительства ежегодно отъ 25 до 30 ф. По окончаніи семинарскаго курса, выдержавшіе полное выходное испытаніе дѣлаются прямо самостоятельными народными учителями, а неудовлетворительно выдержавшіе могутъ быть только помощниками ихъ. По жалованью учителя раздѣляются на 3 степени, смотря по времени служенія, по успѣшной дѣятельности и по усердію; они получаютъ отъ упомянутыхъ обществъ и деревенскихъ общинъ хорошую квартиру и по 36, 46 и 60 ф. въ годъ, да отъ правительства по 18, 23 и 30 ф. за приготовленіе pupil-teachers. Слѣдовательно, народные учителя въ Англіи по меньшей мѣрѣ получаютъ отъ 340 до 540 р. сер. ежегодно. Въ 1851 году 1,137 учителей имѣли у себя 5,607 pupil-teachers, изъ которыхъ въ 1853 году 1371 (945 мужчинъ и 426 дѣвицъ) поступили въ семинаріи. Всѣхъ учительскихъ семинарій въ 1847 году въ Англіи было 40; изъ нихъ только двѣ не получали вспомоществованія отъ правительства. Въ этихъ семинаріяхъ въ настоящее время обучаются до 2,000 учениковъ и учениц, которыхъ воспитаніе стоитъ ежегодно до 400,000 фунт. или около 600,000 р. сер. Въ Англіи въ мужскихъ училищахъ преподаютъ обыкновенно учителя, а въ женскихъ учительницы. Средства, необходимыя на содержаніе какъ народныхъ училищъ, такъ и учительскихъ семинарій, получаются большею частью изъ пяти источниковъ: 1) вспомоществованія отъ правительства; 2) ежегодные вносы членовъ упомянутыхъ обществъ; 3) училищные налоги (въ нѣкоторыхъ общинахъ); 4) плата съ дѣтей за ученіе; 5) проценты съ пожертвованныхъ капиталовъ.

Чтобы имѣть понятіе, какъ велики бываютъ пожертвованія частныхъ лицъ въ пользу народныхъ школъ, я привожу нѣкоторыя изъ нихъ: Въ 1828 году Яковъ Дикъ оставилъ капиталъ въ 120,000 ф. (720,000 р. сер.), состоявшій въ обширныхъ земляхъ, которыя въ настоящее время доставляютъ ежегодно около 50,000 руб. сер. Джонъ Мильнъ, умершій въ Остъ-Индіи, оставилъ 50,000 ф.; а братъ его Александръ еще 30,000 ф. Такія громадныя пожертвованія ясно доказываютъ, какъ глубоко понимается значеніе народнаго образованія! [1]).

Кромѣ постоянныхъ, ежедневныхъ народныхъ училищъ, повсюду и въ Англіи, и въ Шотландіи существуютъ воскресныя школы, въ которыхъ въ 1858 году находилось до $2^1/_2$ мил. дѣтей и взрослыхъ ремесленниковъ. Такимъ образомъ эти несчастные, принужденные цѣлую недѣлю проводить въ самомъ тяжеломъ механическомъ трудѣ, по крайней мѣрѣ въ воскресный и праздничный день получаютъ истинную христіанскую пищу.

Взаключеніе привожу слѣдующія статистическія данныя о быстромъ увеличеніи числа учащихся въ народныхъ училищахъ:

	Число жителей въ Англіи и въ Валисѣ.	Изъ нихъ посѣщали училища:
Въ 1818 г.	11,624,000	674,000 ч.
» 1833 г.	14,386,000	1,276,000 »
» 1851 г.	17,927,000	2,144,000 »

Слѣдовательно, въ 1815 году въ Англіи изъ 8 жителей одинъ ходилъ въ училище.

Посмотримъ теперь, какъ возникло и развилось народное обученіе въ Германіи [2]). Оно обязано своимъ возрожденіемъ реформаціи. Свободный, живой духъ протестантизма требовалъ, чтобы каждый христіанинъ зналъ, по крайней мѣрѣ, главныя основанія своей религіи. Лютеръ еще въ 1526 году, въ предисловіи къ своей книгѣ «Нѣмецкая обѣдня и порядокъ богослуженія», говоритъ слѣдующее: «Ну, теперь, во имя Бога, прежде всего необходимъ хоть какой-нибудь простой, плохой катихизисъ. «Catehismus» означаетъ ученіе, которое научаетъ и наставляетъ язычниковъ, желающихъ

---

[1]) Чтобы у насъ образумиться добрымъ людямъ, да дѣлать такіе же вклады въ народныя училища, какъ встарину въ монастыри!

[2]) Dr. Heppe. Geschichte des deutscen Vklsschulwesens. 5 Bole Cotha, 1858—1860.

содѣлаться христіанами, въ томъ, чему они должны вѣрить, что творить и чего не дѣлать и что должны знать изъ христіанства». Это ученіе сначала Лютеръ изложилъ въ трехъ главахъ: Десять заповѣдей, Символъ вѣры и Отче нашъ, потому что въ нихъ, говоритъ онъ, «отъ самаго начала христіанства и до сихъ поръ написано коротко и ясно все, что нужно знать христіанину». Для распространенія знанія катихизиса и вообще религіи, такъ какъ не было еще народныхъ училищъ и никакихъ другихъ общинъ, Лютеръ требуетъ, чтобы пасторы въ извѣстные дни или даже каждый день, въ церквахъ, истолковывали своимъ прихожанамъ христіанское ученіе, и убѣждаетъ и проситъ родителей и хозяевъ утромъ и вечеромъ наставлять дѣтей и всѣхъ домашнихъ въ этихъ трехъ основаніяхъ религіи. «Но не такъ, говоритъ онъ, чтобы только слова заучивались, а толкуя, спрашивая и требуя отвѣтовъ на каждое слово до тѣхъ поръ, пока не усвоится сердцемъ вся сумма христіанскаго разума, т. е. вѣра и любовь».

Таково было здравое начало народнаго обученія, положенное самою церковью. Оно, какъ мы видимъ, вытекло прямо и естественно изъ сознанной необходимости дать человѣку познаніе того, что дороже всего христіанину, составляетъ главную основу его вѣры. На этихъ-то основаніяхъ въ протестантской Германіи во всѣхъ погостахъ учреждались народныя училища, въ которыхъ учителями были кюстеры (причетники). Кромѣ катихизиса въ нихъ преподавалось еще самое начальное счисленіе. Но долгія религіозныя и политическія бури уничтожили и заглушили это благое начало, о которомъ, къ счастію, осталось живое воспоминаніе въ людяхъ истины и добра. По окончаніи тридцатилѣтней войны, какъ извѣстно, большая часть городовъ и селеній лежала въ развалинахъ. Молодое поколѣніе, населявшее эти развалины, выросло въ звѣрствѣ и одичалости. Правительства едва успѣвали приводить хоть въ какой-нибудь порядокъ свое совершенное разстройство. Въ протестантской религіи водворился сухой, безжизненный догматизмъ; она уже болѣе не заботилась содѣлать живую вѣру Христову достояніемъ каждаго члена народа, а сильнѣе и сильнѣе заковывала ее въ мертвящую, схоластическую догматику, готовясь выступить въ иной упорный споръ съ католицизмомъ. Только одинъ благочестивый герцогъ Готскій Эрнестъ вспомнилъ о народѣ: сжималось сердце его при видѣ бѣдственнаго нравственнаго и матеріальнаго положенія простолюдина. Онъ тотчасъ же началъ учреждать школы во всѣхъ общинахъ на основаніяхъ религіи, но религіи сухой, холодной, догматической.

Къ счастію, скоро явился знаменитый Филиппъ-Іаковъ Спенеръ, основатель разумнаго піетизма, доведеннаго впрочемъ бездарными послѣдователями его до отвратительныхъ крайностей. Онъ смѣло началъ бороться съ мертвымъ церковнымъ догматизмомъ, сталъ по прежнему развивать и проповѣдывать народу живое христіанское ученіе. Съ нимъ соединился благодѣтельный Франке, учредитель новыхъ училищъ для бѣдныхъ въ Галле, гдѣ онъ былъ проповѣдникомъ послѣдніе 35 лѣтъ своей жизни. Вотъ какъ начались его школы. По четвергамъ множество нищихъ собиралось около церковнаго дома, въ которомъ жилъ Франке. Самъ бѣдный, онъ не высылалъ имъ подаянія, а призывалъ къ себѣ въ домъ, поучалъ малыхъ (старые слушали) и оканчивалъ свои бесѣды хлѣбомъ съ солью да молитвою. Однажды онъ нашелъ въ кружкѣ для подаяній 7 гульденовъ, вложенныхъ какою-то вдовою. Съ этимъ можно затѣять что-нибудь поважнѣе, сказалъ самъ себѣ Франке, купилъ нѣсколько учебниковъ и началъ учить у себя бѣдныхъ дѣтей. Быстро расширялась его безкорыстная, благородная дѣятельность, созидались и разростались его учрежденія для сиротъ и бѣдныхъ посильными приношеніями добрыхъ людей и потомъ всего городскаго общества. Въ 1695 году ему отданы были на воспитаніе за хорошую плату трое богатыхъ мальчиковъ-дворянъ, которые положили начало его Педагогіи (Pædagogium). Въ 1698 году Франке уже имѣлъ училище, въ которомъ жили 100 сиротъ и обучались 500 бѣдныхъ дѣтей.

Основныя мысли, руководившія всею воспитательною дѣятельностью Франке, высказаны имъ слѣдующимъ образомъ:

1) Цѣль обученія въ школѣ не есть только сообщеніе извѣстныхъ знаній, но преимущественно воспитаніе, потому что каждое наставленіе и поученіе должно имѣть воспитательное вліяніе. 2) Такое воспитаніе должно быть христіанское; оно должно воздвигнуть въ сердцѣ дитяти мирное, тихое царство Божіе. 3) Имѣя корни свои въ христіанствѣ, воспитаніе и образованіе на всѣхъ ступеняхъ своихъ должно составлять одну послѣдовательную цѣлую систему. 4) Народное училище, въ которомъ сообщается только самое существенное и неотлагаемо - необходимое для слѣдующихъ ступеней воспитанія, т. е. знаніе главныхъ основаній христіанской вѣры, умѣніе читать и писать и проч., или первые элементы христіанскаго образованія, — должно быть по существу своему первоначальное училище.

Частныя лица, воодушевленныя высокимъ самопожертвованіемъ Франке, во многихъ частяхъ протестантской Германіи составляли братства (Brüdergemeinde) для учрежденія сиротскихъ домовъ и училищъ для бѣдныхъ дѣтей народа.

Такимъ образомъ сиротскіе дома и школы для бѣдныхъ, основанные Франке, были первыми и настоящими того времени народными училищами въ Германіи и вмѣстѣ съ основными идеями Спенера и Франке, постепенно выяснявшими цѣль школьнаго воспитанія и ученія, начали новый періодъ въ развитіи всего народнаго образованія. Но эти здравыя, свѣтлыя идеи, еще далеко не всѣми вполнѣ сознаваемыя даже въ наше время, при совершенномъ недостаткѣ хорошихъ учителей и отсутствіи методъ и учебниковъ, осуществлялись въ извѣстной степени только тамъ, гдѣ дѣйствовалъ самъ Франке и другіе наставники подъ его непосредственнымъ руководствомъ; а по смерти его онѣ стали затемняться, и благодѣтельныя воспитательныя учрежденія Франке подъ руководствомъ его бездарныхъ и своекорыстныхъ послѣдователей получили болѣзненное піетистическое направленіе.

Въ 1774 году Іоаннъ Базедовъ въ Дессау, увлеченный космополитическими идеями природнаго воспитанія Руссо, хотѣлъ, въ совершенную противоположность гуманистамъ, образовывать изъ дѣтей — гражданъ вселенной (Weltbürger), одними естественными знаніями. Направленіе его извѣстно подъ названіемъ филантропинизма. Необыкновенный жаръ и воодушевленіе, съ которыми онъ началъ проповѣдываніе своихъ идей, и его пламенное краснорѣчіе доставили ему многихъ талантливыхъ послѣдователей, которые при помощи частныхъ лицъ учреждали народныя школы и въ своихъ сочиненіяхъ (особенно профессоръ Траппъ, въ Галле, 1817 г.) распространяли это новое воспитаніе. Но скоро начала обнаруживаться несостоятельность космополитической системы реальнаго воспитанія Базедова. Ученики, обучавшіеся даже подъ непосредственнымъ его руководствомъ въ пресловутомъ Филантропинѣ, выходили людьми слишкомъ преданными матеріальнымъ интересамъ, и потому система Базедова имѣетъ важное значеніе для народныхъ училищъ только введеніемъ реалій (естественныхъ наукъ) какъ предметовъ преподаванія.

Въ одно время съ Базедовомъ, Фельбигеръ и Шульштейнъ произвели реформу въ австрійскихъ народныхъ училищахъ и положили начало новымъ методамъ и вообще всему первоначальному обученію въ католической Германіи, которыя утверждены были правительствами. [1])

Изъ всего этого мы видимъ, что дѣло народнаго образованія постепенно выяснялось и, начатое въ малыхъ размѣрахъ частными благотворителями и потомъ цѣлыми обществами, мало по малу пріобрѣтало государственное значеніе. Но въ народныхъ школахъ господствовалъ еще полный, сухой формализмъ, а въ обученіи совершенный механизмъ; оттого онѣ далеко не могли приносить обильныхъ плодовъ народу. Въ это время является знатный каноникъ Фридрихъ Роховъ, богатый владѣлецъ имѣнія Реканъ близъ Бранденбурга, посвятившій всю дѣятельность свою улучшенію нравственнаго быта простого народа. Вотъ какъ въ «Исторіи своей школы» онъ разсказываетъ о причинахъ, побудившихъ его пожертвовать всѣмъ состояніемъ

[1]) Система Фельбигера и Шульштейна была перенесена къ намъ Янковичемъ-де-Маріево.

исключительно предаться обученію бѣдныхъ дѣтей. «Въ оба лѣта 1771 и 1772 годовъ шли постоянные дожди, пропали всѣ посѣвы и все сѣно; насталъ голодъ, и повальныя болѣзни начали свирѣпствовать въ народѣ и уничтожали скотъ. Я, по моей обязанности каноника, старался помогать, чѣмъ только могъ, и словомъ и дѣломъ, бѣднымъ обитателямъ сосѣднихъ деревень. Я пригласилъ городскаго врача, назначивъ ему отъ себя жалованье, безмездно пользовать больныхъ поселянъ и доставлять имъ лекарство. Они получали отъ врача письменныя наставленія и устный совѣтъ, какими благоразумными мѣрами можно остановить распространеніе заразы (причемъ конечно необходимо было ревностное содѣйствіе съ ихъ стороны). Но гибельные предразсудки, лѣность и жалкое суевѣріе, вмѣстѣ съ совершеннымъ незнаніемъ грамоты, дѣлали всѣ мои благія намѣренія безплодными. Поселяне брали отъ меня лекарства, но не принимали ихъ; имъ даже лѣнь было пройти малую милю до Бранденбурга, гдѣ жилъ врачъ, чтобы сообщать ему о ходѣ болѣзни и вообще о состояніи паціентовъ. Вмѣсто этого они тайно употребляли самыя нелѣпыя средства: бѣгали къ колдунамъ, ворожеямъ, такъ-называемымъ знахаркамъ, пастухамъ, мельникамъ и т. д., платили имъ деньги и умирали. Въ глубокомъ смиреніи хотѣлъ бы я, самыми яркими, раздирающими всю душу примѣрами, вложить въ самое сердце правителямъ царствъ все неизрѣчимое, безконечно благодатное значеніе истиннаго просвѣщенія народа посредствомъ настоящихъ училищъ. Какія великія, невозвратимыя утраты несутъ государственные доходы и вся производительность страны вслѣдствіе обезлюденія земель, и сколь много выигрываютъ отъ сохраненія и благоденствія разумныхъ людей! Уже однѣ неисчислимыя выгоды въ финансовомъ отношеніи отъ просвѣщенія народа останавливаютъ всѣ возраженія нелѣпыхъ враговъ его. Или развѣ для успѣшности каждаго дѣла, ремесла, труда не нужно предварительнаго сужденія и размышленія о немъ? Глупецъ-невѣжа не думаетъ ни прежде, ни послѣ; не съумѣетъ помочь себѣ, не можетъ оцѣнить полезнаго совѣта и только по этимъ причинамъ становится жертвою обстоятельствъ. Сокрушенный сердцемъ, погруженный въ глубокую, мучительную скорбь всѣми этими, потрясающими все существо человѣческое слѣдствіями глупости и крайняго невѣжества, сидѣлъ я однажды за письменнымъ столомъ и рисовалъ льва, лежащаго въ тенетахъ. Точно такъ же, думалъ я, лежитъ благородный, самый высшій даръ Бога — разумъ человѣка, опутанный сѣтями предразсудковъ, грубости и безсмыслія, и можетъ такъ же ничтожно-мало пользоваться своими мощными силами, какъ здѣсь нарисованный левъ. О, еслибы только явилась мышь и перегрызла хоть нѣсколько петель въ этой сѣти!... Можетъ быть, этотъ левъ проявилъ бы свои силы, воспрянулъ бы и вырвался на свободу! И тутъ же нарисовалъ я мышь, которая уже перегрызла нѣсколько петель. Какъ молнія промелькнула во мнѣ мысль и затеплилась въ душѣ моей. Ну что, если бы ты сдѣлался этой мышью? И, вотъ, потянулась передъ мною вся вереница причинъ и дѣйствій, по которымъ крестьянинъ таковъ, какъ онъ есть. Онъ выростаетъ, какъ животное между животными. Обученіе его ничего не производитъ добраго, путнаго; грубѣйшій механизмъ господствуетъ въ училищахъ. Его проповѣдникъ говоритъ высокимъ, а онъ низкимъ нарѣчіемъ, и потому никакъ не можетъ понять длинныхъ періодическихъ проповѣдей; онѣ не просвѣщаютъ разсудка, не согрѣваютъ сердца бѣднаго простолюдина. Никто не потрудится облагородить душу дѣтей его. Учителя ихъ, по слову Христа, вожди слѣпые: и страдаетъ же все государство при такомъ состояніи народа! Всѣ заботы и улучшенія правительства находятся въ постоянной упорной борьбѣ со всеопустошающимъ и всеразрушающимъ варварствомъ отъ нелѣпаго крайняго невѣжества. Да, отъ него государство болѣе несетъ утратъ и глубже завертывается въ черную одежду, чѣмъ отъ самыхъ продолжительныхъ войнъ! Господи, Боже мой, думалъ я, неужели всему этому и быть такъ должно? Неужели поселянинъ, эта самая существенная и непоколебимая опора, крѣпость и сила государственнаго тѣла, не можетъ быть даже относительно

развитъ и образованъ; сдѣланъ способнымъ на благое дѣло? Сколько мощныхъ производительныхъ головъ и рукъ могъ бы я сберечь въ эти бѣдственные годы для отечества, которыя теперь пали жертвами своего собственнаго безсмыслія? Да, я хочу быть мышью! Боже, помоги мнѣ! И тотчасъ, въ то же утро, набросалъ я названіе 13 главъ моей книги для учителей и поселянъ, на другой сторонѣ того же самаго листа, на которомъ были нарисованы левъ, тенеты и мышь.»

Вотъ люди, прокладывавшіе новые пути народному образованію!

Основное, главное положеніе, на которомъ зиждется вся система воспитанія и первоначальнаго обученія Рохова, высказано имъ слѣдующимъ образомъ: «Старайся прежде всего ознакомить дѣтей съ простыми, ежедневно попадающимися на глаза предметами и увлекать ихъ такими занятіями. Научай дѣтей вглядываться во многое и замѣчать, чтобы они могли правильно усвоивать себѣ представляющееся ихъ внѣшнимъ чувствамъ и потомъ выражать это усвоенное. Очищай и развязывай при этомъ языкъ, и особенно, сообщай дѣтямъ только такія знанія, какія они могутъ въ то время усвоить и примѣнить.» Эта основная идея Рохова, какъ мы видимъ, прямо подготовляетъ, такъ сказать, вводитъ народныя училища въ послѣдній, намъ современный періодъ ихъ развитія. Она была подробно изложена самимъ творцомъ ея, въ начертанномъ имъ планѣ, и послѣдовательно проведена въ его «Опытѣ учебной книги для дѣтей и поселянъ или для употребленія въ сельскихъ училищахъ», съ эпиграфомъ изъ Горація: «Difficile est proprie communia dicere».

Прусское правительство издало въ 1773 году подробное наставленіе для сельскихъ учителей и полную програму новыхъ народныхъ училищъ, составленныя строго по плану Рохова, котораго самъ Фридрихъ Великій просилъ принять завѣдываніе всѣми прусскими народными школами. Но Роховъ отказался и посвятилъ остальную жизнь обученію дѣтей и поселянъ въ своей скромной школѣ. Выписываю нѣсколько любопытныхъ характеристическихъ строкъ изъ письма прусскаго министра духовныхъ и учебныхъ дѣлъ Цедлица къ Рохову.

«Достопочтенный и высокоблагородный! Что такой именитый каноникъ пишетъ учебники для крестьянскихъ дѣтей, это даже въ нашъ просвѣщенный вѣкъ есть изъ рѣдкостей рѣдкость, которая тѣмъ большее получаетъ достоинство, что ваша отважность и блестящій успѣхъ въ этомъ предпріятіи равно велики. Хвала, честь и слава доблестному мужу, котораго побудила на такое великое, тяжкое дѣло одна любовь къ общему благу народа! Съ чувствами столь высокаго уваженія, котораго не могу выразить никакими словами, остаюсь и проч. Берлинъ, 1763 года, 17 іюля.

Недостатокъ въ хорошихъ народныхъ учителяхъ, понимающихъ и любящихъ свое дѣло, былъ главною причиною того, что идеи Рохова не могли имѣть полнаго благодѣтельнаго вліянія на первоначальное народное образованіе. Этотъ недостатокъ въ настоящихъ учителяхъ сознавался и чувствовался уже давно. Въ первый разъ объ этомъ позаботился тотъ же благодѣтельный Франке, самъ образовавшій для себя учителей въ своихъ сиротскихъ домахъ. Въ 1848 году Геккеръ, одинъ изъ самыхъ разумныхъ и ревностныхъ учениковъ Франке, основалъ первую учительскую семинарію при своемъ Берлинскомъ реальномъ училищѣ. Базедовъ сознавалъ также необходимость такихъ заведеній. Роховъ первый ясно выразилъ въ слѣдующихъ словахъ эту необходимость: «Единственно необходимое есть учрежденіе семинаріи для образованія сельскихъ учителей Volksschullehrerseminar, въ которой на государственный счетъ воспитывались бы и приготовлялись народные учителя, наставниками опытными, истинными христіанами.» Еще сильнѣе требовалъ того же Гердеръ. Богатые и знатные частные люди, особенно графъ Шлабрендорфъ (1824), жертвовали огромными суммами на учрежденіе учительскихъ семинарій. Послѣдній въ слѣдующихъ отрывистыхъ и задушевныхъ выраженіяхъ набрасываетъ планъ сельской семинаріи, близкой его сердцу:

«Семинарія для сельскихъ учителей; кто сомнѣвается въ ея невыразимо важномъ значеніи, въ ея насущной необхо-

димости? Моему сердцу она изъ всего самое драгоцѣнное. Удобнѣйшее мѣсто — село. Конечно, тупые, лѣнивые, безъ любви къ дѣтямъ, холодные фарисеи не принимаются. — Число воспитанниковъ 12 и никакъ не болѣе 16, чтобы не попала какая-нибудь старая дрянь и чтобы люди потомъ не обучались какъ скворцы. Сельское училище соединяется съ семинаріею. Учителя въ тоже время и наблюдатели за нравственностію семинаристовъ и полные хозяева семинаріи. Дѣти ничего не платятъ. Приходятъ съ радостію. Родители посылаютъ ихъ охотно. Центръ всего школьнаго обученія: улучшеніе сердца и очищеніе жизни ученіемъ Христа; оно должно дѣйствовать на всю дѣятельность. Неотягощеніе памяти. Также и не одно сознаніе, безъ любви и практическихъ упражненій» и т. д.

Требованіе объ учрежденіи учительскихъ семинарій выраженное столь ясно и почти всѣми людьми, понимавшими дѣло, начало осуществляться еще въ концѣ прошлаго столѣтія, когда были основаны семинаріи въ Бреславлѣ, Килѣ, Дрезденѣ и мн. др., особенно же въ Вейсенфельсѣ. Но всѣ эти заведенія приносили еще мало пользы, потому что они: во 1) большею частію не были самостоятельными училищами, а находились при гимназіяхъ и получали учениковъ изъ неокончившихъ курсъ гимназистовъ; во 2) обученіе и особенно перевоспитаніе такихъ учениковъ было очень трудно и рѣдко удавалось; въ 3) предметы обученія не были точно обозначены, а методы преподаванія ихъ далеко не были выработаны; въ 4) учительскія семинаріи не находились въ тѣсной, живой связи съ народными училищами. Однимъ словомъ, все народное училищевѣдѣніе для новѣйшаго своего преобразованія ждало Песталоцци (1747 — 1827), безсмертнаго творца современнаго воспитанія и обученія. Песталоцци первый высказалъ, что цѣль и дѣло всего воспитанія и ученія есть послѣдовательное, согласное развитіе всѣхъ способностей человѣка, дарованныхъ ему Богомъ, и что твердое, здоровое начало такому развитію можно положить только нагляднымъ обученіемъ.

На этомъ основаніи постоянно развиваются въ наше время и народныя училища, и семинаріи; не останавливаясь, идутъ они впередъ. Ветеранъ современныхъ педагоговъ, Дистервегъ, неумолчно ратуетъ мѣтко-разящимъ словомъ за свободное развитіе народнаго образованія.

Вотъ нѣсколько статистическихъ данныхъ объ элементарныхъ школахъ въ Пруссіи, обнародованныхъ министерствомъ духовныхъ и учебныхъ дѣлъ въ январской тетрадкѣ 1859 года издаваемаго при министерствѣ журнала Centralblatt für die gesammte Unterrichts-Verwaltung. Эти данныя доказываютъ вполнѣ отрадное состояніе народнаго образованія въ Пруссіи.

«Въ 1857 году число жителей во всемъ прусскомъ королевствѣ было 17,190,575 человѣкъ; число дѣтей, обязанныхъ посѣщать школы, 2,943, 252, изъ коихъ 2,750,472 мальчиковъ дѣвочекъ получали обученіе, сообщаемое 32,990 учителями и учительницами (1523) въ 24,292 народныхъ школахъ съ 35,513 классами. Кромѣ того, въ 1171 частномъ элементарномъ училищѣ, съ 2324 классами, 2132 учителя и 1503 учительницы обучали и воспитывали 70,220 мальчиковъ и дѣвочекъ. Содержаніе начальныхъ народныхъ училищъ стоило правительству и сельскимъ и городскимъ общинамъ 6,294,268 талеровъ, такъ что каждый народный учитель среднимъ числомъ получалъ 191 талеръ въ годъ. Капиталъ вспомогательной кассы для вдовъ и сиротъ учителей составлялъ 1,378,738 тал. Изъ процентовъ на этотъ капиталъ выдано было въ 1857 году 60,182 тал. на пансіоны вдовамъ и на содержаніе сиротъ. Среднее число учениковъ въ классахъ народныхъ школъ было по 78, а въ частныхъ училищахъ 30.»

Въ заключеніе моего краткаго обзора историческаго развитія германскихъ народныхъ училищъ я приведу нѣсколько словъ извѣстнаго директора Вейсенфельской семинаріи д—ра Гарниша о семинаріяхъ вообще и изложу вполнѣ современный намъ (1848—1857) ходъ развитія одного изъ замѣчательныхъ заведеній въ Германіи, педагогической семинаріи Стоя при Іенскомъ университетѣ.

Гарнишъ говоритъ слѣдующее: [1]) «Учи-

[1]) Das Weissenfelser Schullehrer-Seminar von Dr. Garnisch.

тельская семинарія не только ведетъ по настоящей прямой дорогѣ къ званію народнаго учителя, но она сама и есть эта дорога. Кто, прилежно осматриваясь, шелъ по ней, тотъ можетъ и другихъ вести. Если наши семинаріи не приносятъ всѣхъ тѣхъ плодовъ народному образованію, которые онѣ бы могли приносить, такъ это потому, что онѣ все-еще не находятся въ полной органической и естественной связи съ народными училищами и избираютъ своихъ питомцевъ большею частію изъ лицъ, прошедшихъ элементарный курсъ гимназистовъ (до tertia, 4-го класса нашихъ гимназій). Лучше всего было бы, еслибы народные учителя подготовляли разумныхъ способныхъ мальчиковъ, желающихъ впослѣдствіи вступить въ семинарію, заставляя ихъ подъ своимъ присмотромъ давать уроки въ народномъ училищѣ». Впрочемъ, еще въ 30-хъ годахъ въ Германіи, и особенно въ Пруссіи, учреждались уже такъ-называемыя просеминаріи, или Præparanden-schulen, въ Галле, Кельнѣ, Мёрсѣ и др. для приготовленія въ учительскія семинаріи.

Педагогическая семинарія Стоя возникла изъ составленнаго имъ въ 1843 г. педагогическаго общества при самомъ началѣ его академическихъ чтеній въ Іенскомъ университетѣ. Вотъ погодичный ходъ ея развитія. 1853 г.: основаніе педагогическаго общества изъ 8 членовъ учителей; составленіе членами автобіографій и рецензія ихъ; архивъ общества: статья Стоя о необходимости педагогическихъ семинарій при университетахъ. 1844: основаніе элементарной семинарской кассы и библіотеки; учрежденіе двухъ ежемѣсячныхъ собраній. 1846: публичное испытаніе. 1847: день основанія семинаріи, какъ постоянный праздникъ; начало методическихъ и психологическихъ лекцій Стоя; первоначальный семинарскій уставъ; основаніе библіотеки для учениковъ. 1848: изданіе книги для чтенія; введеніе гимнастики и полевыхъ работъ (Feldarbeit); основаніе училища для дальнѣйшаго образованія (Fortbildungsanstalt); учрежденіе коммисіи для разтотрѣнія программъ обученія. 1850: введеніе испытанія для начинающихъ. 1851: учрежденіе воскресныхъ занятій. 1852: основаніе кассы для путешествій. 1853: основаніе семинарской церкви и первое путешествіе съ учениками. 1854: перемѣщеніе школы изъ города въ загородный домъ Вебера; распространеніе полевыхъ работъ и закладка дома для гимнастики. 1855: посѣщеніе семинаріи великимъ герцогомъ и герцогинею; правила для обязательнаго составленія учителями характеристики каждаго ученика (Kinderbilder). 1857: основаніе новаго зданія для семинарской школы и принятіе ея подъ покровительство Великой Княгини Маріи Павловны; установленіе трехъ еженедѣльныхъ педагогическихъ собраній, и т. д.

Сообразивъ всѣ эти историческія данныя, мнѣ кажется, можно представить историческій ходъ органическаго развитія народнаго образованія въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Церковь во время Реформаціи положила начало народнымъ училищамъ съ цѣлію доставить каждому члену народа познаніе христіанскаго ученія.

2) Эти училища возникали понемногу, развивались органически-постепенно, согласно съ понятіями и требованіями извѣстнаго времени.

3) Всѣ измѣненія и усовершенствованія въ народныхъ училищахъ были предпринимаемы и совершаемы лучшими людьми своего времени, ясно сознававшими современныя имъ потребности народной жизни и съ полнымъ самоотверженіемъ стремившимися удовлетворять этимъ потребностямъ.

4) Цѣлью обученія въ народныхъ училищахъ признавалось не только сообщеніе грамотности, извѣстныхъ знаній, но преимущественно воспитаніе дѣтей народа.

5) Цѣль эта долгое время до нашего столѣтія не могла быть достигнута за совершеннымъ недостаткомъ методъ и хорошихъ учителей.

6) Когда этотъ недостатокъ ясно обнаружился, то съ конца прошлаго столѣтія въ Германіи и въ нынѣшнемъ столѣтіи въ Англіи начали учреждаться семинаріи для образованія народныхъ учителей.

7) Сначала такія семинаріи не могли имѣть значительнаго вліянія на народ-

ное образованіе, потому что онѣ не были самостоятельными учебными заведеніями и не находились въ связи съ народными училищами.

8) Живую органическую связь учительскихъ семинарій съ народными школами всѣ опытные, люди глубоко-знающіе потребности народнаго образованія признаютъ главнымъ условіемъ, sine qua non успѣшности ихъ дѣйствій.

9) Въ наше время возникающія педагогическія семинаріи развиваются не вдругъ, а постепенно, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

10) Основаніе и распространеніе народнаго образованія было дѣломъ цѣлаго общества, которое не щадило никакихъ пожертвованій на преуспѣваніе народныхъ училищъ, и не только потому, что это дѣло есть истинно человѣческое и въ высшей степени христіанское, но также и потому, что оно въ дѣйствительности оказывалось обильно производительнымъ и для общества, и для всего государства. Правительства, изъ дѣйствительныхъ фактовъ уразумѣвъ все неизмѣримо-благодѣтельное значеніе учреждаемыхъ частными обществами народныхъ училищъ, принимали ихъ подъ свое покровительство, назначали по возможности обильныя вспомоществованія и только для введенія бо́льшаго единства въ системѣ народнаго образованія издавали общія положенія, регулативы и проч., и то тогда, когда цѣль, ходъ, средства и вообще вся система болѣе или менѣе была выработана и опредѣлена. Ни въ Англіи, ни въ Пруссіи одно правительство не могло бы достигнуть столь блестящихъ результатовъ народнаго образованія.

Внимательно разсматривая всѣ эти общія основныя положенія, выведенныя изъ краткаго историческаго очерка возниканія и развитія народныхъ училищъ въ Англіи и въ Германіи, ясно видно, что нигдѣ въ протестантскихъ земляхъ не назначались прежде всего коммисіи для начертанія уставовъ, общихъ правилъ и проч. Въ этихъ выводахъ мы не находимъ, чтобы прежде всего составлялись училищные штаты, опредѣлялись суммы на содержаніе училищъ, назначались директора, инспектора, учителя, гувернеры, экономы. Наконецъ, мы нигдѣ не видимъ, чтобы какія бы то ни было училища разомъ являлись совершенно готовыми, въ полномъ оконченномъ вооруженіи, какъ Минерва изъ головы Юпитера, и оставались бы въ продолженіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ въ одномъ и томъ же положеніи, въ тѣхъ же формахъ и на тѣхъ же основаніяхъ. Напротивъ, исторія англійскихъ и германскихъ народныхъ училищъ представляетъ постоянное движеніе, постоянное развитіе. Всѣ народныя училища возникаютъ съ опредѣленною цѣлью, выяснившеюся изъ потребностей народа въ извѣстное время, и потомъ, по мѣрѣ выясняющихся новыхъ понятій, новыхъ потребностей народной жизни, онѣ постоянно стараются удовлетворять имъ, т. е. постоянно улучшаются, совершенствуются, развиваются. Такое развитіе называется *органическимъ*; только оно и могло доставить народнымъ училищамъ возможность дѣйствительно распространять настоящее образованіе въ народѣ и въ тѣхъ размѣрахъ, какъ мы находимъ въ настоящее время особенно въ Пруссіи и въ Англіи.

III.

Значеніе народныхъ училищъ въ народно-хозяйственномъ отношеніи. Есть ли у насъ такія училища, и какъ бы намъ учредить первыя учительскія семинаріи для образованія настоящихъ народныхъ учителей?

Разомъ или постепенно?

Механически или органически?

Матеріальное благосостояніе народа зависитъ прежде всего отъ производительности страны, которая имѣетъ три источника:

1) Естественныя производительныя силы.

2) Трудъ.

3) Капиталъ.

Естественныя производительныя силы страны заключаются въ пространствѣ и плодородіи почвы, въ географическомъ и топографическомъ положеніи ея и вліяніи климата. Отъ состоянія всѣхъ этихъ условій зависятъ и всѣ естественныя произведенія страны, т. е. животныя, растенія, минералы.

Кромѣ того: каждое государство богатѣетъ или отъ земледѣлія, или отъ торговли, или отъ мануфактурной промышленности, а чаще всего отъ взаимнодѣйствія этихъ трехъ видовъ промышленности; но которая изъ нихъ важнѣе и производительнѣе для извѣстнаго государства и, слѣдовательно, которою изъ нихъ народъ долженъ преимущественно заниматься, — это опредѣляется также упомянутыми естественными условіями страны. Такъ, Россія, по пространству, качеству и очертанію своей почвы и по географическому положенію, есть страна преимущественно земледѣльческая. Поэтому земледѣльческая промышленность въ нашемъ отечествѣ должна быть главною, стоять на первомъ планѣ: всѣ средства, однимъ словомъ, все, что содѣйствуетъ улучшенію ея, должны составлять предметъ самой постоянной и неусыпной заботливости и правительства, и общества, и всего народа.

Изъ этого ясно слѣдуетъ, что богатство и матеріальное благосостояніе нашего отечества зависитъ преимущественно отъ производительности почвы и отъ природы и качества земледѣльческихъ произведеній въ обширномъ смыслѣ. Тенгоборскій [1]) дѣлаетъ слѣдующій выводъ изъ своего изслѣдованія матеріальныхъ производительныхъ силъ Россіи: «Изъ этого общаго обзора пространства и природнаго плодородія нашей почвы и разнообразія ея произведеній можно заключить, что Россія находится въ независимомъ положеніи относительно всего того, что составляетъ матеріальное благосостояніе ея жителей. Она производитъ въ изобиліи всѣ предметы для питанія, зерновый хлѣбъ, вино, скотъ, лошадей, суровье для всѣхъ родовъ тканей, вещества красильныя, золото, желѣзо, мѣдь и всѣ строительные матеріалы; она доставляетъ значительное количество этихъ различныхъ предметовъ для внѣшней торговли и *можетъ производить всего этого больше, чѣмъ потребно было бы для существованія двойнаго числа ея теперешняго народонаселенія.*»

Весь этотъ общій заключительный выводъ свидѣтельствуетъ объ изобиліи и разнообразіи естественныхъ производительныхъ силъ нашего отечества, но вмѣстѣ съ тѣмъ особенно послѣднія слова вывода доказываютъ, что мы далеко не пользуемся всѣмъ природнымъ богатствомъ родной страны. Дѣйствительно, если мы сравнимъ количество произведеній нашей земледѣльческой промышленности съ такими же произведеніями въ другихъ великихъ европейскихъ держа-

---

[1]) Etudes sur les forces productives de la Russie, tome I, 1852, — p. 306. (Переводъ Вернадскаго (*О производительныхъ силахъ Россіи.*)

вахъ, то тотчасъ же увидимъ, что это количество далеко не соотвѣтствуетъ нашимъ естественнымъ производительнымъ силамъ, и что вся наша земледѣльческая промышленность находится далеко не въ отрадномъ состояніи. Такъ напримѣръ, хотя общая абсолютная цифра ежегодно собираемаго у насъ хлѣба (260,000,000 четвертей) больше, чѣмъ въ другихъ государствахъ, но относительно количества обрабатываемой земли она значительно меньше. Засѣянная десятина даетъ среднимъ числомъ у насъ 4,63 четв., въ Пруссіи — 5,74, въ Австріи — 6,6, во Франціи — 7,36, въ Англіи — до 12 четвертей.

Если распредѣлить домашнихъ животныхъ на пространство луговъ въ четырехъ главныхъ государствахъ Европы, то получаются слѣдующіе выводы:

На 100 десятинъ луговъ:

	Рогатаго скота.	Овецъ.	Лошадей.	Всего.
Въ Австріи	56	161	14	231
» Пруссіи	44	141	14	199
» Франціи	83	135	12	180
» Россіи	28	56	20	104

Эти и другіе выводы изъ статистическихъ данныхъ [1]) доказываютъ незначительное въ сравненіи съ другими государствами количество нашихъ ежегодныхъ земледѣльческихъ произведеній, которое имѣетъ тѣмъ большее невыгодное вліяніе на матеріальное благосостояніе отечества, что Россія, какъ мы видѣли, есть страна по преимуществу земледѣльческая, и слѣдовательно главное богатство ея заключается въ сырыхъ произведеніяхъ почвы, а мануфактурная промышленность и торговля составляютъ только второстепенные ея источники.

Мы знаемъ уже, что такіе, не совсѣмъ выгодные результаты нельзя приписать нашимъ естественнымъ производительнымъ силамъ; поэтому основныя причины такой малой производительности должно искать въ другихъ ея источникахъ — въ трудѣ и въ капиталѣ. Богатый, по крайней мѣрѣ на долгое время неистощимый капиталъ родной страны содержится въ нѣдрахъ ея горъ, въ тучныхъ необозримыхъ степяхъ, въ рѣкахъ, въ лѣсахъ и т. д. Но этотъ капиталъ останется скрытымъ, мертвымъ до тѣхъ поръ, пока не коснется до него разумный, организованный трудъ человѣка. Мы не можемъ безусловно жаловаться и на недостатокъ въ частныхъ денежныхъ капиталахъ, что положительно доказало огромное число значительныхъ акціонерныхъ обществъ, возникшихъ въ послѣдніе пять лѣтъ. Къ сожалѣнію, многія изъ этихъ обществъ составились не вслѣдствіе обдуманнаго пониманія и благороднаго сознательнаго стремленія удовлетворить первымъ обнаружившимся нуждамъ государства, а только по корыстнымъ разсчетамъ нѣсколькихъ ловкихъ спекуляторовъ. Поэтому-то затраченные въ нихъ капиталы не доставятъ удовлетворенія насущнымъ нуждамъ отечества и положительно не принесутъ никакихъ выгодъ акціонерамъ. Позволяемъ себѣ выразить сожалѣніе и удивленіе, что наши спеціалисты политико-экономы не возвысили тогда своего голоса. Вмѣсто безусловныхъ похвалъ и дѣтскихъ восторговъ, съ которыми почти всѣ журналы и газеты наши спѣшили наперерывъ привѣтствовать вдругъ возбудившуюся промышленную общественную дѣятельность, лучше было бы спокойно и безпристрастно разбирать и обсуждать, на основаніи оправданныхъ научныхъ данныхъ, возникшія общества и компаніи на акціяхъ и выставлять истинныя потребности государства въ народно-хозяйственномъ отношеніи. Такимъ образомъ, указывая на положительно-полезное и истинно-необходимое и приводя рѣзкіе, самые недавніе и живые примѣры изъ другихъ государствъ, можно было бы удерживать наше неопытное общество отъ вполнѣ необдуманнаго, угорѣлаго, лихорадочнаго современнаго спекулятивнаго стремленія.

Если мы далеко отстали въ государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ отъ другихъ народовъ западной Европы, то, начиная идти впередъ, воспользуемся по крайней мѣрѣ хотя отрицательнымъ преимуществомъ, не будемъ задерживать нашего развитія тѣми очевидными и ощутительными ошибками и промахами, которые уже совершались въ жизни этихъ народовъ... Или, можетъ быть, исторія не про насъ писана?...

Но если даже дѣйствительно у насъ

[1]) Тамъ же, стр. 193, 251, 291, 304 и др.

недостаточно движимыхъ капиталовъ для улучшенія производства земледѣльческой промышленности, то и въ такомъ случаѣ мы можемъ увеличить наши денежныя средства, единственно только усиливъ производительность труда, усовершенствованіемъ и увеличеніемъ онаго.

«Въ большей части губерній Россіи», говоритъ Тенгоборскій, «гдѣ хлѣбопашество наиболѣе распространено, почва вообще очень плодородна, и есть много губерній, которыя въ этомъ отношеніи могутъ соперничать съ самыми плодоносными странами Европы. Земля въ этихъ губерніяхъ столь плодородна, что не требуетъ никакого удобренія; *но мы далеко отстали отъ другихъ странъ въ способахъ воздѣлыванія земли.*» [1])

Въ другомъ мѣстѣ Тенгоборскій говоритъ слѣдующее: «Хотя разведеніе домашняго скота очень распространено во всѣхъ частяхъ Россіи, но эта вѣтвь земледѣльческой промышленности, вообще взятая, очень отстала у насъ относительно заботъ и попеченія объ ней... За исключеніемъ весьма немногихъ, помѣщики вообще очень мало заботятся объ улучшеніи породъ. Правительство часто выписываетъ коровъ и быковъ изъ Тироля, Голландіи и изъ другихъ странъ, породы рогатаго скота, которыя легко акклиматизировываются въ Россіи. Но мѣры правительства остаются, большею частью, безплодными, потому что имъ мало *сочувствуетъ и содѣйствуетъ сельское населеніе, которое, вообще, слишкомъ мало просвѣщено и развито, чтобы понимать необходимость и пользу подобныхъ благодѣтельныхъ мѣръ.*» [2])

Слѣдовательно, одна изъ существенныхъ причинъ малой производительности нашей почвы заключается преимущественно въ недостаточности и въ далекомъ несовершенствѣ употребляемаго труда.

Разсмотримъ теперь, отчего вообще зависитъ производительность труда, отчего преимущественно употребляемый нашимъ народомъ тяжелый трудъ такъ мало производителенъ и какими средствами можно возвысить его производительность.

[1]) Тамъ же, стр. 124.
[2]) Тамъ же, стр. 230.

Полная производительность труда возможна только при правильной разумной организаціи его.

Правильное раздѣленіе труда, извѣстное необходимое число трудящихся, ихъ способности, пониманіе и знаніе совершаемаго дѣла составляютъ основныя условія разумнаго устройства труда и, слѣдовательно, его производительности.

Бастіа [1]), исчисляя ежедневныя потребности скромнаго ремесленника, которымъ онъ находитъ удовлетвореніе только въ общественномъ трудѣ, въ заключеніе говоритъ слѣдующее: «Смѣю сказать, что этотъ человѣкъ ежедневно потребляетъ вещи, которыхъ одинъ онъ не могъ бы произвести въ продолженіе десяти вѣковъ.»

Вотъ самая простая и существенная причина раздѣленія труда, которое такъ естественно и необходимо, что совершилось само собою въ незапамятныя времена, когда о теоріяхъ и наукахъ еще и помину не было.

Совершенная правильность въ раздѣленіи труда могла бы осуществиться только тамъ, гдѣ каждый человѣкъ самъ въ состояніи выбрать себѣ трудъ, вполнѣ соотвѣтствующій его способностямъ.

Для совершенія такого выбора, человѣкъ, очевидно, долженъ сознавать свои собственныя силы и знать самый трудъ или, по крайней мѣрѣ, понимать, въ чемъ онъ состоитъ.

Опредѣливъ свой настоящій трудъ, человѣкъ, для надлежащаго, успѣшнаго совершенія его, долженъ имѣть необходимыя свѣдѣнія, необходимое прилежаніе и навыкъ трудиться. Только при осуществленіи всѣхъ этихъ условій трудъ человѣка можетъ быть вполнѣ производителенъ.

Естественное слѣдствіе правильнаго раздѣленія и надлежащаго совершенія труда есть соразмѣрное распредѣленіе производимаго или добываемаго богатства и потребленіе его.

Чѣмъ кто способнѣе и прилежнѣе трудится, тѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ и имѣетъ полное право и возможность потреблять болѣе.

Еслибы въ какой-нибудь странѣ, при достаточномъ населеніи, каждый изъ жи-

[1]) Harmonies économiques, p. 23—24.

телей ея занималъ именно свое мѣсто по способностямъ и трудился по мѣрѣ силъ своихъ и съ знаніемъ своего дѣла, то благосостояніе было бы всеобщее, и ничего большаго и лучшаго не оставалось бы желать.

Вотъ почему правильная организація труда составляетъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ народнаго и государственнаго хозяйства и одно изъ коренныхъ основаній благосостоянія народа.

Конечно, достигнуть вполнѣ правильной организаціи труда значило бы дойти до совершенства, — что возможно въ одной теоріи, а не на дѣлѣ. Но тѣмъ не менѣе народъ долженъ постоянно стремиться къ достиженію правильнаго устройства труда, возможнаго въ извѣстное время.

Очевидно, что такое стремленіе можетъ возбудиться въ народѣ только въ томъ случаѣ, если въ немъ существуетъ уже понятіе, что человѣкъ долженъ трудиться не какъ машина, а сознательно, съ знаніемъ и пониманіемъ дѣла, и идти всегда впередъ въ совершеніи своего труда, стараться улучшать его, а не оставаться все въ одномъ и томъ же положеніи.

Въ первой статьѣ о народныхъ училищахъ я высказалъ коренныя, основныя причины непроизводительности труда человѣческаго. Изъ этихъ причинъ совершенная неподвижность и ограниченность духовнаго развитія и закоснѣлость въ старинныхъ прапрадѣдовскихъ предразсудкахъ, обычаяхъ, привычкахъ, вслѣдствіе постояннаго вѣковаго однообразія, бѣдности и совершенной поверхностности и запутанности получаемыхъ внѣшнихъ впечатлѣній, господствуютъ у насъ еще съ полною силой.

Весь тяжелый трудъ народа совершается точно такъ же машинально и безсознательно, по преданію, по привычкѣ, какъ совершался отцами, дѣдами и т. д. до незапамятныхъ временъ. Преобразованія Петра Великаго нисколько не подѣйствовали на разумно-нравственное возвышеніе практически-трудящагося класса народа.

Можетъ ли быть при такомъ состояніи нашего народнаго труда хоть сколько-нибудь правильное раздѣленіе его?

Можетъ быть, читатель, всѣ эти толкованія о какомъ-то правильномъ раздѣленіи народнаго труда кажутся вамъ чистыми бреднями, — и это совершенно справедливо: они дѣйствительно бредни и долго останутся бреднями. Зачѣмъ говорить о народѣ? Обратимся только къ самимъ себѣ: насъ болѣе или менѣе воспитывали, обучали; но развѣ, кромѣ самыхъ рѣдкихъ исключеній, мы, оканчивая не только наше общее образованіе, но даже спеціальное въ университетѣ или въ другомъ высшемъ спеціальномъ учебномъ заведеніи, задавали себѣ когда-нибудь вопросъ: къ чему мы способны? Развѣ мы сами выбирали себѣ дѣло по способностямъ? Нѣтъ: или другіе опредѣляли насъ заранѣе, когда мы еще ходили въ рубашкѣ, на извѣстную дѣятельность, или какой-нибудь случай потомъ наталкивалъ насъ на спеціальныя занятія. Что же произошло и происходитъ изъ этого? Мы трудились и трудимся, иногда до поту лица, корпимъ надъ бумажнымъ дѣломъ, и, не смотря на все это, даже самый усиленный трудъ нашъ почти не оказывается производительнымъ ни намъ самимъ, ни обществу, ни государству. Трудъ нашъ тогда только будетъ производительнымъ, тогда только принесетъ пользу и намъ самимъ, и всему государству, когда мы сами, сознавая свои способности, будемъ въ состояніи выбрать себѣ настоящій трудъ и пріобрѣтемъ нужныя свѣдѣнія для совершенія его. Выбрать себѣ приличный трудъ человѣкъ можетъ только самъ, а не кто-либо другой.

Второе условіе полной производительности труда составляютъ достаточное количество и качество его, которыя зависятъ отъ достаточнаго для извѣстной страны числа трудящихся, отъ способностей и прилежанія ихъ и отъ знанія совершаемаго ими дѣла.

Народонаселеніе Россіи, какъ извѣстно, очень малочисленно, и потому мы долго еще не будемъ въ состояніи пользоваться всѣми естественными производительными силами родной страны. Причина самая естественная: у насъ не хватаетъ людей, и, слѣдовательно, количество употребляемаго труда далеко не можетъ удовлетворять потребности.

Замѣчу мимоходомъ, что эта малочисленность народонаселенія, въ сравненіи съ необъятнымъ пространствомъ нашего отечества, вмѣстѣ со всѣмъ неблагопріятнымъ ходомъ историческаго развитія русскаго народа, составляетъ, по моему мнѣнію, одну изъ самыхъ главныхъ причинъ нашей отсталости. Самая дѣйствительная и основная причина, заставляющая человѣка подумать о себѣ, трудиться и идти впередъ, развиваться, дѣлать изобрѣтенія, открытія — это нужда. Голь хитра на выдумки. Нуждѣ обязана западная Европа большею частію своего настоящаго умственнаго развитія. Нужда возникла тамъ вслѣдствіе огромнаго народонаселенія, скопившагося на относительно небольшомъ пространствѣ: она преимущественно заставила западныхъ европейцевъ ломать себѣ голову, чтобы придумывать различныя средства для существованія, да и теперь постоянно побуждаетъ ихъ идти впередъ. Мы же, посреди нашихъ необозримыхъ, привольныхъ равнинъ, никогда не испытывали такой крайней нужды, и у нашего народа всегда былъ кровъ и хорошій кусокъ хлѣба. Слѣдовательно, мы не имѣли главнаго, немилосердаго и безпощаднаго побудителя идти впередъ, развиваться. Врожденное же каждому человѣку стремленіе къ духовному развитію, хотя и показалось въ нашемъ народѣ въ началѣ его государственной жизни, но было совершенно подавлено и заглушено всѣми, самыми безотрадными обстоятельствами, посреди которыхъ проходила наша историческая жизнь. Но что было, то поросло былью, и того не воротишь! Надо теперь пробудить всѣ юныя, могучія, разумно-нравственныя силы въ народѣ, надо питать, развить ихъ, возбудить и вкоренить въ нихъ потребности сознательной дѣятельности.

Такая высокая потребность, если она только разъ утвердится въ человѣкѣ, навсегда становится внутреннимъ, истинно-человѣческимъ, самымъ благороднымъ двигателемъ, который даже сильнѣе и неумолчнѣе нужды стремитъ человѣка впередъ, и по вѣрному, плодовитому пути!

Если малочисленность народонаселенія дѣлаетъ для насъ невозможнымъ пользоваться всѣми естественными производительными силами страны, то не должно ли государство тѣмъ болѣе заботиться объ увеличеніи народонаселенія посредствомъ вызова колонистовъ, или по крайней мѣрѣ не должно ли оно всѣми средствами беречь и охранять ежегодное естественное приращеніе его? Посмотрите, какъ страшно велика у насъ смертность новорожденныхъ! Какая причина этой смертности? Невѣжество. Не лежитъ ли на государствѣ священная обязанность стараться всѣми силами вывести народъ изъ этого губительнаго и всеопустошающаго зла? Наконецъ, при всѣхъ этихъ явныхъ и естественныхъ причинахъ малой производительности страны, не должно ли государство прежде всего позаботиться и сдѣлать какъ можно болѣе производительнымъ то количество труда, которое теперь употребляется народомъ? А этого оно можетъ достигнуть, сдѣлавъ трудъ сознательнымъ, развивъ разумно-нравственныя силы народа, доставивъ ему возможность пріобрѣтать нужныя свѣдѣнія и знанія.

Можетъ быть, мнѣ скажутъ, что съ улучшеніемъ быта помѣщичьихъ крестьянъ трудъ самъ собою осмыслится и сдѣлается вполнѣ производительнымъ. Но находится ли въ лучшемъ состояніи производительность труда государственныхъ крестьянъ? Гакстгаузенъ и Тенгоборскій не нашли этого.

Одна перемѣна обязательнаго труда на свободный не сдѣлаетъ еще всего дѣла въ этомъ отношеніи. Главное, существенное значеніе этой мѣры, кромѣ ея высокочеловѣческаго значенія, состоитъ, по моему мнѣнію, въ томъ, что она открываетъ просторный, свободный входъ, даетъ полную возможность приводить мало по малу въ настоящее выполненіе другія мѣры, которыя могутъ непосредственно прямо дѣйствовать на возвышеніе и развитіе производительности народнаго труда.

Какія же это мѣры и учрежденія? Въ первой статьѣ о народныхъ училищахъ было замѣчено, что всѣ административныя, хозяйственныя, финансовыя и другія подобныя мѣры и учрежденія, при добросовѣстномъ выполненіи ихъ, могутъ имѣть благодѣтельное вліяніе на разви-

тіе и поощреніе сознательнаго труда народа, когда онъ уже возникъ и совершается; но для возбужденія такого труда въ народѣ они оказываются недѣйствительными. Всѣ такія общественныя и правительственныя, хозяйственныя и финансовыя преобразованія и нововведенія у насъ не вытекаютъ изъ жизни народа, а составляются бюрократически, въ кабинетахъ. Поэтому они совершенно незнакомы и чужды народу: онъ не въ состояніи понимать ихъ необходимости и полезности, потому что между ними и пониманіемъ народа находится цѣлая пропасть. Отчего напримѣръ, даже наши различныя земледѣльческія училища, институты, образцовыя фермы, экономическія и сельско-хозяйственныя общества, существующія уже много-много лѣтъ, не сдѣлали почти никакихъ улучшеній въ нашемъ народномъ хозяйствѣ? Единственно оттого, что не только крестьяне, но и большинство помѣщиковъ ни мало не довѣряютъ ихъ полезности, потому что не въ состояніи понимать ее. Быть членомъ какого-нибудь экономическаго общества помѣщикъ или другой кто желаетъ, большею частью, не потому, чтобы онъ сознавалъ въ этомъ пользу и для себя, и для другихъ, но, преимущественно, чтобы похвастаться дипломами, развѣсить ихъ по стѣнамъ у себя въ деревнѣ и сказать встрѣчному и поперечному: «я членъ такихъ-то ученыхъ хозяйственныхъ обществъ, а не кто-нибудь!» Стоило только прослѣдить прошлогодніе споры въ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства по случаю его преобразованія, чтобы убѣдиться въ сказанномъ. Или развѣ Хитринъ [1]), наконецъ добравшійся до своей родины, не доказываетъ, какъ глубоко наше вольно-экономическое общество понимаетъ дѣло сельскаго хозяйства и съ какою любовію занимается его улучшеніемъ?

Хотите ли, читатель, еще доказательствъ въ томъ, что, дѣйствительно, недостатокъ въ сознательной дѣятельности, ограниченность духовнаго развитія, неподвижность духовныхъ силъ и закоснѣлыя вѣковыя привычки составляютъ, пока, еще непреодолимый камень преткновенія для всей дѣятельности народа?

Поѣзжайте въ хорошій лѣтній день вверхъ по Невѣ сребродной и сравните нѣмецкія колоніи по правому берегу съ лежащими противъ нихъ нашими русскими деревнями: вы навѣрное съ перваго же взгляда будете поражены громаднымъ превосходствомъ первыхъ надъ послѣдними и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ благосостояніи, и, вообще, во всѣхъ отношеніяхъ.

Вотъ заключительныя слова Тенгоборскаго о другихъ восточныхъ и южныхъ колоніяхъ нашихъ по Волгѣ, по Дону и въ Екатеринославской губерніи: «Въ большей части этихъ колоній видно хлѣбопашество улучшенное, болѣе понимаемое, и промышленность болѣе развитая и распространенная въ тѣхъ вѣтвяхъ, которыя непосредственно выходятъ изъ земледѣлія. Но онѣ (колоніи) до сихъ поръ не имѣли столь чувствительнаго и замѣтнаго вліянія на сосѣднія земли, какъ можно бы было ожидать.» [1])

Слѣдовательно, не смотря на живой, столь много лѣтъ предъ глазами существующій благодѣтельный примѣръ, наши крестьяне не двинулись впередъ, не перемѣнили нисколько совершенія своего труда, остались неизмѣнно вѣрными своимъ преданіямъ старины стародавней.

Привожу еще нѣсколько фактическихъ доказательствъ. Мнѣ нѣсколько разъ случалось разговаривать съ опытными помѣщиками-хозяевами, да и въ журналахъ сельско-хозяйственныхъ могъ читать, кто хотѣлъ, о результатахъ употребленія у насъ различныхъ земледѣльческихъ машинъ. Большею частью, эти результаты оказываются невыгодными только потому, что крестьяне не умѣютъ обращаться съ машинами, не довѣ-

---

[1]) Хитринъ, вятскій крестьянинъ и механикъ-самоучка, придумавшій жатвенную машину и нѣсколько другихъ земледѣльческихъ орудій, оказавшихся впрочемъ неудобными въ томъ видѣ, какъ онъ полагалъ сдѣлать ихъ, но замѣчательныхъ по простотѣ и практичности мысли. Онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ прошлою осенью на сельско-хозяйственную выставку, прожилъ въ обѣщаніяхъ и въ ожиданіяхъ нѣсколько мѣсяцевъ, заболѣлъ, едва добрался до Москвы, гдѣ ему къ счастію помогли члены общества сельскаго хозяйства и доставили возможность возвратиться на родину.

[1]) Вышеназванное сочиненіе Тенгоборскаго, Т. II, стр. 178.

ряютъ полезности ихъ, отвращаются отъ всякихъ перемѣнъ и нововведеній въ вѣковомъ образѣ совершенія труда, и вслѣдствіе этого, конечно, машины дѣйствуютъ плохо, портятся и бросаются.

Сколькихъ настойчивыхъ трудовъ и сколько времени стоило и стоитъ убѣдить крестьянъ сажать какіе-нибудь новые прибыльные овощи въ огородахъ! Давно ли они рѣшились разводить картофель и употреблять его въ пищу?

Попытки перемѣнить наше истощающее землю трехпольное хозяйство на плодоперемѣнное остаются, большею частію, тщетными. Искусственные луга, травосѣяніе, орошеніе, осушеніе луговъ, разведеніе лѣсовъ составляютъ изъ рѣдкостей рѣдкость. А между тѣмъ посмотрите, какое разумное, сознательное сельское хозяйство процвѣтаетъ у насъ подъ бокомъ, въ нашемъ остзейскомъ краѣ. Неужели наши православные мужички отъ природы малоспособнѣе ливовъ, эстовъ, куровъ?

Наконецъ, что можетъ яснѣе и рѣзче выставить всю закоснѣлость въ преданіяхъ старины, совершенное отсутствіе всѣхъ здравыхъ, разумныхъ понятій, чѣмъ наши старовѣры и раскольничьи секты?

Всѣмъ подобнымъ грустнымъ, болѣзненнымъ и почти общимъ явленіямъ въ нашей народной жизни служатъ пока еще незыблемымъ основаніемъ закоснѣлость въ суевѣріяхъ и обычаяхъ, крайнее невѣжество и совершенная ограниченность и неподвижность внутренней духовной дѣятельности. Изъ всего этого слѣдуетъ, что для увеличенія производительности труда народнаго, для доставленія возможности различнымъ современнымъ мѣрамъ правительства имѣть благодѣтельное вліяніе на нашу народную жизнь, необходимо прежде всего стараться удалить или по крайней мѣрѣ смягчить основныя причины неподвижности народа, высвободить духовныя силы его изъ оковъ невѣжества и нелѣпыхъ старинныхъ предразсудковъ и такимъ образомъ не только уничтожить отвращеніе ко всѣмъ нововведеніямъ въ совершеніи труда, но и положить твердое основаніе стремленію постоянно сознательно улучшать, совершенствовать способы производства работъ.

Слѣдовательно, прежде всего должно очистить и прояснить существующія понятія народа, возбудить въ немъ сознаніе нравственной природы человѣка и утвердить внутреннюю, духовную потребность идти постоянно впередъ, улучшать и развивать какъ матеріальный, такъ и разумно-нравственный бытъ свой. Очевидно, что достигнуть этого можно только просвѣщеніемъ народа и именно: дѣйствуя правильнымъ воспитаніемъ и обученіемъ въ народныхъ училищахъ, на воспріимчивыя, нѣжныя духовныя силы дѣтей, пока онѣ еще не успѣли окрѣпнуть и закоснѣть въ привычкахъ и въ нелѣпыхъ суевѣріяхъ стараго поколѣнія.

Вотъ, по нашему мнѣнію, значеніе народныхъ училищъ для народнаго хозяйства, для улучшенія всего быта народа. Теперь мы ясно видимъ, что народныя училища дѣйствительно могутъ быть однимъ изъ основныхъ двигателей и виновниковъ нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія народа.

Вы, читатель, качаете головою; такое значеніе бѣдныхъ, ничтожныхъ народныхъ училищъ кажется вамъ смѣшною фантазіею, бредомъ. Вамъ кажется невозможнымъ, чтобы ничтожный народный учитель, со своею мелкою дѣятельностію (ибо весь успѣхъ зависитъ отъ него; народныя училища сами не могутъ воспитывать и обучать), могъ сдѣлаться основнымъ виновникомъ народнаго благосостоянія, быть по значенію и нравственному вліянію своему однимъ изъ важнѣйшихъ дѣятелей въ государствѣ. И вы совершенно справедливы, читатель: вы имѣете полное право смѣяться надъ всѣми подобными, нелѣпыми фантазіями и выдумками; вы указываете на наши приходскія и уѣздныя училища и сельскія школы, которыя существуютъ у насъ уже долгое время и до сихъ поръ не оказали никакого ощутительнаго вліянія на дѣятельность народа, не возбудили даже къ себѣ участія и сочувствія въ мѣстныхъ городскихъ и сельскихъ обществахъ, не убѣдили ихъ въ полезности и необходимости своей. Все это сущая, неопровержимая правда.

Но, убѣждаясь такими очевидными до-

казательствами, задавали ли вы себѣ, читатель, слѣдующій вопросъ: были ли наши приходскія училища и сельскія школы когда-нибудь настоящими народными училищами? По всей вѣроятности, нѣтъ; такъ позвольте же теперь, кстати, отыскать отвѣтъ на этотъ, какъ видите, весьма существенный вопросъ. Вѣрный отвѣтъ намъ можетъ доставить только исторія нашихъ приходскихъ и сельскихъ училищъ, и потому я нахожу существенно необходимымъ, не вдаваясь, впрочемъ, въ излишнія, мелкія подробности, изложить въ главныхъ характеристическихъ чертахъ историческое развитіе этихъ quasi-народныхъ училищъ. Я ни слова не скажу о цифирныхъ или ариѳметическихъ школахъ, а прямо начинаю съ дѣятельности коммиссіи училищъ 1782 года.

[1]) Императрица Екатерина II еще въ 1755 году повелѣла приказамъ общественнаго призрѣнія заботиться всѣми способами объ учрежденіи училищъ по всѣмъ городамъ и въ многолюдныхъ селеніяхъ, съ назначеніемъ самой умѣренной платы за ученіе, и то съ дѣтей достаточныхъ. На первый случай положено было обучать грамотѣ, рисованію, ариѳметикѣ и катихизису, особенно толкованію десяти заповѣдей. Но за неимѣніемъ никакихъ способовъ и средствъ ни денежныхъ, ни учебныхъ, и по предубѣжденію жителей противъ общественныхъ училищъ, дѣйствія приказовъ общественнаго призрѣнія оставались безъ успѣха. Только въ столицѣ возникло 7 училищъ, въ которыхъ обучалось 486 мальчиковъ и дѣвочекъ. Въ именномъ указѣ 1781 года, по случаю открытія Исакіевскаго училища на счетъ собственнаго кабинета, говорится между прочимъ слѣдующее: «Нѣтъ сомнѣнія, что въ прочихъ частяхъ города обитатели, по мѣрѣ состоянія своего, не отрекутся содѣйствовать пользѣ согражданъ своихъ и самихъ ихъ изъ сего ожидаемой.» Слѣдовательно, въ самомъ началѣ учрежденія народныхъ училищъ правительство желало содѣйствія общества. Въ 1782 году императрица составила особенную коммиссію объ учрежденіи народныхъ училищъ, подъ предсѣдательствомъ Завадовскаго, съ цѣлію распространить образованіе во всей имперіи. Коммиссія вызвала изъ Австріи директора темесварскихъ училищъ Янковича-де-Миріево, славившагося тогда своею учебною и педагогическою дѣятельностью въ Венгріи. Коммиссія должна была: 1) составить учебныя книги, 2) сочинить планъ народныхъ училищъ и уставъ ихъ, 3) завести школы во всей имперіи и въ 4) приготовить способныхъ учителей.

Такимъ образомъ въ 1782 году началось наше *уставное народное училищевѣдѣніе*. Дѣло задумано было для того времени замѣчательно толково. Предсѣдателемъ коммиссіи былъ назначенъ одинъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ екатерининскихъ государственныхъ людей; главнымъ же дѣятелемъ былъ Янковичъ-де-Миріево, человѣкъ, устраивавшій народныя училища въ Венгріи. Но при всемъ этомъ въ самомъ основаніи дѣла находилась уже существенная ошибка: коммиссія должна была по повелѣнію императрицы составить полный уставъ народныхъ училищъ, который, слѣдовательно, возникалъ и развивался не постепенно изъ жизни, а былъ дѣломъ кабинетнымъ, бумажнымъ, — не спросясь потребностей народа, являлся вдругъ, разомъ, вполнѣ готовымъ. Впрочемъ, въ то время и въ Германіи Гердеръ не произносилъ еще своихъ безсмертныхъ словъ: «набросать на бумагѣ уставъ училищъ можно въ полчаса, но такой уставъ сдѣлается оковами духа, въ которыхъ потомъ по крайней мѣрѣ цѣлая четверть вѣка будетъ ползти спотыкаясь.»

Коммиссія прежде всего положила сочинить общій планъ народныхъ училищъ, принявъ за основаніе раздѣленіе его на три части: 1) учебную, 2) хозяйственную и 3) политическую (административную). Устройство учебной части поручено было Янковичу-де-Миріево.

Въ концѣ прошлаго столѣтія въ Германіи еще въ полной силѣ существовало понятіе Франке о народномъ училищѣ, т. е. оно считалось только первоначальнымъ или элементарнымъ училищемъ. Фельбигеръ и Шульштейнъ, пре-

[1]) Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа, А. С. Воронова, 2 части.

образовавшіе народное училищевѣдѣніе въ Австріи, точно такъ же понимали народное училище. Въ 1774 году императрица Марія-Терезія издала «общій уставъ для нѣмецкихъ нормальныхъ, главныхъ и малыхъ народныхъ училищъ во всѣхъ императорско-королевскихъ земляхъ», составленный Фельбигеромъ. По этому уставу всѣ народныя училища раздѣлялись на три степени: 1) нормальныя — въ столицѣ и въ главныхъ городахъ провинцій, 2) главныя — въ большихъ провинціальныхъ городахъ и 3) малыя училища (Trivialschulen) въ мѣстечкахъ и селеніяхъ.

Въ то время въ Германіи еще не знали, что цѣль и дѣло всего общаго образованія или воспитанія и обученія состоитъ въ правильномъ и всестороннемъ развитіи способностей человѣка; это высказалъ въ первый разъ Песталоцци въ началѣ нашего столѣтія. Поэтому общеобразовательныхъ народныхъ училищъ не могло быть; всѣ училища сообщали только свѣдѣнія и знанія, необходимыя для извѣстныхъ сословій или для послѣдующихъ извѣстныхъ спеціальныхъ занятій. Согласно съ такимъ основнымъ пониманіемъ училищнаго дѣла, австрійскія нормальныя и главныя училища Фельбигера приняли реально-утилитарное направленіе. Въ нормальныхъ училищахъ преподавались: 1) законъ Божій; 2) чтеніе, письмо, чистописаніе и счисленіе; 3) науки, необходимыя для будущихъ ремесленниковъ, художниковъ, сельскихъ хозяевъ, хирурговъ, аптекарей; т. е. нѣмецкій языкъ, исторія, географія, естественныя науки, геометрія, механика, земледѣліе и проч.; 4) въ нормальныхъ училищахъ должны были приготовляться также и будущіе учителя; поэтому въ нихъ преподавались еще слѣдующіе предметы: «объ обязанностяхъ и качествахъ добросовѣстныхъ учителей», методика, педагогика, веденіе училищныхъ дѣлъ и книгъ и, вообще, все, что тогда считалось нужнымъ знать будущему учителю. Въ главныхъ училищахъ (Hauptschulen) преподавалось то же самое, но не въ такой подробности, и приготовлялись учителя только для низшихъ или малыхъ народныхъ училищъ. Въ этихъ послѣднихъ крестьянскія и мѣщанскія дѣти обучались: 1) закону Божію и правиламъ нравственности (Sittenlehre); 2) чтенію, письму и счисленію, и 3) понятіямъ о честности и сельскомъ хозяйствѣ, необходимымъ для сельскаго населенія. Отсюда ясно видно, что низшія или малыя народныя училища, въ которыхъ должно было начинать и оканчивать свое обученіе большинство крестьянскихъ дѣтей, были только элементарныя, первоначальныя и приготовительныя училища, потому что изъ нихъ можно было поступать въ главныя или въ нормальныя школы.

Янковичъ-де-Миріево, устраивавшій народныя училища въ Венгріи совершенно по планамъ Фельбигера и Шульштейна, перенесъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, къ намъ цѣликомъ всю систему австрійскаго народнаго училищевѣдѣнія, со всѣмъ устройствомъ отдѣльныхъ училищъ и со всѣми пріемами преподаванія.

«[1]) Коммиссія начала свои дѣйствія съ устройства учебной части. Предположено было на первый случай учредить низшія двуклассныя училища въ С. Петербургѣ и ввести въ нихъ новую методу преподаванія. Но для этого необходимо было: 1) пріискать способныхъ учителей, приготовить ихъ къ преподаванію по новой методѣ и 2) составить учебныя книги по крайней мѣрѣ для первыхъ двухъ классовъ с. петербургскихъ училищъ.

По отношенію коммиссіи къ архіепископу новгородскому Гавріилу, въ октябрѣ 1782 года, явились 20 воспитанниковъ Александро-Невской семинаріи, которые были поручены Янковичу для обученія предметамъ, предполагаемымъ въ первыхъ двухъ классахъ, по новой методѣ. Эта метода была болѣе или менѣе приноровлена къ общественному обученію. Цѣль ея состояла въ томъ 1) чтобы учитель постоянно занималъ всѣхъ учениковъ и 2) чтобы ученики могли легче запоминать предметы ученія. Для достиженія этой цѣли употреблялись слѣдующія средства или преподавательные пріемы:

1) Совокупное наставленіе [2]).

2) Совокупное чтеніе [3]).

[1]) Тамъ же, стр. 14 и 12, ч. I.
[2]) Zusammenunterrichten.
[3]) Zusammenlesen.

3) Изображенiе чрезъ начальныя буквы [1]).
4) Таблицы [2]).
5) Вопрошенiе или катихизацiя [3]).
Слѣдовательно, вся новая метода обученiя была подстрочный переводъ методы Фельбигера.

При составленiи учебныхъ руководствъ были взяты за образецъ австрiйскiе учебники; нѣкоторые изъ нихъ были прямо переведены, а другiе примѣнены къ нашимъ училищамъ, именно русская географiя, исторiя и грамматика. Сокращенный катихизисъ былъ составленъ Янковичемъ и одобренъ архiепископомъ Гаврiиломъ [4]).

Дѣло шло очень скоро. Къ 15 декабрю того же года учителя уже были приготовлены, а въ январѣ 1783 года начали вводить новое обученiе въ существовавшихъ семи народныхъ училищахъ въ Петербургѣ.

Вслѣдъ за этимъ коммиссiя приступила къ дальнѣйшему заведенiю училищъ въ городахъ с. петербургской губернiи и вызвала изъ Московской славяно-греко-латинской академiи и изъ разныхъ семинарiй 65 воспитанниковъ, для приготовленiя ихъ къ учительскимъ должностямъ во вновь открываемыя училища. Но этихъ кандидатовъ было недостаточно для всѣхъ училищъ, предполагаемыхъ къ открытiю во всей имперiи; а потому коммиссiя въ концѣ 1783 года открыла въ столицѣ главное народное училище для приготовленiя учителей. Это училище состояло изъ четырехъ классовъ, и преподаваемыя въ немъ науки сначала были слѣдующiя: математика, физика, естественная исторiя, географiя, всеобщая и русская исторiя, черченiе, рисованiе и языки русскiй, нѣмецкiй и латинскiй. Въ высшихъ классахъ этого училища преподавали наши лучшiе учителя, называвшiеся профессорами, и правила для преподаванiя различныхъ предметовъ, особенно естествовѣдѣнiя, были замѣчательно хороши и практичны для того времени. [1])

Наконецъ, въ 1786 году, 5 августа, былъ утвержденъ *первый общiй уставъ народныхъ училищъ* и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно открыть *главныя народныя училища* въ губернскихъ городахъ 26 губернiй, и *малыя училища* во всѣхъ городахъ имперiи, а гдѣ можно, и въ деревняхъ.

Учебными предметами въ малыхъ училищахъ были въ 1 классѣ: чтенiе и письмо, знанiе цифръ, церковныхъ и римскихъ чиселъ, сокращенный катихизисъ, священная исторiя и первоначальныя правила русской грамматики. Во 2 классѣ: пространный катихизисъ безъ доказательствъ изъ священнаго писанiя, чтенiе книги о должностяхъ человѣка и гражданина, 1-я и 2-я часть ариѳметики, повторенiе священной исторiи и рисованiе. Учителей въ двуклассныхъ училищахъ было 2, а въ одноклассныхъ 1.

Въ главныхъ народныхъ училищахъ въ первыхъ двухъ классахъ преподавались тѣ же предметы, какъ и въ малыхъ, исключая иностранные языки, преподаванiе которыхъ начиналось уже въ 1 классѣ главныхъ училищъ.

Въ *3* классѣ: пространный катихизисъ съ доказательствами изъ священнаго писанiя, чтенiе Евангелiй, вторая часть ариѳметики, русская грамматика съ упражненiями въ правописанiи, начало всеобщей исторiи, всеобщей и русской географiи и чистописанiе.

Въ *4* классѣ: русская и всеобщая географiя и исторiя, математическая географiя съ задачами на глобусахъ, русская грамматика съ упражненiями въ письменныхъ сочиненiяхъ, употребительныхъ (т. е. въ письмахъ, роспискахъ и пр.), основанiя геометрiи, механика, физика, естественная исторiя, гражданская архитектура, съ черченiемъ плановъ, и рисованiе.

Въ первыхъ трехъ классахъ курсъ ученiя продолжался одинъ годъ, въ четвертомъ — два года. Учителей было 6: по два учителя предметовъ въ высшихъ и низшихъ классахъ, учитель иностранныхъ языковъ и учитель рисованiя; за-

---

[1]) Buchstabenmethode.
[2]) Tabellarisiren или Tabellenmethode.
[3]) Katechisiren.
(Felbiger. Eigenschaften, Wissenschaften und Bezeigen rechtschaffener Schulleute. — Bamberg, 1772.)
[4]) Закону Божiю въ тогдашнихъ училищахъ обучали свѣтскiе учителя, а не священники.

[1]) Читатели могутъ прочесть эти правила въ 1-й части упомянутаго нами замѣчательнаго труда А. С. Воронова, стр. 23—29.

конъ Божій преподавался тѣми же учителями.

Самое большое развитіе имѣли главныя народныя училища, на которыя, какъ на центральныя училища губерніи, обращено было особенное вниманіе приказовъ общественнаго призрѣнія, въ вѣдѣніи которыхъ находились всѣ народныя училища. Не такъ прочно было существованіе малыхъ народныхъ училищъ. Часто они существовали только по имени, и многія скоро закрывались. Недостаточность средствъ приказовъ и предубѣжденіе жителей противъ ученія въ общественныхъ училищахъ были существенными причинами малаго развитія этихъ училищъ.

Съ изданіемъ общаго устава главное петербургское народное училище получило одинаковый учебный курсъ со всѣми главными народными училищами, а для приготовленія учителей въ эти училища отъ него отдѣлена была особенная учительская семинарія, получившая своего особеннаго директора и находившаяся подъ непосредственнымъ надзоромъ коммиссіи училищъ. Кромѣ предметовъ главнаго народнагоучилища, въ ней введено было еще преподаваніе греческаго языка. Курсъ ученія былъ раздѣленъ на два разряда: математическихъ и историческихъ наукъ. Всѣ воспитанники обучались тѣмъ и другимъ, но должны были обращать особенное вниманіе по своему выбору на предметы одного какого-нибудь разряда. Въ теченіе 15-ти-лѣтняго существованія своего (1786 — 1801) первая наша учительская семинарія приготовила для учительскихъ должностей 275 человѣкъ, а до 1786 года приготовленныхъ было 150, —слѣдовательно, всего 425. Эти цифры доказываютъ если не качественную, то, по крайней мѣрѣ, большую количественную дѣятельность семинаріи.

Въ такомъ состояніи находилось наше народное училищевѣдѣніе въ продолженіе всего перваго періода своего существованія, до изданія новаго устава министерствомъ народнаго просвѣщенія въ 1804 году.

Отдавая полную справедливость ревностнымъ трудамъ коммиссіи и вспоминая съ глубокою благодарностью заслуги благороднаго Яковича де-Миріево, мы находимъ слѣдующіе важные недостатки въ общемъ уставѣ народныхъ училищъ:

1) Главный существенный недостатокъ заключался, какъ мы уже замѣтили, въ самомъ повелѣніи составить полный общій уставъ.

2) Этотъ уставъ вводилъ и утверждалъ цѣликомъ австрійскую систему народныхъ училищъ, которая хотя и считалась въ то время лучшею въ Германіи, но для насъ была совершенно чуждою, со всѣми ея раздѣленіями народныхъ училищъ и съ методою преподаванія.

3) Открываемыя главныя народныя училища были не общеобразовательными, а спеціальными, реально-улитарными учебными заведеніями. Въ Австріи они могли имѣть еще нѣкоторое значеніе, потому что приготовляли дѣйствительно будущихъ архитекторовъ, сельскихъ хозяевъ и пр. У насъ же для кого существовали такія спеціальныя училища? Народъ въ нихъ не обучался, а учились дѣти бѣдныхъ мѣстныхъ чиновниковъ, приказныхъ да придворныхъ служителей, которые всѣ потомъ становились чиновниками.

4) Малыя народныя училища, которыя, собственно, назначались для дѣтей мѣщанъ и крестьянъ, были только первоначальными, элементарными училищами. Такое ограниченное пониманіе народнаго училища необходимо должно было возникнуть у насъ и утвердиться вслѣдствіе введенія вполнѣ чуждой намъ австрійской системы.

5) Первыми учителями въ петербургскихъ малыхъ училищахъ были, какъ мы видѣли, семинаристы, приготовленные въ *два мѣсяца* (съ октября до 15 декабря 1782 г.). Положимъ даже, что эти семинаристы пріобрѣли въ Александро-Невской семинаріи хорошія свѣдѣнія въ различныхъ наукахъ и могли обучиться въ это чрезъ-чуръ короткое время предметамъ двуклассного народнаго училища и совершенно новому способу ихъ преподаванія; но во всякомъ случаѣ такое обученіе могло быть не болѣе, какъ дрессировкою. Эти учители могли преподавать по новой методѣ только какъ заведенныя машины, потому что они не имѣли никакой возможности сознательно усвоить себѣ эту совершенно

незнакомую и чрезвычайно сложную методу преподаванія. Могло ли возникнуть въ такихъ учителяхъ хоть малѣйшее сознаніе всего необъятнаго значенія народнаго образованія? Могло ли въ нихъ возникнуть стремленіе идти впередъ въ своемъ священномъ дѣлѣ, развивать его и самосовершенствоваться?

6) Впослѣдствіи еще меньше дѣлалось для приготовленія учителей въ малыя народныя училища. Учительская семинарія приготовляла учителей только въ главныя училища.

7) Такія учителя, даже еслибы матеріальныя, денежныя средства были достаточны, конечно не могли бы уничтожить въ народѣ невѣжественнаго, губительнаго предубѣжденія противъ ученія. Всѣ эти существенные недостатки очевидно доказываютъ, что основаніе, положенное коммиссіею нашимъ народнымъ училищамъ, было и непрочное, и ложное.

Съ учрежденіемъ министерства народнаго просвѣщенія, въ 1802 году началось новое преобразовательное движеніе во всей системѣ нашего народнаго образованія. Въ 1804 году изданъ новый *уставъ учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ министерству народнаго просвѣщенія.* По этому уставу всѣ училища министерства были причислены къ 6 учебнымъ округамъ: московскому, с. петербургскому, казанскому, харьковскому, дерптскому и виленскому. Университеты непосредственно завѣдывали училищами округовъ, представляя о всѣхъ дѣлахъ попечителю, на которомъ лежала отвѣтственность за весь округъ. Въ тѣхъ же округахъ, гдѣ еще не было университетовъ, предположено было учредить ихъ; а до того времени управленіе округами прямо было возложено на попечителей. Такимъ образомъ управленіе училищами, находившееся до сего времени въ завѣдываніи приказовъ общественнаго призрѣнія, получило большую сосредоточенность и самостоятельность. Эти училища были: 1) гимназіи, переименованныя изъ прежнихъ главныхъ народныхъ училищъ, съ увеличеніемъ учебнаго курса; 2) уѣздныя училища, и въ 3) приходскія. Мы разсмотримъ здѣсь только уѣздныя и приходскія училища.

I. Уѣздныя училища, по уставу, имѣли цѣлію: а) приготовленіе желающихъ къ поступленію въ гимназіи и б) доставленіе дѣтямъ разнаго состоянія необходимыхъ познаній, сообразно ихъ состоянію и промышленности. Въ каждомъ губернскомъ и уѣздномъ городѣ должно было быть по крайней мѣрѣ по одному уѣздному училищу; нужно ли было оно для жителей, или нѣтъ, объ этомъ не спрашивалось. Курсъ этихъ училищъ былъ несравненно обширнѣе курса прежнихъ малыхъ народныхъ училищъ, такъ что при преобразованіи послѣднихъ въ уѣздныя, второй классъ ихъ преобразовался въ первый классъ уѣзднаго училища. О, этотъ курсъ былъ сущее великолѣпіе! Положительно ни одинъ знаменитый ученый западной Европы, ни одинъ энциклопедистъ XVIII столѣтія не былъ бы въ состояніи не только преподавать, но даже выдержать выпускной экзаменъ изъ курса нашего уѣзднаго училища по уставу 1804 года. А между тѣмъ, какъ мы сейчасъ видѣли, онъ былъ только приготовительнымъ курсомъ для гимназій и назначался для доставленія дѣтямъ разнаго состоянія необходимыхъ познаній, сообразно ихъ состоянію и промышленности. Вотъ что преподавалось въ этомъ курсѣ: 1) законъ Божій и священная исторія; 2) чтеніе книги о должностяхъ человѣка и гражданина; 3) русская грамматика, а въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ употреблялся другой языкъ, сверхъ русской грамматики преподавалась грамматика мѣстнаго языка; 4) чистописаніе; 5) правописаніе; 6) правила слога (для всѣхъ этихъ предметовъ назначался одинъ преподаватель; 7) всеобщая исторія; 8) россійская исторія; 9) всеобщая географія и начальныя правила математической географіи; 10) россійская географія; 11) ариѳметика; 12) начальныя правила физики и естественной исторіи; 13) начальныя правила технологіи, имѣющія отношеніе къ мѣстному положенію и промышленности; 14) рисованіе. (Для всѣхъ этихъ предметовъ также одинъ преподаватель).

Для окончанія курса въ уѣздныхъ училищахъ требовалось два года, считая на каждый классъ по одному году.

Вотъ до какихъ крайностей можетъ дойти желаніе сообщать дѣтямъ разнаго состоянія необходимыя познанія, соо-

бразно ихъ состоянію и промышленности! Конечно, одно перечисленіе всѣхъ этихъ предметовъ, проходимыхъ въ два года и преподаваемыхъ двумя учителями, достаточно убѣдить каждаго, что отъ уѣздныхъ училищъ устава 1804 г. ничего путнаго нельзя было ожидать.

II. Приходскія училища, какъ самыя первоначальныя, имѣли также двоякую цѣль: 1) приготовленіе желающихъ поступить въ уѣздныя училища и 2) «доставленіе дѣтямъ земледѣльческаго и другихъ состояній приличныхъ свѣдѣній, чтобы сдѣлать ихъ лучшими въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, дать имъ точныя понятія о явленіяхъ природы и истребить въ нихъ суевѣрія и предразсудки, столь вредныя ихъ благополучію, здоровью и состоянію» (¹). Въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, также и въ селеніяхъ, каждый церковный приходъ или два вмѣстѣ должны были имѣть, по крайней мѣрѣ, одно приходское училище.

Въ одногодичный курсъ приходскихъ училищъ входили слѣдующіе предметы: 1) главныя начала закона Божія и нравоученія; 2) чтеніе и письмо; 3) первыя четыре дѣйствія ариѳметики; 4) объяснительное чтеніе книги: «Краткое наставленіе о сельскомъ домоводствѣ, произведеніяхъ природы, сложеніи человѣческаго тѣла и, вообше, о средствахъ къ предохраненію здоровья.»

Какъ все это должно было быть удивительно хорошо! Читаешь и восхищаешься! Жаль только, что до сихъ поръ все это еще не осуществилось. Впрочемъ, въ то время не только литература, но и весь воздухъ у насъ былъ зараженъ какою-то сентиментальностью и чувствительностью. Нельзя же было не посентиментальничать и не поразчувствоваться при составленіи устава народныхъ училищъ.

Много ли было сдѣлано въ этотъ періодъ для образованія народныхъ учителей? Изъ только что изложеннаго пониманія народныхъ училищъ, ясно выразившагося въ ихъ назначеніи и въ составѣ учебныхъ курсовъ, очевидно слѣдуетъ, что ничего правильнаго, положительно хорошаго не могло быть сдѣлано: начиналось многое, но ничѣмъ не кончалось. Учительская семинарія, остававшаяся безъ всякаго дѣла, пустою, съ 1801 года, послѣ выпуска своихъ послѣднихъ воспитанниковъ, преобразована была въ 1804 году въ Педагогическій институтъ, который составлялъ отдѣленіе имѣвшаго учредиться въ Петербургѣ университета. Казенные воспитанники этого института предназначались къ занятію учительскихъ мѣстъ въ гимназіяхъ. Потомъ, въ 1816 году, онъ былъ преобразованъ въ Главный Педагогическій институтъ съ университетскимъ курсомъ. Потомъ наконецъ, въ 1817 г., по проекту тогдашняго попечителя округа, С. С. Уварова, былъ основанъ при Главномъ Педагогическомъ институтѣ 2-й разрядъ онаго, собственно для приготовленія учителей въ уѣздныя и приходскія училища. Покойный Сергій Семеновичъ понималъ всю важность этого дѣла и принялъ 2-й разрядъ Главнаго Педагогическаго института подъ свой непосредственный надзоръ, чего, по собственнымъ словамъ его, требовали «*новость и важность сего опыта*, неопредѣленность методы, необходимость дѣйствовать сильно и вѣрно». Для управленія этимъ заведеніемъ былъ назначенъ опытный и ученый педагогъ, инспекторъ пансіоновъ с. петербургской гимназіи, Миддендорфъ. Впрочемъ, открытіе этого учебнаго заведенія послѣдовало только въ 1820 году, подъ именемъ *Учительскаго института въ вѣдомствѣ спб. университета*. Первыми учителями въ этомъ институтѣ были возвратившіеся изъ-за границы студенты бывшаго Педагогическаго института Буссе, Свенске, Тимаевъ и А. Ободовскій, посланные туда еще въ 1817 году, по предложенію Уварова, для изученія системы взаимнаго обученія Бель-Ланкастера и училищъ Песталоцци. Въ 1823 году Учительскій институтъ слился съ третьею с. петербургскою гимназіею. Эта гимназія имѣла цѣлію приготовленіе болѣе развитыхъ и успѣвшихъ учениковъ своихъ въ университетъ, а менѣе развитыхъ—въ уѣздные и приходскіе учителя. Изъ учениковъ ея дѣйствительно вышло много нашихъ извѣстныхъ профессоровъ, благодаря инспекторству Миддендорфа, Шнейдера, переименованнаго въ директоры, директору Буссе и учителямъ Свенске, А. Ободовскому и Тимаеву.

(¹) Слова устава 1804 года.

Такимъ образомъ, для образованія народныхъ учителей было сдѣлано въ этотъ періодъ еще менѣе, чѣмъ въ предшествовавшій. Понятіе о дѣятельности и значеніи ихъ было самое жалкое и ограниченное, что ясно видно изъ того, что въ народные учителя назначались неспособные изъ казенныхъ воспитанниковъ третьей гимназіи, которые не могли никакимъ образомъ дотащиться до университета. Очевидно, что, при всѣхъ этихъ условіяхъ, при своихъ невыполнимыхъ и ни къ чему не годныхъ курсахъ и при такихъ учителяхъ наши уѣздныя и приходскія училища не подвигались впередъ и не возбуждали въ мѣстныхъ городскихъ обществахъ ни малѣйшаго сочувствія къ образованію.

По училищному уставу 1828 года эти училища не перестали быть приготовительными учебными заведеніями для гимназій и продолжали сообщать нужныя и необходимыя знанія для извѣстныхъ сословій народа.

Въ основаніи устава лежало слѣдующее, съ одной стороны очень дѣльное и практическое мнѣніе, высказанное въ предложеніи министра народнаго просвѣщенія, А. С. Шишкина, 2 іюля 1826 года, членамъ *Комитета для устройства учебныхъ заведеній*: «Изъ уѣзднаго училища развѣ сотый человѣкъ поступитъ въ университетъ, между тѣмъ какъ девяносто девять окончатъ ученіе свое въ семъ училищѣ и частію въ гимназіи. Слѣдовательно, при назначеніи постепенности учебныхъ заведеній отнюдь не должно исключительно имѣть въ виду приготовленіе учениковъ къ переходу изъ одного заведенія въ другое, высшее, но потребности людей тѣхъ состояній, которые должны получить въ нихъ окончательное образованіе. Иначе нельзя достигнуть цѣли народнаго просвѣщенія, неоспоримо состоящей въ томъ, чтобы снабдить всѣ классы народа приличнымъ образованіемъ безъ исключенія». На этомъ основаніи, по мнѣнію Шишкова, «приходскія училища должны у насъ существовать преимущественно для крестьянъ, мѣщанъ и промышленниковъ низшаго класса; уѣздныя—для купечества, оберъ-офицерскихъ дѣтей и дворянъ, не лишая, впрочемъ, права учиться въ нихъ и людей низшаго званія, особенно приготовляющихся въ университетъ или въ ученое званіе.»

Изъ этой основной идеи, на которой воздвигался новый уставъ, ясно видно, что мы еще вовсе не понимали назначенія и дѣла общеобразовательныхъ народныхъ училищъ, хотя оно уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія было высказано великимъ Песталоцци и состояло, какъ мы нѣсколько разъ говорили, *въ правильномъ всестороннемъ развитіи всѣхъ способностей человѣка*. Мы въ нашихъ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ все еще пренаивно думали не образовывать народъ, не развивать его духовныя силы, а *сообщать приличныя для извѣстныхъ сословій знанія и свѣдѣнія*. Мы никакъ не могли понять, что прежде надо развить человѣка, очистить его понятія, возбудить въ немъ духовную дѣятельность, а потомъ, сдѣлавъ его способнымъ, предоставить ему самому выбирать себѣ приличныя знанія и свѣдѣнія.

Сообразно съ такою основною идеею о народномъ образованіи составленъ былъ и курсъ учебныхъ предметовъ въ уставѣ 1828 года, существующемъ и въ наше время; именно въ курсъ приходскихъ училищъ (*) вошли:

1) Законъ Божій по краткому катихизису и священной исторіи.

2) Чтеніе по книгамъ церковной и гражданской печати и чтеніе рукописей.

3) Чистописаніе.

4) Четыре дѣйствія ариѳметики (съ выкладками на счетахъ въ нѣкоторыхъ училищахъ).

Въ посадахъ и селеніяхъ, гдѣ много ремесленниковъ, могъ быть учреждаемъ въ приходскихъ училищахъ второй классъ, для преподаванія предметовъ низшаго класса уѣзднаго училища.

Курсъ ученія въ уѣздныхъ училищахъ, раздѣляющійся на три класса, долженъ былъ состоять изъ:

1) Закона Божія, священной и церковной исторіи.

2) Россійскаго языка, включая и высшую часть грамматики.

3) Ариѳметики.

4) Геометріи до стереометріи включительно, но безъ доказательствъ.

(*) Названное соч. А. С. Воронова. — Часть II, стр. 3 и 4.

5) Географіи.

6) Исторіи государства Россійскаго и всеобщей, но сокращенной.

7) Чистописаніе, черченіе и рисованіе.

8) Церковное пѣніе, введенное въ нѣкоторыхъ училищахъ.

Курсъ ученія продолжался въ приходскихъ училищахъ одинъ годъ, въ уѣздныхъ три года.

Главное преимущество этого курса, въ сравненіи съ курсомъ 1804 года, заключается въ уменьшеніи числа учебныхъ предметовъ и въ увеличеніи времени ученія. Другихъ преимуществъ мы не находимъ. Почему именно только обозначенныя знанія считались необходимыми и приличными для дѣтей мѣщанъ, крестьянъ, купцовъ и оберъ-офицерскихъ, —конечно, никто не объяснитъ.

Въ этомъ же періодѣ, кромѣ распространенія приходскихъ училищъ въ уѣздныхъ городахъ, у насъ возникаютъ съ 1830 года *сельскія школы* въ селеніяхъ министерства государственныхъ имуществъ и въ удѣльномъ и горномъ вѣдомствахъ. Первоначально сельскія училища министерства государственныхъ имуществъ явились подъ именемъ *волостныхъ училищъ*, съ чисто-спеціальною цѣлью приготовлять способныхъ *волостныхъ и сельскихъ писарей*. Предметы ученія, порядокъ въ этихъ училищахъ, управленіе и надзоръ за ними, выборъ наставниковъ и способы содержанія подробно опредѣлены въ *наставленіи для управленія сельскими приходскими училищами въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ*, утвержденномъ министромъ государственныхъ имуществъ въ 1843 году.

Для лучшаго достиженія главной цѣли образованія сельскихъ училищъ, обученіе въ нихъ и назиданіе крестьянскихъ дѣтей было ввѣрено сельскому духовенству, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ мѣстнаго управленія государственныхъ имуществъ.

Сельскія училища для крестьянъ удѣльнаго вѣдомства имѣютъ цѣлію съ одной стороны приготовленіе писарей въ удѣльные конторы и приказы, а съ другой — доставленіе крестьянамъ необходимаго образованія. Курсъ ученія въ нихъ тотъ же, что и въ сельскихъ училищахъ для государственныхъ крестьянъ и въ приходскихъ училищахъ, но прибавлено обученіе *церковному нотному пѣнію*. Для приготовленія учителей въ эти училища учреждены были, сначала въ Москвѣ и въ Красномъ Селѣ (возлѣ Петербурга), два *главныя училища*, существовавшія только до 1836 года; въ это время признано было полезнымъ поручить преподаваніе всѣхъ предметовъ мѣстнымъ священникамъ, за особую плату — 145 р. сер. въ годъ. Непосредственное управленіе каждымъ такимъ училищемъ ввѣрено было мѣстному сельскому приказу, а главное начальство надъ училищами всего удѣльнаго имѣнія—управляющему удѣльною конторою. Такимъ образомъ произошли совершенное разъединеніе въ управленіи нашихъ народныхъ училищъ и зависимость сельскихъ училищъ отъ людей и вѣдомствъ, которыя имѣли свое особенное спеціальное назначеніе и для которыхъ народное образованіе было далеко второстепеннымъ дѣломъ.

Для приготовленія учителей въ народныя училища въ этотъ періодъ не было сдѣлано рѣшительно ничего. Учителями въ уѣздныхъ училищахъ были преимущественно кончившіе гимназическій курсъ или провинившіеся студенты Педагогическаго института.

Послѣ посылки за границу вышепоименованныхъ четырехъ студентовъ-педагоговъ, еще въ 1817 г., никого болѣе не посылали и нисколько не слѣдили за развитіемъ народнаго училищевѣдѣнія въ Германіи и, вообще, въ государствахъ западной Европы. Между тѣмъ оно шло тамъ послѣ Песталлоцци быстрыми шагами впередъ. Прежнее пониманіе народнаго училища, какъ первоначальнаго или элементарнаго, совершенно исчезло: народное училище сдѣлалось вполнѣ самостоятельнымъ и въ извѣстной степени законченнымъ учебно-воспитательнымъ учрежденіемъ въ государствѣ, особенно вслѣдствіе полувѣковыхъ трудовъ Денцеля, Динтера, Дистервега и др. Цѣль современнаго народнаго училища состоитъ въ проясненіи и очищеніи понятій народа, въ возбужденіи въ немъ потребности сознательной дѣятельности и стремленія идти постоянно впередъ въ своемъ развитіи, а не въ сообщеніи знаній

и свѣдѣній, приличныхъ извѣстнымъ сословіямъ, пріобрѣтеніе которыхъ предоставляется на собственное усмотрѣніе каждаго человѣка, потому что самъ онъ лучше можетъ знать, что ему нужно.

Наша ненастойчивость въ приготовленіи учителей для народныхъ училищъ самымъ естественнымъ образомъ вытекала изъ неправильнаго пониманія этихъ училищъ. Считая народныя училища первоначальными, составляющими только самый низшій, приготовительный классъ для другихъ училищъ, мы, конечно, не чувствовали особенной нужды въ приготовленіи народныхъ учителей, потому что въ этомъ случаѣ въ приходскихъ училищахъ могъ обучать каждый грамотный человѣкъ.

Весь этотъ историческій обзоръ нашего уставнаго народнаго училищевѣдѣнія приводитъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ относительно современнаго состоянія нашихъ училищъ для образованія народа:

1) У насъ нѣтъ народныхъ училищъ, а есть только приходскія училища, которыя, въ сущности, представляютъ не что иное, какъ школы грамотности.

2) Какъ въ приходскихъ, такъ и въ уѣздныхъ училищахъ ничему большему полезному нельзя научиться, какъ чтенію, письму и начальному счисленію. Всѣ другія, грамматическія, историческія, географическія, геометрическія, свѣдѣнія только задалбливаются и тотчасъ же забываются по выходѣ изъ училища. Да, эти знанія, въ томъ видѣ, какъ они теперь сообщаются въ нашихъ уѣздныхъ училищахъ, положительно никому не нужны.

4) Родители посылаютъ своихъ дѣтей только въ приходскія училища и много что въ первый уѣздный классъ, гдѣ ученики пріучаются довольно бѣгло читать и писать. Долѣе посѣщать училище дѣтямъ незачѣмъ, потому что они будутъ только тратить время по пустому, не научатся болѣе ничему полезному. Поэтому-то вторые и особенно третьи классы уѣздныхъ училищъ остаются иногда совсѣмъ пустыми, или посѣщаются сыновьями бѣдныхъ мѣстныхъ чиновниковъ по необходимости, затѣмъ только, чтобы получить право на поступленіе въ службу и на полученіе безъ экзамена перваго классного чина,—право, которое даруется каждому, кончившему курсъ уѣзднаго училища. Поэтому, неуспѣшность дѣйствій нашихъ народныхъ училищъ слѣдуетъ приписывать не одному несочувствію невѣжественныхъ мѣстныхъ городскихъ обществъ къ образованію, но и совершенно не правильному устройству учебной части въ этихъ училищахъ.

4) У насъ нѣтъ народныхъ учителей, а безъ нихъ народныя училища никогда не пойдутъ впередъ и не будутъ имѣть вліянія на просвѣтленіе разумно-нравственнаго состоянія народа.

5) У насъ нѣтъ ни одного хорошаго учебника для народныхъ училищъ; нѣтъ здравыхъ книгъ для народнаго чтенія, которое просвѣтляло бы умъ крестьянина, ремесленника, согрѣвало его сердце и освѣжало и подкрѣпляло его въ тяжкомъ трудѣ, которое удерживало бы его отъ празднаго пьянства и отвратительнаго разврата въ воскресный Божій день.

Для того, чтобы вывести наше народное училищевѣдѣніе изъ такого вполнѣ безотраднаго и безполезнаго состоянія и чтобы положить у насъ прочное здравое начало настоящимъ народнымъ училищамъ, я, основываясь на всѣхъ приведенныхъ дѣйствительныхъ фактахъ, считаю необходимымъ прежде всего: 1) соединеніе всѣхъ народныхъ училищъ подъ вѣдомство одного министерства народнаго просвѣщенія и 2) учрежденіе учебныхъ заведеній или учительскихъ семинарій для приготовленія народныхъ учителей.

Учительскія семинаріи только тогда могутъ дѣйствительно выполнять свое великое дѣло, когда находятся въ живой, органической связи, составляютъ, такъ сказать, одно живое тѣло съ народными училищами. Эти семинаріи должны корениться въ народныхъ училищахъ, получать изъ нихъ свои здравые жизненные соки, чтобы потомъ разцвѣсти не пустоцвѣтомъ, а приносить обильное плодовитое сѣмя, пригодное именно для русской народной почвы, для насажденія въ ней настоящаго образованія нашего народа. Поэтому-то наши учительскія семинаріи, чтобы удовлетворить самому

существенному условію ихъ успѣшности, должны возникнуть въ одно время съ сельскими училищами, т. е. первыя народныя училища должны быть основами первыхъ семинарій.

Полагаю, что въ каждомъ учебномъ округѣ можно найти по два учителя, которые сознаютъ все безконечно благодатное значеніе народныхъ училищъ и готовы съ любовью приняться за тяжелое, но святое дѣло народнаго образованія. Такихъ учителей должно немедленно послать, по крайней мѣрѣ, на 2, если не на 3 года за границу, *для глубокаго, основательно-всесторонняго, а не мимолетнаго, поверхностнаго изученія на теоріи и на практикѣ* всей системы народнаго образованія, методъ и способовъ преподаванія въ народныхъ училищахъ и, особенно, общенагляднаго обученія, которое у насъ еще совершенно неизвѣстно. По возвращеніи, они должны представить по дробный отчетъ въ своихъ занятіяхъ за границею, состоящій: 1) изъ подробнаго практическаго изложенія развитія и настоящаго состоянія системъ народнаго образованія въ западной Европѣ, съ полнымъ описаніемъ всѣхъ способовъ обученія; 2) изъ строгаго, подробнаго же разбора этихъ системъ, съ указаніемъ истинно хорошаго и оправданнаго на дѣлѣ, и того, что изъ этого хорошаго и какимъ образомъ и почему можетъ быть, по ихъ мнѣнію, примѣнимо у насъ; 3) изъ составленныхъ на этихъ данныхъ подробныхъ предположеній не болѣе какъ для двухъ начальныхъ курсовъ народнаго училища.

Я предлагаю послать *двухъ учителей:* во 1) потому, что умъ хорошо, а два лучше; во 2) чтобы одинъ могъ заняться преимущественно одними предметами, другой другими, которые каждому ближе. *Изъ каждаго учебнаго округа*—чтобы были учителя, болѣе или менѣе знакомые съ мѣстными потребностями и условіями народной жизни, хоть въ немногихъ, болѣе развитыхъ частяхъ нашего громаднаго отечества.

Какъ только, безъ замедленія, будутъ разсмотрѣны представленные отчеты, и если будутъ одобрены правительствомъ упомянутыя предположенія, то тотчасъ же въ каждомъ округѣ тщательно выбирается вполнѣ добросовѣстный и разумный *священникъ*, выборъ котораго чрезвычайно, существенно важенъ, потому что религія должна составлять краеугольный камень народнаго обученія.

Потомъ немедленно открывается, въ видѣ опыта, въ каждомъ учебномъ округѣ, народное училище, какъ основа семинаріи, но отнюдь не въ столицахъ и не въ университетскихъ городахъ, а въ одномъ изъ окрестныхъ селеній. Означенные три преподавателя (tres faciunt collegium) начинаютъ обученіе 50—60 мальчиковъ, не болѣе. Нахожу необходимымъ положить основаніе нашимъ учительскимъ семинаріямъ *въ деревняхъ*, для того, чтобы мальчики, въ продолженіе школьнаго обученія, могли жить у родителей и приходить въ школы только на время уроковъ. Это, во 1) будетъ стоить гораздо дешевле, во 2) мальчики не выходятъ изъ своего положенія, и могутъ въ свободное время помогать родителямъ въ домашнихъ работахъ; въ 3) сами родители очевиднѣе замѣтятъ постепенную благую перемѣну въ дѣтяхъ, пользу отъ хорошаго обученія и мало по малу станутъ довѣрять учителямъ, благодѣтельное просвѣщенное вліяніе которыхъ и живой примѣръ постоянно трудовой, нравственно-разумной жизни въ такомъ случаѣ сильнѣе и быстрѣе могутъ дѣйствовать на самихъ родителей.

Занятія учителей въ это время должны состоять въ слѣдующемъ: 1) Строгое, полное любви исполненіе своихъ ежедневныхъ обязанностей въ школѣ; 2) наблюденіе за домашнею жизнію учениковъ; 3) бесѣды съ родителями по два раза въ недѣлю, или по крайней мѣрѣ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ; 4) составленіе общихъ программъ на слѣдующіе годы обученія, первоначальныхъ учебниковъ и книги для чтенія. 5) Подробное записываніе всѣхъ своихъ воспитательныхъ дѣйствій и ихъ слѣдствій. Работы, бездна, но за то какое благо для народа, для всего государства!

Въ послѣдній годъ училищнаго обученія учителя составляютъ программы на первый общесеминарскій курсъ, въ который выбираются добровольно, по желанію, самые способные мальчики изъ кончившихъ ученіе въ школѣ. Къ

тремъ названнымъ наставникамъ, конечно, нужно будетъ прибавить, по крайней мѣрѣ, еще двухъ... Но я слишкомъ далеко зашелъ въ моихъ предложеніяхъ и предположеніяхъ. Главное и единственно необходимое теперь: найти людей, понимающихъ дѣло народнаго образованія и готовыхъ съ полною любовью посвятить себя этому дѣлу. Только такіе люди положатъ прочное, здравое основаніе всему народному образованію: они постепенно составятъ планы и народныхъ училищъ, и учительскихъ семинарій, но планы, выработанные опытомъ, на самомъ дѣлѣ, въ жизни. Они же сами будутъ первыми настоящими учителями народа и образуютъ такихъ же учителей (1). Эти учителя, вмѣстѣ съ улучшеніемъ быта крестьянъ, содѣлаются славными, блаженными виновниками возрожденія новой, свѣтлой, нравственно-разумной и обильно-производительной жизни русскаго народа!..

«О Боже! Ты даешь для родины моей
«Тепло и урожай — дары святые неба;
«Но хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
«Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!
«Уже надъ нивою, гдѣ мысли сѣмена
«Тобой насаждены, повѣяла весна,
«И непогодами несгубленныя зерна
«Пустили свѣжіе ростки свои проворно.
«О, дай намъ солнышка, пошли Ты вёдра намъ,
«Чтобъ вызрѣлъ ихъ побѣгъ по тучнымъ бороздамъ,
«Чтобъ намъ, хоть опершись на внуковъ, стариками
«Придти на тучныя ихъ нивы подышать
«И, позабывъ, что ихъ мы полили слезами,
«Промолвить: Господи, какая благодать!»

(1) Но откуда взять деньги, нужныя для посылки заграницу на 2, на 3 года 18 человѣкъ? Можно замѣнить на время уѣздныя училища, оказавшіяся совершенно безполезными, двукласными или, гдѣ нужно, трехкласными приходскими училищами, предоставивъ имъ тѣ же права. Всѣхъ уѣздныхъ училищъ считается 430; изъ нихъ можно сейчасъ же закрыть, по крайней мѣрѣ, 300. Полагая, что при замѣнѣ каждаго такого училища двукласснымъ или трехклассным приходскимъ, останется отъ прежней стоимости содержанія его только 100 руб., мы уже получаемъ каждый годъ 30,000 р., т. е. сумму, вполнѣ достаточную для отправка и для содержанія за границею 18 человѣкъ.

IV.

Совершающееся преобразованіе народныхъ училищъ въ великомъ княжествѣ Финляндіи.

«Ищите и обрящете», и мы ищемъ вездѣ, гдѣ только надѣемся найти что-нибудь полезное, и беремъ отсюду все то, что, по нашему крайнему разумѣнію, можетъ быть хоть сколько-нибудь пригоднымъ для разъясненія священнаго вопроса о распространеніи истиннаго образованія въ народѣ, вопроса, который, послѣ вѣчно-памятнаго дня пятаго марта, дѣлается *вопросомъ жизни* для нашего дорогого отечества. Воскресный день этотъ останется свѣтлымъ воскресеніемъ для всей земли русской! Двадцать три миліона крестьянъ, цѣлая треть народонаселенія имперіи, получили гражданскую свободу и отселѣ будутъ совершать свободный трудъ! Теперь бы только настоящія народныя училища, и новый трудъ народа сдѣлался бы вполнѣ производительнымъ, и народъ нашъ зажилъ бы припѣваючи, вѣчно помня и славя своего царя-освободителя и «великій гражданскій подвигъ» своихъ прежнихъ владѣльцевъ.

Да, учрежденіе настоящихъ народныхъ училищъ теперь болѣе и очевиднѣе, чѣмъ когда-нибудь, составляетъ насущную потребность для нашего отечества. Мы указываемъ на государственныхъ крестьянъ, пользовавшихся свободнымъ трудомъ; былъ ли тяжелый трудъ ихъ производительнѣе труда бывшаго крѣпостного сословія? Многіе, можетъ быть, находятъ причину малой производитель-

ности свободнаго труда государственныхъ крестьянъ въ несовершенствѣ административнаго ихъ устройства. Нисколько не возражая противъ этого, мы, однако жъ, полагаемъ, что разныя неудобства и несовершенства въ этомъ устройствѣ могутъ быть вполнѣ устранены только тогда, когда сами крестьяне будутъ въ состояніи заявить разумное, полезное слово о своемъ устройствѣ. Самое правосудіе, это единственно-незыблемая охрана внутренняго государственнаго спокойствія и благосостоянія, можетъ ли вполнѣ утвердиться и свято и ненарушимо быть наблюдаемо во всѣхъ мѣстныхъ управленіяхъ крестьянами, пока въ послѣднихъ не возникнетъ и не укоренится сознаніе своихъ правъ и обязанностей, высокое сознаніе долга каждаго человѣка охранять и выполнять эти права и обязанности? Для этого какъ доказываетъ множество ежедневныхъ явленій, еще недостаточно одного знанія положительныхъ законовъ, опредѣляющихъ и ограждающихъ права и обязанности каждаго сословія. Здѣсь необходимо, прежде всего, сознаніе человѣческаго достоинства, которое можетъ быть возбуждено и укрѣплено въ народѣ правильнѣе и скорѣе всѣхъ другихъ мѣръ только распространеніемъ въ немъ истиннаго просвѣщенія.

Припомните себѣ, читатель, еще и тѣ дѣйствительные факты, которые мы изложили въ трехъ предъидущихъ статьяхъ, и вы, конечно, согласитесь, что именно теперь настало время, когда крайне необходимо, не теряя ни минуты, приняться дружно и съ полнымъ безкорыстіемъ за возможно основательное и всестороннее обсужденіе вопроса о народныхъ училищахъ, который неопровержимо составляетъ одинъ изъ самыхъ жизненныхъ вопросовъ въ настоящее время. Да, этотъ вопросъ, по нашему мнѣнію, долженъ идти рука объ руку со священнымъ дѣломъ постепеннаго устроенія новой свободной жизни двадцати трехъ милліоновъ нашихъ собратій. Мы, съ своей стороны, стараемся, по мѣрѣ силъ и умѣнія, содѣйствовать правильному обсужденію этого вопроса. Мы, какъ сказали въ началѣ, стараемся собирать со всѣхъ сторонъ пригодные, по нашему убѣжденію, матеріалы для устройства народныхъ училищъ. Въ этой статьѣ мы излагаемъ читателямъ, какимъ образомъ началось совершающееся нынѣ преобразованіе народныхъ училищъ въ великомъ княжествѣ Финляндіи. Вмѣстѣ съ этимъ мы будемъ имѣть случай познакомить читателей нашихъ съ современнымъ состояніемъ народнаго училищевѣдѣнія въ Швеціи и въ протестантскихъ государствахъ западной Европы.

Въ 1856 году, государь императоръ, во время пребыванія своего въ Гельсингфорсѣ, обратилъ царственное вниманіе свое на народное образованіе народа и повелѣлъ финляндскому сенату всеподданнѣйше представить соображенія свои о цѣлесообразномъ устройствѣ народныхъ училищъ въ Финляндіи на высочайшее его величества благоусмотрѣніе. Сенатъ тотчасъ же предложилъ *мѣстнымъ консисторіямъ составить проектъ новаго устройства народныхъ училищъ* и печатно пригласилъ всѣхъ желающихъ высказать свое мнѣніе объ этомъ проектѣ. Пасторъ Сигнеусъ, бывшій тогда инспекторомъ финской церковной школы въ С. Петербургѣ, помѣстилъ въ одной изъ финляндскихъ газетъ небольшую статью, въ которой доказалъ неосновательность положеній консисторій и вслѣдъ затѣмъ представилъ сенату свои собственныя соображенія, на основаніи которыхъ былъ составленъ *новый предварительный проектъ*, утвержденный высочайшимъ манифестомъ отъ 19 апрѣля 1858 г. Въ этомъ манифестѣ, между прочимъ, сказано слѣдующее: «Во вниманіи къ тому, что для распространенія нравственности и общаго благосостоянія въ народѣ *всего важнѣе* посѣвать истинное образованіе и полезныя свѣдѣнія, по мѣрѣ возможности, во всѣхъ сословіяхъ общества, и въ постоянной заботливости Нашей о благѣ Нашихъ подданныхъ Великаго Княжества, повелѣвъ Финляндскому Нашему Сенату войти со всеподданнѣйшимъ мнѣніемъ по сему предмету, Мы, согласно съ представленіемъ Сената, признали за благо утвердить слѣдующія начала народнаго образованія въ семъ краѣ: Первоначальное обученіе чтенію по книгѣ, такъ чтобы дѣти привыкли понимать прочитанное, должно

и впредь, какъ было доселѣ, происходить дома, въ семействѣ ([1]) или въ деревенскихъ и воскресныхъ школахъ, объ учрежденіи которыхъ, по мѣрѣ надобности, общества сами должны озаботиться ([2]); для преподаванія же прочихъ учебныхъ предметовъ, служащихъ основаніемъ истинному народному образованію, которое для того, чтобы быть дѣйствительно полезнымъ, должно имѣть религіозное начало, общины имѣютъ завести постоянныя народныя школы. Не должно однако *безусловно* обязывать общинъ однѣхъ къ содержанію подобныхъ училищъ; но если какая община сама пожелаетъ имѣть благоустроенную народную школу и изъявитъ готовность на *собственномъ иждивеніи* содержать оную, то Нами будетъ, по представленію о семъ въ хозяйственный департаментъ сената, въ случаѣ *одобренія плана школы*, назначаемо на *учрежденіе* ея пособіе изъ штатныхъ суммъ, по ближайшему каждый разъ усмотрѣнію департамента, а также по мѣрѣ средствъ каждой общины и предложеннаго ею на сей конецъ пожертвованія.

Въ этихъ школахъ, въ кои принимать только дѣтей, умѣющихъ уже безошибочно читать на природномъ языкѣ и понимать прочитанное ([3]), обученіе религіи должно быть ввѣрено мѣстному духовенству; преподаваніе же другихъ учебныхъ предметовъ имѣетъ быть впредь ближе опредѣлено; но ученикамъ, если пожелаютъ, и буде обстоятельства позволятъ, надобно дать возможность во время нахожденія въ сихъ школахъ *практически упражняться въ ремеслахъ, земледѣліи и садоводствѣ*.

Ближайшій надзоръ за народными школами и управленіе хозяйственною частію оныхъ слѣдуетъ поручить *мѣстнымъ дирекціямъ изъ лицъ, избираемыхъ общинами*; главный же надзоръ за всѣми народными школами края ввѣрить особой *составленной изъ свѣдующихъ и усердныхъ лицъ*, по выбору правительства, — центральной дирекціи, которая находится въ главномъ городѣ Финляндіи.

Для снабженія народныхъ школъ учителями, кои, дабы не терять охоты къ своему занятію и довольствоваться своимъ положеніемъ, должны по образу жизни и прочимъ отношеніямъ сколь возможно стоять на одинаковой ступени съ учениками, будетъ на первый случай учреждено на счетъ казны, въ удобномъ мѣстѣ, одно заведеніе, въ которомъ находилось бы также отдѣленіе для приготовленія учительницъ, о чемъ впослѣдствіи будетъ подробнѣе постановлено.

Дабы учредить это училище и народно-учебную часть вообще на вышеизложенныхъ началахъ, такъ, чтобы *предполагаемая ими цѣль могла быть достигнута наивѣрнѣйшимъ образомъ*, Сенату предоставляется избрать лицо, имѣющее достаточныя способности и опытность по части народнаго образованія, съ тѣмъ, чтобы оно первоначально, совершая поѣздки по разнымъ частямъ Финляндіи, съ полученіемъ отъ казны пособія, старалось узнать о настоящей степени народнаго образованія въ семъ краѣ и собрать относящіяся сюда свѣдѣнія, а потомъ, посѣщая государства, гдѣ народное образованіе устроено наилучшимъ образомъ, увеличивать свои познанія и опытность по сему предмету и затѣмъ представить правительству свое заключеніе относительно всѣхъ обстоятельствъ, могущихъ служить къ разъясненію и обсужденію столь важнаго для края вопроса. По полученіи же болѣе спе-

---

([1]) Въ Финляндіи и, вообще, въ протестантскихъ земляхъ это вполнѣ возможно, потому что въ семействѣ почти всѣ *грамотные*, всѣ читаютъ библію и поютъ во время богослуженія духовные гимны и псалмы: всего этого безусловно требуетъ протестантская религія отъ каждаго.

([2]) Для этихъ же цѣлей назначались *школы грамотности* въ «Проектѣ устава низшихъ и среднихъ училищъ», составленномъ ученымъ комитетомъ по порученію министерства народнаго просвѣщенія.

([3]) Какъ эти, такъ и вышеприведенныя слова высочайшаго манифеста ясно доказываютъ, *что первоначальное обученіе грамотѣ* составляетъ прямую *обязанность семействъ и общинъ* и совершается ими безъ *всякаго контроля*.

ціальныхъ свѣдѣній по этому предмету, Сенатъ имѣетъ войти по оному со всеподданнѣйшимъ *подробнымъ проектомъ*. Съ чѣмъ соображаться каждому, до кого сіе касаться можетъ.»

Изъ словъ высочайшаго манифеста очевидно, что для надлежащаго устройства народныхъ училищъ признано было необходимымъ исполнить предварительно три условія: 1) соединить всѣ народныя школы въ вѣдѣніи одной центральной дирекціи; 2) учредить одно училище для приготовленія народныхъ учителей и учительницъ, и 3) выбрать свѣдущаго и опытнаго человѣка въ дѣлѣ народнаго обученія и воспитанія и дать ему средства изучить современное состояніе народныхъ училищъ и народнаго образованія какъ въ финляндскомъ краѣ, такъ и въ государствахъ, гдѣ оно устроено наилучшимъ образомъ.

Эти три условія, какъ можетъ видѣть читатель, сходны съ тѣми основаніями, которыя мы предложили въ прошлой статьѣ нашей.

Финляндскій сенатъ спѣшилъ выполнить высочайшія предначертанія и предложилъ пастору Сигнеусу, какъ истинному виновнику предварительнаго проекта и человѣку, много лѣтъ знакомому съ дѣломъ народнаго обученія на теоріи и на практикѣ, осмотрѣть народныя училища въ Финляндіи и потомъ отправиться за границу для подробнаго и всесторонняго ознакомленія съ народнымъ училищевѣдѣніемъ. Г. Сигнеусъ съ радостью принялъ на себя выполненіе дѣла, столь близкаго его сердцу, и лѣтомъ того же 1858 года предпринялъ свое полутарагодовое педагогическое путешествіе, а по возвращеніи напечаталъ слѣдующій отчетъ, который мы въ извлеченіи, сохраняя все существенное, представляемъ нашимъ читателямъ.

Въ концѣ іюня, пишетъ г. Сигнеусъ, предпринялъ я свое педагогическое путешествіе по Финляндіи и посѣтилъ въ теченіе лѣта и осени всѣ губерніи, кромѣ Улеаборгской.

Такое путешествіе, безъ сомнѣнія, принесло бы гораздо болѣе пользы, еслибъ мнѣ позволили предпринять его по ознакомленіи съ народными школами за границей. Въ этомъ я былъ убѣжденъ до моего путешествія и еще болѣе убѣдился послѣ него. Еслибы я раньше на самомъ дѣлѣ видѣлъ и слышалъ, какъ преподаютъ народные учителя въ Германіи, и, вообще, какъ тамъ идетъ народное обученіе и воспитаніе, то, конечно, могъ бы яснѣе замѣтить недостатки въ системѣ и въ устройствѣ нашего народнаго училищевѣдѣнія.

Теперь я долженъ буду ограничиться сообщеніемъ тѣхъ немногихъ свѣдѣній, которыя могъ собрать при моихъ незначительныхъ теоретическихъ познаніяхъ, путешествуя по родной странѣ.

Какъ ни различно народное образованіе въ разныхъ мѣстахъ, напримѣръ въ восточныхъ и Выборгской губерніяхъ относительно расторопности народа, умѣнія совершать трудъ, любви къ порядку, чистоплотности и т. д., однако вездѣ въ нашей странѣ въ одномъ отношеніи господствуетъ нѣкоторое равенство, т. е. знаніе грамоты почти повсюду распространено, и неграмотные крестьяне составляютъ самыя рѣдкія исключенія.

Но это знаніе грамоты ограничивается вездѣ только механическимъ чтеніемъ, которое, какъ и механическое заучиваніе наизусть, считается важнѣе всего; напротивъ, содержаніе читаемаго, восприятіе его умомъ и сердцемъ—для большинства вещь второстепенная.

Открытіе это было для меня не ново, потому что въ теченіе десяти лѣтъ я неоднократно имѣлъ случай въ воскресной школѣ финскаго прихода въ С. Петербургѣ прослушать нѣсколько тысячъ мальчиковъ и юношей изъ всѣхъ предѣловъ Финляндіи, и тогда еще убѣдился, въ какомъ плохомъ состояніи находится знаніе грамоты въ нашей странѣ, и какъ между нѣсколькими сотнями грамотныхъ вы не встрѣтите ни одного, который бы могъ дать отчетъ о двухъ-трехъ читанныхъ имъ строкахъ, хотя въ конфирмаціонномъ свидѣтельствѣ его и сказано, что онъ хорошо знаетъ грамоту.

Такое явленіе оказывается, впрочемъ, совершенно естественнымъ; стоитъ только ближе разсмотрѣть убійственную методу преподаванія, употребляемую у насъ повсюду при первоначальномъ обученіи дѣтей.

Пока, вмѣсто примѣненія нагляднаго

обученія и упражненій въ мышленіи и разговорѣ, ученіе наше будетъ начинаться съ азбуки и складовъ и состоять только въ механическомъ долбленіи наизусть и чтеніи книгъ, недоступныхъ дѣтскому пониманію (какъ наши азбуки и катихизисъ), до тѣхъ поръ содержаніе читаемаго останется дѣломъ постороннимъ, а самое машинальное обученіе чтенію будетъ внушать ученикамъ только одно отвращеніе къ школѣ.

Впрочемъ къ моему удовольствію я нашелъ, что многіе изъ молодыхъ священниковъ, съ которыми я успѣлъ познакомиться, вполнѣ поняли необходимость улучшить методу преподаванія вообще и живо стремятся къ современному благоустройству народной школы.

Въ простомъ народѣ необходимость народнаго училища далеко еще не сознается; причину этого, главнымъ образомъ, должно искать не столько въ низкой степени образованія народа, сколько въ томъ, что училища, которыя были учреждаемы у насъ до сихъ поръ, большею частію назначались не для простого народа, не для крестьянскихъ потребностей, а исключительно для образованія высшихъ и низшихъ *чиновниковъ* (*). Финскій крестьянскій мальчикъ, поступая въ обыкновенное первоначальное училище, съ перваго же дня долженъ заучивать на чуждомъ ему языкѣ, т. е. на шведскомъ, всѣ уроки, въ которыхъ онъ въ началѣ не понимаетъ ни одного слова, а учитель обыкновенно не заботится объяснять ихъ. Если въ началѣ онъ даже и преодолѣетъ всѣ трудности такого ученія, то что предстоитъ ему впереди? Ученіе грамматики, пяти-шести иностранныхъ языковъ, которые, конечно, ему вовсе не нужны и которыхъ онъ не въ состояніи изучить хоть посредственно, при безсмысленномъ преподаваніи въ школѣ. Какіе же результаты достигаются такимъ обученіемъ? Крестьянскій мальчикъ выходитъ изъ училища, если онъ даже кончитъ курсъ, не умѣя ни понимать, ни говорить, ни писать ни на одномъ языкѣ и менѣе всего зная родной языкъ, который въ продолженіе всего обученія оставался въ сторонѣ, потому что въ администраціи употребляется шведскій языкъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ нахватался различныхъ поверхностныхъ полусвѣдѣній, наслышался различныхъ историческихъ и географическихъ познаній и думаетъ, что онъ уже *слишкомъ ученъ*, и потому для него крестьянскій трудъ кажется низкимъ, недостойнымъ; онъ вступаетъ въ дѣйствительную жизнь ни рыбой, ни мясомъ, становится какимъ то безобразнымъ отшведившимся господиномъ, перемѣнившимъ, вмѣстѣ съ роднымъ языкомъ, даже свое имя.

При такихъ грустныхъ обстоятельствахъ, дѣйствительно у насъ существующихъ, очевидно нельзя ожидать, чтобы простой народъ въ Финляндіи понялъ необходимость народныхъ школъ и, вообще, почувствовалъ потребность въ образованіи.

Такія варварскія послѣдствія преимущественно происходятъ оттого, что въ нашей странѣ почти всѣмъ учителямъ рѣшительно не достаетъ истинно-педагогическаго образованія. У насъ нѣтъ ни одного училища для приготовленія учителей, нѣтъ педагогическихъ журналовъ и сочиненій; а вслѣдствіе этого быстрое развитіе, которое совершилось въ послѣднее десятилѣтіе во всей системѣ воспитанія и обученія вообще и въ народномъ училищевѣдѣніи въ особенности, совершенно неизвѣстно: оно какъ бы и не существовало для насъ. Поэтому очень естественно, что у насъ встрѣчается какое-то темное, сбивчивое понятіе о современномъ устройствѣ народной школы и недостаточное пониманіе народнаго образованія вообще. Такъ именно и у насъ, и въ Швеціи на народное училище смотрятъ какъ на учрежденіе, имѣющее цѣлью приготовить только къ конфирмаціи, и сообразно съ этимъ опредѣляются требованія со стороны народной школы.

Какъ односторонне, недальновидно и непрактично подобное пониманіе цѣли народной школы, не трудно доказать, преимущественно въ нашей странѣ, гдѣ народъ, особенно въ нѣкоторыхъ краяхъ, дотого отупѣлъ, оглупѣлъ и сдѣлался неуклюжимъ, что большая часть изъ крестьянъ нашихъ не умѣетъ сколотить себѣ скамьи, не можетъ сдѣлать

(*) Наши приходскія и уѣздныя училища существуютъ, собственно, для той же цѣли, и потому послѣднія остаются, большею частію, пустыми.

самой простой лопаты, а еще менѣе что-либо другое,—гдѣ грубость, невѣжество и суевѣріе нерѣдко достигаютъ самыхъ страшныхъ, нелѣпыхъ крайностей! И всѣ подобныя болѣзненныя явленія, которыя дѣлаютъ невозможнымъ самое малѣйшее движеніе въ духовномъ и нравственномъ развитіи человѣка, свойственны всему тому народонаселенію, о которомъ конфирмаціонное свидѣтельство гласитъ, что большинство хорошо читаетъ и имѣетъ удовлетворительныя или хорошія познанія въ христіанскомъ ученіи!!!

Немного лучшее понятіе о народной школѣ имѣютъ тѣ изъ нашихъ пресловутыхъ педагоговъ, которые требуютъ, чтобы различнаго рода ремесла и даже земледѣліе были введены въ обученіе, или чтобы народная школа основывалась на промышленныхъ началахъ, какъ они выражаются. Другіе опять считаютъ это понятіе не только невѣрнымъ, но и вреднымъ, и требуютъ, въ совершенную противуположность, чтобы основаніемъ народному образованію служила религія. Я, впрочемъ, не понимаю, почему промышленныя начала могутъ мѣшать религіознымъ основаніямъ? Если подъ религіею разумѣютъ жизнь человѣческой души въ Богѣ, такъ, что поступки человѣка въ жизни опредѣляются волею Божіею; что душа мыслитъ, говоритъ, дѣйствуетъ, побуждаемая только любовію къ добру и истинѣ; что она готова отречься отъ собственныхъ выгодъ и пожертвовать собою, жить и дѣйствовать на благо отечеству и человѣчеству, какъ дѣйствовалъ и Самъ Спаситель: то, конечно, никто не станетъ спорить, что всякая школа должна быть основана на религіозныхъ началахъ. Но если, съ другой стороны, полагаютъ достигнуть этой цѣли, возбудить и укрѣпить въ народѣ такую жизнь въ Богѣ, заставляя 7—12-лѣтнихъ дѣтей задалбливать азы и катихизисъ, какъ это у насъ дѣлается повсемѣстно, то такое мнѣніе есть прямое слѣдствіе невѣжественнаго, затемненнаго разума. Машинальное, безсмысленное зубреніе катихизиса, молитвъ и цѣлой массы духовныхъ стиховъ не только не въ состояніи внушить дѣтямъ любовь къ Богу, сдѣлать благочестивую жизнь потребностью ихъ души, но положительно и несомнѣнно заставляетъ ихъ чувствовать отвращеніе къ религіи.

Совершенно другой оборотъ принимаетъ обученіе религіи, если, вмѣсто того, чтобы начать преподаваніе закона Божія съ богословско-догматическаго учебника, каковъ напр. катихизисъ, будетъ употребляться наглядная метода, и посредствомъ красивыхъ, выразительныхъ картинъ изъ жизни Спасителя законоучитель будетъ стараться живо представить дѣтямъ всѣ Его дѣянія. Съ тѣмъ вмѣстѣ можно бы было заставить дѣтей выучивать назусть тѣ слова, которыя Спаситель произносилъ въ важнѣйшія мгновенія Своей жизни. Это было бы животворное христіанское ученіе, которое вложило бы прямо въ сердце дитяти все то, что содержится во второмъ членѣ символа вѣры [1].

Но такое преподаваніе закона Божія основанное на Св. писаніи очень хорошо можетъ идти наряду съ упражненіемъ въ ручныхъ работахъ, и тогда можно бы сказать, что школа основана и на религіозныхъ, и на промышленныхъ началахъ, если уже непремѣнно нужно употреблять это выраженіе [2]. Всякое воспитаніе должно въ основѣ быть религіозное, или стремиться уничтожить въ человѣкѣ эгоизмъ, самолюбіе и своекорыстіе и вмѣстѣ съ тѣмъ пробуждать любовь, какъ побудительную причину всей дѣятельности человѣческой жизни, но притомъ не забывать и образованія тѣлесныхъ органовъ, чтобы они могли служить хорошими орудіями душѣ.

Поэтому-то ручная работа непремѣнно должна войти въ народную школу, какъ существенное образовательное средство между многими другими; но эта ручная работа не должна быть чисто механическая, не требующая размышленія, какую мы находимъ во многихъ такъ-называемыхъ народныхъ воспита-

---

[1]) Этотъ членъ, въ евангелическомъ или протестантскомъ вѣроученіи, заключаетъ въ себѣ ученіе о Богѣ Сынѣ.

[2]) Въ нѣкоторыхъ народныхъ училищахъ въ Германіи стараются воспитывать дѣтей къ *труду посредствомъ труда* (Erziehung zur Arbeit durch Arbeit). Г. Сигнеусъ, какъ видно будетъ еще яснѣе изъ слѣдующаго, склоняется на сторону этой системы воспитанія.

тельныхъ заведеніяхъ, напр. трепаніе пеньки и т. д.

Такія механическія ручныя работы не доставляютъ ребенку никакого душевнаго удовлетворенія, чрезъ нѣсколько времени внушаютъ только отвращеніе къ навязанному занятію и производятъ лѣнь и неохоту къ работѣ вообще, не говоря уже вовсе о томъ, что онѣ имѣютъ слѣдствіемъ душевную грубость и невѣжество.

Напротивъ въ народномъ училищѣ ручная работа должна быть такъ устроена, чтобы она давала способность къ будущей работѣ и развивала въ дитяти силу, ловкость, навыкъ и охоту къ труду вообще; съ этою цѣлью она должна имѣть въ виду все человѣческое образованіе: должна въ то же время развивать всѣ физическія и душевныя способности, дѣйствовать какъ на душевное, такъ и на физическое воспитаніе и развитіе.

Требуя введенія различныхъ ремеслъ и занятія земледѣліемъ въ народномъ училищѣ, упомянутые господа не обратили вниманія на то обстоятельство, что народная школа есть не техническое училище, а только общая начальная школа, имѣющая цѣлью воспитать физически и душевно сильное, трудовое поколѣніе, доставить ему способность и навыкъ къ искусному, разнообразному и расторопному употребленію своихъ рукъ, и развить личныя способности, которыя природа вложила въ каждаго ребенка.

Но если понятіе о народныхъ училищахъ и народномъ образованіи въ нашей странѣ, вообще, очень одностороннe, скудно и непрактично, то понятіе объ образованіи женщины еще гораздо одностороннѣе. Весьма немногіе у насъ понимаютъ, что образованіе женщины не должно ограничиваться однимъ умѣніемъ читать, писать и болтаніемъ на различныхъ языкахъ; что женщина, для исполненія своего призванія, не можетъ довольствоваться только нѣсколькими познаніями въ законѣ Божіемъ и въ нѣкоторыхъ домашнихъ, хозяйственныхъ занятіяхъ, въ стряпнѣ, глаженьи и пр., но что она, точно такъ же, какъ и мужчина, имѣетъ полное право на общее человѣческое образованіе.

Конечно, въ наше время нельзя оспаривать того, что доказываютъ всѣ времена и всѣ народы; нельзя не признавать, что вліяніе матери на возрастающее поколѣніе чрезвычайно важно, что первоначальное воспитаніе въ порядочномъ, чистомъ и опрятномъ семействѣ, въ которомъ примѣрная мать служитъ ангеломъ-хранителемъ, составляетъ самое богатое наслѣдство дитяти, самую вѣрную поруку для народнаго счастія. Но, не смотря на всѣ вѣковыя свидѣтельства, которыя давно уже приводятся какъ аксіома, еще очень мало заботились дать дѣвицѣ такое образованіе, при которомъ ея будущая дѣятельность могла бы дѣлаться дѣйствительно обильно благотворною для семейства и для родины.

Вѣдь дѣльный сельскій хозяинъ старается пріобрѣсти хорошую опытную скотницу, которая имѣла бы хотя нѣкоторыя понятія объ уходѣ за домашнимъ скотомъ. Неужели самое первое воспитаніе дѣтей можетъ заслуживать меньшаго вниманія? Отчего же такъ мало сдѣлано и дѣлается для образованія нянекъ, воспитательницъ, матерей? Въ нашихъ пансіонахъ и училищахъ память дѣвочки обременяется множествомъ безполезныхъ вещей, которыя одной, можетъ быть, и пригодятся въ свѣтѣ, а другой помогутъ доставать себѣ хотя скудное пропитаніе; но онѣ нерѣдко дѣлаютъ дѣвицъ надменными, надутыми и праздными, потому что оставляютъ ихъ въ совершенномъ невѣдѣніи того, что женщинѣ преимущественно слѣдовало бы знать, чтобы достойно понять и исполнить свое высокое святое назначеніе въ жизни, какъ попечительницы возрастающаго поколѣнія. Чтобы быть въ состояніи пещись о дитяти физически и духовно сообразно съ законами природы, чтобы руководить развитіемъ тѣлесныхъ и душевныхъ способностей дитяти согласно съ вѣчными законами, установленными Богомъ для человѣческаго развитія, ученицы должны пріобрѣтать познанія объ этомъ, а также и практическій навыкъ въ физическомъ и духовномъ попеченіи о дитяти. Это знаніе должно быть для женщины самымъ главнымъ, существенно необходимымъ, къ какому

бы сословію въ обществѣ она ни принадлежала. Быть *духовною матерью* для возрастающаго поколѣнія, — вотъ истинное, Богомъ опредѣленное назначеніе каждой женщины, хотя бы ей и не пришлось выдти за мужъ и пещись о собственныхъ дѣтяхъ. Только въ добросовѣстномъ исполненіи этого скромнаго, незамѣтнаго, но тѣмъ не менѣе высокаго и святаго назначенія она можетъ найти свое истинное счастіе, а вмѣстѣ съ этимъ и обильно содѣйствовать облагороженію и счастію возрастающаго поколѣнія и такимъ образомъ класть основу внутренней нравственной силѣ всего гражданскаго общества.

Разбирая гибельныя для народа слѣдствія совершеннаго невѣжества въ физическомъ и духовномъ попеченіи о дѣтяхъ, господствующаго въ Финляндіи между матерями и няньками, г. Сигнеусъ говоритъ, что величайшее несчастіе состоитъ еще не въ томъ только, что по врачебнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ отъ 25 до 40 проц. изъ числа дѣтей умираетъ въ первый годъ жизни: страшныя послѣдствія этого невѣжества, навѣрно, еще гораздо огромнѣе въ духовномъ отношеніи, хотя они и не такъ сильно бросаются въ глаза.

Признавая такое существенно-важное значеніе разумнаго образованія женщинъ для истиннаго облагороженія народа, г. Сигнеусъ замѣчаетъ, что такое женское образованіе можетъ быть осуществлено только посредствомъ хорошихъ народныхъ школъ; и потому не должно переставать постоянно напоминать о томъ, чтобы при распространеніи народнаго образованія въ каждой странѣ преимущественно имѣлось въ виду *цѣлесообразное устройство женскихъ школъ.*

Далѣе г. Сигнеусъ выражаетъ вполнѣ прекрасное желаніе, чтобы въ высшихъ классахъ женскихъ училищъ были сообщаемы не только наглядное и общепонятное описаніе человѣческаго организма и законы духовнаго развитія, но чтобы ученицамъ доставляема была также возможность практически упражняться въ физическомъ и духовномъ попеченіи о дѣтяхъ. Для этой цѣли при каждомъ полномъ женскомъ училищѣ слѣдовало бы имѣть такъ-называемый дѣтскій пріютъ и дѣтскій садъ, гдѣ могли бы воспитываться нѣсколько сиротъ, которыя по какому-то нехристіанскому мнѣнію считаются бременемъ для общины.

Взаключеніе этихъ общихъ замѣтокъ о состояніи народнаго образованія въ Финляндіи, почтенный педагогъ называетъ нѣсколько училищъ, подробно осмотрѣнныхъ имъ, между которыми онъ даетъ предпочтеніе первоначальной школѣ старшаго пастора Кноринга въ мѣстечкѣ Гордби и двумъ другимъ такимъ же школамъ въ Эркилѣ и Ведерлаксѣ. Въ этихъ училищахъ введена ручная работа, какъ образовательное средство. Впрочемъ, заключаетъ онъ, вездѣ явно бросается въ глаза недостатокъ въ хорошихъ учителяхъ, знающихъ свое дѣло; а такихъ учителей нашъ народъ дождется только тогда, когда у насъ возникнетъ *настоящая учительская семинарія,* въ которой они будутъ получать истинное педагогическое образованіе, какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніяхъ.

V.

Педагогическое путешествіе г. Сигнеуса за границей.

Окончивъ изслѣдованія свои въ Финляндіи, г. Сигнеусъ отправился 2-го ноября въ Швецію. По свѣдѣніямъ, пишетъ онъ, которыя я заранѣе почерпнулъ изъ весьма скудной шведской педагогической литературы, мнѣ уже было извѣстно, что въ Швеціи народная школа, а равно и все педагогическое образованіе находится въ весьма плохомъ состояніи. Это происходитъ отъ весьма понятныхъ причинъ. Въ странѣ, гдѣ народная школа постоянно служила и все еще служитъ только перепутьемъ къ доходнымъ мѣстамъ на духовномъ поприщѣ, гдѣ, слѣдовательно, весьма рѣдко можно встрѣтить настоящаго народнаго учителя, который бы съ полною любовію занимался своею школою и ей бы посвящалъ всю свою дѣятельность, — въ странѣ, гдѣ учителя смотрятъ на народную школу какъ на чистилище, которое необходимо пройти, чтобы достигнуть прибыльнаго священническаго мѣста и такимъ образомъ получить вознагражденіе за труды и отреченія, которымъ они подверглись въ училищѣ, — въ странѣ, гдѣ нѣтъ вовсе образовательныхъ заведеній для учителей, въ которой каждый считается годнымъ въ учителя, коль скоро прошелъ философскій курсъ въ академіи и сдалъ теоретически и практически экзаменъ по части учительской передъ судьями, которые сами лишены педагогическаго образованія, какъ нерѣдко случается съ членами каноническаго капитула: въ такой странѣ совершенно невозможно, чтобы педагогическія занятія пріобрѣли себѣ уваженіе и чтобы дѣло школьнаго образованія возвысилось до той степени, на какой оно уже находится во многихъ другихъ странахъ.

Низкая степень педагогическаго образованія и народной школы въ Швеціи происходитъ преимущественно оттого, что народное училищевѣдѣніе не имѣетъ своего собственнаго управленія, составленнаго изъ лицъ, спеціально изучившихъ на практикѣ и на теоріи дѣло воспитанія и обученія. Это сознается не только всѣми истинными педагогами, но и многими другими лицами, которыя понимаютъ все существенно важное значеніе народнаго образованія во всѣхъ отношеніяхъ. До сихъ поръ безъ всякаго успѣха пытались освободить народную школу изъ-подъ опеки духовенства, а пока это основное преобразованіе не совершится, шведскіе педагоги не надѣются найти возможность сдѣлать какое-либо существенное улучшеніе въ народныхъ училищахъ. Поэтому въ Швеціи и вездѣ за границей каждый другъ школы и образованія принялъ съ величайшею радостію и участіемъ извѣстіе о высочайшемъ указѣ относительно особаго центральнаго управленія надъ народными училищами въ Финляндіи.

Этотъ принципъ признается, вообще дотого цѣлесообразнымъ и современнымъ, столь зрѣлымъ и прогресивнымъ, что большое число лицъ во всѣхъ странахъ, которыя я посѣщалъ, съ истиннымъ восторгомъ поздравляли Финляндію, которая по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи будетъ стоять впереди многихъ странъ.

Состоянію народныхъ училищъ подъ опекою духовенства должно приписать преимущественно и недостаточную организацію учительскихъ семинарій. Такихъ семинарій въ Швеціи тринадцать. Такъ какъ двухъ академій достаточно для образованія духовныхъ и гражданскихъ служебныхъ лицъ для всей страны, то весьма трудно найти уважительную причину, почему для образованія народныхъ учителей необходимы 13 заведеній. Естественная причина, разумѣется, та, что каждый капитулъ долженъ имѣть семинарію въ епархіальномъ городѣ подъ собственнымъ управленіемъ, нужна ли она дѣйствительно, или нѣтъ, — это все равно. Такимъ образомъ произошли эти 13 такъ-называемыхъ семинарій, которыя, въ сравненіи съ учительскими семинаріями въ прочихъ протестантскихъ земляхъ, не болѣе, не менѣе, какъ урод-

ливыя карикатуры. Впрочемъ, это очень понятно.

Шведскіе государственные чины, на сеймѣ 1842 года, назначили самыя скудныя средства на народныя училища; они, видно, были *истинные цѣнители народнаго образованія!* — Часть этихъ ничтожныхъ средствъ была распредѣлена на тринадцать семинарій, и оттого сдѣлалось невозможнымъ содержать при каждой болѣе двухъ учителей, которые не получили никакого предварительнаго педагогическаго образованія. Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что учебный курсъ въ семинаріи назначался полугодовой или много что годовой. Такимъ образомъ семинаріи теперь не приносятъ никакой пользы; на нихъ только даромъ тратятся деньги. Изъ нихъ вышло большое число совершенно поверхностно и односторонне образованныхъ учителей, которые, какъ вообще случается съ полуобразованными людьми, большею частью весьма заняты собою и чрезвычайно самолюбивы. Званіе народнаго учителя имъ кажется унизительнымъ; вслѣдствіе же получаемаго скуднаго жалованья ихъ положеніе становится дѣйствительно незавиднымъ. Вотъ почему неудивительно, что каждый изъ нихъ старается какъ можно скорѣе оставить училище и совершаетъ свое дѣло какъ-нибудь, лишь бы сбыть его съ рукъ. Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ народное образованіе не подвигается впередъ и страдаетъ еще въ томъ отношеніи, что государственные чины, не видя никакой пользы отъ народныхъ училищъ, считаютъ совершенно излишнимъ увеличивать бюджетъ ихъ. Общество съ своей стороны по той же причинѣ не дѣлаетъ никакихъ пожертвованій въ пользу народныхъ школъ, не принимаетъ въ нихъ ни малѣйшаго участія [1]).

Неправильный и недостаточный контроль надъ училищами и учителями, столь вредный для ихъ преуспѣянія, есть другое непосредственное слѣдствіе церковной опеки. Цѣлесообразный, не мелочной, по возможности точный контроль можетъ быть производимъ только людьми, знающими дѣло и педагогически образованными. Такъ какъ контроль въ Швеціи ведется капитуломъ и духовенствомъ, которые не имѣютъ необходимыхъ для этого дѣла познаній, то онъ безполезенъ, и учителя лишены какъ надзора, такъ и справедливаго поощренія, весьма часто необходимаго въ ихъ тяжкомъ и стѣснительномъ положеніи. Училищный контроль порождаетъ въ Швеціи только неудовольствія и жалобы. Священники смотрятъ на народныхъ учителей съ презрѣніемъ, обвиняютъ ихъ въ непокорности, потакаютъ несправедливымъ требованіямъ родителей, которые прямо научаютъ дѣтей своихъ смѣяться надъ бѣднымъ школьнымъ учителемъ. Такія обстоятельства уничтожаютъ всякое благое вліяніе даже добросовѣстнаго учителя на дѣтей, потому что онъ является въ ихъ глазахъ какимъ-то посмѣшищемъ и не можетъ ни поддержать порядка во время урока, ни заставить дѣтей повиноваться и слушаться.

Послѣ всего сказаннаго о состояніи народнаго училищевѣдѣнія въ Швеціи, читатель, конечно, согласится со мною, что мое педагогическое путешествіе по этой странѣ могло принести мнѣ одну отрицательную пользу. Я съ грустію еще болѣе убѣдился, что плохое, ни съ чѣмъ не сообразное устройство народныхъ училищъ приводитъ прямо къ мрачному сомнѣнію въ полезности ихъ для распространенія просвѣщенія въ народѣ! Только въ Гётеборгѣ нашелъ я народную школу въ нѣсколько утѣшительномъ положеніи. Она устроена по системѣ покойнаго графа

---

[1]) Наши приходскія и уѣздныя училища, не говоря уже про сельскія школы, какъ мы видѣли, также не приносятъ почти никакой пользы. Въ этомъ и заключается настоящая причина, почему они не находятъ никакого сочувствія въ обществѣ. Мы долго еще будемъ стараться связывать мѣстныя общества съ училищами, посредствомъ попечительныхъ совѣтовъ, почетныхъ смотрителей и другихъ подобныхъ мѣръ, и будемъ преднаивно удивляться и въ недоумѣніи спрашивать себя: отчего общество не вспомоществуетъ училищамъ? Утѣшительный и оправдательный отвѣтъ мы всегда съумѣемъ найти въ *необразованности мѣстныхъ обществъ*. Нѣтъ: въ настоящее время множество примѣровъ ясно доказываютъ, что во многихъ мѣстахъ нашего необъятнаго отечества въ обществѣ пробудилось свѣтлое сознаніе необходимости народнаго образованія. Теперь только стоитъ учредить хорошее, *настоящее народное училище*, которое быстро принесетъ существенную, очевидную пользу, и общество безъ всякихъ *искуственныхъ поощрительныхъ связей* проявитъ къ нему полное сочувствіе.

Руденшельда. Городъ раздѣленъ на 13 училищныхъ округовъ со многими отдѣлами. Каждый округъ и отдѣлъ имѣютъ своего смотрителя, который обязанъ вести точный списокъ всѣмъ дѣтямъ, достигшимъ возраста опредѣленнаго законами для посѣщенія училища. Въ городѣ находится пять народныхъ училищъ, съ двумя учителями въ каждомъ, и восемнадцать школъ по отдѣламъ, съ одною учительницею въ каждой. Наблюденіе за всѣми училищами поручено инспектору, который состоитъ членомъ въ училищномъ управленіи. Организація совершенно цѣлесообразная, но метода преподаванія напоминаетъ о низкой степени педагогики въ Швеціи и необходимости позаботиться объ учрежденіи настоящаго образовательнаго заведенія для народныхъ учителей.

Изъ Гётеборга я отправился въ концѣ декабря въ Копенгагенъ.

Давно уже въ Финляндіи господствовало почти общее мнѣніе, что народное образованіе въ Даніи выше, чѣмъ во многихъ другихъ странахъ, даже во всякой другой странѣ. Хотя это мнѣніе и преувеличено, но все-таки нельзя отрицать, что народное образованіе въ Даніи находится въ гораздо лучшемъ состояніи, чѣмъ въ Швеціи, и причину этого должно преимущественно искать въ несомнѣнно лучшей организаціи народной школы въ Даніи.

Великое преимущество датской народной школы передъ шведскою состоитъ въ лучшемъ контролѣ и въ лучшихъ учительскихъ семинаріяхъ. Вся училищная часть въ Даніи находится подъ вѣдомствомъ министра народнаго просвѣщенія и раздѣляется на два департамента: 1) для ученыхъ училищъ и 2) для народныхъ, къ которымъ причисляются и низшія реальныя училища. Каждый департаментъ имѣетъ своего главнаго директора. Во время моего пребыванія въ Копенгагенѣ главнымъ директоромъ народныхъ училищъ былъ самъ министръ просвѣщенія Монратъ. Подъ его непосредственнымъ контролемъ находятся семинаріи, хотя и епископы еще производятъ ревизіи въ этихъ заведеніяхъ, вслѣдствіе чего, какъ разсказываютъ, иногда происходятъ не совсѣмъ пріятныя столкновенія.

Въ Даніи еще не совершенно окончено освобожденіе школы отъ духовенства. Пропсты (старшіе священники) и пасторы занимаютъ мѣста школьныхъ инспекторовъ въ деревняхъ, и нѣкоторые директоры семинарій вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ и пасторами при какомъ-либо приходѣ. Такое учрежденіе имѣло много вредныхъ послѣдствій, между прочимъ и то, что педагогическое знаніе, особенно методика, находится тамъ на гораздо низшей ступени, нежели въ Германіи. Такъ какъ священники должны быть и педагогами, и богословами, то одно изъ этихъ званій необходимо должно сдѣлаться второстепеннымъ, потому что одному человѣку рѣшительно невозможно слѣдить за развитіемъ и той, и другой науки. Кромѣ того, подтверждается опытомъ во многихъ странахъ, что священники, вообще, не принадлежатъ къ счастливымъ педагогамъ. Это происходитъ отъ весьма естественной причины. Священникъ привыкъ къ нѣмымъ слушателямъ, а потому и въ школѣ легко впадаетъ въ тонъ проповѣди и говоритъ самъ много. Это, конечно, удобнѣе, нежели заставить говорить ребенка, но имѣетъ въ школѣ то вредное послѣдствіе, что дѣти дѣлаются тупыми, немыслящими и невнимательными; ибо то, что говорится безостановочно, для ребенка нерѣдко только выходящій изъ устъ вѣтеръ, подъ дуновеніемъ котораго онъ можетъ думать о чемъ ему угодно.

Хотя, слѣдовательно, нѣтъ никакого сомнѣнія, что двойственная дѣятельность священника, при церкви и при школѣ, служитъ только во вредъ обѣимъ, но и въ Даніи встрѣчаются еще многіе священники, которые устойчиво противятся освобожденію школъ. Между тѣмъ освобожденіе это идетъ впередъ, и убѣжденіе, что оно необходимо для современнаго народнаго образованія, съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе распространяется въ этой странѣ.

Датскія учительскія семинаріи собственно не соотвѣтствуютъ новѣйшимъ педагогическимъ требованіямъ; но онѣ все-таки гораздо лучше шведскихъ. При каждой семинаріи находятся отъ 5 до 6 учителей, и курсъ въ нихъ трехгодичный. Семинаристы пріобрѣтаютъ довольно значительное количество свѣдѣній и

большой преподавательскій навыкъ; но новѣйшихъ методъ у нихъ не найдете. Народные учителя въ хозяйственномъ отношеніи очень хорошо поставлены: они имѣютъ отъ 500 до 800 талеровъ (460 — 780 р. сер.), готовую квартиру, небольшой участокъ земли для сада и, наконецъ, получаютъ $^{2}/_{3}$ жалованья въ пенсію по истеченіи 25 лѣтъ. Съ такимъ содержаніемъ для народныхъ учителей и, что гораздо важнѣе, съ такимъ относительно-дѣльнымъ образованіемъ, какое датскіе народные учителя получаютъ въ семинаріяхъ, вовсе не удивительно, что народная школа стоитъ тамъ выше, нежели въ Швеціи.

Изъ Даніи я отправился въ Гамбургъ, гдѣ я надѣялся найти такъ-называемое *воспитаніе къ труду посредствомъ труда*, осуществленное въ школѣ, т. е. работу, составленную и распредѣленную такимъ образомъ, чтобы она служила, вмѣстѣ, и для духовнаго, и для тѣлеснаго развитія.

Я уже 17 лѣтъ лелѣялъ въ себѣ мысль, что рукодѣліе должно входить въ составъ народной школы какъ существенное образовательное средство; но вмѣстѣ съ тѣмъ всегда приходилъ къ тому убѣжденію, что исключительно *механическая* работа не можетъ соотвѣтствовать этой цѣли. Поэтому главною цѣлію моей педагогической поѣздки было найти гдѣнибудь осуществленіе этой системы воспитанія къ труду посредствомъ труда. Для того то собственно я и отправился въ Гамбургъ, гдѣ я надѣялся найти коечто въ этомъ родѣ въ заведеніи для нравственно-испорченныхъ дѣтей, въ Песталоцціевыхъ институтахъ [1]) и въ дѣтскихъ садахъ.

Такъ какъ обстоятельное описаніе этихъ заведеній потребовало бы слишкомъ много мѣста, то я попытаюсь изобразить ихъ въ нѣсколькихъ чертахъ.

12 сентября 1833 года, кандидатъ богословія (нынѣ начальникъ общихъ темницъ и исправительныхъ домовъ въ Пруссіи), бѣдный деньгами, но богатый вѣрою и надеждою, г. Вихернъ, переѣзжалъ со своею старою матерью и съ сестрою, въ сопровожденіи трехъ нравственно-испорченныхъ мальчиковъ, въ одинъ старый обветшалый домъ въ Горнѣ, близъ Гамбурга, съ твердымъ намѣреніемъ учредить воспитательное заведеніе для бѣдныхъ дѣтей.

Не смотря на жестокія, тяжкія испытанія, Господь такъ споспѣшествовалъ дѣлу, начатому въ твердомъ на Него упованіи, что въ 25 лѣтъ учрежденіе разрослось дотого, что составило цѣлое мѣстечко, называемое «das rauhe Haus».

Все учрежденіе состоитъ изъ слѣдующихъ заведеній:

1) Дѣтскій домъ, въ который принимаются бѣдныя дѣти, частію круглыя сироты, частію имѣющія еще родителей, но принимаются съ тѣмъ условіемъ, чтобы никто не имѣлъ права вмѣшиваться въ ихъ воспитаніе и чтобы родственники только съ дозволенія начальства могли посѣщать дѣтей. Относительно внѣшняго устройства дѣтскій домъ учрежденъ такъ, что дѣти живутъ по семействамъ, т. е. отъ 12 до 15 дѣтей въ каждомъ семействѣ, которое имѣетъ свой собственный домъ, завѣдуемый спеціально однимъ изъ «братій». Семействъ мужескаго пола въ настоящее время пять. Дѣвочки образуютъ одно семейство и живутъ въ такъ-называемомъ «гнѣздѣ ласточекъ» (Schwalbennest).

2) Братская община состоитъ изъ мужчинъ, молодыхъ и среднихъ лѣтъ, большею частію ремесленниковъ, которые выразили полную готовность и желаніе дѣйствовать какъ наставники въ пользу царства Божія.

Они живутъ по 5—6 вмѣстѣ, въ такъ называемомъ конviктѣ, въ каждомъ семействѣ. Число братскихъ конвиктовъ 6, ибо одинъ находится въ присоединенномъ пансіонѣ. Братія служатъ наблюдателями за семействами, руководителями работъ въ мастерскихъ, въ саду или на полѣ и когда оставляютъ заведеніе, то опредѣляются обыкновенно надзирателями при богадѣльняхъ или госпиталяхъ, при миссіонерскихъ учрежденіяхъ и т. д. Число ихъ при моемъ посѣщеніи доходило до 26.

3) Пансіонъ. Заведеніе для нравственно-испорченныхъ дѣтей изъ высшаго сословія, которыя пользуются тамъ, кромѣ тѣлеснаго и духовнаго попеченія, обыкновеннымъ школьнымъ и гимназическимъ

[1]) Воспитательныя заведенія для бѣдныхъ сиротъ, преимущественно учительскаго сословія, учрежденныя въ память Песталоцци.

преподаванiемъ. Учителями опредѣлены 4 кандидата богословiя, которые, по собственному интересу къ дѣлу и для собственнаго упражненiя въ преподаванiи, служатъ въ заведенiи, за весьма незначительное жалованье 2—3 года.

Для малолѣтныхъ опредѣленъ элементарный учитель, который долженъ упражнять братiю въ первоначальномъ преподаванiи; сверхъ того, опредѣленъ мастеръ, который руководитъ преподаванiемъ въ мастерскихъ.

Заведенiе имѣетъ свою собственную типографiю и книжную торговлю, различнаго рода мастерскiя, обширный садъ и т. д. Каждый «братъ», при вступленiи въ заведенiе, долженъ знать какое-нибудь ремесло, или земледѣльческiя работы, или же по крайней мѣрѣ обязаться выучиться какому-нибудь ремеслу.

Преподаванiе довольно отвлеченное: ученiе наизустъ библейскихъ изрѣченiй, разсказовъ изъ св. писанiя и псалмовъ составляютъ главное занятiе. Впрочемъ, во многихъ случаяхъ употребляются картины для лучшаго уясненiя преподаваемаго. Вообще же, кажется, всякое другое преподаванiе, кромѣ закона Божiя, считается второстепеннымъ; молитва и работа составляютъ самое главное. Что касается до работы, то здѣсь встрѣчается опять тотъ же обычный недостатокъ: работа через-чуръ ремесленная, механическая; поэтому она и не имѣетъ общеобразовательнаго значенiя, и дѣти прiучаются не къ сознательному труду, а только къ машинальному совершенiю различныхъ ремеслъ. Достойны полнаго вниманiя въ этихъ заведенiяхъ: господствующiй полный порядокъ, чистота и постоянное занятiе. Дѣти, вообще, имѣютъ видъ откровенный и веселый; но для многихъ ежедневныя долгiя молитвы становятся мучительными. Назидательное благоговѣнiе, которое господствуетъ между братiями, скорѣе похоже на праздничный нарядъ, нежели на естественное выраженiе внутренняго убѣжденiя и внутренней духовной потребности.

Устройство комнатъ и распредѣленiе дѣтей по семействамъ во многихъ отношенiяхъ отличное, можетъ быть даже цѣлесообразнѣе всего того, что я гдѣлибо видѣлъ въ этомъ родѣ. Но преподаванiе слишкомъ отвлеченно, метода устарѣла, а ручная работа, какъ упомянуто выше, слишкомъ ремесленна и машинальна.

Задача учредить такую работу, чтобы она развивала умственно и была удобопримѣнима къ малолѣтнымъ дѣтямъ, служа имъ образовательнымъ средствомъ для будущей ихъ дѣятельности, по моему мнѣнiю, лучше всего рѣшена посредствомъ воспитательной системы Фребеля, примѣненной и развитой въ истинномъ Песталлоццiевомъ духѣ. Кто дѣйствительно знакомъ съ этою системою, т. е. не только въ теорiи, но и на практикѣ, кто видѣлъ результаты ея, — тотъ не усомнится, что она должна произвести всеобщую реформу въ дѣтскомъ воспитанiи вообще и дѣйствовать благотворно въ особенности на дѣтей рабочаго класса. Фрёбель основывается на принципѣ Руссо, по которому *воспитанiе должно начинаться отъ рожденiя.* Онъ утверждаетъ, что попеченiе о тѣлесномъ и духовномъ развитiи дитяти въ первое время его жизни чрезвычайно важно и что облагороженiе и улучшенiе человѣческаго рода зависитъ преимущественно отъ того, чтобы дитя воспитывалось сообразно съ природою и по вѣчнымъ законамъ, установленнымъ Творцомъ для развитiя тѣла и души. А такъ какъ мать и нянька должны завѣдывать воспитанiемъ дитяти въ первые годы, то изъ этого само собою слѣдуетъ, что Фрёбель трудился и заботился объ улучшенiи женскаго воспитанiя. Каждая дѣвочка должна быть руководима въ естественномъ воспитанiи дѣтей и должна ознакомиться съ организмомъ, который ей придется развивать, и съ законами, по которымъ совершается естественное развитiе дитяти. Далѣе, одинъ изъ главныхъ принциповъ въ воспитанiи Фрёбеля состоитъ въ томъ, чтобы дитя находилось въ постоянной дѣятельности. При этомъ занятiе должно имѣть форму игры, такъ чтобы оно доставляло дитяти удовольствiе. Но Фрёбель не даетъ дѣтямъ готовыхъ игрушекъ, а только матерiалъ для игрушекъ. Употребленiемъ этого матерiала, подъ руководствомъ кроткой, веселой учительницы, развиваются внѣшнiя чувства и духовная дѣятельность ребенка, который, по этой системѣ, вполнѣ соотвѣтствующей развитiю дѣтской природы, научается пластически

изображать свои представленія и мысли въ своихъ же собственныхъ маленькихъ работахъ.

При такомъ, почти безпрерывномъ ручномъ занятіи постоянно упражняется самодѣятельность дитяти; а такъ какъ эти ручныя работы весьма разнородны и часто мѣняются, то всѣ способности, которыя прирождены ребенку, находятъ удобный случай развиться. Для примѣра я исчислю нѣсколько самыхъ обыкновенныхъ занятій, употребляемыхъ въ дѣтскихъ садахъ: построеніе изъ деревяшекъ, имѣющихъ правильную форму, различныхъ предметовъ, напр. воротъ, домовъ, стѣнъ, крѣпостей и т. д.; изображеніе посредствомъ различной длины прутиковъ и согнутыхъ проволокъ различнаго рода фигуръ по извѣстнымъ правиламъ и съ сохраненіемъ извѣстныхъ основныхъ формъ; плетеніе красивыхъ работъ изъ бумажныхъ или кожаныхъ полосокъ и изъ соломы; прокалываніе узоровъ на бумагѣ, вырѣзываніе фигуръ и множество другихъ работъ, вполнѣ интересныхъ и неутомительныхъ для дѣтей. Всѣ эти различныя работы, приспособленныя къ возрасту дитяти и смѣняющіяся играми и движеніемъ, самымъ дѣйствительнымъ образомъ способствуютъ правильному, одновременному развитію тѣлесныхъ и душевныхъ силъ. Особенно развивается способность изобрѣтать и образовывать изящныя формы и сообщается рукѣ невѣроятная ловкость и упругость, — качества, которыя впослѣдствіи, въ дальнѣйшемъ возрастѣ, чрезвычайно полезны для каждаго, а въ особенности для ремесленника и, вообще, техническаго работника. Фрёбель стремился сдѣлать воспитаніе какъ можно болѣе сообразнымъ съ природою ребенка; поэтому естественныя науки должны въ его системѣ играть важную роль, а математика составляетъ самый центръ въ этой системѣ, ибо она есть логика всѣхъ естественныхъ наукъ. Но при всемъ томъ здѣсь не встрѣчается отвлеченное заучиваніе опредѣленій, теоремъ, аксіомъ и т. д.; начальныя познанія въ геометрическихъ формахъ, въ счисленіи, сообщаются посредствомъ игры, и игра въ различныя формы составляетъ переходъ въ болѣе строгой математикѣ. Рисованіе и черченіе по сѣткѣ, т. е. на доскахъ или на бумагѣ, разлинованной на квадраты, также составляетъ замѣчательное образовательное средство для дѣтей. Въ началѣ дитя упражняется въ черченіи короткихъ отвѣсныхъ и горизонтальныхъ черточекъ по одному квадрату; далѣе учительница заставляетъ ребенка изъ нѣсколькихъ отвѣсныхъ и горизонтальныхъ черточекъ составлять симметрическія фигуры, но свободно, по собственному желанію, съ сохраненіемъ только нѣсколькихъ условій, назначенныхъ наставницею. Такимъ образомъ изобрѣтательной способности дитяти дается полный просторъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышается его внутренняя духовная дѣятельность. Дитя не подражаетъ, а создаетъ само. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно пріучается къ свободному, ловкому употребленію руки и, вообще, къ свободной сознательно-самостоятельной дѣятельности, которая, впрочемъ, ограничивается извѣстными правилами вездѣ, гдѣ она начинаетъ уклоняться отъ прямаго вѣрнаго пути.

Подобное же полезное образовательное средство есть лѣпка изъ глины и вырѣзываніе различныхъ предметовъ изъ дерева, вслѣдствіе чего способность къ образованію формъ еще болѣе изощряется. Но особенно благотворны для стройнаго и согласнаго развитія тѣлесныхъ и духовныхъ силъ дитяти—садовыя работы и гимнастическія игры. Садовая работа бываетъ общая и частная. Каждое дитя получаетъ въ свое полное распоряженіе маленькую куртинку, которую оно само разрабатываетъ по собственному своему вкусу; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно должно также работать и въ образцовомъ саду. Такимъ образомъ развивается сочувствіе къ частнымъ занятіямъ, въ одно время съ сочувствіемъ къ общему труду.

Гимнастическія же игры, производимыя подъ руководствомъ наставницы, имѣютъ, кромѣ пользы въ физическомъ отношеніи, еще то благотворное вліяніе, что дѣти, при полной свободѣ въ движеніяхъ, совершенно пріучаются быть послушными и внимательными къ слову воспитательницы, привыкаютъ услуживать и помогать другъ другу и, нисколько не утрачивая своей дѣтской веселости, научаются первому исполненію обязанно-

стей и тщательному попеченію о томъ, что имъ поручено.

Такимъ путемъ дитя приготовляется къ действительной жизни посредствомъ целесообразнаго и образовательнаго занятія въ первый періодъ своей жизни. Тутъ, следовательно, стараются удовлетворить всемъ требованіямъ будущей деятельности, будь эта деятельность ремесленная, художественная или научная, и достигаютъ этого темъ, что общія способности развиваются сообразно личному дарованію каждаго дитяти.

Итакъ, Фребелю, достойному ученику и последователю Песталоцци, удалось пополнить существенный пробелъ въ воспитаніи малолетныхъ детей, введеніемъ ручной работы, которая въ одно и то же время составляетъ для ребенка самое пріятное занятіе и содействуетъ развитію его телесныхъ и духовныхъ способностей. Теперь можно иметь отрадную надежду, что господствующее отвлеченное преподаваніе, долбленіе наизусть и упущеніе физическаго воспитанія мало по малу совершенно устранятся.

Быстрое введеніе воспитательной системы Фребеля въ Германіи, Англіи, Франціи, Швейцаріи, Бельгіи, Голландіи и въ северо-американскихъ соединенныхъ штатахъ служитъ лучшимъ доказательствомъ практичности и полезности этой системы. Въ Лондоне и его окрестностяхъ находится несколько детскихъ садовъ, и членъ парламента Митчель недавно превозгласилъ Фребелеву систему новою эрою для воспитанія детей. Въ Нью-Іорке и Колумбіи находятся подобныя же заведенія. Въ Швейцаріи, особенно въ кантонахъ Цюрихе и Аппенцеле, детскіе сады постоянно размножаются. Въ Париже, Туре, Монпелье и мн. др. городахъ Франціи это святое дело идетъ темъ быстрее, что оно находится подъ покровительствомъ французской императрицы и имъ занимается съ особеннымъ интересомъ архіепископъ парижскій. Бельгійское правительство прошлою весною разрешило довольно большую сумму на заведеніе для образованія учительницъ и для введенія системы Фребеля повсюду въ Бельгіи. Точно такъ и голландское правительство, на свое иждивеніе, послало несколько лицъ въ Гамбургъ и Дрезденъ, для ознакомленія съ этою системою. Въ окрестностяхъ Вены и въ самой столице этой находятся детскіе сады. Въ Пруссіи, при бывшемъ министре просвещенія Раумере, они, известно почему, были запрещены; но это запрещеніе почти не мыслимое въ XIX столетіи и въ такомъ образованномъ государстве, какъ Пруссія, тотчасъ же было отменено при вступленіи въ управленіе министерствомъ Бетмана-Гольвега. Теперь детскіе сады быстро возрождаются въ Пруссіи, и Фребелева система будетъ введена въ новомъ великолепномъ детскомъ доме въ Берлине, который скоро будетъ отстроенъ.

Во время моего путешествія я успелъ посетить почти все детскіе сады въ Германіи и Швейцаріи. Очевидные отрадные результаты заставляютъ меня повторить желаніе баронессы Марнгольцъ, посвятившей свою энергическую деятельность распространенію этихъ садовъ въ Бельгіи. Г-жа Марнгольцъ говоритъ, что истинный другъ человечества долженъ желать, чтобы детскіе сады какъ можно скорее распространились повсюду.

Ознакомившись съ воспитательно-учебными учрежденіями, какъ въ Гамбурге, такъ и въ его окрестностяхъ, я посетилъ Бременъ, где находится недавно учрежденная учительская семинарія подъ управленіемъ известнаго педагога Любена; потомъ Любекъ и различныя училища въ Голштиніи, и затемъ отправился прямо въ Берлинъ. Здесь я осмотрелъ семинарію для городскихъ учителей и потомъ соседнюю семинарію въ Кёппенике для сельскихъ учителей. Учебный курсъ въ первой продолжается три года, а въ последней только два, потому что отъ городскихъ народныхъ учителей требуются большія сведенія, чемъ отъ сельскихъ. Во внешнемъ порядке и, вообще, во всехъ прочихъ отношеніяхъ обе эти семинаріи носятъ на себе тотъ же самый отпечатокъ, какъ и все прусскія семинаріи.

Одинъ путешественникъ-педагогъ изъ Шотландіи высказалъ въ 1842 году о прусскихъ училищахъ следующее мненіе: если разсматривать ихъ какъ заведенія учебныя, преподавательныя, то они отличны, составляютъ благоустроенную систему, въ которой учителя и ученики находятся подъ справедливымъ наказую-

щимъ и награждающимъ надзоромъ. Ученики въ этихъ училищахъ дѣйствительно развиваются умственно, и имъ доставляются полезныя свѣдѣнія во всѣхъ отрасляхъ, касающихся ихъ быта. Къ тому же, пріобрѣтеніе такихъ познаній, по закону, обязательно для всѣхъ. Но народныя школы въ Пруссіи имѣютъ малое воспитательное вліяніе. Если съ нѣкоторою справедливостію можно было сдѣлать такой приговоръ прусскимъ училищамъ до 1848 года, когда они были въ полномъ цвѣтѣ, то тѣмъ болѣе можно его произнести теперь, когда заучиваніе наизусть извѣстныхъ уроковъ, особенно библейскихъ разсказовъ, изреченій и псалмовъ, доведено до невѣроятной степени такъ-называемыми регулятивами [1]). Въ доказательство такого механизма, который стремится вкорениться въ преподавательной методѣ, стоитъ только упомянуть, что при экзаменахъ можно въ нѣкоторыхъ училищахъ услышать слѣдующіе вопросы: какъ гласитъ пятый стихъ въ 450 гимнѣ, 3-й стихъ въ такомъ-то или такомъ-то изъ покаянныхъ псалмовъ Давида? Или учитель, при передачѣ семинаристомъ библейскаго разсказа, вдругъ прерываетъ его замѣчаніемъ: не употреблять своихъ собственныхъ выраженій. Таковъ, по видимому, духъ въ тѣхъ прусскихъ семинаріяхъ, въ которыхъ регулятивы строго выполняются. Эти регулятивы, которыя запрещаютъ семинаристамъ заниматься германскими классиками, какъ предметами безполезными и вредными, и упоминаютъ только о нѣкоторыхъ книгахъ, которыя позволительны для чтенія, были слѣдствіемъ реакціи въ піетистически-іерархическомъ духѣ, которая началась послѣ 1849 года и имѣла цѣлью поставить народное образованіе въ зависимость отъ духовенства. До сихъ поръ ихъ защищаетъ еще довольно могущественная партія; но, впрочемъ, рѣзкія, правдивыя рѣчи Дистервега нанесли имъ уже сильное пораженіе [2]).

Посѣтивъ множество народныхъ школъ, дѣтскихъ пріютовъ и т. д. въ Берлинѣ и по близости его, я отправился въ Лейпцигъ, чрезъ Виттенбергъ, гдѣ находится евангелическая духовная семинарія, и чрезъ Дессау, гдѣ прежде существовало Базедовское образцовое училище «Филантропинъ», откуда вышли знаменитые педагоги Кампе, Зальцманъ, Гутсмутсъ и мн. др.

Въ этомъ городѣ и, вообще, во всѣхъ саксонскихъ училищахъ встрѣчается развитая и усовершенствованная нѣмецкая методика, въ высшемъ своемъ цвѣту. Здѣсь можно видѣть методическое искусство, о которомъ въ другихъ мѣстахъ нельзя и получить понятія и результаты котораго чрезвычайно замѣчательны. Но если, съ одной стороны, нельзя не согласиться, что народная школа въ Германіи и, въ особенности, саксонскія школы превосходны какъ учебныя заведенія, какъ преподавательные институты, то, съ другой стороны, должно хотя нѣсколько уступить мнѣнію тѣхъ, которые утверждаютъ, что эти школы, какъ воспитательныя и образовательныя заведенія, способныя сдѣлать изъ дѣтей практическихъ дѣльныхъ гражданъ, оставляютъ еще желать весьма многаго. Главный ихъ недостатокъ, по моему мнѣнію, состоитъ въ томъ, что въ нихъ нѣтъ цѣлесообразной, практически-устроенной ручной работы, которая могла бы служить образовательнымъ средствомъ, и что они болѣе заботятся сообщать ученикамъ своимъ теоретическія свѣдѣнія, чѣмъ развивать и изощрять ихъ практическія способности.

Въ женскихъ заведеніяхъ большой недостатокъ тотъ, что въ нихъ преподаютъ только учителя, и ученицы остаются безъ всякаго женскаго надзора. Если школа должна служить подспорьемъ къ домашнему воспитанію, то она не должна быть лишена материнскаго ока.

Относительно методики прусскія и саксонскія школы стоятъ выше всѣхъ другихъ въ свѣтѣ, особенно въ нѣкоторыхъ предметахъ: въ общенаглядномъ обученіи, въ первоначальномъ обученіи грамотѣ, въ преподаваніи отечественнаго языка, ариѳметики, географіи, рисованія употребляемые преподавательные пріемы и способы превосходны и, вообще, искус-

---

[1]) Въ 1854 году прусское министерство просвѣщенія издало подробныя, очень стѣснительныя постановленія для народныхъ училищъ, которыя названы *регулятивами*. Дистервегъ, теперь членъ палаты депутатовъ, сильно и мѣтко поражаетъ ихъ.

[2]) Кто желаетъ познакомиться съ послѣдними нападеніями Дистервега на регулятивы, тому мы совѣтуемъ пріобрѣсти его Pädagogisches Jahrbuch 1860 и 1861.

ство преподаванія доведено до высшей степени ясности, опредѣлительности и оживленности въ выраженіи и въ толкованіи сообщаемаго ученикамъ. Понять или почувствовать все достоинство такого преподаванія и то благое вліяніе, которое оно имѣетъ на духовное развитіе учениковъ, можетъ только тотъ, кто нѣсколько разъ со всѣмъ вниманіемъ прислушивался къ нему и видѣлъ устремленные сіяющіе взоры дѣтей, съ полною жаждою внимающихъ словамъ своего наставника, или слышалъ живые разумные отвѣты ихъ, вызываемые ясными, простыми и живительными вопросами того же учителя [1]).

Изъ Лейпцига я дѣлалъ поѣздки въ Галле, Мерзебургъ, Вейсенфельсъ и въ нѣкоторыя другія ближайшія мѣста. Въ Галле я посѣтилъ институтъ Франке, который состоитъ нынѣ изъ 9-ти отдѣльныхъ заведеній. Хотя и интересно видѣть этотъ живой памятникъ твердой вѣры и истинной любви, но въ педагогическомъ отношеніи въ этихъ заведеніяхъ въ настоящее время не многому научишься. Во всемъ видны признаки ихъ дряхлости. Директоръ жаловался, что въ наше раціоналистическое и матеріалистическое время вспомоществованія значительно уменьшились и потому денежныя средства заведеній чрезвычайно скудны. Старое золотое время прошло, когда можно было посредствомъ приготовленія и продажи какой-нибудь essentia dulcis или другого таинственнаго состава, приготовленнаго по извѣстному рецепту, завѣщанному заведенію врачомъ, получать до 80 тыс. талеровъ въ годъ доходу.

Въ Вейсенфельсѣ находится одна изъ самыхъ лучшихъ семинарій, которыя я гдѣ-либо видѣлъ. Она учреждена педагогомъ Гарнишемъ и особенно славилась въ его время. При семинаріи находится, кромѣ образцовой школы, еще училище для глухонѣмыхъ, въ которомъ будущіе учителя постоянно, по очереди исправляютъ обязанности какъ надзирателя, такъ и учителя, чтобы получить навыкъ въ преподаваніи.

Это учрежденіе весьма цѣлесообразно, не потому, чтобы посредствомъ сообщенія народнымъ учителямъ свѣдѣній для обращенія съ глухонѣмыми можно было сдѣлать экономію и обойтись безъ училищъ для глухонѣмыхъ, но потому, что семинаристы, занимаясь съ глухонѣмыми, принуждаются къ постоянному упражненію въ наглядномъ обученіи и отучаются отъ господствующей привычки держать рѣчь въ классѣ, вмѣсто того, чтобы вызывать рѣчи дѣтей.

Каждый учитель, а въ особенности элементарный, можетъ многому научиться при обученіи глухонѣмыхъ. Для училища же глухонѣмыхъ большая польза имѣть многихъ учителей, собственно потому, что глухонѣмые при такомъ устрой-

[1]) Мы, приведемъ здѣсь кстати, слова, высказанныя по тому же поводу однимъ изъ нашихъ педагоговъ, посѣщавшимъ германскія народныя школы въ 1857 г.; въ одномъ изъ писемъ своихъ изъ-за границы онъ пишетъ: «Напрасно наши quasi-ученые педагоги и наши профессора и гимназическіе учителя думаютъ, что такъ легко усвоить себѣ такое преподавательное искусство, что объясненіе учебныхъ предметовъ, входящихъ въ курсъ народнаго училища, не представляетъ никакого труда; что научить читать и писать можетъ всякій, что это вовсе дѣло не мудреное, не хитростное и т. д. Такое мнѣніе существуетъ у насъ почти повсемѣстно; это-то невѣжественное мнѣніе до сихъ поръ еще составляетъ одну изъ главнѣйшихъ причинъ, почему наши народные учителя были, такъ сказать, совершенно *заброшены* и для образованія ихъ ровно ничего не дѣлалось и не дѣлается. Нѣтъ, извините, господа ученые, искусные и велемудрые рачители народнаго образованія, и позвольте вамъ доложить слѣдующее: я много лѣтъ занимался элементарнымъ обученіемъ, и старался всѣми силами сдѣлать мое преподаваніе какъ можно болѣе яснымъ, понятнымъ и занимательнымъ для учениковъ и полагалъ, что хоть нѣсколько успѣлъ; но, слушая народнаго учителя въ прусской или саксонской народной школѣ, я вполнѣ сознавалъ и чувствовалъ все ничтожество мое въ сравненіи съ нимъ въ этомъ дѣлѣ. Вотъ почему я отъ души совѣтовалъ бы каждой странѣ, которой близко народное образованіе, посылать молодыхъ педагоговъ въ эти школы, да не на два, на три мѣсяца, а на столько же лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы они не только слушали, какъ преподаетъ и толкуетъ народный учитель, но чтобы они сами записались въ одну изъ извѣстныхъ семинарій и по крайней мѣрѣ въ продолженіе года практиковались въ обученіи, подъ руководствомъ такого учителя-виртуоза. Да, кто самъ старался по возможности добросовѣстно преподавать въ народномъ училищѣ, и кто собственными своими глазами и ушами видѣлъ и слышалъ, до какой степени совершенства доведено искусство преподаванія во многихъ народныхъ училищахъ въ Пруссіи и Саксоніи, — у того не хватитъ духу сказать, что дѣло народнаго учителя совершенно просто и ничтожно: взялъ букварь да указку, и тверди буки азъ — ба». Имѣяй уши слышать — да слышатъ!

ствѣ имѣютъ болѣе случая упражняться въ *разговорѣ*. Спѣшу замѣтить, что въ Вейсенфельсѣ слѣдуютъ нѣмецкой системѣ, имѣющей цѣлью упражнять глухонѣмыхъ въ разговорѣ. Эта система при обученіи глухонѣмыхъ, какъ говорятъ, вводится уже во Франціи, гдѣ до сихъ поръ употреблялась только рѣчь письменная и значная [1]).

Отличное учрежденіе при Вейсенфельской семинаріи еще то, что семинаристамъ поручено преподаваніе въ такъ называемой *школѣ для бѣдныхъ*, которая находится совершенно подъ ихъ вѣдѣніемъ. Шесть семинаристовъ образуютъ по очереди учительскій совѣтъ, который выбираетъ себѣ предсѣдателя и даетъ директору подробный отчетъ въ управленіи школою и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ.

Ознакомившись съ большею частію школъ и воспитательныхъ заведеній въ Лейпцигѣ и его окрестностяхъ, въ томъ числѣ съ заведеніемъ доктора Керна для идіотовъ, которое интереснѣе всѣхъ, я поѣхалъ въ Дрезденъ.

Изъ всего чрезвычайно поучительнаго въ этомъ городѣ и его окрестностяхъ, въ педагогическомъ отношеніи, я подробнѣе упомяну только о двухъ учительскихъ семинаріяхъ: Фридрихштатской и Флетшерской. Первая, основанная въ 1785 году, находится нынѣ въ вѣдѣніи директора Отто. Учебные предметы суть: законъ Божій, педагогика, физика, исторія, географія, математика, нѣмецкій языкъ, рисованіе, музыка, пѣніе и гимнастика. Число учениковъ 70; всѣ они живутъ въ заведеніи, которое, слѣдовательно, есть совершенный интернатъ. Курсъ четырехгодичный; ординарныхъ учителей восемь.

Флетшерская семинарія основана въ 1825 году на капиталъ въ 40 тыс. талеровъ, оставленный баронессою фонъ Флетшеръ. Директоромъ этого заведенія нынѣ д-ръ Штеглигъ. Ординарныхъ учителей 7, помощниковъ 4, и 2 учительницы при женской школѣ, присоединенной къ семинаріи. Эта семинарія также совершенный интернатъ. Число воспитанниковъ 40, курсъ четырехгодичный. Учебные предметы почти тѣ же самые, какъ и въ Фридрихштатской семинаріи. При обѣихъ семинаріяхъ находятся образцовыя народныя школы и просеминаріи. Воспитанники, поступающіе въ семинарію, должны имѣть 16 лѣтъ, непремѣнно получивъ начальное образованіе въ какомъ нибудь народномъ училищѣ и пройдя предварительно двухгодичный просеминарскій курсъ. Принявъ въ соображеніе при всемъ этомъ, еще и то обстоятельство, что въ каждомъ классѣ находится только десять учениковъ, и что воспитанники, живя въ заведеніи вмѣстѣ съ одиннадцатью учителями, постоянно пріучаются къ работѣ, — конечно, нельзя удивляться тѣмъ основательнымъ и обширнымъ положительнымъ свѣдѣніямъ, которыми обладаютъ семинаристы. Успѣхи становятся тѣмъ больше, что при большомъ числѣ желающихъ поступить въ семинарію можно сдѣлать вполнѣ хорошій выборъ воспитанниковъ, здоровыхъ тѣломъ и одаренныхъ счастливыми природными способностями.

Вообще, саксонскіе народные учителя отнюдь не малосвѣдущи и какъ преподаватели превосходны; поэтому-то, какъ было сказано выше, училища въ преподавательномъ отношеніи отличны. Тѣмъ не менѣе я слышалъ отъ многихъ мѣстныхъ жителей, что въ воспитательномъ отношеніи эти училища еще далеко не достигли своей цѣли. Главная причина этого, по моему мнѣнію, заключается единственно въ томъ, что физическое воспитаніе упускается изъ виду и цѣлесообразно-устроенная практическая работа не введена какъ образовательное средство.

Въ послѣднее время не мало раздается голосовъ, старающихся обратить вниманіе на физическое разслабленіе и духовную неразвитость народа; но до сихъ поръ они оставались почти гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Піетистически-іерархическая партія требуетъ только болѣе обширнаго преподаванія закона Божія. Для ней недостаточно, что учитель и ученики знаютъ на память невѣроятное множество отрывочныхъ библейскихъ изрѣченій, псалмовъ и т. д.; она требуетъ все болѣе и болѣе заучиванія на память библейскаго текста и догматовъ. Но еслибъ даже и было возможно сообщить каждому крестьянскому мальчику такую же ученость по этой части, какою обладаетъ докторъ богословія, то и въ такомъ слу-

[1]) У насъ обученіе глухонѣмыхъ находится еще въ самомъ младенческомъ состояніи.

чаѣ весьма сомнительно, чтобы это ученіе возбуждало и укрѣпило высшую, облагороженную нравственную силу въ народѣ. Человѣчество улучшается и облагораживается не заучиваніемъ на память какихъ бы то ни было уроковъ, но упражненіемъ въ самоотверженной, полезной, исполненной любви дѣятельности для общаго блага, для прославленія Божія, для побѣды истины и свѣта.

Кромѣ семинарій и различнаго рода учебныхъ и воспитательныхъ заведеній, которыми столица саксонскаго королевства чрезвычайно богата (между ними я назову мимоходомъ только институтъ для образованія гимнастическихъ учителей, въ вѣдѣніи директора Клосса и профессора Гюнтера, читающаго анатомію и физіологію), я обратилъ вниманіе еще на такъ-называемыя *дѣтскія ясли*, въ которыхъ малолѣтныя дѣти находятся на попеченіи и молодыя дѣвушки приготовляются въ няньки. Хотя я, по моему разумѣнію этого дѣла, желалъ бы, чтобы многое было иначе, но все-таки нужно сознаться, что идея сама по себѣ хороша и благотворна; къ тому же одно изъ этихъ заведеній оставило во мнѣ довольно пріятное воспоминаніе, чего я впрочемъ, къ сожалѣнію, не могу сказать о всѣхъ подобныхъ заведеніяхъ.

Изъ Дрездена я отправился чрезъ Силезію, гдѣ семинаріи управляются совершенно въ духѣ регулятивовъ, въ Вѣну, вблизи которой, въ замкѣ Лизингѣ, находится воспитательное заведеніе «Левана», учрежденное докторомъ Георгенсомъ и дѣвицею Гаеттъ [1]). Въ этомъ заведеніи видно стремленіе развить идею Фрёбеля относительно воспитанія къ труду и провести систему эту не только въ школѣ для малолѣтныхъ дѣтей, но и чрезъ всю народную школу. Кромѣ игръ Фрёбеля и его работъ, употребляемыхъ въ дѣтскомъ саду и элементарныхъ классахъ, встрѣчаются въ высшихъ классахъ еще другія ручныя работы, напр. токарная работа, выпиливаніе на тонкихъ дощечкахъ орнаментовъ по рисункамъ, столярныя работы и т. д. Дѣвочекъ въ высшихъ классахъ заставляютъ вырѣзывать различныя выкройки для платьевъ. Плетеніе различныхъ корзинокъ, шляпокъ и т. д., тканіе полотна и различныя тонкія женскія работы,— все это входитъ въ число постоянныхъ занятій ученицъ. Рисованіе, лѣпка и садовыя работы составляютъ во всей народной школѣ, какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ, одно изъ существеннѣйшихъ и дѣйствительнѣйшихъ формально-образовательныхъ средствъ. Что касается преподаванія наукъ, то оно, въ особенности относительно естественныхъ наукъ, совершается весьма полезнымъ образомъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ цѣли народной школы и совершенно иначе, нежели въ другихъ училищахъ. Для ботаники и зоологіи, напр., не назначены особые уроки; науки эти сообщаются чисто практически, при садовыхъ работахъ и ботаническихъ прогулкахъ. Воспитанники высшаго класса въ начальной и народной школѣ вовсе не заучиваютъ наизустъ опредѣленій и системъ ботаническихъ, не разрываютъ сотни цвѣтовъ, чтобы, какъ говорится, разсмотрѣть ихъ; тѣмъ не менѣе они знаютъ всѣ растенія въ паркѣ, оранжереѣ и всей окрестности, слѣдятъ за растеніями отъ начала весны, при первомъ ихъ появленіи и во все время ихъ развитія. Вниманіе учениковъ обращается особенно на жизнь домашнихъ животныхъ, уходъ за ними, образъ жизни птицъ и устройство ихъ гнѣздъ; ихъ знакомятъ съ землистыми и каменистыми породами окрестностей, и въ свѣтлые вечера имъ объясняютъ звѣзды небеснаго свода; кромѣ того, они пріучаются дѣлать метеорологическія наблюденія, и т. д.

Такимъ образомъ стараются воспитать дѣтей въ любви ко вселенной, къ небу и землѣ, — пріучить къ жизни въ природѣ, съ природой, къ жизни, сообразной съ природою, которая открывается предъ ними просто, наглядно въ самой постепенно-созидающей дѣятельности своей,

[1]) Георгенсъ одинъ изъ самыхъ усерднѣйшихъ и горячихъ поборниковъ системы воспитанія «къ труду посредствомъ труда» и продолжаетъ великое дѣло Фрёбеля. Мы впослѣдствіи изложимъ подробно эту систему, а теперь, для желающихъ скорѣе познакомиться съ дѣятельностью и воззрѣніями Георгенса, указываемъ на издававшійся имъ и дѣвицею Гаеттъ журналъ: «Der Arbeiter auf dem praktischen Erziehungsfelde der Gegenwart», на его «Bildewerkstatt als Arbeitsübung für die Jugend in Schule und Haus», и на его брошюры: «Die Gegenwart der Volksschule».

какъ великая книга, въ которой Творецъ проявляетъ Свое величіе, всемогущество и любовь.

Вотъ это-то сожитіе съ природой, это возвышенное, идеальное и эстетическое воззрѣніе на чудеса мірозданія составляетъ великое преимущество Фрѣбель-Георгенской школы, которая несомнѣнно будетъ имѣть облагораживающее вліяніе на возрастающее поколѣніе. Въ такой школѣ дѣти пріучаются къ естественному образу жизни, а не къ тому искусственному, который господствуетъ болѣе или менѣе въ средѣ всѣхъ классовъ общества и который изувѣчиваетъ, изсушаетъ какъ тѣлесныя, такъ и душевныя способности. Такое эстетическое воззрѣніе на природу составляетъ, по моему мнѣнію, сильнѣйшій противовѣсъ, лучшее исправительное средство отъ современнаго матеріалистическаго стремленія. Уже по одной этой причинѣ желательно было бы, чтобы Фрѣбель-Георгенская школа распространилась повсюду.

Изъ Вѣны я отправился, чрезъ Залцъ-Камергутъ и Баварію, въ Швейцарію, гдѣ я остался болѣе продолжительное время. Швейцарскія народныя школы пользуются всесвѣтною извѣстностію и, дѣйствительно, во многихъ отношеніяхъ превосходны, хотя искусство преподаванія въ прусскихъ и саксонскихъ народныхъ училищахъ достигло гораздо высшей степени развитія. Преимущества швейцарскихъ народныхъ школъ, по моему мнѣнію, состоятъ въ слѣдующемъ: 1) во всеобщемъ интересѣ къ народной школѣ, который встрѣчается въ общинахъ, и въ происходящемъ отъ этого глубокомъ участіи къ народнымъ учителямъ; 2) въ строгомъ контролѣ, который ведется училищнымъ начальствомъ надъ учителями и училищами; 3) частныя учительскія собранія, которыя имѣютъ невѣроятное вліяніе на оживленіе и образованіе учителей. Затѣмъ можно привести еще преимущественно-практическое направленіе народной школы, достаточное и основательное образованіе учителей и въ нѣкоторыхъ кантонахъ обезпеченное ихъ положеніе относительно денежнаго содержанія. Въ большей части кантоновъ училищное начальство состоитъ изъ слѣдующихъ властей:

а) Ординарныя училищныя власти: 1) Воспитательныя дирекціи — высшая школьная инстанція; 2) училищные инспекторы, служащіе посредниками между воспитательной дирекціей и спеціальными училищными властями; 3) училищныя коммиссіи; 4) администраторы секундарныхъ школъ.

б) Содѣйствующія власти и должностныя лица: 1) совѣтники обывательскихъ общинъ; 2) мѣстное духовенство и 3) правительственные викаріи, какъ высшія административныя власти въ волостныхъ управленіяхъ. Изъ этихъ училищныхъ властей инспекторы и училищныя коммиссіи имѣютъ ближайшій контроль. Исчислять здѣсь обязанности всѣхъ различныхъ властей — заняло бы слишкомъ много мѣста.

Я только вкратцѣ упомяну объ отношеніи духовенства къ народной школѣ и ея учителямъ.

Отношеніе мѣстнаго священника къ школѣ и учителямъ — гласитъ § 38 регламента объ обязанностяхъ школьныхъ властей — должно состоять въ благосклонномъ вниманіи и участіи словомъ и дѣломъ. § 39: Священники обязаны часто посѣщать училища своего прихода и означать свое посѣщеніе собственноручно, каждый разъ, въ особой книгѣ для посѣтителей. § 40: Они должны обращать вниманіе въ особенности на преподаваніе закона Божія, содѣйствовать учителю въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы дѣти посѣщали школы, были прилежны и вели себя нравственно и благопристойно. Содѣйствіе священниковъ въ этомъ случаѣ состоитъ именно въ тѣхъ средствахъ, какими владѣютъ духовные пастыри, и въ томъ нравственномъ вліяніи, которое хорошій священникъ обыкновенно имѣетъ на своихъ прихожанъ. Кромѣ того, на мѣстныхъ священникахъ лежитъ обязанность обращать вниманіе училищнаго комитета на неудобства и недостатки, которые встрѣтятся въ школѣ.

Учительскія собранія бываютъ двухъ родовъ: во 1) болѣе ограниченныя инспекторскія конференціи, въ которыхъ предсѣдательствуетъ окружной инспекторъ и благотворное дѣйствіе которыхъ на самоусовершенствованіе учителей всѣми признается; во 2) болѣе обширныя собранія для чтеній, при которыхъ высшее школьное управленіе поднимаетъ раз-

личные вопросы изъ практической педагогики. Эти вопросы учителя разрѣшаютъ письменно и затѣмъ подвергаютъ ихъ устнымъ преніямъ въ конференціи.

Хотя въ организаціи семинарій въ различныхъ кантонахъ встрѣчается большое различіе, но во всѣхъ есть то сходство, что онѣ вездѣ интернаты или конвикты, и вездѣ въ нихъ введена ручная и садовая работа.

Нынѣ во всѣхъ странахъ, гдѣ школы находятся на относительно высшей степени развитія, господствуетъ то мнѣніе, что только семинаріи-интернаты (закрытыя) или конвикты соотвѣтствуютъ цѣли и могутъ образовать дѣльныхъ народныхъ учителей; ибо опытъ показалъ, что экстернаты (открытыя) въ этомъ отношеніи не имѣли успѣха.

Тѣмъ не менѣе въ Швейцаріи всѣ того мнѣнія, что семинаріи-конвикты только въ такомъ случаѣ могутъ избѣгнуть ошибокъ и неудобствъ, происходящихъ, очевидно, вслѣдствіе монастырскаго или казарменнаго отчужденія ихъ воспитанниковъ отъ жизни, если посредствомъ ручной и садовой работы станутъ противодѣйствовать вредному вліянію казарменной жизни. Поэтому-то швейцарскія семинаріи, хотя и интернаты, нимало не напоминаютъ казармъ. Напротивъ: онѣ доказываютъ, что всѣ вредныя послѣдствія, которые мы привыкли считать неразлучными съ казарменною жизнію, могутъ быть вполнѣ устранены. Одна изъ самыхъ главныхъ причинъ хорошаго духа, который преобладаетъ въ швейцарскихъ семинаріяхъ между воспитанниками, есть невѣроятное усердіе и трудолюбіе, а также простыя, задушевные отношенія между учителями и воспитанниками. Директоръ точно отецъ или старшій братъ между младшими. Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ директоръ со своимъ семействомъ и одинъ изъ учителей обѣдаютъ вмѣстѣ съ воспитанниками. Но не должно думать, что такое фамильярное обращеніе позволяетъ забывать то уваженіе, которымъ воспитанники обязаны своему начальству, или же даетъ поводъ къ непослушанію начальническимъ приказаніямъ. Вообще, трудно найти гдѣ-либо болѣе точное исполненіе обязанностей, чѣмъ въ этихъ заведеніяхъ. Это явленіе радовало меня тѣмъ болѣе, что я всегда оспаривалъ мнѣніе, будто бы военная строгость и деспотизмъ необходимы для поддержанія порядка и послушанія между юношами. Чтобы пріучить будущихъ учителей къ учтивому и приличному обращенію и возбудить и развить въ нихъ сочувствіе къ изящному (эстетическое чувство), въ семинаріяхъ введены различныя образующія и облагороживающія сходки, вечера для пѣнія, небольшіе концерты и т. д.

Въ Веттингенской семинаріи каждый воскресный вечеръ директоръ, учителя и ихъ семейства, совсѣми семинаристами, собираются въ большомъ рекреаціонномъ залѣ, гдѣ время проводится весьма пріятно и съ пользою для образованія, именно поютъ, декламируютъ, даютъ драматическія представленія и т. д.

Для этихъ представленій выбираются піесы патріотическаго содержанія, приличныя возрасту семинаристовъ и ихъ положенію въ жизни. Такія представленія возвышаютъ любовь къ отечеству и народное чувство, оживляютъ сочувствіе къ истинѣ, къ добродѣтели и самопожертвованію и придаютъ преподаванію исторіи болѣе жизни.

Учебные предметы почти одинаковы во всѣхъ семинаріяхъ, которыя я посѣщалъ въ Швейцаріи. Чтобы дать понятіе о направленіи и объемѣ учебнаго курса, я сдѣлаю короткую выписку изъ программы директора Кеттигера для Аргауской семинаріи въ Веттингенѣ.

Учебные предметы и образовательныя средства здѣсь слѣдующія:

1) *Преподаваніе закона Божія* при семинаріи имѣетъ цѣлью, съ одной стороны, дать воспитанникамъ такое религіозное образованіе и направленіе, какое прилично христіанскому воспитателю и дѣтскому учителю, а съ другой стороны снабдить ихъ тѣми познаніями и практическими способностями, которыя имъ нужны для преподаванія закона Божія въ народной школѣ. Знаніе св. писанія и церковной исторіи и катихетика образуютъ главныя составныя части этого преподаванія. Съ библіевѣдѣніемъ соединяется догматика и мораль, съ церковною исторіею—ученіе о церковныхъ постановленіяхъ и богослуженіи, а съ катихетикой—методическое и практическое

руководство въ элементарномъ преподавании закона Божія.

2) *Преподаваніе отечественнаго языка* составляетъ основу преподаванія всѣхъ другихъ языковъ и раздѣляется, во первыхъ, на теоретическое языковѣдѣніе, которое важно для формальнаго образованія ученика и знакомитъ его съ развитіемъ языка и вѣрнымъ употребленіемъ его. Затѣмъ это преподаваніе состоитъ въ методологическомъ руководствѣ, дающемъ ученику возможность практически упражняться въ элементарномъ преподаваніи языка въ народной школѣ. Теоретическое преподаваніе языка постоянно соединяется со статарическимъ (объяснительнымъ) чтеніемъ. Часть преподаванія языка состоитъ въ руководствѣ къ общенаглядному обученію и къ упражненіямъ въ разговорѣ и мышленіи, а также и въ пріученіи учениковъ къ первому обученію грамотѣ по легографическому способу (способъ соединеннаго, одновременнаго обученія чтенію и письму). Упражненія въ чтеніи, объясненіе, ученіе наизусть и свободная передача усвоеннаго продолжается въ постепенно-послѣдовательномъ порядкѣ чрезъ всѣ три семинарскіе курса. Чтеніе бываетъ механическое, логическое и эстетическое. Объясненіе объемлетъ этимологію, переложенія, вещественный разборъ, омонимы и синонимы. Для изученія наизусть и свободной передачи употребляются поэтическія и прозаическія статьи, а также и собственныя работы воспитанниковъ. При объясненіи имѣется преимущественно въ виду содержаніе предмета и спеціально тѣ части теоретическаго преподаванія языка, которыя уже пройдены, и съ этимъ соединяется сообщеніе необходимыхъ свѣдѣній изъ исторіи литературы. Упражненія въ слогѣ состоятъ въ самостоятельномъ письменномъ изложеніи сообщаемаго учителемъ, въ легкихъ сочиненіяхъ, въ повѣствованіяхъ, описаніяхъ, сравненіяхъ, разсужденіяхъ и, особенно, въ простомъ и ясномъ изложеніи писемъ и необходимыхъ дѣловыхъ бумагъ.

3) *Ариѳметика и бухгалтерія.* Преподаваніе ариѳметики при семинаріи имѣетъ тройкую задачу: развивать соображеніе, ознакомить будущаго учителя со способомъ счисленія въ практической жизни и, наконецъ, научить его методическому примѣненію ариѳметическаго преподаванія въ народной школѣ.

4) *Геометрія и землемѣріе.* Геометрическое преподаваніе при семинаріи стремится преимущественно къ практической цѣли—доставить народному учителю тѣ свѣдѣнія въ землемѣріи, которыя требуются отъ него въ его положеніи въ сельской жизни. Предметы этого преподаванія суть: описательная геометрія, исчисленіе, превращеніе и раздѣленіе фигуръ, геометрическое черченіе, начертаніе плановъ, вычисленіе содержанія плоскостей и тѣлъ съ практическимъ примѣненіемъ; упражненіе въ практическомъ землемѣріи и методологическое руководство къ преподаванію геометріи.

5) *Преподаваніе письма* должно сообщить ученику четкій почеркъ и ознакомить его съ наиболѣе цѣлесообразною методою, удобопримѣнимою въ народной школѣ. Употребленіе *тактическаго* письма рекомендуется какъ средство, прямо ведущее къ хорошимъ результатамъ.

6) *Преподаваніе рисованія* имѣетъ цѣлью пріучить глазъ къ вѣрному воспринятію и руку къ вѣрному, твердому изображенію формъ и руководить учениковъ преимущественно въ техническомъ черченіи. Высшая, эстетическая, художественная цѣль рисованія, по краткости времени, можетъ занимать только второстепенное мѣсто.

По поводу этихъ замѣчаній директора Кеттигера о преподаваніи рисованія при Аргауской семинаріи я замѣчу, что во многихъ училищныхъ ревизорскихъ протоколахъ въ Швейцаріи я читалъ весьма часто жалобы о томъ, что этотъ важный учебный предметъ пренебрегается. Эти жалобы я, по собственному своему опыту, считаю совершенно справедливыми. Не только въ Швейцаріи, но почти повсюду въ Германіи, а еще болѣе въ Даніи и Голландіи, искусство рисованія не занимаетъ того важнаго мѣста въ дѣтскомъ воспитаніи, котораго это отличное формально-образовательное средство вполнѣ заслуживаетъ. Можно безспорно утверждать, что только Фрёбель-Георгенская школа вполнѣ сознала важность рисованія и вѣрно примѣняетъ его.

7. *Преподаваніе пѣнія* имѣетъ цѣлью возбудить и развить сочувствіе къ прекрасному, ввести гармонію въ церковное пѣніе и, наконецъ, научить семинариста методически преподавать пѣніе въ школѣ.

8. *Обученіе игрѣ на скрипкѣ* введено для того, чтобы доставить учителю возможность впредь посредствомъ инструмента руководить пѣніемъ и преподавать его въ школѣ.

9. *Обученіе игрѣ на органѣ* должно не только возбудить въ семинаристѣ желаніе впослѣдствіи усовершенствоваться въ музыкѣ, но и доставить ему возможность замѣнять во всякое время органиста въ церкви.

10. *Преподаваніе естественныхъ наукъ* имѣетъ цѣлью возбудить и развить въ семинаристѣ любовь къ естествовѣдѣнію и познакомить его съ природой и законами, а равно и руководить его такъ, чтобы онъ былъ въ состояніи преподавать этотъ предметъ въ народной школѣ путемъ, образующимъ душу и сердце и снабжающимъ полезными свѣдѣніями для практической жизни. Это преподаваніе состоитъ: 1) въ естественномъ наглядномъ обученіи, 2) въ теоретическомъ естествовѣдѣніи, объемлющемъ минералогію, ботанику, зоологію и антропологію, 3) въ прикладномъ или практическомъ естествовѣдѣніи, заключающемъ въ себѣ обученіе сельскому хозяйству, діететику и гигіену, а равно и методологическое руководство къ преподаванію естественныхъ наукъ въ народной школѣ. Учителю вмѣнено въ обязанность соединять преподаваніе — теоретическое съ разсматриваніемъ предметовъ, а практическое съ работою и техническимъ упражненіемъ. Необходимыя для преподаванія коллекціи минераловъ, растеній, животныхъ, плодовъ, сѣмянъ, различнаго рода деревъ, составленные по возможности самими учителями и семинаристами, а также и всѣ прочіе апараты для естественныхъ наукъ, строго соотвѣтствуютъ задачѣ и цѣли заведенія.

11. *Преподаваніе географіи* имѣетъ такой объемъ, какого требуютъ общее образованіе народнаго учителя, какъ и его спеціальное занятіе. Преподаваніе начинается съ родины и отечества. Метода основана совершенно на наглядности, почему преподаваніе это всегда соединяется съ черченіемъ картъ и другими этой цѣли соотвѣтствующими пособіями. Семинарскіе учителя должны примѣнять такую методу, которая впослѣдствіи можетъ служить руководствомъ семинаристу въ народномъ училищѣ.

12. *Преподаваніе исторіи*, по сообщеніи поверхностнаго біографическаго обзора всеобщей исторіи въ ея, главныхъ моментахъ ограничивается преимущественно исторіею Швейцаріи. Ясное уразумѣніе происшествій и общественныхъ отношеній, утвержденіе въ уповании на Божественное Провидѣніе, убѣжденіе въ постоянномъ прогресѣ человѣческого рода, развитіе сочувствія къ добродѣтели, чести, общественности, развитіе самостоятельнаго убѣжденія зиждущагося на чувствѣ справедливости и народности и, наконецъ, развитіе способности обучать исторіи составляютъ главное условіе и цѣль этого преподаванія. Учитель исторіи обязанъ, кромѣ того, ознакомить учениковъ съ государственными учрежденіями отечества. Но, вмѣсто спеціальнаго преподаванія этого предмета, ученикамъ объясняется послѣдовательное развитіе и образованіе гражданскихъ постановленій и государственныхъ учрежденій въ самой исторіи, и съ этимъ соединяется ихъ историческое и современное занятіе.

13) *Преподаваніе педагогики* имѣетъ цѣлью дать семинаристу полный и связный обзоръ всего его будущаго положенія и доставить ему ясное понятіе объ его всестороннемъ положеніи, какъ воспитателя, учителя и государственнаго дѣятеля. Кромѣ того, это преподаваніе должно возбудить и укрѣпить въ семинаристѣ любовь и усердіе къ своему призванію, благочестивое, самоотверженное и готовое къ самопожертвованію чувство, силу добродѣтели, твердый мужественный характеръ и, вообще, всѣ тѣ качества, какія ему нужны въ своемъ призваніи для благотворной дѣятельности. При этомъ требуется, чтобы преподаваніе избѣгало всякой высокопарной философіи, непрактическихъ теорій и тѣхъ сумасбродныхъ мнѣній, которыя слишкомъ часто сообщаются семинаристу объ его положеніи и назначеніи,

а также, чтобы никогда не упускалась изъ виду жизнь народа и отношеніе къ ней школы.

14) *Преподаваніе общей катихетики* имѣетъ цѣлью служить посредникомъ между дидактикою и практическимъ элементарнымъ преподаваніемъ. Это преподаваніе имѣетъ слѣдовательно задачею ознакомить семинариста съ правилами и съ искусствомъ элементарнаго преподаванія и, слѣдовательно, не только сообщаетъ ему теорію катихетики, но и упражняетъ его въ самой катихизаціи.

15) *Руководство къ училищевѣдѣнію.* Получивъ теоретическое познаніе въ томъ, какъ должно обращаться съ каждымъ отдѣльнымъ учебнымъ предметомъ, научившись въ педагогикѣ смотрѣть на всѣ учебные предметы какъ на связное цѣлое, направленное къ достиженію одной цѣли, — развитію ученика, и пріобрѣвъ въ изученіи катихетики, такъ сказать, теоретическое преподавательное средство, семинаристъ долженъ собственными упражненіями пріобрѣсти на практикѣ навыкъ въ самомъ преподаваніи, а посредствомъ руководства къ училищевѣдѣнію быть ознакомленъ вполнѣ со школьною организаціею, дисциплиною и, вообще, со всѣмъ внутреннимъ и внѣшнимъ устройствомъ школы.

16. *Преподаваніе гимнастическихъ или тѣлесныхъ упражненій.* Тѣлесныя упражненія, вмѣстѣ съ работою въ домѣ и на полѣ, имѣютъ цѣлью возстановить правильное, согласное отношеніе между тѣлеснымъ и духовнымъ развитіемъ семинариста. Кромѣ этой общей цѣли, т. е. стройнаго развитія тѣла, разумная, систематическая гимнастика укрѣпляетъ здоровье, увеличиваетъ физическія силы воспитанниковъ, доставляетъ проворство, ловкость, гибкость въ движеніяхъ и содѣйствуетъ веселой общественной жизни; вмѣстѣ со всѣми такими благими слѣдствіями гимнастическихъ занятій, семинаристы научаются еще, какъ занимать гимнастикою будущихъ учениковъ своихъ въ народныхъ училищахъ.

17. *Хозяйственныя занятія.* Посредствомъ этихъ занятій семинаристы пріучаются къ строгому порядку, опрятности и, вообще, научаются вести разумное, хорошее хозяйство. Для этой цѣли семинаристовъ заставляютъ исполнять такія занятія и работы, которыя могутъ быть соединены съ ихъ положеніемъ въ будущей скромной педагогической дѣятельности. Сюда принадлежатъ: 1) приведеніе въ порядокъ комнаты своей и классовъ, пилка и колка дровъ, а также и топка печей; 2) семинаристы или сами ведутъ хозяйственныя книги, или только помогаютъ въ этомъ директору и учителямъ; потомъ они работаютъ въ мастерскихъ, ухаживаютъ за больными товарищами и т. д.

18. *Сельскохозяйственныя работы.* Эти работы объемлютъ всѣ занятія, относящіяся къ земледѣлію и скотоводству, и имѣютъ главною цѣлію содѣйствовать тѣлесному здоровью семинаристовъ, держать ихъ постоянно въ связи съ сельскою жизнію и еще лучше научить ихъ раціональному завѣдыванію хозяйствомъ, основанному преимущественно на земледѣліи. Всѣ сельскія работы, за исключеніемъ нѣсколькихъ, исполняемыхъ исключительно прислугою, совершаются семинаристами и распредѣляются на всѣхъ по очереди, по мѣрѣ силъ и степени познаній въ естественныхъ наукахъ, съ которыми сельскія работы находятся въ органической связи. Кромѣ общей пашни, которую всѣ семинаристы должны совокупно воздѣлывать, каждый изъ нихъ имѣетъ еще участокъ земли въ 4,800 квадр. футовъ, который онъ воздѣлываетъ совершенно свободно, по своему желанію и соображенію.

19. *Пользованіе библіотекою.* Семинарія имѣетъ свою библіотеку, которая доставляетъ семинаристамъ назидательное, образующее и облагораживающее душу чтеніе изъ области наукъ и беллетристики, и такимъ образомъ содѣйствуетъ общему и спеціальному образованію семинаристовъ, возбуждаетъ и питаетъ желаніе и любовь къ самодѣятельности и самоусовершенствованію.

20. *Развивающія и облагораживающія увеселенія,* о которыхъ было упомянуто выше.

21. *Домашнее благоговѣніе и общественное богослуженіе.* Народный учитель долженъ не только наставлять въ религіи, но и постоянно исповѣдывать свою религію предъ народомъ, своею нравственною, религіозною жизнію; онъ долженъ постоянно слѣдовать изреченію: «тру-

лись и молись», чтобы собственнымъ примѣромъ возбуждать благочестивую, разумно-трудовую жизнь, какъ въ ученикахъ, такъ и въ ихъ родителяхъ; поэтому преподаваніе закона Божія въ семинаріи всегда сопровождается соотвѣтствующими, такъ-называемыми часами благоговѣнія.

При этомъ вмѣняется въ особенную обязанность директору семинаріи и священникамъ, которые преподаютъ въ ней законъ Божій, избѣгать всякаго односторонняго и исключительнаго направленія, которое не согласно съ истиннымъ христіанскимъ образованіемъ.

Относительно домашняго благоговѣнія предписано, чтобы передъ и послѣ каждаго обѣда и ужина недѣльный инспекторъ или кто-либо изъ учениковъ читалъ молитву; чтобы преподаваніе закона Божія и педагогики, которое бываетъ всегда по утрамъ, начиналось молитвою; чтобы въ каждый субботній вечеръ совершалось общее богослуженіе, начинающееся и оканчивающееся пѣніемъ и состоящее въ томъ, что директоръ читаетъ проповѣдь или объясняетъ какое-нибудь мѣсто изъ библіи и затѣмъ читаетъ молитву. Предъ началомъ богослуженія недѣльный инспекторъ читаетъ свой рапортъ о поведеніи семинаристовъ въ теченіе недѣли, такъ что директоръ всегда имѣетъ возможность вставить приличныя замѣчанія и наставленія въ свою проповѣдь. Во всѣ воскресные и праздничные дни совершается священниками каждаго исповѣданія полное утреннее богослуженіе, причемъ семинаристы, подъ руководствомъ учителя музыки и пѣнія, всегда поютъ на хорахъ.

При всѣхъ семинаріяхъ въ Швейцаріи и Германіи находятся семинарскія или нормальныя школы для практическихъ упражненій семинаристовъ въ преподаваніи, и это считается нынѣ повсюду необходимымъ условіемъ, безъ котораго семинаріи не можетъ достигнуть своей цѣли. Эти образцовыя народныя школы при различныхъ семинаріяхъ весьма различно устроены.

Въ образцовой школѣ въ Веттингенѣ семинарскіе учителя, каждый по своему предмету, руководятъ семинаристовъ при преподаваніи.

Такое же устройство встрѣчается и въ берлинской семинаріи. Въ кантонѣ Санкт-Галленѣ преподаваніемъ руководитъ директоръ, а въ Кюснахѣ эта обязанность возложена на ординарнаго учителя школы, который въ то же время преподаетъ и въ семинаріи.

Народныя училища въ Швейцаріи двухъ родовъ: *первоначальныя* (примарныя), посѣщаемыя всѣми дѣтьми отъ 6 до 15 лѣтъ, если они только способны къ ученію, и *дополнительныя школы* (секундарныя), въ которыя поступаютъ дѣти, прошедшія уже курсъ первоначальной школы.

Въ примарныхъ училищахъ дѣти обучаются общимъ основнымъ предметамъ всякаго образованія. Имъ преподаются св. исторія и основныя истины христіанской религіи, отечественный языкъ для правильнаго употребленія его въ словѣ и письмѣ, ариѳметика для умѣнія употреблять счисленіе на практикѣ, чистописаніе, основанія геометріи, рисованіе съ руки и черченіе по линейкѣ, пѣніе, отечественная исторія и географія. Кромѣ того, учитель долженъ, при пособіи книги для чтенія, объяснять самые обыкновенные предметы и явленія, ежедневно встрѣчаемые въ природѣ, обращая преимущественно вниманіе на ихъ значеніе въ сельскомъ хозяйствѣ.

Цѣль дополнительныхъ училищъ состоитъ въ томъ, чтобы дальнѣйшимъ развитіемъ учебныхъ предметовъ, принадлежащихъ къ курсу первоначальной школы, и присоединеніемъ къ нимъ нѣсколькихъ новыхъ, доставить ученикамъ высшее и болѣе обширное образованіе вообще и отчасти усвоить имъ необходимѣйшія предварительныя свѣдѣнія для основательнаго изученія какой-нибудь промышленной части, дабы они впослѣдствіи съ успѣхомъ и знаніемъ дѣла могли заниматься этою частію, а также и приготовить ихъ къ высшимъ классамъ кантонскихъ училищъ.

Секундарныя или дополнительныя училища бываютъ также двухъ родовъ: 1) *реальныя школы*, въ которыхъ обязательны только реальные предметы, и 2) *прогимназіи*, въ которыхъ вмѣстѣ съ реаліями преподаются и словесныя науки.

Кромѣ того, въ большей части кантоновъ находятся *кантонскія училища*, которыя обыкновенно состоятъ изъ двухъ

отдѣленій: *ученой гимназіи* и *реальной гимназіи*. Высшее образованіе получается въ политехническихъ институтахъ.

Спеціально-образовательныя заведенія въ Швейцаріи слѣдующія: 1) учительскія семинаріи, 2) земледѣльческія училища, 3) ремесленныя школы, 4) женскія училища ручныхъ работъ и 5) заведенія для глухонѣмыхъ.

Хотя, вообще, въ швейцарскихъ семинаріяхъ и школахъ методика не достигла той высокой степени, какъ въ Германіи, но встрѣчается весьма много похвальныхъ исключеній, между которыми я назову только школу въ Бернѣ, находящуюся подъ управленіемъ отличнаго педагога д-ра Фрѣлиха. Все, что только нѣмецкая педагогика содержитъ въ себѣ хорошаго и замѣчательнаго, примѣняется въ этомъ заведеніи.

Въ доказательство того, что Фрѣлихъ не упускаетъ изъ виду ничего, что можетъ сколько-нибудь содѣйствовать улучшенію этого заведенія, которымъ онъ завѣдываетъ 25 лѣтъ, я приведу только, что онъ въ нынѣшнемъ году въ своихъ элементарныхъ классахъ, въ которыхъ метода во многихъ отношеніяхъ была лучше и естественнѣе, чѣмъ въ большей части другихъ училищъ, намѣренъ ввести игры и занятія Фрёбеля. Я съ радостію и гордостію долженъ прибавить, что это нововведеніе совершается молодымъ финляндцемъ, который съ прошлой осени изучалъ систему Фрёбеля въ Гамбургѣ и нынѣ отправляется въ Швейцарію, чтобы подъ руководствомъ д-ра Фрѣлиха продолжать свои педагогическія изученія и занятія.

Изъ Швейцаріи я отправился, чрезъ Баденъ, въ Виртембергъ и посѣтилъ на этомъ пути, кромѣ многихъ другихъ училищъ, семинарію для бѣдныхъ учителей въ Бейгенѣ, находящуюся подъ руководствомъ 80-тилѣтняго школьнаго патріарха Целлера, а равно и учительскія семинаріи въ Карлсруэ и Эслингенѣ.

Хотя эти заведенія въ томъ или другомъ отношеніи превосходны и хотя весьма многому можно научиться отъ вполнѣ дѣльныхъ педагоговъ, завѣдывающихъ этими заведеніями или трудящихся въ нихъ, но подробное описаніе ихъ я считаю лишнимъ, потому что въ главныхъ чертахъ своихъ они походятъ на семинаріи, мною уже описанныя.

Изъ Эслингена и Штутгарта я отправился, чрезъ Дармштадтъ и Франкфуртъ на Майнѣ, гдѣ весьма много отличныхъ школъ, и чрезъ Рейнскія провинціи, въ Голландію.

Четырехнедѣльная болѣзнь, которой я подвергся въ Амстердамѣ, удержала меня въ этомъ городѣ гораздо долѣе, чѣмъ я разсчитывалъ. Хотя и ослабленный болѣзнію, я успѣлъ однако ознакомиться настолько съ голландскими училищами, чтобы, не боясь впасть въ ошибку, подать о нихъ свое мнѣніе. Скажу откровенно, что послѣ такого педагогическаго путешествія, какое я совершилъ по Германіи и Швейцаріи, нечему уже учиться въ Голландіи относительно народной школы; можно развѣ только увѣриться въ промахахъ голландцевъ.

Образованіе народныхъ учителей гораздо ниже въ сравненіи съ образованіемъ ихъ во многихъ другихъ странахъ, и педагогическое изученіе стоитъ далеко не такъ высоко, какъ въ Германіи. Ктому же, вѣроятно по экономическимъ причинамъ, въ одной комнатѣ обучается отъ 80 до 99 дѣтей вмѣстѣ, вслѣдствіе чего происходитъ весьма важное неудобство. Впрочемъ, голландцы далеко не столько поотстали, какъ шведы, ибо ланкастерской методы, которая процвѣтаетъ еще въ Швеціи, въ Голландіи уже не существуетъ.

Продолжительная болѣзнь моя въ Амстердамѣ и другія непредвидѣнныя заранѣе обстоятельства отняли у меня много времени и истощили мои финансы. Поэтому-то я, какъ мнѣ ни грустно было, долженъ былъ оставить мысль съѣздить еще въ Англію и въ Норвегію; чрезъ Гамбургъ, Данію и Швецію я возвратился домой.

Въ этомъ путешествіи я, конечно, пріобрѣлъ богатыя сокровища опытности, особенно вслѣдствіе замѣчательной готовности иностранныхъ педагоговъ все показывать и объяснять, — готовности, которую я встрѣчалъ повсюду за границей. Теперь я душевно желалъ бы быть полезнымъ этою опытностію моему дорогому отечеству! Заключая этотъ отчетъ о моемъ путешествіи, я не могу не

обратить вниманіе Императорскаго Сената на слѣдующее обстоятельство чрезвычайной важности для будущаго процвѣтанія финской народной школы: я полагаю необходимымъ, чтобы изъ молодыхъ людей, которые опредѣляются въ будущую семинарію, по крайней мѣрѣ шести учителямъ и двумъ учительницамъ была дана возможность приготовиться какъ теоретически такъ и практически къ своему важному поприщу въ заграничныхъ воспитательныхъ заведеніяхъ. Если это условіе упустится изъ виду, то изъ всего благого начинанія, по моему крайнему убѣжденію, едвали выйдетъ что-нибудь путное и плодотворное для народныхъ училищъ.»

VI.

Проектъ учрежденій народныхъ учебныхъ заведеній въ Финляндіи, составленный по порученію Императорскаго финляндскаго сената г. Сигнеусомъ.

Въ первой статьѣ нашей мы уже высказали мнѣніе, что вопросъ объ устройствѣ народныхъ училищъ долженъ идти рука объ руку съ великимъ дѣломъ постепеннаго устроенія быта освобожденныхъ крестьянъ. Прискорбныя событія въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи [1]), совершившіеся въ первой половинѣ прошлаго апрѣля, служатъ новыми, самыми убѣдительными доказательствами, что распространеніе истиннаго образованія въ народѣ составляетъ самую насущную, безотлагательную потребность для нашего отечества. Безграмотность, крайнее невѣжество и, вслѣдствіе ихъ, совершенное непониманіе дѣла ярко выступаютъ предъ нами въ этихъ событіяхъ и, указывая на нихъ, громко говорятъ: «вотъ плоды наши». Мы не имѣемъ ни малѣйшаго права ставить эту безграмотность и невѣжество въ упрекъ крестьянамъ, а по всей справедливости должны винить наше собственное, непростительное равнодушіе къ образованію народа, въ которомъ мы постоянно, въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ, пребывали.

Въ № 20 *Современной Лѣтописи* Русскаго Вѣстника, послѣ описанія грустныхъ спасскихъ происшествій, мы читаемъ слѣдующія правдивыя строки: «Всѣ доходящія до насъ свѣдѣнія о теперешнемъ состояніи Россіи согласны въ томъ, что ошибочныя толкованія законоположеній 19-го февраля держатся преимущественно въ мѣстахъ глухихъ и уединенныхъ, имѣющихъ мало сношеній съ остальною Россіей, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ грамотность очень мало распространена и гдѣ мало живетъ помѣщиковъ, а распоряжаются крестьянами управляющіе. У насъ нѣкогда была въ ходу теорія, будто бы грамотность опасна для народнаго спокойствія. Разумныхъ доводовъ противъ этой теоріи мы не хотѣли слушать и ожидали фактическихъ опроверженій. Надобно надѣяться, что современные намъ и, къ прискорбію, столь сильные аргументы (доказательства) убѣдятъ наконецъ всѣхъ и каждаго, какъ полезно распространеніе гра-

[1]) Описаніе этихъ событій было напечатано въ *Сѣверной Пчелѣ* отъ 15 Мая 1861 г. и потомъ во всѣхъ газетахъ и журналахъ.

мотности въ народѣ. Въ отдаленныхъ углахъ Россіи смотрятъ на грамотника, какъ на существо высшаго порядка; слово грамотника принимается на вѣру, безъ всякой повѣрки: было ли бы это возможно, еслибы грамотность была болѣе распространена въ нашемъ народѣ, еслибы народныя школы существовали у насъ хоть въ продолженіе одного послѣдняго десятка лѣтъ? Нѣтъ спора, что грамотность не есть еще образованіе, но она есть первое условіе образованія, и, къ тому же, тамъ, гдѣ грамотниковъ много, они не могутъ имѣть той чародѣйной силы, какая достается на долю грамотника среди населенія совершенно безграмотнаго.»

Правда, сущая правда! въ каждомъ словѣ правда!

Къ чему приводитъ насъ эта правда? На что указываетъ намъ?

Она говоритъ намъ коротко и ясно: учреждайте народныя училища, образовывайте, просвѣщайте народъ; безъ распространенія истиннаго образованія въ народѣ прочное, плодотворное устроеніе его быта невозможно!

Все это ясно, какъ день, и вотъ почему губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія должны обратить особенное вниманіе на возможно-обстоятельное обсужденіе вопроса объ устройствѣ народныхъ училищъ, сообразныхъ съ потребностями мѣстнаго населенія. Мы, вообще, мало знаемъ наше обширное отечество; теперь представляется самый удобный случай: образованные члены губернскихъ присутствій, знакомые съ мѣстною народною жизнію, со всѣми ея условіями, могутъ безспорно точнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ кто-либо другой, знать, что на первый случай всего необходимѣе для просвѣщенія мѣстнаго сельскаго населенія.

Съ нашей стороны мы можемъ только и считаемъ своею священною обязанностью заявлять предъ обществомъ всѣ новые, современные дѣйствительные факты, въ которыхъ каждый можетъ убѣдиться «очима своима», и которые каждый разъ громче и громче требуютъ безотлагательнаго учрежденія народныхъ училищъ. Всѣ эти факты убѣждаютъ насъ еще въ томъ, что при дальнѣйшемъ развитіи крестьянскаго дѣла, при осуществленіи законоположеній 19 февраля, въ жизни народной, постоянно, на каждомъ шагу сильнѣе и сильнѣе будетъ чувствоваться крайняя необходимость въ народномъ образованіи. Мы, конечно, не предполагаемъ, чтобы въ продолженіе двухъ лѣтъ можно было распространить образованіе въ народѣ; но каждый съ нами согласится, что этого времени достаточно для возможно обстоятельнаго обсужденія вопроса объ устройствѣ народныхъ училищъ, сообразныхъ съ потребностями различныхъ мѣстностей нашего отечества и для изъисканія и опредѣленія достаточныхъ средствъ на учрежденіе и содержаніе этихъ училищъ, если только, какъ мы уже выше сказали, губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія обратятъ надлежащее вниманіе на священное дѣло образованія народа.

Мы указываемъ на то, какъ успѣшно подвигается впередъ вопросъ объ устройствѣ совершенно новой системы народнаго училищевѣдѣнія въ Финляндіи. Этотъ вопросъ, какъ мы уже знаемъ, возникъ по слову Царя еще въ 1856 году, прежде всѣхъ другихъ преобразовательныхъ вопросовъ, и теперь уже приближается къ окончательному разрѣшенію. «*Проектъ учрежденія народныхъ учебныхъ заведеній въ Финляндіи*», составленный г. Сигнеусомъ, обсуждается въ настоящее время императорскимъ финляндскимъ сенатомъ, который уже опредѣлилъ нынѣшнимъ лѣтомъ послать на казенный счетъ 6 учителей и 4 учительницъ за границу, для полученія настоящаго педагогическаго образованія и для основательнаго изученія народнаго училищевѣдѣнія и устройства *дѣтскихъ садовъ* Фрёбеля, чтобы не терять времени и имѣть вполнѣ приготовленныхъ наставниковъ и наставницъ при открытіи семинаріи для образованія народныхъ учителей и учительницъ.

Между тѣмъ и самое общество въ Финляндіи не осталось равнодушнымъ къ такому благодатному начинанію правительства и выразило свое горячее сочувствіе въ предъявленной городомъ Ювескюле добровольной готовности доставить на городской счетъ помѣщеніе, необходимое для учительской семинаріи въ теченіе двухъ первыхъ лѣтъ. Великодушный бургомистръ уѣзднаго го-

рода Сердоболя, г. Голлонбладъ, предоставляетъ капиталъ въ 50,000 руб. сер. и землю, приносящую 400 руб. сер. ежегоднаго дохода, на устройство образцоваго народнаго училища въ окрестностяхъ этого города, и пригласилъ для этого г. Сигнеуса. Такое обильное пожертвованіе убѣдительнѣе всякихъ словъ доказываетъ, какъ глубоко досточтенный бургомистръ сознаетъ благодѣтельное значеніе народнаго образованія, а приглашеніе, сдѣланное г. Сигнеусу, столь же ясно свидѣтельствуетъ, какимъ всеобщимъ довѣріемъ и уваженіемъ пользуются труды этого истиннаго виновника возникания здраваго, преображеннаго народнаго училищевѣдѣнія въ Финляндіи.

Поэтому мы полагаемъ, что для нашихъ читателей не безинтересно, да и не безполезно будетъ поближе познакомиться съ вышеназваннымъ проектомъ г. Сигнеуса, тѣмъ болѣе, что этотъ проектъ даетъ самое отчетливое и подробное понятіе, какое только можно получить, не бывъ за границею, о современномъ устройствѣ лучшихъ учительскихъ семинарій и образовыхъ народныхъ школъ въ Швейцаріи и въ Германіи.

Всеподданнѣйше повергая проектъ свой чрезъ императорскій финляндскій сенатъ на высочайшее благоусмотрѣніе, г. Сигнеусъ пишетъ слѣдующее: «Согласно отданнаго мнѣ Всемилостивѣйшаго повелѣнія изложить и представить въ Финляндскій сенатъ Вашего Императорскаго Величества проектъ учрежденія народныхъ учебныхъ заведеній въ Финляндіи, имѣю счастіе всеподданнѣйше представить:

1) Введеніе, излагающее правила, на основаніи коихъ составленъ проектъ.

2) Проектъ учрежденія народной семинаріи для учителей, съ приложеніемъ росписанія занятіямъ и учебнаго плана какъ для семинаріи, такъ и для соединенныхъ съ нею образцовыхъ школъ, съ дѣтскимъ пріютомъ и садомъ, также чертежей строеній, необходимыхъ для сихъ заведеній.

3) Предложеніе объ учрежденіи народныхъ училищъ въ Финляндіи.

При семъ осмѣливаюсь всеподданнѣйше обратить Всемилостивѣйшее Вашего Императорскаго Величества вниманіе на то, что время и порядокъ открытія проектируемой семинаріи будетъ зависѣть отъ самаго важнаго, необходимаго условія, именно: отъ числа учителей, получившихъ педагогическое образованіе.

Будущіе наставники и наставницы семинаріи, какъ я уже прежде имѣлъ счастье выразить, могутъ получить теоретическое и практическое педагогическое образованіе только въ наставническихъ семинаріяхъ за границей.

По пріобрѣтеніи необходимаго числа учителей, удовлетворяющихъ современному требованію педагогическаго образованія, я нахожу, что заведеніе можетъ приступить къ дѣйствію, слѣдующимъ порядкомъ: въ первый годъ образуется только одинъ классъ для каждаго отдѣленія, т. е. принимаются пятнадцать юношей и дѣвицъ. Въ началѣ втораго года, по переводѣ ихъ во второй классъ, первый классъ пополняется новыми учениками и ученицами, и кромѣ того принимается нѣсколько дѣтей въ первоначальную школу, учрежденную для мальчиковъ, а также и нѣсколько маленькихъ дѣтей въ дѣтскіе пріюты и сады, дабы можно было на самомъ дѣлѣ руководить воспитанниковъ и воспитанницъ въ правильномъ присмотрѣ за дѣтьми, въ управленіи училищемъ и доставить имъ полную возможность практически упражняться въ этомъ какъ можно чаще. Въ началѣ третьяго года, послѣ обыкновенныхъ переводовъ въ слѣдующіе классы, принимаются новые ученики и ученицы, чѣмъ самымъ число классовъ и учениковъ и ученицъ заведенія пополнится. Вмѣстѣ съ этимъ слѣдуетъ пополнять и первоначальныя школы, чтобы составилось опредѣленное въ проектѣ число дѣтей.

Для достиженія такого постепеннаго устройства заведенія не представляется никакихъ затрудненій, хотя бы постройка необходимыхъ для заведенія зданій и не была окончена въ срокъ, назначаемый этимъ проектомъ для образованія необходимаго на первый случай числа учителей и учительницъ. Жители города Ювескюле, какъ видно изъ прилагаемой при семъ выписки изъ протокола магистрата, отъ 9-го іюня 1860

года, взялись, въ случаѣ учрежденія въ означенномъ городѣ семинаріи, доставить на городской счетъ необходимое для нея помѣщеніе въ теченіе двухъ первыхъ лѣтъ, считая со дня открытія этого заведенія.

Хотя помѣщеніе въ самомъ городѣ Ювескюле сначала и не представляетъ всѣхъ удобствъ и не будетъ вполнѣ соотвѣтствовать цѣли семинаріи, въ особенности по недостатку мѣста для упражненія учениковъ въ земледѣліи и садоводствѣ, но я нахожу, что семинарія даже въ этомъ временномъ помѣщеніи можетъ дѣйствовать болѣе или менѣе сообразно своему назначенію, лишь бы она во внутреннемъ своемъ устройствѣ, особливо въ отношеніи степени образованія учителей и числа оныхъ, согласовалась со всеподданнѣйшимъ прилагаемымъ при семъ проектомъ.

Поэтому осмѣливаюсь всеподданнѣйше представить на благоусмотрѣніе правительства принять щедрое, по достаткамъ города Ювескюле, помѣщеніе и устроить оное въ предположенный для образованія учителей срокъ, т. е. въ теченіе одного или полутора года, если окажется невозможнымъ въ это время выстроить всѣ необходимыя для семинаріи помѣщенія въ совершенномъ видѣ, что однако жъ, по мнѣнію свѣдущихъ лицъ, весьма не трудно, тѣмъ болѣе, что строенія предполагаются деревянныя, для коихъ матеріалы имѣются на мѣстѣ.

Нѣсколько десятилѣтій не имѣютъ большого значенія въ жизни народа, а потому учрежденіе, котораго плоды могутъ созрѣвать только столѣтіями, можетъ пожертвовать однимъ годомъ для достиженія предположенной цѣли. Съ другой стороны, основательное просвѣщеніе народа должно составлять главнѣйшій предметъ правительственнаго попеченія; а потому я осмѣливаюсь питать отрадную надежду, что премудрое правительство не замедлитъ осуществить это предположеніе, не отлагая его долѣе срока, могущаго быть вызваннымъ какими-либо особенными обстоятельствами.»

Мы считали необходимымъ сообщить нашимъ читателямъ эти предварительныя объясненія г. Сигнеуса на томъ основаніи, что они во 1-хъ) представляютъ въ общихъ чертахъ составъ и содержаніе проекта, во 2-хъ) излагаютъ постепенное возниканіе учительской семинаріи и образцовыхъ при ней народныхъ училищъ для мальчиковъ и дѣвицъ, вмѣстѣ съ пріютомъ для маленькихъ дѣтей, и въ 3-хъ) постоянно указываютъ на основное положеніе г. Сигнеуса, которое состоитъ въ томъ, что учительская семинарія не можетъ начать своихъ дѣйствій прежде, чѣмъ она пріобрѣтетъ наставниковъ и наставницъ, которые могутъ получить надлежащее образованіе только въ хорошихъ учительскихъ семинаріяхъ за границею. Это основное положеніе, какъ выше упомянуто, приводится въ настоящее время финляндскимъ сенатомъ въ исполненіе, отправленіемъ 6 учителей и 4 учительницъ въ учительскія семинаріи за границу.

Въ концѣ третьей статьи нашей, объ устройствѣ у насъ народныхъ училищъ, мы высказали свое мнѣніе, что для распространенія настоящаго образованія въ народѣ прежде всего необходимо *соединеніе всѣхъ народныхъ училищъ въ вѣдѣніи одного министерства народнаго просвѣщенія, подъ особымъ отдѣльнымъ управленіемъ* [1]), и *учрежденіе спеціальныхъ образовательныхъ заведеній для народныхъ учителей*. Мы не сообщили проекта устройства этихъ заведеній, потому что, откровенно сознаемся, не могли по совѣсти взяться за дѣло, для обстоятельнаго обсужденія котораго, пока, еще не имѣемъ достаточнаго числа *самыхъ необходимыхъ данныхъ*.

Въ той же статьѣ мы на *дѣйствительныхъ фактахъ* показали крайне ограниченныя и ложныя понятія о народныхъ училищахъ, все еще господствующія у насъ.

Конечно, можно было составить проектъ, который соотвѣтствовалъ бы требованіямъ современной теоріи народнаго училищевѣдѣнія; для этого слѣдовало только взять за образецъ устройство народныхъ училищъ и учительскихъ семинарій въ Пруссіи, Саксоніи, въ Швейцаріи или Англіи. Но удовлетворялъ ли бы составлен-

[1]) Изъ высочайшаго манифеста отъ 19 апрѣля 1858 года, выше сообщеннаго нами, читатели уже знаютъ, что въ Финляндіи составляется *особенная центральная дирекція* для управленія народными училищами. Главнымъ инспекторомъ назначенъ г. Сигнеусъ.

ный такимъ образомъ проектъ современнымъ потребностямъ отечества относительно распространенія образованія въ нашемъ народѣ? И знаемъ ли мы эти потребности? Знаемъ ли мы мѣстныя средства и условія народнаго быта различныхъ мѣстностей нашей необъятной Россіи, которыя необходимо принять въ соображеніе при устройствѣ народныхъ училищъ, потому что отъ мѣстныхъ средствъ и условій будетъ зависѣть учрежденіе ихъ въ томъ или другомъ видѣ? Не имѣя всѣхъ этихъ данныхъ, мы и не представили нашимъ читателямъ полнаго проекта учрежденія учительскихъ семинарій у насъ въ Россіи, которой въ такомъ случаѣ былъ бы построенъ нами на *пескѣ*, а предложили послать способныхъ людей, изъ различныхъ, болѣе просвѣщенныхъ мѣстностей отечества, за границу, для изученія народнаго училищевѣдѣнія. Эти люди, по возвращеніи своемъ, устроивъ сначала въ тѣхъ краяхъ, откуда были посланы, *народныя училища*, постепенно изъ *самаго дѣла* выработали бы и подробныя правила, и проектъ для устройства учительскихъ семинарій. Вотъ что предлагали мы въ той статьѣ, и теперь повторяемъ то же самое. Мы убѣждены, что е с л и т о л ь к о, в н и м а я г л а с у с о в р е м е н н ы х ъ с о б ы т і й, м ы н а к о н е ц ъ с е р і о з н о п р и м е м с я з а у с т р о й с т в о н а р о д н ы х ъ у ч и л и щ ъ, з а х о т и м ъ п о л о ж и т ь п р о ч н о е, з д р а в о е и ж и з н е н н о е о с н о в а н і е н а ш е м у н а р о д н о м у у ч и л и щ е в ѣ д ѣ ю, т о п р е ж д е в с е г о у в и д и м ъ н е о б х о д и м о с т ь с о е д и н и т ь в с ѣ н а р о д н ы я у ч и л и щ а в ъ о д н о м ъ в ѣ д о м с т в ѣ и п о с л а т ь с п о с о б н ы х ъ л ю д е й з а г р а н и ц у, д л я и з у ч е н і я э т о г о д ѣ л а, и и м ъ ж е п р е д с т а в и м ъ п о т о м ъ н а с а м о м ъ д ѣ л ѣ в ы р а б а т ы в а т ь п р о е к т ы н а р о д н ы х ъ у ч е б н ы х ъ з а в е д е н і й, а с а м и п е р е с т а н е м ъ с т р о и т ь н а п е с к ѣ.

Дѣло другое г. Сигнеусъ: онъ въ продолженіе 10 лѣтъ занимался обученіемъ бѣдныхъ дѣтей въ школѣ при здѣшней финской церкви, потомъ, вызванный въ Финляндію, онъ подробно ознакомился со всею страною, съ состояніемъ народнаго образованія въ ней, и наконецъ, во время педагогическаго путешествія за границею, онъ, какъ читателямъ нашимъ извѣстно, тщательно осмотрѣлъ всѣ замѣчательныя народныя учебныя заведенія, особенно въ Германіи и въ Швейцаріи. Съ такими обширными и основательными педагогическими свѣдѣніями, при своей многолѣтней опытности въ дѣлѣ воспитанія и обученія и при глубокомъ изученіи родной страны, г. Сигнеусъ, конечно, могъ начертать *проектъ учрежденія* народныхъ учебныхъ заведеній въ Финляндіи, соотвѣтствующій современному пониманію народнаго училищевѣдѣнія и удовлетворяющій въ этомъ отношеніи потребностямъ и условіямъ современной жизни финскаго народа. Впрочемъ, и въ его проектѣ, если онъ будетъ утвержденъ правительствомъ, многія подробности требуютъ измѣненія при осуществленіи ихъ на дѣлѣ.

Изложивъ въ началѣ введенія къ своему проекту значеніе настоящихъ народныхъ училищъ для матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія народа и всего государства и почти совершенную безполезность такихъ школъ, въ которыхъ едва научаютъ механическому, вполнѣ безсмысленному чтенію и письму, г. Сигнеусъ переходитъ къ разсмотрѣнію тѣхъ затрудненій, которыя неизбѣжно должны встрѣтиться при устройствѣ настоящихъ народныхъ училищъ въ Финляндіи.

«Обыкновенно, говоритъ онъ, находятъ два главныя препятствія для учрежденія народныхъ училищъ въ нашей странѣ: *разбросанное населеніе ея* и *бѣдность*. Первое изъ этихъ препятствій многіе до сихъ поръ считаютъ непреодолимымъ для заведенія *постоянныхъ школъ*, и потому они предлагаютъ размноженіе существующихъ уже въ Финляндіи *подвижныхъ училищъ*, какъ единственно возможныхъ и удобныхъ. Но на дѣлѣ давно уже оказалось, что странствующій учитель, переходя постоянно съ мѣста на мѣсто, научаетъ дѣтей только одному механическому чтенію, чему собственно обязаны учить *сами родители*. Слѣдовательно, такой учитель не только не оказываетъ благодѣтельнаго вліянія на нравственное улучшеніе возрастающаго поколѣнія, но еще поваживаетъ родителей не исполнять священныхъ обязанностей относи-

тельно первоначальнаго обученія дѣтей своихъ грамотѣ. Кромѣ того, странствующій учитель, въ бѣдной скитальческой жизни своей, нерѣдко предается нетрезвости и, такимъ образомъ, собственнымъ примѣромъ дѣйствуетъ гибельно на нравственность самихъ родителей. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ подвижная школа является не только совершенно безполезнымъ, но и положительно вреднымъ учрежденіемъ.»

«Поэтому необходимы *постоянныя народныя училища*, въ которыхъ не учили бы дѣтей безсмысленно, механически, наизусть читать одну извѣстную книгу, а обучали бы ихъ разумному чтенію, доставляли бы имъ необходимыя основательныя познанія, просвѣтляющія ихъ понятія и освобождающія дѣтей отъ нелѣпыхъ невѣжественныхъ мѣстныхъ повѣрій и предразсудковъ. Вмѣстѣ съ этимъ обученіе и все воспитаніе постоянныхъ народныхъ училищъ должно развивать въ дѣтяхъ способности къ различнымъ рукодѣліямъ и посредствомъ правильныхъ, соединенныхъ умственныхъ и тѣлесныхъ упражненій научать дѣтей цѣнить время, любить честный трудъ и пріучать ихъ къ постоянному занятію, къ усердію, къ разумной дѣятельности. Конечно, нѣтъ возможности открыть въ нашей странѣ во всѣхъ мелкихъ общинахъ такія постоянныя училища, и потому нельзя требовать и ожидать, что всѣ дѣти въ короткое время разомъ пріобрѣтутъ такое отрадное образованіе; хорошо и то, если по прошествіи нѣсколькихъ десятилѣтій можно будетъ видѣть и чувствовать результаты благодатной дѣятельности этихъ училищъ».

«Но благословенные плоды полезныхъ учебныхъ заведеній въ общинахъ созрѣютъ еще скорѣе, если будетъ обращено особенное вниманіе на надлежащее образованіе возрастающаго женскаго пола. Почитая родительскій домъ настоящею колыбелью нравственности въ обществѣ, домашнее христіанское воспитаніе должно быть главною цѣлью въ устройствѣ народнаго образованія въ государствѣ. А такъ какъ все домашнее воспитаніе зависитъ отъ женскаго пола и особливо отъ матерей, то для улучшенія нашего домашняго воспитанія и присмотра за дѣтьми необходимо образовать опытныхъ воспитательницъ и матерей, а этого возможно достигнуть только *учрежденіемъ полезныхъ школъ для дѣвицъ*. Эти школы должны быть такъ устроены, чтобы дѣвицы могли пріобрѣсти не только необходимыя первоначальныя житейскія познанія, но и привыкали бы къ опрятности и рачительности, при воздержной и скромной жизни, умѣли бы цѣнить время и пользу труда и упражнялись во всѣхъ женскихъ рукодѣліяхъ и домашнихъ занятіяхъ, а въ особенности обучались бы разумному воспитанію дѣтей. Для основательнаго усвоенія себѣ такого необходимаго для женщины образованія, сообразнаго съ истиннымъ назначеніемъ ея, какъ воспитательницы и матери, дѣвица должна жить въ школѣ или, по крайней мѣрѣ, находиться въ оной большую часть времени».

«Во время обученія дѣтей въ народномъ училищѣ необходимо обратить особенное вниманіе, чтобы они, пріобрѣтая познанія, тотчасъ могли примѣнять ихъ при собственномъ трудѣ. Для этой цѣли въ народной школѣ должна существовать система постепеннаго перехода отъ одного труда къ другому, безъ чего безполезно было бы утруждать одну только память.»

Мы вполнѣ согласны съ этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ господина Сигнеуса. Дѣти, обучающіяся въ народномъ училищѣ, приготовляются не къ теоретической, а къ разумной практической, трудовой дѣятельности. Все счастіе и благосостояніе ихъ дальнѣйшей жизни будетъ вполнѣ зависѣть отъ постояннаго трудолюбія и отъ умѣнія совершать свою работу. Вотъ почему все обученіе въ народномъ училищѣ должно быть практическое; оно должно по возможности соединять сообщеніе теоретическихъ знаній съ практическими упражненіями; такъ сказать, занимать и умъ, и руки учениковъ и пріучать ихъ такимъ путемъ къ постоянному разумному труду.

Но признавая, по всѣмъ вышеизложеннымъ причинамъ, *постоянныя училища* единственными вѣрными разсадниками истиннаго народнаго образованія, г. Сигнеусъ, принимая въ соображеніе

разбросанность и малонаселенность отдѣльныхъ общинъ въ Финляндіи, находитъ необходимымъ, чтобы особенно назначенные, добросовѣстные и знающіе учители и учительницы посѣщали какъ можно чаще тѣ общины, въ которыхъ невозможно учредить постоянныхъ училищъ. «Но во время своихъ посѣщеній они не должны учить дѣтей читать и писать или спрашивать у нихъ катихизисъ, какъ бывало донынѣ, а дѣйствовать на *самихъ родителей*, убѣждая ихъ въ необходимости правильнаго домашняго присмотра за дѣтьми и сообщая имъ необходимыя для этого указанія и правила.»

«Другое препятствіе при учрежденіи народныхъ училищъ у насъ есть бѣдность нашей страны. Но какъ бы она тягостна ни была, она не только не должна удерживать отъ устройства народныхъ училищъ, а, напротивъ того, она-то именно и должна быть нашимъ главнымъ побудителемъ и постоянно заставлять насъ употреблять всѣ силы для возможно правильнаго и безотлагательнаго осуществленія предпріятія, которое одно только можетъ вывести народъ нашъ и всю страну нашу изъ этого крайне бѣднаго состоянія. Хотя многія причины содѣйствуютъ такой бѣдности нашего края, однако жъ надо сознаться, что главныя изъ нихъ состоятъ въ невѣжествѣ, въ недостаткѣ предпріимчивости, въ совершенной духовной неразвитости нашего народа, въ его непониманіи цѣнности времени, въ неумѣніи совершать работу свою производительно и разумно и, наконецъ, въ его лѣности.»

«Очевидно, что всѣ эти, пока еще неистощимые, источники нашей бѣдности изсякнутъ сами собою, какъ только распространится въ финскомъ народѣ дѣльное образованіе посредствомъ хорошихъ училищъ. Не должно ли каждое государство постоянно стремиться къ этой цѣли всѣми силами? Можно смѣло утверждать, что никакіе расходы не приносятъ такой скорой и вѣрной пользы, какъ тѣ, которые употребляются на учрежденіе дѣльныхъ училищъ. Всѣ прочія мѣры для всеобщаго благосостоянія въ государствѣ суть болѣе или менѣе только облегчительныя, дѣйствующія весьма слабо, покуда не разовьются настоящіе источники народнаго благосостоянія: усердіе и способность къ работѣ, вмѣстѣ съ нравственнымъ и религіознымъ направленіемъ духа. Достигнуть такихъ благодатныхъ результатовъ наши народныя учебныя заведенія, при нынѣшнемъ устройствѣ ихъ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ, хотя бы механическое обученіе чтенію въ нихъ достигло высшей степени совершенства.»

«Всѣ наши спеціальныя учебныя заведенія, учрежденныя въ послѣднее время любящимъ просвѣщеніе правительствомъ, для поощренія земледѣлія и промышленности, тогда только окажутся вполнѣ полезными, когда получатъ здравое устройство обще-образовательныя, начальныя народныя училища, которыя составляютъ ихъ естественное основаніе и изъ которыхъ эти спеціальныя заведенія въ такомъ случаѣ будутъ получать уже хорошо подготовленныхъ учениковъ.»

«Впрочемъ, очевиднымъ доказательствомъ, что бѣдность не составляетъ непреодолимой преграды для учрежденія настоящихъ народныхъ училищъ, служитъ то, что бѣдныя наши общины много разъ охотно принимали участіе въ покрытіи неимовѣрныхъ расходовъ всякаго рода, если только онѣ были убѣждены въ *полезности* этихъ расходовъ. На что же можно производительнѣе употребить расходы, какъ не на устройство народныхъ училищъ?»

«По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ университетъ, гимназіи, элементарныя и реальныя школы и кадетскій корпусъ, посѣщаемыя преимущественно дѣтьми дворянскаго, купеческаго и мѣщанскаго сословій, общее число которыхъ въ 1855 году было 62,394, стоили правительству около 285,000 руб. сер. По этому разсчету на содержаніе народныхъ училищъ нашихъ, назначенныхъ для дѣтей крестьянскаго сословія, коихъ числомъ въ томъ же году было 518,000, потребовалось бы 2.370,000 р. сер. Но полагая на воспитаніе и обученіе крестьянскихъ дѣтей только десятую часть этой суммы, т. е. на каждое дитя высшихъ сословій въ десять разъ больше противъ каждаго дитяти крестьянскаго сословія, вышло бы всего 237,000 руб. сер. На эту сумму, еслибы она была назначена, можно не только учредить

полное учебное заведеніе для наставниковъ и наставницъ и выплачивать положенное жалованье всѣмъ инспекторамъ, поставленнымъ для строгаго присмотра за школами, особенно въ началѣ, покуда народныя училища не будутъ учреждены во всѣхъ мѣстностяхъ, но можно еще назначить прибавочное жалованье и пенсіи для наставниковъ и наставницъ и тѣмъ исполнить самыя необходимыя требованія для успѣха народныхъ школъ. Но чтобы въ каждой общинѣ учредить по двѣ школы для дѣвочекъ и по двѣ для мальчиковъ, что въ большихъ приходахъ еще недостаточно для помѣщенія всѣхъ дѣтей, на это потребуется сумма гораздо большая вышеозначенной. Впрочемъ, для главнѣйшаго предмета въ государствѣ, для просвѣщенія народа, не должно жалѣть никакихъ пожертвованій, лишь бы достигнуть цѣли. Кромѣ прочихъ выгодъ въ нравственномъ и хозяйственномъ отношеніи, можно, пожертвованіемъ большихъ суммъ на образованіе настоящихъ народныхъ училищъ, имѣть въ виду уменьшеніе со временемъ самаго печальнаго бюджета государственныхъ расходовъ, т. е. содержанія тюремъ, на которое у насъ употребляется до 200,000 р. сер.»

«Для процвѣтанія народныхъ школъ потребуется въ особенности, чтобы личный составъ наставниковъ былъ образованъ соотвѣтственно своему важному назначенію. Этого можно достигнуть только учрежденіемъ надлежащаго учебнаго заведенія для будущихъ наставниковъ народа.»

«Что касается устройства семинаріи для образованія народныхъ наставниковъ, то послѣ многихъ испытаній убѣдились во всѣхъ странахъ, что семинарія должна быть постоянною и находиться за городомъ, и что главныя образовательныя средства въ семинаріяхъ составляютъ земледѣліе и техническія занятія. На основаніи сего опыта предложено учредить также и нашу семинарію для народныхъ наставниковъ постоянною, съ помѣщеніями для учителей и учениковъ. Испытана также необходимость, чтобы при семинаріи находились образцовыя училища, дабы ученики могли методически научиться управленію школою. Находя, что нормальныя или образцовыя *непостоянныя* училища неудобны, потому что ученіе въ нихъ часто на время прерывается, предложено учредить также и эти школы постоянными, чтобы доставить будущимъ наставницамъ народныхъ училищъ случай упражняться въ присмотрѣ за дѣтьми различнаго возраста и степени развитія. Для достиженія этой же цѣли въ проектѣ предложено, чтобы *нормальная школа для дѣвочекъ* состояла изъ дѣтскаго пріюта, сада и настоящей школы. Только упражняясь возможно чаще подъ руководствомъ опытныхъ и знающихъ воспитателей и воспитательницъ въ присмотрѣ и уходѣ за дѣтьми различнаго возраста, воспитанница семинаріи можетъ образоваться настоящею наставницею и учительницею для народной школы.»

«Успѣхъ народной школы большею частію зависитъ отъ правильнаго устройства семинаріи для образованія народныхъ учителей, потому и не слѣдуетъ хозяйствовать *слишкомъ скудно* при учрежденіи ея, что могло бы препятствовать достиженію столь важной цѣли. Также не должно сравнивать семинарію съ какимъ-нибудь первоначальнымъ учебнымъ заведеніемъ, гдѣ ученики приготовляются къ другому высшему заведенію. Семинарія для народныхъ учителей, напротивъ того, есть какъ бы *учрежденіе усовершенствованія*, цѣль котораго не только приспособить учениковъ къ дальнѣйшему *самообразованію и самоусовершенствованію*, дабы они могли впредь продолжать свои упражненія безъ помощи учителя и получили бы желаніе пріобрѣтать новыя знанія, но и пріучить ихъ къ ясному пониманію необходимыхъ познаній для простого народа и къ способному передаванію ихъ въ народномъ училищѣ, просто, ясно, общепонятно. Кромѣ того, будущій наставникъ народной школы долженъ пріобрѣсти въ семинаріи твердость характера, знаніе людей, нравственный, христіанскій духъ, понятіе о своемъ важномъ назначеніи, какъ *образователя народа*; иначе дѣйствія его не будутъ благотворны для государства. Народный учитель и, особенно, учительница, какъ ни маловажны кажутся они по своему положенію въ обществѣ, на дѣлѣ всегда будутъ имѣть великое вліяніе на нравственность

и умственное развитіе народа, а слѣдовательно на внутреннюю силу государства, потому что они находятся въ ближайшемъ сношеніи съ народомъ и содѣйствуютъ непосредственно образованію возрастающаго поколѣнія. Такъ какъ дѣйствіе способнаго учителя имѣетъ столь значительное вліяніе, то заведеніе, въ которомъ образуются такіе учителя, не должно быть учреждено подобно тѣмъ училищамъ, гдѣ преподаватели нѣсколько часовъ ежедневно занимаются однимъ прослушиваніемъ уроковъ, выученныхъ учениками дома: оно должно быть *учрежденіемъ настоящаго образованія*, гдѣ ученикъ примѣромъ и упражненіемъ пріобрѣтаетъ разумно-нравственное понятіе о жизни, охоту и усердіе къ дѣятельности, — заведеніемъ, гдѣ будущіе наставники народной школы упражняются во всѣхъ необходимыхъ хозяйственныхъ занятіяхъ, а будущія наставницы, исполненіемъ материнскаго попеченія о дѣтяхъ старшихъ и младшихъ, пріучаются самымъ естественнымъ путемъ правильно воспитывать и руководить малютокъ. Достигнуть всего этого было бы невозможно, еслибы ученики жили разсѣянно, безъ присмотра, часто, можетъ быть, въ самыхъ неопрятныхъ переулкахъ города, гдѣ нерѣдко представляются самые развратные примѣры.»

«Такъ какъ требованіе въ познаніяхъ при пріемѣ въ семинарію воспитанниковъ, курсъ коей продолжается не болѣе 4 лѣтъ, нельзя поставить слишкомъ высоко, то учителя и служащіе при семинаріи должны тѣмъ сильнѣе трудиться и имѣть полное рвеніе къ совершенію своего дѣла и большія педагогическія и, особенно, методическія способности, чтобы въ столь короткое время будущій наставникъ народныхъ училищъ могъ подъ руководствомъ пріобрѣсти необходимое для него образованіе.»

«Безъ намѣренія оскорбить кого бы то ни было можно смѣло сказать, что настоящій способный учитель семинаріи долженъ не только имѣть большія теоретическія и практическія познанія въ педагогикѣ и въ методикѣ, нежели учитель приготовительнаго учебнаго заведенія, но и спеціально изучить тѣ науки, которыя онъ будетъ излагать, — чтобы ученики его могли пріобрѣсти ясное, отчетливое понятіе о современномъ состояніи излагаемой науки и объемѣ ея въ настоящее время и, по возможности, о примѣненіи ея къ жизни.»

«Поэтому для семинаріи потребно не только достаточное число учителей, дабы одинъ и тотъ же учитель не былъ принужденъ заниматься многими предметами, но и жалованье ихъ должно быть достаточное, чтобы они могли, безъ особенныхъ домашнихъ, хозяйственныхъ заботъ, посвятить себя исключительно просвѣщенію и образоваію юношества въ этомъ учебномъ заведеніи.»

«Чтобы пріобрѣсти всѣ необходимыя какъ спеціально научныя, такъ и педагогическія познанія, первые учителя предполагаемой семинаріи, по моему крайнему убѣжденію, должны получить полное образованіе при одной изъ извѣстныхъ педагогическихъ семинарій за границею. Соображая далѣе, что учитель семинаріи будетъ примѣрно въ четыре раза болѣе занятъ, чѣмъ учитель обыкновенной гимназіи [1], и принимая семинарію за высшее учебное заведеніе для образованія народныхъ учителей, не должно считать предположенный штатъ жалованья для наставниковъ и наставницъ семинаріи преувеличеннымъ, въ особенности когда учителя принимаются каждый разъ только на пять лѣтъ. Послѣднею мѣрою семинарія избавится отъ тягостнаго содержанія устарѣлыхъ и усталыхъ учителей» [2]).

«Для того, чтобы народное училищевѣдѣніе не остановилось въ одномъ и томъ

---

[1]) Учитель гимназіи обыкновенно читаетъ 16 часовъ въ недѣлю и 36 недѣль въ годъ, что составляетъ 576 час. въ годъ; учитель же семинаріи обязанъ, по проекту, преподавать 48 час. въ недѣлю и 46 недѣль въ годъ, т. е. 2,208 час. въ годъ. Кромѣ того, онъ долженъ еще присматривать за юношествомъ и участвовать въ правленіи заведенія. *Авт.*

[2]) Мы считаемъ пятилѣтній срокъ слишкомъ ограниченнымъ, и увѣрены, что на дѣлѣ онъ не осуществится. Вообще, мы полагаемъ, что опредѣленіе *служебныхъ сроковъ* можетъ имѣть значеніе только для выслуги пенсіи, *а не для служебной дѣятельности*, въ которой все зависитъ отъ личности служащаго. Намъ кажется *полезнѣе* и *справедливѣе* не назначать для нея *никакихъ сроковъ*, а предоставить педагогическимъ совѣтамъ опрядѣлять, способенъ ли извѣстный учитель продолжать исполненіе своихъ обязанностей или нѣтъ.

же положеніи, а шло постоянно впередъ и усовершенствовалось во всѣхъ частяхъ своихъ, наставники семинаріи должны постоянно слѣдить за ходомъ педагогической науки, какъ у насъ, такъ и заграницей, чего едвали возможно достигнуть съ нашемъ отдаленномъ краѣ безъ личнаго сношенія съ заграницею. Поэтому было бы въ высшей степени полезно, еслибъ ежегодно отправляли на казенный счетъ одного изъ учителей семинаріи за границу, на нѣсколько мѣсяцевъ, для посѣщенія разныхъ педагогическихъ семинарій и народныхъ училищъ. По возвращеніи этотъ учитель долженъ представить подробный отчетъ о развитіи и успѣхахъ педагогической науки въ теченіе того года и такимъ образомъ содержать необходимую для свѣжести и жизненности народнаго училищевѣдѣнія взаимную связь съ государствами, въ которыхъ, вообще, всѣ учебныя заведенія находятся въ гораздо лучшемъ состояніи, чѣмъ у насъ.»

«Еще дѣйствительнѣйшее средство для поддержанія бодрости духа, интереса и жизни въ занятіяхъ народныхъ учителей мы находимъ въ учрежденіи *общихъ учительскихъ собраній.*»

«Безъ таковыхъ общихъ собраній, въ которыхъ учителя народныхъ училищъ сообщаютъ другъ другу свою опытность, свои мнѣнія, и одобряютъ другъ друга совѣтами, не можетъ существовать въ средѣ учителей настоящей дѣятельной жизни, а, напротивъ, возрождается односторонность, самолюбіе, ложная самоувѣренность, педантство и невѣжество, со всѣми ихъ вредными послѣдствіями.»

«Ученики воспитываются и обучаются въ семинаріи *безъ всякой платы.* Противъ этого предложенія могутъ сдѣлать замѣчаніе, что не должно обременять государство столь большими расходами, и что будущія учителя народныхъ училищъ, во время пребыванія своего въ семинаріи, могутъ содержать себя на свой счетъ, какъ и студенты университетовъ. Но въ оправданіе означеннаго предложенія можно привесть слѣдующее существенно важное обстоятельство: при безплатномъ содержаніи всегда явится большее число желающихъ поступить въ учительскую семинарію, и потому правленіе семинаріи можетъ быть гораздо разборчивѣе въ пріемѣ учениковъ. Кромѣ того, воспитанникъ семинаріи, не платя ничего за свое содержаніе и обученіе, не могъ бы имѣть никакихъ претензій, довольствовался бы самою простою, но здоровою пищею и не сталъ бы роптать при выполненіи множества ежедневныхъ занятій, опредѣленныхъ порядкомъ, принятымъ съ семинаріи. Слѣдовательно, обильная нравственная польза отъ этого постановленія очевидна и основана на опытѣ. Увеличеніе же денежныхъ средствъ при взиманіи платы съ учениковъ, такъ какъ ея ни въ какомъ случаѣ нельзя сдѣлать значительною, — было бы, съ одной стороны, весьма ничтожно, а съ другой стороны послужило бы вѣроятно причиною постояннаго недостатка въ желающихъ поступать въ семинарію.»

«Что касается до назначеннаго въ проектѣ числа учениковъ въ семинаріи, то оно вовсе не велико, что доказывается слѣдующимъ вычисленіемъ. Въ Финляндіи болѣе 500 общинъ, и это число, какъ должно надѣяться, будетъ ежегодно увеличиваться раздѣленіемъ большихъ приходовъ. Полагая только по одной школѣ для мальчиковъ и одной для дѣвочекъ въ каждой общинѣ, потребуется 33 года для доставленія этимъ школамъ наставниковъ и наставницъ, потому что изъ семинаріи выпускаются ежегодно только по 15 учителей и учительницъ. По истеченіи 30 лѣтъ, выбываетъ обыкновенно по крайней мѣрѣ, третья часть народныхъ учителей, такъ что народныя училища будутъ постоянно имѣть потребность въ новыхъ преподавателяхъ. Въ проектѣ построенія зданій для семинаріи мною соблюдена возможная экономія. Всѣ зданія должны быть деревянныя съ гонтовою крышею, и помѣщенія на столько ограничены, сколько дозволяютъ правила о здравіи.»

«Для директора предположено шесть комнатъ, со включеніемъ одной комнаты для посѣтителей; для каждаго учителя четыре комнаты; для каждой смотрительницы и учительницы по двѣ комнаты. Квартиры эти, какъ всякій согласится, не слишкомъ обширны въ сравненіи съ помѣщеніями въ другихъ заведеніяхъ. Рабочіе залы, классы и спальни, по обширности своей, также строго согласны съ требованіями науки о здравіи. Обративъ такимъ образомъ все мое вниманіе на удоб-

ство, чистоту и здравіе, я старался повсюду избѣгать малѣйшаго признака излишества и роскоши.»

«Для способствованія опрятности и предупрежденія неудобствъ и опасностей, могущихъ произойти отъ большого числа лампъ или свѣчъ, потребныхъ для освѣщенія лѣстницъ, коридоровъ, рабочихъ залъ и прочихъ покоевъ, необходимо устроить газовое освѣщеніе, которое уже въ теченіе первыхъ десятилѣтій можетъ принести денежную выгоду, кромѣ другихъ удобствъ.»

«Считаю еще нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ учрежденіи, изъ вполнѣ свѣдущихъ и добросовѣстныхъ лицъ, *правильнаго и строгаго контроля* надъ народными училищами, какъ объ одномъ изъ существенныхъ условій ихъ процвѣтанія.»

«Для выполненія такого надзора я предлагаю, кромѣ назначеннаго по Высочайшему манифесту отъ 19 апрѣля 1858 г. центральнаго правленія, 1) опредѣлить одного главнаго инспектора, который и былъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ *распорядительнымъ членомъ* сего правленія; 2) учредить *училищныя дирекціи* въ общинахъ, представляющія мѣстное начальство училищъ, и 3) сверхъ того, по мѣрѣ учрежденія народныхъ училищъ и смотря по надобности, назначать *окружныхъ инспекторовъ*, которые будутъ посредниками между центральнымъ и мѣстными правленіями. Что строгій присмотръ свѣдущихъ и нарочно для надзора надъ училищами назначенныхъ лицъ весьма полезенъ для успѣшной дѣятельности учебныхъ заведеній, — это истина, доказанная опытомъ, особенно въ Швейцаріи и Даніи. Вопервыхъ, такія лица строго слѣдятъ за дѣйствіями учителей и мѣстныхъ дирекцій училищъ, и притомъ могутъ быть сильною опорою для старательнаго учителя; сверхъ того, можно надѣяться, что окружные инспекторы, какъ теоретически и практически образованные люди, будутъ сообщать главному инспектору и центральному правленію полезные совѣты и свои замѣчанія объ улучшеніяхъ въ устройствѣ мѣстныхъ народныхъ учебныхъ заведеній и такимъ образомъ значительно содѣйствовать распространенію истиннаго образованія въ народѣ.»

«Не преувеличивая ожидаемой пользы отъ народныхъ училищъ для отечества, въ нравственномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, можно положительно утверждать, что эпоха образованія народныхъ учебныхъ заведеній, соотвѣтствующихъ времени и цѣли, будетъ разсвѣтомъ счастливѣйшей будущности для финскаго народа.»

Земледѣльческія или народныя училища!?.. Г-нъ П. Ч., въ статьѣ своей «О необходимости учрежденія земледѣльческихъ училищъ и реальныхъ школъ въ Россіи [1]), говоритъ между прочимъ: Лучшимъ выраженіемъ нашего сочувствія общему дѣлу освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и пламеннаго желанія содѣйствовать осуществленію предначертаній нашего Великаго Государя будетъ — если мы, соединивъ всѣ наши стремленія въ одно общее стремленіе, дружно откроемъ подписку по всей Россіи на учрежденіе возможно въ большемъ числѣ новыхъ земледѣльческихъ училищъ и другихъ реальныхъ школъ, въ которыхъ дѣти освобожденныхъ крестьянъ могли бы получать образованіе, соотвѣтствующее ихъ общественному положенію и роду ихъ обычныхъ занятій.»

Правильнѣе и вѣрнѣе этого предложенія, на первый взглядъ, ничего не можетъ быть; дѣло совершенно просто и ясно: въ земледѣльческихъ училищахъ ученики пріобрѣтаютъ именно тѣ свѣдѣнія и занятія, которыя они потомъ могутъ прямо примѣнять къ своему труду, чтобы облегчить его и сдѣлать производительнымъ. Но вотъ что отвѣчаетъ на это г. С. въ № 120 С. Петерб. Вѣдомостей: «Мысль прекрасная, и если бы она могла осуществиться, то лучшаго памятника для ознаменованія великаго событія въ нашемъ отечествѣ нельзя желать; но эту мысль необходимо развить и дополнить въ томъ отношеніи, чтобы опредѣлить: 1) въ какой степени будетъ полезно ея исполненіе въ настоящее время, и 2) какъ ее исполнить. Конечно, каждому образованному человѣку извѣстно, что будущія сила, богатство и внѣшняя торговля Россіи зависятъ отчасти и отъ образованія нашего земледѣльческаго сословія, въ смыслѣ его спеціальнаго назначенія; но нельзя

---

[1]) «Санктпетерб. Биржевыя Вѣдомости», 1861, № 75.

забывать и того, что въ странѣ, гдѣ масса народа долгое время находилась въ крѣпостной зависимости и коснѣла въ невѣжествѣ, крестьяне наши не скоро поймутъ свое общественное положеніе и необходимость науки въ дѣлѣ ихъ обычныхъ занятій. Начиная съ того, что они до сихъ поръ не легко принимали нововведенія и не охотно перемѣняли извѣстные имъ способы обработки земли и различные, привычные имъ роды промышленности, какъ бы грубы и неудобны эти послѣдніе ни были на самомъ дѣлѣ. Время и опытъ доказали, что никакія правительственныя учрежденія (земледѣльческій институтъ, училища, школы, учебныя фермы и проч.) и никакія полезныя нововведенія частныхъ лицъ, помѣщиковъ, ученыхъ агрономовъ не могли до сихъ поръ не только уничтожить, но даже ослабить въ нашемъ простомъ народѣ вліяніе на него старинныхъ преданій, привычекъ и обычаевъ. При такомъ порядкѣ вещей можно ли надѣяться, что полезныя учрежденія, способствующія развитію знаній, необходимыхъ для облегченія труда, т. е. сберегающія физическія силы крестьянъ, сокращая для нихъ время работъ, и доставляющія лучшіе способы добыванія сырaго продукта и его обработки, принесутъ благодѣтельныя послѣдствія?»

Въ статьѣ «Объ устройствѣ народныхъ училищъ» мы привели нѣсколько *дѣйствительныхъ фактовъ*, подтверждающихъ слова г. С., а въ первой статьѣ нашей о народныхъ училищахъ мы подробно изложили *основныя причины*, которыя не позволяютъ простому народу идти впередъ въ своемъ развитіи и усовершенствовать производство своего труда, и показали, что вѣрнѣйшее средство уничтожить эти причины заключается въ учрежденіи *настоящихъ народныхъ училищъ*. Отъ «земледѣльческихъ же училищъ» мы въ настоящіе время положительно никакихъ благъ ожидать не можемъ, и если бы стали учреждать ихъ «въ возможно-большемъ числѣ», то потратили бы только даромъ деньги, потому что въ этихъ училищахъ народъ нашъ еще не чувствуетъ никакой необходимости. Всякое учрежденіе, финансовое, экономическое или спеціально-образовательное только тогда и можетъ приносить дѣйствительною пользу, когда оно *своевременно*, т. е. когда оно вызывается *современными потребностями* и устраивается такъ, что можетъ удовлетворять этимъ потребностямъ.

Въ послѣдніе годы, съ одной стороны, въ народѣ проявилось желаніе *учиться грамотѣ*, да и всѣ современныя народныя событія требуютъ безотлагательно принятія мѣръ для распространенія просвѣщенія въ народѣ. Только одни нравственно-слѣпые и глухіе и тѣ, которые нарочно затыкаютъ себѣ уши и закрываютъ глаза, да не видятъ и не слышатъ новыхъ соблазновъ, могутъ отвергать проявленіе такихъ отрадныхъ, живительныхъ потребностей. Съ другой стороны, благоразумные сельскіе хозяева яснѣе и яснѣе видятъ, что всѣ отрасли сельскаго хозяйства, особенно земледѣліе, идутъ у насъ плохо, и мало по малу убѣждаются, что дѣйствительно существуетъ наука сельскаго хозяйства и что въ настоящее время каждому дѣйствительному сельскому хозяину (конечно не тѣмъ, которые получаютъ только доходы со своихъ земель) необходимо приняться за серіозное изученіе этой науки. Что же намъ философствовать при такихъ явныхъ фактахъ? Надо только дѣлать то, чего требуетъ самое дѣло, стараться удовлетворять современнымъ потребностямъ: для сельскаго народонаселенія учреждать *общеобразовательныя нородныя училища*, а *не спеціальныя земледѣльческія*. Сельскіе же хозяева должны изучать *науку сельскаго хозяйства*.

Было время, когда и въ государствахъ западной Европы полагали возможнымъ завести такія училища, въ которыхъ дѣти пріобрѣтали бы познанія, *прямо примѣнимыя* потомъ къ ихъ *практическимъ занятіямъ*. Такъ, въ Германіи въ тридцатыхъ годахъ городскіе обыватели, купцы и мѣщане (именно *бюргеры*, которыхъ у насъ нѣтъ), недовольные отвлеченнымъ теоретическимъ образованіемъ, получаемымъ мальчиками въ гимназіяхъ, начали учреждать на свой счетъ такъ-называемыя *реальныя училища* (Realschulen), съ практически-полезною (утилитарною) цѣлью, въ которыхъ дѣти ихъ могли бы получать свѣдѣнія, *непосредственно необходимыя* для своихъ практическихъ занятій въ жизни. При этомъ

родители, полагали, что сыновья ихъ, пройдя всѣ классы такого училища, *прямо* могутъ сдѣлаться хорошими, опытными торговцами, ремесленниками, архитекторами, землемѣрами и т. д. Но что же вышло? Конечно, то, что могло выйти: такихъ свѣдѣній дѣти никогда не могли пріобрѣсти, и дѣлались только крайне односторонними, умственно неразвитыми молодыми людьми, по той простой природной причинѣ, что нельзя человѣка заранѣе назначать для какихъ-нибудь опредѣленныхъ занятій; что дѣти не могли понять такихъ спеціальныхъ знаній, а задалбливали ихъ только на память; слѣдовательно, умственныя способности ихъ не только не развивались, а положительно притуплялись; дѣти не могли размышлять о томъ, что имъ сообщалось, — слѣдовательно, не работали умомъ, не разсуждали, а нагружали сообщаемыми свѣдѣніями только свою память и, потомъ, по оставленіи училища, тотчасъ же все забывали. Наконецъ правильное примѣненіе теоретеческихъ свѣдѣній на практикѣ требуетъ навыка, упражненій, даже отъ того, кто съ полнымъ сознаніемъ и пониманіемъ усвоилъ себѣ теоретическія научныя свѣдѣнія. Могли ли, послѣ всего сказаннаго, молодые люди, задалбливавшіе спеціальныя свѣдѣнія въ реальныхъ школахъ, примѣнять ихъ на практикѣ? Конечно, нѣтъ; и, дѣйствительно, такія утилитарныя училища скоро были признаны несостоятельными, никуда не годными, и вмѣсто нихъ возникли другія *реальныя училища* (Reale Bürgershulen), въ которыхъ преобладаютъ естественныя науки и математика, но съ цѣлью развить преимущественно *здравое практическое мышленіе* въ дѣтяхъ, приготовляющихся къ практической дѣятельности. Но и эти новыя реальныя училища въ настоящее время также оказываются несостоятельными, потому что и въ нихъ воспитывались и обучались дѣти для практической дѣятельности, между тѣмъ какъ человѣку нельзя заранѣе самовольно назначать извѣстную дорогу въ жизни; настоящія занятія себѣ можетъ опредѣлить только *самъ человѣкъ*, и тогда, когда онъ понимаетъ свои собственныя способности. Вотъ почему теперь въ германской педагогической литературѣ со всѣмъ тщаніемъ обсуждается вопросъ объ устройствѣ вполнѣ *общеобразовательныхъ*, воспитательно учебныхъ заведеній, въ которыхъ бы правильно развивались всѣ духовныя и тѣлесныя силы человѣка, согласно съ природными законами развитія его тѣла и духа.

Въ сельскія народныя училища также пытались, и нѣкоторые еще до сихъ поръ пытаются, ввести преподаваніе сельскаго хозяйства; но по тѣмъ же причинамъ это оказывается совершенно безполезнымъ.

Въ послѣдніе три — четыре года лучшіе народные учителя и педагоги (особенно Георгенсъ) стараются сдѣлать обученіе въ народныхъ училищахъ *какъ можно болѣе практичнымъ*, потому что почти всѣ ученики и ученицы, посѣщающіе эти училища, только ими и ограничиваютъ свое образованіе, и потомъ прямо принимаются за практическія сельскія и домашнія семейныя занятія. Для достиженія такой цѣли теоретическое обученіе въ народныхъ училищахъ соединяютъ съ постоянными практическими упражненіями, и такимъ образомъ развиваютъ, расширяютъ духовную дѣятельность дѣтей и пріучаютъ ихъ къ постоянному осмысленному, разумному труду, который имъ придется совершать въ продолженіе всей послѣдующей жизни.

Ни въ Англіи, ни въ Бельгіи, ни въ Германіи крестьянскіе мальчики, вообще говоря, не посѣщаютъ земледѣльческихъ училищъ, не изучаютъ теоретически земледѣлія, а чрезъ развитіе своихъ умственныхъ способностей и постоянныя разумныя занятія въ простыхъ народныхъ училищахъ пріучаются къ разумному труду и получаютъ внутреннюю, нравственную потребность идти впередъ и усовершенствовать производство своего тяжелаго труда. Поэтому то въ нихъ нѣтъ предубѣжденія; они не отвращаются съ закоснѣлымъ упрямствомъ отъ новыхъ способовъ обработки земли и, вообще, совершенія всѣхъ сельско-хозяйственныхъ занятій, а, напротивъ того, руководимые примѣромъ ученыхъ сельскихъ хозяевъ, стараются усвоить себѣ всѣ усовершенствованія и улучшенія въ земледѣльческихъ занятіяхъ.

Только этого и надобно достигнуть для постояннаго преуспѣванія сельско-хозяй-

ственной промышленности, и только одни народныя училища могли произвести такое отрадное явленіе въ жизни народа.

Конечно, мы еще не скоро дойдемъ до подобныхъ результатовъ; но надо же хоть разъ повѣрить тому, что совершается предъ нами, дружно приступить къ дѣлу народнаго образованія, — и теперь настало самое горячее время! Законоположенія 19 февраля побуждаютъ землевладѣльцевъ разумно приняться за сельское хозяйство и вмѣстѣ съ тѣмъ вызываютъ разумную, самостоятельную дѣятельность въ народѣ. Всѣ наши помѣщики увидятъ необходимость ограничиться меньшимъ числомъ рабочихъ и потому, ради собственной своей выгоды, будутъ стараться сдѣлать трудъ ихъ какъ можно производительнѣе. Для достиженія этого они сами непремѣнно должны будутъ приняться за серьёзное изученіе сельско-хозяйственнаго дѣла, потому что одно выписываніе земледѣльческихъ машинъ, не приспособленныхъ къ нашимъ мѣстностямъ, не принесетъ пользы. Но этого еще мало: для успѣшнаго и производительнаго примѣненія въ нашемъ сельскомъ быту различныхъ усовершенствованій въ сельскомъ хозяйствѣ, выработанныхъ на западѣ наукою и оправданныхъ на опытѣ, необходимо прежде всего уничтожить въ крестьянахъ отвращеніе ко всѣмъ нововведеніямъ и пробудить въ нихъ потребность идти впередъ и улучшать производство своего труда. А такъ какъ послѣдняго можно вѣрнѣе и скорѣе всего достигнуть посредствомъ распространенія истиннаго образованія въ народѣ, то мы и считаемъ священнымъ долгомъ нашимъ обратить особенное вниманіе губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и, вообще, всѣхъ нашихъ землевладѣльцевъ на обстоятельное обсужденіе вопроса объ устройствѣ сельскихъ народныхъ училищъ. Теперь на первый случай надо было бы губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ только опредѣлить *средства*, которыя извѣстныя губерніи могутъ назначить для учрежденія и содержанія народныхъ училищъ, и потомъ, съ разрѣшенія правительства, отправить хоть только двухъ дѣльныхъ и добросовѣстныхъ человѣкъ изъ каждой губерніи за границу, для изученія народнаго училищевѣдѣнія. Эти люди, по возвращеніи, положатъ здравое, прочное начало настоящимъ народнымъ училищамъ. Благодатный примѣръ подаетъ намъ въ этомъ случаѣ Сердобольскій бургомистръ, г. Голлонбладъ; послѣдуемъ ему!...

Итакъ, специальныя земледѣльческія училища для крестьянскихъ дѣтей у насъ *преждевременны*. Нужно ли будетъ учреждать ихъ въ возможно большемъ числѣ, окажется впослѣдствіи; теперь же, стремясь удовлетворить явно обнаружившимся потребностямъ нашего сельскаго народонаселенія, примемся дружно за учрежденіе *общеобразовательныхъ народныхъ училищъ*.

Во всѣхъ нашихъ статьяхъ объ этихъ училищахъ, какъ видятъ читатели, мы старались и постоянно стараемся все явственнѣе и всестороннѣе показать великое значеніе ихъ въ настоящее время для нашего отечества. Проектъ г. Сигнеуса, къ которому мы теперь переходимъ, доставитъ, безъ сомнѣнія, здравый матеріалъ для плодотворнаго размышленія объ устройствѣ у насъ народнаго училищевѣдѣнія.

Послѣ введенія, сообщеннаго нами выше, слѣдуетъ подробное изложеніе «*Проекта учрежденія семинаріи для образованія наставниковъ и наставницъ въ народныя училища въ Финляндіи*». Въ первой главѣ этого проекта изложены цѣль семинаріи и нѣкоторыя *общія правила* для обученія и воспитанія будущихъ народныхъ наставниковъ и наставницъ. Такъ какъ эти правила достаточно извѣстны нашимъ читателямъ изъ упомянутаго введенія почтеннаго автора, то мы, для избѣжанія излишнихъ повтореній, прямо приступаемъ ко 2-й главѣ.

Устройство семинаріи и, при ней, образцовыхъ училищъ.

§ 1.

Семинарія учреждается близъ города Ювескюле, на красивомъ мѣстѣ, въ деревнѣ, находящейся при водѣ; это мѣсто пріобрѣтается для семинаріи правительствомъ и должно имѣть лѣсъ и луга, гдѣ можно бы было производить садоводство и земледѣліе.

§ 2.

Семинарія состоитъ изъ двухъ совершенно различныхъ отдѣленій: одного —

для образованія наставниковъ, и другаго — для образованія наставницъ.

§ 3.

Каждое отдѣленіе имѣетъ помѣщеніе на 45 учениковъ и составляетъ полный пансіонъ, т. е. ученики живутъ въ заведеніи, имѣютъ покой и постель и получаютъ пищу, воспитаніе и обученіе безплатно, но обязаны имѣть свое бѣлье и одежду. Послѣдняя должна быть сдѣлана по образцу, предписываемому правленіемъ семинаріи: просто, опрятно и согласно съ требованіемъ науки о здравіи.

§ 4.

Для практическаго руководствованія будущихъ народныхъ наставницъ и для доставленія имъ возможности упражняться въ присмотрѣ за дѣтьми, согласномъ съ требованіями природы, учреждается при женской семинаріи нормальное училище, состоящее изъ трехъ отдѣленій: 1) дѣтскаго пріюта съ четырьмя или пятью колыбелями, для дѣтей моложе четырехъ лѣтъ; 2) дѣтскаго сада съ пятнадцатью мѣстами, для дѣтей отъ четырехъ до девяти лѣтъ, и 3) народнаго училища съ пятнадцатью мѣстами для дѣвочекъ отъ девяти до пятнадцати лѣтъ.

§ 5.

При мужской семинаріи находится нормальное народное училище для пятнадцати мальчиковъ отъ девяти до пятнадцати лѣтъ.

§ 6.

Кромѣ означеннаго въ предъидущихъ §§ числа учениковъ, живущихъ въ заведеніи, можно принимать и приходящихъ обоего пола, живущихъ по близости и могущихъ посѣщать заведеніе ежедневно, въ такомъ числѣ, которое совѣтъ наставниковъ найдетъ удобнымъ для упражненія учениковъ семинаріи въ управленіи училищемъ.

§ 7.

Ученицы женской семинаріи называются *сестрами*, живутъ обществами, отъ 6 до 8 въ одной комнатѣ, и выбираютъ изъ среды своей одну, которая слѣдитъ за чистотою, благопристойностью и порядкомъ общества. Ученицы женскаго нормальнаго училища живутъ частію вмѣстѣ съ сестрами, частію въ особыхъ ближнихъ комнатахъ и состоятъ подъ спеціальнымъ присмотромъ сестеръ.

Ученики мужской семинаріи называются *братьями*, живутъ также обществами, отъ 6 до 8 въ одной комнатѣ, и выбираютъ изъ среды своей одного, который наблюдаетъ за порядкомъ, опрятностью и пристойностью въ обществѣ.

Мальчики нормальнаго училища живутъ въ комнатахъ возлѣ общества братьевъ и состоятъ подъ ихъ надзоромъ.

Замѣчаніе. Члены каждаго общества, какъ женской, такъ и мужской семинаріи, взаимно обязаны отвѣтствовать за порядокъ и благопристойность въ обществѣ и въ принадлежащемъ къ оному дѣтскомъ отдѣленіи.

§ 8.

Для дѣтей нормальныхъ училищъ, а равно и для учениковъ, ученицъ, учителей, учительницъ и директора семинаріи, должны быть построены просторные, свѣтлые покои, столовые, рабочіе и комнаты для гимнастическихъ упражненій, для классовъ и для помѣщенія различныхъ собраній, т. е. библіотеки, кабинета по естествознанію и пр.

§ 9.

Каждое отдѣленіе въ семинаріи, какъ женское, такъ и мужское, имѣетъ свой отдѣльный садъ съ хмѣльникомъ и полемъ для посѣва льна; а мужское имѣетъ, кромѣ того, небольшую пашню, лугъ и лѣсъ.

§ 10.

Возлѣ женской семинаріи находятся: главная кухня, пекарня и пивоварня, прачечная, также и хлѣвъ съ необходимымъ числомъ коровъ, овецъ и домашней птицы, въ присмотрѣ за которыми нужно руководить ученицъ.

§ 11.

Возлѣ мужской семинаріи находится конюшня съ нѣсколькими лошадьми и быками, присмотръ за которыми имѣютъ семинаристы и ученики нормальнаго училища, обучающіеся притомъ практически скотоврачебному искусству.

Распредѣленіе занятій въ семинаріи и въ образцовыхъ училищахъ. Наставники и наставницы при семинаріи.

§ 12.

Распредѣленіе занятій въ семинаріи и въ нормальныхъ училищахъ должно быть составлено такимъ образомъ, чтобы ученики привыкали, какъ слѣдуетъ, цѣнить время и достоинство труда и потому находились бы въ постоянной дѣятельности. При этомъ надлежитъ наблюдать, чтобы одна работа служила отдохновеніемъ послѣ другой.

§ 13.

Въ семинаріи долженъ существовать слѣдующій порядокъ въ жизни и занятіяхъ:

Отъ 5 — 6½ час.	Вставаніе, холодное купанье (½ мин. 20 град. Целс.) умываніе, одѣваніе, гимнастика, стланіе постелей, убираніе комнатъ учениками нормальнаго училища; закуска.
« 6½ — 7	Общая молитва, пѣніе, чтеніе библіи.
« 7 — 9	Уроки.
« 9 — 9½	Завтракъ.
« 9½ — 12½	Уроки.
« 12½—1	Лѣтомъ купанье, зимою катаніе на конькахъ, лыжахъ или другія упражненія на воздухѣ, смотря по времени года.
« 1 — 2	Обѣдъ.
« 2 — 4	Техническія рукодѣлія или земледѣльческія работы.
« 4 — 7	Уроки.
« 7— 7½	Ужинъ.
отъ 7½ — 9½ час.	Техническія или земледѣльческія и домашнія занятія.
« 9½ — 10	Вечерняя молитва въ обществахъ, стланіе постелей.

Въ образцовыхъ при симинаріи училищахъ слѣдуютъ этому же порядку, съ необходимыми, впрочемъ, измѣненіями. Собственно уроки въ высшемъ отдѣленіи образцовыхъ училищъ не должны занимать болѣе тридцати шести часовъ въ недѣлю, а въ низшемъ еще менѣе.

Занятія и ученіе въ дѣтскомъ саду и пріютѣ должны производиться въ видѣ правильно-устроенной игры и не продолжаться долѣе получаса каждый разъ.

§ 14.

Въ семинаріи преподаются слѣдующіе предметы по прилагаемому учебному плану:

Законъ Божій. — Опытная психологія и, особенно, законы духовнаго развитія дѣтей.

Финскій и шведскій языки.

Ариѳметика и бухгалтерія.

Геометрія и землемѣріе.

(Послѣднее собственно для мужской семинаріи.)

Рисованіе и дѣланіе моделей.

Пѣніе, игра на скрипкѣ и органѣ.

Естественныя науки.

Общенародная антропологія, гимнастика; діететика и физическое воспитаніе дѣтей (послѣднее собственно въ женской семинаріи).

Географія, черченіе картъ.

История, административное устройство Финляндіи.

Педагогика и особенно катихетика.

Техническія рукодѣлія.

Земледѣльческія работы и садоводство.

Практическое скотоврачебное искусство.

§ 15.

Въ нормальныхъ училищахъ преподаются слѣдующіе предметы:

Законъ Божій, родной языкъ и счисленіе, исторія и географія, рисованіе, чистописаніе, естественныя науки, пѣніе, гимнастика, рукодѣлія и первыя начала раціональнаго земледѣлія, лѣсоводства, садоводства и скотоводства.

§ 16.

Преподаваніемъ вышеозначенныхъ предметовъ завѣдуютъ слѣдующіе наставники и наставницы:

Въ семинаріи:

Законоучитель, совершающій также богослуженіе въ воскресные и праздничные дни.

Одинъ учитель педагогики и исторіи.

Одинъ учитель языка.

Одинъ учитель математическихъ наукъ.

Одинъ учитель естественныхъ наукъ.

Одинъ учитель гимнастики и физическаго воспитанія дѣтей.

Одинъ учитель рисованія, дѣланія моделей и техническихъ рукодѣлій.

Одинъ учитель пѣнія и музыки.

Три наставницы.

Въ нормальномъ училищѣ для дѣвочекъ:

Одна наставница.

Техническія, земледѣльческія занятія и садоводство производятся подъ руководствомъ одного смотрителя за работами или техника, одного старосты и одного садовника.

§ 17.

Преподаваніе въ образцовомъ (нормальномъ) училищѣ для мальчиковъ совершается вышеозначенными наставниками, изъ которыхъ каждый преподаетъ по нѣскольку часовъ; учитель педагогики считается главнымъ. Кромѣ того, преподаютъ ученики третьяго класса семинаріи и учительскіе кандидаты (см. § 54).

Въ нормальномъ училищѣ для дѣвочекъ ученіе производится наставницею, при содѣйствіи ученицъ третьяго класса семинаріи и наставницъ кандидатокъ (см. § 54).

§ 18

Преподаваніе учебныхъ предметовъ распредѣляется согласно означенному штату учителей, въ мужской семинаріи по таблицѣ А, въ женской по таблицѣ В, въ нормальномъ училищѣ для мальчиковъ по таблицѣ С, а въ нормальномъ училищѣ для дѣвочекъ по таблицѣ D. Распредѣленіе уроковъ, по этому штату, въ теченіе недѣли показываетъ таблица Е.

Учебное время и каникулы.

§ 19.

Учебный годъ начинается въ семинаріи и нормальныхъ училищахъ съ 1-го августа и продолжается безпрерывно до конца іюня, исключая одной недѣли Рождества Христова, одной недѣли Пасхи и обыкновенныхъ праздниковъ, такъ что все время ученія составляетъ около сорока пяти недѣль, а каникулы около семи недѣль.

Болѣе подробное распредѣленіе каникулъ зависитъ отъ усмотрѣнія директора и совѣта учителей семинаріи.

§ 20.

Въ случаѣ необходимости имѣть особенный отпускъ въ учебное время, ученикъ долженъ объявить о томъ директору семинаріи, который можетъ дать желаемое увольненіе.

§ 21.

Въ теченіе учебнаго года занятія въ семинаріи производятся, по уставленному плану, такимъ образомъ: собственно на уроки употребляется 8 часовъ ежедневно, на техническія и земледѣльческія занятія 4, а на гимнастическія и другія упражненія 5 часовъ, или вмѣстѣ 17 часовъ въ сутки, что составитъ въ недѣлю 48 часовъ на уроки, 24 на работы, 30 на физическія упражненія, или всего 102 часа.

Въ нормальныхъ училищахъ собственно уроки занимаютъ 6 часовъ въ день, рукодѣлія 4, а физическія упражненія 6 часовъ, всего 16 часовъ, что составитъ въ недѣлю 36 часовъ на уроки, 24 на рукодѣлія и 36 на физическія упражненія и отдохновеніе, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Въ дѣтскомъ пріютѣ и саду занятія распредѣляются совѣтомъ учителей и учительницъ подъ предсѣдательствомъ директора, сообразно съ возрастомъ дѣтей по разнымъ отдѣленіямъ.

Въ случаѣ спѣшной работы можно прекратить уроки и занятія техническими рукодѣліями на нѣсколько дней и занять всѣхъ учениковъ земледѣліемъ.

§ 22.

Въ продолженіе каникулъ классное ученіе прекращается, но упражненія въ техническихъ занятіяхъ, въ гимнастикѣ, въ практическихъ хозяйственныхъ занятіяхъ и земледѣліи продолжаются безпрерывно, учениками, остающимися въ заведеніи.

Въ теченіе лѣтнихъ каникулъ третья часть учениковъ увольняется къ родственникамъ; при возвращеніи же въ заведеніе каждый ученикъ обязанъ представить свидѣтельство, за подписью мѣстнаго пастора или другаго извѣстнаго съ

хорошей стороны лица, въ благопристойномъ поведеніи во время отсутствія своего изъ заведенія.

Такимъ образомъ каждый изъ братьевъ, во время пребыванія своего въ заведеніи, будетъ находиться одно лѣто въ отсутствіи. Сестры, напротивъ того, постоянно находятся въ заведеніи и могутъ быть увольняемы только по особымъ обстоятельствамъ на долгій или короткій срокъ.

Кандидаты наставники и кандидатки-наставницы въ теченіе своего годичнаго испытанія пользуются всѣми каникулами и праздничными днями по своему усмотрѣнію.

Завѣдывачіе семинаріею и нормальными училищами.

§ 23.

Ближайшее завѣдываніе семинаріею и нормальными училищами принадлежитъ директору, а главный надзоръ надъ ними центральному правленію всѣхъ народныхъ учебныхъ заведеній, которое обязано чрезъ оберъ-инспектора строго наблюдать за порядкомъ какъ въ административномъ, такъ и нравственномъ отношеніи и для этой цѣли побуждать оберъ-инспектора или другое способное къ тому лицо часто ревизовать заведеніе.

Центральное же правленіе выбираетъ директора семинаріи и представляетъ его на утвержденіе правительству, также смотрительницу женскаго отдѣленія и всѣхъ наставниковъ и наставницъ семинаріи, соображаясь при этомъ съ рекомендаціею директора. Кромѣ того, центральное правленіе вѣдаетъ и рѣшаетъ всѣ дѣла, касающіяся служебныхъ отношеній лицъ, опредѣленныхъ для преподаванія въ семинаріи, и ихъ житья вообще; чрезъ каждые пять лѣтъ оно аттестуетъ и представляетъ правительству, къ прибавочному жалованью, тѣхъ наставниковъ и наставницъ которые, по засвидѣтельствованію директора семинаріи и оберъ-инспектора всѣхъ народныхъ училищъ, добросовѣстно исполняли свои обязанности, или исключаетъ изъ службы оказавшихся нерадивыми или неспособными.

§ 24.

Директоръ, всѣ наставники, смотрительница и наставницы составляютъ правленіе семинаріи, которое собирается, по приглашенію директора, обыкновенно одинъ разъ въ недѣлю. Чрезвычайныя собранія правленія назначаются, смотря по необходимости.

§ 25.

Директору надлежитъ не только слѣдить за тѣмъ, чтобы всѣ наставники, наставницы и прочіе служащіе при заведеніи исполняли свои обязанности, но и наблюдать за порядкомъ, дисциплиною и нравственностью учениковъ.

Замѣчанія, какія директоръ найдетъ нужнымъ сдѣлать кому-либо изъ подчиненныхъ, онъ долженъ сообщать особо тому или тѣмъ, до коихъ они касаются; а подчиненнымъ надлежитъ повиноваться предписанному по законамъ въ этомъ отношеніи. Если кто-либо будетъ имѣть поводъ къ жалобѣ, то можетъ обратиться въ центральное правленіе.

§ 26.

Для присмотра за порядкомъ директоръ имѣетъ помощникомъ въ мужской семинаріи одного инспектора изъ числа наставниковъ, которые понедѣльно чередуются, а въ женской семинаріи одну особо для этого опредѣленную смотрительницу. Оба эти лица представляютъ ежедневно директору рапортъ о состояніи каждаго отдѣленія.

§ 27.

Въ случаѣ отсутствія директора, или если онъ, по болѣзни или другимъ препятствіямъ, не можетъ исполнять своихъ обязанностей, старшій наставникъ семинаріи тотчасъ же и безъ особаго предписанія замѣняетъ его, немедленно донося о томъ центральному правленію.

§ 28.

Если найдутъ кого-либо изъ наставниковъ неисправнымъ по службѣ или дающимъ поводъ къ замѣчаніямъ касательно своего поведенія или отношенія къ ученикамъ, то директоръ долженъ тотчасъ же объявить о такомъ лицѣ центральному правленію, которое предписываетъ оберъ-инспектору изслѣдовать дѣло. Въ случаѣ проступковъ такого рода, которые могутъ произвесть вредныя послѣдствія для учениковъ, центральное пра-

вленіе имѣетъ право немедленно удалить виноватаго отъ занимаемой имъ должности.

§ 29.

Для пріобрѣтенія непосредственныхъ свѣдѣній о состояніи семинаріи и о томъ, какъ преподаютъ наставники, оберъ-инспектору слѣдуетъ часто посѣщать семинарію и объ усмотрѣнномъ доносить центральному правленію.

§ 30.

Инспекторъ или другое лицо, назначенное центральнымъ правленіемъ для осматриванія учебныхъ заведеній, пользуется во время своихъ разъѣздовъ прогонами и порціонными деньгами, положенными по уставу.

§ 31.

При ревизіяхъ, которыя должны продолжаться каждый разъ, по крайней мѣрѣ, одну недѣлю, визитаторъ обязанъ слушать лекціи всѣхъ наставниковъ и наставницъ и осматривать тетради, содержащія письменныя упражненія учениковъ и ученицъ.

Онъ долженъ, кромѣ того, обращать главное вниманіе на преподаваніе учениками семинаріи въ нормальныхъ училищахъ, и при этомъ считать особенно-важнымъ простое, ясное, легкое и живое преподаваніе и строгое, но притомъ ласковое обхожденіе съ дѣтьми, — словомъ, характеръ, обнаруживающій глубокое, строгое и истинное понятіе о важности наставническаго званія.

По окончаніи осмотра, визитаторъ собираетъ директора и всѣхъ наставниковъ и наставницъ, сообщаетъ имъ свои замѣчанія и выслушиваетъ ихъ мнѣнія о принятіи мѣръ для споспѣшествованія заведенію.

§ 32.

Въ исходѣ каждаго учебнаго года назначается окончательный актъ, который устраивается такъ, чтобы выпускаемые изъ семинаріи ученики и ученицы могли доказать теоритическія и практическія способности свои въ дѣлѣ народнаго обученія и воспитанія. Поэтому, актъ долженъ состоять изъ теоретическаго испытанія, произведеннаго такимъ образомъ, чтобы ученики и ученицы словесно и письменно рѣшали нѣкоторые вопросы, сдѣланные имъ въ тѣхъ предметахъ, которые относятся къ курсу семинаріи; практическое же испытаніе заключается въ томъ, что выпускаемые изъ семинаріи ученики экзаменуютъ учениковъ нормальнаго училища, причемъ считается достоинствомъ семинариста, если онъ меньше говоритъ, а дѣти, напротивъ того, отвѣчаютъ ясно и полно.

О времени акта, на которомъ должны присутствовать и предсѣдатель центральнаго правленія, и оберъ-инспекторъ, директоръ семинаріи спрашиваетъ у центральнаго правленія и объявляетъ заблаговременно въ шведскихъ и финскихъ газетахъ великаго княжества.

§ 33.

Учебныя книги, употребляемыя въ семинаріи, должны быть просмотрѣны директоромъ и представлены въ центральное правленіе, для утвержденія. Кромѣ того, надлежитъ директору и оберъ-инспектору слѣдить за тѣмъ, чтобы не употребляли при преподаваніи другихъ учебныхъ книгъ, кромѣ утвержденныхъ центральнымъ правленіемъ, и наблюдать, чтобы ученики, при преподаваніи имъ наукъ, не усваивали ложныхъ понятій о религіи, общественномъ благоустройствѣ и нравственности.

Опредѣленіе въ должность наставниковъ, наставницъ и прочихъ лицъ служащихъ при семинаріи.

§ 34.

Директоръ семинаріи назначается и увольняется его величествомъ, государемъ императоромъ, по представленію центральнаго правленія, и долженъ быть теоретически и практически образованный педагогъ.

§ 35.

Смотрительница, наставники и наставницы семинаріи опредѣляются, по представленію директора, центральнымъ правленіемъ. Въ смотрительницы женскаго отдѣленія семинаріи и нормальнаго училища для дѣвочекъ опредѣляется женщина, отличающаяся твердостью и кро-

тостью характера, любовью къ дѣтямъ и умѣньемъ обращаться съ ними. Кромѣ того, требуется, чтобы она значительное время находилась за границею въ какомъ-либо заведеніи для теоретическаго и практическаго образованія себя къ званію воспитательницы.

Желающій занять мѣсто наставника семинаріи долженъ быть извѣстенъ какъ человѣкъ нравственно-религіозный, имѣющій здравыя, честныя убѣжденія и обладающій способностью руководить дѣтьми.

Относительно своихъ познаній въ тѣхъ предметахъ, которые онъ желаетъ преподавать, онъ обязанъ представить свидѣтельство объ успѣшномъ окончаніи университетскаго курса въ соотвѣтствующемъ факультетѣ.

Кромѣ того, необходимо, чтобы онъ предварительно упражнялся, по крайней мѣрѣ одинъ годъ, въ преподаваніи, въ одной изъ извѣстнѣйшихъ учительскихъ семинарій за границею, и представилъ объ этомъ удовлетворительное свидѣтельство.

Отъ желающихъ занять мѣсто наставницъ семинаріи требуется, чтобы онѣ окончили учебный курсъ въ одномъ изъ высшихъ женскихъ училищъ или могли выдержать опредѣленное испытаніе при учительской коллегіи семинаріи. Онѣ обязаны, кромѣ того, представить свидѣтельства о своихъ успѣшныхъ занятіяхъ въ одной изъ заграничныхъ семинарій.

§ 36.

Объ открывшейся вакансіи на должность наставника или наставницы семинаріи директоръ объявляетъ въ вѣдомостяхъ, и желающіе могутъ до истеченія пятидесяти шести (56) дней, не считая дня открытія вакансіи, подавать прошеніе въ правленіе семинаріи, съ приложеніемъ аттестатовъ о своихъ способностяхъ къ исполненію этой должности и метрическаго и медицинскаго свидѣтельствъ.

По истеченіи срока для подачи прошеній, вызываются всѣ желающіе, которые найдены способными, явиться къ выдержанію теоретическаго испытанія при учительской коллегіи, въ назначенный оною для того день, послѣ чего директоръ семинаріи представляетъ способнѣйшихъ изъ нихъ центральному правленію на утвержденіе.

Въ случаѣ, если соискатель пожелаетъ отсрочки для выдержанія теоретическаго и практическаго испытанія, онъ можетъ просить о томъ центральное правленіе, которое имѣетъ право, если находитъ достаточныя къ тому причины, согласиться на оную.

§ 37.

Кромѣ упомянутыхъ въ § 16 наставниковъ и наставницъ, въ семинаріи и нормальныхъ училищахъ долженъ находиться слѣдующій штатъ служащихъ и прислуги, которые опредѣляются учительскимъ совѣтомъ и правленіемъ семинаріи; именно: одинъ староста, садовникъ, техникъ, наставница для нормальнаго училища, ключница, двѣ кухарки, прачка и одна женщина для глаженія бѣлья, прядильщица, ткачиха, скотница, конюхъ и сторожъ.

§ 38.

Въ случаѣ, если кто-либо изъ наставниковъ или наставницъ заболѣетъ или по другимъ законнымъ причинамъ не въ состояніи исправлять своей должности, то обязанности его распредѣляются между прочими наставниками и наставницами. Если окажется, что отпускъ будетъ продолжительнымъ, или открывшаяся вакансія долгое время не замѣщается, то назначается исправляющимъ должность лицо, которое окажется способнымъ къ тому по выдержаніи теоретическаго и практическаго испытанія въ учительской коллегіи.

§ 39.

Наставникъ и наставница не должны полагать, что обязанность ихъ состоитъ только въ преподаваніи нѣсколькихъ уроковъ; напротивъ, она заключается преимущественно въ настоящемъ образованіи воспитанниковъ и воспитанницъ въ полномъ смыслѣ. Каждый служащій при семинаріи долженъ посвящать все время и всѣ силы свои на физическое и душевное попеченіе о юношествѣ, воспитывающемся въ заведеніи, и всѣми средствами стараться споспѣшествовать развитію религіознаго, нравственнаго и умственнаго образованія всѣхъ учениковъ, безъ различія лицъ.

Правила наставникамъ и наставницамъ.

§ 40.

Наставники, имѣющіе званіе пасторовъ, сохраняютъ старшинство свое въ духовномъ званіи и пользуются правами и привилегіями, дарованными этому званію въ Финляндіи.

Директоръ и штатные наставники семинаріи состоятъ въ государственной службѣ. Должность директора считается въ седьмомъ классѣ, а наставниковъ—въ восьмомъ. Какъ директоръ, такъ и наставники имѣютъ право участвовать во вдовьей и сиротской кассѣ гражданскаго штата.

§ 41.

Директоръ и прочіе служащіе при семинаріи получаютъ жалованье по прилагаемому штату.

Наставниковъ и наставницъ опредѣляютъ каждый разъ только на пять лѣтъ.

По истеченіи каждыхъ пяти лѣтъ, они могутъ быть опять избраны, если ихъ находятъ способными къ продолженію своихъ обязанностей. Наставники и наставницы, избранные на 2-ое пятилѣтіе, по засвидѣтельствованію директора семинаріи, представляются центральнымъ правленіемъ императорскому сенату къ полученію прибавки десяти процентовъ къ первоначальному жалованью, которое такимъ же порядкомъ и такою же суммою можетъ увеличиваться до сорока процентовъ. Такая же прибавка слѣдуетъ и директору, по представленію центральнаго правленія. Послѣ тридцати лѣтъ службы какъ директоръ, такъ и наставики и наставницы получаютъ первоначальное жалованье въ пожизненную пенсію, причемъ считается и прежняя ихъ служба въ учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ семинаріи.

§ 42.

Если директоръ, наставникъ или наставница пожелаютъ раньше выйти въ отставку, за болѣзнію или по другой причинѣ, то получаютъ послѣ пятнадцати лѣтъ службы третью часть, послѣ двадцати лѣтъ половину, послѣ двадцати пяти лѣтъ двѣ трети первоначальнаго жалованья въ пожизненную пенсію.

§ 43.

Семинарія ежегодно отправляетъ одного изъ наставниковъ или наставницъ, по очереди, въ педагогическое путешествіе за границу, на нѣсколько мѣсяцевъ. Путешествующій долженъ посѣтить извѣстныя учительскія семинаріи и, по возвращеніи, представить подробное описаніе новѣйшихъ учебныхъ книгъ, методъ и т. д., — словомъ, дать добросовѣстный отчетъ въ педагогическихъ успѣхахъ въ теченіе года. Только одною этою мѣрою можно поддержать постоянное живое сообщеніе съ заграницею и доставить наставникамъ семинаріи случай слѣдить за развитіемъ педагогической науки.

§ 44.

Директоръ, наставники, наставницы и прислуга при семинаріи имѣютъ безплатную квартиру съ отопленіемъ въ зданіяхъ семинаріи.

О пріемѣ учениковъ въ семинарію и нормальныя училища и объ увольненіи ихъ.

§ 45.

Всѣ, желающіе поступить въ семинарію, какъ ученики, такъ и ученицы, должны имѣть не менѣе 18 и не болѣе 25 лѣтъ отъ роду. Исключенія изъ сего правила допускаются только съ разрѣшенія центральнаго правленія, по представленію директора семинаріи.

§ 46.

Для принятія ученика въ семинарію требуется, чтобы онъ не былъ одержимъ никакою хроническою болѣзнію и не имѣлъ никакого физическаго недостатка, дѣлающаго его неспособнымъ къ учительскому званію.

§ 47.

Желающій поступить въ семинарію долженъ, при подачѣ прошенія на финскомъ языкѣ, засвидѣтельствованнаго въ собственноручности просителя достовѣрнымъ должностнымъ лицомъ, представить въ правленіе семинаріи слѣдующіе документы:

1. Метрическое и конфирмаціонное свидѣтельства.

2. Медицинское свидѣтельство, объясняющее тѣлосложеніе и здоровье просителя.

3. Свидѣтельство свѣдущаго школьнаго учителя въ томъ, что проситель имѣетъ познанія, необходимыя для поступленія въ семинарію.

4. Атестатъ отъ мѣстнаго пастора или другаго извѣстнаго своею добросовѣстностью лица, знакомаго съ образомъ мыслей и дѣйствій просителя и съ поведеніемъ его.

§ 48.

Кромѣ основательнаго знанія христіанской религіи и нравственной строгости характера, требуется для принятія въ семинарію:

1. Ясное чтеніе по книгѣ; способность излагать словесно и письменно содержаніе прочитаннаго изъ легко-понятной книги.

2. Умѣнье писать разборчиво и безъ орѳографическихъ ошибокъ на родномъ языкѣ.

3. Знаніе четырехъ правилъ ариѳметики надъ простыми числами и простыми дробями.

4. Первыя начала рисованія.

5. Способность къ пѣнію или, по крайней мѣрѣ, музыкальный слухъ.

6. Нѣкоторыя познанія въ рукодѣліяхъ или, по крайней мѣрѣ, охота и дарованіе къ техническимъ и земледѣльческимъ занятіямъ.

§ 49.

По представленіи просителями, до истеченія апрѣля мѣсяца, согласно со сдѣланнымъ о томъ разъ въ годъ объявленіемъ въ вѣдомостяхъ, въ правленіе семинаріи означенныхъ въ § 47 документовъ, вызываются тѣ изъ нихъ, которыхъ прошенія приняты, для выдержанія экзамена, при которомъ обращается болѣе вниманія на ясность и здравость мышленія и на способность выражаться просто и правильно, словесно и письменно, нежели на количество заученныхъ на память свѣдѣній.

§ 50.

При пріемѣ учениковъ въ семинарію. надлежитъ обращать особенное вниманіе на то, чтобы не принимать слишкомъ многихъ изъ одной страны государства, а, по возможности, равное число изъ каждой губерніи. Но, во всякомъ случаѣ, при опредѣленіи дается всегда преимущество отличающемуся нравственностью, хорошими дарованіями и познаніями.

§ 51.

Изъ числа учениковъ, выдержавшихъ экзаменъ удовлетворительно, принимаются ежегодно пятнадцать (15) учениковъ и пятнадцать (15) ученицъ безплатными воспитанниками и воспитанницами заведенія, въ томъ порядкѣ, какъ они окажутся по своимъ способностямъ и познаніямъ при экзаменѣ. Изъ числа прочихъ можно принимать нѣсколькихъ сверхштатно, смотря по тому, сколько позволитъ помѣщеніе, и принимая въ соображеніе нѣкоторыя обстоятельства, какъ то: лѣта, характеръ, или обезпеченіе строгаго надзора въ семействѣ, т. е. такихъ, которые могутъ участвовать въ ученіи и прочихъ занятіяхъ, однако не жить въ заведеніи. Они платятъ за обученіе тридцать руб. сер. ежегодно въ кассу семинаріи.

§ 52.

Хотя все время пребыванія въ семинаріи считается испытаніемъ (потому что ученикъ, у котораго оказались недостатки въ дарованіяхъ необходимыхъ для наставника народныхъ училищъ, или если онъ въ продолженіе курса не изъявитъ трудолюбія и пониманія важности своего будущаго званія, или если онъ погрѣшитъ въ нравственномъ отношеніи и, въ особенности, противъ цѣломудрія, — можетъ тотчасъ быть исключенъ изъ заведенія, учительскимъ совѣтомъ), но, сверхъ того, назначается особенное *полугодовое испытаніе*, безъ котораго ни одинъ ученикъ не принимается окончательно въ семинарію. По прошествіи же сего времени, и если не появились причины къ замѣчаніямъ, новичокъ записывается ординарнымъ ученикомъ заведенія.

§ 53.

Курсъ семинаріи продолжается три года, полагая годъ на каждый классъ. Ученикъ и ученица, окончившіе таковой курсъ, должны еще годъ прослужить въ семинаріи кандидатомъ и кандидаткою на должность учителя и учительницы, *не живя* въ заведеніи; въ теченіе пробнаго года кандидаты и кандидатки, поль-

зующіеся полною свободою, хотя и постоянно состоятъ подъ строгимъ надзоромъ правленія семинаріи, могутъ обнаружить, въ какой мѣрѣ они пріобрѣли ту твердость и строгость характера, которая даетъ право надѣяться, что они будутъ годными наставниками и наставницами народныхъ училищъ.

§ 54.

Если ученикъ или ученица семинаріи, оказывающіе дѣйствительную охоту и прилежаніе, — по причинѣ меньшаго дарованія, болѣзни или иныхъ безвинныхъ препятствій, не успѣваютъ вполнѣ удовлетворительно пройти курсъ третьяго класса въ одинъ годъ, то они тѣмъ не менѣе могутъ поступить въ учительскіе или учительническіе кандидаты, но съ условіемъ: въ теченіе пробнаго года пополнить недостатки въ своихъ познаніяхъ.

§ 55.

Ученикъ и ученица семинаріи, окончившіе удовлетворительно четырехлѣтній курсъ, получаютъ отъ правленія семинаріи дипломъ, дающій ему или ей право на должность наставника или наставницы народнаго училища.

§ 56.

Многимъ недостаточнымъ лицамъ было бы трудно содержаться на свой счетъ въ теченіе пробнаго года, а потому назначается нѣсколько стипендій, которыя выдаются беднѣйшимъ, но способнѣйшимъ и надежнѣйшимъ кандидатамъ и кандидаткамъ.

§ 57.

Въ дѣтскій пріютъ и садъ находящіеся при нормальномъ училищѣ для дѣвочекъ, принимаются преимущественно бѣдныя дѣвочки-сироты, а иногда, въ случаѣ крайности, и бѣдные мальчики. При пріемѣ должно строго наблюдать, чтобы дѣти не имѣли опасныхъ хроническихъ болѣзней, физическихъ недостатковъ, особенно въ зрѣніи, и слухѣ, и чтобы они не были лишены способности говорить, потому что при подобныхъ органическихъ недостаткахъ воспитательныя средства, употребляемыя въ пріютахъ и въ дѣтскомъ саду, оказываются недѣйствительными для духовнаго развитія дѣтей. Для пріема требуются поэтому: метрическое свидѣтельство, означающее родителей, день рожденія дитяти и что оно крещено, свидѣтельство о прививаніи оспы, а также и медицинское свидѣтельство о состояніи здоровья дитяти.

§ 58.

Изъ дѣтскаго пріюта дѣти переводятся на пятомъ году возраста въ дѣтскій садъ, изъ котораго они, по достиженіи девяти лѣтъ, поступаютъ въ нормальное училище для дѣвочекъ или мальчиковъ.

§ 59.

Кромѣ учениковъ и ученицъ, переведенныхъ изъ дѣтскаго сада въ нормальныя училища, принимаются ежегодно и другіе ученики и ученицы, насколько дозволитъ помѣщеніе. При пріемѣ послѣднихъ требуется, кромѣ постановленнаго выше для учениковъ и ученицъ дѣтскаго пріюта и сада, чтобы они умѣли читать по книгѣ ясно и отчетливо и разсказывать читанное (высочайшее постановленіе отъ 19 апрѣля 1858 г.). Для этого директоръ, съ однимъ наставникомъ или съ наставницею, производятъ имъ пріемное испытаніе, послѣ удовлетворительнаго выдержанія котораго имя, мѣсто и день рожденія дитяти, а также имя родителей вносятся въ списокъ.

§ 60.

Переводъ въ высшее отдѣленіе или старшій классъ въ дѣтскомъ саду и нормальномъ училищѣ, зависитъ прежде всего, отъ возраста, такъ что ни одно дитя старше девяти лѣтъ не остается въ дѣтскомъ саду. Только при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, какъ-то при слабомъ тѣлосложеніи и т. п., дитя можетъ оставаться въ саду до десяти лѣтъ. Ученикъ или ученица, пріобрѣвшіе болѣе познаній и болѣе развитые, могутъ быть переведены раньше въ высшее отдѣленіе, такъ же, какъ и дитя, имѣющее менѣе способностей, оставляется болѣе времени въ низшемъ отдѣленіи, по благоусмотрѣнію директора и ближайшаго наставника или наставницы семинаріи.

§ 61.

Если природныя дарованія дитяти окажутся столь слабыми, или успѣхи его, по

другой какой-либо причинѣ, столь незначительными, что оно не можетъ пріобрѣсти требуемыхъ для нормальнаго училища познаній, но окажетъ охоту и способность къ рукодѣлію, то директоръ и ближайшій наставникъ или наставница могутъ поступать съ нимъ менѣе строго и взыскательно, если только не явная лѣнь или упрямство причиною малаго успѣха.

О дисциплинѣ въ семинаріи и нормальныхъ училищахъ.

§ 62.

Обязанность общаго присмотра за юношествомъ въ семинаріи и нормальныхъ училищахъ лежитъ, главнымъ образомъ, на директорѣ; но и всѣ наставники и наставницы, а также прислуга при заведеніи, должны считать священнымъ долгомъ имѣть попеченіе о нравственномъ образованіи юношества, укрѣпленіи его въ добродѣтели и усиленія въ познаніяхъ. Поэтому необходимо, чтобы всѣ служащіе при заведеніи обращали особенное вниманіе на собственное свое поведеніе и постоянно помнили предостерегательныя слова Спасителя, не раздражать ни одного изъ малютокъ, вѣрующихъ въ Него, устранять все, могущее увлекать дѣтей къ шалостямъ или иному, можетъ-быть, еще большему злу.

Каждый долженъ въ особенности стараться соблюдать во всемъ полный порядокъ и строгую нравственность, вмѣстѣ съ ласковостью и любовью. Въ воспитательномъ заведеніи, гдѣ наставники обладаютъ этими высокими качествами, рѣдко придется употребить строгія наказанія, которыя необходимы только въ случаѣ умышленнаго непослушанія, непозволительной шалости или злости и баловства.

§ 63.

Для наблюденія за дисциплиною въ заведеніи директоръ семинаріи имѣетъ, кромѣ всего учительскаго штата, отвѣтственнаго за порядокъ и благоустройство: 1) понедѣльнаго инспектора мужской семинаріи, 2) смотрительницу женской семинаріи, 3) главнаго наставника нормальнаго училища для мальчиковъ, 4) наставницу нормальнаго училища для дѣвочекъ, 5) смотрителя при обществѣ братьевъ и 6) смотрительницу при обществѣ сестеръ.

§ 64.

Директоръ и учителя должны стараться, по возможности, ввести между учениками *порядокъ самоуправленія*, чтобы всѣ ученики вообще, а члены обществъ въ особенности, почитали себя взаимно отвѣтственными другъ за друга (см. § 7).

§ 65.

Хотя таковой духъ, по мѣрѣ развитія своего въ заведеніи, дѣлаетъ излишнимъ назначеніе особыхъ *надзирателей* въ каждомъ классѣ, но необходимо, чтобы директоръ заставлялъ учениковъ семинаріи выбирать изъ своей среды одного товарища, извѣстнаго твердостью характера, любовью къ порядку и правдѣ, надзирателемъ въ каждомъ классѣ, дабы онъ могъ при случайномъ отсутствіи наставника слѣдить за порядкомъ и благопристойностью и ласково и уступчиво усмирять могущія произойти шалости. Въ случаѣ, если кто-либо изъ товарищей не послушается выбраннаго надзирателя, поступающаго по справедливости, надлежитъ объ этомъ немедленно объявить понедѣльному инспектору или директору. Съ другой стороны, семинаристамъ строго воспрещается всякаго рода своеволіе противъ учениковъ нормальнаго училища.

§ 66.

Во время классовъ въ мужской семинаріи и нормальномъ училищѣ для мальчиковъ, наставнику слѣдуетъ самому наблюдать за порядкомъ; но при урокахъ наставника въ женской семинаріи или женской школѣ должна, если только возможно, постоянно присутствовать наставница, чтобы, проницательнымъ взглядомъ, свойственнымъ одному женскому полу, предупреждать малѣйшій признакъ непристойности.

§ 67.

Во всѣхъ классахъ семинаріи должны находиться два журнала: въ одинъ записывается пройденное во время каждаго урока, а въ другомъ означаются отсутствіе ученика по случаю болѣзни или инымъ причинамъ, проступки его и т. п. Первый изъ этихъ журналовъ служитъ руководствомъ при общемъ повтореніи, кото-

рое производится ежемѣсячно; изъ послѣдняго же понедѣльный инспекторъ ежедневно дѣлаетъ выписки и представляетъ директору, который, въ концѣ недѣли или въ субботу вечеромъ, присоединяетъ къ нимъ свои замѣчанія, какія найдетъ необходимыми.

§ 68.

Чѣмъ болѣе директоръ и прочіе наставники и наставницы успѣютъ, постоянною внимательностью, строгимъ, но кроткимъ попеченіемъ, добрымъ примѣромъ и откровеннымъ прямодушнымъ обхожденіемъ съ дѣтьми, пріобрѣтая ихъ довѣріе, возбудить и поддержать хорошій духъ въ заведеніи, тѣмъ менѣе нужными сдѣлаются наказанія.

Въ случаѣ неизбѣжной необходимости оныхъ употребляются только слѣдующаго рода наказанія въ нормальныхъ училищахъ и дѣтскомъ садѣ:

1) Строгій выговоръ, сдѣланный наставникомъ или наставницею, всегда наединѣ; удаленіе отъ бесѣды съ товарищами во время игръ и прогулокъ, и внесеніе проступка въ журналъ.

2) Выговоръ и строгое замѣчаніе отъ директора, также наединѣ; удаленіе отъ товарищей на болѣе продолжителное време: заключеніе въ комнатѣ.

3) Легкое тѣлесное наказаніе, нѣсколькими ударами розогъ по ладони. Такое наказаніе должно совершаться самимъ директоромъ, въ присутствіи наставника и наставницы, и не иначе, какъ въ спокойномъ состояніи духа и въ отсутсвіи товарищей, по окончаніи класса, дабы не ожесточать наказываемаго.

Замѣчаніе. Тѣлесныя наказанія вообще не должны быть употребляемы; къ нимъ прибѣгаютъ только иногда, какъ къ крайнему средству исправленія. Дѣти старше 10 лѣтъ не подвергаются тѣлесному наказанію, за исключеніемъ только тѣхъ, которыя приняты, въ старшемъ возрастѣ, въ нормальное училище и для которыхъ директоръ не находитъ другаго исправительнаго средства. Тѣлесное наказаніе употребляется только при явномъ непослушаніи, злости и непочтительности къ наставникамъ, но никогда за медленные успѣхи въ ученіи.

4) Исключеніе изъ заведенія.

§ 69.

Иногда можно, для наказанія продолжительнаго упущенія и явной лѣности, употребить перемѣщеніе въ низшій классъ. Употребленіе въ этомъ случаѣ позорныхъ скамеекъ, черныхъ досокъ и прочихъ подобныхъ мѣръ, унижающихъ дитя и оскорбляющихъ въ немъ чувство чести, строго воспрещается. Такъ же точно воспрещается употреблять различныя одобрительныя или поощрительныя средства, которыя возбуждаютъ честолюбіе въ ученикахъ, какъ-то красныя доски, похвальные листы и другія подобныя отличія. Учениковъ семинаріи и нормальныхъ школъ надо пріучать къ тому, чтобы они считали пріятнѣйшею для себя наградою собственное убѣжденіе въ надлежащемъ и полненіи своихъ обязанностей, словесную похвалу и радость своихъ родителей, наставниковъ и товарищей.

§ 70.

Въ семинаріи можно употреблять упомянутыя въ предъидущихъ §§ наказанія, за исключеніемъ тѣлесныхъ, вмѣсто которыхъ, и то лишь въ крайней необходимости, употребляется арестъ.

Присужденіе къ аресту и къ исключенію изъ семинаріи совершается только по общему приговору директора и всѣхъ учителей.

§ 71.

Смотрительницѣ и всѣмъ наставницамъ при женской семинаріи и нормальномъ училищѣ для дѣвочекъ надлежитъ, каждой на своемъ мѣстѣ, заботиться съ материнскимъ попеченіемъ о дѣтяхъ и пріучать сестеръ съ материнскою нѣжностью и любовью смотрѣть за довѣренными имъ малютками. Смотрительница и наставницы должны служить хорошимъ примѣромъ для ученицъ въ опрятности, порядкѣ, пристойности и во всѣхъ женскихъ добродѣтеляхъ; онѣ должны стараться пріобрѣсти уваженіе и любовь ученицъ откровеннымъ, прямодушнымъ и кроткимъ обхожденіемъ съ ними; дабы въ семинаріи существовалъ духъ истинно-христіанской любвии взаимнаго довѣрія, такъ что другія наказанія, кромѣ изъявленія неудовольствія со стороны воспитывающихъ были бы излишними.

Смотрительницѣ надлежитъ съ особенною строгостью слѣдить за тѣмъ, чтобы ни малѣйшій признакъ неприличія, легкомысленности или безнравственности не оставался безъ замѣчанія, но тотчасъ доводился до свѣдѣнія директора, который, по приговору всѣхъ учителей, можетъ исключить виновную изъ заведенія.

§ 72.

Всѣ ученики въ семинаріи и въ нормальныхъ училищахъ должны, какъ въ заведеніи, такъ и внѣ его, строго соблюдать все, чего требуетъ благочиніе и христіанская нравственность; каждый долженъ оказывать почтительность и послушаніе директору. наставникамъ, также и наставницамъ, поступать съ товарищами и другими людьми ласково, миролюбиво и съ любовью, не забывая никогда, что каждый человѣкъ долженъ быть полезнымъ членомъ общества и примѣромъ своей нравственной, разумнотрудовой жизни и исполненіемъ своихъ обязанностей содѣйствовать какъ нравственному, такъ и матеріальному благосостоянію своихъ ближнихъ.

§ 73.

Въ нравственномъ отношеніи каждый долженъ соблюдать строжайшую благопристойность и избѣгать легкомысленныхъ словъ, поступковъ, употребленія имени Божія всуе и другихъ безнравственныхъ выраженій.

§ 74.

Доставленіе ученикамъ семинаріи или школъ различныхъ лакомствъ или овощей и денегъ, безъ вѣдома и согласія директора, строго запрещается; особенно же продажа крѣпкихъ напитковъ. Если это случится, то давшій взаемъ деньги теряетъ право требовать ихъ обратно, а тотъ, кто продавалъ напитки, платитъ штрафъ въ четырнадцать руб. сер., согласно общему постановленію о продажѣ подобныхъ напитковъ; семинаристъ же, купившій таковой напитокъ, исключается изъ заведенія.

§ 75.

Если кто-либо изъ учениковъ семинаріи или школъ осмѣлится неприлично и недостойно обращаться со своими наставниками или наставницами, то подвергается аресту или другому сообразному наказанію. Въ случаѣ, если нѣсколько учениковъ или весь классъ возстанутъ противъ одного или нѣкоторыхъ наставниковъ, то присуждаются всѣ къ означеннымъ наказаніямъ, причемъ директору семинаріи слѣдуетъ немедленно донести о такомъ происшествіи центральному правленію, которое предписываетъ оберъ-инспектору произвести строгое изслѣдованіе, дабы удостовѣриться, не подали ли сами наставники повода къ этому неправильнымъ обращеніемъ съ юношествомъ, доказывающимъ о плохомъ устройствѣ заведенія.

§ 76.

Въ послѣднее воскресеніе каждаго мѣсяца всѣ наставники и наставницы собираются подъ предсѣдательствомъ директора, для совѣщанія о каждомъ ученикѣ семинаріи. Аттестація ученика составляется всѣмъ собраніемъ, на основаніи замѣчаній объ его поведеніи, прилежаніи и успѣхахъ, помѣщенныхъ въ журналѣ въ теченіе мѣсяца. Эта аттестація бываетъ: *удовлетворительно, не совсѣмъ удовлетворительно и слабо.* — Ежемѣсячныя аттестаціи записываются въ матрикулу, и по нимъ опредѣляются главныя аттестаціи учениковъ въ концѣ каждаго учебнаго года.

Зданія для учебнаго заведенія, съ инвентаріями; учебныя пособія и принадлежности.

§ 77.

При выборѣ мѣстности для зданій семинаріи надлежитъ обратить особенное вниманіе на то, чтобы они были построены на сухомъ и во всѣхъ отношеніяхъ здоровомъ мѣстѣ, въ которомъ нѣтъ недостатка въ свѣжей и хорошей водѣ для питья и купанья.

§ 78.

Строенія для семинаріи и нормальныхъ училищъ, съ принадлежащими къ нимъ дѣтскимъ пріютомъ и садомъ, должны быть двухэтажныя, деревянныя, съ гонтовою крышею, на высокомъ фундаментѣ, на разстояніи, по крайней мѣрѣ, десяти

саженъ одно отъ другаго, съ палисадниками между строеніями.

Необходимы слѣдующія зданія:

Главное зданіе; первый этажъ.

Помѣщеніе для директора: 6 комнатъ, кухня и передняя 8
То же для 2 учителей: 4 комнаты, кухня и передняя для каждаго 12
Дѣтскій и женскій лазаретъ 1
Для одной сидѣлки при ономъ 1
Баня при ономъ 1
Библіотека 1
Кабинетъ естественныхъ произведеній 1
Чуланы и пр.
Въ подвалѣ 4 погреба со сводами.

Второй этажъ.

Залъ для богослуженія 1
Помѣщеніе для 2 учителей: 4 комнаты, кухня и передняя для каждаго . . 12
Помѣщеніе для смотрительницы: 2 комнаты, кухня и передяя 4
Нормальный дѣтскій пріютъ 1
Помѣщеніе для учительницы: 2 комнаты, кухня и передняя 4
Мезонинъ для прислуги и пр. 4

Всего 51

Мужская семинарія; первый этажъ.

Комнаты для учениковъ 6
Помѣщеніе для 1 учителя: 4 комнаты, кухня и передняя 6
То же для сторожа 2
Лазаретъ 1
Классъ семинаріи 1
Умывальныя 2
Въ подвалѣ 1 погребъ со сводами.

Второй этажъ.

Комнаты для учениковъ 4
Рабочій залъ 1
Залъ для нормальной школы. 1
Музыкальный залъ 1
Классы семинаріи 2

Всего 27

Женская семинарія: первый этажъ.

Комнаты для учениць 8
Помѣщенія для 2 учительницъ: 2 комнаты и кухня, съ переднею для каждой, 6
Классы семинаріи 2
Умывальныя 2

Второй этажъ.

Рабочій залъ 1
Залъ для нормальной школы 1
То же для дѣтскаго сада 1
Музыкальный залъ 1
Помѣщеніе для одной учительницы: 2 комнаты и кухня съ переднею . . 3
Классъ семинаріи 1
Комнаты для учениць 3

Всего 29

Помѣщенія для учителей и пр.; первый этажъ.

Помѣщеніе для одного учителя: 4 комнаты, кухня и передняя 6
То же для садовника: 2 комнаты и кухня 3
То же для техника 3
Въ подвалѣ 3 погреба со сводами.

Второй этажъ.

Помѣщенія для 2 учителей: 4 комнаты, кухня и передняя для каждаго . . . 12

Всего 24

Строеніе для кухни.

Столовыя 2
Кухня 1
Помѣщеніе для ключницы 1
То же для прислуги 1
Чуланы 2
Въ подвалѣ большой погребъ со сводами.

Всего 7

Баня и пр. для мужской семинаріи.

Комната для раздѣванія, съ банею . . 2
Химическая лабораторія 2
Для лаборанта 2
Для мужской прислуги, мезонинъ . . . 2

Всего 8

Бани и пр. для женской семинаріи.

Пекарня 1
Прачечная 1
Баня, съ комнатою для раздѣванія . . 2
Комната для катанья бѣлья 1
То же для глаженія и для женской прислуги, мезонинъ 2

Всего 7

Конюшня, сараи и друг. строенія.

Конюшня.
Сарай для экипажей; то же для сбруи.
Отхожія мѣста.
Хлѣвъ съ комнатою для варки.
Овчарня. Курятникъ.
Магазинъ и ледникъ.
Анбары. Гумно и рига. *)

§ 79.

Въ семинаріи должна находиться библіотека, которая, по мѣрѣ достатковъ, снабжается новыми книгами. Директору, по совѣщаніи со всѣми учителями, надлежитъ покупать для библіотеки только такія сочиненія, которыя могутъ быть полезными, особенно изъ области педагогики и естественныхъ наукъ, для юношества семинаріи, не считая учебныхъ книгъ, необходимыхъ для ежедневнаго употребленія и пріобрѣтаемыхъ учениками на свой счетъ. Впрочемъ, неимущіе ученики снабжаются этими книгами также на счетъ семинаріи. Кромѣ того, слѣдуетъ выписывать ежегодно на счетъ кассы библіотеки нѣсколько журналовъ педагогическаго и техническаго содержанія и естественныхъ наукъ, которые находятся или въ обращеніи между учителями, или лежатъ въ музыкальныхъ залахъ для чтенія.

§ 80.

Семинаріи, нормальныя училища, дѣтскій пріютъ и садъ должны быть снабжены необходимыми для воспитанія и ученія пособіями: ландкартами, глобусами, собраніемъ естественныхъ произведеній, рисунками, моделями, физическими и механическими инструментами и различными матеріалами, обыкновенно употребляемыми при наглядномъ обученіи и примѣненіи методы Фрёбеля.

§ 81.

Въ залѣ для богослуженія въ семинаріи долженъ находиться большой органъ, а въ каждомъ музыкальномъ залѣ по одному меньшему органу. Въ каждомъ нормальномъ училищѣ и въ дѣтскомъ саду, также и въ нѣкоторыхъ другихъ комнатахъ, фортепіана или гармоніи, чтобы доставить ученикамъ возможность упражняться въ музыкѣ и пѣніи.

§ 82.

Рабочіе залы надлежитъ снабдить необходимыми снарядами; въ женской семинаріи необходимы ткацкіе станки, пряслицы и пр., а въ мужской семинаріи верстаки, токарные станки, тиски, сапожные и сѣдельные инструменты. При кузницѣ должны находиться необходимыя орудія.

§ 83.

При женской семинаріи должно усроить скотный дворъ, съ необходимымъ числомъ коровъ, нѣсколькими овцами и домашнею птицей. Въ молочной необходимо все потребное для храненія молока и для приготовленія масла и сыру. При мужской семинаріи должно устроить конюшни, съ достаточнымъ числомъ лошадей и воловъ, и завести всѣ потребныя для земледѣлія орудія. Мебель въ классахъ какъ семинаріи, такъ и нормальныхъ училищъ, не должна состоять изъ скамеекъ; но должны быть простые стулья или табуретки со столами, такъ чтобы каждый ученикъ имѣлъ свой особый стулъ съ маленькимъ пюпитромъ, содержащимъ ящикъ для помѣщенія книгъ, тетрадей и пр. Кровати въ спальняхъ состоятъ изъ шкапиковъ со сплошными стѣнками, которые днемъ закрываются [1]).

Между кроватями должно устроить шкапы, для храненія учениками одежды и пр.

О распоряженіи принадлежащими семинаріи суммами и объ отчетности.

§ 84.

Всѣ доходы семинаріи, какого бы рода они ни были, принимаетъ директоръ; онъ же и распоряжается ими.

Денежныя средства семинаріи не должны ни въ какомъ случаѣ быть употребляемы на иные расходы, какъ только для потребностей заведенія, и значащаяся по счетамъ сумма должна храниться особо.

*) Къ подлинному проекту, на шведскомъ языкѣ, приложенъ въ 17 чертежахъ подробный планъ всѣхъ строеній.

[1]) По нашему мнѣнію, гораздо лучше завести желѣзныя кровати; иначе не обережешься отъ клоповъ.

§ 85.

О приходѣ и расходѣ суммъ заведенія надлежитъ вести простой, но строгій счетъ, который заключается за каждый учебный годъ. Копія съ такого годового отчета, скрѣпленная надлежащимъ образомъ, представляется въ центральное правленіе послѣ четырехъ недѣль по окончаніи учебнаго года, а правленіе препровождаетъ оный до истеченія слѣдующаго декабря мѣсяца въ главное казначейство и счетное отдѣленіе департамента экономіи императорскаго сената, для представленія на ревизію въ ревизскую контору.

§ 86.

При составленіи отчета въ суммахъ заведенія и копіи съ онаго, препровождаемой въ центральное правленіе, директору должны содѣйствовать учителя семинаріи и старшіе изъ братьевъ.

§ 87.

При осмотрѣ семинаріи оберъ-инспекторомъ или другимъ лицомъ, назначеннымъ отъ центральнаго правленія, надлежитъ также повѣрять суммы заведенія. Въ случаѣ упущенія сего предписанія, ревизоръ отвѣчаетъ за могущіе случиться недостатки.

§ 88.

Всѣ назначенныя для содержанія учебнаго заведенія суммы довѣряются директору, а потому отчетъ въ употребленіи оныхъ преимущественно требуется отъ него. Въ случаѣ смерти директора, слѣдуетъ тому, кто по § 27 обязанъ принять завѣдываніе заведеніемъ, тотчасъ призвать двухъ особъ, не состоящихъ въ тѣсныхъ связяхъ родства съ покойнымъ, и въ присутствіи ихъ описать и вынуть деньги, документы и прочее, принадлежащее заведенію. Если что-либо изъ довѣреннаго покойному, до кончины его, не окажется налицо, или окажется по счетамъ недостатокъ въ суммахъ, то движимое имущество подлежитъ секвестру на такую сумму, которая потребуется къ покрытію недостающаго. Такимъ же образомъ слѣдуетъ поступать при выходѣ изъ службы директора, не представившаго отъ себя полнаго отчета въ деньгахъ и имуществѣ заведенія.

Объ экономіи при заведеніи.

§ 89.

Главный надзоръ надъ всею экономіею въ семинаріи и нормальныхъ училищахъ поручается директору, которому должна въ этомъ помогать смотрительница. Покупка съѣстныхъ припасовъ и выдача ихъ кухаркамъ, также ближайшій присмотръ за приготовленіемъ кушанья, есть обязанность ключницы, которая должна вести точный счетъ покупкѣ и выдачѣ припасовъ и представлять о томъ еженедѣльный отчетъ директору.

§ 90.

Пища въ семинаріи и нормальныхъ училищахъ должна быть простая, но здоровая и хорошо приготовленная.

Употребленіе пряностей не дозволяется; также запрещается строго употребленіе всякаго рода крѣпкихъ напитковъ, какъ въ нормальныхъ училищахъ, такъ и въ симинаріи.

§ 91.

Порядокъ кушанья опредѣляется на каждый мѣсяцъ правленіемъ семинаріи, которому ключница должна слѣдовать.

При каждомъ столѣ участвуютъ понедѣльный инспекторъ при мужскомъ отдѣленіи и одна изъ учительницъ при женскомъ отдѣленіи.

Приступая къ изложенію *учебнаго плана* къ семинаріи, почтенный авторъ начинаетъ съ *общихъ положеній* или *правилъ* для семинарскаго преподаванія, которыя заключаются въ первыхъ 13 параграфахъ. Семинарія для образованія народныхъ учителей и учительницъ есть *специальное* воспитательно-учебное заведеніе, учреждаемое съ извѣстною опредѣленною цѣлію; въ нее поступаютъ по собственному желанію молодые люди, которые уже могутъ понимать какъ свои собственныя способности, такъ и трудное дѣло народнаго учителя и учительницы, къ которому они себя *добровольно* предназначаютъ. Поэтому, все обученіе въ семинаріи должно доставлять молодымъ людямъ; съ одной стороны, необходимыя для будущаго ихъ дѣла специальныя свѣдѣнія, а съ другой стороны научить ихъ самому *способу преподаванія* въ народ-

ныхъ училищахъ и, вообще, *управленію* этими училищами. «Учителя семинаріи, говоритъ г. Сигнеусъ, должны сообщать преподаваемые ими предметы въ такомъ объемѣ и такимъ образомъ, чтобы преподаваніе ихъ соотвѣтствовало практической цѣли заведенія, т. е. чтобы оно дѣйствительно служило для образованія настоящихъ народныхъ учителей (§ 1).» Учитель въ народномъ училищѣ долженъ преподавать *постоянно наглядно* и притомъ соединять, по возможности, теоретическое обученіе съ соотвѣтствующими практическими упражненіями; пріобрѣсти *умѣніе* и *навыкъ* въ такомъ преподаваніи народный учитель можетъ только въ случаѣ, если его самого обучали разумно-наглядно, если теоретическія правила воспитанія и обученія сообщались ему постоянно съ практическими примѣненіями, и если онъ самъ упражнялся въ преподаваніи въ нормальномъ училищѣ подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ семинаріи. Поэтому «метода преподаванія въ семинаріи должна быть во всѣхъ отношеніяхъ элементарная, т. е. наглядная, разумно-развивательная, вызывающая постоянно самостоятельное мышленіе и дѣятельность учениковъ, а не заставляющая ихъ заучивать только на память. Изложеніе педагогики, дидактики и методики должно быть постоянно сопровождаемо практическими объясненіями и указаніями при воспитаніи и обученіи въ дѣтскомъ пріютѣ, саду и нормальныхъ училищахъ. Каждый изъ наставниковъ семинаріи обязанъ заставлять учениковъ своихъ: 1) излагать и объяснять содержаніе учебнаго руководства по его предмету и дополнять свое своими толкованіями; 2) составлять *подробные письменные уроки* для преподаванія въ нормальномъ училищѣ и, наконецъ, 3) руководить самымъ преподаваніемъ учениковъ своихъ въ этомъ училищѣ, требуя отъ нихъ подробныхъ объясненій, почему они такъ преподали извѣстный урокъ, а не иначе, и тщательно замѣчая и исправляя сдѣланныя ими ошибки. При этомъ наставники обязаны обращать особенное вниманіе на пріученіе учениковъ къ простому, ясному, точному и строго послѣдовательному изложенію своихъ мыслей письменно и устно.» (§§ 3, 4, 5, 9 и 10.)

«Въ началѣ каждаго класса преподаватель заставляетъ одного изъ учениковъ въ краткихъ словахъ повторить прошлый урокъ, для того, чтобы вновь излагаемое имъ тѣсно и органически соединялось съ предшествовавшимъ. Кромѣ того, для полнаго и отчетливаго усвоенія сообщаемыхъ свѣдѣній назначается каждыя четыре недѣли *общее повтореніе*, при которомъ ученики излагаютъ въ связи пройденное въ это время устно и письменно *безъ вопросовъ* учителя.» (§§ 11 и 12.)

«Наставники должны постоянно слѣдить за умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ *каждаго* ученика, чтобы имѣть возможность подавать основательное и справедливое сужденіе при выдачѣ мѣсячныхъ и годовыхъ аттестатовъ.» (§ 6.)

«Въ началѣ учебнаго года каждый учитель представляетъ директору програму, содержащую главные отдѣлы преподаванія въ теченіе наступающаго года. Каждые три мѣсяца учитель даетъ отчетъ о пройденномъ по составленной имъ програмѣ. На основаніи такихъ трехмѣсячныхъ отчетовъ и сообразно результатамъ экзаменовъ при окончаніи учебнаго года, составляется подробный отчетъ о дѣйствіяхъ каждаго учителя семинаріи, который и представляется въ центральное правленіе.» (§ 13.)

Всѣ приведенныя здѣсь *«общія положенія»* ясно показываютъ намъ, что г. Сигнеусъ преимущественно заботится о соединеніи теоретическаго обученія съ практическими упражненіями. Главная цѣль обученія должна, слѣдовательно, состоять не только въ разумномъ, основательномъ сообщеніи надлежащихъ свѣдѣній, но въ доставленіи будущему народному учителю возможности усвоить себѣ самый *механизмъ* преподаванія, всѣ пріемы его, необходимые для успѣшнаго и плодотворнаго обученія въ народныхъ училищахъ. Кто самъ преподавалъ въ этихъ училищахъ и старался основательно, умственно и нравственно развивать своихъ учениковъ, а не только пріучать ихъ къ механическому безсмысленному чтенію и писанію буквъ, тотъ пойметъ и оцѣнитъ всю существенную важность и практичность «общихъ положеній» г. Сигнеуса. Мы переходимъ теперь къ изложенію правилъ для преподаванія отдѣльныхъ учебныхъ предметовъ въ семинаріи.

I. Преподаванiе религiи.

§ 14.

Преподаванiе религiи въ семинарiи имѣетъ цѣлiю: доставить ученикамъ здравыя религiозныя понятiя и убѣжденiя и, вообще, такое религiозное образованiе, которое въ особенности необходимо для христiанскаго воспитателя и наставника дѣтей; научить учениковъ преподаванiю закона Божiя въ народныхъ училищахъ.

§ 15.

Знанiе библiи, церковная исторiя, катихизисъ составляютъ главные отдѣлы въ преподаванiи религiи. Со знанiемъ библiи сопряжено ученiе о вѣрѣ и нравственности; съ церковною исторiею — ученiе о церковномъ устройствѣ и вѣроисповѣданiи въ Финляндiи, а съ катихизисомъ методическое руководство въ первоначальныхъ правилахъ преподаванiя закона Божiя.

§ 16.

При изложенiи религiозныхъ догматовъ законоучитель долженъ: съ одной стороны, предупреждать въ ученикахъ равнодушiе къ религiи и шаткость религiозныхъ убѣжденiй, а съ другой *нетерпимость къ иновѣрiю*, и вселять въ нихъ духъ христiанской любви и терпимости, безъ котораго религiя не будетъ соединять людей, а сдѣлается причиною раздора и несогласiя между ними.

§ 17.

Въ теченiе перваго года: послѣ краткаго введенiя, прочитывается вкратцѣ главное содержанiе ветхаго завѣта, причемъ обращается особенное вниманiе на тѣ мѣста, которыя изображаютъ Христа непосредственнымъ средоточiемъ библiи.

Во второмъ году: краткое введенiе къ новому завѣту; евангельская исторiя въ связи; главное содержанiе дѣянiй апостоловъ и ихъ посланiя.

Въ третьемъ году: изложенiе главныхъ событiй изъ церковной исторiи; пространный катихизисъ; методическое руководство къ преподаванiю закона Божiя въ народныхъ училищахъ и упражненiя (преимущественно для учениц) въ разсказыванiи библейскихъ исторiй легкимъ, простымъ и понятнымъ для дѣтей языкомъ, объясненiе и заучиванiе нѣкоторыхъ избранныхъ псалмовъ и библейскихъ изреченiй.

II. Обученiе родному языку.

§ 18.

Родной языкъ составляетъ единственное орудiе для преподаванiя въ народныхъ училищахъ; народный учитель, не владѣющiй вполнѣ языкомъ, не можетъ быть хорошимъ учителемъ. Поэтому родной языкъ долженъ занимать первое мѣсто между другими учебными предметами, и обученiе ему должно быть преимущественно *практическое*, съ цѣлiю образовать и развить въ ученикахъ способность выражаться легко и правильно, какъ устно, такъ и письменно, на языкѣ, употребляемомъ лучшими отечественными писателями и образованнымъ обществомъ. При этомъ должно обращать вниманiе на исправленiе мѣстнаго выговора и на объясненiе мѣстныхъ народныхъ выраженiй и нарѣчiй.

Для достиженiя этой цѣли необходимо, чтобы всѣ учителя семинарiи считали каждый урокъ — урокомъ роднаго языка, и не только обращали вниманiе на свое собственное изложенiе предмета, но и строго наблюдали, чтобы ученики говорили и отвѣчали всегда правильно, ясно и точно.

Чтенiе, грамматика и самостоятельное изложенiе мыслей словесно и письменно должны идти всегда вмѣстѣ, рука объ руку, начиная съ низшаго и до высшаго класса. Основанiемъ для изученiя языка служитъ *чтенiе*. При чтенiи должно аналитически постепенно развивать всю грамматику и доставить ученику полное знанiе роднаго языка и способность ясно, отчетливо и плавно выражать свои мысли устно и письменно. Поэтому необходимо постоянно въ каждомъ классѣ продолжать упражненiя въ чтенiи вслухъ и въ устномъ изложенiи прочитаннаго. При этомъ въ низшемъ классѣ обращается преимущественное вниманiе на чистоту выговора, вѣрность ударенiй, а въ высшихъ классахъ на правильность, логическую послѣдовательность и изящность выраженiя.

Чтеніе должно всегда быть сопровождаемо изложеніемъ содержанія и грамматическимъ разборомъ.

Одни уроки, по усмотрѣнію преподавателя, назначаются преимущественно на *изложеніе содержанія*, а другіе на *грамматику*.

Изложеніе содержанія должно, въ особенности, имѣть цѣлію пріобрѣтеніе яснаго и живаго понятія о цѣломъ въ его частяхъ и о частяхъ въ цѣломъ. Къ этому присоединяется *объясненіе содержанія*, которое сначала должно состоять въ полномъ повтореніи, а потомъ постепенно должно сдѣлаться сокращеннымъ разсказомъ или краткимъ обозрѣніемъ содержанія и наконецъ превратиться въ возможно-краткое выраженіе первоначальной мысли. Для упражненія въ чтеніи употребляются или прозаическія сочиненія, особенно разсказы изъ исторіи и изъ естественныхъ наукъ или поэтическія.

Главныя части грамматики суть: a) ученіе объ образованіи и произношеніи словъ, и b) ученіе о предложеніяхъ.

Предложеніе есть полное выраженіе мысли словами.

Поэтому средоточіемъ грамматики должно быть *ученіе о предложеніяхъ*, которое образуется слѣдующимъ органическимъ порядкомъ: 1) ученіе о простыхъ предложеніяхъ, 2) о сложныхъ предложеніяхъ и 3) о составленіи періодовъ.

За ученіемъ о предложеніяхъ слѣдуетъ непосредственно ученіе о знакахъ препинанія.

Письменныя упражненія, постоянно употребляемыя, состоятъ вначалѣ въ изложеніи *учениками* прочитаннаго и объясненнаго, въ переложеніи выученныхъ стиховъ въ прозу; потомъ принимаютъ постепенно форму повѣствованій и описаній и наконецъ становятся самостоятельными сочиненіями.

§ 19.

Порядокъ преподаванія отечественнаго языка по классамъ есть слѣдующій:

Въ первомъ году: *объяснительное чтеніе*, съ точнымъ изложеніемъ и объясненіемъ словъ и содержанія, и грамматическій разборъ; выучиваніе избранныхъ отрывковъ изъ хорошихъ сочиненій и произнесеніе ихъ въ классѣ, со строгимъ соблюденіемъ ясности и чистоты выговора и правильности выраженія. Кромѣ того, въ этомъ же году сообщается *руководство для общенагляднаго обученія* въ народныхъ училищахъ и для *обученія дѣтей чтенію по аналитико-синтетическому способу*.

Во второмъ году: *объяснительное логическое чтеніе*, т. е. ученики должны объяснять логическую связь мыслей въ прочитанномъ сочиненіи. Изъ грамматики: продолженіе ученія объ образованіи словъ и предложеній; письменныя работы въ повѣствовательномъ, описательномъ родѣ и самостоятельныя разсужденія для общенагляднаго обученія.

Въ третьемъ году: ученики упражняются въ нормальномъ училищѣ въ общенаглядномъ обученіи и, вообще, во всемъ элементарномъ преподаваніи языка, особенно въ употребленіи принятыхъ въ народныхъ училищахъ учебныхъ книгъ; упражненія въ самостоятельномъ письменномъ и устномъ преподаваніи и въ составленіи судебныхъ и дѣловыхъ бумагъ; продолжается упражненіе въ чтеніи, которое производится на этой степени преимущественно съ эстетическою цѣлью.

§ 20.

Кромѣ упомянутаго изученія роднаго языка, ученикамъ семинаріи слѣдуетъ доставить также возможность къ изученію шведскаго языка посредствомъ чтенія и словесныхъ и письменныхъ самостоятельныхъ упражненій и переводовъ.

III. Ариѳметика и бухгалтерія.

§ 21.

Обученіе ариѳметикѣ въ семинаріи имѣетъ тройную цѣль: 1) развитіе правильнаго логическаго мышленія; 2) доставленіе будущимъ наставникамъ и наставницамъ необходимыхъ въ практической жизни ариѳметическихъ познаній и 3) теоретическое и практическое ознакомленіе ихъ съ преподаваніемъ ариѳметики въ народныхъ училищахъ.

§ 22.

Обученіе ариѳметикѣ состоитъ въ счисленіи въ умѣ и на доскѣ. Первое, которое есть главное, должно предшествовать

второму, и ученикъ не долженъ рѣшать ни одной задачи на доскѣ, пока онъ не вычислилъ ея аналитически въ умѣ.

§ 23.

Отвлеченные примѣры и задачи, взятые изъ учебника, или, вообще, такіе, которые не *обращаютъ мысленный взглядъ ученика на практическую жизнь*, должны быть употребляемы какъ можно рѣже, потому что въ народномъ училищѣ должно пріучать учениковъ не только *считать*, но, преимущественно, *разсчитывать*. Обученіе ариѳметикѣ только своимъ содержаніемъ изъ дѣйствительной жизни можетъ принести желаемую пользу, именно *приложеніемъ въ этомъ случаѣ умственныхъ силъ къ практическимъ вычисленіямъ*. Такимъ образомъ полезность ариѳметическихъ познаній сдѣлается, такъ сказать, *осязательною* для учениковъ, и они съ охотою будутъ заниматься ариѳметикою. Вмѣстѣ съ этимъ въ ученикахъ разовьется и послѣдовательное мышленіе, и они пріучатся къ соблюденію благоразумной экономіи и къ разсчетливости.

§ 24.

Распредѣленіе преподаванія ариѳметики по классамъ есть слѣдующее:

Въ первомъ классѣ: счисленіе, изображеніе чиселъ, четыре дѣйствія надъ простыми и именованными цѣлыми числами и дробями, съ постоянными практическими упражненіями.

Во второмъ и третьемъ классахъ: остальныя части ариѳметики, со включеніемъ теоріи квадратныхъ и кубическихъ корней, и руководство къ простой бухгалтеріи и веденію счетныхъ и домашнихъ книгъ.

Кромѣ того, въ третьемъ классѣ дается *методическое руководство* къ преподаванію ариѳметикѣ въ народныхъ училищахъ, съ практическими упражненіями учениковъ семинаріи въ самомъ преподаваніи въ нормальныхъ училищахъ. (См. учебный планъ нормальныхъ училищъ.)

IV. Геометрія и землемѣріе.

§ 25.

Преподаваніе геометріи въ семинаріи должно имѣть практическую образовательную цѣль и доставлять будущему наставнику народнаго училища познанія въ практическихъ наукахъ, особенно въ землемѣріи, которое необходимо въ его положеніи въ сельской жизни. Все обученіе геометріи должно поэтому прилагаться къ практикѣ. Порядокъ преподаванія геометріи слѣдующій: въ первомъ классѣ — ученіе о геометрическихъ тѣлахъ и фигурахъ и черченіе оныхъ; во второмъ классѣ — вычисленіе, превращеніе и дѣленіе плоскихъ фигуръ, пріуготовительныя практическія упражненія въ землемѣріи; въ третьемъ классѣ — продолженіе геометріи, измѣреніе объема тѣлъ, съ приложеніемъ къ практикѣ, упражненіе въ составленіи простыхъ чертежей, продолжительныя упражненія въ землемѣріи и, наконецъ, методическое руководство къ преподаванію геометріи въ народныхъ училищахъ, съ постоянными практическими упражненіями въ нормальномъ училищѣ. (См. учебный планъ для народныхъ училищъ, § 12).

V. Чистописаніе.

§ 26.

Обученіе чистописанію въ семинаріи должно доставить ученику возможность пріобрѣсти красивый и четкій почеркъ и научить его правильной методѣ преподаванія чистописанія въ народномъ училищѣ.

§ 27.

Обязанность каждаго учителя (§ 18) состоитъ въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы ученики семинаріи говорили правильнымъ, логическимъ и образованнымъ языкомъ; такъ же точно не только учитель чистописанія, но и всѣ прочіе наставники въ семинаріи должны слѣдить за тѣмъ, чтобы всѣ письменныя занятія исполнялись красивымъ и четкимъ почеркомъ.

§ 28.

Прописи, употребляемыя при чистописаніи, содержатъ алфавитъ прописныхъ и строчныхъ буквъ, формы дѣловыхъ бумагъ, относящихся къ крестьянскому быту, и т. п. Употребленіе же нашихъ обыкновенныхъ прописей съ пустымъ содержаніемъ, пріучающихъ ученика къ механическому копированію буквъ и къ безсмысленному переписыванію, не

допускается. Упражненія въ четкой и красивой скорописи производятся обыкновенно подъ диктовку, или же учитель заставляетъ учениковъ переписывать изъ книги или писать выученные на память стихотворенія или прозаическіе отрывки. При этомъ ученики поправляютъ другъ другу написанное и такимъ образомъ пріобрѣтаютъ и ороографическую правильность.

Въ послѣднемъ классѣ ученики упражняются въ преподаваніи чистописанія въ нормальномъ училищѣ, причемъ имъ сообщается и методическое руководство въ чистописаніи.

VI. Рисованіе и лѣпка моделей.

§ 29.

На обученіе рисованію и на лѣпку моделей должно обращать *особенное вниманіе*, какъ на средства, весьма дѣйствительныя для формальнаго образованія, которыя вмѣстѣ съ этимъ доставляютъ и познанія, примѣнимыя къ сельскому хозяйству.

Обученіе рисованію имѣетъ слѣдующія цѣли: 1) пріучить глазъ къ правильному изображенію различныхъ формъ и 2) упражнять учениковъ въ *техническомъ* рисованіи.

§ 30.

Преподаваніе техническаго рисованія наставникъ не долженъ производить такимъ образомъ, чтобы оно сдѣлалось однимъ только механическимъ копированіемъ, но чтобы оно образовало не только твердость и вѣрность глаза и руки, но и развило въ ученикахъ способность къ *самостоятельному* образованію различныхъ изящныхъ формъ.

§ 31.

Курсъ рисованія слѣдующій:

Въ первомъ году: упражненіе въ черченіи простой домашней утвари, хозяйственныхъ орудій и пр., съ образцовъ.

Во второмъ году: рисованіе тѣлъ съ моделей.

Въ третьемъ году: продолженіе курса 2-го класса; составленіе, по мѣрѣ рисунковъ, простой и болѣе сложной домашней утвари, земледѣльческихъ орудій, машинъ и пр., рисованіе различныхъ орнаментовъ и, наконецъ, методическое руководство въ преподаваніи рисованія и черченія въ народномъ училищѣ.

§ 32.

Лѣпка моделей изъ глины, воску и гипса, составляющая весьма дѣйствительное средство для развитія способности образованія изящныхъ формъ, преподается во всѣхъ классахъ и переходитъ постепенно, начиная съ самыхъ простыхъ, прямолинейныхъ фигуръ, къ болѣе сложнымъ. Обученіе этому искусству тѣсно соединяется съ обученіемъ черченію.

VII. Музыка.

§ 33.

Преподаваніе музыки въ семинаріи состоитъ: a) въ обученіи пѣнію, b) игрѣ на скрипкѣ и c) игрѣ на органѣ.

§ 34.

Обученіе пѣнію составляетъ существенную часть воспитанія; оно имѣетъ цѣлью возбудить и образовать религіозное, нравственное и эстетическое чувство въ ученикахъ и сообщить церковному и свѣтскому пѣнію стройность и благозвучіе посредствомъ правильнаго руководства и упражненія въ согласномъ пѣніи церковныхъ псалмовъ и народныхъ отечественныхъ пѣсенъ. Ученикъ семинаріи долженъ также научиться преподавать пѣніе въ народномъ училищѣ.

§ 35.

Учитель пѣнія и музыки долженъ обращать особенное вниманіе на образованэі въ ученикахъ и ученицахъ истиннаго вкуса при выборѣ пьесъ для пѣнія, въ отношеніи къ тексту и мелодіи.

Преподаваніе пѣнія въ методическомъ отношеніи должно производиться въ семинаріи такимъ образомъ, чтобы оно могло быть вмѣстѣ съ тѣмъ руковокствомъ для будущаго учителя при днародномъ училищѣ. Главною цѣлью обученія пѣнію въ семинаріи должно быть приспособленіе учениковъ и ученицъ к преподаванію этого искусства въ народномъ училищѣ и къ самостоятельному управленію хоромъ.

§ 36.

Преподаваніе пѣнія совершается слѣдующимъ образомъ:

Въ первомъ году: образованіе слуха или мелодика и ритмика, соотвѣтственно требованіямъ церковнаго пѣнія, для достиженія правильнаго и яснаго выраженія въ пѣніи.

Во второмъ году: объясненіе внутренняго и наружнаго свойства разныхъ тоновъ; продолженіе мелодико-ритмическихъ упражненій въ разныхъ родахъ тоновъ; двухголосное пѣніе.

Въ третьемъ году: четырехголосное пѣніе; главныя правила изъ теоріи гармоніи и акордовъ; краткое обозрѣніе историческаго развитія музыки и методика элементарнаго преподаванія пѣнія.

Примѣчаніе. При преподаваніи не должно употреблять никакихъ инструментовъ.

§ 37.

Обученіе игрѣ на скрипкѣ въ семинаріи имѣетъ цѣлью доставить будущимъ народнымъ учителямъ, не имѣющимъ природнаго таланта къ пѣнію, возможность управлять пѣніемъ въ народномъ училищѣ при помощи скрипки.

§ 38.

Ученики, не одаренные музыкальными способностями и не имѣщіе музыкальныхъ свѣдѣній, начинаютъ учиться пѣнію только на второмъ году, впродолженіе же перваго года они проходятъ элементарный курсъ для образованія слуха.

Примѣчаніе. Въ женской семинаріи играть на скрипкѣ не учатъ.

§ 39.

Главная цѣль для обученія игрѣ на органѣ состоитъ въ томъ, чтобы доставить народному учителю возможность впослѣдствіи играть на органѣ во время богослуженія въ мѣстной сельской церкви.

§ 40.

Этимъ преподаваніемъ (игры на органѣ) пользуются только тѣ ученики, которые при пріемѣ въ семинарію окажутъ дарованіе и хотя нѣкоторыя свѣдѣнія въ игрѣ на фортепіано, или которые на урокахъ музыки отличаются прилежаніемъ и лучшими способностями.

VIII. Естественныя науки.

§ 41.

Преподаваніе естественныхъ наукъ въ семинаріи имѣетъ цѣлью: 1) возбудить учениковъ къ наблюденію, изслѣдованію и познанію природы и ея законовъ, 2) споспѣшествовать къ образованію всѣхъ способностей ума и сердца, 3) показать ученику, какъ человѣкъ долженъ употреблять дары природы, дабы они принесли ему самую большую пользу въ жизни, и 4) руководить ученика въ преподаваніи этой науки въ народномъ училищѣ.

§ 42.

Преподаваніе естественныхъ наукъ заключаетъ въ себѣ: 1) Наглядное обученіе естествознанію, 2) теоретическое изложеніе естественныхъ наукъ: физики, химіи, минералогіи, ботаники и зоологіи; и 3) приложеніе естественныхъ познаній къ различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства и обученіе земледѣлію, садоводству, раціональному лѣсоводству, пчеловодству, искусственному разведенію рыбы, популярному скотоврачебному искусству, и наконецъ 4) методическое руководство къ преподаванію естественныхъ наукъ въ народномъ училищѣ. (См. далѣе учебный планъ для народныхъ училищъ, § 17.)

§ 43.

Преподавателю слѣдуетъ, какъ въ методѣ, такъ и въ выборѣ предметовъ, соображаться съ потребностями наставника народныхъ училищъ семинарій, а потому стараться избѣгать всего несвойственнаго цѣли народнаго училища.

Теоретическое преподаваніе должно быть по возможности всегда соединяемо съ разсматриваніемъ самыхъ естественныхъ произведеній и примѣняемо къ земледѣлію и садоводству.

§ 44.

Необходимо соображаться съ цѣлью заведенія при собираніи потребныхъ для

преподаванія минераловъ, растеній, животныхъ, фруктовъ, сѣмянъ, деревъ и пр. и промышленныхъ произведеній, которые, по возможности, доставляются и приготовляются самими учителями и учениками, также какъ и прочіе необходимые для преподаванія естественныхъ наукъ снаряды, машины и пр.

§ 45.

Курсъ естествознанія слѣдующій:

Въ первомъ году: лѣтомъ и осенью преподается *ботаника*, заключающая въ себѣ разные роды деревьевъ, цвѣтовъ, ягодъ, зерновыхъ хлѣбовъ, кормовыхъ травъ и корнеплодныхъ растеній, грибовъ и мховъ. Все ученіе должно быть совершаемо практическимъ и нагляднымъ путемъ. При этомъ надлежитъ обращать вниманіе учениковъ на сходство и различіе произведеній царства прозябаемаго, на различныя степени изъ развитія и на пользу или вредъ для человѣка, животныхъ и, вообще, для хозяйства, и т. д. Зимою преподается *зоологія*, особенно ознакомленіе съ домашними животными и уходъ за ними, а также и описаніе дикихъ звѣрей, водящихся въ Финляндіи, и *краткій, но полный курсъ физики*.

Во второмъ году: продолженіе курса перваго года и примѣненіе пріобрѣтенныхъ знаній къ земледѣлію и прочимъ промысламъ.

Въ третьемъ году: продолженіе курса предъидущихъ лѣтъ; общеполезная химія, минералогія и геогнозія съ практическимъ примѣненіемъ къ хозяйству и промысламъ, и методическое руководство къ преподаванію естесвовѣдѣнія въ народныхъ училищахъ.

IX. Географія.

§ 46.

Географія преподается въ томъ объемѣ, который необходимъ какъ для *общаго* образованія будущаго народнаго учителя, такъ и для приготовленія его къ преподаванію географіи въ народномъ училищѣ.

§ 47.

Преподаваніе географіи должно быть *элементарное*; слѣдуетъ начать съ подробнаго ознакомленія учениковъ съ ихъ жилищемъ, потомъ съ родиною и съ отечествомъ.

§ 48

Метода должна основываться постоянно на наглядности, и потому самое преподаваніе слѣдуетъ постоянно соединять съ черченіемъ картъ и съ другими вспомогательными средствами, необходимыми для этой цѣли; эта метода должна служить для будущаго наставника руководствомъ при преподаваніи въ народной школѣ.

§ 49.

Въ первомъ году проходятся приуготовительные уроки въ географіи, начинающіеся съ черченія плана строеній семинаріи, ея окрестностей и т. п. и оканчивающіеся географіею Финляндіи.

Во второмъ году: физическая и политическая географія Европы, съ этнографическими и технологическими объясненіями.

Въ третьемъ году: обозрѣніе прочихъ частей свѣта, главнѣйшія основанія математической географіи и, наконецъ, практическія упражненія учениковъ въ преподаваніи географіи въ народномъ училищѣ. (См. далѣе учебный планъ для народныхъ училищъ, § 16).

X. Исторія.

§ 50.

Преподаваніе исторіи должно преимущественно ограничиваться исторіею финскаго народа, — послѣ краткаго обзора главнѣйшихъ событій всеобщей исторіи, представляющихъ постепенное развитіе человѣческаго рода.

§ 51.

Главная цѣль обученія исторіи состоитъ въ томъ, чтобы дать ученикамъ ясное понятіе о событіяхъ, имѣвшихъ вліяніе на жизнь народовъ, и о внутренней связи этихъ событій между собою, какъ причинъ и слѣдствій; утвердить и прояснить вѣру учениковъ въ божественное провидѣніе и въ постоянное совершенствованіе рода человѣческаго вслѣдствіе большаго и большаго распространенія просвѣщенія; развить въ нихъ сочув-

ствіе и уваженіе къ добродѣтели, чести, къ общественному духу, къ свободѣ и къ справедливости; утвердить въ ученикахъ любовь къ отечеству; вселить въ нихъ убѣжденіе въ томъ, что каждый человѣкъ долженъ быть готовъ на самопожертвованіе для общаго блага, и наконецъ сообщить ученикамъ методическое руководство къ преподаванію исторіи въ народномъ училищѣ.

§ 52.

Преподаватель исторіи обязанъ въ концѣ своего курса изложить ученикамъ государственное устройство и законы Финляндіи.

§ 53.

Преподаваніе исторіи совершается въ слѣдующемъ порядкѣ:

Въ первомъ году: чтеніе учебной книги, содержащей въ себѣ послѣдовательное описаніе главнѣйшихъ событій изъ всеобщей исторіи.

Во второмъ году: исторія финскаго народа до 1809 г., также и Швеціи.

Въ третьемъ году: исторія финскаго народа съ исторіею Россіи съ 1809 г.; главнѣйшія основанія государственнаго устройства и законы Финляндіи, съ историческимъ развитіемъ ихъ, и обученіе методическому употребленію учебной книги исторіи въ народныхъ училищахъ. (См. учебный планъ нормальныхъ училищъ, § 15).

XI. Педагогика.

§ 54.

Преподаваніемъ педагогики должно доставить ученику вѣрное понятіе о всемъ будущемъ назначеніи его и ясное сознаніе своего положенія, какъ воспитателя и наставника дѣтей. Кромѣ того, обученіе педагогикѣ должно возбудить и развить въ ученикахъ любовь и охоту къ своему будущему назначенію, благочестивый и самоотверженный духъ, нравственную силу; степенный, мужественный характеръ и, вообще, всѣ качества, необходимыя для плодотворнаго исполненія обязанностей наставника народнаго училища.

§ 55.

Въ преподаваніи должно избѣгать сообщенія какихъ-либо непрактическихъ теорій и высокопарныхъ понятій, усвоивъ которыя, ученикъ, въ будущихъ дѣйствіяхъ своихъ, могъ бы сдѣлаться только надменнымъ и самолюбивымъ. Кромѣ того, не должно никогда упускать изъ виду народную жизнь и правильное отношеніе къ ней училища.

§ 56.

Основаніемъ преподованію педагогики должны служить слѣдующія необходимыя вспомогательныя науки:

1) Антропологія, или главнѣйшія основанія анатоміи и физіологіи, съ педагогической цѣлью доставить ученикамъ вѣрное понятіе о строеніи человѣческаго тѣла, о назначеніи различныхъ органовъ и объ отношеніяхъ ихъ между собою и къ цѣлому организму, — потому что только на основаніи этихъ свѣдѣній могутъ быть выведены основные законы правильнаго здраваго развитія дитяти и объяснены правила для разумнаго ухода за дѣтьми и попеченія о нихъ въ здоровомъ и болѣзненномъ состояніи.

2) Опытная психологія, или опытное изложеніе законовъ духовнаго развитія человѣка; образованіе и развитіе понятій, желаній и чувствъ; взаимная зависимость духовнаго и тѣлеснаго развитія человѣка.

3) Общая и специальная педагогика, дидактика и методика.

Только по основательномъ ознакомленіи учениковъ съ основными природными законами тѣлеснаго и духовнаго развитія человѣка начинается преподованіе общей и специальной *педагогики, дидактики и методики.*

§ 57.

Въ первомъ году преподаваніе начинается съ описанія состава человѣческаго тѣла и т. д., то есть съ изложенія главнѣйшихъ основаній анатоміи и физіологіи.

Во второмъ году: продолженіе курса перваго года; опытная психологія и физическое попеченіе о дѣтяхъ; общая приуготовительная педагогика и краткій, но основательный обзоръ исторіи и литературы этой науки.

Въ третьемъ году преподается специальная наука о воспитаніи, дитактика и методика, особливо *народное воспитаніе*, а также и правила для обученія и дисциплины въ народныхъ училищахъ.

XII. Катихетика и руководство въ управленіи народнымъ училищемъ.

§ 58.

Преподаваніе катихетики должно быть посредникомъ между вышеизложенною методикой и дидактикой съ одной стороны и практическимъ элементарныхъ ученіемъ и, особенно, управленіемъ училищемъ съ другой. Слѣдовательно, оно имѣетъ цѣлью познакомить ученика, вообще, съ правилами элементарной науки преподаванія и дать ему случай упражняться практически въ этой наукѣ.

§ 59.

Учитель, руководствуясь принятою учебною книгою, предварительно излагаетъ общія основанія катихизаціи къ ея, болѣе труднымъ задачамъ; онъ долженъ, на каждомъ шагу, сперва излагать теорію этого элементарнаго метода преподаванія, а потомъ представить ее на практикѣ, совершая самое преподаваніе, и наконецъ задать ученикамъ темы для катихетической обработки ихъ; эти работы ученики сначала излагаютъ письменно, а по исправленіи ихъ учителемъ, въ слѣдующій урокъ катихизирують и словесно. Таковыя темы избираются преимущественно изъ принятыхъ въ народныхъ училищахъ учебныхъ книгъ, дабы ученики могли познакомиться съ ихъ употребленіемъ.

§ 60.

Преподаваніе катихетики начинается въ третьемъ классѣ семинаріи.

§ 61.

Ученикъ семинаріи, получившій теоретическое наставленіе въ преподаваніи всѣхъ учебныхъ предметовъ въ народномъ училищѣ, понимающій взаимную связь и воспитательное значеніе этихъ предметовъ и пріобрѣвшій обученіемъ катихетикѣ способность къ элементарному преподаванію; долженъ еще ознакомиться съ дисциплиною и устройствомъ народнаго училища и научиться управленію имъ.

§ 62.

Для этой цѣли находятся при семинаріи два нормальныхъ или образцовыхъ училища: одно для мальчиковъ, другое для дѣвочекъ. Эти училища должны во всѣхъ отношеніяхъ служить образцомъ для прочихъ народныхъ училищъ государства, и всѣ наставники и наставницы, руководящіе учениковъ и учевицъ семинаріи въ преподаваніи въ нормальныхъ училищахъ, должны по возможности представлять совершеннѣйшій примѣръ наставникамъ и наставницамъ народныхъ училищъ. Поэтому, всѣ наставники и наставницы при нормальномъ училищѣ должны весьма строго наблюдать сами за собою, дабы избѣгнуть всего, могущаго служить дурнымъ примѣромъ для учениковъ семинаріи въ отношеніи преподаванія, дисциплины и, вообще, всего управленія училищемъ.

§ 63.

Нормальныя училища служатъ не только для практическаго упражненія учениковъ семинаріи въ народномъ обученіи и въ управленіи школами, но извѣстное число учениковъ и учениць нормальныхъ училищъ присутствуютъ во второмъ и третьемъ классѣ семинаріи при репетиціяхъ, для того, чтобы наставники семинаріи могли показать на дѣлѣ методическій способъ преподаванія какой-либо науки въ присутствіи всего класса семинаріи.

§ 64.

Руководство въ управленіи училищемъ начинается только съ третьяго курса семинаріи. Три или четыре ученика этого курса, поочередно, въ теченіе перваго полугодія, присутствуютъ при урокахъ въ нормальномъ училищѣ, для того, чтобы слѣдить за методомъ преподаванія, и помогаютъ наставнику семинаріи въ родѣ репетиторовъ. Въ теченіе втораго полугодія ученики получаютъ въ свое вѣдѣніе отдѣленіе нормальнаго училища, начиная съ младшаго класса, но подъ постояннымъ присмотромъ одного наставника или директора семинаріи.

Въ теченіе всего пробнаго года одинъ изъ кандидатовъ, по очереди, завѣдуетъ короткое время всею школою, подъ постояннымъ надзоромъ одного наставника и директора, которые тщательно указываютъ ему промахи и, вообще, руководятъ имъ въ этомъ дѣлѣ.

XIII. Тѣлесныя упражненія; діететика и физическое попеченіе о дѣтяхъ.

§ 65.

Тѣлесныя упражненія въ семинаріи должны идти вмѣстѣ съ техническими занятіями и рукодѣліями въ рабочихъ залахъ, съ хозяйственными занятіями въ саду, въ огородѣ и въ полѣ и производить равновѣсіе въ развитіи тѣлесныхъ и умственныхъ силъ ученика.

Кромѣ этой главной цѣли — достиженія согласнаго здраваго развитія тѣла и духа — эти упражненія, какъ доказалъ опытъ, содѣйствуютъ веселому, откровенному и дружественному общежитію учениковъ.

§ 66.

Тѣлесныя упражненія состоятъ преимущественно въ гимнастикѣ и купаніи. Гимнастика состоитъ въ вольныхъ движеніяхъ, гимнастическихъ играхъ, лазаніи, бѣганіи и прыганіи, въ метаніи и стрѣляніи въ цѣль, въ катаніи на конькахъ и лыжахъ, въ греблѣ и пр. Эти упражненія должны однако ограничиться педагогическою цѣлью и не должны сдѣлаться безполезными и опасными.

Наконецъ, гимнастика имѣетъ еще цѣлью руководить учениковъ въ устройствѣ гимнастическихъ дѣтскихъ игръ, также и въ обученіи гимнастикѣ въ народныхъ училищахъ и устройствѣ въ оныхъ удобныхъ гимнастическихъ залъ.

§ 67.

Кромѣ ежедневныхъ душъ (20 градусовъ по Цельзію) по утрамъ, продолжающихся полминуты и отнюдь не болѣе одной минуты, ученики обучаются, въ теченіе лѣта, въ предобѣденное время, плаванію и методическому руководству дѣтей въ этомъ искусствѣ.

§ 68.

Во время купанья и при гимнастическихъ играхъ присутствуетъ постоянно учитель или учительница гимнастики.

§ 69.

Обученіе дѣтской діететикѣ заключаетъ въ себѣ изложеніе всѣхъ необходимыхъ условій для здраваго физическаго развитія дѣтей, согласнаго съ ихъ природою, именно: наставленія о пищѣ, вліяніе воздуха, свѣта, теплоты и холода на здоровье, объ удобной одеждѣ, о чистотѣ и т. п.

§ 70.

Съ теоретическимъ преподаваніемъ физическаго развитія дѣтей тѣсно связано практическое упражненіе въ попеченіи о малолѣтнихъ дѣтяхъ въ дѣтскомъ пріютѣ и садѣ. Сестры по очереди исправляютъ обязанности въ обоихъ заведеніяхъ и получаютъ наставленіе въ уходѣ за дѣтьми отъ смотрительницы и учителя діететики и физическаго попеченія о дѣтяхъ.

XIV. Техническія занятія и рукодѣлія.

§ 71.

Обученіе техническимъ занятіямъ и различнымъ рукодѣліямъ имѣетъ цѣлью: 1) развить гибкость и ловкость въ рукахъ, столь необходимыя для каждаго человѣка, особенно же для будущаго работника; 2) научить учениковъ нѣкоторымъ домашнимъ ремесламъ, самымъ полезнымъ для простаго народа въ нашей странѣ.

§ 72.

Техническія занятія и рукодѣлія въ семинаріяхъ и въ нормальныхъ училищахъ не должны производиться какъ *ремесла* или состоять изъ однихъ *механическихъ, неосмысленныхъ пріемовъ и упражненій*, которые не только не занимаютъ умственныхъ силъ учениковъ и потому не доставляютъ душевнаго удовлетворенія и не возбуждаютъ охоты и способности въ работѣ, но положительно истомляютъ физическія силы и порождаютъ отвращаніе ко всякому труду. Поэтому-то техническія работы и рукодѣлія должны быть такого рода и такъ распредѣлены, чтобы они постоянно занимали въ одно и то же время и тѣлесныя, и умствен-

ныя силы и такимъ образомъ согласно развивали какъ физическія, такъ и умственныя способности учениковъ и учениць.

§ 73.

Пріобрѣвши необходимую техническую способность въ употребленіи столярныхъ и токарныхъ инструментовъ, для дѣланія обыкновенной домашней утвари и простыхъ земледѣльческихъ орудій: рукоятокъ, косъ, сѣнныхъ вилъ, телѣгъ, саней и пр., ученики должны стараться примѣнить эту способность къ производству работъ, требующихъ большаго размышленія, напримѣръ: простыхъ геометрическихъ и физическихъ инструментовъ, угломѣровъ, циркулей, блоковъ, насосовъ, моделей, земледѣльческихъ орудій и т. п.

Въ женскомъ отдѣленіи производятся обыкновенныя грубыя и тонкія женскія рукодѣлія, т. е. гладкое шитье, соломенныя работы, тканіе, вязаніе тамбурною иглою и проч. Кромѣ того, ученицы должны обучаться кройкѣ всякаго рода бѣлья и женской и дѣтской одежды. Наконецъ, слѣдуетъ научить ученицъ употребленію шести дѣтскихъ даровъ Фрёбеля и другихъ игрушекъ, которыя введены въ дѣтскомъ пріютѣ и садѣ, какъ воспитательныя средства, а также и устройству гимнастическихъ игръ.

§ 74.

Въ первомъ году ученики, особенно тѣ, которые до вступленія въ заведеніе не привыкли къ употребленію пилы и топора, должны пріучиться пилить и колоть дрова и производить мелкія столярныя починки. Такого рода занятія служатъ не только для того, чтобы развить ловкость рукъ, но и пріучаютъ будущихъ народныхъ учителей *не стыдиться никакой честной работы.*

Во второмъ году продолжаются подобныя же послѣдовательныя техническія занятія и упражненія въ различныхъ рукодѣліяхъ, какъ опредѣлено въ § 72.

Въ третьемъ году показываютъ ученикамъ и ученицамъ, какъ должно руководить этими занятіями въ народныхъ училищахъ.

XV. Занятія по домашнему хозяйству.

§ 75.

Принимая разумное участіе въ такихъ хозяйственныхъ занятіяхъ, которыя полезно соединить съ положеніемъ и съ педагогическою дѣятельностью будущаго наставника народныхъ училищъ, ученики и ученицы семинаріи пріучаются къ строгому порядку и чистотѣ, знакомятся съ веденіемъ скромнаго благоустроеннаго хозяйства и привыкаютъ не только прислуживать самимъ себѣ, но и находить отраду въ прислуживаніи другимъ.

§ 76.

Хозяйственныя работы, совершаемыя въ семинаріи, слѣдующія:

Въ мужскомъ отдѣленіи: убираніе комнатъ и учебныхъ залъ, прислуживаніе при столѣ, ношеніе дровъ въ комнаты, участвованіе въ веденіи счетныхъ книгъ и въ управленіи экономіей, выдача припасовъ изъ кладовыхъ, попеченіе о больныхъ товарищахъ, присмотръ надъ конюшнею и т. д.

Сестры не только исправляютъ всѣ домашнія занятія въ женской семинаріи и нормальномъ училищѣ для дѣвочекъ, но также, по очереди, помогаютъ при стряпаніи въ общей кухнѣ, при печеніи хлѣба, стиркѣ и въ прочихъ необходимыхъ женскихъ работахъ для мужской семинаріи и нормальнаго училища для мальчиковъ.

§ 77.

Надзоръ надъ занятіями братьевъ поручается тому наставнику, за которымъ состоитъ очередь понедѣльнаго инспектора.

За сестрами наблюдаютъ смотрительница и прочія наставницы.

Главный надзоръ надъ всѣми занятіями въ заведеніи имѣетъ директоръ; онъ строго наблюдаетъ за чистотою и правильною дѣятельностью въ ономъ и обязанъ стараться поддерживать порядокъ и благоустройство частою ревизіею.

§ 78.

Для работъ, въ которыхъ можетъ участвовать въ одно время только нѣсколько учениковъ, назначаются извѣстные дни въ недѣлѣ, причемъ необходимо

строго соблюдать очередь между учениками, чтобы они всѣ могли постоянно участвовать въ такихъ работахъ.

XVI. Земледѣліе и садоводство.

§ 79.

Земледѣльческія занятія заключаютъ въ себѣ первыя основанія раціональнаго земледѣлія, обработываніе луговъ и сада, лѣсоводство, разведеніе хмѣля и льна, раціональное скотоводство, съ принадлежащимъ къ оному молочнымъ производствомъ, приготовленіе масла и сыра, смотрѣніе за лошадьми, пчеловодство, искуственное разведеніе рыбы и пр. Эти работы совершаются съ *двоякою цѣлію*: онѣ должны укрѣплять здоровье учениковъ и поддерживать постоянную связь съ сельскимъ бытомъ, что и составляетъ *общую* цѣль этихъ занятій. *Специальная* цѣль ихъ состоитъ въ томъ, что ученикамъ сообщается практическое *указаніе* въ раціональномъ управленіи небольшимъ сельскимъ хозяйствомъ, чтобы они впослѣдствіи, какъ наставники народныхъ училищъ, могли давать полезные совѣты и опытностью своею и собственнымъ трудомъ руководить крестьянъ въ правильномъ воздѣлываніи принадлежащихъ имъ небольшихъ участковъ земли и учреждать при народномъ училищѣ, по мѣрѣ надобности, удобную небольшую ферму для практическихъ упражненій дѣтей въ земледѣльческихъ занятіяхъ. Для избѣжанія траты времени и денегъ, ученики знакомятся теоретически и практически только съ тѣми способами земледѣлія, которыхъ полезность доказана на опытѣ.

§ 80.

Всѣ земледѣльческія занятія, исключая тѣхъ, которыя составляютъ обязанность прислуги, должны производиться учениками которые всѣ, безъ исключенія, обязаны участвовать въ оныхъ по мѣрѣ силъ и познаній каждаго въ естественныхъ наукахъ, находящихся въ органической связи съ земледѣльческими занятіями.

§ 81.

Для этой цѣли ученики каждаго класса раздѣляются на *нѣсколько рабочихъ отдѣленій*, изъ коихъ каждое имѣетъ своего *старшаго*, назначаемаго преподавателемъ естественныхъ наукъ. Старшій распоряжается прочими учениками для исполненія заданной отдѣленію работы и принимаетъ необходимыя для сей работы орудія.

82.

При большихъ полевыхъ работахъ, какъ-то: при сѣнокосѣ, жатвѣ, посѣвѣ, зависящихъ отъ погоды и другихъ обстоятельствъ, можно прекратить на нѣкоторое время теоретическія учебныя занятія.

Примѣчаніе. Только учениковъ высшаго класса семинаріи не должно *отвлекать* техническими работами отъ ихъ научныхъ занятій.

§ 83.

Всѣми земледѣльческими работами завѣдываетъ *преподаватель естественныхъ наукъ*. Поэтому теоретическое преподаваніе естествовѣдѣнія находится постоянно въ связи съ упражненіями въ земледѣліи.

§ 84.

Уходъ за садами, разсадниками и лѣсами составляетъ обязанность садовника, который долженъ имѣть надлежащія по его назначенію свѣдѣнія и руководить учениками въ раціональномъ садоводствѣ и лѣсоводствѣ.

§ 85.

Учитель естественныхъ наукъ обязанъ вести акуратный счетъ всему сельскому хозяйству.

§ 86.

Кромѣ общей запашки, которую всѣ ученики семинаріи обрабатываютъ вмѣстѣ, каждый изъ нихъ имѣетъ свой участокъ земли, который онъ по наставленіямъ учителя можетъ обрабатывать, какъ угодно.

Каждый ученикъ долженъ вести журналъ и счетъ полевымъ работамъ, посѣву, жатвѣ и пр., записывать всѣ встрѣчающіеся замѣчательные случаи и, до выпуска своего изъ заведенія, представить учителю подробный отчетъ въ веденіи сельскаго хозяйства.

При обрабатыванiи своихъ участковъ ученики должны помогать другъ другу, смотря по надобности, и эту помощь ученикъ долженъ считать и вносить въ свой отчетъ, какъ особую рабочую силу.

§ 87.

Садоводство, разведенiе хмѣля и льна производится преимущественно ученицами семинарiи, изъ коихъ каждая имѣетъ свой участокъ въ саду, который она можетъ устроить по своему желанiю. Подобные участки имѣютъ также и *старшiе ученики въ нормальномъ училищѣ*.

XVII. Пользованiе библiотекою. Увеселенiя.

§ 88.

Библiотека семинарiи имѣетъ цѣлью доставить ученикамъ поучительное, образовательное, облагораживающее и прiятное чтенiе, а учителямъ самыя лучшiя сочиненiя иностранной, особенно нѣмецкой и англiйской словесности, преимущественно относящiяся къ педагогикѣ, естественнымъ наукамъ и технологiи. Списокъ книгъ для библiотеки составляется директоромъ и учительскимъ совѣтомъ.

§ 89.

Кромѣ полныхъ, капитальныхъ сочиненiй по педагогикѣ и естественнымъ наукамъ, которыя прiобрѣтаются по мѣрѣ денежныхъ средствъ, необходимо имѣть въ библiотекѣ нѣкоторые лучшiе иностранные журналы и брошюры по симъ отраслямъ наукъ, дабы учителя могли постоянно слѣдить за развитiемъ ихъ, а ученики имѣли бы случай прiобрѣсти хотя нѣкоторыя понятiя о жизни въ училищахъ за границею и объ успѣхѣ тамъ педагогическихъ наукъ.

§ 90.

Библiотекою завѣдуетъ одинъ изъ учителей, выбранный педагогическимъ совѣтомъ и директоромъ.

§ 91.

Для прiученiя учениковъ къ приличному и учтивому обращенiю и для возбужденiя и развитiя въ нихъ сочувствiя ко всему благородному и прекрасному въ жизни, а также чтобы внушить имъ охоту къ возвышеннымъ, благороднымъ, эстетическимъ увеселенiямъ, необходимо устроить въ семинарiи соотвѣтствующiя этимъ требованiямъ занятiя и отдохновенiя. Къ такимъ занятiямъ принадлежатъ преимущественно добровольныя упражненiя въ пѣнiи, вечернiя собранiя по воскреснымъ днямъ, небольшiя драматическiя представленiя и прогулки для практическаго ознакомленiя съ природою. Добровольныя упражненiя въ пѣнiи управляются однимъ изъ учениковъ, имѣющимъ большiя способности къ музыкѣ, и состоятъ подъ руководствомъ учителя музыки и директора.

§ 92.

Каждое воскресенье вечеромъ ученики и ученицы обоихъ отдѣленiй собираются вмѣстѣ съ директоромъ, со всѣми учителями и ихъ семействами въ одно изъ большихъ залъ, для *общаго увеселенiя*, причемъ пѣнiе и музыка смѣняются декламацiями и другими образовательными занятiями, исключая танцованiя.

Вечернее увеселенiе открывается пѣнiемъ, послѣ чего двое изъ учениковъ передаютъ выученную ими сцену въ прозѣ или въ стихахъ; потомъ слѣдуетъ опять пѣнiе и разыгрыванiе музыкальныхъ пьесъ. Затѣмъ одинъ изъ учителей читаетъ извѣстiя о замѣчательныхъ явленiяхъ въ педагогической литературѣ, извлеченiе изъ журналовъ или собственныя разсужденiя. Увеселенiе оканчивается, въ 9 часовъ, пѣнiемъ религiозныхъ или отечественныхъ гимновъ.

Во время этихъ увеселенiй, состоящихъ подъ спецiальнымъ присмотромъ директора, двухъ наставниковъ и смотрительницы, надлежитъ обращать особенное вниманiе на то, чтобы немедленно строго взыскивался каждый малѣйшiй признакъ двусмысленности, баловства, вѣтренности или неприличiя, который, смотря по значенiю его, наказывается или выключенiемъ изъ общества на долгое или короткое время, или удаленiемъ изъ заведенiя.

§ 93.

Если позволяютъ средства и время, то ученики и ученицы, по собственному желанiю, подъ руководствомъ директора, смотрительницы и всѣхъ наставниковъ

и наставницъ, даютъ цѣлыя драматическія представленія, содержаніе которыхъ должно быть по возможности ближе къ исторической или современной народной жизни и строго соотвѣтствовать возрасту и положенію учениковъ и ученицъ.

Цѣль подобныхъ представленій состоитъ въ томъ, чтобы пріучить учениковъ и ученицъ ко взаимному приличному и свободному обращенію, возбудить въ нихъ сочувствіе ко всему благородному, любовь къ отечеству, къ народной жизни и, высокими примѣрами самопожертвованія ради общаго блага, внушать имъ подобныя же убѣжденія.

При представленіяхъ должно обращать особенное вниманіе на свободу и естественность разговоровъ и движеній.

§ 94.

Наконецъ, ученики, кромѣ прогулокъ по праздникамъ, ежегодно въ лѣтнее время совершаютъ одну дальнюю прогулку для естественныхъ изслѣдованій, продолжающуюся три или четыре дня, причемъ ихъ сопровождаютъ нѣсколько наставниковъ и учитель естественныхъ наукъ. Такія прогулки должны устраиваться съ большою расчетливостью въ отношеніи къ времени и къ экономіи, но съ другой стороны такъ, чтобы они были образовательными и поучительными и служили бы поощреніемъ и отдохновеніемъ.

XVIII. Домашнія молитвы и общее богослуженіе.

§ 95.

Считая, по всей справедливости, первымъ условіемъ истиннаго народнаго учителя, чтобы онъ не только имѣлъ основательныя познанія въ религіи, но и *постоянно* исповѣдывалъ свою религію *всенародно* своею чистою нравственною жизнію, и признавая, что каждая семья находитъ истинное благословеніе только исполненіемъ премудраго завѣта «молись и трудись», необходимо, чтобы вышеозначенное преподаваніе религіи сопровождалось соотвѣтсвеннымъ ему богослуженіемъ.

§ 96.

Кромѣ отдѣльной тихой молитвы, совершаемой каждымъ ученикомъ, ежедневно до начатія уроковъ въ каждомъ отдѣленіи семинаріи, совершается еще общая молитва, начинаемая и оканчиваемая пѣніемъ псалмовъ. При этомъ директоръ или смотрительница въ женскомъ отдѣленіи, а законоучитель въ мужскомъ, читаютъ извѣстное мѣсто изъ библіи и произносятъ краткую, и, лучше всего, внушенную минутнымъ чувствомъ молитву.

Предъ обѣдомъ и послѣ обѣда совершается понедѣльнымъ инспекторомъ въ мужскомъ отдѣленіи, а смотрительницею или наставницею въ женскомъ, краткая молитва, или ученики поютъ благодарственный стихъ.

Каждую субботу, вечеромъ, послѣ ужина, совершается общая вечерняя молитва въ каждомъ отдѣленіи семинаріи.

Эта молитва начинается соотвѣтствующимъ пѣніемъ, послѣ котораго директоръ говоритъ поученіе, въ коемъ онъ приводитъ замѣчанія о занятіяхъ, поведеніи учениковъ и пр.

Каждый воскресный и праздничный день законоучитель совершаетъ богослуженіе, во время котораго поютъ ученики подъ управленіемъ учителя музыки.

Распредѣленіе занятій въ дѣтскомъ пріютѣ и садѣ. [1])

§ 1.

Въ дѣтскомъ пріютѣ главная забота заключается въ физическомъ попеченіи о дѣтяхъ, сообразномъ съ законами природы; что же касается духовнаго образованія ребенка, то оно въ это время состоитъ преимущественно въ удаленіи всѣхъ дурныхъ примѣровъ, въ искорененіи всѣхъ вредныхъ привычекъ и въ проясненіи и укрѣпленіи органовъ чувствъ посредствомъ упражненія ихъ *разумнымъ общенаглядныъ обученіемъ*. Но эти упражненія не должны слишкомъ утруждать глаза, уши и др. органы дитяти; поэтому-

---

[1]) Обращаемъ особое вниманіе родителей и первоначальныхъ воспитателей и воспитательницъ на эту главу проекта. Въ устройствѣ дѣтскихъ пріюто въ исадовъ они найдутъ *послѣдовательныя практическія указанія*, *какъ и чѣмъ* они должны занимать своихъ малютокъ для правильнаго духовнаго и физическаго воспитанія ихъ, съ обозначеніемъ простыхъ дешевыхъ средствъ и матеріаловъ, которые вездѣ, а особенно въ деревняхъ, легко самимъ сдѣлать.

то слѣдуетъ не показывать дѣтямъ разомъ *много различныхъ* предметовъ, а пріучать ихъ постепенно разсматривать и называть только *немногіе, самые обыкновенные* предметы. Мускулы тѣла, особенно наружные члены, руки и ноги надлежитъ упражнять такъ-называемыми *игральными движеніями,* которыя совершаются въ нарочно-приспособленныхъ къ этому играхъ и сопровождаются пѣніемъ. Маленькимъ нѣжнымъ рукамъ дѣтей сообщается вмѣстѣ съ этимъ необходимая упругость и подвижность въ пальцахъ, вслѣдствіе употребленія игрушекъ Фрёбеля.

Религіозно-нравственное образованіе начинается краткими разсказами по картинамъ изъ евангелія и, вообще, изъ священнаго писанія.

Пѣсенкамъ, употребляемымъ при играхъ, наставница обучаетъ или каждое дитя особо, или въ хорѣ. Такимъ же образомъ малютки запоминаютъ и краткія религіозно-нравственныя стихотворенія, которыя должны быть для нихъ *вполнѣ понятны.*

§ 2.

Всѣ эти занятія продолжаются и въ *первомъ отдѣленіи дѣтскаго сада;* гдѣ строго соблюдается слѣдующее основное правило: дитя должно быть постоянно занято, дабы предупредить въ немъ скуку и происходящую оттого невнимательность, разсѣянность, лѣность и вялость. Но всѣ занятія, какъ въ пріютѣ, такъ и въ дѣтскомъ саду, *состоятъ въ извѣстныхъ играхъ, не произвольныхъ, порождающихъ шалости, упрямство и своеволіе, а въ воспитательныхъ играхъ, устроенныхъ такъ, чтобы онѣ содѣйствовали согласному развитію духовныхъ и тѣлесныхъ силъ дитяти.* По мѣрѣ развитія дѣтей, занятія должны становиться болѣе трудными, требующими бо́льшаго напряженія силъ; но это должно происходить постепенно, сообразно съ природою. Между прочими образовательными занятіями въ этомъ возрастѣ полезны особенно упражненія въ самомъ первоначальнымъ черченіи, съ которыми соединяются и приготовительныя упражненія для обученія письму.

Основанія *устнаго счисленія* цѣлыхъ и даже простыхъ дробей также сообщаются дѣтямъ, но *всегда нагляднымъ образомъ,* посредствомъ нѣкоторыхъ игрушекъ Фрёбеля.

Главная цѣль всѣхъ такихъ занятій въ дѣтскомъ саду состоитъ въ томъ, чтобы изощрить вниманіе и наблюдательность дитяти и пріучить его выражаться легко, опредѣлительно и ясно.

Вмѣсто обученія азбукѣ и чтенію *прямо изъ книги,* слѣдуетъ начинать съ общенагляднаго обученія, которое производится слѣдующимъ образомъ: показываютъ дитяти предметы, которые оно пріучается внимательно и подробно разсматривать, выражая при этомъ свои наблюденія *полными предложеніями.* Потомъ показываютъ картины, коихъ содержаніе наставница объясняетъ въ простыхъ краткихъ разсказахъ, а дѣти мало по малу привыкаютъ, по возможности, *связно* и ясно повторять эти разсказы. Такое чтеніе *по картинамъ* должно, сообразно съ дѣтскою природою, *предшествовать* чтенію *по книгѣ.* Въ первомъ отдѣленіи дѣтскаго сада никакое занятіе не должно продолжаться долѣе получаса, и всякая сидячая работа каждый разъ смѣняется гимнастическими движеніями или играми.

§ 3.

Воспитательныя игры, употребляемыя въ дѣтскомъ саду, состоятъ сначала въ постройкѣ изъ деревянныхъ брусковъ, въ катаніи шара, игрѣ въ мячикъ и въ другихъ гимнастическихъ упражненіяхъ. Потомъ слѣдуетъ составленіе дѣтьми различныхъ фигуръ изъ тонкихъ деревянныхъ дощечекъ, имѣющихъ различныя правильныя формы, и изъ тонкихъ спичекъ, различныхъ проволочныхъ обрѣзковъ и частей круга. Дѣти составляютъ фигуры и *по готовымъ образцамъ, и по собственному вкусу;* послѣднее важно для развитія въ дѣтяхъ самостоятельной образовательной способности. Далѣе дѣти загибаютъ, сплетаютъ бумажныя или кожаныя полоски, прокалываютъ и вырѣзаютъ очертанія различныхъ узоровъ и фигуръ, изображенныхъ на бумагѣ, чертятъ, дѣлаютъ модели и совершаютъ разныя работы изъ горошинъ.

Для мальчиковъ особенно назначается плетеніе корзинокъ, выпиливаніе ручною пилою разныхъ простыхъ контуровъ, на-

черченныхъ на тонкихъ дощечкахъ; для дѣвочекъ — вязаніе, вышиваніе, простое шитье и т. п.

Въ обрабатываніи сада участвуютъ всѣ дѣти, по мѣрѣ силъ каждаго. Игры и занятія на чистомъ воздухѣ дозволяются смотря по погодѣ и прочимъ обстоятельствамъ.

§ 4.

Занятія во второмъ отдѣленіи дѣтскаго сада, съ дѣтьми отъ 6—9 лѣтъ, служатъ приготовленіемъ ихъ къ училищному ученію и потому принимаютъ видъ *учебныхъ* занятій и совершаются по нижеслѣдующему плану.

Преподаваніе религіи.

Наставница разсказываетъ свободно, просто и кратко понятныя для дѣтей библейскія исторіи. Изъ ветхаго завѣта особенно удобны для этого разсказы изъ семейнаго быта временъ патріарховъ и нѣкоторыя повѣствованія о Давидѣ. Изъ новаго завѣта выбираются особенно тѣ разсказы, которые объясняютъ значеніе церковныхъ праздниковъ или представляютъ понятныя для дѣтей нравственныя картины (Рождество Христово, Крещеніе, Вознесеніе, двѣнадцатилѣтній Христосъ во храмѣ; Христосъ благословляетъ дѣтей; повѣсть о блудномъ сынѣ и т. д.). При изложеніи надлежитъ возможно послѣдовательно соблюдать связь между различными разсказами, но болѣе всего обращать вниманіе на понятность и наглядность преподаванія.

Для приданія большей жизни и наглядности разсказамъ употребляются *хорошія картины*.

Наставница, убѣдившись, что дѣти поняли сообщенный ею разсказъ, такъ что могутъ объяснить содержаніе этого разсказа и сами пересказать его, должна продолжать ту же бесѣду съ ними, дабы дѣти пріучились понимать религіозное и нравственное значеніе разсказа и примѣнять пріобрѣтенныя познанія къ собственной жизни.

При этомъ она должна ограничиться *дѣтскимъ бытомъ* и никогда не говорить о слабостяхъ взрослыхъ дѣтей. Разсказы изъ священной исторіи и объясненіе религіозно-нравственнаго значенія, съ примѣненіемъ къ жизни, служатъ преимущественно для того, чтобы поселить въ сердцѣ дѣтей *истинное, здравое благочестіе* и *упованіе на Бога*, которое они впослѣдствіи будутъ проявлять во всѣхъ положеніяхъ своей жизни любовью къ правдѣ и къ труду, послушаніемъ къ родителямъ и наставникамъ, ласковостью и терпѣливою услужливостью къ братьямъ, сестрамъ, товарищамъ и прислугѣ, кроткимъ обращеніемъ съ животными и разумнымъ сочувствіемъ ко всей природѣ. Всѣ эти истинно-христіанскія качества представляются и объясняются дѣтямъ при удобномъ случаѣ, когда дѣти сами могутъ вывести ихъ изъ бесѣдъ съ наставницею.

При каждой такой бесѣдѣ заучивается одно соотвѣтственное библейское изреченіе или стихъ изъ псалмовъ, кратко и опредѣлительно выражающіе изложенную мысль. Наставница подсказываетъ изреченіе или стихъ, а дѣти повторяютъ до тѣхъ поръ, пока не выучатся плавно передавать его.

Обученіе языку.

§ 5.

А. Наглядное обученіе.

1. Разсматриваніе, поименованіе и сравненіе предметовъ, находящихся передъ глазами; описаніе домашней утвари и орудій, которые можно показать ученикамъ.

2. Разсматриваніе, поименованіе и описаніе домашнихъ животныхъ и растеній ближайшей окрестности.

3. Разсматриваніе и описаніе простыхъ и болѣе сложныхъ изображеній.

4. Описаніе предметовъ, не находящихся предъ глазами, но о которыхъ дѣтямъ этого возраста необходимо имѣть ясное понятіе.

5. Бесѣды о видимой дѣтьми части земнаго шара въ географическомъ отношеніи, начиная съ классной комнаты, и объ обыкновенныхъ воздушныхъ и небесныхъ явленіяхъ.

Примѣчаніе. Дѣти, пріобрѣвшіе нѣкоторую способность и навыкъ въ первоначальномъ черченіи, начинаютъ чертить планы своихъ комнатъ, училищныхъ строеній и окрестностей; эти упражненія служатъ приготовленіемъ къ рисованію картъ.

6. Наглядные историческіе разсказы по картинамъ, изображающимъ преимущественно замѣчательные и понятные для дѣтей случаи изъ семейной жизни финскаго и другихъ народовъ.

B. Первыя начала въ письмѣ и чтеніи по аналитически-синтетическому способу, въ теченіе перваго года, состоятъ въ слѣдующемъ:

Наставница называетъ дѣтямъ извѣстный имъ предметъ, напримѣръ: tak (крыша), и чертитъ изображеніе ея на стѣнной доскѣ. Слово tak, означающее названіе начертаннаго предмета, можетъ быть написано или напечатано.

Чтобы написать это слово, необходимо умѣть различать простые звуки, изъ коихъ оно составлено, и знать изображеніе ихъ. Поэтому наставница ясно произноситъ каждый отдѣльный звукъ и потомъ изображаетъ его на доскѣ. Первый звукъ есть «*t*», который изображается знакомъ *t* (наставница пишетъ этотъ знакъ на доскѣ, такъ чтобы всѣ ученики и ученицы могли его видѣть). Второй звукъ есть «*a*», а знакъ его *a*; третій звукъ «*k*», а знакъ его *k*. Такимъ образомъ наставница изображаетъ на доскѣ все слово *tak* (крыша). Дѣти легко начертываютъ это слово на своихъ разлинованныхъ грифельныхъ доскахъ, потому что въ предварительныхъ упражненіяхъ въ черченіи они уже научились изображать различныя прямыя и кривыя черты. Потомъ наставница беретъ отдѣльныя печатныя буквы и составляетъ изъ нихъ слово *tak* на доскѣ. Каждое дитя имѣетъ предъ собою маленькій алфавитъ отдѣльныхъ буквъ, расположенныхъ по порядку, изъ коихъ оно выбираетъ *t-a-k*, и ставитъ ихъ рядомъ на столѣ предъ собою.

Этимъ способомъ возбуждается разумная самодѣятельность дитяти уже при самомъ началѣ обученія чтенію и письму.

Кромѣ того, этотъ способъ далеко превосходитъ наше, обыкновенно устное, *слоговое* обученіе чтенію (не говоря уже о прежнемъ способѣ учить *по складамъ*): онъ не начинаетъ слогами, т. е. упражненіями въ чтеніи, въ которыхъ нѣтъ никакого смысла и которыми дѣти *систематически пріучаются къ безмысленному чтенію* А отъ него нѣкоторые не могутъ потомъ отучиться во всю жизнь. Напротивъ того предлагаемый мною способъ вытекаетъ изъ самаго дѣла и прямо пріучаетъ дѣтей читать *со смысломъ* и изображать цѣлыя слова, заключающія въ себѣ извѣстныя уже дѣтямъ понятія.

Первая учебная книга, составленная для дѣтей по этому способу, должна начинаться выборомъ словъ, которыя означаютъ наименованія видимыхъ, знакомыхъ дѣтямъ предметовъ и въ начертаніе которыхъ входятъ всѣ буквы.

Когда дѣти прочтутъ всѣ эти слова, числомъ отъ тридцати до тридцати пяти (на что потребуется три мѣсяца или много что полгода), то вмѣстѣ съ тѣмъ они уже преодолѣютъ главнѣйшія трудности, встрѣчаемыя при механическомъ чтеніи, потому что изъ многихъ приведенныхъ въ учебной книгѣ словъ можно легко составлять другія слова, измѣняя только начальный или конечный звукъ; такими перемѣнами можно легко пріобрѣсти механическую способность въ чтеніи.

Достигнувъ этого, можно перейти съ дѣтьми къ чтенію краткихъ послѣдовательныхъ разсказовъ изъ учебной книги. Наставница разсказываетъ сначала нѣсколько разъ, безъ книги, содержаніе того, что дѣти будутъ читать, и заставляетъ ихъ самихъ разсказать. Потомъ она прочитываетъ этотъ разсказъ по книгѣ, заставляя послѣ этого каждаго ученика по очереди прочесть *одно предложеніе* и тотчасъ, закрывъ книгу, разсказать содержаніе.

Съ самаго начала чтенія наставница должна обратить особенное вниманіе на ясный выговоръ отдѣльныхъ звуковъ и на правильное удареніе и произношеніе цѣлыхъ словъ.

При упражненіяхъ въ письмѣ употребляются сперва маленькія буквы, и наставница должна строго слѣдить за тѣмъ, чтобы дѣти уже при самомъ началѣ писали слова чисто и ясно, держали перо въ рукѣ, какъ слѣдуетъ, изображали буквы вѣрно, сидѣли прямо, и т. д. Она въ этомъ случаѣ не должна обращать никакого вниманія на безсмысленныя замѣчанія многихъ учителей и учительницъ, которые утверждаютъ, что дѣти ничего не могутъ сдѣлать порядочно. Это совершенно несправедливо: дѣти всегда будутъ совершать свое дѣло хорошо, если мы будемъ требовать отъ нихъ только то-

го, что они *могутъ* сдѣлать въ извѣстное время, и если будемъ *постоянно слѣдить* за исполненіемъ такихъ требованій. Если же мы, внимая упомянутымъ замѣчаніямъ, позволимъ дѣтямъ въ началѣ совершать все небрежно, какъ-нибудь, то преподаваніе наше утратитъ все образовательное нравственное вліяніе.

C. Во второмъ году:

Чтеніе съ слѣдующими упражненіями въ языкѣ:

1. *Повторительное чтеніе* прочтеннаго до тѣхъ поръ, пока дѣти не выучатся читать его механически безошибочно, безостановочно; 2) объяснительные вопросы о содержаніи; 3) переписываніе разсказа изъ книги на доску; 4) дальнѣйшія упражненія въ чтеніи словъ, состоящихъ изъ простыхъ звуковъ, и въ складываніи ихъ для пріобрѣтенія умѣнія писать орѳографически правильно; 5) разсказываніе прочтеннаго, безъ книги; 6) заучиваніе наизустъ; 7) писаніе заученнаго на память и, потомъ, поправка ошибокъ по книгѣ.

D. Въ третьемъ году:

Чтеніе съ дальнѣйшими упражненіями въ языкѣ:

1. Повторительное чтеніе; 2) словесное и письменное повтореніе прочитаннаго; 2) списываніе изъ книги; 4) заучиваніе прочитаннаго; 5) писаніе на доскѣ на память и исправленіе ошибокъ по книгѣ; 6) распознаваніе именъ существительныхъ, прилагательныхъ, глаголовъ, мѣстоименій, частицъ и писаніе рядами, одно подъ другимъ, всѣхъ словъ одной части рѣчи; 7) склоненіе существительныхъ въ единственномъ и множественномъ числѣ, въ соединеніи съ другими или въ одномъ предложеніи, и т. д.

§ 6.

Счисленіе.

Послѣ священнаго писанія и обученія родному языку, главнѣйшій учебный предметъ въ народномъ училищѣ составляетъ *первоначальное счисленіе*, какъ по пользѣ и необходимости своей въ практической жизни, такъ и потому, что оно есть превосходное средство для послѣдовательнаго развитія умственныхъ силъ.

Словесное счисленіе, какъ главное, должно предшествовать *письменному*; но ихъ не слѣдуетъ слишкомъ строго отдѣлять одно отъ другаго. При словесномъ счисленіи наставницѣ надлежитъ стараться заставлять дѣтей говорить связно, ясно и полно; при вычисленіи на доскѣ необходимо пріучить ихъ писать правильно, чисто и ясно.

Обученіе счисленію можетъ только такимъ строгимъ порядкомъ принести желаемую образовательную пользу.

Въ первомъ году назначаются:

Упражненія въ начальномъ счисленіи, прибавляя и убавляя единицу, *до двадцати;* разложеніе этихъ чиселъ и четыре дѣйствія надъ ними, приложеніе этихъ упражненій къ рѣшенію легкихъ задачъ или вопросовъ, касающихся обыкновенной жизни; письменное изображеніе чиселъ и задачъ точками и чертами; изъясненіе знаковъ +, —, ×, :.

Примѣчаніе. Наставникъ или наставница должны показывать ученикамъ всѣ мѣры, вѣсы и монеты, встрѣчающіеся въ задачѣ.

Во второмъ году:

Упражненія въ счисленіи отъ *единицы до ста*, прибавляя и убавляя единицу; разложеніе этихъ чиселъ; изображеніе чиселъ цифрами; наглядное объясненіе понятій: *десятки и сотни;* упражненіе въ счисленіи въ умѣ отъ единицы до ста и четыре правила надъ этими числами; примѣненіе этихъ упражненій къ разрѣшенію легкихъ задачъ изъ обыкновенной жизни; письменное изображеніе этихъ упражненій цифрами.

Въ третьемъ году:

Продолженіе таковыхъ же упражненій надъ числами до тысячи; наглядное объясненіе понятія — *тысяча;* раздѣленіе чиселъ на единицы, десятки и сотни.

§ 7.

Пѣніе.

Преподаваніе пѣнія продолжается также, какъ и въ первомъ отдѣленіи; затверживаніе наизустъ мелкихъ дѣтскихъ пѣсенъ по слуху; дѣти пріучаются въ пѣсняхъ къ такту. Въ концѣ пребыванія въ дѣтскомъ саду дѣти выучиваютъ ноты.

§ 8.

Чистописаніе.

Въ первомъ году:

Упражненія въ письмѣ, причемъ употребляются одни только строчныя буквы. Это преподаваніе сначала соединяется съ обученіемъ чтенію.

Во второмъ году:

Приступаютъ къ скорописи и изображенію прописныхъ буквъ.

Въ третьемъ году:

Продолженіе упражненій въ чистой и ясной скорописи по *тактическому способу*; начинается письмо на бумагѣ.

§ 9.

Ручныя занятія по способу Фребеля продолжаются далѣе, съ необходимыми измѣненіями, соотвѣтствующими болѣе взрослымъ дѣтямъ.

Учебный планъ для образцовыхъ училищъ при семинаріи.

§ 10.

Преподаваніе закона Божія.

I. Отдѣленіе дѣтей отъ 10 — 11 лѣтъ.

Священная исторія ветхаго завѣта излагается послѣдовательно. Учитель и учительница должны и здѣсь, такъ же, какъ въ дѣтскомъ саду, сперва сами просто и живо разсказать каждую отдѣльную исторію, назначаемую *для урока*, а потомъ заставить дѣтей разсказывать. Послѣ сего наставникъ или наставница читаетъ по книгѣ тотъ же разсказъ, а дѣти повторяютъ чтеніе до тѣхъ поръ, пока не прочтутъ безошибочно и безъ запинокъ, соблюдая вездѣ знаки препинанія и правильное удареніе.

Каждый слѣдующій урокъ долженъ начинаться краткимъ повтореніемъ предъидущаго; новый урокъ, по окончаніи каждаго его отдѣла, повторяется также вкратцѣ.

Выучивъ дѣтей ясно и плавно читать и разсказывать извѣстную библейскую исторію, наставникъ или наставница, посредствомъ катихизаціи, пріучаетъ дѣтей находить нравственное и религіозное значеніе оной и примѣнять его къ собственной жизни. При этомъ наставникъ или наставнина должны избѣгать многословія и растянутыхъ объясненій. Имъ слѣдуетъ выражаться сколь возможно кратко и требовать отъ дѣтей полныхъ и связныхъ отвѣтовъ. Но, объясняя извѣстный разсказъ должно не исчерпывать разомъ всего его содержанія, а разъяснять постепенно только тѣ его стороны, которыя доступны пониманію дѣтей означеннаго возраста и изъ которыхъ дѣти могутъ сами вывести нравственныя примѣненія.

Духовные стихи и библейскія изреченія, соотвѣтствующіе разсказываемой священной исторіи, объясняются преподавателемъ или преподавательницею просто и кратко, такимъ образомъ чтобы они запечатлѣлись въ сердцѣ дѣтей, послѣ чего дѣти заучиваютъ ихъ наизустъ и въ слѣдующій урокъ повторяютъ поодиночкѣ или хоромъ.

II. Отдѣленіе дѣтей 12 и 13 лѣтъ.

Разсказываются и прочитываются последовательно священныя исторіи изъ новаго завѣта, съ подобными же упражненіями, какъ и въ первомъ отдѣленіи.

III. Отдѣленіе дѣтей 14, 15 и 16 лѣтъ.

Краткое ученіе о библейскихъ книгахъ; повтореніе всей священной исторіи. Толкованіе поучительнѣйшихъ псалмовъ и пророчествъ о Спасителѣ. Изъ новаго завѣта—объясненіе проповѣди на горѣ и бесѣдъ Спасителя съ учениками, а также избранныхъ мѣстъ изъ посланій апостоловъ.

Наставникъ или наставница должны особенно заботиться о томъ, чтобы дѣти понимали нравственное и религіозное значеніе прочитаннаго мѣста изъ библіи. Примѣненіе должно уже не ограничиваться кругомъ дѣтскаго быта, но относиться ко всей человѣческой жизни. Если дозволитъ время, то ученикамъ и ученицамъ сообщается краткій обзоръ церковной исторіи, особенно со временъ реформаціи.

Кромѣ того, старшіе ученики и ученицы занимаются упражненіями въ разсказываніи священныхъ исторій дѣтямъ младшаго возраста, простымъ и занимательнымъ образомъ.

§ 11.

Обученіе родному языку.

I и II. отдѣленія (дѣти 10—13 лѣтъ.)

А) Чтеніе, сопровождаемое словеснымъ и письменнымъ изложеніемъ:

Чтеніе небольшихъ прозаическихъ разсказовъ.

1) Наставникъ или наставница выбираютъ разсказъ, который дѣти потомъ читаютъ до тѣхъ поръ, пока не прочтутъ его совершенно правильно; 2) объяснительные вопросы о содержаніи разсказа, безъ книги; 4) заучиваніе разсказа; 5) письмо разсказа напамять и поправка ошибокъ по книгѣ; 6) словесная передача разсказа, съ перемѣною временъ и дѣйствующихъ въ немъ лицъ.

Дальнѣйшія упражненія могутъ состоять:

а) въ сравненіи сходныхъ разсказовъ; *б*) въ перечисленіи лицъ, животныхъ и пр., участвующихъ въ разсказахъ, съ описаніемъ того, что о нихъ говорится.

Небольшія стихотворенія.

Производятся тѣ же упражненія, какъ и надъ прозаическими разсказами; въ заключеніе перелагаются стихи въ прозу.

Всѣ эти упражненія совершаются *всегда словесно и письменно;* словесное объясненіе и изложеніе предшествуетъ письменному. Только такими упражненіями дѣти могутъ пріобрѣсти легкость и правильность въ выраженіи и, вообще, научиться *владѣть языкомъ.*

Примѣчаніе. Впрочемъ, не всѣ уроки отечественнаго языка слѣдуетъ употреблять на такія объяснительныя упражненія; нѣсколько изъ нихъ, по усмотрѣнію наставника, необходимо посвятить одному непрерывному чтенію, дабы ученики пріобрѣли большую бѣглость и плавность въ чтеніи.

Б) Грамматика:

Преподаваніе грамматики, какъ *отдѣльнаго* предмета, не должно имѣть мѣста въ народномъ училищѣ; но необходимыя грамматическія объясненія могутъ быть удобно сообщаемы при вышеизложенныхъ упражненіяхъ по языку. Такимъ образомъ объясняются ученикамъ понятія о предложеніи, о частяхъ предложенія, подлежащемъ, сказуемомъ, опредѣлительныхъ и дополнительныхъ словахъ, о различныхъ родахъ предложеній, о частяхъ рѣчи, о склоненіи словъ въ разныхъ сочетаніяхъ, объ образованіи словъ, объ удареніи и проч.

III Отдѣленіе (ученики 14, 15 и 16 лѣтъ).

А) Чтеніе, съ соотвѣтствующими письменными и словесными упражненіями въ выраженіи мыслей:

1) Словесное и письменное изложеніе главныхъ отдѣловъ прочитанной статьи; 2) письменное подражаніе прочитанному; 3) изложеніе содержанія прочитанной статьи въ видѣ письма или рѣчи; 4) упражненія въ устномъ изложеніи мыслей безъ приготовленія; содержаніе для этого берется изъ естественныхъ наукъ; 5) самостоятельныя сочиненія учениковъ на темы, выбранныя преимущественно изъ случаевъ ихъ собственной жизни.

5) Грамматика:

Грамматическія занятія въ этомъ отдѣленіи состоятъ въ болѣе подробномъ разсмотрѣніи свойствъ простаго и сложнаго предложеній, въ составленіи различныхъ періодовъ, въ спряженіи, въ словесномъ и письменномъ разборѣ простыхъ и сложныхъ предложеній и цѣлыхъ періодовъ.

Для доставленія ученикамъ и ученицамъ полной возможности пріобрѣсти легкость, свободу и правильность, какъ въ устномъ, такъ и въ письменномъ выраженіи мыслей, необходимо, чтобы, кромѣ преподавателя отечественнаго языка, и всѣ прочіе учителя обращали особенное вниманіе на правильность, отчетливость и плавность отвѣтовъ учащихся, словомъ, чтобы каждый урокъ былъ вмѣстѣ и *урокомъ роднаго языка.*

§ 12.

Ариѳметика.

I. Отдѣленіе (дѣти отъ 10 — 11 лѣтъ.)

Устныя и письменныя упражненія въ четырехъ правилахъ ариѳметики надъ *простыми* отвлеченными и именованными числами.

II. Отдѣленіе (дѣти 12 — 13 лѣтъ.)

Болѣе подробное объясненіе монетъ, мѣръ и вѣсовъ; раздробленіе и превращеніе именованныхъ чиселъ, четыре ариѳметическія дѣйствія надъ *составными* именованными числами, устно и письменно; рѣшеніе практическихъ задачъ изъ еже-

дневной жизни; объясненіе происхожденія и образованія дробей; общія свойства ихъ, какимъ образомъ онѣ уменьшаются, увеличиваются, сокращаются и приводятся къ одинакому знаменателю; четыре дѣйствія надъ правильными и неправильными дробями.

Каждое упражненіе всегда должно производиться сперва устно, а потомъ уже письменно.

III. Отдѣленіе (дѣти 14—16 лѣтъ.)

Тройное правило устно и письменно, десятичныя дроби, превращеніе обыкновенныхъ дробей въ десятичныя и обратно; четыре правила надъ десятичными дробями; практическія упражненія въ задачахъ, преимущественно въ примѣненіи къ нашимъ монетамъ; вычисленіе процентовъ, правила товарищества и смѣшенія; разныя задачи, особенно изъ сельскаго хозяйства, напримѣръ: вычисленіе чистой прибыли съ участка земли, отъ коровы, отъ молока, масла и сыру и пр.; простая бухгалтерія.

§ 13.

Геометрія.

О плоскихъ фигурахъ и тѣлахъ, съ которыми ученики познакомились уже въ дѣтскомъ саду, именно: о треугольникахъ, квадратахъ, кругахъ, кубахъ, цилиндрахъ, шарахъ, конусахъ, съ вычисленіемъ ихъ объема и поверхности. Въ примѣненіи геометріи къ землемѣрію (измѣреніе сада, пашни, луга и пр.) должны упражняться преимущественно мальчики.

§ 14.

Пѣніе.

Выучиваніе всей скалы, которую проходятъ нѣсколько разъ въ началѣ каждаго урока пѣнія; церковное и свѣтское пѣніе (псалмы, гимны и народныя пѣсни). Обученіе нотамъ, упражненіе слуха въ нахожденіи вѣрнаго тона; различные роды тактовъ; пѣніе небольшихъ пьесъ для двухъ и трехъ голосовъ.

§ 15.

Обученіе письму.

Послѣдовательныя упражненія въ красивой, четкой скорописи по тактическому способу.

Эти упражненія состоятъ не въ переписываніи съ прописей, а обыкновенно въ описаніи заученныхъ прозаическихъ статей или стихотвореній. Прописи же, употребляемыя разъ въ недѣлю, должны содержать дѣловыя статьи, относящіяся къ сельскому быту.

Всѣ наставники, не только преподаватель чистописанія, обязаны строго наблюдать, чтобы всѣ письменныя работы учениковъ были написаны четко и опрятно. Одними уроками чистописанія этого достигнуть нельзя: если прочіе преподаватели не будутъ обращать вниманія на то, какъ исполняются учениками письменныя работы по ихъ предметамъ, то ученики будутъ смотрѣть на чистописаніе какъ на отдѣльный учебный предметъ, и подумаютъ, что надо стараться писать хорошо только во время уроковъ чистописанія, а другія тетради могутъ быть написаны кое-какъ.

По нашему мнѣнію, каждый ученикъ долженъ имѣть *двѣ тетради чистописанія*: одну, которую онъ употребляетъ при *каждомъ* урокѣ чистописанія, другую — *разъ въ мѣсяцъ*. Написанное въ послѣдней показываетъ, съ одной стороны, какіе успѣхи въ письмѣ сдѣлалъ ученикъ въ продолженіе мѣсяца; съ другой стороны, эта же тетрадь даетъ возможность прочимъ учителямъ вѣрно судить о томъ, какъ четко и красиво могутъ писать ученики, и согласовать съ этимъ свои требованія относительно письма ими задаваемыхъ работъ. Тетради представляются каждый мѣсяцъ директору и совѣту учителей. Существенное значеніе строгаго наблюденія со стороны всѣхъ преподавателей за чистымъ письмомъ учениковъ состоитъ не только въ томъ, что ученики при этомъ научаются четкому красивому письму, но особенно въ томъ, что они привыкаютъ исполнять всѣ работы добросовѣстно и отчетливо.

§ 16.

Исторія.

Преподаваніе исторіи состоитъ въ томъ, что учитель или учительница ясно, просто и кратко разсказываетъ біографіи замѣчательныхъ историческихъ дѣятелей, группируя около нихъ современныя

событія, въ которыхъ эти дѣятели принимали главное участіе, и потомъ заставляетъ учениковъ и ученицъ излагать эти разсказы *устно и письменно*. Въ заключеніе дается краткій обзоръ отечественной исторіи, дѣйствующихъ законовъ и всего государственнаго устройства. Послѣднее сообщается преимущественно мальчикамъ.

Наставникъ или наставница должны заботиться о томъ, чтобы историческія познанія дѣтей не оставались однимъ мертвымъ знаніемъ; поэтому преподаваніе не должно ограничиваться сообщеніемъ однихъ сухихъ, голыхъ фактовъ, громкихъ именъ и хронологическихъ чиселъ. Цѣль обученія исторіи въ народномъ училищѣ состоитъ именно въ томъ, чтобы основательно познакомить ученика съ историческимъ развитіемъ какъ своего отечества въ особенности, такъ и всего рода человѣческаго вообще. Въ преподаваніи исторіи надо всегда имѣть въ виду достиженіе этой цѣли и постоянно развивать въ ученикахъ сочувствіе къ общественному духу и ясное сознаніе какъ обязанностей, лежащихъ на каждомъ членѣ общества, на каждомъ гражданинѣ, такъ и правъ, принадлежащихъ имъ.

Примѣчаніе. Въ началѣ каждаго урока учитель или учительница заставляетъ учениковъ или ученицъ громко и плавно разсказывать пройденное въ предъидущій урокъ, для того, чтобы новое, послѣдующее всегда находилось въ живой связи съ предшествовавшимъ.

§ 17.

География.

Пройденное изъ географіи во второмъ отдѣленіи дѣтскаго сада повторяется и распространяется. Къ этому прибавляется подробнѣйшее описаніе мѣста жительства, рисованіе картъ ближайшей окрестности, для нагляднаго объясненія самыхъ необходимыхъ топографическихъ понятій. Потомъ слѣдуетъ подробная географія Финляндіи и краткое описаніе Европы и другихъ частей свѣта, а въ заключеніе сообщаются главнѣйшія понятія изъ математической географіи.

§ 18.

Естественныя науки.

Наглядное ознакомленіе съ естественными произведеніями, начатое въ дѣтскомъ саду, продолжается и въ *первомъ* отдѣленіи нормальнаго народнаго училища. Для сего употребляются или сами естественныя произведенія, если это возможно, или *вѣрныя изображенія* ихъ на картинахъ. Безъ наглядности первоначальное обученіе естественнымъ наукамъ не должно имѣть мѣста.

Во второмъ и третьемъ отдѣленіи нормальнаго училища сравниваются между собою пріобрѣтенныя нагляднымъ образомъ познанія о животныхъ, причемъ ученики и ученицы пріучаются распредѣлять ихъ по группамъ, классамъ и пр. Кромѣ того, сообщаются подробныя свѣдѣнія о домашнихъ животныхъ и разныхъ породахъ ихъ, объ уходѣ за ними и кормленіи, о храненіи молока и приготовленіи изъ него масла и сыру; практическія наставленія въ скотоврачебномъ искусствѣ; распознаваніе полезныхъ и вредныхъ насѣкомыхъ, наставленія въ раціональномъ пчеловодствѣ и въ искусственномъ разведеніи рыбъ, и т. п.

По этому же способу совершается и обученіе ботаникѣ. Ученики ознакомливаются съ деревьями Финляндіи, съ родами хлѣба, травъ, кореньевъ, красильными растеніями и растеніями, замѣняющими хлѣбъ, съ вредными и ядовитыми растеніями и съ общими правилами разведенія полезныхъ растеній.

Съ обученіемъ ботаникѣ тѣсно связано практическое руководство и упражненія въ садоводствѣ, раціональное земледѣліе и лѣсоводство, разведеніе хмѣля, пеньки, льна и пр.

Такъ же точно сообщаются и самыя необходимыя минералогическія познанія о полевомъ шпатѣ, кремнѣ, гранитѣ, извести, глинѣ, гнейсѣ и другихъ, самыхъ обыкновенныхъ минералахъ. Описываются и показываются разные роды земли (глинистая, песчаная и известковая), ихъ обработка и способъ улучшенія.

Изъ физики объясняются начала о тяжести, о рычагѣ, равновѣсіи, давленіи воздуха, теплотѣ и пр., а также объясняются обыкновенныя явленія приро-

ды, напримѣръ: вѣтеръ, дождь, снѣгъ, молнія, громъ и пр.

При преподаваніи естественныхъ наукъ употребляется одобренный совѣтомъ учителей учебникъ.

§ 19.

Рисованіе и лѣпка моделей.

А) Свободное рисованіе.

Продолженіе начатыхъ въ дѣтскомъ саду упражненій.

Рисованіе тѣлъ по моделямъ.

Рисованіе орнаментовъ.

Б) Геометрическое рисованіе (преимущественно для мальчиковъ).

Черченіе простыхъ геометрическихъ фигуръ; объясняется употребленіе циркуля и линейки при составленіи рисунковъ для инструментовъ, зданій и т. п., по назначенному масштабу; черченіе небольшихъ плановъ и пр.

В) Лѣпка моделей изъ воску, глины, гипса для простыхъ фигуръ, домашней утвари и снарядовъ.

§ 20.

Рукодѣлія.

А) Въ женскомъ училищѣ:

Ученицы двухъ высшихъ отдѣленій нормальнаго училища участвуютъ, по мѣрѣ силъ и способностей своихъ, подъ руководствомъ сестеръ, во всѣхъ домашнихъ занятіяхъ по кухнѣ, пекарнѣ, пивоварнѣ, прачечной и скотному двору, при уборкѣ и мытьѣ комнатъ и пр.; упражняются также въ шитьѣ одежды и бѣлья, въ выкройкѣ оныхъ, въ работахъ изъ соломы, тканьѣ, вязаніи чулокъ, плетеніи, вязаніи тамбурною иглою и въ разныхъ другихъ рукодѣліяхъ, удобныхъ для занятій въ свободное время.

Въ домашнихъ хозяйственныхъ занятіяхъ необходимо соблюдать крайнюю расчетливость и чистоту.

Б) Въ мужскомъ отдѣленіи:

Упражненія въ употребленіи столярныхъ, токарныхъ и кузнечныхъ инструментовъ, для изученія приготовленія необходимой для обыкновеннаго деревенскаго дома, мебели, домашнихъ вещей, земледѣльческихъ орудій, упряжи, а также устройство простыхъ машинъ, механическихъ инструментовъ и т. п.; простыя сапожныя и сѣдельныя работы.

Кромѣ того, всѣ ученики нормальнаго училища обязаны, вмѣстѣ съ братьями семинаріи и подъ ихъ руководствомъ, производить всѣ домашнія занятія, соразмѣрныя съ силами дѣтей, напримѣръ: уборку комнатъ, колку и пилку дровъ, разноску ихъ по комнатамъ и т. д.

§ 21.

Гимнастика, діететика и уходъ за дѣтьми.

Гимнастика, купанье, катанье на конькахъ и лыжахъ.

Для меньшихъ дѣтей особенно необходимы *вольныя* гимнастическія упражненія: сперва гимнастическія игры, которыми они пріучаются къ ловкости и свободѣ въ движеніяхъ и поступи, а также и къ энергіи; далѣе, для старшихъ учениковъ: упражненія въ маршировкѣ, стрѣльба въ цѣль, балансированіе, лазаніе, прыганіе, бѣганіе взапуски и т. д. Съ дѣвочками производятся упражненія, доставляющія ловкость въ движеніяхъ и содѣйствующія правильному развитію тѣла.

Примѣчаніе. Должно избѣгать однообразныхъ движеній на однѣхъ гимнастическихъ машинахъ.

Вмѣстѣ съ простымъ, понятнымъ изложеніемъ главнѣйшихъ законовъ развитія человѣческаго организма необходимо сообщить старшимъ ученицамъ практическое руководство въ естественномъ первоначальномъ физическомъ и нравственномъ воспитаніи дѣтей, поручая имъ попеченіе о младшихъ дѣтяхъ. Потомъ слѣдуетъ методически руководить ихъ въ употребленіи воспитательныхъ средствъ Фребеля и въ общенаглядномъ обученіи. Наконецъ надлежитъ упражнять старшихъ въ первоначальномъ обученіи дѣтей рисованію, письму и чтенію по аналитически-синтетическому способу.

§ 22.

Старшіе ученики должны помогать братьямъ при всѣхъ внѣшнихъ работахъ, пахатныхъ, луговыхъ и лѣсныхъ, а ученицы должны помогать сестрамъ въ садоводствѣ и пр.

Кромѣ того, ученики семинаріи и нормальнаго училища получаютъ каждый свои гряды, которыя они могутъ обра-

ботывать по своему усмотрѣнію; но каждый отдаетъ потомъ отчетъ о своей работѣ. При обрабатываніи этихъ грядъ ученику доставляется случай на дѣлѣ примѣнять свои теоретическія познанія въ раціональномъ земледѣліи и садоводствѣ.

Приложеніе къ учебному плану въ семинаріи и въ нормальныхъ училищахъ.

Табл. А Распредѣленіе часовъ занятій и отдохновенія въ мужской семинаріи.

Предметы:	Число часовъ въ недѣлю. 1 кл.	2 кл.	3 кл.
Законъ Божій, чтеніе библіи съ объясненіями	2	2	2
Упражненія въ разсказываніи библейскихъ исторій и выучиваніе библейскихъ изреченій	2	2	—
Объясненіе псалтыря	1	1	—
Опытная психологія	—	1	2
Изученіе языка: чтеніе съ объясненіемъ словъ и содержанія и грамматическій разборъ	6	6	6
Писменныя упражненія и сочиненія	2	2	3
Методическое указаніе въ общенаглядномъ обученіи и въ обученіи чтенію и письму	2	2	1
Ариѳметика и бухгалтерія	5	4	4
Геометрія и землемѣріе	2	2	2
Рисованіе	4	4	3
Лѣпка моделей	2	2	2
Пѣніе	2	2	2
Игра на скрипкѣ	2	2	2
Игра на органѣ	2	2	2
Естественныя науки	6	6	6
Анатомія, физіологія, діететика и физическій уходъ за дѣтьми	2	2	2
Географія, рисованіе картъ	3	2	1
Исторія и статистика Финляндіи	3	2	2
Наука о воспитаніи	—	2	4
Теорія катихизаціи и упражненія въ ней	—	—	2
	48	48	48
Техническія, домашнія и земледѣльческія работы	24	24	24
Время для умыванія, ѣды, гимнастики и отдохновенія	30	30	30
Итого	102	102	102

На занятія и отдохновеніе 17 часовъ въ сутки.
На сонъ » » » » » 7 » » »

Табл. Б. Распредѣленіе часовъ занятій и отдохновенія въ женской семинаріи.

Предметы.	Число часовъ въ недѣлю 1 кл.	2 кл.	3 кл.
Законъ Божій: чтеніе и объясненіе библіи	2	2	2
Упражненія въ разсказываніи библейскихъ исторій и выучиваніе библейскихъ изреченій	2	2	1
Объясненіе псалтыря	1	1	—
Опытная психологія	—	1	2
Изученіе языка: чтеніе, съ объясненіемъ словъ и всего содержанія, и грамматическій разборъ	6	5	5
Письменныя упражненія и сочиненія	2	2	3
Методическое указаніе и руководство въ общенаглядномъ обученіи и обученіи чтенію и писму	3	3	3
Ариѳметика и бухгалтерія	5	4	3
Геометрія	2	1	—
Рисованіе	5	4	4
Лѣпка моделей	2	2	2
Пѣніе	2	2	2
Игра на фортепіано	2	2	2
Естественныя науки	[illegible]	6	6
Анатомія, физіологія, діететика и физиче-			

скій уходъ за дѣтьми	2	2	3
Географія и рисованіе картъ	2	2	1
Исторія и статистика Финляндіи	2	2	1
Наука о воспитаніи	—	2	4
Катихизація	—	1	2
Употребленіе воспитательныхъ игрушекъ Фрёбеля	2	2	2
	48	48	48
Техническія, домашнія и земледѣльческія занятія	24	24	24
На умыванье, ѣду, гимнастику и отдохновеніе	30	30	30
Итого	102	102	102

На занятія и отдохновеніе 17 часовъ въ сутки.
На сонъ » » » » » 7 » » »

Табл. В. Распредѣленіе часовъ занятій и отдохновенія въ нормальномъ училищѣ для мальчиковъ.

Предметы.	1 отд. 10—11	2 отд. 12—13 лѣтъ	3 отд. 14—16
Законъ Божій: священная исторія, чтеніе и объясненіе библіи	3	3	3
Объясненіе псалтыря	—	1	1
Обученіе языку	6	6	6
Упражненія въ письменныхъ занятіяхъ	2	2	3
Общенаглядное обученіе	6	2	—
Ариѳметика и бухгалтерія	4	4	4
Геометрія и землемѣріе	1	2	2
Рисованіе	3	3	4
Составленіе моделей	1	1	2
Пѣніе	2	2	2
Естественныя науки	—	2	6
Географія и рисованіе картъ	1	1	1
Исторія и статистика Финляндіи	1	1	2
	30	30	36
Техническія, домашнія и земледѣльческія занятія	30	30	30
На умыванье, ѣду, гимнастику и отдохновеніе	30	30	30
Итого часовъ въ недѣлю	90	90	96

Въ первомъ и во второмъ отдѣленіи училища для мальчиковъ:

На занятія и отдохновеніе 15 часовъ въ сутки.
На сонъ » » » » » 9 » » »

Въ третьемъ отдѣленіи:

На занятія и отдохновеніе 16 часовъ въ сутки.
На сонъ . . . . 8 »

Табл. Г. Распредѣленіе часовъ занятій и отдохновенія въ нормальномъ училищѣ для дѣвочекъ и въ принадлежащемъ къ оному дѣтскомъ саду.

Предметы	Число ч. въ недѣлю. Дѣтскій садъ. 1 отд. 5 и 6 лѣтъ.	2 отд. 7, 8, 9 лѣтъ.	Училище. 1 отд. 10 и 11 лѣтъ.	2 отд. 12 и 13 лѣтъ.	3 отд. 14, 15, 16 лѣтъ.
Законъ Божій: священная исторія и чтеніе библіи	Наставница занимается съ дѣтьми описан-	3	3	3	4
Объясненіе псалтыря		—	—	1	1
Обученіе языку		5	6	6	6
Упражненіе въ письменныхъ занятіяхъ		3	2	2	2
Общенаглядное обученіе		5	6	3	—
Руководство въ первомъ обученіи маленькихъ дѣтей, въ общенаглядномъ обученіи и въ обученіи чтенію, письму и первоначальному рисованію		—	—	4	5
Ариѳметика и бухгалтерія		3	4	3	3
Рисованіе и геометрія		3	3	3	2
Составленіе моделей		—	2	1	1
Пѣніе		2	2	2	2
Естественныя науки		—	—	3	4
Практическая діететика и уходъ за дѣтьми		—	—	1	4
Географія		—	2	2	1
Исторія		—	—	2	1
		24	30	36	36

Указаніе и руководство въ употребленіи воспитательныхъ средствъ Фребеля, въ рукодѣліяхъ, въ домохозяйственныхъ занятій и садоводствѣ и играми	24	24	23	30
На умыванье, ѣду, гимнастику и отдохновеніе	36	36	30	30
Итого	84	90	90	96

Во второмъ отдѣленіи дѣтскаго сада.

На игру и отдохновеніе 14 часовъ въ сутки.
На сонъ. . . . . 10 » »

Въ 1 и 2 отдѣленіи училища для дѣвочекъ.

На занятія и отдохновенія 15 часовъ въ сутки.
На сонъ . . . . 9 »

Въ 3-мъ отдѣленіи.

На занятія и отдохновеніе 16 часовъ въ сутки.
На сонъ . . . . 8 »

Примѣчаніе 1. Преподаваніе уроковъ въ обоихъ нормальныхъ училищахъ составляетъ, собственно, обязанность учениковъ третьяго класса семинаріи и учительскихъ кандидатовъ и кандидатокъ. Но каждый учитель долженъ давать, по крайней мѣрѣ, нѣсколько уроковъ въ недѣлю въ нормальномъ училищѣ, чтобы кандидаты и старшіе ученики семинаріи могли получать практическое указаніе въ методическомъ преподаваніи всѣхъ учебныхъ предметовъ народнаго училища.

Примѣчаніе 2. Директоръ и учителя семинаріи имѣютъ право издавать педагогическій журналъ.

Штатъ содержанія семинаріи народныхъ учителей въ Финляндіи.

	Серебромъ. рублей.
Директору жалованья.	1,500
8 учителямъ жалованья, по 1,200 руб. въ годъ каждому	9,600
1 смотрительницѣ жалованья. . .	700
3 учительницамъ семинаріи жалованья, по 600 рублей. . . .	1,800
1 учительницѣ при нормальномъ училищѣ для дѣвочекъ жалованья	400
1 старостѣ	300
1 садовнику.	300
1 технику.	300
1 ключницѣ	150
2 кухаркамъ, по 35 рублей . .	70
1 прачкѣ, съ обязанностью гладить бѣлье	40
1 прядильщицѣ и ткачихѣ . . .	60
1 коровницѣ	50
1 конюху	50
1 сторожу.	60
Пища на 150 человѣкъ, по 50 р. въ годъ.	7,500
Отопленіе и освѣщеніе (приблизительно)	1,000
Ремонтъ строеній (приблизительно)	1,000
На библіотеку ежегодное положеніе	250
На физическій кабинетъ и кабинетъ естественныхъ произведеній, тоже	150
Для химической лабораторіи, тоже	150
Итого	25,430

Примѣчаніе. Прибавочное жалованье черезъ каждые пять лѣтъ выдается изъ государственныхъ доходовъ, по представленію центральнаго правленія, вслѣдствіе доклада директора семинаріи и оберъ-инспетора.

Объ учрежденіи народныхъ училищъ въ Финляндіи.

Разбросанность и малонаселенность отдѣльныхъ сельскихъ общинъ въ Финляндіи составляютъ главную причину, вслѣдствіе которой въ этой странѣ до сихъ поръ для народнаго обученія считались возможными и удобными только *подвижныя училища* или, вѣрнѣе, отдѣльные *странствующіе* учителя, которые, переходя изъ одного селенія въ другое, обучали дѣтей грамотѣ. Благодѣтельнаго вліянія на разумно-нравственное развитіе народа такое обученіе не могло имѣть; оно было скорѣе вредно, чѣмъ полезно, въ странѣ, гдѣ почти всѣ родители грамотны и обязаны сами обучать своихъ

дѣтей грамотѣ. Поэтому-то г. Сигнеусъ по всей справедливости требуетъ учрежденія *постоянныхъ народныхъ училищъ*, которыя, согласнымъ развитіемъ духовныхъ и тѣлесныхъ силъ возрастающаго поколѣнія, образовали бы изъ него людей разумныхъ, трудолюбивыхъ, — словомъ, истинно-полезныхъ семьѣ, обществу и государству. Но гдѣ и какимъ образомъ устроить подобныя училища? Нельзя же открыть постоянное училище при каждомъ крестьянскомъ дворѣ, который въ Финляндіи нерѣдко стоитъ одиноко въ лѣсу, на разстояніи двухъ-трехъ верстъ отъ всякаго другаго жилья? На это ни въ какомъ случаѣ не хватитъ средствъ. Остается учреждать *постоянныя* училища въ большихъ деревняхъ или въ чаще-населенныхъ отдѣльныхъ общинахъ.

Въ послѣднемъ случаѣ дѣти крестьянъ, живущихъ отдѣльными дворами, чтобы получить образованіе, необходимо должны быть помѣщаемы на житье въ училище ближайшей общины. Вслѣдствіе такой необходимости г. Сигнеусъ и предлагаетъ устроить постоянныя народныя училища, гдѣ нельзя иначе, *закрытыми* или *полузакрытыми* учебно-воспитательными заведеніями, чтобы въ нихъ были и пансіонеры, и приходящіе ученики. Пансіонерами или на житье въ училище поступаютъ не только крестьянскія дѣти и сироты ближнихъ отдѣльныхъ малыхъ общинъ или дворовъ, но также и *сироты* той общины, гдѣ находится училище; хотя они теперь имѣютъ пристанище въ чужихъ семьяхъ за незначительную общественную плату, но содержатся обыкновенно дурно, грязно, изнуряются непосильными работами и не получаютъ никакого нравственнаго воспитанія.

Всѣ эти мѣстныя, весьма затруднительныя для учрежденія и для благодѣтельнаго вліянія народныхъ училищъ обстоятельства и, преимущественно, крайнее невѣжество, лѣнь и грязь, въ которой обыкновенно живутъ финскіе крестьяне, побудили г. Сигнеуса обратить особенное вниманіе на образованіе женщинъ, какъ на вѣрнѣйшее средство мало по малу возбудить и распространить въ финскомъ народѣ потребность порядка, опрятности и разумнаго труда. Для достиженія этой цѣли почтенный авторъ, отдавая по принципу превосходство открытымъ учебнымъ заведеніямъ предъ закрытыми, находитъ, по вышеприведеннымъ причинамъ, тѣмъ болѣе необходимымъ учрежденіе для дѣвицъ *закрытыхъ* или *полузакрытыхъ* училищъ.

Признавая въ настоящее время полную несостоятельность нашихъ закрытыхъ женскихъ учебныхъ заведеній, мы полагаемъ, что во время основанія ихъ, въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда родители еще вовсе не думали объ образованіи своихъ дочерей, они были существенно необходимы и полезны, и были бы еще полезнѣе, если бы внутреннее воспитательно-учебное устройство ихъ было основано на здравыхъ началахъ *сближенія* дѣтей съ дѣйствительною жизнію, а не *намѣреннаго удаленія* ихъ отъ нея. Теорія въ дѣлѣ воспитанія необходимо должна дѣлать возможныя уступки практическимъ потребностямъ общества и народа въ извѣстное время.

Объяснивъ основныя причины, побудившія г. Сигнеуса предложить учрежденіе закрытыхъ и полузакрытыхъ народныхъ училищъ, мы теперь сообщимъ читателямъ проектъ ихъ устройства.

§ 1.

Въ общинахъ учреждаются слѣдующія училища.

А. Въ селеніяхъ:

1) Сельскія школы.

2) Приходскія училища для мальчиковъ.

3) Приходскія училища для дѣвицъ.

Б. Въ городахъ:

1) Училища для маленькихъ дѣтей.

2) Городскія училища для дѣвицъ.

3) Городскія училища для мальчиковъ.

§ 2.

Сельскія и городскія школы для маленькихъ дѣтей обоего пола, не выше 10 лѣтняго возраста, имѣютъ цѣлью развить тѣлесные органы и умственныя силы дитяти посредствомъ разныхъ, приспособленныхъ для этого игръ и другихъ занятій и, особенно, посредствомъ разумнаго обученія чтенію.

§ 3.

Приходскія и городскія училища для дѣвицъ должны быть учреждаемы закры-

тыми учебно-воспитательными заведеніями; при нихъ должны находиться:

1) дѣтскій пріютъ и

2) дѣтскій садъ.

Въ каждое такое заведеніе принимаются и приходящія ученицы.

Отдѣльнымъ общинамъ предоставляется право учреждать, по желанію, *открытыя* женскія народныя училища, *безъ пріюта и дѣтскаго сада*, съ заявленіемъ объ этомъ, чрезъ мѣстныя дирекціи училищъ и окружнаго инспектора, центральному правленію, которое въ такомъ случаѣ содѣйствуетъ общинѣ денежнымъ вспоможеніемъ для устройства, при учрежденномъ общиною женскомъ училищѣ, сельской и городской школы для маленькихъ дѣтей.

§ 4.

Дѣтскій пріютъ имѣетъ цѣлью не только попеченіе о тѣхъ дѣтяхъ, которыя естественнымъ путемъ подверглись попеченію общины, т. е. лишились родителей до 5-лѣтняго возраста, но и доставляетъ временное помѣщеніе малюткамъ, коихъ матери принуждены уходить изъ дому на работы. Кромѣ того, старшія ученицы приходскаго или городского училища имѣютъ въ дѣтскомъ пріютѣ полную возможность на самомъ дѣлѣ научиться разумному уходу за дѣтьми, согласному съ требованіями дѣтской природы. Доставленіе такой возможности составляетъ, конечно, самую существенную и практическую часть въ женскомъ воспитаніи: и вотъ почему учрежденіе дѣтскаго пріюта при каждомъ женскомъ училищѣ считается необходимымъ.

§ 5.

Дѣтскій садъ, который, при полномъ устройствѣ народнаго училища для дѣвочекъ, соотвѣтствуетъ сельскимъ школамъ и училищу для маленькихъ дѣтей въ городахъ, и въ который принимаются дѣти отъ 5 до 10 лѣтъ, кромѣ общаго своего назначенія — быть воспитательнымъ заведеніемъ для дѣтей, неимѣющихъ дома надлежащаго попеченія, имѣетъ такъ же, какъ дѣтскій пріютъ, еще собственную цѣль — доставить ученицамъ училища для дѣвицъ возможность упражняться въ присмотрѣ за дѣтьми, съ тою только разницею, что главный предметъ занятій въ дѣтскомъ пріютѣ составляетъ физическое попеченіе о дѣтяхъ, а въ дѣтскомъ саду обращается преимущественное вниманіе на первоначальное умственное образованіе дѣтей.

§ 6.

Въ женское училище принимаются дѣвицы отъ 10 до 16 лѣтъ и старше. Ученицы раздѣляются по возрасту на три отдѣленія: 1) дѣти 10 и 11 лѣтъ, 1) дѣти 12 и 13 лѣтъ, и 3) дѣти 14, 15 и 16 лѣтъ.

§ 7.

Приходскія и городскія училища для мальчиковъ учреждаются или закрытыми, или открытыми заведеніями, по желанію членовъ общины. Въ обоихъ же случаяхъ принимаются мальчики отъ 10 до 16 лѣтъ и старше.

§ 8.

Мѣстныя училищныя дирекціи обязаны заботиться объ открытіи сельскихъ и городскихъ училищъ для маленькихъ дѣтей въ томъ размѣрѣ, чтобы они удовлетворяли мѣстнымъ потребностямъ. Эти училища необходимо привести въ ближайшее сношеніе съ приходскими или городскими женскими училищами, дабы старшія ученицы имѣли возможность упражняться на самомъ дѣлѣ въ правильномъ уходѣ за маленькими дѣтьми.

§ 9.

Строенія для помѣщенія народныхъ училищъ должны быть просторны, свѣтлы, высоки, сухи и снабжены вентиляторами.

§ 10.

Вокругъ зданій сельскихъ училищъ, которыя надлежитъ строить сколь возможно на сухомъ и песчаномъ мѣстѣ, должно находиться достаточное количество земли для разведенія сада, огорода и производства земледѣлія.

При городскихъ народныхъ училищахъ необходимо, если только возможно, по крайней мѣрѣ имѣть хоть небольшой палисадникъ.

О занятіяхъ въ народныхъ училищахъ и о наставникахъ и наставницахъ при оныхъ.

§ 11.

Въ сельскихъ и городскихъ школахъ для маленькихъ дѣтей должны, сколь возможно, по обстоятельствамъ, употребляться тѣ же упражненія и средства воспитанія, какъ и въ дѣтскомъ саду при семинаріи. Для занятій съ дѣтьми въ этихъ школахъ прежде всего приглашаются матери мѣстныхъ семействъ, которыя условливаются между собою по очереди заниматься съ малютками. Если же желающихъ матерей не окажется, то назначается особенная наставница. Число дѣтей въ сихъ училищахъ, находящихся подъ попеченіемъ одной особы, не должно превосходить 25.

§ 12.

Въ дѣтскомъ пріютѣ и саду производятся слѣдующія упражненія, смотря по возрасту и развитію способностей дѣтей:

Для укрѣпленія и правильнаго развитія мускуловъ и всего тѣла употребляются приспособленныя гимнастическія движенія и игры. Органы чувствъ, наблюдательность и внимательность дѣтей развиваются и изощряются разсматриваніемъ внѣшнихъ окружающихъ предметовъ и, вообще, *общенаглядныиъ обученіемъ*, которое составляетъ вѣрнѣйшее и удобнѣйшее средство для правильнаго начальнаго развитія дѣтскаго мышленія и для пріученія дѣтей выражаться легко, ясно и точно. Вмѣстѣ съ этимъ общенаглядное обученіе доставляетъ дѣтямъ и первыя нравственныя понятія, объясняя имъ просто и наглядно ихъ отношенія между собою, къ родителямъ, къ окружающей природѣ и къ Богу. Простые краткіе разсказы изъ священнаго писанія имѣютъ въ этомъ отношеніи также большое значеніе. Слухъ и голосъ дѣтей упражняются простыми пѣснями, причемъ укрѣпляются и легкія; память упражняется заучиваніемъ этихъ пѣсенъ. Природная склонность дитяти къ постоянному движенію и, вообще, къ дѣйствованію удовлетворнется и получаетъ правильное, полезное направленіе вышеупомянутыми гимнастическими движеніями и играми и употребленіемъ воспитательныхъ средствъ Фребеля. Въ концѣ пребыванія своего въ дѣтскомъ саду дѣти занимаются пріуготовительными упражненіями въ рисованіи и письмѣ и начинаютъ обучаться чтенію по аналитически-синтетическому способу.

§ 13.

Въ приходскихъ и городскихъ училищахъ преподаются слѣдующія науки и занятія: религія, чтеніе и письмо съ грамматическимъ разборомъ, счисленіе, исторія, географія, естественныя науки, рисованіе и лѣпка моделей, пѣніе, гимнастика, техническія рукодѣлія, первыя начала раціональнаго земледѣлія, садоводство и лѣсоводсто; популярная скотоврачебная наука, руководство въ физическомъ и умственномъ попеченіи о дѣтяхъ. Все преподаваніе и обученіе совершается, какъ показано, въ учебномъ планѣ для нормальныхъ училищъ при семинаріи, съ необходимыми измѣненіями, требуемыми мѣстными обстоятельствами.

§ 14.

Планъ занятій въ училищахъ для мальчиковъ и для дѣвицъ долженъ быть одинаковый, съ тѣми лишь измѣненіями, которыхъ требуютъ различное будущее положеніе и занятія мужчины и женщины. Такъ, напримѣръ, мальчиковъ необходимо болѣе упражнять въ землемѣріи; напротивъ того, методическое руководство въ обученіи маленькихъ дѣтей и физическое и умственное попеченіе о нихъ собственно принадлежитъ къ курсу женскаго училища.

Въ народныхъ городскихъ и сельскихъ училищахъ надлежитъ слѣдовать также одинаковому учебному плану, съ тою только разницею, что въ городскихъ училищахъ могутъ преобладать занятія ремеслами и рукодѣліями, а въ сельскихъ — занятіе земледѣліемъ, хотя необходимо, чтобы и ученики городскихъ училищъ также, по возможности, упражнялись въ земледѣліи и садовствѣ.

Преподаваніемъ вышеозначенныхъ предметовъ занимаются слѣдующіе наставники и наставницы:

Въ приходскихъ и городскихъ училищахъ для дѣвицъ:

1) Одна наставница, окончившая курсъ въ семинаріи, и 2) помощница ея, которая имѣетъ познанія не только въ женскихъ рукодѣліяхъ, но и въ раціональномъ скотоводствѣ.

Въ дѣтскомъ пріютѣ и саду присмотръ за дѣтьми и преподаваніе производится ученицами третьяго класса училища, подъ руководствомъ и надзоромъ наставницы, съ помощію прислужницы.

Въ приходскихъ и городскихъ училищахъ для мальчиковъ:

1) Одинъ наставникъ, окончившій полный курсъ въ семинаріи, и 2) помощникъ его, имѣющій практическія познанія въ раціональномъ земледѣліи.

§ 15.

Росписаніе порядка работамъ и учебный планъ для каждаго училища въ общинѣ составляются наставникомъ и наставницею онаго, согласно съ учебнымъ планомъ для нормальныхъ училищъ при семинаріи, съ тѣми измѣненіями, которыя потребуются мѣстными обстоятельствами, и представляются мѣстною училищною дирекціею окружному инспектору, на утвержденіе.

§ 16.

Для производства лѣтнихъ сельскихъ работъ необходимо имѣть достаточный участокъ земли около школы. Гдѣ этого нѣтъ или имѣющійся участокъ земли окажется слишкомъ ограниченнымъ для земледѣльческихъ занятій, тамъ должны производиться другія занятія, приносящія пользу общинѣ, напримѣръ разведеніе сада вокругъ школы, церкви или кладбища и пр., чтобы такимъ образомъ возбуждать въ ученикахъ желаніе и пріучать ихъ трудиться на общую пользу.

§ 17.

Хотя наставникамъ и наставницамъ надлежитъ строго слѣдовать предписаннымъ правиламъ въ отношеніи къ учебнымъ книгамъ, курсу и порядку ученія, такъ же, какъ и самому методу обученія, указанному имъ въ семинаріи, но вмѣстѣ съ этимъ каждому наставнику предоставляется совершенная свобода въ развитіи ихъ личнаго, собственнаго способа преподаванія, — однако, съ условіемъ, чтобы всѣ дѣйствія ихъ слѣдовали по назначенному для народныхъ училищъ направленію, надъ чѣмъ училищная дирекція общины и окружной инспекторъ обязаны строго наблюдать.

О времени ученія и о каникулахъ.

§ 18.

Въ закрытыхъ народныхъ училищахъ классное ученіе или книжныя занятія продолжаются около 46 недѣль, а каникулы около 6 недѣль въ годъ.

Въ теченіе каникулъ ученики могутъ находиться у родителей или родственниковъ своихъ, а ученики, не имѣющіе родныхъ или знакомыхъ, которые желали бы взять ихъ къ себѣ на лѣто, остаются въ школѣ и занимаются во время каникулъ только техническими работами, земледѣліемъ и садоводствомъ.

§ 19.

Въ открытыхъ училищахъ ученіе обыкновенно продолжается отъ окончанія сельскихъ земледѣльческихъ работъ до начала оныхъ.

§ 20.

Принимая въ соображеніе всѣ мѣстныя обстоятельства, училищная дирекція ежегодно назначаетъ день начинанія и окончанія ученія, донося объ этомъ окружному инспектору.

§ 21.

Мѣстныя училищныя дирекціи и мѣстное духовенство обязаны наблюдать за тѣмъ, чтобы родители, по невѣжественному упрямству своему, не воспрещали дѣтямъ своимъ посѣщать училище, и убѣждать ихъ въ необходимости образованія дѣтей.

Надзоръ и контроль надъ народными училищами.

§ 22.

Главный надзоръ надъ всѣми учебными и воспитательными заведеніями, учреждаемыми для образованія народа, принадлежитъ центральному правленію, состоящему изъ начальника синодальной экспе-

дицін императорскаго финляндскаго сената, какъ предсѣдателя, одного оберъ-инспектора народныхъ училищъ и трехъ засѣдателей, избираемыхъ правительствомъ изъ лицъ, свѣдущихъ въ дѣлѣ народнаго училищевѣдѣнія. Кромѣ того, центральное правленіе, въ случаѣ надобности, приглашаетъ изъ различныхъ мѣстностей лицъ, извѣстныхъ своимъ участіемъ въ дѣлѣ народнаго образованія, для собранія отъ нихъ подробныхъ достовѣрныхъ свѣдѣній о состояніи и потребностяхъ мѣстныхъ народныхъ училищъ.

§ 23.

Оберъ-инспекторъ всѣхъ народныхъ училищъ назначается изъ лицъ, занимавшихся народнымъ обученіемъ и всесторонне знакомыхъ съ этимъ дѣломъ, какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ. Онъ приводитъ въ исполненіе рѣшенія центральнаго правленія и составляетъ посредствующій органъ между этимъ правленіемъ и низшими училищными начальствами. Подъ его спеціальнымъ вѣдѣніемъ находится семинарія.

§ 24.

Для надзора надъ народными училищами назначаются центральнымъ правленіемъ *окружные инспекторы*, по мѣрѣ учрежденія сихъ училищъ въ губерніяхъ, уѣздахъ или округахъ, они должны быть теоретически и практически способны къ завѣдыванію школами. Ихъ обязанности болѣе подробно опредѣляются особыми инструкціями.

§ 25.

Ближайшій присмотръ за училищами въ общинахъ, а также и завѣдываніе хозяйственною частью, принадлежитъ общинной *училищной дирекціи*, состоящей изъ двухъ постоянныхъ членовъ, приходскаго пастора и наставника училища и изъ шести членовъ прихода, избираемыхъ на пять лѣтъ въ общемъ собраніи прихожанъ. Дирекція эта выбираетъ себѣ предсѣдателя, или изъ числа лицъ, составляющихъ ее, или кого-нибудь изъ мѣстныхъ жителей, пользующагося общимъ уваженіемъ, который и утверждается центральнымъ правленіемъ. Въ общинахъ, гдѣ находится нѣсколько народныхъ учителей, старшій учитель каждой школы по очереди присутствуетъ одинъ годъ постояннымъ членомъ въ училищной дирекціи.

§ 26.

Для особеннаго попеченія о женскихъ училищахъ, училищная дирекція обязана стараться составить собраніе изъ мѣстныхъ уважаемыхъ женщинъ, принимающихъ участіе въ дѣлѣ воспитанія и обученія дѣвицъ. Въ этомъ собраніи постоянно участвуетъ наставница училища.

§ 27.

Для пріобрѣтенія непосредственныхъ свѣдѣній о состояніи народныхъ училищъ и о томъ, какъ преподаютъ учителя, центральное правленіе должно ежегодно предписывать оберъ-инспектору и одному или нѣсколькимъ изъ прочихъ своихъ членовъ производить инспекцію нѣсколькихъ училищныхъ округовъ, въ сопровожденіи окружнаго инспектора.

Окружному инспектору съ своей стороны надлежитъ, какъ можно чаще, посѣщать училища ввѣреннаго ему округа и при этомъ стараться пріобрѣсть самыя подробныя и точныя свѣдѣнія о состояніи ихъ.

§ 28.

Члены училищной дирекціи должны по очереди, по крайней мѣрѣ разъ въ двѣ недѣли, посѣщать школу; но они не имѣютъ права дѣлать замѣчанія лично наставнику и наставницѣ, а записываютъ ихъ въ особую книгу, которая потомъ представляется въ собраніе дирекціи; по опредѣленію всѣхъ членовъ послѣдней, предсѣдатель принимаетъ мѣры къ исправленію и къ предупрежденію замѣченныхъ упущеній со стороны наставника или наставницы.

§ 29.

Училищная дирекція должна ежегодно, до 1 августа, представить окружному инспектору полную вѣдомость о числѣ учащихся, о состояніи учебныхъ заведеній въ общинѣ, о сельскихъ и городскихъ училищахъ для маленькихъ дѣтей, о числѣ дѣтей, имѣющихъ возрастъ, назначенный для поступленія въ училище, и о прочемъ, касающемся до училищной

статистики. Изъ этихъ вѣдомостей окружной инспекторъ составляетъ извлеченіе, которое представляется въ центральное правленіе. Руководствуясь всѣми такими вѣдомостями, оберъ-инспекторъ отдаетъ полный статистическій отчетъ о всѣхъ народныхъ учебныхъ заведеніяхъ государства, который ежегодно печатается въ газетахъ.

§ 30.

Центральное правленіе содѣйствуетъ всѣми средствами наставникамъ семинаріи и вообще всѣмъ народнымъ учителямъ и прочимъ свѣдущимъ лицамъ въ составленіи хорошихъ учебниковъ для народныхъ училищъ и дѣльныхъ книгъ для народнаго чтенія.

О правахъ наставниковъ и наставницъ.

§ 31.

Каждая община выдаетъ наставнику и наставницѣ приличное жалованье, такъ чтобы они могли, соблюдая экономію, безъ заботъ о насущномъ пропитаніи, спокойно посвятить всю свою дѣятельность своей высокой и благотворной обязанности. Кромѣ того, община обязана доставить имъ квартиру, состоящую для семейнаго человѣка изъ трехъ просторныхъ комнатъ, а для холостаго изъ одной комнаты и кухни, съ отопленіемъ и съ необходимыми службами, съ участкомъ земли для сада и огорода и съ кормомъ для одной коровы.

Примѣчаніе. Общины получаютъ для этого пособіе отъ правительства, по мѣрѣ возможности.

§ 32.

Наставникъ и наставница опредѣляются каждый разъ на пять лѣтъ. Если они, по истеченіи сего срока, получатъ одобрительное свидѣтельство отъ училищной дирекціи или окружнаго инспектора, въ усердіи и въ способности продолжать исполненіе своихъ обязанностей, то центральное правленіе оставляетъ ихъ на службѣ и можетъ представить правительству о назначеніи таковому наставнику или наставницѣ изъ общихъ суммъ десяти процентовъ ежегоднаго прибавочнаго жалованья. Такая прибавка къ первоначальному жалованью черезъ каждые пять лѣтъ продолжается до тридцати лѣтъ службы.

По истеченіи тридцатилѣтней службы наставникъ или наставница получаютъ отъ правительства все первоначальное жалованье въ пожизненную пенсію.

Если же школьная дирекція или окружной инспекторъ отказываются дать удовлетворительное свидѣтельство, необходимое для продолженія службы и полученія прибавочнаго жалованья, то наставникъ можетъ принесть жалобу центральному правленію, которое должно произвесть строгое изслѣдованіе и, получивши подробныя свѣдѣнія, сдѣлать надлежащее распоряженіе по сему дѣлу.

§ 33.

Для доставленія наставникамъ и наставницамъ возможности къ дальнѣйшему самообразованію и самоусовершенствованію сообщеніемъ другъ другу своихъ опытовъ и знаній, необходимо устроить учительскія собранія двухъ родовъ:

1. *Окружныя собранія*, которыя назначаются ежегодно въ каждомъ округѣ, подъ руководствомъ окружнаго инспектора, и

2. *общія собранія* народныхъ учителей, которыя сзываются разъ въ три года, при семинаріи, подъ руководствомъ оберъ-инспектора народныхъ учебныхъ заведеній.

VII.

Народныя школы въ Даніи.

Небольшая сторонка Данія справедливо можетъ гордиться сколько распространеніемъ грамотности и общихъ элементарныхъ свѣдѣній въ массѣ народонаселенія, столько же и тѣми мѣрами, какія приняты въ ней для общенароднаго обученія. Безъ преувеличенія можно сказать, что на всѣхъ датскихъ островахъ и въ сѣверной Ютландіи, даже между бездомными работниками и работницами или занятыми за шиломъ либо наковальней мастеровыми, трудно найти людей, которымъ бы съ дѣтства, кромѣ умѣнья читать и писать, не были сообщены необходимѣйшія свѣдѣнія въ истинахъ вѣры, счетоводствѣ и иногда въ отечественной географіи и исторіи. Зато и нѣтъ такого жилаго уголка, гдѣ бы не было по близости школы для дѣтей обоего пола.

Существующее устройство датскихъ народныхъ школъ восходитъ къ началу настоящаго столѣтія и обязано своимъ происхожденіемъ королю Фридриху VI, тому же самому королю, который положилъ конецъ и крѣпостному состоянію въ Даніи. Въ темные средніе вѣка, конечно, не могло быть и рѣчи о какомъ-либо правильномъ народномъ образованіи, и, вообще, въ то время состояніе просвѣщенія въ Даніи было, какъ и вездѣ. Нѣсколько частныхъ школъ въ большихъ городахъ заведено было католическими монахами, которые заставляли своихъ питомцевъ затверживать на непонятномъ языкѣ Credo, Ave Maria и другія латинскія молитвы. Приходя изъ окрестныхъ деревень въ городъ, школьники бродили по улицамъ, закутанные въ длинные капишоны, закрывавшіе лицо и всю верхнюю часть тѣла, за исключеніемъ правой руки, которая высовывалась для сбора милостыни. Реформація не произвела въ Даніи замѣтной перемѣны въ дѣлѣ народнаго образованія. Правда, нищенство школьниковъ по улицамъ было воспрещено, и родителямъ *предписано* или самимъ заботиться о религіозномъ воспитаніи дѣтей, или поручить ихъ приходскимъ пасторамъ, дьячкамъ и другимъ грамотнымъ людямъ, которые учили бы ихъ, кромѣ необходимыхъ молитвъ, читать и писать. Изъ городовъ же, гдѣ были школы и не оказывалось нужныхъ учителей, велѣно посылать въ университетъ за *добрыми учеными малыми* (gode laerde karle), какіе изъявятъ на то согласіе. Но оставляя въ сторонѣ, каковы могли быть эти добрые малые и другіе грамотѣи, которымъ, безъ всякаго предварительнаго испытанія и надзора, поручалось такимъ образомъ дѣло народнаго обученія, и принявъ въ соображеніе, что единственнымъ источникомъ содержанія учителей были кой-какіе поборы съ учениковъ *натурою*, т. е. рожью, ячменемъ и тому подобными сельскими произведеніями, нечего удивляться, что и изъ такихъ ученыхъ малыхъ немного оказывалось желающихъ на занятіе учительскихъ мѣстъ; а при недостаткѣ вообще сознанія въ нуждѣ и пользѣ образованія и при тягости крѣпостнаго состоянія немного также оказывалось и желающихъ вкусить отъ плодовъ школьной мудрости. Въ концѣ XVI и въ теченіе XVII вѣковъ многіе датскіе короли, одинъ за другимъ, издавали повелѣнія, чтобы въ каждомъ городѣ была устроена латинская школа, а по селамъ заводимы были народныя школы, гдѣ бы по воскресеньямъ, послѣ службы, дьячки учили дѣтей катихизису. Пасторамъ приказано было не вѣнчать молодыхъ людей, не знающихъ катихизиса. Въ пользу латинскихъ школъ въ городахъ заведено было, что лежащіе по близости приходы не имѣли при себѣ постоянныхъ дьячковъ, а каждый воскресный и праздничный день бѣгали въ нихъ школьники изъ городской школы, исполняя тамъ дьяческія обязанности по церкви и пользуясь за то, кромѣ дароваго обѣда у пастора, кой-какими дьяческими доходами. Не смотря на упомянутыя многократныя приказанія и льготы, дѣло плохо подвигалось впередъ. Современникъ Петра Перваго, принимавшій и угощавшій москов

скаго царя въ своихъ копенгагенскихъ дворцахъ, Фридрихъ IV первый положилъ начало уничтоженію крѣпостнаго состоянія въ Даніи и вмѣстѣ съ тѣмъ правильному устройству общенароднаго обученія. Въ своихъ собственныхъ имѣніяхъ онъ основалъ до 240 школъ, назначивъ опредѣленное жалованье учителямъ, и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы всѣ малолѣтнія дѣти, подъ опасеніемъ штрафа съ родителей, ежедневно ходили учиться въ школѣ опредѣленное число часовъ, смотря по времени года. Своимъ примѣромъ онъ хотѣлъ дѣйствовать на прочихъ богатыхъ землевладѣльцевъ; но примѣръ почти не нашелъ подражателей. Слѣдующій король, Христіанъ VI, по жалобамъ дворянства, что крестьяне не умѣютъ пользоваться своею свободою, возстановилъ крѣпостное состояніе, но взамѣнъ того настоялъ, чтобы, по примѣру школъ, существовавшихъ въ королевскихъ имѣніяхъ, такія же народныя школы устроены были на счетъ землевладѣльцевъ во всѣхъ прочихъ имѣніяхъ, и хожденіе въ школу сдѣлано обязательнымъ для всѣхъ дѣтей обоего пола,—въ мѣстахъ, гдѣ школа находилась въ самомъ селеніи, съ пятилѣтняго, въ прочихъ съ шестилѣтняго возраста. Лѣтомъ и зимой мальчики и дѣвочки должны были оставаться въ школѣ не менѣе шести часовъ. Кромѣ положеннаго жалованья, учителямъ предоставлены сборы съ учениковъ. Безграмотные взрослые парни и дѣвицы два раза въ недѣлю должны были учиться въ школѣ по вечерамъ, за особую плату учителю. Тѣмъ же королемъ, въ видахъ споспѣшествованія народному образованію, введена въ первый разъ въ Даніи публичная конфирмація. Но что и прежде, и послѣ этихъ распоряженій, особенно препятствовало успѣхамъ школьнаго обученія, это—вопервыхъ, недостатокъ годныхъ и надежныхъ учителей. По прежнему ими были безграмотные или малограмотные дьячки, выгнанные студенты университета или грамотѣи изъ отставныхъ солдатъ и выслужившихся дворовыхъ. Еще большимъ, конечно, препятствіемъ служило тяготѣвшее надъ народомъ крѣпостное право. Среди тяжкихъ матеріальныхъ нуждъ, крѣпостной человѣкъ, большею частію, не искалъ ничего больше, какъ добыть вѣрный кусокъ насущнаго хлѣба, и во всякомъ случаѣ, будучи лишенъ права самостоятельной дѣятельности, съ трудомъ могъ понять, зачѣмъ ему грамотность и прочія школьныя премудрости. Съ другой стороны, преобладающее вліяніе землевладѣльцевъ, управляемое личными интересами, имѣло много средствъ парализировать какъ требованія закона, такъ и самыя справедливыя желанія родителей и учителей.

Оба эти препятствія мало по малу устранены королемъ Фридрихомъ VI. Положивъ конецъ крѣпостному состоянію въ государствѣ, онъ основалъ особыя спеціальныя заведенія (семинаріи) для приготовленія годныхъ учителей для народныхъ училищъ. 10 октября 1806 года былъ изданъ имъ временный регламентъ для сельскихъ народныхъ училищъ въ Зеландіи, Фіоніи, Лаландѣ и Фальстерѣ. Спустя семь пробныхъ лѣтъ, 29 іюля 1814 года, явились три отдѣльныя уложенія: уложеніе о сельскихъ народныхъ школахъ, уложеніе о городскихъ народныхъ школахъ и особое уложеніе о народныхъ школахъ въ Копенгагенѣ. Съ теченіемъ времени всѣ эти уложенія подверглись многимъ перемѣнамъ въ отдѣльныхъ частяхъ; въ частности уложеніе о народныхъ школахъ въ Копенгагенѣ замѣнено было новымъ уложеніемъ 20 марта 1844 года. Но въ общемъ составѣ и тѣхъ коренныхъ началахъ, какія положены Фридрихомъ въ основаніе его положеній, они остались неприкосновенными чрезъ весь рядъ послѣдующихъ перемѣнъ.

Эти коренныя черты, лежащія въ основаніи дѣтскихъ народныхъ школъ, можно выразить въ слѣдующихъ словахъ: 1) Общенародное образованіе есть столько же дѣло общегосударственное, сколько и дѣло частныхъ лицъ, считающихъ нужнымъ или полезнымъ заботиться о воспитаніи своихъ дѣтей. Поэтому на государствѣ лежитъ обязанность, не только въ видахъ содѣйствія частнымъ лицамъ, но и въ видахъ общей безопасности и общаго благосостоянія, принимать дѣятельныя мѣры къ тому, чтобы никто не былъ безъ элементарныхъ свѣдѣній. Кто не ищетъ ихъ добровольно, на того должно дѣйствовать принудительными мѣрами. 2) Религія есть первое благо человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ главное

основаніе благоустроенныхъ обществъ. На нее прежде всего и слѣдуетъ обратить вниманіе въ дѣлѣ элементарнаго образованія; а для этого не только во главѣ всей школьной пограммы поставить обученіе необходимѣйшимъ истинамъ вѣры, но и вообще дѣло народнаго обученія предоставить ближайшему и непосредственному надзору духовенства. 3) Чтобы по возможности обезпечить успѣхи народнаго образованія чрезъ школы, необходимыми условіями должны быть: а) надежныя, сколько возможно, ручательства въ учителяхъ со стороны ихъ поведенія, достаточныхъ познаній и необходимыхъ педагогическихъ способностей; б) матеріально обезпеченное и по возможности независимое положеніе учителей, и в) достаточное число школъ, распредѣленныхъ сообразно съ мѣстностью и народонаселеніемъ. Наконецъ 4) чтобы народныя школы были не государственнымъ только, а дѣйствительно народнымъ учрежденіемъ, необходимо предоставить самимъ общинамъ или приходамъ, на счетъ которыхъ будутъ содержаться школы, ближайшее вліяніе не только на экономическую и полицейско-административную, но отчасти и на учебную часть въ этихъ школахъ. Пусть общія распоряженія, равно какъ и высшій контроль, принадлежатъ правительству; но самое приложеніе общихъ мѣръ къ дѣлу пусть будетъ въ рукахъ самихъ общинъ или приходовъ.

I. Общія постановленія.

По существующимъ постановленіямъ, ранѣе шести лѣтъ дитя не можетъ быть принято ни въ какую народную школу, но по исполненіи семи лѣтъ всѣ вообще дѣти, безъ различія званія, пола и вѣроисповѣданія, или должны быть помѣщены въ какое-либо общественное или частное, утвержденное правительствомъ учебное заведеніе, или должны пользоваться достаточнымъ домашнимъ обученіемъ, по крайней мѣрѣ въ томъ размѣрѣ, какой въ качествѣ minimum'а принятъ для народныхъ училищъ. Мѣстныя училищныя начальства обязаны наблюдать какъ за тѣмъ, чтобы ни одно дитя, послѣ узаконеннаго возраста, не оставалось безъ достаточнаго обученія, такъ и за тѣмъ, чтобы ничто похожее на школы не было заводимо безъ ихъ вѣдома и разрѣшенія правительства. Если незаписанное ни въ какую школу дитя можетъ быть, по мнѣнію училищнаго начальства, безопасно предоставлено попеченію родителей или воспитателей, то пусть оно безпрепятственно пользуется домашнимъ образованіемъ; въ противномъ случаѣ и, вообще, въ случаѣ сомнѣнія, дитя требуется къ экзамену и, если отвѣты будутъ неудовлетворительны, отсылается въ мѣстную народную школу.

Съ семилѣтняго или, если родители сами того желаютъ, съ шестилѣтняго возраста дитя остается въ школѣ до времени конфирмаціи, которая можетъ быть не раньше 14 лѣтъ, а въ случаѣ неудовлетворительныхъ успѣховъ бываетъ и позже. Впрочемъ, по желанію родителей или воспитателей, ученикъ или ученица могутъ быть окончательно выписаны изъ школы по достиженіи 13 лѣтъ, если пріобрѣтутъ всѣ познанія, требуемыя школьною пограммою; но въ этомъ случаѣ принимается во вниманіе не minimum народнаго обученія, требуемый для конфирмаціи, а программа той школы, въ которой ученикъ или ученица находились до 13 лѣтъ. Послѣ 15 лѣтъ никто не можетъ оставаться въ школѣ.

За minimum обученія дѣтей въ народныхъ школахъ приняты: первоначальныя истины вѣры, умѣнье читать и писать и счетоводство или ариѳметика. При обученіи чтенію могутъ быть употребляемы только размотрѣнныя и утвержденныя учебнымъ начальствомъ книги, а при самомъ разсмотрѣніи книгъ принимается въ разсчетъ, чтобы содержаніе ихъ могло служить къ воспитанію добраго душевнаго настроенія въ дитяти и сообщало краткія понятія объ отечественной исторіи и географіи или свѣдѣнія, служащія къ искорененію народныхъ предразсудковъ и полезныя въ домашнемъ быту. Къ обще-обязательнымъ предметамъ во всѣхъ вообще народныхъ школахъ безъ исключенія принадлежитъ также гимнастика или упражненіе дѣтей въ бѣганьи, скаканьи, плаваньи и т. п.

Касательно устройства классныхъ комнатъ въ народныхъ училищахъ, уложеніями 1814 года было вообще постановлено, чтобы классныя комнаты были просторны и сообразны съ числомъ уче-

никовъ. Въ 1856 году постановленіе это точнѣе опредѣлено такимъ образомъ, чтобы во всякой вновь устраиваемой школѣ классная комната заключала въ себѣ не менѣе 90 кубическихъ футовъ на каждаго изъ учениковъ, одновременно собирающихся въ одной комнатѣ. Въ школахъ уже существующихъ, гдѣ классныя комнаты заключаютъ въ себѣ менѣе 50 кубическихъ футовъ на каждаго ученика, приказано немедленно увеличить ихъ.

Въ каждой школѣ ученики должны быть раздѣлены по меньшей мѣрѣ на два класса, по возрасту, знаніямъ и способностямъ. Въ первомъ или низшемъ остаются всѣ малолѣтнія дѣти отъ 6 до 10 лѣтъ и тѣ, которыя не выучились раздѣльно читать и писать числа и буквы, также не прошли краткаго лютерова катихизиса и важнѣйшихъ библейскихъ исторій. Впрочемъ, какъ скоро ученики пріобрѣтутъ эти свѣдѣнія, они могутъ быть переводимы изъ низшаго класса и ранѣе 10 лѣтъ, по усмотрѣнію мѣстнаго начальства. Метода взаимнаго обученія допускается только въ низшемъ классѣ.

Школьная дисциплина должна смотрѣть какъ за исправнымъ хожденіемъ дѣтей въ школу, такъ и за успѣхами и поведеніемъ ихъ въ школѣ. Каждое отсутствіе дитяти въ учебное время изъ школы безъ уважительныхъ причинъ (какими признаются: болѣзнь, дурная погода и непроходимыя дороги, также особое позволеніе отъ начальства), сопровождается штрафомъ съ родителей отъ 4 до 24 шиллинговъ [3 — 18 коп.[[1]) за каждый день. Главнымъ образомъ родители или воспитатели подлежатъ штрафу, если дитя придетъ въ школу грязное или съ какою-либо заразительною болѣзнію. Дѣти, покрытыя какою-либо заразительною сыпью или больные оспой, корью, кровавымъ поносомъ, коклюшемъ и т. п., не должны являться въ школу раньше трехъ недѣль по выздоровленіи и послѣ того, какъ болѣзнь совершенно прекратится въ домѣ. Штрафы, въ случаѣ нужды, взыскиваются полиціею; а кто совсѣмъ не можетъ заплатить, на первый и второй разъ наказывается арестомъ на хлѣбѣ и на водѣ, потомъ посылается въ рабочій домъ. Учителю вмѣняется въ обязанность приходить въ школу за 10 минутъ до начала ученья и уходить изъ нея послѣднему, чтобы имѣть возможность наблюдать за приходомъ и уходомъ дѣтей и не допускать никакихъ безпорядковъ и шалостей, разбрасыванья книгъ и тетрадей и т. п. Ученіе должно начинаться и оканчиваться молитвою. Брань, удары рукою по лицу или другимъ частямъ тѣла, щипанье дѣтей, наказаніе розгами и, вообще, дурное обхожденіе съ дѣтьми должны быть изгнаны изъ всѣхъ вообще народныхъ школъ. Въ видѣ исправительныхъ наказаній, послѣ безуспѣшныхъ словесныхъ вразумленій, учительская инструкція предписываетъ дѣйствовать по преимуществу нравственными мѣрами, какъ то: посадить виноватаго на отдѣльное мѣсто въ школѣ, пересадить съ высшаго мѣста на низшее, запретить участіе въ общихъ играхъ между классными часами, и т. п. Въ случаѣ настоятельной нужды дозволяется также наказать виновнаго небольшимъ прутомъ или тоненькою плеткой, но безъ узловъ, и вообще такъ, чтобы наказаніе удерживало характеръ необходимой мѣры и не превращалось въ напрасное и безжалостное мученье дитяти. Жалобы родителей на учителя, позволившаго себѣ дурное обращеніе съ дѣтьми вопреки инструкціи, сопровождаются на первый разъ строгимъ выговоромъ, потомъ денежнымъ штрафомъ, наконецъ отрѣшеніемъ отъ мѣста.

Чтобы исправное хожденіе въ школу и, вообще, исправный счетъ дѣтямъ между 7 — 14 годами не подвергались никакимъ замѣшательствамъ при перемѣнахъ квартиръ или мѣста жительства родителей и воспитателей, послѣдніе обязываются, все также подъ опасеніемъ штрафа, сообщать въ указный срокъ свѣдѣнія о находящихся при нихъ дѣтяхъ, какъ прежнему мѣстному училищному начальству, подъ вѣдомствомъ котораго находились ихъ дѣти по прежнему мѣсту жительства, такъ и новому, въ вѣдѣніе котораго они поступаютъ по новому мѣсту жительства. На ежегодныхъ экзаменахъ, въ присутствіи всѣхъ или по крайней мѣрѣ одного изъ членовъ училищнаго начальства, рѣшаются; отмѣтки учениковъ по ихъ успѣхамъ, прилежанію, поведе-

[1]) Датскій талеръ равняется 72 — 73 коп. сер. и заключаетъ въ себѣ 96 шиллинговъ.

нію и исправному хожденію въ школу и, сообразно съ тѣмъ, разсаживанье учениковъ по мѣстамъ въ школѣ, переводы изъ класса въ классъ, окончательное выписыванье изъ школы и выдача аттестата выбывающимъ. Этотъ аттестатъ составляетъ какъ бы метрическое свидѣтельство, необходимое для каждаго; онъ выдается на гербовой бумагѣ (дѣтямъ бѣдныхъ родителей безплатно), и на немъ впослѣдствіи надписываются свидѣтельство конфирмовавшаго пастора и другія свидѣтельства, требуемыя закономъ. Въ каждой школѣ ведется подробный журналъ, съ отдѣльнымъ листомъ для каждаго ученика, гдѣ записываются: время поступленія въ школу, лѣта, успѣхи и поведеніе, дни отсутствія изъ школы по законной причинѣ и безъ причины, переводы изъ класса въ классъ, наконецъ время выбытія изъ школы и аттестатъ.

Въ каждомъ сельскомъ приходѣ и городѣ должна быть отдѣльная школьная касса, изъ которой покрываются расходы: на покупку бумаги, перьевъ, чернилъ и грифельныхъ досокъ (все это раздается бѣднымъ даромъ, а съ прочихъ взыскивается по разсчету), на учебники для бѣдныхъ дѣтей, на библіи и другія книги, нужныя при обученіи чтенію, на ландкарты и другія нужныя для школы вещи, также на книги собственно для употребленія учителя. Кромѣ добровольныхъ приношеній и самой незначительной земской повинности съ части привиллегированныхъ землевладѣльцевъ[1]), въ школьную кассу поступаютъ всѣ школьные штрафы, церковныя пени и еще деньги, два раза собираемыя въ кружки, нарочно съ этою цѣлію обносимыя въ церкви. Съ наступленіемъ назначенныхъ сроковъ законъ предписываетъ приходскимъ пасторамъ въ предшествующее воскресенье убѣждать прихожанъ, съ церковной каѳедры, содѣйствовать по мѣрѣ силъ средствамъ школьной кассы.

Вообще, содержаніе народныхъ школъ производится на счетъ сельскихъ и городскихъ суммъ, распредѣляемыхъ, подобно прочимъ государственнымъ налогамъ, по количеству владѣемой земли, объему домовъ и, вообще, имуществу каждаго. Дѣти бѣдныхъ родителей воспитываются безплатно. По смыслу уложенія 1814 года каждый городъ и каждый приходъ должны были имѣть совершенно отдѣльное хозяйство по содержанію своихъ народныхъ школъ, т. е. каждый долженъ былъ нести всѣ необходимые расходы, по мѣрѣ надобности. Такъ какъ такое хозяйственное устройство часто оказывалось несоразмѣрно легкимъ для другихъ, то съ 1856 года положено, чтобы въ каждомъ амтѣ (губерніи) было общее хозяйство по содержанію народныхъ школъ, съ нѣкоторымъ вспомоществованіемъ, въ случаѣ нужды, изъ общихъ государственныхъ доходовъ.

По объему и степени власти, училищныя начальства имѣютъ три инстанціи. Ближайшимъ начальствомъ въ каждомъ сельскомъ приходѣ служитъ *приходскій совѣтъ* (Sogneforstanderskab), который состоитъ изъ пастора, какъ призидента, и нѣсколькихъ достаточныхъ и довѣренныхъ лицъ изъ числа прихожанъ, избираемыхъ на два года. Въ городахъ (за исключеніемъ Копенгагена) такимъ начальствомъ служитъ *школьная коммиссія* (Skolekommission) изъ одного или нѣсколькихъ пасторовъ, смотря по числу церквей, изъ магистрата и нѣсколькихъ выборныхъ горожанъ. Приходскій совѣтъ и коммиссія имѣютъ ближайшій надзоръ за всею учебною и полицейскою частями, равно какъ распоряжаются школьною кассою въ подвѣдомыхъ имъ училищахъ. Вторую инстанцію составляютъ *школьныя дирекціи* (Skoledirection) изъ амтмана (губернатора) и пробстовъ (благочинныхъ), каждаго въ своемъ округѣ, такъ что во всякомъ амтѣ столько же бываетъ дирекцій, сколько существуетъ пробстовъ. Дирекція разсматриваетъ отчеты низшихъ инстанцій, судитъ и избираетъ подлежащихъ выбору членовъ этихъ инстанцій и, съ извѣстными ограниченіями, назначаетъ учителей. Отдѣльный временный совѣтъ изъ амтмана, находяшихся въ амтѣ пробстовъ и особаго избирательнаго совѣта по школьнымъ дѣламъ (Skoleraad), завѣдуетъ всею финансовою частію по народнымъ училищамъ въ предѣлахъ своего амта. Народныя школы въ Копенгагенѣ, содержимыя, вообще, или насчетъ частныхъ,

---

[1]) Тѣхъ, которые пользуются такъ-называемыми королевскими или церковными десятинами (Kongetiende eiller Kirketiende).

или на счетъ городскихъ суммъ, имѣютъ отдѣльное управленіе, высшую инстанцію котораго составляетъ дирекція. Высшую инстанцію для всѣхъ вообще народныхъ училищъ въ государствѣ [1]) составляетъ третій департаментъ министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, учрежденный въ 1855 году. Начальникъ этого департамента есть вмѣстѣ и оберъ-директоръ всѣхъ народныхъ училищъ, обязанности котораго въ данной ему инструкціи опредѣлены, вообще, такимъ образомъ: 1) представлять на усмотрѣніе министра проектъ преобразованій, какія могутъ понадобиться по народнымъ училищамъ, равно подавать свое мнѣніе о сообщенныхъ отъ министра проектахъ; 2) посѣтить по меньшей мѣрѣ разъ въ годъ всѣ семинаріи и присутствовать, если можно, на выпускныхъ въ нихъ экзаменахъ, но *безъ ущерба самостоятельной дѣятельности мѣстныхъ семинарскихъ начальствъ:* 3) стараться лично ознакомиться съ состояніемъ народныхъ школъ вообще, и по меньшей мѣрѣ шесть недѣль въ году посвятить на ежегодные объѣзды съ этою цѣлію.

Независимо отъ всѣхъ этихъ начальствъ, каждому епископу въ своей епархіи вмѣняется въ обязанность, зависящими отъ него мѣрами, содѣйствовать успѣхамъ народныхъ училищъ, и съ этою цѣлію не только требовать всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній отъ мѣстныхъ начальствъ, но и, во время служебныхъ обозрѣній епархіи, производить экстраординарныя испытанія дѣтямъ въ народныхъ училищахъ.

Опредѣленіе учителей, за исключеніемъ такъ-называемыхъ катехетовъ, которымъ почти исключительно предоставлена должность старшихъ учителей въ городскихъ училищахъ, и которые, въ качествѣ получившихъ ординацію духовныхъ лицъ назначаются независимо отъ училищнаго начальства, производится, какъ уже сказано выше, школьными или училищными дирекціями, но, отчасти, также и епископами, именно въ мѣстахъ, гдѣ прежде назначеніе дьячка стариннымъ jus patronatus не было изъято изъ епископской власти [1]). Съ открытіемъ вакансіи, дирекція или епископъ объявляетъ въ оффиціальныхъ газетахъ (въ оффиціальной губернской и оффиціальной столичной) объ открывшемся мѣстѣ, съ подробнымъ обозначеніемъ постоянныхъ и случайныхъ доходовъ, и въ теченіе шести недѣль принимаетъ прошенія отъ тѣхъ, кто можетъ имѣть право на занятіе мѣста. Поступившія прошенія препровождаются къ мѣстному приходскому совѣту или училищной коммиссіи, которыя изъ числа просителей должны выбрать трехъ кандидатовъ. Въ случаѣ, если дирекція или епископъ ни одного изъ предложенныхъ кандидатовъ не найдутъ достойнымъ мѣста, предложеніе отсылается назадъ, для выбора другихъ, болѣе достойныхъ: но если мѣстныя училищныя начальства не согласны съ мнѣніемъ дирекціи или епископа, то какъ прошенія, такъ и всѣ относящіеся къ нимъ документы препровождаются на разсмотрѣніе министерства.

II. Сельскія народныя школы.

При общемъ стремленіи къ тому, чтобы нигдѣ не было недостатка въ училищахъ, при самомъ учрежденіи и распредѣленіи ихъ, частію учебные, частію хозяйственные интересы заставляли обратить вниманіе на многія вещи, какъ то: чтобы въ новоучреждаемой школѣ не было такого скопленія дѣтей, при которомъ учителю трудно будетъ держать ихъ подъ надлежащимъ надзоромъ и, вообще, обученіе не можетъ идти съ желаемымъ успѣхомъ; чтобы дѣтямъ не приходилось слишкомъ далеко или слишкомъ трудно ходить изъ дома въ школу, потому что то и другое, кромѣ вреднаго вліянія на ис-

---

[1]) Народныхъ, понимаемыхъ въ обширномъ смыслѣ, именно въ отличіе отъ сколько-либо спеціальныхъ заведеній, каковы: университетскіе факультеты и приготовляющія къ нимъ учебныя школы (laerde Skoler), заведенія военныя, морскія, техническія и т. под.

[1]) Для ясности не мѣшаетъ замѣтить здѣсь слѣдующее обстоятельство. Прежде, т. е. до основанія семинарій, должности народныхъ учителей, во избѣжаніе лишнихъ расходовъ, поручались большею частью приходскимъ дьячкамъ. Когда же возникла мысль о семинаріяхъ, расчитали, что полезнѣе будетъ дьяческіе доходы обратить на содержаніе спеціально-приготовительныхъ учителей, и немногосложныя дьяческія обязанности возложить на тѣхъ изъ нихъ, школа которыхъ будетъ по близости церкви. Поэтому дьячки были уничтожены (за исключеніемъ столичныхъ церквей), а обязанности ихъ поручены учителямъ.

правное посѣщеніе школы, сопровождалось бы еще вреднымъ вліяніемъ на здоровье дѣтей, особенно въ зимнее и ненастное время; наконецъ, чтобы необходимые расходы на содержаніе школы и учителя были сообразны съ мѣстнымъ пародонаселеніемъ, именно не были слишкомъ тягостны для жителей тѣхъ мѣстностей, гдѣ населеніе менѣе сжато и жилья болѣе разбросаны, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ. Сообразно съ этими требованіями всѣ сельскія мѣстности, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, раздѣлены на отдѣльные школьные округи, причемъ были приняты въ руководство слѣдующія правила: 1) Школа никакъ не должна быть далѣе ¼ мили [1]) отъ мѣста жительства дѣтей, которыя должны въ ней обучаться. 2) Въ округѣ, гдѣ въ теченіе года было болѣе 100 обучающихся въ школѣ дѣтей, или должна быть устроена другая школа, или, по крайней мѣрѣ, опредѣленъ другой учитель и выстроена особая школьная комната. Впрочемъ, съ дозволенія министерства, мѣстному училищному начальству можетъ быть разрѣшено принимать и другія мѣры къ отдѣльному обученію дѣтей моложе 9-ти лѣтъ, лишь бы общее школьное обученіе не страдало отъ слишкомъ большаго накопленія дѣтей. 3) Въ приходахъ, гдѣ жилья такъ разсѣяны и удалены другъ отъ друга, что содержаніе школъ и учителей по общему порядку сопровождалось бы большимъ отягощеніемъ для жителей, должно быть устроено *попеременное обученіе* (Omgangs-skolehold). Впрочемъ, и такіе приходы должны быть обыкновеннымъ порядкомъ раздѣлены на округи, и попеременное обученіе должно быть устроено въ нихъ такимъ образомъ, чтобы одинъ учитель былъ назначенъ для двухъ и никакъ не болѣе какъ для трехъ округовъ. Въ одномъ изъ округовъ должна быть устроена настоящая школа съ жильемъ для учителя и его семейства, а въ прочихъ — школьныя комнаты въ два или три окна, по числу дѣтей. Находясь въ этихъ послѣднихъ округахъ, учитель пользуется даровою пищею и ночлегомъ по очереди у жителей, которые пользуются за то платою изъ общихъ школьныхъ суммъ.

[1]) Въ датской милѣ нѣсколько менѣе 7 верстъ.

Кромѣ вышеизложенныхъ общихъ положеній о вмѣстимости классныхъ комнатъ, законъ входитъ въ подробности касательно устройства сельскихъ народныхъ школъ и жилья для учителей. Такъ, въ видахъ удобства и сохраненія здоровья дѣтей, требуется, чтобы при каждой школѣ была входная комната, никакъ не меньше $^1/_{10}$ величины классной комнаты, снабженная крючками и полками; чтобы окна отворялись особо въ верхней и нижней частяхъ, и были снабжены форточками; чтобы вокругъ школьнаго дома былъ устроенъ тротуаръ и т. под.; также, чтобы при школѣ былъ гимнастическій плацъ въ 1600 — 2400 квадратныхъ футовъ. Жилье для женатаго учителя должно быть, по меньшей мѣрѣ, изъ трехъ комнатъ, для не женатаго изъ двухъ. Комнаты не ниже 8 футовъ отъ пола до потолка и не меньше 240 квадратныхъ футовъ величиною. При жильѣ должно быть мѣсто для садика, также помѣщеніе для 2 коровъ и 6 овецъ, для дровъ и убора сельскихъ произведеній съ предоставленнаго учителю участка земли.

Сельскія школы преимущественно имѣлись въ виду при опредѣленіи minimum'a народнаго обученія, и потому сельскимъ учителямъ вмѣняется въ обязанность пользоваться книгами, употребляемыми при обученіи чтенію, чтобы внушать и развивать, по мѣрѣ собственныхъ познаній и воспріимчивости воспитанниковъ, содержащіяся въ учебникахъ краткія свѣдѣнія о природѣ, отечественной географіи и исторіи. Но, съ теченіемъ времени, школы сдѣлали большіе успѣхи, и въ настоящее время уже нигдѣ ученіе не ограничивается предписанными предметами, а вездѣ учатъ читать не только печатное, но и писанное, также пѣнію, по преимуществу церковному, въ большей части школъ правописанію, во многихъ отечественной географіи и исторіи. Съ 1856 года приняты даже нѣкоторыя мѣры къ поощренію устройства высшихъ сельскихъ школъ, въ родѣ реальныхъ; именно, положено давать вспомоществованіе изъ общихъ школьныхъ суммъ тѣмъ изъ сельскихъ жителей, которые захотѣли бы устроить и содержать на свой счетъ школу, гдѣ бы дѣти ихъ могли пользоваться нѣсколько высшимъ обра-

зованіемъ, сравнительно съ обыкновенными сельскими школами. Въ то же время и изъ того же источника положено оказывать вспомоществованіе бѣднымъ деревенскимъ мальчикамъ, желающимъ пользоваться высшимъ образованіемъ и, разумѣется, признаннымъ способными къ тому.

Въ опредѣленіи классныхъ часовъ и, вообще, учебнаго времени въ сельскихъ училищахъ, кромѣ климатическихъ условій, благоразуміе требовало сообразоваться не только съ силами учителя, обязаннаго заниматься двумя различными классами, изъ которыхъ притомъ каждый состоитъ изъ мальчиковъ и дѣвочекъ, но и съ хозяйственными потребностями сельскаго населенія, въ которомъ дитя 7 — 10 лѣтъ можетъ избавлять отъ необходимости нанимать посторонняго рабочаго человѣка, а дѣти старше 10 лѣтъ и сами могутъ быть помощниками въ полевыхъ работахъ, и потому поселянинъ часто охотнѣе желаетъ заплатить штрафъ, чѣмъ подвергнуться гораздо большему убытку, посылая дѣтей въ школу. Касательно классныхъ часовъ въ сельскихъ училищахъ въ Даніи принято правиломъ, чтобы съ 1 марта до конца октября ученіе продолжалось съ 8 до 11 часовъ до обѣда и съ 1-го до 4-хъ послѣ обѣда; съ 1-го же ноября до конца февраля съ 9 до 12 до обѣда и съ 1-го до 3-хъ послѣ обѣда, вообще: 5 учебныхъ часовъ въ зимніе и 6 въ прочіе мѣсяцы [1]). Впрочемъ, дирекціямъ предоставлено право сдѣлать ту или другую перемѣну въ распредѣленіи классныхъ часовъ, лишь бы самое число положенныхъ часовъ оставалось безъ перемѣны. Каждый классъ долженъ приходить въ школу на цѣлые три дня въ недѣлю (разумѣется, кромѣ праздничныхъ дней, которыхъ, впрочемъ, немного), или, съ дозволенія дирекціи, одинъ классъ можетъ приходить учиться утромъ, другой вечеромъ. Въ теченіе 4-хъ недѣль, считая съ начала жатвы, хожденіе въ школу прекращается; кромѣ того, родители и воспитатели могутъ, съ разрѣшенія совѣта, удерживать дома дѣтей изъ старшаго класса, употребляемыхъ на полевыя работы, 2 — 3 недѣли весною, во время посѣва, и 3 — 4 недѣли осенью. Равнымъ образомъ дѣти старшаго класса съ 1-го іюня до начала жатвы могутъ ходить въ школу только два дня въ недѣлю.

Чтобы выученное въ школахъ не забывалось тотчасъ по выходѣ изъ школы и конфирмаціи, уложеніе совѣтуетъ учрежденіе *зимнихъ школъ* для тѣхъ изъ учениковъ и ученицъ, которые послѣ конфирмаціи пожелаютъ продолжать свои школьныя занятія, именно разъ въ недѣлю (утромъ) для дѣвочекъ и другой (вечеромъ) для мальчиковъ. Но такія школы, если и существуютъ гдѣ, то въ очень и очень немногихъ мѣстахъ, быть можетъ и потому, что за такія экстренныя занятія не полагается особой платы учителю, который и безъ того имѣетъ пять ежедневныхъ часовъ въ школѣ, да, кромѣ того, несетъ иногда дьяческія обязанности.

Уже уложеніемъ Фридриха VI-го сдѣлано было очень многое для обезпеченія матеріальнаго положенія сельскихъ учителей. По этому положенію, кромѣ готовой квартиры съ разными удобствами, они получаютъ въ содержаніе: 1) среднимъ числомъ 6 тоннъ [1]) ржи и 10 тоннъ ячменя, по оффиціально утвержденной таксѣ прошлаго года. Нѣсколько большее или меньшее количество этихъ продуктовъ въ разныхъ школахъ зависѣло отъ первоначальной смѣты дьяческихъ доходовъ (главнымъ образомъ, такъ называемой Dognℓende, дьяческой десятины), которые, съ уничтоженіемъ дьяческой должности, поступили въ пользу учителей. 2) Шесть саженъ буковыхъ дровъ или равную стоимость ихъ другими дровами или торфомъ. 3) Участокъ земли достаточный для прокормленія 2 коровъ и 6 овецъ; также 4 воза сѣна и 8 возовъ соломы опредѣленнаго вѣса. 4) Кромѣ того, тотъ изъ учителей, который исправляетъ дьяческую должность, за исправленіе этой должности получаетъ 10 талеревъ жалованья и пользуется частію прежнихъ дьяческихъ доходовъ, именно добровольными приношеніями отъ при-

---

[1]) Гимнастическія упражненія должны быть внѣ положенныхъ учебныхъ часовъ.

[1]) Датская тонна, какъ хлѣбная мѣра, имѣетъ вмѣстимость $4^{1}/_{2}$ кубич. фута.

хожанъ, деньгами и натурою [1]). Съ 1864 года не только значительно поднялось значеніе учителей въ обществѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличились матеріальныя ихъ потребности, но и значительно измѣнилась цѣнность многихъ вещей. Поэтому, закономъ 1856 года, найдено нужнымъ увеличить прежнее содержаніе учителей, прибавкою 48 шилинговъ на каждое дитя, бывшее въ школѣ съ начала года, съ предоставленіемъ каждому приходу права принять тѣ или другія мѣры къ составленію нужной для того суммы. Гдѣ школы имѣютъ частные источники доходовъ, предоставленные по завѣщаніямъ или другимъ какимъ бы то ни было образомъ, они должны быть употребляемы также на увеличеніе содержанія учителей, равно какъ на улучшеніе самихъ школъ, а не служить взамѣнъ общимъ приходскимъ расходамъ, — развѣ такова именно была воля завѣщателя или жертвователя.

Въ то же время сдѣлана другая важная перемѣна въ пріисканіи средствъ къ поощренію достойныхъ учителей и къ обезпеченію участи учителей престарѣлыхъ или больныхъ, принужденныхъ оставить службу, равно какъ оставшихся послѣ нихъ женъ и дѣтей. Прежде съ этою цѣлію въ каждомъ амтѣ устроена была *вспомогательная учительская касса*, въ которую каждый учитель обязанъ былъ дѣлать ежегодный опредѣленный взносъ, именно: стоимость одной тонны ячменя по оффиціальной таксѣ; зато, въ случаѣ крайности, онъ имѣлъ право дѣлать въ кассѣ безпроцентный заемъ; отсюда также, по представленію мѣстнаго начальства, онъ могъ получить временную прибавку жалованья, а при отставкѣ пенсіонъ, который, въ случаѣ смерти, предоставлялся и семейству. Взамѣнъ этихъ кассъ, которыя уничтожены, постановлено, чтобы необходимыя средства были совершенно отнесены на счетъ общихъ школьныхъ суммъ амта. Положено, чтобы въ каждомъ амтѣ было устроено извѣстное число ежегодныхъ прибавочныхъ суммъ въ 50 и 25 тал., въ пользу учителей по старшинству. Опредѣлены лѣта и условія службы, когда каждый учитель имѣетъ право на вѣрный пенсіонъ. Вдова учителя получаетъ въ пенсіонъ по меньшей мѣрѣ ½ содержанія умершаго мужа, кромѣ такой же ренты изъ общества застрахованія жизни, куда каждый учитель обязанъ съ этою цѣлію вносить ежегодно необходимую сумму изъ своего жалованья. Въ помощь сельскимъ и городскимъ общинамъ, какъ по этимъ, такъ и вообще по школьнымъ расходамъ, правительство предложило уплачивать ежегодную сумму въ 50,000 талеровъ, ежегодно распредѣляемую министерствомъ сообразно съ дѣйствительными нуждами каждаго амта. Это единственное пособіе народнымъ училищамъ, какое, за исключеніемъ экстреннымъ случаевъ, производится изъ общихъ государственныхъ суммъ [1]).

Вообще, ежегодное содержаніе сельскихъ учителей, полагая цѣну квартиры, дровъ, доходы съ участка земли и проч. въ одну общую сумму, по собраннымъ отъ правительства свѣдѣніемъ, представляетъ слѣдующія цифры:

40	учительск. должн. ниже	100	датск.	талер.
148	. . . . между	100	—	200
401		200	—	300
652		300	—	400
535		400	—	500
421		500	—	600
129		600	—	700
42		700	—	800
11		800	—	900
3		900	—	1000
1		1000	—	1100
1		1500	—	1600.

Но при этомъ должно замѣтить: 1) Всѣ эти оффиціальныя цифры ниже дѣйствительности. На самомъ дѣлѣ положеніе учителей, какъ сельскихъ, такъ и городскихъ, много лучше, чѣмъ показано въ оффиціально собранныхъ свѣдѣніяхъ. 2) Низшія изъ вышепоказанныхъ

[1]) Чтобы исправленіе дьяческой должности не препятствовало исправному обученію въ школѣ, закономъ указаны опредѣленные часы, въ промежуткѣ между утренними и послѣ-обѣденными классами, когда должны быть отправляемы церковныя требы. Съ другой стороны, съ учителя сняты всѣ низкія службы по содержанію церкви въ порядкѣ и чистотѣ и возложены на церковнаго сторожа.

[1]) По государственному бюджету 1858—9 годовъ на содержаніе народныхъ училищъ, за исключеніемъ семинарій, изъ общихъ государственныхъ доходовъ было употреблено 59,683 тал. 62 шиллинга, со включеніемъ же пособій 5 семинаріямъ, институту глухо-нѣмыхъ и т. п. 92, 232 тал. 15 ¾ шиллинговъ.

цифръ относятся не къ настоящимъ или постояннымъ учителямъ, но къ такъ-называемымъ *вспомогательнымъ учителямъ* (Hjaelpelaerer), нанимаемымъ приходами въ помощь постояннымъ учителямъ, или изъ воспитанниковъ семинарій, вышедшихъ съ худшими аттестатами и потому не имѣющихъ права тотчасъ по выходѣ изъ заведенія занять учительскія мѣста, или же просто изъ людей, еще готовящихся къ учительскому званію.

При такихъ средствахъ къ жизни сельскихъ учителей становится понятнымъ и то, что они находятъ возможнымъ заводить частныя библіотеки, читать журналы и газеты и писать журнальныя статейки или издавать брошюры по школьнымъ вопросамъ и имѣть общія регулярныя собранія, куда собираются иногда за нѣсколько десятковъ миль и гдѣ разсуждаютъ объ общемъ состояніи училищъ, дѣлятся взаимными опытами, принимаютъ общія рѣшенія и адресы къ училищнымъ начальствамъ и т. под. Эти взаимныя совѣщанія и адресы публикуются въ журналахъ и газетахъ и чрезъ то дѣлаются извѣстными не только внѣ круга тѣхъ лицъ, которыя принимали въ нихъ участіе, но и вообще, внѣ круга лицъ, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ народнымъ училищамъ.

III. Городскія училища.

Городскія училища бываютъ, большею частію, двухъ родовъ: собственно народныя (Almueskoler) и бюргерскія или реальныя (Borgarskoler). Первыя содержатся на счетъ общихъ городскихъ суммъ, вторыя на счетъ родителей, которые желаютъ дать своимъ дѣтямъ нѣсколько высшее образованіе. Но и здѣсь всегда должно быть извѣстное число даровыхъ мѣстъ (не больше $^1/_{10}$ общаго числа), которыя замѣщаются лучшими учениками изъ народныхъ школъ. Если средства города не дозволяютъ учредить отдѣльной бюргерской школы, то должны быть устроены особые высшіе классы при народномъ училищѣ.

Въ бюргерскую школу примаются мальчики не моложе 9 лѣтъ, которые уже выучились бойко читать по всякой книгѣ, умѣютъ писать мелкимъ почеркомъ, знаютъ главнѣйшія истины вѣры по утвержденнымъ учебникамъ, важнѣйшія библейскія исторіи и первыя четыре правила ариѳметики. Ученики раздѣляются на два класса, съ отдѣльною для каждаго класса программою. Классы раздѣляются на отдѣленія по числу воспитанниковъ, такъ, чтобы ни въ одномъ отдѣленіи не было болѣе 24. По первоначальному плану бюргерскихъ школъ очевидно имѣлось въ виду устроить ихъ въ качествѣ реальныхъ училищъ, съ довольно обширною программою, и потому, по оффиціальной программѣ, назначенной для всѣхъ вообще бюргерскихъ училищъ, предметами ученія въ нихъ положены: 1) Упражненіе въ чтеніи датскими и латинскими буквами, въ связи съ грамматикою и правописаніемъ. 2) Законъ Божій въ связи съ чтеніемъ библіи, особенно Новаго Завѣта; съ ученіемъ о религіи должны быть соединены также ученіе о природѣ человѣка и общая исторія церкви и реформаціи, особенно отечественной. Старшіе и лучшіе ученики должны быть упражняемы въ сочиненіяхъ на заданныя учителемъ темы о важнѣйшихъ истинахъ христіанства. 3) Каллиграфія. 4) Практическое счетоводство съ помощію и безъ помощи доски, учетъ векселей и бухгалтерія. 5) Элементарная математика и первыя основанія механики, особенно въ приложеніи къ фабрикамъ и ремесламъ; также общія свѣдѣнія о математической географіи. 6) Физика и естественная исторія въ связи съ различными видами товаровъ и ремесленнымъ и фабричнымъ производствомъ. 7) Общая гражданская исторія—кратко, и отечественная — подробно. 8) Географія въ связи съ торговою географіею. 9) Живые языки: нѣмецкій, французскій и, гдѣ по мѣстнымъ условіямъ представляется нужнымъ, англійскій. 10) Черченіе геометрическихъ фигуръ, машинъ, архитектурныхъ принадлежностей и орнаментовъ. 11) Пѣніе. 12) Гимнастика. Но едвали въ какой бюргерской школѣ, быть-можетъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, дѣйствительный курсъ ученія соотвѣтствуетъ сказанной оффиціальной программѣ. Поэтому во многихъ городахъ, рядомъ съ бюргерскими школами учреждены особые реальные классы или даже отдѣльныя реальныя училища. Въ мѣстахъ, гдѣ существуютъ ученыя школы, реальные классы соеди-

нены съ учеными школами. Вообще, касательно устройства бюргерскихъ школъ допущено самое большое разнообразіе, согласно съ усмотрѣніемъ мѣстныхъ начальствъ и дѣйствительными потребностями жителей.

Въ связи съ народными школами въ нѣкоторыхъ городахъ устроены воскресныя, вечернія, рисовальныя и рукодѣльныя школы. Касательно послѣднихъ, законъ гласитъ такимъ образомъ: 1) Главною цѣлью устройства рукодѣльныхъ школъ должно быть, чтобы въ связи съ общимъ обученіемъ обоихъ половъ стараться развить дѣтскія способности, пробудить различные природные таланты, внушить охоту къ трудолюбію и чрезъ то со временемъ сдѣлать дѣтей полезными членами общества. 2) Рукодѣльныя школы должны быть въ ближайшей связи съ городскими школами и устроены, насколько возможно, во всѣхъ городахъ, по плану, какой дирекція, по предложенію мѣстной коммиссіи, должна составить особо для каждаго города. 3) Всѣ дѣти, ходящія въ городскія школы, которыхъ будущее назначеніе, по всей вѣроятности, быть ремесленниками, должны быть убѣждаемы учиться въ рукодѣльныхъ школахъ; дѣти же, которыя учатся даромъ, обязаны къ тому. Время для упражненія дѣтей въ рукодѣльныхъ школахъ должно быть выбрано внѣ школьныхъ часовъ. 4) Чтобы достигнуть главной цѣли, лежащей въ основаніи рукодѣльныхъ школъ, для мальчиковъ должно предпочитать такія работы, которыя, не вредя свободному развитію тѣла, развиваютъ руку и глазъ, образуютъ правильный вкусъ и находятся въ ближайшей связи съ различными ремеслами, именно: всѣ работы на деревѣ, — столярство, точенье и проч.; работы на металлахъ, — кузнечество, слесарство и т. под. За недостаткомъ другихъ работъ, можно также упражнять дѣтей въ устройствѣ различныхъ вещей изъ папки и соломы, обращая преимущественное вниманіе на правильную соразмѣрность и красоту формъ. Менѣе рекомендуются работы, принадлежащія къ мануфактурному производству: пряжа, трепанье волокнистыхъ веществъ и проч. При выборѣ работъ не слѣдуетъ главнымъ образомъ обращать вниманіе на выгоду, какая можетъ быть отъ той или другой работы. Остатокъ отъ продажи училищныхъ работъ, если будетъ, по открытіи необходимыхъ издержекъ на инструменты, матеріалы, жалованье учителямъ и другія необходимыя издержки, употреблять въ пользу дѣтей, тотчасъ или по выпускѣ ихъ изъ школьныхъ городскихъ суммъ. 5) Въ учителя выбирать свѣдущихъ мастеровыхъ или другихъ знающихъ людей, за плату или безплатно, если найдутся добрые люди. 6) Для дѣвочекъ должны быть особыя рукодѣльныя школы, гдѣ бы онѣ учились обыкновеннымъ женскимъ работамъ, какъ то: шить, вышивать, вязать и проч. Можно также учить дѣвочекъ прясть, трепать и другимъ мануфактурнымъ работамъ. Въ учительницы выбирать одну или нѣсколько пожилыхъ женщинъ.

Училищная коммиссія завѣдуетъ всѣми городскими училищами (за исключеніемъ ученыхъ), какъ общественными, такъ и частными, гдѣ они есть. Учителя также, большею частію, бываютъ одни и тѣ же, какъ въ бюргерскихъ, такъ и въ собственно-народныхъ училищахъ. Преподавателемъ Закона Божія и вмѣстѣ старшимъ учителемъ въ этихъ училищахъ почти всегда бываетъ ординованный катехетъ, который также служитъ и помощникомъ мѣстному пастору при исправленіи церковныхъ требъ. Содержаніе постоянныхъ городскихъ учителей, имѣющихъ 36 учебныхъ часовъ въ недѣлю, съ 1856 года опредѣлено такимъ образомъ, чтобы одна половина ихъ получала жалованья 300 талеровъ и стоимость 50 тоннъ ячменя по оффиціальной таксѣ, кромѣ даровой квартиры для женатаго учителя и дровъ; другая половина—150 талеровъ и стоимость 50 тоннъ ячменя, также вмѣстѣ съ квартирою и дровами. Катехетъ пользуется, кромѣ того, обычными церковными доходами. Права городскихъ учителей на прибавочное жалованье и пансіоны одинаковы съ правами сельскихъ учителей.

По собраннымъ отъ правительства свѣдѣніямъ содержаніе городскихъ учителей представляетъ, вообще, слѣдующія цифры.

2 должности между	100 — 200	датск. тал.
50	200 — 300	
99	300 — 400	
43	400 — 500	

47	должности между	500 —	600	датск. тал.
35		600 —	700	
21		700 —	800	
20		800 —	900	
7		900 —	1000	
4		1000 —	1100	
1		1100 —	1200	
2		1200 —	1300	
1		1300 —	1400	

IV. Столичныя училища.

Народныя училища въ Копенгагенѣ, по различнымъ источникамъ доходовъ, служащихъ въ ихъ содержанію, раздѣляются: 1) на церковныя школы, устроенныя при церквахъ господствующаго лютеранскаго исповѣданія и содержимыя на счетъ суммъ, какія въ разныя времена завѣщаны на этотъ предметъ доброхотными дателями; 2) школы другихъ исповѣданій: римскихъ католиковъ и евреевъ, также нѣмецкихъ лютеранъ, составляющихъ отдѣльный приходъ, которыя всѣ содержатся собственными средствами; 3) приходскія школы; 4) школы, содержимыя на счетъ суммъ въ пользу бѣдныхъ (Fattigvaesenet); 5) школы, содержимыя частными благотворительными обществами, съ пособіемъ или безъ пособія отъ правительства; наконецъ, 6) частныя школы, существующія единственно платою съ учениковъ или ученицъ. Объ этихъ послѣднихъ будемъ говорить особо.

Самыя многочисленныя изъ всѣхъ указанныхъ школъ суть приходскія, которыя также двухъ или трехъ родовъ. Въ первое время послѣ изданія школьнаго уложенія, онѣ были разсѣяны по всему городу; почти каждая улица имѣла свою особую школу, которая, по своему устройству едвали отличалась чѣмъ отъ сельскихъ народныхъ школъ. Впослѣдствіи найдено болѣе полезнымъ соединить многочисленныя разбросанныя школы въ нѣсколько большихъ общихъ школъ, размѣстивъ ихъ въ разныхъ частяхъ города. Небольшое, сравнительно съ другими столицами, протяженіе города не могло служить помѣхою такому плану. Въ настоящее время приходскія школы устроены такимъ образомъ: въ каждой изъ четырехъ частей города устроено по отдѣльной школѣ для мальчиковъ и для дѣвочекъ, гдѣ за обученіе вносится извѣстная плата. При каждой изъ этихъ школъ учреждены особые приготовительные классы для малолѣтнихъ дѣтей, также отдѣльные для мальчиковъ и для дѣвочекъ, за исключеніемъ, впрочемъ, одной, гдѣ приготовительные классы общи для тѣхъ и другихъ. Кромѣ того, въ разныхъ частяхъ города учреждены четыре даровыя школы, двѣ для мальчиковъ и двѣ для дѣвочекъ, и при нихъ два приготовительныя училища, общія для мальчиковъ и для дѣвочекъ. При каждомъ училищѣ, въ качествѣ постояннаго наблюдателя за учителями и учениками, помѣщается инспекторъ изъ старшихъ учителей, который, кромѣ квартиры, пользуется за то, въ школахъ съ платою, извѣстными процентами съ собираемыхъ отъ учениковъ денегъ, въ прочихъ — небольшимъ жалованьемъ изъ общихъ школьныхъ суммъ. Школьная плата, вносимая ежемѣсячно, съ 1856 года опредѣлена такимъ образомъ.

	1-е дитя шил.	2 дитя шил.	3 дитя шил.	4 дитя и т. д.
Приготовительные классы. .	32	28	24	Ничего.
Вечерніе классы	40	36	32	—
Цѣлодневные классы	48	40	32	—

Если родители или воспитатели, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, не внесутъ положенной платы, дитя немедленно переводится въ одну изъ даровыхъ школъ, или, въ крайнемъ случаѣ, неуплаченныя деньги взыскиваются полицейскимъ порядкомъ, посредствомъ такъ-называемаго *Udpantning,* который состоитъ въ слѣдующемъ: приходятъ одинъ или нѣсколько полицейскихъ служителей, берутъ первыя попавшіяся на глаза вещи, закладываютъ ихъ въ *Assistenzhuset* (родъ заемнаго банка подъ всѣ возможныя вещи, утвержденный правительствомъ) и полученныя подъ закладъ деньги отдаютъ, куда слѣдуетъ. Дѣти родителей, которые въ состояніи вносить положенную плату, должны всѣ поступать въ школы съ платою, и только дѣти родителей, дѣйствительно неимущихъ, должны быть принимаемы въ даровыя школы.

Вмѣстѣ съ этими внѣшними и хозяйственными перемѣнами введены также немаловажныя перемѣны и въ самомъ внутреннемъ устройствѣ школъ. Предме-

ты ученія значительно распространены, въ сравненіи съ общими народными школами по селамъ и городамъ. Во всѣхъ даровыхъ школахъ въ настоящее время преподаются: законъ Божій, датскій языкъ, географія, ариѳметика, чистописаніе, рисованіе, пѣніе, гимнастика и, для дѣвочекъ, женскія рукодѣлія, а въ школахъ съ платою, кромѣ того: общая исторія, физика и естественная исторія. Въ каждой школѣ ученики и ученицы имѣютъ шесть учебныхъ часовъ, частію до обѣда, частію послѣ обѣда; но для дѣтей ремесленниковъ и, вообще, бѣдныхъ родителей, которые въ теченіе дня находятся въ работѣ, существуютъ особые вечерніе классы. Касательно раздѣленія дѣтей по классамъ принято правиломъ, чтобы въ низшихъ или приготовительныхъ классахъ было не болѣе 60 учениковъ или ученицъ въ одномъ отдѣленіи, въ прочихъ классахъ не болѣе 40. Вмѣстѣ съ этимъ очевидно потребовались и большее число учителей и, слѣдовательно, лишніе расходы; въ видахъ нѣкотораго сокращенія расходовъ, необходимыхъ на содержаніе учителей, принято правиломъ назначать учителей не къ той или другой опредѣленной школѣ, но вообще къ вѣдомству приходскихъ школъ и на извѣстное число учебныхъ часовъ (не болѣе 36) въ одной ли, или въ нѣсколькихъ школахъ, смотря по распоряженію дирекціи.

Послѣдняя мѣры касательно размѣщенія дѣтей по классамъ и назначенія учителей прилагаются также и къ другимъ публичнымъ школамъ. Такъ какъ въ церковныхъ школахъ, владѣющихъ богатыми средствами, программа нѣсколько обширнѣе, чѣмъ въ даровыхъ приходскихъ училищахъ, то каждый годъ половина учениковъ въ церковныя школы берется изъ лучшихъ воспитанниковъ даровыхъ приходскихъ и другихъ школъ, содержимыхъ на счетъ суммъ въ пользу бѣдныхъ. Къ такимъ школамъ принадлежатъ, между прочимъ, школа при общемъ городскомъ госпиталѣ и двѣ школы при рабочихъ домахъ.

Школы, содержимыя римскими католиками, нѣмецкими лютеранами и евреями, отличаются сравнительно болѣе обширною программою. Многія изъ школъ, содержимыхъ частными благотворительными обществами, имѣютъ совершенно характеръ реальныхъ училищъ; но тѣ изъ нихъ, которыя не пользуются пособіемъ изъ общихъ городскихъ суммъ, покрываютъ часть расходовъ различною платою съ учениковъ и ученицъ, которая въ иныхъ восходитъ до 5 талеровъ въ мѣсяцъ. Отсутствіе особыхъ реальныхъ училищъ замѣняется частію помянутыми школами, содержимыми на счетъ благотворительныхъ обществъ, частію не малымъ количествомъ частныхъ реальныхъ школъ или институтовъ, частію наконецъ особыми реальными классами, соединенными съ учеными школами.

Особаго вниманія заслуживаетъ школа *тупыхъ и лѣнивыхъ дѣтей* (Skolen for forsoemte Boern), устроенная въ 1845 году. Въ эту особую школу отдаются ученики и ученицы, которые, по недостатку способностей или по лѣности, значительно отстаютъ по успѣхамъ отъ прочихъ дѣтей, причемъ имѣется въ виду, съ одной стороны, обезопасить отъ ихъ вреднаго вліянія прочихъ дѣтей, съ другой стороны подвергнуть ихъ самихъ особенно тщательному надзору и руководству. Такъ какъ наставникъ такой школы долженъ отличаться особою опытностію и способностію въ дѣлѣ преподаванія, то и особое высшее содержаніе соединено съ этою должностію. Въ 1858 году въ этой школѣ было 28 учениковъ и 24 ученицы.

Не меньшаго вниманія заслуживаетъ также слѣдующій обычай, какъ знакъ особаго сочувствія къ дѣлу общенароднаго обученія. Съ наступленіемъ лѣтнихъ каникуловъ, съ разныхъ сторонъ государства и отъ разнаго рода лицъ, дворянъ, пасторовъ, купцовъ, зажиточныхъ крестьянъ и проч., приходятъ къ училищной дирекціи объявленія, что такое-то семейство можетъ взять къ себѣ на каникулярное время столько-то бѣдныхъ школьниковъ или школьницъ. Желѣзныя дороги, почтовые и частные пароходы, дилижансы, предлагаютъ свои услуги для безплатнаго отвоза дѣтей къ мѣсту назначенія и обратно. Благодаря такому участію сельскихъ жителей и разнаго рода обществъ, цѣлыя сотни бѣдныхъ дѣтей получаютъ возможность провести нѣсколько лѣтнихъ недѣль на свѣжемъ воздухѣ. Для тѣхъ же, которыя

остаются въ городѣ, мѣстныя начальства сами устраиваютъ иногда поѣздки въ окрестности.

Дирекція, подъ вѣдомствомъ которой находятся всѣ вообще народныя училища въ Копенгагенѣ, публичныя и частныя, безъ различія исповѣданій, — состоитъ изъ трехъ членовъ: оберъ-президента города, одного изъ бургомистровъ магистрата и одного изъ столичныхъ пробстовъ, по назначенію министерства. Дирекція подчинена ближайшимъ образомъ магистрату; при ней состоитъ директоръ съ канцеляріею, который занимается письмоводствомъ, составленіемъ годичныхъ отчетовъ, приготовленіемъ смѣты необходимыхъ расходовъ, а также, подъ руководствомъ членовъ, надзоромъ за исполненіемъ существующихъ постановленій и, вообще, за состояніемъ подвѣдомыхъ школъ, но въ рѣшеніяхъ дирекціи голоса не имѣетъ. Низшую начальственную инстанцію составляютъ — для приходскихъ школъ особыя коммиссіи; для частныхъ школъ обыкновенныя приходскія коммиссіи. Первыя, подобно дирекціи, состоятъ также изъ трехъ членовъ: одного духовнаго члена, назначаемаго министерствомъ, и двухъ свѣтскихъ, изъ которыхъ одинъ избирается сословіемъ гражданъ, другой назначается дирекціею. Инспекторы школъ находятся въ такихъ же отношеніяхъ къ коммиссіи, какъ директоръ къ дирекціи. Приходскія коммиссіи состоятъ изъ приходскаго пастора и нѣсколькихъ гражданъ, по назначенію дирекціи. Всѣ эти начальственныя лица, за исключеніемъ директора и инспекторовъ, служатъ безплатно. Церковныя школы имѣютъ собственныя попечительства, которыя заступаютъ мѣсто коммиссій. Равно школы, содержимыя на счетъ суммъ въ пользу бѣдныхъ, школы другихъ исповѣданій и большая часть школъ, содержимыхъ благотворительными обществами, даже нѣкоторыя частныя школы, имѣютъ собственныя управленія, которыя непосредственно подчинены дирекціи.

Положеніе учителей, назначаемыхъ частію дирекціею, частію попечительствами и другими собственными управленіями, въ послѣдніе годы было предметомъ особаго вниманія. Мы уже говорили, что учитель назначается, вообще, къ приходскимъ или другимъ народнымъ школамъ на извѣстное число часовъ. Учитель, имѣющій не менѣе 18 учебныхъ часовъ въ недѣлю, признается настоящимъ или постояннымъ учителемъ (fast Laerer) и въ этомъ качествѣ пользуется свободою отъ рекрутской повинности и получаетъ 400 талеровъ жалованья за 36 учебныхъ часовъ; по истеченіи 4-хъ лѣтъ жалованье увеличивается до 500 тал., а по истиченіи другихъ четырехъ лѣтъ до 600 талеровъ. Учителямъ рисованія, пѣнія, гимнастики, равно учительницамъ женскихъ рукодѣлій платится по часамъ, не болѣе 20 или 21 шиллинга за часъ.

V. Частныя школы.

Частныя школы почти исключительно существуютъ только въ Копенгагенѣ и его окрестностяхъ. Правда, есть онѣ кой-гдѣ и въ другихъ городахъ, но тамъ онѣ большею частію составляютъ родъ открытыхъ пансіоновъ для малолѣтнихъ дѣтей, преимущественно для дѣвочекъ, которыя обучаются въ нихъ рукодѣльямъ, и притомъ общее число такихъ школъ весьма незначительно. Въ столицѣ, напротивъ, число всѣхъ частныхъ школъ, по отчету за 1858 годъ, было не меньше 98, и общее число находившихся въ нихъ дѣтей равнялось почти половинѣ общаго числа учениковъ и учениць, обучавшихся въ публичныхъ народныхъ школахъ. Нельзя не замѣтить, что съ каждымъ годомъ отношеніе между публичными и частными школами, касательно числа учащихся, болѣе и болѣе измѣняется въ пользу первыхъ.

Нагляднѣе всего это можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ:

Въ 1856 г.	въ публичн. школахъ училось . .	8,523
	въ частныхъ школахъ	4,551
Въ 1857 г.	въ публичн. школахъ	8,794
	въ частныхъ школахъ	4,602
Въ 1858 г.	въ публичныхъ школахъ	9,096
	въ частныхъ школахъ	4,388

Такая перемѣна есть естественное слѣдствіе постепенно возрастающаго довѣрія къ публичнымъ школамъ, которое въ свою очередь имѣетъ основаніе въ постоянныхъ реформахъ, принимаемыхъ дирекціею, сколько по собственнымъ наблюденіямъ, столько же и по указанію общественнаго мнѣнія.

Существующія частныя школы суть трехъ родовъ: приготовительныя, общія и высшія или реальныя. Въ первыя принимаются молодѣтныя дѣти, большею частію отъ 5 до 8 лѣтъ, для приготовленія въ другія учебныя заведенія, съ платою отъ 48 шилинговъ до 5 талеровъ въ мѣсяцъ. Большая часть общихъ школъ устроена для дѣвочекъ и составляетъ родъ открытыхъ институтовъ, въ которыхъ программа ученія общирнѣе, чѣмъ въ общихъ народныхъ школахъ; почти во всѣхъ такихъ школахъ преподаются нѣмецкій, французскій и англійскій языки, также физика и естественная исторія. Плата отъ 1 до 6 талеровъ въ мѣсяцъ. Въ Копенгагенѣ находится не менѣе шести реальныхъ частныхъ школъ, изъ которыхъ иныя носятъ названіе бюргерскихъ школъ (Borgerskoler), другія просто называются школами для мальчиковъ (Drengeskoler). Въ одной изъ нихъ не менѣе 540, во всѣхъ же вмѣстѣ около 1140 учениковъ. Ежемѣсячная плата отъ 2 до 9 талеровъ. Вообще, замѣчено, что при совершенномъ практическомъ направленіи съ каждымъ годомъ уменьшается число людей, ищущихъ собственно научнаго образованія, и вмѣстѣ съ тѣмъ умножается число учениковъ въ заведеніяхъ съ чисто реальною цѣлію.

Какихъ либо закрытыхъ пансіоновъ или институтовъ для мальчиковъ и для дѣвочекъ Копенгагенъ и вообще Данія вовсе не знаютъ. Провинціальные родители, желающіе дать своимъ дѣтямъ образованіе выше обыкновеннаго уровня народныхъ училищъ, или поручаютъ своихъ дѣтей надежнымъ лицамъ въ столицѣ, или нанимаютъ домашнихъ гувернеровъ и гувернантокъ, что, при здѣшнихъ порядкахъ, обходится вовсе не дорого. Но бываетъ и такъ, что сами столичные жители, имѣющіе всѣ средства дать хорошее воспитаніе своимъ дѣтямъ, отправляютъ ихъ въ деревню къ какому-либо деревенскому пастору, который на просторѣ деревенской жизни готовитъ ихъ къ университету.

Касательно дозволенія заводить и содержать частныя школы въ столицѣ, съ 1845 года существуютъ слѣдующія правила:

1) Всякій, желающій основать частную школу, не имѣющую цѣлію научнаго образованія, или управлять такою школою, прежде всего долженъ представить на усмотрѣніе дирекціи подробный планъ школы, гдѣ должны быть обозначены ея цѣль, предполагаемое число классовъ, какіе предметы ученія будутъ введены сообразно съ предполагаемою цѣлію, какъ они будутъ распредѣлены по классамъ и какимъ образомъ излагаемы, учебное время, нужные аппараты, плата и прочее, что можетъ служить къ составленію яснаго понятія о качествѣ и дѣятельности школы.

2) Когда планъ будетъ одобренъ дирекціею, проситель долженъ подвергнуться тому или другому испытанію, сообразно съ цѣлію и программой предполагаемой школы.

3) Такъ какъ существуютъ три различные разряда частныхъ школъ: приготовительныя, общія и высшія или реальныя, и каждая вновь-устраиваемая школа можетъ быть отнесена къ одному изъ этихъ разрядовъ, то сообразно съ тѣмъ установлены и три разныя степени испытанія, которое бываетъ частію теоретическое (устное и письменное), частію практическое.

Для первой степени или для полученія дозволенія на содержаніе приготовительной школы требуется, чтобы проситель умѣлъ ясно, съ толкомъ и разстановкой читать, четко и грамматически-правильно писать, зналъ твердо четыре первыя правила ариѳметики и тройное правило и умѣлъ считать по нимъ съ помощью доски, могъ связно разсказать и объяснить указанную часть изъ библейской исторіи, наконецъ былъ знакомъ съ существенно необходимыми понятіями о воспитаніи и обученіи вообще, особенно же со всѣмъ, относящимся къ элементарному обученію, и могъ изложить на бумагѣ свои мысли на ту или другую тему по этому предмету.

Послѣ теоретическаго испытанія проситель долженъ показать на самомъ дѣлѣ свое умѣнье въ преподаваніи чтенія, ариѳметики и закона Божія въ одной изъ публичныхъ школъ.

Для *второй степени* требуются: основательное знаніе датскаго языка, такъ чтобы проситель зналъ особенности его въ формахъ и сочетаніяхъ и былъ знакомъ съ общею философскою грамматикою; исторія датской литературы и, въ

связи съ нею, ближайшее знакомство съ нѣкоторыми изъ важнѣйшихъ ея произведеній; исторія и географія, по преимуществу отечественныя, въ такой мѣрѣ, какая требуется при поступленіи въ университетъ; педагогика, особенно же методическое изложеніе тѣхъ предметовъ, которые должны войти въ составъ школьной программы.

Кромѣ устнаго испытанія, просителю предлагаются три письменныя задачи: одна по предмету педагогики и дидактики, одна по исторіи и одна по предмету датской литературы. Равнымъ образомъ въ одной изъ городскихъ школъ онъ долженъ показать свои наставническія способности какъ въ качествѣ преподавателя, такъ и въ качествѣ экзаменатора.

Для *третьей степени* нужно все то, что требуется и для второй степени. Кромѣ того, по выбору просителя, или основательное научное знаніе исторіи и географіи, или такое же знаніе математики и естественныхъ наукъ, или основательное знакомство съ однимъ изъ иностранныхъ языкомъ (нѣмецкимъ, французскимъ и англійскимъ), такъ чтобы проситель не только могъ правильно говорить и писать на избранномъ языкѣ и грамматически объяснять его во всѣхъ подробностяхъ, но и зналъ его литературу. Испытаніе бываетъ также частію устное, частію письменное.

4) Прежде испытанія, при представленіи прочихъ документовъ, проситель долженъ объяснить въ прошеніи, какъ онъ приготовлялся къ учительской должности и какими руководствовался пособіями, также представить отъ почтенныхъ людей свидѣтельство о добромъ поведеніи.

5) Моложе 25 лѣтъ никто не можетъ получить права на содержаніе какой бы то ни было школы.

6) Послѣ полученія дозволенія, школа не прежде можетъ быть открыта, какъ отъ мѣстнаго училищнаго начальства будетъ представлено свидѣтельство, что школа имѣетъ надлежащее помѣщеніе и снабжена всѣми необходимыми вещами.

7) Требованія въ отношеніи къ просительницамъ могутъ и должны быть нѣсколько снисходительнѣе.

8) Всякій, подвергающійся испытанію третьей степени, вноситъ въ пользу училищныхъ доходовъ 10 талеровъ; второй степени—5 талеровъ. Подвергающіеся испытанію первой степени не платятъ ничего.

9) Испытаніе производится два раза въ годъ, особымъ комитетомъ, назначаемымъ дирекціею.

Пособіями по части педагогики и дидактики, главнымъ образомъ, указываются, для первой или низшей степени: Brammer's Laerebog i Didaktik og Paedagogik; для прочихъ двухъ: Diesterweg's Wegweiser zur Bildung für Lehrer и Schwarz's Lehrbuch der Erziehung und des Unterrichts, neu bearbeitet von Curtman.

VI. Семинаріи.

Мы уже говорили, что начало семинарій въ Даніи совпадаетъ съ первыми рѣшительными мѣрами къ преобразованію народныхъ училищъ; первая датская семинарія или особое спеціальное заведеніе для приготовленія народныхъ учителей основана въ 1791 году. Въ настоящее время существуетъ пять семинарій: одна на Зеландіи, другая на Фіоніи и три въ сѣверной Ютландіи; всѣ пять устроены въ селахъ, въ довольно далекомъ разстояніи отъ городовъ.

Начальникомъ и вмѣстѣ старшимъ учителемъ въ семинаріяхъ, за исключеніемъ одной, бываетъ мѣстный пасторъ того села, гдѣ находится семинарія, такъ что обѣ должности, пастора и начальника семинаріи, неразрывно соединены въ одномъ лицѣ, на что обращается вниманіе и при самомъ опредѣленіи на означенныя мѣста. По управленію и надзору семинаріи изъяты отъ мѣстнаго училищнаго начальства и подчинены особой для каждой дирекціи коммиссіи, которая состоитъ изъ главнаго гражданскаго начальника области или штифта (Stifsamtmand), мѣстнаго епископа и мѣстнаго пробста.

Учебная программа семинарій весьма необширна и состоитъ изъ двоякаго рода предметовъ: *первостепенныхъ*, на которые обращается преимущественное вниманіе и основательное знаніе которыхъ безусловно требуется на выпускномъ экзаменѣ, и *второстепенныхъ*, преподаваніе которыхъ стоитъ на второмъ планѣ и частію оставляется на произволъ воспитанниковъ. Къ числу первостепенныхъ предметовъ принадлежатъ: законъ Божій и

достаточное знакомство съ библіею, отечественный языкъ и грамматика, элементарная математика и практическое счетоводство, педагогика, общая географія и исторія (кратко), отечественная географія и исторія (подробнѣе), пѣніе, музыка или умѣнье играть на скрипкѣ или органѣ, гимнастика. Къ числу второстепенныхъ предметовъ относятся: физика и естественная исторія, преимущественно въ приложеніи къ сельскихъ и ремесленнымъ работамъ, черченіе и въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ нѣмецкій языкъ.

Для практическаго приготовленія воспитанниковъ какъ въ дѣлѣ преподаванія, такъ и вообще въ умѣньѣ обращаться съ дѣтьми, при каждой семинаріи существуетъ сельская школа, гдѣ воспитанники, подъ руководствомъ одного изъ наставниковъ семинаріи, практически приготовляются къ учительской должности. Курсъ продолжается три года, послѣ чего слѣдуетъ выпускной экзаменъ, на которомъ каждый изъ воспитанниковъ, смотря по успѣхамъ, получаетъ аттестатъ съ одною изъ слѣдующихъ отмѣтокъ: отлично способенъ, весьма способенъ, способенъ и неспособенъ. Вышедшіе съ отмѣтками «способенъ» и «неспособенъ» должны прослужить, по меньшей мѣрѣ: въ первомъ случаѣ два, въ послѣднемъ четыре года въ качествѣ вспомогательныхъ учителей и получить одобрительное свидѣтельство отъ мѣстнаго училищнаго начальства, чтобы имѣть право проситься на мѣсто настоящаго или постояннаго учителя. Въ аттестатѣ каждаго семинариста прописывается также, можетъ ли онъ быть дьячкомъ или органистомъ, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, съ слѣдующими разрядами: не можетъ, можетъ, можетъ хорошо, можетъ очень хорошо. Если тотъ или другой воспитанникъ, по собственному желанію, подвергся испытанію въ естественныхъ наукахъ, то прописывается и это.

Пріемъ въ семинаріи производится по экзамену и открытъ всѣмъ молодымъ людямъ не моложе 18 и не старше 23 лѣтъ; въ случаѣ недостатка вакансій, сравнительно съ числомъ просителей, преимущество отдается дѣтямъ крестьянъ и школьныхъ учителей; впрочемъ, съ самаго основанія семинарій правительство было чуждо мысли, что только въ семинаріяхъ могутъ быть пріобрѣтены необходимыя для народнаго учителя свѣдѣнія, или чтобы семинаріи имѣли монополію воспитывать годныхъ и способныхъ учителей. Поэтому всегда и всякому было предоставлено право, не учась въ семинаріяхъ, подвергаться въ нихъ испытанію наравнѣ съ воспитанниками семинаріи, получать аттестатъ и пользоваться одинаковымъ съ ними доступомъ къ занятію учительскихъ мѣстъ. Въ 1857 году сдѣлано въ этомъ отношеніи новое распоряженіе. Семинаріи, какъ мы сказали выше, существуютъ только въ 5 мѣстахъ, и потому являться въ нихъ съ цѣлію подвергнуться испытанію иногда может быть сопряжено съ неудобствами и во всякомъ случаѣ съ особыми издержками. Чтобы безъ особыхъ хлопотъ и издержекъ доставить всякому желающему возможность подвергнуться означенному экзамену, министерство назначаетъ нынѣ поочередно въ разныхъ большихъ городахъ особый временной экзаменаціонный комитетъ изъ довѣренныхъ лицъ, о чемъ заблаговременно публикуется во всеобщее свѣдѣніе.

Матеріальными средствами семинарій служатъ частію ренты съ общаго семинарскаго капитала, составленнаго при самомъ ихъ основаніи, частію особые источники доходовъ, предоставленные въ ихъ пользу, какъ-то, между прочимъ: ежегодный сборъ по 10 талеровъ съ каждаго семинарскаго воспитанника и единовременный сборъ по 5 талеровъ съ каждаго, подвергающагося семинарскому испытанію на званіе учителя, частію наконецъ прямыя вспоможенія отъ правительства. Общая сумма ежегодныхъ расходовъ по всѣмъ семинаріямъ не превышаетъ 62,000 талеровъ. Среднее число воспитанниковъ во всѣхъ пяти семинаріяхъ отъ 200 до 250; всѣ они во время семинарскаго курса должны содержать себя собственными средствами, и только нѣкоторые, особенно бѣдные, пользуются небольшимъ вспоможеніемъ изъ семинарскихъ суммъ.

Въ каждой семинаріи не болѣе 4 или 5 учителей, которые всѣ должны быть изъ воспитанниковъ университета, и изъ которыхъ старшій есть вмѣстѣ и начальникъ семинаріи. Жалованье учителей сравнено съ адъюнктами или младшими на-

*

ставниками въ ученыхъ школахъ, именно 500 тал. за 30 учебныхъ часовъ, съ прибавкою 100 талеровъ послѣ каждыхъ трехъ лѣтъ службы, до самаго высшаго оклада въ 1000 талеровъ. Начальникъ семинаріи, не имѣющій духовной должности, получаетъ 1600 талеровъ, съ прибавкою 200 тал. чрезъ каждые пять лѣтъ службы; высшій окладъ 2200 талеровъ. Начальники, занимающіе духовныя должности, пользуются только прибавкою 400—600 талеровъ къ пасторскимъ доходамъ; но если они находятъ нужнымъ содержать помощника для исправленія собственно церковныхъ обязанностей (капеллаа), то получаютъ еще 400 талеровъ на содержаніе капеллана.

Нѣсколько цифръ объ общемъ движеніи народнаго образованія въ даніи.

Вмѣстѣ съ подробными отчетами о состояніи подвѣдомыхъ народныхъ училищъ, мѣстныя училищныя начальства должны представлять также ежегодныя вѣдомости о числѣ дѣтей между 7—14 годами въ подвѣдомомъ округѣ, съ показаніемъ, сколько изъ нихъ пользовались надлежащимъ обученіемъ и сколько, по небрежности родителей или воспитателей, оставались безъ обученія, и какія мѣры приняты начальствами въ отношеніи къ этимъ послѣднимъ. При помощи такихъ данныхъ, именно чрезъ сравненіе существующаго числа дѣтей извѣстнаго возраста съ общимъ числомъ какъ учениковъ и ученицъ того же возраста, находящихся въ существующихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и дѣтей, по свидѣтельству мѣстныхъ училищныхъ начальствъ получающихъ достаточное домашнее образованіе, получается конечно болѣе вѣрная мѣра для сужденія объ общемъ движеніи народнаго образованія, нежели просто чрезъ сравненіе числа учащихся съ общимъ количествомъ народонаселенія. Къ сожалѣнію, такіе отчеты и вѣдомости не публикуются для общаго свѣдѣнія, а остаются въ архивахъ дирекціи и министерства. Исключеніе составляютъ ежегодно публикуемые подробные и обстоятельные очеты столичной дирекціи.

Оставляя въ сторонѣ подробности, считаю не лишнимъ представить здѣсь нѣсколько общихъ цифръ, заимствованныхъ изъ отчетовъ за 1856, 1857 и 1858 годы. Цифры эти представляются въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Годы.	Общее число неконфирмованныхъ дѣтей старше 6 лѣтъ.	Находилось въ школахъ публичныхъ и частныхъ. Подвѣдомыхъ дирекціи.	Подъ другими вѣдомствами	Всего.	Число дѣтей старше 7 л., не бывшихъ въ школахъ.	Изъ нихъ пользовались достаточ. домашн. образованіемъ.	оставались безъ образованія.
1856	17,987	12,690	2,219	14,909	2,864	1,248	1,619
1857	18,142	13,224	2,290	15,514	3,518	1,212	1,306
1858	18,393	13,597	2,497	16,094	2,743	1,278	1,465

За отсутствіемъ публичныхъ отчетовъ не имѣю никакихъ положительныхъ свѣдѣній объ общемъ движеніи народнаго образованія въ другихъ городахъ. Но что касается сельскихъ училищъ и вообще движенія образованія между сельскимъ народонаселеніемъ, то имѣются подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія, собранныя статистическимъ бюро и обнародованныя въ 1859 году подъ названіемъ: *О состояніи сельскихъ народныхъ школъ въ 1857 году.*

Вотъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній, заимствованныхъ изъ указаннаго труда статистическаго бюро.

По народной ревизіи 1-го февраля 1855 года число всѣхъ дѣтей между 7—14 годами было . . . . . . 170,027.

Полагая, что къ началу 1857 году число ихъ увеличилось 2%, въ началѣ 1857 года число ихъ приблизительно будетъ. 173,400

Въ 1857 г. было дѣтей:

Обучавшихся въ школахъ . . . 161,495

Получавшихъ достаточное домашнее образованіе 1,826

Итого 169,321 или 97,6%

Общее число всѣхъ сельскихъ школъ въ томъ же году было. 2,520

Общее число учителей 2,591

Различіе учителей по образованію:

25 имѣютъ степень кандидата богословія.

14 выдержали вступительный университетскій экзаменъ.
7 выдержали какой-либо другой ученый экзаменъ.
2142 выдержали семинарскій экзаменъ.

Всего экзаменованныхъ 2,188
245 не выдержали никакого экзамена.
112 неизвѣстно.

Различіе учителей по происхожденію:
79 дѣти чиновниковъ.
73 дѣти пасторовъ.
641 дѣти школьныхъ учителей.
90 дѣти торговцевъ.
288 дѣти мастеровыхъ.
44 дѣти матросовъ.
24 дѣти солдатъ.
613 дѣти зажиточныхъ крестьянъ (Gaardmaende).
229 дѣти бѣдныхъ крестьянъ (Huusmaende).
162 дѣти другихъ поселянъ.
132 дѣти людей другихъ званій.
216 неизвѣстно.

Различіе по роду занятій до поступленія въ учительскую должность:
76 учились.
358 занимались земледѣліемъ и лѣсоводствомъ.
212 занимались торговлею или служили въ купеческихъ конторахъ.
197 занимались ремеслами.
218 находились въ услуженіи.
36 были въ морской или сухопутной службѣ.
574 занимались частнымъ обученіемъ.
712 прямо готовились къ должности.
205 неизвѣстно.

Копенгагенъ 18 сентября 1861.

VIII.

Народныя школы въ Бельгіи.

Въ заключеніе нашихъ статей по этому отдѣлу, мы представляемъ читателямъ описаніе народныхъ училищъ въ Бельгіи, гдѣ народное образованіе находится въ самомъ цвѣтущемъ положеніи изъ всѣхъ католическихъ земель и составляетъ прочное основаніе того нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія, которымъ почти повсемѣстно наслаждаются граждане въ этомъ небольшомъ государствѣ.

Бельгійское министерство внутреннихъ дѣлъ, въ вѣдѣніи коего сосредоточиваются всѣ народныя училища, печатаетъ каждые три года подробные отчеты о состояніи этихъ училищъ [1]). Обильныя свѣдѣнія, особенно статистическія, сообщаемыя въ этихъ трехгодичныхъ отчетахъ, доставляютъ богатый матеріалъ для нашей статьи. Сомнѣваться въ правдивости министерскихъ, хотя и оффиціальныхъ отчетовъ, нѣтъ причинъ, потому что совершенно свободное печатное слово въ Бельгіи не замедлило бы тотчасъ же обнаружить всѣ вольныя или невольныя уклоненія отъ истины, если бы они были. Въ государствахъ, гдѣ существуетъ полная свобода печатнаго слова, какъ истинное положеніе всего государства, такъ и всѣ дѣйствія правительства всегда могутъ быть извѣстны всѣмъ и каждому; слѣдовательно, для правительствъ въ такихъ государствахъ не только нѣтъ никакихъ выгодъ, но даже вредно, да и невозможно скрывать истину въ какихъ бы то ни было отношеніяхъ.

Но прежде чѣмъ мы, на основаніи этихъ свѣдѣній, познакомимъ читателей съ современнымъ устройствомъ бельгійскихъ народныхъ училищъ, мы сдѣлаемъ историческій очеркъ. Этотъ очеркъ мы заимствуемъ изъ статьи объ училищахъ въ Бельгіи, помѣщенной въ I томѣ Энциклопедіи воспитанія и обученія К. А. Шмида [1]).

Историческая жизнь бельгійскихъ училищъ представляетъ любопытную борь

[1]) Rapports triennaux sur l'état de l'enseignement primaire et moyen en Belgique.

[1]) Encyclopaedie des gesammten Erziehungs und Unterrichtswesens, von K. A. Schmid.

бу, въ продолженіе которой выработались ихъ современныя, самостоятельныя отношенія къ церкви и къ государству.

Еще во времена Каролинговъ въ нынѣшней Бельгіи находились цвѣтущія училища, особенно монастырскія школы въ Жанблурѣ и Люттихѣ. Хотя онѣ и были разрушены норманнами, но люттихское училище скоро опять возстановилось и сдѣлалось извѣстнымъ въ 11 и 12 столѣтіяхъ. При Карлѣ Великомъ завѣдываніе училищами находилось непосредственно въ рукахъ государства. По распаденіи Карловой имперіи, при его наслѣдникахъ, школы перешли въ вѣдѣніе церкви, и духовенство распоряжалось всѣмъ народнымъ образованіемъ, такъ какъ свѣтская власть, погруженная въ феодальную борьбу, не занималась этимъ дѣломъ. Кромѣ вышеозначенныхъ училищъ, въ Бельгіи въ это время процвѣтали монастырскія школы въ Люттихскомъ округѣ, въ Дорникѣ и въ Гентѣ.

Между 12 и 15 столѣтіями новыя общественныя потребности вызвали образованіе новыхъ училищъ. Основаніе *капитульныхъ или городскихъ школъ* (écoles chapitrales) и *реторическихъ* (chambres de rhétorique) въ Бельгіи, составлявшей южныя провинціи Нидерландовъ, совпадаетъ со временемъ освобожденія общинъ и заключенія торговыхъ союзовъ между вольными городами. Простые бюргеры ходятъ учиться читать и писать въ то время, когда знатные феодалы гордятся своимъ грубымъ невѣжествомъ. Эти новыя училища начинаютъ заботиться въ первый разъ о народномъ языкѣ и обучаютъ бѣдныхъ, безъ всякаго возмездія, грамматикѣ, музыкѣ и морали, приготовляя ихъ такимъ образомъ къ успѣшному посѣщенію иностранныхъ университетовъ. Въ это же время въ Бельгіи возникаютъ и *малыя или элементарныя школы*, въ которыхъ, впрочемъ, обученіе нейдетъ далѣе введенія въ Донатъ[1]), т. е. введенія въ первоначальную латинскую грамматику (ad Donati introitum et non ultra). Но всѣ эти училища находились почти въ полной зависимости отъ духовенства, и городъ Гентъ въ 1192 году тщетно домогался свободы обученія. Только въ 15 столѣтіи управленіе училищами начинаетъ переходить отъ духовныхъ капитуловъ къ городскимъ магистратамъ.

Наконецъ въ 1426 году Іоганъ IV, герцогъ Брабантскій, съ согласія папы Мартына V, основалъ первый бельгійскій университетъ въ Лувенѣ, въ Брабантѣ, главной провинціи нынѣшней Бельгіи, предоставивъ ему большія права, привилегіи и богатыя средства, даже цѣлыя поземельныя владѣнія. Посѣщеніе лекцій было дозволено всѣмъ и каждому; всѣ были гости дорогіе. Благодаря такимъ, какъ нельзя болѣе благопріятнымъ, обстоятельствамъ, Лувенскій университетъ сдѣлался скоро знаменитымъ высшимъ католическимъ учебнымъ учрежденіемъ, привлекъ къ себѣ извѣстныхъ ученыхъ и множество учениковъ. Онъ состоялъ изъ 50 коллегій, которыя раздѣлялись на 5 разрядовъ: на богословскія, юридическія, медицинскія, смѣшанныя и монастырскія училища.

По смерти императора Карла V, Нидерланды достались сыну его, Филиппу II, королю испанскому, яростному фанатику-католику, который съ свирѣпостью преслѣдовалъ реформаціонныя идеи. Ученіе Лютера проникло въ сѣверныя провинціи Нидерландовъ. Для уничтоженія его Филиппъ II послалъ намѣстникомъ генерала герцога Альбу съ войскомъ. Герцогъ Альба, во время своего безчеловѣчнаго командованія въ Нидерландахъ, хотѣлъ сдѣлать Лувенскій университетъ опорою католицизма противъ кальвинской пропаганды въ Женевѣ, и въ 1569 году запретилъ бельгійцамъ отправляться въ иностранные университеты. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отнялъ многія права у Лувенскаго университета и этимъ возстановилъ противъ себя все университетское сословіе. Запрещеніе Альбы было уничтожено генеральными штатами въ 1577 году.

Борьба Нидерландовъ за свободу совѣсти, за свои прежнія политическія права, кончилась освобожденіемъ сѣверныхъ протестантскихъ провинцій отъ испанскаго владычества. Эти провинціи въ

[1]) Элій Донатъ, извѣстный римскій грамматистъ, учившій въ Римѣ въ 353 году по Р. Х., написалъ нѣчто въ родѣ латинской грамматики. Книга его служила долгое время учебнымъ руководствомъ въ средневѣковыхъ училищахъ и называлась именемъ своего сочинителя: Донатъ.

1579, по Утрехтской уніи, составили независимую голландскую республику, подъ управленіемъ выборнаго штатгалтера или намѣстника. Южныя же провинціи, или нынѣшняя Бельгія, остались за Испаніею, вѣрныя католической религіи.

Съ этихъ поръ Лувенскій университетъ дѣлается ревностнымъ поборникомъ самыхъ крайнихъ идей католицизма и съ своихъ каѳедръ съ ожесточеніемъ преслѣдуетъ ученіе Лютера, которое находитъ себѣ не менѣе ревностныхъ проповѣдниковъ въ профессорахъ Лейденскаго университета, открытаго именно для этой цѣли въ 1575 году въ Лейденѣ, въ южной Голландіи.

Переходу отъ среднихъ вѣковъ къ новымъ много содѣйствовало, какъ извѣстно, братство Св. Іеронима, учрежденное Гергардомъ Грооте въ Девентерѣ, въ Голландіи. Это братство въ своихъ училищахъ занималось изученіемъ древнихъ классиковъ и съ особенною любовію элементарнымъ обученіемъ бѣдныхъ дѣтей, содѣйствуя такимъ образомъ распространенію въ обществѣ новыхъ свободныхъ, соціальныхъ и религіозныхъ идей.

Въ Бельгіи іеронимисты дѣйствовали сначала также успѣшно; но потомъ были вытѣснены іезуитами, которые утвердились особенно въ Люттихѣ и въ концѣ 16 столѣтія имѣли уже въ этой странѣ 23 монастыря и 293 училища. Лувенскій университетъ, подъ вліяніемъ іезуитовъ, остановился на пути своего развитія и постоянно являлся враждебнымъ ко всякой новой идеѣ, такъ что графъ Кобенцль вполнѣ справедливо назвалъ его въ 1765 году *варварскимъ университетомъ*.

По утрехтскому миру, окончившему въ 1713 году войну за наслѣдство испанскаго престола, Бельгія отошла къ Австріи. Императрица Марія Терезія начала преобразованіе всего училищевѣдѣнія какъ въ Австріи, такъ и во всѣхъ подвластныхъ ей земляхъ. Брюссельская академія наукъ, учрежденная Маріею Терезіею въ 1772 году, *непосредственно сама* принялась за улучшеніе училищъ. Но потомъ, по изгнаніи іезуитовъ, государство забрало въ свои руки все училищевѣдѣніе въ Бельгіи и учреждало въ значительнѣйшихъ городахъ пансіоны на свой счетъ. Профессора назначались по конкурсамъ, система обученія сдѣлалась однообразнѣе. Императоръ Іосифъ II, желавшій ввести во всѣхъ разноплеменныхъ владѣніяхъ своихъ одни и тѣ же законы и учрежденія, пошелъ еще далѣе своей матери. Онъ отнялъ привилегіи у Лувенскаго университета, сдѣлалъ преподаваніе богословскихъ наукъ правительственной монополіей и назначалъ на богословскія каѳедры профессоровъ, подозрѣваемыхъ католическимъ духовенствомъ въ ереси. Университетъ сильно протестовалъ; но профессора, не подчинившіеся волѣ правительства, были посажены въ крѣпость. Тщетно Мехельнскій архіепископъ требовалъ соборнаго рѣшенія двухъ выставленныхъ имъ отъ имени всего бельгійскаго духовенства вопросовъ: 1) Имѣютъ ли епископы божественное право не только поучать и наставлять въ истинахъ религіи дѣтей и прихожанъ, но и читать богословскія лекціи на университетскихъ каѳедрахъ? 2) Можетъ ли быть это, св. церковью дарованное имъ право, нарушено свѣтскою властію? Іосифъ II запретилъ даже литературное обсужденіе этихъ вопросовъ и, чтобы прекратить всякое притязаніе духовенства на вмѣшательство въ университетскія дѣла, уничтожилъ такъ-называемый *Ioyeuse entrée* или конституціонный актъ изъ 59 параграфовъ, дарованный Лувенскому университету его основателемъ.

Такія насильственныя и самоуправныя мѣры австрійскаг правительства, нарушавшія и другія политическія права бельгійцевъ, произвели вообще неудовольствіе. Въ Брабантѣ вспыхнула революція. Войска французской республики, воевавшей въ это время, въ 1792 году, съ Австріею и Пруссіею, прогнали австрійцевъ, и Бельгія была присоединена къ Франціи. Университетъ въ Лувенѣ былъ закрытъ, и народное обученіе получило новыя основанія отъ французской имперіи.

Въ 1800 году Шапталь, министръ внутреннихъ дѣлъ, представилъ было законодательному собранію проектъ введенія во Франціи и въ подчиненныхъ ей республикахъ совершенно свободнаго обученія, но этотъ проектъ не понравился первому консулу. Точно такъ же не имѣло

никакихъ результатовъ и другое положеніе: объ основаніи народнаго обученія на религіозныхъ началахъ. Наконецъ въ 1802 году, по повелѣнію императора Наполеона I, было издано новое положеніе объ общественномъ обученіи, составленное извѣстнымъ химикомъ Фуркроа, бывшимъ въ то время государственнымъ совѣтникомъ. Это положеніе назначало 4 рода училищъ: 1) первоначальныя школы, 2) секундарныя школы, 3) лицеи и 4) спеціальныя училища.

Вообще же мы должны сказать, что бельгійское народное училищевѣдѣніе, подъ властію Франціи, получило сильный, благодѣтельный толчокъ.

По парижскому миру 1814 года Бельгія была соединена съ Голландіею, и народныя училища, какъ и все вообще училищевѣдѣніе, въ этомъ положеніи сдѣлались источникомъ частыхъ непріязненныхъ столкновеній между кальвинистами сѣверныхъ и католиками южныхъ провинцій. Новое правительство, на основаніи конституціи 1815 года, взяло въ свои руки общественное обученіе. Въ 1817 году оно преобразовало на новыхъ, лучшихъ началахъ *первоначальное народное обученіе* (l'instruction primaire), и въ этомъ отношеніи заслужило полную благодарность.

Въ томъ же году были возстановлены университеты въ Лувенѣ, въ Гентѣ и въ Люттихѣ и учреждены въ главныхъ провинціальныхъ городахъ 7 атенеевъ или высшихъ среднихъ училищъ, гдѣ читались для всѣхъ открытыя публичныя лекціи для распространенія истинныхъ свѣдѣній и вѣрныхъ здравыхъ понятій въ народѣ.

Въ каждомъ атенеѣ было 10 профессоровъ, и учебный курсъ продолжался 6 лѣтъ; характеръ ученія въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ былъ *классическій*, а *не реальный*. Революція 1830 года произвела новый переворотъ въ этой системѣ народнаго образованія.

Эта революція была вызвана подобными же распоряженіями голландскаго короля Вильгельма 1, какъ при Іосифѣ II. Твердый до упорства Вильгельмъ 1, желая отстранить французское вліяніе на Бельгію, прибѣгнулъ къ совершенно неблагоразумной и насильственной мѣрѣ, которая всегда и вездѣ только оскорбляла и возстановила народъ. Онъ рѣшился ввести въ Бельгіи голландскій языкъ и распространить протестантское вѣроученіе, и для достиженія этой цѣли подчинилъ всѣ учебныя заведенія безъ исключенія вѣдѣнію правительства. Въ 1825 году онъ основалъ въ Лувенскомъ университетѣ, который былъ центромъ католическихъ идей, особую философскую коллегію для ниспровѣрженія этихъ идей. Духовенство энергически требовало возстановленія своихъ прежнихъ правъ, и бельгійскіе выборные при генеральныхъ штатахъ сильно протестовали. Вильгельмъ I не обратилъ на это вниманія, и въ 1829 г., на основаніи постановленій 1825 года, былъ изданъ новый законъ *объ общественномъ и частномъ обученіи въ Бельгіи;* но всѣ католики единогласно его отвергли. Правительство рѣшилось теперь сдѣлать небольшія уступки, измѣнивъ нѣкоторыя положенія 1825 года; но было уже поздно. Французско-либеральная партія, постоянно существовавшая въ Бельгіи и домогавшаяся полной свободы обученія и печатнаго слова, уничтоженія голландскаго бюрократизма, освобожденія Бельгіи отъ участія въ уплатѣ голландскаго государственнаго долга и, вообще, водворенія полной свободы политической жизни, рѣшилась даже соединиться съ крайними католиками (съультрамонтанской партіею), требовавшими только совершеннаго освобожденія учебной части отъ государственнаго надзора и передачи всего народнаго образованія въ руки духовенства. Соединеніе этихъ двухъ совершенно различныхъ по своимъ стремленіямъ партій произошло только для того, стобы составить общую національную оппозицію голландскому правительству.

Въ 1830 году Бельгія была провозглашена независимою, и учрежденное временное правленіе тотчасъ же уничтожило всѣ постановленія, стѣснявшія хоть сколько-нибудь свободу общественнаго обученія. Такимъ образомъ началась новая свѣтлая эра народнаго образованія въ Бельгіи; но въ началѣ она была отуманена совершенною анархіею, которая появилась во всемъ училищевѣдѣніи тотчасъ же послѣ объявленія его полной свободы.

Ученіе въ большей части народныхъ

училищъ прекратилось; въ университетахъ многие факультеты были закрыты. Явился проектъ объ основаніи одного центральнаго университета; но онъ не удался.

Наконецъ, съ 1831 годомъ начались засѣданія достопамятнаго національнаго конгресса, который составилъ свободную представительную конституцію, даровавшую полную независимость церкви отъ государства и утвержденную потомъ королемъ Леопольдомъ I. Семнадцатый параграфъ этой конституціи постановлялъ слѣдующее: «Обученіе свободно; всякое предварительное вмѣшательство воспрещается; наказаніе проступковъ опредѣляется только закономъ. Общественное обученіе, сообщаемое на государственный счетъ, также установляется закономъ.» На этомъ главномъ основаніи уже въ іюлѣ того же года поручено было завѣдывавшему временно общественнымъ обученіемъ приготовить *проектъ органическаго закона.* Этотъ проектъ оказался неудовлетворительнымъ и только въ 1843 году палата выборныхъ назначила особую коммисію для составленія новаго проекта. Между тѣмъ снова начались несогласія либеральной партіи съ духовенствомъ, которое, на основаніи провозглашенной свободы обученія, порѣшило учредить одинъ центральный католическій университетъ. Этотъ университетъ, открытый въ ноябрѣ 1843 года, сначала въ Мехельнѣ, мѣстопребываніи архіепископа, былъ скоро перенесенъ въ Лувенъ и помѣщенъ въ томъ же зданіи, въ которомъ около четырехъ столѣтій находилась прежняя alma mater, прежній университетъ. Всѣ сохранившіяся богатства были также отданы его преемнику. Либеральная партія тотчасъ же основала свой университетъ въ Брюсселѣ, который долженъ былъ возвѣщать обществу и сохранять полную свободу мысли и слова, свѣтлыя истины науки, незатемненныя никакими религіозными суевѣріями или постановленіями той или другой церкви. Эта двойная конкуренція правительству заставила въ составляемомъ законѣ объ ученіи окончить какъ можно скорѣе уставъ университетскій, чтобы установить на твердыхъ началахъ академическое ученіе. Первоначальное и среднее обученіе было отложено.

Дѣйствительно, эта часть органическаго закона была объявлена уже въ 1835 году. Палаты признали необходимымъ сохранить два правительственные университета, въ Гентѣ и въ Люттихѣ; и учредили особую экзаменаціонную коммиссію присяжныхъ (jury d'examen), которая назначалась изъ выборныхъ отъ всѣхъ университетовъ и имѣла обязанностью экзаменовать и раздавать ученыя степени. Эта коммиссія назначается ежегодно до сихъ поръ; но частыя несогласія между ея членами обыкновенно мѣшаютъ ей исполнять, какъ слѣдуетъ, свои обязанности. Наконецъ, въ 1842 году, былъ составленъ и принятъ палатами уставъ первоначальныхъ народныхъ училищъ, а въ 1850 году явился уставъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Въ изложеніи современнаго состоянія бельгійскихъ народныхъ училищъ, къ которому мы теперь приступаемъ, читатели познакомятся съ существенными постановленіями закона 1842 года и съ тѣми измѣненіями, которыя оказались необходимыми въ практическомъ примѣненіи этихъ постановленій. Читатели увидятъ также, что вышеприведенное нами постановленіе § 17 конституціи 1831 года еще далеко не осуществлено, и народныя училища хотя и составляютъ отчасти самостоятельное учрежденіе, но все еще находятся подъ сильной государственной и церковной опекой.

А. Уставъ первоначальныхъ училищъ.

Составленію закона 23 сентября 1842 года (La loi du 23 septembre 1842) предшествовали: превосходный историко-статистическій отчетъ, напечатанный г. Нотомбомъ (M. de Nothomb), бывшимъ въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ (состояніе первоначальнаго обученія въ Бельгіи, съ изложеніемъ законоположеній 1830 г. и съ текстомъ всѣхъ постановленій и циркуляровъ отъ 1814—1840), и двѣ брошюры епископа люттихскаго Бомеля (Bommel): «Истинныя основанія первоначальнаго и гимназическаго обученія, разсматриваемыя по отношеніямъ ихъ къ религіи», изданныя въ 1840 и 41 годахъ и заслужившія всеобщее одобреніе. Различныя постановленія

закона 1842 года прямо обнаруживаютъ вліяніе взглядовъ Боммеля на народныя училища. Смѣшанный кабинетъ, стоявшій тогда во главѣ правленія, опасался ввести такую систему народныхъ училищъ, которая фактически предоставляла все первоначальное обученіе одному духовенству. Отстранить же духовныхъ совершенно отъ участія въ народныхъ школахъ также нельзя было, потому что по положенію католической церкви только священнослужители имѣютъ право поучать и наставлять прихожанъ и дѣтей ихъ въ законѣ Божіемъ и могуть быть судьями въ религіозныхъ познаніяхъ. Что же оставалось дѣлать? Церковь въ конституціонномъ уложеніи признана необходимымъ, вполнѣ самостоятельнымъ и независимымъ отъ государства учрежденіемъ; слѣдовательно, она имѣетъ полное право требовать исполненія всѣхъ постановленій, заключающихся въ ея церковномъ уставѣ. Въ брюшюрѣ Боммеля о первоначальномъ обученіи высказана слѣдующая мысль: «государству своя доля въ назначеніи учителя, церкви—своя, т. е. каждый, желающій занять мѣсто учителя въ народной школѣ, не можетъ быть опредѣленъ иначе, какъ получивъ предварительно отъ церкви свидѣтельство въ томъ, что церковь признаетъ его, какъ по познаніямъ въ религіи, такъ и по образу жизни, способнымъ вести школу къ выполненію ея назначенія въ нравственномъ отношеніи, а отъ государства удостовѣреніе въ научныхъ свѣдѣніяхъ, достаточныхъ для преподаванія въ народномъ училищѣ. Далѣе каждый законно-опредѣленный учитель обязанъ имѣть два свидѣтельства, въ нравственности и въ научныхъ познаніяхъ, еще потому, что оба учрежденія, которыя основываютъ и руководятъ училище, должны имѣть и постоянную власть надъ нимъ: церкви—ея право надзора, какъ и государству!» Правительство не хотѣло идти такъ далеко; но оно все-таки ввело въ училищный уставъ принципъ двойственнаго надзора, стараясь другими особенными постановленіями предотвратить всякое столкновеніе государства съ церковью. Изъ этого мы видимъ, что народныя училища остались подъ двойнымъ надзоромъ—свѣтской и духовной властей.

Первоначальныя народныя училища.

Законъ 23 сентября 1842 года постановляетъ три рода первоначальныхъ училищъ:

1) Общинныя школы (écoles communales), учреждаемыя, управляемыя и содержимыя общинами (§ 1).

2) Частныя училища, имѣющія право замѣнять общинныя училища и принявшія на себя обязанность обучать бѣдныхъ дѣтей за опредѣленное вознагражденіе отъ общины (§ 3).

3) Безплатныя частныя училища (écoles privées), которыя допускаютъ безплатно всѣхъ бѣдныхъ дѣтей и освобождаютъ такимъ образомъ общины отъ обязанности заботиться объ обученіи этихъ дѣтей (§ 2).

Всѣ эти училища подлежатъ двойному надзору государства и церкви. Но правительственные инспекторы имѣютъ право посѣщать безплатныя частныя школы только *одинъ разъ въ годъ*. Законъ предписываетъ это ежегодное посѣщеніе для удостовѣренія въ томъ, что эти училища находятся въ удовлетворительномъ положеніи и могутъ въ необходимыхъ случаяхъ замѣнять первые два рода школъ.

Каждая община обязана имѣть *одну школу*, которую она содержитъ на свой счетъ. Въ крайнихъ случахъ одна школа можетъ служить нѣсколькимъ сосѣднымъ общинамъ. Кромѣ того, общинныя школы могутъ быть замѣняемы вышеозначенными частными училищами. Общины обязаны доставлять безплатное обученіе всѣмъ бѣднымъ дѣтямъ, если того *пожелаютъ* ихъ родители. (Въ Бельгіи обученіе дѣтей *не обязательно*).

Право на безплатное обученіе имѣютъ: 1) дѣти лицъ, получающихъ вспомоществованіе изъ благотворительныхъ кассъ; 2) дѣти рабочихъ, которые не имѣютъ никакихъ другихъ доходовъ, кромѣ ежедневной заработки; 3) всѣ дѣти, проживающія въ общинѣ, если извѣстно, что родители ихъ или лица, взявшія ихъ въ свой домъ, не имѣютъ средствъ для платы за обученіе. Но всѣ дѣти, имѣющія право на безплатное обученіе, могутъ воспользоваться своимъ правомъ только въ томъ случаѣ, если удовлетворяютъ слѣдующимъ условіямъ:

1) Они должны имѣть не менѣе 7 и не болѣе 14 лѣтъ; 2) представить свидѣтельство въ привитіи оспы; 3) родители ихъ или лица, у коихъ они находятся, должны имѣть свое жительство въ общинѣ.

Ежегодно, отъ 1 до 30 іюля, въ каждой общинѣ составляются два списка, для мальчиковъ и дѣвочекъ, желающихъ посѣщать училище. Дѣти записываются каждый разъ на одинъ учебный годъ, продолжающійся отъ 10 октября до 30 августа. Списокъ бѣдныхъ дѣтей представляется мѣстнымъ благотворительнымъ приказамъ (Bureaux de bienfaisance), которые, въ продолженіе 10 дней по полученіи списка, обязаны дать знать общинному совѣту, какое пособіе они могутъ назначить въ пользу безплатнаго обученія дѣтей, имѣющихъ право на оное. Общинный совѣтъ, соображаясь съ отвѣтомъ, опредѣляетъ каждый годъ число безплатныхъ учениковъ. Опредѣленіе общиннаго совѣта и отвѣтъ мѣстнаго благотворительнаго бюро сообщается немедленно *комитету выборныхъ* (députation permanente) при провинціальномъ совѣтѣ [1]), а онъ въ теченіе 20 дней постановляетъ свое рѣшеніе, которое и объявляется 1-го октября всѣмъ родителямъ.

Предметы первоначальнаго обученія слѣдующіе: 1) законъ Божій и ученіе о нравственности (morale); 2) чтеніе и письмо; 3) начальныя основанія французскаго, фламандскаго и нѣмецкаго языковъ, смотря по мѣстнымъ потребностямъ; 4) начальное счисленіе; 5) бельгійская система вѣсовъ и мѣръ. Обученіе всѣмъ научнымъ предметамъ поручается одному учителю, который избирается общиннымъ совѣтомъ, но утверждается въ своей должности правительствомъ. Если учительское мѣсто въ общинной школѣ дѣлается свободнымъ, то общинный совѣтъ обязанъ въ теченіе 40 дней представить кандидата на это мѣсто; въ противномъ случаѣ правительство назначаетъ своего учителя. Преподаваніе закона Божія и морали поручается священнослужителю той религіи, которую исповѣдуетъ большинство учениковъ. Дѣти, принадлежащія къ другимъ вѣроисповѣданіямъ, освобождаютсяотъ этихъ уроковъ.

Надзоръ за народными училищами.

Надзоръ за преподаваніемъ научныхъ предметовъ въ училищѣ и за управленіемъ его принадлежитъ общиннымъ совѣтамъ и отъ правительства назначеннымъ инспекторамъ. За обученіемъ религіи и нравственности наблюдаютъ особыя лица, назначаемыя высшими духовными властями различныхъ вѣроисповѣданій. Поэтому весь надзоръ за народными училищами состоитъ изъ *свѣтскаго* и *народнаго надзора*.

I. Свѣтскій или правительственный надзоръ. Въ каждой провинціи находится провинціальный инспекторъ народныхъ училищъ; онъ назначается и увольняется королемъ и обязанъ, по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ годъ, ревизовать находящіяся въ его вѣдѣніи училища. Провинціальному инспектору подчинены окружные или кантонные инспекторы. Всѣ провинціи раздѣлены на округи или уѣзды (108); въ каждомъ округѣ находятся одинъ или нѣсколько кантоновъ (волостей).

Каждый кантонъ долженъ собственно имѣть особаго училищнаго инспектора; но обыкновенно одинъ инспекторъ назначается надъ училищами 2 — 5 кантоновъ или даже цѣлаго округа. Онъ избирается комитетомъ выборныхъ при провинціальномъ совѣтѣ на 3 года, а утверждается и увольняется министромъ внутреннихъ дѣлъ. Кантонный инспекторъ находится въ сношеніяхъ съ общиннымъ совѣтомъ и по крайней мѣрѣ три раза въ годъ осматриваетъ всѣ училища своего округа; онъ ведетъ подробный протоколъ своихъ ревизій и вноситъ его каждый разъ въ особую книгу, которую провинціальный инспекторъ во всякое время можетъ требовать для разсмотрѣнія. Каждую четверть года, подъ предсѣдательствомъ кантоннаго инспектора собирается окружная учительская конференція, изъ всѣхъ учителей округа; предметъ занятій этой конференціи со

---

[1]) Провинціальный совѣтъ составляетъ законодательное учрежденіе для провинцій, какъ общинный совѣтъ для отдѣльной общины и палаты выборныхъ для всего государства. Комитетъ выборныхъ, состоящій изъ 6 членовъ, выбираемыхъ изъ членовъ провинціальнаго совѣта, имѣетъ исполнительную власть для провинцій, такъ же, какъ и коллегія бюргермейстера и старшинъ для городскихъ и сельскихъ общинъ, а министерство для всей страны.

ставляетъ все, что касается до народнаго училища, обсужденіе способовъ преподаванія и учебныхъ книгъ и пособій. Одинъ разъ ежегодно одна изъ такихъ конференцій собирается подъ предсѣдательствомъ провинціальнаго инспектора.

Общинные совѣты, хотя и имѣютъ право надзора за своими училищами, но большею частію довѣряются вполнѣ учителю, котораго они сами выбираютъ.

II. Духовный или церковный надзоръ. Мѣстное духовенство и, вообще, всѣ духовныя лица и другія, уполномоченныя высшими духовными правленіями, имѣютъ право во всякое время посѣщать народныя училища. Но, кромѣ того, епископы и консисторіи представляютъ ежегодно министру внутреннихъ дѣлъ списокъ тѣхъ лицъ, которыхъ они назначаютъ собственно для ревизованія народныхъ училищъ. Министръ сообщаетъ этотъ списокъ всѣмъ провинціальнымъ и общиннымъ совѣтамъ и училищнымъ начальствамъ. Каждый годъ провинціальные епископы и консисторіи (для католическихъ училищъ) представляютъ министру подробный отчетъ о состояніи религіознаго и нравственнаго обученія въ училищахъ, которыя по закону подлежатъ инспекціи. Для духовнаго надзора за католическими школами назначаются ежегодно духовные провинціальные и кантонные инспекторы; инспекція протестантскихъ училищъ ввѣряется одному генералъ-инспектору, назначаемому протестантскими консисторіями. Еврейскія народныя училища, въ религіозно-нравственномъ отношеніи, подлежатъ ревизіи *выборнаго* отъ еврейской консисторіи, который носитъ также названіе генералъ-инспектора.

Провинціальные инспекторы собираются ежегодно въ центральную коммиссію подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ. Католическіе епископы и консисторіи посылаютъ въ эту коммиссію своихъ депутатовъ, которые имѣютъ однакожъ только *совѣщательный голосъ*. Въ центральной коммиссіи разсматриваются и одобряются учебныя руководства, написанныя для народныхъ училищъ. Книги, одобренныя коммиссіею, рекомендуются министерствомъ училищнымъ начальствамъ.

Руководства по закону Божію и по нравственности подлежатъ разсмотрѣнію однихъ духовныхъ правленій; первоначальные учебники, заключающіе въ себѣ, между другими учебными предметами, и матеріалы для преподаванія религіи и нравственности, подлежатъ предварительному одобренію министерства и духовныхъ правленій.

Каждый провинціальный инспекторъ представляетъ центральной коммиссіи отчетъ о состояніи всѣхъ народныхъ училищъ его провинціи. Изъ этихъ отчетовъ коммиссія составляетъ одинъ общій отчетъ объ училищахъ, учителяхъ и учащихся, который заключаетъ въ себѣ не только статистическія свѣдѣнія и описаніе употребляемыхъ способовъ и пріемовъ преподаванія, но подробно излагаетъ также и дѣятельность каждаго учителя. Такой отчетъ ясно выставляетъ истинное состояніе училищъ и всѣ достоинства и недостатки законоположеній и указываетъ на необходимыя преобразованія и улучшенія какъ въ нравственно-учебномъ, такъ и матеріальномъ положеніи народныхъ школъ.

Министръ самъ лично открываетъ и закрываетъ засѣданія центральной коммиссіи; во всѣхъ прочихъ засѣданіяхъ предсѣдательствуетъ обыкновенно вице-президентъ, особо назначаемый королемъ не изъ членовъ коммиссіи. Центральная коммиссія засѣдаетъ или въ видѣ комитета, или въ цѣломъ своемъ составѣ. Въ комитетѣ участвуютъ только свѣтскіе провинціальные инспекторы, президентъ, вице-президентъ и секретарь. Окончательныя рѣшенія по общимъ и частнымъ вопросамъ коммиссія постановляетъ только въ своихъ комитетскихъ засѣданіяхъ.

B. Нормальныя училища для образованія народныхъ учителей.

(Ecoles normales pour les élèves-instituteurs).

Въ Бельгіи два государственныхъ нормальныхъ училища для образованія первоначальныхъ народныхъ учителей: въ Льеррѣ (Lierre) для фламандскихъ провинцій и въ Нивеллѣ (Nivelles) для валонскихъ. Кромѣ этихъ двухъ, есть еще 7

епископальныхъ нормальныхъ училищъ, находящихся въ вѣденіи церкви.

I. Государственныя нормальныя училища (écoles normales de l'état) [1]. Учебные предметы: 1) христіанское ученіе; 2) чтеніе; 3) письмо; 4) бухгалтерія; 5) французская или фламандская грамматика, смотря, въ какія мѣстности приготовляются учителя; 6) географія, особенно отечественная; 7) исторія, особенно отечественная; 8) ариѳметика, съ приложеніемъ ея къ коммерческимъ разсчетамъ; система бельгійскихъ вѣсовъ и мѣръ; 9) свѣдѣнія изъ естественной исторіи, необходимыя въ ежедневной жизни; 10) теоретическое и практическое земледѣліе, садоводство и прививка деревьевъ; 11) теорія воспитанія и методологія; 12) управленіе училищемъ; объясненіе законоположеній о первоначальномъ обученіи; веденіе училищныхъ книгъ и составленіе протоколовъ и отчетовъ; 13) рисованіе, преимущественно линейное; 14) музыка и пѣніе, особенно церковное, и 15) гимнастика.

Курсъ ученія продолжается три года, которымъ соотвѣтствуютъ три отдѣленія учениковъ. Каждое отдѣленіе составляетъ одинъ классъ и обучается отдѣльно. Годичныя программы учебныхъ предметовъ и распредѣленіе времени учебныхъ занятій въ каждомъ отдѣленіи составляются ежегодно профессорами нормальнаго училища, подъ руководствомъ директора, и утверждаются министромъ внутреннихъ дѣлъ. Въ продолженіе третьяго учебнаго года ученики упражняются въ преподаваніи въ народныхъ училищахъ того города, гдѣ находится нормальная школа. Учебные предметы преподаются директоромъ и профессорами, назначаемыми королемъ; директоръ, кромѣ того, завѣдуетъ всѣмъ училищемъ, которое составляетъ интернатъ, т. е. ученики живутъ въ немъ и получаютъ пищу.

Хозяйственная часть находится въ ближайшемъ вѣдѣніи особаго эконома, который также назначается королемъ. Государственныя нормальныя училища подчинены непосредственно министру внутреннихъ дѣлъ.

Личный составъ этихъ училищъ слѣдующій:

Въ Льерскомъ нормальномъ училищѣ директоръ, экономъ, 8 профессоровъ, два учителя наукъ, садовникъ-руководитель (jardinier démonstrateur), врачъ и привратникъ.

Въ Нивельскомъ нормальномъ училищѣ директоръ, экономъ, 8 профессоровъ, одинъ учитель наукъ, садовникъ-руководитель, врачъ и привратникъ.

Эти лица получаютъ слѣдующее содержаніе:

Директоръ получаетъ 3000 фр. и имѣетъ квартиру.

Экономъ 1800 фр., квартиру и столъ.

Профессора получаютъ отъ 1500 до 2500 фр.

Учителя по 1000.

Садовникъ 1000.

Профессорамъ и учителямъ дозволены частныя занятія.

Учебный годъ въ нормальныхъ училищахъ начинается въ третій вторникъ послѣ Христова Воскресенья и продолжается до страстной субботы.

Вакаціи бываютъ весеннія, осеннія, и зимнія. Первыя начинаются наканунѣ Пасхи и продолжаются 16 дней; вторыя — отъ 1 сентября до 1 октября, а третьи съ кануна Рождества до 3 января.

ЧИСЛО ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ УЧЕБНЫХЪ ЧАСОВЪ ПО ПРЕДМЕТАМЪ ВЪ ОБОИХЪ НОРМАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ.

	3 отдѣл. (1 учебн. годъ)	2 отд. (2 годъ)	1 отд. (3 годъ)
Христіанское ученіе	3	3	3
Франц. яз. (Нивел. уч.)	6 } 6	6	4 } 4
Франц. яз. (Льер. уч.)	3 } 6		2 } 4
Фламанд. яз. (Льер. уч.)	3		2
Чтеніе	2	2	—
Чистописаніе	2	3	—
Ариѳметика	4	4	2
Географія	2	2	1
Исторія	1	1	1
Естественная исторія	$1^1/_2$	$1^1/_2$	$1^1/_2$
Бухгалтерія	1	2	—
Линейное рисованіе	2	2	—
Музыка	3	2	1
Земледѣліе, садоводство и пр.	2	2	1
Педагогика и методологія	—	2	3
Управленіе училищемъ	—	—	2
Гимнастика	во время рекреаціи.		
Все число часовъ	$29^1/_2$	$32^1/_2$	$19^1/_2$

[1]) Règlement général des écoles normales de l'état, 28 Iuin 1855.

Гимнастическія занятія состоятъ не только въ гимнастическихъ упражненіяхъ учениковъ съ гигіеническою цѣлію, но вмѣстѣ съ этимъ ученикамъ преподается и теоретическій курсъ педагогической гимнастики.

Ограниченное число еженедѣльныхъ учебныхъ часовъ въ 1 отдѣленіи назначено потому, что ученики этого отдѣленія должны упражняться въ практикѣ преподаванія въ народныхъ училищахъ.

Учащіеся въ нормальныхъ государственныхъ училищахъ.

Число пріемныхъ ваканцій въ нормальныхъ училищахъ назначается ежегодно министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Губернаторы въ первыхъ числахъ августа объявляютъ объ этомъ, какъ и о всѣхъ другихъ условіяхъ и формальностяхъ пріема, всему населенію ввѣренныхъ имъ провинцій.

Ваканціи замѣщаются молодыми людьми, имѣющими не менѣе 17 и не болѣе 22 лѣтъ, по выдержаніи ими строгаго пріемнаго испытанія въ слѣдующихъ предметахъ: 1) въ христіанскомъ ученіи и свящ. исторіи; 2) въ чтеніи и письмѣ; 3) во французскомъ и фламандскомъ языкахъ для поступленія въ Льерское училище и въ одномъ французскомъ языкѣ для поступленія въ Нивельское училище (отъ поступающаго требуется знаніе граматики и орѳографіи); 4) въ четырехъ ариѳметическихъ правилахъ надъ цѣлыми числами, именнованными и отвлеченными, и надъ простыми и десятичными дробями, а также въ знаніи системы мѣръ и вѣсовъ; 5) въ элементарныхъ свѣдѣніяхъ изъ всеобщей географіи и изъ географіи Бельгіи; 6) въ знаніи главнѣйшихъ событій изъ отечественной исторіи; 7) въ начальныхъ свѣдѣніяхъ изъ естественной исторіи; 8) въ музыкѣ и пѣніи.

Пріемное испытаніе производится экзаменаціонною коммиссіею присяжныхъ (jury d'examen) въ зданіи нормальныхъ училищъ, по крайней мѣрѣ за 6 недѣль до начала новаго учебнаго года послѣ Пасхи.

Экзаменаціонная коммиссія присяжныхъ составляется изъ провинціальнаго инспектора, директора и профессоровъ народнаго училища.

Молодые люди, желающіе подвергнуться пріемному испытанію, должны не позже 1 октября подавать или присылать прошенія на имя губернатора той провинціи, въ которой они живутъ. Къ прошеніямъ должны быть приложены слѣдующіе документы: 1) метрическое свидѣтельство; 2) свидѣтельство о привитіи оспы; 3) свидѣтельство въ нравственности и въ хорошемъ поведеніи, выданное общественнымъ совѣтомъ той общины, въ которой проживаетъ подающій прошеніе; 4) свидѣтельство отъ врача въ совершенно здоровомъ тѣлосложеніи и 5) удостовѣреніе въ томъ, что желающій поступить въ нормальное училище добровольно соглашается, по окончаніи курса, прослужить 5 лѣтъ учителемъ или помощникомъ учителя, (смотря по познаніямъ) въ народной школѣ. Губернаторъ препровождаетъ эти прошенія, не позже первыхъ чиселъ января, къ министру внутреннихъ дѣлъ, который опредѣляетъ, кто изъ подавшихъ прошеніе можетъ быть допущенъ къ пріемному испытанію. Допущенные обязаны явиться въ назначенный срокъ къ директору той нормальной школы, которую они обозначили въ прошеніи, и прежде всего подвергаются строгому медицинскому осмотру. Изъ найденныхъ совершенно здоровыми и выдержавшихъ полный экзаменъ принимается столько, сколько есть ваканцій.

Ученики живутъ въ училищѣ, получаютъ обученіе, пищу и одежду и, вообще, содержатся училищемъ, но вносятъ за это ежегодно 290 франковъ (72 р. 50 к. сер.). Для облегченія учащихся сумма эта выплачивается въ 4 срока, за каждую четверть года впередъ. Впрочемъ, ученики, дѣйствительно затрудняющіеся этой довольно значительной суммой, получаютъ отъ правительства ежегодно вспомоществованія до 200 фр., но и они во всякомъ случаѣ обязаны выплатить въ продолженіе года всю положенную сумму.

При поступленіи каждый ученикъ обязанъ имѣть изъ дому: а) 6 рубахъ; б) 6 паръ чулокъ или носковъ; в) шесть носовыхъ платковъ; г) двѣ пары сапогъ или кожаныхъ башмаковъ; д) 4 полотенца, и е) щетку и гребенку.

Всѣ ученики носятъ однообразную форменную одежду, которая выдается имъ экономомъ нормальнаго училища и со-

стоитъ на всѣ три учебные года изъ слѣдующихъ вещей: 1) одной суконной туники; 2) двухъ паръ суконныхъ панталонъ; 3) четырехъ паръ тиковыхъ панталонъ; 4) трехъ блузъ для работы; 5) трехъ галстуковъ изъ лестинга (крѣпкая шерстяная англійская матерія), и 6) двухъ суконныхъ фуражекъ.

Семестровые и выпускные экзамены.

По окончаніи каждаго семестра первыхъ двухъ учебныхъ лѣтъ и перваго семестра въ 3-мъ году, производятся семестровыя испытанія (examens semestriels) всѣмъ ученикамъ отдѣленій и во всемъ пройденномъ. Экзаменаціонная коммиссія присяжныхъ (jury d'examens semestriels) состоитъ изъ профессоровъ нормальнаго училища подъ предсѣдательствомъ директора. Степень познаній учениковъ обозначается баллами; maximum суммы балловъ на семестровыхъ экзаменахъ двухъ первыхъ лѣтъ есть 100, а въ первомъ семестрѣ третьяго года — 50. Переводятся на слѣдующій семестръ или въ слѣдующее отдѣленіе только тѣ ученики, которые получили въ итогѣ ²/₃ maximum'а, а прочіе, съ дозволенія директора и совѣта профессоровъ, могутъ оставаться на томъ же семестрѣ, но не болѣе какъ одинъ разъ въ продолженіе всего своего пребыванія въ училищѣ; въ противномъ случаѣ они исключаются.

По окончаніи третьяго учебнаго года министръ внутреннихъ дѣлъ, по представленію директора, опредѣляетъ время выпускнаго экзамена (examen de sortie), который производится коммиссіею присяжныхъ изъ 9 членовъ: 1) особаго инспектора, назначаемаго министромъ и предсѣдательствующаго въ коммиссіи; 2) изъ директора и двухъ профессоровъ училища, изъ коихъ одинъ непремѣнно долженъ быть профессоръ религіи и нравственности; 3) изъ четырехъ членовъ, выбираемыхъ мѣстнымъ обществомъ, и 4) изъ духовнаго инспектора мѣстныхъ народныхъ училищъ.

Чтобы быть допущеннымъ къ окончательному испытанію, ученикъ долженъ получить на семестровомъ экзаменѣ 3-го отдѣленія также не менѣе ²/₃ maximum'а суммы балловъ. Окончательное испытаніе состоитъ изъ письменныхъ и устныхъ отвѣтовъ и преподаннаго самими учениками урока въ народной школѣ, въ присутствіи всей коммиссіи. Maximum суммы балловъ по всѣмъ предметамъ есть 600. Выдержавшіе выпускной экзаменъ получаютъ дипломы трехъ разрядовъ за подписью членовъ jury и министра внутреннихъ дѣлъ, съ приложеніемъ печати министерства.

Дипломъ 1-го разряда выдается ученикамъ, получившимъ не менѣе 575 балловъ; вмѣстѣ съ этимъ дипломомъ они получаютъ право занять тотчасъ же мѣсто учителя въ народномъ училищѣ.

Дипломъ 2-го разряда выдается не менѣе какъ за 500 балловъ; ученикъ, получившій этотъ дипломъ, долженъ сначала прослужить одинъ годъ помощникомъ учителя въ многочисленной народной школѣ.

Дипломъ 3-го разряда получаютъ ученики, имѣющіе не менѣе 400 балловъ; они могутъ занимать только мѣста учительскихъ помощниковъ. Впрочемъ, по прошествіи года они имѣютъ право держать вторичное испытаніе.

Правила внутренняго порядка въ государственныхъ нормальныхъ училищахъ.

Проекъ этихъ правилъ былъ составленъ въ 1844 году и введенъ предварительно, въ видѣ испытанія, на 10 лѣтъ, по прошествіи которыхъ директора и профессора нормальныхъ училищъ признали его вполнѣ удовлетворительнымъ. Вслѣдствіе этого проектъ былъ учрежденъ королемъ 30 іюня 1854 года. Мы приводимъ главнѣйшія изъ правилъ.

(Réglement d'ordre intérieur des écoles normales d'état.)

§ 1. Ученики занимаютъ въ классахъ и въ дортуарахъ мѣста, назначенныя каждому директоромъ. Они поочередно убираютъ классы, дортуары, рекреаціонный залъ и училищную капеллу.

§ 2. Профессорамъ и директорамъ ученики постоянно оказываютъ то же послушаніе и уваженіе, котораго они сами должны желать отъ своихъ будущихъ учениковъ. Они не имѣютъ права выходить изъ заведенія безъ дозволенія директора.

§ 3. Во время молитвы, классныхъ и приготовительныхъ занятій, а также и

послѣ вечерней молитвы въ спальняхъ, ученики обязаны наблюдать строгую тишину и спокойствіе.

§ 4. Все, что нарушаетъ внутренній порядокъ въ заведеніи, строго воспрещается.

§ 9. Послѣ каждаго класснаго урока слѣдуетъ 5 минутъ отдыха, въ продолженіе которыхъ они находятся въ рекреаціонномъ залѣ на полной свободѣ, но не должны производить никакого шума.

§ 12. Ученики ложатся спать и встаютъ въ опредѣленные часы.

§ 14. Каждый изъ учениковъ самъ приготовляетъ и убираетъ свою постель.

§ 15. Во время обѣда ученики поочередно прислуживаютъ.

§ 19. Въ училищѣ ученики постоянно носятъ форменную одежду; внѣ училища имъ дозволено надѣвать свою собственную.

§ 21. Всѣ здоровые ученики совершаютъ ежедневныя прогулки въ сопровожденіи двухъ профессоровъ, назначаемыхъ поочередно.

§ 23. Ученики свободно могутъ вести переписку только съ родителями или опекунами. Всякая другая корреспонденція подвергается надзору директора.

§ 26. Въ учебные дни ученики могутъ выходить изъ заведенія только съ разрѣшенія директора.

По общему правилу директоръ отпускаетъ ученика въ учебный день только въ томъ случаѣ, если объ этомъ просятъ родители или близкіе родственники его.

§ 27. Допускаемыя наказанія учениковъ за ихъ проступки:

а) Частный выговоръ отъ профессора или директора.

б) Выговоръ отъ директора въ присутствіи всѣхъ учениковъ.

в) Временное удаленіе изъ заведенія.

г) Исключеніе.

§ 28. Послѣднія два наказанія могутъ быть приведены въ исполненіе только съ разрѣшенія министра, по представленію директора и совѣта профессоровъ.

Не смотря на эти правила, весьма стѣснительныя для молодыхъ людей, полныхъ силы и жизни, и не смотря на высокія требованія и различныя сложныя формальности пріемнаго испытанія, а также и на значительную плату за содержаніе и обученіе, число желающихъ вступить въ государственныя нормальныя училища ежегодно далеко превосходитъ имѣющіяся ваканціи, какъ читатели увидятъ изъ нижеприводимыхъ таблицъ.

Такое отрадное для народнаго обученія явленіе объясняется тѣмъ уваженіемъ и довѣріемъ, которымъ пользуются народные бельгійскіе учителя въ городскихъ и сельскихъ общинахъ. Большинство изъ желающихъ составляютъ сыновья достаточныхъ земледѣльцевъ, ремесленниковъ и протестантскихъ пасторовъ.

Таблица А.

	Число подавшихъ прошеніе.			Число принятыхъ учениковъ.		
Нормальное Льерское училище . . .	136	107	92	22	28	33
Нивельское училище	144	121	118	42	36	42
Все число:	280	228	210	64	64	75
	718			203		

Таблица Б.

	Время выпуски. экз.	Число учениковъ въ старш. отд.	Получили дипломы. 1 разр.	2 разр.	3 разр.	Остались.
Льерск. учил.	1852. отъ 30 марта до 2 апр.	22	16	5	—	1
	1853. » 14 » » 18 мар.	32	17	11	—	4
	1854. » 27 » » 31 мар.	32	6	23	3	—
Нивель. учил.	1852. отъ 26 » » 30 апр.	39	6	12	19	2
	1853. » 21 » » 15 »	34	8	11	15	—
	1854. » 4 » » 8 »	42	8	16	18	—

Епископальныя нормальныя училища (Ecoles normales épiscopales).

Законъ 1842 года постановилъ, чтобы каждая изъ девяти провинцій бельгійскаго королевства имѣла по крайней мѣрѣ одно учебное заведеніе для приготовленія народныхъ учителей. Описанные нами Льерское и Нивельское государственныя нормальныя училища учреждены въ провинціяхъ Антверпенѣ (Anvers) и Брабантѣ. Въ остальныхъ семи провинціяхъ находятся епископальныя нормальныя училища.

Первоначальный уставъ этихъ училищъ, составленный особою коммиссіею духовныхъ, былъ утвержденъ королемъ въ 1843 году; но многія постановленія оказались неудобными, и потому въ 1854 году король утвердилъ новый уставъ (Réglement général des écoles normales épiscopales, du 28 juin 1854), по которому государство получило право надзора и надъ церковными нормальными училищами, и они должны были давать ежегодный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ министру внутреннихъ дѣлъ.

Епископальныя нормальныя училища составляютъ также полный *интернатъ*, съ трехгодичнымъ курсомъ.

Каждый учебный годъ продолжается отъ начала октября до 20 августа. Вакаціи бываютъ весеннія (страстная и святая недѣли) и осеннія, съ 20 августа до начала новаго учебнаго года. Учебные предметы, какъ увидимъ ниже, почти тѣ же самые, что и въ Льерскомъ и Нивельскомъ училищахъ, но обращается особенное вниманіе на ученіе догматической религіи со всѣми обрядами и постановленіями католической церкви, и, вообще, все обученіе основывается на религіозныхъ католическихъ началахъ, — между тѣмъ какъ въ названныхъ государственныхъ нормальныхъ училищахъ преподаваніе закона Божія, совершенно разумно и основательно, состоитъ только въ объясненіи ученикамъ общаго христіанскаго ученія, безъ всякаго церковнаго различія. Вслѣдствіе такого здраваго преподаванія закона Божія молодые люди изъ государственныхъ училищъ никогда не выходятъ религіозными фанатиками, которыми такъ обилуетъ католическая церковь. Напротивъ того, становясь народными учителями, они одинаково смотрятъ на всѣхъ учениковъ, къ какимъ бы исповѣданіямъ они ни принадлежали, потому что имѣютъ свободныя, истинно христіанскія понятія о человѣкѣ, не затемненныя никакими предразсудками того или другаго вѣроученія.

Кромѣ того, совершенное отсутствіе религіозной католической схоластики уничтожаетъ всякій поводъ къ ханжеству, а сообщаемое истинное христово ученіе, дышащее свободою и любовью ко всѣмъ людямъ и требующее отъ человѣка полной личной сознательной самостоятельности, вмѣстѣ съ необходимымъ добровольнымъ подчиненіемъ ея общему дѣлу, доставляетъ этимъ народнымъ учителямъ твердое здравое убѣжденіе надѣяться на свои собственныя благородныя человѣческія силы, работать и сообщать ученикамъ истинныя знанія и настоящія человѣческія понятія, а не цензированныя католическимъ духовенствомъ, которыя только и преподаются въ народныхъ школахъ другихъ католическихъ государствъ.

Учебные предметы: 1) Религія (подробное объясненіе катихизиса, обрядовъ богослуженія и всѣхъ догматовъ католицизма; священная и церковная исторія. 2) Французскій и фламандскій языки (чтеніе, письмо, грамматика). 3) Математика (вся ариѳметика, система вѣсовъ и мѣръ, алгебра до уравненій 2 степени, планиметрія). 4) Исторія, особенно отечественная, съ обозрѣніемъ конституціоннаго уложенія, особенно церковнаго и народно-училищнаго устава. 5) Географія, особенно отечественная. 6) Основанія естественныхъ наукъ. 7) Бухгалтерія простая и двойная. 8) Рисованіе линейное. 9) Чистописаніе. 10) Педагогика и методологія. 11) Управленіе училищемъ. 12) Необходимыя свѣдѣнія въ земледѣліи, садоводствѣ и огородничествѣ. 13) Григоріанское пѣніе и игра на органѣ. 14) Упражненія въ преподаваніи. 15) Разсказы и декламація.

Всѣ эти предметы преподаванія существуютъ почти во всѣхъ епископальныхъ народныхъ училищахъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ преподаваніе религіи составляетъ два предмета: ученіе католической церкви и церковные обряды. Число еже-

недѣльныхъ учебныхъ часовъ и распредѣленіе ихъ по предметамъ во всѣхъ училищахъ различно. Мы приводимъ здѣсь таблицу распредѣленія еженедѣльныхъ учебныхъ часовъ по предметамъ, существующаго въ нормальномъ училищѣ въ Туру (école normale de Thourout), въ западной Фландріи, въ церковномъ округѣ Брюге (diocèse de Bruges). Въ этомъ училищѣ преподаются всѣ названные предметы, и притомъ число еженедѣльныхъ уроковъ есть среднее между числомъ уроковъ въ прочихъ нормальныхъ церковныхъ училищахъ.

Учебные предметы.	Число еженедѣльныхъ учебныхъ часовъ.		
	3-е Отд.	2-е Отд.	1-е Отд.
Религія	3	3	3
Франц. языкъ	8	8	6
Фламандск. языкъ	3	2	2
Декламація и разсказы	2	2	1
Чистописаніе	2	2	1
Математика	3	3	2
Географія	$1^1/_2$	$1^1/_2$	1
Исторія	1	1	1
Естествен. науки	1	1	1
Земледѣліе, садовод. и пр.	—	$1^1/_2$	1
Бухгалтерія	$1^1/_2$	2	—
Линейное рисованіе	2	2	2
Музыка и пѣніе	2	2	2
Педагогика и методологія	—	2	3
Практическое преподаваніе	—	—	3
Управленіе училищемъ	—	—	2
Все число часовъ:	30	33	31

Личный составъ этого нормальнаго училища: директоръ, 6 профессоровъ, агрономъ, экономъ и привратникъ. Въ другихъ училищахъ число профессоровъ мѣняется отъ 6 до 8. Содержаніе они получаютъ то же самое, какъ и въ государственныхъ нормальныхъ училищахъ.

Учащіеся въ епископальныхъ нормальныхъ училищахъ.

Желающіе поступить въ эти училища должны имѣть не менѣе 16 и не болѣе 20 лѣтъ. Они должны представить свидѣтельства въ хорошемъ поведеніи, въ привитіи оспы и въ совершенно здоровомъ тѣлосложеніи. Эти свидѣтельства выдаются общинными совѣтами. Пріемный экзаменъ производится профессорами училища и состоитъ изъ слѣдующихъ предметовъ: 1) Законъ Божій (катихизисъ и свящ. исторія); 2) родной языкъ (чтеніе, письмо безъ большихъ ошибокъ; въ фламандскихъ провинціяхъ требуется и франц. языкъ; 3) ариѳметика (дѣйствія надъ цѣлыми числами и дробями); 4) главнѣйшія событія изъ отечественной исторіи; 5) краткая отечеств. географія; 6) чистописаніе, и 7) начальныя познанія въ пѣніи и музыкѣ.

Число ежегодно желающихъ бываетъ отъ 20—27, изъ которыхъ принимаются отъ 10 до 16 наиболѣе достойныхъ.

Ежегодная плата, вносимая учениками, въ три срока за содержаніе и обученіе, мѣняется отъ 290 до 350 фр., смотря по мѣстностямъ, въ которыхъ находятся нормальныя училища, и по числу преподаваемыхъ предметовъ. Недостаточные ученики получаютъ ежегодное вспомоществованіе (до 150 фр.) отъ мѣстныхъ церковныхъ правленій, или отъ государства, или отъ благотворительныхъ бюро. Но всѣ ученики безъ изъятія обязаны ежегодно выплачивать установленную за содержаніе и обученіе ихъ сумму.

Экзамены бываютъ только разъ въ годъ, при переводѣ изъ одного класса или отдѣленія въ другое. Выпускной экзаменъ бываетъ ежегодно въ іюлѣ или въ августѣ, и длится иногда, двѣ три недѣли. Экзаменаціонная коммиссія присяжныхъ (jury d'examen) назначается изъ провинціальнаго государственнаго и окружнаго церковнаго инспекторовъ, изъ директора и профессоровъ училища, подъ предсѣдательствомъ окружнаго епископа (évêque du diocèse).

Въ продолженіе трехлѣтія, отъ 1852 до 1854 года включительно, эти экзаменаціонныя коммиссіи выдали всего 273 диплома: 116 перваго разряда, 115 втораго и 42 третьяго.

Правила внутренняго порядка почти тѣ же, какъ и въ государственныхъ нормальныхъ училищахъ; кромѣ того, они требуютъ соблюденія положенныхъ постовъ и правильнаго посѣщенія богослуженія. Тѣлесныя наказанія строго воспрещены; нарушителямъ порядка дѣлаются выговоры, или они подвергаются арестамъ и исключенію, смотря по мѣрѣ вины.

Нормальныя училища для приготовленія народныхъ учительницъ.

(Institutions normales pour les élèves-institutrices.)

До 1842 года въ Бельгіи мальчики и дѣвочки обучались вмѣстѣ, въ первоначальныхъ народныхъ училищахъ. Вмѣстѣ съ изданіемъ устава 1842 года палата выборныхъ постановила, чтобы общины заботились объ учрежденіи особыхъ первоначальныхъ училищъ для дѣвочекъ. Правительство съ своей стороны обѣщало содѣйствовать этому денежными вспомоществованіями. Общины и частныя лица не оставили безъ вниманія этого постановленія палаты, и къ 1850 году было уже болѣе 1000 отдѣльныхъ женскихъ первоначальныхъ школъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ тогда же представилъ законодательнымъ палатамъ (chambres législatives) свои соображенія объ образованіи народныхъ учительницъ и предложилъ, вмѣсто учрежденія для этого особыхъ государственныхъ учебныхъ заведеній, поручить образованіе народныхъ учительницъ, за сообразное вознагражденіе, содержательницамъ частныхъ женскихъ пансіоновъ, которыя, какъ по отчетамъ провинціальныхъ инспекторовъ, такъ и по мнѣнію мѣстныхъ провинціальныхъ совѣтовъ, признаются достойными такого довѣрія. Палаты одобрили это предложеніе, и въ 1854 году послѣдовало окончательное королевское повелѣніе (arrêté royal du 30 août 1854), по которому министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено было право, по соглашенію съ комитетами выборныхъ и провинціи, назначать по одному или по нѣскольку частныхъ женскихъ пансіоновъ для образованія народныхъ учительницъ (разумѣется, съ согласія содержательницъ этихъ училищъ). На основаніи королевскаго повелѣнія министръ внутреннихъ дѣлъ предоставилъ названіе и права нормальныхъ училищъ 12 женскимъ пансіонамъ, которымъ, въ видѣ опыта, уже съ 1850 года поручено было обученіе народныхъ учительницъ. Содержательницамъ этихъ пансіоновъ опредѣлено было выдавать изъ общинныхъ и государственныхъ суммъ извѣстное денежное вспомоществованіе, смотря по числу недостаточныхъ ученицъ. Но вмѣстѣ съ этимъ содержательницы обязались выполнять слѣдующую программу обученія, составленную центральною коммиссіею и утвержденную королемъ[1]): «Учебный курсъ продолжается три года, изъ коихъ послѣдніе два назначаются преимущественно для изученія педагогики, методологіи, дѣтской діететики и для упражненія въ преподаваніи въ соединенной съ нормальнымъ училищемъ образцовой школѣ (école d'application annexée à l'établissement normal). Учебные предметы опредѣлены слѣдующіе:

1) Религія: катихизисъ, священная исторія, въ связи съ церковными догматами и нравственностью, и обозрѣніе исторіи католической церкви.

2) Родной языкъ: полная грамматика, съ практическими упражненіями, правила слога, краткая практическая теорія прозы и поэзіи и сочиненія на различныя темы. (Кромѣ того, въ фламандскихъ провинціяхъ преподается практически французскій языкъ, посредствомъ переводовъ на родной фламандскій языкъ и наоборотъ.)

3) Чтеніе и декламація: пріученіе ученицъ посредствомъ постепенныхъ упражненій къ правильному, по произношенію и выраженію, чтенію и произнесенію прозаическихъ и поэтическихъ статей и отрывковъ.

4) Чистописаніе: письмо большими буквами, въ тетрадяхъ чистописанія и на классной доскѣ, и скоропись.

5) Ариѳметика: съ постоянными практическими задачами, примѣненными къ ежедневной жизни, особенно умственное счисленіе. Система вѣсовъ, мѣръ, употребляемая въ Бельгіи.

6) Географія: необходимыя свѣдѣнія изъ космографіи, краткій обзоръ Азіи, Америки, Африки и Австраліи и болѣе подробный Европы, особенно Бельгіи.

7) Исторія: главнѣйшія событія изъ всеобщей исторіи и болѣе подробное изложеніе отечественной.

8) Рукодѣлія: они занимаютъ большую часть программы и состоятъ въ вязаніи, шитьѣ, въ мѣткѣ бѣлья, въ штопаніи, — словомъ, въ обученіи всѣмъ тѣмъ женскимъ рукодѣліямъ, которыя

[1]) Plan d'études détaillé du 5 décembre 1854.

необходимо знать хорошей хозяйкѣ, за исключеніемъ всѣхъ работъ для роскоши.

9) Линейное рисованіе: состоитъ въ постепенномъ упражненіи въ рисованіи и вырѣзываніи выкроекъ.

10) Естествовѣдѣніе: познанія изъ физики, химіи, ботаники, зоологіи и минералогіи, необходимыя въ ежедневной жизни.

11) Музыка и пѣніе. Упражненія въ игрѣ на фортепіано и въ пѣніи народныхъ пѣсенъ и церковныхъ гимновъ.

12) Бухгалтерія: теоретическое и практическое веденіе училищныхъ и хозяйственныхъ книгъ.

13) Педагогика и методологія: теорія воспитанія, развитіе въ дѣтяхъ чувства добра, истины и изящнаго; общая дидактика и частная методика, особенно способы первоначальнаго преподаванія; правила для управленія школою; дѣтская діететика и средства къ уничтоженію въ дѣтяхъ ихъ физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ недостатковъ.

14) Практика преподаванія: такъ какъ теорія всѣхъ методъ обученія безъ практики осталась бы мертвою буквою, то ученицы послѣдняго класса, по крайней мѣрѣ три часа въ недѣлю, должны сами преподавать въ соединенной образцовой школѣ, подъ руководствомъ учителя педагогики и методологіи.

Распредѣленіе еженедѣльныхъ учебныхъ часовъ по предметамъ.

I. Въ валлонскихъ женскихъ нормальныхъ училищахъ (écoles des localités wallones).

Учебные предметы.	Число еженедѣльныхъ часовъ 3 отдѣл.	2 отдѣл.	1 отдѣл.
1. Религія	3	3	3
2. Франц. языкъ	6	5	5
3. Чтеніе и декламація	2	2	2
4. Чистописаніе	3	3	1
5. Ариѳметика	3	3	3
6. Географія	1	1	1
7. Исторія	1	1	1
8. Рукод. (travaux d'aiguille)	6	5	1
9. Линейное рисованіе	1	1	3
10. Естествовѣдѣніе	1	1	1
11. Музыка и пѣніе	2	2	2
12. Бухгалтерія	1	1	1
13. Педагогика и методологія	—	2	2
14. Практика преподаванія	—	—	3
Все число часовъ	30	30	29

II Въ фламандскихъ женскихъ нормальныхъ училищахъ.

(écoles des localités flamandes).

	3. отдѣл.	2 отдѣл.	1 отдѣл.
1. Религія	3	3	3
2. Фламандск. языкъ	4	4	4
3. Французск. языкъ	4	3	3
4. Чтеніе и декламація	2	2	2
5. Чистописаніе	3	3	1
6. Ариѳметика	3	3	3
7. Географія	1	1	1
8. Исторія	1	1	1
9. Рукодѣлія	6	5	3
10. Линейное рисованіе	1	1	1
11. Естествовѣдѣніе	1	1	1
12. Музыка и пѣніе	2	2	2
13. Бухгалтерія	1	1	1
14. Педагогика и методологія	—	2	2
15. Практика преподаванія	—	—	3
часовъ	32	32	31

Учащіяся въ нормальныхъ женскихъ училищахъ.

Желающія поступить въ женское нормальное училище (les aspirantes élèves) должны удовлетворять слѣдующимъ условіямъ:

1) Онѣ должны быть бельгійки,

2) не моложе 16 и не старше 22 лѣтъ,

3) представить свидѣтельства: метрическое, въ привитіи оспы, въ здоровомъ тѣлосложеніи и въ хорошемъ поведеніи.

4) Должны представить обязательство въ томъ, что онѣ, по окончаніи учебнаго курса, согласны исполнять въ продолженіе 5 лѣтъ обязанности народныхъ учительницъ или ихъ помощницъ, смотря по познаніямъ, и въ тѣхъ первоначальныхъ женскихъ школахъ, куда назначитъ ихъ правительство.

5) Должны выдержать пріемное испытаніе въ краткомъ катихизисѣ и свящ. исторіи; въ чтеніи и письмѣ; во фламандской краткой грамматикѣ и въ ороографіи, а также въ началахъ франц. языка (для поступленія въ фламандскія учи-

лища), во франц. грамматикѣ и орѳографіи (для поступленія въ валлонскія училища); въ краткой всеобщей и отечественной географіи и исторіи и въ пѣніи.

Экзаменаціонная коммиссія присяжныхъ состоитъ:

1) Изъ одного члена комитета выборныхъ (députation permanente), который предсѣдательствуетъ въ коммиссіи,

2) провинціальнаго инспектора,

3) окружнаго духовнаго инспектора (l'inspecteur diocésain),

4) двухъ наставницъ училища, назначаемыхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ,

5) начальницы училища.

Поступившія ученицы обыкновенно живутъ въ училищѣ; но тѣ изъ нихъ, которыхъ родители живутъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится нормальное училище, могутъ быть приходящими (externes).

Полныя пансіонерки платятъ ежегодно въ три срока, отъ 300 до 400 фр., смотря по условіямъ жизни. Приходящія — отъ 50 до 100 фр. Учебныя пособія, какъ то: класныя книги, тетради, перья, матеріалы для рукодѣлій, ученицы должны имѣть свои собственныя или платить за нихъ еще 25 фр. ежегодно.

Только въ брюссельскомъ женскомъ нормальномъ улилищѣ, содержимомъ на счетъ города и королевскаго семейства, ученицы пансіонерки платятъ за все 120 фр.

Бѣднымъ ученицамъ выдается ежегодное вспомоществованіе изъ провинціальныхъ или государственныхъ суммъ, которое не можетъ превышать 350 фр. въ годъ.

Сумма всѣхъ вспомоществованій въ 1852, 1853 и 1854 годахъ была слѣдующая:

	Отъ провинцій.		Отъ государства.	
1852	7,737 фр.	50 сент.	26,540	фр.
1853	8,240 «	—	28,780	«
1854	10,910 «	—	31,280	«
Всего.	26,887 «	50	86,600	«

113,487 фр. 50 сент.

Всѣ ученицы носятъ однообразную одежду, простую и удобную. Спальныя принадлежности (кровать, спальное бѣлье, ночной столикъ съ ящикомъ) пансіонерки должны имѣть собственныя или платятъ за нихъ ежегодно 18 франк., а за мытье бѣлья по 20 фр.

Переводныя испытанія и выпускной экзаменъ.

Переводныя испытанія производятся въ концѣ каждаго учебнаго года, въ 3-мъ и во 2-мъ отдѣленіяхъ, экзаменаціонною коммиссіею изъ начальницы и преподающихъ въ училищѣ, подъ предсѣдательствомъ окружнаго духовнаго инспектора.

Выпускной экзаменъ производится въ концѣ третьяго учебнаго года, тою же экзаменаціонною коммиссіею, какъ и пріемный. Ученицамъ выдаются дипломы трехъ разрядовъ, доставляющіе тѣ же права, какъ и ученикамъ. Условія полученія этихъ дипломовъ такія же, какъ и въ мужскихъ нормальныхъ училищахъ, т. е. чтобы получить дипломъ перваго разряда, надо имѣть 575 балловъ, 2-го разряда — 500 балловъ, 3-го разряда — 400 балловъ.

Съ открытія женскихъ нормальныхъ училищъ, съ 1842 года по 1854 годъ включительно, число ученицъ, получившихъ дипломы, было:

1	разряда	65.
2	«	57.
3	«	10.
		132.

Въ то же трехлѣтіе число всѣхъ дѣвицъ, желавшихъ поступить въ нормальныя училища, было 329, а приняты только 197.

Число всѣхъ ученицъ въ женскихъ нормальныхъ училищахъ было: въ 1852 году—140, въ 1853—154, въ 1854—172.

Правила для внутренняго порядка.

Эти правила, совершенно тѣ же самыя, какъ и въ мужскихъ нормальныхъ училищахъ, были составлены еще въ 1851 году центральною коммиссіею и введены для испытанія въ 1852 году въ женскихъ нормальныхъ училищахъ. Въ 1854 году они были утверждены королемъ, по представленію министра внутреннихъ дѣлъ, потому что всѣ начальницы нормальныхъ училищъ вполнѣ одобрили ихъ.

Личный составъ учащихъ.

Въ женскихъ нормальныхъ училищахъ преподаютъ наставницы и профессора.

Начальницы въ нѣкоторыхъ училищахъ читаютъ педагогику и методологію.

Число какъ наставницъ, такъ и профессоровъ въ различныхъ училищахъ весьма различно. Minimum составляютъ одна учительница и 2 профессора въ брюссельскомъ училищѣ; maximum 9 наставницъ и 2 профессора въ гентскомъ училищѣ.

Число всѣхъ наставницъ и профессоровъ во всѣхъ 12 женскихъ нормальныхъ училищахъ въ 1854 году было: 26 профессоровъ и 25 наставницъ.

Какъ наставницы, такъ и профессора выбираются начальницею училища; но провинціальные инспектора обязаны строго наблюдать, чтобы эти лица были вполнѣ способны исполнять свои обязанности и дѣйствительно исполняли ихъ.

Поощрительная мѣра. По королевскому повелѣнію 26 апрѣля 1852 года, въ каждой провинціи установлены *ежегодныя состязанія* (concours) для извѣстнаго числа учениковъ, оканчивающихъ первоначальное ученіе.

Эти состязанія назначаются или по кантонамъ, или по учебнымъ окружнымъ инспекціямъ; для мальчиковъ они обязательны, а для дѣвицъ нѣтъ. Ученики и ученицы состязаются отдѣльно. Комитетъ выборныхъ (députation permanente), по представленію провинціальнаго инспектора, ежегодно назначаетъ, въ какомъ училищномъ округѣ будетъ происходить состязаніе. Число учениковъ для состязанія опредѣляется также комитетомъ выборныхъ. Эти ученики назначаются, одна половина по выбору учителя, другая по жребію, изъ каждаго городскаго и сельскаго первоначальнаго училища той провинціи или округа, гдѣ постановленъ конкурсъ, и могутъ состязаться или всѣ вмѣстѣ, или городскіе и сельскіе ученики отдѣльно. Въ конкурсной экзаменаціонной коммиссіи председательствуетъ мѣстный окружной инспекторъ, и она состоитъ изъ членовъ общиннаго и провинціальнаго совѣтовъ (изъ каждаго по одному), окружнаго духовнаго инспектора и двухъ элементарныхъ народныхъ учителей. Конкурсы производятся публично: всѣ родители и мѣстные жители приглашаются присутствовать на нихъ. Состязающимся предлагаются устные и письменные вопросы изъ всѣхъ учебныхъ предметовъ народной школы. По окончаніи испытанія происходитъ торжественный публичный актъ, на которомъ отличившимся ученикамъ выдаются награды, состоящія изъ медалей, книгъ и похвальныхъ отзывовъ.

Окружные инспекторы, въ своихъ ежегодныхъ отчетахъ, приписываютъ конкурсамъ большое благодѣтельное вліяніе; они единогласно признаютъ, что эта поощрительная мѣра не только побуждаетъ родителей посылать дѣтей своихъ въ школу до тѣхъ поръ, пока они не пройдутъ всего первоначальнаго учебнаго курса, но что вслѣдствіе этой мѣры и родители и общинные совѣты стали принимать гораздо большее участіе въ дѣлѣ народнаго обученія, чѣмъ прежде. Поэтому-то правительство старается каждый годъ назначать болѣе и болѣе конкурсовъ, да и сами провинціальные и общинные совѣты охотно берутъ на себя покрытіе необходимыхъ для этого издержекъ.

Познанія учениковъ, находившихся въ народныхъ училищахъ, подлежащихъ установленной ревизіи.

По своимъ познаніямъ ученики раздѣлялись на три главные разряда:

1) Начинающіе, или не имѣющіе ни читать, ни писать.

2) Знающіе читать и писать, священную исторію и 4 правила ариѳметики.

3) Имѣющіе нѣкоторыя свѣдѣнія въ отечественной географіи, исторіи, музыкѣ и въ линейномъ рисованіи.

Отчеты за 1852, 53 и 54 годы выставляютъ слѣдующія цифры для каждаго разряда по всѣмъ 9 провинціямъ:

Провинціи.	Число учениковъ въ народныхъ училищахъ.	Ученики 1-го разряда.	Ученики 2-го разряда.	Ученики 3-го разряда.
Антверпенъ (Anvers)	34,903	8,022	21,290	5,591.
Брабантъ	61.522	17.236	41.305	2,981.
Западная Фландрія	57.396	14 309	40.195	2.882.
Восточная Фландрія	44.303	14.201	27.631	2,471.
Геннегау (Hainaut)	71.057	24.525	44.376	2.156,
Льежъ	38.807	9.367	28,135	1.370.
Лимбургъ	17.780	4.363	11.647	1.760.
Луксембургъ	28.289	7.833	19.567	829.
Намюръ	34.658	11.433.	22.307	918.
Всего	388.715	111.279	256.453	20.958

С. Особенныя заведенія.

(Etablissements spéciaux.)

Подъ этимъ названіемъ въ отчетахъ разумѣются школы при дѣтскихъ пріютахъ, полуденныя, вечернія и воскрес-

ныя школы для взрослыхъ, ремесленныя училища, школы при домахъ для призрѣнія бѣдныхъ и при тюрьмахъ. Уставы всѣхъ этихъ заведеній были составлены центральною коммиссіею въ 1853 году, на основаніи прежнихъ проектовъ, введенныхъ въ 1842 году для испытанія, и утверждены указомъ короля (Arrêté royal de 1853). Мы выписываемъ существенные пункты изъ этихъ уставовъ.

Устройство дѣтскихъ пріютовъ и школъ при нихъ. § 1. Городскіе пріюты и школы при нихъ для маленькихъ дѣтей помѣщаются въ зданіяхъ, отдѣльныхъ отъ другихъ строеній, на открытомъ, здоровомъ мѣстѣ и по возможности ближе къ тѣмъ частямъ города, въ которыхъ живутъ ремесленники и бѣдные. § 2. Мѣсто, занимаемое пріютомъ, должно быть достаточно обширно, чтобы дѣти для прогулокъ могли имѣть пространный дворъ, обсаженный деревьями. § 3. Зданіе пріюта должно, по крайней мѣрѣ, заключать въ себѣ: *а)* пространный залъ для ученія, съ лѣстницеобразными лавками (gradins); *б)* обѣденный и спальный залъ вмѣстѣ; *в)* кухню; *г)* квартиру для начальницы (directrice); *д)* достаточное число отхожихъ мѣстъ, отдѣльныхъ для дѣвочекъ и мальчиковъ; *е)* колодезь или фонтанъ, и *ж)* сарай и погребъ. § 5. Въ учебномъ залѣ должны непремѣнно находиться: образъ Спасителя, лѣстницеобразная эстрада, черная доска на станкѣ для каждаго отдѣленія, таблицы буквъ, складовъ и чиселъ, свящ. исторія въ картинахъ, картины для нагляднаго обученія (Enseignement intuitif); стѣнные часы. § 6. Все обученіе должно быть *наглядно* и должно содѣйствовать образованію сердца и развитію мышленія и памяти.

Программа обученія: 1) молитвы; 2) бесѣды о вѣрѣ и нравственности; 3) обученіе чтенію по звукосочетательной методѣ; 4) умственное счисленіе; 5) изображеніе чиселъ; 6) наглядное обученіе по дѣйствительнымъ предметамъ (objets réels) и по картинамъ; 7) гимнастическія упражненія; 8) хоральное пѣніе; 9) вязаніе чулокъ и другія легкія ручныя работы для старшихъ ученицъ.

§ 7. Каждое учебное занятіе не должно продолжаться долѣе ½ часа, и всегда смѣняется гимнастическими движеніями.

§ 8. Всякое тѣлесное наказаніе строго воспрещается. Дозволенныя исправительныя средства слѣдующія: останавливаніе ребенка, когда онъ слишкомъ зашалится, приказаніе стоять во время урока или стать въ уголъ; дурныя отмѣтки; удаленіе отъ игръ въ свободное время.

§ 9. Главнѣйшія поощрительныя мѣры: ласковое слово, знакъ отличія, обязанность старшей или старшаго въ классѣ и въ прогулкахъ, выраженіе удовольствія и похвала при посѣтителяхъ, мѣста въ первомъ ряду эстрады, хорошія отмѣтки, дающія право на полученіе картинки въ концѣ каждой недѣли и книги или похвальнаго листа по прошествіи года.

§ 11. Общинные сельскіе дѣтскіе пріюты, получающіе вспомоществованіе отъ государства, подлежатъ ревизіи членовъ благотворительныхъ бюро и окружныхъ училищныхъ инспекторовъ. Основанные же и содержимые только на счетъ общинъ или частныхъ лицъ предоставляются надзору учредителей.

§ 12. Общинные совѣты ежегодно представляютъ комитету выборныхъ бюджетъ мѣстныхъ дѣтскихъ пріютовъ.

Опредѣленіе сиротъ и вообще бѣдныхъ малютокъ въ пріюты на житье или допущеніе посѣщать дѣтскія школы предоставляется общиннымъ совѣтамъ.

Почти всѣ дѣтскіе пріюты получаютъ или стараются получить вспомоществованіе отъ государства, и потому подлежатъ ревизіи. Отчетъ за трехлѣтіе отъ 1852 — 1854 года не хвастается состояніемъ дѣтскихъ пріютовъ и откровенно говоритъ, что въ нихъ надо сдѣлать много улучшеній, особенно доставить опытныхъ и образованныхъ воспитательницъ. «Въ настоящемъ же положеніи пріюты обученіемъ не приносятъ никакой пользы и полезны только потому, что даютъ убѣжище и избавляютъ отъ голодной смерти дѣтей, которыя, иначе, скитались бы, по улицамъ и большимъ дорогамъ, прося подаянія, или умирали бы съ голоду въ душныхъ сырыхъ подвалахъ. Надо надѣяться, что установленное королемъ въ 1853 году устройство дѣтскихъ пріютовъ и благодѣтельная дѣятельность женскихъ нормальныхъ училищъ, обращающихъ теперь особенное вниманіе на образованіе первоначальныхъ

воспитательницъ и учительницъ, улучшатъ постепенно состояніе дѣтскихъ пріютовъ.

Только дѣтскія школы въ г. Турне (Tournai) заслужили особенное одобреніе правительства, которое ставитъ ихъ въ образецъ всѣмъ другимъ содержателямъ или учредителямъ этихъ благотворительныхъ заведеній.

«Городъ Турнэ или Дорникъ уже въ продолженіе шести лѣтъ имѣетъ 6 дѣтскихъ школъ, посѣщаемыхъ болѣе 1000 бѣдныхъ дѣтей и содержимыхъ дружественною общиною изъ 150 женщинъ и дѣвицъ (association des jeunes économes), принадлежащихъ къ лучшимъ фамиліямъ въ городѣ. Эти благодѣтельницы, своимъ безкорыстіемъ и полнымъ самопожертвованіемъ, умѣли привлечь всѣхъ достаточныхъ жителей къ участію въ ихъ благомъ, истинно-человѣческомъ дѣлѣ и составили многочисленное постоянное общество. Собственными добровольными приношеніями и положенными ежегодными взносами членовъ, 12 изъ благодѣтельницъ, составляющія правленіе, устроили прекрасныя помѣщенія со всѣми принадлежностями для дѣтскихъ школъ, въ которыхъ бѣдныя дѣти получаютъ ежедневное обученіе и здоровый сытный супъ. Простая удобная одежда для малютокъ заказывается матерямъ ихъ или другимъ бѣднымъ женщинамъ на счетъ общества. Старшій священникъ городскаго собора и окружной духовный инспекторъ, всѣми почитаемый Понсо (M. le chanoine Ponceau), есть главный зачинатель и руководитель всего дѣла.

«Упомянутое дамское правленіе избираетъ изъ среды своей предсѣдательницу и вице-предсѣдательницу, секретаршу, казначейшу и ревнительницу (zélatrice). Обязанность послѣдней состоитъ въ томъ, чтобы преимущественно заботиться о пріисканіи новыхъ постоянныхъ членовъ и временныхъ доброхотныхъ дателей. Каждый изъ постоянныхъ членовъ платитъ ежегодно не менѣе 5 франковъ; кромѣ того, почти всѣ дѣти хотя нѣсколько достаточныхъ родителей вносятъ по 1 фр. Приносящіе временные дары получаютъ названіе благодѣтелей и благодѣтельницъ. Учрежденіе и содержаніе 6 школъ стоило въ продолженіе 6 лѣтъ болѣе 40,000 фр. Въ каждой школѣ обучаютъ и занимаются съ дѣтьми играми 2 учительницы, получающія по 600 франковъ; въ присмотрѣ за малютками имъ помогаютъ двѣ няни (bonnes), которымъ дается ежегодно по 200 фр. Городская община выдаетъ годичное вспомоществованіе въ 2000 фр., а мѣстное благотворительное бюро — 1250 фр. Дѣло идетъ, вообще, хорошо, видимо улучшаясь годъ отъ году; иначе, впрочемъ, и быть не можетъ тамъ, гдѣ всѣ трудятся и работаютъ и приносятъ посильную лепту не ради *хвастовства* добрымъ дѣломъ, а ради самаго добраго дѣла и чистой христіанской любви къ нему.

«Лучшая сторона этого истинно-человѣколюбиваго учрежденія, прибавляетъ отъ себя г. Деккеръ, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, состоитъ, по нашему мнѣнію, во 1) въ томъ, что незначительный minimum ежегодной членской платы позволяетъ почти всѣмъ жителямъ города, не исключая даже дѣтей, безъ всякаго различія званія, происхожденія и состоянія, наравнѣ участвовать въ общемъ благомъ дѣлѣ, которое всѣхъ соединяетъ въ одно общество. Во 2) 150 постоянныхъ благодѣтельницъ, принадлежащихъ къ лучшимъ фамиліямъ (не говоря уже о 12 членахъ правленія) — не довольствуются одними обильными даяніями, но сами постоянно хлопочутъ объ училищахъ и дѣтяхъ, сами помогаютъ въ школахъ подъ руководствомъ опытныхъ добросовѣстныхъ наставницъ, которыхъ не стыдятся признать выше себя въ дѣлѣ воспитанія и обученія, слушаясь ихъ указаній. Не худо было бы нашимъ знатнымъ дамамъ, здѣсь въ Брюсселѣ и въ другихъ большихъ городахъ, съѣздить въ Турнэ и поучиться у молодыхъ экономокъ, какъ творить добрыя дѣла. Онѣ бы увидѣли, что заплатить извѣстную ежегодною сумму, хотя бы и значительную, въ пользу благаго учрежденія, не значитъ еще сдѣлать доброе дѣло; онѣ посовѣстились бы называться патріотическими и другими благодѣтельными дамами и, сложа руки, кричать про свои добродѣтели изъ одной внесенной ими платы, которая издерживается теперь почти безъ всякой пользы и употребляется, большею частію, вовсе не на то, на что опредѣлена»...

Намъ слѣдуетъ прислушаться въ оба уха къ заключительнымъ словамъ г.

Деккера: они вполнѣ примѣнимы къ нашимъ дамскимъ благотворительнымъ обществамъ.

Правила для полуденныхъ и вечернихъ школъ. § 1. Учитель или помощникъ учителя (sous-instituteur) народнаго училища не можетъ открыть полуденную или вечернюю школу безъ разрѣшенія губернатора провинціи и безъ согласія общиннаго совѣта или коллегіи бюргермейстеровъ и старшинъ. § 3. Прошеніе объ учрежденіи таковой школы, вмѣстѣ съ программою, должно быть представлено губернатору чрезъ общинный совѣтъ и подвержено разсмотрѣнію провинціальнаго училищнаго инспектора. § 4. Въ школу допускаются ученики не моложе 14 лѣтъ.

Исключеніе составляютъ мальчики, работающіе на фабрикахъ и не имѣющіе возможности обучаться утромъ. § 5. Ученики обучаются за извѣстную незначительную плату, которую вносятъ или они сами, или община. § 6. Въ полуденной или вечерней школѣ обученіе обоихъ половъ вмѣстѣ не дозволяется. § 7. Этого рода школы, какъ и воскресныя, учреждаемыя на счетъ и по желанію общинъ, подлежатъ, относительно надзора и программы обученія, тѣмъ же правиламъ, какъ и первоначальныя народныя училища. § 8. Вечернія школы не могутъ продолжаться позднѣе 8 часовъ вечера.

Мы убѣждены, что всѣ эти стѣснительныя правила причиною той малочисленности этихъ вспомогательныхъ школъ и плохаго устройства ихъ, о которыхъ съ сожалѣніемъ упоминается въ отчетахъ.

Правила для ремесленныхъ училищъ, учреждаемыхъ на счетъ благотворительныхъ бюро и мѣстныхъ обществъ ремесленниковъ. § 1. Мѣстные инспекторы должны наблюдать, чтобы въ эти училища не допускались дѣти, слабыя здоровьемъ. Всѣ ученики должны представить свидѣтельство о привитіи оспы. § 2. Всѣ содержатели или содержательницы этихъ училищъ обязаны имѣть особую тетрадь для каждаго ученика, въ которой записывается имя и фамилія его, имя и занятія родителей, возрастъ, время поступленія, *установленная плата* за обученіе и особыя замѣчанія объ успѣхахъ, о поведеніи и пр. Копію съ этой тетради родители или ученики могутъ получить во всякое время. § 4. Каждый содержатель ремесленнаго училища, получающій пособіе отъ правительства, обязанъ каждый годъ представлять тому правительственному мѣсту, отъ котораго получаетъ пособіе, точныя свѣдѣнія о числѣ безплатныхъ учениковъ и платящихъ, о ремеслахъ, которымъ у него обучаются ученики, и объ успѣхахъ безплатныхъ учениковъ, за которыхъ онъ получаетъ упомянутое пособіе. § 6. Дѣти не старше 14 лѣтъ не могутъ заниматься болѣе 8 часовъ въ сутки. § 7. Послѣ каждыхъ 2 часовъ работы назначается $^1/_2$ часа отдыха. Во время отдохновенія ученики бѣгаютъ или дѣлаютъ гимнастическія упражненія. § 9. Воздухъ въ рабочихъ залахъ постоянно освѣжается вентиляторами. § 10. Мѣстные училищные инспекторы строго наблюдаютъ, чтобы помѣщенія для школъ были просторны (смотря по числу учениковъ или учениц), свѣтлы, чисты и теплы. § 11. Кромѣ ремеслъ, ученики и ученицы должны обучаться закону Божію, чтенію и письму, родному языку и счисленію, на что ежедневно назначается поутру не менѣе одного часа. § 13. Въ женскихъ ремесленныхъ школахъ, особенно въ кружевныхъ училищахъ, опредѣлено особенно строго наблюдать за помѣщеніемъ, обращеніемъ съ ученицами и часами работы. Дѣтямъ число часовъ для ремесленныхъ занятій не должно превышать 7, а зимою 5 въ сутки. Кромѣ того, дѣвочки имѣютъ ежедневно по 3 часовыхъ урока изъ первоначальныхъ учебныхъ предметовъ. § 15. Провинціальный совѣтъ представляетъ ежегодный подробный отчетъ министру внутреннихъ дѣлъ о числѣ и состояніи ремесленныхъ училищъ.

Устройство ремесленныхъ училищъ въ отчетѣ признано также далеко неудовлетворительнымъ; помѣщенія, большею частью, найдены нездоровыми и ежедневныя работы слишкомъ тяжелыми и продолжительными для учениковъ и особенно для ученицъ, изъ коихъ многія на первомъ же году обученія портили зрѣніе отъ усиленнаго вязанія кружевъ. Поэтому министерство нашлось вынужденнымъ подтвердить строгое соблюденіе вышеизложенныхъ правилъ и поручило мѣст-

нымъ инспекторамъ и общиннымъ совѣтамъ усилить надзоръ за этими важными для успѣха бельгійской промышленности училищами.

Д. Училищная статистика.

По послѣднему трехмѣсячному министерскому отчету, представленному въ 1856 году законодательнымъ палатамъ, изъ всѣхъ 2528 общинъ королевства въ 1854 году только въ 24 не было первоначальныхъ народныхъ училищъ. Зато многія общины имѣли по двѣ школы и болѣе, какъ мы ниже увидимъ изъ приводимыхъ статистическихъ данныхъ.

Число всѣхъ первоначальныхъ народныхъ училищъ къ 31-му декабря 1854 года было 5,498:

Общинныхъ училищъ (écoles communales)	2,809
Частныхъ училищъ, замѣняющихъ общинныя	902
Безплатныхъ частныхъ училищъ	1,787
	5,498

Изъ этого числа отдѣльныхъ училищъ для мальчиковъ	985
отдѣльныхъ училищъ для дѣвочекъ	1,201
отдѣльныхъ училищъ для обоего пола	3,312
	5,498

Среднимъ числомъ на каждую общину въ королевствѣ приходилось поэтому 2,17 училищъ, а на каждую 1000 жителей 1,19. По провинціямъ на каждую 1000 жителей:

Антверпенъ	0,92	училищъ.
Брабантъ	0,96	»
Западная Фландрія	1,25	»
Восточная Фландрія	1,23	»
Геннегау	1,25	»
Люттихъ	1,11	»
Лимбургъ	1,20	»
Люксембургъ	2,49	»
Намюръ	1,75	»

Число учащихъ въ общинныхъ училищахъ:

Учителей	2,578	Учительницъ	231.
Помощниковъ	665	Помощницъ	256.
	3,243		487.
		3,730	

Жалованье всѣхъ учащихъ вмѣстѣ составляло 2,347,794 фр.

Каждый учитель получалъ, среднимъ числомъ:

	въ городск. учил.	въ сельск. учил.
	1,300 фр.	703 фр.
Каждый помощникъ учителя	568 »	328 »
Каждая учительница	960 »	682 »
Каждая помощница	392 »	227 »

Число учащихся въ общинныхъ и частныхъ училищахъ въ 1854 году было:

Мальчиковъ	213,659	388,718.
Дѣвочекъ	175,059	

Въ частныхъ безплатныхъ школахъ:

Мальчиковъ	44,536	102,808.
Дѣвочекъ	58,272	

Все число учащихся: 491,526.

Изъ этого числа 276,231 получали даровое обученіе на счетъ общинъ, государства, благотворительныхъ бюро и въ безплатныхъ школахъ.

Среднимъ числомъ, на каждую 1000 жителей, учащихся приходится 107 человѣкъ.

Наиболшее число учащихся находится въ Люксембургѣ (151 на 1000 жит.) и въ Намюрѣ (134); наименьшее въ восточной Фландріи (85) и въ Брабантѣ (103).

Въ 1845 году, когда былъ представленъ первый трехлѣтній отчетъ, на 1000 жителей приходился 101 учащійся; слѣдовательно, въ 9 лѣтъ число учащихся увеличилось на 12%. Подобное увеличеніе мы находимъ еще, изъ западныхъ европейскихъ государствъ, не исключая и Англіи, въ одной только Швейцаріи.

Особыя заведенія (établissements speciaux). Дѣтскихъ пріютовъ съ школами для маленькихъ дѣтей обоего пола въ 1854 году было 269 (въ этомъ числѣ 31 пріютъ въ сельскихъ общинахъ) съ 25,464 дѣтьми. Число полуденныхъ и вечернихъ школъ для взрослыхъ: 879 (130 при сельскихъ общинахъ) со 170,000 учащихся обоего пола. Ремесленныхъ училищъ (ouvroirs): 909 (260 получали пособіе и подлежали надзору), съ 43,104 учащимися.

Нормальныя училища. Государственныя нормальныя училища доставили съ 1845—1854 годъ 483 учителей. Семь епископальныхъ училищъ въ это же время приготовили 693 учителя. Число принятыхъ учениц въ женскія нормаль-

ныя училища, какъ мы видѣли выше, за трехлѣтіе съ 1852 по 1854 годъ было 197.

Бюджетъ народныхъ училищъ въ 1854 году:

Доходъ:

Отъ 1853 года осталось	75,070	франк.
Плата съ учащихся	658,480	»
Обществен. и частн. благотворительн.	353,944	»
Общинные взносы	1.654,302	»
Провинціальные	562,237	»
Государственные	1.211,889	»
	4.515,922	франк.

Расходъ:

Управленіе и надзоръ	180,348	франк.
Обученіе и содержаніе въ норм. учил.	256,658	»
Постройка, покупка и содержаніе училищныхъ зданій	506,964	»
Собственно на первоначальн. училища	3.216,840	»
Дѣтскіе пріюты, учил. для взросл. и проч.	81,931	»
	4,242.741	франк.

Заключимъ нашу статью словами бельгійскаго министра внутреннихъ дѣлъ. «Хотя значительная ежегодная сумма, опредѣленная палатами еще въ 1842 году на первоначальное обученіе, говоритъ г. Денкеръ въ концѣ своего предисловія къ отчету, и, особенно, ежегодный чрезвычайный кредитъ въ 1.000,000 фр., предоставленный въ 1852 году палатами министерству внутреннихъ дѣлъ собственно для пріобрѣтенія и лучшаго устройства училищныхъ помѣщеній, доставили возможность улучшить какъ нравственное, такъ и матеріальное положеніе народныхъ училищъ и учителей и увеличить число ихъ, но все-таки этихъ средствъ еще далеко недостаточно. Мы убѣждены, что представители націи, признавая первостепенную важность распространенія истиннаго образованія въ народѣ, конечно, не замедлятъ значительно увеличить ежегодныя суммы, отпускаемыя государствомъ на народныя училища.»

VIII.

Оксфордскій университетъ.

Education in Oxford: its method, its aids and its rewards. By James Rogers, M. A., professor of Economic Science and Statistics, King's College, London, sometime public examiner in Oxford and one of the delegates of the Oxford local examinations. London, 1861.

Воспитаніе въ Оксфордѣ: его метода, пособія и награды. Соч. Роджерсъ, магистръ классическихъ наукъ, профессоръ политической экономіи и статистики въ королевсьой коллегіи въ Лондонѣ, бывшій экзаменаторъ на публичныхъ экзаменахъ въ Оксфордѣ, и делегатъ на оксфордскихъ мѣстныхъ экзаменахъ (среднихъ учебныхъ заведеній).

Мы нарочно выписали полное заглавіе книги, со всѣми служебными званіями автора, чтобы можно было нѣсколько оцѣнить достовѣрность сообщаемыхъ имъ фактовъ, безпристрастіе и справедливость его сужденій. Самъ онъ, какъ видно изъ его вступленія, бывшій студентъ оксфордскаго университета и, кажется, вполнѣ въ состояніи знать истину; профессоръ статистики при другомъ учебномъ заведеніи, онъ могъ нѣсколько отрѣшиться отъ мѣстныхъ предубѣжденій; но весьма недавній выборъ его делегатомъ на учрежденныхъ только въ 1857 году оксфордскимъ университетомъ экзаменахъ доказываетъ, что онъ не разорвалъ связи и дружбы съ университетомъ, гдѣ получилъ свое образованіе.

Его небольшая, но дѣльная, добросовѣстно обработанная книга содержитъ описаніе внѣшняго устройства и порядка университета, условій поступленія, выпускныхъ экзаменовъ и экзаменовъ на ученыя степени (honours), образа оксфордской жизни и стоимости ея; однимъ словомъ, тутъ полное руководство англійскимъ родителямъ, какъ и куда готовить дѣтей, какія затрудненія могутъ встрѣтиться, какія мѣры предосторожности можно принимать, сколько надо накопить денегъ, чтобы дать средства сыну окончить воспитаніе въ Оксфордѣ, — и оказывается, что эта сумма не малая, потому что нѣсколько прожитыхъ въ университетѣ годовъ стоятъ всякому около 6 тыс. руб. серебромъ [1]). Книга вполнѣ практическая, и простой, искренній тонъ ея внушаетъ довѣріе къ добросовѣстности самого автора. Писанная не календаремъ и не въ видѣ спекуляціи, а съ добрымъ намѣреніемъ подать полезный и хорошо взвѣшенный совѣтъ, она содержитъ личный взглядъ г. Роджерса на всѣ условія университетскаго образованія, какъ они существуютъ въ Оксфордѣ. Мнѣніе человѣка, столь близко знакомаго съ дѣломъ, имѣетъ безспорный вѣсъ и, вѣроятно, образовалось не особнякомъ отъ господствующихъ тамъ взглядовъ, по крайней мѣрѣ молодаго поколѣнія профессоровъ. Конечно, эта книга не относится прямо до насъ; но и намъ любопытно разрѣшеніе на чужой почвѣ нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ по воспитанію и историческое развитіе заботащихъ насъ идей въ совершенно чуждой намъ средѣ.

Оксфордскій университетъ является въ исторіи Англіи уже прямо существующимъ фактомъ, какъ бѣлыя скалы, тучныя пастбища и вѣковые дубы Альбіона; про его начало никто не упоминаетъ; онъ искони былъ центромъ училищъ, ученыхъ, учащихся на островѣ. Въ этомъ заключается, можетъ быть, половина его значенія для Англіи, живущей преданіями. Былъ онъ во времена оны чѣмъ-то въ родѣ германскихъ университетовъ: живущіе въ городѣ молодые люди, на полной волѣ, сходились въ извѣстныя залы слушать чтенія знаменитыхъ въ тѣ поры ученыхъ, величаемыхъ еще попросту школьными учителями — School-masters of Oxford. Но жизнь на чужой сторонѣ была трудна и дорога для молодежи, тѣмъ болѣе, что учиться по книгамъ собиралась не богатая знать, искавшая себѣ школы на турнирахъ. Товарищи, чаще соотчичи, жили кружками, выбирая себѣ старшаго, на которомъ лежали обыкновенно всѣ хлопоты по хозяйству. Новые ученики, приходя издалека, прилѣплялись къ кружкамъ уроженцевъ своего края, и такимъ образомъ составились общества, помѣщавшіяся въ постоянныхъ квартирахъ и извѣстныя подъ именемъ залъ (halls). Передъ реформаціей ихъ было до 300. Въ образованномъ обществѣ чувствовали болѣе, чѣмъ нынѣ, что ученіе есть общественная сила, и всѣми средствами старались люди образованные противопоставить эту силу насилію кулачному, поземельному и феодальному, давившему все духовное своимъ грубымъ произволомъ. На общества учащихся сыпались подаянія, поручаемыя обыкновенно для распредѣленія и храненія профессорамъ университета. Первыя такія подаянія были въ пользу несчастныхъ провинцій сѣвера Англіи, которыя такъ долго не могли поправиться отъ норманскаго разгрома. Но, не довольствуясь этими подаяніями, нѣсколько великодушныхъ, доселѣ не забытыхъ владыкъ міра сего учреждали для студентовъ дома, въ родѣ страннопріимныхъ, завѣщая имъ богатыя имущества, безотчетное распоряженіе коими поручалось старшимъ членамъ этихъ коллегій (colleges), составлявшихъ между собой родъ общиннаго управленія. Всякаго, приходившаго учиться, принимали туда за низкую плату; родныхъ же или соотчичей основателя, смотря по волѣ его, иногда же и готовившихся къ духовному сану, поили и кормили даромъ, доставляя лучшимъ средства оставаться дольше при университетѣ и предаваться наукѣ, помогая и руководя тѣми, которые приходили по ихъ слѣдамъ. При этихъ залахъ и коллегіяхъ учреждались наконецъ особыя каѳедры и богатыя библіотеки. Пришло время, когда университетъ окруженъ былъ многочисленными

[1]) Жизнь въ Оксфордѣ обыкновенно стоитъ, кромѣ денегъ, платимыхъ въ университетъ за право быть занесеннымъ въ матрикулы, до 1200 руб. сер. въ 32 недѣли, въ которыя продолжаются годичные курсы.

такими заведеніями, гдѣ почти всякій бѣдный труженикъ, отличавшійся только своимъ прилежаніемъ да подаваемой надеждой находилъ по своей категоріи мѣсто, гдѣ спокойно прожить и учиться. Разумѣется, необходимость соблюденія порядка въ такихъ случайно-собранныхъ семейныхъ кругахъ и необходимость защиты для этихъ домовъ среди феодальнаго міра развила неизбѣжную въ средніе вѣка форму общины; наука подражала религіи, и что-то въ родѣ ученаго монашества, связаннаго узами безбрачной жизни, выборнаго начала и общаго труда на пользу наукѣ, съ примѣсью строгой дисциплины для младшихъ членовъ общины, организовалось въ этихъ залахъ и коллегіяхъ. Послѣднія, богаче одаренныя, свободно, безъ опеки университета, распоряжаясь своими средствами, понемногу брали верхъ надъ многочисленнѣйшими залами, скупали дома, гдѣ онѣ помѣщались, и пріобрѣтали столь рѣшительный голосъ въ совѣтахъ университета, что почти поглощали его. Хотя канцлеръ, графъ Лестеръ, и отнялъ у залъ право выбора своего принципала, все-таки существовали вокругъ прежнихъ новые кружки независимыхъ студентовъ, подтверждая тѣмъ независимость древняго университета отъ окружавшихъ его коллегій. Пришло время реформаціи, съ ея деспотической борьбой противъ деспотизма сперва католичества, а потомъ пресбитеріанскихъ сектъ. Овладѣть умами организованныхъ общинъ, измѣнить ихъ уставы такъ, чтобъ онѣ представляли твердую опору и вѣрное оружіе въ борьбѣ религіозныхъ партій, было еще не такъ трудно; стѣснить свободу слова на университетской каѳедрѣ и руководить направленіемъ несвязанной домашними уставами молодежи было задачей болѣе сложной; притомъ перемѣна правительства, еслибы университетъ разъ далъ себя вести, неминуемо толкнула бы и его въ другую сторону. Узкій, но добросовѣстный взглядъ канцлера оксфордскаго университета, архіепископа Лауда, не могъ сродниться съ этой перспективой. Онъ рѣшилъ вопросъ постановленіемъ, по которому всякій студентъ въ Оксфордѣ долженъ былъ непремѣнно приписаться къ одной изъ залъ или коллегій и жить въ ней, подчиняясь, разумѣется, ея уставамъ. Такимъ образомъ университетъ, окруженный страннопріимными домами для учащихся, дѣломъ великодушія и милосердія частныхъ лицъ, обратился въ группу полумонашескихъ общинъ, которыхъ настоятели (правда избирательные) оставили самому университету съ его вице-канцлеромъ почти только номинальное существованіе. Частное благодѣяніе, ходомъ событій соединившее нравственный надзоръ за молодежью съ предлагаемыми ей жизненными и учеными пособіями, стало вдругъ чуть не политическимъ учрежденіемъ, вѣрно сохранившимъ доселѣ знамя епископальной церкви.

Теперь осталось знамя; религіозная борьба потеряла много своего внутренняго значенія, раздиравшаго нѣкогда не только государство, но и каждую въ немъ семью. Статутъ Лауда незамѣтно выходилъ изъ употребленія. Возобновили и поддержали его въ началѣ уже XIX-го столѣтія нѣкоторыя падавшія съ нимъ вмѣстѣ коллегіи; однако новое его значеніе, чисто фискальное, заставило Англію покраснѣть и требовать его отмѣны. Но Англія краснѣла и казнила — она не пользовалась этимъ злоупотребленіемъ; пользовался имъ университетъ, и онъ, будто стеченіемъ обстоятельствъ, умѣлъ доселѣ сохранить свое имущество. Дѣло вотъ въ чемъ. Не желая стѣснять студентовъ ограниченнымъ числомъ лѣтъ для ихъ занятій, не имѣя новыхъ средствъ учреждать новыя коллегіи, не имѣя въ виду тѣснотой помѣщенія ограничивать самое число студентовъ, университетъ видѣлъ необходимость освободить ихъ, по крайней мѣрѣ, отъ обязательнаго жительства въ стѣнахъ коллегій; соединили съ этой необходимостью старинное преданіе и личную выгоду, рѣшивъ требовать трехлѣтняго жительства въ зданіяхъ коллегій, а потомъ дозволять жить въ другихъ домахъ, съ соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей. Эта полумѣра, освобождая часть университетскаго населенія отъ контроля, которому подчинена другая, уничтожала весь смыслъ коллегіальной жизни. Обязательство жить въ зданіяхъ коллегій обратилось на дѣлѣ въ обязательство платить коллегіямъ извѣстную сумму за комнату и столъ, по цѣнѣ несоотвѣтственно-высокой (600 руб. сер. за 32 недѣли), потому что она

выше не только оксфордскихъ, но и лондонскихъ цѣнъ. Эта косвенная плата за право учиться, взимаемая черезъ буфетчика, повара, истопника и прачку, усложняя отчетность, унижала достоинство коллегій. «Не легко, пишетъ г. Роджерсъ, выдумать другой порядокъ, который, наравнѣ съ этой освященной уставомъ монополіей коллегій, способенъ былъ бы еще сильнѣе препятствовать расширенію университета, успѣху занятій въ немъ и развитію дарованій его оффиціальныхъ наставниковъ. Начальникамъ и старшимъ въ этихъ обществахъ нѣтъ другой заботы, какъ только набивать народомъ принадлежащія имъ комнаты. Они пользуются всѣми общественными и матеріальными преимуществами, какія только даетъ имъ тѣсная связь съ университетомъ, а энергія и дѣятельность ихъ нейдетъ далѣе книгъ, которыя они читывали еще студентами, и коллегіальныхъ лекцій, читаемыхъ на старый ладъ. Развѣ соперничество двухъ-трехъ коллегій подымаетъ ихъ изрѣдка надъ обычнымъ, мертвенныхъ уровнемъ.» Гибельно, по его словамъ, отзывается такое состояніе на отношеніе университета къ обществу. Оно становится къ нему теперь совершенно равнодушнымъ, не ищетъ его одобренія, не дорожитъ его отличіями; и еслибъ епископы не требовали, чтобъ священники ихъ епархій представляли экзаменное свидѣтельство отъ университета, требованіе совершенно произвольное, то въ университетѣ не оставалось бы, вѣроятно, и пятой доли настоящаго числа студентовъ.»

Не клеймя коллегій своимъ порицаніемъ, парламентъ надѣялся подорвать эти злоупотребленія, разрѣшивъ въ 1854 году учрежденіе частныхъ пансіоновъ, въ которыхъ могли бы жить студенты на равныхъ правахъ съ коллегіями; разумѣется, лицо, желающее содержать такой пансіонъ, должно предварительно получить одобреніе университетскаго совѣта. Такимъ образомъ Англія приходила для своего университета къ тому устройству частныхъ дортуаровъ при казенныхъ классахъ, которое давно существуетъ при французскихъ лицеяхъ и служитъ тамъ средствомъ гнусной эксплоатаціи дѣтей и родителей ловкими и сладкорѣчивыми, но невѣжественными и безсовѣстными гувернерами. Оксфордскій университетъ отстоялъ однако безмолвно свои безгрѣшные доходы, и такъ ли, иначе ли, а до сихъ поръ было лишь два частные пансіона, безъ всякаго залога на успѣхъ, изъ коихъ одинъ уже закрытъ. Парламентъ ошибся, считая на дѣйствіе полумѣры; ему не слѣдовало поправлять старый порядокъ, вызывая матеріальную конкуренцію коллегіямъ; надо было прекратить захваченныя ими преимущества, возсоздать старый независимый отъ нихъ университетъ, дозволить студентамъ жить въ Оксфортѣ на волѣ, не приписываясь ни къ какимъ особымъ отъ университета учрежденіямъ, чтобы такимъ образомъ сдѣлать высшее образованіе безъ всякихъ формальностей доступнымъ для всѣхъ и каждаго.

Живя въ привиллегированныхъ гостинницахъ съ немеблированными нумерами, именуемыхъ коллегіями, и платя въ нихъ по установленной таксѣ, студентъ пользуется богатыми пособіями коллегіальныхъ библіотекъ «и обязанъ посѣщать аккуратно коллегіальныя лекціи по росписанію, выставляемому въ началѣ каждаго курса». Лекціи эти читаются тюторами и лекторами, между которыми нѣтъ почти никакой разницы, кромѣ той, что первые считаются старшими, назначаются начальникомъ коллегіи и лишаются своего мѣста только въ случаѣ брака; если и есть какія-нибудь мѣры и правила для удаленія неспособнаго тютора, такъ они на практикѣ никогда не примѣняются. Тюторы обыкновенно раздѣляютъ между собою разные предметы, т. е. филологическія науки, математику, рѣдко физику и новую исторію [1]; другіе предметы не читаются. Уроки, напр. древнихъ языковъ, ограничиваются тѣмъ, что тюторъ даетъ переводить своимъ слушателямъ, вызывая ихъ по очереди, чтобы убѣдиться, всѣ ли приготовились, — съ прибавкою нѣкоторыхъ грамматическихъ объясненій. «Почти лишнее говорить, что уровень въ урокѣ обыкновенно приноравливается къ познаніямъ того, кто изъ присутствующихъ

---

[1]) При 26 коллегіяхъ — 76 тюторовъ по филологіи, 18 по математикѣ, 2 по новой исторіи и 4 по естественнымъ наукамъ, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту.

знаетъ всего менѣе.» Въ концѣ курса (въ году 4 курса, по 8 недѣль) дѣлается домашній экзаменъ, котораго единственный результатъ — словесная похвала и порицаніе и который, слѣдовательно, не имѣетъ никакого значенія въ глазахъ молодежи. «Тѣмъ не менѣе, вздыхаетъ г. Роджерсъ, оксфордскія коллегіи упрямо отказываются слѣдовать весьма разумному примѣру кембриджскихъ — давать въ концѣ года аттестаціи и награды!»

«Студентѣ поручается въ нѣкоторыхъ коллегіяхъ попеченію тютора, который считается до извѣстной степени отвѣтственнымъ за успѣхи и поведеніе своего воспитанника. Но связь между ними чрезвычайно слаба и постоянно слабѣетъ. Система эта — только уважаемый остатокъ прежде существовавшаго порядка.» «Нѣкогда тюторъ, лицо духовное, отвѣчалъ за нравственное развитіе своихъ воспитанниковъ, какъ священникъ за своихъ прихожанъ. Въ то время жизнь при университетѣ начиналась съ весьма раннихъ лѣтъ, и тюторъ былъ въ самомъ дѣлѣ законнымъ опекуномъ принятаго въ училище мальчика. Но давно уже пересталъ онъ быть орудіемъ нравственнаго развитія студентовъ.» «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ отношенія ихъ ограничивались тѣмъ, что тюторъ былъ какимъ-то представителемъ и посредникомъ между начальникомъ коллегіи и студентами, которые, сверхъ того, учились у него закону Божію; онъ былъ въ родѣ приходскаго священника коллегіи (a kind of accademical curate). Другаго воспитанія, ни образованія затѣмъ коллегія не давала, за исключеніемъ нѣсколькихъ (случайно назначенныхъ) лекцій. Наконецъ нѣкоторые добросовѣстные тюторы, отдѣльными своими усиліями, дошли до того, что соединили со своимъ значеніемъ по крайней мѣрѣ заботу объ умственномъ образованіи молодыхъ людей.»

Но что же вышло изъ этого улучшенія? «Я могу сказать съ полной увѣренностью», отвѣчаетъ намъ г. Роджерсъ, «что студенты почти всѣ отзываются съ пренебреженіемъ и нелюбовью о коллегіальныхъ лекціяхъ. Конечно, они часто безъ всякаго основанія порицаютъ обязательное слушаніе даже добросовѣстныхъ лекторовъ. Но, ограниченный временемъ и произвольно назначенной программой, курсъ дѣйствительно можетъ утомить и раздражить слушателя. Не бываетъ охоты учиться насильно; и нерѣдкій преподаватель, который сначала напрягалъ всѣ силы, терялъ скоро всю бодрость передъ положительнымъ нерасположеніемъ студентовъ, видѣвшихъ въ немъ тирана, а въ его лекціи—мучительное насиліе.»

Энергія иныхъ убита, можетъ быть, именно этими отношеніями. Но надо признаться, что убиваетъ ее и рано обезпеченное положеніе. Сознаніе, что читаемая лекція — геркулесовъ столпъ всякой дѣятельности, что добрелъ ужъ человѣкъ до мирной гавани, гдѣ позволено почить на лаврахъ и, разснастивъ корабль своей учености, успокоиться до конца дней своихъ, читая и перечитывая отцамъ и, можетъ быть, дѣтямъ одну и ту же рѣчь, — такое сознаніе представляетъ много искушеній къ бездѣйствію. Едва получивъ свою степень, иногда даже безъ нея, призванный по какимъ-нибудь постороннимъ соображеніямъ какъ fellow или дѣйствительнымъ членомъ коллегіи, подъ одними условіями безбрачной жизни, исповѣданія всѣхъ догматовъ (articles) англиканской церкви и постояннаго, почти безвыѣзднаго пребыванія въ Оксфордѣ, тюторъ навсегда обезпеченъ достаточнымъ содержаніемъ, котораго можетъ лишиться по весьма рѣдкимъ, случайнымъ причинамъ, чуждымъ преподаванію и наукѣ, напр.. если перестаетъ обѣдать у коллегіальнаго повара, скорѣе, чѣмъ отъ дурнаго исполненія своихъ ученыхъ обязанностей. Во время оно и безбрачіе ихъ имѣло смыслъ въ общинной жизни, и дѣйствительность ихъ надзора за юнымъ поколѣніемъ оправдывала исключительное ихъ положеніе. Теперь ихъ обязанность стала чисто учительскою, и они даютъ свое извѣстное число уроковъ, не поощряемые ни числомъ обязательныхъ слушателей, ни соревнованіемъ между собой, ни необходимостью создать или поддержать себѣ извѣстность въ ученомъ мірѣ.

«На протестъ противъ монополіи коллегій отвѣчаютъ обыкновенно указаніемъ на высокое нравственное воспитаніе, получаемое въ нихъ. Это указаніе стоитъ изслѣдованія, и фактъ окажется сомнительнымъ. Нѣтъ основаній предполагать,

чтобъ сама по себѣ жизнь въ стѣнахъ коллегіи возбуждала къ нравственности; она, можетъ-быть, вредитъ ей. Во всякомъ случаѣ прямое вліяніе коллегіальнаго начальства на бытъ студентовъ ограничивается дисциплиной, которая обращаетъ религію въ наказаніе, ученіе въ долбню (routine). Обязательное ежедневное присутствіе при богослуженіи въ церкви коллегіи (со списками бывшихъ и небывшихъ) не внушаетъ глубокаго уваженія къ самымъ священнымъ вещамъ, а пріучаетъ скорѣе къ уставному исполненію внѣшнихъ обрядностей. Самое выраженіе, которымъ постоянно обозначается оксфордскими студентами молитва въ храмѣ Божіемъ: keeping chapels — сторожить церковь, не даетъ выгоднаго понятія о благодѣтельномъ дѣйствіи этого обычая. Конечно, многіе и многіе находятъ въ этой ежедневной торжественной молитвѣ новую силу и свѣжесть; но отчего бы не предоставить ее доброй волѣ всякаго?»

«Домашній надзоръ коллегіальнаго начальства не внушаетъ къ себѣ также большаго довѣрія. Есть общее правило, запрещающее выходить изъ коллегій послѣ 9 часовъ вечера: запираются ворота, и всякій возвращающійся послѣ заповѣднаго часа записывается и штрафуется. Но, кромѣ этого, коллегія ничего не требуетъ отъ младшихъ своихъ членовъ, и лишь изрѣдка вмѣшивается въ случайный безпорядокъ. Во всѣмъ прочемъ за поведеніемъ нѣтъ надзора, и я добросовѣстно полагаю, что его быть не можетъ. Игра и пьянство развиваются здѣсь сильнѣе, продолжаются дольше и сопровождаются гораздо большимъ вредомъ, чѣмъ это могло бы быть безъ коллегіальной жизни.» Вообще, развиваются здѣсь сильно всякія занятія, къ которымъ приложима теорія вѣроятности, — скачки, гонки на лодкахъ, бильярдъ и т. п.» «Можетъ-быть, пьянство и уменьшилось нѣсколько въ послѣднее время; но весьма почтенный оксфордскій торговецъ положительно увѣрялъ меня, что совершенно невообразимо число карточныхъ колодъ, недавно доставленныхъ въ одинъ курсъ, членамъ одной изъ университетскихъ коллегій. Постоянный надзоръ и шпіонство могли бы одни пресѣчь подобныя привычки; но одинъ невозможенъ, а другое вредно. Случается, конечно, что тюторъ, одаренный чрезвычайнымъ тактомъ, пріобрѣтаетъ довѣріе молодыхъ людей и вмѣстѣ съ тѣмъ неоцѣнимое вліяніе на нихъ, неоцѣнимое потому, что ведетъ ихъ къ добру и что, разъ пріобрѣтенное, оно сохраняется долго. Но такой даръ столь же рѣдокъ, какъ и великъ. Личное вліяніе, по моему, труднѣе дается надъ юношами, чѣмъ надъ взрослыми людьми; оно основано на знаніи характеровъ, а гдѣ увлеченія сильны — характеры измѣнчивы. Притомъ для тюторовъ та бѣда, что они передъ студентами постоянно на показѣ (upon parade); и поневолѣ развивается въ нихъ зазнавательный тонъ или, что чаще и легче, какая-то формальная важность (stiffness).

«Коллегіальнымъ тюторамъ давно бы слѣдовало понять, что они въ неестественномъ и несчастномъ положеніи. На словахъ — они пасутъ духовное стадо, такова ихъ обязанность. На дѣлѣ — ихъ связываетъ трудность личныхъ столкновеній со столькими характерами, ихъ усыпляетъ беззаботная монополія, уничтожающая всѣ обычныя побужденія человѣка къ дѣятельности. Примѣръ прошлаго, недостатокъ сочувствія въ окружающихъ, лишаетъ ихъ даже средствъ измѣнить уставъ, который въ рукахъ ихъ остается мертвою буквой. Людямъ, живущимъ въ Оксфордѣ, ясно видно, какъ все слабѣе становится вліяніе старшаго поколѣнія надъ младшимъ, между тѣмъ какъ внѣшнія формы повиновенія остаются повидимому строгими и неизмѣнными какъ прежде.» Единственная полиція, имѣющая еще какое-нибудь значеніе въ Оксфордѣ, находится въ рукахъ помощниковъ вице-канцлера (Proctors), выбираемыхъ ежегодно изъ университетскихъ профессоровъ и завѣдующихъ студентами внѣ ихъ коллегій, на свободѣ.

Таковы отношенія студентовъ къ коллегіи. Взглянемъ на отношеніе ихъ къ университету, древле-существовавшему, нынѣ только коллегіальному представителю коллегій въ административномъ (нехозяйственномъ) и ученомъ отношеніи.

Записываются въ университетскую матрикулу молодые люди 18 лѣтъ, которымъ удалось уже попасть, послѣ 4-хъ или 5-ти лѣтъ ожиданія, на одну изъ

вакансій въ коллегіи, т. е. сказать проще, по известной очереди получить тамъ комнату. Есть при этомъ какой-то домашній пріемный экзаменъ, совершенно зависящій отъ усмотрѣнія коллегій, не избѣжавшій оскорбительнаго упрека, что мѣрка прилагается ежегодно строже или менѣе строго, смотря по числу вакансій и стеченію кандидатовъ. Въ теченіе перваго года студенты обязаны выдержать первый экзаменъ; не выдержавшіе этого экзамена должны передержать его въ извѣстный срокъ, или оставить Оксфордъ; разница та, что они уже заплатили деньги. Эти экзамены самые пустые: ариѳметика до десятичныхъ дробей или первые 2 книги Эвклида и древніе языки. Послѣдняя, главныя часть экзамена состоитъ въ латинской и греческой грамматикахъ, въ переводахъ съ англійскаго на латинскій и въ переводѣ любого, по выбору молодого человѣка, латинскаго или греческаго автора.

Черезъ извѣстные сроки, болѣе или менѣе эластическіе, по произволу студентовъ, являются они къ двумъ другимъ экзаменамъ, болѣе труднымъ. На первомъ изъ нихъ, по трудности соотвѣтствующемъ выпускному экзамену изъ всякаго хорошаго средняго учебнаго заведенія, спрашиваютъ: три книги Эвклида и алгебру до квадратныхъ уравненій, или логику, и прибавляютъ къ классическому экзамену четвероевангеліе по гречески. Желающіе отличиться могутъ экзаменоваться еще изъ чистой математики, или написать сочиненіе прозой или стихами на древнихъ языкахъ.

Обязательная половина третьяго и послѣдняго (называемаго публичнымъ) экзамена in litteris humanioribus отличается отъ предыдущаго большимъ числомъ переводимыхъ авторовъ и подробностью разспросовъ, какъ грамматическихъ, такъ и о духѣ, составѣ и содержаніи всего переводимаго сочиненія, напередъ выбраннаго самими отвѣчающими; и еще экзаменомъ изъ богословія (свящ. писаніе, исторія церкви и догматы [articles] англиканской церкви). Не требуется впрочемъ *отличнаго* знанія этого предмета, и посредственной отмѣтки достаточно на экзаменѣ; почему — трудно сказать. Одно еще приводимое объясненіе имѣетъ нѣкоторый смыслъ: будто по священному характеру предмета не прилично искать въ немъ средства отличаться, будто устремивъ все свое вниманіе на пріобрѣтеніе фактическихъ данныхъ, потеряешь должное уваженіе къ истинамъ откровенія. Но на дѣлѣ уваженіе это положительно только умаляется отъ того, какъ студенты оксфордскихъ училищъ готовятся къ обязательному экзамену изъ богословія. Можно весьма здраво понимать христіанское ученіе по практическому знакомству съ нимъ, не владѣя столькими фактическими познаніями, чтобы удовлетворить требованіямъ экзаменаторовъ. Но напротивъ, еслибъ экзаменаторы спрашивали чего-нибудь, кромѣ голаго перечня фактовъ, и обращались нѣсколько къ простѣйшему толкованію ученія и догматовъ англиканской церкви, имъ пришлось бы гуртомъ отвергать представляющихся къ испытанію. Самыя смѣшныя ошибки случаются безпрестанно въ отвѣтахъ по богословію. Самые непочтительные способы употребляются для заучиванья того, что нужно, чтобы получить наименьшую допускаемую отмѣтку; и при такой системѣ эта наименьшая отмѣтка есть общая цѣль. — Одно изъ двухъ: или занятіе богословіемъ должно быть исключено изъ программы университетскаго экзамена, предоставивъ этотъ предметъ домашнимъ занятіямъ внутри коллегій, или только желающимъ; или необходимо требовать и по немъ добросовѣстной работы и отличныхъ успѣховъ.

Другая половина публичнаго экзамена предоставлена доброй волѣ всякаго студента. Тутъ спрашивается: по математикѣ: шесть книгъ Эвклида или первая часть алгебры, и обыкновенно выбираютъ первыя, такъ какъ 3 книги уже прочтены раньше, а для другихъ трехъ надо нѣсколько дней приготовленія; по естественнымъ наукамъ: механика, химія и физіологія, но впрочемъ достаточно элементарнаго знанія двухъ изъ нихъ; по законовѣдѣнію и новой исторіи: исторія Англіи до Генриха 8-го и законы о недвижимыхъ имуществахъ (real property), или исторія Англіи отъ Генриха 8-го до Анны и законы о движимыхъ имуществахъ (personal property) и о личныхъ правахъ, — или въ обоихъ случаяхъ, вмѣсто англійскаго законодатель-

ства, юстиніановы институты. Расположеніе вообще довольно произвольное.

По всѣмъ этимъ экзаменамъ выдаются только свидѣтельства, что они удовлетворительно выдержаны, и тѣмъ оканчивается университетскій курсъ. Но этими экзаменами не получается учоной степени. Для нея (степени баккалавра, а прочія потомъ покупаются) нужно выдержать еще экзаменъ, дѣйствительно трудный и требующій усидчивой работы. Основательное знаніе чистой и прикладной математики, или одной изъ трехъ наукъ, упомянутыхъ выше подъ именемъ естественныхъ (physical science), или исторіи до французской революціи съ критическими разборами цѣлаго ряда историческихъ сочиненій, — вотъ условіе этого экзамена. Всего сложнѣе онъ по филологіи, гдѣ восемь отдѣльныхъ письменныхъ экзаменовъ обнимаютъ логику, нравственную и политическую философію, древнюю исторію, классическія древности и литературы. И единственный прямой результатъ этого труда — право учить; но кромѣ этого права и уваженія всѣхъ образованныхъ людей въ Англіи, нѣтъ никакихъ выгодъ отъ степени баккалавра, такъ какъ она не составляетъ даже необходимаго условія— избранія въ fellow коллегіи.

Всякій въ правѣ выбирать между экзаменами на свидѣтельство и на учоную степень. Въ переводѣ на наши понятія и обычаи тутъ представляется экзаменъ на чинъ и экзаменъ на степень; такой порядокъ составляетъ предѣлъ желаній и идеалъ многихъ реформаторовъ университетскаго устава. Какъ же судитъ объ этомъ положеніи нашъ оксфордскій экзаменаторъ? Съ горестью говоритъ онъ о правѣ, предоставленномъ молодому человѣку потрудиться много или мало, смотря по охотѣ и усмотрѣнію, о правѣ въ эти лѣта уже ставить самому себѣ хорошую или посредственную, трудную или легкую цѣль. Ему кажется, и мы согласны съ нимъ, что слишкомъ часто и въ установившихся людяхъ мыслительная способность не только служитъ, но и прислуживается желательной, и что намъ всегда кажется полезнымъ то, чего хочется. Оно такъ, судя по крайней мѣрѣ по собственному опыту. «Слишкомъ слабо дѣйствуетъ, говоритъ онъ, далекая цѣль университетскихъ учоныхъ почестей, и слишкомъ мало у нея вѣсу въ сравненіи съ близкимъ удовольствіемъ, которымъ надобно для нея пожертвовать, — особенно въ глазахъ молодого человѣка, только что получившаго свободу послѣ многихъ лѣтъ домашней и училищной неволи. — Между тѣмъ четырехлѣтній трудъ, съ состязательнымъ испытаніемъ въ исходѣ — великолѣпное воспитательное средство для развитія постоянства, настойчивости и трудолюбія, главныхъ условій успѣха во всякомъ дѣлѣ. Но едва ли хватитъ терпѣнія у тѣхъ, для кого будущее — вещь далекая и безъ цѣны; отдаленная выгода никого не манитъ. Настоящая же система экзаменовъ въ Оксфордѣ, давая возможность держать одинъ выпускной экзаменъ безъ экзамена на степень, только убиваетъ энергію молодого человѣка и вредитъ ему, вселяя несчастную привычку искать всегда minimum'а обязанностей, исполненіе которыхъ съ него взыщется.»

«Новымъ пособіемъ въ работѣ университетъ, особо отъ коллегій, представляетъ студентамъ рядъ лекцій, посѣщеніе которыхъ предоставлено доброй волѣ всякаго. Такихъ каѳедръ учреждено по богословію — 4, по филологіи — 8, по философіи — 4, по исторіи и политической экономіи — 3, по праву — 3, по математикѣ, естественнымъ наукамъ и сельскому хозяйству — 9, по физіологіи и терапевтикѣ — 4, по музыкѣ — 1. Публика на эти лекціи собирается рѣдко серіозная, еще рѣже работящая; жаль даже смотрѣть на людей, которымъ некого учить, которые ищутъ наконецъ слушателей и слушательницъ внѣ стѣнъ университета. Мнѣ случалось бывать на самыхъ интересныхъ лекціяхъ, и рѣдко встрѣчать студента. Причина отчасти та, что съ распространеніемъ всѣмъ доступныхъ книгъ, изустное ученіе теряетъ постепенно свое значеніе; но въ особенности та, что всѣ эти часы заняты обязательными для студентовъ лекціями тюторовъ, приносящими мало пользы по самой обязательности ихъ, раздражающей слушателей и усыпляющей энергію учителя. Если можно впрочемъ сдѣлать упрекъ профессорамъ, то надо замѣтить, что ихъ чтенія принимаютъ слишкомъ универсальный и поверхностный харак-

теръ, и могутъ быть полезны лишь при паралельной самостоятельной работѣ и при значительномъ сокращенiи въ нихъ общихъ мѣстъ. Мы ежедневно убѣждаемся, прибавляетъ къ этому замѣчанiю г. Роджерсъ, въ томъ, что нѣтъ ничего легче, какъ составить себѣ извѣстность знанiемъ только общихъ началъ. Менѣе было бы упрековъ ученымъ, еслибъ публика умѣла отличать многословную передачу выводовъ и заключенiй, почерпнутыхъ изъ вторыхъ рукъ, отъ добросовѣстнаго и терпѣливаго собиранiя частныхъ фактовъ и осторожнаго вывода изъ нихъ самостоятельныхъ заключенiй. Въ послѣднiе годы ученье въ Оксфордѣ сильно пострадало, потому что профессора увлеклись легкостью добывать эти общiя понятiя, а публика неумѣстнымъ къ нимъ уваженiемъ. Все наше время склонно къ этимъ широкимъ формуламъ, хотя онѣ хуже чѣмъ безполезны и не умнѣе рѣчи попугая, если нѣтъ при нихъ обширной самостоятельной работы.»

Рядомъ съ лекцiями развилось на оксфордской почвѣ, по собственной инициативѣ, другое учрежденiе, дѣйствительно приносящее пользу молодому поколѣнiю. Многiе, получившiе учоную степень, остаются жить въ Оксфордѣ, занимаясь частными уроками, пользуясь единственнымъ преимуществомъ своей степени— правомъ учить; ихъ зовутъ private tutors. По просьбѣ нѣкоторыхъ родителей, они берутъ на себя слѣдитъ за поведенiемъ студентовъ, и иногда удается имъ ограничить огромные обычные расходы на карты, лошадей и бильярдъ, обычные — потому что ничѣмъ не стѣсненный дурной примѣръ въ замкнутомъ обществѣ молодыхъ людей получаетъ скоро законную силу, отъ которой уклониться весьма трудно. Но чаще сами молодые люди обращаются къ этимъ учителямъ и за установленную обычаемъ цѣну занимаются по часу ежедневно или черезъ день, что за глаза довольно для приготовленiя къ выпускному экзамену. Въ такихъ занятiяхъ, при добровольномъ обращенiи молодого человѣка, устанавливаются часто дружескiя отношенiя, которыя даютъ наставнику нравственное влiянiе на собесѣдника. Но эти отношенiя совершенно независимы отъ колегiальнаго устройства и устанавливаются вездѣ, гдѣ только есть экзамены, неприготовленные студенты, которые въ состоянiи платить, и люди, за вознагражденiе готовые помогать имъ. — Тутъ нѣтъ ничего особеннаго, тѣмъ болѣе что частные преподаватели были первыми работниками въ Оксфордѣ; профессорскiя каѳедры — только вѣтвь отъ ихъ корня, а коллегiяльное устройство уже позже своей монополiей оттѣснило ихъ отъ главной дѣятельности. Польза отъ этихъ людей доказываетъ неоспоримое двадцатилѣтнее первенство одной изъ коллегiй (Balliol college), той именно, гдѣ работаетъ самое большое число частныхъ преподавателей.

За всѣ эти благодѣянiя и весь этотъ произволъ взимаются собственно университетомъ слѣдующiя платы со студентовъ. При самомъ вступленiи молодые люди вносятъ единовременную сумму, которая точно также, какъ и мундиръ ихъ, измѣняется по состоянiю каждаго; но при этомъ кто выше въ общественной iерархiи, обязанъ и больше приносить въ университетскую кассу. Старшiй сынъ пера (a nobleman) платитъ 48 руб., прочiя сыновья перовъ и старшiе баронетовъ и рыцарей (a privileged person) 30 руб., обыкновенные студенты (commoners and students) 14 руб. 40 коп., наконецъ беднѣйшiе (Bible clerks and servitors), бывшiе въ самомъ дѣлѣ во время оно чтецами и слугами товарищей, — 3 руб. сер. Во время всего пребыванiя своего въ университетѣ всѣ они вносятъ поровну, ежегодно 8 руб. 40 коп. Наконецъ есть плата при всякомъ экзаменѣ; за всѣ три общiе экзамена всего 18 руб. 60 к.; за дипломъ баккалавра 45 руб., за дипломъ магистра (Mag. artis) съ разными расходами до 216 руб., за дипломъ баккалавра богословiя и медицины 48 руб., бак. права 39 руб., доктора этихъ трехъ наукъ — 240 руб.; бак. музыки 30 руб., доктора музыки — 60 руб.

Наконецъ всѣ fellows коллегiй, для сохраненiя права голоса на общихъ университетскихъ собранiяхъ (Convocation), въ числѣ разныхъ другихъ обязательствъ, вносятъ ежегодно — 7 руб 80 коп., изъ коихъ часть идетъ на публичную оксфордскую Бодлееву библiотеку, а иногда и нѣсколько больше, по усмотрѣнiю коллегiи.

Какой же результатъ этихъ условій и этой обстановки? — Отвѣтимъ словами г. Роджерса.

«Недостатки настоящаго положенія заключается: 1) въ ограниченіи всякихъ естественныхъ побужденій, которыя могли бы внушить человѣку, облеченному властью — учителю — правильное исполненіе своихъ обязанностей, по мѣрѣ всѣхъ своихъ силъ; 2) въ легкости, съ которой искушенія брошены передъ молодыми людьми при совершенномъ отсутствіи домашняго надзора, и 3) въ отношеніяхъ, естественно возникающихъ между воспитанниками и наставниками и служащихъ послѣднимъ помѣхой имѣть здоровое вліяніе на умъ тѣхъ, чье умственное и нравственное благо составляетъ на словахъ главную заботу учрежденія.»

«Зло далеко неизвѣстное, но тѣмъ не менѣе дѣйствительное; и странно — что одни денежныя средства удерживаютъ многихъ отъ того, къ чему дарованіе ихъ и трудолюбіе даютъ имъ право. Коллегіи не съумѣли управиться съ своими богатствами: дары, сдѣланные съ цѣлью поощрять просвѣщеніе, стали его величайшей помѣхой, и богатство, пожертвованное въ его пользу, обратилось въ настоящую мачиху, мать-кормилицу генія и труда.»

«Филологію, философію и исторію занимаемъ мы у французскихъ и нѣмецкихъ писателей; едва ли выростилъ Оксфордъ что-нибудь своего на этомъ полѣ. Весьма немного прибавлено къ запасу человѣческихъ знаній изъ огромныхъ имуществъ университета и коллегій — имуществъ, равныхъ доходамъ многихъ государствъ. Будущая жизнь университета однако могла бы еще нѣсколько пополнить прошлую: число студентовъ увеличилось бы, живое и систематическое занятіе наукой пробудило бы силы учителей и учениковъ, — если бы составился дѣятельный кругъ профессоровъ, еслибъ рѣшились открыть широкій доступъ на это поприще всѣмъ и каждому безъ всякихъ формальныхъ стѣсненій и примѣнить начала свободной торговли къ праву учить и учиться.»

«При настоящей обстановкѣ нельзя указать на лекарство. Но допустите что-нибудь рядомъ съ монополіей коллегій, и самые лѣнивые изъ занимающихъ покойныя теперь профессорскія кресла принуждены будутъ рѣшиться на дѣятельность. Созданіе независимаго отъ коллегій круга студентовъ — вотъ жизненный вопросъ для сословія профессоровъ въ оксфордскомъ университетѣ и единственное для него средство выдти изъ настоящаго гибельнаго положенія.»

При безпорядочной жизни въ коллегіяхъ, при произвольныхъ и по большинству слабыхъ экзаменахъ, при усыпительныхъ урокахъ тюторовъ и пустыхъ аудиторіяхъ профессоровъ, что все ведетъ къ естественному заключенію о дурномъ ученіи и дурномъ воспитаніи, — что же составляетъ силу и значеніе оксфордскаго университета? А быть они должны, и не въ маломъ размѣрѣ, если студентъ того же университета, дорожащій имъ, какъ видно по тону всей книги, такъ просто и прямо рѣшается развернуть свою грустную картину и за всѣмъ тѣмъ проникнутъ теплой привязанностью и глубокимъ уваженіемъ къ мѣсту своего образованія, и явно расчитываетъ на подобныя же чувства отъ своихъ англійскихъ читателей. Неужели вся эта сила въ преданіи?

Есть много достоинствъ въ серіозномъ приготовленіи на учоную степень, при неоспоримой односторонности оксфордскихъ занятій; они остаются спеціальными и притомъ свободными, хотя въ довольно тѣсной рамкѣ. Но въ этой спеціальности труженикъ видитъ только границу своей настоящей работы, между той площадью, которую ему въ это время надо ископать и изучить, а не прометееву скалу всей своей жизненной дѣятельности. Онъ изъ этой задачи выйдетъ опытнымъ работникомъ, не болѣе, и никакъ не человѣкомъ, спеціально приготовленнымъ къ извѣстной дѣятельности: чтобъ идти дальше, чтобъ жить — ему надо будетъ все-таки учиться. Оно пожалуй всякому нужно вездѣ; но тутъ нѣтъ и самообольщеній, слѣд. нѣтъ разочарованія, ихъ вѣрнаго спутника. Выбирая любимое, хоть изъ классической филологіи, занимаясь конечно самостоятельно предметомъ, или вѣрнѣе книгою, самостоятельно выбранной, представляя на экзаменъ отчотъ не въ томъ, что

выслушалъ отъ другого, а чѣмъ самъ занимался, молодой человѣкъ обязанъ отвѣчать уже не школьникомъ, вознаграждать количество качествомъ, знать возможно глубже кругъ, проведенный по собственному произволу, и показать, что, добросовѣстно работая, онъ выучился вникать дальше обыкновенной коры учебника и не останавливаться на завѣтныхъ вопросахъ программы. Такой трудъ ведетъ неминуемо къ двумъ итогамъ: по опыту узнаешь, что: сработается-слюбится, и, что еще важнѣе, найдешь удовольствіе въ самомъ трудѣ. Тогда вступаешь въ жизнь не богатъ практическими свѣдѣніями, но съ достаточнымъ терпѣніемъ, чтобы добыть тѣ, которыя будутъ нужны, съ уваженіемъ ко всякому труду и слѣд. ко всякому уже сдѣланному и существующему, готовъ продолжать начатое другими, строить на сдѣланномъ уже фундаментѣ, а когда нужно будетъ — съумѣешь положить и свой, но безъ всякаго желанія ломать старое, уже потому только, что жаль стараго положеннаго тутъ труда, и не хотѣлось бы, чтобъ пропадалъ онъ даромъ. За то и все начинаемое будетъ исполнено, потому что привыкъ встрѣчать задержки и трудности, терпѣливо докапываться до самаго дна, не пренебрегая скучными фактами и подробностями, изъ коихъ, какъ зданіе изъ кирпичей, зиждется мысль человѣческая. Не въ этихъ ли привычкахъ часть практическаго смысла и консерватизма Англіи? Развивая ихъ, Оксфордъ работаетъ въ духѣ народнаго характера.

Вокругъ Оксфорда во всю исторію сосредоточивалась любовь народа и лучшія надежды его. Давно понявъ, что значеніе есть могущество, Англія, которой вся жизнь и цѣль въ могуществѣ, искони заботилась о томъ, какъ бы пріобщить ему наибольшее количество своихъ гражданъ. Ученіе и наука считались общественнымъ достояніемъ, деньги на нихъ обращаемыя — приносящими отечеству ростовщицкіе проценты. Кто могъ, старался снабжать его этимъ капиталомъ, и стипендій въ пользу бѣдныхъ учащихся притекало столько со всѣхъ сторонъ въ теченіе осьми вѣковъ, что теперь, при правильномъ оборотѣ, оксфордскій университетъ могъ бы принимать *вновь* ежегодно стипендіантовъ на сумму свыше 36 тысячъ руб. сер. [1]) Что эти ваканціи будутъ всѣ и всегда полны, въ томъ не нужно поруки, лишь бы замѣщаемы были со справедливостью. Не мудрено, что много семействъ смотритъ на этотъ университетъ, какъ на единственную надежду для образованія молодого поколѣнія; изъ этой надежды и изъ благодарности за оказанныя другимъ поколѣніямъ благодѣянія свивается крѣпкая нить популярности, которой не перервутъ многіе недостатки и многія отклоненія отъ праваго пути.

И этого не довольно. Не только наука требуетъ людей, которые бы посвятили ей вполнѣ силы и время, но и люди, особенно въ началѣ дѣятельности, нуждаются въ средствахъ матеріальныхъ, чтобы посвятить себя вполнѣ научному труду. Поэтому сверхъ стипендій для учащихся-scolar-ships есть еще стипендіи для посвящающихъ себя наукѣ по окончаніи университетскаго курса-fellow-ships [2]). Первые не всѣ зависятъ отъ университета; вторыя въ полномъ распоряженіи коллегій. Стать по окончаніи своего образованія немедленно свободнымъ отъ матеріальныхъ заботъ на более или менѣе продолжительное время, предаться свободному умственному труду и успѣть составить себѣ такой капиталъ знаній, съ которымъ положеніе человѣка въ обществѣ уже нѣсколько обезпечено на всю его жизнь, не можетъ не прельстить всякаго способнаго юноши и не заставить его принести много пожертвованій матеріальныхъ, совершить много подвиговъ труженичества для достиженія возможности покойно работать — которыхъ никогда не бываетъ для многихъ въ другихъ странахъ, покуда жизнь не отодвинетъ науки далеко на второй планъ. Съ такими выгодами можно, не нарушая справедливости, связать тягостное ино-

[1]) Всего стипендій собственно изъ доходовъ университета до 150 тыс. руб. сер., раздаваемыхъ по усмотрѣнію коллегій. Сверхъ того, подъ надзоромъ коллегій постороннихъ стипендій на сумму болѣе 10 тыс. руб. сер. Наконецъ стипендій для оксфордскихъ же студентовъ, но выдаваемыхъ совершенно посторонними заведеніями и учрежденіями изъ ихъ имуществъ, до 312 тыс. руб. сер. ежегодно. Каждая стипендія отъ 120 до 600 руб. сер.

[2]) Ихъ теперь, послѣ реформы парламента, до 350-ти, по 1,380 рублей сер. каждая.

гда условіе — жить для науки и для занимающагося ею юношества. Дѣйствительное исполненіе этого условія зависитъ, разумѣется, отъ личной добросовѣстности всякаго; университетъ можетъ принуждать только къ формальному исполненію онаго, и на это имѣетъ самое полное право.

Никто не подивится значенію и вліянію оксфордскаго университета на всю Англію, кто прочтетъ, что университетъ расходуетъ на содержаніе своихъ профессоровъ, предстоятелей и fellow's, не считая студентовъ-стипендіатовъ, ежегодно болѣе 2 милионовъ рублей серебромъ изъ собственныхъ своихъ доходовъ.

Итакъ значеніе оксфордскаго университета основано преимущественно на деньгахъ, точно также какъ откуповъ у насъ? Да, только въ видѣ примѣчанія къ этому афоризму вспомнимъ весьма старинное мнѣніе Эзопа про достоинство и недостатки языка.

Но гдѣ деньги, тамъ и злоупотребленія. Противъ нихъ возстали общественное мнѣніе и эхо его — парламентъ. Одновременно съ вышеупомянутымъ закономъ 1854 года, дозволявшимъ студентамъ жить въ домахъ, хотя нарочно для нихъ устроенныхъ, но частными лицами, приняты были и нѣкоторыя другія мѣры, измѣнившія прежній уставъ оксфордскихъ коллегій. Укажемъ главное направленіе этой полуреформы.

Изъ студенческихъ степендій одни раздавались учредившими ихъ лицами и заведеніями; распоряженіе другими дѣлалось подъ надзоромъ университета или коллегій; наконецъ большая часть дѣлалась изъ самыхъ университетскихъ доходовъ. Срокъ пользованія послѣдними былъ ограниченъ произволомъ коллегій, и есть примѣры, что онъ продолжался за 20 лѣтъ; право пользованія опредѣлялось часто условіями дара, затѣями завѣщателя (оказывать напр. постоянное предпочтеніе извѣстнымъ призваніямъ, семействамъ или мѣстностямъ), или оно вполнѣ зависѣло отъ коллегій. Нерѣдко — рука руку моетъ, оксфордскіе профессора тоже вѣдь люди, и родственники и близкіе ихъ имѣли частые случаи удостовѣряться въ этомъ на дѣлѣ. Въ тѣхъ же самыхъ отношеніяхъ къ учоной и учащейся публикѣ находились учоныя стипендіи fellowships, которыя можно было давать и на основаніи однихъ надеждъ и ожиданій, и которыя часто, къ сожалѣнію, становились разомъ наградой за короткій трудъ и побужденіемъ къ продолжительной лѣни. Распространивъ свое законодательство на всѣ стипендіи, болѣе ста лѣтъ существующія, парламентъ уничтожилъ всѣ распоряженія завѣщателей, открылъ всѣмъ безъ исключенія конкурсъ къ стипендіямъ, постановивъ общимъ неизмѣннымъ правиломъ, — detur digniori, безъ всякаго вниманія къ бѣдности или богатству состязающихся; назначилъ крайній пятилѣтній срокъ для пользованія этими пособіями, и, считая награду за хорошіе успѣхи менѣе нужною, чѣмъ подачу средствъ учиться какъ можно большему кругу, уменьшилъ число fellowships, прибавивъ на счотъ этихъ суммъ новыя студенческія стипендіи. Такимъ образомъ университетъ, доступный всѣмъ сословіямъ на дѣлѣ, и высокая цѣна, которой стоитъ оксфордская жизнь сама по себѣ (жертва, оправдываемая нѣсколько матеріальными же средствами, которыя доставляетъ впослѣдствіи университетъ лучшимъ изъ своихъ питомцевъ), перестали быть преградой бѣднымъ людямъ къ пріобрѣтенію образованія. Нужны только терпѣніе и талантъ — дары, разумѣется, рѣдкіе; но кого Богъ наградилъ ими, тому люди не станутъ перечить въ употребленіи своихъ талантовъ такъ, чтобъ удвоить ихъ духовнымъ трудомъ.

На этомъ впрочемъ не остановилась реформа. Доселѣ самъ оксфордскій университетъ работаетъ надъ обновленіемъ своего устава, съ цѣлью сохранить или вѣрнѣе возвратить себѣ неоцѣнимое преимущество, составлявшее искони его отличіе и славу, — давать всякому силы подняться наукою и образованностью отъ подошвы общественной іерархіи до самыхъ высшихъ ея степеней.

Смотришь на это вѣковое, диковинное святилище науки, и по неволѣ закрадываются въ сердце печаль и зависть, и думаешь: какъ бы перенять, какъ бы создать у себя такое убѣжище, гдѣ бы можно было работать наукѣ, не смущаясь житейскими заботами; гдѣ бы все было подъ рукой, что нужно труженику и мыслителю, отъ дорогой книги до образованнаго общества; гдѣ бы ничто не

нарушило высокой умственной дѣятельности, и отъ перваго ученаго до послѣдняго поступающаго школьника дышало жаждой знанія и истины. Но что именно перенимать? Исторически ли развившую изъ тьмы среднихъ вѣковъ организацію съ ея устарѣлыми началами и безсмысленными учрежденіями, съ ея атмосферой отжившихъ обрядовъ и засыпающихъ дѣятелей съ ея бывшими наставниками и путеводителями юношества — теперь поурочными репетиторами, съ уединенными кельями, гдѣ прежній шелестъ пергамента замѣнило метаніе картъ, — или огромное достояніе, всѣми сословіями народа и всѣми вѣками его исторіи снесенное какъ въ улей на службу просвѣщенію и наукѣ и переданное представителямъ ея, облеченнымъ властью закона и довѣріемъ общества, для распоряженія этими матеріальными средствами къ самому широкому образованію народа?...

Вспомнимъ, что все богатство оксфодскаго университета пожертвовано ему частными лицами и общинами. Этому ли не подражать? Oratores fiunt, poetae nascuntur! Воспитываются, образуются люди, пламенно ораторствующіе въ пользу прогресса и просвѣщенія, требующіе тѣхъ и другихъ уступокъ и распоряженій, — рождаются поколѣнія, жертвующія трудами рукъ своихъ въ пользу потомства, чтобъ дѣти и внуки имѣли книгу, — по ней же учиться грамотѣ, и кусокъ хлѣба, не стоющій имъ безсонныхъ ночей.

Бѣлинскій, какъ педагогъ.

Кто не знаетъ Бѣлинскаго, какъ критика и дѣятеля общественнаго? Но до сихъ поръ, кажется, не было обращено особеннаго вниманія на его критику дѣтскихъ книгъ. Между тѣмъ въ ней заключается, если не всегда съ полною опредѣленностью, то по крайней мѣрѣ въ краткихъ намекахъ, едва ли не все, что было въ послѣднее время говорено въ нашей литературѣ о воспитаніи, съ тою только разницей, что у него все это выходило какъ то теплѣе, во всемъ этомъ какъ-то болѣе слышался голосъ души, голосъ кровнаго убѣжденія.

Вообще наша критика послѣ Бѣлинскаго не только не сдѣлала шагу впередъ, но напротивъ того попятилась. Здѣсь не мѣсто доказывать это; я имѣю право говорить только объ его рецензіяхъ на дѣтскія книги. Главныя изъ нихъ относятся, правда, къ первой порѣ его дѣятельности — къ 1838 и 1840 г. Этотъ послѣдній годъ по преимуществу ознаменованъ нѣкоторыми мнѣніями, отъ которыхъ впослѣдствіи нашъ критикъ отказывался. Но эти мнѣнія относились собственно къ нѣкоторымъ историческимъ формамъ общественнаго устройства, которыя въ то время онъ превозносилъ, а впослѣдствіи отвергалъ. На педагогической статьѣ Бѣлинскаго 1840 г. нимало не видно вліянія этого рода мнѣній; главному, высказанному въ этой статьѣ, онъ всегда оставался вѣренъ, и на нѣкоторыя позднѣйшія уклоненія въ частности я укажу въ своемъ мѣстѣ. Итакъ обращусь главнымъ образомъ къ этой статьѣ 1840 г., во многомъ служащей только повтореніемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ педагогической статьи Бѣлинскаго 1838 г.

Одно изъ главныхъ отличій Бѣлинскаго составляетъ то, что онъ не стремился *исключительно* разрушать. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ, для которыхъ стѣснительно признавать вообще существованіе общихъ началъ, для которыхъ стѣснительна каждая *истина*, т. е. все, признаваемое не однимъ кѣмъ-нибудь, а многими: имъ не надобно этихъ *идоловъ*

истинъ, — вѣдь они себѣ сами идолы! Напротивъ, Бѣлинскій любилъ разрушать только то, что оказывалось устарѣвшимъ, отжившимъ, негоднымъ, чтобы на мѣсто разрушеннаго сейчасъ же поставить новыя начала, новую истину. Онъ дѣйствовалъ *отрицательно*, чтобы *положительно* подвигать впередъ.

Посмотримъ сперва на отрицательную сторону въ его статьѣ 1840 г. Что, по мнѣнію Бѣлинскаго, дурно, чего не должно быть? «Ребенокъ ѣстъ, говоритъ онъ, что ни попало и сколько хочетъ; что нужды! говорятъ нѣжные родители: вѣдь онъ еще дитя! Ребенокъ мучитъ собаку, или колотитъ двороваго мальчишку; что нужды! восклицаютъ заботливые родители: вѣдь онъ еще дитя! Дѣти ссорятся, кричатъ между собою, и если ихъ крикъ, брань и слезы не мѣшаютъ папенькѣ и маменькѣ соснуть послѣ обѣда, или поговорить съ гостями, — что нужды! вѣдь они дѣти, пусть себѣ ссорятся и кричатъ: выростутъ велики, не будутъ ссориться и кричать! Перебранившись, а иногда и передравшись другъ съ другомъ, дѣти прибѣгаютъ къ отцу и къ матери съ жалобою другъ на друга — и! помилуйте! стоитъ ли разбирать дѣтскія ссоры! Если вы строги, дайте всѣмъ по щелчку, или пересѣките всѣхъ розгами, чтобъ никому не было завидно; если вы добры къ дѣтямъ, или воспитываете ихъ на благородную ногу, — дайте имъ игрушекъ или сластей, да, перецѣловавъ ихъ, вышлите отъ себя, чтобы они опять пошли браниться и драться (Т. 3, стр. 483).» Какая вѣрная, художественная картина! Бѣлинскій не указываетъ прямо причины такого обращенья родителей съ своими дѣтьми, но причина эта такъ и выступаетъ впередъ изъ картины художника-рецензента; очевидно, что почтенныхъ родителей одолѣла *лѣнь* хорошенько вникнуть въ состояніе и поступки своихъ дѣтей: вѣдь оно гораздо короче и легче щелкнуть и посѣчь, или сунуть бомбошку въ ротъ. А до этого что, если животная сторона ребенка, выражающаяся неумѣніемъ подавлять свои чувственныя наклонности, подавляется тутъ еще сильнѣйшимъ развитіемъ чувственности — страхомъ физической боли, или возможностью получить физическое наслажденіе. Но, возставая противъ этого воспитанія или *вскармливанья*, какъ онъ его называетъ, дающаго на просторѣ развиваться грубой чувственности дѣтей, Бѣлинскій, постоянно остерегавшійся всякаго рода крайностей, возстаетъ точно такъ же и противъ той системы, которая стремится все стѣснять и подавлять, и не даетъ свободно развиваться духовной сторонѣ человѣка. «Одно то чего стоитъ, говоритъ онъ, характеризуя эту другую систему, что дитя умѣетъ уже скрывать свои чувства, не хвататься жадно за то, чего жадно желаетъ, не обнаруживать удивленія и радости къ тому, что возбуждаетъ къ немъ удивленіе и радость, словомъ — приличію и тону жертвовать всѣми своими чувствами, даже самыми святыми, самыми человѣческими!... Короче, даже китайскіе мандарины, эти высокіе идеалы и образцы природы искаженной и умершей отъ искусственности, даже китайскіе мандарины ничто предъ этими милыми, благовоспитанными дѣтьми.... И если жизнь человѣческая есть театральная сцена или салонъ, и если «лазаться» есть цѣль человѣческой жизни, то въ этомъ образѣ воспитанія мы нашли норму воспитанія.» (Т. 3, стр. 485.)

Далѣе, размышляя объ обѣихъ крайностяхъ вмѣстѣ, Бѣлинскій спрашиваетъ: «Отчего же это? Да оттого, что на свѣтѣ бездна родителей, множество *papas et mamans*, но мало отцовъ и матерей. Право рожденія — священное право на священное имя отца и матери — противъ этого никто и не споритъ; но не этимъ еще все оканчивается: тутъ человѣкъ еще не выше животнаго: есть высшее право — родительской любви. Да какой же отецъ или какая мать не любитъ своихъ дѣтей? говорите вы. Такъ, но позвольте васъ спросить, что вы называете любовью? Вѣдь и овца любитъ своего ягненка: она кормитъ его своимъ молокомъ и облизываетъ языкомъ; но какъ скоро онъ мѣняетъ ея молоко на злакъ полей — ихъ родственныя отношенія оканчиваются (стр. 488).» «Изъ родства крови и плоти должно развиться родство духа, которое одно прочно, крѣпко, одно истинно и дѣйствительно, одно достойно высокой и благородной человѣческой природы...» «Отецъ любитъ свое дитя, потому что оно его

рожденіе; но онъ долженъ любить его еще какъ будущаго человѣка, котораго Богъ нарекъ сыномъ своимъ и за спасеніе котораго онъ принялъ на крестѣ страданіе и смерть. При самомъ рожденіи отецъ долженъ посвятить свое дитя служенію Богу въ духѣ и истинѣ, — и посвященіе это должно состоять не въ отторженіи его отъ живой дѣйствительности, но въ томъ, чтобы вся жизнь и каждое дѣйствіе его въ жизни были выраженіемъ живой пламенной любви къ истинѣ, въ которой является Богъ...» «Есть отцы, которые любятъ своихъ дѣтей для нихъ самихъ,—и эта любовь выше, истиннѣе, разумнѣе; но при этихъ двухъ родахъ любви есть еще высшая, истиннѣйшая и разумнѣйшая любовь къ дѣтямъ — любовь въ истинѣ, въ Богѣ.» (Стр. 493—495.)

Такимъ образомъ отъ отрицательной стороны Бѣлинскій уже перешелъ къ положительной. Дурное воспитаніе происходитъ отъ недостатка любви: основою хорошаго должна быть любовь. «Всякая власть и всякая сила, говоритъ Бѣлинскій, только въ любви. И потому слово, проникнутое любовію, горитъ огнемъ неотразимаго убѣжденія, и согрѣваетъ теплотою умиленія сердце, услышавшее его, и даетъ ему миръ и счастіе; но слово, лишенное любви, и святыя истины дѣлаетъ холоднымъ и мертвымъ нравоученіемъ, и потому безсильно надъ умомъ и сердцемъ (стр. 492).» Мнѣ могутъ возразить, что въ одной изъ статей своихъ 1844 г. Бѣлинскій отвергаетъ свое прежнее понятіе о силѣ любви, говоря: «Сколько людей, и какъ уже давно, доказали вѣрно и несомнѣнно, что взаимная любовь между людьми есть лучшая гарантія ихъ общей безопасности и благосостоянія; но люди тѣмъ не менѣе не хотятъ согласиться на такую любовь! Я очень радъ, если вслѣдствіе любви меня никто не ограбитъ и не убьетъ на большой дорогѣ, но при отсутствіи строгаго полицейскаго надзора я никакъ не положусь на любовь моихъ ближнихъ... Конечно, естественная любовь матери къ дочери — хорошая порука въ томъ, что мать не выдастъ своей дочери насильно за какого-нибудь негодяя (ибо всякій мужчина, способный насильно жениться, есть негодяй); но все-таки мое сердце меньше обливается кровью при мысли о насильственныхъ бракахъ, когда возможность ихъ уничтожена строгостію ясно и положительно высказанныхъ законовъ.» (Т. 9. стр. 151.) Но отчего же тутъ обливается кровію сердце Бѣлинскаго, если не отъ *любви* къ людямъ? Она-то и заставляетъ его сомнѣваться — не въ силѣ любви, а въ томъ, чтобы въ большинствѣ людей *дѣйствительно* существовала любовь. Она-то хотѣла бы изъ груди Бѣлинскаго перейти въ самое общественное устройство и, такъ сказать, воплотиться въ немъ — чтобы и тѣхъ, которые чужды любви, не допускать до поступковъ, противныхъ любви. «У Жанъ Поля, говоритъ Бѣлинскій въ этой же статьѣ, на всѣ болѣзни одно лекарство и для всѣхъ цѣлей одно средство — *любовь*. Но вѣдь и г-жа Простакова любила же своего Митрофанушку, и Брутъ любилъ своихъ сыновей; любовь одна, а ея характеръ и проявленіе совершенно различны. Что же дало ей это различіе? То, что въ первой есть только смыслъ, но нѣтъ никакой мысли, а во второй, кромѣ смысла, есть еще и мысль. Чтобы развить любовь въ молодомъ сердцѣ, надо заставить его полюбить *что-нибудь*, и это «что-нибудь» должно быть *истиною, мыслію*. Молодыхъ людей, и дома и въ школахъ, учатъ любить правду, ненавидѣть ложь; а когда они вступятъ въ жизнь, ихъ гонятъ за правду, и ихъ правдивость называютъ гордостью, самонадѣянностью, буйствомъ и «вольнодумствомъ» — любимое слово филистеровъ и гофратовъ... Итакъ вопросъ въ томъ, должно ли дѣтей воспитывать такъ, чтобы они могли уживаться съ обществомъ, или должно желать, чтобы общество сдѣлалось способнымъ уживаться съ людьми благовоспитанными (Т. 9. стр. 152)?» Ясно, что тутъ отвергается только та слабенькая, боязливая и сильно отзывающаяся эгоизмомъ любовь, которая готова ужиться со всѣмъ, даже съ явленіями, прямо противными любви, а нимало не опровергается любовь въ ея евангельскомъ смыслѣ, умѣющая, когда нужно, и *мечъ обнажить* и *огонь зажечь*, и способная *душу свою положить за други своя*. Недаромъ Бѣлинскій въ самой послѣдней своей печатной статьѣ съ такимъ оду-

шевленіемъ говорилъ о божественномъ проповѣдникѣ *этой* любви. Не даромъ и въ письмѣ своемъ къ Гоголю онъ умѣлъ отличить отъ христіанства все, что съ нимъ смѣшиваютъ.

Итакъ не противорѣчіе прежнимъ понятіямъ Бѣлинскаго о силѣ любви, а только уточненіе, просвѣтленіе и укрѣпленіе этихъ понятій представляется намъ въ позднѣйшихъ его статьяхъ. Поэтому мы можемъ спокойно возвратиться къ оставленной нами статьѣ 1840 г. Безъ любви, заключаемъ мы изъ нея, воспитаніе невозможно; а потому основное воспитаніе должно быть тамъ, гдѣ всего естественнѣе ожидать любви — въ домѣ родительскомъ «На родителяхъ, на однихъ родителяхъ, говоритъ Бѣлинскій, лежитъ священнѣйшая обязанность сдѣлать своихъ дѣтей человѣками; обязанность же учебныхъ заведеній — сдѣлать ихъ учеными, гражданами, членами государства на всѣхъ его ступеняхъ (Т. 3., стр. 501).» Но въ чемъ же именно будетъ состоять это дѣланіе дѣтей человѣками или воспитаніе? «Назначеніе человѣка, говоритъ Бѣлинскій, — развить лежащее въ его натурѣ зерно духовныхъ средствъ, стать вровень съ самимъ собою; но не въ его волѣ и не въ его силахъ пріобрѣсти трудомъ и усиліемъ сверхъ даннаго ему природою, сдѣлаться выше самого себя, равно какъ и быть не тѣмъ, чѣмъ ему назначено быть, какъ напримѣръ, художникомъ, когда онъ родился быть мыслителемъ, и т. д. И вотъ здѣсь воспитаніе получаетъ свое истинное и великое значеніе. Животное, родившись отъ льва и львицы, дѣлается львомъ безъ всякихъ стараній и усилій съ своей стороны, безъ всякаго вліянія счастливаго стеченія обстоятельствъ; но человѣкъ, родившись не только львомъ или тигромъ, даже человѣкомъ въ полномъ значеніи этого слова, можетъ сдѣлаться и волкомъ, и осломъ, и чѣмъ угодно (Т. 3 стр. 502).» «Разумное воспитаніе и злаго по натурѣ дѣлаетъ или менѣе злымъ, или даже и добрымъ, развиваетъ до извѣстной степени самыя тупыя способности и по возможности очеловѣчиваетъ самую ограниченную и мелкую натуру (стр. 503).» «Люди бездарные, ни къ чему не способные, тупоумные, суть такое же исключеніе изъ общаго правила, какъ уроды, и ихъ такъ же не мало, какъ и уродовъ. Множество же ихъ происходитъ отъ двухъ причинъ, въ которыхъ природа нисколько не виновата: отъ дурнаго воспитанія и вообще ложнаго развитія, и еще оттого, что рѣдко случается видѣть человѣка на своей дорогѣ и на своемъ мѣстѣ...» «Если бы возможно было равное для всѣхъ нормальное воспитаніе, — число обиженныхъ природою такъ ограничилось бы, что дѣйствительно обиженные ею прямо поступали бы въ кунсткамеру въ банки со спиртомъ (стр. 506).»

Изъ этого слѣдуетъ, что человѣческая природа даетъ все только *въ возможности*, въ зернѣ, растительная сила котораго должна быть вызвана воспитаніемъ. Нельзя предоставить самой природѣ вести человѣка; она или поведетъ его очень не далеко, или заведетъ туда, куда бы не слѣдовало. Самая животная природа человѣка, и та не можетъ быть вполнѣ предоставлена животнымъ инстинктамъ; попробуйте слѣдовать мудрому правилу, что *чего хочется, то и хорошо*, хотя бы только въ пищѣ и питьѣ — и вы можете придти съ этимъ правиломъ къ совершенному разстройству здоровья; ибо и медицина доказываетъ, что намъ часто именно того-то и хочется, что намъ вредно. Такимъ образомъ и *физическій человѣкъ*, для своего здоровья, нуждается въ *человѣкѣ нравственномъ*, который способенъ *умомъ* сознавать то, что хорошо, а *волею* уклоняться отъ того, что дурно, хотя бы оно и нравилось. Тѣмъ болѣе *весь* человѣкъ не можетъ быть предоставленъ влеченьямъ своей природы; въ дѣтствѣ онъ нуждается въ сознательномъ и умышленномъ дѣйствіи на него воспитателя, пробуждающаго растительную жизнь заключеннаго въ немъ зерна, — но именно только пробуждающаго въ немъ то, что есть, а иное и подавляющаго, но ничего не навязывающаго ему насильно. «Воспитаніе, чтобы было жизнію, а не смертію, говоритъ Бѣлинскій, спасеніемъ, а не гибелью, должно отказаться отъ всякихъ претензій своевольной и искусственной самодѣятельности. Оно должно быть помощникомъ природѣ — не больше. Обыкновенно думаютъ, что душа младенца есть бѣлая доска, на которой можно писать, что

угодно, забывая, что каждый человѣкъ есть индивидуальная личность, которая можетъ дѣлаться и хуже и лучше — только по своему, индивидуально (стр. 505).» «Посредствомъ прививки и дикую лѣсную яблоню можно заставить, вмѣсто кислыхъ и маленькихъ яблокъ, давать яблоки садовыя, вкусныя и большія; но тщетны были бы всѣ усилія искусства заставить дубъ приносить яблоки, а яблоню — жолуди. А въ этомъ-то именно и заключается по большей части ошибка воспитанія: забываютъ о природѣ, дающей ребенку наклонности и способности и опредѣляющей его значеніе въ жизни, и думаютъ, что было бы только дерево, а то можно заставить его приносить что угодно, хотя арбузы, вмѣсто орѣховъ (стр. 506).» Такимъ образомъ Бѣлинскій со всею отчотливостью сознаетъ тутъ необходимость, чтобы воспитатель сообразовался съ личностью воспитываемаго.

Но для этого опять нужно что? *Любовь*, та же любовь, изъ многообъемлющаго круга которой не выходитъ Бѣлинскій; та настоящая, дѣятельная любовь, которой не лѣнь изучить натуру ребенка. «Вопреки законамъ природы и духа, вопреки условіямъ развивающейся личности, отецъ хочетъ, чтобы его дѣти смотрѣли и видѣли не своими, а его глазами, — преслѣдуетъ и убиваетъ въ нихъ всякую самостоятельность ума, всякую самостоятельность воли, какъ нарушеніе сыновняго уваженія, какъ возстаніе противъ родительской власти; и бѣдныя дѣти не смѣютъ при немъ рта разинуть, въ нихъ убита энергія, воля, характеръ, жизнь, они дѣлаются почтительными статуями, заражаются рабскими пороками — хитростію, лукавствомъ, скрытностію, лгутъ, обманываютъ, вывертываются (стр. 495 и 496).»

Въ подобныхъ родителяхъ, разумѣется, нѣтъ настоящей любви, ибо такая любовь стремится въ отвѣтъ себѣ вызвать также любовь, а подобные родители заботятся только объ уваженіи, льстящемъ ихъ самолюбію. «Родители должны быть уважаемы дѣтьми, говоритъ Бѣлинскій; но уваженіе дѣтей должно проистекать изъ любви, быть ея результатомъ, какъ свободная дань ихъ превосходству, безъ требованія получаемая. Ничто такъ ужасно не дѣйствуетъ на юную душу, какъ холодность и важность, съ которыми принимается горячее изліяніе ея чувства; ничто не обливаетъ ее такимъ умерщвляющимъ холодомъ, какъ благоразумные совѣты и наставленія, тамъ, гдѣ ожидаетъ она сочувствія...» «Открытая душа младенца или юноши — свѣтлый ручей, отражающій въ себѣ чистое и ясное небо; запертая въ самой себѣ, она — мрачная бездна, въ которой гнѣздятся нетопыри и жабы... Если же не это, можетъ случиться другое: индивидуальность человѣческая, по своей природѣ, не терпитъ отчужденія и одиночества, жаждетъ сочувствія и довѣренности подобныхъ себѣ, — и дѣти сдружаются между собою, составляютъ родъ общества, имѣющаго свои тайны, общими и соединенными силами скрываемыя, что никогда до добра не доводитъ. Это бываетъ еще опаснѣе, когда друзья избираются между чужими, и тѣмъ болѣе, когда избранный другъ старше избравшаго; онъ беретъ надъ нимъ верхъ, пріобрѣтаетъ у него авторитетъ и передаетъ ему всѣ свои наклонности и привычки, — что же, если онѣ дурны и порочны?» (Но уже во всякомъ случаѣ тутъ дурно то, что при авторитетѣ одного подавляется самостоятельность, подавляется личная природа другого.) «Нѣтъ, первое условіе разумной родительской любви — владѣть полною довѣренностію дѣтей, и счастливы дѣти, когда для нихъ открыта родительская грудь и объятія, которыя всегда готовы принять ихъ, и правыхъ и виноватыхъ, и въ которыя они всегда могутъ броситься безъ страха и сомнѣнія!» (Стр. 497 и 498.) Да, только въ такомъ случаѣ личность ребенка можетъ во всей своей откровенной цѣлости обнажиться передъ родителями, и только послѣ этого могутъ быть приняты настоящія мѣры противъ того, что окажется болѣзненнымъ въ этой личности.

Какія же это будутъ мѣры? Опять основанныя исключительно на любви. «При такомъ воспитаніи, говоритъ Бѣлинскій, совершенно безполезны всякаго рода унизительныя для человѣческаго достоинства наказанія, подавляющія въ дѣтяхъ благородную свободу духа, уваженіе къ самимъ себѣ, и растлѣвающія ихъ

сердца подлыми чувствами униженія, страха, скрытности и лукавства? Суровый взглядъ, холодно-вѣжливое обращеніе, косвенный упрекъ, деликатный намекъ, и уже много-много, если отказъ въ прогулкѣ съ собою, въ участіи слушать повѣсть или сказку, которую будетъ читать или разсказывать отецъ или мать, наконецъ, арестъ въ комнатѣ — вотъ наказанія, которыя, будучи употреблены соразмѣрно съ виною, произведутъ и сознаніе, и раскаяніе, и слезы, и исправленіе. Нѣжная душа доступна всякому впечатлѣнію, даже самому легкому: у ней есть тонкій инстинктъ, по которому она сама догадывается о неловкости своего положенія, если подала къ нему поводъ; душа грубая, привыкшая къ сильнымъ наказаніямъ, ожесточается, черствѣетъ, мозолится, дѣлается безстыдно-безсовѣстною, — и ей уже скоро ни по чемъ всякое наказаніе (стр. 499).» Нѣтъ сомнѣнія, что послѣ Бѣлинскаго было несравненно болѣе *говорено* противъ тѣлесныхъ наказаній, и притомъ говорено съ озлобленіемъ; но едва ли было съ большею ясностію *сказано* о томъ, что дѣлаетъ эти наказанія и безполезными и невозможными — о значеніи любви, какъ *положительнаго* педагогическаго орудія.

Если «орудіемъ и посредникомъ воспитанія», по понятію Бѣлинскаго, должна быть *любовь*, то *цѣлью* его должна быть *человѣчность* (die Humanität). «Мы разумѣемъ здѣсь, говоритъ онъ, первоначальное воспитаніе, которое важнѣе всего. Всякое частное или исключительное направленіе, имѣющее опредѣленную цѣль въ какой-нибудь сторонѣ общественности, можетъ имѣть мѣсто только въ дальнѣйшемъ, окончательномъ воспитаніи. Первоначальное же воспитаніе должно видѣть въ дитяти не чиновника, не поэта, не ремесленника, но человѣка, который могъ бы впослѣдствіи быть тѣмъ или другимъ, не переставая быть человѣкомъ (стр. 507).» Вотъ опять въ сжатыхъ словахъ все то, что было у насъ впослѣдствіи говорено о необходимости *общаго* образованія прежде *спеціальнаго*. Но что разумѣетъ Бѣлинскій подъ словомъ *Humanität*? «Подъ человѣчностью мы разумѣемъ, говоритъ онъ, живое соединеніе въ одномъ лицѣ тѣхъ общихъ элементовъ духа, которое равно необходимо для всякаго человѣка, какой бы онъ ни былъ націи, какого бы онъ ни былъ званія, состоянія, въ какомъ бы возрастѣ жизни и при какихъ бы обстоятельствахъ ни находился, — тѣхъ общихъ элементовъ, которые должны составлять его внутреннюю жизнь, его драгоцѣннѣйшее сокровище, и безъ которыхъ онъ не человѣкъ. Подъ этими общими элементами духа мы разумѣемъ — доступность всякому человѣческому чувству, всякой человѣческой мысли, смотря по глубокости натуры и степени образованія каждаго (стр. 507).» Далѣе, чтобы представить вполнѣ ничему не уступающую, вѣчно свѣжую силу человѣчности, Бѣлинскій говоритъ о старцѣ, въ которомъ можно встрѣтить «теплое чувство, не подавленное временемъ годовъ и желѣзными заботами жизни, любовь и снисхожденіе къ юности, къ ея вѣтреннымъ забавамъ, ея шумной радости, ея мечтамъ, и грустнымъ и свѣтлымъ, и пламеннымъ и гордымъ! Какъ отрадно увидѣть на его устахъ кроткую улыбку удовольствія, чистую слезу умиленія отъ пѣсни, отъ стихотворенія, отъ повѣсти!... О, станьте на колѣни, говоритъ онъ, передъ такимъ старикомъ, почтите за честь и счастіе его ласковый привѣтъ, его дружеское пожатіе руки: въ немъ есть человѣчность! Онъ въ милліонъ разъ лучше этихъ сомнѣвающихся и разочарованныхъ юношей, которые увяли не разцвѣтши, этихъ почтенныхъ лысинъ и сѣдинъ, которыя рутиною хотятъ замѣнить умъ и дарованія, холоднымъ резонёрствомъ теплое чувство, внѣшнимъ и заимствованнымъ блескомъ отличій внутреннюю пустоту и ничтожность, а важными и строгими разсужденіями о нравственности — сухость и мертвенность своихъ деревянныхъ сердецъ!» (Стр. 508 и 509.)

Опредѣливъ *человѣчность* (Humanität) совокупностью тѣхъ элементовъ духа, которые равно необходимы для всякаго человѣка, Бѣлинскій нѣсколько далѣе указываетъ на тѣ изъ этихъ элементовъ духа, которые прежде всего должны быть развиты въ дѣтяхъ — на чувство любви и чувство безконечнаго.

«Чувство, говоритъ онъ, предшествуетъ знанію; кто не почувствовалъ исти-

ны, тотъ и не понялъ, и не узналъ ея. Въ дѣтскомъ возрастѣ чувство и разсудокъ въ рѣшительной противоположности, въ рѣшительной враждѣ, и одно убиваетъ другое: преимущественное развитіе чувства даетъ имъ полноту, гармонію и поэзію жизни, преимущественное развитіе разсудка губитъ въ ихъ сердцѣ пышный цвѣтъ чувства и выращаетъ въ нихъ порей и бѣлену резонёрства.» (Т. 3. стр. 515.) «Если несносенъ взрослый человѣкъ, который все великое въ жизни мѣряетъ маленькимъ аршиномъ своего разсудка, и о религіи, искусствѣ и знаніи разсуждаетъ, какъ о посѣвѣ хлѣба, паровыхъ машинахъ или выгодной партіи, то еще отвратительнѣе ребенокъ резонёръ, который «разсуждаетъ», потому что еще не можетъ мыслить. Резонёрство изсушаетъ въ дѣтяхъ источники жизни, любви, благодати; оно дѣлаетъ ихъ молоденькими старичками, становитъ на ходули. Дѣтскія книжки часто развиваютъ въ нихъ эту несчастную способность резонёрства, вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать ея возникновенію и развитію. Чѣмъ обыкновенно отличаются, на примѣръ, повѣсти для дѣтей? дурно склеённымъ разсказомъ, пересыпаннымъ моральными сентенціями... Тутъ обыкновенно хлопочатъ изъ всѣхъ силъ, чтобы убить въ дѣтяхъ всякую живость, рѣзвость и шаловливость, которыя составляютъ необходимое условіе юнаго возраста, вмѣсто того, чтобы стараться дать имъ хорошее направленіе и сообщать характеръ доброты, откровенности и граціозности. Потомъ стараются пріучить дѣтей обдумывать и взвѣшивать всякій свой поступокъ, словомъ, сдѣлать ихъ благоразумными резонёрами, которые годятся только для классической комедіи или трагедіи; а не думаютъ о томъ, что все дѣло во внутреннемъ источникѣ духа, что если онъ полонъ любовію и благодатію, то и внѣшность будетъ хороша, и что, наконецъ, нѣтъ ничего отвратительнѣе, какъ мальчишка-резонёръ, свысока разсуждающій о морали, заложивъ руки въ карманъ.» (Стр. 517.) «Пишите, пишите для дѣтей, но только такъ, чтобы вашу книгу съ удовольствіемъ прочелъ и взрослый и, прочтя, перенесся бы легкою мечтою въ свѣтлые годы своего младенчества. Главное дѣло — какъ можно меньше сентенцій, нравоученій и резонёрства: ихъ не любятъ и взрослые, а дѣти просто ненавидятъ, какъ и все, наводящее скуку, все сухое и мертвое. Они хотятъ видѣть въ васъ друга, который забывался бы съ ними до того, что самъ становился бы младенцемъ, а не угрюмаго наставника; требуютъ отъ васъ наслажденія, а не скуки, разсказовъ, а не поученій. Дитя веселое, доброе, живое, рѣзвое, жадное до впечатлѣній, страстное къ разсказамъ, не столько чувствительное, сколько чувствующее — такое дитя есть дитя Божіе, въ немъ играетъ юная, благодатная жизнь, и надъ нимъ почіетъ благословеніе Божіе. Пусть дитя шалитъ и проказитъ, лишь бы его шалости и проказы не были вредны и не носили на себѣ отпечатка физическаго и нравственнаго цинизма; пусть оно будетъ безразсудно, опрометчиво — лишь бы оно не было глупо и тупо; мертвенность же и безжизненность хуже всего. Но ребенокъ разсуждающій, ребенокъ благоразумный, ребенокъ резонёръ, ребенокъ, который всегда остороженъ, никогда не сдѣлаетъ шалости, со всѣмъ ласковъ, вѣжливъ, предупредителенъ, — и все это по расчету... горе вамъ, если вы сдѣлали его такимъ! Вы убили въ немъ чувство и развили разсудокъ; заглушили въ немъ благодатное сѣмя безсознательной любви и возрастили — резонёрство... Бѣдныя дѣти, сохрани васъ Богъ отъ оспы, кори и сочиненій Беркена, Жанлисъ и Бульи.» (Стр. 519 и 520.)

Посмотрите, какъ въ этихъ теплыхъ, задушевныхъ словахъ совершенно особенное *положительное* значеніе соединяется со всѣмъ тѣмъ, что было послѣ Бѣлинскаго чисто-*отрицательнымъ* образомъ говорено у насъ противъ сухого моральничанья и противъ подавленія дѣтской свободы: тутъ не только указывается то, чего *не надо*, но и *почему* не надо, и что *должно бы быть*. Далѣе, переходя къ частностямъ дѣтскаго образованія, Бѣлинскій прежде всего указываетъ на то, что чрезъ посредство чувства должна сообщаться дѣтямъ религія. «Не пускайтесь съ ними, говоритъ Бѣлинскій, въ діалектическія тонкости философскихъ опредѣленій, а старайтесь больше заставить дѣтей полюбить Бога,

который является имъ и въ ясной лазури неба, и въ ослѣпительномъ блескѣ солнца, и въ торжественномъ великолѣпіи возстающаго дня, и въ задумчивомъ величіи наступающей ночи, и въ ревѣ бури, и въ раскатахъ грома, и въ цвѣтахъ радуги, и въ зелени лѣсовъ, и въ журчаніи ручья, и въ шумѣ моря, и во всемъ, что есть въ природѣ живого, такъ безмолвно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ краснорѣчиво говорящаго душѣ юной и свѣжей, и наконецъ во всякомъ благородномъ порывѣ, во всякомъ движеніи ихъ младенческаго сердца. Не разсуждайте съ дѣтьми о томъ только, какое наказаніе полагаетъ Богъ за такой-то грѣхъ; но учите ихъ смотрѣть на Бога, какъ на отца, безконечно любящаго своихъ дѣтей, которыхъ Онъ создалъ для блаженства и которыхъ блаженство Онъ искупилъ мученіемъ и смертію на крестѣ. Внушайте дѣтямъ страхъ Божій, какъ начало премудрости; но дѣлайте такъ, чтобъ этотъ страхъ вытекалъ изъ любви же, и чтобы не рабскій ужасъ наказанія, а сыновняя боязнь оскорбить отца благого и любящаго, а не грознаго и мстящаго, производило этотъ страхъ, и чтобы не лишеніе земныхъ благъ, а отвращеніе отъ виновныхъ лица отчаго почитали они наказаніемъ. Обращайте ваше вниманіе не столько на истребленіе недостатковъ и пороковъ въ дѣтяхъ, сколько на наполненіе ихъ животворящею любовью; будетъ любовь — не будетъ пороковъ. Истребленіе дурнаго безъ наполненія хорошимъ безплодно; это производитъ пустоту, а пустота безпрестанно наполняется пустотою же: выгоните одну, явится другая. Любви, безконечной любви! все остальное ничтожно!» (Стр. 524 и 525.)

Точно такимъ же образомъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, и при преподаваніи другихъ предметовъ надобно дѣйствовать не на разсудокъ ребенка, а на все существо и преимущественно на его чувство. «Здѣсь, говоритъ онъ, одна цѣль — знакомство не съ фактами, а съ тѣмъ, такъ сказать, букетомъ жизни и духа, который скрывается въ нихъ и составляетъ ихъ сущность и значеніе... Для дѣтей предметы тѣ же, что и для взрослыхъ; только ихъ должно излагать сообразно съ дѣтскимъ понятіемъ, а въ этомъ-то и заключается одна изъ важнѣйшихъ сторонъ этого дѣла! Какіе богатые матеріалы представляетъ одна исторія. Показать душѣ юной, чистой и свѣжей примѣры высокихъ дѣйствій представителей человѣчества, дѣйствительность добра и призрачность зла — не значитъ ли возвысить ее?... [1]) Провести дѣтей по всѣмъ тремъ царствамъ природы, пройти съ ними по всему земному шару, съ его многолюднымъ населеніемъ и обширными пустынями, съ его сушею и океанами, показать имъ Божій міръ въ картинѣ человѣческихъ племенъ и обществъ, съ ихъ нравами и обычаями, съ ихъ понятіями и вѣрованіями, — не значитъ ли это показать имъ Творца въ Его твореніи, заставить ихъ возлюбить Его и возблаженствовать этою любовію?... Но для этого надо одушевить для нихъ весь міръ и всю природу, заставить говорить языкомъ любви и жизни и нѣмой камень, и полевую былинву, и журчащій ручей, и тихо вѣющій вѣтеръ, и порхающую по цвѣтамъ бабочку... Надо дать дѣтямъ почувствовать, что все это безконечное разнообразіе имѣетъ единую душу, живетъ одною жизнію, и что жизнь природы является не только подъ тропиками, но и у полюсовъ, не только на землѣ, но и въ нѣдрахъ ея.» (Стр. 526 и 527.) Но главное, что должно сообщаться ихъ чувству всѣмъ вообще ходомъ преподаванія и воспитанія, это, какъ говоритъ Бѣлинскій, «уваженіе къ имени человѣческому, безконечная любовь къ человѣку за то только, что онъ человѣкъ, безъ всякихъ отношеній къ своей личности и въ его національности, вѣрѣ или званію, даже личному его достоинству или недостоинству, словомъ, безконечная любовь и безконечное уваженіе къ человѣчеству даже въ

[1]) Когда Бѣлинскій писалъ эту статью, онъ былъ еще рѣшительно подъ вліяніемъ Гегеля. Зло въ исторіи далеко не такъ призрачно, какъ является оно въ системѣ геніальнаго философа. Благодаря этому будто бы призрачному злу, каждый шагъ человѣчества впередъ покупается неимовѣрною потерею крови и пота. Но исторіи, чтобы дѣйствовать на нравственное чувство, нѣтъ надобности представлять зло призрачнымъ; преподаватель ея можетъ, не смотря на дѣйствительную силу зла, или, лучше сказать, именно вслѣдствіе ея, поселять тѣмъ большее къ нему отвращеніе, и тѣмъ большее сочувствіе къ тѣмъ поборникамъ добра, которые не хотятъ уступать злу, не смотря на всю его силу.

лицѣ послѣднѣйшаго изъ его членовъ (die Menschlichkeit).» (Стр. 525.)

Итакъ вотъ какимъ образомъ должно развиваться въ ребенкѣ чувство любви. Но Бѣлинскій, какъ мы видѣли, находилъ также необходимымъ и развитіе *чувства безконечнаго*. Въ сущности оно оказывается очень близкимъ къ чувству любви. «Основу, сущность, элементъ высшей жизни въ человѣкѣ составляетъ его внутреннее чувство безконечнаго, которое, какъ чувство, лежитъ въ его организаціи. Чувство безконечнаго есть искра Божія: зерно любви и благодати, живой проводникъ между человѣкомъ и Богомъ. Степени этого чувства различны въ людяхъ... но мѣрою глубины этого чувства измѣряется достоинство человѣка и близость его къ источнику жизни — къ Богу. Все человѣческое знаніе должно быть выговариваніемъ, переведеніемъ въ понятія, опредѣленіемъ, короче, сознаніемъ таинственныхъ проявленій этого чувства, безъ котораго поэтому всѣ наши понятія и опредѣленія суть слова безъ смысла, форма безъ содержанія, сухая, безплодная и мертвая отвлеченность. Безъ чувства безконечнаго въ человѣкѣ не можетъ быть и внутренняго, духовнаго содержанія истины, которое, какъ на фундаментѣ, основывается на чувствѣ безконечнаго. Это чувство есть даръ природы, результатъ счастливой организаціи, и потому оно свойственно и дѣтямъ, въ которыхъ лежитъ какъ зародышъ, — и развитія этого-то зародыша требуемъ мы отъ воспитанія и дѣтской литературы.» (Стр. 520 и 521.)

Эти слова Бѣлинскаго покажутся многимъ туманными и отвлеченными — потому что мы вообще не привыкли размышлять о внутреннемъ, сокровенномъ мірѣ своей души, и потому что воспитаніе наше мало развиваетъ въ насъ это чувство безконечнаго, которое хотя и дается природой, но, какъ все въ человѣкѣ, должно быть еще развиваемо. Недостаткомъ развитія въ насъ этого чуства, между прочимъ, объясняется эгоистическое направленіе нашего общества и отсутствіе въ немъ нравственныхъ силъ. Только чувствомъ безконечнаго человѣкъ изъ исключительнаго пребыванія въ тѣсномъ кругѣ собственно своей личности, сво-его конечнаго *я* — выводится на широкій просторъ сочувствія другимъ человѣческимъ личностямъ, сочуствія, которое связываетъ насъ сперва съ самыми близскими къ нашему кругу личностями, потомъ съ великою собирателною личностію нашего родного народа, потомъ, все болѣе и болѣе расширяя узы родства, связываетъ насъ и со *всѣми* народами, съ еще болѣе широкою собирательною личностію человѣчества, наконецъ увлекаетъ насъ въ рѣшительно безконечную даль всего будущаго развитія человѣчества, и мало по малу дѣлаетъ необходимымъ для насъ самихъ, для нашего личнаго довольства, для нашего нормальнаго состоянія — это пребываніе въ связи съ цѣлымъ, эту задушевную увѣренность въ безконечномъ развитіи, предстоящемъ еще человѣчеству. Только чувство безконечнаго заставляетъ насъ сочувственными глазами глядѣть и на всю окружающую насъ природу, видѣть въ ней не одну богатую кладовую отдѣльныхъ вещей, насущно-полезныхъ Ивану или Петру, но и внутреннюю, всеобъемлющую жизнь, соотвѣтствующую нашей общей внутренней жизни, ибо и въ окружающей насъ природѣ каждое отдѣльное явленіе живетъ не только для себя самого, но также живетъ для цѣлаго и живетъ въ цѣломъ. Это чувство безконечнаго заставляетъ насъ наконецъ ощутить, что вся окружающая насъ природа и мы вмѣстѣ съ нею соединяемся въ одно всеобъемлющее единство всеобщихъ и вѣчныхъ законовъ, обнимаемся однимъ пребывающимъ въ нихъ безконечнымъ существомъ. Это святое, истинно-религіозное чувство въ самомъ дѣлѣ не только не встрѣчаетъ противорѣчія въ наукѣ, — но она, какъ говоритъ Бѣлинскій, только опредѣлительно выговариваетъ, только переводитъ въ понятія таинственныя внушенія этого чувства, — ибо только *сборники свѣдѣній* останавливаются на отдѣльномъ, отрывочномъ, на *конечномъ*, а *наука*, какъ систематическое, т. е. *связное цѣлое*, всегда доходитъ до усмотрѣнія въ отдѣльныхъ конечныхъ явленіяхъ ихъ общихъ и вѣчныхъ законовъ, т. е. до *безконечнаго*. Но это живущее въ насъ великое чувство, этотъ «живой проводникъ между человѣкомъ и Богомъ», какъ называетъ его Бѣлинскій, — даетъ намъ ощутить

въ насъ самихъ еще особое отраженіе безконечнаго существа; это чувство дѣлаетъ для насъ недостаточнымъ и неудовлетворительнымъ весь окружающій насъ необъятный міръ; оно заставляетъ насъ тосковать среди всѣхъ его радостей, оно заставляетъ насъ ощутить, что весь существующій въ немъ избытокъ жизни, наслажденія, красоты только кажется безконечнымъ, что дѣйствительно безконеченъ только нашъ внутренній, не удовлетворяющійся ничѣмъ идеальный міръ, что дѣйствительно-безконечны только тѣ идеальныя требованія, которыя мы принесли съ собою на свѣтъ, только та идеальнаго свойства программа, съ которою явились мы на зрѣлище жизни, рѣшительно не могущей удовлетворить ожиданіямъ, вызваннымъ этой программой. Но она дана намъ не даромъ, она не напрасно вписана въ нашу душу: эта программа должна мало по малу осуществляться въ исторіи; сравненіе того, что уже осуществлено, съ тѣмъ, что еще заключается въ безконечномъ содержаніи этой программы, какъ предначертаніе, какъ задача, служитъ двигателемъ человѣчества на пути прогресса; много изъ этой программы, только отчасти осуществленное исторической дѣйствительстьстью, достигаетъ полнѣйшаго и совершеннѣйшаго осуществленія въ поэзіи — въ поэтическихъ идеалахъ народовъ, такимъ образомъ также служащихъ одушевляющею, путеводною звѣздою на пути прогреса. Только въ обществѣ, стремящемся къ идеалу, только въ обществѣ, сознающемъ въ своей груди существованіе глубоко-внутренняго, возносящагося надъ всѣмъ даннымъ въ дѣйствительности идеальнаго міра, — только въ подобномъ обществѣ возможенъ прогресъ. Потому-то идеализмъ составляетъ основу настоящаго человѣческаго воспитанія, потому-то воспитаніе, не развивающее въ дѣтяхъ даннаго имъ въ зародышѣ идеальнаго міра, выражающагося чувствомъ безконечнаго, есть воспитаніе въ человѣческомъ обществѣ — животныхъ, а не людей. Не даромъ тотъ, кто, если не ошибаюсь, первый высказалъ у насъ столько горячихъ мыслей о воспитаніи, мыслей, вполнѣ подтверждаемыхъ, какъ мы могли уже замѣтить педагогическою наукой, не даромъ нашъ благородный Бѣлинскій былъ вскормленъ идеализмомъ. И если онъ впослѣдствіи, не имѣя достаточнаго образованія, чтобы оградиться отъ напиравшаго на него вліянія, считающаго себя новымъ, а на самомъ дѣлѣ престараго, только снова вошедшаго въ моду, какъ рококо, направленія, нѣсколько поколебался въ своемъ идеализмѣ, — хотя во многихъ отношеніяхъ этотъ идеализмъ, прирожденный го природѣ, блистательнымъ образомъ высказывался въ немъ до конца, — если, и это уже безъ сомнѣнія, идеализмъ рѣшительно поколебался у насъ послѣ Бѣлинскаго: то этого нельзя считать болѣе какъ только переходною ступенью, кризисомъ, порою прохожденія идеализма сквозь горнило сомнѣнія, изъ котораго онъ не можетъ не выйти въ новомъ, очищенномъ отъ всякой суевѣрной примѣси и своею настоящею красотой торжествующемъ видѣ. И въ педагогической литературѣ, кажется мнѣ, прежде чѣмъ гдѣ-либо, должно будетъ начаться у насъ возрожденіе идеализма. Я полагаю, что если большая часть того, что было у насъ — не вновь сказано послѣ Бѣлинскаго, а только служило, хотя и неумышленнымъ образомъ, повтореніемъ сказаннаго уже имъ, оказывается лишоннымъ той теплоты и задушевной убѣдительности, какую видѣли мы у него: то это собственно потому, что послѣ него все это представлялось чѣмъ-то отрывочнымъ, не имѣющимъ глубокаго основанія, лишоннымъ своего настоящаго корня — идеализма. Дѣйствительно, все это и необходимость домашняго воспитанія, и необходимость общечеловѣческихъ элементовъ прежде спеціальности, и вредъ наказаній тѣлесныхъ, и вредъ поощрительныхъ мѣръ, а болѣе всего, самая идея воспитанія, какъ сознательнаго дѣйствія на ребенка со стороны воспитателя для развитія въ немъ того, что само собой инстинктивно, т. е. животно, никогда бы не развилось вполнѣ, какъ такого дѣйствія со стороны воспитателя, которое имѣетъ въ виду мало по малу довести воспитанника до способности къ дальнѣйшему самовоспитанію силою собственной воли и собственнаго сознанія, — все это настоящій свой смыслъ и настоящее объясненіе получаетъ только въ *идеальномъ* взглядѣ на человѣка, во взлядѣ на него какъ на существо, въ которомъ внутрен-

нiй, идеальный мiръ и можетъ, и долженъ господствовать.

У Бѣлинскаго, какъ мы видѣли, главная цѣль воспитанiя — развитiе двухъ основныхъ элементовъ идеальнаго мiра: чувства любви и чувства безконечнаго. Для развитiя послѣдняго считаетъ оно особенно важною музыку. «Это искусство, не выговаривающее опредѣленнъ никакой мысли, есть какъ бы отрѣшившаяся отъ мiра гармонiя мiра, чувство безконечнаго, воплотившееся въ звуки, возбуждающее въ душѣ могучiе порывы и стремленiе къ безконечному, возносящееся въ ту превыспреннюю, надзвѣздную сферу высокихъ помысловъ и блаженнаго удовлетворенiя, которая есть свѣтлая отчизна живущихъ долу... Влiянiе музыки на дѣтей благодатно, и чѣмъ ранѣе начнутъ они испытывать его на себѣ, тѣмъ лучше для нихъ.» (Т. 3, стр. 510 и 511.) Точно такъ же необходимымъ считаетъ Бѣлинскiй знакомить дѣтей и вообще съ изящнымъ. «Въ дѣтяхъ, говоритъ онъ, съ самыхъ раннихъ лѣтъ должно развивать чувство изящнаго, какъ одинъ изъ первѣйшихъ элементовъ человѣчности; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы имъ можно было давать въ руки романы, стихотворенiя и пр. (Бѣлинскiй, очевидно, разумѣетъ тутъ даванiе *всякихъ* стихотворенiй, даванiе ихъ безъ разбору; это видно изъ связи со всѣмъ остальнымъ). Нѣтъ ничего столь вреднаго и опаснаго, какъ неестественное и несвоевременное развитiе духа. Дитя должно быть дитятею, но не юношею, не взрослымъ человѣкомъ. Первыя впечатлѣнiя сильны, — и плодомъ неразборчиваго чтенiя будетъ преждевременная мечтательность, пустая и ложная идеальность, отвращенiе отъ доброй и здоровой дѣятельности, наклонность къ такимъ чувствамъ и положенiямъ въ жизни, которыя несвойственны дѣтскому возрасту.» (Т. 3, стр. 509 и 510). Считая вредною преждевременную мечтательность, Бѣлинскiй считаетъ однако же необходимымъ развивать въ дѣтяхъ фантазiю. «Фантастическое, говоритъ онъ, есть предчувствiе таинства жизни, противоположный полюсъ пошлой разсудочной ясности и опредѣленности, которая въ жизни видитъ математику, индустрiяльность, или сытный обѣдъ съ трюфлями и шампанскимъ. Фантастическое есть одинъ изъ необходимѣйшихъ элементовъ богатой натуры, для которой счастiе только во внутренней жизни; слѣдственно его развитiе необходимо для юной души... Но оно вмѣстѣ съ тѣмъ бываетъ и губителемъ его, односторонне увлекая его въ сферу призраковъ и мечтанiй и отрывая отъ живой и полной дѣйствительности» (стр. 528). Впослѣдствiи, несравненно позже, въ 1847 г., увлекаясь сознанiемъ этого вреда отъ чрезмѣрно развитой фантазiи, Бѣлинскiй дошелъ до отверженiя фантастическаго вообще. «Фантастическое, говоритъ онъ, въ своемъ обзорѣ «Р. Литературы 1846 г.»: въ наше время можетъ имѣть мѣсто только въ домахъ умалишенныхъ, а не въ литературѣ, и находиться въ завѣдыванiи врачей, а не поэтовъ.» (Современ. 1847 г., № 1, Р. Л. въ 1846 г., стр. 37.) Справедливъ ли этотъ новый взглядъ? Это стоитъ основательнаго размышленiя.

Очевидно, что Бѣлинскiй считалъ фантастическое полезнымъ, видя въ немъ вѣрное средство выводить дѣтей изъ тѣснаго круга повседневности, не допускать ихъ до того довольства насущно-полезнымъ и обыкновеннымъ, которое можетъ наконецъ довести до рѣшительнаго застоя. Но достаточнымъ средствомъ для этого можетъ служить разумное преподаванiе едва ли не каждой науки. Уже одна исторiя не противодѣйствуетъ ли измельчанiю взглядовъ и интересовъ, выводя свои великiя личности, одаренныя необыкновенною силою воли, дѣйствующею на цѣлые вѣка и народы? Неужели недостаточно необыкновенное и великое зрѣлище представитъ природа, если указать на нее въ ея цѣлости, въ ея неизмѣнной гармонiи и законности? На что прибѣгать къ вымышленнымъ чудесамъ фантазiи, если окружающiй насъ дѣйствительный мiръ преисполненъ чудесъ? Наконецъ введите еще дѣтей въ чудеснѣйшiй мiръ идеаловъ поэзiи, въ которомъ все такъ естественно, просто, такъ, повидимому, вѣрно дѣйствительности, и между тѣмъ до такой степени превышаетъ ее! Введите ихъ въ поэтическiй мiръ различныхъ народовъ, чтобы могли они увидать, какъ ни одинъ народъ не удовлетворялся тою жизнiю, которая его окружала, какъ онъ, на осно

ваніи ея, составлялъ себѣ идеалъ человѣческаго совершенства и осуществлялъ этотъ идеалъ въ поэзіи, какъ эти идеалы все болѣе и болѣе очищались и просвѣтлялись по мѣрѣ развитія человѣчества. При этомъ вы можете ихъ познакомить и съ чисто-фантастическими созданіями поэзіи, съ образами и явленіями, прямо-вымышленными, рѣшительно невозможными въ дѣйствительной жизни; дѣти почувствуютъ поэтическую ихъ красоту, и въ то же время узнаютъ, что это не просто выдумано, что этому вѣрилъ въ древнія времена тотъ или другой народъ, и имъ можно будетъ показать при этомъ, какъ въ фантастическихъ созданіяхъ того или другого народа отразились его понятія, его нравы и весь его бытъ. Такимъ образомъ, если вы будете брать фантастическое изъ готоваго уже матеріала поэзіи разныхъ народовъ, то оно будетъ имѣть характеръ не только вымысла, но и природы; нарочно же вновь сочинять для дѣтей сказки, или брать ихъ у такихъ писателей, которые, составляя ихъ, сами не вѣрили имъ, — дѣлать это съ твердой увѣренностью, что именно сказки-то дѣтямъ и нужны, — едва ли не заблужденіе. На счетъ полезности фантастическаго Бѣлинскій, кажется, не напрасно перемѣнилъ мнѣніе. Чувство безконечнаго, столь важное потому, что не даетъ заглохнуть душѣ нашей въ будничной прозѣ и эгоизмѣ, можетъ быть пробуждено и безъ помощи фантастическаго, — не сказками, а наукой, т. е. тѣмъ разумнымъ преподаваніемъ ея, о которомъ я говорилъ.

Такое преподаваніе будетъ дѣйствовать — не на *фантазію*, а на *воображеніе* дѣтей. Чтобы быть имъ доступнымъ, оно не должно давать имъ отвлеченныхъ понятій; оно должно имъ давать идеи въ живыхъ осязательныхъ образахъ — разумѣется, тамъ, гдѣ это возможно: ибо есть предметы, въ которыхъ нельзя обойтись безъ отвлеченностей. «Дѣтскій умъ, говоритъ Бѣлинскій, предаваясь отвлеченности, въ живыхъ явленіяхъ природы и жизни видитъ однѣ мертвыя формы, лишенныя духа и сущности; и логическія опредѣленія для него — скорлупа гнилого орѣха, о которую только портятся зубы. Конечно, односторонность вредна и въ воспитаніи, и дѣтскій разсудокъ требуетъ развитія, какъ и чувство; но развитіе разсудка въ дѣтяхъ предоставляется другой сторонѣ воспитанія — ученію, школѣ. Садясь за грамматику, ребенокъ уже вступаетъ въ міръ отвлеченностей и логическихъ построеній и опредѣленій.» (Т. 3, стр. 515.) — Впрочемъ, и самое преподаваніе грамматики можетъ быть оживлено живыми примѣрами; а затѣмъ всѣ предметы, исключая одну математику, мало по малу пріучая къ работѣ разсудокъ, въ то же время рѣшительно могутъ и непремѣнно должны, чтобы быть вполнѣ усвоены, дѣйствовать на воображеніе. Тѣмъ болѣе этого требовать можно отъ того, что служитъ дополненіемъ къ сообщаемому на урокахъ, отъ дѣтской литературы. Она непремѣнно должна говорить образами, а не сентенціями. «Чтобы говорить образами съ дѣтьми, говоритъ Бѣлинскій, надо знать дѣтей, надо самому быть взрослымъ ребенкомъ, не въ пошломъ значеніи этого слова, но родиться съ характеромъ младенчески-простодушнымъ. Есть люди, которые любятъ дѣтское общество и умѣютъ занять его и разсказомъ и разговоромъ, и даже игрою, принявъ въ ней участіе; дѣти, съ своей стороны, встрѣчаютъ этихъ людей съ шумною радостью, слушаютъ ихъ со вниманіемъ, и смотрятъ на нихъ съ откровенною довѣрчивостью, какъ на своихъ друзей. Про всякаго изъ такихъ у насъ, на Руси, говорятъ: «Это дѣтскій праздникъ!» Вотъ такихъ-то «дѣтскихъ праздниковъ» нужно и для дѣтской литературы. Да, много очень много условій! Такіе писатели, подобно поэтамъ, родятся, а не дѣлаются...» (Т 3, стр. 521 и 522.)

Останавливаясь на дѣтской литературѣ, Бѣлинскій находилъ, что она бѣдна не только у насъ, но и на западѣ (стр. 514). Въ настоящее время въ дѣтской литературѣ нашей, какъ и во всемъ, нельзя не замѣтить прогреса; но въ сущности онъ не великъ, и самою численностью выходящихъ у насъ дѣтскихъ книгъ мы ее можемъ еще похвалиться; на западѣ же, среди огромнаго числа дѣтскихъ книжекъ, до сихъ поръ еще, если не ошибаюсь, попадаются замѣчательныя нелѣпости. Находя но большей

части неудовлетворительными такъ называемыя дѣтскія книжки, Бѣлинскій начинаетъ искать годнаго для дѣтей въ книгахъ, писанныхъ собственно для взрослыхъ. Въ этомъ отношеніи далеко не во всемъ можно съ нимъ согласиться. Нашъ критикъ рекомендуетъ во первыхъ басни Крылова — и такимъ образомъ какъ бы раздѣляетъ старинный нашъ предразсудокъ. Бѣлинскій совѣтуетъ давать дѣтямъ Крылова во первыхъ потому, что у него «все такъ рѣзко запечатлѣно печатію русскаго ума и русскаго духа». (Т. 3, стр. 513.) Это совершенно справедливо, и въ этомъ отношеніи Крыловъ такъ же хорошъ для дѣтей, какъ и для всякаго другого возраста; но Бѣлинскій совѣтуетъ давать его во вторыхъ потому, что у него «даже практическія, житейскія мысли облечены въ такіе плѣнительные поэтическіе образы» (стр. 512). Мнѣ кажется, что именно поэтому и слѣдуетъ давать его басни не иначе, какъ съ строжайшимъ разборомъ: между этими житейскими мыслями есть такія, которыя преждевременно могутъ развить въ дѣтяхъ холодную разсудочность на счетъ сердца, могутъ святотатственно въ нихъ притупить то благодатное чувство любви, которое такъ дорого нашему критику. Какъ напримѣръ подѣйствуетъ на дѣтей чисто житейская, разсудочная мораль «Стрекозы и Муравья»: кто самъ виновникъ своей бѣды, тому не слѣдуетъ помогать въ бѣдѣ, того надо, напротивъ, еще попрекнуть и осмѣять жестоко»? Хорошо ли обдавать дѣтское сердце ледяною водой этой будничной философіи? — Или какой выводъ позволитъ сдѣлать ребенку «Разборчивая Невѣста»? Что засиживаться въ невѣстахъ величайшее изъ несчастій? Дѣти, разумѣется, не поймутъ почему, а если поймутъ, то тѣмъ хуже! И у Крылова не мало отыщется басенъ, столько же не идущихъ къ дѣтскому возрасту. Далѣе, Бѣлинскій находитъ годнымъ для дѣтей «Юрія Милославскаго». Мнѣ кажется, что едва ли не нужно избавить ихъ отъ всѣхъ повѣстей изъ русской исторіи, кромѣ Пушкинскихъ, которыя такъ полны истины, и можетъ быть нѣкоторыхъ Кукольниковскихъ, изъ эпохи Петра Великаго. Все остальное — такая широковѣщательная риторическая ложь, какъ и наши прежніе учебники русской исторіи. И отъ этихъ послѣднихъ, даже отъ новыхъ, не мѣшало бы уволить дѣтей, потому что если въ нихъ нѣтъ уже той пошлой идеализаціи, то нѣтъ и живой правды, а есть одна убійственная сушь фактовъ, изъ которыхъ, кажется, такъ и хотѣла бы выглянуть настоящая жизнь, жизнь народная, а между тѣмъ ей все еще не умѣютъ дать изъ нихъ выглянуть. Тѣмъ менѣе можно давать дѣтямъ такія вещи, какъ «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская Годовщина», которыя также рекомендуетъ Бѣлинскій для болѣе взрослыхъ дѣтей. Мнѣ кажется, что двѣ послѣднія пьесы могутъ быть рѣшительно вредны неизвращенной природѣ дѣтей нѣкоторымъ, нимало не человѣколюбивымъ чувствомъ ненависти къ чужеземцамъ, наконецъ какою-то злобною радостью, что удалось наконецъ раздавить врага. Спору нѣтъ, что патріотизмъ — высокое чувство; но горе ему, если онъ замараетъ себя на счетъ той любви вообще къ человѣку, которую, повторяю опять, такъ высоко поставилъ въ своей статьѣ самъ Бѣлинскій. Совѣтуя давать дѣтямъ всѣ эти указанныя мною произведенія, нашъ критикъ, очевидно затрудненный выборомъ, хорошенько объ нихъ не подумалъ. Давать дѣтямъ подобныя вещи значитъ преждевременно, насильственно навязывать имъ такія понятія, которыя имъ слѣдуетъ узнать только впослѣдствіи. Между тѣмъ Бѣлинскій въ одной статьѣ 1845 г. рѣшительно возстаетъ противъ преждевременнаго развитія. По прежнему говоря тутъ по поводу риторики Кошанскаго преимущественно противъ преждевременнаго и односторонняго развитія разсудка, онъ въ особенности возстаетъ противъ того, чтобы мальчикъ сочинялъ. «Да, знаете ли вы, господа риторы, говоритъ онъ, что мальчикъ, который сочиняетъ, почти то же, что мальчикъ, который куритъ, волочится за женщинами, пьетъ водку.... Во всѣхъ этихъ четырехъ случаяхъ равно губительно упреждается природа искусственнымъ развитіемъ, и мальчишка играетъ роль взрослаго человѣка». (Т. 10 стр. 21.) Мнѣ кажется, что едва ли не такую же роль будетъ играть мальчикъ, который станетъ читать всѣ, безъ

разбору, басни Крылова, восхищаться *риторикою* «Юрія Милославскаго» и декламировать «Клеветникамъ Россіи» или «Бородинскую Годовщину».

Другія произведенія нашей поэзіи, рекомендуемыя для дѣтей Бѣлинскимъ, уже скорѣе могутъ быть имъ доступны. Не говоря уже объ «Овсяномъ киселѣ» и «Рыбакѣ и Рыбкѣ» (въ этой послѣдней пьесѣ сказочность выкупается *правдой* народности), нельзя не признать годящимися для дѣтей «Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ», «Пиръ Петра Великаго», «Сельскій Вечеръ» и, пожалуй, «Бѣсовъ». Но я сомнѣваюсь, чтобы здоровое вліяніе на воображеніе дѣтей могъ имѣть «Утопленникъ». Изъ большихъ пьесъ Пушкина Бѣлинскій совѣтуетъ читать только отрывки, напримѣръ изъ «Кавказскаго Плѣнника» изображеніе Черкесскихъ нравовъ, изъ «Полтавы» описаніе битвы, появленіе Петра, изъ «Руслана и Людмилы» эпизоды битвъ, о полѣ, покрытомъ костями, о богатырской головѣ. (Т. 3, стр. 513.) Впрочемъ, что касается чтенія отрывковъ, то тутъ надобно быть чрезвычайно осторожнымъ. Бѣда, если дѣти замѣтятъ, что вы *прячете* отъ нихъ пропускаемое, тогда какъ для васъ оно интересно; имъ непремѣнно захочется прочитать *спрятанное*, и тогда оно принесетъ имъ несравненно больше вреда, нежели въ томъ случаѣ, если бы вы прямо прочитали имъ все.

Вотъ какимъ образомъ рѣшается Бѣлинскимъ вопросъ о дѣтской литературѣ въ одной изъ статей 1846 г. «Мнѣнія о полезности и необходимости дѣтскихъ книгъ, говоритъ онъ тутъ, теперь раздѣлились на двѣ противоположныя стороны. Одна утверждаетъ, что безъ этихъ книжекъ дѣтямъ нѣтъ спасенія; другая говоритъ, что онѣ не только безполезны, но и положительно вредны, и что если дѣтямъ должно читать что-нибудь кромѣ учебниковъ, такъ это книги, которыя читаются и взрослыми, разумѣется, при условіи строгаго выбора. Мы сами много думали объ этомъ вопросѣ, и теперь рѣшительно объявляемъ себя на сторонѣ втораго мнѣнія. До семи, или около семи лѣтъ, воспитаніе дитяти должно быть преимущественно физическое, но не въ духѣ почтенной старины, которая, буквально держась значенія слова «воспитывать», закармливала дѣтей чуть не на смерть, такъ что матерія подавляла въ нихъ духъ, и они смотрѣли не дѣтьми, а хорошо откормленными телятами, барашками и поросятами. Хорошо воспитанный ребенокъ не долженъ быть ни животнымъ, ни человѣкомъ, а ребенкомъ: лицо его должно носить на себѣ отпечатокъ здоровья, веселости, живости, ясности, и на немъ должно отражаться не столько присутствіе ума, сколько отсутствіе тупости и глупости... Развить дѣтей должна наука, ея постепенное, медленное, но тѣмъ болѣе вѣрное изученіе, а не книжки, писанныя для забавы и пріучающія дѣтей къ поверхностности, легкомыслію и мечтательности. Итакъ, до семи лѣтъ пусть дитя ѣстъ, пьетъ, спитъ, играетъ и говоритъ; а съ семи пусть оно, сверхъ всего этого, еще учится.... Когда дитя подвинется къ своему двѣнадцати-лѣтнему возрасту, и игры не будутъ уже вполнѣ удовлетворять его, когда пробудится въ немъ потребность удовлетворять чѣмъ-нибудь и фантазію и умъ, — тогда давайте ему романы Вальтеръ-Скотта и Купера; но только и тутъ не давайте ему зачитываться. Почему бы, напримѣръ, не дать ему въ руки «Донъ-Кихота», не искаженнаго, не передѣланнаго? Для дѣтей должны существовать не дѣтскія книги, но особенныя изданія книгъ, писанныхъ для взрослыхъ, — изданія, въ которыхъ должно быть исключено все такое, о чемъ имъ рано знать, все, что можетъ дать ихъ фантазіи вредное для здоровья и нравственности направленіе. Такимъ образомъ должно измѣнить ночную сцену въ «Донъ-Кихотѣ», гдѣ драка рыцаря печальнаго образа и его оруженосца съ погонщикомъ муловъ происходитъ отъ трактирной служанки... Но опошливать для дѣтей великія произведенія, приноравливая ихъ къ дѣтскому возрасту, — ни на что не похоже: великія произведенія дѣлаются вздорными сказками, и дѣтямъ отъ нихъ нѣтъ никакой пользы. Сказочки и повѣсти, которыми напитываютъ малолѣтнихъ дѣтей нарочно для нихъ составляемыя книжки, сильно возбуждаютъ въ нихъ самую опасную изъ душевныхъ способностей — фантазію, и дѣлаютъ изъ дѣтей мечтателей, книжниковъ, резонеровъ, записныхъ чи-

тальщиковъ.» (Т. 10, стр. 380 — 383.) Это, сколько я понимаю, совершенно справедливо: подальше отъ дѣтей всѣ обычныя пошлости дѣтской литературы и обычное въ ней опошливанье великихъ произведеній! Многое изъ лучшихъ произведеній для взрослыхъ дѣйствительно можно и даже должно давать дѣтямъ съ самыми небольшими пропусками, — для чего дѣйствительно очень полезны особыя изданія для дѣтей; только на оберткѣ нѣтъ надобности называть ихъ дѣтскими, а можно бы называть сокращенными, ибо дѣтямъ бываетъ обидно приноравливанье къ ихъ возрасту, подобно тому какъ народу нашему отвратительно всякое благосклонно спускающееся съ высоты подлаживанье подъ простонародный говоръ. Пропусковъ, ради Бога, какъ можно менѣе: давно уже замѣчено, что бѣда не въ незнаніи вообще, а въ такомъ знаніи, которое, добытое втихомолочку запретнымъ окольнымъ путемъ, вмѣсто того чтобы преспокойно занять свое мѣсто въ умѣ, воспитательно дѣйствуетъ на воображеніе и по большей части переходитъ въ дѣйствительность. Сколько благонамѣренныхъ маменекъ, думая оградить отъ соблазна своихъ сынковъ при помощи всякаго рода прятанія и запрещеній, доходящихъ иногда до шпіонскихъ замашекъ, именно этимъ и сгоняли съ лица бѣдныхъ отроковъ благословенную краску здоровья и доводили ихъ до того, что развѣ твердая воля хорошаго воспитателя, отъ него сообщаясь и имъ, была въ состояніи впослѣдствіи ихъ удержать отъ окончательнаго пребыванія на распутьяхъ разврата. Но если все это совершенно такъ, если дѣтямъ и можно, и должно давать многое, хотя бы оно было не именно для нихъ писано, — то съ другой стороны нашъ критикъ едва ли не ошибается, полагая, что дѣтская литература можетъ ограничиться однимъ передѣлываніемъ сочиненій изъ литературы для взрослыхъ; и что нѣтъ уже рѣшительно никакой надобности въ сочиненіяхъ собственно для дѣтей. Онъ очевидно забылъ, что въ большой своей статьѣ 1843 г., на ряду съ дарованіемъ поэта, ставилъ дарованіе *писателя для дѣтей*, говоря, что и тѣмъ и другимъ надо *родиться.* Настоящихъ писателей для дѣтей очень мало родится, и вотъ почему вѣроятно Бѣлинскій наконецъ махнулъ рукой вообще на дѣтскія книжки. Тѣмъ не менѣе въ рѣдкомъ писателѣ для взрослыхъ можно найти все то, что по мнѣнію самого Бѣлинскаго нужно дѣтямъ. «Да, много, много нужно условій для образованія дѣтскаго писателя, говоритъ Бѣлинскій: нужна душа благодатная, любящая, кроткая, спокойная, младенчески простодушная... разумѣется, что любовь къ дѣтямъ, глубокое знаніе потребностей, особенностей и оттѣнковъ дѣтскаго возраста есть одно изъ важнѣйшихъ условій.» (Т. 3, стр. 514 и 515.)

Бѣлинскаго въ особенности отвратило отъ дѣйствительно существующей, наличной дѣтской литературы то, что всегда было противно его здоровой натурѣ и противъ чего въ послѣдніе годы жизни онъ возставалъ съ озлобленіемъ; — ложь, фальшивая идеализація жизни, пошленькій розовый свѣтъ, на нее наводимый, наконецъ ложное, чисто безнравственное моральничанье. Все это должно бы быть особенно далеко отъ дѣтской литературы, а между тѣмъ она-то и преисполнена такого разврата. Въ своихъ разборахъ дѣтскихъ книгъ 1845 г. онъ съ рѣшительнымъ озлобленіемъ издѣвается надъ ихъ наряднымъ лганьемъ. «Чему научатъ, спрашиваетъ онъ, всѣ эти книжкимо ихъ дѣтей? Любить добродѣтель? Сохрани Боже! Съ этой любовью мои дѣти непремѣнно будутъ нищими... Любить правду? Еще хуже! Нѣтъ, благоблагосклонный читатель! вы можете воспитывать своихъ дѣтей, какъ вамъ угодно, учить ихъ какимъ угодно наукамъ, добродѣтелямъ и правдамъ, а я — я буду учить ихъ прежде всего заслуживать себѣ хорошую репутацію и умѣть быть со всѣми въ ладу: чуть они изъ колыбели, я уже буду ихъ посылать къ родственникамъ (которые побогаче и съ вѣсомъ) съ поздравленіемъ въ новый годъ, во всѣ праздники и т. д. Хоть у меня еще и нѣтъ дѣтей, но я человѣкъ предусмотрительный и уже купилъ книжку «Новыя дѣтскія поздравленія»... Равнымъ образомъ я купилъ новое изданіе «Учебной книги Русской словесности» и выписалъ изъ нея глубокомысленныя, практической мудростью запечатлѣнныя правила, какъ должно писать письма къ выс

шимъ себя, равнымъ и низшимъ, и какъ должно подъ ними подписываться. Больше никакихъ книгъ не узнаютъ мои дѣти! Книги, особенно дѣтскія, увѣрили бы ихъ, что добродѣтель главное дѣло въ жизни, что больше всего надо любить правду, что добродѣтель всегда наказывается: и каково было бы моимъ дѣтямъ, когда бы они, вышедъ изъ моего дома на дорогу жизни, вдругъ увидѣли бы, что въ свѣтѣ все дѣлается рѣшительно на оборотъ тому, какъ разсказываютъ дѣтскія книжки!.. Нѣтъ! что ихъ обманывать заранѣе? Зачѣмъ учить тому, чему имъ послѣ надо будетъ разучиваться?.. Да не узнаютъ они никогда, что такое «дѣтскія книги», никогда не прочтутъ они «Леди Анны». Бѣдная леди Анна! Сколько она вытерпѣла: ее ругали, били, морили голодомъ, холодомъ, за то, что она была кротка, послушна, терпѣлива, прилежна, за то, что она не хотѣла обворовывать своихъ благодѣтелей: все точь въ точь, какъ это бываетъ въ жизни! Но она осталась тверда въ добродѣтели, но она нашла своего отца, сдѣлалась богата, знатна, счастлива: точь въ точь какъ бываетъ это... въ дѣтскихъ книгахъ!..» (Т. 10, стр. 34 и 35.) Тутъ эта глубокая, прямо въ сердце поражающая иронія явилась вслѣдствіе того, что Бѣлинскому въ это время уже удалось вглядѣться въ глаза дѣйствительности, которая такъ хороша вездѣ. Въ статьѣ своей 1840 г. онъ говоритъ о томъ же не иронически, а прямо, но тоже съ жаромъ, хотя и съ жаромъ другого рода. «Стараются увѣрять дѣтей, говоритъ онъ тутъ объ обычномъ направленіи дѣтскихъ книжекъ, что всякій проступокъ наказывается и всякое хорошее дѣйствіе награждается. Истина святая — не споримъ, но объяснять дѣтямъ наказаніе и награжденіе въ буквальномъ, внѣшнемъ, а слѣдовательно и случайномъ смыслѣ, значитъ обманывать ихъ. А по смыслу и разумѣнію (конечно крайнему) большей части дѣтскихъ книжекъ, награда за добро состоитъ въ долголѣтіи, богатствѣ, выгодной женитьбѣ... Но дѣти только неопытны и простодушны, а отнюдь не глупы — и отъ всей души смѣются надъ своими мудрыми наставниками. И это еще спасеніе для дѣтей, если они не позволятъ такъ грубо обманывать себя; но горе имъ, если они повѣрятъ: ихъ разувѣритъ горькій опытъ и набросить въ ихъ глазахъ темный покровъ на прекрасный Божій міръ. Каждый изъ нихъ собственнымъ опытомъ узнаетъ, что безстыдный лѣнтяй часто получаетъ похвалу на счетъ прилежнаго, что наглый затѣйникъ шалости непризнательностію отдѣлывается отъ наказанія, а чистосердечно признавшійся въ шалости нещадно наказывается, что честность и правдивость часто не только не даютъ богатства, но повергаютъ еще въ нищету. Да, къ несчастію каждый изъ нихъ узнаетъ все это, но не каждый изъ нихъ узнаетъ, что наказаніе за худое дѣло производится самымъ этимъ дѣломъ и состоитъ въ отсутствіи изъ души благодатной любви, мира и гармоніи — единственныхъ источниковъ истиннаго счастія; что награда за доброе дѣло опять-таки происходитъ отъ самаго этого дѣла, которое даетъ человѣку сознаніе своего достоинства, сообщаетъ его душѣ спокойствіе, гармонію, чистую радость, и чрезъ то дѣлаетъ ее храмомъ Божіимъ, потому что Богъ тамъ, гдѣ безмятежная, чистая радость, гдѣ любовь.» (Т. 3, стр. 517 и 518.) «Не искажайте дѣйствительности, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, ни клеветами на нее, ни украшеніями отъ себя; но показывайте ее такою, какова она есть въ самомъ дѣлѣ, во всемъ ея очарованіи и во всей ея неумолимой суровости, чтобы сердце дѣтей, научаясь ее любить, привыкало въ борьбѣ съ ея случайностями, находить опору въ самомъ себѣ. Въ одной истинѣ и жизнь, и благо: истина не требуетъ помощи во лжи. И потому конецъ вашей повѣсти можетъ быть и несчастный, въ которомъ добродѣтель страждетъ, а порокъ торжествуетъ; но вы вполнѣ достигнете вашей нравственной цѣли, если юныя сердца вашихъ маленькихъ читателей станутъ за страждущихъ и не позавидуютъ торжествующимъ, если на вопросъ — на чьемъ бы хотѣли они жить мѣстѣ? они не колеблясь отвѣтятъ, что на мѣстѣ страждущихъ, но добрыхъ.» (Т. 3, стр. 525.) «Дѣтскія книжки, говоритъ нашъ критикъ, должны знакомить съ таинствомъ страданія, показывая его какъ другую сторону одной и той же любви, какъ

блаженство своего рода, не какъ непріятную случайность, а какъ необходимое состояніе духа, не извѣдавъ котораго, человѣкъ не изведаетъ и истинной любви, а слѣдовательно и истиннаго блаженства. Онѣ должны показать имъ, что въ добровольномъ и свободномъ страданіи, вытекающемъ изъ отреченія отъ своей личности и своего эгоизма, заключается твердая опора противъ несправедливости судьбы и высшая награда за нее.» (Стр. 519.) Только держась такого ученія, можно выполнить уже извѣстное намъ требованіе Бѣлинскаго, высказанное имъ въ 1844 г.: *воспитывать дѣтей не такъ, чтобы они могли уживаться съ обществомъ, а такъ, чтобы общество должно было мало по малу становиться способнымъ уживаться съ людьми благовоспитанными.* Такіе люди вызываютъ общество на упорный бой, а потому-то они и должны заранѣе быть готовы изведать всю тайну страданія. Чтобы воспитать поколѣніе твердыхъ, могучихъ людей — настоящихъ гражданъ, способныхъ открытой грудью вынудить у обстоятельствъ лучшій порядокъ вещей, надобно вырывать съ корнемъ разслабляющее зелье эпикурейскихъ наклонностей, которыя столько же служатъ рогаткою противъ прогресса, сколько служитъ окрыляющею подпорой ему стремленіе къ идеалу. Педагогической литературѣ слѣдуетъ ревностно приняться за истребленіе этихъ гнусныхъ плевелъ эпикурейства, выросшихъ, къ сожалѣнію, высоко среди юной нивы нашихъ успѣховъ! Если воспитаніе должно насъ дѣлать способными стремиться, по мѣрѣ силъ каждаго, къ утвержденію такого порядка вещей, при которомъ бы *всѣ* пользовались одинаковымъ правомъ наслаждаться жизнію, то она должна давать силу *пока* отказаться отъ *личнаго* наслажденія, не увлекаясь суетнымъ и малодушнымъ желаніемъ преждевременно пировать среди неокончившейся еще борьбы. Надо воспитывать такъ, чтобы всякій, которому вздумалось бы извиняться тѣмъ, что требуемая отъ него жертва тяжка, а пріобрѣтаемое ею для другихъ незначительно, могъ бы сейчасъ же понять, что онъ походитъ на бездушное существо, которое среди поля, покрытаго ранеными, отказывается перевязать тѣхъ, которые прямо у ногъ его — потому что чувствуетъ себя безсильнымъ перевязать всѣхъ. Надо воспитывать такъ, чтобы новому поколѣнію въ голову не могло войти называть самообладаніе и чувство долга *намордникомъ*, унизительнымъ для людей, а *самоотверженіе* — *приниженіемъ личности.* Съ такими правилами можно воспитывать только такихъ людей, какъ Алеко Пушкина, мастерски характеризованный нашимъ Бѣлинскимъ какъ человѣкъ, который домогается правъ исключительно для себя и не уважаетъ ихъ въ другихъ людяхъ. Надо воспитывать такъ, чтобы не могли болѣе появляться люди, способные на словахъ или въ сочиненіяхъ съ благороднымъ негодованіемъ возставать противъ зла и неправды — и въ то же время, поблажкою эпикурейскихъ наклонностей, попирать въ своей собственной личности человѣческое достоинство. Надо воспитывать такъ, чтобы образовалось наконецъ новое общество, въ которомъ не было бы уже легко быть героемъ на счетъ чужихъ пороковъ, заблужденій и слабостей», и не было бы уже такъ «мудрено быть героемъ на свой собственный счетъ» (слова Бѣлинскаго въ характеристикѣ Алеко, т. 8, стр. 457), — общество, которое поняло бы наконецъ, что изрекать анаѳему также не всякій имѣетъ право, какъ и изрекать благословеніе. Пора произрасти у насъ первымъ отпрыскамъ этого новаго общества; довольно уже и того, что въ настоящемъ поколѣніи нашемъ многое, право, не уступаетъ поколѣнію прежнему. Педагогической литературѣ прежде всего слѣдуетъ оградить наше новое, еще только подрастающее племя отъ эпикурейскаго поклоненія эгоизму и чувственности, — и сдѣлаться такимъ образомъ послѣдовательницей Бѣлинскаго, а не мнимыхъ его послѣдователей!

V, утверждая буллою существованіе сего училища, не позволилъ однакожь преподаваніе въономъ наукъ богословскихъ, конечно, опасаясь повѣрить еще не вполнѣ окатоличившимся сарматамъ толкованія свящ. писанія и догматовъ вѣры. Вскорѣ послѣ кончины Казиміра Великаго, отъ разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, оставленное Людовикомъ I, королемъ польскимъ и венгерскимъ, училище это пришло въ совершенный упадокъ и возобновлено уже при Владиславѣ Ягеллѣ, по просьбѣ и завѣщанію Ядвиги, первой его супруги, въ честь которой оно нѣкоторое время именовалось *Коллегіею Ядвиги.* Въ эту пору исходатайствовано Владиславомъ сему училищу и титло академіи и право преподованія въ ней богословскихъ наукъ, съ чѣмъ она и оставалась даже до временъ курфирстовъ саксонскихъ, испытавъ въ это время всевозможные перевороты.

По внутреннему и внѣшнему своему устройству, по правамъ и привиллегіямъ, краковская академія походила на университеты Оксфордскій и Кембриджскій. Въ ней было три факультета: философскій, богословскій и юридическій; каждый факультетъ имѣлъ свою коллегію. Такимъ образомъ въ *меньшей* коллегіи, называвшейся иначе *коллегіей artistarum,* находились философы и математики; коллегія *высшая* состояла изъ профессоровъ старшихъ, или такъ называемыхъ королевскихъ профессоровъ наукъ философскихъ, физико-математическихъ и богословскихъ. Коллегія *юридическая* предназначалась собственно для докторовъ и профессоровъ права. Въ извѣстныхъ случаяхъ всѣ эти коллегіаты собирались въ общій Совѣтъ: но при рѣшеніи вопросовъ, относившихся до внутренняго или внѣшняго благосостоянія училища, не подавали отдѣльно каждый свой голосъ, а представляли общее мнѣніе отъ своей коллегіи. Въ этомъ совѣтѣ участвовали иногда и доктора медицины, не входившіе впрочемъ въ составъ академическихъ ученыхъ, и не имѣвшіе коллегіи отдѣльной: ибо въ краковской академіи не было тогда преподаванія наукъ медицинскихъ во всей ихъ пол-

жели чулки, которые, во вредъ голени, нужно подвязывать; въ холодную же погоду необходима болѣе теплая одежда.

Весьма понятно, что здоровье дѣтей, въ первое время ихъ жизни, весьма различно, смотря по здоровью ихъ родителей. Дѣти, родившіеся отъ матери болѣзненной и слѣдовательно слабой, воспринимаютъ въ нѣкоторой степени слабость матери; они не такъ крѣпки и здоровы, какъ дѣти родившіеся при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ,—требуютъ большей заботы при воспитаніи, болѣе подвержены болѣзнямъ, безпокойны, и не легко бываетъ нянькамъ управляться съ ними; ходить тоже они начинаютъ позже другихъ дѣтей.

Но посмотрите на какого-нибудь дюжаго крестьянина, который всегда работаетъ на чистомъ воздухѣ. Какой онъ крѣпкій, сильный; а жена его, въ своей бѣдности, не имѣетъ и понятія о томъ, какъ держаться на вытяжкѣ и стягиваться корсетомъ. Дѣти такихъ родителей обыкновенно болѣе крѣпкой организаціи, сильнѣе, и потому не требуютъ такого за собой ухода; у нихъ также раньше и сильнѣе проявляется побужденіе къ дѣятельности, и проглядываетъ болѣе жизни еще въ то время, когда они на рукахъ; въ то время они уже держатся прямо, и вообще веселы, какъ это свойственно маленькимъ дѣтямъ.

Но заботливостію и правильнымъ обращеніемъ съ ребенкомъ можно устранить многое, даже и при расположеніи къ болѣзни; тогда какъ съ другой стороны многія болѣзни у дѣтей появляются отъ недостаточнаго присмотра, дурного ухода и небрежности. Здѣсь назовемъ только испорченный желудокъ, слабое пищевареніе, золотуху, англійскую болѣзнь и т. д., и какъ слѣдствія послѣднихъ — искривленія позвоночнаго столба и конечностей. Эти болѣзни часто приписываютъ нечистому воздуху въ многолюдныхъ городахъ, что безъ сомнѣнія есть одна изъ важнѣйшихъ причинъ болѣзней; но есть и другія, присоединяющіяся къ этому обстоятельства, которыя также вредно дѣйствуютъ на здоровье, а именно: неопрятность, дурная одежда, недостатокъ въ медицинскихъ пособіяхъ, чрезмѣрное кормленіе и т. п., первыми слѣдствіями которыхъ бываетъ отсутствіе аппетита, пученіе живота, бѣлый языкъ, медленное и мучительное прорѣзываніе зубовъ. Очень естественно и то, что дитя, при слабой и болѣзненной организаціи, скорѣе подвергается болѣзнямъ, нежели дитя крѣпкаго и здороваго тѣлосложенія. Случайное поврежденіе, какъ напр. паденіе, ушибъ спины, безъ сомнѣнія, принадлежатъ также къ первоначальнымъ причинамъ нѣкоторыхъ видовъ искривленій позвоночнаго столба, особенно искривленій подъ угломъ. Но отъ случайнаго поврежденія скорѣе можетъ заболѣть дитя слабаго тѣлосложенія, нежели крѣпкаго.

Если принять во вниманіе общее строеніе и анатомическій составъ груди, то легко понять, какъ вредно для дѣтей сжатіе нижней части грудного ящика (грудной клѣтки) завязками, а еще болѣе вреда наноситъ конечно снуровка. Такъ какъ 8-е и 10-е ребра оканчиваются длинными гибкими хрящами, а недостатокъ укрѣпленій спереди у 11-го и 12-го ребръ увеличиваетъ движеніе груди, то очень ясно, что грудь отъ постояннаго давленія въ этомъ мѣстѣ должна уменьшиться въ объемѣ, и чаще всего это случается во второмъ періодѣ дѣтства, когда тѣло еще ростетъ, потому что въ это время упомянутыя части имѣютъ слишкомъ мало силы для сопротивленія самому умѣренному давленію.

Въ настоящее время, и именно у женщинъ, мы часто встрѣчаемъ искривленіе позвоночнаго столба. Это результатъ злоупотребленій цивилизаціи, или лучше сказать, зло моды. У народовъ, которые въ своемъ образѣ жизни болѣе близки къ природѣ, вовсе неизвѣстенъ этотъ недугъ. Дикарь, не стѣсняемый никакими модами, пріобрѣтаетъ силу и крѣпость въ мышцахъ вслѣдствіе естественной физической дѣятельности, пребыванія на чистомъ воздухѣ и освобожденія отъ всѣхъ свѣтскихъ оковъ.

Чѣмъ болѣе народъ удаляется отъ природнаго состоянія, тѣмъ многосложнѣе становится его одежда, и нерѣдко она до того искажается, что мѣшаетъ свободному движенію членовъ. Это относится въ особенности къ одеждѣ женщинъ: заботясь только о мнимомъ блескѣ и украшеніи одной лишь наружности, онѣ забываютъ совершенно объ есте-

ственныхъ потребностяхъ тѣла и истязаютъ его иногда до увѣчья. А между тѣмъ нѣтъ основательной причины полагать, почему бы женской одеждѣ нельзя было удовлетворять въ одно и то же время и сохраненію здоровья, и изящному вкусу.

Мода имѣетъ такое сильное вліяніе на все входящее въ ея область, что нерѣдко ведетъ къ крайностямъ, которыхъ здравомыслящій человѣкъ не можетъ не осудить. Но сила моды такъ велика, что убиваетъ всякую здравую мысль и заставляетъ удивляться мнимой красотѣ предметовъ, которые въ сущности противорѣчатъ всѣмъ правиламъ красоты. Вмѣсто того, чтобы платье принаравливать къ тѣлу, которое въ неиспорченномъ, естественномъ состояніи есть образецъ красоты и всевозможной симетріи, хотятъ, чтобы тѣло подчинялось всѣмъ причудамъ моды, которая кажется изящною и привлекательною. Однимъ словомъ, природа должна поддѣлываться подъ искусство, вмѣсто того чтобы искусство подчинилось природѣ. Изобрѣтатели модъ въ своихъ выдумкахъ рѣдко обращаютъ вниманіе на здоровье; цѣль ихъ — все новое, бросающееся въ глаза. Поэтому неудивительно, что самыя изысканныя моды бываютъ иногда совершенно несообразны съ нашими потребностями.

Хорошо бы еще, если бы моды можно было назвать только легкомысліемъ; но онѣ имѣютъ гораздо большее значеніе: онѣ часто бываютъ причиною различныхъ болѣзней и увѣчья, преимущественно же искривленій позвоночнаго столба, которыя, въ соединеніи съ общею слабостію, производятъ нервную раздражительность, слабость пищеваренія и множество болѣзней, столь тягостныхъ для жизни человѣка.

Что касается до происхожденія корсета, то нѣтъ сомнѣнія, что употребленіе кушака подало первую мысль о новѣйшихъ шнуровкахъ. Вѣроятно во всѣ времена въ цивилизованныхъ странахъ женщины употребляли что-либо подобное для стройности своего стана и для сообщенія пріятнаго вида своей наружности. Сперва корсеты дѣлались очень просто, безъ всякихъ затѣй, потому что большею частію ихъ употребляли для того только, чтобы платье сидѣло гладко, ловко и красиво. Противъ этого нечего и возражать. Но съ тѣхъ поръ, какъ ими начали чрезмѣрно стягиваться, корсеты сдѣлались причиною тѣлесныхъ страданій и увѣчья, о важности и значеніи которыхъ немногіе имѣютъ даже и понятіе.

Нынѣшніе корсеты дѣлаются не только изъ неупругихъ матерій и обыкновенно крѣпко стягиваются, но и при кройкѣ ихъ не обращается никакого вниманія на естественную форму тѣла. Самое сильное давленіе бываетъ прямо на нижнюю часть груди, которая отъ природы шире; а между тѣмъ корсетъ дѣлаютъ шире вверху, гдѣ поперечный размѣръ груднаго ящика гораздо меньше. Такимъ образомъ естественный порядокъ совершенно извращается, и эта важная часть тѣла подвергается истязанію. Кромѣ того корсеты дѣлаются нынѣ такіе длинные, что производятъ весьма вредное давленіе на тазъ, и въ нѣжномъ возрастѣ, во время развитія тѣла, вдавливаютъ во внутрь верхній край этой кости (гребешекъ подвздошной кости), вслѣдствіе чего уменьшается объемъ тазовой полости.

Естественная форма тѣла какъ у мужчины, такъ и у женщины есть во всякомъ случаѣ самая красивая и наиболѣе соотвѣтствующая потребностямъ жизни; а между тѣмъ мы ежедневно видимъ, какъ естественная форма эта искажается. Правда, по совѣту врачей въ послѣднее время стали гораздо менѣе стягиваться противъ прежняго; но все таки есть еще многія женщины, которыя, не зная о вредѣ крѣпкаго стягиванія, ежедневно рискуютъ своимъ здоровьемъ и укорачиваютъ жизнь свою изъ пустого тщеславія достигнуть того, что люди съ испорченнымъ вкусомъ называютъ «прекраснымъ станомъ». На гуляньяхъ, на улицахъ, равно какъ и въ нашихъ гостиныхъ и на балахъ, встрѣчаемъ мы множество примѣровъ гибельнаго вліянія отъ предосудительной привычки крѣпко стягиваться.

Пора убѣдиться, что поразительно тонкая талія не составляетъ вовсе красоты въ дѣвушкѣ; иначе бы пришлось признать прекрасными приплюснутыя головы караибовъ или до невѣроятія сжатыя ноги китаянокъ. Утонченному вку-

су не могутъ нравиться такія крайности.

Сдавливаніе грудного ящика снуровкой имѣетъ и другія, болѣе гибельныя слѣдствія: нарушаются отправленія главнѣйшихъ органовъ и наносится вредъ всему организму. Когда кости грудного ящика сжаты и стѣснены въ нормальномъ движеніи, то легкія не могутъ вполнѣ совершать своей дѣятельности; кровь не можетъ посредствомъ дыханія достаточно освободиться отъ углерода (образующаго съ кислородомъ вдыхаемаго воздуха углекислоту), и потому она портится, вслѣдствіе чего страдаетъ какъ составъ, такъ и жизнедѣятельность различныхъ системъ тѣла. Обыкновенные признаки продолжительной и крѣпкой снуровки слѣдующіе: усиленное кровообращеніе, затрудненное дыханіе и біеніе сердца. Давленіе и сжатіе значительно мѣшаютъ и пищеварительной дѣятельности; препятствуютъ необходимому растяженію желудка при принятіи пищи и останавливаютъ естественное движеніе кишекъ, необходимое для претворенія пищи въ пищевой сокъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже форма и положеніе внутренностей совершенно измѣняются, т. е. сдвигаются въ нижнюю часть живота и до того сдавливаются, что дѣлаются совершенно неспособными продолжать надлежащимъ образомъ свои отправленія.

Такъ какъ въ корсетѣ съ трудомъ можно согнуться на сторону и вообще стѣсняется всякое тѣлодвиженіе, то вслѣдствіе этого мышцы грудного ящика, а именно спины, часто совсѣмъ чахнутъ (атрофируются). Въ такомъ состояніи онѣ конечно не могутъ уже болѣе удерживать позвоночный столбъ въ прямомъ его положеніи, и потому онъ подается впередъ, а вслѣдствіе этого и всѣ прочія кости грудного ящика выходятъ также изъ своего естественнаго положенія: грудная кость во многихъ случаяхъ вдавливается, въ другихъ же неестественнымъ образомъ выдается впередъ; ребра, вмѣсто того, чтобы выпукло выдаваться впередъ, особенно подъ мышкой, совершенно сплющиваются, а передніе концы ихъ, вмѣсто того, чтобы быть направленными впередъ, высовываются прямо внизъ, такъ что грудной ящикъ получаетъ видъ конуса, стоящаго на вершинѣ своей. Удивительно ли послѣ этого, если мы такъ часто встрѣчаемъ женщинъ совершенно изувѣченныхъ? Гораздо удивительнѣе то, какимъ образомъ еще многія изъ носившихъ прежде корсеты успѣли спастись отъ его гибельнаго вліянія.

Изъ сказаннаго ясно видно, что по возможности должно избѣгать всякаго давленія на грудь или на животъ, въ особенности же въ то время, когда дитя ростетъ. Корсеты наносятъ очень много вреда, болѣе, нежели что другое, потому что они по составу своему и устройству производятъ сильнѣйшее давленіе, нежели всякая другая одежда. Такъ какъ они назначены собственно для затяжки только, то и шьются обыкновенно изъ плотной, неэластичной матеріи. Такимъ образомъ талія все болѣе и болѣе стягивается, покуда внутренніе органы этой части тѣла не вытѣснятся совершенно изъ своего нормальнаго положенія. При этомъ печень большею частію измѣняется въ своей формѣ; иногда она удлиняется, иногда же значительно укорачивается въ поперечникѣ, и были случаи, гдѣ (при вскрытіи тѣла послѣ смерти) на наружной поверхности печени обозначались значительныя углубленія съ ясными отпечатками внутрь прижатыхъ реберъ. Такимъ образомъ происходитъ значительное число боковыхъ искривленій позвоночнаго столба. Эта болѣзнь, столь обыкновенная у женщинъ и происходящая преимущественно отъ корсетовъ, у мущинъ относительно бываетъ гораздо рѣже.

Но не только одни корсеты, а и другія части женской одежды одинаково могутъ вредить здоровью и тѣлосложенію, если на это не обращать вниманія. Такъ напр. завязки юбокъ иногда такъ туго стягиваются, что бываютъ тоже причиною искривленій. Матери семействъ должны особенно обращать вниманіе, чтобы подобныя части одежды застегивались на пуговицахъ, и чтобы у дѣтей по возможности никакая часть тѣла не затягивалась туго тесемками или снурками.

Съ нѣкотораго времени вошло въ моду подвязывать мальчикамъ рубашки и блузы кожаными кушаками, которые, сжимая животъ и нижнюю часть груди, про-

изводитъ такое же вредное дѣйствіе, какъ и корсеты, хотя и не въ такой сильной степени. Другой, не менѣе вредный обычай, который также съ недавняго времени распространился, состоитъ въ томъ, что маленькихъ мальчиковъ уже заставляютъ носить помочи; отъ этого происходитъ довольно сильное давленіе на плечи и на позвоночный столбъ; помочи не только носятъ всю тяжесть брюкъ, но, будучи сильно натянуты, мѣшаютъ движенію всего туловища. У слабыхъ же дѣтей, съ расположеніемъ къ болѣзнямъ, они могутъ ускорить развитіе послѣднихъ, и если уже начались кое-какія искривленія (они могутъ принадлежать къ боковымъ или подъ угломъ, къ направленнымъ назадъ или впередъ), то эти послѣднія непремѣнно усиливаются. Гораздо лучше для маленькихъ мальчиковъ пристегивать панталоны къ куртѣ или жилету: такимъ образомъ тяжесть ихъ равномѣрнѣе распредѣлится и не будетъ напрягать одни плечи.

Искривленіе позвоночнаго столба, имѣя малѣйшій зачатокъ, постепенно усиливается, а съ увеличеніемъ искривленія усиливаются и физическія страданія. Сначала искривленіе позвоночнаго столба бываетъ едва замѣтно, но вскорѣ оно ясно обозначается. Однимъ изъ первыхъ признаковъ искривленія есть особенная извилина въ спинѣ: при боковомъ искривленіи одно плечо выше, а другое какъ бы прижато. У многихъ это безобразіе скрывается довольно долго отъ общаго вниманія посредствомъ мягкихъ подушечекъ, которыя кладутся на углубленномъ мѣстѣ; но отъ опытнаго глаза оно ускользнуть не можетъ, хотя бы при этомъ и не обнаруживались еще физическія страданія. Такіе способы не только не излечиваютъ и не улучшаютъ искривленій, но напротивъ бываютъ причиною потери драгоцѣннаго времени, въ которое бы можно было употребить дѣйствительныя средства для устраненія недуга.

Такой же вредъ, какъ обыкновенныя шнуровки, если не болѣе еще, производятъ такъ называемые ортопедическіе корсеты съ китовымъ усомъ и стальными планшетками и другія подобныя изобрѣтенія, которыми думаютъ украсить свою наружность или, какъ говорятъ, предохранить себя отъ искривленія. Нисколько не исцѣляя увѣчья, они напротивъ усиливаютъ его и вообще значительно способствуютъ уклоненію отъ нормальной формы.

Нужно дѣйствительно имѣть только поверхностныя знанія о построеніи и назначеніи человѣческаго тѣла, чтобы понять все гибельное вліяніе этой принадлежности дамскаго туалета; ибо всѣ корсеты такъ устроены, что болѣе или менѣе производятъ давленіе на грудь, на животъ и на тазъ. А если иные думаютъ, что болѣзненнымъ дѣтямъ корсетъ можетъ служить опорой ихъ слабыхъ мышцъ, и что уменьшенное напряженіе мышечныхъ силъ можетъ укрѣпить самыхъ дѣтей и ихъ спинныя мышцы, то они весьма ошибаются: они употребляютъ совершенно превратныя средства. Есть неопровержимый физіологическій законъ, основанный на опытахъ, что мышцы отъ повторенной дѣятельности укрѣпляются, при постоянномъ же бездѣйствіи ослабѣваютъ. Слѣдовательно, нѣтъ никакого основанія полагать, что корсетами можно укрѣпить спинныя мышцы. Напротивъ, при ношеніи ихъ дѣятельность мышцъ не только дѣлается недужною, но и невозможною, а вслѣдствіе совершеннаго бездѣйствія мышцы должны неминуемо разслабнуть и исчахнуть.

Въ томъ впрочемъ нѣтъ ничего удивительнаго, что женщины, носившія корсетъ съ самаго дѣтства, находятъ въ немъ для себя поддержку. Очень натурально, что, привыкнувъ къ корсету, имъ кажется, что онѣ не могутъ обойтись безъ него, что безъ него физическія страданія ихъ увеличиваются. Но стоитъ только рѣшиться бросить его, и онѣ въ весьма скоромъ времени почувствуютъ благодѣтельную перемѣну въ отправленіяхъ всего организма. Многія женщины впрочемъ въ настоящее время начинаютъ уже убѣждаться во вредности корсета; многія уже покинули его и пользуются лучшимъ противъ прежняго здоровьемъ и лучшимъ настроеніемъ духа; аппетитъ у нихъ увеличивается, и онѣ въ состояніи дѣлать гораздо большія усилія и выносить большую усталость. Впрочемъ едва ли можно ожидать, чтобы попытка отвратить женскій полъ вообще отъ этой моды имѣла большой

успѣхъ, пока врачамъ не удастся явно доказать весь вредъ отъ корсетовъ нынѣшняго фасона.

Корсетъ только въ такомъ случаѣ не будетъ вредить здоровью, если онъ нигдѣ не жметъ, эластиченъ, гибокъ и вообще не мѣшаетъ свободному движенію. Для дѣвицъ, которыя еще растутъ, корсетъ вмѣсто того, чтобы заснуровываться сзади, долженъ застегиваться спереди на пуговицахъ или крючкахъ; взрослыя же женщины могутъ и снуроваться, если только корсетъ правильно сдѣланъ. Но въ такомъ случаѣ его должно заснуровывать также спереди, и на каждой сторонѣ около дырочекъ должны быть резиновыя вставки по крайней мѣрѣ въ 1 дюймъ ширины и такая же, только вдвое шире, на спинѣ. Корсетъ не долженъ захватывать бедръ, или же въ немъ должны быть вставлены на этомъ мѣстѣ, какъ и на груди, клинушки изъ эластической матеріи; гривенки должны пришиваться немного вкось, для того чтобы онѣ плоско спускались по плечамъ. Матерія должна быть крѣпка и въ то же время упруга; единственныя косточки китоваго уса, которыя могутъ быть допущены, суть два тоненькіе прутика съ обѣихъ сторонъ дырочекъ снуровки и двѣ косточки по бокамъ — для предохраненія отъ нажимающихъ складокъ.

Дѣтскія игрушки [1]).

Я отчасти раздѣляю мнѣніе Демокрита, что самое серіозное съ виду не кажется серіознымъ. На выставкѣ я встрѣчалъ людей, досадовавшихъ на толпу, которая, оставивъ серіозные предметы, тѣснилась передъ дѣтскими игрушками. Я же въ свою очередь удивляюсь тому, что толпа была такъ незначительна. Дѣтскія игрушки, наравнѣ съ предметами, касающимися книгопечатанія, составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ выставки. Ихъ считаютъ пустыми, потому что онѣ служатъ для забавы. Это дѣйствительно такъ; но въ то же время онѣ, какъ и книги — средства къ воспитанію; онѣ способствуютъ образованію человѣка, а человѣкъ, помимо всѣхъ чудесныхъ машинъ, дѣлаемыхъ въ наше время, остается все-таки самымъ интереснымъ изъ всѣхъ изобрѣтеній. Нѣсколько времени тому назадъ появилось сочененіе, авторъ котораго предлагалъ начать воспитаніе человѣка еще до его рожденія. Это всѣмъ показалось преждевременнымъ и неудобнымъ къ исполненію. Но когда ребенокъ родился, когда душа его проснулась, когда разумъ его являетъ первые проблески сознанія, когда уста его слагаются для первыхъ словъ, а ноги дѣлаютъ первые шаги, — тогда слѣдуетъ начать и физическое, и нравственное воспитаніе. Съ этимъ всѣ согласны, даже дикіе народы, которые шестимѣсячнымъ младенцамъ придавливаютъ носъ, чтобы сдѣлать ихъ красивѣе, или сжимаютъ между двухъ досокъ ихъ головы, чтобы удлинить черепъ и сдѣлать ихъ умнѣе. У образованныхъ народовъ, у которыхъ воспитаніе начинается не пыткою, а удовольствіемъ, игрушки могли бы играть важную роль; но вообще объ этомъ и не думаютъ. Сочинители трактатовъ о воспитаніи считаютъ себя слишкомъ важными господами, чтобы заняться этими бездѣлками; даже умные люди, которые знаютъ, что нѣтъ бездѣлокъ, если дѣло идетъ о дѣтяхъ, забыли статью объ игрушкахъ. Такъ она ускользнула отъ Тасса въ его «Отцѣ семейства», — отъ Рабелѐ, котораго молодой великанъ Гаргантуа только и умѣетъ играть шаромъ, — отъ Руссо, котораго маленькій философъ Эмиль почти вовсе не играетъ. Это пропускъ въ педагогикѣ. А дѣти стоютъ того, чтобы

---

[1]) Предлагаемая здѣсь статья о дѣтскихъ игрушкахъ заимствована нами изъ описанія бывшей въ Парижѣ всемірной выставки; она, какъ читатели увидятъ, не только весьма остроумна, но и многознаменательна въ педагогическомъ отношеніи.

нѣсколько заняться ихъ удовольствіями. Между тѣмъ дѣло считается исполненнымъ, если изобрѣтены игрушки, которыя забавляютъ ихъ, не причиняя боли ихъ нѣжнымъ ручкамъ. Но этого недостаточно: дѣти гораздо болѣе развитыя личности, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Они понимаютъ прежде, чѣмъ говорятъ; ихъ глаза замѣчаютъ формы различныхъ предметовъ даже въ то время, когда они, какъ кажется, блуждаютъ, не будучи въ состояніи остановиться на чемъ-нибудь; ихъ слухъ можетъ уже различать звуки, тогда какъ они по видимому еще не узнаютъ голоса матери. Какая же первая игрушка, которую даютъ имъ въ руки? Гремушка. Я видѣлъ прехорошенькія: изъ слоновой кости, изъ серебра простого и золоченаго, вычеканенныя съ рѣдкимъ искуствомъ... Но признаться ли? самая красивая гремушка возмущаетъ меня. Я не жалуюсь, подобно Аддисону, на то, что гремушка, пріучая ребенка къ движеніямъ и живости, развиваетъ въ немъ способность дѣйствія въ ущербъ умозрительнымъ способностямъ. Человѣкъ рожденъ для дѣятельности, а потому не худо, если онъ пріучается къ ней сызмала. Но къ чему же этого металлическаго человѣчка, перваго друга дѣтей, дѣлаютъ почти всегда существомъ безобразнымъ, съ горбомъ спереди и сзади, со ртомъ до ушей и съ носомъ, который почти касается подбородка? Первое подражаніе природѣ, бросающееся въ глаза ребенку, это — образъ чудовища! Онъ начинаетъ знакомиться съ искуствомъ посредствомъ безобразія. Точно торопятся показать безобразіе его удивленнымъ, только-что открывшимся глазамъ, какъ будто они не будутъ имѣть времени наглядѣться на него! Я знаю, что я въ этомъ отношеніи противорѣчу мнѣнію Руссо. Онъ старается познакомить своего Эмиля съ самыми безобразными животными, подъ предлогомъ пріученія его къ нимъ. Я думаю, что можно достигнуть этого безъ содѣйствія уродовъ. Нѣтъ надобности знакомить ребенка съ жабою, для того чтобы отучить его бояться трубочиста. Но это еще не все. Въ тѣло этого кривоногаго и горбатаго человѣка вдѣлываютъ свистокъ, звукъ котораго раздираетъ пробуждающійся слухъ ребенка. Это, говорятъ, для забавы дитяти. Вотъ первое понятіе, которое даютъ ему о музыкѣ! Первый музыкальный дебютъ его жизни есть фальшивая нота. Я увѣренъ, что у насъ каждый годъ, вслѣдствіе воспитанія дѣтей гремушкою, убивается въ самомъ зародышѣ множество музыкальныхъ и живописныхъ талантовъ. Монтэнь сожалѣетъ, что въ его время въ коллегіяхъ, которыя онъ называетъ «настоящими тюрьмами заключеннаго юношества», никому не вздумалось воздвигнуть красивыя статуи Радости, Флоры и Грацій, чтобы съ ранняго возраста окружить молодыхъ людей изображеніями красоты. Я раздѣляю сожалѣніе Монтэня, и желалъ бы видѣть подъ деревьями нашихъ лицеевъ статуи — возможно вѣрныя подражанія античнымъ образцамъ; это было бы законнымъ вознагражденіемъ за безконечное зло, причиненное гремушкою. Но въ особенности я желалъ бы, чтобы серебрянныхъ дѣлъ мастера, вмѣсто отвратительныхъ лицъ этихъ гремушекъ, кажущихся еще уродливѣе оттого, что они золотыя и серебрянныя, — дѣлали отнынѣ только красивыя и улыбающіяся фигуры, которыя пробудили бы въ ребенкѣ божественную идею граціи. И что мѣшаетъ, вмѣсто этихъ варварскихъ свистулекъ, которыя портятъ слухъ и доставляютъ намъ впослѣдствіи столько дурной музыки, искусно вставить въ гремушку какой-нибудь инструментъ, издающій вѣрные и мелодическіе звуки, которые открыли бы ребенку первыя тайны гармоніи? Нѣтъ ничего легче, какъ сдѣлать это въ наше время, когда промышленность, приспособленная къ музыкѣ, производитъ гармоническіе механизмы такого совершенства, которое въ состояніи пристыдить музыканта. Если умѣли изобрѣсть автоматическія фортепіано, исполняющія безъ посторонней помощи капризы Листа и фантазіи Тальберга, то могли бы сдѣлать и гремушки, которыя научили бы маленькихъ дѣтей гаммѣ.

Гремушка черезъ годъ смѣняется куклою. Я видѣлъ въ Palais de Champs Elysées превосходныхъ куколъ; онѣ составляли замѣчательнѣйшую часть выставки игрушекъ. Эти куклы — маленькія совершенства; жаль только, что миловидность ихъ — на одинъ ладъ. Въ

этомъ можно упрекнуть ихъ; тамъ вы найдете до двадцати такихъ, которыя имѣютъ одну и ту же физіономію: точно толпа сестеръ-близнецовъ! Даже нѣкоторыя иностранныя куклы имѣютъ видъ француженокъ: ихъ можно принять за колонію парижанокъ за границею. Нѣкоторое исключеніе составляютъ только маленькія миссъ лондонскихъ фабрикантовъ. Съ видомъ цѣломудренной непреклонности, съ чопорною походкою и коротенькими накрахмаленными юпками, онѣ смотрятъ изъ-подъ своихъ шляпокъ настоящими англичанками. Мнѣ нравится, если люди имѣютъ физіономію своей страны. Но француженки ли, или иностранки, всѣ эти барышни имѣютъ свои недостатки; и я хочу почтительно высказать имъ все, что у меня на душѣ. Скажите, что такое кукла? Это ни вещь, ни предметъ; это существо, это ребенокъ ребенка. Дитя силою своего воображенія надѣляетъ куклу жизнью, движеніемъ, поступками, отвѣтственностью. Оно управляетъ куклою, какъ имъ управляютъ родители; оно наказываетъ или награждаетъ ее, ласкаетъ или удаляетъ отъ себя и запираетъ, смотря по тому, хорошо или дурно вела себя кукла; оно внушаетъ ей повиновеніе, которому подвержено само; оно раздѣляетъ съ нею воспитаніе, которое получаетъ. Ничего не можетъ быть способнѣе къ развитію нравственныхъ убѣжденій ребенка. Эта прелестная роль матери, играемая маленькою дѣвочкою, приноситъ ей пользу, составляетъ половину воспитанія ея самой. Вотъ философическій взглядъ на куклу. И потому все, что способствуетъ добровольному самообольщенію ребенка, все что даетъ болѣе основанія его любви и материнскому авторитету, дѣлая изъ куклы существо правдоподобное, — все это будетъ прогресомъ. Выдумали внутренній механизмъ, заставляющій куколъ говорить, и я видѣлъ такую, которая явственно звала своего папашу, но которая за то стоила пятьсотъ франковъ. Это дорогая цѣна за припадокъ чревовѣщательства. Я не придаю большой важности такимъ усиліямъ. Ребенокъ съумѣетъ заставить говорить свою куклу лучше всевозможныхъ механизмовъ. Воспитаніе не нуждается въ автоматахъ Вокансона. Но чему я очень радъ, такъ это тому, что въ настоящее время тѣло куколъ стало менѣе грубо и топорно, какъ бывало прежде. Я доволенъ, что куклы стали въ уровень съ наукою, что онѣ воспользовались новѣйшими изобрѣтеніями, что онѣ приладили себѣ подвижные суставы, которые позволяютъ имъ шевелиться, садиться, вставать и становиться на колѣни, гораздо легче, чѣмъ мы съ вами, читатель, въ состояніи это сдѣлать. Какая разница между тѣми старинными куклами на рессорахъ, неповоротливыми какъ дерево, изъ котораго они сдѣланы, и этими прелестными малютками, гибкими, какъ каучукъ, служащій для ихъ мускуловъ и нервовъ. Отъ души поздравляю современныхъ куколъ, что онѣ рѣшительно предпочли болѣе естественный цвѣтъ лица, который даетъ фарфоръ и еще въ большей степени воскъ, и улыбающіяся малиновыя губы прежнимъ лицамъ, грубо намазаннымъ красками; что онѣ замѣнили неподвижные и глупые глаза изъ папки красивыми голубыми или черными стеклянными глазами, выразительными и нѣжными, а толстый конскій волосъ, оскорблявшій зрѣніе и осязаніе, шелковыми кудрями, раскинутыми по плечамъ. Я повторяю, что это дѣйствительный прогресъ, но все-таки прогресъ только матеріальный. О какихъ же улучшеніяхъ я еще мечтаю? Прежде всего было бы крайне необходимо издать противороскошный законъ относительно всѣхъ куколъ вообще, какъ нѣкогда сдѣлано было въ Римѣ противу римскихъ дамъ. Катонъ сдѣлалъ это непріятное обществу предложеніе и нашелъ себѣ противника въ дочери адвоката, Гортензіи, наслѣдовавшей отъ отца умѣнье защищаться. Бѣдный Катонъ вышелъ изъ этой битвы нѣсколько пораженный. Но что нужды въ томъ? Его примѣръ не пугаетъ меня, и я смѣло называю роскошь куколъ общественною опасностью. Разсмотрите этихъ принцессъ: на нихъ только бархатъ, атласъ и шелкъ, драгоцѣнные камни, кружева и ленты. Поневолѣ воскликнешь: это все знатныя барыни! Одѣты онѣ всѣ по модѣ и не по вчерашней модѣ, — вчерашнюю моду онѣ уже давно уступили своимъ горничнымъ, — но по сегодняшней модѣ. Что я говорю? куклы предупреждаютъ женщинъ цѣлы-

ми сутками. На нихъ пробуютъ завтрашнюю моду. Какъ вы думаете, гдѣ онѣ заказываютъ себѣ платья? У Пальмиры. А шляпы? У Одъ. А цвѣты? У Constantin. А эти маленькія шали: полукашемиръ, полукружево? У Фелиси. Но довольно; я боюсь дойти до извѣстныхъ юпокъ съ китовыми усами, въ сравненіи съ которыми фижмы нашихъ бабушекъ ничто. Напрасно я искалъ, какъ седьмого чуда свѣта, скромную куколку, которая, не краснѣя, носила бы ситцевое платье. Напрасно я по всей выставкѣ искалъ субреточку между всѣми этими княгинями. Я нашелъ только одну субретку Комической оперы въ вышитомъ кисейномъ платьѣ, въ передникѣ сизаго цвѣта. Виноватъ! Позади одной маркизы, въ платьѣ о пяти воланахъ, я замѣтилъ скромно прятавшуюся, какъ фіалка, служанку Кальвадоса, одѣтую настоящею норманкою, и подлѣ нея бретонскаго крестьянина. Я съ удовольствіемъ смотрю на одежду нашихъ старыхъ провинцій: она доказываетъ дѣтямъ, что не вся Франція носитъ черные фраки и платья съ фалбалами. Глядя на нее, дѣти путешествуютъ воображеніемъ, привыкаютъ наблюдать вокругъ себя разницу сперва въ одеждѣ, потомъ въ языкѣ, наконецъ въ обычаяхъ. Это хорошія привычки, а привычки мало по малу обусловливаютъ характеръ. И притомъ эти норманка и бретонецъ смотрятъ такими честными людьми! Хотя этотъ маленькій крестьянинъ одѣтъ по праздничному: въ коричневый камзолъ и бѣлый жилетъ, но по его спокойному и довольному лицу видно, что онъ работалъ цѣлую недѣлю. А служанка? Посмотрите на этотъ коленкоровый чепчикъ на ея головѣ, на толстую рубашку изъ сѣраго холста, на синій корсажъ и передникъ, на шерстяную полосатую, чорное съ бѣлымъ юпку, на сѣрые чулки и деревянные башмаки: какой добрый и простосердечный, хотя и грубый видъ! Она добрая дѣвушка, будьте увѣрены; нравственная, трудолюбивая, спокойная духомъ и здоровая тѣломъ, которая не праздно живетъ на фермѣ. Вотъ настоящія куклы, милыя, простыя и полезныя! Что же касается до этихъ госпожъ, которыя такъ важничаютъ въ своихъ шелковыхъ платьяхъ, какъ будто хотятъ сказать всему свѣту: «смотрите на насъ!» Да ну ихъ, съ ихъ напыщенностью и важностью! Скажите, неужели вы думаете, что маленькимъ дѣвочкамъ девятнадцатаго столѣтія, съ самаго нѣжнаго возраста, нужно учиться у куколъ искуству рисоваться предъ свѣтомъ? Неужели вы думаете, эти жеманныя губы, закатывающіеся глаза, всѣ эти кривлянья въ полной парадной формѣ научатъ дѣтей естественности и простотѣ? Неужели вы думаете, сударыня, что эти маленькія франтихи, которыя не знаютъ простыхъ нарядовъ, которыя всегда какъ будто ѣдутъ съ визитами или на балъ, которыя очевидно были поутру на гуляньѣ, а вечеромъ поѣдутъ въ театръ, — внушатъ вашей маленькой дочери любовь къ домашней жизни и хозяйственнымъ заботамъ? А эта невѣста, которую я тамъ вижу, эта великолѣпная особа, вся въ кружевахъ и въ брилліантахъ, подлѣ которой сохнутъ отъ зависти три другія куклы — старыя дѣвы; скажите, ради Бога, зачѣмъ она выходитъ замужъ? Нѣтъ; въ самомъ дѣлѣ? затѣмъ ли, чтобы при умѣренныхъ средствахъ быть счастливой съ мужемъ, котораго она любитъ, и наслаждаться съ нимъ прелестями семейной жизни? Увы, нѣтъ, а для того, чтобы имѣть эту маленькую двумѣстную карету, запряженную парою сѣрыхъ въ яблокахъ лошадей, которыхъ вы отсюда можете видѣть на сосѣднемъ столѣ. О Боже, сударыня, какой примѣръ для вашей дочери, и какъ трудно будетъ нѣкогда выдавать ее замужъ, если судьба не пошлетъ ей милліонера!

Само собою разумѣется, что противороскошный законъ, который я испрашиваю у правительства, долженъ простираться не на одну одежду, но и на квартиры, мебель и посуду, потому что куклы и живутъ также, какъ одѣваются: надобно же, чтобы все шло одно въ одному. Войдите къ нимъ: шелковые обои, турецкіе ковры, этажерки розоваго дерева съ крошечными китайскими бездѣлушками, шкафы à la Renaissance, кресла во вкусѣ Людовика XIII, консоли во вкусѣ Людовика XV, вся исторія Франціи въ ихъ салонѣ. А въ спальняхъ кружевныя занавѣсы, туалеты Буля, на которыхъ разставлены вещи изъ слоновой кости, хрусталя и вызолоченнаго сереб-

ра; кровати, какія кровати! Боже мой! кто можетъ жить въ такихъ дворцахъ! Куклы-камеліи, никто больше! То ли дѣло комнатки въ двадцать пять су, которыми снабжаетъ насъ Виртембергъ, съ маленькою плохой работы и набивки мебелью орѣховаго дерева, крытою ситцемъ, съ кроватями безъ особыхъ одѣялъ для ногъ, съ бѣлыми миткалевыми занавѣсками, съ картоннымъ каминомъ, который непремѣнно дымитъ! Все это не великолѣпно; но, не правда ли, все это имѣетъ скромный и приличный видъ, который необходимъ для первой комнаты молодой дѣвушки. Или какъ не предпочесть эти англійскія фермы Сперина, въ которыхъ зеленая бумага чудесно представляетъ лугъ со множествомъ микроскопическихъ собакъ, овецъ, лошадей и коровъ, будто срисованныхъ съ коровъ Курбета. Посуда изъ олова, жести или, въ крайнемъ случаѣ, изъ накладного серебра, въ родѣ той, которую доставилъ на выставку домъ Ларбо, — вотъ что годится для дѣтей болѣе серебра и позолоты. Это прочно, красиво и дешево: а дешевизна игрушекъ, это — экономія, это — милостыня, къ которой съ раннихъ поръ слѣдуетъ пріучать ребенка. Заставьте дѣтей отдавать бѣднымъ половину цѣны той игрушки, которую они утромъ купятъ, а вечеромъ сломаютъ, — игрушка будетъ не такъ хороша, но за то бѣднякъ будетъ сытъ, удовольствіе ребенка не уменьшится, и Богъ его благословитъ.

Только три государства Европы доставили свои игрушки на выставку: Франція, Германія и Англія. Я искалъ игрушки въ другихъ мѣстахъ выставки и нашелъ только въ отдѣленіи Азіи. Повидимому Франція, Германія и Англія взялись забавлять дѣтей всѣхъ образованныхъ государствъ: очень почтенное преимущество. Я сожалѣю о народахъ, которые не имѣютъ собственныхъ игрушекъ и довольствуются заграничными: вѣроятно они ничего не понимаютъ въ воспитаніи. А между тѣмъ въ отношеніи наблюденія нравовъ это пропускъ, достойный сожалѣнія. Народъ виденъ въ дѣтскихъ игрушкахъ. Еслибы г. Бональдъ видѣлъ выставку, то навѣрно измѣнилъ бы свою аксіому и сказалъ бы: «игрушки суть выраженіе общества». Посмотрите, напримѣръ, на бенгальскія игрушки въ выставкѣ Индіи; на эти фигуры, точно спрятанныя въ футлярѣ, какъ старыя статуи египетскаго музея: нѣкоторыя качаются въ паланкинахъ, другія вскарабкались на слоновъ и верблюдовъ; одни покоятся на подушкахъ, другія курятъ, поджавъ ноги. Все погружено въ наслажденіе кейфомъ, въ сладострастное забвеніе всякаго труда, всякаго движенія, всякой мысли. Вокругъ нихъ фантастическія животныя, необыкновенные павлины, небывалые индѣйскіе пѣтухи, четвероногіе — смѣсь единорога съ слономъ, такія же неповоротливыя, неподвижныя и окаменѣлыя, какъ люди: совершенное выраженіе восточной жизни, полной застоя и сна.

Точно такъ же можно узнать и Германію, глядя на ея игрушки: все разумныя изобрѣтенія, основательныя и нѣсколько тяжеловатыя, народа трудолюбиваго, который предпочитаетъ полезное изящному. Всѣ игрушки, выражающія жизнь промышленную, торговую, земледѣльческую: садовые инструменты, орудія разныхъ ремеслъ, тележки, конторки и т. д., и все это превосходно сдѣлано и чрезвычайно дешево. Жизнь въ Германіи дешевле, чѣмъ во Франціи: матеріалъ дешевле, — дешевле и работа. Германія можетъ заставить нашихъ фабрикантовъ понизить свои цѣны до уровня ея цѣнъ, подобно тому, какъ наши фабриканты могутъ заставить ее довести совершенство ея работъ до степени совершенства своихъ произведеній. Обратитесь къ г. Дитриху въ Лудвигсбургѣ, и онъ продастъ вамъ за 3 франка мастерскую столяра или лавку кондитера, что хотите. Нѣмцы любятъ примѣнять къ своимъ дѣтскимъ игрушкамъ изобрѣтенія науки; и это, безъ сомнѣнія, превосходная идея. Хотите, дружокъ мой, провести желѣзную дорогу отъ одного угла вашей комнаты до другого? Вы имѣете позволеніе, подписанное вашими родителями; это хорошо: не сзывайте акціонеровъ, не сбирайте капитала. Вы знаете, что Германія охотно продаетъ желѣзныя дороги. Обратитесь къ гг. Року и Гранеру въ Биберахѣ, людямъ искуснымъ, получившимъ медали въ Лондонѣ и Мюнхенѣ. Они тотчасъ же доставятъ вамъ полный поѣздъ: готовыя

рельсы, два вагона, два дилижанса, одинъ товарный вагонъ, тендеръ и локомотивъ Крамптона, а сверхъ всего этого — пасажировъ, застрахованныхъ противъ всякаго взрыва. Цѣна — 12 франковъ 50 сантимовъ за поѣздъ. Или вамъ лучше хочется спускать пароходы въ Люксембургскомъ или Тюльерійскомъ прудѣ? Вотъ цѣлая флотилія нетонущихъ пароходовъ по 5 франковъ за штуку, которые принимаютъ пасажировъ за самую сходную цѣну; причемъ кушанье, помѣщеніе, табльдотъ превосходны, и сверхъ того въ капитанской каютѣ флигель Эрара. Всѣ эти игрушки просто чудеса. Но знаете ли, что эта самая Германія, которая обладаетъ такими чудесными идеями, при всемъ своемъ простодушномъ видѣ, расчитываетъ на наши страсти и поддерживаетъ свою добродѣтель на счетъ нашихъ пороковъ? Между этими безукоризненными игрушками, которымъ я отъ души удивляюсь, между этими разнообразными инструментами, признаками труда, она постаралась помѣстить маленькія лоттереи, основанныя на привлекательныхъ расчетахъ и хитростяхъ. Она прививаетъ нашимъ дѣтямъ страсть къ рулеткѣ, чтобы впослѣдствіи молодые люди приносили ей въ Баденъ, Гомбургъ и Висбаденъ свои или — вѣрнѣе сказать — наши деньги. Такимъ образомъ Германія даже въ нашихъ семействахъ тщательно воспитываетъ маленькихъ игроковъ. Когда они подростутъ, она пригласитъ ихъ переѣхать чрезъ Рейнъ и поставить свои капиталы на красную или черную, какъ извѣстно — выгодное предпріятіе. Не довѣряйте же Германіи и ея лоттереямъ.

За что еще я охотно поссорился бы съ нею, это — за марсоманію ея. Хотя мы во Франціи также любимъ играть въ солдаты, но все-таки мы не выставили ихъ. Три или четыре бумажныхъ полка г. Зильбермана изъ Стразбурга, — вотъ весь гарнизонъ Франціи на всемірной выставкѣ! Англія не послала ни одного пѣхотинца. Но за то Баварія, Саксонія и Пруссія поставили на ноги всю свою часть союзнаго войска, — точно какъ будто онѣ считали себя небезопасными въ Парижѣ и взяли для своего прикрытія цѣлую армію, и чтобы польстить намъ — одѣли ее во французскіе мундиры. А именно Саксонія нарядила цѣлый полкъ въ мундиръ французскихъ маршаловъ; весь полкъ въ большихъ эполетахъ, съ золотымъ шитьемъ и съ орденами почетнаго легіона. Что касается до Пруссіи, то она сдѣлала еще лучше; она своею прымышленностью заняла то мѣсто въ западномъ союзѣ, котораго никогда не занимала въ дипломатическомъ отношеніи, и смѣло перешла на сторону Франціи. Пруссія, въ лицѣ г. Зельке изъ Берлина, выставила три побѣды союзниковъ: при Ольтеницѣ, Калафатѣ и Алмѣ. Въ особенности замѣчательно Алмское сраженіе: тамъ французы съ геройскимъ увлеченіемъ рѣжутъ русскихъ; зуавы переправляются чрезъ рѣку и берутъ приступомъ холмъ, не смотря на мѣдныя пушки, которыя наведены на нихъ; англичане неподвижно выдерживаютъ ружейный огонь непріятеля; лошади становятся на дыбы; всадники валятся на землю, а вдали море сверкаетъ тысячью огней. Рѣшительно, Пруссія первая военная держава относительно оловянныхъ солдатъ. Даже Цюрихъ, который обыкновенно поставляетъ такихъ чудесныхъ солдатъ, не превосходитъ ея въ этомъ отношеніи. Не смотря на то, я не могу не похвалить Цюриха и вообще всей Швейцаріи; тѣмъ лучше для нея, если она можетъ обойтись безъ этихъ воинственныхъ игрушекъ, которыя составляютъ первую страсть дѣтей и впослѣдствіи въ большихъ размѣрахъ становятся страстью взрослыхъ. Сознаюсь, рискуя прослыть за члена мирнаго конгреса, я не люблю видѣть въ рукахъ дѣтей такъ много ружей, сабель, пикъ, касокъ, пистолетовъ, пушекъ, солдатъ. Въ такихъ играхъ они легко привыкаютъ повелѣвать, сохраняютъ эту привычку впослѣдствіи, безсознательно переносятъ ее въ житейскія отношенія. Они какъ бы остаются офицерами въ гражданской жизни. Я предпочитаю всѣмъ этимъ воинственнымъ игрушкамъ, которыя осалдатчиваютъ ребенка, мячъ, серсо, волчокъ и даже бумажный змѣй, который, не смотря на то, что одинъ баснописецъ назвалъ его эмблемою честолюбія, не вскружилъ до сихъ поръ ничьей головы и не испортилъ ничьего характера.

Вообще выставка дѣтскихъ игрушекъ была болѣе любопытна, чѣмъ блестяща.

Францiя занимала первое мѣсто въ отношенiи вкуса и изящества, а Германiя — въ отношенiи дешевизны. Въ игрушкахъ вообще, и въ механическихъ въ особенности, замѣтенъ необыкновенный существенный прогрессъ. Автоматы гг. Теруда, Бонтаме, Гвильяра и Вердавина во Францiи и г-жи Монтанари въ Англiи выходятъ изъ ряда игрушекъ, какъ по своему совершенству, такъ и по своей цѣнѣ; напр. турокъ, курящiй зажженную трубку, — баядерка, которая за 1200 франковъ необыкновенно легко танцуетъ на канатѣ, — колибри, которыя за 1000 франковъ даютъ прехорошенькiй концертъ, — куколка, которая спитъ, просыпается, зоветъ свою няню, сердится и возится въ своей колыбелькѣ. Это уже не игрушки, а произведенiя искуства, механизмъ которыхъ достоинъ удивленiя. Но есть еще другое улучшенiе, которое я желалъ бы видѣть осуществденнымъ и которое я назвалъ бы моральнымъ прогресомъ игрушекъ. Конечно необходимы игрушки, служащiя только для удовольствiя, или только для моцiона, для умственнаго отдыха и тѣлеснаго развитiя. Пусть такiя игрушки размножаются сколько угодно, хотя было бы можетъ-быть лучше, если бы изобрѣли такiя, которыя болѣе чѣмъ теперешнiя знакомили бы дѣтей съ исторiею, географiею, рисованiемъ, архитектурою и другими практическими науками. Но ради Бога, уничтожьте безъ сожалѣнiя всѣ азартныя игры, удалите съ глазъ ребенка всѣ предметы, мѣшающiе развитiю въ немъ идеи красоты; не оставляйте въ его рукахъ безъ пользы игрушекъ, могущихъ способствовать воспитанiю его ума или души! Истребите въ игрушкахъ роскошь и дорого стоющее, вредное и смѣшное тщеславiе! Ребенокъ долженъ забавляться игрушками, — плохо, если онѣ научаютъ его тщеславiю. Игрушки должны служить для удовольствiя, много-что для поученiя; тѣ же, которыя возбуждаютъ страсти, должно предоставить взрослымъ людямъ. Чтобы произвесть этотъ переворотъ въ дѣтскихъ игрушкахъ, я не расчитываю на самыя заинтересованныя стороны: на продавцовъ игрушекъ и дѣтей. Они понимаютъ другъ друга, какъ воры на ярмаркѣ: одинъ хочетъ продать, другой купить; до остальнаго имъ нѣтъ дѣла. Я расчитываю на здравый смыслъ матерей: онѣ должны соединиться, чтобы ввести противороскошный законъ, о которомъ я упоминалъ выше. При этомъ выиграли бы всѣ; и кто знаетъ? быть-можетъ онѣ, прiучая своихъ дѣтей къ простотѣ, кончили бы тѣмъ, что сами бы вовратились къ ней.

Дѣтскiя игры. [1])

Игры дѣтей должны имѣть важное значенiе не только для педагога, но и для всякаго интересующагося дѣтскимъ возрастомъ человѣка, во-первыхъ, какъ характеристическое явленiе этого возраста вообще и въ жизни каждаго ребенка отдѣльно, а во вторыхъ, какъ воспитательное средство.

Ничто такъ не способствуетъ къ познанiю существа дѣтей, какъ изученiе ихъ игръ. Хотя онѣ такъ же многочисленны, какъ занятiя и жизненныя явленiя у взрослыхъ, однако нельзя и того отрицать, что игры дѣтей всѣхъ временъ, народовъ и сословiй имѣютъ нѣкоторый общiй отпечатокъ; потому что сущность игры вездѣ одинакова, какъ одинаковы натуры дѣтей, выраженiемъ которыхъ она служитъ. Она основана на потребности ребенка въ моцiонѣ, на стремленiи его завязать знакомство съ окружающимъ его мiромъ, на охотѣ его къ занятiямъ, и потому проявляется иногда въ желанiи позабавиться, иногда въ желанiи чему-нибудь научиться, а

[1]) Авторъ этой статьи, извѣстный своимъ сочиненiемъ »Дѣтство человѣка«, принадлежитъ къ тому небольшому числу врачей-педагоговъ, которые посвятили себя изученiю дѣтской природы во всѣхъ ея отношенiяхъ.

иногда просто въ потребности порасправить свои члены. Игры возникаютъ при помощи наблюдательности дѣтей, способности ихъ къ подражанію и любви ихъ къ разнаго рода опытамъ. Содержаніе своихъ игръ они заимствуютъ изъ окружающаго міра, изъ жизни взрослыхъ или животныхъ, а также изъ явленій природы, изъ окружающихъ ихъ предметовъ и вещей. Потому игра ребенка есть внѣшнее проявленіе его существа и способствуетъ отчасти его самообразованію; вслѣдствіе этого она выражается и развивается различно, смотря по возрасту и полу дитяти, по характеру и темпераменту его, а также по внѣшней обстановкѣ, имѣющей на него вліяніе (каковы примѣры).

Какъ медленно и постепенно происходитъ физическое и нравственное развитіе ребенка, такъ же медленно и постепенно развиваются и игры его. Первыя игры ребенка начинаются едва замѣтнымъ образомъ и состоятъ въ томъ, что онъ хватаетъ, трясетъ и заставляетъ звучать предметы блестящіе, бросающіеся ему въ глаза, или знакомые ему по звуку и любимые имъ, или въ томъ, что онъ, сидя въ ваннѣ, плескается, любуясь на блестящіе брызги и прислушиваясь къ шуму воды, или наконецъ въ томъ, что онъ, въ хорошемъ расположеніи духа, самъ старается произвесть звуки, которымъ и внимаетъ съ видимымъ удовольствіемъ. Слѣдовательно первыя игры маленькихъ дѣтей состоятъ въ болѣе или менѣе намѣренномъ произведеніи пріятныхъ чувственныхъ впечатлѣній простѣйшаго рода. Сюда, по прошествіи нѣкотораго времени, присоединяются живыя, игривыя, иногда даже въ тактъ повторяющіяся тѣлодвиженія ребенка, какъ прыганье на рукахъ у няни, качаніе туловища и головы и хлопанье руками. Затѣмъ слѣдуютъ первыя попытки играть съ другими въ прятки или ловить кого-нибудь. Эти двѣ игры, изображающія съ одной стороны мнимое бѣгство отъ преслѣдующаго врага, или спасеніе отъ опасности, а съ другой — преслѣдованіе и отыскиваніе скрывающагося, изъ чувства справедливости или мести, — въ высшей степени своего развитія и съ различными видоизмѣненіями забавляютъ ребенка во все время его дѣтства и доставляютъ удовольствіе даже взрослому юношеству. Онѣ играются почти всѣми дѣтьми съ нѣкотораго рода волненіемъ, напряженіемъ, энергіею, съ хитростью, самозабвеніемъ, остроуміемъ и физическою ловкостью.

Другой родъ игръ очень маленькихъ дѣтей состоитъ въ томъ, что они собираютъ камешки, листья, деревяшки, бусы, горохъ и проч. въ кучки и горки, и потомъ снова разсыпаютъ ихъ. Этими играми забавляются болѣе тѣ дѣти, которыя предоставлены самимъ себѣ. Другія дѣти того же возраста (около года) слѣдятъ съ напряженіемъ, если кто-нибудь изъ взрослыхъ строитъ имъ домикъ изъ картъ или деревяшекъ, и разрушаютъ его съ радостнымъ крикомъ въ минуту его окончанія. Дѣтей нѣсколько постарше занимаютъ уже книги съ картинками; но они рѣдко довольствуются спокойнымъ разсматриваніемъ ихъ, а стараются называть предметы или показать, что узнаютъ ихъ: они дѣлаютъ видъ, какъ будто хотятъ съѣсть нарисованные плоды, понюхать цвѣты, стараются подражать голосу или положенію изображенныхъ животныхъ; также гладятъ и ласкаютъ картины, которыя имъ нравятся, бьютъ и рвутъ тѣ, которыя имъ не по вкусу. Или они называютъ всѣхъ женщинъ, нарисованныхъ съ ласковымъ лицомъ — мамой, всѣхъ мужчинъ въ черныхъ шляпахъ или съ усами — папой, всѣхъ маленькихъ мальчиковъ или дѣвочекъ — своимъ именемъ, а всѣхъ собакъ Амишкой или Треворкой, смотря по тому, какъ зовутъ ихъ собаку. Какъ скоро они научаются нѣсколько говорить, они безъ устали разсказываютъ содержаніе картины и повторяютъ подписанные внизу стишки, дѣлая иногда видъ, будто умѣютъ читать. Хотя книга съ картинками еще долго не теряетъ своей привлекательности для ребенка, но онъ не довольствуется одною ею и пристращается къ другимъ игрушкамъ. Еще по второму году мальчикъ любитъ играть деревянною лошадкою, возитъ ее, садится на нее, кормитъ, ласкаетъ или бьетъ, смотря по тому, что она заслужила; а дѣвочка начинаетъ играть куклою, которую она нянчитъ, забавляетъ, кладетъ

съ собою спать, кормитъ, окуная ее лицомъ въ свое питье и кушанье, бьетъ или цѣлуетъ, смотря также по заслугамъ. Въ это время игра становится объективною и имѣетъ уже отпечатокъ полового различія.

Вслѣдъ за этимъ ребенокъ дружится съ домашними животными и играетъ съ ними. Чѣмъ меньше у ребенка игрушекъ, тѣмъ остроумнѣе замѣняетъ онъ ихъ различными предметами и вещами, и тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ онъ играетъ. Но въ эту пору ребенокъ любитъ играть и съ другими дѣтьми, ищетъ сообщества ихъ; потребность эта постоянно растетъ въ немъ и достигаетъ высшей степени своего развитія въ 8—10-лѣтнемъ возрастѣ, а затѣмъ снова уменьшается и совершенно исчезаетъ при возмужалости. Уже 3—4-лѣтнія дѣти охотно соединяются съ другими для игры: скачутъ, бѣгаютъ, кружатся вмѣстѣ. Трудно дознаться, какимъ образомъ такія маленькія дѣти научаются разнымъ играмъ. Вѣроятно ихъ учатъ взрослые и старшія дѣти; по крайней мѣрѣ извѣстно, что нѣкоторыя игры переходятъ къ дѣтямъ по преданію, и что ихъ можно прослѣдить въ различныхъ направленіяхъ. Есть игры, которыя существуютъ съ поконъ вѣка; о происхожденіи другихъ извѣстно, что онѣ принесены были какимъ нибудь ребенкомъ въ какое либо извѣстное мѣсто и усвоены тамошними дѣтьми, или что вымышленная или составленная въ извѣстномъ мѣстѣ игра быстро распространилась въ окрестностяхъ. Многіе завоеватели (римляне, Наполеонъ), сами того не подозрѣвая, внесли въ покоренныя страны, вмѣстѣ съ языкомъ, нравами, законами, болѣзнями — и дѣтскія игры. Понятно, почему обыкновенная игра въ мячъ извѣстна повсюду; но замѣчательно, что и та игра въ мячъ, въ которой участвующіе дѣлятся на два враждебные лагеря и обозначаютъ границы между этими лагерями, играется во всей Европѣ и Америкѣ (лапта и городки въ Россіи, крикетъ у англичанъ).

Игры въ солдаты, въ войну, въ разбойники извѣстны дѣтямъ всѣхъ образованныхъ и необразованныхъ народовъ. Интересный примѣръ игры, весьма распространенной и дошедшей до насъ по преданію отъ римлянъ, представляетъ игра въ кости (jeu des osselets). Для игры этой нужны четыре маленькія косточки, взятыя изъ бараньей ноги, изъ которыхъ двѣ окрашиваются въ красную и двѣ въ желтую краску, и маленькій мраморный шарикъ. Играющіе, правою рукою, подбрасываютъ косточки вверхъ, въ различномъ порядкѣ и по особенному расчету, и снова ловятъ ихъ, между тѣмъ какъ лѣвою рукою безпрерывно подбрасываютъ и ловятъ шарикъ, припѣвая къ тому что то въ родѣ пѣсенки. Эта нѣкогда любимая въ Римѣ игра встрѣчается во многихъ странахъ, бывшихъ римскими колоніями, какъ-то во всей южной Франціи, именно въ Ліонѣ (Rugdunum), Греноблѣ и въ Трирѣ (Augusta Trevirorum), и по настоящее время страстно любима дѣтьми всѣхъ возрастовъ. Какъ удивился я, увидѣвъ, что и въ Гельсингфорсѣ мальчики играютъ въ эту игру, и услышавъ отъ туземца, что она распространена по всей Финляндіи [1]).

Говорятъ еще, что русская игра въ бабки похожа на игру въ кости древнихъ грековъ: еще доказательство для тѣхъ, которые утверждаютъ, что греки принадлежали къ славянскому племени.

Но возвратимся къ нашимъ наблюденіямъ и разсмотримъ, какъ игры дѣтей постепенно развиваются и измѣняются подъ вліяніемъ внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ.

Хотя весьма естественно, что дѣти любятъ играть въ обществѣ себѣ подобныхъ, но встрѣчаются и такія дѣти, которыя или отъ природы, или по привычкѣ, или отъ болѣзни, смирны, погружены въ самихъ себя, и которыя даже въ играхъ предпочитаютъ уединеніе. Такія дѣти даже въ періодъ пробуждающейся въ нихъ потребности сообщества, вмѣсто участія въ шумныхъ общихъ играхъ, охотнѣе станутъ рисовать, лѣпить, строить и спускать кораблики, проводить канавы изъ лужъ, рѣзать что-нибудь изъ дерева, раскрашивать, вырѣзывать и наклеивать картины, играть оловянными солдатами и т. д. Впрочемъ, всѣ эти

[1]) У насъ въ Россіи существуетъ также подобная игра, съ тою только разницею, что играющіе употребляютъ не косточки и шарикъ, а просто камешки.

игры могутъ прельстить даже самыхъ живыхъ дѣтей, если взрослые постараются придать имъ занимательность разсказами, поученіями, или другимъ образомъ. Но мальчиковъ отъ 8—10 лѣтъ, и вообще дѣтей живыхъ и веселыхъ, такъ и тянетъ къ сообществу съ другими дѣтьми, и тутъ-то представляются имъ игры, которыя можно раздѣлить на три главные вида: 1) пѣніе или какое-нибудь дѣйствіе, производимое всѣми за разъ и въ тактъ, 2) соревнованіе въ какомъ-нибудь умѣньѣ и 3) подражаніе дѣйствіямъ и поступкамъ взрослыхъ.

Общее пѣніе или дѣйствіе въ тактъ состоитъ у маленькихъ дѣтей въ повтореніи какихъ-нибудь простыхъ звуковъ, въ родѣ гопъ-гопъ-гопъ или динь-динь-динь, сопровождаемое топаньемъ ногами, хлопаньемъ руками, качаньемъ головою, безпрерывнымъ приседаніемъ и вставаніемъ на ноги или на колѣни, скаканьемъ, прыганьемъ рука объ руку. Вмѣсто звуковъ, какъ выше сказано, употребляются иногда даже стишки или цѣлыя пѣсенки, если играющія дѣти не очень малы.

Что касается до дѣтскихъ пѣсенекъ или стиховъ, то ихъ множество; едва ли найдется явленіе природы, домашнее животное, или какая-нибудь дѣтская игра, для которыхъ не придумано стишковъ или пѣсенекъ. Почти вездѣ дѣти дразнятъ гусей, утокъ, козловъ риѳмованными шуточками, знаютъ различные стишки на имена собственныя и кушанья. Во всѣхъ странахъ и на всѣхъ языкахъ существуютъ пѣсенки на улитку, на цаплю, на кукушку и т. д. Въ Швабіи дѣти привѣтствуютъ стихами первый выпавшій снѣгъ; въ Мозельской долинѣ есть пѣсенка на борьбу тумана съ солнцемъ [1]).

Есть также цѣлый рядъ пѣсенъ, которыя сопровождаютъ какое-нибудь дѣйствіе или какую либо игру; пѣсни эти по поэзіи своей примыкаютъ къ лучшимъ народнымъ пѣснямъ, да и вообще духъ и направленіе народа выражаются различнымъ образомъ въ дѣтскихъ пѣсняхъ. Къ этому разряду дѣтскихъ игръ можно причислить, какъ нѣчто схожее, пѣніе хоромъ, концерты и танцы взрослыхъ. Изъ общаго пѣнія, разговоровъ, дѣйствія, почти само собой возникаетъ соревнованіе въ пѣніи и разговорѣ, въ беганьѣ и борьбѣ. Уже самыя маленькія дѣти пытаются бѣгать взапуски, стараясь одно передъ другимъ скорѣе поспѣть къ матери или нянѣ; дѣти постарше выбираютъ уже большее пространство и отдаленнѣйшую цѣль. По прошествіи нѣкотораго времени они не довольствуются и этимъ, а усложняютъ бѣганье взапуски еще болѣе: они, напримѣръ, скачутъ къ цѣли на одной ногѣ, стараются достигнуть ея не иначе какъ прыжками, или на ходуляхъ, или преодолѣвая на пути разныя препятствія. Затѣмъ слѣдуетъ стараньѣ скакнуть выше другихъ, перескочить болѣе широкое разстояніе, чѣмъ другіе, бросить что-нибудь подальше и повыше другихъ, а также лазанье взапуски. Впрочемъ не остаются безъ соревнованія и болѣе мирныя занятія, какъ: умѣнье лучше и скорѣе другихъ выговорить трудное слово или цѣлую фразу, искуснѣе другихъ вертѣть тарелку, или ловче другихъ спустить волчокъ и т. д. Наконецъ подражаніе жизни и занятіямъ взрослыхъ служитъ для дѣтей также обильнымъ источникомъ забавы. Хозяйство, пріемъ гостей, визиты, свадьбы, крестины, похороны, церковная служба, парады, шарманщики, разносчики, лавки, звѣринцы, спектакли, однимъ словомъ, всѣ проявленія жизни семейной, общественной и государственной (въ той степени, какъ онѣ доступны ребенку) перенима-

[1]) А кому не извѣстны наши русскія дѣтскія пѣсенки въ родѣ:

Дождикъ, дождикъ, перестань!
Мы поѣдемъ на Іордань,
Богу молиться,
Христу поклониться, и т. д.

или

Солнышко, ведрышко,
Выгляни въ окошечко, и т. д.

или

Улитка, улитка высунь рога,
Дамъ кусокъ пирога, и т. д.

или

Верба хлестъ
Бьетъ до слезъ,
Верба бѣла
Бьетъ за дѣло,
Верба красна
Бьетъ напрасно и т. д.

Весьма желательно, чтобы кто-нибудь занялся собираніемъ этихъ пѣсенокъ и припѣвовъ.

ются дѣтьми самымъ уморительнымъ образомъ. Какъ поучительно было бы для иныхъ взрослыхъ людей, если бы они пристальнѣе всмотрѣлись въ эти дѣтскія игры и увидѣли, до какой степени пошлы и смѣшны кажутся иногда со стороны собственныя ихъ дѣйствія!

Мюленфордъ совершенно справедливо утверждаетъ, что игры дѣтей извѣстнаго народа важны даже въ этнографическомъ отношеніи. Въ своемъ описаніи Мексиканской республики (Томъ I. стр. 318) онъ говоритъ: «Общественныя увеселенія дѣтей бываютъ всегда вѣрнѣйшимъ отраженіемъ жизни взрослыхъ, и потому при описаніи жизни какого-либо народа не слѣдуетъ вовсе умалчивать о нихъ.» Разительнымъ доказательствомъ этого служатъ описанныя имъ игры дѣтей въ Мексикѣ, какъ игра въ процессіи, бой быковъ, ямайки (дѣтскіе балы днемъ), огненный змѣй. Не менѣе характеристичными кажутся мнѣ забавы швейцарскаго юношества, основанныя на тѣлесной силѣ и ловкости; маскарады и дѣтскіе балы французовъ и вообще всякаго высшаго общества (которое вездѣ имѣетъ одинъ общій типъ и представляетъ собою какъ бы особую націю между націями); дѣтскій праздникъ мая (Maifest, Maistange) и Троицы въ Германіи, сопровождаемый пѣснями, съ прогулками и пирами на открытомъ воздухѣ, праздникъ, въ честь котораго все украшается зелеными вѣтками и цвѣтами; различныя качели шведовъ, финновъ и эстовъ, ледяныя горы и коньки въ Россіи и другихъ сѣверныхъ странахъ. Эти примѣры какъ нельзя болѣе оправдываютъ вышеприведенное мнѣніе наше, что при всемъ сходствѣ дѣтскихъ игръ всѣхъ странъ, онѣ въ то же время имѣютъ свой особый отпечатокъ, смотря по сословію, національности, климату, вѣку и степени образованія народа.

Въ какомъ же отношеніи должна находиться педагогика къ играмъ дѣтей? Она должна, во-первыхъ, наблюдать за ними, во-вторыхъ благопріятствовать имъ по возможности, и въ третьихъ — ограничивать ихъ въ случаяхъ необходимости.

Наблюдая за играми дѣтей, педагогъ можетъ узнать не только характеръ своихъ собственныхъ питомцевъ, но и пріобрѣсть значительныя познанія о свойствахъ дѣтскаго возраста вообще. При этомъ случаѣ я не могу не высказать моего убѣжденія, что только тотъ въ состояніи наблюдать съ пользою за ребенкомъ и его игрою, кому внутреннее призваніе, или родительское чувство, или воспоминаніе своего собственнаго дѣтства внушаетъ истинную любовь или даже страсть къ дѣтямъ и интересамъ ихъ. Недостаточно одного теоретическаго пониманія умомъ, необходимо еще другое, практическое — сердцемъ.

Воспитатели должны благопріятствовать играмъ дѣтей, т. е. какъ можно менѣе стѣснять ихъ или дѣлать ихъ невозможными. Для того, чтобы ребенокъ самъ вздумалъ играть, ему нужны только матеріалъ и товарищи. Игрушки излишни, а замысловатыя игрушки даже вредны. Предоставьте только ребенку свободу рыться въ саду, въ домѣ или на дворѣ, — онъ уже найдетъ изъ чего себѣ сдѣлать игрушки или другія необходимыя ему вещи, а воображеніе и искуство его придадутъ имъ всѣ нужныя свойства. Развитіе механической ловкости, творческой и производительной силы, а также привычка самому заниматься важнѣе, чѣмъ развитіе вкуса помощію красивыхъ игрушекъ или умѣнья приводить въ движеніе какой-нибудь замысловатый механизмъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ не будетъ ли это мудрою экономіею — не баловать дѣтей сложными удовольствіями и приберегать ихъ для болѣе зрѣлаго возраста? Цвѣты, бутоны, плоды, сѣмена, мохъ и листья — да это цѣлый міръ для фантазіи ребенка, міръ, полный чудесныхъ образовъ, которые своею поэтичностью и остроуміемъ иногда превосходятъ fleurs animées! Какія чудныя горы, подземелья, пещеры, кукольныя могилы создаютъ дѣтскія руки и дѣтская фантазія изъ кучи желтаго песку! Какъ жаль, что эти невинныя радости иногда отравляются опасеніями взрослыхъ за чистоту рукъ и платьевъ! Что можетъ сравниться съ наслажденіемъ сражаться или защищать крѣпость! Тутъ ужъ не только страхъ за разбитыя стекла, даже фонари подъ глазами ни почемъ! Если случится, что дѣти въ пылу сраженія сломаютъ или испортятъ что-нибудь, если даже между сражающимися окажутся ушиблен-

ныя головы, не вмѣняйте имъ это въ большое преступленіе! Установите для порядка какое-нибудь наказаніе за сломанныя вещи, но не запрещайте буйной игры въ солдаты. Найдется много другихъ случаевъ, въ которыхъ можно внушать дѣтямъ любовь къ порядку и миролюбіе. Хотя вообще при воспитаніи строгость необходима, но тутъ она будетъ вовсе неумѣстна. Если учитель или воспитатель даже приметъ участіе въ игрѣ, то отъ этого нисколько не пострадаетъ его авторитетъ въ глазахъ ребенка. Мы уважали нашихъ учителей не менѣе, но любили ихъ еще болѣе за то, что они участвовали въ нашихъ сраженіяхъ простыми канонирами. Каждый комъ снѣга, попадавшій въ нихъ, электрически дѣйствовалъ на сражавшихся и увлекалъ за собою цѣлую тучу новыхъ комьевъ. Воспитатель одного принца, бросавшій на перерывъ съ своимъ воспитанникомъ камешки въ цѣль, своимъ участіемъ въ игрѣ, какъ товарищъ, приблизился къ идеалу истиннаго педагога.

Всякій конечно согласится съ тѣмъ, что съ одной стороны игры могутъ быть облагорожены, а съ другой стороны нуждаются въ ограниченіи. Но и то и другое должно быть приведено въ исполненіе не теоретически, не посредствомъ тяготѣнія школьной дисциплины надъ свободою и игрою, а практическимъ участіемъ въ ней взрослыхъ. Только тогда, когда наши учителя играли вмѣстѣ съ нами въ прекрасную мужественную игру *барьеръ* (Barlaufen, jeu au bar) и притомъ принимали въ ней такое живое участіе, только тогда мы догадались, что это не есть пустое дикое бѣганье и случайная побѣда или пораженіе; мы поняли, что въ основаніи игры лежитъ идея двухъ враждебныхъ лагерей, нападеній, диверсій, воинскаго братства, и убѣдились, что не только тѣлесная сила но и ловкость и разсчотъ выигрываютъ побѣду. Также въ игрѣ въ вопросы и отвѣты часто стоитъ только дать примѣръ остроумной или поэтической фразы, чтобы оживить цѣлую толпу дѣтей и освободить ихъ отъ пошлости и скуки рутинныхъ отвѣтовъ.

Не нужно даже всегда участія взрослыхъ, достаточно иногда только присутствія ихъ при дѣтскихъ играхъ, чтобы однимъ кстати сказаннымъ словомъ или совѣтомъ перемѣнить игру, или предостеречь играющихъ отъ большихъ шалостей, которыя тѣмъ ближе, чѣмъ выше доходитъ восторгъ и удовольствіе дѣтей. Нельзя требовать, чтобы ребенокъ зналъ мѣру; часто ли сами взрослые то знаютъ ее? Если нужно наказаніе, то обращайте ваши выговоры на шалости, а не на игру; не ее надо запрещать, охуждать или подавлять, а шалости, которыя вы замѣтили въ ней, несогласіе, которое испортило ее, дурныя привычки, которыя выразились въ ней.

Но есть еще два рода необходимыхъ ограниченій. Во первыхъ — ограниченіе времени, употребляемаго на игру. Случается, что дѣти до того пристращаются къ играмъ вообще, или къ какой-нибудь игрѣ въ особенности, что для нея забываютъ все: и уроки, и ѣду. Тутъ игра переступаетъ границы и вредитъ ученію. Для маленькихъ, еще не учащихся дѣтей, слѣдуетъ сдѣлать закономъ домашній порядокъ, а для старшихъ кромѣ того — и школьный порядокъ. Смотря по характеру ребенка, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и при послѣдующемъ воспитаніи, можно употреблять или запрещеніе, или предостереженіе.

Другой родъ ограниченія бываетъ нуженъ тогда, когда игры переходятъ за границы извѣстнаго возраста. Мальчикъ, выростающій между сестрами, научается играть въ куклы; но если вы въ извѣстномъ возрастѣ не запретите ему эту игру, то женственность эта останется въ немъ на всю жизнь. На дѣвушкахъ и замужнихъ женщинахъ также замѣтно, что они выросли между братьями, если ихъ во-время не остановили отъ игры въ лошадки или солдаты. Въ непріятный періодъ перехода отъ дѣтства къ отрочеству мальчики и дѣвочки-подростки, конфузясь, нерѣдко прячутся въ дѣтскую. Но только въ исключительныхъ случаяхъ имъ можно позволить участіе въ играхъ малютокъ. Взрослые возвышаютъ дѣтскія игры до себя; но эти недоростки, въ неясномъ и неопредѣленномъ положеніи своемъ, спускаются охотно къ маленькимъ дѣтямъ. Впрочемъ, въ наше время рѣдко случается, чтобы молодые люди продолжали играть

слишкомъ долго. Напротивъ того — теперь, въ особенности въ большихъ городахъ, надо скорѣе опасаться слишкомъ ранняго охлажденія къ дѣтскимъ играмъ и забавамъ и хотя смѣшнаго, но тѣмъ не менѣе искренняго старанія подражать благоразумію и зрѣлости взрослыхъ.

Послѣ всего сказаннаго, игру слѣдуетъ очитать предметомъ педагогическаго наблюденія и вліянія. Но теперь возникаетъ вопросъ: можетъ ли и должна ли она кромѣ того служить для педагогики средствомъ.

Да, точно такъ же, какъ и все другое: какъ ѣда, сонъ, стокойствіе и ходьба. Только воспитателю при этомъ надо быть осторожнымъ и не слишкомъ систематичнымъ, чтобы игра не потеряла своего своеобразнаго характера. Прежде всего слѣдуетъ уничтожить то ложное мнѣніе, что ребенокъ долженъ начать обученіе шутя, играя. Я, напротивъ, того мнѣнія, что обученіе должно происходить строго правильно и внушать ребенку уваженіе; игра же, въ свою очередь, можетъ имѣть вліяніе на развитіе способностей, можетъ возбуждать и изощрять соображеніе и сужденіе, можетъ упражнять руки, слухъ и зрѣніе, вселить и утвердить мужество и присутствіе духа, установить товарищество (esprit de corps) и уживчивость; однимъ словомъ — игра можетъ способствовать благопріятному механическому, тѣлесному, духовному и нравственному развитію. — Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія игры въ вопросы и отвѣты, задаваніе загадокъ, а также игры, въ которыхъ изощряется терпѣніе, какъ напримѣръ шведская игра skrapnos, извѣстная въ Германіи подъ именемъ Federspiel [1]), которая даетъ работу и соображенію, и рукамъ, и глазамъ, и даже остроумію. Съ этой же точки зрѣнія слѣдовало бы какъ можно ранѣе позволять мальчикамъ упражняться въ борьбѣ, метаніи, стрѣльбѣ; да и не только позволять, но по возможности самимъ стараться устраивать такого рода игры. Онѣ развиваютъ тѣло и образуютъ характеръ; а что касается до опасности ихъ, то она отчасти только воображаемая и притомъ — устраняется именно только умѣньемъ обращаться съ оружіемъ, въ особенности съ огнестрѣльнымъ. Несчастія отъ пороховыхъ взрывовъ и неудачныхъ выстрѣловъ случаются чаще съ неумѣющими владѣть оружіемъ, когда они хотятъ позабавиться втихомолку съ неосмотрѣннымъ, и потому нерѣдко худымъ оружіемъ, — чѣмъ съ тѣми, которые упражняются этимъ любимымъ занятіемъ подъ руководствомъ отцовъ или воспитателей. Всего меньше несчастій отъ стрѣльбы случается въ Тироли и баварскихъ альпахъ, гдѣ каждый мущина — стрѣлокъ и охотникъ, и гдѣ мальчики съ малолѣтства научаются владѣть оружіемъ. Хотя слѣдуетъ запрещать драчливость и бѣшеную удаль, а иногда даже наказывать за нее; но боренье, лазанье, прыганье, игры на льду и въ водѣ (которыя брюзгливыми педагогами и боязливыми матерями прославлены столь опасными для дѣтей) служатъ именно къ достиженію ловкости и храбрости, научаютъ беречься опасностей и спасаться отъ нихъ.

Воспитатели должны стараться еще о томъ, чтобы игры и забавы дѣтей не стоили мученій животнымъ и людямъ. О послѣднихъ конечно нечего и говорить, о первыхъ же до сихъ поръ почти вовсе не думали. Часто дѣти находятъ удовольствіе въ томъ, чтобы дразнить и мучить тѣхъ, которые слабѣе ихъ, или по своему положенію зависятъ отъ нихъ, какъ напримѣръ: дѣтей моложе ихъ, полоумныхъ, убогихъ, бѣдныхъ, прислугу или рабовъ — тамъ, гдѣ они есть. Тутъ необходимы строгія и непосредственныя мѣры, хотя въ другихъ случаяхъ гораздо лучше не вмѣшиваться въ ссоры дѣтей. Точно такъ же не слѣдуетъ дозволять мучить животныхъ, этихъ вѣрныхъ слугъ и часто друзей человѣка; а между тѣмъ дѣти не только безсознательно, или изъ любви къ опытамъ, или изъ шалости, но просто — изъ жестокости разрываютъ насѣкомыхъ, рвутъ и давятъ лягушекъ, бьютъ, щиплятъ домашнихъ животныхъ и смотрятъ, какъ колятъ куръ или рѣжутъ скотину. Конечно менѣе всего можно противодѣйствовать любви къ естествоиспытанію, ради которой собираются коллекціи и анатомируются животныя; но и тутъ надо пре-

[1]) У насъ эта игра извѣстна подъ названіемъ *бирюлекъ*.

слѣдовать всякое тиранство. Также слѣдуетъ строго наказывать дѣтей, когда они держатъ какихъ-либо животныхъ взаперти и морятъ ихъ недостаткомъ воздуха, пищи или воды. Впрочемъ въ этомъ случаѣ виноваты родители или наставники. Безсознательной жестокости къ животнымъ можно противодѣйствовать поученіемъ; за намѣренное мученіе животныхъ я опредѣлилъ бы примѣрное тѣлесное наказаніе, а присутствовать дѣтямъ при закалываніи животныхъ ни за что не позволилъ бы. Въ этомъ отношеніи я совершенно согласенъ съ основною мыслью «общества преслѣдованія жестокости къ животнымъ», что преобразованіе людей и общества произойдетъ не ранѣе, какъ когда искоренится дурное обращеніе съ животными, потому что подобное обращеніе притупляетъ чувство и развиваетъ наклонность къ жестокости. Какъ вѣрно то, что вкусъ есть продуктъ природнаго чувства и повторяющихся впечатлѣній, производимыхъ искуствомъ или природою, такъ вѣрно и то, что педагогика обязана заботиться о развитіи вкуса. Я не требую слишкомъ многаго; но утверждаю только, что чувство изящнаго и эстетическій вкусъ можно пробудить у самыхъ маленькихъ дѣтей и дать имъ постоянное направленіе въ нихъ; въ особенности можно обратить на это вниманіе у дѣтей высшаго сословія. Въ другихъ же классахъ народа, которые не имѣютъ тѣхъ средствъ, оно становится необходимостью только въ случаѣ вялости и прозаичности натуры ребенка. Картины, игрушки и платья, предназначенныя ребенку, должны по возможности способствовать развитію его вкуса, и напротивъ того — карикатурныя изображенія, безвкусно или невѣрно раскрашенныя картины и уродливыя игрушки слѣдуетъ такъ же изгонять изъ дѣтской, какъ безобразныхъ, убогихъ или безнравственныхъ и грязно одѣтыхъ людей. Все это нисколько не противорѣчитъ выраженному выше требованію, чтобы вещи и игрушки дѣтей были по возможности просты. Успѣхи, сдѣланные въ послѣдніе десять лѣтъ въ изяществѣ картинъ и рисунковъ относительно раскраски, заслуживаютъ полной признательности. Такъ общество молодыхъ талантливыхъ живописцевъ въ Мюнхенѣ доставляетъ намъ ежегодно цѣлый огромный томъ такъ называемыхъ мюнхенскихъ картинъ. Иллюстрація дѣтскихъ стиховъ, шутокъ, пѣсенъ и игръ Людвига Рихтера — верхъ прелести и наивности, а сказки Морица Шмита соединяютъ въ себѣ совершенство исторической живописи, дѣтское простодушіе и прелесть поэзіи. Въ наше время, когда драгоцѣннѣйшія сокровища искуства такъ легко распространяются посредствомъ гравюръ и литографій, когда ремесло и промышленность проникаются искуствомъ, въ наше время ребенку уже не нужно «только потому, что онъ ребенокъ» довольствоваться безвкусіемъ, а напротивъ того можно и должно окружать его изящными, со вкусомъ сдѣланными картинами, игрушками и вещами. Само собою разумѣется, что содержаніе и смыслъ картинъ и игрушекъ должны быть непремѣнно благородны или по крайней мѣрѣ вѣрны истинѣ.

Кромѣ вышеприведенныхъ — наставникъ имѣетъ въ рукахъ еще одно средство къ воспитанію; а именно сказки и повѣсти, которыми ему приходится утолять страсть своихъ питомцевъ къ разсказамъ, а впослѣдствіи — къ чтенію. Но даже и въ этомъ случаѣ, при самыхъ добрыхъ намѣреніяхъ, можно пересолить, и тогда не только не удовлетворишь любознательности и любопытству дѣтей, но наскучишь имъ, что конечно очень скверно, — а въ добавокъ еще будешь осмѣянъ ими. Я помню еще изъ своего дѣтства, какъ противны мнѣ были такія моральныя исторіи. Я гостилъ въ семействѣ, дѣти котораго отлично воспитывались, хотя воспитаніе это было можетъ быть нѣсколько одностороннее и имѣло спартанскій характеръ. Когда мы, дѣти, просили разсказать намъ что-нибудь, то насъ угощали описаніемъ жизни древнихъ мудрецовъ и героевъ, тогда какъ насъ гораздо болѣе занимали бы черты изъ жизни бобра, осла, или исторія о котѣ въ сапогахъ. Подъ конецъ насъ спрашивали, кто намъ больше нравится: Муцій Сцевола со сгорѣвшей рукой, или Діогенъ въ бочкѣ? При этомъ старались — я уже не припомню вслѣдствіе какихъ причинъ — заставить насъ непремѣнно предпочесть одного другому.

Мы конечно исполняли это какъ обязанность, хотя я очень хорошо помню, что мнѣ не нравился ни тотъ, ни другой, а только одинъ великій Александръ, — что Діогенъ представлялся мнѣ всегда не иначе, какъ пошлымъ и грязнымъ дуракомъ, и я никакъ не могъ постигнуть, за что его ставятъ на ряду съ мудрецами и героями, и какъ могъ ему сказать Александръ столь извѣстный всѣмъ комплиментъ. Такихъ претензій, какъ вышеупомянутыя исторіи, разсказы для дѣтей вовсе не должны имѣть. Но такъ какъ то, чѣмъ занимаютъ ребенка, даетъ ему направленіе и оставляетъ въ немъ часто неизгладимые слѣды, то вовсе не все равно, какого рода сказки и разсказы назначаются въ пищу уму и поселяются въ его памяти и воображеніи. Я противникъ всякихъ чудесныхъ разсказовъ и волшебныхъ сказокъ; въ особенности для дѣтей съ поэтическою и мечтательною натурою. Произвольное вмѣшательство колдовства, волшебниковъ и волшебницъ въ человѣческую жизнь, чудесное исполненіе желаній, избавленіе отъ опасности и бѣдности, внезапно пріобрѣтенное богатство при помощи духовъ и волшебныхъ палочекъ — все это очень опасная и даже не нравственная пища для фантазіи ребенка, потому что она не представляетъ ни истины дѣйствительной жизни, ни идеальной нравственной истины. И что ни говори, а воззрѣніе это, противъ нашей воли и наперекоръ нашимъ убѣжденіямъ, преслѣдуетъ насъ въ послѣдующей жизни, съ которою оно въ вопіющемъ, часто губительномъ разладѣ. Люди и безъ того склонны къ суевѣрію и имѣютъ непреодолимую страсть къ приключеніямъ, а разсказы подобнаго рода могутъ только еще болѣе воспитать и укрѣпить эти наклонности въ дѣтяхъ. Хотя фразы въ родѣ слѣдующихъ: «ахъ, еслибы это случилось по щучьему велѣнью, по моему хотѣнью», или: «что, еслибы мнѣ найти кладъ!» — говорятся безъ сомнѣнія шутя, но въ нихъ есть хотя и малая доля дѣйствительной вѣры; а иначе зачѣмъ бы гадали въ карты и поминали сны и брали билеты на извѣстные нумера въ лоттерею? Подтвержденіемъ моего мнѣнія можетъ служить то, что въ наше время одинъ принцъ, человѣкъ вообще неглупый и порядочно образованный, писалъ шарлатану-духовидцу, прося его доставить ему волшебную палочку, помощію которой онъ надѣялся пріобрѣсть корону, на которую по порядку престолонаслѣдія онъ не имѣлъ никакой надежды, что и составляло его постоянное горе.

Изъ собранія дѣтскихъ сказокъ слѣдуетъ исключить также всякіе разсказы о привидѣніяхъ, въ особенности же надобно уберегать отъ нихъ маленькихъ дѣтей. Даже тѣ разсказы, которые разрѣшаются самою естественною развязкою, доказывающею, что въ нихъ не было ничего чудеснаго и волшебнаго, — опасны для живой фантазіи ребенка, такъ какъ описанія глухого шума раздающихся шаговъ, бѣлыхъ фигуръ, являющихся, говорящихъ и исчезающихъ скелетовъ слишкомъ сильно дѣйствуютъ на воображеніе его. Желательно было бы, чтобы ребенокъ не имѣлъ никакого понятія о духахъ, привидѣніяхъ, домовыхъ и нечистыхъ, и даже не зналъ бы названія ихъ, пока онъ на практикѣ не убѣдится въ отсутствіи всякихъ ночныхъ привидѣній, въ безопасности темныхъ комнатъ и корридоровъ. Если же подобные образы успѣли поселиться въ его фантазіи, то самыя остроумныя теоретическія и практическія опроверженія и доказательства лучшихъ педагоговъ не въ силахъ выгнать ихъ изъ его головы или по крайней мѣрѣ совершенно избавить его отъ нихъ, даже личное убѣжденіе и мужество не всегда въ состояніи подавить чувство страха. Гораздо легче въ началѣ уберечь ребенка отъ подобныхъ представленій, чѣмъ впослѣдствіи освободить его отъ нихъ.

Также не слѣдуетъ разсказывать ребенку хотя бы дѣйствительныя, но страшныя исторіи. Стоитъ только вспомнить, какъ живо ребенокъ представляетъ себѣ все, что ему говорятъ, съ какимъ удовольствіемъ и трепетомъ воображеніе его останавливается на страшномъ и прилѣпляется къ нему, до какой степени пугаетъ его мысль объ опасности, угрожающей ему или близкимъ его, и какъ мучитъ и тревожитъ его слухъ о преступленіи, совершенномъ вблизи. Поэтому слѣдуетъ избѣгать (и тѣмъ старательнѣе, чѣмъ моложе дитя) всякихъ разсказовъ

объ убійствахъ, пыткахъ, разбойничьихъ притонахъ, изрубленныхъ трупахъ, объ украденныхъ, подмѣченныхъ и убитыхъ дѣтяхъ, о цыганахъ и жидахъ, какъ врагахъ христіанскихъ дѣтей.

Съ другой точки зрѣнія я не могу также не считать за ошибку, что «злая мачиха» сдѣлалась неизбѣжнымъ явленіемъ въ сказкахъ и во всей дѣтской литературѣ. Согласенъ, что положеніе полуосиротѣвшаго дитяти можетъ служить поэтическою основою сказки или разказа; согласенъ, что присутствіе мачихи, даже доброй, отчуждаетъ дѣтей отъ отца, и что это психологическая истина, доказанная опытомъ: но все-таки это несправедливо, это значитъ — укоренять предразсудокъ и дѣлать положеніе мачихи, и безъ того трудное, еще затруднительнѣе, коль скоро она въ дѣтскихъ преданіяхъ является какъ прототипъ всего страшнаго и ненавистнаго. На эту мысль навела меня одна добрая мать семейства.

Есть еще одна странность въ сказкахъ и разсказахъ для дѣтей, а именно то, что всякіе авторитеты, какъ начальники и повелители, описываются въ нихъ людьми дурными, дѣйствующими по слѣпому произволу, такъ что ихъ слѣдуетъ наказывать, обмануть или прогнать, или до того глупыми, что всякій шутъ или другое лицо въ сказкѣ можетъ безнаказанно надувать ихъ. Такъ какъ законъ и запрещеніе въ такомъ случаѣ безсильны, то тѣмъ болѣе людямъ, пишущимъ для дѣтей и разсказывающимъ имъ, слѣдуетъ обратить на это особенное вниманіе. Поэтому никакъ нельзя позволить всякому разсказывать дѣтямъ; всего же менѣе способны слуги занять важную роль разсказчика, т. е. перваго учителя малютокъ.

Если же дѣти неохотно играютъ, не радуются игрушкамъ и обществу другихъ дѣтей, то чѣмъ объяснить это, и какъ въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ поступить педагогу?

Смотря по различнымъ причинамъ, отъ которыхъ происходитъ это состояніе, и самыя мѣры противъ него различны. Ребенокъ, обнаруживающій неохоту играть и веселиться съ товарищами, есть явленіе до такой степени странное, что должно привлечь на себя вниманіе всѣхъ окружающихъ.

Нерѣдко причина такой неохоты дѣтей къ игрѣ заключается въ нездоровьи, предшествующемъ серіозной болѣзни или сопровождающемъ перенесенную болѣзнь; поэтому о дѣтяхъ, которыя или вовсе не хотятъ, или вдругъ перестаютъ играть, слѣдуетъ посовѣтоваться съ врачомъ. Иногда причиною бываетъ душевное страданіе, которое проявляется у дѣтей гораздо ранѣе, чѣмъ мы думаемъ. Отсутствіе любимой особы чувствуетъ ребенокъ, которому нѣтъ еще года. Дѣтей 2 или 3 лѣтъ уже огорчаетъ предпочтеніе оказываемое другимъ, а тоску по родинѣ, страшную тоску испытывали пяти и шестилѣтнія дѣти, хотя бы ихъ даже и не разлучали съ родителями. Такое душевное страданіе отбиваетъ охоту къ игрѣ и веселью; но часто ласковая заботливость узнать причину страданія умѣряетъ эту боль, а удаленіе этой причины совершенно излечиваетъ ее. Маленькаго ребенка легко излечить отъ такого состоянія, по крайней мѣрѣ на время: стоитъ только уговорить его играть съ собою, или незамѣтно вовлечь его въ игру.

Слишкомъ раннее охлажденіе къ живымъ играмъ въ подрастающихъ мальчикахъ и дѣвочкахъ есть дурной признакъ ненормальнаго физическаго развитія. Охлажденіе это можно и должно уничтожить посредствомъ сближенія такихъ дѣтей съ рѣзвыми дѣтьми или съ веселыми молодыми людьми, или посредствомъ участія взрослыхъ въ ихъ играхъ; также слѣдуетъ предлагать имъ или, въ крайнихъ случаяхъ, даже заставлять ихъ заниматься тѣлесными упражненіями. Тѣлесныя упражненія, укрѣпляя организмъ, возбуждаютъ иногда снова охоту къ движенію и ловкости, или по крайней мѣрѣ замѣняютъ ихъ и составляютъ такимъ образомъ естественный переходъ къ живымъ играмъ. Но совершенно исчезнутъ такія явленія преждевременной разочарованности не ранѣе, какъ когда очистится атмосфера отъ ложныхъ системъ воспитанія, которыя бываютъ причиною такой слишкомъ ранней зрѣлости.

Изъ всего сказаннаго нами слѣдуетъ, что мы съ одной стороны совершенно согласны съ предостереженіемъ Жанъ Поля: «Воспитатель не долженъ подчинять игру дисциплинѣ, подобно тому,

какъ подчиняетъ ей занятія», и считаемъ игру также совершенно свободною; но съ другой стороны совѣтуемъ педагогамъ наблюдать за нею, потому что она служитъ средствомъ къ познанію и воспитанію ребенка.

Общенаглядное обученіе.

I.

Человѣкъ воспринимаетъ внѣшнія впечатлѣнія посредствомъ пяти природныхъ чувствъ: зрѣнія, слуха, осязанія, вкуса и обонянія, изъ которыхъ первыя два служатъ *главными* проводниками высшихъ духовныхъ впечатлѣній.

Человѣкъ взрослый, болѣе или менѣе здраво развитый, быстро воспринимаетъ и усвоиваетъ впечатлѣнія отъ окружающихъ предметовъ и составляетъ изъ нихъ понятія, потому что въ немъ прояснилось уже, такъ сказать, *внутреннее духовное зрѣніе, внутренняя духовная сила сознанія.*

Потому-то онъ сознаетъ не только видимое глазами, слышимое ушами, но и чисто духовные предметы, мысли, понятія, желанія, чувства и т. д.

Ребенокъ сознаетъ медленно и только то, что видитъ много разъ глазами, слышитъ ушами, или вообще только то, что воспринимаетъ посредствомъ хоть одного изъ органовъ чувствъ.

Можно научить ребенка произносить множество словъ, но онъ не пойметъ ихъ значенія, смысла ихъ, до тѣхъ поръ, пока не увидитъ, не услышитъ и т. д. обозначаемаго ими предмета, или чего-нибудь очень похожаго.

Дитя должно прежде насмотрѣться, наглядѣться *вдоволь* на предметъ, чтобы составить себѣ о немъ *вѣрное, ясное представленіе.* Слѣдовательно въ душѣ малютки должны запечатлѣться ясные *наглядные слѣды*, изъ сліянія которыхъ составляется свѣтлый, отчетливый образъ предмета, а вмѣстѣ съ этимъ возникаетъ въ ребенкѣ и первое *понятіе* о предметѣ.

Если въ душѣ дитяти не останется достаточнаго числа наглядныхъ слѣдовъ отъ тѣхъ предметовъ, которые оно видѣло, слышало, осязало и пр., то дитя не можетъ имѣть и вѣрныхъ ясныхъ *представленій* объ этихъ предметахъ, а слѣдовательно и *понятія* о нихъ будутъ неясны, неотчетливы, невѣрны.

Конечно ребенокъ самъ собою, безъ посторонней помощи, посредствомъ органовъ чувствъ пріобрѣтаетъ первое представленіе или первое сознаніе о томъ, что его окружаетъ.

Тяжелый трудъ самаго первоначальнаго, исходнаго ученія, которымъ питаются первыя, слабыя духовныя стремленія малютки и возникаютъ первые проблески сознанія, мы не были бы въ состояніи совершить, если бы не взяла его на себя наша общая мать-наставница — природа. Она доставляетъ младенцу первыя впечатлѣнія, которыя усвоиваются постепенно еще совершенно слабыми духовными силами его, и такимъ образомъ возникаютъ первыя сознанія малютки.

Все, что мы можемъ сдѣлать въ этомъ случаѣ, принадлежитъ къ области начальнаго воспитанія.

Мы должны стараться предохранить ребенка отъ сильныхъ, рѣзкихъ впечатлѣній, которыя не по силамъ его слабой воспріимчивости, и заботиться о сохраненіи и укрѣпленіи его органовъ чувствъ, чтобы они были вѣрными, здоровыми проводниками внѣшнихъ впечатлѣній. Но когда ребенокъ начинаетъ *лепетать* бойко и внятно и, дѣтскимъ лепетомъ выражая составившіяся уже въ немъ представленія и понятія, проситъ насъ прояснить ихъ, дать отвѣтъ пробудившейся любознательности его, тогда конечно мы съ полною, разумною готовностью и любовью должны откликнуться на зовъ его.

Въ самомъ дѣлѣ: 4—5 лѣтній ребенокъ имѣетъ уже представленія объ окружающихъ предметахъ, которые онъ часто видѣлъ, слышалъ, или которые вообще производили частое впечатлѣніе хотя на одинъ изъ органовъ чувствъ его. Но эти представленія обыкновенно неясны, неотчетливы, иногда совершенно неправильны, и касаются только одного внѣшняго, наружнаго вида предметовъ. Теперь ребенокъ въ своемъ дѣтскомъ лепетѣ, въ движеніяхъ, въ дѣйствіяхъ и т. д. постоянно высказываетъ, обнаруживаетъ все, что составилось, образовалось въ душѣ его; однимъ словомъ, онъ просто еще безъ всякихъ лукавствъ выражаетъ всѣ свои мысли, понятія, желанія, чувства, такъ какъ они составились и пребываютъ въ душѣ его. Воспользуемся же такою благодатною откровенностью малютки, которую доставляетъ намъ дѣтская, чистая природа его, будемъ слѣдовать во всемъ правдивымъ указаніямъ ея и постараемся сначала прояснить, пополнить, углубить и утвердить откровенно выражаемыя ребенкомъ понятія, желанія, чувства, пріучимъ его высказывать ихъ ясными, громкими словами, а потомъ уже начнемъ постепенно распространять и увеличивать это духовное достояніе малютки. Но какимъ путемъ можемъ мы навѣрное достигнуть всего этого? Не указываетъ ли намъ само дѣло этотъ путь? Посмотримъ.

Всѣ душевные образы, составившіеся въ ребенкѣ вслѣдствіе впечатлѣній отъ окружающихъ предметовъ и откровенно выражаемые имъ, болѣе или менѣе неясны, неотчетливы, иногда и совершенно неправильны. Чтобы устранить всѣ эти недостатки душевныхъ образовъ дитяти, сдѣлать ихъ настоящими, вполнѣ представляющими изображаемые ими внѣшніе, окружающіе предметы, необходимо дать ребенку наглядѣться на самые предметы, наслышаться, осязать ихъ и т. д., потому что только такимъ образомъ дитя можетъ пріобрѣсти новыя, вѣрныя *наглядныя* представленія объ окружающихъ предметахъ, которыя и замѣнятъ прежнія неточныя и неясныя. Слѣдовательно мы должны разсматривать съ дѣтьми самые окружающіе ихъ предметы, чтобы доставить дѣтямъ точныя *наглядныя* представленія о нихъ, т. е. мы должны начать съ *нагляднаго обученія*.

Мы объяснили такимъ образомъ природную, естественную необходимость *первоначальнаго нагляднаго обученія дѣтей*, котораго требуетъ сама природа ихъ, или точнѣе сказать, *законы духовнаго развитія* ихъ. Теперь разсмотримъ подробнѣе, въ чемъ состоитъ *сущность* нагляднаго обученія.

Сущность нагляднаго обученія обозначается уже самымъ названіемъ его: наглядное обученіе есть руководство ко всестороннему разсматриванію предметовъ; оно обращаетъ вниманіе учащагося на то, что представляется его внѣшнимъ чувствамъ, — на окружающій его міръ, и этимъ стремится достигнуть двоякой цѣли.

Съ одной стороны наглядное обученіе имѣетъ цѣлью о з н а к о м и т ь с ъ п р е д м е т а м и, т. е. съ веществомъ ихъ и съ составными частями, со свойствами и дѣйствіями предметовъ, и со взаимными отношеніями и вліяніями ихъ; съ другой стороны оно имѣетъ цѣлію р а з в и т ь в н ѣ ш н і я ч у в с т в а ребенка, поднять его съ первой степени чувственнаго смотрѣнія и воспріятія на вторую степень осмысленнаго созерцанія и наблюденія окружающаго міра, т. е. привести ребенка къ сознательному смотрѣнію, къ *соединенію чувственной дѣятельности съ мыслительной*, такъ чтобы соединеніе это могло возбудить въ немъ сознательное *представленіе* и *понятіе*, чтобы дитя могло по возможности постигать взаимную связь предметовъ и отношеніе между причиною и дѣйствіемъ ихъ. Послѣдняя цѣль есть с у б ъ е к т и в н а я, ф о р м а л ь н а я, — цѣль правильнаго р а з в и т і я внѣшнихъ чувствъ и духовныхъ силъ дитяти (субъекта); а первая — о б ъ е к т и в н а я, р е а л ь н а я цѣль познакомить съ новыми *внѣшними предметами* (объектами), доставить новыя *положительныя* (реальныя) *занятія*. Но было бы заблужденіе полагать, что наглядное обученіе имѣетъ предметомъ только *видимое*, т. е. то, что можетъ представиться глазу. Объемъ его гораздо обширнѣе; въ него входятъ всѣ слышимые, осязаемые, вкушаемые и обоняемые предметы, однимъ словомъ, все, что можетъ быть воспринято пятью внѣшними чув-

ствами. *Нагляднымъ же обученіемъ* оно называется потому, что на глаза дѣйствуетъ наибольшая масса внѣшнихъ впечатлѣній.

Развивая и изощряя внѣшнія чувства и вообще духовныя силы дѣтей, приучая ихъ къ сознательной наблюдательности и сообщая имъ новыя свѣдѣнія объ окружающихъ предметахъ, наглядное обученіе, вмѣстѣ съ этимъ, содѣйствуетъ совершенно естественнымъ образомъ развитію *человѣческаго слова*. Наглядность возбуждаетъ мыслительную силу и, такъ сказать, приводитъ сужденіе на языкъ, выражающій его словами. Вотъ почему наглядное обученіе развиваетъ въ одно и то же время *способности мыслить и говорить*, доставляетъ *положительное, реальное содержаніе разговору дѣтей*, и слѣдовательно отучаетъ ихъ отъ *пустого, безсознательнаго болтанія* и *фразерства*.

Поэтому наглядное обученіе называется также упражненіемъ въ разговорѣ и мышленіи. Хорошо веденное наглядное обученіе приходитъ въ соотношеніе и съ другими предметами, напр. съ математикою, съ естественными науками, и такимъ образомъ служитъ *нагляднымъ приготовленіемъ* къ отдѣльнымъ учебнымъ предметамъ, преподаваемымъ въ училищѣ.

Песталоцци первый доказалъ существенную необходимость первоначальнаго обученія, и вообще *нагляднаго* преподаванія всѣхъ предметовъ. Онъ первый же и привелъ въ *нѣкоторую систему* первоначальное обученіе. Послѣ Песталоцци оно мало по малу было введено во всѣ народныя училища въ Швейцаріи, Германіи, потомъ въ Англіи и Бельгіи, и разрабатывается преимущественно по *двумъ различнымъ направленіямъ*. Такимъ образомъ наглядное обученіе въ настоящее время или разсматриваетъ предметы отдѣльно, по одиначкѣ, но по всѣмъ ихъ признакамъ и отношеніямъ, т. е. по составнымъ частямъ, по веществу, величинѣ, виду, качествамъ, дѣйствіямъ, по пользѣ, вреду, употребленію и т. д.; или же оно разсматриваетъ нѣсколько предметовъ разомъ и распредѣляетъ ихъ по извѣстнымъ отношеніямъ. Первый способъ переходитъ отъ частнаго къ общему, а второй изъ нѣсколькихъ предметовъ выбираетъ одно и то же общее имъ свойство или признакъ; т. е. первый способъ ознакомляетъ ученика сперва съ однимъ отдѣльнымъ предметомъ, и потомъ уже переходитъ постепенно къ другимъ, а второй способъ знакомитъ ученика сначала съ общимъ впечатлѣніемъ многихъ однородныхъ предметовъ, и потомъ уже мало по малу переходитъ къ разсмотрѣнію каждаго изъ нихъ. Способы эти, слѣдовательно, *противоположны*.

Многіе педагоги сомнѣваются въ пользѣ послѣдняго способа. Но мы находимъ это несправедливымъ; по нашему мнѣнію оба способа не только полезны, но и необходимы, и требуются самою сущностію дѣла. Какимъ образомъ разсматриваемъ мы, взрослые, окружающій насъ міръ? Дадимъ себѣ отчетъ въ этомъ.

Душевное состояніе наше въ отношеніи къ внѣшнему міру бываетъ, смотря по времени, весьма различно. Бываютъ минуты, когда мы не обращаемъ никакого вниманія на то, что насъ окружаетъ и вокругъ насъ дѣлается, потому что мы или слишкомъ утомлены, или углублены въ какое-нибудь занятіе. Въ такихъ случаяхъ внѣшній міръ какъ бы не существуетъ для насъ. Но когда мы расположены обратить вниманіе на окружающій насъ міръ, то дѣятельность эта проявляется также *двоякимъ образомъ*. Она обыкновенно бываетъ направлена или ко всему окружающему и старается пріобрѣсть впечатлѣніе общее, или внести въ разнообразныя явленія единство, обозрѣть всѣ многочисленные предметы, и въ такомъ случаѣ отдѣльный предметъ съ составными частями своими почти вовсе не замѣчается нами. Или же мы чувствуемъ потребность заняться отдѣльнымъ предметомъ, или отдѣльнымъ какимъ-нибудь явленіемъ или дѣйствіемъ, и въ такомъ случаѣ общее не привлекаетъ нашего вниманія. Мы разсматриваемъ отдѣльный предметъ съ различныхъ сторонъ и стараемся не только обозрѣть его съ внѣшней стороны, но и изслѣдовать всѣ свойства, весь составъ его. Разумѣется, въ этомъ случаѣ много зависитъ отъ индивидуальности человѣка, отъ всего образованія, особенно отъ спеціальнаго (напр. естествоиспытатели), отъ времени, отъ расположенія духа, отъ

возраста и пола и т. д. Весьма интересно въ этомъ отношенiи наблюдать людей, и видѣть, какъ одни почти исключительно довольствуются одними общими впечатлѣнiями, тогда какъ другiе почти вовсе не замѣчаютъ ихъ, но проницательнымъ взоромъ вникаютъ только во все отдѣльное. И тѣ и другiе въ этомъ случаѣ впадаютъ въ односторонность. Для полнаго, яснаго пониманiя окружающаго необходимо какъ отчетливое разсматриванiе каждаго отдѣльнаго предмета, такъ и внимательное созерцанiе всего окружающаго въ общемъ, цѣломъ видѣ его; или для полученiя полнаго яснаго представленiя о какомъ-нибудь предметѣ нельзя ограничиться разсматриванiемъ этого предмета, какъ существа совершенно отдѣльнаго; но необходимо изслѣдовать отношенiя его къ другимъ предметамъ, сравнить его съ ними и т. д. Наглядное обученiе, содѣйствующее правильному, согласному развитiю дѣтей, должно именно избѣгать такой вредной односторонности, и потому оно не должно терять изъ виду ни общаго, ни отдѣльнаго. Въ народномъ или вообще въ каждомъ первоначальномъ училищѣ ученiе должно необходимо начинаться *нагляднымъ обученiемъ*.

Способъ изложенiя нагляднаго обученiя долженъ быть катихетическiй, т. е. онъ долженъ состоять въ *вопросахъ* и *отвѣтахъ*.

Если требуется, чтобы наглядное обученiе способствовало усвоенiю *общихъ впечатлѣнiй*, то учитель долженъ во 1) называть общiя отношенiя предметовъ, роды ихъ, и заставлять учениковъ находить виды, дѣйствiя или качества предметовъ, а найденное разсматривать и объяснять; во 2) все, что ученики говорятъ или повторяютъ, должно быть сказано громко, внятно и въ полномъ предложенiи, а отнюдь не въ отдѣльныхъ словахъ или отрывочно; въ 3) учитель долженъ требовать, чтобы разсматриваемое изучалось не поверхностно, но по мѣрѣ возможности, основательно. Такъ какъ первые вопросы обыкновенно легче, потому что относятся къ самымъ замѣтнымъ признакамъ, то съ такими вопросами учитель долженъ обращаться къ слабымъ ученикамъ, а съ труднѣйшими къ болѣе способнымъ. Въ 4) если ученики уже умѣютъ писать, то все словесно разобранное должно быть тотчасъ же разработано письменно; такимъ образомъ наглядное обученiе можетъ служить практическимъ подготовленiемъ къ языкоизученiю. Тутъ учитель имѣетъ уже много случаевъ объяснить правописанiе, употребленiе главнѣйшихъ знаковъ препинанiя и многое изъ грамматики (напр. знанiе главнѣйшихъ частей рѣчи, единственное и множественное число, предложенiе утвердительное, отрицательное, повелительное); но при этомъ учитель никогда не долженъ забывать, что главная задача его состоитъ не въ сообщенiи ученикамъ грамматическихъ правилъ, а въ упражненiи ихъ въ разговорѣ и мышленiи, въ развитiи способности говорить. Въ 5) письменныя упражненiя обыкновенно начинаются съ того, что учитель, для облегченiя болѣе слабыхъ учениковъ, сначала пишетъ на большой доскѣ отвѣты на отдѣльные вопросы, затѣмъ дѣлаетъ новые вопросы и заставляетъ учениковъ отвѣчать на нихъ письменно, объясняя имъ, что написанное на доскѣ можетъ имъ служить образцомъ. Въ 6) исправленiе письменныхъ работъ учениковъ дѣлается или самими учениками, при чемъ они мѣняются досками и при исправленiи громко называютъ каждую ошибку, которую они находятъ; или же учитель исправляетъ работу одного ученика на большой доскѣ, а остальные всѣ исправляютъ свои работы по исправленной.

Если требуется, чтобы наглядное обученiе способствовало къ изученiю какого-нибудь отдѣльнаго предмета, то должно руководствоваться тѣми же правилами, и соблюдать еще слѣдующiя:

1. Выборъ предмета, который хотятъ разсматривать, долженъ во всякомъ случаѣ соотвѣтствовать цѣли. При этомъ должно разсматривать не только *предметы*, но также и различныя *дѣйствiя* ихъ. Поэтому въ первое время необходимо избирать всегда предметы несложные и интересные для дѣтей; мало по малу можно перейти и къ болѣе сложнымъ.

2. Изложенiе должно быть *строго послѣдовательное, логическое*, такъ чтобы главныя и второстепенныя части, качества и дѣйствiя предмета были совершенно ясно поняты учащимися.

3. Чтобы лучше достигнуть этой цѣли, учитель долженъ придерживаться въ объясненіи предметовъ, по возможности, одного и того же логическаго порядка, и стараться, чтобы ученики сознали и усвоили себѣ этотъ порядокъ не только поверхностно, но возможно основательно.

4. Наконецъ еще одно важное правило: гдѣ только есть возможность привести въ наглядное сознаніе учениковъ какую-либо вещь, развить въ нихъ какое-либо знаніе посредствомъ вопросовъ, то необходимо обратить все вниманіе учениковъ на предметъ и заставлять ихъ самихъ разсматривать его, а не объяснять имъ прямо то, что они могутъ найти собственнымъ размышленіемъ. Самодѣятельность учениковъ самое важное въ преподаваніи. Разумѣется, не должно дѣлать вопросовъ о томъ, о чемъ ученики не имѣютъ еще никакого понятія; тутъ уже прямое объясненіе со стороны учителя необходимо.

Для того, чтобы изложенное нами сдѣлать еще яснѣе, мы сообщимъ одинъ урокъ, и полную *програму* нагляднаго обученія въ училищѣ.

КЛАССНАЯ КОМНАТА.

II.

Примѣръ нагляднаго разсматриванія отдѣльныхъ предметовъ.

Учит. Зачѣмъ вы сюда пришли? Учен. Мы пришли сюда учиться.

Учит. Гдѣ же мы теперь находимся? Учен. Мы находимся теперь въ классѣ.

Учит. Такъ, и потому эта комната есть классная комната. Повторите же, какъ называется эта комната? Учен. Эта комната называется классною комнатою.

Учит. Что ты скажешь объ этой классной комнатѣ, если сравнить ее съ тою комнатою, въ которой ты живешь? Учен. Если я сравню эту классную комнату съ тою, въ которой я живу, то скажу, что класная комната гораздо больше, длиннѣе, шире и выше.

Учит. Какія части составляютъ эту комнату? Учен. Полъ, стѣны, и потолокъ.

Учит. Гдѣ же находится каждая изъ этихъ частей? Учен. Стѣны находятся по сторонамъ, полъ внизу, а потолокъ вверху.

Учит. Сколько стѣнъ ты видишь въ этой комнатѣ? Учен. Въ этой комнатѣ я вижу четыре стѣны.

Учит. Мы теперь поближе опредѣлимъ эти четыре стѣны. Встаньте лицомъ къ той стѣнѣ, въ которой находятся окна. Какъ вы назовете эту стѣну? — Учен. Мы назовемъ ее переднею стѣною.

Учит. А какъ назовете вы противоположную стѣну? Учен. Противоположную стѣну мы назовемъ заднею стѣною.

Учит. Почему же вы такъ называете эти стѣны? Учен. Мы называемъ ихъ такъ, потому что передняя находится передъ нами, а задняя — позади насъ.

Учит. Справедливо. Но эти стѣны называются такъ еще и по другой причинѣ. Кто мнѣ скажетъ эту причину? Обернитесь лицомъ къ той стѣнѣ, въ которой нѣтъ оконъ: можете ли вы сказать, что теперь передъ вами находится передняя стѣна? Учен. Нѣтъ, если мы обернемся, то не можемъ сказать, что передъ нами передняя стѣна.

Учит. Почему же нѣтъ? Учен. Потому что она не имѣетъ оконъ.

Учит. Такъ; въ комнатѣ всегда та стѣна называется переднею, въ которой находятся окна, чрезъ которыя свѣтъ проходитъ въ комнату; въ противоположной же стѣнѣ обыкновенно дѣлается дверь, поэтому стѣна съ дверью называется обыкновенно заднею стѣною.

Учит. Станьте опять лицомъ къ окнамъ; что вы для этого должны сдѣлать? Учен. Для этого мы должны обернуться.

Учит. Слушайте же моей команды:

обернитесь *разъ!* Теперь посмотрите на другія стѣны, сперва на эту: *разъ!* потомъ на эту: *разъ!* Дѣти попеременно смотрятъ въ обѣ стороны.

Учит. Какъ можно назвать эти стѣны? Учен. Эти стѣны можно назвать боковыми стѣнами.

Учит. Хорошо, сколько же ихъ здѣсь? Учен. Здѣсь ихъ 2.

Учит. Кто можетъ отличить эти стѣны, одну отъ другой? Посмотрите на эту стѣну! Какъ ты назовешь ее, чтобы отличить отъ противоположной стѣны? Учен. Я могу ее назвать правою боковою стѣною.

Учит. А какъ ты назовешь противоположную стѣну. Учен. Я могу назвать ее лѣвою боковою стѣною.

Учит. Кто изъ васъ можетъ повторить все то, что мы до сихъ поръ сказали? Учен. Комната, въ которой мы теперь находимся, есть классная комната. Она больше, длиннѣе, шире и выше нашихъ домашнихъ комнатъ. Классная комната имѣетъ потолокъ, полъ и 4 стѣны. Потолокъ находится надъ нами, полъ — подъ нами; одна стѣна — передъ нами, другая — сзади насъ и двѣ по сторонамъ. Поэтому въ комнатѣ одна передняя стѣна, другая задняя и двѣ боковыя стѣны. Стѣна, въ которой находятся окна, есть передняя стѣна, а противоположная ей называется заднею стѣною. Изъ боковыхъ стѣнъ одна есть правая, а другая — лѣвая.

Учит. Такъ, хорошо. Не видите ли вы еще чего-нибудь въ этой комнатѣ, кромѣ стѣнъ, пола и потолка? Учен. Мы видимъ еще 4 угла.

Учит. Гдѣ же вы видите углы? Учен. Углы мы видимъ тамъ, гдѣ соединяются двѣ стѣны.

Учит. Какъ вы назовете эти углы? Учен. Два угла передними, и два — задними.

Учит. Нельзя ли еще точнѣе назвать каждый изъ этихъ угловъ? Учен. Одинъ передній правый уголъ, а другой передній лѣвый уголъ; одинъ задній правый и другой задній лѣвый.

Учит. Сколько надобно было бы учениковъ, чтобы въ каждый уголъ поставить по одному, и по срединѣ комнаты еще одного? Учен. Для этого надобно было бы пять учениковъ.

Учит. Пусть же четверо изъ васъ станутъ по угламъ, и одинъ по срединѣ: отвѣчайте, гдѣ каждый изъ васъ стоитъ? Учен. Я стою въ правомъ переднемъ углу; я въ лѣвомъ переднемъ и т. д.

Учит. Теперь разсмотрите подробнѣе переднюю стѣну съ ея окнами. Во сколькихъ мѣстахъ сдѣланы окна? Учен. Окна сдѣланы въ четырехъ мѣстахъ.

Учит. Какъ называются оконные переплеты, въ которые вставлены стекла? Ученики. Оконные переплеты называются *рамами*.

Учит. Сколько стеколъ въ каждой рамѣ? Учен. Въ каждой рамѣ шесть стеколъ. Учит. Сколько же во всѣхъ четырехъ рамахъ? Учен. Во всѣхъ четырехъ рамахъ 24 стекла.

Учит. Въ этой комнатѣ есть еще одинъ предметъ, который составляетъ также часть ея, потому что онъ необходимо долженъ находиться въ каждой комнатѣ? Учен. Этотъ предметъ — печь.

Учит. Гдѣ стоитъ эта печь? Учен. Она стоитъ въ правомъ заднемъ углу.

Учит. Теперь вы должны еще вымѣрить нашу классную комнату шагами. — Ты измѣрь длину, а ты ширину. — Сколько? Учен. Она имѣетъ 15 моихъ шаговъ въ ширину, и 9 моихъ въ длину.

Учит. Не хочетъ ли кто-нибудь изъ васъ измѣрить вышину шагами? Учен. Вышину нельзя мѣрить шагами.

Учит. Кто изъ васъ разскажетъ мнѣ все то, что мы теперь сказали?

Учен. Комната имѣетъ 4 угла; каждый уголъ находится тамъ, гдѣ соединяются двѣ стѣны; 2 угла изъ нихъ называются передними, два задними, два правыми и два лѣвыми. Если поставить въ каждый уголъ по одному ученику, и по срединѣ также одного, то надобно 5 учениковъ и т. д.

III.

Программа нагляднаго разсматриванія нѣскольких предметовъ.

Первое полугодіе: разсматриваніе внутренностей дома.

А. Предметы.

1. Перечисленіе предметовъ, находящихся въ комнатахъ, въ кухнѣ, въ подвалѣ, на чердакѣ, въ сараѣ и т. д.

2. Раздѣленіе и распредѣленіе этихъ предметовъ на одушевленные и неодушевленные, на стоячіе, лежачіе, висячіе, подвижные, неподвижные, существующіе по одиначкѣ, во множествѣ и т. д.

3. Перечисленіе преметовъ по положенію ихъ другъ къ другу и къ разсматривающему (впереди, сзади, вверху, внизу, надъ, подъ, внутри, влѣво, вправо, и т. д.), по составу и назначенію ихъ (по веществу, употребленію и т. д.).

Б. Дѣйствія.

1. Дѣйствія и состоянія одушевленныхъ и неодушевленныхъ, висячихъ, лежачихъ и т. д. предметовъ, находящихся въ домѣ.

2. Дѣйствія и состоянія тѣхъ изъ этихѣ предметовъ, которые можно только видѣть или только слышать и т. д.

В. Качества.

1. Пріисканіе качествъ къ названнымъ предметамъ.

2. Пріисканіе предметовъ къ даннымъ качествамъ; напримѣръ: какіе предметы бѣлые, черные и т. д.

Второе полугодіе: разсматриваніе окрестностей дома.

А. Предметы.

1. Перечисленіе предметовъ, находящихся на дворѣ, въ саду и вообще вблизи дома.

2. Раздѣленіе родовъ на виды, различіе и называніе частей зданій, инструментовъ, растеній, животныхъ и т. д.

3. Распредѣленіе и раздѣленіе предметовъ по пространству, употребленію, происхожденію и взаимному отношенію ихъ.

Б. Дѣйствія.

1. Предметы движутся и переходятъ съ одного мѣста на другое: люди, животныя, неодушевленные предметы.

2. Предметы движутся, не перемѣняя мѣста: движеніе частей предметовъ.

3. Дѣйствія, доступныя слуху, зрѣнію, или нѣсколькимъ чувствамъ вдругъ.

4. Различнаго рода дѣятельности: занятія отца, матери, крестьянина и т. д.

5. Отправленія, производимыя отдѣльными частями человѣческаго тѣла.

В. Качества.

1. Качества предметовъ, находящихся въ окрестностяхъ дома.

2. Названіе качествъ по величинѣ, очертанію, цвѣту, веществу и т. д.

Третье полугодіе: разсматриваніе родины (деревни, города).

А. Предметы.

1. Перечисленіе предметовъ, находящихся въ деревнѣ или въ городѣ, на полѣ, на лугу, въ лѣсу и т. д.

2. Перечисленіе частей этихъ предметовъ, частей дороги, колодца, горы, пруда и т. д.

3. Раздѣленіе и распредѣленіе предметовъ по извѣстнымъ высшимъ понятіямъ, напр. людей по званію, промыслу, возрасту, родству; животныхъ по классамъ и т. д.; растеній, вещей и т. д.

4. Опредѣленіе взаимнаго мѣстоположенія предметовъ: гдѣ находится такой-то домъ, лугъ, поле, гора, лѣсъ, и т. д.

Б. Дѣйствія.

1. Перечисленіе занятій различныхъ лицъ; сельско-хозяйственныя, художественныя, домашнія, общественныя занятія; отправленія животныхъ; жизнь и движеніе растеній и т. д.

2. Дѣйствія слышимыя, звуки слышимые въ природѣ.

3. Перечисленіе всѣхъ дѣйствій даннаго предмета; называніе нѣсколькихъ предметовъ, производящихъ одну и ту же дѣятельность.

В. Качества.

1. Какія качества приличествуютъ тому или другому предмету? Пріисканіе одного, двухъ или трехъ общихъ нѣсколькимъ даннымъ предметамъ качествъ.

2. Раздѣленіе качествъ на внѣшнія и внутреннія, качества животныхъ, растеній, людей, необходимыя и случайныя, хорошія и дурныя, тѣлесныя, духовныя, нравственныя; форма очертанія, видъ цвѣта, вещества и т. д.

Въ заключеніе скажемъ еще нѣсколько словъ объ употребленіи *картинъ*.

При наглядномъ обученіи очень часто употребляютъ, вмѣсто дѣйствительныхъ предметовъ, изображенія ихъ. Но ежедневный опытъ показываетъ, что мно-

гіе люди не получаютъ яснаго понятія о предметахъ, даже разсматривая ихъ въ дѣйствительности; тѣмъ слѣдовательно еще менѣе ясное понятіе они получатъ о предметахъ, если разсматриваютъ ихъ только на картинѣ, гдѣ недостаетъ многаго, свойственнаго дѣйствительнымъ предметамъ. Изображенія предметовъ въ картинѣ требуютъ подробнаго дополнительнаго объясненія, чтобы разсматривающій ихъ могъ составить себѣ по нимъ вѣрное понятіе о самыхъ предметахъ. Картинѣ недостаетъ движенія, такъ сильно дѣйствующаго въ дѣйствительности, недостаетъ тѣлесности, которая дѣлаетъ существующіе предметы не только видимыми, но и осязаемыми. Картина представляется только глазу, тогда какъ самые предметы и дѣйствія ихъ воспринимаются и другими чувствами; наконецъ на картинѣ обыкновенно нужно дополнить настоящій масштабъ, потому что предметы на ней то больше, то меньше, нежели на самомъ дѣлѣ.

Эти недостатки картинъ составляютъ именно тѣ препятствія, по которымъ ознакомленіе дѣтей съ предметами по картинамъ никогда не можетъ быть такъ ясно и отчетливо, какъ по дѣйствительнымъ предметамъ. Хотя изображенія предметовъ на картинѣ и не столь отвлеченны, какъ изображеніе понятій въ письмѣ, но все-таки картины представляютъ только *искуственныя* изображенія, которыя должно разсматривать съ напряженнымъ размышленіемъ и сознаніемъ: а это своего рода чтеніе. И здѣсь необходимо собирать мысли; какъ въ книгѣ, и здѣсь есть знаки, соотвѣтствующіе буквамъ; и здѣсь приходится вычитывать слова и предложенія; и здѣсь можно читать хорошо и дурно, механически и разумно, съ пользою и безъ пользы, буквально и небуквально. Чѣмъ лучше картина, чѣмъ художественнѣе она исполнена, тѣмъ легче понять изображаемое ею. Впрочемъ, при картинахъ низшаго достоинства встрѣчается одна выгода для обученія: это общая радость дѣтей при видѣ какой либо картины. Уже простые рисунки обращаютъ на себя ихъ вниманіе и значительно возбуждаютъ ихъ воображеніе; а если картины раскращены, то этимъ уже значительно обезпечивается успѣшное разсматриваніе. Но какъ учителю невозможно объяснять книгу или предметъ, котораго онъ еще самъ не знаетъ, такъ точно онъ не можетъ съ пользою объяснять и картины, которыя незнакомы ему во всѣхъ частяхъ и со всѣхъ сторонъ, т. е. если онъ не замѣтилъ всѣ пробѣлы въ картинѣ и разницу ихъ съ дѣйствительными предметами.

Разсматриваніе картинъ имѣетъ тѣ же цѣли, какъ и разсматриваніе дѣйствительныхъ предметовъ; поэтому ученики должны все, что они видѣли на картинѣ, выражать словами — устно и письменно.

Что касается до самаго хода изложенія, то необходимо объяснить прежде всего главную группу, такъ чтобы ученикъ получилъ понятіе о цѣломъ; а потомъ слѣдуетъ перейти къ разсматриванію отдѣльныхъ частей. При всемъ этомъ должно постоянно сравнивать изображенные предметы съ дѣйствительными и возможно точнѣе выражать всѣ понятія въ связныхъ предложеніяхъ.

Примѣры общенагляднаго обученія.

I.

Первыя понятія объ окружающихъ предметахъ и явленіяхъ человѣкъ получаетъ посредствомъ пяти чувствъ. Поэтому-то при первоначальномъ обученіи дѣтей прежде всего и необходимо обращать вниманіе на развитіе и образованіе ихъ внѣшнихъ чувствъ; необходимо руководить ихъ зрѣніемъ, слухомъ, обоняніемъ, вкусомъ и осязаніемъ, или другими словами: учить ихъ *наблюдать*. А это далеко не такъ легко, какъ кажется съ перваго взгляда.

«Самое трудное искусство», говоритъ знаменитый Либихъ во второмъ изъ химическихъ писемъ своихъ, «есть искусство наблюденія. Для этого нуженъ образованный, здравый умъ и многосторонняя опытность, которая можетъ быть пріобрѣтена только посредствомъ упражненія; ибо наблюдателемъ можно назвать не того, который видитъ передъ собой предметъ въ общемъ его очертаніи, а только того, кто видитъ, изъ какихъ частей составленъ предметъ и въ какой связи находятся части между собой и съ цѣлымъ предметомъ. Иной по невнимательности не видитъ и половины того, что находится въ предметѣ; другой видитъ гораздо больше, потому что смѣшиваетъ видимое съ тѣмъ, что при этомъ рисуетъ ему пылкое его воображеніе; третій наконецъ замѣчаетъ и части цѣлаго, но недостаточно ясно различаетъ ихъ. — Наблюденіе можно сравнить со стекломъ, которое, чтобы служить зеркаломъ, должно быть шлифовано чрезвычайно гладко и полировано съ величайшею тщательностью, иначе никакой предметъ не отразится въ немъ чисто и вѣрно. — Наблюдающій напр. часы видитъ въ нихъ не только движущійся маятникъ, циферблатъ и стрѣлки, — это можетъ видѣть и всякій ребенокъ, — но и части часовъ и въ какой связи находятся гири съ колесами и маятникъ со стрѣлками.»

Въ этихъ немногихъ словахъ знаменитый химикъ какъ нельзя яснѣе показалъ необходимость развивать въ дѣтяхъ наблюдательность. Но какимъ образомъ совершается это развитіе? На это мы находимъ отвѣтъ въ тѣхъ же словахъ Либиха: «для искуства наблюденія необходима многосторонняя опытность, которая можетъ быть пріобрѣтена только упражненіемъ». Слѣдовательно развить наблюдательность можно только посредствомъ наблюденія, т. е. посредствомъ обращенія тщательнаго вниманія на все, что окружаетъ ребенка и что совершается съ окружающимъ. Это упражненіе внѣшнихъ чувствъ состоитъ:

1. В ъ р а з с м о т р ѣ н і и и о п и с а н і и д ѣ й с т в и т е л ь н ы х ъ п р е д м е т о в ъ и л и и х ъ и з о б р а ж е н і й, н а х о д я щ и х с я н е п о с р е д с т в е н н о п е р е д ъ г л а з а м и р е б е н к а.

2. В ъ о п и с а н і и и л и и з о б р а ж е н і и п р е д м е т о в ъ, в и д ѣ н н ы х ъ р е б е н к о м ъ и л и з н а к о м ы х ъ е м у п о к а р т и н а м ъ.

Перваго рода упражненія введены со временъ Песталоцци почти во всѣхъ народныхъ школахъ Германіи; послѣдне упомянутыя же встрѣчаются гораздо рѣже. Обыкновенно общенаглядное обученіе начинается съ того, что дѣтей заставляютъ *поименовывать* предметы, которые они видѣли въ томъ или другомъ мѣстѣ: на дворѣ, въ саду, въ школѣ, въ лавкѣ. Начало такое, по нашему мнѣнію, превратно и преждевременно. На первомъ планѣ должны находиться упражненія въ *наблюденіи* (собственно наглядныя упражненія), а не въ *разговорѣ*. Къ тому же, кто поручится, что ребенокъ, если онъ и бывалъ на дворѣ, въ саду или въ лавкѣ, внимательно разсматривалъ всѣ предметы, тамъ находившіеся? И какъ можно требовать отъ ребенка, чтобы онъ поименовывалъ предметы, которые онъ вѣроятно и видѣлъ, но названія которыхъ онъ быть можетъ и не знаетъ. Слѣдовательно начинать должно съ разсматриванія и описанія предметовъ, находящихся непосредственно передъ глазами ребенка, а потомъ перейти и къ описанію видѣнныхъ прежде предметовъ. Покажемъ это на двухъ примѣрахъ.

1. Описаніе дома.

Учитель показываетъ дѣтямъ изображеніе дома и, давъ имъ разсмотрѣть его, предлагаетъ слѣдующіе вопросы, на которые ученики должны отвѣчать сперва по картинѣ, а потомъ и безъ нея.

Сколько этажей въ домѣ? Сколько оконъ въ первомъ этажѣ? во второмъ? третьемъ? Сколько стеколъ въ каждомъ окнѣ? Сколько входовъ въ домъ? Двери дома о двухъ половинкахъ, или объ одной? Чѣмъ покрытъ домъ? Сколько трубъ? Чѣмъ домъ окруженъ? Изъ чего выведены стѣны? Какого онѣ цвѣта? Кто строитъ дома? Чѣмъ занимаются при постройкѣ домовъ каменьщики, — плотники, — столяры, — кровельщики, маляры? и т. д.

Послѣ подобныхъ вопросовъ учитель можетъ перейти къ внутренности дома, знакомой дѣтямъ по собственнымъ наблюденіямъ. При неудовлетворительныхъ отвѣтахъ онъ показываетъ картинку снова и даетъ отвѣтъ самъ только въ крайнемъ случаѣ.

2. Изображеніе охотника, стрѣляющаго въ зайца.

Вопросы: Хотите ли рисовать? (Хотимъ). Что же нужно намъ для рисованія? (Бумага, карандашъ, кисточки, краски, или доска и грифель, и т. д.) А еще что? Главное-то вы и забыли. Прежде всего надобно умѣть рисовать. А умѣете ли вы рисовать? (Нѣтъ.) А между тѣмъ вы все таки можете рисовать, только не карандашомъ и грифелемъ, а просто — словами, т. е. вы можете описать то, что бы вы желали нарисовать. Ну, начнемъ же рисовать этимъ новымъ способомъ! На первый случай нарисуемъ охотника, стрѣляющаго въ зайца. Что должно быть на головѣ у охотника? Чѣмъ мы украсимъ его шапку? Какъ нарисуемъ платье? Какіе ему дать панталоны? Какіе сапоги? Что ему надѣть сверхъ платья? Какого звѣря нужно нарисовать подлѣ сумки? Какое дадимъ мы ему ружье: одноствольное, или двуствольное? Какъ нарисовать ремни у ружья? А заяцъ какъ долженъ бѣжать: отъ него, или ему на встрѣчу? Какъ заяцъ держитъ уши? Ноги у него равныя, или неравныя? Которыя же длиннѣе: переднія, или заднія? (При этомъ учитель можетъ объяснить и нѣкоторыя изъ техническихъ выраженій.) Теперь мы перейдемъ къ тому, что окружаетъ охотника, и прежде всего къ собакѣ. Какую ей дать кличку? Какого цвѣта будетъ она? Какой у ней хвостъ? Какія уши? Гдѣ долженъ быть охотникъ — въ лѣсу, на лугу, въ полѣ, или на горѣ? Какое дерево находится на горѣ (случайности)? Какой кустарникъ? Какіе цвѣты? Какія птицы тамъ летаютъ, и т. д.

Такое изображеніе или, такъ сказать, рисованіе словами чрезвычайно оживляетъ преподаваніе и придаетъ ему особую занимательность. Кто когда-либо заставлялъ дѣтей дѣлать подобныя упражненія, тотъ знаетъ, какою радостію блистаютъ глаза дѣтей каждый разъ, когда учитель спрашиваетъ: хотите ли рисовать? Къ тому же это упражненіе чрезвычайно легкое. Учителю стоитъ только подать мысль, напр. мы нарисуемъ, какъ слуга чиститъ сапоги, и дѣти тотчасъ же сами дополнятъ все остальное. А пользу такихъ упражненій, кажется, нѣтъ надобности доказывать.

II [1]).

1. Яблоко и яблоня.

Въ нашемъ саду растетъ яблоня; она имѣетъ стволъ, много вѣтвей и зеленые листья, какъ и всѣ другія деревья, которыя вы видали въ рощѣ, или въ лѣсу. Но на яблонѣ растетъ еще кое-что, что можно кушать — это яблоки. Побѣжимъ же скорѣе въ садъ, подойдемъ къ яблонѣ и попросимъ ее, чтобы она дала намъ яблочко. Но она качаетъ вѣтвями и отвѣчаетъ: теперь я не могу тебѣ дать яблочка. Ты спросишь: отчего же, милая яблоня, ты не можешь мнѣ теперь дать яблочка? мнѣ очень хочется. Яблоня показываетъ тебѣ свои вѣтви: онѣ теперь голы, всѣ листочки попадали, люди сняли всѣ яблочки, и она сама не знаетъ, куда ихъ спрятали. Но мы знаемъ; мы попросимъ мамашу, она ужъ навѣрно дастъ намъ яблочко. Вотъ мамаша намъ и принесла. Посмотри, какъ это яблоко красиво! Оно имѣетъ зеленоватый цвѣтъ, и красненькія щечки. Кто ему далъ такія щечки? — Красное солнышко; оно нарумянило ему щечки; оттого яблоко и сдѣлалось такъ красиво и должно быть очень вкусно. Попробуемъ. Но кто хочетъ кушать яблоко, тотъ долженъ прежде очистить его. Вотъ мы и очистили, и то, что мы сняли съ яблока, называется *кожицею*; она не вкусна, и потому ее снимаютъ и не ѣдятъ. Что же сдѣлалось съ нашимъ яблокомъ? Съ яблокомъ случилась еще и другая перемѣна; оно прежде было гладкое и сухое, а теперь сдѣлалось мокрымъ, сырымъ. — Кто же намочилъ его! Яблоко имѣетъ очень вкусное и мягкое бѣлое мясо; въ этомъ мясѣ находится сладкій сокъ, который ты можешь высосать. Что же мы теперь узнали о нашемъ яблочкѣ? Оно выросло на деревѣ и имѣетъ гладкую зелененькую кожицу съ красными щечками, мягкое бѣлое мясо и вкусный сладкій сокъ, который можно высосать. Все ли это? Нельзя ли еще что-нибудь замѣтить на яблокѣ, и нѣтъ ли чего-нибудь въ срединѣ его? Посмотримъ хорошенько. Вотъ наверху яблочка остался еще маленькій вѣнчикъ, который похожъ на высохшій цвѣтокъ; а снизу торчитъ коротенькій стебелекъ. Знаешь ли ты, зачѣмъ нуженъ яблоку этотъ стебелекъ? Яблоко крѣпко держится этимъ стебелькомъ на яблонѣ, и вѣтеръ не можетъ стряхнуть его; а если бы у яблока не было этого стебелька, то оно упало бы отъ вѣтра на землю, испортилось бы, и мы не могли бы его теперь кушать. — Вотъ вамъ, дѣти, одному кожица, другому стебелекъ, третьему сухой вѣнчикъ; — что же у меня осталось? Теперь мы конечно можемъ скушать очищенное яблоко. Нѣтъ: оно еще слишкомъ велико для вашего маленькаго рта, да и мы всѣ бы хотѣли получить по кусочку отъ него. Что же намъ надо сдѣлать? Мы возьмемъ ножикъ и разрѣжемъ яблоко на части. На сколько частей разрѣзать его? Сперва разрѣжемъ яблоко на двѣ части, — какъ называется каждая изъ нихъ? Половинку яблока разрѣжемъ еще на двѣ части; сколько всѣхъ частей у насъ? Какъ каждая изъ этихъ частей называется? Цѣлое яблоко имѣетъ двѣ половинки и четыре четверти и т. д. Но что это такое? Посмотрите, сколько маленькихъ чернушекъ посыпалось изъ нашего яблочка? Это зернушки: — снаружи всѣ они покрыты темною кожицею, а внутри они бѣлы. Гдѣ живутъ они? Вотъ въ этихъ комнаткахъ. Сколько всѣхъ комнатокъ въ нашемъ яблокѣ? Ихъ пять, и онѣ вмѣстѣ составляютъ маленькій домикъ въ самой срединѣ яблока. Сколько зернушекъ живетъ въ этомъ домикѣ? Часто въ каждой комнаткѣ живетъ только одно зернушко. Сколько же зернушекъ въ такомъ случаѣ бываетъ въ одномъ яблокѣ? Часто въ каждой комнаткѣ живутъ по два зернушка; часто одна комнатка остается пустою, — сколько же тогда бываетъ зернушекъ въ яблокѣ, если въ немъ всего пять комнатокъ? Часто три зернышка живутъ въ двухъ комнаткахъ; сосчитаемъ, сколько ихъ тогда можетъ быть въ каждой комнаткѣ?

[1]) По этимъ примѣрамъ можетъ быть ведено общенаглядное обученіе преимущественно въ семействѣ.

Но для чего нужны эти зернушки? Ихъ нельзя ѣсть; отъ нихъ можно заболѣть. Къ чему же они служатъ? Когда большая яблоня становится совершенно старою, то она уже не приноситъ болѣе плодовъ, болѣетъ и засыхаетъ. Что же тутъ дѣлать, чтобы имѣть яблоки? Надо, чтобы была другая, молодая яблоня. Откуда же мы возьмемъ ее? Мы возьмемъ сперва черненькое зернушко или сѣмечко, пойдемъ въ садъ и посадимъ его въ землю. Это сѣмечко то же самое, что и птичье яичко. Изъ яичка вылетаетъ птичка, изъ сѣмечка выростаетъ деревцо. Это деревцо мы должны каждый день поливать, а Богъ пошлетъ свѣтлое солнышко, которое пригрѣетъ наше деревцо, и оно сдѣлается большимъ, большимъ. Тогда у деревца выростутъ въ землѣ длинные корни; они пьютъ дождикъ, падающій съ неба на землю, и поддерживаютъ свое деревцо, чтобы оно не упало. Потомъ оно будетъ имѣть толстый стволъ, покрытый жесткою, шероховатою корою, и много вѣтвей и вѣтокъ съ зелеными красивыми листьями. Осенью эти листья падаютъ; вѣтеръ разноситъ ихъ по всѣмъ сторонамъ, и вотъ дерево совершенно обнажается, становится голымъ, и вѣтви его зимою покрываются снѣгомъ и инеемъ. Но опять приходитъ теплая весна; тысячи маленькихъ почекъ появляются тогда на вѣткахъ; онѣ все полнѣютъ и полнѣютъ, потомъ распускаются, и яблоня покрывается бѣлыми и красненькими цвѣточками и зелеными листьями. Изъ цвѣточковъ образуются маленькіе плоды, которые понемногу увеличиваются, постепенно зрѣютъ, согрѣваемые солнышкомъ, и наконецъ осенью становятся красивыми вкусными яблоками. Почему можно узнать, что яблоки созрѣли? По румянымъ щечкамъ и по черненькимъ зернушкамъ. Тогда садовникъ снимаетъ яблоки; ихъ укладываютъ въ бочки, которыя ставятъ на погребъ, и потомъ по воскресеньямъ и по праздникамъ даютъ послушнымъ дѣтямъ. Наступитъ холодная зима; придетъ Рождество Христово, и яблочки закрасуются на елкѣ, которую папаша съ мамашею уберутъ и ярко освѣтятъ разноцвѣтными маленькими свѣчками и фонарями, золотыми орѣхами и раскрашенными пряниками; а столъ уставятъ игрушками. Тутъ-то дѣти радуются и веселятся!

---

2. БѢЛКА.

Охотникъ идетъ по лѣсу и видитъ на высокомъ большомъ дубу небольшого звѣрка, который такъ весело вертится, прыгаетъ, скачетъ и быстро перебирается съ дерева на дерево. Что это за звѣрокъ? Это бѣлка. — Зачѣмъ она взобралась на этотъ дубъ? На немъ растутъ вкусные жолуди, которые ей очень нравятся; вотъ она и пришла за ними. Что же она будетъ дѣлать съ жолудями? Она уже перепрыгнула на другое высокое и густое дерево, и быстро перебирается съ одной вѣтки на другую, бѣгаетъ по нимъ и что-то срываетъ. Это дерево букъ, на которомъ также ростутъ вкусные буковые жолуди. Но чаще всего бѣлка взбирается на орѣховыя деревья и щиплетъ орѣшки. Зачѣмъ они ей нужны? Орѣхъ имѣетъ толстую, крѣпкую скорлупу, которую она вѣдь не можетъ ѣсть. А въ скорлупѣ что лежитъ? Въ ней скрывается зерно, которое такъ вкусно, какъ миндаль. Какъ же бѣлка достаетъ это зерно? Она щелкаетъ орѣхи. Во рту у нея есть очень острые зубы: два сверху и два снизу; эти зубы острѣе, чѣмъ перочинный ножичекъ, или такъ же остры, какъ рѣзецъ; потому они и называются рѣзцами. На орѣхѣ есть швъ; бѣлка искусно раскалываетъ этотъ швъ своими острыми зубами; кракъ! скорлупка распадается на двѣ половинки, и она съѣдаетъ зерно.

Ну, дѣти, вы теперь уже много слышали о бѣлкѣ. Какова же она собою? Какое она носитъ платьице, и какого цвѣта воротничокъ? Наша бѣлочка имѣетъ красноватый пушистый хвостъ, кото-

рый очень похожъ на султанъ; на лапкахъ у нея острые когти; безъ нихъ она не могла бы взбираться на деревья. Можешь ли ты сосчитать, сколько пальцевъ у бѣлки? Теперь она сидитъ на заднихъ лапкахъ. Переднія лапки замѣняютъ ей руки; она крѣпко держитъ ими орѣхъ, когда хочетъ щелкать его. У нашей бѣлочки есть также домъ, въ которомъ она живетъ. Человѣкъ строитъ себѣ домъ изъ дерева и изъ камней, а бѣлка готовитъ свое гнѣздо только изъ вѣтвей. И когда гнѣздо готово, то она поселяется въ немъ съ своею женою и съ дѣтками. Въ гнѣздышкѣ имъ очень мягко и тепло. Знаете вы, какъ бѣлка устроила его? На лугахъ очень много мягкаго сѣна; сухой мохъ растетъ между травой; бѣлка приноситъ сѣно и мохъ и устилаетъ ими свое гнѣздо. Если же задуетъ сильный вѣтеръ, и маленькимъ бѣлочкамъ сдѣлается холодно, то бѣлка тотчасъ же прыгнетъ въ гнѣздышко и затворитъ дверцы. Когда дѣти ея голодны, то она даетъ имъ желудей или орѣшковъ. Откуда же она беретъ ихъ? Осенью конечно бываетъ много, много желудей и орѣховъ; а зимою что будетъ, когда наступятъ морозы, и бѣлый снѣгъ покроетъ всю землю? Бѣлка подходитъ къ дубу, — но на немъ нѣтъ уже желудей; они всѣ попадали, лежатъ подъ снѣгомъ. Что же дѣлаетъ зимою орѣховое дерево? На немъ ничего нѣтъ; всѣ листочки слетѣли, и оно показываетъ тебѣ голыя вѣтви, покрытыя снѣгомъ. А знаешь ли ты, кто снялъ листья съ орѣховаго дерева? Это сдѣлалъ холодный осенній вѣтеръ. А куда дѣвались всѣ орѣхи? Пришли осенью люди съ корзинками и обобрали ихъ, и бѣдной бѣлочкѣ ничего не оставили. Что же теперь дѣлать ей? Гдѣ она достанетъ пищу? гдѣ укроется отъ холода? Она должна умереть?

Нѣтъ, милыя дѣти, не бойтесь за бѣлочку! Она не замерзаетъ; она живетъ по прежнему весело и счастливо: она прыгаетъ и скачетъ; ей не нужно спрашивать, что буду я завтра ѣсть что я надѣну, чтобы укрыться отъ мороза? Богъ позаботился объ ней и далъ ей шубку, которая теплѣе всѣхъ нашихъ шинелекъ и шубокъ. Въ этой шубкѣ бѣлочкѣ нашей очень тепло, и она не замерзнетъ. Богъ же позаботился и о томъ, чтобы она не голодала, и научилъ ее заготовлять себѣ пищу на зиму. О, наша бѣлка вѣдь большая умница! Хотя она много веселится и бѣгаетъ и прыгаетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она и много работаетъ, и заботится о себѣ и о своихъ дѣточкахъ.

Когда пришла осень, бѣлка тотчасъ же подумала о холодной зимѣ. Она побѣжала въ лѣсъ, наносила много вѣтвей и сухихъ листьевъ и построила маленькія комнатки: одну на деревѣ, другую на землѣ, и крѣпко затворила дверцы, для того чтобы не вошла мышка и не съѣла весь ея запасъ. Въ эти комнатки бѣлка принесла много желудей и орѣховъ и хорошенько спрятала ихъ на зиму. Когда она захочетъ поѣсть, она прибѣжитъ въ одну изъ комнатокъ, возьметъ два-три орѣшка, съѣстъ ихъ и будетъ сыта.

---

3. ЖАВОРОНОКЪ.

Когда мужичокъ идетъ на поле, пашетъ его и потомъ сѣетъ овесъ или ячмень, то прилетаетъ маленькая птичка и поетъ ему хорошенькую пѣсенку. Въ это время она не садится на дерево, или на землю, какъ дѣлаютъ другія птички, когда поютъ, а кружится и вьется весело и высоко въ голубомъ небѣ, и поетъ очень звонко и пріятно. Можете ли вы назвать мнѣ эту птичку? Это жаворонокъ. Крылья и перышки его имѣютъ темноватый цвѣтъ; на головкѣ жаворонка часто бываетъ небольшой хохолокъ, а на ножкахъ точно шпоры, какъ у нашего большого пѣтуха, или какъ на сапогахъ солдатъ, которые ѣздятъ верхомъ.

Жаворонокъ начинаетъ пѣть рано

утромъ. Зачѣмъ онъ такъ рано поетъ? Онъ благодаритъ Бога. За что? За спокойную пріятную ночь, которую Господь послалъ ему, за множество червячковъ и сѣмечекъ, которые Онъ даетъ ему. Слѣдовательно и мы можемъ чему-нибудь поучиться у жаворонка. Чему же? Мы также рано утромъ помолимся, будемъ благодарить Бога и скажемъ: благодаримъ Тебя, добрый Боже нашъ, за тихую спокойную ночь, за все, что Ты намъ даешь!

Нашъ жавороночекъ знаетъ еще одну очень, очень хорошенькую пѣсенку. Послушайте, какъ онъ поетъ: лирлирли, лирлирли, ахъ какъ славно на заря! Эту пѣсенку жаворонокъ поетъ цѣлое утро и никогда не устаетъ. Теперь онъ молчитъ, его уже болѣе не видно. Куда же онъ дѣвался? Поищемъ. Пойдемъ въ рожь; раздвинемъ потихоньку стебельки и травку; что мы увидѣли? На землѣ свито маленькое гнѣздышко изъ травки и изъ стебельковъ, а въ немъ красивенькія яички. Самка почти постоянно сидитъ на этихъ яичкахъ, согрѣваетъ ихъ, и скоро вмѣсто яичекъ ты увидишь въ гнѣздышкѣ маленькихъ птичекъ. Посмотри: на нихъ еще нѣтъ перышекъ, слѣдовательно имъ холодно? Нѣтъ; мать прилетитъ, и своими теплыми крылышками накроетъ ихъ, а отецъ принесетъ червячковъ и зернышекъ. Маленькія птички открываютъ ротикъ и съѣдаютъ то червячка, то мушку, то сѣмечко, и такъ продолжается цѣлый день. Что же будетъ съ бѣдными птичками, если найдетъ ихъ хорекъ, ласка или другой подобный звѣрь? Онъ ихъ съѣстъ, потому что мать и отецъ не могутъ защитить ихъ, у нихъ мало силы, и ихъ самихъ можетъ съѣсть злой звѣрь. Но это рѣдко случается; жаворонки обыкновенно вьютъ гнѣздо свое въ такомъ мѣстѣ, что его трудно найти.

Когда приходитъ осень и снимаетъ листья съ деревьевъ, жаворонки наши улетаютъ далеко-далеко, за синее море, туда, гдѣ тепло. Когда у насъ бываетъ зима, снѣгъ покрываетъ всю землю, а морозъ заставляетъ надѣвать теплыя шубки, тогда въ другихъ странахъ бываетъ тепло и настаетъ веселое лѣто; тогда тамъ много червячковъ и зернышекъ. Въ то время, когда птички перелетаютъ въ теплыя страны, съ нѣкоторыми изъ нихъ случаются иногда несчастія. Цѣлый день летятъ они; имъ хочется поѣсть и отдохнуть. Вотъ на крышѣ домика разсыпана пшеничка; она такъ и манитъ нашихъ проголодавшихся птичекъ; онѣ думаютъ: полетимъ къ пшеничкѣ и поклюемъ зернышекъ. Бѣдные жаворонки! они не знаютъ, что пшеничку нарочно посыпалъ человѣкъ, который живетъ въ домикѣ. Онъ положилъ также и силки; глупенькія птички станутъ клевать зернышки, задѣнутъ ножками эти силки и попадутъ въ нихъ. Человѣкъ посадитъ ихъ въ клѣтку и повѣситъ передъ окномъ, чтобы слушать ихъ пѣсенки. А можетъ быть онъ и продастъ ихъ въ городъ богатымъ людямъ.

III.

Приготовительные уроки къ обученію географіи.

1. Земля, какъ жилище всѣхъ твореній.

а) Посмотри, сколько въ саду деревьевъ; всѣ они имѣютъ стволъ, покрытый толстою корою, сучья и вѣтви, на которыхъ много, много зеленыхъ листьевъ. Вотъ стоитъ яблоня съ своими румяными, круглыми яблоками; вотъ грушевое дерево — съ сочными продолговатыми грушами; тамъ краснѣютъ спѣлыя, сладкія вишни на вишневыхъ деревьяхъ, а вотъ и цѣлая аллея густого орѣшника. Но кромѣ того въ саду растетъ еще много другихъ предметовъ, которые очень нравятся дѣтямъ, и изъ которыхъ они свиваютъ вѣнки и дѣлаютъ букеты для своихъ родителей — это цвѣты. Назовите мнѣ нѣкоторые изъ нихъ?

В ъ   с а д у   р а с т у т ъ   д е р е в ь я   и   ц в ѣ т ы.

(Дѣти запоминаютъ это предложеніе; рисунокъ, или готовый, или же посте-

ленно набрасываемый учителемъ на доскѣ, служитъ дѣтямъ напоминаніемъ при повтореніи.)

За садомъ простирается обширное поле. На этомъ полѣ растетъ много хорошаго и очень полезнаго: рожь, изъ которой дѣлается мука и потомъ печется хлѣбъ, картофель, рѣпа, рѣдька и проч.

Въ саду растутъ деревья и цвѣты.

На поляхъ растутъ рожь, картофель и т. д.

Цвѣты и деревья называются растеніями, такъ же рожь и картофель; поэтому мы можемъ сказать, что:

Въ саду и на полѣ растутъ растенія.

б) На полѣ или на лугу ты видишь еще много другихъ предметовъ, которые могутъ ходить, бѣгать, скакать, прыгать — это животныя.

Въ полѣ и на лугу пасутся коровы, овцы, лошади; въ лѣсахъ живутъ волки, медвѣди, лисицы.

Итакъ на землѣ живутъ животныя. Но не только животныя, вѣдь и мы всѣ живемъ на землѣ; а какъ насъ всѣхъ называютъ людьми, слѣдовательно:

На землѣ живутъ животныя и люди.

(Повтореніе перваго предложенія.)

в) Если ты гуляешь лѣтомъ, то часто слышишь хорошенькія пѣсни; кто поетъ ихъ? Птички. Ихъ очень много: жаворонки, ласточки, воробьи и проч. Разскажи мнѣ что-нибудь про этихъ животныхъ? Что ты знаешь о воронѣ, сорокѣ, ястребѣ, ласточкѣ?

Птицы не любятъ ходить и бѣгать по землѣ; онѣ летаютъ. Гдѣ летаютъ птицы?

Птицы летаютъ по воздуху.

г) Лошадь можетъ ходить, бѣгать, скакать — она имѣетъ ноги; птица можетъ летать — у нея есть крылья. А знаете ли вы животное, которое не можетъ ни ходить, ни бѣгать, ни летать? Такое животное есть рыба. Рыба можетъ плавать — она имѣетъ плавательныя перья. Она не можетъ жить на землѣ, не можетъ жить и въ воздухѣ; — рыба живетъ въ водѣ. Теперь мы еще кое-что узнали, именно:

Въ водѣ живутъ рыбы.

Назовите нѣкоторыхъ рыбъ. Какъ называется та рыба, которую ты любишь ѣсть?

д) Вотъ, дѣти, кольцо — оно сдѣлано изъ золота; вотъ ножикъ — онъ изъ желѣза; вотъ четвертакъ — онъ изъ серебра; вотъ кастрюля — она сдѣлана изъ мѣди; замѣтили ли вы, дѣти, памятникъ возлѣ церкви, когда ходили къ обѣднѣ? Онъ сдѣланъ (высѣченъ) изъ бѣлаго гладкаго камня, который называется *мраморъ*. Откуда беремъ мы золото, серебро, желѣзо, мѣдь, различные красивые камни? Они всѣ находятся въ землѣ, и чтобы достать ихъ, надобно глубоко, глубоко копать землю. Итакъ

въ землѣ находятъ золото, серебро, желѣзо, мѣдь и красивые камни (минералы).

2. Земля и небо.

Когда ты находишься въ саду, то ты стоишь на землѣ; слѣдовательно земля находится *подъ* тобою, а небо — надъ твоею головою, надъ тобою. Слѣдовательно:

Земля подъ нами, а небо надъ нами.

3. Естественныя и воздушныя явленія.

а) На улицѣ совершенно свѣтло. Отчего же это?

Кто освѣщаетъ улицу? Это дѣлаетъ солнце.

Гдѣ находится солнце?

Солнце на небѣ.

Если ты выйдешь вечеромъ, или посмотришь сквозь окно на небо, то увидишь много, много свѣтлыхъ огоньковъ на небѣ — это звѣзды; и между ними есть одинъ большой свѣтлый кружокъ — это мѣсяцъ или луна. Итакъ:

На небѣ мы видимъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды.

Красное солнышко не только свѣтитъ намъ, но и грѣетъ насъ; оно не всегда остается съ нами; оно показывается, восходитъ утромъ, и заходитъ (прячется) вечеромъ. Мѣсяцъ и звѣзды также свѣтятъ, но только несравненно слабѣе; они также восходятъ и заходятъ, какъ и солнце, но только не грѣютъ.

б) Солнышко цѣлый день бываетъ на небѣ, но мы его не всегда видимъ. Если его не видно, то на небѣ бываетъ нѣчто другое, то бѣлое, то сѣрое, то черное — это *облака* и *тучи*. Итакъ:

На небѣ мы видимъ также облака и тучи.

(Соединеніе этого предложенія съ предыдущимъ.)

Изъ облаковъ и изъ тучъ часто падаютъ водяныя мелкія, но частыя капли, — это *дождь*. Зимою падаютъ изъ этихъ облаковъ маленькія бѣлыя и холодныя пушинки, которыя тотчасъ же таятъ на твоей рукѣ, — это *снѣгъ*; иногда сыплются маленькіе ледяные шарики — это *градъ*.

Изъ облаковъ и тучъ идетъ дождь, снѣгъ и градъ.

Лѣтомъ иногда выходитъ изъ тучъ яркій огонекъ, который сверкнетъ и исчезнетъ, — это *молнія*. Молнія иногда убиваетъ людей, животныхъ, сожигаетъ дома и раскалываетъ большія высокія деревья. Послѣ молніи тотчасъ же раздается грохотъ на небѣ, въ облакахъ — это *громъ*. Когда сверкаетъ молнія и гремитъ громъ, то бываетъ *гроза*.

Изъ облаковъ выходитъ молнія и громъ.

(Соединеніе этого предложенія съ предыдущимъ.)

Иногда послѣ дождя, когда покажется солнышко, на небѣ между облаками появляется красивая дуга, которая имѣетъ красный, зеленый и желтый цвѣтъ, — это *радуга*.

На небѣ мы видимъ радугу.

На небѣ мы видимъ солнце, мѣсяцъ, звѣзды, облака, тучи и радугу.

Изъ облаковъ и изъ тучъ идетъ дождь, снѣгъ, градъ; сверкаетъ молнія и гремитъ громъ.

Изъ послѣднихъ явленій самое лучшее дождь. Когда цвѣточкамъ хочется пить, то онъ падаетъ съ неба и поитъ ихъ; если вода въ рунейкѣ высыхаетъ, то дождикъ опять наполняетъ его.

в) Часто днемъ улица какъ будто наполняется дымомъ, такъ что нельзя далеко видѣть — это *туманъ*. Рано утромъ на цвѣткахъ и на листочкахъ ярко блестятъ водяныя капли; трава вся бываетъ мокрая, хотя дождя и не было. Отчего же это? Отъ *росы*. Иногда утромъ крыши, поля и луга бываютъ совершенно бѣлы; покрываются какъ будто тонкимъ снѣгомъ, хотя и снѣгъ не шелъ. Что это такое? Это *иней* или *изморозь*.

На землю падаетъ роса, туманъ и иней или изморозь.

4. Вода.

Когда поставятъ котелокъ съ водою на огонь, что замѣчаете вы въ водѣ черезъ нѣсколько времени? Вода начинаетъ приходить въ движеніе. А что вы чувствуете, если опустите въ нее палецъ? Вода становится теплѣе, чѣмъ была прежде. Слѣдовательно огонь сообщаетъ свою теплоту водѣ. Чѣмъ дольше вода остается на огнѣ, тѣмъ болѣе и болѣе приходитъ она въ движеніе и сильнѣе нагрѣвается.

Не замѣчали ли вы, что изъ воды что-то подымается въ это время? Вы говорите *дымъ*; нѣтъ, это не дымъ, а *паръ*. Чѣмъ горячѣе вода, тѣмъ болѣе отдѣляется отъ нея пара. Вода начинаетъ *закипать* и наконецъ *кипитъ*. Во время кипѣнія она волнуется и пѣнится, бѣжитъ черезъ край, падаетъ на огонь, шипитъ и отчасти гаситъ его. А что будетъ, если вы опустите палецъ въ такую воду? Что дѣлается съ говядиною или съ яйцами, когда ихъ положатъ въ кипятокъ? Наблюдали ли вы это когда-нибудь? Если наблюдали, то разскажите.

Если котелокъ съ кипящею водою накрыть крышкою и, погодя немного, опять снять крышку, то что вы увидите на ней? Капли. Откуда же онѣ взялись; вѣдь прежде ихъ на крышкѣ не было? Очевидно, что изъ воды. Или вотъ, посмотрите сюда; этотъ цвѣточный горшокъ съ сырой землей и покрытый стеклянной банкой я недавно поставилъ на солнце; банка тогда была совсѣмъ суха. А какова она теперь? Она тускла и сыра, какъ будто кто-нибудь въ нее дышалъ. Откуда взялась эта сырость? Во всякомъ случаѣ изъ сырой земли. Какъ же она перешла на стекло? Слушайте, я вамъ это растолкую. Огонь, какъ вы видѣли, нагрѣваетъ воду, и изъ нея выходитъ паръ; такъ же точно и солнце нагрѣло землю, и сырость отдѣлилась отъ земли въ видѣ маленькихъ пузырьковъ. Это маленькіе пузырьки, которыхъ простымъ глазомъ почти не видать и которые не что иное какъ пары, поднимавшіеся и осѣвшіе на банкѣ. Здѣсь они немного охладѣли и соединились въ капли. Повторите теперь, какъ это все дѣ-

лалось! Какое вліяніе имѣетъ теплота солнца на сырость земли? Что дѣлается съ паромъ, и т. д.

Если же оставить горшокъ еще долѣе на солнцѣ, то капли эти сдѣлаются еще больше и наконецъ упадутъ на землю.

Потъ на окнахъ, потъ на вашемъ лбу, когда вы много и скоро ходили, дыханіе, выходящее изо рта на холодномъ воздухѣ, все это не что иное какъ паровые пузырьки. То, что вы видѣли тутъ только въ весьма маломъ количествѣ, происходитъ каждый день въ природѣ въ большихъ размѣрахъ. Изъ воды, изъ земли, вообще изъ всѣхъ предметовъ на землѣ, каждый день поднимается къ верху множество паровъ. Изъ нихъ-то въ воздухѣ и составляются облака.

Собравшіеся въ облака пары чрезъ охлажденіе сгущаются и соединяются въ капли, которыя падаютъ внизъ или въ видѣ *дождя*, или же, замерзая на пути, въ видѣ *снѣга* или *града*.

Откуда же является вода и куда она опять исчезаетъ?

Послѣ дождя упавшая вода отчасти уходитъ въ землю, отчасти же опять испаряется. Такъ напр. когда солнце освѣщаетъ мокрую крышу, то кажется, будто крыша дымится, значитъ сырость выходитъ изъ нея въ видѣ пара.

Если вы нальете немного воды на столъ и потомъ наклоните его, то что сдѣлается съ водой? Она стекаетъ со стола. Въ какую же сторону? Въ ту, разумѣется, на которую вы наклонили столъ. Поэтому и дождевая вода не остается на крышѣ, а стекаетъ съ нея. А видѣли ли вы когда-нибудь, что вода бы текла вверхъ? Нѣтъ, она течетъ только внизъ.

Вода, которая падаетъ съ неба въ видѣ дождя и которая образуется изъ тумана, снѣга и града, собирается на вершинахъ горъ и холмовъ, проходитъ все ниже и ниже въ землю, соединяется и наконецъ бьетъ *ключомъ* изъ земли; ключъ этотъ бѣжитъ дальше, сливается съ водами другихъ ключей и составляетъ *ручеекъ* или *ручей*.

Если воды нѣсколькихъ ручьевъ соберутся вмѣстѣ, то изъ нихъ образуется *рѣка*, которая на пути своемъ иногда принимаетъ въ себя, и съ той и съ другой стороны, еще другіе ручьи и рѣки: такимъ образмъ она становится все шире и глубже, течетъ далеко, далеко и наконецъ вливается въ море.

Углубленіе, въ которомъ рѣка течетъ, называется *русломъ*. Поверхность воды называютъ также *зеркаломъ* воды (почему?). Если вода въ рѣкѣ приходитъ въ движеніе, то на поверхности ея образуются *волны*. Большія волны называются *валами*. Земля по обѣимъ сторонамъ рѣки называется *берегомъ*. Каждая рѣка имѣетъ два берега: *правый* и *лѣвый*. Черезъ рѣки строятъ мосты, для того чтобы можно было переходить или переѣзжать съ одного берега на другой. Если встать на мостъ и смотрѣть въ ту сторону, куда течетъ вода въ рѣкѣ, то по лѣвую руку будетъ лѣвый берегъ, а по правую — правый берегъ. Если же стоишь на одномъ изъ береговъ, то ихъ можно опредѣлить такъ: берегъ *по сю сторону* и берегъ *по ту сторону*.

Весной, когда снѣгъ таетъ, рѣки разливаются и выступаютъ изъ своихъ береговъ. Нѣкоторыя изъ нихъ наводняютъ даже цѣлыя страны, и тѣмъ причиняютъ людямъ много вреда и несчастій.

Рѣки раздѣляются на *главныя* и *побочныя* или *притоки*. Побочными рѣками или притоками называются тѣ, которыя вливаются въ другую рѣку, главными же называются тѣ, которыя принимаютъ въ себя притоки и сами впадаютъ въ море. Мѣсто, гдѣ одна рѣка впадаетъ въ другую или въ море, называется *устьемъ*; а мѣсто, откуда рѣки вытекаютъ, *источникомъ* ихъ. Столъ, на который я налью воды, я могу вѣдь наклонить и больше, и меньше. Посмотримъ, имѣетъ ли это вліяніе на стекающую воду. Какъ бѣжитъ вода со стола, когда я его чуть-чуть наклоню? А теперь, когда я его наклоню гораздо больше? Итакъ чѣмъ больше я нагибаю столъ, тѣмъ скорѣе бѣжитъ вода, а чѣмъ меньше, тѣмъ и вода бѣжитъ медленнѣе.

Съ водой въ рѣкѣ бываетъ то же самое: если рѣка орошаетъ землю, которая не очень поката, то и теченіе ея не быстро, и струи ея тихи, едва замѣтны; а чѣмъ земля покатѣе и обрывистѣе, тѣмъ скорѣе бѣжитъ рѣка. Если же она стекаетъ съ высокихъ скалъ, которыя имѣютъ крутые обрывы, то она падаетъ съ шумомъ и пѣной въ глубину,

и это называется *водопадомъ*. Гдѣ земля не имѣетъ покатости, или гдѣ мѣстность окружена возвышенностями, тамъ вода собирается въ углубленiяхъ и образуетъ *лужи*, *болота*, *озера*, которыя бываютъ большiя или малыя. Такiя воды называются *стоячими* водами. Русло ихъ называется *бассейномъ*. Пруды для рыбъ устраиваются такимъ образомъ: роютъ бассейнъ и проводятъ въ него воду изъ ручья или рѣки. Случается также, что рѣка протекаетъ черезъ озеро. Тогда это озеро имѣетъ *приливы* и *отливы*.

Если я брошу кусокъ дерева въ воду, то онъ плаваетъ на поверхности, и рѣка уноситъ его своимъ теченiемъ. Если же я брошу въ нее камень, то онъ идетъ ко дну, тонетъ. Отчего же это происходитъ? Это происходитъ оттого, что дерево легко, а камень тяжелъ. Если я поставлю на воду пустую кружку, то она тоже будетъ плавать; но если я отломлю отъ нея только кусочекъ и брошу его въ воду, то онъ пойдетъ ко дну. Развѣ кусочекъ тяжелѣе цѣлой кружки? Конечно нѣтъ! А все же кружка плаваетъ, а кусочекъ тонетъ.

Если же я окуну кружку, зачерпну ею воды и предоставлю ей наполняться все болѣе и болѣе водою, то разумѣется кончится тѣмъ, что и она пойдетъ ко дну. Отчего же это? Когда кружка пуста, то она легче воды, которую она собою вытѣсняетъ; кусочекъ же будетъ тяжелѣе вытѣсняемой имъ воды. Ежели я буду наполнять кружку водою, то она сдѣлается все тяжелѣе и наконецъ тяжелѣе воды, которую она собою вытѣсняетъ; тогда конечно она и потонетъ.

Когда люди замѣтили, что дерево плаваетъ, и еще лучше плаваетъ, когда оно выдолблено, такъ что даже держитъ человѣка или другую тяжесть: то они начали строить лодки и корабли. Сначала лодки состояли у нихъ изъ однихъ выдолбленныхъ стволовъ деревъ, а весломъ служила простая палка.

Потомъ люди все болѣе и болѣе совершенствовались и дошли до того, что теперь у нихъ есть лодки, барки и корабли разныхъ формъ и величинъ. Лодка особенно нужна рыбаку для рыбной ловли: она бываетъ маленькая, узенькая; въ нее онъ складываетъ все необходимое для ловли, а именно: сѣти, невода, верши, мережи, съѣстные припасы и пойманную рыбу. Рыболовъ весломъ приводитъ лодку въ движенiе и правитъ имъ.

Судно гораздо больше и шире лодки. На немъ перевозятся товары и разныя тяжести съ одного мѣста на другое.

На судахъ бываютъ *паруса*. Парусъ состоитъ изъ парусины, которая прикрѣплена къ *мачтѣ* и натянута посредствомъ поперечной палки или *реи*. Парусъ можно поднимать и опускать помощiю длинныхъ веревокъ. На концѣ мачты развѣвается *флагъ* или *вымпелъ*. Чтобы можно было направлять судно, назади къ нему придѣланъ *руль*.

Лодки приводятся въ движенiе *веслами*; небольшiя суда также *веслами*, или, если дуетъ вѣтеръ, посредствомъ паруса. Вѣтеръ раздуваетъ парусъ и двигаетъ такимъ образомъ судно впередъ; *рулевому* остается только направлять его. Большiя суда (корабли) движутся на парусахъ и посредствомъ пара (пароходы).

Когда судно идетъ противъ теченiя воды, то говорятъ, что оно идетъ *вверхъ по теченiю*; когда же оно идетъ по одному направленiю съ теченiемъ, то говорятъ: оно идетъ *внизъ по теченiю*. Въ которую сторону легче идти, и почему? Чтобы остановить судно, бросаютъ *якорь*.

По большимъ морямъ ѣздятъ на пароходахъ и корабляхъ. Такiе корабли имѣютъ нѣсколько мачтъ и парусовъ, и на нихъ могутъ помѣститься нѣсколько сотъ людей, много различныхъ вещей и товаровъ. (Части корабля: трюмъ, палуба, каюта, марсъ и т. д.)

На рѣкахъ иногда выстроены *паромы*, т. е. пловучiе мосты. Если гдѣ-либо нѣтъ стоячаго моста, то на нихъ переплываютъ черезъ рѣку. Перевощикъ отталкиваетъ паромъ длиннымъ шестомъ (багромъ), или тянется за веревку, прикрѣпленную на обоихъ берегахъ.

Мосты строятся изъ дерева, или изъ камня, и потому бываютъ или деревянные или каменные. Тѣ и другiе служатъ для соединенiя двухъ береговъ. По обѣимъ сторонамъ моста дѣлаютъ перила, чтобы кто-нибудь не упалъ съ него въ воду. Деревянные мосты сдѣланы изъ бревенъ и брусьевъ. Бревна лежатъ на деревянныхъ столбахъ, которые вколочены въ дно рѣки. На одномъ концѣ

моста бываетъ *подъемъ*; это та часть, которая посредствомъ желѣзной цѣпи, прикрѣпленной къ большому бревну, можетъ быть подымаема. Подымаютъ же ее въ то время, когда судамъ надо проходить съ поднятыми мачтами. За разводомъ моста смотритъ обыкновенно особенный сторожъ, который живетъ возлѣ моста въ маленькой будкѣ. Каменный мостъ строится изъ обыкновеннаго камня, употребляемаго для постройки. Мостъ такой состоитъ изъ крѣпкихъ столбовъ, соединенныхъ между собою большими арками. Деревянные мосты строятъ *плотники*, каменные — *каменщики*.

Плотникамъ и каменьщикамъ надо много времени, чтобы выстроить мостъ. Но есть мостъ, который очень скоро дѣлается въ нѣсколько дней. Его строитъ сѣдой старикъ. Работники во время постройки много шумятъ, стучатъ, колотятъ молотомъ, обтесываютъ и т. д. Старикъ же этотъ строитъ тихо, безъ всякаго шума, и мостъ его гораздо больше и шире, чѣмъ обыкновенные мосты: на немъ есть мѣсто для сотни экипажей. Если обыкновенный мостъ ломается, или срывается водою, то всегда остаются по близости большіе камни или бревна. Послѣ этого же моста не остается никакого слѣда. Приходитъ веселый мальчикъ и уничтожаетъ его.

Вы конечно уже догадались, что этотъ мостъ не что иное какъ *ледъ*. Кто же старикъ? и какой это мальчикъ его ломаетъ? Старикъ *зима*, а мальчикъ — *весна*.

Развѣ въ самомъ дѣлѣ зима — старикъ, а весна — мальчикъ? Нѣтъ; но ихъ можно сравнить съ ними. Почему же можно зиму назвать старикомъ? Старикъ долго жилъ на свѣтѣ, утомленъ, и потому любитъ покой; онъ угрюмъ, зябокъ, кровь его обращается медленнѣе; его движенія также медленны; волосы у него посѣдѣли или даже побѣлѣли. У зимы также бѣлые волосы — это снѣгъ; зимой природа отдыхаетъ отъ всѣхъ весеннихъ и лѣтнихъ заботъ; веселый хоръ пернатыхъ пѣвцовъ молчитъ, воздухъ холоденъ, небо пасмурно, природа кажется мертвою. Весна же, напротивъ, все молодитъ. Земля снова одѣвается въ зеленое и цвѣтное платье свое, птички поютъ, всюду опять жизнь и движеніе; потому-то весну и можно сравнить съ веселымъ мальчикомъ. Какъ и чѣмъ строитъ старецъ мостъ? Какъ и чѣмъ ломаетъ его весна? Кто изъ васъ можетъ разсказать все это?

Польза отъ воды. Ключевая и колодезная вода употребляются для питья, для стирки, для стряпни варенія пива, для гашенія извести и т. д. Вода нѣкоторыхъ ключей полезна противъ многихъ болѣзней, и ее пьютъ какъ лекарство, или купаются въ ней. Такіе ключи называются цѣлебными источниками или цѣлительными ключами.

Рѣчная вода. Въ рѣкахъ, озерахъ и прудахъ живетъ множество рыбъ, напр. карпы, окуни, угри, лещи, щуки, караси и т. д. также и раки. Ихъ ловятъ сѣтями или удочками и употреблаютъ въ пищу. По рѣкамъ ѣздятъ на судахъ и лодкахъ. На ручьяхъ и на рѣкахъ можно также строить водяныя мельницы.

Дождевая вода и образующаяся изъ снѣга и града поитъ растенія, которымъ она служитъ главною пищею. Растеніями питаются многія животныя, а растеніями и животными питаемся мы, люди. Слѣдовательно безъ воды мы никакъ не могли бы существовать.

Вода въ видѣ паровъ двигаетъ машины, экипажи и корабли.

Вода въ видѣ льда служитъ для удовольствія: по льду катаются на конькахъ, ѣздятъ на саняхъ и скользятъ. Въ погребахъ ледъ предохраняетъ отъ порчи мясо и другіе припасы. Въ трудныхъ болѣзняхъ къ нему прибѣгаютъ даже врачи.

IV.

Ящикъ съ сѣменами.

Предъ учителемъ стоитъ ящикъ, около котораго собралось нѣсколько 6—7-лѣтнихъ дѣтей. Ящикъ открытъ и внутри его любопытнымъ взорамъ учениковъ представляется нѣсколько рядовъ небольшихъ ящичковъ, наполненныхъ различными сѣменами. Въ первомъ ряду находятся различные роды сѣмянъ хлѣбныхъ растеній: рожь, овесъ, ячмень, пшеница, гречиха, рисъ, кукуруза. Пучокъ колосьевъ этихъ породъ лежитъ возлѣ. Потомъ насыпанъ горохъ, бобы, чечевица,—вылущенные и въ стручкахъ. Наконецъ рѣпное, капустное, рѣдичное, конопляное, льняное и др. сѣмена.

Такой ящикъ непремѣнно привлечетъ вниманіе дѣтей; имъ говорятъ, что этотъ ящикъ сдѣланъ для сѣмянъ, и начинаютъ слѣдующія наглядныя учебныя упражненія.

Первое упражненіе.

Дѣти, тщательно нѣсколько разъ осматривая различныя сѣмена, усвоиваютъ себѣ форму и цвѣтъ ихъ и вмѣстѣ съ этимъ заучиваютъ ихъ названія и породы. Для большаго разнообразія учитель можетъ нарисовать эти сѣмена и такимъ образомъ продолжать то же упражненіе, заставляя дѣтей различать и называть ихъ по одному очертанію. Потомъ учитель беретъ нѣсколько маленькихъ картонныхъ ящичковъ или коробочекъ (какія случатся), насыпаетъ въ нихъ различныя сѣмена и раздаетъ каждому ученику, который обязанъ разобрать эти сѣмена по сортамъ, привести въ порядокъ. Такимъ упражненіемъ ребенокъ пріучается къ терпѣнію, рука его къ ловкости, зрѣніе изощряется.

Второе упражненіе.

Учитель вынимаетъ полные колосья, стручки и шелуху; они разсматриваются каждымъ ученикомъ и называются ему. Потомъ наставникъ разсказываетъ дѣтямъ (постоянно показывая каждому), какъ зерна держатся въ колосьяхъ, какъ человѣкъ вынимаетъ ихъ, т. е. какія средства употребляются: сушка, молотьба, вѣяніе и пр. При этомъ учитель спрашиваетъ дѣтей, видѣли ли они, какъ молотятъ, вѣютъ, гдѣ сушатъ; заставляетъ видѣвшихъ разсказывать, или объясняетъ самъ по готовымъ картинамъ, или сначала рисуетъ; все это чрезвычайно разнообразитъ бесѣды и поддерживаетъ вниманіе дѣтей. Далѣе зерна раздѣляются на употребляемыя человѣкомъ въ пищу и на имѣющія другое назначеніе. Если дѣти желаютъ продолжать бесѣду, то можно разсказать имъ или разспросить ихъ, какія кушанья приготовляются изъ хлѣбныхъ сѣмянъ, напр. гречневая и пшенная каша, хлѣбъ ржаной и пшеничный, и т. д.

Третье упражненіе.

За нѣсколько дней до бесѣды крупныя сѣмена, горохъ, бобы, кладутся въ воду, для того чтобы они разбухли и пустили ростокъ. Учитель (или вообще воспитатель, наставникъ, воспитательница) показываетъ эти зерна дѣтямъ и разсказываетъ, что онъ съ ними сдѣлалъ. (При этомъ важно, чтобы дѣти тщательно осмотрѣли ихъ.) Потомъ онъ сначала самъ осторожно раздѣляетъ каждое различное сѣмя на части: кожицу, сѣменныя доли и ростокъ, такъ чтобы дѣти могли ясно различить ихъ. Въ росткѣ учитель показываетъ дѣтямъ нижній конецъ или корешокъ и верхній или стебелекъ. Ученики послѣ этого сами раздѣляютъ сѣмя на части и разсказываютъ. Далѣе учитель можетъ разсказать, какъ кладутъ сѣмя въ землю, какъ дождикъ орошаетъ его, и оно начинаетъ бухнуть; кожица отъ этого разрывается и выходитъ ростокъ: корешкомъ онъ вростаетъ въ сырую землю, вбираетъ въ себя питательную влагу и питаетъ стебелекъ, который развивается, выходитъ изъ земли на свѣтъ Божій и все растетъ и растетъ. Учитель можетъ также принести горшокъ или ящикъ съ землею; посѣять вмѣстѣ съ дѣтьми различныя сѣмена, по нѣскольку изъ каждаго сорта, и поливать каж-

дый день. Затѣмъ онъ по временамъ вынимаетъ нѣсколько посѣянныхъ сѣмянъ и показываетъ, какая перемѣна происходитъ въ нихъ. Такимъ образомъ ежедневно является новый матеріалъ для наглядныхъ бесѣдъ, которыя могутъ продолжаться, какъ видитъ читатель, долгое время. Эти бесѣды и наглядныя наблюденія надъ постепеннымъ развитіемъ растенія изъ сѣмени имѣютъ очевидно важное значеніе для развитія дитяти; они вводятъ его въ природу, знакомятъ его совершенно нагляднымъ путемъ съ творческими силами ея, пріучаютъ его благоговѣть предъ Создателемъ.

Самое лучшее начинать такія бесѣды весною, передъ тѣмъ временемъ, когда можно сдѣлать грядки въ саду, въ огородѣ и т. д.; 6—7-лѣтнія дѣти могутъ уже сами приготовить себѣ небольшія грядки, подъ руководствомъ наставника. Потомъ каждый получаетъ одну грядку, садитъ въ ней данныя ему сѣмена и ежедневно осматриваетъ, что произошло съ ними, и разсказываетъ учителю. Такого рода занятія никогда не утомляютъ и не наскучаютъ дѣтямъ; надо только, чтобы учитель постоянно требовалъ точнаго отчета у каждаго ребенка въ томъ, что онъ сдѣлалъ и что замѣтилъ. Дѣти незамѣтно и пріятно знакомятся съ природою и упражняютъ свое зрѣніе и свои руки, т. е. пріобрѣтаютъ теоретическія свѣдѣнія, учатся и вмѣстѣ съ тѣмъ работаютъ сознательно.

V.

Какимъ образомъ можно воспользоваться картиною

для упражненія въ разговорѣ и мышленіи.

а) *Общій обзоръ.*

Учит. Что это такое? Что ты видишь на картинѣ? Сколько ты видишь оленей, собакъ и проч.? Что дѣлаетъ этотъ олень? Черезъ что онъ скачетъ? Какъ лежатъ поваленныя деревья, чрезъ которыя онъ скачетъ? Что дѣлаютъ обѣ эти собаки? Покажите мнѣ — куда бѣгутъ онѣ? Кто еще бѣжитъ туда? За кѣмъ же онѣ бѣгутъ? Что дѣлаетъ этотъ олень? Что дѣлаютъ съ нимъ обѣ собаки? Кто это спѣшитъ сюда? Что у охотника въ правой и что въ лѣвой рукѣ? Зачѣмъ у него въ рукахъ плеть и зачѣмъ ножъ? Что дѣлаетъ другой охотникъ? Зачѣмъ онъ это дѣлаетъ? Что хочетъ онъ этимъ возвѣстить прочимъ, отставшимъ охотникамъ?

а) *Подробнѣйшее разсмотрѣніе и дальнѣйшее обсужденіе изображеннаго на картинѣ.*

Учит. Вы уже сказали мнѣ, гдѣ лежатъ деревья; скажите же теперь, какъ они лежатъ? Учен. Одно лежитъ внизу, другое сверху. Одно лежитъ подъ другимъ, послѣднее надъ первымъ.

Учит. Въ какомъ положеніи прежде находились эти деревья? Гдѣ росли они? Какія это были деревья? Какія же могли быть еще деревья? Изъ чего можно видѣть, что тутъ росло нѣсколько деревьевъ?

Учит. Но поле, поросшее соснами или другими деревьями, вѣдь не называютъ уже полемъ, а какъ —? Что же тутъ прежде росло? Что лежитъ, то имѣетъ положеніе. Повторите!

Учит. Кто могъ дать деревьямъ такое положеніе, какое они теперь имѣютъ? какъ это сдѣлалось? Учен. Можетъ-быть дровосѣкъ срубилъ ихъ.

Учит. Дѣйствительно, это можно сказать о томъ деревѣ, которое лежитъ внизу. Но какимъ образомъ другое дерево попало сюда? Учен. Можетъ-быть буря повалила его.

Учит. Которое же изъ нихъ лежало тутъ раньше другого?

Учит. Сколько частей имѣетъ обык-

новенно дерево? Назовите ихъ! Какой части недостаетъ у одного лежащаго дерева, и какой у другого? Учен. У одного недостаетъ верхушки, а у другого верхушки и корня.

Учит. Или: у одного нѣтъ верхушки, а у другого ни корня, ни верхушки. Повторите!—У одного хотя есть корень, но недостаетъ верхушки.

Учит. «Олень скачетъ», говорите вы. Вмѣсто этого можно такъ сказать: «Олень дѣлаетъ скачки». Повторите!

Что сдѣлалъ олень, чтобы добраться до этихъ деревьевъ? Учен. Онъ бѣжалъ.

Учит. Что будетъ дѣлать онъ, когда перескочитъ чрезъ нихъ? Учен. Онъ опять побѣжитъ.

Учит. Стало-быть онъ больше бѣжитъ, чѣмъ скачетъ. Онъ скачетъ на бѣгу. Повторите! Онъ скачетъ во время своего бѣга. Онъ скачетъ, бѣжа. Онъ дѣлаетъ на бѣгу скачки.

Учит. Зачѣмъ же собаки гонятся за оленемъ? Учен. Онѣ хотятъ его догнать, схватить, поймать, удержать его.

Учит. Понимаетъ ли это олень? И такъ какъ онъ понимаетъ, то что онъ дѣлаетъ?

Учит. Но зачѣмъ же олень, который вѣдь гораздо больше собакъ, бѣжитъ отъ нихъ? Учен. Потому что онъ боится ихъ.

Учит. Значитъ онъ бѣжитъ изъ боязни къ собакамъ, отъ страха передъ ними. Повторите! Чего же онъ особенно боится у собакъ? Учен. Зубовъ.

Учит. Какъ называютъ того, который всего боится? Учен. Боязливымъ, трусливымъ. Учит. А какъ называютъ того, который ничего не боится? Учен. Безбоязненнымъ, безстрашнымъ, неустрашимымъ. Учит. Кто же тутъ боязливъ и кто неустрашимъ?

Учит. Развѣ оленю нужно перескакнуть чрезъ дерево? Почему? Учен. Потому что деревья лежатъ поперекъ дороги.

Учит. Почему же онъ не перебѣжитъ чрезъ нихъ, или не обѣжитъ ихъ кругомъ? Учен. Онъ не бѣжитъ черезъ нихъ, потому что ему легче перескочить; а не обѣгаетъ онъ ихъ потому, что перескочить скорѣе, чѣмъ перебѣжать, и онъ легче можетъ уйти отъ собакъ.

Учит. Если кто-нибудь спасается отъ другого, который хочетъ поймать его, то говорятъ: онъ бѣжитъ отъ другого. Кто же тутъ бѣжитъ? И отъ кого онъ бѣжитъ?

Учит. О другомъ, который хочетъ поймать его, говорятъ: онъ преслѣдуетъ. Кто же тутъ преслѣдуетъ? Кого преслѣдуютъ? Кто преслѣдуемъ?

Учит. Тотъ, кто бѣжитъ, находится въ бѣгствѣ. Повторите!—Онъ бѣглецъ. Кто тутъ бѣглецъ?

Учит. Какъ вы назовете того, кто преслѣдуетъ кого-нибудь?—Учен. Преслѣдователемъ. Учит. А кто тотъ, кого преслѣдуютъ? Учен. Преслѣдуемый.

Учит. Кто тутъ преслѣдователь, кто преслѣдуемый? Сколько у оленя преслѣдователей?

Учит. Вѣроятно ли, что собаки догонятъ оленя? Почему? Учен. Потому что онѣ уже близко отъ него; потому что онѣ уже настигаютъ его.

Учит. Говорятъ также: потому, что онѣ уже преслѣдуютъ его по пятамъ. Повторите! Есть ли у васъ также пята? Покажите ее.

Учит. Если бы олень былъ такъ далекъ, что собаки никакъ не могли бы догнать его, то я не сказалъ бы: онъ бѣжитъ отъ нихъ, но: онъ убѣжалъ. Когда же я могъ бы такъ сказать? Какъ именно я могъ бы тогда сказать?

Учит. Но теперь я долженъ сказать: онъ старается убѣжать отъ нихъ или спастись.

Учит. Какъ слѣдуетъ бѣжать, если не хочешь дать догнать или поймать себя? Учен. Скоро, быстро, живо, поспѣшно, съ поспѣшностью, съ быстротою.

Учит. Какъ надо преслѣдовать, если непремѣнно хочешь догнать кого-нибудь? Учен. Ревностно, неутомимо, безъ устали. Учит. Какъ можно еще преслѣдовать? Учен. Горячо, упорно, бѣшено.

Учит. Вмѣсто: собака преслѣдуетъ оленя, или — собака бѣжитъ за оленемъ, или — собака гонится за оленемъ, можно сказать: собака травитъ оленя. Повторите! Вмѣсто: она хочетъ схватить, поймать его, говорятъ: она хочетъ затравить его. Преслѣдованіе оленя собаками называется также травлею.

Учит. Кто же тутъ травитъ? Учен. Собаки.

Учит. Кто травитъ оленя посредствомъ собакъ. Учен. Охотники.

Учит. Отчего ихъ называютъ охотниками?

Учит. Ихъ поступки и дѣйствія, въ томъ видѣ, какъ они тутъ представлены, называются охотою или травлею. Что же представляетъ эта картина?

Учит. Кто приказалъ собакамъ преслѣдовать оленя?

Учит. Какимъ образомъ далъ онъ имъ понять это?

Учен. Онъ ихъ натравливалъ.

Учит. Скажите, всегда ли собаки понимаютъ, что имъ слѣдуетъ дѣлать, когда охотникъ ихъ натравливаетъ? Что охотникъ долженъ былъ дѣлать съ ними, чтобы научить ихъ понимать это?

Учен. Онъ долженъ былъ учить ихъ.

Учит. Обученіе собакъ называется дрессировкою. Охотникъ долженъ былъ дрессировать собакъ. Повторите!

Учит. Собаки, дрессированныя для охоты, называются охотничьими собаками. Какія же это охотничьи собаки? Учен. Охотничьи собаки такія, и т. д.

Учит. Если собакъ натравливаютъ, но онѣ еще не видятъ оленя, то что онѣ должны сперва сдѣлать? Учен. Онѣ должны искать его.

Учит. Или: онѣ должны выслѣдить его. Повторите! — Онѣ вскорѣ замѣчаютъ на землѣ слѣды оленя и идутъ по этимъ слѣдамъ, обнюхивая землю, пока не увидятъ оленя вдали. Тогда онѣ радостнымъ лаемъ возвѣщаютъ своему господину о томъ, что нашли его.

Но какъ скоро олень услышитъ вдали лай собакъ, или почуетъ преслѣдователей, онъ быстро вскакиваетъ и бѣжитъ по лѣсу такъ скоро, какъ только можетъ. Собаки бросаются за нимъ и такимъ образомъ начинается охота.

Учит. Гдѣ олени обыкновенно водятся? Откуда же пришелъ этотъ олень? Куда бѣжитъ онъ опять?

Учит. Говорятъ также: онъ ищетъ убѣжища въ лѣсу. Повторите! — Зачѣмъ бы ему бѣжать опять въ лѣсъ? Учен. Потому, что онъ можетъ тамъ легче спрятаться, скрыться, убѣжать отъ собакъ.

Учит. Во время такого бѣгства олень не разбираетъ ни болотъ, ни рѣкъ. Онъ проходитъ ихъ въ бродъ или переплываетъ ихъ. Онъ не обращаетъ вниманія ни на шипы, ни на тернія. Онъ или перескакиваетъ ихъ, или продирается сквозь нихъ. Дѣло идетъ о спасеніи жизни, а кому жизнь не дорога? Въ крайней нуждѣ онъ не боится даже собакъ, особенно если ему приходится справляться съ ними по одиначкѣ. Онъ становится въ оборонительное положеніе и старается ранить собаку рогами.

Учит. Но обратимъ вниманіе на другого оленя, на это несчастное животное, уже настигнутое преслѣдователями. Собаки гнались за нимъ чрезъ болота и рѣки, чрезъ луга и поля, чрезъ кусты и лѣса. Наконецъ силы оставляютъ его, и онъ падаетъ на землю.

Учит. Что онъ дѣлаетъ? Что дѣлаютъ теперь его преслѣдователи? Что назвалъ я причиною его паденія?

Учит. Какъ называется тотъ, у кого есть силы? Учен. Сильнымъ.

Учит. Какъ называется тотъ, у кого нѣтъ силъ? Учен. Безсильнымъ или слабымъ.

Учит. Какъ называется тотъ, кто лишился силъ? Учен. Обезсиленнымъ, лишеннымъ силъ.

Учит. Въ какомъ же состояніи олень падаетъ?

Учит. Не могло ли быть еще другой причины, отъ которой онъ упалъ? Учен. Онъ могъ споткнуться, оступиться.

Учит. На какую часть тѣла упалъ онъ? Учен. На колѣни.

Учит. Посмотрите на его ротъ, на его глаза. Что вы замѣчаете въ нихъ? Учен. Онъ высовываетъ языкъ; онъ закатываетъ глаза.

Учит. Если бы это былъ живой олень, вы увидѣли бы, что на его тѣлѣ выступилъ потъ, а изо рта показалась пѣна.

Учит. Что вы услышали бы, если бы этотъ олень упалъ живой передъ вашими глазами? Учен Мы услышали бы, что онъ кричитъ.

Учит. Но можетъ быть онъ не имѣлъ бы уже силъ кричать; что вы тогда услышали бы? Учен. Стонъ.

Учит. Что же, стало-быть, олень чувствуетъ? Учен. Боль.

Учит. И какой страхъ онъ долженъ чувствовать? Учен. Большой.

Учит. Смертельный.

Учит. Посмотрите на собакъ! Вотъ

это Трезорка, а это Бурка. Обѣ набросились на оленя. Что дѣлаетъ Бурка? Чѣмъ она вцѣпилась въ оленя? Чѣмъ она старается еще вѣрнѣе удержать его? Куда она положила ихъ (переднія лапы)?

Учит. Трезоркѣ повидимому не хочется послѣдовать примѣру своего товарища. Отчего бы это было? Что вы тутъ замѣчаете? Почему она такъ боязливо осматривается, зачѣмъ она съежилась и поджала хвостъ? Учен. Потому что она боится.

Учит. Чего же она боится?

Учит. Развѣ охотникъ уже бьетъ ее? Что же онъ дѣлаетъ плетью? Учен. Онъ замахнулся ею.

Учит. Онъ грозитъ плетью. Онъ грозитъ, махая ею. Вы говорите: «онъ хочетъ заколоть оленя ножомъ». Кто можетъ мнѣ сказать это же самое другими словами? Учен. Онъ хочетъ убить его, нанесть ему смертельный ударъ.

Учит. Могутъ ли охотники бѣгать такъ же скоро, какъ олени и собаки? Стало-быть, какъ бѣгутъ олени и собаки сравнительно съ охотниками? Учен. Они бѣгуть скорѣе охотниковъ.

Учит. Но кто изъ нихъ бѣжитъ скорѣе, олени или собаки? Учен. Олени.

Учит. Если мы сравнимъ бѣгъ охотниковъ, собакъ и оленей, то что должны сказать про оленей? Учен. Они бѣгутъ скорѣе всѣхъ.

Учит. Какъ же это случилось, что охотники, которые не могутъ бѣгать такъ скоро, какъ олени и собаки, уже подоспѣли сюда?

Учен. Они могли быть спрятаны гдѣнибудь вблизи.

Учит. Что еще можно предположить? Учен. Они могли прискакать сюда верхомъ и тутъ сойти съ лошадей.

Учит. Говорятъ также спѣшиться. Повторите!

Учит. Или то, или другое предположеніе вѣрно. Соедините ихъ въ одно и начните такъ: они или — или.

Учит. Можно ли предположить еще третій случай? Учен. Они могли пріѣхать сюда въ экипажѣ.

Учит. Всѣхъ ли звѣрей травятъ до тѣхъ поръ, пока они обезсиленные падаютъ? Учен. О нѣтъ. Ихъ также стрѣляютъ.

Учит. Чѣмъ? Что же именно убиваетъ звѣрей? Охотятся ли также за другими звѣрьми? За какими? Учен. За зайцами, лисицами, кабанами, и т. д.

Учит. Какъ называютъ всѣхъ этихъ звѣрей, живущихъ въ лѣсу, въ дикомъ состояніи? Учен. Дикими звѣрьми.

Учит. Какъ называются тѣ животныя, которыхъ мы вскармливаемъ и воспитываемъ дома? Учен. Домашними животными.

Учит. Почему же вообще охотятся за звѣрьми и убиваютъ ихъ? Учен. Потому что это приноситъ намъ пользу.

Учит. Чѣмъ же пользуемся мы отъ нихъ? Учен. Мясомъ.

Учит. Что же мы дѣлаемъ съ этимъ мясомъ? — А знаете ли вы, какъ называется мясо дикихъ звѣрей? Учен. Дичиною.

Учит. Чѣмъ еще пользуемся мы отъ нихъ? Учен. Ихъ шкурою.

Учит. На что она употребляется? Учен. На перчатки, шубы, ковры, шапки, воротники, и т. д.

Учит. Кто дѣлаетъ эти вещи? Учен. Перчаточникъ, скорнякъ.

Учит. Что дѣлаютъ изъ олевьихъ роговъ? Учен. Чубуки, трубки, пороховницы, черенки для ножей.

Учит. Кто дѣлаетъ эти вещи? Учен. Токарь.

Учит. Но охотятся вѣдь не ради одной пользы. Кто знаетъ еще другую причину? Учен. Охота доставляетъ удовольствіе.

Учит. Для чего же охотятся? Соедините въ своемъ отвѣтѣ обѣ причины (первую съ послѣднею). Учен. Охотятся ради пользы и удовольствія.

Учит. Или: охотятся не только для —, но и для —. Или: Охотятся какъ для —, такъ и для —. Повторите!

Учит. Удовольствіе, стоющее другимъ существамъ жизни и соединенное съ такими насильственными дѣйствіями, не можетъ быть названо благороднымъ и невиннымъ. Скорѣе мы должны назвать его грубымъ. Замучивать божьи творенія жестокою травлею до смерти не можетъ быть дѣломъ богоугоднымъ. Впрочемъ въ наше время такая охота уже въ рѣдкость; теперь стараются пулею сокращать предсмертныя страданія животнаго.

Учит. Что побудило людей охотить-

ся за дичью? Слушайте внимательно, я вамъ скажу это! Прежде въ нашихъ краяхъ водилось много дикихъ звѣрей, какъ-то: волковъ, медвѣдей и проч., которые не только пожирали другихъ звѣрей, но даже нападали на людей. Это заставило людей защищаться противъ нихъ. Вооруженные лукомъ и стрѣлами, дубинами и копьями, они почти ежедневно преслѣдовали ихъ. Наконецъ имъ удалось мало по малу извести ихъ. Тамъ, гдѣ теперь еще водятся дикіе звѣри, люди принуждены, съ опасностью жизни, бороться съ ними.

Хотя оставшіеся въ нашихъ лѣсахъ звѣри ни въ какомъ отношеніи не опасны, но тамъ, гдѣ они водятся въ большомъ количествѣ, они причиняютъ значительный вредъ. Они нападаютъ на поля земледѣльца, съѣдаютъ посѣянные хлѣба, вырываютъ и пожираютъ картофель и такимъ образомъ опустошаютъ цѣлыя поля. Поэтому даже у насъ охота иногда не только полезна, но и необходима.

Описаніе и сравненіе отдѣльныхъ предметовъ.

1. Собака (охотничья). (Здѣсь можно повторить названіе частей тѣла ея). Голова ея продолговата и оканчивается мордою, съ большимъ ртомъ, нависшею верхнею губою и влажнымъ носомъ. Глаза большіе, круглые; уши широкія, длинныя и висячія; тѣло продолговатое и съуживающееся къ заду; на переднихъ ногахъ по пяти, на заднихъ по четыре пальца, хвостъ короткій и во время бѣга торчащій назадъ, паралельно землѣ, шерсть короткая. Обоняніе, зрѣніе и слухъ необыкновенно остры.

Собака-самка называется сукою, рождаетъ живыхъ дѣтенышей (щенятъ), кормитъ ихъ нѣкоторое время грудью, и потому называется животнымъ млекопитающимъ.

(Назовите еще нѣсколько подобныхъ животныхъ.)

Какія бываютъ еще собаки, кромѣ охотничьихъ? Чему еще можно научить собакъ? Чѣмъ питаются собаки?

Учит. Я вамъ разскажу нѣсколько исторій о собакахъ; слушайте внимательно, чтобъ вы потомъ умѣли въ свою очередь разсказать ихъ.

1. Собака провожала своего господина въ дорогѣ. Онъ уже успѣлъ проѣхать довольно большое разстояніе, когда собака начала вдругъ сильно лаять и съ бѣшенствомъ бросаться на лошадь, на которой ѣхалъ ея господинъ. Чѣмъ дальше они подвигались впередъ, тѣмъ безпокойнѣе становилась она, и никакія угрозы не могли подѣйствовать на нее. Господинъ, полагая, что собака взбѣсилась, вытащилъ свой пистолетъ и застрѣлилъ ее. Спустя нѣсколько времени онъ замѣтилъ, что обронилъ свой дорожный мѣшокъ, вернулся назадъ и увидѣлъ его на дорогѣ, а на немъ свою умирающую собаку, которая, не смотря на ужасныя мученія, дотащилась до него.

2. Одинъ господинъ пріучилъ свою собаку ходить въ три различныя лавки за покупками. При посылкѣ, ей каждый разъ давали въ зубы деньги, завернутыя въ бумажку. Она знала имена хозяевъ лавокъ и никогда не смѣшивала ихъ. Когда ее однажды послали за кофе, то бумага, въ которую онъ былъ завернутъ, прорвалась, и часть кофе разсыпалась по дорогѣ. Собака, визжа, донесла до дому свертокъ съ остальнымъ кофе, но тотчасъ вернулась на дорогу и мало по малу собрала и принесла домой растерянныя кофейныя зерна.

Учит. Собака слѣдуетъ всюду за своимъ господиномъ; защищаетъ его въ опасности и жертвуетъ для него жизнью. Какъ вы назовете ее за это? Учен. Понятливою и преданною.

Учит. А за то, что она стережетъ домъ и дворъ и тотчасъ же возвѣщаетъ лаемъ о приближеніи чужого человѣка? Учен. Чуткою.

Учит. А за то, что ее легко раздражить? Учен. Раздражительною.

Учит. А за то, что она слушается приказаній своего господина? Учен. Послушною.

Учит. Перечислите всѣ эти качества! — Чего вы не должны дѣлать ни съ какимъ животнымъ, а потому и съ собакою?

2. Олень (части тѣла тѣ же) также животное млекопитающее, длиною въ 5, вышиною въ 4 фута. (Учитель долженъ руками показать длину и вышину.) Голова продолговатая, украшенная красивыми рогами; у простого оленя рога

длины, развѣтвлены и погнуты назадъ, а у чубараго плоски, широки и по краямъ зубчаты. Голову держитъ прямо; глаза круглые, уши заостренныя и подвижныя; шея длинная, погнутая нѣсколько назадъ и сдавленная съ обѣихъ сторонъ; тѣло и ноги похожи на бычачьи, но стройнѣе; копыто раздвоенное; хвостъ короткій; шерсть бѣловато-сѣраго цвѣта. Самка оленя называется ланью, а дѣтенышъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи называется пыжкомъ. У лани нѣтъ роговъ. (Сравненіе собаки съ оленемъ.) Учит. Что въ нихъ общаго? Учен. У собаки продолговатая голова и длинное тѣло, у оленя также.

Учит. Начните такъ: у собаки также какъ и — или: не только — но и — Учен. Оба животныя млекопитающія, имѣютъ четыре ноги, одинъ ротъ, тѣло покрытое шерстью. Оба могутъ скоро бѣгать. Оба имѣютъ острое обоняніе, зрѣніе и слухъ. Учит. Найдите теперь разницу между ними. Учен. Олень больше собаки. У собаки навислая верхняя губа, висячія уши, длинный хвостъ и на лапахъ пальцы, но нѣтъ роговъ и на переднихъ ногахъ нѣтъ колѣнъ. За то у оленя нѣтъ висящей верхней губы и есть рога; уши торчатъ въ верху, хвостъ коротокъ, на переднихъ ногахъ колѣни и на всѣхъ четырехъ раздвоенныя копыта.

Примѣчаніе. Противоположныя свойства можно перечесть отдѣльно, или поставить ихъ одно противъ другого.

3. Плеть. Она состоитъ изъ узловатыхъ, сплетенныхъ ремней; ручка обтянута кожею и оканчивается книзу пуговкою. — Употребленіе. Ею можно махать, щелкать, бить, грозить.

4. Ягташъ. 5. Охотничій ножъ есть длинный ножъ на подобіе меча. Онъ имѣетъ два острія (обоюдоострый). Употребленіе. Онъ употребляется на охотѣ противъ оленей и кабановъ.

6) Охотничій рогъ — мундштукъ или дульце, труба, продушина.

ОПИСАНІЕ КАРТИНЫ.

1) При смотрѣніи на нее.

Примѣчаніе. Учитель руководитъ описаніемъ, указывая пальцемъ на предметы.

Учит. Что видите вы на картинѣ? Опишите мнѣ сперва мѣстность. Учен. Я вижу поле, на которомъ стоятъ нѣсколько пней. Кромѣ того на немъ находятся два поваленныя дерева, изъ которыхъ одно лежитъ на другомъ.

Учит. Что видите вы на этомъ полѣ? Учен. Я вижу одного оленя, который, будучи упорно преслѣдуемъ двумя собаками, перескакиваетъ оба дерева, и другого оленя, который только что упалъ и на котораго набросились двѣ другія собаки. Одна изъ нихъ вцѣпилась въ него зубами, другая же, съежившись, боязливо оглядывается и поджимаетъ хвостъ, боясь плети охотника, который спѣшитъ къ упавшему оленю. У охотника кромѣ плети находится въ рукахъ ножъ, которымъ онъ хочетъ нанесть оленю смертельный ударъ. Другой охотникъ трубитъ въ рогъ, чтобы возвѣстить товарищамъ, что одинъ олень уже пойманъ.

2) По разсмотрѣніи ея.

Учитель (перевернувъ картину). Что вы видѣли на этой картинѣ? Ученикъ передаетъ содержаніе картины въ прошедшемъ времени: я *видѣлъ* поле, на которомъ *лежало* нѣсколько поваленныхъ деревьевъ, и т. д.

О первоначальномъ преподаваніи отечественнаго языка.

После закона Божія самый важный учебный предметъ, безспорно, отечественный языкъ; а между темъ этотъ предметъ идетъ у насъ далеко не такъ успешно, какъ бы желательно было. Отчего же такъ? По моему мненію, оттого, что мы большею частію вовсе не учимъ *языку*. Какъ такъ? Посудите сами.

Ребенка, не знающаго еще грамоты, мы научаемъ прежде всего буквамъ, потомъ складамъ, потомъ связному чтенію и—ничему больше; обученіе языку собственно еще впереди. Но вследъ за букваремъ идетъ по целымъ часамъ монотонное механическое чтеніе изъ «Друга детей» или другой какой-нибудь книги, способное усыпить даже самаго живого ребенка; за чтеніемъ—писаніе подъ диктовку, ученіе наизусть басенъ и стихотвореній, изъ которыхъ большая часть остается непонятою учениками,— грамматика и грамматическій разборъ. Затемъ следуетъ чтеніе отрывковъ изъ сочиненій образцовыхъ писателей и объясненіе ихъ съ *эстетической* точки зренія, такъ-называемыя классныя сочиненія по даннымъ образцамъ и наконецъ теорія и исторія словесности.

Где же тутъ обученіе собственно языку? Во всехъ упомянутыхъ занятіяхъ языкъ служитъ только средствомъ къ механическому чтенію, къ упражненію памяти, къ изученію грамматики, теоріи и исторіи словесности; точно такъ онъ служитъ средствомъ и при обученіи географіи, ариөметике и другимъ предметамъ. Конечно, въ известной степени всякій учебный предметъ служитъ для учениковъ и практическимъ упражненіемъ въ языке; но когда говорится о преподаваніи *языка* собственно, то *языкъ* долженъ находиться на первомъ плане, быть главною целью.

Но, быть можетъ, мне скажутъ, что въ преподаваніи важна не матеріальная сторона предмета, а формальная, т. е. те элементы его, которые преимущественно развиваютъ въ ученике логическое мышленіе, нравственную волю и эстетическое чувство, и что вышеприведенныя занятія представляютъ именно эту формальную сторону языка.

Съ первымъ положеніемъ я не только совершенно согласенъ, но и убежденъ, что отечественный языкъ более чемъ какой-либо другой учебный предметъ важенъ въ формальномъ отношеніи; но со вторымъ положеніемъ я никакъ не могу согласиться, потому что, по моему мненію, *чтеніе, грамматика и теорія словесности*, особенно въ томъ виде, въ какомъ оне являются въ нашихъ училищахъ, такіе же самостоятельные учебные предметы, какъ и географія, исторія, ариөметика, чистописаніе и т. д.; они имеютъ свою не только формальную сторону, но и матеріальную, и въ первомъ отношеніи сходны более или мене со всеми учебными предметами, особенно же съ языкознаніемъ,—въ матеріальномъ же отношеніи различаются значительно и отъ последняго. Изъ этого конечно не следуетъ, что предметы эти безполезны; напротивъ, они приносятъ большую пользу, только—не научаютъ языку. Мненіе это кажется парадоксомъ; вы однако во всякое время можете убедиться въ справедливости его. Заставьте напр. молодого человека, кончившаго курсъ въ гимназіи, разобрать грамматически какую-нибудь статью; онъ дастъ вамъ обо всемъ подробный отчетъ, докажетъ, что онъ отлично знаетъ грамматику; спросите его, что такое ода, баллада, эпосъ: онъ сообщитъ вамъ все правила построенія этихъ родовъ поэзіи; потребуйте наконецъ мненія его о Пушкине, Лермонтове и др.: онъ и тутъ васъ не оставитъ безъ ответа, хотя конечно выскажетъ не свое, а чужое, вычитанное, заученное мненіе,—но это все равно. А между темъ тотъ же молодой человекъ напишетъ вамъ по какому-либо частному делу письмо, въ которомъ васъ поразятъ и неловкость

выраженій, и отсутствіе логической связи и даже орѳографическія ошибки,— словомъ, которое убѣдитъ васъ, что молодой человѣкъ, при всемъ знаніи грамматики и литературы, не владѣетъ языкомъ, не знаетъ его. Явленіе это весьма обыкновенное и весьма натуральное.

Что бы вы сказали, еслибъ учитель, обѣщавшій выучить дѣтей вашихъ музыкѣ, повелъ бы преподаваніе свое слѣдующимъ образомъ: сперва знакомство съ нотами, потомъ чтеніе цѣлыхъ музыкальныхъ пьесъ и писаніе ихъ; затѣмъ слушаніе отрывковъ изъ сочиненій классическихъ композиторовъ и объясненіе красотъ ихъ, и наконецъ генералъ-басъ и исторія музыки. Какъ вы думаете, сдѣлались ли бы дѣти ваши музыкантами? Нѣтъ. Точно такъ они не научатся и языку, если ограничатся вышеупомянутыми занятіями.

Языкъ, подобно музыкѣ, искусство и, какъ всякое другое искусство, имѣетъ свою теорію. Но какъ музыка и теорія музыки, такъ и языкъ и теорія языка не одно и то же; а потому и пріемы усвоенія и результаты ихъ не одинаковы: искусство усвоивается преимущественно практическимъ упражненіемъ, навыкомъ, а теорія его—преимущественно памятью и размышленіемъ; первое даетъ въ разультатѣ *умѣнье*, а второе—*знаніе*.

Умѣнье и знаніе должны быть нераздѣльны; ибо умѣнье безъ знанія ведетъ къ слѣпой, безсознательной, чисто механической дѣятельности, а знаніе безъ умѣнья въ какомъ бы то ни было искусствѣ вещь почти безполезная. Поэтому-то взрослый, развитый человѣкъ, приступая къ изученію искусства, старается изучить его въ одно время и практически и теоретически. Но совсѣмъ другое, когда дѣло идетъ о сообщеніи искусства ребенку, человѣку неразвитому. Какъ тѣло его развивается раньше духа, потому что для полнаго развитія своего требуетъ болѣе времени; такъ и практическая сторона искусства должна быть сообщаема ему раньше, потому что, усвоиваясь только посредствомъ постояннаго упражненія, посредствомъ навыка, она требуетъ и болѣе времени, и, какъ механическая дѣятельность, болѣе соотвѣтствуетъ инстинктивной, малосознающей дѣтской натурѣ. Только по мѣрѣ того, какъ естественное развитіе духа дитяти начинаетъ преобладать надъ развитіемъ тѣла,—только по мѣрѣ того и теорія можетъ присоединяться къ практикѣ и преобладать надъ нею. Вообще при обученіи всякому предмету, имѣющему болѣе характеръ искусства, нежели науки, какъ напр. языкъ, можно различать три періода: первый, когда практика должна рѣшительно преобладать надъ теоріей, и послѣдняя можетъ являться только въ видѣ отдѣльныхъ правилъ, уясняющихъ и облегчающихъ практическую дѣятельность (практическое обученіе); второй, когда практика и теорія должны идти рука объ руку, получить одинаковыя права (практически-теоретическое обученіе), и третій, когда теорія можетъ преобладать надъ практикою (теоретическое обученіе). Первое обученіе приличествуетъ, примѣрно, народному училищу, второе—гимназіи (въ 4 высшихъ классахъ), а третье—университету.

Я здѣсь намѣренъ говорить только о первомъ, и именно о преподаваніи русскаго языка грамотнымъ уже ученикамъ, предполагая разсмотрѣть преподаваніе этого предмета неграмотнымъ въ особой статьѣ.

Обучать языку прежде всего значитъ *научать ученика владѣть языкомъ*, т. е. во-первыхъ правильно и ясно выражать мысли свои какъ устно, такъ и письменно обо всемъ, что онъ видѣлъ, чувствовалъ и испыталъ, и во-вторыхъ, понимать все, что говорится и пишется другими, настолько, разумѣется, насколько сообщаемыя мысли вообще доступны ученику по всей степени его развитія.

Этой цѣли можно достигнуть безъ всякой грамматики, безъ всякой вообще систематической теоріи — одними практическими упражненіями.

Какія же эти упражненія, и откуда взять матеріалъ для нихъ?

Матеріалъ для практическихъ упражненій находится въ *книгѣ для чтенія*, а самыя упражненія можно обозначить двумя словами — *чтеніе* и *письмо*.

Помилуйте, скажутъ мнѣ, стоило ли тратить столько словъ, для того чтобы наконецъ предложить опять тѣ же упраж-

ненія, давно намъ извѣстныя, давно нами употребляемыя и, по вашему же мнѣнію, ни къ чему не ведущія!

Да; такъ, какъ понимаютъ и преподаютъ чтеніе и письмо большею частію у насъ, упражненія эти дѣйствительно ни къ чему не ведутъ, или вѣрнѣе сказать: ведутъ только къ машинальному произношенію и изображенію членораздѣльныхъ звуковъ, имѣя цѣлью развѣ только приготовить ученика къ зубренію учебниковъ и учительскихъ записокъ. Но я понимаю упражненія эти немного иначе.

Чтеніе бываетъ не только *механическое*, но и *логическое* и *эстетическое*, или другими словами: *читать* значитъ не только произносить связно и бѣгло слова, изображенныя видимыми знаками, но и понимать читаемое, мыслить о читаемомъ и выражать чужія мысли такъ, какъ бы свои собственныя, чтобы посторонній не только могъ понимать все, но и слушать съ удовольствіемъ.

Чтобы овладѣть механизмомъ чтенія, ученикъ долженъ читать много, но не многое, т. е. примѣрно сказать, пять строкъ десять разъ, а не пятьдесятъ строкъ одинъ разъ, или (въ классѣ) всѣмъ ученикамъ одно и то же, а не каждому новое.

Чтобы понимать читаемое, ученикъ долженъ, подъ руководствомъ учителя, разбирать каждое непонятное слово, каждое предложеніе, и прежде всего по реальному содержанію, по значенію ихъ, а потомъ и въ грамматическомъ и другихъ отношеніяхъ.

Чтобы мыслить о читанномъ, онъ долженъ сперва пріучаться, тотчасъ по прочтеніи, передавать читанное изустно, а затѣмъ научиться читать между строками, т. е. догадываться о томъ, что въ статьѣ авторомъ недосказано, и дополнять этимъ изустный разсказъ свой.

Чтобы читать съ выраженіемъ и чувствомъ, онъ долженъ не только понимать читаемое, но и слышать образцовое чтеніе учителя и подражать ему.

Стало-быть чтеніе заключаетъ въ себѣ весьма разнообразныя упражненія. Но прибавьте къ нему еще *письмо*, которое имѣетъ такое же обширное значеніе, ибо оно можетъ быть не только механическимъ, калиграфическимъ, но и ороографическимъ и стилистическимъ; и вы получите длинный рядъ разнообразнѣйшихъ упражненій, могущій положить самое прочное основаніе всему дальнѣйшему языкоученію.

Но сущность дѣла заключается тутъ собственно не въ многочисленности и разнообразіи упражненій, а въ соединеніи ихъ въ одно цѣлое, въ органической, нераздѣльной ихъ связи. Если вы на одномъ урокѣ займете ученика однимъ механическимъ чтеніемъ, на другомъ станете разбирать отдѣльныя предложенія грамматически, на третьемъ продиктуете какую-нибудь статью и при исправленіи ошибокъ дадите ороографическія правила и т. д.; если вы одну статью заставите читать и разсказывать, другую разберете вещественно, а въ третьей обратите вниманіе исключительно на нравственное содержаніе или изящное изложеніе: то ученикъ мало вынесетъ пользы изъ всего этого. На каждомъ урокѣ должны быть производимы всѣ сродныя между собой упражненія, т. е. могущія къ какомъ-либо отношеніи содѣйствовать ученику извѣстной степени развитія основательно ознакомиться съ языкомъ; всѣ статьи, читаемыя ученикомъ втеченіе года, должны быть разсмотрѣны, разобраны имъ всесторонне, такъ чтобы онѣ сдѣлались его неотъемлемою собственностью и обогатили его и новыми понятіями, и новыми выраженіями. Какъ природа изучается въ отдѣльныхъ тѣлахъ и явленіяхъ, такъ и языкъ долженъ изучаться въ отдѣльныхъ образцахъ живой человѣческой рѣчи. Только при такихъ условіяхъ и можетъ быть достигнута цѣль преподаванія — какъ матеріальная, такъ и формальная.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній я перехожу къ частностямъ, т. е. къ примѣрамъ, которые покажутъ, какъ я понимаю первоначальное практическое обученіе языку.

УПРАЖНЕНІЯ ПЕРВАГО КУРСА.

Для чтенія на этой степени могутъ быть избираемы не только статьи въ прозѣ, но и въ стихахъ, преимущественно легкія, небольшія басни. Если стихи вообще доступны дѣтямъ предполагаемаго возраста, то я ихъ даже предпочитаю для первоначальнаго чтенія, потому

что мѣрность ихъ значительно облегчаетъ самый процесъ чтенія и пріучаетъ дѣтей читать съ извѣстнымъ тактомъ, который хорошо читающій взрослый человѣкъ умѣетъ вложить и въ прозу. Одна бѣда — рифма, на которой дѣти невольно останавливаются, требуетъ ли того смыслъ рѣчи, или нѣтъ. По этому, какъ я на опытѣ знаю, легко помочь: стоитъ только всѣ стихи, назначенные для первоначальнаго чтенія, напечатать вплошную, какъ прозу [1]). Это будетъ имѣть еще и другую выгоду. При практическомъ преподаваніи языка устныя и письменныя упражненія должны идти, такъ сказать, рука объ руку, т. е. все, что читается и заучивается учениками, должно и писаться, и на оборотъ; напечатаніемъ же стиховъ вплошную уничтожится прописная буква начальныхъ словъ каждаго стиха, а этимъ значительно облегчится правописаніе для ученика, которому трудно растолковать, что употребленіе прописной буквы тутъ дѣло совершенно условное. Кто когда-либо заставлялъ дѣтей учить стихи такъ, чтобы они умѣли и писать каждое слово: тотъ конечно знаетъ, что я говорю не о воображаемомъ затрудненіи.

Я для примѣра, на первый случай, выбралъ статью въ прозѣ, и съ намѣреніемъ одинъ изъ такихъ разсказовъ, какіе десятками встрѣчаются въ нашихъ книгахъ для чтенія, дабы показать, что и плохой матеріалъ можетъ быть употребленъ въ дѣло съ пользою, если только умѣешь его разработать.

«Аннушка была добрая, милая дѣвочка. Но брата ея, Мишу, всѣ называли злымъ шалуномъ. Однажды дѣти выходили изъ училища. Миша вдругъ подбѣжалъ къ одному маленькому мальчику и толкнулъ его въ снѣжную кучу. Мальчикъ увязъ въ снѣгу и началъ плакать. Товарищи же смѣялись надъ нимъ и толкали его еще глубже въ снѣгъ. Въ это время къ нимъ подошла Аннушка и сказала: «Что вы дѣлаете? Какъ вамъ не стыдно обижать малютку!« Она тотчасъ же подняла мальчика, стряхнула съ него снѣгъ, отерла ему лицо и проводила его до дому.»

1-ое упражненіе: Механическое чтеніе.

Прежде всего необходимо, чтобы ученики приготовились къ чтенію, т. е. прочли разсказъ про себя. Для этого учитель даетъ имъ 5 минутъ времени. Затѣмъ онъ два раза сряду самъ читаетъ статью: въ первый разъ медленно, произнося явственно каждое слово и отдѣляя паузой каждое предложеніе, а во второй разъ — связно и съ выраженіемъ, соотвѣтствующимъ характеру статьи. За нимъ по очереди читаютъ ученики, сперва болѣе способные, а потомъ и слабые. Учитель, собственно не прерывая читающаго, исправляетъ, гдѣ нужно, произношеніе, произнося самъ неправильно читанное и заставляя ученика повторить. Это упражненіе продолжается до тѣхъ поръ, пока вся статья не прочтется явственно, безошибочно и связно большею частію учениковъ.

2-ое упражненіе: Катихетическая бесѣда о читанномъ. Катихетическій способъ преподаванія вообще я буду имѣть случай изложить подробно въ приготовляемыхъ мною статьяхъ *о методахъ*; здѣсь достаточно будетъ замѣтить, что искуство катихизаціи состоитъ главнымъ образомъ въ умѣньи *посредствомъ вопросовъ* приводить въ дѣятельность мыслительную способность ученика, т. е. содѣйствовать тому, чтобы ученикъ изъ знакомыхъ ему уже представленій и мыслей самъ выводилъ другія представленія и мысли, которыхъ онъ до того или не имѣлъ, или же позабылъ. Катихизація о читанномъ производится конечно прежде всего для того, чтобы узнать, насколько ученикъ понялъ читанное, а затѣмъ и для того, чтобы уяснить непонятое или превратно понятое. Слѣдовательно во всякую такого рода катихизацію должны входить: 1) вопросы испытательные, 2) вопросы, наводящіе ученика на вѣрное представленіе, понятіе или сужденіе, 3) положительныя объясненія. Какъ вопросы, такъ и объясненія, разумѣется, могутъ относиться не только къ отдѣльнымъ словамъ и ихъ реальному содержанію, но и къ цѣлымъ предложеніямъ и логической связи ихъ.

Чтеніе и катихизація о читанномъ составляютъ вмѣстѣ такъ называемое *объяснительное* (статарическое, т. е. остановочное) чтеніе — въ противополож-

[1]) Въ изданной мною «Книгѣ для чтенія» всѣ стихотворенія напечатаны такимъ образомъ.

ность самостоятельному (курсорному, т. е. беглому, непрерывному) чтенію, при которомъ предполагается болѣе и менѣе совершенное пониманіе читаемаго и которое поэтому не сопровождается объясненіями со стороны учителя [1].)

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о томъ, какъ должно вести катихетическую бесѣду, я сообщаю въ слѣдующемъ примѣрѣ полную катихизацію о приведенномъ выше разсказѣ, т. е. не только вопросы учителя, но и предполагаемые отвѣты учениковъ. Изъ этого однако не слѣдуетъ заключать, что бесѣда эта непремѣнно должна быть ведена слово въ слово такъ, какъ тутъ показано. Другіе отвѣты учениковъ могутъ дать ей совершенно другой оборотъ. Только общій ходъ катихизаціи зависитъ отъ учителя; подробности же обусловливаются отвѣтами учениковъ. Поэтому, чтобы вести такую бесѣду, какъ слѣдуетъ, учитель долженъ всегда заранѣе приготовиться къ ней, т. е. составить къ статьѣ, которую онъ намѣренъ читать съ учениками, главные вопросы и притомъ сообразить всѣ отвѣты, которые могутъ на нихъ послѣдовать.

«*Учитель*. О комъ говорится въ этомъ разсказѣ? *Ученикъ*. Объ Аннушкѣ. *Учт.* А еще о комъ? *Учн.* О Мишѣ, о маленькомъ мальчикѣ и еще о другихъ дѣтяхъ. *Учт.* Повтори весь отвѣтъ. *Учн.* Въ этомъ разсказѣ говорится и т. д. *Учт.* Гдѣ находились однажды Аннушка и другія дѣти? *Учн.* На улицѣ. *Учт.* Отвѣчай такъ, чтобы и тотъ тебя понялъ, кто не слыхалъ моего вопроса. *Учн.* Аннушка и другія дѣти находились на улицѣ. *Учт.* Откуда они шли? *Учн.* Изъ училища. *Учт.* Отвѣчай полнѣе [2]). *Учн.* Они шли изъ училища. *Учт.* Аннушка была знакома съ Мишей? *Учн.* Да, она была сестра его. *Учт.* Какъ всѣ называли Мишу? *Учн.* Злымъ шалуномъ. *Учт.* А кто же это «всѣ»? *Учн.* Всѣ люди. *Учт.* Какъ? и тѣ, которые его не знали? *Учн.* Нѣтъ, только тѣ, которые знали его. *Учт.* Повтори весь отвѣтъ. *Учн.* Всѣ люди, которые знали Мишу, называли его злымъ шалуномъ. *Учт.* Кого вообще можно назвать шалуномъ? *Учн.* Того, кто шалитъ. *Учт.* Кто одинъ разъ только пошалитъ? *Учн.* Нѣтъ, кто часто шалитъ. *Учт.* А что значитъ «шалить?» (Дѣти отвѣчаютъ различно: не слушаться, дѣлать шалости, дѣлать глупости, дурачиться, рѣзвиться; учитель требуетъ примѣровъ шалости и тѣмъ повѣряетъ это понятіе). *Учт.* Но почему Мишу называли *злымъ* шалуномъ? *Учн.* Потому что онъ дурно шалилъ. *Учт.* А развѣ можно хорошо шалить? *Учн.* Нѣтъ; но можно шалить такъ, что никто на это не разсердится. *Учт.* Да, или такъ, что отъ этого никому не будетъ вреда. А шалости Миши были...? *Учн.* Вредны другимъ. *Учт.* По чему ты это знаешь? *Учн.* По тому, что онъ мальчика бросилъ въ снѣгъ. *Учт.* Да развѣ вы не бросаете другъ въ друга снѣгомъ? а вѣдь никому изъ васъ не бываетъ вреда отъ этого, никто изъ васъ не обижается этимъ, никто и не называетъ васъ за это *злыми* шалунами? *Учн.* Да, но Миша толкнулъ въ снѣгъ маленькаго мальчика, который не могъ подняться изъ снѣга! *Учт.* Что же сказали на это другія дѣти? *Учн.* Ничего, они только смѣялись надъ мальчикомъ. *Учт.* А что они еще дѣлали? *Учн.* Они толкали мальчика еще глубже въ снѣгъ. *Учт.* Чтожъ, они хорошо поступили? *Учн.* Нѣтъ. *Учт.* А какъ бы имъ слѣдовало поступить? *Учн.* Имъ слѣдовало отогнать Мишу и поднять мальчика. *Учн.* А знаете ли вы, какъ называютъ людей, которые смѣются и радуются, когда съ кѣмъ-нибудь случится бѣда? *Злорадостными*. Товарищи Миши слѣдовательно были? *Учн.* Злорадостны. *Учт.* Но въ такомъ случаѣ товарищи Миши были еще хуже

---

[1]) Въ кругу нашихъ педагоговъ выраженіе *объяснительное чтеніе* въ послѣднее время сдѣлалось общеупотребительнымъ, но къ сожалѣнію оно понимается ими весьма различно. Одни разумѣютъ подъ объяснительнымъ чтеніемъ только такъ называемый вещественный разборъ, производимый послѣ или во время чтенія; другіе — одинъ логическій разборъ, третьи и тотъ и другой вмѣстѣ. Но всѣ производятъ разборъ не для того собственно, чтобы разъяснить содержаніе читаннаго, а для того чтобы доставить ученику общеполезныя свѣдѣнія, или познакомить его съ частями предложенія. Самое чтеніе при этомъ большею частію играетъ весьма незначительную роль. Примѣры такому объяснительному чтенію можно найти въ «Приготовительномъ курсѣ русскаго языка» Перевлѣсскаго.

[2]) Нужно непремѣнно пріучать дѣтей отвѣчать всегда полнымъ предложеніемъ.

его; они не только толкали малютку въ снѣгъ, но и смѣялись надъ нимъ. Почему же именно Мишу прозвали злымъ шалуномъ? *Учн.* Должно быть мальчики эти не такъ часто шалили, какъ Миша. *Учт.* Очень можетъ быть; но что еще вѣроятнѣе? (Дѣти молчатъ.) *Учт.* Какъ вы думаете, пришло ли бы имъ на мысль толкнуть маленькаго своего товарища въ снѣгъ, еслибъ Миша не толкнулъ его первый? *Учн.* Вѣроятно нѣтъ. *Учт.* Стало быть ихъ соблазнилъ только дурной примѣръ Миши. Но почему Аннушка не помѣшала Мишѣ толкнуть мальчика? *Учн.* Потому что ея не было тутъ въ то время; она подошла къ мальчикамъ позже. *Учт.* Что же она сказала? *Учн.* Что вы дѣлаете? Какъ вамъ не стыдно обижать малютку! *Учт.* Почему же она сперва спросила: что вы дѣлаете? *Учн.* Потому вѣроятно, что въ началѣ не замѣтила, что дѣлаютъ мальчики, а только слышала смѣхъ и крикъ. *Учт.* Когда же она увидѣла лежащаго въ снѣгу мальчика, то...? *Учн.* То сказала: какъ вамъ не стыдно обижать малютку! *Учт.* Чѣмъ же они его обидѣли? *Учн.* Тѣмъ, что бросили въ снѣгъ. *Учт.* Что же мальчику отъ этого сдѣлалось? *Учн.* Ему было это непріятно, а можетъ быть и больно. *Учт.* Что же значитъ вообще обижать кого-нибудь»? *Учн.* Причинять непріятность... неудовольствіе... боль кому-нибудь. *Другой учн.* Поступать несправедливо, дурно съ кѣмъ-нибудь. *Учт.* Кто изъ васъ можетъ выразить послѣднія слова Аннушки другими словами? *Учн.* Стыдитесь толкать маленькаго мальчика. *Другой учн.* Стыдитесь поступать такъ дурно съ малюткой. *Учт.* А что значитъ стыдиться? (Нѣтъ отвѣта.) *Учт.* Кто вообще долженъ стыдиться? *Учн.* Тотъ, кто сдѣлалъ что-нибудь дурное. *Учт.* Какъ же это онъ стыдится? *Учн.* Онъ краснѣетъ. *Учт.* Да; но еще что? *Учн.* Закрываетъ руками лицо... отворачивается... плачетъ. *Учт.* Почему же онъ плачетъ? *Учн.* Потому что боится, что его будутъ бранить или наказывать. *Другой учн.* Потому что боится, что надъ нимъ будутъ смѣяться, что его будутъ дразнить. *Учт.* Да, смотря по тому, кто сдѣлалъ дурное и въ чемъ состоитъ это дурное. Но человѣкъ можетъ стыдиться и не боясь брани, наказанія или насмѣшки. Помните ли вы еще тотъ случай, когда Ивановъ выигралъ у Петрова гривну, бѣгая съ нимъ въ перегонку? *Учн.* Помнимъ. *Учт.* Когда я его спросилъ, зачѣмъ онъ отнялъ у Петрова гривну, что онъ мнѣ отвѣчалъ? *Учн.* Что онъ не отнялъ, а выигралъ. *Учт.* Что-жъ ему стыдно было при этомъ? *Учн.* Нѣтъ. *Учт.* Почему нѣтъ? *Учт.* Потому что онъ думалъ, что не сдѣлалъ ничего дурного. *Учт.* Когда же я ему растолковалъ, что Петровъ еще слишкомъ маленькій, глупый мальчикъ, который не понимаетъ, что дѣлаетъ, иначе бы вовсе не побѣжалъ съ нимъ; когда я ему растолковалъ, что выиграть у такого мальчика деньги все равно, что отнять, что украсть ихъ у него: что съ нимъ тогда сдѣлалось? *Учн.* Онъ покраснѣлъ. *Учт.* Почему же онъ покраснѣлъ? *Учн.* Потому что понялъ, что дурно поступилъ. *Учт.* Да, онъ почувствовалъ, сознала это, онъ сталъ стыдиться. Слѣдовательно, что значитъ стыдиться? *Учн.* Стыдиться значитъ понимать, чувствовать, сознавать, что поступлено дурно. *Учт.* Такъ; а есть ли такіе люди, которые не стыдятся дурныхъ поступковъ? *Учн.* Есть. *Учт.* Да; и это происходитъ большею частью отъ привычки поступать дурно, оттого, что этихъ людей не учили, т. е. первые проступки ихъ не приводились имъ въ сознаніе. Но я знаю одного мальчика, который стыдится идти съ кувшиномъ по улицѣ. Развѣ въ этомъ есть что-нибудь дурного? *Учн.* Нѣтъ. *Учт.* Почему же онъ стыдится? *Учн.* Онъ думаетъ, что это дурно? *Учт.* Да, онъ боится, что его примутъ за слугу; а ему этого не хочется. Почему? — Такой стыдъ называется *ложнымъ стыдомъ*.

Учт. Что же сдѣлала Аннушка съ маленькимъ мальчикомъ. *Учн.* Она подняла его, стряхла съ него снѣгъ, отерла лицо и проводила домой. *Учт.* Что сказано объ Аннушкѣ въ началѣ разсказа? *Учн.* Что она была добра и мила. *Учт.* Изъ чего это видно? *Учн.* Изъ того, что она заступилась за маленькаго мальчика. *Учт.* Но можно ли того уже называть вообще добрымъ, кто сдѣлалъ одинъ какой-нибудь похвальный поступокъ? *Учн.* Нѣтъ. *Учт.* Слѣдовательно если въ разсказѣ Аннушка называется доброю, то что мы

можемъ заключить? *Уч.* Что она всегда хорошо поступала. *Учт.* Да, и что приведенный въ разсказѣ поступокъ есть только одинъ изъ многихъ.»

Этой катихизаціи будетъ достаточно для дѣтей предполагаемой здѣсь степени развитія, чтобы вникнуть въ смыслъ читаннаго. Трудныхъ по значенію словъ и выраженій въ этомъ разсказѣ нѣтъ. Впрочемъ, для нѣкоторыхъ быть-можетъ пришлось бы еще объяснить понятія: *однажды*, *товарищъ*, *вязнуть*, *стряхать*. Вопросы же: что такое снѣгъ, училище, и т. п., были бы совершенно неумѣстны, потому что катихизація о такихъ предметахъ невозможна; учителю пришлось бы сообщать положительныя свѣдѣнія, распространяться въ объясненіяхъ, или же дать краткія опредѣленія. Первое относится не къ уроку русскаго языка, а общеполезныхъ свѣдѣній; послѣднее же (т. е. сообщеніе готовыхъ опредѣленій) рѣшитильно безполезно. Къ тому же незачѣмъ пускаться въ научныя объясненія, когда дѣло идетъ прежде всего только о томъ, чтобы узнать, соединяетъ ли ребенокъ съ какимъ-либо выраженіемъ вѣрное понятіе, или нѣтъ. А что всякій ребенокъ знаетъ, что такое *снѣгъ* и *школа*, въ этомъ можно убѣдиться, спросивъ только: когда бываетъ снѣгъ, какой онъ цвѣтомъ, на ощупь и что съ нимъ сдѣлается, когда его положатъ въ теплое мѣсто? кто ходитъ въ училище и что дѣлаютъ въ немъ?

3-е Упражненіе: Пересказъ читаннаго. Упраженіе это я считаю однимъ изъ важнѣйшихъ для развитія дара слова; но требовать, какъ это большею частью у насъ дѣлается, чтобы ученикъ низшаго класса, тотчасъ по прочтеніи статьи, передалъ содержаніе ея,. положительная нелѣпость. Пересказать читанное ученикъ можетъ только тогда, когда совершенно вникъ въ смыслъ его, т. е. послѣ надлежащей катихизаціи.

Упражненіе это — которому, разумѣется, должно предшествовать вторичное чтеніе статьи, дабы она во всей цѣлости возобновилась въ памяти учениковъ — повторяется до тѣхъ поръ, пока большая часть учениковъ не передастъ содержанія читаннаго въ возможно совершенной связи. Задача тутъ впрочемъ не состоитъ въ томъ, чтобы ученики передавали разсказъ своими собственными словами и выраженіями; въ эти лѣта собственная рѣчь учениковъ (если вообще допустить существованіе въ дѣтяхъ такой собственности) еще слишкомъ неправильна и несвязна; они слѣдовательно должны пріучаться къ правильной, связной рѣчи образованныхъ людей, а не перелагать послѣднюю на свой дѣтскій лепетъ. Поэтому чѣмъ болѣе устный разсказъ ихъ, по выраженіямъ своимъ, приблизится къ печатному образцу, тѣмъ лучше.

Если читалась статья въ стихахъ, то учитель долженъ предварительно самъ пересказать ее, избѣгая по возможности рифмы, иначе дѣти, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя, затруднятся передать содержаніе.

4-ое упражненіе: Чтеніе благозвучное (фонетическое или евфоническое). Объ эстетическомъ (изящномъ) чтеніи на этой степени, разумѣется, не можетъ быть рѣчи; но приготовленіе къ нему и возможно и необходимо. Ученики съ самаго перваго урока должны пріучаться не только къ громкому, явственному произношенію читаемаго, но и вообще къ правильной, выразительной интонаціи. Вотъ почему послѣ катихизаціи и пересказа, когда ученики успѣли вполнѣ вникнуть въ смыслъ статьи, необходимо снова возвратиться къ чтенію, которое по цѣли своей имѣетъ полное право называться *благозвучнымъ*. Конечно, имѣя въ виду только такіе разсказы, какъ напр. выбранный мною, который прочтется учениками довольно хорошо послѣ первыхъ же попытокъ, вторичное чтеніе можетъ показаться лишнимъ; но я уже сказалъ, что на этой степени могутъ быть выбираемы и басни въ стихахъ (напр. Тришкинъ кафтанъ, Любопытный и т. п.), изъ которыхъ нѣкоторыя, не смотря на простоту содержанія, такъ драматичны, что хорошее чтеніе ихъ вовсе не такъ легко, какъ кажется, и ученикамъ тутъ есть надъ чѣмъ поупражняться.

Чтеніе учителя должно всегда предшествовать чтенію учениковъ; вообще успѣхъ этого упражненія совершенно зависитъ отъ того, какъ читаетъ самъ учитель. Чтобы читать образцово, т. е. съ соотвѣтствующимъ содержанію статьи выраженіемъ и чувствомъ, и притомъ

просто, безъ всякой афектаціи, учитель долженъ всегда приготовляться къ чтенію, т. е. упражняться въ чтеніи той статьи, которую онъ намѣренъ дать ученикамъ. Я знаю, это требованіе многимъ покажется смѣшнымъ; но тѣмъ не менѣе оно справедливо, если принять только въ соображеніе, что образцовое чтеніе встрѣчается весьма рѣдко не только въ кругу образованныхъ людей вообще, но и въ кругу учителей словесности. По моему мнѣнію, учитель русскаго языка не только долженъ самъ постоянно упражняться, но и упражняться — какъ бы это ни казалось смѣшнымъ—передъ зеркаломъ, дабы не усвоить себѣ неестественныхъ жестовъ и ужимокъ, могущихъ сдѣлаться цѣлью насмѣшекъ или, что еще хуже, цѣликомъ перейти на учениковъ. Въ этомъ отношеніи учитель вполнѣ походитъ на актера, находящагося передъ самою строгою публикою.

Образцовое чтеніе учителя первое условіе этого упражненія; кромѣ же того, необходимо сообщать ученикамъ и нѣкоторыя общія правила, которыми бы они могли руководствоваться при чтеніи. Сюда принадлежитъ: 1) объясненіе паузъ и повышенія и пониженія голоса, означаемыхъ въ письмѣ и печати знаками препинанія, 2) разсмотрѣніе нѣкоторыхъ частицъ (союзовъ, нарѣчій и междометій) по значенію, которое онѣ сообщаютъ цѣлой рѣчи. Что подобныя объясненія должны быть просты, безъ всякой терминологіи, безъ отвлеченныхъ фразъ, и относиться къ тѣмъ только знакамъ и частицамъ, которыя встрѣчаются въ читаемой статьѣ, разумѣется само собою. Вотъ какимъ образомъ можно приступить къ этому.

Учт. (обращаясь къ одному ученику.) Знаешь ли ты, что означаютъ напр. слова «*кошка*, *воробей*, *лимонъ*»? *Учн.* Знаю. *Учт.* А слова *желтый*, *моться*, *птица*? *Учн.* Также знаю. *Учт.* Но знаешь ли ты, что я хочу сказать этими словами? *Учн.* Нѣтъ. *Учт.* А если я соединю слова эти такимъ образомъ: «воробей птица, лимонъ желтъ, кошка моется»? *Учн.* Теперь я понимаю, что вы говорите. *Учт.* А почему же ты сперва не понималъ? *Учн.* Потому что слова эти не были соединены.... *Учт.* Какъ слѣдуетъ, т. е. не относились другъ къ другу. Всѣ вещи, всѣ предметы, которые мы знаемъ, и все, что мы на нихъ замѣтили, мы можемъ представить себѣ въ умѣ, хотя бы эти предметы и не были болѣе передъ нами. Что же мы можемъ замѣтить на каждомъ предметѣ? 1) Мы можемъ замѣтить, что предметъ *дѣлаетъ*, или что съ нимъ дѣлается: стоитъ ли онъ, или движется и т. д.; 2) мы можемъ замѣтить, *каковъ* предметъ собой: красный, круглый, большой и т. д; 3) мы можемъ замѣтить, съ какими другими предметами онъ сходенъ; что онъ такое: звѣрь ли, камень, дерево и т. д. Когда мы представляемъ себѣ въ умѣ, что такое извѣстный предметъ, или каковъ онъ, или что онъ дѣлаетъ; то мы *мыслимъ*. Слѣдовательно, что значитъ мыслить? *Учн.* Представлять себѣ и т. д. *Учт.* Если кто нибудь назоветъ намъ отдѣльные извѣстные предметы, т. е. выразитъ ихъ въ словахъ, то представленіе объ этихъ предметахъ тотчасъ же возобновляется въ нашемъ умѣ; но больше ничего: мы еще не знаемъ его *мысли*, т. е. мы не знаемъ, представляетъ ли онъ себѣ, что такое эти предметы, или что они дѣлаютъ, или каковы они. Только когда онъ соединитъ слова такъ, какъ соединились въ умѣ его представленія, только тогда мы можемъ понять его, т. е. мыслить то же самое, что и онъ мыслитъ [1]).

Учт. Теперь обратимся опять къ нашему разсказу объ Аннушкѣ и Мишѣ. Можно ли прочесть разсказъ этотъ съ начала до конца, не останавливаясь ни на мгновеніе? *Учн.* Нѣтъ. *Учт.* Почему же нѣтъ? *Учн.* Потому что не хватитъ дыханія.

(Въ случаѣ бы не послѣдовалъ такой отвѣтъ, учитель можетъ заставить читать безъ остановки; тогда ученикъ на самомъ дѣлѣ увидитъ, почему онъ долженъ остановиться.) *Учт.* Слѣдовательно, когда мы говоримъ или читаемъ, мы невольно по временамъ должны останавливаться, чтобы перевести дыханіе. Но не все равно, когда и на сколько вре-

---

[1]) Я долженъ замѣтить, что все сказанное здѣсь однимъ учителемъ, на самомъ дѣлѣ должно быть изложено катихетически; только тогда оно и будетъ совершенно ясно и понятно дѣтямъ. Письменное изложеніе подобной катихизаціи заняло бы слишкомъ много мѣста.

мени мы останавливаемся. Если мы будемъ рѣчь нашу прерывать, гдѣ случится, то она сдѣлается непонятною для другихъ. Такъ напр. если я начну читать: «Петруша....» и вдругъ остановлюсь: будешь ли ты уже знать, что хотятъ сказать о Петрушѣ? *Учн*. Нѣтъ. *Учт*. А если я прочту: «Петруша былъ»....? *Учн*. Это также еще не понятно. *Учт*. А могу ли я остановиться, прочитавъ: «Петруша былъ рѣзвый мальчикъ»? *Учн*. Можете. *Учт*. Почему? *Учн*. Потому что теперь понятно читанное вами; вы досказали мысль. *Учт*. Слѣдовательно, если мы хотимъ, чтобъ насъ понимали, мы можемъ прервать рѣчь, остановиться не раньше, какъ высказавъ всю мысль. Но этого еще недостаточно: если мы будемъ читать нѣсколько мыслей сряду, не останавливаясь, то насъ также не поймутъ, или же поймутъ совсѣмъ иначе. Слѣдующія мысли напр. можно понимать различно, смотря по тому, гдѣ остановиться: «Она сказала мнѣ съ братомъ весело безъ брата скучно». Итакъ мы должны останавливаться по окончаніи каждой мысли, должны отдѣлять каждую свою или читаемую мысль болѣе или менѣе долгимъ молчаніемъ, паузой. Въ печати и письмѣ эти паузы означаются различными знаками. Одинъ изъ такихъ знаковъ есть *точка* (.). Послѣ точки можно долѣе всего останавливаться и даже прекратить совершенно рѣчь: сказанное или прочитанное будетъ понятно. Но нѣсколько мыслей, высказанныхъ сряду, могутъ быть между собой сходны, т. е. я могу высказать объ одномъ и томъ же предметѣ различное, или же о разныхъ предметахъ одно и то же. Такія мысли можно соединить въ одну, или сократить. Напр. вмѣсто того чтобы сказать: «Аннушка была добра. Аннушка была мила», я могу сказать: «Аннушка была добра и мила». Въ такомъ случаѣ уже послѣ слова «добра» не слѣдуетъ ставить точку, не слѣдуетъ останавливаться, потому что маленькое слово *и* показываетъ, что къ сказанной мысли присоединяется другая, сродная мысль; или по крайней мѣрѣ часть мысли. Какъ вы соедините слѣд. мысли: «Петруша былъ внимателенъ. Миша былъ внимателенъ»? *Учн*. Петруша и Миша были внимательны. (Еще нѣсколько такихъ примѣровъ.) *Учт*. А какъ вы соедините слѣдующія мысли: «Аннушка была прилежна. Аннушка была внимательна. Аннушка была послушна. Аннушка была услужлива»? *Учн*. Аннушка была прилежна и внимательна и послушна и услужлива. *Учт*. Такъ; но въ разговорѣ не принято повторять слово *и* столько разъ: это непріятно для слуха. Слово *и* умалчивается, подразумѣвается, а въ печати и письмѣ замѣняется особымъ знакомъ: *запятою* (,), на которомъ слѣдуетъ остановиться лишь на столько времени, сколько бы потребовало произношеніе слова *и*. Теперь найдите такое соединеніе мыслей въ нашемъ разсказѣ.

Затѣмъ слѣдуетъ объясненіе разницы между вопросомъ и отвѣтомъ, простымъ сужденіемъ, просьбою, приказаніемъ и восклицаніемъ, и употребленія соотвѣтствующихъ знаковъ (? и !). Такъ же просто могутъ быть объяснены и двоеточіе и кавычка. Впрочемъ нѣтъ вовсе надобности распространяться разомъ о всѣхъ знакахъ, встрѣчающихся въ одной статьѣ; каждая новая статья даетъ поводъ возвращаться къ подобнымъ объясненіемъ. Я приведу еще только примѣръ, какъ должно объяснять союзы или слова, играющія роль союзовъ.

Учт. Но скажите, что означаютъ маленькія слова: *но* и *же*, которыя встрѣчаются въ нашемъ разсказѣ? Можно ли пропустить слово *но* предъ словомъ *брата*, и сказать: «Аннушка была и т. д. Брата ея, Мишу, всѣ называли шалуномъ»? *Учн*. Можно. *Учт*. А можно ли употребить слово *но* въ слѣдующихъ мысляхъ: «Аннушка была добра и мила. Но Миша былъ добръ и милъ»? *Учн*. Нельзя. *Учт*. Почему нельзя? *Учн*. Потому что объ Аннушкѣ и Мишѣ тутъ говорится одно и то же. *Учт*. Какое же слово можно поставить вмѣсто *но*? *Учн*. Слово *и*. *Учт*. Такъ; а въ какомъ случаѣ можно бы было поставить *но*? *Учн*. Когда бы о Мишѣ было сказано совсѣмъ другое. *Учт*. Да, другое, противоположное. Слѣдовательно, что означаетъ слово *но*? *Учн*. Совсѣмъ другое, противоположное. *Учт*. Да, и вмѣсто *но* можно сказать: *напротивъ*. Такое же почти значеніе имѣетъ и слово *же*, только оно не ставится въ началѣ мысли.

(Нѣсколько примѣровъ.) Слова эти можно иногда и выпускать, но они придаютъ рѣчи нашей болѣе выразительности.

При чтеніи новыхъ статей необходимо дать нѣсколько правилъ и объ *удареніи*.

5-ое упражненіе: Складываніе и писаніе трудныхъ по орѳографіи словъ. На этой степени упражненіе это чрезвычайно полезно. Оно заставляетъ ученика внимательно всматриваться въ каждое слово и запечатлѣть въ памяти своей, такъ сказать, образъ его. Учитель начинаетъ, разумѣется, съ самыхъ слабыхъ учениковъ и заставляетъ ихъ складывать сперва легчайшія слова; всѣ же трудныя по орѳографіи слова, напр. съ буквою *ѣ*, онъ заставляетъ писать по нѣскольку разъ сряду.

6-ое упражненіе: Переписка прочитанной и разобранной статьи въ тетрадь или на доску, со всѣми знаками препинанія. Писать ученики должны крупно, между двумя строками, какъ у учителя калиграфіи.

7-ое упражненіе: Исправленіе ошибокъ. Сперва каждый ученикъ, написавъ статью, самъ повѣряетъ ее по книгѣ, а затѣмъ отдаетъ написанное для просмотра товарищу. Каждая неточность, пропускъ запятой, кавычки, кратки, все считается ошибкой. Гдѣ въ употребленіи баллы, тамъ учитель можетъ вычитывать за каждую ошибку въ началѣ $^1/_8$, а позже и $^1/_4$ балла.

8-ое упражненіе: Чтеніе рукописей. Упражненіе это также весьма полезно, если ограничиться чтеніемъ крупныхъ рукописей самихъ учениковъ; давать же имъ различныя рукописи взрослыхъ людей — только порча глазъ.

Впрочемъ если ученикъ, для исправленія ошибокъ, будетъ мѣнять тетрадь или доску свою каждый разъ съ другимъ товарищемъ, то это упражненіе окажется лишнимъ.

9-ое упражненіе: Заучиваніе статьи на память. Это упражненіе въ началѣ относится только къ статьямъ, написаннымъ стихами; прозу же можно задавать учить позже, когда будутъ читаться статьи болѣе трудныя, болѣе серіозныя и вообще болѣе достойныя запоминанія. Но во всякомъ случаѣ упражненіе это въ началѣ должно производиться въ классѣ, подъ надзоромъ учителя, дабы ученики не привыкли къ механической, мертвой долбнѣ. Дома имъ остается только повторить заученное такъ, какъ имъ было показано въ классѣ.

Слѣдующій урокъ начинается устною передачею затверженнаго на память и повтореніемъ нѣкоторыхъ изъ вышеупомянутыхъ упражненій — въ видѣ испытанія. А затѣмъ слѣдуетъ чтеніе и разборъ новой статьи.

Вотъ тѣ упражненія, которыя должны производиться надъ каждой статьей, читаемой въ классѣ русскаго языка. Но можно ли соединить всѣ эти упражненія въ одномъ урокѣ? Въ этомъ нѣтъ никакой надобности, лишь бы каждый слѣдующій урокъ былъ естественнымъ продолженіемъ предыдущаго, лишь бы разъ начатая статья не оставалась въ сторонѣ, пока она не разобрана всесторонне.

Одно изъ важнѣйшихъ дидактическихъ правилъ гласитъ: *Учи такъ, чтобы ученики твои никогда не забыли того, чему учились.* Удовлетворить этому требованію можно только частыми повтореніями пройденнаго. Поэтому необходимо, по прочтеніи и всестороннемъ разборѣ каждыхъ трехъ, четырехъ или много-что пяти статей, дѣлать общее повтореніе. Къ этому можно, для разнообразія, прибавить еще слѣдующее:

10-ое упражненіе: а) Исчисленіе всѣхъ дѣйствующихъ лицъ прочитанныхъ разсказовъ и басенъ: взрослыхъ — мужчинъ и женщинъ; дѣтей — мальчиковъ и дѣвочекъ. б) Исчисленіе всѣхъ животныхъ и вообще предметовъ, упоминаемыхъ въ этихъ статьяхъ. в) Исчисленіе всѣхъ качествъ, приписываемыхъ различнымъ лицамъ и предметамъ. г) Исчисленіе всѣхъ дѣйствій, совершаемыхъ въ разсказахъ.

Упражненіе это можетъ быть устное и письменное.

Дополнительныя упражненія къ первому курсу.

Всякое упражненіе, производимое съ педагогическою цѣлью, приноситъ пользу въ такомъ только случаѣ, когда оно ученику *по силамъ*; оно развиваетъ ученика лишь до тѣхъ поръ, пока въ извѣстной степени *напрягаетъ* его силы. По-

этому во всѣхъ упражненіяхъ долженъ быть безпрерывный, постепенный переходъ отъ легкаго къ болѣе трудному, не только въ различныхъ курсахъ, но и въ одномъ и томъ же курсѣ всѣ упражненія должны утрудняться и усложняться по мѣрѣ того, какъ увеличиваются силы учениковъ. Кромѣ же того, для поддержанія въ ученикахъ постояннаго интереса, упражненія должны быть по возможности и разнообразны. Но гдѣ же подобная постепенность, гдѣ разнообразіе въ предыдущихъ, изложенныхъ мною упражненіяхъ, которыя должны быть производимы неизмѣнно надъ всѣми статьями, читаемыми въ продолженіе цѣлаго года? Дѣйствительно, въ самыхъ упражненіяхъ постепенность эта незамѣтна; вѣроятно также, что отъ долгаго употребленія сдѣлается незамѣтнымъ и взаимное разнообразіе ихъ. Но — если часто перемѣнять или видоизмѣнять упражненія, то они, очевидно, утратятъ весь смыслъ свой, сдѣлаются забавой и не дадутъ въ результатѣ умѣнья, навыка. Слѣдовательно постепенности и разнообразія преподаванія должно искать не въ упражненіяхъ, взятыхъ сами по себѣ, а въ матеріалѣ, надъ которымъ упражненія эти производятся. Чѣмъ труднѣе и разнообразнѣе по выраженіямъ и по мысли будутъ выбираемыя для чтенія статьи, тѣмъ труднѣе, сложнѣе и разнообразнѣе окажутся и самыя упражненія. Книга для чтенія слѣд. играетъ при этомъ важную роль: она должна заключать въ себѣ большое число статей различнаго объема, различной легкости и разнообразнѣйшаго содержанія, дабы учитель не затруднялся въ выборѣ. Но возможно ли при выборѣ статей вообще соблюсти строгую постепенность, т. е. выбрать статьи такъ, чтобы каждая въ свою очередь дѣйствительно соотвѣтствовала той степени развитія, на которой находится ученикъ? Для одного ученика — возможно; для цѣлаго же класса учениковъ, разумѣется, нельзя, потому что не существуетъ класса, въ которомъ бы, и при самомъ нормальномъ числѣ, всѣ ученики были одинаковаго развитія или одинаковыхъ способностей. Слѣдовательно постепенность статей, выбранныхъ для цѣлаго класса, можетъ быть только относительная, т. е. она можетъ соотвѣтствовать вообще только степени развитія слабѣйшихъ учениковъ. А чтобы при этомъ занять надлежащимъ образомъ, т. е. съ пользою, всѣхъ учениковъ, учитель долженъ всегда имѣть въ запасѣ нѣсколько особыхъ упражненій, которыми бы онъ могъ дополнить или замѣнить тѣ изъ обычныхъ упражненій, которыя въ началѣ или со временемъ, для нѣкоторыхъ учениковъ окажутся слишкомъ легкими. Къ такимъ дополнительнымъ упражненіямъ, относительно перваго курса, можно причислить слѣдующія.

1. Передача разсказа отъ имени одного изъ дѣйствующихъ лицъ. Многія дѣти имѣютъ, или по крайней мѣрѣ скоро пріобрѣтаютъ, способность тотчасъ же совершенно связно и вѣрно передавать содержаніе прочитаннаго. Для такихъ дѣтей передача разсказа въ немного измѣненномъ видѣ будетъ весьма полезное, посильное упражненіе. Только я долженъ замѣтить, что не всякая статья одинаково удобно подвергается требуемому здѣсь перейначенію; учитель поэтому долженъ тутъ, какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, облегчить ученикамъ упражненіе посредствомъ катихизаціи и на первыхъ порахъ выбирать такія статьи, измѣненіе которыхъ не представляетъ вовсе затрудненій, дабы ученики прежде всего поняли, въ чемъ состоитъ самая задача. Такъ напр. слѣдующій разсказъ можетъ очень хорошо служить для начала такихъ упражненій.

«Мальчикъ, бѣжа чрезъ улицу, попалъ подъ колесо роспусковъ, которое переломило ему ногу. Когда его принесли домой стонущаго, больная мать отъ испугу соскочила съ постели и упала въ обморокъ. Мальчикъ, видя это, тотчасъ пріостановилъ свой стонъ и въ продолженіе всего времени, какъ ему вправляли и перевязывали ногу, не испустилъ ни одного звука, который бы обнаружилъ его страданіе. «Да развѣ тебѣ не больно?» спросилъ костоправъ. — О, очень, отвѣчалъ мальчикъ шопотомъ, но я не хочу, чтобы маменька узнала объ этомъ: она слишкомъ огорчается.»

Разсказъ этотъ можетъ быть переданъ трояко различно: отъ имени самого мальчика, отъ имени матери и отъ имени костоправа. Послѣдній видъ передачи

конечно легче всѣхъ, потому что не требуетъ почти никакихъ перемѣнъ; съ него и слѣдуетъ начать, объяснивъ только ученику въ нѣкоторыхъ словахъ, чего отъ него требуютъ. Напримѣръ:

«*Учт.* Положимъ, что костоправъ, пришедши домой, хочетъ разсказать своему семѣйству о случившемся съ мальчикомъ несчастіи; какъ онъ будетъ объ этомъ разсказывать? Можетъ ли онъ начать разговоръ такъ, какъ онъ начатъ въ книгѣ? *Учн.* Можетъ. *Учт.* Ну, начни же и ты такъ, и разскажи мнѣ отъ имени костоправа это событіе, т. е. представь себѣ, что ты костоправъ, самъ видѣлъ и лечилъ мальчика, и мнѣ, своему знакомому, разсказываешь объ этомъ. *Учн.* Мальчикъ, бѣжа черезъ улицу, и т. д. (безъ перемѣны до словъ не испустилъ ни одного звука). *Учт.* А кто ему вправилъ и перевязывалъ ногу? *Учн.* Костоправъ. *Учт.* Стало-быть онъ самъ объ этомъ какъ будетъ говорить? *Учн.* И въ продолженіе всего времени, какъ я ему вправлялъ и перевязывалъ ногу, и т. д. *Учт.* Такъ; теперь разсказывай дальше. *Учн.* «Да развѣ тебѣ не больно?» спросилъ наконецъ я. *Учт.* Маленькое слово *я* должно поставить передъ *наконецъ*. *Учн.* Спросилъ я его наконецъ, и т. д. (Затѣмъ нѣсколько другихъ учениковъ передаютъ разсказъ въ томъ же видѣ.) *Учт.* Теперь ты С., скажи мнѣ, какимъ образомъ мать мальчика стала бы разсказывать объ этомъ случаѣ. Можетъ ли и она начать разсказъ такъ, какъ онъ начатъ въ книгѣ? *Учн.* Нѣтъ. *Учт.* Какъ же она должна начать? *Учн.* Мой сынъ. *Учт.* Такъ; а какое слово она должна употребить вмѣсто слова *мать*? *Учн.* Я. *Учт.* А вмѣсто *больная мать*? *Учн.* Я больная. *Учт.* Да; только такъ не говорятъ. Гораздо вѣроятнѣе, что она начала бы разсказъ съ болѣзни своей и сказала бы: Однажды я была очень больна. Сынъ мой, бѣжа и т. д. (Ученикъ послѣ этого уже передастъ разсказъ безъ всякаго затрудненія.) *Учт.* Но скажи, вѣдь мальчикъ говорилъ съ костоправомъ шопотомъ: какимъ же образомъ мать можетъ разсказывать объ этомъ? *Учн.* Она вѣроятно слышала то, что они говорили. *Учт.* Очень можетъ быть. Но въ такомъ случаѣ не мѣшаетъ въ разсказѣ матери пропустить слово *шопотомъ*; а потомъ въ концѣ прибавить: «Хотя это говорилось шопотомъ; но въ комнатѣ было тихо, и потому я могла все разслышать». Или же можно предположить, что костоправъ позже передалъ матери слова сына. — Ну, а какъ бы самъ мальчикъ сталъ разсказывать о своемъ несчастіи?»

Этого примѣра, кажется, достаточно, чтобы понять, что упражненіе это состоитъ не въ измѣненіи нѣкоторыхъ словъ и оборотовъ только, но преимущественно въ передѣлкѣ всей статьи такимъ образомъ, чтобы по возможности сохранилась естественность разсказа. Безъ этого условія все упражненіе превратится въ пустую игру въ слова. Поэтому, если какая-либо читанная статья въ этомъ отношеніи представляетъ значительное затрудненіе, то лучше и не подвергать его этому упражненію. Впрочемъ мыслящій учитель ни при какой статьѣ не затруднится. Такъ напр. приведенный мною разсказъ объ Аннушкѣ и Мишѣ, очевидно, нельзя передать отъ имени одного изъ нихъ, не уничтожая естественности разсказа; но если представить себѣ Аннушку и Мишу людьми взрослыми, вспоминающими о дѣтствѣ своемъ, то разсказъ этотъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, можетъ быть въ устахъ ихъ весьма натураленъ.

Другое, нѣсколько сходное съ этимъ упражненіе есть:

2. Описаніе лицъ и предметовъ, встрѣчающихся въ читанномъ разсказѣ.

Учт. Разскажи мнѣ все, что ты знаешь о матери мальчика, который попалъ подъ роспуски. *Учн.* Мать мальчика была больна и лежала въ постелѣ. Когда его внесли въ комнату стонущаго, она вскочила съ постели и упала въ обморокъ. *Учт.* Что случилось на улицѣ? *Учн.* По улицѣ ѣхали роспуски. Въ это время мальчикъ хотѣлъ перебѣжать чрезъ улицу, упалъ и попалъ подъ колесо роспусковъ, которое переломило ему ногу. *Учт.* Что затѣмъ дѣлалось въ комнатѣ? *Учн.* Въ комнатѣ лежала больная мать. Туда же принесли и мальчика, и призвали костоправа, который вправлялъ и перевязывалъ мальчику ногу. И т. д.

Само собою разумѣется, что до такой связной передачи ученикъ можетъ быть доведенъ только предварительной катихизаціей.

3. Сравненіе двухъ разсказовъ или басенъ. Для этого упражненія должно въ началѣ выбирать только разсказы, имѣющіе нѣкоторое сходство въ содержаніи. Сперва сравниваются мѣстности, гдѣ происходятъ разсказываемые случаи, а затѣмъ дѣйствующія лица, рѣчи ихъ и поступки.

Какъ это, такъ и предыдущее упражненіе удобопримѣнимы преимущественно при повтореніяхъ. Всѣ же три поименованныя упражненія производятся въ этомъ курсѣ только устно.

4. Диктованіе заученной наизустъ статьи. Когда большинство учениковъ научилось безошибочно переписывать изъ книги любую статью, — а при указанныхъ мною пріемахъ они могутъ научиться этому въ 3 или много-что въ 4 мѣсяца, — то можно превратить это классное упражненіе въ домашнее занятіе, требуя, чтобы каждая разобранная статья была переписана на-бѣло въ тетрадь и надлежащимъ образомъ самими учениками исправлена. Въ классѣ же, на мѣсто переписки, можетъ явиться *диктованіе*, но не любой, а разобранной только и преимущественно заученной наизустъ статьи. Это многимъ покажется страннымъ. Но я прошу принять въ соображеніе слѣдующее.

Навыкъ въ правописаніи пріобрѣтается только взаимнымъ упражненіемъ слуха и зрѣнія; слухъ сообщаетъ, изъ какихъ звуковъ составлено произносимое слово; но звукамъ этимъ, какъ извѣстно, не всегда соотвѣтствуютъ одни и тѣ же знаки. Имѣть представленіе о томъ, какими знаками изображаются слышимые звуки, слышимыя слова, можетъ только тотъ, кто видѣлъ эти слова въ печати или письмѣ. Упражненіемъ одного слуха ребенокъ никогда не научится различать слова, изображаемыя напр. буквами *ѣ* и *е*, *ы* и *ий* и никакія правила не помогутъ ему въ этомъ случаѣ, потому что они также поражаютъ преимущественно только одинъ слухъ. Упражненіе зрѣнія въ этомъ отношеніи очевидно гораздо важнѣе. Кому изъ преподавателей не случалось встрѣчать между своими учениками двухъ братьевъ или товарищей одинаковыхъ способностей, прилежанія и знанія, изъ которыхъ одинъ пишетъ подъ диктовку почти совершенно правильно, а другой съ страшными ошибками? Если преподаватель при такихъ случаяхъ умѣетъ только надлежащимъ образомъ допросить учениковъ, то онъ узнаетъ, что одинъ изъ нихъ много читаетъ, а другой нѣтъ, и что въ воображеніи перваго при каждомъ диктуемомъ словѣ возобновляется образъ знакомаго ему, видѣннаго имъ въ печати слова, тогда какъ для послѣдняго все остается лишь звукомъ, не дающимъ представленія о соотвѣтствующихъ знакахъ.

Поэтому диктованіе незнакомыхъ ребенку словъ и предложеній, какое у насъ обыкновенно принято въ первоначальномъ преподаваніи, рѣшительно безполезно, — все равно, является ли оно въ сопровожденіи правилъ, или нѣтъ. Полезнымъ признать можно только диктованіе разобранныхъ и преимущественно выученныхъ ученикомъ статей, и въ началѣ именно вновь заученной статьи, а потомъ и тѣхъ, которыя заучивались втеченіе года. Такимъ образомъ диктованіе служитъ испытаніемъ, въ какой степени и въ какомъ видѣ заученное запечатлѣлось въ памяти ученика, а съ тѣмъ вмѣстѣ содѣйствуетъ духовному оку возсоздать вѣрно соотвѣтствующіе слышимымъ звукамъ знаки. Что же касается до интереса, который утрачивается при диктованіи вполнѣ знакомой ученику статьи, то его можно возстановить въ гораздо большей степени, измѣняя нѣсколько содержаніе статьи и порядокъ отдѣльныхъ предложеній, и сохраняя только слова съ случайными ихъ формами.

Поименованныя 14 упражненій я считаю достаточными для перваго практическаго курса.

Но производя надъ каждою читаемою въ классѣ статьею всѣ эти упражненія, много ли можно будетъ вообще прочесть статей втеченіе года? Очень не много: статей 20 или 25, если на языкоученіе положено не менѣе 4 уроковъ въ недѣлю. Но ученики отъ этого будутъ имѣть гораздо болѣе пользы, пріобрѣтутъ гораздо болѣе знанія въ языкѣ, чѣмъ ког-

да они пробѣгутъ книгу для чтенія отъ доски до доски, испишутъ нѣсколько дестей бумаги подъ диктовку, заучатъ до 20 необъясненныхъ басенъ и стихотвореній и задолбятъ грамматику до глаголовъ.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ:

О первоначальномъ преподаваніи отечественнаго языка [1].

Въ настоящее время какъ нельзя яснѣе высказывается потребность разрабатывать каждый жизненный вопросъ общими силами и изъ взаимнаго обмѣна мыслей выводить тѣ плодотворныя и практически удобопримѣнимыя слѣдствія, которыми должна оправдываться каждая теорія. Преподаваніе отечественнаго языка, въ общей системѣ воспитанія нашего юношества, представляетъ вопросъ первой важности; поэтому и мы съ своей стороны долгомъ считаемъ передать читателямъ свои мысли по поводу этого предмета, тѣмъ болѣе что г. Паульсонъ въ статьѣ, заглавіе которой выписано нами, положилъ занимающему насъ вопросу такое удачное начало.

Цѣль настоящей статьи заключается въ томъ, чтобы передать нашъ собственный взглядъ на задачу преподаванія русскаго языка, и сравнить его (взглядъ) съ принципами, изложенными г. Паульсономъ.

Для этого прежде всего мы должны согласиться съ тѣмъ, что научить языку отнюдь не значитъ научить грамматикѣ,—что развить въ неразвитомъ, но мыслящемъ созданіи способность правильно говорить, не значитъ развить въ немъ способность правильно передавать опредѣленія именъ существительныхъ, прилагательныхъ, мѣстоименій и пр.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое языкъ, какъ не способность выражать свои мысли въ формахъ опредѣленныхъ, понятныхъ, свободныхъ и возможно изящныхъ. [1])

Формы отечественнаго языка, въ большей или меньшей степени ихъ совершенства, дѣлаются собственностію ребенка съ самаго того времени, какъ онъ начинаетъ лепетать. Развивать и совершенствовать ихъ — дѣло преподавателя; его же дѣло наблюдать, чтобы грамматика, со всѣми ея прибавочными науками, служила не болѣе какъ для контроля этихъ формъ, для приданія имъ того склада, которымъ выражается типичный характеръ языка.

Руководствуясь такими положеніями, мы должны принять опять-таки вмѣстѣ съ г. Паульсономъ, что вѣрнѣйшими средствами научиться языку, *владѣть языкомъ*, — должны служить *чтеніе* и *письмо*.

---

[1]) Мы получили эту статью при слѣдующемъ письмѣ:

«Если невозможно почему-либо напечатать прилагаемую при семъ статью, то благоволите передать ее лицу, которое явится за нею отъ моего имени.

Желалъ бы, чтобы она была напечатана, и чтобъ на нее воспослѣдовали возраженія,—потому что образованіе юношества есть цѣль моей жизни, и изъ-за желанія добра дѣтямъ я готовъ оставить способъ, которому слѣдую много лѣтъ, если найду достаточно убѣдительныя къ тому причины.»

Исполняемъ желаніе автора, потому что статья его даетъ читателямъ возможность взглянуть на первоначальное преподаваніе отечественнаго языка и съ нѣсколько другой точки зрѣнія, а намъ доставляетъ случай уяснить многія такія стороны этого предмета, которыхъ мы не коснулись въ нашей статьѣ. Возраженіе наше появится вслѣдъ за этой статьей.

[1]) Конечно изящества (élégance) нельзя требовать отъ читающихъ; но на всѣ остальные эпитеты непремѣнно должно быть обращено вниманіе преподавателей. *Авт.*

Но здѣсь начало самаго важнаго педагогическаго вопроса: какъ читать и что читать,—какъ писать и что писать?

Каждый преподаватель отвѣчаетъ на этотъ вопросъ по своему, каждый имѣетъ свой способъ преподаванія, оправдываетъ его возможнымъ количествомъ опытовъ и желаетъ видѣть въ немъ какъ можно болѣе достоинствъ... Мы конечно умалчиваемъ здѣсь о тѣхъ преподавателяхъ, которые за исходную точку языкознанія (отечественнаго) все еще принимаютъ грамматику,—они, вмѣсто исполненія своей обязанности, *тратятъ время*. Разногласіе въ способахъ остальныхъ преподавателей естественно происходитъ отъ того, что дидактика отечественнаго языка у насъ еще въ младенчествѣ.

При изложенія нашего способа преподаванія русскаго языка грамотнымъ мальчикамъ мы раздѣлимъ всѣ занятія на упражненія, чтобы облегчить сравненіе нашихъ упражненій съ упражненіями, помѣщенными въ № 1-мъ «Учителя».

1-ое упражненіе. Выбирается статейка возможно краткаго содержанія. Учитель не прочитываетъ самъ предъ учениками этой статейки, а прямо даетъ ее на обсужденіе ученикамъ. Чтеніе происходитъ неправильное. Учитель, выслушавши чтеніе до конца, начинаетъ допытываться у другихъ учениковъ, поняли ли они прочитанное,—и если поняли, то какъ? У читавшаго онъ не спрашиваетъ, потому что, какъ показываетъ опытъ, самый механизмъ чтенія первоначальнаго мѣшаетъ сразу уяснять себѣ прочитанное. Здѣсь первая катихизація: въ чемъ заключается содержаніе разсказа? Хорошо ли прочитанъ разсказъ? Нельзя ли прочитать лучше? Хорошо ли прочитана такая то мысль? Такъ ли произнесено, такое-то слово? Что оно значитъ? Все ли равно сказать: картина и картина? Нужно ли читать все сплошь, или надо гдѣ-нибудь останавливаться? Для чего надо останавливаться? Можно ли увидать изъ самой книги, гдѣ надо остановиться? и пр. и пр. Разные вопросы предлагаются различнымъ ученикамъ. Статья прочитывается учениками снова, причемъ требуется, чтобы каждое предложеніе, даже каждое слово было произнесено ясно и сознательно.

2-ое упражненіе. Катихетическая бесѣда о содержаніи прочитаннаго. Вопросы подобны предложеннымъ г. Паульсономъ. Понятіе о мысли; мысли полныя и неполныя, досказанныя и недосказанныя. Отдѣленіе мыслей другъ отъ друга точкою. Прописная буква.

3-ье упражненіе. Пересказъ читаннаго съ возможною полнотою. Отъ товарищей разсказчика должно требовать поправокъ и пополненія пропусковъ. Возможность передавать слова и мысли письменными знаками. Записываніе на доскѣ мыслей, находящихся въ разсказѣ.

4-е Упражненіе (домашнее). Переписываніе всего разскаэа, кто какъ понялъ, въ тетрадку.

5-ое упражненіе. Учитель читаетъ тетрадки,—исправляетъ погрѣшности и показываетъ недостатки.

6-ое упражненіе (домашнее). Переписываніе на-бѣло исправленнаго.

Этимъ заканчивается изученіе предложенной статьи.

Читатель видитъ, что пріемы предлагаемаго нами способа заключаютъ въ себѣ только шесть упражненій, изъ которыхъ два домашнія и четыре классныхъ. Въ этомъ намъ пришлось разойтись съ пріемами г. Паульсона, который для каждой статьи предлагаетъ 10 упражненій: слишкомъ много. Если на каждое упражненіе употребить по классу, то на каждую статью придется издержать 10 классовъ; а между тѣмъ опытъ показываетъ намъ, что въ то время, когда дитя начинаетъ учиться языку, необходимо разнообразить представленія въ его умѣ, а не водить понятія его около одной точки. Намъ случалось подслушивать не разъ фразу:

«Что это мы сидимъ все надъ однимъ, да надъ однимъ, — хоть бы что-нибудь новенькое!»

Сдѣлаемъ теперь общій выводъ изъ нашего способа:

Каждое упражненіе требуетъ съ небольшимъ часа времени.

Учитель является не образцомъ, которому ученики должны неукоснительно слѣдовать, а руководителемъ и совершенствователемъ ихъ собственной дѣятельности. Чтеніе евфоническое дости-

гается само собою, если учитель обладаетъ въ этомъ отношеніи достаточными способностями.

Наизустъ могутъ быть заучиваемы исключительно только стихотворенія, и то меткія.

При достаточной развитости учениковъ учитель можетъ прочитать имъ статью и требовать, чтобъ они написали ее къ слѣдующему классу своими словами,— а потомъ можно разобрать ее, соображаясь съ приложенными упражненіями.

Мы не согласны заставлять учениковъ переписывать стихи *въ сплошную*. Пусть дѣти пріучаются къ такту. Касательно риѳмы,— они скоро могутъ понять, въ чемъ дѣло.

Грамматика изучается незамѣтно при самыхъ упражненіяхъ и начальною ея программою можетъ быть слѣдующая:

Понятія объ удареніяхъ. Знаки препинанія (сначала три знака: точка, знакъ вопросительный и знакъ восклицательный). Понятіе о буквахъ, слогахъ, словахъ и предложеніяхъ. Имя и глаголъ (подлежащее и сказуемое). Частицы.

Намъ удалось на практикѣ записать весь ходъ упражненій по нашему способу съ баснею Крылова: Волкъ и Лисица. Мы постараемся доставить это въ редакцію журнала «Учитель.»

В. Книзе.

Возраженіе на предыдущую статью.

Съ тѣхъ поръ, какъ возникла у насъ педагогическая литература, неоднократно была высказана мысль, что преподаваніе должно имѣть *воспитательное* вліяніе. Мысль эта конечно не новая: ее можно найти уже у Локка и Руссо; но яснѣе всѣхъ высказалъ ее Песталоцци за слишкомъ 50 лѣтъ тому назадъ, и съ тѣхъ поръ она тысячу разъ повторялась въ иностранной педагогической литературѣ. Не смотря однако на все это, многіе изъ нашихъ педагоговъ, кажется, и не знаютъ о существованіи этой мысли, или если знаютъ, то не обращаютъ на нее вниманія, или же, что еще вѣроятнѣе, не понимаютъ ея. А между тѣмъ въ этой мысли заключается главное требованіе новѣйшей дидактики, такъ сказать, главный принципъ ея, безъ пониманія котораго нѣтъ никакой возможности судить о достоинствѣ способовъ и пріемовъ преподаванія. Поэтому, принимаясь возражать на статью г. Книзе, я считаю нужнымъ предварительно разъяснить этотъ принципъ.

Воспитаніе имѣетъ цѣлью развить тѣлесныя и духовныя силы ребенка до той степени, чтобы онъ, возросши, постоянно стремился къ самоусовершенствованію. Преподаваніе же есть часть или, вѣрнѣе сказать, особый видъ воспитанія; оно слѣдовательно должно имѣть туже самую цѣль. Но тогда какъ воспитаніе въ тѣсномъ смыслѣ дѣйствуетъ на ребенка болѣе или менѣе непосредственно, предохраняя его отъ всего вреднаго и руководя поступками его,— преподаваніе можетъ влiять на ребенка только посредствомъ положительнаго, научнаго матеріала. Поэтому-то изъ него и вытекаютъ двоякіе результаты: 1) обогащеніе ученика извѣстными познаніями и 2) умственное и нравственное его развитіе, или говоря иначе; преподаваніе приноситъ двоякую пользу: матеріальную и формальную. Послѣдняя, разумѣется, есть собственно достигаемая *цѣль* преподаванія, ибо она совпадаетъ съ цѣлью воспитанія вообще; матеріальная же польза есть только сопровождающій п о б о ч н ы й результатъ. Но такъ какъ оба результата нераздѣлены между собой (по крайней мѣрѣ формальная польза не достижима безъ матеріальной), да и практическая жизнь въ нѣкоторой степени обусловливаетъ выборъ преподавательнаго матеріала: то весьма естественно, что обогащеніе ученика познаніями въ

извѣстномъ отношеніи также можетъ быть разсматриваемо какъ цѣль преподаванія. На этомъ основаніи и говорятъ обыкновенно, что преподаваніе имѣетъ двоякую цѣль: *матеріальную* и *формальную*.

Знать существенную разницу этихъ двухъ цѣлей чрезвычайно важно для преподавателя; ибо знаніе это, вопервыхъ, предохраняетъ отъ множества недоразумѣній. Такъ напр. весьма нерѣдко у одного и того же педагогическаго писателя встрѣчается такого рода противорѣчіе: въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что «каждый учебный предметъ имѣетъ свою особую, отличную отъ всѣхъ другихъ предметовъ цѣль»; а въ другомъ мѣстѣ, что и «всѣ учебные предметы имѣютъ одну и ту же, общую цѣль». Ясно, что противорѣчіе это только кажущееся; ибо въ первомъ случаѣ авторъ говоритъ о матеріальной цѣли учебныхъ предметовъ, которая дѣйствительно бываетъ различная, потому что изъ каждаго предмета почерпаются другого рода свѣдѣнія; а во второмъ случаѣ онъ разумѣетъ формальную цѣль, которая безспорно одинакова для всѣхъ предметовъ, ибо всѣ должны, да и могутъ болѣе или менѣе развивать ученика умственно и нравственно, т. е. возбуждать вниманіе и усердіе къ ученію, упражнять мыслительную способность, внушать любовь ко всему доброму, истинному и прекрасному, и т. д.

Отдѣлить одну цѣль совершенно отъ другой и преслѣдовать каждую порознь, разумѣется, нельзя; но при всемъ томъ есть возможность домогаться одной изъ нихъ по преимуществу, а слѣдовательно и измѣнять существенно характеръ преподаванія. Такъ напр. всякій знаетъ, что можно обучать ребенка чтенію, заботясь, или не заботясь о томъ, чтобъ онъ понималъ читаемое. Въ обоихъ случаяхъ онъ выучится читать, т. е. будетъ имѣть отъ ученія матеріальную пользу; но очевидно формальную пользу онъ получитъ только въ первомъ случаѣ. Слѣдовательно ясное пониманіе и различіе обѣихъ цѣлей даетъ преподавателю возможность избѣгнуть *механической выучки* (дрессировки) и сознательно приняться за преподаваніе *истинное*, *развивающее*, *воспитательное*.

Этимъ наконецъ объясняется и выше упомянутая мысль о воспитательномъ вліяніи преподаванія: ею очевидно хотятъ сказать, что преподаваніе должно заботиться преимущественно о всестороннемъ развитіи дѣтей (формальной цѣли), а не о доставленіи имъ извѣстнаго количества научныхъ свѣдѣній (матеріальной цѣли).

Послѣднее конечно гораздо легче; стоитъ только сообщать ученику любой учебный предметъ, все равно, какимъ образомъ, лишь бы онъ усвоилъ его: матеріальная цѣль относительно этого предмета будетъ достигнута. Но дѣло другое, если требуется достиженіе и формальной цѣли; тутъ все зависитъ отъ того, *какъ* сообщается ученику предметъ, слѣдовательно отъ *способа* преподаванія, отъ методы. Вообще метода имѣетъ только значеніе въ отношеніи къ формальной цѣли преподаванія: упустите изъ виду эту цѣль, метода теряетъ всякій смыслъ; не обращайте вниманія на методу, формальная цѣль недостижима. Поэтому-то и можно постановить правиломъ, что формальная цѣль преподаванія достижима лишь настолько, насколько хороша метода его, и на оборотъ: метода преподаванія хороша лишь настолько, насколько способствуетъ къ достиженію формальной цѣли.

Обратимся теперь къ нашему предмету.

Разсуждая о первоначальномъ преподаваніи отечественнаго языка, я прежде всего старался въ точности опредѣлить матеріальную цѣль этого учебнаго предмета, дабы показать, что грамматика не можетъ служить средствомъ къ достиженію этой цѣли, что для этого нуженъ другой преподавательный матеріалъ, а именно живая связная рѣчь, которую ученикъ непосредственно долженъ изучать. Съ перемѣною учебнаго средства должны, разумѣется, измѣниться и самыя занятія въ классѣ, т. е. пріемы учителя и упражненія учениковъ; разборъ грамматическій и логическій, диктовка, ученіе отвлеченныхъ правилъ и т. д. должны замѣниться чтеніемъ, разсказомъ и другими практическими, устными и пись-

менными упражненіями. Но эти пріемы и упражненія, обусловливаемыя даннымъ матеріаломъ, сами по себѣ еще не составляютъ методическаго способа, и слѣдовательно не обезпечиваютъ достиженія формальной цѣли, безъ которой, какъ мы знаемъ, преподаваніе становится дрессировкой. Всякій способъ преподаванія конечно состоитъ изъ пріемовъ и упражненій; но чтобы съ полнымъ правомъ называться методическимъ способомъ, методою, пріемы его и упражненія должны составлять органическое цѣлое, т. е. должны, такъ сказать, идти рука объ руку, вытекать одинъ изъ другого, быть существенно необходимы, равномѣрно и всесторонне напрягать силы учениковъ, постепенно усложняясь и утрудняясь, словомъ, составлять стройную систему, отдѣльныя части которой взаимно обусловливаются, такъ чтобы нельзя было ничего прибавить къ нимъ, ни убавить отъ нихъ, не нарушая цѣлаго.

Въ такой именно органической связи я старался изложить всѣ упражненія и пріемы элементарнаго преподаванія отечественнаго языка; при этомъ я руководствовался не только собственнымъ моимъ опытомъ, но и чужимъ, т. е. всѣмъ, что по этой части выработано и обнародовано донынѣ опытными заграничными дидактами.

Насколько я успѣлъ удовлетворить требованію органической цѣлости въ предложенномъ мною способѣ, — это вопросъ, который можетъ рѣшиться только временемъ, когда не я одинъ, а десятки и сотни другихъ учителей испытаютъ способъ этотъ на дѣлѣ. Я, съ моей стороны, считаю его далеко не совершеннымъ, и высказалъ строгія требованія методики конечно не въ защиту его, а для того, чтобы показать, какими началами я руководствовался при составленіи этого способа и какими началами долженъ руководствоваться всякій, кто принимается за подобное дѣло.

Я впрочемъ вижу теперь, что далеко недостаточно объяснилъ необходимость каждаго отдѣльнаго упражненія и пріема; это произошло оттого, что я хотѣлъ написать по возможности практическую статью, и потому боялся вдаваться въ теорію. Чтобы нѣкоторымъ образомъ поправить этотъ недостатокъ, сообщаю теперь, какихъ результатовъ я требую по окончаніи перваго курса; по нимъ легко можно будетъ рѣшить, нужны ли, или не нужны *всѣ* предложенныя мною упражненія. Результаты эти слѣдующіе:

А. Въ матеріальномъ отношеніи.

Ученикъ долженъ: 1) вполнѣ владѣть механизмомъ чтенія, т. е. сразу читать бѣгло въ любой книгѣ; 2) всякую доступную ему статью, пробѣжавъ ее про себя, читать съ должною разстановкою и выраженіемъ; 3) пересказывать связно прочитанное; 4) переписывать любую статью книги чисто и безъ одной ошибки; 5) умѣть объяснить знакомыя ему слова и знать правописаніе ихъ; 6) читать бѣгло написанное любымъ изъ товарищей его.

Б. Въ формальномъ отношеніи.

Учен. долженъ пріобрѣсти: 1) любовь къ изучаемому предмету и желаніе совершенствоваться въ немъ; 2) достаточно силы вниманія, чтобы неупустительно слѣдить за преподаваніемъ; 3) умѣніе приниматься за данный урокъ; 4) тщательность въ исполненіи своихъ работъ; 5) достаточно терпѣнія, силы воли, чтобы хорошо исполнить и довольно трудную, продолжительную работу.

Я съ намѣреніемъ не упоминаю еще о многихъ другихъ нравственныхъ качествахъ, которыя ученики предполагаемой здѣсь степени могутъ и должны бы пріобрѣсть, обучаясь отечественному языку, дабы требованія отъ перваго курса не показались слишкомъ притязательными. Но достигаются ли всѣ упомянутые результаты предложеннымъ мною способомъ? Лучше и вѣрнѣе, чѣмъ какимъ-либо изъ другихъ употребляемыхъ у насъ способовъ; хотя, признаюсь, мнѣ до сихъ поръ не удавалось достигнуть ихъ вполнѣ, — лучшее доказательство, что способъ этотъ имѣетъ еще большіе недостатки. Но, скажутъ мнѣ, успѣхъ зависитъ не только отъ употребляемаго способа, но и отъ личности учителя. Такъ, но личность учителя не отдѣлима отъ способа его; на личности учителя зиждется все, и самый лучшій способъ въ рукахъ дурного учителя не прице-

сетъ никакой пользы. Слѣдовательно, говоря о хорошемъ способѣ и хорошихъ результатахъ его, мы должны предположить и соотвѣтствующаго этому способу учителя, и потому имѣемъ полное право сказать, что только по постояннымъ результатамъ можно вѣрно судить о томъ, насколько какой-либо способъ преподаванія удовлетворяетъ строгимъ требованіямъ дидактики.

Разсмотримъ теперь способъ г. Книзе, имѣющій большое сходство съ моимъ, съ тою только разницею, что онъ очевидно болѣе удобоисполнимъ и потому кажется предпочтительнымъ.

Въ краткомъ введеніи своемъ г. Книзе явно высказываетъ ту мысль, что составить способъ для преподаванія отечественнаго языка на твердыхъ теоретическихъ началахъ у насъ пока еще нельзя, по той причинѣ, что «дидактика этого предмета у насъ еще въ младенчествѣ» (?!). «Каждый преподаватель, говоритъ онъ, имѣетъ свой способъ преподаванія, оправдываетъ его возможнымъ количествомъ опытовъ и желаетъ видѣть въ немъ какъ можно болѣе достоинствъ.» Это дѣйствительно правда, и нельзя не сожалѣть о такомъ явленіи; но причину этого должно искать не въ младенчествѣ *нашей* дидактики, а въ совершенномъ отсутствіи всякаго дидактическаго знанія. Вѣдь большая часть нашихъ учителей не знаютъ вовсе, что такое дидактика, и составляютъ способы свои или на основаніи рутины, или по внушенію собственнаго генія. Это впрочемъ весьма понятно. Всякая теорія, а слѣдовательно и дидактика, вырабатывается не въ одинъ или два года, не одними или двумя лицами; для этого нужны по крайней мѣрѣ десятки лѣтъ и цѣлое поколѣніе людей, стремящихся къ одной и той же цѣли. Мы же по сіе время педагогикой спеціально не занимались, стало-быть у насъ не могла возникнуть и теорія преподаванія. Но если не мы занимались этимъ дѣломъ, то имъ занимались другіе народы, опередившіе насъ, какъ извѣстно, во многомъ; и съ нашей стороны было бы весьма неблагоразумно создать или развивать теперь свою собственную дидактику, когда мы имѣемъ полную возможность пользоваться дидактикой, болѣе или менѣе выработанной уже за границей. Или быть можетъ русская дидактика должна существенно различаться отъ дидактики другихъ народовъ? Не думаю.

Дидактика, какъ общая такъ и частная (методика), есть теорія; а теорія, если только она заслуживаетъ этого названія, имѣетъ строго-научный характеръ, слѣдовательно основана на общихъ законахъ мышленія, свойственныхъ всѣмъ націямъ безъ различія и могущихъ всюду найти практическое примѣненіе. Но примѣненіе это можетъ и должно быть различно и сообразно съ особеннымъ характеромъ и бытомъ каждаго народа. Этимъ и объясняется, почему многое хорошее, заимствованное нами отъ другихъ народовъ, принесло намъ относительно весьма небольшую пользу; видя какое-либо полезное учрежденіе за границей мы переносили его цѣликомъ къ себѣ, не спрашивая вовсе объ условіяхъ, обезпечивающихъ успѣхъ учрежденія, — не изучая вовсе началъ, положенныхъ ему въ основу. А съ этими-то началами, выработанными вѣковымъ тяжелымъ опытомъ, прежде всего и слѣдовало ознакомиться, ихъ-то и слѣдовало примѣнять своеобразно. Что мы этого не дѣлали, лучшимъ доказательствомъ служитъ наше общественное образованіе. Янковичъ-де-Миріево не ознакомилъ насъ съ теоріею воспитанія и обученія своего времени, а просто пересадилъ цѣликомъ въ нашу почву всю тогдашнюю германскую школьную систему, весь готовый механизмъ его; удивительно ли, что она и осталась механизмомъ и не дала живыхъ плодовъ? Пока за границей не вполнѣ выяснилось понятіе о народномъ образованіи, преподаваніе повсюду было отвлеченное; отечественный языкъ преподавался точно такъ, какъ иностранный, по грамматикѣ, и грамматика была составлена по образцу латинской. Все это имѣло тамъ свое законное основаніе, но, будучи перенесено къ намъ безъ измѣненія, потеряло всякій смыслъ. Странно ли, что въ школахъ у насъ, вмѣсто живого преподаванія, господствуетъ мертвая рутина? Конечно нѣтъ; но странно то, что мы до сихъ поръ не сознаемъ своей ошибки и изъ одной крайности хотимъ впасть въ другую: прежде подражали всему, чему не слѣдовало подражать, а те-

перь не хотимъ заимствовать и то, что дѣйствительно полезно и даже необходимо. Съ тѣхъ поръ какъ появился Песталоцци, общественное образованіе въ Германіи получило совершенно другой характеръ: педагогика сдѣлалась наукой, выработалась цѣлая теорія народнаго училищевѣдѣнія, образовалась новая дидактика элементарнаго обученія. Эту дидактику намъ слѣдуетъ изучать; изучивъ ее, мы можемъ надѣяться быстро подвинуть впередъ народное образованіе наше и найдемъ возможность рѣшить въ короткое время множество педагогическихъ вопросовъ, которые теперь еще кажутся неразрѣшимыми; такъ напр. мы тотчасъ же категорически рѣшимъ вопросъ: «какъ читать и что читать, — какъ писать и что писать» на урокѣ русскаго языка въ народномъ училищѣ, а не предоставимъ каждому преподавателю «отвѣчать на этотъ вопросъ по своему».

Изъ сказаннаго ясно, что я не могу согласиться съ г. Книзе относительно «младенчества нашей дидактики», не могу смотрѣть на способъ его какъ на матеріалъ для нашей будущей дидактики, хотя онъ этого, очевидно, и желаетъ. Разбирая способъ его и сравнивая его съ моимъ, я долженъ приложить къ нему масштабъ существующей уже дидактики.

Сравнивая способъ г-на Книзе съ моимъ, легко замѣтить, что мы болѣе всего несогласны относительно перваго упражненія, или вѣрнѣе сказать: относительно того, какъ производить въ классѣ чтеніе (которое у меня раздѣлено на два упражненія: 1-е и 4-е). Я требую, во-первыхъ, чтобы ученики нѣсколько приготовились, т. е. прочли статью сперва про себя; а во вторыхъ, чтобы преподаватель служилъ имъ образцомъ. Г. Книзе, напротивъ, заставляетъ каждую новую статью тотчасъ же читать, безъ всякаго съ своей стороны указанія. Мы слѣдовательно расходимся не въ однихъ внѣшнихъ пріемахъ только, а въ сущности упражненія, т. е. исходимъ отъ совершенно различной точки. Я избѣгаю всего, что можетъ повести учениковъ къ ошибкамъ; г. Книзе, напротивъ, съ намѣреніемъ вызываетъ «неправильное чтеніе», дабы имѣть случай исправлять его. Кто же изъ насъ правъ? Рѣшить это можно только, когда объяснится, на какихъ основаніяхъ каждый изъ насъ дѣйсвуетъ.

Въ общемъ выводѣ своемъ г. Книзе говоритъ между прочимъ, что при его способѣ «учитель является не образцомъ, которому ученики должны неукоснительно слѣдовать, а *руководителемъ, развивателемъ* и *совершенствователемъ ихъ собственной дѣятельности*». Насколько утвержденіе, выставленное мною курсивомъ, справедливо, мы увидимъ при дальнѣйшемъ разборѣ; теперь же остановимся немного на самомъ выводѣ. Изъ него прежде всего очевидно, что г. Книзе *не хочетъ*, чтобы учитель служилъ образцомъ для учениковъ. Полагаетъ ли онъ, что это вредитъ самостоятельному, своеобразному развитію дѣтей, что подражаніе образцу несовмѣстно вообще съ понятіями о руководствѣ, развитіи и совершенствѣ, или же просто боится, что не всякій учитель можетъ служить достойнымъ подражанія образцомъ, — этого г. Книзе не объяснилъ. А между-тѣмъ однимъ этимъ объясненіемъ онъ могъ бы доказать всю неосновательность моихъ пріемовъ при чтеніи. Во-вторыхъ, судя по этому выводу, необходимо сдѣлать о моемъ способѣ совершенно противоположное заключеніе, т. е. что у меня «учитель является не руководителемъ и т. д., а *образцомъ, которому ученики должны неукоснительно слѣдовать*». Но такъ какъ я ставлю учителя въ образецъ собственно только при упражненіи въ чтеніи, то ясно, что выводъ г. Книзе не совсѣмъ логиченъ. Ему слѣдовало бы сперва доказать, что при моемъ способѣ учитель дѣйствительно не руководитъ, не развиваетъ, не совершенствуетъ ученика, или же, если онъ этого не могъ, дать выводу своему по крайней мѣрѣ такую редакцію: «у меня учитель является руководителемъ и т. д. *во всѣхъ* упражненіяхъ, тогда какъ у г. Паульсона онъ при чтеніи является образцомъ, которому и т. д.» Но г. Книзе не сдѣлалъ бы и этого вывода, если бы разъяснилъ себѣ различные моменты преподаванія и хорошенько вникъ въ настоящее значеніе словъ *руководить, развивать, совершенствовать*; онъ тогда замѣтилъ бы, что посылки къ выводу его—

невѣрны. Постараюсь привести доказательства, насколько это вкратцѣ возможно.

Изъ помѣщенныхъ въ нашемъ журналѣ психологическихъ статей, читателямъ уже извѣстно, что всякое впечатлѣніе, производимое внѣшнимъ міромъ на человѣка, оставляетъ въ немъ *слѣдъ*. Очевидно, что на этомъ основывается возможность всей умственной и физической дѣятельности нашей. Чтобы быть въ состояніи совершать какую-либо незнакомую намъ еще дѣятельность, мы должны во 1) получить о ней ясное понятіе, т. е. узнать, въ чемъ состоитъ эта дѣятельность, а во 2) пріобрѣсти навыкъ къ ней, т. е. видя неоднократно, какъ эта дѣятельность совершается другими, повторять ее сами до тѣхъ поръ, пока не освоимся съ нею вполнѣ. Но извѣстно, что можно научиться совершать всякое дѣло хорошо или дурно, правильно или неправильно. Отчего же это зависитъ? Оттого, какимъ образомъ мы начнемъ и будемъ повторять это дѣло. Всякій человѣкъ, впервые принимающійся за непривычное ему дѣло и предоставленный самому себѣ, навѣрное будетъ совершать его дурно и неправильно въ началѣ (если только ему не поможетъ слѣпой случай) и, повторяя безпрестанно однѣ и тѣ же ошибки, легко можетъ привыкнуть къ нимъ, а вслѣдствіе этого или никогда не научится правильному совершенію дѣла, или же ему придется нѣсколько разъ переучиваться, т. е. отлагать усвоенныя привычки, что, какъ извѣстно, весьма трудно и требуетъ вообще много времени. Стало-быть, чтобы научиться дѣлу хорошо и правильно и не тратить на это лишняго времени, учащемуся необходимъ *учитель*, т. е. опытный и свѣдущій въ дѣлѣ человѣкъ, который бы *руководилъ* учащагося. Въ чемъ же можетъ состоять это руководство. Очевидно, не въ исправленіи только сдѣланныхъ уже ошибокъ, но преимущественно въ предупрежденіи ихъ. Задача учителя состоитъ не въ томъ, чтобы допускать ошибки и недостатки въ ученической дѣятельности и затѣмъ исправлять ихъ, а въ томъ, чтобы по возможности *предохранять* отъ нихъ. Вѣрность этого дидактическаго правила неопровержима. Предохранять же отъ ошибокъ учитель можетъ преимущественно только тѣмъ, что знакомитъ учащагося со всѣми отдѣльными пріемами изучаемаго дѣла и неоднократно показываетъ, какъ онъ самъ его совершаетъ; или другими словами: предупрежденіе ошибокъ возможно только въ томъ случаѣ, когда дѣятельность учителя будетъ служить *образцомъ* для дѣятельности ученика. Слѣдовательно — *руководство безъ образца не мыслимо*. Всякая искуственная дѣятельность человѣка основана преимущественно на подражаніи, а слѣдовательно и *чтеніе*. Нѣтъ чтеца, который, сознательно или безсознательно, не старался бы приблизиться къ слышаннымъ имъ образцамъ. Такъ и г. Книзе, въ теоріи отвергая образецъ, на практикѣ безсознательно признаетъ его; иначе какъ объяснить предлагаемый имъ, между прочимъ, вопросъ: «Нельзя ли прочитать лучше»? Вѣдь этотъ вопросъ не имѣетъ смысла, если не предположить, что ученикъ дѣйствительно слышалъ лучшее чтеніе. Отъ кого же онъ могъ услышать его, если не отъ учителя? Отъ отца, матери, родныхъ или вообще постороннихъ? Очень можетъ быть; но это случай, и на этомъ основаніи учитель еще не имѣетъ права предлагать ему упомянутый вопросъ. Отъ товарищей? Да; но неужели какой бы то ни было ученикъ можетъ быть лучшимъ образцомъ, нежели учитель? Всѣ знанія, всякое умѣнье ученики пріобрѣтаютъ отъ учителя, и учитель, волею или неволею, во всемъ этомъ служитъ имъ образцомъ. Хорошъ ли этотъ образецъ, или дуренъ, это другой вопросъ; но поэтому-то въ дидактикѣ и учреждено *правило*, требующее, чтобы учитель во всѣхъ отношеніяхъ старался быть образцомъ, *достойнымъ* подражанія учениковъ.

Изъ объясненнаго сами собой вытекаютъ всѣ пріемы, которые слѣдуетъ употреблять при обученіи чтенію. Дѣти уже знакомы съ буквами и главнѣйшими ихъ сочетаніями, но не имѣютъ еще навыка въ бѣгломъ, связномъ чтеніи; въ каждой новой статьѣ они встрѣчаютъ нѣсколько словъ, незнакомыхъ имъ и по значенію, и по составу. Такія слова они легко могутъ произнести ошибочно. Вотъ почему учитель, приступая къ чтенію но-

вой статьи, долженъ заставить учениковъ прочесть ее предварительно про себя, дабы они обратили вниманіе на все, что въ ней новаго и затруднительнаго для нихъ. Но пріемъ этотъ имѣетъ еще и другое, чисто формальное значеніе. До начала урока ученики обыкновенно бываютъ разсѣяны: одни болтали, другіе играли, третьи мечтали о прошедшихъ или предстоящихъ вскорѣ удовольствіяхъ и т. д. Требовать отъ нихъ, чтобы тотчасъ по входѣ учителя они сосредоточили свое вниманіе на урокѣ — нѣтъ никакой возможности; а между тѣмъ невниманіе значительно замедляетъ урокъ. Слѣдовательно пріемъ, заставляющій дѣтей опомниться и собраться съ духомъ, весьма важенъ не только для успѣха предстоящаго урока, но и вообще для успѣха всего ученія, ибо внушаетъ имъ мысль, что всему есть время: и игрѣ, и ученью, и что одно не должно мѣшать другому, — главное же, пріучаетъ ихъ смотрѣть на урокъ какъ на дѣло серіозное. У насъ конечно никто не думаетъ о томъ, что необходимо *пріучать* дѣтей къ внимательности: сами научатся; поэтому ученики наши съ такимъ же равнодушіемъ входятъ въ церковь и принимаются за ученіе, съ какимъ они садятся за обычный обѣдъ или ужинъ; поэтому у насъ во время урока необходимы и вспомогательныя, дисциплинарныя мѣры, обуздывающія шалуновъ и возбуждающія сонныхъ. Мнѣ неоднократно случалось слышать возгласы удивленія изъ устъ русскихъ педагоговъ, бывшихъ за границей и видѣвшихъ, какое сосредоточенное вниманіе вообще господствуетъ въ классахъ германскихъ училищъ; они не могли понять причины такого явленія: видно, заключали они, нѣмцамъ уже природою дана такая *усидчивость* и *сосредоточенность*, которыхъ ничѣмъ не привьешь къ русской размашистой натурѣ. Чего чего не приписываютъ этой размашистой натурѣ русскаго: и все хорошее, и все дурное сваливается на нее; а между тѣмъ дѣло очень просто. Въ Германіи дѣтей мало по малу *пріучаютъ* къ внимательности; училище представляется имъ какъ мѣсто священное, ученіе — какъ дѣло первой важности, какъ торжественный актъ, въ которомъ каждый моментъ имѣетъ свое значеніе. Мы же русскіе, учителя и ученики, идемъ въ классъ — какъ въ департаментъ, съ мыслію, какъ бы проваландать время и опять скорѣе удрать...

И такъ чтеніе учениковъ про себя имѣетъ цѣлью: 1) сосредоточить ихъ вниманіе и приготовить къ предстоящему занятію, и 2) ознакомить съ трудностями, которыя могутъ встрѣтиться при чтеніи [1]. Но этимъ пріемомъ еще не обезпечивается правильное чтеніе; всѣ трудно произносимыя слова, значеніе которыхъ не совсѣмъ еще знакомо ученикамъ, какъ напр. *умерщвлять*, *предупреждать* и т. п., могутъ затруднить плавное громкое чтеніе. Поэтому чтеніе долженъ начать лучшій въ классѣ чтецъ, т. е. учитель, за нимъ читаютъ лучшіе ученики, и наконецъ очередь доходитъ и до слабыхъ. Такимъ образомъ съ перваго же раза достигается правильное чтеніе и сберегается много времени. Въ какія-нибудь 20 минутъ ученики совершенно овладѣютъ статьей и будутъ читать ее бѣгло и отчотливо, хотя бы они вообще еще весьма плохо читали [2].

Но гдѣ же учитель въ этомъ упражненіи является развивателемъ? спроситъ быть-можетъ г. Книзе. Признаюсь, развивателемъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, учитель тутъ не является; но не

---

[1]) Мнѣ могутъ возразить, что дѣти, вмѣсто того, чтобы читать про себя, легко могутъ ничего не дѣлать и мечтать о чемъ угодно, глядя машинально въ книгу. Это дѣйствительно можетъ случиться, но только въ такомъ случаѣ, когда учитель, вмѣсто того, чтобы неупустительно наблюдать за учениками, скроется за каѳедрой и тамъ начнетъ чистить ногти.

[2]) Что такимъ образомъ всего скорѣе достигается правильное, бѣглое чтеніе, доказываетъ такъ-наз. Робертсонова метода, по которой у насъ теперь почти всюду учатся иностраннымъ языкамъ. Учитель начинаетъ съ того, что читаетъ громко и явственно совершенно незнакомый ученикамъ текстъ, и ученики по очереди повторяютъ чтеніе; послѣ пятаго, шестого раза оно совершается уже такъ бѣгло и правильно, что учитель можетъ немедленно приступить къ переводу и упражненіямъ въ разговорѣ, по окончаніи которыхъ онъ, возвращаясь къ чтенію, объясняетъ и произношеніе. Попробуйте-ка приняться за это дѣло на оборотъ, т. е. начать съ объясненія правилъ произношенія (напр. англ. или франц. яз.), и вы убѣдитесь, что ученики ваши и на десятомъ урокѣ еще не будутъ въ состояніи прочесть связно и одной строки. Метода Жакото, которая, какъ извѣстно, начинаетъ обученіе чтенію на родномъ языкѣ съ цѣлыхъ словъ, также основана исключительно на примѣрномъ чтеніи учителя.

является потому, что тутъ нечего развивать. Развивать можно только то, что въ ученикѣ есть отъ природы: его мышечныя силы, его умственныя способности; искуство же чтенія не прирождено человѣку, и потому развиваемо быть не можетъ; его можно только извнѣ усвоить. Правда, при чтеніи развиваются органы рѣчи, но это не главная цѣль упражненія и достигается само собой; къ тому же органы рѣчи при правильномъ чтеніи развиваются гораздо лучше, нежели при дурномъ и ошибочномъ.

Когда при обученіи языку говорится о развитіи учениковъ, то разумѣется развитіе собственно мыслительной способности ихъ, и для этого у меня назначено преимущественно второе упражненіе, т. е. *катихизація о читанномъ*, которой очевидно должно предшествовать самое чтеніе. Конечно, оба упражненія могутъ быть соединены въ одно, какъ могутъ быть соединены и перемѣшаны между собою всѣ упражненія; но въ такомъ случаѣ это будетъ уже не преподаваніе, о которомъ учитель отдаетъ себѣ отчотъ, а винегретъ, отъ котораго ребенку можетъ и не поздоровиться. Вѣдь способы преподаванія почему-нибудь да раздѣляются на отдѣльные пріемы и упражненія!... Каждое преподаваніе, во-первыхъ, заключаетъ въ себѣ различные моменты. Чему бы учитель ни училъ, всегда приходится ему *сообщать* ученикамъ *извѣстный матерьялъ*; этотъ матерьялъ долженъ быть *усвоенъ* учениками и, при помощи учителя, *разработанъ* ими; наконецъ усвоенный и разработанный матерьялъ долженъ быть употребленъ ими въ дѣло, т. е. *примѣненъ* болѣе или менѣе самостоятельно. Во-вторыхъ каждый учебный предметъ можетъ и долженъ быть изучаемъ съ различныхъ сторонъ; но обращать слабое вниманіе дѣтей на всѣ или многія стороны предмета разомъ — *нельзя*. Нельзя также съ одной точки зрѣнія перебѣгать къ другой безъ разбора, а необходимо соблюдать по возможности постепенность отъ легчайшаго къ болѣе трудному и сложному: это также неопровержимое дидактическое правило. Слѣдовательно какъ различные моменты преподаванія, такъ и различныя стороны изучаемаго предмета требуютъ раздѣленія на отдѣльные пріемы и упражненія, соотвѣтствующія этимъ моментамъ и сторонамъ [1]).

Послѣ этого, кажется ясно, что *руководство* и *развитіе* не всегда совпадаютъ; напротивъ, въ различные моменты учитель является по преимуществу то *руководителемъ*, то *развивателемъ*, то просто *возбудителемъ* самостоятельной дѣятельности учениковъ. Понятно также, что *совершенствователемъ*, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, онъ можетъ назваться только въ такомъ случаѣ, когда не упускаетъ изъ виду ни одного изъ упомянутыхъ моментовъ преподаванія и умѣетъ пользоваться ими всегда *кстати*, т. е. каждымъ на своемъ мѣстѣ.

Такъ ли понимаетъ и г. Книзе преподавательную дѣятельность учителя? и соотвѣтствуютъ ли пріемы и упражненія его способа хоть сколько-нибудь приведеннымъ мною дидактическимъ требованіямъ? Посмотримъ.

Первое упражненіе назначено у него, какъ и у меня, собственно для *механическаго чтенія*, но на самомъ дѣлѣ *чтеніе* является тутъ на послѣднемъ планѣ, ибо статья, въ первой, главной части упражненія, читается одинъ только разъ, однимъ только ученикомъ и для того только, чтобы учитель имѣлъ случай завести бесѣду съ учениками о томъ, *какъ слѣдуетъ читать*. И лишь послѣ этой бесѣды, въ которую впрочемъ входитъ и катихизація о содержаніи, и объясне-

---

[1]) Такое разграниченіе упражненій нисколько не мѣшаетъ взаимной связи ихъ; ибо связь эта заключается не въ произвольномъ смѣшеніи, а въ естественной послѣдовательности упражненій, т. е. въ томъ, что каждое предыдущее упражненіе подготовляетъ къ слѣдующему. Если какое-либо упражненіе не требуется слѣдующимъ за нимъ, или не вытекаетъ изъ предыдущаго, то оно не у мѣста, хотя бы само по себѣ и было весьма полезно. Такъ напр. если матерьялъ для упражненія въ разговорѣ и мышленіи (катихизація) берется не изъ читанной статьи, а изъ устнаго разсказа учителя, то не къ чему катихизаціи предпосылать чтеніе; такъ и на оборотъ: если евфоническое чтеніе считается почему-либо не нужнымъ или преждевременнымъ, то и объясненіе паузъ, повышенія и пониженія голоса становится лишнимъ. Изъ этихъ примѣровъ видно, что чѣмъ явственнѣе разграничены упражненія, тѣмъ легче опредѣлить и возстановить между ними тѣсную, органическую связь.

ніе ударенія и паузъ, и многое другое, ученики действительно принимаются за чтеніе.

Видимое разнообразіе и живость этого упражненія, на первый взглядъ, говорятъ въ пользу его; но если разсмотрѣть его внимательнѣе, то легко убѣдиться, что это-то разнообразіе и вредитъ упражненію и мѣшаетъ достиженію какъ матеріальной, такъ формальной цѣли его. Во-первыхъ можно положительно утверждать, что бѣгло читать статью дѣти не научатся, потому что большая часть урочнаго времени употребляется на бесѣду, такъ что ученикамъ едва ли удастся достаточно поупражняться въ чтеніи, т. е. прочитать статью столько разъ, чтобы совершенно овладѣть механизмомъ. Слѣдовательно, если каждая новая статья будетъ читаться такимъ же образомъ, то дѣти вовсе не научатся безошибочному бѣглому чтенію. Во-вторыхъ, успѣха отъ катихизаціи о содержаніи статьи также нельзя ожидать, потому что катихизація эта производится раньше, чѣмъ ученики успѣли хорошенько прочесть статью и понять ее хоть въ общихъ чертахъ. Далѣе, переходя отъ однократнаго ошибочнаго чтенія къ бесѣдѣ о содержаніи, правильномъ и неправильномъ чтеніи, значеніи словъ, слогоудареніи, паузахъ и т. д., ученики не имѣютъ никакой возможности остановить, сосредоточить свое вниманіе на одной какой-нибудь сторонѣ предмета, и слѣдовательно такимъ образомъ никогда не пріучатся къ внимательности. Наконецъ, слыша большею частью вопросы праздные, не вызывающіе вовсе на размышленіе (а къ такимъ именно вопросамъ принадлежатъ почти всѣ выставленные въ упражненіи), ученики невольно должны придти къ тому убѣжденію, что учитель переливаетъ только изъ пустого въ порожнее [1]). Стало-быть польза отъ этого упражненія какъ въ матеріальномъ, такъ и въ формальномъ отношеніи оказывается весьма сомнительною.

Но вѣдь г. Книзе не безъ основаній же утверждаетъ, что учитель у него является и руководителемъ, и развивателемъ, и совершенствователемъ! Конечно, нѣтъ; но трудно сказать что либо положительное объ этихъ основаніяхъ, о которыхъ въ статьѣ г-на Книзе ни однимъ словомъ не упоминается. О нихъ можно только догадываться; и вотъ на этотъ счотъ мое предположеніе, которое я, какъ читатели увидятъ, вывожу изъ предыдущихъ объясненій.

Во-первыхъ, вмѣнивъ учителю въ обязанность трояко различную дѣятельность, г. Книзе не далъ себѣ яснаго отчота объ отдѣльныхъ моментахъ преподаванія, а вслѣдствіе того вообразилъ себѣ, что эта троякая дѣятельность *нераздѣльна*, т. е. совершается вездѣ и всегда одновременно. Во-вторыхъ, назвавъ троякую дѣятельность «руководствомъ, развитіемъ и совершенствованіемъ», онъ не вникъ въ настоящій смыслъ этихъ выраженій, и потому перепуталъ ихъ и истолковалъ по своему. Только такимъ предположеніемъ и можно объяснить себѣ пріемы и упражненія г-на Книзе. Учитель долженъ *совершенствовать дѣятельность учениковъ*; совершенствовать же можно только *несовершенное*; а несовершенное, по понятіямъ г-на Книзе, то же, что *неправильное*, *ошибочное*; ergo *совершенствовать* значитъ *исправлять*. И вотъ онъ съ намѣреніемъ вызываетъ ошибочное, неправильное чтеніе. Но учитель въ то же время долженъ быть *руководителемъ* и *развивателемъ*; и вотъ къ ошибочному чтенію присовокупляется катихизація, имѣющая цѣлью исчерпать предметъ со всѣхъ сторонъ. На такомъ же основаніи построены и всѣ прочія упражненія, т. е. въ нихъ господствуетъ та же произвольная смѣсь разнородныхъ элементовъ, не имѣющихъ

---

[1]) Чтобы г. Книзе не сказалъ, что я обвиняю его голословно, назову тѣ изъ его вопросовъ, которые, по моему мнѣнію, совершенно безполезны и неумѣстны. «Въ чемъ заключается содержаніе разсказа?» На этотъ вопросъ ни одинъ ученикъ не отвѣтитъ, потому что не умѣетъ резюмировать читанное. «Хорошо ли прочитанъ разсказъ?» «Нельзя ли прочитать лучше?» Можно ли эти вопросы предложить ученикамъ болѣе одного раза? «Хорошо ли прочитана такая-то мысль?» Сознательный отвѣтъ невозможенъ. «Все ли равно сказать: кáртина или картúна?» Скажетъ ли русскій мальчикъ когда-нибудь *кáртина*! Нѣтъ; такъ къ чему же вопросъ? Вѣдь послѣ этого позволительно спросить: все ли равно: строить домъ крышей вверхъ или крышей внизъ? Какую пользу ученики вынесутъ изъ подобныхъ вопросовъ, и какія заключенія объ умственномъ развитіи можетъ сдѣлать учитель по отвѣтамъ на такіе вопросы?

между собой никакой внутренней, необходимой связи. Такъ второе упражненіе есть отчасти повтореніе перваго, но къ нему присоединяется еще бесѣда о томъ, что такое *мысль* и какія бываютъ мысли, къ чему служитъ точка и когда употребляется прописная буква. Объясненіе это, очевидно, необходимо частію для евфоническаго чтенія, частію же для правописанія, но къ катихетической бесѣдѣ о содержаніи читаннаго вовсе не относится. Въ 3-е упражненіе, сверхъ устнаго разсказа, входитъ бесѣда о «возможности передавать слова и мысли письменными знаками (къ чему это вообще?) и записываніе на доскѣ мыслей, находящихся въ разсказѣ». Словомъ, г. Книзе составилъ способъ свой весьма оригинально, т. е. точно такъ, какъ составляются *образцовые полки*.

Впрочемъ третьимъ упражненіемъ весь этотъ оригинальный способъ и оканчивается, потому что остальныя три упражненія представляютъ самыя обыкновенные пріемы, употребляемые вездѣ и всегда всѣми учителями, по какому бы способу они ни преподавали. Во всѣхъ школахъ у насъ грамотнымъ ученикамъ перваго класса задается на домъ *переписка* читаннаго, но конечно не «какъ кто понялъ», а какъ напечатано въ книгѣ (иначе переписывать и нельзя; тутъ г. Книзе, должно быть, обмолвился); точно такъ же вездѣ, гдѣ преподаваніе совершается еще по старой рутинѣ, учитель исправляетъ въ классѣ тетради и вызываетъ учениковъ по очереди къ кафедрѣ, чтобы они полюбовались чирканьемъ и красными чернилами своего наставника, — остальные же ученики во все это время бьютъ баклуши. Наконецъ и переписка исправленнаго набѣло есть школьный обычай, съ поконъ вѣка существующій. Признать эти пріемы раціональными, методическими при первоначальномъ обученіи, значитъ признать всѣхъ учителей-рутинеровъ, — руководителями, развивателями и совершенствователями, что г. Книзе отчасти и сдѣлалъ, и за что конечно очень многіе будутъ ему душевно благодарны.

Все, что г. Книзе не могъ вплести въ главныя свои упражненія, или превратить въ домашнее занятіе, — онъ исключилъ, какъ не идущее къ дѣлу. Для евфоническаго чтенія, по его мнѣнію, не нужно особаго упражненія: оно «достигается само собою, *если учитель обладаетъ въ этомъ отношеніи достаточными способностями*». Эти послѣднія слова, сколько я понимаю, означаютъ: *если учитель самъ хорошо читаетъ*. Но вѣдь г. Книзе отвергаетъ образецъ учителя, — такъ къ чему же послужатъ ему его чтецкія способности? Упражненія въ правописаніи онъ, очевидно, также считаетъ безполезными, потому что оставилъ безъ вниманія всѣ упражненія, назначенныя у меня для этой цѣли.

Объ этихъ-то упражненіяхъ, которыя въ моемъ способѣ занимаютъ довольно значительное мѣсто, я не лишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ.

Всѣмъ извѣстно, что правописаніе составляетъ одинъ изъ величайшихъ камней преткновенія въ преподаваніи языка; въ рѣдкомъ училищѣ встрѣтите вы ученика, который послѣ 3—4 лѣтъ ученія умѣлъ бы правильно писать. Отчего это? По моему мнѣнію, оттого, что большая часть учителей, относительно орѳографіи, придерживаются именно принципа г-на Книзе, т. е. не думая вовсе о *предупрежденіи* ошибокъ, основываютъ весь успѣхъ ученія, на *исправленіи* ихъ. А такъ какъ нѣтъ предмета, который бы представлялъ столько случаевъ ошибаться, какъ именно письмо, то и неудивительно, что ученики, не будучи руководимы учителемъ, постоянно снова ошибаются и наконецъ совершенно привыкаютъ къ ошибочному писанію.

Всякій, кто въ этомъ дѣлѣ пріобрѣлъ хоть малѣйшую опытность, согласится, что въ правописаніи, болѣе чѣмъ въ какомъ-либо другомъ предметѣ, необходимо тщательное руководство со стороны учителя; во-первыхъ, онъ долженъ заботиться о томъ, чтобы ученики пріобрѣли всѣ качества, нужныя для соблюденія условій правильнаго письма, а во-вторыхъ долженъ принимать всѣ мѣры, чтобы и въ самыя первыя письменныя работы учениковъ вкрадывалось какъ можно менѣе ошибокъ. Первое требованіе удовлетворяется упражненіемъ извѣстныхъ способностей учениковъ; послѣднее — принаровленіемъ упражненій къ имѣющимся въ ученикахъ исполнительнымъ силамъ.

Качества же, необходимыя ученикамъ для правильнаго письма, суть слѣдующія: 1) *вѣрная наглядка*, т. е. способность во всякое время воспроизводить въ воображеніи видѣнное въ печати слово. Способность эта, въ матеріальномъ отношеніи, самая важная, потому что помощію нея одной можно уже научиться правильно писать; къ тому же она даетъ значеніе и самымъ правиламъ правописанія, которыя безъ наглядки, большею частію, не примѣнимы. Такъ напр. никакое правило не опредѣляетъ точно, въ какихъ словахъ должно употреблять букву *ѣ*; но коль скоро ученикъ наглядно научился писать всѣ первообразныя слова съ этою буквою, то правило избавляетъ его отъ дальнѣйшаго труда, сообщая ему, что *ѣ* первообразнаго слова сохраняется и во всѣхъ произведенныхъ отъ него словахъ. 2) *Правильное произношеніе*. Это свойство также весьма важно для ороографіи: ученикъ, который вмѣсто «срамъ, болитъ, колбаса» произноситъ «страмъ, болитъ, ковбаса», конечно не можетъ правильно написать эти слова. 3) *Хорошій слухъ*, способствующій правильному писанію всѣхъ тѣхъ словъ, звуки которыхъ вполнѣ соотвѣтствуютъ изображающимъ ихъ буквамъ, такъ и въ особенности подобозвучныхъ словъ, какихъ встрѣчается немало; напримѣръ братъ и брать, мучить, мычитъ, мычать; полба, пальба, пяльцы, пальцы и т. д. 4) *Внимательность* — качество самое важное въ формальномъ отношеніи; безъ вниманія невозможна никакая правильная дѣятельность: оно первое условіе всякаго успѣха.

Для постепеннаго развитія всѣхъ этихъ способностей назначены у меня въ первомъ курсѣ три упражненія (5-ое 6-ое и 7-ое), въ необходимости и практичности которыхъ не трудно убѣдиться.

Первое изъ нихъ — *складываніе и писаніе трудныхъ по ороографіи словъ*. Такъ какъ въ каждой читаемой статьѣ, между нѣсколькими трудными по ороографіи словами, всегда встрѣчается и много такихъ, въ правописаніи которыхъ ученики, при малѣйшемъ только вниманіи, навѣрно не ошибутся, то было бы весьма непрактично начинать съ переписки всей статьи; здравый смыслъ уже говоритъ, что прежде всего необходимо обратить вниманіе учениковъ на слова трудныя и запечатлѣть въ ихъ памяти правописаніе этихъ словъ Для этого необходимо возбудить всѣ факторы впечатлительности, и упомянутое упражненіе какъ нельзя лучше удовлетворяетъ этому требованію. Учитель, называя громко какое-нибудь слово, спрашиваетъ, какъ оно пишется. Всѣ ученики внимательно слушаютъ, потому что не знаютъ еще, кому придется отвѣчать; затѣмъ ученикъ, на котораго укажетъ учитель, складываетъ это слово и наконецъ записываетъ его. Тутъ слѣдовательно приводятся въ дѣятельность какъ слухъ и органы рѣчи, такъ и глазъ, т. е. въ душѣ ученика образуется тройкій слѣдъ одного и того же слова: онъ слышитъ его, произноситъ и пишетъ. Кромѣ того этотъ пріемъ значительно оживляетъ преподаваніе, и имъ выигрывается много времени: всѣ ученики находится въ дѣятельности, и складываніе и записываніе отдѣльныхъ словъ идетъ весьма быстро.

Слѣдующее за тѣмъ упражненіе: переписка *всей статьи* имѣетъ преимущественно формальную цѣль — возбуждать посильное вниманіе и пріучать къ тщательной и вмѣстѣ съ тѣмъ къ возможно скорой работѣ. Главная задача тутъ состоитъ въ томъ, чтобы статья была переписана *чисто, красиво, безошибочно* и по возможности *скоро*. Всякій пойметъ, что удовлетворительнаго исполненія всѣхъ этихъ условій можно достигнуть только постояннымъ упражненіемъ при тщательномъ надзорѣ учителя; слѣдовательно переписка статьи не можетъ быть задаваема на домъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ преподаванія. — Смотря по тому, насколько ученики, до этого упражненія, уже обладаютъ тѣми качествами, которыя необходимы для исполненія упомянутыхъ условій, статья будетъ переписана болѣе или менѣе удовлетворительно. Ошибокъ, хотя и не много, въ началѣ непремѣнно будетъ, потому что, какъ я уже сказалъ, внимательность дѣтей, не пріученныхъ къ вниманію, весьма слаба. Поэтому переписанная статья должна быть исправляема, но не учителемъ, а самими учениками. Легко понять почему: во-первыхъ, при исправленіи статьи учителемъ, дѣти находятся болѣе или менѣе въ бездѣйствіи и разсѣеваются; а во-вторыхъ,

выслушивая почти все одни и тѣ же замѣчанія учителя, они мало по малу дѣлаются совершенно равнодушными къ этимъ замѣчаніямъ, такъ что учитель, чтобы подѣйствовать на нихъ, наконецъ долженъ прибѣгать къ различнымъ наказаніямъ — средству, весьма нераціональному для внушенія любви къ ученію. Когда же писанное исправляется взаимно самими учениками, то дѣло принимаетъ совсѣмъ другой оборотъ. Съ одной стороны никакому ученику не хочется показать товарищу слабыя стороны свои, а еще менѣе осрамиться передъ нимъ; поэтому каждый прилагаетъ все стараніе, чтобы написать хорошо и вѣрно, — написанное прочитываетъ не одинъ, а нѣсколько разъ, и радуется внутренно при мысли, что товарищу не удастся поймать его на ошибкѣ. Со другой стороны ученики, какъ извѣстно, гораздо строже учителя относительно другъ друга. Зная, что пропускъ запятой, кратки, или кавычки почитается уже ошибкой, ученикъ, исправляющій письмо товарища, придирается къ каждой неясно написанной буквѣ, къ каждой лишней черточкѣ. Между учениками возникаетъ борьба, при которой внимательность и соревнованіе возбуждаются въ высшей степени и результатъ которой — усовершенствованіе въ письмѣ во всѣхъ отношеніяхъ. По истеченіи двухъ, трехъ мѣсяцевъ въ классѣ не найдется ни одного ученика, который бы не могъ чисто, скоро и безошибочно переписать хоть двѣ печатныя страницы. А это уже значительный результатъ и въ формальномъ, и въ матеріальномъ отношеніи, особенно когда знаешь, что иной гимназистъ втораго класса не въ состояніи переписать порядочно и десяти строкъ. Мнѣ могутъ возразить, что этотъ пріемъ, весьма хорошій относительно успѣшнаго ученія, опасенъ въ нравственномъ отношеніи; ибо можетъ пробудить въ ученикахъ честолюбіе, вселить между ними вражду, дать поводъ къ злоупотребленіямъ, недобросовѣстности и проч. и проч. Очень можетъ быть, но за то вѣдь учитель въ классѣ, чтобы тщательно слѣдить за дѣятельностью учениковъ и давать ей надлежащее направленіе. Я употребляю этотъ пріемъ уже много лѣтъ, и никогда не замѣчалъ вредного отъ него вліянія; я замѣтилъ только, что во время этого упражненія и самыя флегматическія и сонныя натуры становятся бодрѣе, всѣ до одного оживляются, какъ бы готовясь бѣжать на перегонку. И дѣйствительно, это тотъ же бѣгъ взапуски, который, какъ извѣстно, даетъ поводъ не къ ссорамъ, а къ разсужденію о томъ, кому удалось отличиться и почему именно удалось. Слѣдовательно при нѣкоторомъ умѣніи вести дѣло и знаніи дѣтской натуры, тутъ можно возбудить полный интересъ къ самому занятію, и тѣмъ подавить всѣ маленькія нечистыя страстишки, которыя бы при случаѣ могли пробудиться въ дѣтяхъ, нѣсколько испорченныхъ.

Какъ только переписка не представляетъ болѣе никакихъ затрудненій, я превращаю ее въ домашнее занятіе и замѣняю ее въ классѣ *диктовкой заученныхъ наизусть статей*. А почему именно заученныхъ статей, я объяснилъ въ статьѣ моей.

Конечно, не смотря на постоянныя, одинаковыя упражненія, не всѣ ученики одинаково успѣваютъ: причиною этому различныя природныя способности. У одного способность вниманія медленнѣе развивается, у другого наглядка, и т. д. Поэтому учитель хорошо сдѣлаетъ, если по временамъ будетъ испытывать учениковъ своихъ, чтобы узнать, кто въ какомъ отношеніи слабъ, и затѣмъ при упражненіяхъ, по возможности, наляжетъ на слабую сторону каждаго ученика. Я для этой цѣли употребляю слѣдующій пріемъ: пишу на большой доскѣ статью строкъ въ десять и приказываю ученикамъ переписать ее въ опредѣленное число минутъ (разумѣется, такое, въ которое большинство можетъ успѣть). По истеченіи означеннаго срока собираю доски и просматриваю ихъ: кто написалъ ошибочно, или не кончилъ, тотъ увольняется отъ дальнѣйшаго испытанія, ибо явно показалъ, что не имѣетъ еще достаточной силы вниманія, или не пріобрѣлъ надлежащаго навыка въ скоромъ письмѣ, или не умѣетъ еще, какъ слѣдуетъ, пользоваться временемъ. Остальнымъ, переписавшимъ статью вѣрно, дѣлается новое испытаніе. Въ написанной мною статьѣ я стираю всѣ гласныя (находящіяся въ срединѣ словъ) и полугласныя буквы, а равно и всѣ знаки

препинанія, и заставляю снова переписать ее, убѣдившись напередъ, что со всѣхъ досокъ стерто написанное въ первый разъ. Въ опредѣленное время опять собираю доски и отмѣчаю ошибки по слѣдующимъ категоріямъ: 1) ошибки, происшедшія отъ недостатка вниманія (напр. пропускъ точекъ, вопросительнаго знака, или запятыхъ передъ словами *который*, *что* и т. д.); 2) происшедшія отъ недостатка вѣрнаго произношенія и слуха; 3) происшедшія отъ недостаточной наглядки (наприм. умѣрѣть, харашо); 4) происшедшія отъ двухъ или всѣхъ трехъ упомянутыхъ причинъ. Сообразно съ этими категоріями оцѣниваются и успѣхи учениковъ, которымъ принадлежатъ доски. Написавшимъ же статью вѣрно предстоитъ еще одно испытаніе: возстановить статью по начальной буквѣ каждаго слова. Если имъ и это удастся, то они вполнѣ достигли той степени развитія, которая относительно письма требуется отъ перваго курса.

Предлагаю г-ну Книзе произвести въ концѣ года надъ своими учениками такого рода экзаменъ, и онъ убѣдится въ необходимости строго-послѣдовательныхъ письменныхъ упражненій въ классѣ: послѣ третьяго испытанія у него изъ 30 учениковъ не удѣлеютъ и 5.

Впрочемъ, г. Книзе не отрицаетъ полезности предложенныхъ у меня упражненій; онъ находитъ только, что ихъ *слишкомъ много*. «Если на каждое упражненіе», говоритъ онъ, «употребить по классу, то на каждую статью придется издержать 10 классовъ; а между тѣмъ *опытъ показываетъ намъ*, что въ то время, когда дитя начинаетъ учиться языку, необходимо разнообразить представленія въ его умѣ, а не водить понятія его около одной точки. Намъ случалось подслушивать не разъ фразу: что это мы сидимъ все надъ однимъ, да надъ однимъ, — хоть бы что-нибудь новенькое!»

Не стану допытываться, какимъ путемъ г. Книзе дошелъ до этой опытной истины и при какихъ случаяхъ ему доводилось подслушать столь нелестный для преподавателя отзывъ учениковъ; замѣчу только, что дѣти скучаютъ въ классѣ не оттого, что учитель занимаетъ ихъ слишкомъ долго однимъ и тѣмъ же предметомъ, а оттого, что онъ ихъ вовсе не занимаетъ, т. е. не возбуждаетъ ихъ дѣятельности; преподаваніе вообще вяло, мертво; ученики въ строгомъ смыслѣ *сидятъ* надъ преподаваемымъ предметомъ, а *не работаютъ*. По неволѣ будетъ скучно! Частая перемѣна учебнаго матеріала, дѣйствуя преимущественно на воображеніе, безъ сомнѣнія, можетъ значительно расшевелить и оживить скучающихъ дѣтей; но неужели г. Книзе думаетъ, что этимъ можно возбудить любовь и усердіе къ ученію? Ученіе есть серіозный трудъ (и для начинающихъ учиться), а не забава; въ немъ должны принимать участіе не только воображеніе, но рѣшительно всѣ духовныя силы ученика. Интересъ къ ученію есть не праздное любопытство или страсть къ новизнѣ, а чувство удовольствія, проистекающее изъ сознанія своихъ силъ при испытаніи ихъ; интересъ этотъ проявляется главнымъ образомъ въ желаніи и рѣшимости превозмочь всѣ затрудненія, для того чтобы пріобрѣсти совершенство въ какомъ либо знаніи или умѣніи; онъ возбуждается, развивается и укрѣпляется преимущественно не разнообразіемъ учебнаго матеріала, а разнообразіемъ дѣятельности при ученіи и постоянно увеличивающимся напряженіемъ духовныхъ силъ ученика, словомъ: всестороннимъ и строго послѣдовательнымъ изученіемъ предмета. Итакъ если вы хотите, чтобы ученики ваши сдѣлались людьми трудолюбивыми, находящими величайшее удовольствіе въ полезной дѣятельности, а не въ забавахъ, настойчиво и неутомимо стремящимися къ опредѣленной цѣли: то пріучайте ихъ къ постоянству, къ выдержкѣ въ занятіяхъ; покажите имъ, что не то важно, что и сколько дѣлается, а то, *какъ* что дѣлается; пусть они передѣлываютъ одну и ту же работу нѣсколько разъ сряду и убѣдятся, что каждая вновь сдѣланная работа *различается* отъ предыдущей большимъ совершенствомъ, и что въ постоянномъ совершенствованіи надъ какою бы то ни было, хотя бы самою ничтожною дѣятельностію заключается вся задача разумно-человѣческой жизни.

Рѣчь моя клонится конечно не къ тому, чтобы оправдать многочисленность предложенныхъ мною упражненій; я хотѣлъ только показать, что тѣ учителя, кото-

рые ищутъ главнаго возбудителя интереса къ ученію въ частой перемѣнѣ декорацій; — жестоко ошибаются. Что же касается до упражненій, производимыхъ мною надъ каждою статьей, то они требуютъ далеко не столько времени, какъ полагаетъ г. Книзе.

У него 6 упражненій, изъ которыхъ, по его собственнымъ словамъ, каждое требуетъ больше часа времени, значитъ всего 6 полныхъ уроковъ или классовъ (какъ выражается г. Книзе). У меня 10 упражненій, и я употребляю на нихъ въ самомъ началѣ 4, потомъ 3, а со второй половины года всего только 2 часа или урока. Вотъ распредѣленіе этихъ уроковъ.

ПЕРВЫЕ ДВА МѢСЯЦА.

1-й урокъ: а) механическое чтеніе (1-е упражн.); б) катихетическая бесѣда (2-е упражн.).

2-й урокъ: а) чтеніе (нѣкоторыми только учениками) и пересказъ (3-е упр.); б) складываніе и писаніе трудныхъ по орѳографіи словъ (5-е упр.). Въ началѣ я позволяю себѣ эту перестановку, чтобы имѣть возможность начать слѣдующій урокъ съ чтенія.

3-й урокъ: а) евфон. чтеніе (4-е упр.), б) переписка (6-е упр.) и в) исправленіе ошибокъ самими учениками.

4-й урокъ: Заучиваніе и передача статьи наизусть (9-е упражн.).

Восьмое упражненіе: *чтеніе рукописнаго*, я пропускаю — по причинѣ, объясненной въ моей статьѣ. Вообще же я упомянулъ объ этомъ упражненіи для того только, чтобы показать, въ какомъ видѣ оно можетъ быть примѣняемо къ дѣтямъ, и чтобы предостеречь отъ ложнаго мнѣнія, будто дѣтямъ нужно давать для упражненія въ чтеніи мелкія, нечеткія рукописи взрослыхъ, какъ это полагаетъ напр. г. Золотовъ.

Десятое же упражненіе примѣняется только при общемъ повтореніи нѣсколькихъ изученныхъ статей.

Пятый урокъ начинается съ краткаго повторенія, и затѣмъ тотчасъ же слѣдуетъ чтеніе и разборъ новой статьи.

Третій по пятый мѣсяцъ.

1-й урокъ: 1, 2 и 3-е упражненія.
2-й урокъ: 4-е и 5-ое упр.
3-й урокъ: 6, 7 и 9-е упр.

Второе полугодіе.

1-й урокъ: 1, 2 и 3-е упражненія
2-й урокъ: 4, 6 и 7-ое упражненія.

Пятое пропускается, а девятое производится дома. О дополнительныхъ упражненіяхъ я говорить не стану: они не увеличиваютъ числа упомянутыхъ выше, а замѣняютъ ихъ.

Мнѣ остается только сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній.

«Наизусть могутъ быть заучиваемы исключительно только стихотворенія», говоритъ г. Книзе. Почему же не прозаическія статьи также? Г. Книзе тутъ, кажется, опять не уяснилъ себѣ, для какой цѣли собственно производится ученіе наизусть.

«При достаточной развитости учениковъ учитель можетъ прочитать имъ статью и требовать, чтобъ они написали ее къ слѣдующему классу своими словами.»

Позволю себѣ замѣтить, что ученики, могущіе передать однажды разсказанное и прочитанное ими письменно и своими словами, не принадлежатъ болѣе къ этому курсу; а если они, по какому-либо обстоятельству, находятся въ одномъ классѣ съ первокурсными учениками, то съ ними слѣдуетъ заниматься отдѣльно, иначе или они, или другіе ученики будутъ въ ущербѣ.

«Мы не согласны заставлять учениковъ переписывать стихи *въ сплошную*. Пусть дѣти пріучаются къ такту. Касательно риѳмы — они скоро могутъ понять, въ чемъ дѣло.» Тутъ, кажется, г. Книзе меня вовсе не понялъ. Тактъ стиховъ заключается не въ риѳмѣ, а въ размѣрѣ, — оттого, что стихи напишутся вплошную, они нисколько не утратятъ такта. Чтобы отучить учениковъ останавливаться на риѳмѣ, недостаточно объяснить имъ, въ чемъ дѣло; необходимо устранить самую причину, заставляющую ихъ невольно останавливаться: вѣдь риѳмою кончается строка. Наконецъ, стихи, написанные или напечатанные вплошную, облегчаютъ ученику не только чтеніе, но и правописаніе. Объ этомъ г. Книзе и не подумалъ.

«Грамматика изучается незамѣтно при самыхъ упражненіяхъ.»

Въ этомъ курсѣ о грамматикѣ не можетъ быть и рѣчи. Термины: *существительное, глаголъ, прилагательное, подлежащее, сказуемое*, тутъ вовсе не у мѣста: достаточно, если они узнаютъ, что такое *предметъ, качество и дѣйствіе*. Г. Книзе возстаетъ противъ учителей, «которые за исходную точку языкознанія принимаютъ грамматику», а самъ торопится какъ можно скорѣе сообщить полуграмотнымъ ученикамъ своимъ ту же премудрость. Что же вы будете дѣлать въ слѣдующемъ курсѣ?

«Намъ удалось на практикѣ записать весь ходъ упражненій по нашему способу съ баснею Крылова: Волкъ и Лисица.»

О выборѣ басни я говорить не стану. Если г. Книзе читалъ рецензіи г. Толля, въ которыхъ говорится о басняхъ или вообще о статьяхъ для дѣтскаго чтенія, то онъ конечно давно уже понялъ, что басня «Волкъ и лисица» принадлежитъ именно къ тѣмъ, которыхъ не слѣдуетъ давать дѣтямъ: вѣдь имъ не объяснишь, что мораль этой басни — мораль пошлой дѣйствительности. Гораздо болѣе меня удивляетъ признаніе г. Книзе, что ходъ упражненій съ этою баснею ему удалось записать на практикѣ, т. е. послѣ урока; значитъ — вы импровизируете ваши уроки, а не приготовляетесь къ нимъ заранѣе?... Легко же вамъ дается учительство!..

Мнѣніе о преподаваніи русскаго языка въ казенныхъ еврейскихъ училищахъ 1-го разряда по общей программѣ уѣздныхъ училищъ.

Исполнить буквально въ еврейскомъ училищѣ программу преподаванія русскаго языка я считаю почти невозможнымъ. Основанія этого мнѣнія, а также и тѣ измѣненія, которыя я считаю необходимымъ въ ней сдѣлать, я постараюсь изложить въ настоящемъ разсужденіи.

Еврейское училище состоитъ изъ дѣтей еврейскихъ, не знающихъ русскаго языка и не могущихъ даже правильно выражаться по русски; слѣдовательно русскій языкъ долженъ быть въ немъ преподаваемъ какъ языкъ, чуждый ученикамъ, какъ иностранный.

Изъ этого слѣдуетъ:

1) Что если учителемъ русскаго языка долженъ по прежнему оставаться человѣкъ, не знающій по еврейски; то необходимымъ помощникомъ его долженъ быть учитель еврейскаго языка, которому должно быть вмѣнено въ обязанность заставлять учениковъ выучивать незнакомыя имъ слова и переводить текстъ заучиваемой басни изъ читаемой книги.

2. Что такъ какъ ученики несравненно меньше подготовлены къ занятіямъ русскимъ языкомъ, нежели русскія дѣти, и какъ по этому самому число предметовъ занятій почти вдвое больше, нежели въ другихъ училищахъ; то невозможно ожидать отъ нашихъ учениковъ даже и половины успѣховъ, встрѣчаемыхъ въ другихъ училищахъ, особенно если принять въ расчетъ ограниченность понятій всего народа еврейскаго, происходящую отъ всеобщей его необразованности и имѣющую хотя косвенное, но тѣмъ не менѣе сильное вліяніе на успѣхи учениковъ, а также трудность заставить мальчиковъ учиться, происходящую отъ непріученія ихъ къ повиновенію предварительнымъ домашнимъ воспитаніемъ.

Руководясь этими положеніями, прослѣдимъ преподаваніе русскаго языка въ 1-мъ классѣ.

I. Чтеніе съ объясненіемъ словъ и содержанія прочитаннаго. Въ русскомъ училищѣ всѣ объясненія дѣлаются непосредственно по прочтеніи періода; и когда онъ, при помощи такихъ объясненій, уже вполнѣ понятъ уче-

никами его оставляютъ и переходятъ къ слѣдующему. Въ еврейскомъ училищѣ нельзя употреблять этотъ способъ: ученики не понимаютъ и десятой части читаемыхъ словъ, и потому никакими объясненіями не возможно дать имъ понять и смыслъ цѣлаго періода, тѣмъ болѣе что они не поймутъ и объясненій, дѣлаемыхъ также по русски. Единственный способъ для достиженія этой цѣли есть, какъ я уже упомянулъ, переводъ читаемыхъ выраженій. Но еще прежде перевода надобно, чтобы ученики умѣли правильно прочесть періодъ.

Такимъ образомъ каждый періодъ, который въ русскомъ училищѣ разъясняется менѣе, чѣмъ въ одинъ классъ, долженъ быть разъясненъ еврейскимъ ученикамъ въ нѣсколько пріемовъ. А именно: 1) подъ руководствомъ русскаго учителя всѣ ученики выучатся правильно читать его; 2) подъ руководствомъ еврейскаго учителя они затвердятъ всѣ встрѣчающіяся въ немъ незнакомыя имъ слова съ переводомъ на еврейскій языкъ; 3) узнавъ такимъ образомъ значеніе каждаго попавшагося слова, они переведутъ ему, сперва словесно, а потомъ и письменно, весь этотъ періодъ на еврейскій языкъ, и 4) уже тогда только могутъ быть сдѣланы нѣкоторыя объясненія и на русскомъ языкѣ, у русскаго учителя, которыя въ то же время будутъ служить и упражненіемъ въ разговорѣ.

II. Письмо, по программѣ, должно состоять во первыхъ въ списываніи съ доски и во вторыхъ въ диктовкѣ. Упражненіемъ въ списываніи можетъ служить писаніе басень, задаваемыхъ ученикамъ для затверживанія наизусть. Черновыя тетради, въ которыя они сперва списываютъ эти басни, учитель долженъ просматривать въ тотъ же урокъ и заставлять учениковъ самихъ отыскивать и поправлять сдѣланныя ошибки. Этимъ развивается въ ученикахъ самодѣятельность, и они пріучаются внимательнѣе разсматривать правописаніе каждаго русскаго слова.

Для диктовки должно быть избираемо только то, что прочитано и переведено; ибо въ этомъ классѣ отъ учениковъ нельзя требовать, чтобы они писали правильно незнакомыя имъ слова.

III. Первыя практическія упражненія въ грамматикѣ. Довести еврейскихъ учениковъ 1-го класса до того, чтобы они различали части рѣчи, мнѣ кажется совершенно невозможнымъ, какой бы способъ ни употреблять для этого, наглядный или сознательный. — Ихъ понятія такъ еще неразвиты, ихъ запасъ русскихъ словъ такъ бѣденъ, что по моему нѣтъ никакой возможности ни растолковать имъ что-либо отвлеченное, ни довести ихъ самихъ до отвлеченія. Но такъ какъ программа непремѣнно требуетъ, чтобы ихъ пріучали различать части рѣчи, то я и рѣшаюсь испытать предписанный ею наглядный способъ, нисколько впрочемъ не ручаясь за успѣхъ. Текстомъ для этихъ упражненій я возьму конечно то, что будетъ уже прочитано и переведено, т. е. вполнѣ понято учениками.

Другое дѣло первоначальныя формы склоненій и спряженій. Эта часть доступна ученикамъ нашего перваго класса. Все отличіе въ преподаваніи ея у насъ заключается въ томъ, что мы не можемъ обойтись безъ заучиванія нѣкоторыхъ правилъ. У насъ напр. вопросы не могутъ служить для отличія падежей; ибо еврейскія дѣти привыкли на всякій вопросъ отвѣчать одною и тою же формою слова. — Чтобъ научить ихъ склонять, надобно непремѣнно указать имъ измѣненія окончаній по падежамъ. Конечно для этого нѣтъ надобности заставлять ихъ затверживать одни только голыя окончанія падежей: это было бы слишкомъ утомительно и скучно для дѣтей. Но можно дать имъ по одному образцовому слову на каждую форму русскихъ склоненій и пріучать склонять всѣ прочія слова того же склоненія по этому данному образцу. Точно такъ же можно поступить и при спряженіяхъ.

Такимъ образомъ все преподаваніе русскаго языка въ 1-мъ классѣ должно состоять изъ слѣдующихъ предметовъ:

1. Чтеніе избраннаго мѣста изъ книги до тѣхъ поръ, пока всѣ ученики пріучатся правильно читать его. Для удобнѣйшаго достиженія этой цѣли я придумалъ слѣдующій способъ: Я пишу избранный отрывокъ на доскѣ, ставлю надъ каждымъ словомъ удареніе и заставляю всѣхъ учениковъ поочередно читать и

перечитывать его до тѣхъ поръ, пока они прочтутъ правильно. Потомъ я заставляю опять читать то же самое по книгѣ, въ которой не означены ударенія, и уже самъ поправляю ихъ выговоръ. Для сбереженія времени можно употребить здѣсь и способъ взаимнаго обученія, выбирая въ старшіе самыхъ надежныхъ.

2. Списываніе учениками написанныхъ еврейскимъ учителемъ на доскѣ незнакомыхъ словъ изъ этого отрывка, съ еврейскимъ переводомъ.

3. Ученики отвѣчаютъ еврейскому учителю выученныя слова, и переводятъ ему словесно тотъ же отрывокъ.

4. Просматриваніе еврейскимъ учителемъ письменнаго перевода того же самаго отрывка, и поправки, дѣлаемыя имъ предъ всѣмъ классомъ.

5. Объясненіе того же отрывка русскимъ учителемъ, какъ упражненіе въ разговорѣ.

6 Письмо подъ диктовку этого же отрывка.

7. Различеніе въ немъ частей рѣчи.

8. Склоненіе и спряженіе тѣхъ словъ отрывка, которыя измѣняются согласно съ образцами, уже знакомыми ученикамъ.

Каждая задаваемая ученикамъ басня должна также пройти всѣ эти фазы, съ тою только разницею, что она

9. прежде всего должна быть списана съ доски, и

10. послѣ перевода и объясненій выучена наизусть. А мѣсто диктовки въ этомъ случаѣ займетъ письмо на доскѣ на память.

Изъ этого обзора видно, что одинъ и тотъ же отрывокъ, одна и та же басня, должна попеременно переходить отъ русскаго учителя къ еврейскому, и обратно, — что слѣдовательно еврейскій учитель долженъ участвовать не менѣе русскаго въ преподаваніи русскаго языка; и что необходимо изъ пяти уроковъ, назначенныхъ для русскаго языка, два передать ему для занятій переводами читаемаго и выучиваемаго въ классѣ русскаго учителя.

Приуготовительные уроки къ геометріи.

Разсматриваніе правильныхъ тѣлъ.

Преподаваніе каждаго предмета должно непремѣнно начинаться съ *извѣстнаго уже дѣтямъ* и должно быть совершаемо постоянно *нагляднымъ образомъ*. Отецъ, мать, начинающіе сами обученіе своихъ дѣтей, каждый воспитатель или воспитательница, каждый учитель или учительница должны знать эти два основныя правила здравой современной дидактики и не позволять себѣ поступать иначе въ начальномъ преподаваніи. Отъ точнаго разумнаго исполненія этихъ правилъ зависитъ успѣхъ всего дальнѣйшаго ученія, всего правильнаго умственнаго развитія дитяти. Песталоцци, лѣтъ 50 тому назадъ, первый коротко и ясно высказалъ эти два главныя основанія первоначальнаго обученія и доказалъ непреложность ихъ. Послѣ него наглядное обученіе по дѣйствительнымъ предметамъ, начиная съ знакомыхъ дѣтямъ, все болѣе и болѣе развивалось, усовершенствовалось и распространялось, такъ что теперь въ Германіи, Англіи, Бельгіи настоящіе воспитатели и преподаватели не поступаютъ иначе. Въ послѣднее время у насъ также стали поговаривать объ этомъ, и дѣльные учителя стараются преподавать наглядно. Дай Богъ, въ добрый часъ: давно пора!

Основываясь на такихъ требованіяхъ современной дидактики, оправданныхъ опытомъ, мы предпосылаемъ изложенію преподаванія геометріи въ народныхъ училищахъ наглядное ознакомленіе дѣтей съ формами правильныхъ тѣлъ посредствомъ разсматриванія ихъ.

Подъ правильными тѣлами мы здѣсь разумѣемъ *сдѣланныя* тѣла, имѣющія из-

вѣстныя правильныя формы, именно *кубъ*, *призму* (столбъ), *пирамиду, цилиндръ и шаръ*.. 6 — 7-лѣтніе дѣти уже имѣли случай нѣсколько разъ видѣть ихъ, и потому они имъ болѣе или менѣе знакомы, извѣстны. Кромѣ того разумное разсматриваніе ихъ доставляетъ большое удовольствіе дѣтямъ. Эти тѣла можно легко имѣть въ каждомъ семействѣ и въ каждомъ училищѣ. Каждый съумѣетъ сдѣлать ихъ изъ дерева, папки или глины.

I. Кубъ.

Мы въ классѣ. Нѣсколько кубовъ различной величины изъ дерева, изъ папки или изъ глины стоятъ на учительскомъ столѣ. Необходимо имѣть такіе различные кубы для того, чтобы ученики ясно сознали кубическую форму, и что эта форма не зависитъ отъ величины тѣлъ и отъ матеріала, изъ котораго они сдѣланы. Понятія: плоскость (грань), ребро (край), уголъ, усвоиваются учениками безъ всякихъ предварительныхъ *опредѣленій*, только посредствомъ тщательнаго разсматриванія и осязанія (ощупыванія).

1. Учитель беретъ одно изъ тѣлъ, показываетъ его ученикамъ и говоритъ: это кубъ. (Другіе кубы раздаются ученикамъ.) Вотъ это стороны, вы можете водить по нимъ рукою во всѣхъ направленіяхъ; онѣ называются *плоскостями* или гранями. Вотъ это *ребра* или края; осязайте, ощупайте ихъ пальцемъ; вы можете водить пальцемъ по ребрамъ только по одному направленію; прижмите ладонь къ ребру, — вы чувствуете, что оно рѣжетъ вашу ладонь. Вотъ это уголъ; ясно ощупать, осязать вы можете его только пальцемъ; если вы приложете къ нему руку, то почувствуете, что онъ колетъ.

Послѣ такого показыванія, разсматриванія и осязанія конечно и самые маленькіе ученики поймутъ и отчетливо усвоятъ себѣ, что такое плоскость, ребро, уголъ, такъ что уже никогда болѣе не смѣшаютъ ихъ.

2. Перечисленіе плоскостей, ребръ и угловъ. Учит. Сколько сторонъ или плоскостей имѣетъ кубъ? Учен. Кубъ имѣетъ 6 сторонъ или плоскостей или граней. Учит. Покажи мнѣ ихъ по одиначкѣ и сосчитай громко. Учен. 1, 2, 3, 4, 5, 6 сторонъ, плоскостей или граней. (Необходимо требовать отъ учениковъ полныхъ, громкихъ отвѣтовъ, чтобы развязать имъ языкъ и пріучить ихъ къ связной, ясной, сознательной рѣчи.) Учит. Гдѣ находится эта плоскость? Учен. Эта плоскость находится спереди. Учит. Какъ поэтому можно назвать ее? Учен? Эту плоскость можно назвать переднею. Учит. Гдѣ находятся вотъ всѣ эти другія грани? Учен. Эти грани находятся: одна сверху, другая снизу, третья справа, четвертая слѣва, пятая сзади. Учит. Какъ поэтому онѣ называются? Учен. Онѣ называются: верхняя, нижняя, правая, лѣвая и задняя. (Предполагается, что ученики уже понимаютъ, что такое означаетъ верхній, нижній, передній, задній, правый, лѣвый; если же нѣкоторые изъ нихъ еще не умѣютъ хорошо различать особенно послѣднія два понятія, то могутъ легко пріучиться къ нимъ во время этихъ разсматриваній и наглядныхъ упражненій.) Учит. Сосчитай углы и скажи, сколько угловъ въ кубѣ? Учен. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8,— кубъ имѣетъ 8 угловъ. Учит. Гдѣ находятся эти 4 угла. Учен. Эти 4 угла находятся вверху. Учит. Какъ же можно ихъ назвать? Учен. Верхними углами. Учит. Какъ называются эти два угла? Учен. Они называются передними верхними углами. Учит. А эти два? Учен. Задними верхними углами. Учит. А можно ли назвать отдѣльно каждый верхній передній и каждый верхній задній уголъ? Подумайте объ этомъ. Кто знаетъ, тотъ подними руку. — Съ которой стороны лежитъ вотъ этотъ верхній передній уголъ? Учен. Съ правой.— Учит. Какъ же поэтому можно назвать его? Учен. Правый верхній передній уголъ Учит. Ну, теперь назовите отдѣльно каждый изъ заднихъ угловъ? Учен. Вотъ это—правый задній уголъ; а это—лѣвый задній уголъ. (Такъ же точно распрашиваетъ учитель и о нижнихъ углахъ.) Учит. Вотъ здѣсь, гдѣ соединяются двѣ плоскости, находится *ребро*; здѣсь также и здѣсь также... Сколько же всѣхъ ребръ въ кубѣ? Учен. Всѣхъ ребръ 12 Учит. Какъ называются эти 4 ребра вмѣстѣ, и какъ каждое отдѣльно? Учен. Всѣ вмѣстѣ они называются передними ребрами, а от-

дѣльно—верхнее переднее ребро, нижнее переднее, правое переднее и лѣвое переднее. Учит. Такъ, хорошо; а какъ называются вотъ эти ребра? Какъ вотъ эти? и т. д. (Ученики могутъ дать правильные отвѣты.)

3. Различныя положенія куба. Первое (самое обыкновенное) положеніе. Учит. Теперь поставьте кубы передъ собою такъ, какъ я ставлю. Разскажите мнѣ, какъ стоитъ кубъ, и какія части его вы видите? (Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ нѣкоторые изъ учениковъ можетъ-быть отвѣтятъ правильно: кубъ стоитъ прямо на одной сторонѣ или плоскости; мы видимъ 4 плоскости: переднюю, верхнюю и двѣ боковыя — правую и лѣвую; еще мы видимъ 5 ребръ: верхнее правое и лѣвое переднія ребра, и верхнее правое боковое и верхнее лѣвое боковое.

Второе положеніе. Учит. Теперь поставьте кубы такъ, чтобы они стояли также на одной изъ сторонъ, — вы видите, что они могутъ стоять на каждой сторонѣ одинаково прямо, —и чтобы одно изъ ребръ было обращено къ вамъ. Вотъ такъ, хорошо. Сколько и какія части вы видите? Сосчитайте и назовите ихъ. Учен. Мы видимъ 3 плоскости: одну верхнюю и двѣ боковыя: правую и лѣвую переднія; 3 ребра: переднее, правое и лѣвое верхнія переднія; одинъ уголъ: верхній передній. Учит. Назовите мнѣ тѣ части, которыя вамъ не видны? Учен. Намъ не видны: нижняя плоскость, обѣ заднія боковыя (правая и лѣвая); нижнія переднія и заднія боковыя (правыя и лѣвыя) ребра и т. д.

Прочія положенія могутъ быть слѣдующія:

Третье: одно ребро снизу и одна плоскость спереди.

Четвертое: ребро снизу и ребро спереди.

Пятое: уголъ внизу и плоскость снизу впереди.

Шестое: уголъ внизу и плоскость сверху впереди.

Предыдущія упражненія совершаются и надъ этими положеніями куба, пока всѣ ученики не будутъ въ состояніи громко, ясно и отчтливо называть всѣ части.

4. Учит. Поставимъ теперь кубъ въ первое положеніе; кто помнитъ это положеніе? Поставь ты, ты, ты... Вотъ такъ; кубъ стоитъ на одной плоскости, другая спереди, прямо передъ вами, третья сверху и двѣ по бокамъ. Ведите теперь пальцемъ по ребру сверху внизъ, или снизу вверхъ. По какимъ другимъ ребрамъ вы можете водить пальцемъ въ такихъ же направленіяхъ? Кто знаетъ? Попробуйте. Учен. По обѣимъ переднимъ и заднимъ боковымъ ребрамъ. Учит. Слѣдовательно, въ какомъ направленіи идутъ эти ребра? Учен. Сверху внизъ и снизу вверхъ.

Учит. Теперь найдите мнѣ на предметахъ, которые находятся въ этой комнатѣ, тѣ же самыя направленія. (Ученики находятъ ихъ легко по краямъ столовъ и скамеекъ, наконецъ называютъ стѣны комнаты. Можетъ быть въ нѣкоторыхъ ученикахъ при этомъ явится мысль, что всѣ предметы висятъ сверху внизъ и падаютъ по тому же направленію.)

Учит. Теперь, попробуйте и скажите мнѣ, въ какомъ направленіи можете вы двигать палецъ по другимъ ребрамъ? (Ученики легко догадываются и отвѣчаютъ: по другимъ ребрамъ можно двигать палецъ отъ передняго конца къ заднему, а еще по другимъ только справа налѣво и на оборотъ. Тѣ же направленія отыскиваются на окружающихъ предметахъ. При другихъ положеніяхъ куба ученики легко замѣтятъ, что направленіе ребръ получаетъ болѣе сложное названіе.)

5. Первое положеніе. Учит. Въ какихъ направленіяхъ вы можете водить рукою по верхней плоскости? Учен. Спереди назадъ и справа налѣво. Учит. Въ какихъ направленіяхъ не можете? Учен. Сверху и снизу вверхъ. Учит. Какіе предметы здѣсь въ классѣ имѣютъ такія же плоскости? Учен. Столы, стулья, полъ, книги, тетради, и т. д. Учит. По какимъ плоскостямъ или сторонамъ куба можно водить рукою сверху внизъ и на оборотъ? (Ученики называютъ.)

6. Учит. На какихъ ребрахъ и на какихъ плоскостяхъ куба никакая вещь, никакой предметъ не удержится, а разомъ упадаетъ прямо внизъ? Учен. Съ тѣхъ плоскостей и ребръ, которыя имѣютъ прямое направленіе сверху внизъ.

Учит. Такое направленіе называется *отвѣснымъ* или *перпендикулярнымъ* или *вертикальнымъ*. Какъ же можно назвать поэтому и ребра и плоскости, имѣющія подобное направленіе? Учен. Ихъ можно назвать отвѣсными или перпендикулярными. Учит. Теперь покажите мнѣ и назовите мнѣ такую плоскость на вашемъ кубѣ, на которой всякая вещь можетъ стоять или лежать совершенно прямо и спокойно, даже мячикъ вашъ не покатится? Найдте мнѣ еще такія ребра, которыя лежатъ также прямо, какъ палочка на спокойной водѣ. Палецъ вашъ вы можете по этимъ ребрамъ водить совершенно прямо, не приподнимая и не опуская его? (Ученики легко находятъ и называютъ.) Учит. Такія плоскости и ребра называются *горизонтальными*. Учит. Теперь найдите мнѣ здѣсь въ классѣ отвѣсныя или вертикальныя и горизонтальныя плоскости и ребра? (Ученики называютъ.)

7) Учит. Поставьте кубъ на одно изъ ребръ. Попробуйте теперь положить вашъ грифель, или карандашъ, или мѣлъ на одну изъ верхнихъ боковыхъ плоскостей; улежатъ ли они? Могутъ и они держаться? Учен. Нѣтъ, они скатываются. Учит. По переднимъ верхнимъ ребрамъ грифель и карандашъ также скатываются. Такія плоскости и ребра называются *наклонными*.

8) Учит. Мы разсматривали кубъ въ шести различныхъ положеніяхъ. Можете ли вы мнѣ сказать, въ какихъ положеніяхъ онъ могъ стоять твердо, прямо, безъ всякой поддержки? Учен. Кубъ могъ стоять прямо безъ поддержки въ въ первыхъ двухъ положеніяхъ. Учит. Какъ же онъ стоялъ въ этихъ положеніяхъ? Учен. На одной изъ сторонъ своихъ или плоскостей. Учит. А въ какихъ положеніяхъ надо было кубъ поддерживать? Учен. Въ 3, 4, 5, и 6-мъ положеніяхъ. Учит. Какъ стоялъ онъ въ 3 и 4-мъ положеніяхъ? Учен. Въ 3 и 4-мъ положеніяхъ кубъ стоялъ на ребрѣ. Учит. А въ 5 и 6-мъ какъ мы его ставили? Учен. Въ 5 и 6-мъ положеніяхъ мы ставили его на уголъ. Учит. Итакъ скажите мнѣ, когда кубъ можетъ стоять прямо, твердо, безъ поддержки, и когда надо его поддерживать? Учен. Кубъ можетъ стоять твердо, безъ поддержки, когда онъ стоитъ на одной изъ сторонъ своихъ; кубъ надо поддержать, когда онъ стоитъ на одномъ изъ реберъ, или на одномъ изъ угловъ своихъ.

Учит. Водите пальцемъ по ребру; вы водите вдоль ребра. Можете ли вы водить поперекъ ребра? Учен. Нѣтъ, поперекъ нельзя водить. Учит. Почему же нельзя? Учен. Потому что ребро остро, и палецъ тотчасъ же спадаетъ съ ребра. Учит. А по плоскостямъ можете ли вы водить рукою вдоль и поперекъ? Учен. Да, по плоскостямъ мы можемъ водить рукою и вдоль и поперекъ. Учит. Какъ можно сказать иначе, вмѣсто вдоль и поперекъ? Учен. Вмѣсто вдоль и поперекъ можно сказать въ длину и въ ширину. Учит. Такъ; но почему же по плоскости можно водить въ длину и въ ширину, а по ребру только въ длину? Кто знаетъ? Подумайте. Учен. Потому что плоскость имѣетъ длину и ширину, а ребро только одну длину. Учит. Такъ какъ плоскости имѣютъ длину и ширину, то онѣ и занимаютъ мѣсто или пространство въ длину и ширину, т. е. онѣ простираются въ длину и въ ширину. Какъ же простирается ребро? Учен. Ребро простирается только въ длину. Учит. Отчего это? Учен. Оттого, что оно имѣетъ только одну длину. Учит. Можно еще сказать, что плоскость *протягивается* въ длину и ширину, а *ребро протягивается*, только въ длину. То что *протягивается*, то имѣетъ *протяженіе*. Сколько же протяженій имѣетъ плоскость, и какія? Учен. Плоскость имѣетъ два протяженія; въ длину и ширину. Учит. Сколько протяженій имѣетъ ребро, и какія? Учен. Ребро имѣетъ только одно протяженіе въ длину. Учен. Покажите мнѣ на скамьяхъ протяженія въ длину и въ ширину. Покажите мнѣ тѣ же протяженія въ этой комнатѣ? (Ученики показываютъ безъ особенныхъ затрудненій.) Учит. Укажите мнѣ на окружающихъ предметахъ только одно протяженіе въ длину. То что имѣетъ одно протяженіе въ длину или простирается только въ длину и занимаетъ мѣсто только въ длину — называется *линіею*. Слѣдовательно *ребра* или *края* куба суть *линіи*. Сколько же протяженій и какія имѣютъ плоскости и линіи? Учен. Пло

скости имѣютъ два протяженія: въ длину и въ ширину, а линія только одно протяженіе: въ длину. Учит. возьмите ваши кубы. Попробуйте водить пальцемъ по краямъ одного изъ угловъ куба; можно ли это сдѣлать? Учен. Нѣтъ, нельзя. Учит. Почему же нельзя? Учен. Потому что здѣсь нѣтъ мѣста водить пальцемъ. Учит. Гдѣ же это здѣсь? Учен. На краю угла нѣтъ мѣста. Учит. Слѣдовательно края угловъ не занимаютъ никакого мѣста, не занимаютъ пространства, не простираются, не протягиваются ни въ какую сторону. Поэтому имѣютъ ли края угловъ протяженіе? Учен. Нѣтъ, края угловъ не имѣютъ никакого протяженія. Учит. То, что не имѣетъ никакого протяженія, не занимаетъ никакого мѣста, есть *точка*. Слѣдовательно что такое края угловъ? Учен. Края угловъ суть точки. Учит. Повторите мнѣ еще разъ, сколько и какія протяженія имѣютъ плоскости, линіи и точки? Учен. Плоскости имѣютъ два протяженія — въ длину и ширину; линія имѣетъ одно протяженіе — въ длину, а точки не имѣютъ вовсе протяженія. Учит. Такъ, хорошо. Посмотрите и скажите мнѣ, сколько ребръ или линій соединяются въ каждомъ краѣ угловъ куба? Учит. Три ребра или три линіи. Учит. Сколько плоскостей сходится тамъ же? Учен. Также три плоскости. Учит. Сколько же угловъ находится у каждаго края? Учен. Также по три угла.

Учит. Теперь поставьте кубы одной стороной на бумагу, или на ваши грифельныя доски и очертите ихъ карандашомъ или грифелемъ вотъ такъ, какъ я дѣлаю на класной доскѣ. Что вышло у васъ на бумагѣ или на доскахъ? Учен. У насъ вышелъ четыреугольникъ. Учит. Такъ; четыреугольникъ или *четвероугольная фигура*. Какимъ образомъ вы получили ее? Учен. Мы провели карандашомъ, грифелемъ, около четырехъ сторонъ нижней плоскости куба. Учит. Итакъ вы начертили плоскость куба. Почему вы называете эту фигуру четыреугольникомъ? Учен. Потому что она имѣетъ четыре угла. Учит. Сколько же сторонъ имѣетъ этотъ четыреугольникъ, и какъ поэтому можно еще назвать его? Учен. Онъ имѣетъ 4 стороны, и потому его можно назвать четырехстороннико́мъ или четырехстороннею фигурою. Учит. Что составляютъ стороны этой фигуры? Учен. Линіи составляютъ стороны ея. Учит. Такъ; эти линіи ограничиваютъ четыреугольникъ, и такъ какъ она есть *плоскость*, то слѣдовательно линіи ограничиваютъ плоскость, составляютъ *границы* плоскости. Скажите мнѣ, чѣмъ ограничиваются плоскости? Учен. *Плоскости ограничиваются линіями*. Учит. Посмотрите, что составляется тамъ, гдѣ сходятся двѣ стороны или линіи? Учен. Тамъ, гдѣ сходятся, соединяются двѣ линіи, происходитъ уголъ. Учит. Разсмотрите хорошенько, какіе углы въ этомъ четыреугольникѣ? Учен. Это прямые углы. Учит. Сравните между собою стороны и углы этого четыреугольника, равны ли они другъ другу, или нѣтъ? Учен. Всѣ четыре стороны и всѣ четыре угла равны между собою. Учит. Четыреугольникъ, въ которомъ стороны равны и углы прямые, называется *квадратомъ*. Итакъ скажите мнѣ, что такое квадратъ? (Ученики отвѣчаютъ легко.) Учит. Края угловъ или точки, въ которыхъ соединяются, сходятся линіи, называются *вершинами угловъ*. Скажите же мнѣ, сколько въ этомъ квадратѣ можетъ быть вершинъ угловъ? Учен. Столько же, сколько угловъ, т. е. четыре. Учит. Этотъ квадратъ есть плоскость или сторона куба, по которой вы его начертили. Теперь ставьте кубы ваши каждою изъ остальныхъ сторонъ на этотъ квадратъ; вы видите, что всѣ стороны равны между собою. Слѣдовательно, изъ какихъ сторонъ или плоскостей состоитъ кубъ? Учен. Кубъ состоитъ изъ равныхъ сторонъ или плоскостей. Учит. Какіе углы имѣютъ эти плоскости? Учен. Прямые. Учит. Какую форму, какую фигуру имѣютъ эти плоскости? Учен. Четыреугольную. Учит. Какъ называются равные четыреугольники, имѣющіе прямые углы? Учен. Равные четыреугольники, имѣющіе прямые углы, называются квадратами. Учит. Что есть каждая сторона или плоскость куба? Учен. Каждая плоскость куба есть квадратъ. Учит. Сколько же квадратовъ окружаютъ, ограничиваютъ кубъ? Учен. Кубъ окруженъ шестью квадратами. Учит. Со сколькими квадратами соединяется каждый изъ квадратовъ? Учен.

Каждый изъ квадратовъ соединяется съ четырьмя другими. Учит. Со сколькими квадратами онъ не соединяется? Учен. Онъ не соединяется только съ однимъ квадратомъ. Учит. Съ которымъ? Учен. Съ тѣмъ, который находится противъ него. Учит. Скажите теперь, сколько прямыхъ угловъ заключается во всѣхъ шести квадратахъ? Учен. Въ каждомъ квадратѣ заключается 4 прямыхъ угла, слѣдовательно 6 квадратовъ имѣютъ 4 × 6, т. е. 24 прямыхъ угла.

Учит. Припомните и скажите, какое пространство или мѣсто занимаетъ плоскость и линія? Учен. Плоскость занимаетъ пространство въ ширину и въ длину, а линія только въ длину. Учит. Теперь не можете ли вы сказать, какое пространство занимаетъ кубъ? Учен. Кубъ занимаетъ пространство или мѣсто въ длину, ширину и вышину. Учит. Сколько же кубъ имѣетъ протяженій и какія? Учен. Кубъ имѣетъ три протяженія: въ длину, ширину и вышину. Учит. Сравните эти протяженія между собою, что вы найдете? Учен. Эти три протяженія равны между собою. Учит. Каждый предметъ, который имѣетъ три протяженія или занимаетъ мѣсто или пространство въ длину, ширину и вышину, называется *тѣломъ*. Слѣдовательно, что такое кубъ? Учен. Кубъ есть тѣло. Учит. Почему кубъ есть тѣло? Учен. Потому что онъ имѣетъ три протяженія: въ длину, ширину и вышину. Учит. Назовите тѣла въ этой комнатѣ. (Ученики называютъ.)

Учит. Можно ли измѣрить линіи, плоскости, кубъ или другое тѣло? Учен. Можно. Учит. Если ихъ можно измѣрить, то слѣдовательно они имѣютъ свое *измѣреніе*. Теперь скажите мнѣ, какъ вы будете измѣрять линію, какъ плоскость и какимъ образомъ кубъ? Учен. Линію мы будемъ измѣрять въ длину, плоскость въ длину и ширину, а кубъ — въ длину, ширину и вышину. Учит. Что же можно измѣрить въ линіи, что въ плоскости и что въ кубѣ? Учен. Въ линіи можно измѣрить только длину ея; въ плоскости — длину и ширину; а въ кубѣ — длину, ширину и вышину. Учит. А что можно измѣрить въ колодцѣ? Кто знаетъ? Учен. Въ колодцѣ можно измѣрить длину, ширину и глубину. Учит. Хорошо. Скажите же теперь, сколько измѣреній и какія имѣютъ линія, плоскость, кубъ, колодецъ? Учен. Линія имѣетъ одно измѣреніе — въ длину; плоскость имѣетъ два измѣренія въ длину и ширину; кубъ и колодецъ имѣютъ три измѣренія: длину, ширину и вышину или глубину. Учит. А помните ли вы, есть ли что-нибудь такое, что не имѣетъ протяженія, слѣдовательно не имѣетъ и измѣренія? Учен. Точка не имѣетъ измѣренія. Учен. Такимъ образомъ мы узнали теперь, что такое вообще есть точка, линія, плоскость и тѣло. Изъ тѣлъ вы познакомились коротко съ кубомъ. Разскажите же мнѣ теперь, что такое есть кубъ. (Ученики разсказываютъ; учитель помогаетъ имъ; тамъ, гдѣ они сами не могутъ найти настоящаго выраженія, онъ дѣлаетъ ученикамъ пояснительные вопросы, старается всячески навести ихъ по крайней мѣрѣ на приблизительное опредѣленіе. Если ученики не могутъ сдѣлать этого, то значитъ они еще не ясно поняли.)

II. Четырехгранная прямая призма.

Учит. Возьмемъ теперь другую фигуру — призму или четырехгранный столбъ. Вотъ это призма. Осмотрите ее хорошенько. Сколько измѣреній имѣетъ призма? Учен. Эта призма имѣетъ три измѣренія: въ вышину, длину и ширину. Учит. Сколько протяженій имѣетъ она? Учен. Также три: вышину, длину и ширину. Учит. Какъ называется то, что имѣетъ три измѣренія или три протяженія? Учен. То, что имѣетъ три измѣренія или три протяженія, называется тѣломъ. Учит. Что же такое есть призма? Учен. Призма есть тѣло. Учит. Какое другое тѣло мы разсматривали? Учен. Мы разсматривали кубъ. Учит. Сколько плоскостей ограничиваютъ призму? Учен. Шесть плоскостей. Учит. Какъ ограничиваютъ онѣ призму? Учен. Четыре плоскости ограничиваютъ призму съ четырехъ сторонъ, одна ограничиваетъ сверху и одна снизу. Учит. Поставьте призмы ваши. На какую плоскость вы поставили ее? Учен. На *нижнюю* плоскость. Учит. Нельзя ли поставить призму еще иначе? Учен. Можно поставить призму еще на *верхнюю* плоскость. Учит. На какихъ же плоскостяхъ своихъ призма можетъ стоять? Учен. Призма мо-

жетъ стоять на двухъ плоскостяхъ: на нижней и верхней. Учит. А можетъ ли она стоять на другихъ своихъ плоскостяхъ? Учен. Нѣтъ; на другихъ плоскостяхъ она можетъ *лежать*. Учит. Сколько же плоскостей, на которыхъ призма можетъ лежать? Учен. Четыре плоскости. Учит. Эти плоскости составляютъ стороны или грани призмы; а нижняя и верхняя плоскости, на которыхъ призма можетъ стоять, называются нижнимъ и верхнимъ *основаніями* ея. Сколько же основаній имѣетъ призма? Учен. Призма имѣетъ два основанія, нижнее и верхнее. Учит. А сколько сторонъ или граней имѣетъ наша призма? Учен. Наша призма имѣетъ четыре стороны или грани. Учит. Поэтому какую фигуру она представляетъ? Учен. Она представляетъ четырехстороннюю или четырехгранную фигуру. Учит. Какую форму имѣетъ каждая изъ сторонъ или граней нашей призмы? Учен. Каждая изъ сторонъ или граней призмы имѣетъ четвероугольную форму или составляетъ четыреугольникъ. Учит. А основанія призмы какую имѣютъ форму? Учен. Также четвероугольную. Учит. Посмотрите: какъ стоятъ стороны или грани призмы на ея основаніяхъ? Учен. Стороны или грани призмы стоятъ на основаніяхъ ея *прямо*. Учит. А какъ еще можно сказать вмѣсто «прямо»? Кто изъ васъ съумѣетъ отвѣтить? Если призма стоитъ, то будутъ ли держаться карандашъ, грифель на ея сторонахъ? Учен. Нѣтъ; карандашъ и грифель тотчасъ же упадутъ. Учит. Какъ же мы назвали въ кубѣ тѣ плоскости и ребра, съ которыхъ вещи тотчасъ же падаютъ прямо внизъ? Кто помнитъ? Учен. Такія плоскости мы назвали отвѣсными, перпендикулярными, или вертикальными. Учит. Такъ, хорошо. Слѣдовательно какъ же стоятъ стороны или грани призмы на ея основаніяхъ? Учен. Плоскости или грани стоятъ отвѣсно или перпендикулярно или вертикально. Учит. А какъ мы сами стоимъ на полу? Учен. Мы стоимъ также отвѣсно, вертикально или перпендикулярно. Учит. Нѣтъ ли здѣсь въ классѣ предметовъ, которые стоятъ такъ же точно? Учен. Столы, скамьи и проч. Учит. Такъ какъ въ нашей призмѣ всѣ стороны или грани стоятъ на основаніяхъ прямо, отвѣсно, перпендикулярно, то и призма называется *прямою (отвѣсною или перпендикулярною)*. Скажите же мнѣ теперь полное названіе нашей призмы? Учен. Призма эта есть *четырехсторонная или четырехгранная прямая призма*.

Учит. Положите теперь призму одною изъ сторонъ ея на вашу доску или на бумагу и очертите эту сторону, точно такъ же, какъ вы это дѣлали съ кубомъ. Какую фигуру вы получили? Учен. Мы получили четыреугольникъ. Учит. Чему равенъ этотъ четыреугольникъ? Учен. Онъ равенъ сторонѣ призмы, на которой мы его начертили. Учит. Почему вы называете его четыреугольникомъ. Учен. Мы называемъ его четыреугольникомъ потому, что онъ имѣетъ четыре угла.

Учит. Сколько измѣреній имѣетъ четыреугольникъ? Учен. Онъ имѣетъ два измѣренія: въ длину и ширину. Учит. Слѣдовательно что такое четыреугольникъ? Учен. Четыреугольникъ есть плоскость. Учит. Чѣмъ ограничиваются плоскости? Кто помнитъ? Учен. Плоскости ограничиваются линіями. Учит. Сколько линій ограничиваютъ четыреугольникъ? Учен. Четыре линіи ограничиваютъ четыреугольникъ. Учит. Сколько линій составляютъ уголъ? Учен. Двѣ линіи составляютъ уголъ. Учит. Въ какомъ мѣстѣ образуютъ двѣ линіи уголъ? Учен. Двѣ линіи образуютъ уголъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ встрѣчаются или сходятся. Учит. Идутъ ли эти двѣ линіи по одному и тому же направленію? Учен. Нѣтъ, онѣ идутъ по разному направленію. Учит. Если бы двѣ линіи шли на встрѣчу одна другой по одному прямому направленію, вотъ такъ, какъ я теперь черчу на доскѣ, то составили ли бы онѣ уголъ при встрѣчѣ? Учен. Нѣтъ, онѣ вовсе не составили бы угла. Учит. Что же составляютъ онѣ при встрѣчѣ? Посмотрите. Учен. Онѣ соединяются и составляютъ одну прямую линію. Учит. Итакъ двѣ линіи, встрѣчаясь, составляютъ уголъ только тогда, когда онѣ идутъ на встрѣчу по различнымъ направленіямъ. Въ начерченномъ у васъ четыреугольникѣ двѣ линіи *прямо*, *отвѣсно*, *а не наклонно* сталкиваются, соединяются одна съ другой, и потому составляютъ *прямые углы*. Какіе же углы въ нашемъ

четыреугольникѣ? Учен. Въ нашемъ четыреугольникѣ всѣ четыре угла *прямые*. Учит. Четыреугольникъ, въ которомъ всѣ углы прямые, называется *прямоугольнымъ четыреугольникомъ* или просто *прямоугольникомъ*. Что же называется прямоугольникомъ? Учен. Прямоугольникомъ называется всякій четыреугольникъ, который имѣетъ прямые углы. Учит. Можно ли назвать квадратъ прямоугольникомъ? Учен. Можно. Учит. Почему же квадратъ можно назвать прямоугольникомъ? Учен. Потому что квадратъ есть также четыреугольникъ, который имѣетъ прямые углы. Учит. Хорошо. Но можно ли каждый прямоугольникъ назвать квадратомъ? Можно ли начерченный вами прямоугольникъ назвать квадратомъ? Учен. Нѣтъ, нашъ прямоугольникъ нельзя назвать квадратомъ. Учит. Почему же его нельзя назвать квадратомъ? Кто знаетъ? Учен. Потому что квадратъ имѣетъ равныя стороны. Учит. Итакъ вы теперь видите, что каждый квадратъ можно назвать прямоугольникомъ, но не всякій прямоугольникъ можно назвать квадратомъ. Можно ли назвать стороны нашей призмы квадратами? Учен. Нѣтъ: стороны нашей призмы нельзя назвать квадратами. Учит. Что же онѣ представляютъ? Учен. Стороны призмы представляютъ прямоугольники. Учит. Можете ли вы мнѣ теперь сказать, какое различіе мы узнали между кубомъ и призмою? Что такое стороны куба? Учен. Стороны куба квадраты. Учит. А стороны нашей призмы? Учен. Стороны нашей призмы — прямоугольники. Учит. Слѣдовательно въ чемъ же состоитъ различіе между кубомъ и призмою, которое мы теперь узнали? Учен. Различіе между кубомъ и призмою, которое мы узнали, состоитъ въ сторонахъ ихъ. Учит. Да, *въ формѣ сторонъ*. Теперь сравните между собою вотъ эти двѣ противоположныя стороны призмы; что вы находите? Учен. Эти двѣ противоположныя стороны призмы равны между собою. Учит. Сравните остальныя двѣ? Учен. Онѣ также равны между собою. Учит. А равны ли послѣднія двѣ стороны первымъ двумъ? Учен. Нѣтъ, онѣ не равны (мы беремъ призму *неравностороннюю*). Учит. Сравните теперь оба основанія призмы между собою? Учен. Основанія призмы равны между собою. Учит. Равны ли эти основанія призмы сторонамъ ея? Учен. Нѣтъ, онѣ неравны. Учит. А равны ли стороны куба между собою? Учен. Всѣ стороны куба равны между собою. Учит. Какую же мы еще нашли разницу между кубомъ и призмою? Учен. Мы нашли ту разницу, что кубъ имѣетъ все *равныя стороны, а у призмы только противоположныя стороны и основанія равны*.

Учит. Вы знаете, что кубъ и призма суть *тѣла*, и что поэтому они имѣютъ три измѣренія: въ длину, ширину и вышину. Смѣрьте эти три измѣренія въ кубѣ и сравните ихъ между собою; что вы находите? Учен. Мы находимъ, что длина, ширина и вышина куба равны между собою. Учит. Вышина въ тѣлахъ обыкновенно называется *высотою*. Сдѣлайте то же самое съ измѣреніями призмы? Учен. Длина, ширина и высота призмы не равны между собою; онѣ различны. Учит. Вотъ мы нашли еще третье отличіе куба отъ четырехгранной прямой призмы, именно то, что всѣ *три измѣренія въ кубѣ равны между собою, а въ призмѣ—не равны*.

Учит. Теперь отдайте мнѣ ваши призмы и кубы, и на словахъ повторимъ все, что мы узнали о прямой четырехгранной призмѣ, и чѣмъ отличается она отъ куба. Сколькими плоскостями ограничивается эта призма? Какую форму имѣютъ эти плоскости и какъ называются? Почему онѣ называются прямоугольниками? — Какая разница между прямоугольникомъ и квадратомъ? — Сколько прямыхъ угловъ въ четырехгранной прямой призмѣ? Сколько реберъ? Какія стороны призмы равны между собою? А въ кубѣ? — На какихъ плоскостяхъ можетъ стоять призма? На какихъ плоскостяхъ она лежитъ? Въ какомъ положеніи стороны призмы стоятъ на ея основаніяхъ? Скажите мнѣ теперь, что такое прямая четырехгранная призма и чѣмъ отличается она отъ куба?

(Сообщимъ еще матеріалъ для слѣдующихъ двухъ бесѣдъ, которыя могутъ быть изложены по примѣру этой.)

III. Трехгранная призма.

Она ограничивается 5 плоскостями: 2 основанія представляютъ равныя треугольныя прямолинейныя фигуры или два равные треугольника; 3 четыреугольныя плоскости составляютъ стороны ея. Призма стоитъ на своихъ треугольникахъ. Она имѣетъ 9 ребръ; каждая сторона ея имѣетъ 4 прямыхъ угла; каждое основаніе имѣетъ три острыхъ (наклонныхъ) угла.

Различія этой призмы отъ предыдущей: 1) въ числѣ сторонъ (граней), ребръ и угловъ; 2) формѣ (фигурѣ) основаній; 3) углы прямые и острые.

Учитель показываетъ ученикамъ различныя трехгранныя прямыя призмы: а) равносторонныя, б) неравносторонныя. Ученики знакомятся при этомъ съ различными треугольниками (равносторонними и неравносторонними, косоугольниками и тупоугольниками), и чертятъ ихъ и сравниваютъ съ прямоугольниками и квадратами.

IV. Трехгранная пирамида.

Трехгранная пирамида имѣетъ одно треугольное основаніе и три треугольныя стороны. Треугольникъ основанія имѣетъ равныя стороны, слѣдовательно онъ равносторонній; боковые треугольники имѣютъ по двѣ равныя стороны — они *равнобеддренные*. Всѣ боковые треугольники сходятся въ одной точкѣ, которая составляетъ *вершину пирамиды*. Сколько ребръ въ пирамидѣ? Сколько угловъ? Стороны пирамиды имѣютъ *наклонное положеніе* къ основанію ея. На основаніи пирамида стоитъ, а на сторонахъ лежитъ.

Сравненіе пирамиды съ предыдущими тѣлами.

Ученикамъ показываются многогранныя пирамиды; при этомъ ученики по основаніямъ такихъ пирамидъ знакомятся съ различными многоугольниками, правильными и неправильными, и чертятъ ихъ.

V. Цилиндръ.

Учит. Вотъ этотъ круглый столбъ называется *цилиндромъ*. Онъ есть также тѣло, потому что онъ имѣетъ три измѣренія. Мы разсматривали уже нѣсколько тѣлъ: кубъ, различныя призмы и пирамиды. Съ которымъ изъ этихъ тѣлъ цилиндръ имѣетъ большее сходство? Посмотрите, сравните и скажите мнѣ. Учен. Цилиндръ имѣетъ большее сходство съ призмою. Учит. Посмотримъ, въ чемъ же состоитъ это сходство? Какъ стоитъ цилиндръ? Учен. Цилиндръ стоитъ прямо, отвѣсно, такъ же какъ и призма. Учит. На которыхъ изъ своихъ плоскостей можетъ стоять цилиндръ? Учен. На двухъ плоскостяхъ: на нижней и верхней. Учит. Какъ называются эти плоскости у призмы? Учен. Эти плоскости называются основаніями. Учит. Сколько же основаній имѣетъ цилиндръ? Учен. Цилиндръ имѣетъ два основанія: нижнее и верхнее, такъ же какъ и призма. Учит. Какую форму имѣютъ основанія цилиндра? Учен. Основанія цилиндра имѣютъ круглую форму. Учит. Да; они представляютъ два кружка. Какую форму имѣютъ основанія разсмотрѣнныхъ нами призмъ? Учен. Основанія разсмотрѣнныхъ нами призмъ имѣютъ форму четвероугольную и треугольную. Учит. Какую поверхность имѣютъ основанія цилиндра? Учен. Основанія цилиндра имѣютъ плоскую, ровную поверхность. Учит. А стороны цилиндра составляютъ какую поверхность? Учен. Стороны цилиндра составляютъ круглую, выпуклую поверхность. Учит. Плоская, ровная поверхность называется *прямою поверхностью*, а выпуклая поверхность, составляющая стороны цилиндра, называется *кривою* или *цилиндрическою поверхностью*. Какія же поверхности составляютъ основанія цилиндра? Учен. Основанія цилиндра составляютъ *прямыя поверхности*. Учит. А стороны цилиндра? Учен. Стороны цилиндра составляютъ одну *кривую поверхность*. Учит. Сколько же поверхностей ограничиваютъ цилиндръ? Учен. Три поверхности ограничиваютъ цилиндръ: одна со сторонъ, одна сверху и еще одна снизу. Учит. Какія же эти поверхности? Учен. Двѣ прямыя и одна кривая.

Учит. Имѣетъ ли цилиндръ углы? Учен. Нѣтъ; цилиндръ не имѣетъ угловъ. Учит. А имѣетъ ли онъ ребра? Посмотрите хорошенько. Учен. Цилиндръ имѣетъ два ребра. Учит. Чѣмъ

составляются эти ребра? Учен. Эти ребра составляются верхнимъ основаніемъ и кривою поверхностію, и нижнимъ основаніемъ и кривою поверхностью. Учит. Въ какомъ направленіи идутъ эти ребра? Учен. Они идутъ вокругъ цилиндра, одно сверху, а другое снизу. Учит. Такое ли направленіе имѣли ребра въ кубѣ, въ призмѣ, пирамидѣ? Учен. Нѣтъ, не такое. (Тутъ кстати учитель можетъ спросить учениковъ, какія направленія имѣли ребра въ этихъ тѣлахъ, чтобы узнать, не позабыли ли они чего. Припоминая направленіе ребръ куба, призмы, пирамиды, можно спросить и о горизонтальныхъ, перпендикулярныхъ и наклонныхъ линіяхъ и плоскостяхъ.) Учит. Какія же линіи составляли ребра въ разсмотрѣнныхъ нами тѣлахъ? Учен. Ребра въ разсмотрѣнныхъ нами тѣлахъ составляли прямыя линіи. Учит. А какую линію составляетъ ребро въ цилиндрѣ? Учен. Ребро въ цилиндрѣ составляетъ круглую линію. Учит. Вы назвали поверхность, которая составляетъ стороны цилиндра, сначала также круглою; но какъ мы ее потомъ назвали? Кто помнитъ? Учен. Мы назвали ее *кривою поверхностію*. Учит. Слѣдовательно эта поверхность есть кривая поверхность. Какая же линія есть ребро цилиндра? Учен. Ребро цилиндра есть *кривая линія*.

Учит. Положите ваши цилиндры. Могутъ ли они лежать? Учен. Да, цилиндры могутъ лежать. Учит. На которой изъ поверхностей своихъ они лежатъ? Учен. На кривой поверхности. Учит. Что лежитъ тверже на ровномъ мѣстѣ, призма или цилиндръ? Учен. Призма лежитъ тверже. Учит. Что сдѣлается съ цилиндромъ, если его толкнуть немного? Учен. Цилиндръ сейчасъ покатится.

Учит. Возьмемъ теперь прямую проволоку и проткнемъ цилиндръ такъ, чтобы она прошла чрезъ средину верхняго и нижняго основаній. Около этой проволоки цилиндръ можетъ вертѣться, какъ колесо около своей оси. Эта проволока есть прямая линія, которая называется также *осью*. Итакъ скажите мнѣ, что такое ось цилиндра? Учен. Ось цилиндра есть прямая линія, которая проходитъ чрезъ средину обоихъ основаній.

Учит. Поставьте теперь цилиндры на тетради или на грифельныя доски и очертите одно основаніе ихъ. Что у васъ вышло? Учен. У насъ вышелъ кругъ. Учит. Точка, находящаяся въ самой срединѣ круга, называется *центромъ* его, а кривая линія, ограничивающая кругъ, называется *окружностью* его. Что же называется центромъ круга? Учен. Центромъ называется точка, находящаяся въ самой срединѣ круга. Учит. А что составляетъ окружность круга? Учен. Окружность круга составляетъ кривая линія, которая ограничиваетъ кругъ. Учит. Проведемъ теперь нѣсколько прямыхъ линій отъ центра круга къ окружности его. Смѣрьте эти линіи и сравните длины ихъ между собою. Что вы находите? Учен. Мы находимъ, что длина этихъ линій одна и та же. Учит. Длина этихъ линій составляетъ *разстояніе* окружности круга отъ его центра; слѣдовательно разстояніе окружности отъ центра круга со всѣхъ сторонъ или вездѣ одинакокое или равное. Эти линіи называются *радіусами* круга. Что же такое радіусъ круга? Учен. Радіусами круга называются прямыя линіи, проведенныя отъ центра его къ окружности. Учит. Равны ли, или неравны между собою радіусы круга? Учен. Радіусы равны между собою. Учит. Проведите теперь прямую линію черезъ центръ круга отъ одного края окружности до другого. Чему равняется длина его? Смѣрьте. Учен. Длина его равняется длинѣ двухъ радіусовъ. Учит. Эта линія называется *діаметромъ* или *поперечникомъ*. На сколько частей діаметръ или поперечникъ раздѣляетъ кругъ? Учен. Діаметръ или поперечникъ раздѣляетъ кругъ на двѣ части. Учит. Равны ли эти части между собою? Учен. Эти части равны между собою. Учит. Какую часть цѣлаго круга составляетъ каждая изъ этихъ частей? Учен. Каждая изъ этихъ частей составляетъ половину круга. Учит. На какія же двѣ части діаметръ раздѣляетъ кругъ? Учен. Діаметръ раздѣляетъ кругъ на два полукруга. Учит. Чему равняется діаметръ или поперечникъ по длинѣ своей? Учен. Діаметръ

или поперечникъ по длинѣ своей равняется *двумъ радіусамъ*. Учит. Какую же часть діаметра или поперечника составляетъ *одинъ* радіусъ? Учен. Одинъ радіусъ составляетъ *половину* діаметра или поперечника. Учит. Какъ же поэтому можно еще назвать радіусы? Учен. Радіусы можно еще назвать *полудіаметрами* или *полупоперечниками*. Учит. Можно ли еще провести діаметры въ кругѣ? Учен. Можно. Учит. Много ли діаметровъ можно провести въ кругѣ? Учен. Много. Учит. А радіусовъ? Учен. Также много. Учит. Да, діаметровъ и радіусовъ можно провести въ кругѣ такъ много, что нельзя и сосчитать, т. е. *безчисленное множество*. Сколько же ихъ можетъ быть въ одномъ и томъ же кругѣ? Учен. Въ одномъ и томъ же кругѣ можетъ быть безчисленное множество діаметровъ и радіусовъ.

Учит. Скажите же мнѣ теперь, что такое цилиндръ? Что такое ось цилиндра? Чѣмъ отличается цилиндръ отъ призмы и отъ другихъ тѣлъ, которыя мы прежде разсматривали? (Ученики легко отвѣчаютъ на эти вопросы, если только они хорошо поняли и сознательно усвоили себѣ предыдущее.)

Учит. Теперь раздѣлимъ или разнимемъ цилиндръ вдоль оси его на двѣ части; мы получимъ:

VI. Полуцилиндръ.

(Учитель продолжаетъ бесѣду катихетически; мы же дадимъ какъ для этой, такъ и для слѣдующихъ бесѣдъ только одинъ матеріалъ.)

Полуцилиндръ имѣетъ одну четвероугольную плоскость, которая ограничиваетъ кривую поверхность, составляющую половину кривой поверхности цѣлаго цилиндра. Каждое основаніе полуцилиндра составляетъ *полукругъ*, равный половинѣ основанія цѣлаго цилиндра; 4 прямыхъ ребра и два кривыхъ. На четвероугольной сторонѣ полуцилиндръ лежитъ твердо. Если цилиндръ лежитъ на своей кривой поверхности, то четвероугольная сторона его имѣетъ *горизонтальное положеніе*. Если толкнуть полуцилиндръ, лежащій на кривой поверхности, то онъ не покатится, а начнетъ качаться, и потомъ опять остановится въ прежнемъ положеніи.

Полуцилиндръ можно раздѣлить на двѣ *четверти цилиндра*. Двѣ четвероугольныя стороны, 7 прямыхъ ребръ и два кривыхъ. Каждое основаніе составляетъ половину полукруга или *четверть* цѣлаго круга. Поверхность *кривая*, составляющая также *четверть* кривой плоскости цѣлаго цилиндра. Ось цилиндра составляетъ *прямое ребро* четверти цилиндра, въ которомъ сходятся обѣ четвероугольныя плоскости. Верхнія и нижнія прямыя ребра составляютъ радіусы цѣлаго основанія цилиндра.

VII. Конусъ.

Какъ цилиндръ похожъ на призму, такъ конусъ на пирамиду. Конусъ имѣетъ двѣ поверхности: *кривую*, которая обхватываетъ его со всѣхъ сторонъ, и *прямую* или *кругъ*, составляющую *основаніе*, на которомъ онъ твердо стоитъ. Кривая поверхность конуса сходится къ верху въ одну *точку*, составляющую *вершину* его. Если толкнуть *лежачій* конусъ, то онъ не покатится по прямому направленію въ одну сторону, а будетъ *кружиться* около своей вершины. Въ этомъ отношеніи онъ различается отъ цилиндра. Кривая поверхность конуса находится въ *наклонномъ* положеніи къ основанію; по ней можно проводить прямыя линіи въ *наклонномъ* направленіи отъ вершины къ основанію, или на оборотъ: отъ основанія къ вершинѣ. Линія, проведенная отъ вершины конуса къ центру основанія, есть *ось* конуса. Ребро — одно, которое составляется кривою поверхностью съ основаніемъ.

VIII. Шаръ.

Одна кривая, вездѣ одинаково выпуклая поверхность, окружающая шаръ со всѣхъ сторонъ. Нѣтъ ни ребръ, ни угловъ. На шарѣ нигдѣ нельзя провести прямой линіи. Внутри самую средину шара составляетъ точка, которая одинаково отдалена отъ всѣхъ частей поверхности, окружающей шаръ. Эта точка есть *средоточіе* или *центръ* шара. Прямыя линіи, проведенныя отъ *поверхности* шара къ этой точкѣ или къ центру, называются *радіусами* шара. Прямыя линіи, проходящія чрезъ центръ отъ одного края поверхности шара до друго-

го, составляютъ *діаметры* или *поперечники шара*, которые всѣ равны между собою. Каждый изъ поперечниковъ шара можетъ быть *осью* его, около которой шаръ обращается. Конечныя точки (концы) оси шара, находящіяся на поверхности его, называются *полюсами.* Шаръ стоитъ всегда въ *одномъ* положеніи и можетъ быть еще *легче* столкнутъ, чѣмъ цилиндръ. Если раздѣлимъ шаръ на двѣ половины, то получимъ два *полушара.* Каждый полушаръ дѣлится также на двѣ равныя части — четверти шара. Разсматриваніе полушара и четверти шара. Сравненіе полушара со сводомъ небеснымъ. Большой поперечный кругъ или экваторъ. Сравненіе радіуса и діаметра этого круга съ радіусомъ и діаметромъ шара. Различіе шара отъ прежнихъ тѣлъ, сравненіе его съ кубомъ. Совершенная правильность обоихъ тѣлъ. Опредѣленіе шара. Повторительные вопросы и отвѣты, относящіеся ко всѣмъ разсмотрѣннымъ тѣламъ.

Обученіе письму.

I.

Очень недавно еще почти во всѣхъ училищахъ нашихъ первоначальное обученіе письму состояло единственно въ томъ, что учитель писалъ въ видѣ образца сперва малыя и большія буквы алфавита, начиная съ *а* и доходя постепенно до *г*, — затѣмъ изображалъ различные слоги и наконецъ переходилъ къ отдѣльнымъ словамъ и предложеніямъ. Написанное учителемъ ученики должны были срисовывать, кто какъ умѣлъ и хотѣлъ; только болѣе слабымъ учитель иногда водилъ руку, или же предварительно самъ очерчивалъ буквы карандашомъ (въ классѣ!), такъ что ученикамъ оставалось только совершенно машинально обводить ихъ чернилами.

Понятно, что при такомъ способѣ не могло быть никакой соразмѣрности между слабыми силами учениковъ и требованіемъ учителя; поэтому и не удивительно, что съ первыхъ же уроковъ охота и усердіе къ ученію въ дѣтяхъ исчезали и замѣнялись отвращеніемъ и лѣностью.

Всякому, кто хоть сколько нибудь знакомъ съ дѣтскою природою, извѣстно, какое удовольствіе, какую любовь къ ученію можетъ пробудить въ новичкѣ успѣшное исполненіе заданной ему работы, какъ сильно успѣхъ этотъ поощряетъ его все болѣе и болѣе приблизиться къ образцу своему и какъ по мѣрѣ того въ немъ увеличивается истинный интересъ къ самому дѣлу! Если учитель умѣетъ заинтересовать учениковъ, пробудить въ нихъ ту духовно-двигательную силу, которая заставляетъ ихъ постоянно стремиться впередъ, безъ всякихъ къ тому внѣшнихъ понудительныхъ мѣръ, какъ-то угрозъ и наказаній: то можно сказать, что преподаваніе его имѣетъ на учениковъ вліяніе воспитательное. Слѣдовательно всякое преподаваніе, чтобы дѣйствовать такимъ образомъ, должно прежде всего вызвать эту *двигательную силу*, т. е. желаніе и охоту учиться, источникъ которой кроется преимущественно въ чувствѣ удовольствія, ощущаемомъ дѣтьми при первыхъ удачныхъ опытахъ въ новомъ для нихъ дѣлѣ.

Хотя въ наше время едва ли еще кто придерживается вышеупомянутаго мною способа обученія письму; но тѣмъ не менѣе нужно сознаться, что ученики большею частью и теперь весьма неохотно бываютъ на урокахъ письма или такъ называемаго чистописанія, — почему и успѣхъ далеко не соотвѣтствуетъ значительному числу часовъ, опредѣляемому обыкновенно для этого занятія. Отчего же это происходитъ?

Прежде нежели я отвѣчу на этотъ

вопросъ, я попрошу читателей принять въ соображеніе слѣдующее. Чтобы пріучить ученика съ самаго начала къ точной, внимательной работѣ и сдѣлать всякое съ его стороны нерадѣніе невозможнымъ, необходимо требовать отъ него возможно совершеннаго (правильнаго) исполненія даннаго ему урока. Требованіе же это будетъ справедливо только въ такомъ случаѣ, если оно не превышаетъ исполнительной способности (силъ) ученика, если учитель потребуетъ не болѣе, нежели ученикъ *можетъ* исполнить. Мы же всѣ знаемъ по собственному опыту, что эта исполнительная способность у начинающихъ учиться еще чрезвычайно слаба. Сообщеніе дѣтямъ рукописныхъ буквъ въ строгой послѣдовательности, т. е. въ томъ порядкѣ, въ какомъ буквы эти очевидно могутъ быть произведены одна изъ другой (*i ц й-ц ш щ ч ь ъ-ъ н* и т. д.), разумѣется, значительно способствуетъ постепенному, методическому переходу отъ легкаго къ трудному, потому что такимъ образомъ къ извѣстному уже ученикамъ матеріалу каждый разъ прибавляется только одинъ новый, неизвѣстный моментъ; но съ другой стороны послѣдовательностью этою нисколько не облегчается самый процесъ письма: если ученики должны писать между двумя линіями, безъ всякихъ вспомогательныхъ линій, и если требовать отъ нихъ хоть мало-мальски удовлетворительной работы, то имъ нужно долго и неутомимо упражняться въ изображеніи каждаго отдѣльнаго знака, потому что большая часть буквъ для новичковъ еще слишкомъ трудны и сложны. Словомъ, способъ этотъ облегчаетъ только уразумѣніе различныхъ формъ буквъ, а не изображеніе ихъ.

Чтобы облегчить ученикамъ задачу ихъ и въ этомъ послѣднемъ отношеніи, нѣкоторые преподаватели разлагаютъ буквы на составныя части и т. д., и упражняютъ учениковъ въ черченіи этихъ основныхъ формъ до тѣхъ поръ, пока они пріобрѣтутъ достаточно силы, чтобы съ успѣхомъ воспроизводить и болѣе сложныя формы цѣлыхъ буквъ.

Способъ этотъ самъ по себѣ весьма вѣренъ, но въ приложеніи къ дѣтямъ неудобоисполнимъ, потому что не соотвѣтствуетъ дѣтской природѣ. Продолжительное, неутомимое упражненіе въ писаніи одной и той же черты требуетъ такого терпѣнія, такой силы воли, какой никакъ нельзя предположить въ новичкахъ; сила эта пріобрѣтается только вслѣдствіе и помощію преподаванія. Поэтому и не удивительно, что такое занятіе скоро надоѣдаетъ ученикамъ, наводитъ на нихъ тоску, и стало-быть нисколько не облегчаетъ самое ученіе.

Мы слѣдовательно очутились тутъ между двумя крайностями: требуя правильнаго исполненія задачи, мы отбиваемъ у новичковъ охоту къ ученію, дѣлаемъ уроки письма для нихъ мучительными; отказываясь же отъ этого требованія, мы должны предоставить все слѣпому случаю.

Я не считаю нужнымъ разбирать, которое изъ этихъ двухъ золъ меньшее; потому что существуетъ давно уже на практикѣ испытанное средство избѣжать и той и другой крайности[1].)

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что при обученіи письму важнѣе всего развитіе глаза и руки; учитель слѣдовательно долженъ обращать главное вниманіе свое на правильное *держаніе* и *вожденіе* пера, а затѣмъ и на правильную форму каждой изображаемой буквы. Точное исполненіе этихъ двухъ условій, о которыхъ учитель постоянно напоминаетъ, уже весьма трудно для новичка. Но къ этимъ двумъ условіямъ присоединяются еще: 3) *равная вышина*, 4) *равная ширина*, 5) *равное разстояніе* и 6) *одинаковое положеніе* или *направленіе* однѣхъ и тѣхъ же различныхъ сопоставленныхъ буквъ, — все условія, которыхъ также нельзя упускать изъ виду, если требуются вѣрные, удовлетворительные результаты въ письмѣ.

Всѣ конечно согласятся, что ребенку, начинающему учиться, уже довольно

[1]) Еще въ 1809 г. нѣмецкій педагогъ Целлеръ примѣнялъ способъ, о которомъ я намѣренъ здѣсь говорить. Въ наше же время усовершенствованію и быстрому распространенію этого способа содѣйствовалъ преимущественно учитель Гевманъ въ Мангеймѣ.

трудно обращать слабое вниманіе свое продолжительно и на одно изъ этихъ условій, а не токмо-что разомъ на всѣ шесть. Слѣдовательно дѣлать подобныя требованія (а учителя, примѣняющіе при первоначальномъ обученіи методу Керстерса, дѣйствительно дѣлаютъ ихъ) значитъ *гнаться въ одно и то же время за шестью зайцами*.

Чтеніе нотъ, какъ извѣстно, начинается не съ труднѣйшаго и сложнаго, не съ партитуры. Почему? Весьма понятно: способность обращать вниманіе на многія стороны предмета одновременно требуетъ постепеннаго, послѣдовательнаго упражненія. Способность эта возрастаетъ только по мѣрѣ того, какъ укрѣпляется обусловливающая ее сила воли. Пока же ребенокъ не научится вниманіе свое *подчинять волѣ* (это и взрослому не всегда удается), въ немъ должно быть поддерживаемо *непроизвольное* вниманіе — ходомъ преподаванія, изложеніемъ, различными пріемами и личностью учителя.

Изъ сказаннаго, относящагося одинаково къ первоначальному преподаванію всѣхъ учебныхъ предметовъ, мы можемъ сдѣлать слѣдующій выводъ относительно обученія письму:

Вниманіе дитяти должно быть обращаемо сперва единственно на то, что въ первоначальномъ преподаваніи важнѣе всего другого, а именно на держаніе и вожденіе пера; соблюденіе же всѣхъ другихъ условій письма необходимо по возможности облегчить ему.

Опытъ показалъ, что облегченіе это вполнѣ достигается слѣдующею *графическою сѣткою* (см. на слѣд. стран. рисунокъ), въ которой, кромѣ двойной горизонтальной линіи для междустрочныхъ буквъ, находятся еще: 1) горизонтальная линія для надстрочныхъ буквъ; 2) таковая же для подстрочныхъ и 3) косыя линіи, которыми опредѣляется и наклонность, и разстояніе отдѣльныхъ буквенныхъ чертъ [1].

Сѣтка эта напоминаетъ новичку постоянно о равной вышинѣ, ширинѣ, наклонности и равномъ разстояніи буквъ и отдѣльныхъ чертъ; она слѣдовательно съ перваго же урока пріучаетъ его къ точной, тщательной и внимательной работѣ. Безъ сѣтки же этой, предохраняющей отъ дурныхъ привычекъ, въ почеркъ ученика вкрадывается множество неправильностей, которыя потомъ, не смотря на постоянное исправленіе со стороны учителя, весьма трудно, а иногда и совсѣмъ не устраняются. И въ чемъ состоитъ это исправленіе, какъ не въ томъ, что учитель, видя напр., что ученикъ вмѣсто прямой черты для буквы

г сдѣлалъ согнутую , проводитъ подлѣ этой черты прямую линію

 ,чтобы показать новичку уклоненіе сдѣланной имъ черты отъ прямой линіи; такъ же точно указывается и неправильное положеніе или разстояніе основныхъ чертъ, и т. д. Все это достигается помощію сѣтки гораздо лучше. Она, такъ сказать, замѣняетъ въ этомъ отношеніи учителя, который не можетъ же руководить лично всѣхъ учениковъ въ классѣ, а тѣмъ болѣе указывать каждому ошибки [2]. Само собою разумѣется, что сѣтка эта нужна только для первоначальнаго преподаванія. Какъ только глазъ новичка свыкнется съ надлежащими пространственными отношеніями, то изъ сѣтки должны быть исключены сперва косыя линіи, опредѣляющія наклонность и разстояніе буквенныхъ чертъ, а потомъ и горизонтальныя, показывающія длину надстрочныхъ и подстрочныхъ буквъ. А чтобы сѣтка не превратилась, такъ сказать, въ костыли для лѣнивыхъ и апатичныхъ учениковъ, объ этомъ уже долженъ позаботиться учитель. Забота не малая, конечно.

Итакъ помощію сѣтки даже самый слабый ученикъ можетъ исполнить заданную ему работу скоро и правильно,

---

[1]) Разлинованная такимъ образомъ бумага продается почти въ каждой бумажной лавкѣ.

[2]) Говоря, что сѣтка въ извѣстномъ отношеніи замѣняетъ учителя, авторъ отнюдь не хочетъ сказать, что учитель дѣлается лишнимъ въ классѣ; напротивъ, ему тутъ остается не мало дѣла, какъ это ясно можно будетъ усмотрѣть изъ слѣдующихъ уроковъ. *Ред.*

если только онъ предварительно ясно понялъ свою задачу. Успѣхъ же первой дѣятельности возбуждаетъ въ немъ чувство удовольствія и интересъ къ самому дѣлу, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливаетъ вниманіе его и стараніе.

Пусть первые опыты по исполненію своему будутъ и нечисты и нетверды; но правильность должна быть соблюдена въ нихъ. Преподаваніе, которое терпитъ ошибки, рѣшительно дурно, — то, которое постепенно исправляетъ ихъ, лучше; но только то преподаваніе можно назвать хорошимъ, которое по возможности *предохраняетъ* отъ ошибокъ.

Очень можетъ быть, что по поводу предлагаемой сѣтки нѣкоторые преподаватели заговорятъ о принужденіи и стѣсненіи свободнаго развитія, но такимъ оппонентамъ я долженъ сказать, что они

свободное развитіе смѣшиваютъ съ произволомъ и необузданностью, и не знаютъ, что и самое свободнѣйшее развитіе подчиняется извѣстнымъ основнымъ законамъ. Самый свободный, размашистый почеркъ обусловливается правильностью; потому-то и необходимо, чтобы сообразно естественному ходу преподаванія и дѣтской природѣ *точно-опредѣленныя* упражненія въ письмѣ предшествовали свободнымъ.

Далѣе, помощію сѣтки учителю гораздо легче *объяснять* различныя формы буквъ. Чтобы ученикъ могъ *изобразить* эти формы правильно и какъ можно ближе къ данному ему образцу, онъ предварительно долженъ точно и вѣрно *уразумѣть* ихъ, т. е. хорошенько всмотрѣться въ различныя прямыя и согнутыя черты, и замѣтить себѣ величину ихъ, толщину и положеніе. Новичокъ же, какъ извѣстно, не умѣетъ еще наблюдать и сравнивать; его слѣдовательно необходимо научить этому; а это въ началѣ возможно только посредствомъ вспомогательныхъ линій, изъ каковыхъ именно и состоитъ сѣтка. Помощію ея учителю не трудно будетъ и самому маленькому ребенку показать со всею точностію, въ какомъ мѣстѣ должно приставить перо, куда провести черту, гдѣ ее загнуть и т. д.; словомъ, посредствомъ сѣтки ученикъ можетъ быть скорѣе и вѣрнѣе всего доведенъ до яснаго пониманія всѣхъ условій письма, — условія эти могутъ быть объяснены ему самымъ нагляднымъ образомъ. Слѣдовательно сѣтка даетъ полную возможность удовлетворить и главному дидактическому требованію относительно элементарнаго обученія, т. е. требованію наглядности.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ ученики научаются тотчасъ же и правильно изображать понятое, не тратя времени и силъ своихъ безполезно въ неудачныхъ попыткахъ. Каждая ошибка, малѣйшее уклоненіе отъ требуемаго, тотчасъ же бросается ученику въ глаза и заставляетъ его быть осторожнѣе и внимательнѣе. Наконецъ весьма важно при этомъ еще и то, что письменные органы (рука, кисть и пальцы) съ самаго начала пріучаются къ необходимымъ для хорошаго писанія, строго правильнымъ движеніямъ.

Изъ сказаннаго легко вывести заключеніе, что въ преподаваніи письма важнѣе всего *развитіе глазомѣра* и *ловкости руки*; ибо глазъ и рука суть главные дѣятели въ письмѣ. Но они не единственные дѣятели. Глазу соотвѣтствуетъ пониманіе, а рукѣ — исполненіе (механическое). Чтобы всѣ эти дѣятели могли производить требуемое, къ нимъ долженъ присоединиться еще одинъ дѣятель — *желаніе*, которое совершенно зависитъ отъ интереса къ самому дѣлу, отъ любви къ ученію. Отсутствіе послѣдняго дѣятеля причина тому, что ученики неохотно бываютъ на урокахъ письма. Всякое новое дѣло нѣкоторымъ образомъ смущаетъ учащагося; оно чуждо, трудно для него. Чтобы устранить это смущеніе и ободрить ученика, необходимо по крайней мѣрѣ первый приступъ къ дѣлу сдѣлать для него какъ можно легче и пріятнѣе. Легкимъ дѣло ему покажется, если оно не потребуетъ отъ него сразу слишкомъ напряженнаго и многосторонняго вниманія; пріятнымъ оно будетъ для него, когда онъ замѣтитъ, что занимается не безъ успѣха, — успѣха же добивается и само преподаваніе. А чѣмъ удовлетворительнѣе будетъ успѣхъ, тѣмъ рѣшительнѣе въ ученикѣ разовьется сильная, энергическая воля, которая можетъ довести до хорошихъ результатовъ и самаго безталантливаго ученика.

Итакъ упомянутая графическая сѣтка даетъ ученику возможность удовлетворительно исполнять свои работы; она слѣдовательно съ самаго начала обезпечиваетъ успѣхи его, и въ этомъ состоитъ главное ея достоинство.

II.

Кому случалось просматривать расписанія уроковъ въ нашихъ училищахъ, тотъ конечно не могъ не замѣтить, что въ числѣ обычныхъ предметовъ: чтенія, ариѳметики, рисованія, пѣнія и т. д., всегда встрѣчается и предметъ «каллиграфія» или «чистописаніе». Почему этому предмету придано опредѣленіе «калли» (отъ греч. καλος, прекрасный) или «чисто»? Потому ли, что въ прежнія времена онъ находился не въ рукахъ учителей (педагоговъ), а въ ру-

каковъ калиграфовъ или краснописцевъ, т. е. виртуозовъ по письменной части, которые стремились и изъ учениковъ своихъ сдѣлать такихъ же виртуозовъ? Или быть-можетъ этимъ эпитетомъ хотѣли отличить изображеніе собственно знаковъ членораздѣльной рѣчи отъ письменнаго выраженія мыслей? Или наконецъ по той и другой причинѣ вмѣстѣ? Рѣшить это трудно, да и незачѣмъ. Но весьма важно было бы изслѣдовать, не даетъ ли упомянутый эпитетъ повода къ ложному взгляду на самый предметъ и къ превратнымъ мнѣніямъ, могущимъ препятствовать достиженію благопріятныхъ результатовъ въ обученіи письму.

Если и принять, что приставкою «кали» или «чисто» ближе опредѣляется цѣль, которой хотятъ достигнуть этимъ обученіемъ, то нужно сознаться, что такое опредѣленіе цѣли совершенно лишнее, ибо красота или чистота тутъ также сама собою разумѣется, какъ напр. вѣрность или правильность при счисленіи и пѣніи, которыхъ никто не называетъ *вѣрносчисленіемъ* и *правильнопѣніемъ*. Дурное или нечистое писаніе будетъ уже не писаніе, а царапаніе или мараніе. Съ другой стороны съ достиженіемъ лишь красоты почерка (не говоря уже о чистотѣ) далеко еще не достигнута настоящая цѣль обученія письму. Если ученики научатся писать только красиво, т. е. четко, твердо и равномѣрно, но не научатся въ то же время писать и скоро: то это принесетъ имъ весьма мало пользы впослѣдствіи (т. е. въ высшихъ классахъ, въ университетѣ или практической жизни). Ученики должны уже въ первые годы школьнаго ученія учиться писать и красиво, и скоро; они должны собственнымъ опытомъ дойти до сознанія, что и при скоромъ письмѣ вовсе нѣтъ надобности писать небрежно, нечетко и некрасиво; наконецъ они должны учиться писать красиво *не только для учителя письма*, но и для всѣхъ другихъ учителей, *для всѣхъ случаевъ въ жизни*. Этого конечно трудно достигнуть, пока въ числѣ 5, 6 и даже болѣе тетрадей, принадлежащихъ тому же ученику, только одной дается привилегія на красивое и чистое письмо. Но откуда взялось такое противопоставленіе письма у одного учителя письму у всѣхъ другихъ учителей, если не отъ ложнаго взгляда на обученіе письму? И что могло скорѣе всего подать поводъ къ такому ложному взгляду, какъ не самое названіе «калиграфія» или «чистописаніе»? Поэтому не мѣшало бы совершенно исключить изъ школьной программы названіе «калиграфія» и замѣнить его названіемъ «упражненіе въ письмѣ». Вслѣдствіе этого измѣнился бы со временемъ и самый взглядъ на обученіе письму, и вмѣстѣ съ тѣмъ у учениковъ была бы отнята всякая возможность оправдывать небрежное письмо свое у другихъ учителей [1]). Спросите-ка у какого-нибудь ученика, почему онъ въ тетради для стихотвореній, или переводовъ, или другой какой-либо чистовой тетради далеко не такъ хорошо пишетъ, какъ умѣетъ,—и вы навѣрно услышите отъ него такой отвѣтъ: «да вѣдь это не калиграфія; учитель требуетъ только, чтобъ не было орфографическихъ или грамматическихъ ошибокъ». Кажется ясно, откуда берется такое мнѣніе. Вѣдь никакому ученику и во снѣ не приснится, что напр. чтеніе у учителя исторіи, или дома, совершенно не то, что у учителя русскаго языка, и что при внѣклассномъ чтеніи можно дурно произносить, или пожалуй запкаться.

Въ разъединеніи уроковъ «чистописанія» съ прочими уроками виноваты—частію сознательно, частію безсознатель-

---

[1]) Ужъ если никакъ нельзя разстаться съ названіемъ «калиграфія», то можно было бы по крайней мѣрѣ поберечь его для тетрадей тѣхъ учениковъ, которые дѣйствительно хорошо пишутъ. Тутъ оно было бы болѣе у мѣста. Убѣдившись чрезъ многолѣтній опытъ, что успѣхъ значительно зависитъ и отъ того, какими глазами ученики смотрятъ на изучаемый ими предметъ, я при каждомъ удобномъ случаѣ стараюсь уяснить моимъ ученикамъ значеніе уроковъ письма. Новичкамъ, которые обращаются ко мнѣ съ просьбою сдѣлать въ тетради ихъ надпись «Калиграфія» или «Чистописаніе», я всегда отвѣчаю, что не могу этого сдѣлать: «калиграфія, говорю я имъ, значитъ «красивое письмо», а вы еще далеко не красиво пишете; будете ли вы чисто писать, я также еще не знаю. Имя ваше я вамъ напишу и пожалуй сдѣлаю надпись: «Тетрадь для письма»; но лучше бы было оставить пустое мѣсто, а потомъ, когда испишется тетрадь, и дать ей приличную надпись.» Подобныя маленькія замѣчанія, кстати и не въ шутку сдѣланныя, чрезвычайно какъ дѣйствуютъ на дѣтей и остаются не безъ хорошихъ послѣдствій.

но—сами учителя, т. е. учителя языковъ и наукъ. Они даютъ поводъ къ этому, 1) когда требуютъ уже домашнихъ письменныхъ уроковъ отъ учениковъ, едва знающихъ азбуку; 2) когда задаютъ слишкомъ большіе уроки, такъ что ученикъ принужденъ писать скоро, прежде нежели успѣлъ пріобрѣсть необходимую для этого твердость руки; 3) когда слишкомъ скоро диктуютъ, и 4) когда требуютъ мелкаго письма отъ учениковъ, пишущихъ на урокѣ письма еще крупнымъ шрифтомъ. Быстрый, непослѣдовательный переходъ отъ крупнаго письма къ мелкому, съ упущеніемъ шрифта средней величины, дѣйствуетъ весьма вредно на учениковъ; они принуждены писать сгорбившись, портятъ себѣ глаза и, выводя нетвердою, дрожащею рукою мелкія буквенныя черты, пріучаются къ неясному, нечеткому и каракульному письму.

Отъ всего этого происходитъ двояко различный почеркъ, встрѣчающійся почти у каждаго ученика въ нашихъ училищахъ: почеркъ крупный, твердый и довольно красивый, и—почеркъ мелкій, неясный, каракульный.

Уроки *чисто*писанія находятся въ совершенномъ разладѣ со всѣми прочими уроками; втеченіе всего курса учителю письма приходится только исправлять то, что другіе портятъ. Ясно, что подобное положеніе дѣла должно имѣть самыя дурныя послѣдствія для почерка учениковъ. Особенно же вреденъ непослѣдовательный, быстрый переходъ отъ крупнаго шрифта къ мелкому, которымъ ученики пишутъ у другихъ учителей, не упражнявшись еще вовсе въ *письмѣ средней величины*: вслѣдствіе этого пріученіе руки къ быстрому и вмѣстѣ съ тѣмъ явственному изображенію каждой буквенной части, словомъ, къ бѣглому и четкому письму, дѣлается рѣшительно невозможнымъ. Поэтому и не удивительно, что письменная работа въ высшихъ классахъ почти ничѣмъ не отличается отъ письменныхъ работъ въ среднихъ классахъ, т. е. въ нихъ вовсе не замѣтны какіе-либо успѣхи относительно письма и почерка.

Пока на письмо учениковъ внѣ класса *чисто*писанія не будетъ обращаемо должное вниманіе, пока всѣ письменныя работы ихъ не будутъ признаны тождественными съ *чисто*писаніемъ, — до тѣхъ поръ едва ли можно будетъ достигнуть той цѣли, чтобы ученики писали бѣгло, скоро, и все-таки четко, твердо и красиво.

Разговору, письму и чтенію въ элементарномъ курсѣ должны учить *всѣ* учителя, т. е. они всѣ должны быть согласны между собой и помогать другъ другу, иначе отъ ученія нельзя ожидать хорошихъ результатовъ. Учитель письма не долженъ проводить на своемъ урокѣ особое правописаніе, лично имъ усвоенное, но несогласное быть-можетъ съ правилами, которыхъ придерживается учитель языка; прописи его отнюдь не должны содержать что-либо противорѣчащее тому, чему учатъ другіе учителя. Но за то и онъ въ правѣ ожидать, что товарищи его, въ свою очередь, облегчатъ и ему трудъ, т. е. не потерпятъ, чтобы ученики въ ихъ классѣ принимали положеніе вредное для груди и глазъ, или держали перо, какъ попало — не позволятъ имъ писать слишкомъ мелко, дурно или вообще нерадиво, и ни въ какомъ случаѣ уже сами не подадутъ повода къ какимъ-либо упущеніямъ относительно письма.

Въ элементарномъ курсѣ письмо должно быть такимъ же *самостоятельнымъ*, *главнымъ учебнымъ предметомъ*, какъ и отечественный языкъ и счисленіе; впослѣдствіи оно подчиняется другимъ предметамъ, дѣлается, такъ сказать, слугою ихъ. Ребенокъ, какъ извѣстно, интересуется собственно процесомъ письма только въ первое время ученія; потомъ вниманіе его обращается къ другимъ предметамъ, болѣе занимающимъ развивающійся духъ его. Поэтому необходимо, сколько возможно, пользоваться благопріятнымъ для письма временемъ, т. е. заботиться о томъ, чтобы ученикъ какъ можно скорѣе преодолѣлъ первыя механическія трудности письма (не во вредъ конечно основательности).

Но безъ содѣйствія всѣхъ учителей это невозможно. Всѣ учителя должны относительно времени, къ которому требуется письменная работа, относительно количества заданнаго урока, относительно

качества письма и т. д. строго сообразоваться съ исполнительною способностью учениковъ, выказываемою ими собственно на урокѣ письма. Словомъ, *въ письмѣ учениковъ* у всѣхъ учителей *должно господствовать единство.* Только въ такомъ случаѣ возможенъ быстрый успѣхъ.

Первое условіе этого единства — письмо одинаковой величины. Для этого необходимо, чтобы всѣ тетради учениковъ (пока ученики не дошли еще до мелкаго письма по транспаранту) были разлинованы точно такъ, какъ тетрадь *чисто*писанія. Линовка можетъ быть двоякая или двухъ степеней — шире и уже.

1-я ст.

2-я ст.

Обѣ степени могутъ быть употребляемы какъ для французскаго, такъ и для русскаго письма. Первая степень назначается для слабыхъ учениковъ, вторая для болѣе успѣвшихъ. Для нѣмецкаго же письма достаточно имѣть только одного рода линовку: [1].

Но тетрадь *чисто*писанія должна служить образцомъ или масштабомъ не только относительно величины письма, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, т. е. во всѣхъ ученическихъ тетрадяхъ должно быть обращаемо тщательное вниманіе и на правильность, чистоту и красоту письма; ни въ какой тетради не должно быть терпимо письмо дурное, небрежное. Изъ этого сама собою вытекаетъ необходимость строгаго контроля надъ всѣми ученическими тетрадями.

Въ училищахъ, гдѣ письмо и большая часть остальныхъ учебныхъ предметовъ находятся въ однихъ и тѣхъ же рукахъ, единство письма въ различныхъ тетрадяхъ достигается весьма легко; тутъ слѣдовательно можно обойтись и безъ особаго контроля; но въ заведеніяхъ, гдѣ нѣсколько учителей (а къ такимъ принадлежитъ большинство нашихъ училищъ), необходимо, чтобы учитель письма по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ мѣсяцъ повѣрялъ тетради каждаго отдѣльнаго ученика, не исключая и *черновой* [2]. Впрочемъ такая повѣрка удобоисполнима только, если для нея будутъ назначены 2 особые часа въ недѣлю [3] и если въ училищѣ вообще не болѣе 50 или 60 учениковъ; при большомъ же числѣ учениковъ, какъ напр. въ нашихъ гимназіяхъ, повѣрка превышаетъ силы одного человѣка. Въ такомъ случаѣ каждый учитель долженъ *самъ* повѣрять тетради по своему предмету. А чтобы дать ему возможность во всякое время безъ затрудненія узнать, въ какой мѣрѣ ученики его умѣютъ хорошо писать, учителю письма стоитъ только чрезъ каждые 3 или 4 мѣсяца вырѣзать изъ «калиграфической» тетради каждаго ученика лучшую страницу русскаго, французскаго и нѣмецкаго письма, и, намѣтивъ на каждомъ листѣ число и имя свое, приложить ихъ къ соотвѣтствующимъ чистовымъ тетрадямъ. Такимъ образомъ учителямъ языковъ и наукъ не трудно будетъ повѣрять письмо учениковъ: приложенный къ тетради образецъ служитъ имъ вѣрнымъ масштабомъ, по которому они въ одно мгновеніе могутъ вполнѣ оцѣнить написанное. Кромѣ того и сами ученики, приготовляя письменный урокъ, невольно будутъ имѣть въ виду этотъ образецъ, ими же самими написанный; онъ будетъ постоянно напоминать имъ о необходимости исполнить работу свою со всевозможною тщательностью.

Письмо есть собственно *первая* работа (ручная работа), которую мы даемъ уче-

[1]) Само собою разумѣется, что предоставлять линовку самимъ дѣтямъ нельзя; имъ должны быть даны разлинованныя тетради, которыя могутъ быть заказываемы у любого литографа или линовщика, и обойдутся не многимъ дороже обыкновенныхъ, неразлинованныхъ.

[2]) Эту тетрадь для пачканія слѣдовало бы совершенно уничтожить; начинающимъ учиться она, по весьма понятной причинѣ, вовсе не нужна, а ученикамъ среднихъ и высшихъ классовъ необходима только «памятная книжка», въ которой всѣ замѣтки и уроки могутъ быть записываемы такъ же хорошо и опрятно, какъ и во всѣхъ другихъ тетрадяхъ.

[3]) Время это отнюдь не потерянное. Мы знаемъ училище, гдѣ подобная повѣрка дѣлается уже нѣсколько лѣтъ и оказывается чрезвычайно полезною.

никамъ; ею кладется основаніе всей будущей ученической дѣятельности; тутъ дѣти впервые пріучаются или къ тщательности и прилежанію, или къ небрежности и лѣни. А если это такъ, то нельзя не признать, что обученіе письму имѣетъ весьма важное значеніе для школы и жизни, и вполнѣ заслуживаетъ того вниманія, котораго мы требуемъ для этого учебнаго предмета.

III.

Какъ въ другихъ учебныхъ предметахъ, такъ и въ письмѣ, одинъ какой-нибудь способъ преподаванія въ извѣстное время преобладалъ надъ другими, и изъ исторіи обученія письму видно, что господствующимъ дѣлался всегда тотъ способъ, который преимущественно налегалъ на слабыя стороны преподаванія, т. е. удовлетворялъ тѣмъ дидактическимъ условіямъ, которыя до того времени были въ совершенномъ пренебреженіи. Такими господствующими способами были: *линейный* (обученіе по сѣткѣ), способствующій развитію глазомѣра и вѣрному изображенію; *генетическій* — методическій переходъ отъ простого къ сложному и отсюда проистекающее ясное, правильное пониманіе каждаго буквеннаго знака; *способъ Керстерса*, налегающій на физіологически-правильное движеніе и развитіе членовъ тѣла, участвующихъ въ письмѣ; *тактическій* — общая дѣятельность всего класса, постепенный переходъ къ скорописи, недопускающій ни малѣйшихъ скачковъ. Всѣ эти способы имѣли свою историческую причину; они полагали свою главную цѣль въ томъ требованіи, которое до того времени было совершенно упущено изъ виду. Вслѣдствіе этого каждый изъ нихъ становился одностороннимъ и впадалъ въ крайность, какъ напримѣръ *линейный способъ* — своимъ слишкомъ медленнымъ и точнымъ, геометрическимъ черченіемъ и прилаживаніемъ буквъ въ квадратную или ромбическую сѣть, отчего терялась свобода руки и размахъ почерка; *генетическій* — основательными и продолжительными разсужденіями объ образованіи одной какой-нибудь буквы, такъ что до сущности дѣла, до упражненія въ письмѣ, вовсе не доходило; *способъ Керстерса*—своимъ чисто-практическимъ механизмомъ, своими неправильными и рѣзкими переходами превращалъ обученіе въ дрессировку; наконецъ *тактическій способъ* — тѣмъ, что считаніе въ тактъ начиналось уже съ перваго урока и продолжалось до окончанія полнаго курса.

Въ наше время требуется отъ всякаго основательнаго обученія письму, чтобы на всѣ вышеисчисленные способы или, вѣрнѣе сказать, моменты преподаванія, обращено было въ свое время и въ своемъ мѣстѣ должное вниманіе, и чтобы письмо въ самомъ началѣ обученія считалось однимъ изъ главныхъ предметовъ, наравнѣ съ чтеніемъ и счисленіемъ; т. е. у учителя языка или ариѳметики ученики должны писать точно такъ, какъ у учителя письма, такъ же правильно и крупно. На это-то послѣднее требованіе до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, не обращали никакого вниманія, вслѣдствіе чего многіе ученики пишутъ двоякимъ почеркомъ.

Какъ же удовлетворить всѣмъ требованіямъ такого основательнаго обученія письму?

Если бы кто-нибудь имѣлъ досугъ и случай посѣтить нѣсколько школъ во время уроковъ чистописанія, то удивился бы, какъ различно преподаютъ одинъ и тотъ же предметъ, независимо отъ того различія, которое кроется въ личности учителя (т. е. въ манерѣ его).

Причина такого явленія проистекаетъ частію отъ равнодушія, съ которымъ смотрятъ на этотъ предметъ, частію отъ ложнаго взгляда, который до сихъ поръ господствуетъ на ходъ преподаванія его. Многіе думаютъ, что учить письму можетъ всякій, у кого красивый почеркъ и кто хорошо рисуетъ фрактурныя буквы. До сихъ поръ еще, при опредѣленіи учителя письма къ должности, выборъ падаетъ нерѣдко на того, кто представитъ самую красивую пробную пропись; а умѣетъ ли онъ вмѣстѣ съ тѣмъ передать красоту своего почерка своимъ ученикамъ, объ этомъ почти не заботятся. А между тѣмъ понятіе о способѣ преподаванія учителя могутъ дать лишь письменныя работы его учениковъ, и не нѣсколькихъ только учениковъ, а всѣхъ, которыхъ онъ обучалъ въ теченіе извѣстнаго времени.

Восхищаясь красивыми завитками и росчерками, забывають, что школѣ нужны не одни художники въ письмѣ; что художникъ въ письмѣ долженъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и художникомъ въ преподаваніи, если онъ хочетъ *обучить* своему искусству и притомъ — успѣшно. Также забывають, что красивый, плавный почеркъ, не теряющій своего изящества при самомъ скоромъ письмѣ, для школы гораздо нужнѣе всевозможныхъ каллиграфическихъ фокусовъ, которые, къ слову сказать, вовсе не такъ мудрены, какъ думаютъ непосвященные въ это искусство. Стоитъ только въ поговоркѣ: «проворство не колдовство», первое слово замѣнить противоположнымъ ему, чтобы убѣдиться, что не всякій, кто красиво *рисуетъ* буквы, умѣетъ красиво *писать* ихъ. Примѣромъ тому можетъ служить большая часть литографовъ, граверовъ и рѣщиковъ на камнѣ: они рисуютъ очень красиво всевозможныя рукописныя буквы, а пишутъ часто неразборчивымъ, ученическимъ почеркомъ.

Другая причина различнаго преподаванія письма заключается въ томъ, что многіе учителя не слѣдятъ за историческимъ развитіемъ способовъ обученія письму во всемъ его объемѣ: имъ случайно попадется въ руки методическое руководство, авторъ котораго обращаетъ особенное вниманіе на одно изъ вышеприведенныхъ требованій и выхваляетъ его какъ единственно и непремѣнно приводящее къ цѣли. Они спѣшатъ воспользоваться добытыми свѣдѣніями, дѣлаютъ примѣненія и достигаютъ удовлетворительныхъ или неудовлетворительныхъ результатовъ. Они, самодовольные, останавливаются на однажды усвоенномъ ими способѣ, другіе же хватаются на удачу за какое-нибудь другое руководство, или съ недовѣріемъ сопротивляются всякому «нововведенію»; въ обоихъ случаяхъ вскорѣ является рутина, закоснѣлость.

Поэтому-то и господствуетъ разногласіе въ методахъ обученія письму; потому-то обученіе это не ставится на ряду съ другими элементарными предметами (какъ чтеніе и счисленіе) и не считается одинаково съ ними важнымъ.

Для достиженія этого равенства нужно, чтобы обученіе письму соотвѣтствовало всѣмъ основнымъ условіямъ, отъ которыхъ вообще зависитъ всякій разумный способъ элементарнаго преподаванія.

Условія эти слѣдующія:

1) *Возможное раздѣленіе трудностей* (линейный способъ).

2) *Строго-послѣдовательный переходъ отъ легчайшаго къ болѣе трудному, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному* (генетическій способъ).

3) *Возбужденіе охоты и вниманія* (тактическій способъ при помощи графической сѣти).

4) *Извлеченіе правилъ изъ наглядныхъ примѣровъ.* (И образованіе буквъ имѣетъ свои правила, которыя какъ можно *чаще* должны быть приводимы въ сознаніе учениковъ путемъ нагляднымъ, посредствомъ анализа и синтеза.)

5) *Постоянное руководство къ примѣненію и повторенію изученнаго* (въ словахъ, сентенціяхъ и проч.)

6) *Развитіе различныхъ умственныхъ способностей* (памяти, мыслительной способности и проч.).

Всѣ эти условія должны заключаться какъ въ методическомъ искусствѣ самого преподавателя, такъ и въ устройствѣ хода и средствъ обученія, иначе обученіе не будетъ *всестороннее*.

Прежде чѣмъ перейти къ ходу обученія письму, скажемъ еще нѣсколько словъ о томъ, когда слѣдуетъ начать это обученіе и какъ часто должно происходить оно.

Опредѣлить въ точности возрастъ невозможно, но по большей части дитя становится способнымъ къ этому обученію на седьмомъ году.

Что же касается до другого, болѣе важнаго вопроса, то многіе думаютъ, что начинающему обучаться письму достаточно 2—3 часовъ въ недѣлю, и что въ началѣ не слѣдуетъ слишкомъ утомлять его. Мы же, напротивъ, того мнѣнія, что самое первое начало должно быть прочно и основательно. Въ первое время, когда учебный предметъ имѣетъ еще всю прелесть новизны, тогда-то и нужно живо преодолѣвать одну за другой всѣ трудности первоначальныхъ основаній и пользоваться моментомъ свѣжести, пока ничто въ предметѣ еще

не наскучило и не утомило. Поэтому необходимо быстрое и дѣльное начало, чтобы ученики почувствовали, что они успѣвают, и чрез то пріобрѣли охоту, бодрость и силу къ дальнѣйшему труду.

Само собою разумѣется, что смотря по личности ребенка, съ нимъ можно заниматься въ первое время $^1/_4$, $^1/_2$ или $^3/_4$ часа за разъ. Ребенокъ еще не въ состояніи долго обращать свое вниманіе на одинъ и тотъ же предметъ, не утомляясь; а утомленіе еще слабой силы ученика приноситъ болѣе вреда, чѣмъ пользы. *Слѣдовательно, начинающему надо упражняться по возможности ежедневно, но не до утомленія* [1].

Ходъ обученія (низшая степень).

Странно требовать отъ ребенка, который не умѣетъ еще ни *владѣть рукою*, ни измѣрять глазомъ величины, ни опредѣлять разстоянія, — чтобы онъ писалъ буквы. Нужно сперва сдѣлать ребенка способнымъ къ письму, а для этого необходимы нѣкоторыя *приготовительныя упражненія*, состоящія въ слѣдующемъ.

1) Слѣдуетъ показать и переименовать ребенку участвующіе въ письмѣ органы тѣла, какъ то: большой, второй и третій пальцы, кисть, ручной суставъ, локоть (предплечіе) и проч.

2) Сдѣлать нагляднымъ понятія: вверху, внизу, направо вверху, налѣво вверху и т. д.

Такія объясненія не всегда лишни; напротивъ, большею частію они очень нужны для маленькихъ дѣтей, начинающихъ учиться.

3) Показывать и упражнять въ томъ, какъ слѣдуетъ держать карандашъ (или грифель), органы тѣла, участвующіе въ письмѣ, все тѣло, бумагу или доску.

При писаніи буквъ нельзя научить ребенка владѣть перомъ (карандашомъ или грифелемъ), потому что въ это время движеніе органовъ тѣла, участвующихъ въ письмѣ, становится слишкомъ сложнымъ; дитя же можетъ научиться основательно только тому, что показывается по частямъ, *одно за другимъ*, а не вдругъ.

[1]) Вмѣсто 2—3 часовыхъ уроковъ, въ началѣ было бы лучше учредить 4—6 получасовыхъ уроковъ.

Упражненія сюда относящіяся, суть слѣдующія:

4) *Горизонтальныя черты слѣва направо.* Учитель дѣлаетъ на большой доскѣ, вверху на лѣвой сторонѣ, точку, и спрашиваетъ ученика, что онъ написалъ, и *гдѣ* находится точка. Потомъ онъ дѣлаетъ точку вверху на правой сторонѣ (повторяя тотъ же вопросъ); затѣмъ проводитъ горизонтальную черту отъ лѣвой къ правой точкѣ, и заставляетъ учениковъ дѣлать то же самое, при чемъ строго наблюдаетъ, правильно ли они держатъ карандаши или грифеля.

Затѣмъ паралельно первой чертѣ проводится нѣсколько другихъ чертъ.

5) Подобнымъ же образомъ проводятся сверху внизъ *вертикальныя черты*, причемъ всегда назначается мѣсто, гдѣ онѣ должны начинаться и гдѣ кончаться.

6) Горизонтальныя черты справа налѣво.

7) Раздѣленіе верхней и нижней горизонтальныхъ чертъ на 2, 4, 8 и т. д. равныхъ частей.

8) Соединеніе верхней точки съ лѣвою крайнею нижнею точкою, — верхней правой точки съ среднею нижнею точкою (косая или наклонная линія).

9) Проведеніе наклонныхъ паралельныхъ линій (укорачивающіяся и удлинняющіяся линіи).

10) Удлиненіе чертъ въ 2, 3 и болѣе разъ. Затѣмъ дѣтямъ показываютъ длину дюйма и заставляютъ ихъ проводить горизонтальныя и наклонныя линіи въ 2, 3, 4 $1^1/_2$, $^1/_2$ дюйма длины, и т. д.

Всѣ эти предварительныя упражненія производятся карандашомъ на бумагѣ или грифелемъ на доскѣ [1]), и продолжаются до тѣхъ поръ, пока пальцы и рука не пріучатся правильно держать ихъ.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что всѣ эти упражненія производятся не иначе, какъ въ тактъ. Это приковываетъ мысли ученика къ предмету ученія и предохраняетъ его отъ разсѣянности. Такъ можно обозначать счетомъ: разъ-два-три, такъ чтобы въ продолженіе каждаго слова проводилась черта; но при этомъ надобно

[1]) Если начинающіе упражняются грифелемъ на доскѣ, то необходимо вкладывать грифель въ перо; такимъ образомъ грифель не можетъ ломаться, а дѣти не будутъ имѣть случая писать слишкомъ короткимъ грифелемъ.

слѣдить за тѣмъ, чтобы каждая черта проводилась отъ начала до конца *съ одинаковою скоростью.*

По причинамъ, указываемымъ практикою и по нѣкоторымъ другимъ, приведеннымъ нами, не слѣдуетъ слишкомъ долго оставаться на пріуготовительныхъ упражненіяхъ, въ противномъ случаѣ они превратятся въ упражненія чертежныя.

Когда ученикъ научился держать карандашъ (или грифель), и когда вышеприведенныя упражненія приспособили его руку и глаза къ письму, то можно перейти къ писанію буквъ въ линейной сѣти. Но чтобы дѣти понимали значеніе этой сѣти, надобно заключить предыдущія упражненія объясненіемъ самой сѣти.

Подготовивъ такимъ образомъ ученика, можно приступить къ собственно элементарному курсу письма.

Элементарный курсъ.

Задача этого курса состоитъ въ томъ, чтобы приготовленнаго къ письму ученика научить простому, правильному и четкому письму, отъ котораго впослѣдствіи уже легко перейти къ красивой и бойкой скорописи.

Каждая буква должна, въ мельчайшихъ подробностяхъ своихъ, соотвѣтствовать основнымъ условіямъ письма (см. выше).

Ученикъ долженъ умѣть совершенно правильно изобразить каждую букву, *безъ* прописи, на память.

Представленная графическая сѣть имѣетъ цѣлью не что иное, какъ дать возможность ученику *дѣйствительно* и по силамъ *совершенно* исполнить требованія этого курса.

Въ эту сѣть вписываются буквы постепенно, въ слѣдующемъ (такъ называемомъ генетическомъ) порядкѣ, чѣмъ и удовлетворяется вышеупомянутое основное требованіе элементарнаго обученія. Преимущественно слѣдуетъ наблюдать, чтобы ученикъ въ точности придерживался графической сѣти; нельзя дозволять ему ни малѣйшаго уклоненія отъ нея, ни въ томъ, чтобы онъ не доводилъ чертъ до назначенной линіи, ни въ томъ, чтобы переходилъ чрезъ эту линію.

Первая степень (строчныя буквы).

I. Группа буквъ, состоящихъ изъ *прямыхъ* и *внизу закругленныхъ* основныхъ чертъ.

Основныя начертанія буквъ этой группы суть: точка, узелъ и петля.

і и й ш ц щ — ь ы — л м — г ѣ

ъ — н.

(При упражненіи надъ этими буквами можно учить писать цифры *1* и *4*, и притомъ помѣщать ихъ въ двухъ верхнихъ линейкахъ линейной сѣти.)

Каждая изъ этихъ буквъ изучается сперва отдѣльно, а потомъ въ соединеніи съ одною или двумя однородными. Затѣмъ можно задавать писать слоги и короткія слова. Разумѣется, что въ этихъ словахъ не должны встрѣчаться буквы, не изученныя еще ученикомъ. Примѣръ: *щи, ищи, ни, чини, мы, цѣни, лѣнь, лиши.*

При задаваніи длинныхъ словъ, можно раздѣлить ихъ на слоги, напримѣръ: *ни-щій, чин-ный, мы-ши.*

Подобныя слова могутъ пріискивать и сами ученики; это имъ доставитъ удовольствіе.

Волосныя черты (не соединительныя) буквъ *и, ш, п, т, у,* и т. д. должны сливаться съ основною чертою, начиная съ средины ея.

(*Точка* и *краткій знакъ* ставятся надъ буквами не ранѣе, какъ по окончаніи всего слова.)

II. Группа буквъ, состоящихъ изъ основныхъ чертъ, закругленныхъ *вверху,* и закругленныхъ *вверху* и *внизу.*

г п т. — р. — у (Цифры *7* и *8*).

Упражненія, какъ выше сказано.

Слоги и слова: *ну, гну, при, чти, чту, тру, три, шу-ти, ути, ръ-ши, пи-ши, тѣнь.*

(Первая основная черта въ буквахъ *и, т, у* въ началѣ слова можетъ быть закруглена, но въ серединѣ или концѣ слова должна быть острою.)

III. Группа буквъ, состоящихъ изъ *оваловъ.*

1. Съ нажимомъ на лѣвой сторонѣ:

с о е ю а б д с в я (Цифры: *6, 0,*).

2. Съ нажимомъ на правой сторонѣ: *з а к.*

(Цифры: *2, 3, 5, 9.*)

3. Съ нажимомъ на лѣвой и правой сторонѣ: *ф х ж.*

Что касается до образованія *я*, то я согласенъ съ тѣми, которые начинаютъ эту букву снизу (съ точки) и оканчиваютъ, не отнимая пера. Этотъ способъ писанія «я» совершенно соотвѣтствуетъ основному правилу письма: «писать все по возможности непрерывно, не отнимая пера отъ бумаги». Такимъ образомъ если начать букву «я» сверху, то при словѣ *дядя* придется поднять перо *пять* разъ, тогда какъ при первомъ способѣ его изображенія перо поднимается только *одинъ* разъ. То же самое я имѣлъ въ виду при образованіи буквы *к*. Если правую сторону его начать съ точки, то при писаніи слова *какъ* перо надо поднять *три* раза, тогда какъ при моемъ способѣ изображенія *к* перо въ этомъ словѣ поднимается *одинъ* разъ.

Упражненія, какъ выше сказано.

Слова: *папа, дитя, баба, эти, боже, жаба, кры-ша, тише, знаки, шире, даже, хранъ, буря, баня, башня, финикъ, суша, рука, жажда, какъ, тишина, хижина, курица, ящикъ.* Повтореніе буквъ и цифръ въ обыкновенномъ порядкѣ.

Писаніе буквъ, словъ и цифръ наизусть подъ диктовку.

Объ упражненіи этомъ я обыкновенно заранѣе предваряю своихъ учениковъ, и оно чрезвычайно интересуетъ ихъ. Оно очень способствуетъ твердому изученію буквъ и служитъ лучшимъ доказательствомъ того, успѣли ли ученики вполнѣ усвоить себѣ изучаемыя буквы, или нѣтъ. Это упражненіе должно продолжаться до тѣхъ поръ, пока ученикъ не научится писать каждую букву наизусть тотчасъ и совершенно правильно.

Замѣчанія, относящіяся до вписыванія буквъ въ линейную сѣть.

1. Каждая часть *прямой основной черты буквъ: г і и й л н п р т у ц ч ш щ ъ ы ь ѣ (а д ж к ю ф я)* должна писаться по *наклонной* (или косой) *линіи.*

Вторая основная черта буквы *м* составляетъ исключеніе: она проводится книзу, на одну треть клѣтки влѣво отъ косой линіи.

2. У буквъ, составляющихъ полные овалы: *а, б, д, о, ф, ѳ,* и лѣвая и правая дуги оваловъ должны *касаться* обѣихъ смѣжныхъ косыхъ линій. Исключеніе составляетъ буква *ю*, овалъ которой пересѣкается косою линіею на двѣ равныя части, такъ что эта буква занимаетъ 1½ клѣтки.

3. Полуовальныя буквы съ нажимомъ на лѣвой или правой сторонѣ: *с, е, в, и, э, з, я, к,* своею наружною стороною *касаются* косой линіи. Исключеніе составляютъ буквы *я* и *ж*. Въ послѣдней буквѣ первый полуовалъ приходится въ серединѣ между 1-ю и 2-ю, а послѣдній полуовалъ въ срединѣ между 2-ю и 3-ю наклонными линіями.

4. Узлы, петли и краткій знакъ буквъ: *й о и ч в ъ ц щ* дѣлаются въ срединѣ, между двумя смежными косыми линіями. Краткій знакъ же пишется не высоко надъ буквою *и*.

5) Соединительныя черты буквъ *н* и *ю*, крючки буквъ *е* и *ә*, узлы буквъ *ь и ч е,* и петли буквъ *з* и *к* должны приходиться въ серединѣ между обѣими горизонтальными, строчными линіями.

6) Точки, въ которыхъ пересѣкаются линіи петель *у* и *д* должны лежать на нижней горизонтальной (строчной) линіи; а точки, въ которыхъ пересѣкаются линіи петель *е* и *в*, въ серединѣ между верхнею и нижнею горизонтальными (строчными) линіями (на косой *линіи*).

Что касается до словъ для письма, то нужно выбирать только такія, которыя удобно вписываются въ сѣть, не потрѣ-

шая вмѣстѣ съ тѣмъ противъ основныхъ правилъ письма. Вмѣсто правилъ объ этомъ предметѣ я къ приведеннымъ словамъ приведу ниже еще нѣсколько такихъ словъ.

Способъ обученія.

Обученіе письму должно начаться съ буквъ родного языка и не переходить къ буквамъ другого языка до тѣхъ поръ, пока ученикъ не научится писать наизусть твердо и правильно буквы *одного* языка.

Передъ каждымъ упражненіемъ надо объяснить, что именно будетъ дѣлаться.

Каждая буква, которую ученикъ долженъ изучить, предварительно разлагается учителемъ на большой доскѣ (на которой также изображена графическая сѣть) на отдѣльныя части, которыя передъ его глазами и соединяются вновь. При этомъ необходимо, чтобы каждая вновь присоединяющаяся часть буквы сперва изучалась *сама по себѣ* отдѣльно, а потомъ уже въ соединеніи съ изученными частями; такъ напр. у буквы *ц* сперва изучается петля, а у *и* сперва узелъ (съ однократнымъ нажимомъ); а потомъ уже переходятъ къ писанію всей буквы.

Объясненія, словесныя истолкованія и описанія буквъ, предназначенныхъ для письма, такъ существенно и необходимо нужны, что безъ нихъ совершенно невозможно сознательное пониманіе буквенныхъ формъ. Безъ такого точнаго и твердаго изученія этихъ формъ нельзя удержать ихъ въ памяти, а потому нельзя и правильно изобразить ихъ.

Слѣдовательно главное условіе въ обученіи письму состоитъ въ томъ, чтобы *до написанія* изучаемой буквы, ученикъ могъ объяснить учителю, какъ онъ напишетъ ее.

Вовсе не лишнимъ будетъ распространить это объясненіе даже на самыя незначительныя части буквъ. Такъ, напримѣръ, ученикъ будетъ цѣлые годы малевать точку и узелъ, если ему не покажутъ, что они дѣлаются однимъ нажимомъ пера, которое слѣдуетъ держать правильно и такъ, чтобы раскепъ нѣсколько раздвинулся.

Всѣ буквы должны писаться *однимъ* почеркомъ пера (развѣ за исключеніемъ буквъ *х, э, ю, ѳ* (*і, й*), при изображеніи которыхъ перо поднимается одинъ разъ, и буквы *ж*, которую нельзя написать, не поднявъ пера два раза; поэтому-то тактическій способъ обученія, требующій слитнаго письма, встрѣчаетъ множество затрудненій при изученіи этихъ буквъ.

Какъ выше сказано было, можно изучать сперва по одной буквѣ (упражненіе безъ передвиженія руки), а потомъ соединивъ съ этою буквою двѣ, три и болѣе тѣхъ же буквъ, — это весьма хорошее упражненіе для письма съ одного почерка и для письма *скользящею рукою* [1]).

Вышеприведенныя сопоставленія краткихъ словъ и фразъ изъ заученныхъ буквъ представляютъ ученику полезное и занимательное разнообразіе. Ученикъ долженъ писать каждое слово на нѣсколькихъ строкахъ сряду.

Чтобы съ самаго начала пріучить ученика правильно держать перо и внимательно трудиться, учитель долженъ сначала руководить дѣятельностью ученика, т. е. говорить ему, что слѣдуетъ дѣлать; напр. при образованіи *и*: 1) нажимъ въ верхней лѣвой точкѣ пересѣченія, — пауза; 2) ровная черта внизъ; 3) закругленіе и небольшая черта вверхъ; 4) нажимъ, — пауза; 5) ровная черта внизъ и закругленіе.

в: 1) черта вверхъ въ средину, 2) нажимъ и тонкая черта въ правый уголъ, 3) нажимъ и одинаковой съ нимъ толщины черта внизъ и закругленіе, 4) узелъ въ срединѣ.

Подсказываніе это производится въ тактъ.

Къ настоящему же тактированію, т. е. писанію по счету, можно перейти не ранѣе, какъ по совершенно правильномъ изученіи ученикомъ азбуки. Онъ долженъ быть въ состояніи представить ее себѣ ясно, какъ бы въ видѣ *прописи*, мелькающей передъ его умственнымъ взо-

[1]) Само собою разумѣется, что и этому послѣднему дѣйствію надобно сперва научить учениковъ, тѣмъ болѣе что оно представляетъ такое прочное основаніе для послѣдующаго изученія скорописи.

ромъ. Прежде чѣмъ распоряжаться азбукою, онъ долженъ овладѣть ею.

Впрочемъ, считать въ тактъ можно и при писаніи вышеприведенныхъ словъ каждой группы, даже при каждой изученной буквѣ, отдѣльно или рядами написанной. Только счетъ этотъ вначалѣ долженъ быть *очень медленный*.

Что же касается того, какъ именно считать, то можно предпочесть тотъ способъ счета, который обозначаетъ только основныя черты, точки и узлы, т. е. считаетъ каждый нажимъ пера. Такъ напр. при писаніи слова *ищи* перо нажимается восемь разъ, слѣдовательно и считается: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8. Такъ какъ названія чиселъ послѣ 10 слишкомъ многосложны, то можно вообще ограничиться счетомъ до 10; если же слово имѣетъ болѣе десяти нажимовъ, напр. 13, какъ слово *крышкѣ*, то досчитавъ до 10, слѣдуетъ начать опять съ начала. Впослѣдствіи ученики могутъ считать сами поодиночкѣ, одинъ за другимъ, или по скамейкамъ, или всѣ вмѣстѣ — хоромъ (послѣднее конечно въ полголоса).

Такъ какъ всѣ ученики одного класса или отдѣленія пишутъ *одно и тоже* (пропись находится на большой доскѣ), то учитель можетъ во время писанія переходить отъ одного ученика къ другому, замѣчать сдѣланныя ими ошибки и поправлять преимущественно или прежде всего тѣ, которыя сдѣланы большинствомъ учениковъ. Слѣдовательно исправленіе ошибокъ — *общее*, производится всѣмъ классомъ въ одно время и становится при дальнѣйшихъ упражненіяхъ менѣе и менѣе нужнымъ. Для легчайшаго пониманія, отдѣльныя части буквъ должны имѣть опредѣленныя названія.

Есть еще одно хорошее средство пріучить учениковъ къ внимательности и точности въ работѣ, а именно: иногда (лучше всего предъ окончаніемъ урока) можно вызвать учениковъ и въ особенности тѣхъ, которые невнимательны и вѣтрены, къ большой доскѣ и заставлять писать *наизусть* заученныя буквы или слова, причемъ другіе ученики должны быть судьями и, восклицаніями «вѣрно» или «невѣрно», выражать свое мнѣніе. Такимъ образомъ каждый ученикъ познаетъ какъ свои способности, такъ и вредъ отъ невниманія, и постарается лучше и заботливѣе приняться за дѣло. Онъ увидитъ, на какой степени онъ стоитъ, и чего ему недостаетъ, для того чтобы быть довольнымъ собою. Тотъ много дѣлаетъ въ воспитаніи, кто доводитъ своихъ учениковъ до *самопознанія*.

Въ заключеніе я перечислю еще нѣсколько упражненій, которыя, ради большаго утвержденія въ памяти или для испытанія, могутъ быть отчасти предпринимаемы въ классѣ, отчасти задаваемы на домъ (если считать домашнія задачи необходимыми).

Писаніе строчныхъ буквъ:

1) По вышераздѣленнымъ группамъ.

2) По алфавитному порядку.

3) По числу основныхъ чертъ (считая нажимы, точки и узлы).

Буквы каждаго изъ этихъ трехъ отдѣловъ могутъ быть написаны отдѣльно, или въ соединеніи одна съ другой.

Соединительныя черты могутъ быть или короткія, или длинныя — для упражненія въ передвиженіи руки. При этомъ *одну и ту же* букву можно писать по *нѣскольку* разъ (тѣсно или широко), или слитно — *построчно*. Чѣмъ длиннѣе соединительныя черты, проводимыя отъ одной буквы къ другой, тѣмъ тверже сдѣлается почеркъ.

Наконецъ — писаніе словъ и короткихъ предложеній.

Вторая степень (прописныя буквы).

Какъ въ строчныхъ, такъ и въ прописныхъ буквахъ русской азбуки преобладаетъ овальная форма.

Новыя, не встрѣчавшіяся въ строчныхъ буквахъ основныя черты, суть:

1) пламевидная линія: ∫

2) нижняя и верхняя волнистыя линіи: ~

Изъ соединенія этихъ новыхъ основныхъ чертъ съ прежними, встрѣчавшимися въ строчныхъ буквахъ, происходитъ слѣдующій методическій (генетическій) порядокъ буквъ:

1. Группа буквъ, въ которыхъ преобладаетъ *овалъ*, и именно:

1) съ нажимомъ на лѣвой сторонѣ: *Є О Ѳ Е — Я.* ¹)

1) съ нажимомъ на правой сторонѣ: *Э З.*

3) съ нажимомъ на правой и лѣвой сторонѣ: *Х Ж*

Упражненіе, какъ описано выше при строчныхъ буквахъ.

Писаніе словъ, каковы: *Сура. Сажа. Судакъ* ²). *Ока. Орша. Онъ. Окно. Ѳита. Енотъ. Эмба. Эхо* ³). *Западъ. Зайка. Хотинъ. Хоперъ. Жница. Жукъ.*

II. Группа буквъ, имѣющихъ—основныя черты строчныхъ буквъ ı и ł.

Напримѣръ: *Ц Щ Щ Ч — У.— Л А М — Я.*

Упражненіе, какъ выше. Слова: *Цна. Царицынъ. Шацкъ. Шуша* ⁴). *Шашка. Щука. Чаша. Чаны. Утро. Уфа. Унжа. Ложка. Липа. Лицо. Арка. Аршинъ. Манна. Море. Яйцо. Ящикъ.*

III. Группа буквъ, имѣющихъ основною чертою *пламевидную линію* въ соединеніи съ волнистою линіею и оваломъ.

I И Н Ю К, — Ф — Ь Ъ Ы Ѣ. — Д. — Р В Г Б П Т.

Слова: *Игра. Изба. Имя. Нора. Нота. Южа. Юрта. — Кора, Крупа. Кружка. — Футъ. Фуражъ. — Дисна. Дунай. — Руно. Рать. — Вожа. Вятка. — Гиря. Баку. Баринъ. — Покой. Прутъ.—Туринъ. Тибръ. Триръ. Турція.*

Слова на всѣ прописныя буквы: *Азія. Аѳины.—Башкиръ, Британія.—Ваня, Варшава. — Готъ, Гриша, Груня. — Дуня, Данія, Даша.—Егоръ, Европа.— Зоя, Заиро.—Іона, Іуда, Іудиѳь.—Имя, Индія, Ирина.—Канны, Кипръ, Китай, Кукъ, Курды, Кама, Клинъ, Куръ.— Латышъ, Лука.—Маша, Марія, Маркъ, Макаръ. — Негръ, Ной, Наташа. — Оранія, Оттонъ. — Параша, Пирръ, Платонъ, Парижъ.—Рона, Рѣжица, Сѣно, Сотъ. — Тассъ, Тора, Тацитъ, Татарія. — Уфа, Ушица. — Финнъ, — Хомякъ, Хладъ. — Царицынъ. — Чудо, Чуръ.— Штирія.— Югъ.—Яна, Яша, Ядринъ и т. д.* Фразы: *Я пишу.—Ты дашь чашу. — Я иду Машу. — Вѣкъ живи.—Въ бѣдѣ Богъ не-далекъ.—Богъ труды любитъ.—Я дарю книгу,* и т. д.

Порядокъ вписыванія буквъ въ графическую сѣть объясненъ выше и не представляетъ болѣе трудностей, а потому и не требуетъ болѣе объясненія. Вмѣстѣ съ тѣмъ даны были и необходимые совѣты относительно способа обученія.

Я только прошу позволенія у читателей обратить еще разъ вниманіе ихъ на то, что и при образованіи прописныхъ буквъ необходимо точное устное объясненіе и повтореніе этого объясненія учениками. Никакъ не слѣдуетъ считать потеряннымъ время, употребленное на эти толкованія. Не соблюдая этого условія, придется предоставить образованіе буквы темному чувству ученика, который будетъ упражняться въ немъ цѣлые годы и все-таки не съумѣетъ правильно написать буквы. Напротивъ того—показавъ ученику, сколько клѣтокъ должна занимать буква, и между которыми наклонными линіями должна она помѣщаться, гдѣ наприм. должна лежать петля буквы *З*, а также напомнивъ ему наприм., что точка и лѣвая верхняя часть буквы *Р* лежатъ на одинаковомъ разстояніи отъ наклонной линіи, на которой приходится пламевидная линія, — мы придемъ къ тому результату, что ученикъ не забудетъ всѣхъ этихъ мелочей, будетъ въ состояніи съ перваго урока правильно писать заданное ему и, кромѣ того, уже

---

¹) Употребленныя здѣсь рукописныя буквы отнюдь не должны быть принимаемы за образецъ прописныхъ буквъ; въ типографіи нѣтъ другихъ.

²) Основная черта этого и всѣхъ слѣдующихъ ı проводится въ серединѣ между двумя смежными наклонцыми линіями.

³) Точка соприкосновенія обоихъ полуоваловъ въ буквѣ *х* должна приходиться въ серединѣ между двумя наклонными линіями.

⁴) Слова эти, преимущественно названія географическія, учитель можетъ, по желанію, замѣнить другими именами мѣстностей, болѣе знакомыхъ дѣтямъ; главное, чтобы въ нихъ являлись подобныя же сочетанія буквъ.

съ перваго урока сдѣлаетъ важное пріобрѣтеніе, именно научится *сознательно* работать.

Я назову нѣсколько упражненій, годныхъ для занятій въ классѣ или на дому.

Повтореніе прописныхъ буквъ:

1) по группамъ,

2) въ алфавитномъ порядкѣ,

3) по числу тактовъ (нажимовъ),

4) въ томъ же порядкѣ, но въ соединеніи съ соименными строчными буквами.

5) Между прописными и строчными буквами вставляются 1) *ш* 2) *т* 3) *шт* или *ши*. Все пишется, по возможности, съ одного почерка.

6) Слова и предложенія не длиннѣе одной строки. При фразахъ, выражающихъ вопросъ или приказаніе, слѣдуетъ объяснить *знаки препинанія* и заставить упражняться въ нихъ [1]).

7) Помѣщеніе буквъ и словъ однихъ подъ другими, въ видѣ коллонъ.

Когда ученикъ такимъ образомъ, посредствомъ постояннаго упражненія въ писаніи строчныхъ и прописныхъ буквъ въ большомъ размѣрѣ, пріобрѣлъ достаточную *подвижность пальцевъ*, а посредствомъ длинныхъ соединительныхъ чертъ строчныхъ буквъ пріучилъ руку къ легкому горизонтальному *скольженію*; когда онъ привыкъ къ крайне нѣжному выполненію волосныхъ и соединительныхъ чертъ, умѣетъ *правильно держать* перо и вольно водить имъ; когда вписываніе буквъ въ графическую сѣть пріучило его къ *четкому, правильному изображенію буквенныхъ формъ* и правильному раздѣленію буквъ въ словѣ, и когда, наконецъ, писаніе по такту, развившее смѣлость и твердость органовъ тѣла, участвующихъ въ письмѣ, положило основаніе *четкому, твердому и плавному почерку*: тогда ученикъ можетъ перейти къ средней степени обученія.

Но предварительно надобно ученика элементарнаго курса подвергнуть еще слѣдующему испытанію.

Ученикамъ даютъ по полулисту бумаги, на которомъ начерчены горизонтальныя строчныя линіи и только нѣсколько наклонныхъ линій (на разстояніи одного дюйма одна отъ другой), и заставляютъ ихъ на этомъ полулистѣ списывать съ большой доски нѣкоторыя извѣстныя имъ слова и предложенія. Если ученики выполняютъ эту задачу удовлетворительно, то ихъ заставляютъ списывать изъ книги для чтенія что-нибудь знакомое имъ и притомъ такимъ образомъ: одинъ изъ учениковъ (или учитель) пишетъ на доскѣ то, что другіе ученики по порядку, каждый по одному слову, диктуютъ ему и сами пишутъ на полулистѣ. Если они въ состояніи каллиграфически-правильно списывать изъ печатной книги, то нѣтъ препятствія перейти съ ними къ слѣдующей степени обученія. Тутъ, гдѣ имъ будутъ предоставлены другія средства для усовершенствованія въ письмѣ, графическая сѣть уже болѣе не нужна.

Примѣрный урокъ элементарнаго курса.

Ученики, положимъ, прошли уже всѣ предварительныя упражненія, необходимыя при основательномъ изученіи письма и состоящія въ правильномъ держаніи пера, правильномъ положеніи руки и въ развитіи глазомѣра. Далѣе они уже основательно изучили всѣ буквы первыхъ двухъ группъ, а изъ 3-й группы до буквы *k*, и притомъ упражнялись въ нихъ такъ, что совершенно ясно могутъ представить себѣ всѣ составныя части буквъ, т. е. въ состояніи какъ составлять, такъ и разлагать любую изъ изученныхъ буквъ.

Теперь приступимъ къ изученію буквы 3-й группы: *k*.

Каждый ученикъ имѣетъ передъ собою разлинованную тетрадь, т. е. съ графическою сѣтью.

Всѣ ученики одного класса или отдѣленія пишутъ *одно и то же*, какъ потому, что это не приватный урокъ, такъ

[1]) Между отдѣльными словами предложенія надобно оставлять такой промежутокъ, чтобы можно было помѣстить въ немъ напр. букву *и*. Послѣ точки мѣста оставляется больше, такъ чтобы могла помѣститься буква *ш*. Въ первомъ случаѣ пропускаются двѣ, во второмъ три наклонныя линіи.

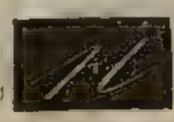
и потому, что это элементарное обученіе. Ученики, стало быть, имѣютъ передъ собою *не готовую* (литографированную) прописъ, а пропись, возникающую передъ ихъ глазами (наглядно) на большой доскѣ.

Всѣ ученики пишутъ гусиными перьями (которыя учитель чинитъ дома). Впослѣдствіи можно дать мягкія и не слишкомъ острыя перья (напр. Sommerville Alfred, намѣченныя буквою *м*, т. е. media, среднія) *тѣмъ ученикамъ*, рука которыхъ уже пріобрѣла нѣкоторую твердость и совершенство въ изображеніи основныхъ чертъ, какъ равной толщины, такъ и утолщающихся или утончающихся.

Урокъ начинается:

— Сколько группъ (или отдѣленій) буквъ изучили вы до сихъ поръ? — Отвѣчай мнѣ на это ты, Ивановъ.

— Назовите мнѣ буквы 1-й, 2-й и 3-й группы.

— Скажите мнѣ на память, какъ пишется (изображается) буква

1) прямая основная черта, 2) средняя соединительная черта съ нажимомъ и 3) прямая основная черта съ закругленіемъ внизу.

(Это повтореніе и описаніе буквъ на память очень важно, потому что ученикъ, какъ сказано, долженъ учиться писать съ прописи, запечатлѣнной въ его умѣ).

— Теперь пишите всѣ эту букву, а Ивановъ будетъ считать въ тактъ.

«Приложите перо! нажимъ! прямая основная черта!» и т. д.

— Петровъ сдѣлалъ грубую ошибку. (Учитель пишетъ неправильно изображенную букву на большой доскѣ). Скажите ему, что надо помнить при образованіи всякой буквы и буквы *н* въ особенности.

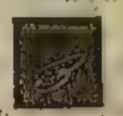
Всѣ: «буква *н* должна писаться, не отнимая пера отъ бумаги».

(Ученикъ, сдѣлавшій ошибку, повторяетъ это правило.)

— Напишите эту букву еще пять разъ. (При этомъ считаютъ въ тактъ).

— Теперь я опишу вамъ букву, а вы назовите ее по описанію.

«Волосная черта къ верху, 1) полуовалъ или дуга въ правую сторону, маленькая петля въ срединѣ, 2) полуовалъ или дуга въ правую сторону съ точкою.

«Это .»

— Вѣрно. Теперь, Ѳедотовъ, напиши эту букву на большой доскѣ, а прочіе пусть напишутъ ее въ тетради. (Считаніе въ тактъ, исправленіе буквы остальными учениками. Ошибки, встрѣчающіяся обыкновенно при изображеніи буквы *в*, суть: неясность точки, недостаточная закругленность обоихъ полуоваловъ, а также — верхній полуовалъ дѣлается больше нижняго.)

— Теперь мы приступимъ къ новой буквѣ, основныя черты которой очень походятъ на черты буквъ, только что повторенныхъ нами. Это строчное

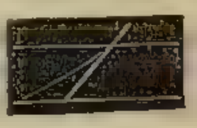
Будьте внимательны. (Учитель пишетъ *к* медленно на большой доскѣ, разграфленной точно такою же сѣтью, какъ и тетради. Ученики должны внимательно слѣдить за движеніями руки учителя.)

Я еще разъ напишу вамъ эту букву. (Сдѣлавъ первую основную черту, учитель останавливается и спрашиваетъ учениковъ, что онъ написалъ.)

«Прямую основную черту.»

— Въ какихъ буквахъ вамъ уже встрѣчалась такая черта?

«Въ буквахъ *н, п, ю.*»

— Такъ; только замѣтьте, что у буквы *к* черта эта выходитъ на четверть изъ верхней горизонтальной строчной линіи, такъ: (Хотя между предварительными упражненіями учениковъ и встрѣчались дѣленіе и удлиненіе чертъ, но чтобы представить имъ ясно

удлиненіе основной черты *k*, я каждый разъ сперва дѣлилъ наклонную линію, приходившуюся между обѣими горизонтальными, на двѣ половины и каждую изъ этихъ половинъ еще на двѣ, а потомъ уже удлинялъ черту на четверть.)

— Скажи мнѣ, Петровъ, какъ ты напишешь эту часть буквы *k* въ графическую сѣть?

«Сперва я слегка проведу перо отъ лѣваго нижняго угла вверхъ направо до верхной точки удлиненія; потомъ нажму его и остановлюсь (чтобы раздвинулись кончики раскепа), а затѣмъ проведу его съ равномѣрнымъ нажимомъ по наклонной линіи вплоть до нижней строчной линіи, гдѣ снова остановлюсь.»

— Теперь я буду писать вторую часть: начну внизу въ точкѣ пересѣченія, проведу черту слегка кверху и, приближаясь къ наклону, начну закруглять ее вправо, потомъ сдѣлаю *правый полуовалъ* до середины и маленькую *горизонтальную* петлю, и наконецъ прямую основную черту съ закругленіемъ вправо (или черту *г*).

— Какая буква пишется сходно съ этою частью буквы *k*?

«Буква *в*, съ тою только разницею, что послѣдняя часть буквы *k* загибается направо, какъ буква *г*.

— Изъ какихъ же основныхъ чертъ состоитъ буква *k*?

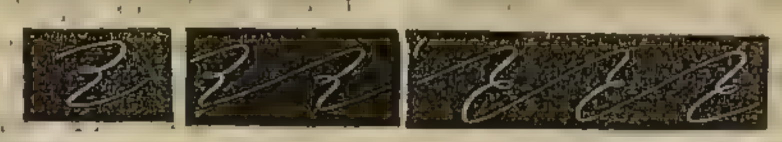
1) Изъ прямой, кверху удлиненной, основной черты, 2) изъ маленькаго полуовала на правой сторонѣ и 3) изъ основной черты буквы *г*.

Замѣтьте себѣ еще, что первая основная черта должна приходиться на первой наклонной линіи, а вторая и третья (нажимы полуовала и *г*) на второй наклонной линіи,—что петля должна быть на самой серединѣ между обѣими горизонтальными линіями, и что вся буква пишется съ *одного почерка*.

(Учитель стираетъ съ доски букву *k*, и спрашиваетъ какого-нибудь ученика, *что ему надо сдѣлать*, чтобы написать букву *k*. При этомъ учитель пишетъ совершенно такъ, какъ говоритъ ученикъ, не исключая даже ошибочныхъ указаній, потому что такимъ образомъ ученикъ тотчасъ замѣчаетъ свою ошибку и тутъ же исправляетъ ее. При этомъ онъ пріучается къ самосужденію и къ исправленію своей собственной работы, и привыкаетъ подчинять свои дѣйствія не темному чувству, а ясному сознанію.)

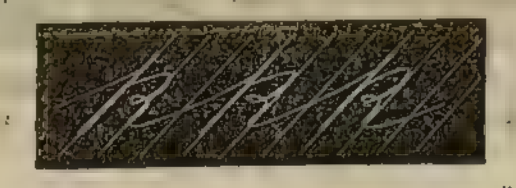
Когда ученики такимъ образомъ ясно и отчетливо усвоили себѣ форму новой буквы, тогда приступаютъ къ упражненію въ ней.

Сперва принимаются за вторую часть буквы *k*, потому что она еще вовсе не знакома ученикамъ и слѣдовательно требуетъ ихъ исключительнаго вниманія. Въ началѣ ученики упражняются въ писаніи этой части по словесному счету, не соединяя повторяемыхъ фигуръ между собой, а потомъ по цыфирному счету, связывая 2 или 3 фигуры болѣе или менѣе длинными чертами, смотря по приказанію учителя.

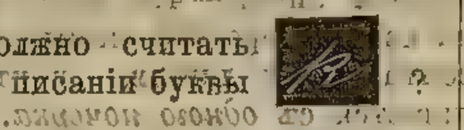
Если ученики научились твердо писать эту часть буквы, то и вся буква не представляетъ обыкновенно для нихъ большого труда: упражненіе въ ней на нѣсколькихъ строчкахъ обыкновевно достаточно.

—Посмотрите, съумѣете ли вы написать эту букву нѣсколько разъ сряду, не отнимая вовсе пера (въ связи) и оставляя въ промежуткѣ между каждымъ *k* одну наклонную линію, вотъ такъ:

*

Писанiе въ совершенной связи, скользящею рукою, слѣдуетъ тотчасъ же за упражненiемъ въ писанiи отдѣльныхъ частей буквъ, безъ движенiя руки. Оно устраняетъ налеганiе ручной кисти, въ особенности у сустава. Слѣдовательно, чѣмъ раньше упражненiе это начнется, тѣмъ лучше.

— Какъ должно считать въ тактъ при писанiи буквы ?

«1, 2, 3, потому что перо нажимается три раза.»

— Повторите правило счета въ тактъ при писанiи буквъ.

«*Сколько разъ нажимается перо, столько разъ считается въ тактъ* (включая сюда и точки и узлы).

— Теперь начнемъ. Никто не начинаетъ новой строки до тѣхъ поръ, пока я не назначу: 1-ая строка! Приложите перо (внизу слѣва, въ точкѣ пересѣченiя)! 1, 2, 3, — 1, 2, 3, — 1, 2, 3, и т. д.

Всѣ ученики пишутъ одно и то же, черту за чертою, и считаютъ при этомъ по назначенному учителемъ такту, каждый отдѣльно, или хоромъ въ полголоса.

При этомъ учитель долженъ неутомимо напоминать учащимся о правильномъ положенiи тѣла и держанiи пера, съ неумолимою строгостью наблюдать, чтобы всѣ ученики *писали въ тактъ* и *съ одного почерка*, и указывать кому слѣдуетъ изъ учениковъ на равномѣрный нажимъ или правильное закругленiе дуги и т. д. Всѣ эти замѣчанiя онъ дѣлаетъ въ полголоса или знаками.

Отъ времени до времени учитель можетъ соединить оба способа счета въ тактъ, присовокупляя къ счету учениковъ (1, 2, 3) свой словесный счетъ: «слегка вверхъ, равномѣрный нажимъ внизъ, слегка вверхъ, правый полуовалъ, петля въ серединѣ, основная черта внизъ по наклонной линiи, закругленiе». Это вноситъ жизнь въ занятiе и заставляетъ разсѣянныхъ учениковъ внимательно слѣдить за своимъ перомъ.

Ученики написали одну строку. Учитель, который во время писанiя ходилъ между скамейками, замѣтилъ *преобладающiя* ошибки, т. е. такiя, которыя сдѣланы большинствомъ учениковъ при изображенiи одной и той же буквы. Прежде чѣмъ начать вторую строку, онъ приступаетъ *къ исправленiю*. Это *не отдѣльное исправленiе въ тетради, но общее исправленiе на большой доскѣ.*

— Вы пишете *к* не совсѣмъ правильно. Большая часть изъ васъ дѣлаетъ его такъ. (Учитель пишетъ *к* съ ошибкою, сдѣланною учениками.)

— Какую ошибку сдѣлали вы?

«Петля слишкомъ коса и не въ серединѣ, а она должна быть горизонтальною и приходиться въ самой серединѣ.»

— Такъ. Повторите это. (Учитель исправляетъ ошибку.)

Другiе написали *к* такъ. (Какъ выше.)

— Гдѣ тутъ ошибка?

«Послѣдняя часть буквы лежитъ не на наклонной линiи.»

— Вѣрно. (Исправленiе.)

Происходятъ ли эти и другiя ошибки отъ неяснаго сознанiя буквы, отъ неспособности представить себѣ всю букву со всѣми составными частями ея, отъ невѣрнаго глазомѣра, или отъ преобладающей нетвердости руки и неумѣнiя соединять буквы, — во всякомъ случаѣ опытный учитель скоро дознается, въ чемъ дѣло и обратитъ на отстающаго ученика особое вниманiе.

— Теперь начнемъ писать вторую строку; только постарайтесь избѣгать прежнихъ ошибокъ. Приложите перо! 1, 2, 3, — 1, 2, 3, — 1, 2, 3, — и т. д.

Учитель, проходя опять между скамейками, просматриваетъ тетради учениковъ и поступаетъ, какъ выше сказано, до тѣхъ поръ, пока всѣ ученики не научатся писать букву правильно и по возможности твердо.

Тогда учитель приступаетъ къ примѣненiю буквы въ словахъ (а впослѣдствiи — въ предложенiяхъ).

Сперва слѣдуетъ выбирать короткiя слова или самому, или предоставивъ это ученикамъ, и по возможности такiя, въ которыхъ изучаемая буква встрѣчается нѣсколько разъ; напр. *крикъ, кошка, кашка*; потомъ въ соединенiи съ другими буквами: *край, икра, ракъ, крыша, китъ, рука, лукъ, око, окно, звукъ, знакъ* и т. д.

Учитель пишетъ слово на большой доскѣ и заставляетъ учениковъ списать его въ тетрадь, безъ счета въ тактъ, и затѣмъ сосчитать число нажимовъ. Когда это сдѣлано, то ученики пишутъ это слово по такту одну или нѣсколько строкъ сряду.

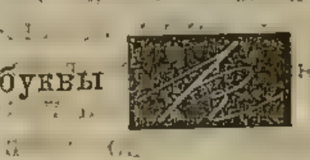
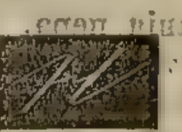
То же самое упражненіе предпринимается и съ другими словами, въ которыхъ встрѣчается *к*, до тѣхъ поръ пока ученики не научатся твердо и основательно изображать эту букву въ соединеніи съ другими.

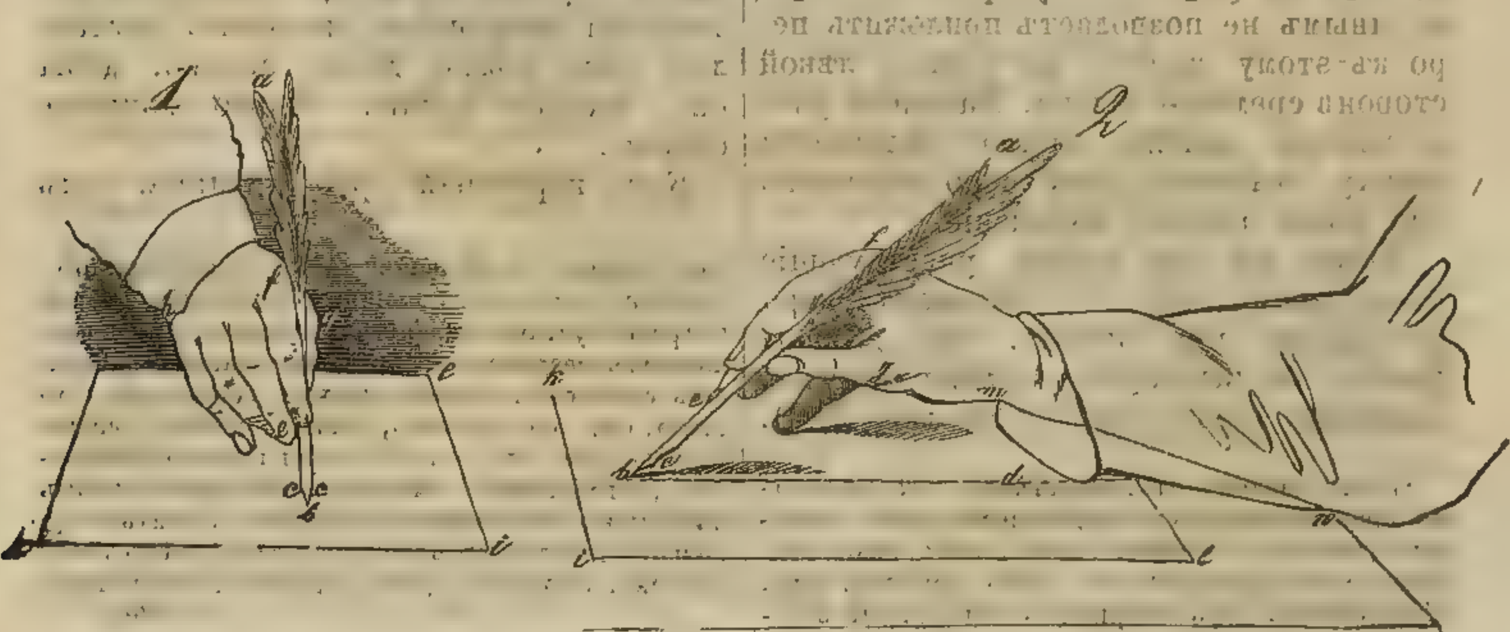
О правильномъ держаніи пера при письмѣ.

(Письмо къ г-ну... К.)

Вы весьма справедливо замѣтили, что въ первой статьѣ моей неоднократно говорится о наблюденіи учителемъ надъ учениками за «правильностію положенія руки и держанія пера при письмѣ», но не объясняется, «въ чемъ состоитъ эта правильность». Такъ какъ относительно *техники* письма самое важное условіе обученія состоитъ въ томъ, чтобы ученики знали, какъ употреблять данное имъ орудіе, т. е. какъ держать и вести перо, дабы правильно изображать извѣстныя буквенныя черты, то я не могъ не обратить на это обстоятельство особеннаго вниманія; но, съ другой стороны, зная, что мнѣнія учителей въ этомъ отношеніи далеко не согласуются между собой, я счелъ неумѣстнымъ сообщать правила объ этомъ въ статьѣ, имѣвшей главною цѣлью показать, отчего дѣти большею частію неохотно учатся письму и какими средствами ихъ можно пріохотить къ этому ученію. Объ употребленіи же пера я предполагалъ сказать необходимое при изложеніи хода и способа самаго обученія. Но предложенный вами вопросъ представляетъ мнѣ весьма удобный случай поговорить объ этомъ отдѣльно.

Оставляя на этотъ разъ въ сторонѣ очинъ пера, который впрочемъ также заслуживаетъ вниманія, я прямо перехожу къ объясненію нормальнаго *положенія* пера, въ отношеніи къ плоскости стола, и правильнаго *держанія* и *веденія* его. Для лучшаго же уразумѣнія объясняемаго прилагаются два рисунка. (Рисунки приложены особо.)

Чтобы опредѣлить нормальное положеніе пера, возьмемъ какую-нибудь прямую основную (т. е. толстую) черту алфавита, напр. первую основную черту буквы или Особенность прямыхъ основныхъ чертъ въ русскихъ и сродныхъ имъ буквахъ другихъ языковъ состоитъ въ томъ, что черты эти начинаются и оканчиваются полнымъ нажимомъ пера, т. е. строчныя линіи пересѣкаютъ ихъ сверху и снизу. Слѣдовательно, чтобы изобразить такую черту, перо должно быть приложено такъ, чтобы кончики его, образуемые раскепомъ, при нажиманіи приходились оба на верхней строчной

линіи, или другими словами: перо (*a b*, фиг. 1.) должно со строчною линіею (ki) образовать прямые углы. При этомъ уголки пера (c c), между первою и второю вырѣзкою, должны находиться *на равной вышинѣ* отъ бумаги.

Дабы бумага не задѣвала пера, когда оно ведется кверху или книзу, или же чтобы черты выходили чисто, перо (a b, фиг. 2.) должно къ плоскости бумаги (d b) находиться подъ угломъ въ 45° (при сгибаніи пальцевъ уголъ этотъ, разумѣется, увеличивается, а при разгибаніи — уменьшается); или чтобы сказать это языкомъ, понятнымъ для учениковъ: перо должно быть приложено къ первому суставу (f) указательнаго пальца (въ какомъ случаѣ оно дѣйствительно будетъ находиться подъ требуемымъ угломъ).

Этотъ же суставъ служитъ и одною изъ точекъ опоры, необходимыхъ для держанія пера. Слѣдуетъ найти остальныя точки опоры, наиболѣе соотвѣтствующія устройству руки. Держа правую руку ладонью внизъ, легко замѣтить, что самое естественное движеніе *большого пальца* идетъ слѣва направо, а остальныхъ четырехъ пальцевъ сверху внизъ. Слѣдовательно вторая точка опоры должна находиться на внутренней сторонѣ большого пальца, и именно въ верхней части кончика его, иначе перо не можетъ удержаться у первоупомянутой точки, т. е. у перваго сустава указательнаго пальца. Третья же точка естественно находится въ лѣвомъ ногтевомъ углу средняго пальца (e, фиг. 1), или же (такъ какъ устройство пальца инымъ не позволяетъ приложить перо къ этому мѣсту) на нижней лѣвой сторонѣ средняго пальца. Наконецъ *указательный* палецъ слегка налагается сверху, вслѣдствіе чего перо получаетъ еще болѣе твердое положеніе.

Чтобы эти три пальца, участвующіе въ держаніи пера, не слишкомъ скоро утомлялись при письмѣ, они должны быть — не вытянуты, а *слегка согнуты*, *округлены* (какъ показано на фиг. 2) [1].

Перо же можетъ выдаваться изъ-за средняго пальца приблизительно на 1 дюймъ.

Четвертый (безъимянный) палецъ или примыкается слегка къ среднему, или же, лучше, сгибается внутрь; но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ онъ не долженъ мѣшать правильному положенію и свободному движенію пальцевъ, держащихъ перо. По этой же причинѣ, въ первомъ случаѣ, четвертый и пятый пальцы отнюдь не должны быть соединены: между ними всегда должно быть маленькое разстояніе.

Пятый палецъ (мизинецъ) долженъ быть вытянутъ и, кончикомъ своимъ (но отнюдь не всею стороною) касаясь бумаги, легко скользитъ по ней.

Ручная кисть, при нормальномъ положеніи, не должна быть согнута въ суставѣ своемъ ни вправо, ни влѣво, дабы движеніе въ любую изъ этихъ сторонъ всегда могло происходить свободно. Но особенно важно, чтобы первый суставъ большого пальца (g, фиг. 1 и 2) и первый же суставъ мизинца (h, фиг. 1) находились на равной вышинѣ отъ бумаги. Обыкновенно ручная кисть имѣетъ большую склонность повернуться вправо, т. е. всѣмъ краемъ мизинца прилечь въ бумагѣ. Это отнюдь не должно быть терпимо, потому что передвиженіе руки вправо этимъ затрудняется и совершается вообще урывками, а буквенныя черты выходятъ жесткими, принужденными. Въ случаѣ же нѣкоторые изъ учениковъ пріучились уже къ такому неправильному положенію руки, то ихъ можно отучить отъ этого, заставляя вытянутый совершенно мизинецъ отставлять какъ можно далѣе вправо, дабы онъ касался бумаги только концомъ своимъ.

Какъ наружный край мизинца, такъ

---

[1] Кто знакомъ съ гимнастикой, т. е. не только практически, но и теоретически, тотъ конечно лучше всего можетъ понять, какъ физіологически вѣрно предложенное здѣсь держаніе пера. При держаніи пера совершенно вытянутыми пальцами (манера, встрѣчаемая часто у конторщиковъ, особенно англичанъ) мышцы, сгибающія второй и третій суставы пальцевъ, находятся въ совершенномъ бездѣйствіи; но тѣмъ сильнѣе работаютъ сгибающія мышцы перваго (верхняго) сустава; онѣ, во первыхъ, должны сгибать пальцы во всю длину ихъ, а во вторыхъ противодѣйствовать разгибающимъ мышцамъ, которыя при этомъ напряжены сильнѣйшимъ образомъ. Понятно, что пальцы при такомъ положеніи весьма скоро утомляются и не могутъ долго держать и вести перо.

Ред.

и суставъ кисти (m, фиг. 2) не долженъ прилегать къ бумагѣ, иначе опять затруднится передвиженіе руки.

Правое предплечіе (вся часть ниже локтя) должно тремя четвертями длины своей (т. е. приблизительно до *n*, фиг. 2) находиться на столѣ, касаясь его собственно только одною точкою (*n*) и налегая на него лишь слегка, а не всею тяжестію своею.

Дабы оба плеча держались на равной вышинѣ, лѣвая рука должна находиться на столѣ въ точно такомъ же положеніи, какъ и правая; держаніе одной лѣвой кисти на столѣ, или же на оборотъ, всей руки съ локтемъ, никогда не должно дозволять. Если же, не смотря на такое положеніе, лѣвое плечо всетаки оказывается выше праваго, то это знакъ, что ученикъ слишкомъ сильно опирается на лѣвую руку, чего не должно быть. [1])

Что туловище вообще должно держать прямо, не налегая грудью на край стола, и что ноги не должны быть ни отодвинуты назадъ (подъ себя), ни вытянуты впередъ, ни висѣть также, а твердо, всею ступнею покоиться на полу, — это конечно само собою разумѣется.

Наконецъ тетрадь передъ ученикомъ должна лежать такъ, чтобы лѣвый край ея (i l) находился въ прямой линіи противъ средины груди.

Опредѣливъ такимъ образомъ положеніе пера, тѣла и тетради, я перехожу къ движеніямъ, необходимымъ для изображенія письма.

Всѣ отдѣльныя письменныя черты, какъ прямыя, такъ и закругленныя и округлыя, естественнѣе и легче всего производятся *безъ движенія предплечія*, совокупнымъ движеніемъ однихъ только пальцевъ и ручной кисти. Но такъ какъ движеніе ручной кисти весьма ограничено въ суставѣ своемъ, то предплечіе легкимъ поворотомъ можетъ содѣйствовать ей, при чемъ однако локоть долженъ оставаться неподвижно на одномъ мѣстѣ.

[1]) Данное здѣсь правило чрезвычайно важно относительно физическаго развитія тѣла. Нерѣдко встрѣчаемыя у дѣтей искривленія туловища причиняются отчасти и дурнымъ положеніемъ тѣла при письмѣ, рисованіи и рукодѣліи. Ред.

При связномъ же письмѣ, при которомъ перо пробѣгаетъ всю строку, необходимо передвиженіе вправо всей руки, а слѣдовательно и локтя; иначе строки получатъ не прямое направленіе, а дугообразное внизъ. Какимъ же образомъ должно совершаться это движеніе?

Я не стану распространяться о всѣхъ возможныхъ способахъ передвиженія руки и цѣлесообразности или несообразности ихъ, а сообщу вамъ только тотъ способъ, который по моему убѣжденію есть наиболѣе цѣлесообразный, легкій и употребительный.

По этому способу передвиженіе руки совершается лишь *по окончаніи каждаго слова*, или иначе сказать: въ промежуткѣ каждыхъ двухъ словъ. Передвигать же руку посреди слова позволительно только при длинныхъ, многосложныхъ словахъ.

Такое соединеніе движенія всей руки съ движеніями кисти и пальцевъ есть самое естественное и притомъ наименѣе утомительное; ибо рукѣ не нужно вовсе держаться на лету, слѣдовательно мышцы верхняго плеча (т. е. части руки выше локтя) не слишкомъ напрягаются.

Наконецъ, кажется, нѣтъ надобности повторять, что при этомъ рука не должна и опираться на столъ или прижиматься къ нему, и что перо не должно измѣнять правильнаго своего положенія.

О способѣ линовать графическую сѣть.

(Письмо къ г. смотрителю евр. училища въ Р — хъ.)

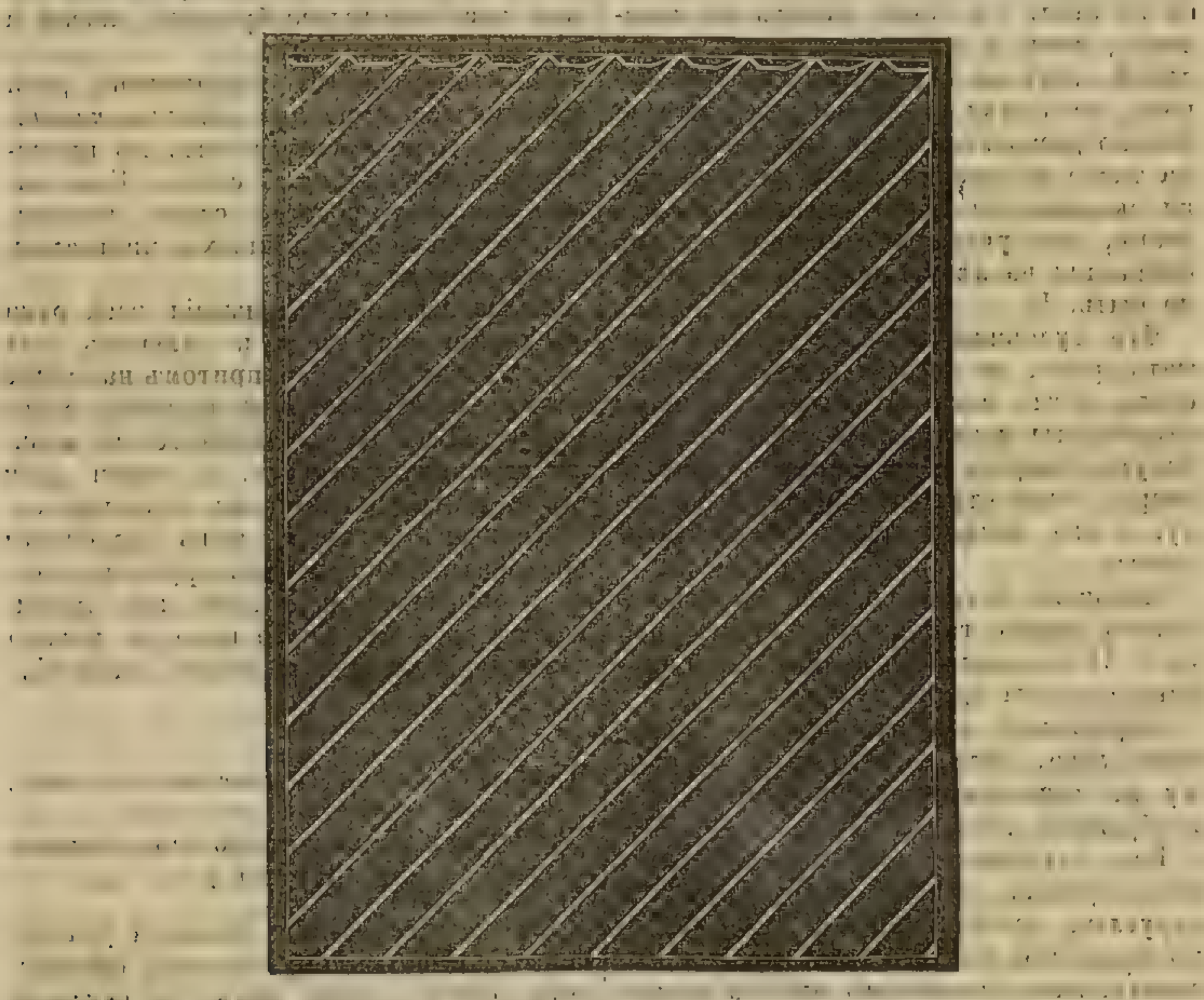
Вы просите, чтобы редакція указала вамъ способъ самому линовать графическую сѣтку, «такъ какъ, по скудости средствъ для учебныхъ пособій и многочисленности учениковъ, подвѣдомственное вамъ училище не въ состояніи пріобрѣтать разлинованной бумаги».

Исполняемъ ваше желаніе, насколько это возможно; но просимъ напередъ извиненія, если предлагаемый нами способъ не вполнѣ удовлетворитъ васъ.

Для линованія предложенной г. Мессеромъ графической сѣтки вамъ нужны двѣ деревянныя рамки такой величины, чтобы въ отверстіе ихъ входилъ форматъ

тетради. Въ одной изъ этихъ рамокъ должны быть вдѣланы горизонтальныя деревянныя линейки равной ширины и именно такой, какой должна быть линовка для первоначальнаго упражненія въ письмѣ. Впрочемъ устройство такой линейки должно быть вамъ извѣстно, такъ какъ во многихъ училищахъ нашихъ давно уже употребляются такъ называемыя рѣшотки для линованія. Только величина этихъ употребляемыхъ у насъ рѣшотокъ вовсе не соотвѣтствуетъ формату обыкновенной тетради; а это необходимо, дабы во время линованія тетрадь не могла сдвигаться.

Во второй рамкѣ должны быть вдѣланы косыя, наклонныя линейки, уголъ которыхъ равенъ 45°, а ширина — разстоянію, принятому между буквенными чертами. Отверстіе же между этими линейками должно быть такое, чтобы только остріе карандаша могло входить въ него. Слѣдующій рисунокъ покажетъ это яснѣе.

Черныя полоски означаютъ линейки, а бѣлыя черты — промежутки, чрезъ которые видиѣется бумага. Само собою разумѣется, что какъ у горизонтальныхъ линеекъ въ первой рамкѣ, такъ и у косыхъ, края или ребра должны быть заострены, иначе неудобно будетъ линовать.

Такія двѣ линейки могутъ быть заказаны у любого столяра и обойдутся очень не дорого, такъ что ихъ можно пріобрѣсть въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Что же касается до самаго процеса линованія, то онъ конечно совершается не безъ нѣкоторой траты времени: каждую страницу приходится линовать дважды; но за то сѣтка выходитъ весьма правильная. Впрочемъ, при нѣкоторомъ навыкѣ, который очень скоро пріобрѣтается, линованіе это не отнимаетъ много времени. Къ тому же вы можете устроить такъ, чтобы старшіе ученики, пишущіе сами уже безъ сѣтки, линовали для

тѣхъ, которые въ ней нуждаются. Такимъ образомъ вы пріучите ихъ къ прекрасной добродѣтели — услуживать и помогать младшимъ товарищамъ своимъ.

Мнѣніе о статьѣ «обученіе письму».

Графическая сѣть употребляется мною еще съ 1847 года въ Воронежскомъ уѣздномъ училищѣ, и дѣлается обыкновенно самими учениками посредствомъ четырехгранной линеечки, какъ это объяснено въ прописи, прилагаемой мною при семъ, и напечатанной въ Воронежѣ въ 1853 году. Каждый мой ученикъ обязанъ имѣть такую линеечку, стоющую 1½ коп. сереб., и пропись, какъ образецъ, необходимый для всякаго дитяти во всякомъ искуствѣ, и стоющую 30 коп. серебр. Пріобрѣтеніе прописи не такъ затруднительно для ученика, тѣмъ болѣе что она послужитъ ему на все время курса, — какъ пріобрѣтеніе различной бумаги, которой въ продолженіе года онъ можетъ употребить до ста листовъ. Принимая въ соображеніе, что въ училищѣ ученики учатся черченію по линейкѣ и прочимъ инструментамъ, я думаю, что линованіе ими самими сѣти полезно: во 1) потому, что это линованіе служитъ для нихъ первыми урсками въ черченіи, и во 2) пріучаетъ ихъ къ самодѣятельности, что конечно очень важно.

По моему мнѣнію та сѣть, которая сдѣлана въ моей прописи, полезнѣе той, которую представляетъ г. Мессеръ [1]. У меня рука дитяти ставитъ одну черту буквы по готовой наклонной линіи, а другую, слѣдующую за ней, какъ бы создаетъ сама, третью, какъ бы повторяетъ и т. д., и «*это не превышаетъ исполнительной способности (силъ) ученика*», какъ я могъ убѣдиться опытомъ. Мнѣ даже кажется, что въ этомъ случаѣ едва ли не болѣе «*успѣхъ первой дѣятельности возбуждаетъ чувство удовольствія и интересъ къ самому дѣлу, и усиливаетъ вниманіе и стараніе*». Я не считаю себя въ числѣ упомянутыхъ въ статьѣ журнала опонентовъ графической сѣти, потому что опытомъ убѣжденъ въ хорошемъ результатѣ при обученіи письму по составленной мною графической же сѣти, и знаю, что никакой другой способъ при ученія этому искуству не можетъ дать такихъ вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ. Такъ какъ я достаточно знакомъ съ этимъ предметомъ [2], то считаю за обязанность сказать, что въ приложенномъ въ журналѣ образцѣ графической сѣти нѣтъ системы въ буквахъ, «*обусловливающей правильность*» ихъ изображенія [3], напр. въ буквахъ *ѣ, г, я, ю*, не говоря уже объ утолщеніи черты въ буквахъ *у, ф*, — она коротка, не паралельна наклону, не соотвѣтствуетъ вольному прижатію пера и, кажется, не дѣлаетъ букву изящною. Въ этомъ случаѣ радіусъ пера (отъ окончанія пальцевъ до острія), при направленіи его внизъ, какъ бы дѣлаясь короче, естественно сильнѣе прижимается къ бумагѣ. Въ моей прописи же буквы по сѣти приведены въ точную систему ихъ начертанія, утолщены по естественному ходу пера, и хотя исполнены рѣзьбою на камнѣ въ Воронежѣ, и еще въ

[1]) Сѣть г-на Скляренко отличается отъ сѣти г-на Мессера только тѣмъ, что косыя линіи разставлены вдвое шире, слѣдовательно не опредѣляютъ взаимнаго разстоянія буквенныхъ чертъ. Желающіе ближе ознакомиться съ этою сѣтью, какъ и вообще со способомъ обученія г-на Скляренко, могутъ пріобрѣсти у самого автора изданную имъ «Пропись по способу скорописанія. Воронежъ 1853 г.» Тетрадь эта состоитъ изъ 17 листочковъ и стоитъ, какъ выше сказано, 30 коп.

[2]) Это утвержденіе заставляетъ предполагать, что авторъ знакомъ со всѣми улучшеніями, сдѣланными по части обученія письму въ теченіе этого столѣтія. Но ни изъ этой статьи, ни изъ присланнаго намъ руководства его этого не видно.

[3]) Г. Скляренко вѣроятно хочетъ сказать, что онъ не понимаетъ этой системы. Въ слѣдующей статьѣ г. Мессеръ, по нашей личной просьбѣ, объясняетъ ее. *Ред.*

1853 году, но не отстаютъ отъ формы буквъ, указанной въ образцѣ, приложенномъ въ статьѣ журнала, не смотря на то, что для этого образца едва не всѣ буквы избраны лишь тѣ, которыя болѣе прямолинейны.

Въ приготовленной мною ко второму изданію прописи, съ дополненіемъ еще нѣсколькихъ страницъ, принятъ наклонъ буквъ паралельно діагонали квадрата. Полагаю, что во второмъ изданіи рѣзьба будетъ болѣе изящная, потому что въ Воронежѣ теперь есть хорошій граверъ. Въ столицѣ, разумѣется, рѣзьба можетъ быть исполнена съ большимъ совершенствомъ, но безъ непосредственнаго своего надзора за рѣзьбой я не рѣшаюсь на заказъ въ столицѣ. Впрочемъ мнѣ всегда казалось, что совершенство въ изяществѣ рѣзьбы здѣсь дѣло постороннее [1]).

По моему мнѣнію, ученику необходима пропись, какъ наглядный образецъ, которому онъ долженъ подражать и по которому для него легко исполнять наглядно и повторять объясненное въ училищѣ [2]). Такой образецъ — моя пропись. Она составлена мною по заданному самому себѣ вопросу: найти доступный для дѣтей способъ изображенія буквъ, облегчающій для нихъ успѣхъ въ письмѣ? А какъ достоинство письма зависитъ отъ размѣра буквъ, паралельнаго между собою наклона и равнаго размѣщенія ихъ въ словѣ, то практика навела меня на мысль употребить для составленія образца канву косвеннаго начертанія, подъ какимъ бы то ни было условнымъ наклономъ, и привести буквы въ систему изображенія ихъ по клѣткамъ этой канвы [3]). Пропись эта содержитъ вмѣстѣ и правила письма по клѣткамъ сѣти, которая награфливается въ одну минуту на страницѣ тетради самими учениками, посредствомъ вышеупомянутой четырехгранной линеечки.

Прилагаю при семъ 15 списковъ ученическаго письма по системѣ моихъ прописей. [4])

За дѣльное замѣчаніе о недостаткахъ моей прописи, равно и за отзывъ о достоинствахъ, если она ихъ имѣетъ по вашему мнѣнію — останусь чувствительно благодаренъ.

М. Скляренко.

---

[1]) Напрасно вамъ такъ казалось: совершенство въ томъ, что должно служить образцомъ для юношества, никогда не можетъ быть дѣломъ постороннимъ. *Ред.*

[2]) Пропись ученикамъ дѣйствительно необходима, но только въ томъ случаѣ, когда учитель самъ дурно пишетъ, т. е. не имѣетъ хорошаго почерка; въ противномъ же случаѣ готовая пропись вещь совершенно безполезная, и мы, рекомендуя прописи г-на Лагузена, не безъ намѣренія прибавили: «для преподавателей, нуждающихся въ прописяхъ». Что же касается до повтореній, то ученики низшаго класса должны ихъ дѣлать въ классѣ, а не дома.

[3]) Изъ этихъ словъ очевидно, что г. Скляренко самъ изобрѣлъ свою графическую сѣть. Это дѣлаетъ его изобрѣтательному таланту не малую честь; только жаль, что онъ напрасно трудился. Еслибъ онъ зналъ, что подобныя сѣтки давно уже изобрѣтены, то употребилъ бы прекрасный талантъ свой не на вторичное изобрѣтеніе, а на улучшеніе того, что уже существуетъ. Это было бы выгоднѣе и для него и для учениковъ его, и для насъ и вообще для всѣхъ интересующихся этимъ дѣломъ.

[4]) Изъ 3 классовъ по 5-ти изъ каждаго. Пробные листы эти присланы въ редакцію съ тою цѣлію, чтобы по нимъ можно было судить о результатахъ преподаванія, достигаемыхъ по способу г-на Скл. Но для этого слѣдовало бы прислать образцы письма не нѣкоторыхъ только, очевидно лучшихъ учениковъ, а всего класса, начиная съ самыхъ слабыхъ учениковъ, или же работы 2—3 учениковъ, но за все время ихъ ученія. По присланнымъ же листамъ рѣшительно невозможно безошибочно оцѣнить результаты, а тѣмъ болѣе самый способъ. Такихъ же результатовъ достигаютъ наконецъ всѣ порядочные учителя, по какому бы способу они ни обучали. *Ред.*

Возраженіе на предыдущую статью.

Хотя г. Скляренко и «не считаетъ себя въ числѣ моихъ оппонентовъ по графической сѣти», но тѣмъ не менѣе отзывъ его о моей статьѣ далеко не говоритъ въ мою пользу. Поэтому онъ позволитъ мнѣ подвергнуть высказанное имъ мнѣніе маленькому анализу и объяснить все, что въ моемъ способѣ ему кажется не совсѣмъ вѣрнымъ.

Начнемъ съ графленія. Оно бываетъ двояко различное: *свободное* — посредствомъ обыкновенной плоской линейки, упражняющее особенно глазъ въ опредѣленіи равныхъ разстояній, и *машинальное* — посредствомъ «перекатыванія четырехгранной линейки», возможное при совершенно сомкнутыхъ глазахъ.

Этотъ послѣдній способъ графленія употребляется учениками г-на Скляренко.

Такъ какъ г. Скляренко удостоиваетъ это «перекатываніе» названія «первыхъ уроковъ въ черченіи», то изъ этого должно, разумѣется, заключить, что ученики его въ этихъ «урокахъ» чему-нибудь да научаются, т. е. пріобрѣтаютъ способность дѣлать что-либо вовсе непривычное, или же мало привычное для нихъ. Чему же дѣти тутъ могутъ научиться?

1. Изготовленію упомянутой графической сѣтки, что однако заставляетъ предполагать, что они въ началѣ не умѣютъ ее дѣлать, или же дѣлаютъ не хорошо.

2. Быстрому изготовленію этой сѣтки, — по требованію г-на Скляренко въ 1 минуту; но въ началѣ для этого необходимо по крайней мѣрѣ 5 минутъ.

3. Ловкости въ перекатываніи линейки.

Если ученики г-на Скляренко въ началѣ графятъ сѣтку неровно и неточно (а контроль въ этомъ отношеніи весьма труденъ, въ многочисленномъ классѣ даже невозможенъ), то цѣль, для которой единственно и составляется сѣтка, т. е. цѣль пріучить учениковъ къ правильному изображенію буквъ, вовсе не достигается. [1])

[1]) Такъ какъ г. Скляренко учитель рисованія собственно, то мы предполагаемъ, что онъ до тѣхъ поръ и не учитъ письму, пока дѣти не выучатся хорошо графить сѣтку. *Ред.*

Если же сѣтка изготовляется ими (въ 1 минуту?) дѣйствительно совершенно правильно, то 1) цѣль г-на Скляренко — приготовить учениковъ къ «черченію» — достигнута уже на первомъ урокѣ, и все остальное время, употребляемое на графленіе, тратится непростительнымъ образомъ въ ущербъ урокамъ письма; а 2) не достигается и другая, предположенная г-мъ Скляренко цѣль — «пріучить учениковъ къ самодѣятельности, т. е. если онъ подъ «самодѣятельностью» разумѣетъ то же самое, что разумѣютъ всѣ просвѣщенные педагоги: «дѣятельность ученика по собственной охотѣ, по доброй волѣ, по внутреннему побужденію». Охота и любовь къ ученію (къ дѣятельности) обусловливаются *интересомъ* задачъ. Занимать учениковъ цѣлые мѣсяцы перекатываніемъ линейки значитъ убивать въ нихъ охоту къ дѣлу, значитъ превращать учениковъ въ машины, а преподаваніе — въ дрессировку.

Если г. Скляренко желаетъ на самомъ дѣлѣ подготовить учениковъ своихъ къ черченію, то пусть начнетъ съ упражненій въ свободномъ черченіи геометрическихъ фигуръ: такія упражненія дѣйствительно развиваютъ руку и глазъ.

Черченіе же по линейкѣ вовсе нельзя назвать упражненіемъ, а тѣмъ менѣе приготовительнымъ, потому что ловкое и правильное употребленіе какъ циркуля, такъ и линейки зависитъ совершенно отъ предварительнаго развитія руки и глаза. Зачѣмъ же давать прежде времени ученикамъ инструментъ, которымъ они не могутъ владѣть? Зачѣмъ напрасно тратить значительное время на то, что они позже могутъ усвоить въ продолженіе одного урока?

Слѣдовательно польза, которую, по мнѣнію г-на Скл., ученики могутъ извлечь изъ разбираемаго мною машинальнаго, или даже изъ свободнаго употребленія линейки, вовсе не соразмѣрна съ тратою на это времени, а потому предлагаемый г-мъ Скл. способъ графленія не можетъ быть одобренъ ни съ педагогической, ни съ экономической точки зрѣнія.

Далѣе г. Скл. того мнѣнія, что его графическая сѣть «полезнѣе той, которую я представляю», и именно потому, что въ ней проведены косыя линіи только для 1-й, 3-й, 5-й, 7-й, и т. д. основныхъ буквенныхъ чертъ, направленіе же и разстояніе 2-й, 4-й, 6-й, 8-й черты должны быть найдены самими учениками.

Г. Скл. вѣроятно забылъ, что тутъ имѣются въ виду дѣти (отъ 6 до 8 лѣтъ), которыя впервые берутъ въ руки перо, и должно быть вовсе не читалъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ моей статьѣ, или же читалъ ихъ въ минуту разсѣянности. Чтобы не повторять еще разъ сказаннаго, я прошу г-на Скл. прочесть еще разъ то мѣсто, гдѣ я, исчисливъ условія, которыя должны быть соблюдаемы при письмѣ, говорю о томъ, какъ *трудно ребенку, начинающему учиться, сосредоточивать слабое вниманіе свое продолжительно даже на одномъ изъ этихъ условій*, и что поэтому полное, нераздѣльное вниманіе ученика должно быть обращаемо сперва на самое важное условіе, т. е. на держаніе и веденіе пера, соблюденіе же всѣхъ остальныхъ условій (а слѣдовательно и равнаго разстоянія основныхъ буквенныхъ чертъ) необходимо по возможности облегчить ему.

Представляетъ ли сѣтка г-на Скл. ученику такое облегченіе? Конечно нѣтъ. Она не даетъ 6 — 8-лѣтнему ребенку возможности *тотчасъ же правильно* исполнить требуемую отъ него работу. Ошибки противъ правильности, въ которыя онъ невольно долженъ будетъ впадать, сознаются имъ лишь впослѣдствіи, когда онѣ вошли у него уже въ привычку [1].

Задача же воспитателя и преподавателя состоитъ не въ томъ, чтобы допускать усвоеніе дурныхъ привычекъ и потомъ исправлять ихъ, а въ томъ, чтобы по возможности *предохранять* отъ ошибокъ и недостатковъ.

Этому педагогическому правилу, высказанному мною уже въ первой статьѣ моей, вполнѣ соотвѣтствуетъ устройство той сѣтки, которую я предложилъ; сѣть же г-на Скл. очевидно противорѣчитъ ему.

Другой, основной законъ педагогики гласитъ: «у ч и т е л ь д о л ж е н ъ в с е г д а с т р о г о с о о б р а ж а т ь с я с о с т е п е н ь ю р а з в и т і я у ч е н и к о в ъ, и н и к о г д а н е т р е б о в а т ь о т ъ н и х ъ д ѣ я т е л ь н о с т и, к о т о р о й о н и н е в ъ с о с т о я н і и и с п о л н и т ь у д о в л е т в о р и т е л ь н о; всякое несоразмѣрное напряженіе ведетъ къ неправильному совершенію работы и уничтожаетъ желаніе продолжать ее.»

Слѣдовательно строгая постепенность отъ легчайшаго къ болѣе трудному есть самое важное условіе успѣха въ преподаваніи. Кто же изъ насъ соблюдаетъ болѣе строгую постепенность? Г. Скл. требуетъ, чтобы новички, глазъ и рука которыхъ вовсе еще не развиты, не только «создавали» четныя основныя черты буквъ, но и проводили на *глазомѣръ*, подъ опредѣленнымъ и всегда одинаковымъ наклономъ, всѣ волосныя и соединительныя черты (отчерки). У меня же наклонъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ чертъ обозначенъ, и я требую только, чтобы ученикъ проводилъ *правильныя* отчерки между данными точками. Научившись этому, онъ долженъ уже самъ находить сперва одну изъ этихъ точекъ, а потомъ и обѣ (постепенное устраненіе косыхъ линій). Можно конечно опасаться, что моя сѣть представляетъ уже слишкомъ много облегченій. Но кто знаетъ, какъ незначительна творческая сила 6 и 7-лѣтнихъ дѣтей, тотъ пойметъ, что и при всѣхъ этихъ облегченіяхъ имъ остается еще довольно трудностей преодолѣть. Въ этомъ убѣждаетъ уже поверхностный взглядъ на округленія прямыхъ буквъ *г*, *и*, *т*, и *н*, на овальныя буквы *о*, *б*, *д*, и въ особенности на буквы *в*, *е*, *ж*, *к*, *ч*, *ъ*, *ы*, *ь*, *ѣ*, *э*, *я*, *ѳ*. Чтобы изобразить эти буквы въ сѣткѣ *правильно*, т. е. дать имъ вѣрное положеніе и надлежащую форму, ученикъ новичокъ долженъ напрячь все свое вниманіе, употребить все свое стараніе.

Слѣдовательно, если г. Скл. далѣе прибавляетъ «мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ (т. е. при употребленіи его сѣти) успѣхъ первой дѣятельности едва ли не болѣе возбуждаетъ чувство удовольствія и интересъ къ самому дѣлу, и уси-

---

[1] Лучшимъ доказательствомъ этому служатъ самые образцы ученическаго письма, присланные намъ. Почти всѣ ученики, даже низшаго класса, имѣютъ такой твердый почеркъ, что имъ бы давно пора бросить сѣтку, а между тѣмъ, буквенныя черты между наклонами далеко не всегда правильны. *Ред.*

ливаетъ вниманіе и стараніе», то — послѣ сказаннаго мною — это дѣйствительно только такъ *кажется* ему.

Если ученики исполняютъ работу свою по сѣти г-на Скл. удовлетворительно, т. е. если они всѣ основныя черты *между* косыми линіями, а равно и всѣ отчерки, проводятъ правильно какъ относительно положенія, такъ и разстоянія: то глазъ и рука этихъ учениковъ уже въ нѣкоторой степени развиты, и они стало-быть уже не новички. Что въ такомъ случаѣ слѣдуетъ дѣлать, объ этомъ я намекнулъ въ моей первой статьѣ слѣдующими словами: «Само собою разумѣется, что сѣтка эта нужна только для первоначальнаго преподаванія. Какъ только глазъ новичка свыкнется съ надлежащими пространственными отношеніями, то изъ сѣтки должны быть исключены сперва косыя линіи, опредѣляющія наклонность и разстояніе буквенныхъ чертъ, а потомъ и горизонтальныя, показывающія длину надстрочныхъ и подстрочныхъ буквъ.»

Если же ученики г-на Скл. неправильно выводятъ упомянутыя черты (а 6—7-лѣтнія дѣти и при всемъ желаніи не могутъ иначе), то значитъ имъ не удается исполнить задачу свою, какъ слѣдуетъ, требуемое отъ нихъ превышаетъ ихъ силы. А въ такомъ случаѣ едва ли можетъ быть рѣчь о «чувствѣ удовольствія и интересѣ къ дѣлу», а тѣмъ менѣе еще объ «усиленіи вниманія и старанія.» [1])

Чтобы возбудить эти факторы, нужно или отказаться совершенно отъ требованія правильнаго исполненія работы, или же облегчить ее новичкамъ на столько, чтобы они слабыми силами своими *могли* ее удовлетворительно исполнить, и такое именно облегченіе представляетъ рекомендуемая мною графическая сѣть. Въ теченіе многолѣтней дѣятельности моей я перепробовалъ всевозможные способы и сѣти (въ томъ числѣ и такую, какую употребляетъ г. Скл.), и остановился пока на этой, потому именно, что — какъ я уже сказалъ — «помощію ея даже самый слабый ученикъ можетъ исполнить заданную ему работу скоро и правильно, если только онъ предварительно ясно понялъ свою задачу».

Не знаю, успѣлъ ли я хоть сколько-нибудь поколебать мнѣніе г-на Скл. о преимуществѣ его сѣти. Если же нѣтъ, то долженъ предположить, что г. Скл. или никогда не имѣлъ случая обучать 6—8-лѣтнихъ дѣтей, а обучалъ только такихъ, которымъ начальныя основанія были уже даны, или же, что еще вѣроятнѣе — не испыталъ предложенной мною сѣти на практикѣ [1]). Въ такомъ случаѣ я предлагаю г-ну Скл. сдѣлать слѣдующій опытъ, который и я нѣсколько лѣтъ тому назадъ дѣлалъ въ классѣ съ приблизительно 80 учениками. Раздѣливъ учениковъ одного и того же (низшаго) класса на два отдѣленія одинаковыхъ, по возможности, способностей, обучать одно отдѣленіе по одной сѣти, а другое по другой. Тогда г. Скл. вскорѣ на дѣлѣ убѣдится, что всѣ ученики, даже самые слабые, пишущіе по предложенной мною сѣти, гораздо раньше могутъ обойтись безъ косыхъ линій и вообще гораздо скорѣе достигнутъ цѣли, нежели ученики другого отдѣленія.

Но быть-можетъ предлагаемыя мною средства для первоначальнаго обученія письму обходятся гораздо дороже средствъ, предлагаемыхъ г-нъ Скл. Такъ по крайней мѣрѣ онъ утверждаетъ. Посмотримъ.

Положимъ, что новичокъ можетъ на-

---

[1]) Если читатели потрудятся прочесть еще разъ то мѣсто въ первой статьѣ моей, гдѣ я говорю о различныхъ условіяхъ, на которыя необходимо обращать вниманіе при письмѣ, то они убѣдятся, что изъ словъ г-на Скл. слѣдуетъ совершенно противоположное тому, что я тамъ говорю. Я утверждаю, что вниманіе ребенка къ предмету можетъ только въ такомъ случаѣ усилиться, когда оно *сосредоточится* на *одной* какой-нибудь сторонѣ предмета; изъ словъ же г-на Скл. нужно заключить, что вниманіе усиливается отъ *раздробленія*, т. е. отъ обращенія на нѣсколько сторонъ въ одно и то же время.

[1]) И то, и другое предположеніе не только вѣроятны, но, можно сказать, совершенно вѣрны. Что г. Скл. не обучалъ малолѣтныхъ дѣтей, лучшимъ доказательствомъ тому служитъ его же собственное руководство, которое начинается не съ письма въ сѣти, а съ вольныхъ упражненій мѣломъ на черной доскѣ, якобы «для начальнаго развитія механизма руки». Г. Скл. не подумалъ даже о томъ, что мѣлъ держатъ вовсе не такъ, какъ перо, и что при этихъ упражненіяхъ развиваются вовсе не тѣ части руки, какія необходимы для владѣнія перомъ и первоначальнаго процеса письма. Вѣдь Керстерскія упражненія вовсе не для дѣтей, начинающихъ учиться! Ред.

писать въ 1 урокъ (продолжающійся 1 или много что $1^1/_2$ часа) 3 страницы, и въ недѣлю имѣетъ 4 урока чистописанія; въ такомъ случаѣ онъ еженедѣльно напишетъ $1^1/_2$ листа, а въ теченіе учебнаго года, имѣющаго не болѣе 40 недѣль, $1^1/_2 \times 40$, т. е. 60 листовъ, а не 100, какъ полагаетъ г. Скл.

Но въ большей части училищъ не полагается болѣе 3 уроковъ чистописанія въ недѣлю на каждый классъ,—по крайней мѣрѣ мнѣ до сихъ поръ не случалось имѣть болѣе, и новички у меня никогда не пишутъ болѣе 2 страницъ въ урокъ (т. е. въ часъ) [1]). Стало-быть каждый изъ моихъ учениковъ потребляетъ 24 страницы или 3 листа въ мѣсяцъ, и пишетъ вообще на разлинованной бумагѣ никакъ не долѣе 5 мѣсяцевъ; ему слѣдовательно приходится употреблять много что 15 листовъ этой бумаги, послѣ чего онъ уже переходитъ къ письму по транспаранту, стоющему $1^1/_2$ коп. [2]).

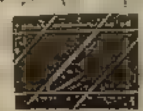
Итакъ ученики мои, которые — скажу мимоходомъ — очень хорошо обходятся и безъ литографированныхъ прописей, истрачиваютъ всего 15 коп. на линовку и 3 коп. на два транспаранта, и того 18 коп.; ученики же г-на Скл. должны израсходовать на пріобрѣтеніе его прописи и линейки *разомъ* $30^1/_2$ коп., что для бѣдныхъ дѣтей гораздо труднѣе, нежели тратить ежемѣсячно по 3 коп. [3])

Всѣ остальныя замѣчанія г-на Скл. на мою статью я могъ бы оставить безъ возраженія, потому что они частію приписываютъ мнѣ мысль, которой и нигдѣ не высказывалъ, частію же относятся къ моей системѣ изображенія буквъ, т. е. къ методѣ обученія письму, о которой я буду еще имѣть случай говорить нѣсколько разъ. Но такъ какъ у насъ пошло уже на откровенности, то г. Скл. позволитъ мнѣ продолжать возраженіе.

Во первыхъ, я долженъ замѣтить ему, что нигдѣ въ моей статьѣ не сдѣлано даже и намека о томъ, что приложенный рисунокъ предлагается читателямъ какъ образецъ изящнаго письма [1]). Еслибъ я желалъ представить образецъ письма, то потребовалъ бы отъ редакціи этого журнала не рѣзьбы на деревѣ а гравюры на камнѣ или на мѣди, исполненной болѣе или менѣе извѣстнымъ художникомъ. Но мнѣ подобное желаніе и въ голову не приходило; вся цѣль моя состояла въ томъ только, чтобы *посредствомъ приложеннаго рисунка показать устройство графической сѣти.*

Во вторыхъ, г. Скл. жестоко ошибается, утверждая, что въ изображенныхъ мною буквахъ *ѣ, в, я* и *ю* нѣтъ системы. Напротивъ, въ этихъ буквахъ есть весьма строгая система, обусловливающая совершенно точное, всегда одинаковое, а слѣдовательно и *правильное* изображеніе ихъ, какъ я это сейчасъ буду имѣть удовольствіе объяснить.

При размѣщеніи буквъ въ сѣти мною руководило слѣдующее правило: писать всѣ буквы по возможности прямолинейно (не отступая конечно отъ общепринятаго образа письма и не вредя красотѣ буквенныхъ формъ), такъ какъ вслѣдствіе этого формы ихъ рѣзче выдаются, и потому легче и вѣрнѣе изображаются дѣтьми.

Дойдя, при первоначальныхъ упражненіяхъ въ письмѣ, до основной, снизу округленной черты , я удлиняю волосную черту до средины клѣтки, дѣлаю узелокъ и—получаю .

Прикладывая мѣлъ къ косой линіи сѣти,

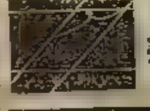
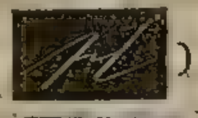
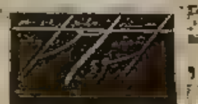

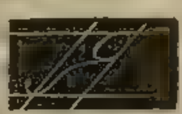
[1]) Назначать для начинающихъ учиться урокъ въ $1^1/_2$ часа — совершенно непедагогически. Обычай этотъ мало по малу выводится. Тамъ же, гдѣ онъ еще существуетъ, учитель хорошо сдѣлаетъ, если видоизмѣнитъ занятіе въ послѣдніе полчаса. Ред.

[2]) Я употребляю транспаранты двухъ родовъ: съ разставленными наклонами и безъ наклоновъ, смотря по степени ученика; притомъ они устроены такъ, что *одинъ и тотъ же транспарантъ* можетъ быть употребленъ и для русскаго, и для нѣмецкаго письма.

[3]) Бумага тутъ конечно не принимается въ разсчетъ; трата на нее разумѣется сама собой, какъ у меня, такъ и у г. Скл.

[1]) Не читавъ еще мнѣнія г-на Скл., я замѣтилъ самъ, что вторая основная черта *ѣ* (въ словѣ *дѣдъ*) и удлиненная черта втораго *д* (въ томъ же словѣ) не лежатъ на косой линіи, что и основная черта буквы *в* проходитъ не по срединѣ клѣтки, какъ бы слѣдовало, и т. д. Изъ всего этого г. Скл. можетъ усмотрѣть, что и въ столицѣ не всегда можно разсчитывать на точное и совершенное исполненіе подобной работы.

на равномъ растояніи отъ обѣихъ строчныхъ линій, провожу волосную черту къ верхней строчной линіи, и на ней, по самой срединѣ между косыми линіями, дѣлаю узелокъ ; примкнувъ къ нему букву , получаю . Анаписавъ прямую основную черту (первую буквы) и присоединивъ къ ней букву , получаю .

При изображеніи буквы начинаю съ точки во внѣшнемъ углу клѣтки ; отъ этой точки выгибаю волосную черту, и веду ее вдоль косой линіи (на растояніи ¼ клѣтки отъ нея) вверхъ до средины; затѣмъ выгибаю ее вправо вплоть до второй косой линіи , поворотомъ вверхъ и влѣво дѣлаю овалъ, и наконецъ присоединяю къ нему основную, внизу округленную черту.

Въ буквѣ *ю* овалъ долженъ имѣть такую же ширину, какую имѣютъ и всѣ прочія озальныя буквы, ибо онъ занимаетъ всегда лѣвую и правую половины двухъ смежныхъ клѣтокъ [1].

Г. Скл. слѣдовательно видитъ, что буквы *ъ, ь, я, ю,* будучи написаны такимъ образомъ и по одной и той же сѣти, у всѣхъ учениковъ должны выйти совершенно одинаковыми, должны совпадать взаимно, закрывать другъ друга. А если это такъ, то онѣ составлены по извѣстной формѣ или правилу, онѣ *сформированы правильно*, и правило и форма взаимно «обусловливаются», т. е. форма буквъ нигдѣ не противорѣчитъ правилу, а правило нигдѣ не стѣсняетъ, не искажаетъ формы. У г-на Скл. же весьма часто выходитъ совершенно на оборотъ. Такъ напр. онъ въ прописяхъ своихъ (табл. 13) учреждаетъ слѣдующее правило: «буквы *ж, м, ф, т, ш, щ, ъ, ы, ю,* двойныя, занимаютъ цѣлыя (ую) клѣтки (у) (т. е. по моей сѣти 2 клѣтки). Стоитъ только представить себѣ буквы *ы, ю, ъ* написанными мелко и такъ широко, какъ *т* и *ш,* чтобы убѣдиться, что это правило искажаетъ совершенно форму упомянутыхъ буквъ. Это, впрочемъ чувствовалъ и самъ г. Скл., и потому на послѣднемъ листѣ прописей своихъ, гдѣ является болѣе мелкое письмо, написалъ эти буквы, вопреки данному правилу, гораздо уже буквъ *ш* и *т.* И такихъ противорѣчій въ системѣ г-на Скл. не мало. Но я о нихъ еще поговорю; а теперь замѣчу только, что никакой человѣкъ, самъ отъ себя, не имѣетъ права учреждать законы изящнаго. Для этого прежде всего необходимо изучить мастерскія произведенія соотвѣтствующей художественной отрасли. Только такимъ путемъ можно развить въ себѣ *вкусъ* и избѣгнуть ошибокъ. Условіе это обязательно во всѣхъ искусствахъ, а слѣдовательно и въ калиграфіи. Тотъ, кто хочетъ постановить правила относительно изящества (и практичности) буквенныхъ формъ, долженъ предварительно ознакомиться съ лучшими изданіями прописей у англичанъ, нѣмцевъ, французовъ и у насъ. А г. Скл. при составленіи своихъ прописей этого не сдѣлалъ.

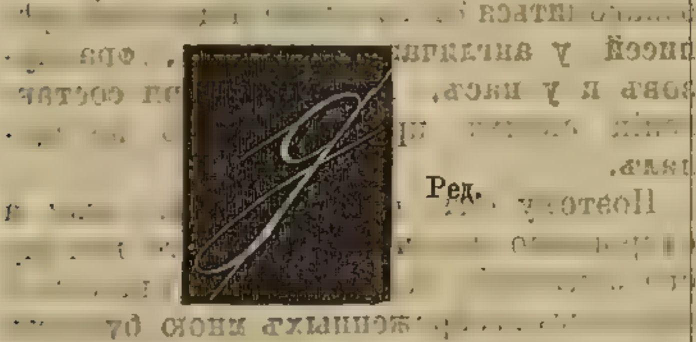
Поэтому онъ проститъ мнѣ, если я откровенно признаюсь ему, что нахожу его замѣчаніе относительно удлиненной черты въ изображенныхъ мною буквахъ *у* и *д* весьма наивнымъ. Не много

[1]) Такое *наглядное* объясненіе состава каждой отдѣльной буквы по сѣти г-на Скл. совершенно невозможно, потому что въ ней недостаетъ половиннаго числа вспомогательныхъ линій.

надо имѣть вкуса и знанія дѣла, чтобы убѣдиться, что удлиненія въ моихъ буквахъ, не смотря на дѣйствительно неудовлетворительную рѣзьбу на деревѣ, все таки несравненно красивѣе и практичнѣе тѣхъ удлиненій, которыя встрѣчаются напр. во 2-мъ листѣ его прописей; ибо 1) почеркъ ихъ легче и свободнѣе. Удлиненія же буквъ г-на Скл. слишкомъ широки, неуклюжи, и всею тяжестью своею прилипли къ наклону [1]). (Въ этомъ г. Скл. самъ можетъ убѣдиться, сравнивъ только свои прописи съ лучшими англійскими прописями). 2) Величина удлиненія въ моихъ буквахъ соотвѣтствуетъ исполнительной способности дѣтей, только что начинающихъ учиться. Увеличить ихъ можно во всякое время; но будь они длиннѣе въ сѣти (т. е. въ началѣ ученія), то ученики не будутъ въ состояніи проводить ихъ помощью однихъ пальцевъ своихъ, и должны будутъ двигать всей рукой.

Разсмотримъ теперь форму этихъ удлиненій. Каждое удлиненіе книзу есть очевидно правая нижняя часть узкаго овала, раздѣленнаго вдоль и поперекъ на 4 части; а изъ этого слѣдуетъ: 1) что удлиненная черта буквъ *g* и *y* только отчасти (примѣрно до половины) можетъ совпадать съ наклономъ [2]), остальная же часть неминуемо должна уклониться отъ него, такъ какъ согнутая линія не можетъ быть паралельна прямой (это легко вычитать изъ любого геометрическаго учебника); 2) что верхній конецъ этой черты не можетъ быть тонкій, такъ какъ верхняя строчная линія пересѣкаетъ овалъ въ самомъ толстомъ мѣстѣ.

[1]) Въ доказательство представляемъ копію съ буквы

Ред.

[2]) Эта прямая часть удлиненія образуетъ, такъ сказать, касательную (тангенсъ) овала.

Мнѣніе же г-на Скл., что удлиненіе въ моихъ буквахъ «не соотвѣтствуетъ вольному прижатію пера», ни на чемъ не основано, хотя онъ и утверждаетъ, что «радіусъ пера (отъ окончанія пальцевъ до острія) при направленіи внизъ, какъ бы дѣлаясь короче, естественно сильнѣе прижимается къ бумагѣ». Правило это очевидно придумано самимъ г-мъ Скл. и ничѣмъ не можетъ быть оправдано [3]). Оно было бы справедливо только въ такомъ случаѣ, еслибъ мы писали неподвижными пальцами, или еслибъ перо, при движеніи своемъ внизъ, постепенно приходило въ отвѣсное къ бумагѣ положеніе. Но подобныхъ фокусовъ перо рѣшительно не дѣлаетъ; напротивъ, вслѣдствіе косвеннаго своего направленія влѣво книзу (вслѣдствіе сгибанія, втягиванія пальцевъ), оно движется совершенно паралельно плоскости бумаги, т. е. остріе его какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ движенія совершенно одинаково касается бумаги, и при «естественномъ ходѣ» своемъ произведетъ одну лишь волосную черту. Слѣдовательно всякое «прижатіе пера» не есть «вольное» (въ смыслѣ свободнаго, естественнаго), а *произвольное, намѣренное*, и обусловливается отчасти требованіемъ ясности, отчасти понятіемъ о красотѣ. Это подтверждается какъ англійскими калиграфическими изданіями, напр. Чемберса и Дарнеля (Chambers, Darnell), такъ и французскими, напр. Телета и Броуна (Taielet, Braun).

Что же касается до положенія г-на Скл. о необходимости прописи для ученика, то я съ нимъ совершенно согласенъ. И я полагаю, что ученику необходимъ образецъ, которому бы онъ могъ подражать; только образецъ этотъ долженъ быть не готовый, литографированный, а создаваемый въ классѣ, передъ глазами учениковъ — по крайней мѣрѣ на низшей и средней ступени обученія. Пропись, образовавшаяся въ виду учениковъ, побуждаетъ ихъ къ подражанію гораздо болѣе, нежели го-

[3]) Какъ не можетъ быть оправдано и правило на 9-мъ листѣ: «Перо должно держать такъ, чтобы оно болѣе писало правою стороною своего острія». Ложнѣе этого правила ничего и быть не можетъ; оно ведетъ прямо къ дурному держанію руки при письмѣ. Ред.

товая, награвированная; и первая для ученика гораздо поучительнѣе послѣдней, при которой ученикъ весьма часто не знаетъ, съ котораго конца слѣдуетъ начать ту или другую букву. Къ тому же учитель, требуя отъ ученика подражанія литографированной прописи, легко можетъ получить въ отвѣтъ, что это невозможно: вѣдь пропись не писанная, а *печатанная* [1]). Чѣмъ болѣе учитель все самъ доказываетъ ученику, т. е. служить ему живымъ образцомъ, тѣмъ сильнѣе пробуждается въ ученикѣ усердіе къ ученію, и тѣмъ болѣе оживляется все преподаваніе. Литографированная же пропись остается для ученика мертвымъ образцомъ, ослабляющимъ и даже убивающимъ любовь къ ученію.

Впрочемъ *прописываніе* на большой доскѣ имѣетъ еще и то преимущество, что допускаетъ въ преподаваніи чрезвычайное разнообразіе. Такъ напр. если ученики мои научились писать, положимъ, строчную букву *д* или *ж*, то я требую отъ нихъ, чтобы они къ слѣдующему разу прискали небольшія слова, въ которыхъ бы было по два *д* или *ж*, напр. *дядя*, *дудка*, — *жоржъ*, *жажда*. Слова и предложенія, найденныя самими учениками, пишутся ими съ величайшимъ удовольствіемъ. Далѣе, при этомъ способѣ, на урокѣ письма могутъ быть писаны изреченія и пословицы и даже небольшія стихотворенія, пройденныя дѣтьми у учителей языковъ; все это дѣти пишутъ охотно, и весьма часто просятъ учителя написать имъ на доскѣ то или другое стихотвореніе. Когда дѣти начнутъ писать мелкимъ письмомъ, то учитель можетъ заставлять всѣ имена собственныя или же вообще существительныя писать крупно, для того чтобы они рѣзко выдавались въ мелкомъ шрифтѣ; въ другой же разъ ученики могутъ подчеркивать съ руки (т. е. безъ линейки) отдѣльныя слова, и смотря по приказанію учителя, тонкимъ или толстымъ штрихомъ. Ясно, что подобные пріемы значительно оживляютъ преподаваніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ отличное упражненіе для руки и для глаза; а между тѣмъ эти пріемы, какъ еще и многіе другіе, исчисленіе которыхъ удалило бы меня отъ моей настоящей темы, возможны только помощію образцовъ, составляемыхъ въ классѣ самимъ учителемъ.

Наконецъ, только этимъ способомъ можно исправить и встрѣчающіеся въ письмѣ учениковъ отдѣльные недостатки. Такъ напр. если я замѣчаю, что многіе ученики въ классѣ еще не совсѣмъ хорошо пишутъ, положимъ, букву *ж*, то не заставлю ихъ (какъ это многіе дѣлаютъ) писать эту букву безчисленное множество разъ сряду, а напишу имъ на доскѣ такую фразу: «*Дружба дружбой, а служба службой*». Это то же самое упражненіе, но въ другомъ видѣ, и потому для учениковъ ново. Такимъ образомъ легко возбуждаются и поддерживаются въ ученикахъ интересъ, вниманіе, усердіе къ ученію и добрая воля, — факторы, весьма трудно достижимые особенно при обученіи письму; такимъ образомъ слѣдовательно обезпечивается и успѣхъ.

Но такъ ли поступаетъ г. Скляренко?.. Онъ даетъ ученикамъ свое руководство, состоящее изъ 16 прописей и служащее имъ, какъ онъ самъ говоритъ, «на все время курса» (значитъ по крайней мѣрѣ на 2 года). Положимъ, что ученикъ круглымъ числомъ пишетъ 3 страницы въ урокъ (въ началѣ меньше, но впослѣдствіи болѣе), то это въ годъ составитъ $9 \times 40 = 360$, а въ 3 года 1080 страницъ. Ученику г-на Скл. слѣдовательно приходится писать каждую пропись около 68 разъ! Замѣтьте еще, что прописи эти содержатъ «правила письма по клѣткамъ сѣти». Ученикъ слышитъ правила эти, начиная съ упражненія въ первой буквѣ, десятки разъ на каждомъ урокѣ, и потому знаетъ ихъ наизустъ раньше, чѣмъ ему придется писать ихъ (правила эти начинаются съ 6-го листка). Но этого еще недостаточно: отложивъ давно сѣтку, ученикъ все еще продолжаетъ писать то же правила, какъ это доказываютъ пров-

[1]) Извѣстно, что дѣти весьма часто такъ выражаются, чувствуя инстинктивно, что процесъ гравировки различается отъ процеса письма. Въ самомъ дѣлѣ, граверъ на камнѣ, мѣди и пр. не пишетъ, а рисуетъ буквы, и самъ не въ состояніи написать такъ, какъ нарисовалъ; поэтому упомянутый выше отвѣтъ ученика весьма справедливъ, и останется такимъ, если учитель собственнымъ своимъ примѣромъ не докажетъ ему противнаго.

ные листы учениковъ, присланные г-мъ Скл. въ редакцію. Такой способъ служитъ лучшимъ средствомъ превратить любовь ребенка къ ученію въ ненависть, усердіе въ равнодушіе, и побудить его какъ можно рѣже смотрѣть на образецъ, т. е. ослабить совершенно его внимательность.

Такъ какъ г. Скл. выставляетъ пропись свою какъ «образецъ, которому ученики должны подражать», то я не лишнимъ считаю разсмотрѣть немного этотъ образецъ, конечно на основаніи только того правила, которое онъ самъ высказалъ. «Достоинство письма», говоритъ г. Скл., «зависитъ отъ размѣра буквъ, паралельнаго между собою наклона и равнаго размѣщенія ихъ въ словѣ».

Начнемъ съ «размѣра буквъ». Въ изображенныхъ мною буквахъ *в, ѣ, ю* и *я* г. Скл. не нашелъ «системы, обусловливающей правильность ихъ изображенія». Читатели послѣ этого конечно вправѣ ожидать такой системы въ прописяхъ г-на Скл., тѣмъ болѣе что онъ самъ утверждаетъ, что въ его «прописи буквы по сѣтке приведены въ точную систему ихъ начертанія». Посмотримъ, на сколько оправдается наше ожиданіе.

Букву *в* онъ производитъ отъ буквы *г*. Для изображенія послѣдней (а слѣдовательно и первой) г. Скл. даетъ такое правило (пропись 13-я): « *е, с, г, в* помѣщаются на линіяхъ, или по срединѣ клѣточки». А гдѣ же опредѣлено взаимное отношеніе отдѣльныхъ частей буквъ, напр. верхней части буквы *в* къ нижней? Нигдѣ; и ученики г-на Скл. не знаютъ, чѣмъ руководствоваться. Лучшіе изъ нихъ, не желая оставатся въ неизвѣстности, станутъ конечно смотрѣть въ «образцахъ», какъ г. Скл. самъ пишетъ эту букву въ клѣткѣ. И вотъ они на первой же связной прописи (листъ 6-й, строка 4-я) находятъ, что буква *в* написана въ словахъ *противъ* и *строчныхъ* совершенно различно: въ первомъ словѣ она занимаетъ ровно $^3/_4$ клѣтки, а во второмъ $^1/_2$ клѣтки. Вѣрнымъ или правильнымъ г. Скл. можетъ признать только одинъ изъ этихъ размѣровъ, и именно послѣдній, на основаніи правила, изложеннаго имъ въ 11-й прописи: «Буква должна занимать половину клѣтки, другую же половину клѣтки должно оставлять на разстояніе между буквами». Хорошо еще, что я во время замѣтилъ это правило; не то бы я, видя различное изображеніе одной и той же буквы, легко могъ сдѣлать заключеніе, что у г-на Скл. «нѣтъ системы въ буквахъ, обусловливающей правильность ихъ изображенія».

Показавъ читателямъ всю «правильность изображенія» въ первой буквѣ у г-на Скл., я позволю себѣ дать имъ еще нѣкоторое понятіе о «размѣрѣ» остальныхъ трехъ буквъ (*ѣ, ю, я*).

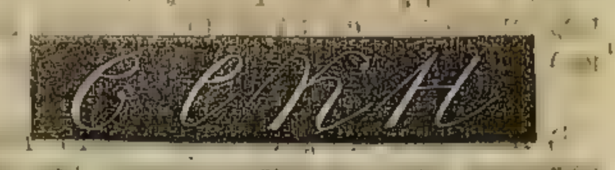
По правилу 13-му буквы *ы, ѣ* и *ю* у г. Скл. должны занимать цѣлую клѣтку, т. е. такое же пространство, какое занимаютъ *т* и *ш*. Вмѣсто всякихъ опроверженій, я попрошу читателей написать по этому правилу *мелкимъ* шрифтомъ слѣдующія слова: *ты, утѣшеніе, тюльпанъ*, и они вполнѣ убѣдятся въ нелѣпости подобнаго правила.

Буква *я* произведена изъ *л*, съ привѣшаннымъ сверху оваломъ, который, не имѣя подпоры, такъ и грозитъ упасть, и тѣмъ возбуждаетъ въ зрителѣ весьма тревожное чувство.

Что многія другія буквы, напр. *е, в, к, н* и т. д. рѣшительно *некрасивы*, безъ всякой пользы затрудняютъ изображеніе и пишутся не съ одного почерка,[1]) объ этомъ я упоминаю только мимоходомъ, такъ какъ при второмъ изданіи прописей, обѣщаемомъ г-мъ Скл., я еще буду имѣть случай возвратиться къ этому предмету.

Наклонъ буквъ у г. Скл. также недостаточенъ, т. е. уголъ, образуемый меж-

[1]) Въ доказательство снимаемъ копію съ нихъ:

Тогда какъ эти буквы обыкновенно пишутся, да и должны писатся съ одного почерка, т. е. не отнимая пера, г. Скл. просто *рисуетъ* ихъ въ два и даже три пріема. Ужъ не на основаніи ли это 7-го правила, гласящаго: «Должно писать, не отнимая пера отъ бумаги, пока не встрѣтится надобность?» Надобность конечно можетъ быть весьма различная. Ред.

ду буквою и строчною линіею, слишкомъ великъ, вслѣдствіе чего всѣ буквы стоятъ точно на вытяжкѣ. Впрочемъ, во второмъ изданіи г. Скл. обѣщаетъ исправить этотъ недостатокъ.

Переходя наконецъ къ третьему условію достоинства письма, къ «равному размѣщенію буквъ въ словѣ», я, признаюсь, касаюсь самаго больного мѣста въ произведеніи г-на Скл., ибо, ставя въ непремѣнное условіе хорошаго письма равное размѣщеніе буквъ въ словѣ, онъ тѣмъ самымъ осуждаетъ на смерть свое любимое дѣтище.

Въ *каждой* прописи можно найти нѣсколько словъ, которыя грѣшатъ противъ этого условія. Такъ напр. на первой же прописи (листъ 6-й), въ словахъ: *всегда, не, какъ, строчныхъ*, пространство между отдѣльными буквами весьма неравное. Такъ же точно можно бы было привести и изъ слѣдующихъ прописей отдѣльныя слова, въ которыхъ буквы частію жмутся между собою, частію же разбѣгаются. Словомъ, какъ форма буквъ, такъ и размѣщеніе ихъ въ сѣткѣ приносятся въ жертву учрежденнымъ г-мъ Скл. частнымъ правиламъ, изъ которыхъ большая часть въ добавокъ еще совершенно ложны. Для примѣра беру первое правило (на 6-мъ листѣ), которое гласитъ: «Прописныя буквы должно писать всегда величиною не болѣе, какъ вдвое противъ строчныхъ буквъ». Прошу г-на Скл. заглянуть только на заглавный листъ своей собственной прописи, гдѣ написано: «*Составилъ Учитель Рисованія и Чистописанія Михаилъ Скляренко*»; вѣдь тутъ всѣ прописныя буквы в т р о е больше строчныхъ.

Вотъ до какихъ несообразностей можно дойти, желая подвести все подъ одну мѣрку.

Поэтому не во гнѣвъ будь сказано г-ну Скл., что требованіе его въ 16-й прописи: «не прежде оставлять наклонъ, или отступать отъ указанныхъ правилъ въ мѣрѣ и разстановкѣ буквъ по клѣткамъ, какъ изучивъ и усвоивъ хорошо ихъ формы и размѣщенія, и т. д.» — весьма не справедливо: ученики, учась по прописи г-на Скл., никогда не будутъ въ состояніи «усвоить себѣ хорошо формы и размѣщенія буквъ», потому что постоянно будутъ грѣшить противъ нихъ.

Но довольно кажется. Если г. Скл. въ началѣ полагалъ, что пропись его разрѣшаетъ вопросъ: «найти доступный для дѣтей способъ изображенія буквъ, облегчающій для нихъ успѣхъ въ письмѣ», а я ему теперь привелъ доказательства, что исполненное имъ далеко еще не соотвѣтствуетъ его добрымъ намѣреніямъ, — то пусть онъ не сердится на меня: онъ въ этомъ случаѣ испытываетъ то, что долженъ испытать каждый смертный, не исключая и меня. Я отнюдь не воображаю, что *мое* мнѣніе въ этомъ дѣлѣ единственно вѣрное и безошибочное. И мнѣ еще многому остается поучиться, многое придется измѣнить и улучшить. Совершенства на землѣ не бываетъ; человѣкъ можетъ только стремиться къ совершенству, и долженъ; — въ этомъ вся задача его жизни.

И теперь въ заключеніе еще нѣсколько словъ къ читателямъ. Возраженіе мое вышло пространнѣе, нежели я самъ этого желалъ, и многіе изъ читателей могутъ подумать, что оно написано пристрастно, изъ какихъ нибудь личныхъ видовъ. Поэтому я считаю не лишнимъ объяснить, что мы съ г-мъ Скляренко отнюдь не конкуренты. Я никогда никакихъ прописей не издавалъ и разлинованной бумагой или транспарантами также не торгую, слѣдовательно, если между нами возникло несогласіе на счетъ нѣкоторыхъ несущественныхъ пунктовъ (вѣдь въ сущности-то мы согласны), то объ этомъ споримъ не мы собственно, а самые предметы, которыхъ мы имѣемъ честь быть представителями.

Я. М.

Обученіе рисованію.

I.

Рисованіе необходимо каждому, во первыхъ, какъ общеобразовательное средство, во вторыхъ, какъ полезное пособіе для практической жизни.

Какъ общеобразовательное средство оно дѣлаетъ человѣка способнымъ правильнѣе судить объ изящныхъ произведеніяхъ искусства и природы, и тѣмъ доставляетъ ему благороднѣйшее наслажденіе въ жизни. Какъ пособіе для практической жизни оно болѣе или менѣе необходимо почти для всѣхъ сословій, — необходимо не только въ искусствахъ, но и въ наукахъ, и почти также важно для естествоиспытателя и математика, какъ для медика, юриста и филолога.

Сообразно съ этимъ значеніемъ должна быть и цѣль обученія рисованію. Оно состоитъ въ томъ, чтобы кончившій школьный курсъ могъ удовлетворительно вѣрно, понятно и отчетливо срисовать съ натуры или на память любой предметъ.

Достигаютъ ли, въ наше время, школы этой цѣли? Нѣтъ, или почти нѣтъ! А между тѣмъ и учителя рисованія, и учителя географіи, геометріи, физики, естественной исторіи, химіи и каллиграфіи — всѣ чувствуютъ, всѣ сознаютъ необходимость рисованія съ натуры.

Чтобы достигнуть этой цѣли, т. е. умѣнія рисовать съ натуры, необходимо и обучать рисованію не по копіямъ, всегда несовершеннымъ, а съ натуры.

Введено ли въ школахъ обученіе рисованію съ натуры? Нѣтъ; а если въ нѣкоторыхъ оно существуетъ, то въ весьма неудовлетворительномъ видѣ, и развѣ только въ двухъ или въ одномъ послѣднемъ классѣ.

Вотъ уже болѣе полвѣка, какъ рисованіе введено и признается педагогами необходимымъ школьнымъ предметомъ; а между тѣмъ ученики наши по окончанія курса не могутъ сдѣлать полезнаго приложенія своихъ рисовальныхъ познаній въ практической жизни, а тѣмъ менѣе безпрепятственно поступить въ академію художествъ. Они должны или доучиваться или переучиваться. Примѣровъ тма. То, что случилось со мною 20 лѣтъ тому назадъ, случается и теперь со многими учениками. Я обучался въ одной изъ главныхъ школъ Петербурга, и въ продолженіе 8 лѣтъ рисовалъ каждый день 1½ часа довольно прилежно. Перекопировалъ пропасть гравюръ и литографій (все съ произведеній знаменитыхъ мастеровъ), и захотѣлъ сдѣлаться художникомъ, т. е. поступить въ академію художествъ. Оказалось, что изъ всѣхъ моихъ произведеній не нашлось ни одного порядочнаго рисунка, который можно было бы представить при прошеніи въ академію. Я былъ, по окончаніи школьнаго курса, нѣчто въ родѣ очень плохого полудиллетанта и полузнатока, но никакъ не рисовальщикъ (хотя бы плохой), а скорѣе пачкунъ. Правда, глазъ и рука были нѣсколько развиты въ продолженіе 8-лѣтнихъ механически-машинальныхъ трудовъ; но за то я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о размѣрахъ и пропорціи частей человѣческаго лица, а также и другихъ предметовъ. О перспективѣ же я никогда не слыхалъ ни слова, и вовсе не зналъ объ ея существованіи. Однимъ словомъ, я, копировавшій рафаэлевскія головы и пуссеновскія фигуры, не могъ правильно срисовать съ натуры самой простой скамьи или стола. Такъ какъ въ академію не съ чѣмъ было явиться, то я поступилъ въ школу рисованія для вольноприходящихъ, тогда только что открытую въ одномъ изъ биржевыхъ зданій. Тамъ началъ я рисовать съ натуры, и думалъ только о томъ, какъ бы почище да покрасивѣе сдѣлать контуръ, да по эфектнѣе натушевать; а сокращеніе линій пропускалъ безъ вниманія, какъ нѣчто кажущееся, и только тогда убѣждался въ томъ, что дѣйствительно вижу вѣрно, когда учитель замѣчалъ это. Занимаясь рисованіемъ цѣлый годъ въ этой школѣ и дома съ утра до вечера, я наконецъ дошелъ до того, что могъ представить нѣсколько рисунковъ, и былъ принятъ въ академію художествъ.

сальный примѣръ! Но я знаю еще печальнѣе. Одинъ изъ моихъ школьныхъ товарищей представилъ чужіе рисунки, поступилъ въ академію, сидѣлъ 3 года въ первомъ классѣ, и наконецъ оставилъ академію и художество.

Эти пагубныя послѣдствія нашего школьнаго рисованія происходятъ единственно отъ такъ называемыхъ оригиналовъ или, вѣрнѣе сказать, отъ копій съ натуры и съ картинъ великихъ художниковъ, которыя раздаются ученикамъ для копированія. Представьте себѣ многочисленный классъ въ 30 или 40 учениковъ. Спрашивается, во первыхъ, много ли учителю останется времени обсудить съ каждымъ ученикомъ отдѣльно его оригиналъ или рисунокъ, или, если нужно, на дѣлѣ показать, какъ слѣдуетъ приняться за работу, если онъ долженъ въ началѣ часа раздать оригиналы, а въ концѣ всѣ собрать? Если же поручить это старшему ученику, то много ли времени останется этому ученику самому на рисованіе? Вотъ, на дѣлѣ и выходитъ то, что даже самому усердному и дѣльному учителю едва удается въ продолженіе часа заняться, *какъ слѣдуетъ,* съ 5 или 6 учениками. Всѣ же прочіе предоставлены самимъ себѣ и будутъ рисовать машинально (и то только, если всѣ порядочны и прилежны). Въ многочисленыхъ классахъ является необходимость объяснить все и показывать цѣлому классу; а при рисованіи съ картинокъ это рѣшительно невозможно.

Во вторыхъ: что дѣлать, если при разсматриваніи ученическихъ рисунковъ учитель найдетъ перспективную или какую-нибудь другую ошибку, скопированную съ оригинала? (Подобное мнѣ не разъ случалось встрѣчать, не смотря на то, что оригиналы я выбираю по возможности лучшіе; но вѣдь и въ рафаэлевыхъ картинахъ есть вольныя и невольныя ошибки, — какъ же имъ не быть въ школьныхъ оригиналахъ?) Представьте себѣ затруднительное положеніе учителя. Нужно поправить, но, поправляя, необходимо также объяснить и доказать, почему это не вѣрно и не натурально. Это возможно только или наглядно, или посредствомъ правилъ теоріи линейной перспективы. Если предметъ, представленный на оригиналѣ, находится въ классѣ, какъ напр. школьная доска, столъ или каѳедра, то учитель можетъ доказать справедливость своего замѣчанія, показать ученику этотъ предметъ въ натурѣ съ той точки, съ какой онъ представленъ на рисункѣ. Если же нѣтъ въ классѣ не только этого, но даже ему подобнаго предмета, то учителю остается только прибѣгнуть къ теоріи линейной перспективы, чертить на доскѣ множество линій и объяснять иногда полчаса. Вдаваться въ такія объясненія нѣтъ времени, да и большею частію безъ пользы, потому что они доступны только ученикамъ болѣе возрастнымъ; остается сказать ученику: это такъ быть должно! Другъ мой, вѣрь мнѣ на слово.

Такъ какъ рисованіе съ оригиналовъ приноситъ мало пользы, то остается копированіе съ натуры. Тутъ польза огромная, существенная. Но какъ начинающему рисовать съ натуры? Вѣдь это слишкомъ трудно!

Посмотримъ, какъ германскіе и французскіе педагоги-художники устроили въ школахъ рисованіе вообще и въ особенности съ натуры.

До Песталоцци рисованіе въ школахъ было дѣломъ приватнымъ. Рисовали только въ нѣкоторыхъ школахъ, и то случайно, потому что находились охотники рисовать, или по какимъ-либо другимъ причинамъ. Въ большей же части школъ рисованія не было вовсе. Самый процесъ рисованія былъ точно такой, какому и я подвергался. Это было безсознательное и машинальное копированіе картинокъ. На рисованіе въ школахъ смотрѣли какъ на роскошь и прихоть. Кто хотѣлъ посвятить себя художеству, тотъ шелъ въ ученье къ живописцу, архитектору или скульптору. Песталоцци первый ввелъ рисованіе въ кругъ школьныхъ занятій, и далъ ему равное съ ними значеніе. Его ученики-послѣдователи начали разрабатывать этотъ новый школьный предметъ, и одинъ изъ нихъ, Іосифъ Шмитъ, составилъ методу элементарнаго обученія рисованію, по которой учитель начинаетъ съ *точки, линіи, угла* и оканчиваетъ *геометрическими фигурами.* Нѣкоторые изъ современниковъ Іосифа Шмита нашли, что этого недостаточно,

что должно развивать и изобрѣтательную способность дѣтей копированіемъ и сочиненіемъ изящныхъ геометрическихъ фигуръ, и вслѣдъ затѣмъ появилось много оригиналовъ въ этомъ родѣ.

Другіе находили, что въ элементарномъ курсѣ рано развивать изобрѣтательную способность, что сначала должно упражнять ученика въ рисованіи простыхъ геометрическихъ фигуръ, а потомъ заставлять его копировать, а не составлять сложныхъ фигуръ съ разными украшеніями. Наконецъ же, когда вкусъ ученика нѣсколько образовался, можно позволить ему и составленіе подобныхъ фигуръ. На этомъ основаніи Рамзауеръ [1]) составилъ методу рисованія. Она состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ каждая содержитъ два отдѣла. Первый отдѣлъ первой части начинается *гимнастическими* или *механическими упражненіями руки*. За ними слѣдуютъ такія же *упражненія глаза*: какъ-то: *рисованіе паралельныхъ линій, рисованіе линій по даннымъ размѣрамъ*; потомъ составленіе простыхъ прямолинейныхъ фигуръ; потомъ трудныя *упражненія глазомѣра на болѣе сложныхъ фигурахъ*, и наконецъ *рисованіе и дѣленіе криволинейныхъ и разнолинейныхъ фигуръ*. Второй отдѣлъ первой части состоитъ изъ 6-ти упражненій для развитія чувства изящнаго, какъ-то: *сочиненіе разныхъ фигуръ*. Вторая часть въ обоихъ отдѣлахъ содержитъ *перспективное рисованіе*.

Нѣкоторые изъ его современниковъ прибавили еще къ его методѣ легкія изображенія простыхъ предметовъ, находя недостаточнымъ упражненія въ однѣхъ только геометрическихъ фигурахъ, и снова ввели въ школахъ такъ называемые оригиналы.

Но вотъ явился Петръ Шмидъ со своей методой [2]), и изгналъ изъ училища всѣ оригиналы. Основываясь на томъ, что копія, какъ бы хорошо ни была сдѣлана, всегда хоть сколько нибудь уступаетъ оригиналу, и слѣдовательно *копія съ копіи* еще болѣе отдаляется отъ образца, онъ предложилъ обучать рисованію не по копіямъ, а по настоящимъ образцамъ, т. е. *съ натуры*. Идея вѣрная; но онъ не умѣлъ приспособить ее къ элементарному школьному ученію.

Онъ прямо начинаетъ съ *куба*, потомъ переходитъ къ *призмамъ*, *цилиндру*, *конусу*, *шару* и т. д. Когда все по одиначкѣ перерисовано, онъ составляетъ *группы* изъ тѣхъ же моделей, начиная съ самой простой и оканчивая самою сложною, наблюдая притомъ строгую постепенность и послѣдовательность и не позволяя ученику начинать слѣдующую фигуру или группу до тѣхъ поръ, покуда первая не окончена совершенно вѣрно.

Его метода была введена во многихъ школахъ; но на практикѣ оказалась не совсѣмъ удобною, а именно: во первыхъ, Шмидъ ставитъ модели передъ каждымъ ученикомъ отдѣльно и занимается также отдѣльно съ каждымъ. Это возможно при домашнихъ урокахъ или въ самомъ малочисленномъ классѣ. Но если въ классѣ болѣе 10-ти учениковъ, то этотъ способъ становится чрезвычайно затруднительнымъ для учителя; во вторыхъ, если ставить модели передъ каждымъ ученикомъ отдѣльно, то потребуется мѣста по крайней мѣрѣ второе болѣе обыкновеннаго; въ третьихъ, если заставлять ученика (какъ того требуетъ Шмидъ) поправлять и передѣлывать каждый рисунокъ до тѣхъ поръ, пока не останется ни одной неоконченной или невѣрной черты рефлекціи и полутѣни, то почти невозможно будетъ въ продолженіе года поспѣть съ 3 или 4-мя рисунками; въ четвертыхъ, если ребенку, не рисовавшему прежде ничего, дать нарисовать кубъ съ натуры, то онъ, какими бы способностями ни былъ одаренъ, непремѣнно надѣлаетъ множество ошибокъ, и учитель непремѣнно заставитъ его разъ 10, а можетъ-быть и 20, переправить и передѣлать рисунокъ, покуда найдетъ его достаточно удовлетворительнымъ. Самый талантливый ребенокъ, начиная учиться прямо съ тѣлъ, непремѣнно просидитъ

[1]) Также ученикъ Песталоцци, и впослѣдствіи воспитатель принцевъ Ольденбургскихъ. Изданное имъ руководство къ рисованію носитъ заглавіе: Zeichnungslehre von J. Ramsauer. Stuttgart und Tübingen, bei Cotta. 1820.

[2]) 1) Anleitung zur Zeichenkunst; 2) Das Naturzeichnen für den Schul-und Selbstunterricht. Berlin 1828; 3) Plan, wie P. Schmid's Zeichenmethode in allen Schulen mit Erfolg einzuführen ist. Berlin 1835.

надъ первымъ рисункомъ уроковъ 10 и болѣе. Это утомительно для взрослаго, а для ребенка и подавно.

Основываясь на этихъ причинахъ, многіе совершенно забраковали методу Шмида; многіе же оставили рисованіе съ натуры для высшаго класса, и ввели въ низшихъ опять геометрическое рисованіе и копированіе картинокъ. Такимъ образомъ явилось множество руководствъ болѣе или менѣе различныхъ въ частностяхъ, но схожихъ между собою въ слѣдующихъ трехъ пунктахъ, т. е. во всѣхъ нихъ является: 1) *элементарное геометрическое рисованіе;* 2) *копированіе картинокъ* и 3) *рисованіе съ моделей.* Изъ всѣхъ этихъ руководствъ болѣе замѣчательны слѣдующія:

1. Методическое руководство Франке [1]).

Это руководство содержитъ:

a) Упражненія въ копированіи и составленіи геометрическихъ фигуръ и начальныя правила геометріи [2]).

b) Упражненія въ копированіи простыхъ предметовъ, какъ то: дверей, оконъ, мебели, съ оригиналовъ или съ доски, по рисунку учителя.

c) Рисованіе съ натуры по методѣ Петра Шмида, съ тою разницею, что модели ставятся на возвышенномъ столѣ для всего класса.

2. Педагогическое руководство Отто [3]).

Отто находитъ, что a) необходимо обучать рисованію элементарно-нагляднымъ способомъ съ натуры, который есть самое прочное основаніе, какъ для дальнѣйшаго художественнаго развитія, такъ и вообще для жизни; b) что съ рисованіемъ съ натуры не безполезно также соединять и копированіе съ картинокъ и сочиненіе фигуръ; c) что выборъ рисовальныхъ образцовъ необходимо строго ограничить и опредѣлить на основаніи потребностей общечеловѣческаго образованія, но не спеціальнаго, а слѣдовательно и не художническаго.

Его руководство состоитъ изъ 2 курсовъ. Первый, *элементарный курсъ* содержитъ: точку, прямыя линіи, углы, прямолинейныя фигуры, кривыя линіи и криволинейныя фигуры. — Второй курсъ, *реальный*, содержитъ: геометрическое и перспективное рисованіе, теорію тѣней, объясненіе законовъ освѣщенія тѣлъ и способы опредѣленія наносныхъ тѣней, задачи для упражненія въ тушеваніи тѣней и копированіе картинъ.

Что же касается до моделей, то Отто того мнѣнія, что лучше ихъ ставить передъ каждымъ ученикомъ отдѣльно, чѣмъ для цѣлаго класса, по той причинѣ, что въ послѣднемъ случаѣ модели будутъ стоять всегда выше горизонта зрѣнія учениковъ [4]).

3. Основанія теоріи рисованія Гиппіуса [5]).

Эта метода составлена съ тою же элементарностью и послѣдовательностью, какъ и предыдущая, и отличается отъ нея только нѣкоторыми мелочами. Руководство Гиппіуса состоитъ изъ двухъ частей: *теоретической и практической.* Въ теоретической онъ разсуждаетъ: 1) объ эстетическомъ чувствѣ, 2) объ изящномъ вообще и объ изящномъ въ природѣ и произведеніяхъ человѣка въ особенности; 3) о рисованіи, какъ фундаментѣ для всѣхъ искусствъ и ремеслъ, и 4) о рисованіи какъ школьномъ предметѣ.

Его взглядъ на этотъ предметъ совершенно согласуется со взглядомъ Отто.

[1]) Methodische Anleitung für den Unterricht im Zeichnen zum Gebrauch in Elementarschulen und Bildungsanstalten; auch zum Selbstunterricht in den Anfangsgründen des perspectivischen Zeichnens. Entworfen von K. L. Francke, Zeichenlehrer am Lehrerseminar zu Berlin. 1833.

[2]) Кажется начальныя правила геометріи дѣло учителя математики, да и рисованіе геометрическихъ фигуръ, или что у нѣмцевъ называется рисованіемъ, т. е. черченіе геометр. фигуръ помощью циркуля и линейки, тоже принадлежитъ къ геометрическому уроку.

[3]) Pädagogische Zeichenlehre, oder Anweisung den Zeichenunterricht als einen wesentlichen Theil des allgem. Schulunterrichts zu behandeln. Mit. 24 Erläuterungstafeln. Von Otto. Erfurt, 1837.

[4]) Изъ этого видно, что онъ не зналъ, что есть механическій подвижной столъ для моделей, опускающійся и подымающійся, и что можно заднія столы для рисованія устроить выше переднихъ, какъ въ академіяхъ и рисовальныхъ школахъ.

[5]) Grundlinien einer Theorie der Zeichenkunst, als Zweiges allgemeiner Schulbildung, nebst praktischer Anleitung für Lehrer und Lehrerinnen. Von Hippius. Zeichenlehrer in Petersburg. 1842. — Существуетъ и на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: *Очерки теоріи рисованія*, какъ общаго учебнаго предмета съ присовокупленіемъ практическаго руководства для обучающихъ сему искусству. Соч. Г. А. Гиппіуса. Спб. 1844. Цѣна 2 р. 50 коп.

Практическая часть содержитъ: 1) Опредѣленіе точки. 2) Опредѣленіе линіи. 3) Опредѣленіе угловъ и вообще основныхъ формъ видимой природы. 4) Опредѣленіе квадрата.

Все это не срисовывается, а показывается, объясняется, разсматривается со всѣхъ сторонъ и съ основательною подробностью обсуживается.

Затѣмъ идетъ: 5) Составленіе разныхъ линій, угловъ, геометрическихъ фигуръ, но не карандашомъ въ тетради, а изъ тоненькихъ полосокъ бумаги или папки. 6) Упражненія глазомѣра: разсматриваются разныя фигуры и опредѣляются ихъ размѣры и пропорціи. 7) Рисовальные пріемы и манеры. Тутъ показываются ученикамъ разные рисовальные пріемы и способы (какъ то: тушеваніе тѣней штрихомъ на разные манеры, растушкой и кистью), и даются тетради, въ которыхъ на каждой страницѣ приготовлено нѣсколько налитографированныхъ точекъ. Учитель командуетъ, а ученики соединяютъ эти точки линіями и составляютъ такимъ образомъ фигуры. 8) Рисованіе по диктовкѣ. Диктуются разныя геометрическія фигуры. 9) Рисованіе съ натуры. Учитель ставитъ геометрическія тѣла, и ученики, послѣ подробнаго обсужденія пропорцій, размѣровъ и формъ, приступаютъ къ копированію. 10) Копированіе картинокъ въ уменьшенномъ масштабѣ. 11) Рисованіе по диктовкѣ простыхъ, легкихъ предметовъ, какъ то: избушки, памятника, колодца и т. п. 12) Рисованіе съ натуры цвѣтовъ и листьевъ. 13) Объясненіе плана, фасада и разрѣза. 14) Объясненіе правилъ перспективы.

Вотъ самыя замѣчательныя изъ германскихъ руководствъ.

Но и у насъ уже 27 лѣтъ какъ существуетъ руководство къ обученію рисованію въ школахъ, составленное для военно-учебныхъ заведеній А. Сапожниковымъ. [1])

Это руководство содержитъ въ 17-ти главахъ слѣдующее:

[1]) Курсъ рисованія, въ которомъ изложенъ способъ правильно изображать по глазомѣру видимые предметы, и пр. Съ 12-ю рисунками. Соч. А. Сапожникова. Спб. 1834 года. Второе изданіе 1849 года. Цѣна 3 р. 50 коп.

Глава I. Объясненіе различнаго рода линій. Прямая линія, ломаная, кривая, параллельныя линіи, непараллельныя.

Глава II. Равенство линій и дѣленіе ихъ на части: линіи равныя и неравныя, дѣленіе линій на равныя четныя части, увеличеніе длины линіи назначенною четною частью, укорачиваніе линіи назначенною четною частью, дѣленіе линіи на равныя нечетныя части, масштабъ.

Глава III. Объ отвѣсной линіи, пересѣченіи линій и происхожденіи угловъ: отвѣсная линія, уголъ, равенство угловъ, перпендикулярныя линіи, прямые углы, горизонтальная линія, острые и тупые углы.

Глава IV. О соединеніи линій и составленія фигуръ: плоскость, фигура, фигуры прямолинейныя и криволинейныя, треугольникъ, четыре-пяти-шестиугольники и т. д.; правильная и неправильная фигура, равносторонный треугольникъ, равнобедренный треугольникъ, прямоугольный треугольникъ, остроугольный треугольникъ, тупоугольный треугольникъ, квадратъ, прямой параллелограмъ, наклонный параллелограмъ, трапеція, основаніе и высота фигуры, равенство фигуръ.

Глава V. Дѣленіе фигуръ на части: дѣленіе квадрата на 2 и на четыре равныя части, дѣленіе прямоугольниковъ и косоугольниковъ на равныя части, дѣленіе равносторонняго треугольника, квадратное содержаніе.

Глава VI. Рисованіе прямолинейныхъ изображеній.

Глава VII. О кругѣ и эллипсѣ: объясненіе круга; окружность, центръ, діаметръ, радіусъ, хорда, дуга, касательная, секторъ, сегментъ. — Способы найти въ кругѣ центръ; равные круги; одноцентренные круги; дѣленіе круга на равные секторы; дѣленіе окружности круга на данное число равныхъ частей, дѣленіе угла на части; эллипсъ; способы черченія эллипса; овалъ; способы его черченія.

Глава VIII. Начертаніе правильныхъ многоугольниковъ: правильный многоугольникъ, черченіе правильнаго многоугольника въ кругѣ и около него; опредѣленіе средины правильнаго многоугольника и описаніе въ немъ или около не-

го круга; дѣленіе многоугольниковъ на равные треугольники.

Глава IX. Рисованіе криволинейныхъ фигуръ.

Глава X. Изъясненіе правилъ перспективы; точка зрѣнія, лучи зрѣнія, перемѣна точки зрѣнія, уголъ зрѣнія, точка разстоянія; различное уменьшеніе предметовъ, зависящее отъ точекъ зрѣнія; перспективное сближеніе параллельныхъ линій, когда лучъ зрѣнія идетъ вдоль ихъ; картинная плоскость.

Глава XI. Рисованіе прямолинейныхъ и криволинейныхъ плоскостей въ перспективѣ.

Глава XII. О свѣтѣ и тѣняхъ: лучи свѣта идутъ по прямой линіи; отсутствіе свѣта есть тѣнь; поверхность освѣщается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ лучъ свѣта перпендикулярнѣе на нее падаетъ; полутѣнь, мѣстная и наносная тѣни, рефлекція или отраженный свѣтъ, освѣщеніе круглыхъ тѣлъ.

Глава XIII. Рисованіе освѣщенныхъ поверхностей.

Глава XIV. О тѣлахъ правильныхъ: кубъ, призмы, пирамиды, цилиндръ, конусъ, шаръ, измѣренія правильныхъ тѣлъ.

Глава XV. Рисованіе правильныхъ тѣлъ по одиночкѣ.

Глава XVI. Дѣленіе перспективныхъ плоскостей и круглыхъ поверхностей на четныя и нечетныя равныя части, и рисованія различныхъ фигуръ на перспективныхъ плоскостяхъ.

Глава XVII. Рисованіе съ натуры тѣлъ въ группахъ.

Курсъ рисованія Сапожникова имѣетъ продолженіе, изданное въ 1845 и 1847 годахъ, въ двухъ отдѣльныхъ книжкахъ; первая заключаетъ въ себѣ рисованіе человѣческихъ головъ, а вторая рисованіе человѣческихъ фигуръ и сочиненіе картинъ. Всѣ три книжки составляютъ три отдѣльные учебника, и вмѣстѣ полный курсъ рисованія.

Въ предисловіи для обучающихъ Сапожниковъ говоритъ слѣдующее:

«Цѣль, съ которою учреждены рисовальные классы въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, состоитъ не въ томъ, чтобы изъ учащихся воспитанниковъ сдѣлать художниковъ-живописцевъ; но заключается въ развитіи способности изображать на бумагѣ видимые предметы понятно и правильно, чтобы въ случаѣ надобности воспитанники могли безъ затрудненія нарисовать съ натуры полезную машину, необходимый инструментъ, любопытный видъ мѣстности или другой предметъ, могущій встрѣтиться на поприщѣ военной службы и въ домашнемъ быту. Сверхъ того, умѣнье рисовать способствуетъ судить правильнѣе объ изящныхъ художествахъ, доставляющихъ благороднѣйшее наслажденіе образованному человѣку.

«Изъ этого видно, что обученіе рисованію съ такою цѣлію должно имѣть методу, отличную отъ обыкновеннаго способа преподаванія, основаннаго на одномъ только копированіи съ готовыхъ уже рисунковъ или *оригиналовъ*.

«Предлагаемый курсъ основанъ на изученіи искуства рисованія съ самой натуры, которая представляется намъ въ разнообразныхъ видахъ, но всегда въ одинаковомъ совершенствѣ, какого ни картины, ни гравюры и вообще никакіе искуственные оригиналы представить не могутъ.

«Курсъ заключаетъ въ себѣ постепенный рядъ правилъ, основанный на законахъ перспективы и доказанныхъ практически, посредствомъ особыхъ моделей [1]). Этимъ изъясняется главное основаніе методы, удобной для преподаванія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, по ясности и краткости, которая, не выводя учениковъ на длинный путь изученія линейной перспективы, научаетъ рисовать правильно видимые предметы, не требуя для того предварительно изготовленныхъ съ нихъ рисованныхъ копій, называемыхъ ошибочно *оригиналами*.

«Обучающій въ началѣ преподаванія курса долженъ обратить вниманіе на развитіе въ ученикахъ своихъ *глазомѣра*, какъ главнаго руководителя въ искуствѣ рисованія, объясненіемъ свойствъ различныхъ *линій* и взаимной ихъ *соразмѣрности*. Переходя къ изображенію *фигуръ*, ограниченныхъ линіями, онъ указываетъ на различіе ихъ *формъ*, которыя рисуются учениками отъ руки,

---

[1]) Объ этихъ моделяхъ я буду подробнѣе говорить при описаніи вообще моделей для рисованія.

въ геометральномъ видѣ, безъ помощи линейки и циркуля. Приготовляя такимъ образомъ учениковъ, обучающій изъясняетъ правила *перспективы*, т. е. способъ изображать тѣ же линіи и фигуры, видимыя съ различныхъ *точекъ зрѣнія*. Модели, безъ помощи геометральныхъ соображеній, недоступныхъ иногда возрасту обучающихся, ясно показываютъ ученикамъ причину измѣненія формъ плоскихъ *поверхностей*, видимыхъ въ перспективѣ. Далѣе, учитель переходитъ къ *тѣламъ*, которыхъ форма или наружный видъ ограничивается соединенными плоскими поверхностями, и потому подлежитъ тѣмъ же правиламъ перспективы. Ученики, рисуя съ натуры и исполняя правила, изъясненныя моделями, пріобрѣтаютъ мало по малу способность, вѣрно изображать очертанія видимыхъ предметовъ.

«*Освѣщеніе* плоскостей и тѣлъ и происходящія отъ того *тѣни* подлежатъ неизмѣннымъ правиламъ, и изъясняются также приспособленными къ тому моделями, съ которыхъ ученики рисуютъ. Въ это время учитель обязанъ показать *механизмъ тушеванія* карандашомъ, растушкою и кистью, заставляя тушевать сначала прямыя плоскости, потомъ изогнутыя, затѣмъ простыя тѣла по одиночкѣ, и наконецъ нѣсколько тѣлъ вмѣстѣ поставленныхъ. Это упражненіе даетъ учащимся ясное понятіе о *пластикѣ* предметовъ, выражающейся въ рисункѣ линіями и особенно тѣнями. Курсъ оканчивается рисованіемъ съ гипсовыхъ отливковъ, изображающихъ разнаго рода орнаменты, вазы, капители, и снятіемъ видовъ съ внутренностей комнатъ, моделей зданій, машинъ, инструментовъ и съ другихъ какихъ-либо поучительныхъ предметовъ; при этомъ ученики рисуютъ кистью и акварельными красками. Ученикамъ, которые показываютъ особенную способность къ рисованію, можно, въ заключеніе курса, дать рисовать человѣческую голову, показавъ на проволочной модели размѣръ ея и изъяснивъ перспективное измѣненіе линій, ее составляющихъ.»

Въ краткомъ наставленіи для обучающаго Сапожниковъ говоритъ слѣдующее:

«Послѣдній рисунокъ этого курса изображаетъ размѣръ и очертаніе человѣческой головы, сдѣланной изъ проволоки. Эта модель можетъ служить основою къ правильному размѣщенію частей гипсовой головы, видимыхъ въ различныхъ ея поворотахъ; онѣ становятся рядомъ и въ одинаковомъ положеніи. Тѣ ученики, которые имѣютъ особенное дарованіе къ рисованію, могутъ, подъ надзоромъ учителя, ознакомиться съ правилами черченія человѣческихъ головъ и тушеванія ихъ. Правила эти заключаются въ примѣненіи общей формы головы къ шару, на которомъ изображены пояса, пересѣкающіеся подъ прямыми углами: перспективное изображеніе горизонтальныхъ изгибовъ поясовъ на шарѣ, подобныхъ поясамъ, ограничивающимъ человѣческую голову, зависитъ отъ положенія и возвышенія точки зрѣнія, а также и отъ поворота головы. Они же вмѣстѣ съ продольными поясами означаютъ и помѣщеніе глазъ, носа, рта, ушей, общей формы черепа и нижняго овала головы. Подобная проволочная модель можетъ служить какъ бы переходомъ отъ рисованія неодушевленныхъ тѣлъ къ предметамъ живымъ; но *это собственно не входитъ въ предлагаемый курсъ рисованія, а принадлежитъ къ академическому курсу*, потому что требуетъ много времени, вспомогательныхъ познаній, и составляетъ изученіе и занятіе того, кто хочетъ сдѣлаться художникомъ.»

Всѣ упомянутыя мною меѳоды можно сгруппировать слѣдующимъ образомъ:

Группа 1-я: Іосифъ Шмидъ, Рамзауеръ; группа 2-я: Петръ Шмидтъ и его послѣдователи; группа 3-я: Франке, Отто, Гиппіусъ и Сапожниковъ.

Отличительныя черты 1-ой группы: *элементарное геометрическое рисованіе*; 2-й группы: *рисованіе съ натуры*; 3-ей группы: а) *элементарное геометрическое рисованіе*; b) *рисованіе съ картинокъ* или *оригиналовъ*; с) *рисованіе съ натуры или перспективное рисованіе*.

Изъ меѳодъ, причисленныхъ къ 3-й группѣ, первыя три, т. е. Франке, Отто и Гиппіусъ, допускаютъ рисованіе съ картинокъ, четвертая же меѳода, Сапожникова, отвергаетъ оное. Чрезъ это Сапожниковъ выигрываетъ время для рисованія съ натуры, и слѣдовательно его меѳода лучше другихъ.

Но, изгоняя копированіе картинокъ, онъ наполняетъ первую половину своего курса геометрическимъ рисованіемъ, такъ что ученикъ, вышедшій изъ средняго класса училища, все-таки не будетъ имѣть никакихъ перспективныхъ познаній, хотя и будетъ хорошо чертить геометрическія фигуры.

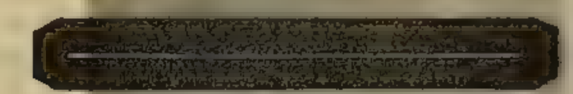
Итакъ, при всей педагогической постепенности, послѣдовательности и полнотѣ, лучшей изъ этихъ методъ не достаетъ *элементарнаго рисованія съ натуры*, т. е. другими словами: элементарнаго перспективнаго рисованія, доставляющаго ученику, съ перваго дня поступленія въ школу, возможность видѣть, изучать и копировать предметы въ такомъ видѣ, въ какомъ они представляются въ природѣ, а не въ такомъ, въ какомъ ихъ изображаетъ геометрія. Это необходимо уже по той простой причинѣ, что глазъ никогда ничего не видитъ геометрально, а всегда перспективно. Слѣдовательно эту часть преподаванія остается еще изобрѣсти? спросите вы. Нѣтъ; способъ обученія элементарному перспективному рисованію существуетъ уже болѣе 20 лѣтъ, и въ послѣднее время введенъ во многихъ училищахъ Франціи, Германіи и Англіи. Способъ этотъ, съ которымъ я намѣренъ познакомить читателей, принадлежитъ французскому художнику Фердинанду Дюпюи (Dupuis).

II.

Фердинандъ Дюпюи придумалъ способъ избѣгнуть копированія съ оригиналовъ и замѣнилъ ихъ легкими моделями, представляющими тѣ же простыя геометрическія фигуры, какія изображаются на оригиналахъ при геометрическомъ черченіи.

Собраніе моделей Ф. Дюпюи раздѣляется на 5 отдѣленій, изъ которыхъ первое содержитъ слѣдующія модели:

1. Желѣзная палочка изъ толстой проволоки, толщиною въ гусиное перо, длиною въ $1^1/_2$ фута.

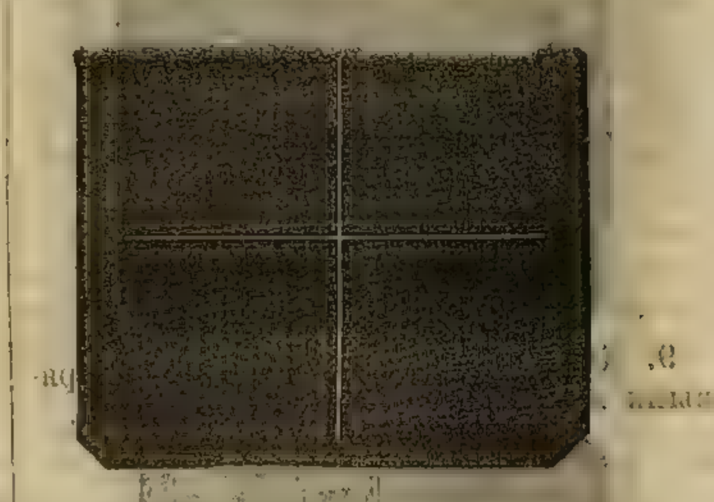
2. Такая же палочка или прутъ, только согнутый.

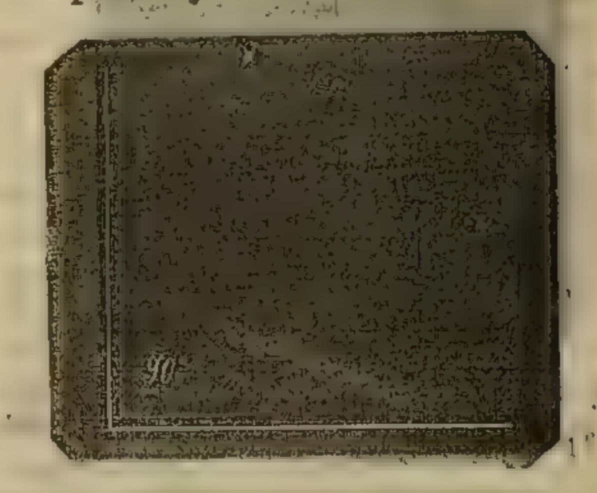
3. Часть окружности круга.

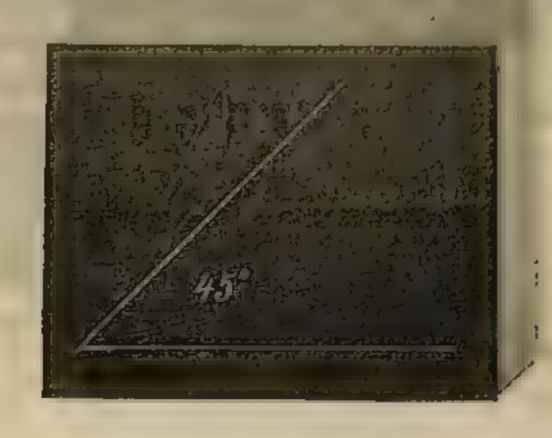
4. Двѣ перпендикулярныя линіи, т. е. два прута, пересѣкающіеся подъ прямыми углами.

5. Прямой уголъ.

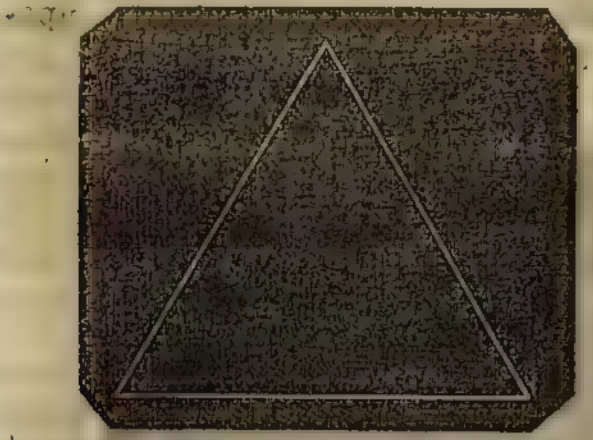
6. Острый уголъ въ 45°.

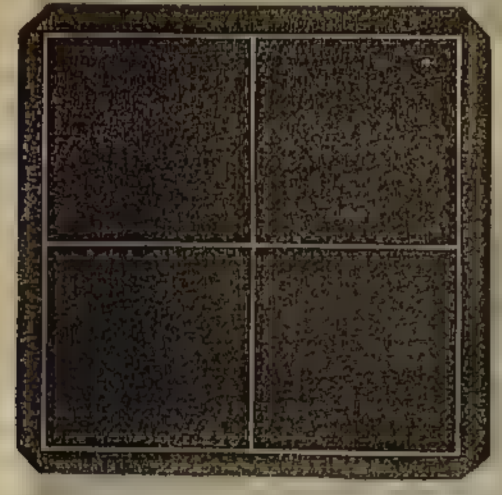
7. Тупой уголъ въ 135°.

8. Равносторонній треугольникъ соотвѣтствующей предыдущимъ моделямъ величины.

9. Квадратъ, раздѣленный двумя прямыми линіями на 4 равные квадрата.

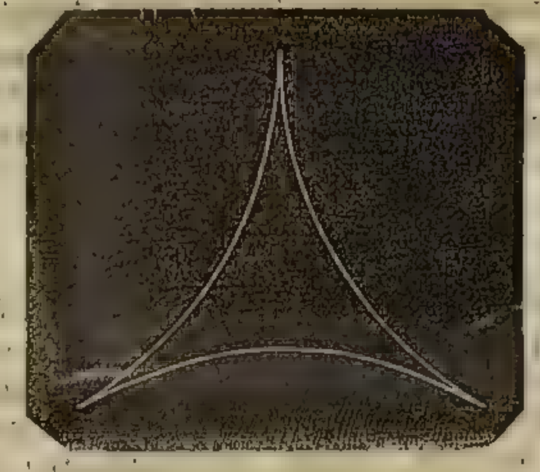
10. Квадратъ, раздѣленный на 4 равные треугольника.

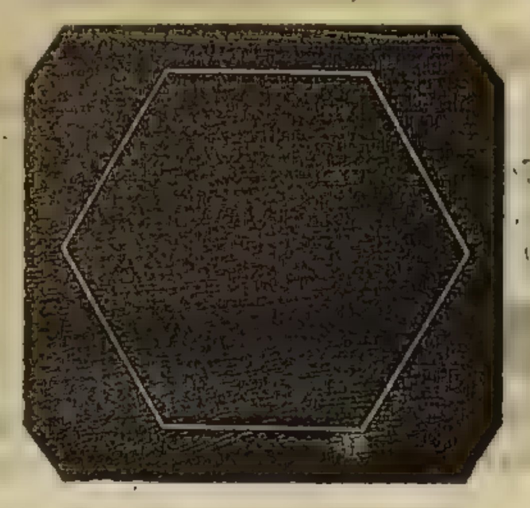
11. Квадратъ съ діагоналями и внутреннимъ кругомъ.

12. Равносторонній треугольникъ, составленный изъ 3 равныхъ дугъ равныхъ круговъ.

13. Правильный шестиугольникъ.

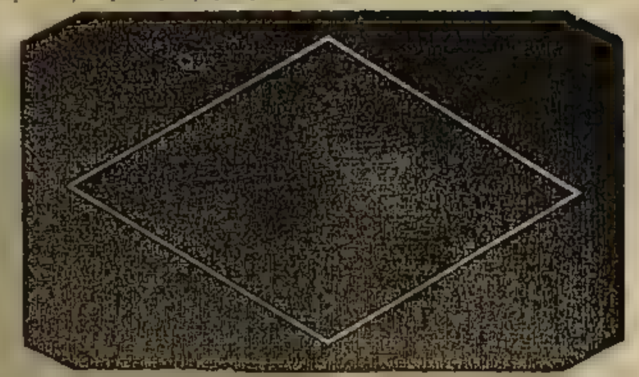
14. Правильный шестиугольникъ съ внутреннимъ равностороннимъ треугольникомъ.

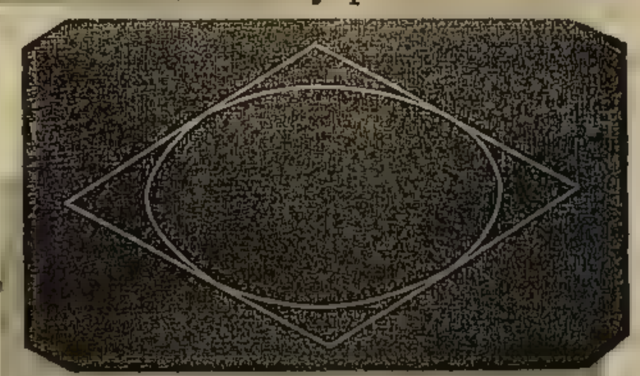
15. Правильный осмиугольникъ.

16. Ромбъ.

17. Ромбъ съ внутреннимъ элипсомъ.

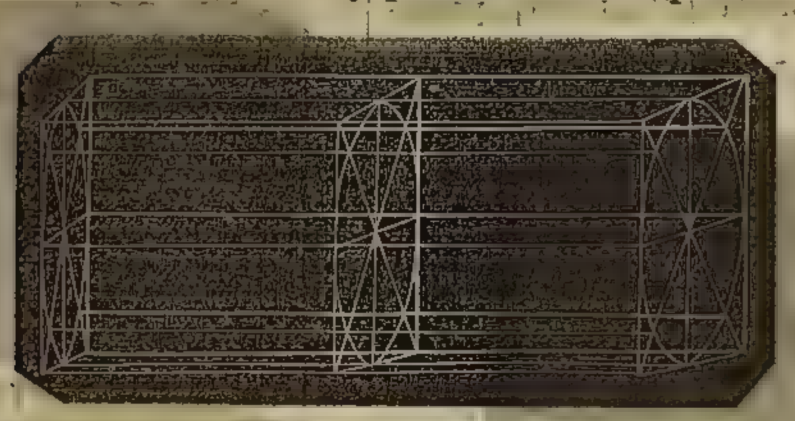
18. Кубъ.

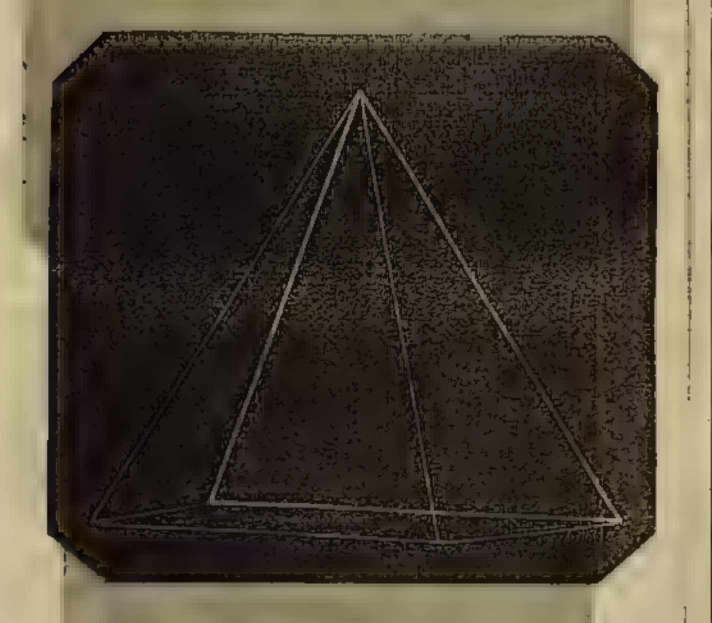
19. Прямой параллелопипидъ.

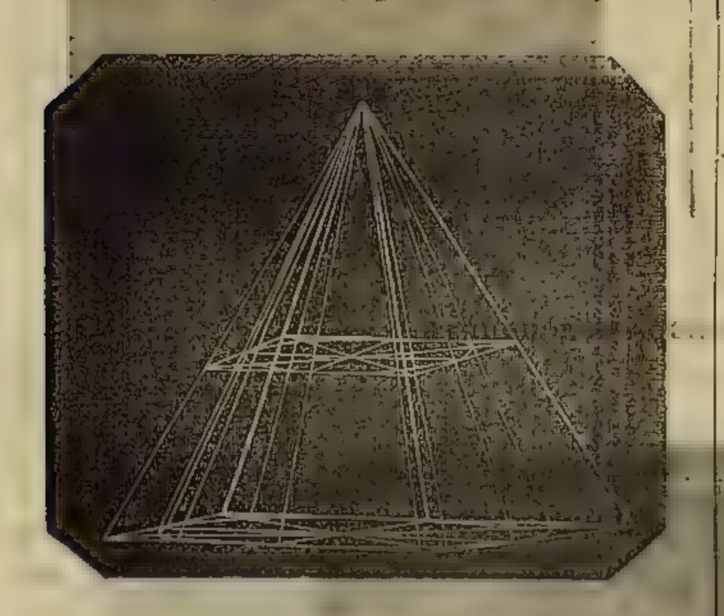
20. То же, съ внутреннимъ цилиндромъ.

21. Четырехсторонная пирамида.

22. Тоже, съ внутреннимъ конусомъ.

Такъ какъ цѣль Дюпюи—перспективное рисованіе, и для этой цѣли необходимо давать ученикамъ срисовывать эти модели во всѣхъ возможныхъ наклонахъ, направленіяхъ и поворотахъ: то онъ придумалъ слѣдующій механическій станокъ.

Этотъ станокъ имѣетъ основаніемъ 3 горизонтальные бруска [1])

Черт. 1.

На соединеніи этихъ брусковъ находится вертикальная деревянная трубка *ab* (черт. 1 и 2)

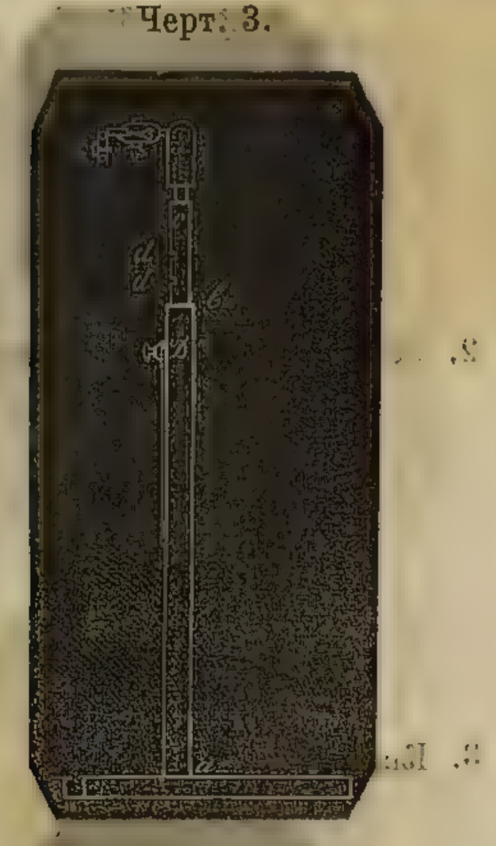
Черт. 2.

[1]) Впрочемъ, основаніемъ можетъ также служить ровная 4-угольная доска.

въ $3^1/_2$ фута вышиною, въ которой находится выдвижной брусокъ *c* (черт. 2 и 3)

Черт. 3.

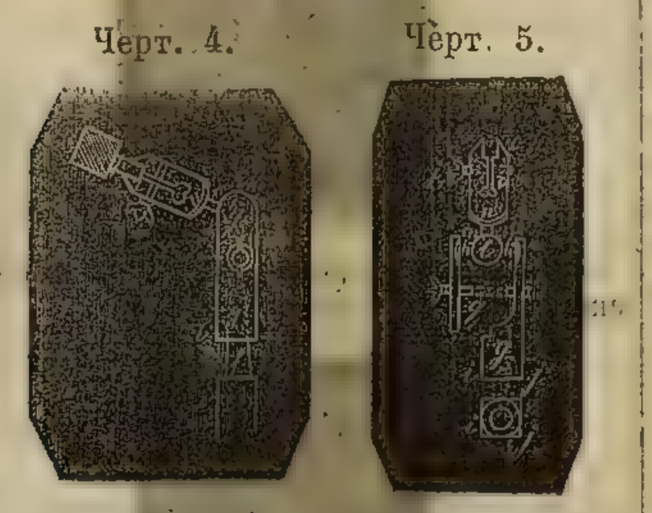

со впадинами *d d*, служащими для того, чтобы установить модель, на какой угодно высотѣ, посредствомъ винта *D*, находящагося на вертикальной трубкѣ *ab*.

Такихъ впадинокъ, углубленій или гнѣздъ можно сдѣлать сколько угодно по всей длинѣ стержня. Верхній конецъ этого стержня имѣетъ форму конуса *f* (черт. 2).

На этотъ конусъ надѣвается колѣнчатый суставъ, состоящій изъ щипцовъ *n o* (черт. 4 и 5), вращающихся на шарѣ *l* (черт. 5) во впадинахъ *k k*

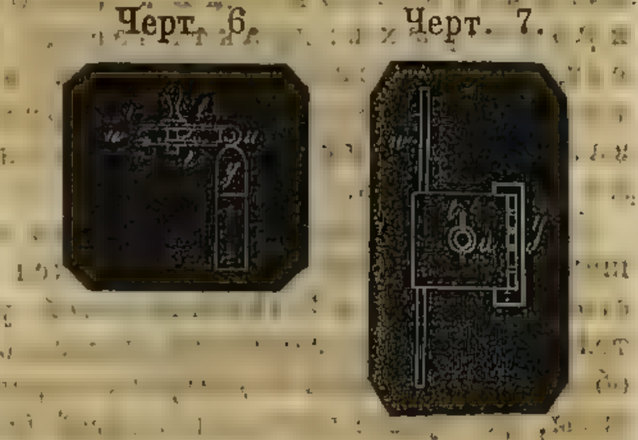
Черт. 4. Черт. 5.

двухъ дощечекъ *h i* (черт. 4), скрѣпленныхъ винтомъ *q* (черт. 5).

Щипцы устроены такъ, что можно вставлять въ нихъ маленькій выступающій брусочекъ или рукоятку деревянныхъ моделей (съ которыми читатели познакомятся далѣе). Для желѣзныхъ же моделей должно сперва вставить въ щипцы другой маленькій брусочекъ *y* (черт. 6 и 7), на концѣ котораго находятся

Черт. 6. Черт. 7.

двѣ мѣдныя пластинки *t t*, вращающіяся на шарнирѣ *u* (черт. 6), между которыми вкладываются проволочныя модели и зажимаются винтомъ *x*.

Чертежъ 8, какъ и 4-й, изображаютъ деревянную модель, вставленную въ щипцы станка, а чертежъ 6 и 7 проволочную, вставленную между пластинокъ [1]).

Черт. 8.

Такимъ образомъ Фердинандъ Дюпюи соединилъ практическую геометрію или такъ называемое геометрическое рисованіе съ перспективою, и составилъ перспективное рисованіе съ натуры для начинающихъ.

Этимъ способомъ онъ превратилъ машинальное ремесло (чѣмъ можно назвать

[1]) Какъ всѣ желѣзныя модели, такъ и станокъ, можно заказать въ магазинѣ оптика и механика И. Е. Милька, въ С. Петербургѣ, на углу Большой Морской улицы, въ домѣ Воронина, № 39.
Цѣна механическому станку для моделей 30 р.
Цѣна желѣзнымъ моделямъ . . . . 44 р.

слѣпое копированіе картинокъ) въ науку, и отнялъ у ученика возможность обманывать учителя вымѣриваніемъ оригиналовъ помощію бумажки или циркуля и показываніемъ чужой работы, а учителю далъ возможность во первыхъ: заниматься совсѣмъ классомъ, и во вторыхъ: практически, наглядно и просто, словомъ, элементарно объяснять основные законы оптики и перспективы на моделяхъ.

Само собой разумѣется, что въ низшемъ классѣ, гдѣ масса учащихся состоитъ изъ 7, 8 и 9-лѣтнихъ дѣтей, учитель не станетъ слишкомъ налегать на объясненіе правилъ геометріи и перспективы, но будетъ заставлять дѣтей болѣе копировать съ натуры, и только по мѣрѣ того, какъ способности ихъ начнутъ развиваться, будетъ обсуживать и объяснять модели; а между тѣмъ глазъ учениковъ приглядится къ натурѣ, и неопытная рука привыкнетъ владѣть карандашомъ.

Этотъ способъ обученія рисованію требуетъ между прочимъ и другого устройства школьныхъ скамеекъ. Онѣ должны быть построены во первыхъ: амфитеатрально, т. е. заднія должны быть выше переднихъ, чтобы весь классъ могъ свободно видѣть поставленную модель, и во вторыхъ: за каждымъ столомъ должно быть столько пространства, чтобы учителю можно было подходить къ каждому ученику и поправлять его рисунокъ съ той точки зрѣнія, съ которой онъ нарисованъ [1]).

Второе отдѣленіе рисовальной методы Ферд. Дюпюи содержитъ модели, сдѣланныя изъ деревянныхъ, дюймовой толщины брусковъ и окращенныя бѣлою масляною краскою. Каждая изъ этихъ моделей имѣетъ маленькій выступающій брусочекъ, которымъ она вставляется въ клещи рисовальнаго станка. Величина этихъ моделей равна величинѣ желѣзныхъ.

[1]) Такое устройство скамей принято уже во многихъ германскихъ училищахъ, ибо оно удобно и для всѣхъ другихъ преподавателей, отчасти же облегчаетъ и дисциплину и порядокъ въ классѣ. Объ устройствѣ классовъ мы будемъ говорить подробно. *Ред.*

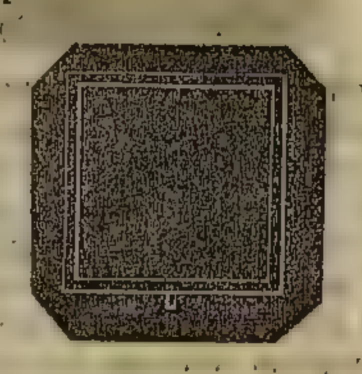
1. Два бруска, образующіе 4 прямые угла.

2. Равносторонній треугольникъ.

3. Квадратъ.

4. Четыре бруска, пересѣкающіеся подъ углами 45-ти градусовъ.

5. Квадратъ, раздѣленный двумя брусками на 4 равные квадрата.

6. Звѣзда, составленная изъ пересѣченія двухъ квадратовъ подъ равными углами.

7. Звѣзда, составленная изъ пересѣченія двухъ равностороннихъ треугольниковъ подъ равными углами.

8. Правильный шестиугольникъ, раздѣленный на 6 равностороннихъ треугольниковъ тремя діагональными брусками.

9. Кругъ, раздѣленный на 6 равныхъ секторовъ тремя поперечными брусками.

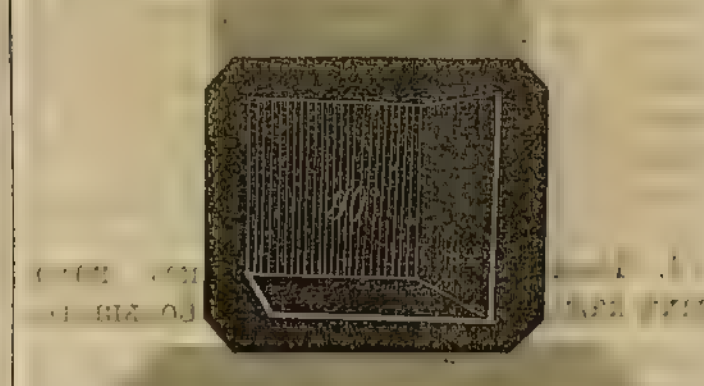

Третье отдѣленіе состоитъ изъ моделей, представляющихъ *плоскости* и сдѣланныхъ изъ тоненькихъ деревянныхъ дощечекъ бѣлаго же цвѣта.

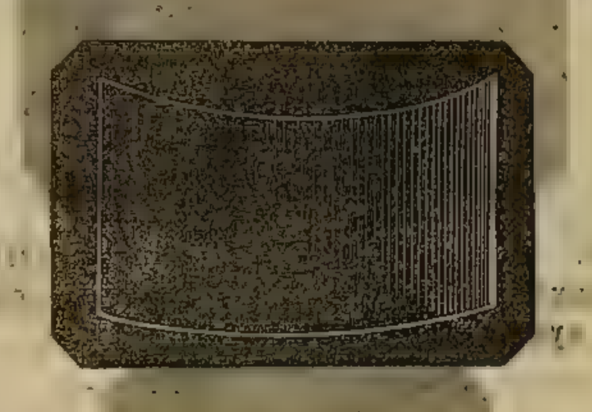
1. Двѣ дощечки, составляющія прямой уголъ.

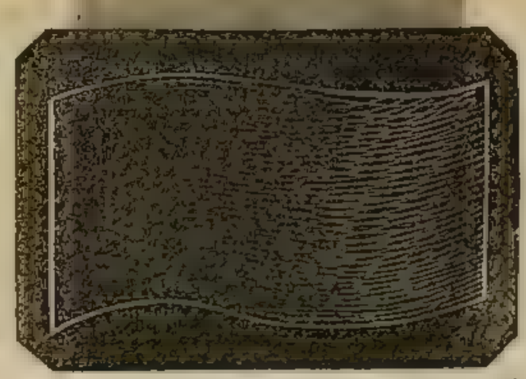
2. Три дощечки, составляющія прямой уголъ.

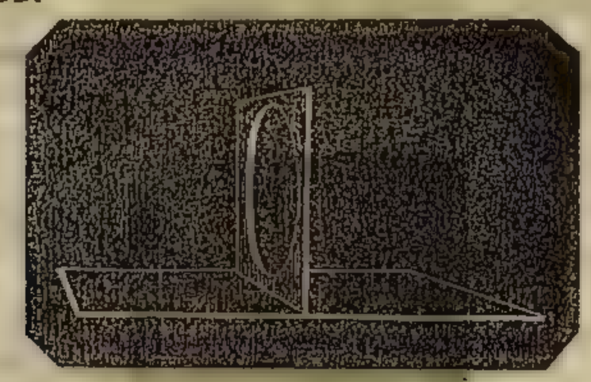
3. Разогнутая поверхность цилиндра.

4. Та же поверхность цилиндра, только согнутая въ видѣ буквы S.

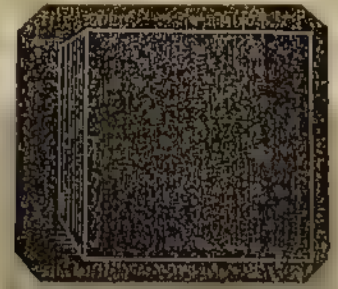

5. Двѣ дощечки, составляющія 2 прямые смежные угла съ круглымъ отверстіемъ на общей сторонѣ смежныхъ угловъ.

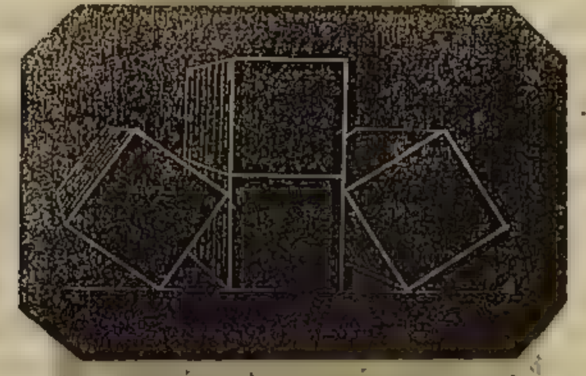

Четвертое отдѣленіе заключаетъ въ себѣ простыя геометрическія тѣла, сдѣланныя изъ дерева и также окрашенныя бѣлою масляною краскою.

1. Кубъ.

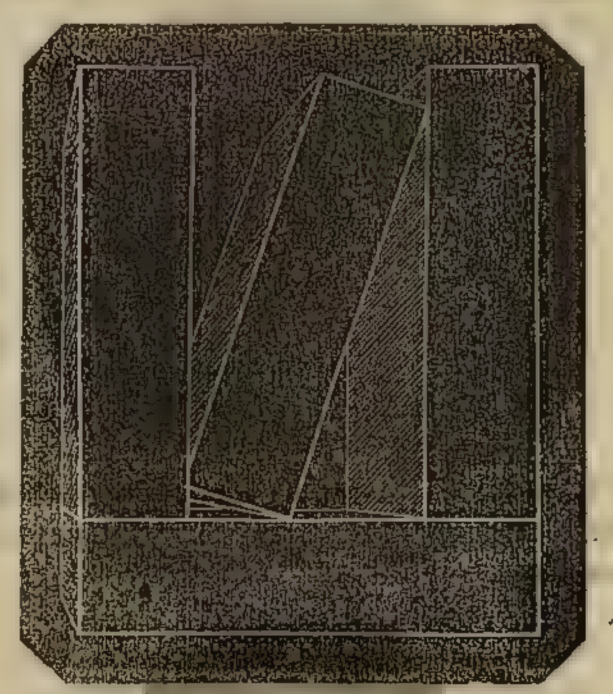
2. Четыре маленькіе куба, изъ которыхъ каждый величиною въ 1/8 большого.

3. Четырехсторонняя прямоугольная призма, основаніе которой равно сторонѣ куба, а вышина вдвое больше.

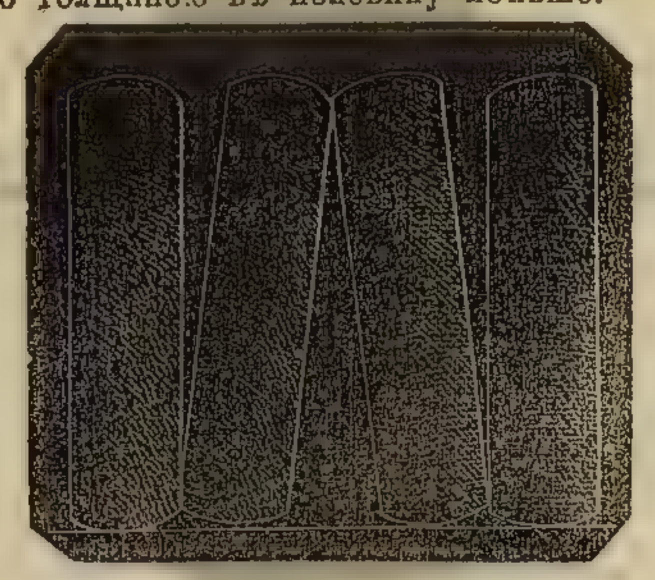
4. Четырехстороннія прямоугольныя призмы такой же длины, но толщина которыхъ 1/2 вышеозначенной призмы.

5. Цилиндръ той же величины, какъ призма № 3.

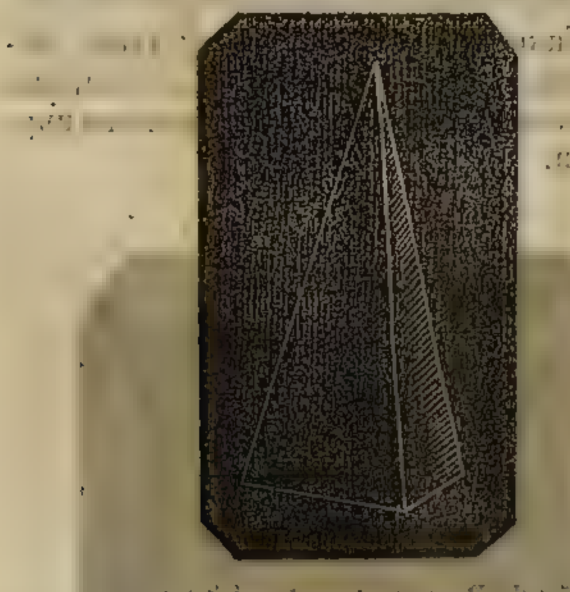
6. Четыре цилиндра такой же длины, но толщиною въ половину меньше.

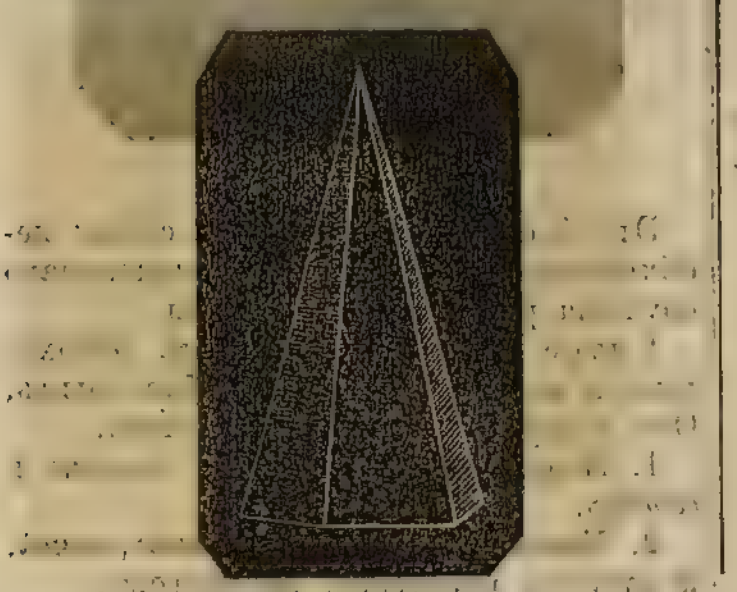
7. Четырехсторонняя пирамида, основаніе которой равно основанію куба и большой призмы, а вышина равна вышинѣ призмъ и цилиндровъ.

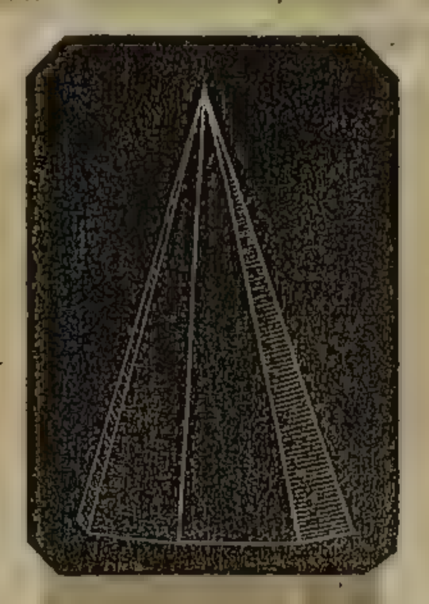
8. Трехсторонняя пирамида такой же вышины, какъ предыдущая четырехсторонняя.

9. Шестисторонняя пирамида такой же вышины.

10. Осмисторонняя пирамида такой же вышины.

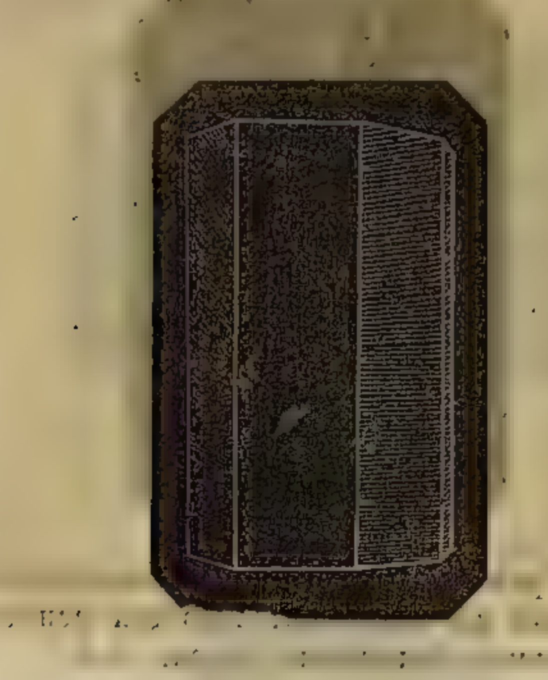
11. Трехсторонняя прямоугольная призма такой же вышины, имѣющая основаніе, равное основанію модели 8-й.

12. Шестисторонняя призма такой же вышины, имѣющая основаніе, равное основанію модели 9-й.

13. Осмисторонняя призма такой же вышины, имѣющая основаніе, равное основанію модели 10-й.

14. Конусъ такой же вышины, какъ призмы и цилиндры, имѣющій діаметръ основанія, равный сторонѣ основанія куба и призмы № 3.

15) Шаръ, діаметръ котораго равенъ сторонѣ основанія куба и призмы № 3.

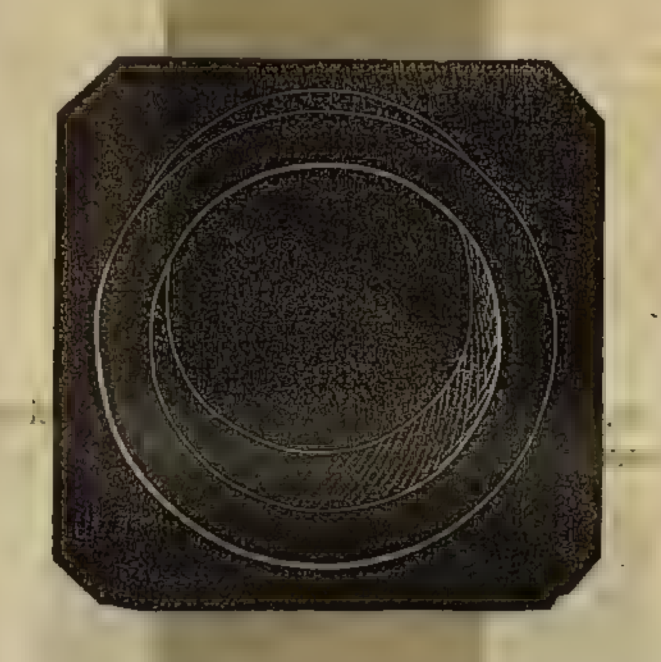
16. Полушаръ такого же діаметра.

17. Деревянный кругъ, діаметръ котораго равенъ вышинѣ призмъ, цилиндровъ, пирамидъ и конуса, а толщина 2-мъ дюймамъ.

18. Такой же кругъ съ круглымъ отверстіемъ, діаметръ котораго четырьмя дюймами меньше діаметра наружнаго круга доски.

Эти 4 отдѣленія содержатъ самыя необходимыя модели для первоначальнаго обученія рисованію съ натуры.

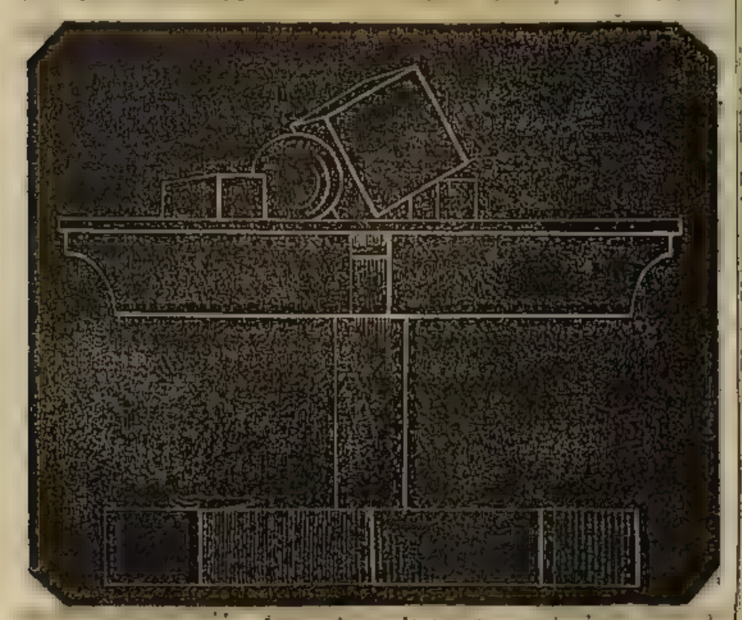
Пятое отдѣленіе не столь необходимо и можетъ почесться добавочнымъ, Оно содержитъ слѣдующія модели:

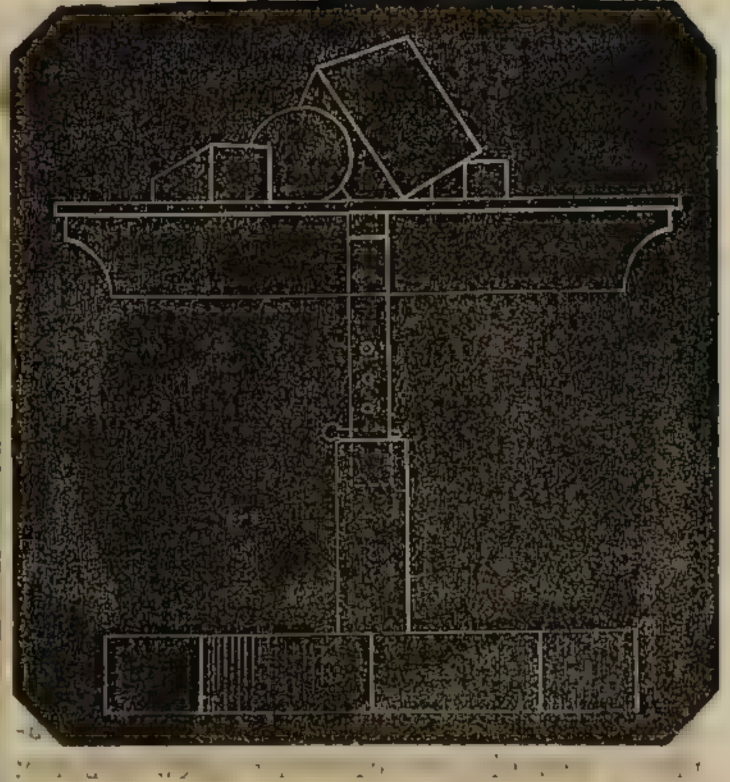
1. Модели *нишъ*, *столбовъ*, *колоннъ* и *сводовъ*.

2. Модели *лѣстницъ колодцевъ*, *печей*, и другихъ простыхъ, предметовъ.

3. Модели самыхъ простыхъ мебелей [1]).

Для постановки моделей третьяго, четвертаго и пятаго отдѣленій употребляется *механическій столъ* такого устройства, какъ показано на слѣдующихъ рисункахъ. [2])

Д. Ульяновъ.

[1]) Рисунковъ къ моделямъ 5-го отдѣленія не предлагаю, потому что количество и формы ихъ безчисленны, и ихъ можно разнообразить до безконечности по произволу; напр. разныя ниши, арки, лѣстницы (прямыя и витыя), колодцы, печи, своды, простая домашняя мебель и утварь, простые инструменты и машины. Разумѣется, всѣ эти модели должны быть безъ архитектурныхъ деталей и орнаментовъ, а утварь и машины самыя простыя.

[2]) Столъ для моделей, какъ и самыя модели 2-го, 3-го, 4-го и 5-го отдѣленій, можно заказывать у оптика и механика И. Е. Милька, въ С. Петербургѣ, на углу Большой Морской улицы, въ домѣ Воронина № 39.

Цѣна столу		50 р.
Моделямъ 2-го отдѣленія		27 »
»	3-го »	7 » 50 к.
»	4-го »	58 »

Впрочемъ всѣ эти вещи можно заказать и у всякаго порядочнаго столяра за гораздо дешевѣйшую цѣну. *Ред.*

Педагогическая переписка.

Г. Т . . . . . ву.

(О первоначальномъ обученіи чтенію и письму.)

Вы просите насъ, во-первыхъ, «указать вамъ на пріемы и лучшее по нашему мнѣнію руководство, которые бы помогли разсѣять сомнѣніе или скорѣе нерѣшительность вашу относительно того, какъ удобнѣе и вразумительнѣе обучать азбукѣ и чтенію, а потомъ и каллиграфіи или письменности».

Такъ какъ въ журналѣ нашемъ въ непродолжительномъ времени будетъ помѣщенъ цѣлый рядъ статей о преподаваніи грамоты и письма, то вы позволите мнѣ высказать здѣсь мое мнѣніе объ этомъ предметѣ вкратцѣ.

Прежде всего я долженъ замѣтить, что вопросъ о лучшихъ вообще способахъ и пріемахъ преподаванія для домашняго обученія далеко не такъ важенъ, какъ для школы. Учитель въ школѣ имѣетъ дѣло съ большимъ числомъ учениковъ, и потому, соображаясь съ умственнымъ уровнемъ большинства, по неволѣ долженъ придерживаться одного общаго способа, употреблять пріемы, подходящіе болѣе или менѣе ко всѣмъ ученикамъ. Все же общее можетъ быть неоднократно повторено и испытано и наконецъ подведено подъ извѣстныя правила и законы, на основаніи которыхъ и судятъ о достоинствѣ того или другого способа, тѣхъ или другихъ пріемовъ. Совсѣмъ другое въ семействѣ: тутъ наставникъ занимается съ однимъ, двумя или многочто съ тремя учениками въ одно время; тутъ слѣдовательно является необходимость соображаться съ особенною личностью каждаго ученика, вслѣдствіе чего общіе преподавательные пріемы значительно измѣняются. Вотъ почему въ домашнемъ обученіи не можетъ быть рѣчи о лучшемъ вообще способѣ преподаванія, о лучшихъ вообще пріемахъ; ибо нерѣдко случается, что способъ и пріемы, оказавшіеся отличными въ одномъ семействѣ, рѣшительно неудобопримѣнимы въ другомъ. Выборъ способа въ семействѣ нерѣдко обусловливается и внѣшними обстоятельствами; такъ напр. если младшій сынъ вашъ наслушался, какъ братъ его и сестра учились чтенію по складамъ, и если только обученіе это не было мучительнымъ для нихъ, то можете быть увѣрены, что и онъ охотнѣе всего будетъ учиться по складамъ. Примѣръ въ этомъ отношеніи заразителенъ. Но если съ одной стороны гораздо легче опредѣлить способъ и пріемы для извѣстной школы, то съ другой стороны домашнее обученіе и въ самомъ худшемъ случаѣ все-таки имѣетъ больше шансовъ на успѣхъ, нежели школьное; ибо наставникъ можетъ всю свою дѣятельность, все свое стараніе сосредоточить на одномъ ученикѣ, что въ школѣ рѣшительно невозможно. Вотъ почему опредѣленіе пріемовъ преподаванія заранѣе и не такъ важно для семейства.

Послѣ сказаннаго я уже смѣло могу сообщить вамъ одинъ изъ множества способовъ обученія грамотѣ; ибо увѣренъ, что вы не будете смотрѣть на него какъ на абсолютно лучшій способъ и не будете требовать отъ него сверхъестественныхъ результатовъ. Въ семействѣ — повторяю — тотъ способъ и тѣ пріемы лучшіе, которые наиболѣе соотвѣтствуютъ индивидуальности ученика.

Прежде чѣмъ начать ученіе, необходимо возбудить въ ребенкѣ охоту къ чтенію. Это впрочемъ вовсе не трудно: стоитъ только почаще читать ему какую-нибудь доступную для него и интересную книгу. Охота слушать разсказы вскорѣ возбудитъ въ немъ и охоту учиться чтенію; ибо онъ пойметъ, что, усвоивъ себѣ это искусство, онъ уже не будетъ нуждаться въ вашемъ присутствіи и вашей помощи.

Для обученія этого вамъ на первый случай не нужно никакого руководства. Купите просто коробку съ печатными буквами, наклеенными отдѣльно на папкѣ и разложенными въ особыхъ разгородкахъ по алфавитному порядку [1]. Изъ

[1] Подобныя коробки продаются въ книжныхъ, бумажныхъ и особенно въ игрушечныхъ лавкахъ и стоютъ не дорого. Впрочемъ, если вамъ позво-

этой коробки выньте сперва гласныя буквы, каждую по нѣскольку экземпляровъ, смѣшайте ихъ и велите ученику своему, для перваго дебюта, выбрать буквы одинаковаго очертанія и сложить ихъ въ одну кучку. Онъ этимъ займется съ охотою и, послѣ нѣсколькихъ повтореній, даже съ успѣхомъ. Когда онъ такимъ образомъ научился различать гласныя буквы по общему ихъ очертанію, тогда назовите ему каждую отдѣльно. Такимъ же точно образомъ поступайте и съ согласными буквами. Только, предостерегаю васъ, не торопитесь! Еслибъ даже и по истеченія цѣлаго мѣсяца ученикъ вашъ не зналъ еще всѣхъ буквъ, то въ этомъ нѣтъ никакой бѣды. На все нужно время. Чтобъ убѣдиться, знаетъ ли ученикъ всѣ буквы, лучше всего проэкзаменовать его по какой-нибудь книгѣ съ крупнымъ шрифтомъ; если онъ и тутъ узнаетъ всѣ буквы, то первый курсъ благополучно оконченъ. Затѣмъ возвратитесь опять къ коробкѣ, и составляйте изъ буквъ различныя легкія слова, называя ихъ громко и заставляя ученика повторить ихъ; напр. мама, папа, няня, дядя, Ваня, Миша и т. д.; только не много словъ вдругъ. Затѣмъ спросите его, изъ какихъ буквъ составлено слово *папа*, изъ какихъ *мама*, и т. д., и велите ему также составить эти слова. Продолжая такимъ образомъ и переходя отъ легкихъ словъ къ болѣе труднымъ, вы скоро доведете ученика вашего до того, что онъ составитъ любое слово; а отсюда переходъ къ связному чтенію по книгѣ уже не труденъ. Перейдемъ теперь къ письму.

Чтобы обучать письму, нѣтъ надобности ждать, пока ученикъ выучится читать: напротивъ, обученіе это можетъ начаться еще до знакомства съ печатными буквами. Всѣ дѣти, какъ извѣстно, любятъ чертить и рисовать. Этимъ надобно пользоваться. Велите на одной сторонѣ аспидной доски нарѣзать сѣтку квадратиковъ, или если вы боитесь, что ученикъ, упражняясь на твердой доскѣ, пріобрѣтетъ тяжелый почеркъ, то купите тетрадь, въ которой всѣ страницы разлинованы на клѣтки [1], и пусть ученикъ вашъ по этимъ клѣткамъ начнетъ первыя упражненія, т. е. чертитъ палочки, крестики, треугольники, квадратики, домики и т. д. Когда рука его нѣсколько утвердится, и онъ уже въ состояніи будетъ довольно свободно водить ею, то можно перейти и къ первымъ упражненіямъ въ письмѣ собственно. Для этого опять-таки нужна сѣтка, устройство которой вы можете видѣть въ недавно изданномъ мною «Букварѣ для соединеннаго обученія чтенію и письму»; тутъ же вы найдете въ послѣдовательномъ порядкѣ и первыя упражненія въ черченіи и первыя упражненія въ письмѣ. Рекомендую вамъ эту книгу не потому, что я ее составилъ, а потому, что не знаю другой книги, въ которой вы могли бы найти указанія, какъ обучать письму. Для черченія дайте вашему ученику на первый случай не перо, а карандашъ, не слишкомъ мягкій и не слишкомъ твердый (лучше всего Faber № 2). На правильное держаніе карандаша при черченіи и письмѣ должно обращать вниманіе съ самаго начала. Ограничиваюсь этими краткими замѣтками.

«Какой практически обусловленный возрастъ мальчика и дѣвочки», спрашиваете вы далѣе, «можно признать для этого (обученія) удобнѣйшимъ?» На этотъ вопросъ положительно отвѣчать нельзя, потому что пора такъ называемаго школьнаго ученія обусловливается не однимъ только возрастомъ, но и степенью умственнаго развитія; а вѣдь всякому извѣстно, что есть восьмилѣтнія дѣти, менѣе развитыя, чѣмъ иныя шестилѣтнія. Вообще же говоря, обученіе чтенію слѣдуетъ начинать никакъ не раньше семи лѣтъ, потому что до этого возраста въ ребенкѣ не можетъ, да и не должно быть еще никакой потребности въ книжной пищѣ; слѣдовательно и незачѣмъ давать ему орудіе, которое

ляютъ средства, то закажите лучше у переплетчика нѣчто въ родѣ типографской кассы, въ которой бы находились и всѣ знаки препинанія. Такая касса чрезвычайно полезна для орфографическихъ упражненій, пока ребенокъ не хорошо еще владѣетъ перомъ. Буквы должны быть довольно крупны.

[1]) Такія тетради продаются во всѣхъ бумажныхъ лавкахъ, и извѣстны подъ названіемъ ариѳметическихъ тетрадей, потому что дѣти, посещающія училище, вписываютъ въ нихъ ариѳметическія задачи.

онъ до поры до времени не будетъ употреблять или, что еще хуже, которымъ онъ можетъ себѣ повредить. Время, убиваемое на это обученіе до 7 лѣтъ, можно употребить съ гораздо большею пользою для умственнаго развитія ребенка, упражняя его внѣшнія чувства и ознакомляя его съ окружающимъ міромъ. Многія опытныя мамаши, пожалуй, станутъ васъ увѣрять, что обучать дѣтей чтенію слѣдуетъ какъ можно раньше, и въ доказательство приведутъ вамъ своихъ собственныхъ дѣтей, изъ которыхъ одно читаетъ хорошо, потому что стало учиться съ пяти лѣтъ, а другое дурно, потому что ученіе его началось лишь съ осьмого года. Но дѣло въ томъ, что мамаши эти учили вообще плохо, т. е. небрежно, и потому весьма натурально, что то изъ дѣтей ихъ читаетъ лучше, которое начало учиться раньше. Итакъ раньше семи лѣтъ не учите дѣтей вашихъ грамотѣ, ни мальчика, ни дѣвочку. Въ эти лѣта различіе пола не имѣетъ еще никакого значенія.

Наконецъ вы спрашиваете еще: «Сколько необходимо въ началѣ обязательнаго времени для занятій съ малютками и въ какое время дня, зимою и лѣтомъ, чтобы не имѣть вреднаго вліянія на ихъ способности и не отвратить отъ охоты къ начатымъ и предстоящимъ занятіямъ по педагогической части?»

На этотъ вопросъ я могу отвѣчать положительнѣе. Извѣстный нѣмецкій педагогъ Гутсмутсъ, послѣ долголѣтнихъ опытовъ, составилъ таблицу, которая примѣрно опредѣляетъ количество времени, необходимое для занятій и покоя дѣтей отъ 7 до 15-тилѣтняго возраста. Сообщаю вамъ изъ этой таблицы необходимое для соображенія.

Въ 7 лѣтъ: ежедневно 2 раза по
- ½ часу на умственныя занятія;
- 10 часовъ на игру, движеніе, гулянье и вообще физическое развитіе.
- 9 часовъ на ночной покой;
- 4 часа на мытье, одѣванье, раздѣванье, завтракъ, обѣдъ и ужинъ.

Въ 8 лѣтъ: ежедневно 2 раза по
- 1 часу на умственныя занятія;
- 9 часовъ для физическаго развитія;
- 9 часовъ на покой;
- 4 часа на одѣванье и т. д.

И т. д. до 12-ти лѣтъ, прибавляя ежегодно по 1 часу къ умственнымъ занятіямъ и убавляя по 1 часу игры и свободнаго времени.

Въ 13 и 14 лѣтъ:
- 7 часовъ на умственныя занятія;
- 5 » для физич. развитія;
- 8 » на покой;
- 4 » на завтракъ, обѣдъ и т. д.

Въ 15 лѣтъ:
- 8 часовъ на умственныя занятія;
- 4 » для физич. развитія;
- 7 » на покой.

Но, ради Бога! не вздумайте строго придерживаться этой таблицы. Въ дѣлѣ воспитанія, относящагося преимущественно къ умственной и нравственной природѣ человѣка, числами ничего опредѣлить нельзя: ни поведенія, ни прилежанія, ни даже необходимаго для занятій времени. Число для этого слишкомъ положительно, и развитіе духа человѣческаго не подчиняется математическому измѣренію. Важна эта таблица только тѣмъ, что приблизительно показываетъ отношеніе между умственными занятіями, движеніемъ и покоемъ, измѣняющееся постепенно по годамъ, т. е. по мѣрѣ того, какъ умственное развитіе дитяти по естеству своему начинаетъ преобладать надъ физическимъ развитіемъ. Изъ этой таблицы вы, кромѣ того, можете видѣть, какъ сильно грѣшатъ противъ этого естественнаго хода наши учебныя заведенія, въ которыхъ въ низшихъ классахъ назначено столько же уроковъ въ день, какъ и въ высшихъ.

Итакъ на первый годъ назначьте не болѣе часу для умственныхъ занятій дѣтей вашихъ, а потомъ, соображаясь съ умственными силами и физическимъ здоровьемъ, постепенно увеличивайте число уроковъ.

Лучшее для ученія время дня, разумѣется, утро, когда дѣти еще не успѣли разсѣяться; но далеко не всѣ родители могутъ свободно располагать утренними часами; въ такомъ случаѣ лучше всего начать ученіе часа два спустя послѣ обѣда. Во всякомъ случаѣ занимайтесь ежедневно въ одни и тѣ же часы; иначе дѣти не пріучатся къ порядку и правильной дѣятельности. Что же касается

до временъ года, то они, по крайней мѣрѣ у насъ въ Петербургѣ, не обусловливаютъ значительной перемѣны въ занятіяхъ. Въ весьма жаркіе лѣтніе дни конечно можно и сократить уроки, но зато тѣмъ больше занятій для дѣтей можно найти въ природѣ.

Затѣмъ позвольте мнѣ въ заключеніе ко всему сказанному прибавить еще слѣдующее: при всѣхъ занятіяхъ вашихъ съ дѣтьми старайтесь преимущественно возбуждать ихъ самодѣятельность, т. е. пріучайте ихъ все самихъ дѣлать, доискиваться, допытываться и какъ можно менѣе прибѣгать къ чужой помощи. Не требуйте отъ нихъ многаго, но требуйте во всемъ точнаго, тщательнаго исполненія. Вообще, какъ можно раньше научайте ихъ различать серьёзную работу отъ игры или, вѣрнѣе сказать, обязательную дѣятельность отъ всякой другой дѣятельности, и если вы доведете ихъ до того, что они исполняютъ всѣ свои маленькія *обязанности* съ такою же радостію, съ какою спѣшать на игру, то вы можете быть довольны результатами вашего воспитанія, хотя бы дѣти ваши и далеко не имѣли тѣхъ познаній, которыя быть-можетъ имѣютъ другіе сверстники ихъ.

Господину А. Г. въ Спб.

(О дисциплинарныхъ средствахъ въ школѣ.)

Вы затрудняетесь въ выборѣ взысканій за маленькіе проступки дѣтей — за ихъ шалости и лѣность, и потому желали бы касательно этого знать мнѣнія педагоговъ германскихъ и англійскихъ и наконецъ наше собственное мнѣніе. Желаніе ваше весьма естественно, но чтобы удовлетворить ему, намъ пришлось бы въ теченіе цѣлаго года наполнять журналъ нашъ только статьями по этому, можно сказать, неистощимому вопросу; — и едва ли бы мы этимъ оказали вамъ значительную услугу, потому что и послѣ того вы не избѣжали бы затруднительныхъ случаевъ въ этомъ отношеніи. Не только учителя, которые, подобно вамъ, занимаются обученіемъ дѣтей два мѣсяца, но и подвизающіеся на этомъ поприщѣ десятки лѣтъ весьма часто не знаютъ, какія принять мѣры къ исправленію шаловливыхъ или лѣнивыхъ учениковъ. Это конечно не утѣшительно, но тѣмъ не менѣе понятно: каждый проступокъ каждаго отдѣльнаго ученика есть особенный, индивидуальный случай, требующій и особаго обращенія. Вотъ почему ни одному педагогу по сіе время не удалось подвести ученическіе проступки подъ опредѣленныя категоріи, хотя многіе и пытались сдѣлать это; вотъ почему для наказаній и взысканій въ классѣ невозможны и положительныя правила. Писано объ этомъ предметѣ конечно очень многое, особенно нѣмецкими педагогами; но все это можетъ служить только матеріаломъ для общаго соображенія, а въ частности не примѣнимо или, вѣрнѣе сказать, примѣнимо только при собственномъ опытѣ учителя и при изученіи имъ тѣхъ учениковъ, съ которыми онъ имѣетъ дѣло.

По нашему мнѣнію, при каждомъ проступкѣ ученика необходимо прежде всего доискиваться причины, вызвавшей проступокъ и, доискавшись, стараться устранить эту причину. Шалости и невниманіе во время урока, а равно и лѣность, происходятъ большею частію отъ дурного, вялаго, несоотвѣтствующаго развитію учениковъ преподаванія; учитель, умѣющій заинтересовать учениковъ, возбудить въ нихъ любовь къ предмету, менѣе всего будетъ жаловаться на шалости и невниманіе. Лѣнь и другія порочныя склонности могутъ конечно корениться и въ дурномъ домашнемъ воспитаніи, и потому безъ дисциплинарныхъ мѣръ обойтись нельзя. На эти мѣры мы будемъ по возможности указывать въ нашемъ журналѣ, какъ мы это уже отчасти и сдѣлали въ «Замѣткахъ стараго педагога», которыя, хотя и ограничиваются только намеками, но тѣмъ не менѣе для мыслящаго учителя будутъ не безъ пользы. Впрочемъ, такъ какъ вы знаете нѣмецкій языкъ, то мы можемъ рекомендовать вамъ одно изъ лучшихъ сочиненій о школьной дисциплинѣ, а именно: Grundsaetze der Schuldisciplin. Von I. G. Dobschall. Liegnitz, 1848. Вамъ только придется выписать это сочиненіе, потому что у здѣшнихъ книгопродавцевъ его не имѣется.

Англійскіе же педагоги объ этомъ во-

просѣ почти ничего не писали и не пишутъ; какъ народъ вполнѣ практическій, они занимаются только вопросами, положительно разрѣшимыми. Въ школахъ у нихъ господствуетъ, съ одной стороны, система *самоуправленія* (selfgovernment), т. е. полицейская и судебная часть предоставляется самимъ ученикамъ; а съ другой — система *тѣлеснаго наказанія* (fagging system): двѣ крайности, которыя взаимно уравновѣшиваются. У насъ онѣ не примѣнимы.

Статьи о преподаваніи грамоты будутъ помѣщены въ непродолжительномъ времени: въ составъ ихъ войдетъ и звуковая метода. Вамъ кажется страннымъ, что мы предпочли «такому важному вопросу, какова азбука и склады — разрѣшеніе вопросовъ изъ химіи и обученія отечественному языку на первыхъ страницахъ журнала».

Но вы забываете, что журналъ нашъ имѣетъ два отдѣла, въ одинъ изъ которыхъ входятъ статьи общенаучныя: замѣнять ихъ дидактическими статьями мы не можемъ, не уклоняясь отъ нашей программы. Причина же, по которой мы считаемъ отдѣлъ этотъ нужнымъ, объяснена въ нашей программѣ. Что касается до преподаванія отечественнаго языка, то онъ, по нашему мнѣнію, гораздо важнѣе, нежели обученіе грамотѣ, тѣмъ болѣе что въ послѣднее время по этой части вышло довольно значительное число руководствъ, составленныхъ по различнымъ способамъ и потому могущихъ на первый случай удовлетворить насущнымъ потребностямъ. Вы конечно правы, замѣчая намъ, что въ одно время съ первоначальнымъ обученіемъ закону Божію и ариѳметикѣ, «было бы естественно указать и на начала грамотности и ея развитіе»; но дѣло въ томъ, что трудъ этотъ далеко не такъ легокъ, какъ кажется, и исполненіе его требуетъ довольно много времени; у насъ же до сихъ поръ весьма мало сотрудниковъ, и весь трудъ изданія, редакціи и приготовленія матеріаловъ падаетъ почти на насъ однихъ. Мы очень хорошо понимаемъ, что журналъ нашъ имѣетъ еще много недостатковъ; но кто знаетъ, съ какими трудностями сопряжено всякое новое предпріятіе, а тѣмъ болѣе наше, тотъ вѣроятно будетъ снисходителенъ къ намъ въ этомъ отношеніи. Мы до сихъ поръ смѣемъ утверждать, такъ называемаго журнальнаго баласта, для пополненія только страницъ журнала, не давали.

Устройство народныхъ школъ въ Англіи подробнѣе всего описано въ слѣдующемъ сочиненіи:

Mittheilungen über das Unterrichtswesen Englands und Schottlands. Von I. A. Voigt. Halle, 1857.

Для изученія же прусскихъ школъ необходимо обзавестись нѣсколькими сочиненіями:

Dr. H. Heppe. Geschichte des deutschen Volksschulwesens. Gotha, 1858.

Diesterweg. Rheinische Blaetter für Erziehung und Unterricht. Essen, Jahrgaenge 1830—61.

Bormann. Schulkunde für evangelische Volksschullehrer auf Grund der Preussischen Regulative. Berlin. 1855.

Stiehl. Centralblatt für die gesammte Unterrichts-Verwaltung in Preussen. Jahrgaenge 1859 — 61.

Школы во Франціи въ незавидномъ состояніи. Объ этомъ вы можете прочесть въ:

Encyklopaedie des gesammten Erziehungs und Unterrichtswesens. Von K. A. Schmid. стр. 44 — 507.

Тутъ же указаны и всѣ источники для изученія подробностей.

Со всѣми здѣсь упомянутыми сочиненіями вы можете ознакомиться въ редакціи, библіотека которой открыта для всѣхъ интересующихся педагогикой и дидактикой.

Отъ изданія учебника для народныхъ школъ редакція не откажется, если только онъ хорошо составленъ. Впрочемъ, вы ни слова не говорите о томъ, чему учитъ этотъ учебникъ и кѣмъ онъ составленъ: опытнымъ ли педагогомъ, или новичкомъ. А это намъ желательно было бы знать. Охотниковъ писать и сочинять учебники, руководства и что угодно — у насъ много; знающихъ же дѣло очень немного. Такъ если составитель предлагаемаго учебника принадлежитъ къ этимъ немногимъ, то мы очень рады и его руководству, и его личному знакомству.

Г-ну А. К...скому въ В. Волочкѣ.

(О воспитательномъ вліяніи въ школѣ.)

Говоря въ письмѣ вашемъ о неудовлетворительномъ состояніи сельскихъ училищъ и излагая причины этой неудовлетворительности, которыя по вашему мнѣнію долго еще не устранятся, вы приходите къ тому заключенію, что «настоитъ надобность изъ текущаго порядка извлечь возможно большую пользу». На основаніи этого вы просите редакцію разрѣшить вамъ слѣдующіе вопросы:

1) Возможно ли, при настоящихъ условіяхъ, воспитательное вліяніе въ нашихъ училищахъ?

2) Нѣтъ ли такихъ общихъ положеній, разумное усвоеніе которыхъ учениками (въ возможно короткое время) могло бы быть потомъ источникомъ ихъ жизни и дѣятельности?

3) Нѣтъ ли такихъ пріемовъ и способовъ, при помощи которыхъ наставникъ въ настоящей обстановкѣ могъ бы имѣть возможно болѣе воспитательнаго вліянія?

4) Какъ удобнѣе пріобрѣсти наставнику довѣріе и вліяніе, способствующее дѣлу, на самихъ крестьянъ?

Такъ какъ для удовлетворительнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ потребовалось бы обстоятельное разсужденіе, въ которое я теперь не могу вдаться, то вы позволите мнѣ на первый случай ограничиться краткими намеками.

Подъ воспитаніемъ въ собственномъ смыслѣ разумѣютъ, какъ извѣстно, попеченіе о тѣлесномъ и духовномъ ростѣ дитяти, т. е. холю, питаніе, движеніе, предохраненіе отъ всякаго рода вреда, образованіе добрыхъ привычекъ, изощреніе внѣшнихъ чувствъ, просвѣтленіе ума и развитіе чувства и воли ко всему доброму, истинному и прекрасному.

Посмотримъ, какіе изъ этихъ моментовъ воспитанія могутъ имѣть мѣсто въ школѣ и находятся преимущественно во власти учителя, независимо отъ начальственныхъ или административныхъ мѣръ и распоряженій.

Холя дѣтей, т. е. содержаніе ихъ въ чистотѣ и опрятности, удобоисполнима почти исключительно въ семействѣ и принадлежитъ къ главнѣйшимъ изъ обязанностей его; но такъ какъ родители изъ низшихъ сословій, особенно крестьяне, рѣдко заботятся о содержаніи дѣтей своихъ въ чистотѣ, то школа должна, да и можетъ отчасти принять на себя эту обязанность. Въ лицѣ учителя она можетъ не только укоренить въ дѣтяхъ привычку къ опрятности, но и образовать ее въ нихъ, если родители пренебрегали этимъ. Еслибъ я былъ сельскимъ учителемъ, то каждое утро, до начала ученія, подвергалъ бы моихъ учениковъ осмотру относительно чистоты шеи, ушей, лица и рукъ, прически волосъ, чистоты и цѣлости одежды; нечесанныхъ заставлялъ бы тотчасъ причесаться, немытыхъ и нечистыхъ въ одеждѣ высылалъ бы въ сѣни и велѣлъ имъ умыться и вычистить платье, а оборванныхъ замѣтилъ бы себѣ и послѣ ученія взялъ бы по одиначкѣ къ себѣ въ комнату и показалъ бы имъ, какъ я самъ себѣ чиню платье и какъ и они сами могутъ это дѣлать. Если не вамъ, то многимъ другимъ, которые прочтутъ эти строки, такое распоряженіе учителя покажется страннымъ и смѣшнымъ, а быть-можетъ и неудобоисполнимымъ. «Вѣдь школа, скажутъ они, не баня, не швейная; да и нельзя же всѣхъ учениковъ, которыхъ бываетъ иногда очень много въ сельской школѣ, перемыть и очистить: для этого нужно слишкомъ много времени, которое назначено собственно для ученія.» Противъ всего на свѣтѣ можно возражать; такъ и противъ упомянутой мною мѣры. Но тѣмъ не менѣе я вполнѣ убѣжденъ, что мѣра и удобоисполнима, и чрезвычайно благотворна для дѣтей. Во первыхъ, нѣтъ вовсе надобности осматривать каждый разъ всѣхъ учениковъ; достаточно выбирать наиболѣе грязныхъ и неопрятныхъ. Убѣдившись разъ навсегда, что учитель не терпитъ неопрятности, ученики впредь уже сами будутъ заботиться о томъ, чтобы являться въ классъ чистыми и причесанными, а наконецъ опрятность и аккуратность войдетъ у нихъ въ привычку и не останется безъ вліянія и на родителей, которыхъ бы вы до того напрасно стали увѣщевать. Конечно не легко неустанно приводить въ исполненіе такую мѣру: гораздо легче наказывать учениковъ за неопрятность и тѣмъ опротивить имъ школу и себя; а еще легче не обращать вовсе вни-

манія на наружность учениковъ... но въ такомъ случаѣ не ищите и воспитательнаго вліянія.

О питаніи, движеніи, предохраненіи отъ внѣшнихъ вредныхъ вліяній нечего и говорить. Первое не зависитъ отъ школы, второе не зависитъ отъ учителя: измѣнить трехъ-четырехъ-часовое сидѣніе въ классѣ съ краткими промежутками онъ не можетъ, а ввести гимнастику также не въ его власти. Что же касается до предохранительныхъ мѣръ отъ вредныхъ вліяній, то онѣ необходимы въ болѣе нѣжномъ возрастѣ и должны быть предоставлены семейству. Образованіе добрыхъ привычекъ также принадлежитъ къ обязанностямъ семейства: но и учитель можетъ сдѣлать въ этомъ отношеніи очень многое. Онъ можетъ внушить дѣтямъ *вниманіе*, *усердіе къ ученію*, *тщательность въ исполненіи своихъ обязанностей* (прилежаніе), *любовь къ порядку послушаніе* и многія другія качества, которыя всѣ служатъ основаніемъ неоцѣнимыхъ добродѣтелей въ жизни. Вниманіе есть начало всего: безъ него невозможно никакое ученіе, невозможенъ успѣхъ; прилежаніе въ школѣ ведетъ къ трудолюбію въ жизни, а послушаніе—къ самообладанію. Какимъ же образомъ внушаются эти качества ученикамъ? Обыкновенно весьма просто; учитель повторяетъ ученикамъ безпрестанно: «будьте внимательны, будьте прилежны; дѣлайте ваши уроки хорошо, слушайтесь!» Но ведетъ ли такой способъ къ какимъ либо результатамъ? Нѣтъ. Дѣло въ томъ, что для того, чтобы быть внимательнымъ, прилежнымъ и т. д., недостаточно одного приказанія со стороны учителя и доброй воли со стороны учениковъ; для этого нуженъ навыкъ, который пріобрѣтается лишь постепеннымъ упражненіемъ. Чтобы возбудить вниманіе въ ученикахъ, прежде всего необходимо заинтересовать ихъ въ пользу ученія; а можетъ ли ихъ интересовать ученіе, которое начинается вдалбливаніемъ черныхъ фигуръ, называемыхъ буквами и не имѣющихъ ничего общаго съ тѣмъ, что ребенокъ до того видѣлъ и понималъ? Конечно нѣтъ. Ученіе слѣдовательно должно начинаться съ бесѣдъ о томъ, что дѣтямъ знакомо и мило: о домашнемъ ихъ бытѣ, объ играхъ ихъ и т. д.; это уничтожитъ естественную застѣнчивость и робость ихъ, заставитъ ихъ полюбить и школу и учителя, и вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ учителю возможность ближе познакомиться съ учениками и соображаться при ученіи съ ихъ индивидуальностью. Переходя такимъ образомъ отъ ближайшихъ, знакомыхъ дѣтямъ предметовъ, къ болѣе отдаленнымъ, отъ самыхъ предметовъ и дѣйствій къ изображенію ихъ въ картинѣ и въ словѣ, ученики незамѣтно очутятся у грамоты, которая теперь уже для нихъ получитъ значеніе, а слѣдовательно и интересъ.—Вниманіе, какъ всякая другая сила, развивается только постепенно, и сообразно этому закону должно быть упражняемо. Требовать отъ начинающихъ учиться вниманія втеченіе цѣлаго часа такъ же неразумно, какъ и не требовать его вовсе; въ первомъ случаѣ обыкновенно кончается тѣмъ, что дѣти сидятъ смирно и засыпаютъ, если не физически, то умственно, а въ послѣднемъ—предаются шалостямъ. Все, что учитель въ первое время можетъ требовать отъ учениковъ, это вниманія отъ 5 до 10 минутъ, и вниманія напряженнѣйшаго; а затѣмъ долженъ наступать такой же промежутокъ. Чѣмъ же наполнять эти промежутки? Нельзя же дѣтей черезъ каждыя 5 или 10 минутъ предоставлять самимъ себѣ: это во первыхъ разсѣетъ ихъ, а во вторыхъ помѣшаетъ занятіямъ другого, старшаго отдѣленія учениковъ. Во многихъ германскихъ народныхъ училищахъ введены нѣкоторые пріемы, которые въ этомъ отношеніи оказались весьма практичными. Какъ только учитель замѣчаетъ, что вниманіе учениковъ ослабѣваетъ, и нѣкоторые ученики начинаютъ безпокойно пошевеливаться на своихъ мѣстахъ, онъ прерываетъ ученіе и командуетъ: встать! вытянуть руки впередъ! вверхъ! внизъ! въ стороны! правую руку впередъ! лѣвую въ сторону! правую внизъ! руки на бедра! голову направо! налѣво! нагнуть тѣло впередъ! назадъ! плеча вправо! влѣво! и т. д. сѣсть и отдохнуть! Затѣмъ начинается снова ученіе, и ученики, какъ бы наэлектризированные, не спускаютъ глазъ своихъ съ учителя, отвѣты сыплются безъ остановки, и все въ классѣ кипитъ жизнію и дѣятельностію.

Нерѣдко вниманію и порядку въ классѣ мѣшаетъ и то обстоятельство, что ученики не умѣютъ ни взять, ни убрать чего-либо безъ шуму и безъ значительной траты времени. Какъ часто въ классѣ приходится отъ чтенія или вообще отъ умственнаго, устнаго занятія перейти къ письменному. Учитель говоритъ: взять доски и грифель! и безмолвная до того тишина вдругъ прерывается шумомъ, гвалтомъ, бѣготней и разговоромъ; все это продолжается болѣе или менѣе долго, и умолкаетъ только мало по малу. А между тѣмъ письменный урокъ нерѣдко бываетъ продолженіемъ устнаго, и шумъ этотъ является очень не кстати. Вотъ почему за границей принято — въ началѣ заставлять дѣтей дѣлать все по такту. Каждый классъ даже начинается съ этихъ упражненій въ быстромъ исполненіи приказаній. Встать! сѣсть! вынуть доски! положить на столъ! взять книги! и т. д. Все это доводится до того, что наконецъ всякое приказаніе исполняется немедленно и безъ всякаго шума. Дѣтямъ же подобныя упражненія чрезвычайно нравятся. Съ другой стороны мѣры эти приносятъ еще ту пользу, что уничтожаютъ въ зародышѣ всякое нерадѣніе учениковъ: забываніе грифеля, пера, книги и т. п. почти вовсе не встрѣчается.

Прилежаніе дѣтей зависитъ почти совершенно отъ способа преподаванія. Если учитель умѣетъ заинтересовать учениковъ, если онъ не будетъ ораторствовать и заставлять учениковъ быть пассивными слушателями, если онъ будетъ всегда заботиться о томъ, чтобы ученики все показываемое и объясняемое имъ дѣйствительно усвоили и поняли, и если наконецъ — что всего важнѣе — не будетъ задавать имъ уроковъ на домъ, пока не научитъ ихъ работать въ классѣ и не убѣдится, что ученики въ состояніи исполнять задаваемое имъ, если учитель постарается соблюсти хоть сколько-нибудь упомянутыя здѣсь условія: то можно ручаться, что лѣнивый ученикъ у него будетъ рѣдкое, ненормальное явленіе.

О пріученіи дѣтей къ *порядку* я уже говорилъ. Здѣсь замѣчу еще, что весьма полезно вмѣнять ученикамъ въ обязанность смотрѣть за тѣмъ, чтобы ни на столахъ, ни на полу не валялись книги, тетради, сумки, бумажки и т. д. Всякій соръ долженъ быть подбираемъ; каждый ученикъ отвѣчаетъ за свое мѣсто, а старшій за общій порядокъ въ классѣ.

Наконецъ изощреніе внѣшнихъ чувствъ, просвѣтленіе ума и пробужденіе чувства и воли къ добру и истинѣ находятся уже совершенно въ рукахъ учителя. Наглядное обученіе, разумное преподаваніе закона Божія и отечественнаго языка отличныя средства для этого; но объ этомъ мы поговоримъ подробно въ другомъ мѣстѣ. Въ отвѣтъ же на второй вопросъ вашъ скажу только, что кромѣ заповѣдей — какъ вы сами замѣтили — нѣтъ особыхъ *положеній*, которыя бы могли быть усвоены учениками въ короткое время и затѣмъ служить имъ руководствомъ въ жизни. А если бы и существовалъ такой кодексъ житейской мудрости, то усвоеніе его нисколько не умножило бы добродѣтели на бѣломъ свѣтѣ: добро усвоивается не посредствомъ заучиванія правилъ, а посредствомъ фактическаго пріученія къ добрымъ дѣламъ; къ чему дѣти не имѣютъ случая пріучиться дома или въ школѣ, того и не станутъ дѣлать, заучивъ извѣстныя правила. Правда, возбужденіемъ сознанія добра и стремленія къ нему можно предупредить множество пороковъ, но уничтожить вкоренившіяся уже дурныя привычки — нельзя.

На четвертый вопросъ вашъ я могу вамъ только сказать, что для пріобрѣтенія довѣрія крестьянъ необходимо сблизиться съ ними; а какъ начать такое сближеніе, это должно быть вамъ, сельскому жителю, болѣе извѣстно, чѣмъ мнѣ. Думаю однако, что если вы съумѣете показать крестьянамъ, что вы знакомы не только съ буквами и цыфрами, но и съ жизнью, и интересуетесь ихъ житьемъ бытьемъ; если вы вездѣ и всегда будете принимать дѣятельное, безкорыстное участіе во всемъ, что касается блага этихъ простыхъ людей; если вы съумѣете убѣдить ихъ, что уважаете въ нихъ человѣка, — то сближеніе съ ними не представитъ затрудненій. Попробуйте затѣмъ болѣе любознательныхъ изъ крестьянъ вашей деревни пригласить къ себѣ, чтобы побесѣдовать съ ними о земледѣліи. Авось на первый случай явятся два-три

человѣка; а понравится имъ ваша бесѣда, то ихъ скоро наберется и больше, и бесѣды ваши могутъ повторяться еженедѣльно. Мѣстный священникъ много можетъ помочь вамъ въ этомъ отношеніи. Но какъ начать подобныя бесѣды? Очень просто. Возьмите какую-нибудь книгу, написанную для крестьянъ [1]), прочтите имъ главу и потомъ бесѣдуйте съ ними о читанномъ. Русскій крестьянинъ любитъ разумную рѣчь: и слушаетъ охотно, и самъ любитъ поговорить. Когда они привыкнутъ къ этимъ бесѣдамъ, вы можете заговорить и о пользѣ грамотности вообще, о важности посылать дѣтей въ школу и необходимости содѣйствовать учителю въ воспитаніи дѣтей. Будьте увѣрены, что русскій крестьянинъ слишкомъ смышлёнъ, чтобы не понять того, что вы желаете дѣйствовать для его же пользы. «Все это легко сказать — возразите вы — но чрезвычайно трудно исполнить на дѣлѣ; а главное, вознагражденія за всѣ эти труды — никакого!» Такъ; но безъ труда ничто не дается; а вознагражденіе при этомъ большое: всеобщее уваженіе и любовь окружающей васъ среды.

Этими замѣтками позвольте кончить мое письмо, которое вѣроятно не удовлетворитъ васъ какъ отвѣтъ на предложенные вами вопросы, но тѣмъ болѣе, надѣюсь, удовлетворитъ какъ болѣе или менѣе плодотворный матеріалъ для размышленія.

Г-ну О. Гр. . . . му въ К...ѣ.

(О воспитаніи 7-лѣтней дѣвочки и о нескромныхъ вопросахъ, предлагаемыхъ дѣтьми.)

Ваше положеніе м. г., такое необыкновенное, такое затруднительное, что совѣты наши едва ли могутъ значительно помочь вамъ. Быть принуждену двадцати двухъ лѣтъ сдѣлаться воспитателемъ семилѣтней дѣвочки, замѣнить ей отца и мать — воля ваша, тутъ есть надъ чѣмъ призадуматься. Не въ томъ бѣда, что вы еще молоды и неопытны, а въ томъ, что должны воспитывать ребенка, который по лѣтамъ своимъ еще нуждается въ материнскомъ попеченіи, и въ томъ особенно, что этотъ ребенокъ дѣвочка, воспитаніе которой безъ материнской любви, внѣ женской сферы, *нормально* совершено быть не можетъ. Знаніе и опытъ въ дѣлѣ воспитанія можно пріобрѣсти, и мужчина пріобрѣтаетъ ихъ скорѣе и вѣрнѣе женщины; но необходимаго при воспитаніи женскаго такта, всеохраняющаго материнскаго инстинкта, вы ни пріобрѣсти, ни какимъ либо знаніемъ и опытомъ замѣнить не можете. Но предположимъ, что вы отъ природы обладаете качествами, рѣдко встрѣчающимися въ мужчинѣ, т. е. принадлежите къ тѣмъ исключительнымъ личностямъ, которыя, какъ извѣстный педагогъ Фрёбель, съ энергіею мужчины соединяютъ въ себѣ всѣ нѣжныя чувства женщины, и слѣдовательно могли бы замѣнить собою и отца, и мать: то всетаки воспитаніе малютки, внѣ всякой женской среды, не могло бы совершаться нормально. Образованіе человѣка основано преимущественно на подражаніи, и дѣвочка, которая дѣтство свое и юность проводитъ въ мужскомъ обществѣ (а у холостого человѣка можетъ быть только мужское общество), или хоть бы въ обществѣ одного только мужчины, — не можетъ не утратить значительной доли прельщающей насъ женственности, не можетъ не усвоить множества привычекъ, которыя сносны въ мужчинѣ, но несносны въ женщинѣ. Наконецъ есть вещи, которыя дѣвственный слухъ никогда не долженъ слышать изъ устъ мужчины; есть вещи, которыя стыдливыя уста дѣвочки никогда не могутъ довѣрить мужчинѣ, хотя бы этотъ мужчина былъ ея братъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что воспитаніе сестры вашей никакъ не можетъ идти успѣшно, если вы приметесь за него непосредственно и одни, хотя бы у васъ и были, какъ вы говорите, «теоретическія понятія въ этомъ дѣлѣ и выработанныя мышленіемъ убѣжденія касательно воспитанія, даннаго вамъ самимъ», и вы дѣйствительно съумѣли бы «повести дѣло строго логически». Теорія, убѣжденія и логика далеко недостаточные факторы при воспитаніи. Слѣдовательно пер-

---

[1]) Книгъ для народа у насъ весьма мало. Но на первый случай возьмите хоть слѣдующую: Сельскія бесѣды для народнаго чтенія. Изд. 4-е. Г. И Трусова. Спб. 1859. Цѣна 1 р., на перес. за 2 фунта.

вою заботою вашею должно быть — пріискать женщину, которая бы у васъ въ домѣ, подъ вашимъ личнымъ надзоромъ и руководствомъ, согласилась и *могла* принять на себя воспитаніе малютки. Для этого не нужно вовсе, чтобы она обладала большими познаніями и высокимъ умомъ; нужно только, чтобы она была женщина съ сердцемъ, открытаго характера, съ доброй волей и настолько имѣла здравый смыслъ, чтобы понимать и принимать совѣты болѣе опытнаго человѣка, и дѣйствовать по нимъ. Такую женщину найти не трудно; только, конечно, между нашими дюжинными гувернантками вы ея не найдете. Лучше всего взять женщину, которая сама имѣла дѣтей и которой бы сестра ваша могла замѣнить оплакиваемую ею дочь. «Но для этого надобно имѣть средства!» скажете вы. Да, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя. Мы конечно не можемъ представить объ этомъ наши соображенія, такъ какъ вы намъ о средствахъ, которыми вы можете располагать, ничего не сообщили. Какъ бы то ни было, воспитаніе дѣвочки безъ посредства женщины невозможно. «Но не лучше ли въ такомъ случаѣ жениться?» спросите вы быть-можетъ. Едва ли. Надобно родиться въ сорочкѣ, чтобы найти въ одномъ лицѣ и добрую жену, и хорошую воспитательницу *чужого* ребенка. Преслѣдуя двѣ цѣли, рискуешь ни одной не достигнуть.

Обратимся теперь къ высказаннымъ вами мыслямъ о системѣ воспитанія и тревожащимъ васъ сомнѣніямъ.

«Въ основу воспитанія», говорите вы «я кладу *довѣріе* полное, безграничное ребенка къ воспитателю, это conditio sine qua non разумнаго воспитанія». Если принять слово «основа» въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно обыкновенно употребляется въ педагогикѣ, то съ вашимъ положеніемъ трудно согласиться. Класть въ основу воспитанія можно только то, что съ самаго начала находится въ распоряженіи воспитателя, а не то, что должно быть внушено дитяти, пріобрѣтено отъ него. Но я не намѣренъ спорить о словахъ; вы очевидно хотѣли сказать, что главное условіе, отъ котораго зависитъ успѣхъ воспитанія, есть довѣріе дитяти къ воспитателю; это видно и изъ употребленнаго вами за тѣмъ слова «conditio». Съ такимъ положеніемъ нельзя не согласиться, потому что если дитя не довѣряетъ воспитателю, то послѣдній теряетъ всякую возможность слѣдить за внутреннимъ развитіемъ своего питомца, и слѣдовательно не можетъ давать ему надлежащее направленіе. Но вы ошибаетесь, если приписываете «уничтоженіе дѣтскаго довѣрія» единственно той системѣ воспитанія, которая «прячетъ отъ ребенка все неприличное, безнравственное». Откровенность родителей съ дѣтьми есть конечно также немаловажный дѣятель, заставляющій дѣтей быть довѣрчивыми; но дѣятель этотъ не единственный, не главный. Главные дѣятели при этомъ 1) *разумная любовь* родителей къ дѣтямъ, — она-то и должна быть положена въ основу воспитанія, — и 2) правильное *пониманіе природы и потребностей дитяти*, пониманіе зависящее не столько отъ знанія и опыта, сколько отъ врожденнаго воспитательскаго такта и сродства съ наивной дѣтской натурой; — этотъ врожденной тактъ, это сродство мы опять находимъ только въ женщинѣ. Слѣдовательно причину уничтоженія довѣрія въ дѣтяхъ должно искать не въ неоткровенности родителей, а въ равнодушіи свѣтскихъ mamans къ дѣтямъ, въ непониманіи дѣла и въ отсутствіи воспитательскаго инстинкта, который дается природою каждой матери, каждой женщинѣ, но легко уничтожается превратнымъ образованіемъ.

Напрасно также вы думаете, что существуетъ или, по крайней мѣрѣ, существовала «*система* воспитанія, по которой прятали отъ ребенка все неприличное, безнравственное». Система предполагаетъ опредѣленную теорію, а обычай не объяснять дѣтямъ то, что на свѣтскомъ языкѣ называется «неприличнымъ», происходитъ просто отъ невѣжества большей части родителей, т. е. отъ дурного воспитанія, которое они сами получили, и ложнаго взгляда на вещи: они или боятся, что объясненіе, касающееся «извѣстныхъ вещей» повредитъ дѣтямъ въ нравственномъ отношеніи, или же — что гораздо чаще случается — наивный вопросъ дитяти до того озадачиваетъ ихъ, что они и не знаютъ, что отвѣчать. Поэтому, не думая вовсе о послѣдствіяхъ, они и стараются выпутаться, какъ мо-

гутъ, т. е. наговорятъ ребенку чепухи, или же просто разрубаютъ сразу гордіевъ узелъ, и съ бранью и ушедраніемъ угомоняютъ любопытнаго вопрошателя.

Вы слѣдовательно видите: въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго, что «знаменитые педагоги противъ этой системы не возставали гласно»; они возставали и постоянно возстаютъ противъ причины ея — невѣжества. Впрочемъ вы совершенно справедливо утверждаете, что неминуемыми слѣдствіями такого образа дѣйствія при воспитаніи оказывается: 1) что дѣти «отлично узнаютъ отъ другихъ все, что отъ нихъ такъ усердно прятали»; 2) что «понятія ихъ извращаются, такъ какъ они не имѣли естественнаго основанія», и въ 3) что довѣріе дѣтей къ родителямъ (отчасти) уничтожается. Но если это заключеніе и справедливо, то изъ этого все-таки не слѣдуетъ, что необходимо придерживаться образа дѣйствія совершенно противоположнаго, т. е. *все* объяснять, на *все* отвѣчать, о чемъ ребенокъ ни спроситъ, и «объяснять», какъ вы думаете, «его вопросы подъ эгидою науки, довѣрія, нравственности и логики», на томъ только основаніи, что ребенокъ можетъ получить объясненіе отъ другихъ «въ грязной формѣ, рождающей чувственность». Нѣтъ конечно никакого сомнѣнія, что дѣтямъ нужно говорить всегда правду; но есть истины, которыя недоступны дѣтямъ, или знаніе которыхъ преждевременно для нихъ, потому что не примѣнимо еще въ ихъ жизни. А между тѣмъ они случайно могутъ спросить о нихъ. Тутъ остается одно изъ двухъ: или отклонить вопросъ, или же отвѣчать выдумкою, т. е. ложью. Что по вашему мнѣнію лучше? — Неумѣстное объясненіе можетъ имѣть такія же дурныя послѣдствія, какъ и неумѣстное молчаніе. Чтобы еще яснѣе высказать мою мысль, позвольте мнѣ разсмотрѣть одинъ изъ примѣровъ, вами же самими приведенныхъ.

«Восьмилѣтняя дѣвочка спрашиваетъ у матери — какъ родятся люди? Мать называетъ ее дурочкой и отсылаетъ ее отъ себя. Бѣдное дитя, — продолжаете вы — неповинное ни въ чемъ, наказано матерью за вопросъ самый логическій. Но ребенку хочется отвѣта, онъ отправляется къ горничной дѣвушкѣ и предлагаетъ ей этотъ самый вопросъ; горничная или отвѣчаетъ ей небылицами, или объясняетъ ей, но не физіологически и анатомически, а въ грязной формѣ и сальныхъ примѣрахъ.»

Мать конечно поступила дурно, что наказала дочь, потому что послѣдняя рѣшительно не можетъ понять, въ чемъ она провинилась; если подобныя сцены повторятся часто, то ребенокъ долженъ наконецъ придти къ тому убѣжденію, что мать несправедлива къ нему. Ужъ если она хотѣла отклонить вопросъ, то могла бы это сдѣлать кротко. Но оставляя этотъ педагогическій промахъ въ сторонѣ, что, по вашему мнѣнію, мать должна бы была сдѣлать? Отвѣчать правду, объяснять рожденіе человѣка? Какимъ же это образомъ? Анатомически и физіологически? Могла ли бы она это сдѣлать? А если бы могла, то много ли изъ этого поняла бы 8-милѣтняя дѣвочка? А еслибъ и поняла, то какая бы ей отъ этого была польза? Предохранило ли бы ее это знаніе отъ самыхъ разсказовъ горничной? — Но мать могла бы взглянуть на предметъ съ нравственной стороны. А какое нравственное значеніе можетъ имѣть половая дѣятельность для дѣвочки, у которой эта дѣятельность долго еще не разовьется? — Впрочемъ, упомянутая вами мать принадлежитъ къ исключеніямъ; обыкновенно матери и нянюшки на подобный вопросъ дѣтей отвѣчаютъ очень просто: «журавль приноситъ дѣтей», или «изъ земли выростаютъ» или т. п. Хотя такіе отвѣты и далеко не правдоподобны, и можно бы было пріискать болѣе близкія *притчи*, но вредными они ни въ какомъ случаѣ быть не могутъ, потому что дѣти спрашиваютъ объ этомъ часто изъ любопытства и большею частію тогда, когда увидятъ новорожденнаго братца или сестру; получивъ короткій отвѣтъ, они обыкновенно успокоиваются.

Но обратимся къ упомянутой вами въ примѣрѣ горничной. Какія небылицы можетъ она сообщить дитяти? Такія же, какія я назвалъ выше. Они еще не опасны. Что же касается до объясненій въ грязной формѣ и сальнымъ примѣромъ, то я, признаться, не понимаю, какимъ образомъ это можетъ породить чувственность: слова и дѣйствія, непонятныя ребенку,

не могутъ въ немъ возбудить совершенно еще чуждаго ему чувства, если только чувство это не было возбуждено другимъ, болѣе дѣйствительнымъ способомъ. Впрочемъ, зачѣмъ преувеличивать дѣло и клеветать на слугъ? Дѣти весьма часто слышатъ въ кругу взрослыхъ образованныхъ людей гораздо худшія вещи, чѣмъ въ людской; и простая женщина иногда гораздо вѣрнѣе, гораздо разумнѣе отвѣчаетъ на какой нибудь «деликатный вопросъ» ребенка, чѣмъ иной образованный воспитатель. Вотъ вамъ примѣръ.

Одинъ воспитатель на вопросъ: какъ родятся люди? далъ слѣдующее объясненіе:

«Родъ человѣческихъ недѣлимыхъ бываетъ двояко различный: мужской и женскій. Первый одаренъ силою воспроизводительною, а второй — силою воспріятія. Для того чтобы воспроизвести новаго человѣка, они должны бракосочетаться»... и т. д. «Понялъ ли ты меня, мой другъ?» спрашиваетъ онъ наконецъ мальчика. — Нѣтъ, отвѣчаетъ тотъ. «Жаль; а понятнѣе я этого объяснить не умѣю. Значитъ, нужно подождать. Будешь старше, авось тогда поймешь.»

Другой случай:

Одного мальчика ежедневно провожала до дверей школы большая дворовая собака. Дѣти, собиравшіяся тутъ еще до ученія, обыкновенно играли съ нею и давали ей хлѣба, и учитель, возвращаясь съ утренней прогулки, нерѣдко поглаживалъ ее. Однажды мальчикъ приходитъ въ школу безъ собаки; учитель попадается ему на встрѣчу, и спрашиваетъ: а гдѣ же твоя Діанка? «Ахъ, отвѣчаетъ мальчикъ съ сіяющимъ отъ радости лицомъ: «она лежитъ въ конурѣ, и у ней 4 маленькіе щенка. Я спросилъ кухарку нашу, откуда они взялись, и она отвѣчала, что выросли въ животѣ Діанки. Правда ли это?» Учитель смотритъ на наивнаго ребенка и отвѣчаетъ: Совершенная правда, другъ мой. «Какъ же они тамъ растутъ?» — Точно такъ, какъ яйцо растетъ въ животѣ курицы; точно такъ, какъ цвѣтокъ растетъ въ землѣ.

Которое изъ этихъ объясненій лучше: объясненіе перваго изъ упомянутыхъ воспитателей, или кухарки?

Руссо, какъ извѣстно, говоритъ своему Эмилю: on p... les enfants, а рьяные послѣдователи его объясняли весь процесъ утробнаго развитія человѣка научнымъ образомъ. Въ извѣстномъ Филантропинѣ Базедова (въ 1776 г.) спрашивалось объ этомъ даже на экзаменѣ: маленькія дѣвочки объясняли все по картинѣ, на которой была изображена беременная женщина.

Изъ всего сказаннаго можно сдѣлать слѣдующіе выводы.

Отвѣчать на всѣ такъ-называемые нескромные вопросы, предлагаемые дѣтьми, такая же крайность, какъ и не отвѣчать вовсе.

Отвѣтъ долженъ быть сообразенъ возрасту дитяти и всегда болѣе или менѣе соотвѣтствовать истинѣ.

Никакими объясненіями: ни научными, ни нравственными, нельзя предохранить дѣтей отъ чувственности; отъ этого предохраняетъ только: пріученіе къ правильной, разумной дѣятельности, всестороннее укрѣпленіе тѣла, развитіе силы воли и вообще воспитаніе къ самообладанію.

Нескромность въ рѣчахъ происходитъ отъ привычки слышать постоянно бранныя слова и соблазнительные разговоры. Отъ нихъ должно просто предохранять дѣвственный слухъ дитяти. Научныя объясненія, логическіе доводы и нравственныя сентенціи тутъ нисколько не помогаютъ.

Этимъ позвольте кончить мое длинное, но тѣмъ не менѣе отрывочное письмо, и примите увѣреніе во всегдашней готовности отвѣчать вамъ по мѣрѣ силъ и умѣнія на всѣ предлагаемые вами педагогическіе вопросы.

Г-ну домашнему учителю N. N.

(О руководствахъ къ гимнастикѣ.)

Мы едва ли будемъ въ состояніи дать въ этомъ году что-либо по части гимнастики. Гимнастика, по сущности своей, чрезвычайно важна въ воспитаніи, — объ этомъ намъ и напоминать не нужно. Но дѣло въ томъ, что для большинства нашихъ читателей изложеніе элементарныхъ учебныхъ предметовъ нужнѣе. Въ этомъ мы вполнѣ убѣдились. Впрочемъ,

я могу отрекомендовать вамъ довольно порядочное руководство по части гимнастики, а именно:

«Домашняя врачебная гимнастика или описаніе гимнастическихъ движеній, удобоисполнимыхъ безъ снарядовъ и пособія для всякаго возраста и пола и различныхъ частныхъ примѣненій. Соч. Д-ра Шребера. Съ 45 изображеніями. Переводъ съ нѣмецкаго. 2 е изд. Спб. 1860. VI и 120 стр. Цѣна 75 коп., съ пересб. 1 р.

Слово «врачебная» пусть не пугаетъ васъ; гимнастика эта больше педагогическая, нежели врачебная.

Кромѣ того въ распоряженіи редакціи находится еще:

«Тѣлесныя упражненія, какъ элементъ воспитанія». Соч. Ф. Бёмера.

Сочиненіе это являлось отдѣльными статьями въ Журналѣ для Воспитанія за 1857 — 1859 годы, но до сихъ поръ, за болѣзнію автора, не окончено. Тѣмъ не менѣе оно можетъ съ пользою быть употреблено, какъ это видно изъ содержанія, которое я здѣсь сообщаю:

Часть теоретическая:

Глава I: Введеніе. Органическая жизнь въ зависимости отъ движенія. Физіологическіе законы движенія. Психологическое вліяніе на нервную систему. Развитіе и сила. Различные виды послѣдней. Понятіе о ловкости и граціи.

Глава II: Различные виды движеній; раздѣленіе ихъ по цѣли — на обыденныя и гимнастическія, по производящей силѣ — на активныя, пассивныя и полуактивныя. Подраздѣленія науки тѣлесныхъ упражненій. Характеръ и значеніе гимнастическихъ упражненій относительно возраста, темперамента и пола.

Глава III: Тѣлесныя упражненія какъ средство преимущественно врачебное. Въ какихъ болѣзняхъ и почему именно врачебная гимнастика особенно дѣйствительна. Общія правила, касающіяся практики тѣлесныхъ упражненій.

Глава IV: Осанка, хожденіе, бѣганіе и упражненія, сюда относящіяся.

Часть практическая:

Глава I: Вольныя упражненія. Ихъ діететическое и воспитательное значеніе. Первые гимнастическіе уроки. (Съ 30 литографированными рисунками.)

Если между нашими подписчиками появится достаточное число желающихъ пріобрѣсти это неоконченное сочиненіе, то мы рѣшимся пустить его въ продажу. Цѣна этому выпуску будетъ 50 коп., съ перес. 75 к.

Г-ну К. Добр.........му въ Г.....ркѣ.

(Назначается ли нашъ журналъ для дѣтей?)

Журналъ нашъ назначенъ для родителей и воспитателей, а не для дѣтей, и потому мы не можемъ исполнить вашей просьбы, т. е. помѣщать въ немъ дѣтскихъ разсказовъ. Мы даже считаемъ долгомъ покорнѣйше просить васъ не позволять дѣтямъ читать его, а еще менѣе — если они неграмотны — читать имъ въ слухъ все, что тамъ объ нихъ пишется. Популярное изложеніе естественныхъ наукъ тоже вовсе не для дѣтей; статьи эти имѣютъ цѣлью дать родителямъ возможность отвѣчать на предлагаемые дѣтьми вопросы о естественныхъ явленіяхъ, и могутъ служить также матеріаломъ для свободныхъ бесѣдъ съ дѣтьми, но цѣликомъ имъ читаемы быть не могутъ. Дѣлать опыты химическіе также не совѣтуемъ, если вы сами не вполнѣ свѣдущи въ этомъ дѣлѣ. Другое дѣло, если въ вашемъ городѣ есть аптека; аптекарь можетъ вамъ значительно помочь въ этомъ и снабдить необходимыми матеріалами. Впрочемъ, если дѣти ваши еще малы, то подобные опыты имъ мало принесутъ пользы; они покажутся имъ весьма забавными, интересными фокусами, въ сущности же останутся для нихъ непонятными. Все должно давать въ свое время.

Г-ну И. А. . . . въ Др.

(О превратномъ толкованіи заповѣди: «Помни день субботній».)

Редакція прислала мнѣ написанный вами для дѣтей разсказецъ: «Помни день субботній», съ просьбою разобрать нравственное его содержаніе. Исполняю прось-

бу редакціи съ тѣмъ большею готовностію, что разсказъ вашъ представляетъ объясненіе заповѣди весьма одностороннее и слѣдовательно ведущее къ неправильнымъ заключеніямъ и къ неправильной дѣятельности, а между тѣмъ оно сильно распространено у насъ въ Россіи, особенно въ простомъ народѣ. Для лучшаго разсмотрѣнія позвольте мнѣ его представить читателямъ въ цѣлости.

«Въ одномъ селеніи было благочестивое семейство, которое не имѣло обыкновенія работать въ праздники, а занималось чтеніемъ угодниковъ Божіихъ или какими нибудь дѣлами благочестія. Настал день Казанской Божіей матери и утро этого дня не обѣщало погоды. Послѣ Литургіи въ означенный Праздникъ дѣйствительно поднялся вѣтеръ и на небѣ начало, какъ у насъ говорятъ, замолаживать(ся). Хозяинъ благочестиваго семейства очень безпокоился насчетъ сѣна, которое, лежа въ рядахъ, уже готово было къ копленію *его*. Старшій сынъ хозяина, чтобы угодить отцу (,) никакъ не хотѣлъ, чтобы сѣно замокло; младшій же сынъ домохозяина полагался *на* этомъ на Господа Бога, который творитъ съ нами что и какъ Ему угодно. Старушка, мать ихъ, упросила наконецъ, чтобы два сына ея шли поспѣшно копить сѣно. Старшій сынъ ея этого давно желалъ; младшій же противъ желанія пошелъ въ поле, сознавая притомъ, что большой грѣхъ ослушаться родителей. Туча шла прямо на работниковъ; и лишь только они кончили копленіе сѣна, мѣлкій градъ началъ падать на землю. Братья-работники, чтобы спастись отъ дождя, пустились скорымъ шагомъ домой, а путь имъ лежалъ версты на двѣ. Вдругъ, среди дороги, взошла на нихъ страшная туча и, разразившись надъ ними громомъ, вырвала грабли у младшаго брата, который бѣжалъ позади старшаго; бросивъ ихъ силою удара прямо въ високъ старшаго, повергла замертво его на землю. Младшій же, ошеломленный только ударомъ, полежавъ на землѣ съ 1/4 часа, всталъ и пошелъ домой объявить родителямъ о смерти ихъ сына—а своего брата. Александра — такъ звали убитаго(—) взяли на полѣ мертвецомъ и похоронили, а Николай (имя младшаго) написалъ на памятникѣ 4-ю заповѣдь. Старушка, мать убитаго громомъ, сокрушаясь о смерти милаго сына (,) заболѣла и скоро безъ покаянья умерла.»

Изъ этого разсказа вытекаетъ прямое слѣдствіе, что въ праздникъ непозволителенъ никакой *трудъ*, никакая *работа*, по какому бы *побужденію*, для какой бы *цѣли* эта работа ни совершалась, какая бы *крайняя нужда* ни заставила человѣка работать. Всякая работа будетъ нарушеніемъ четвертой заповѣди, грѣхомъ и притомъ такимъ грѣхомъ, который подвергнетъ человѣка страшному наказанію.

Но такое пониманіе заповѣди отзывается фарисействомъ. И фарисеи признавали всякую работу, всякій трудъ въ субботу дѣломъ беззаконнымъ, и вслѣдствіе такого пониманія заповѣди возстали противъ Христа Спасителя, за то, что Онъ въ субботу исцѣлилъ разслабленнаго при купели овчей, за то, что Онъ дѣлалъ это въ субботу, провозгласили Его нарушителемъ субботы. Если и мы примемъ это пониманіе, то также пойдемъ противъ Христа и, почивъ на богомольи, позабудемъ о дѣятельности по закону любви. Какъ христіане мы должны дѣйствовать въ праздники такъ, какъ дѣйствовалъ Христосъ; должны понимать священіе праздника, какъ Христосъ научилъ насъ понимать.

И Христосъ приходилъ на праздникъ въ синагогу и храмъ, слушалъ и читалъ здѣсь слово Божіе, но и въ синагогахъ и въ храмѣ и за стѣнами ихъ училъ, исцѣлялъ, утѣшалъ, трудился, работалъ на спасеніе людей, помогалъ вездѣ, гдѣ чувствовали нужду въ его помощи. Этими дѣйствіями Своими Онъ показалъ, что трудъ, посвящаемый на помощь, на спасенье человѣка, есть дѣло праздничное. *Кто изъ васъ*, говорилъ Онъ, *имѣя одну овцу, если она въ субботу упадетъ въ яму, не возьметъ ее и не вытащитъ? Сколько же лучше человѣкъ овцы! И такъ можно въ субботы дѣлать добро.*

Утверждаясь на этомъ ученіи Христа Спасителя, мы въ самомъ разсказѣ вашемъ находимъ черты, служащія къ оправданію старшаго сына. Онъ пошелъ въ праздникъ копить сѣно изъ желанія сдѣлать угодное своему отцу, освободить его отъ безпокойства, освободить

его отъ чувствительной потери, помочь ему, сдѣлать ему добро; сдѣлалъ также, какъ бросился бы въ воду, чтобы спасти человѣка утопающаго, какъ вытащилъ бы овцу, упавшую въ яму. По вашему разсказу, онъ не долженъ былъ идти на работу и при такомъ побужденіи, не долженъ былъ работать и тогда, когда своею работою могъ предотвратить несчастіе, горе своего отца. Но въ такомъ случаѣ онъ не имѣлъ, значитъ, права сдѣлать никакого добраго дѣла въ субботу, такъ какъ всякое дѣло соединено непремѣнно съ какимъ-нибудь трудомъ. Представьте себѣ этого же человѣка въ нѣсколько другомъ положеніи. Онъ знаетъ, что сосѣдъ его, человѣкъ бѣдный, недавно скосилъ траву. Въ сѣнѣ для бѣдняка большая подпора въ жизни. Наступаетъ праздникъ, все предвѣщаетъ сильный дождь. Сѣно бѣдняка можетъ погибнуть, но есть еще возможность спасти его и спасти бѣдняка отъ страшнаго для него несчастія. Что дѣлать? Бѣжать ли копить сѣно, или просидѣть дома и воздыхать о несчастіи бѣдняка-сосѣда? По вашему разсказу—просидѣть дома.

Вы возразите, что старшій сынъ работалъ въ этомъ случаѣ не для другого, а для себя, изъ своекорыстныхъ разсчетовъ, такъ какъ имѣніе отца принадлежитъ и сыну. Но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что если отецъ *очень безпокоился* о сѣнѣ, значитъ сѣно было *очень нужно*, слѣдовательно *очень нужно* было спасти его, и слѣдовательно сына побуждала копить сѣно въ праздникъ настоятельная нужда. Имѣетъ ли христіанинъ право сдѣлать какую-либо работу въ праздникъ, если къ этой работѣ понуждаетъ его настоятельная нужда, крайняя необходимость? Въ жизни I. Христа мы встрѣчаемъ два случая, рѣшающіе этотъ вопросъ. Въ одну субботу входитъ Онъ въ Виѳезду, видитъ тамъ разслабленнаго и исцѣляетъ его. Что теперь долженъ дѣлать исцѣленный? Оставаться въ домѣ милосердія, который призрѣвалъ его въ продолженіе 38-ми лѣтъ и здоровому занимать мѣсто больного? Да это грѣхъ. Идти? Для этого нужно очистить мѣсто, нужно взять постель; а нести постель въ субботу тоже грѣхъ. Спаситель рѣшаетъ недоумѣніе разслабленнаго, если только это недоумѣніе было: *встань, возьми постель свою и ходи*. Исцѣленный понесъ постель въ субботу, и унесъ ее, не смотря на запрещеніе своихъ наставниковъ: «*Кто меня исцѣлилъ, Тотъ мнѣ сказалъ: возьми постель свою и ходи*». Такъ настоятельная нужда заставила исцѣленнаго работать въ субботу, и эту работу онъ сдѣлалъ съ разрѣшенія Христа Спасителя. Другой случай: въ субботній день Іисусъ шелъ съ учениками чрезъ засѣянныя поля. Ученики его почувствовали голодъ. Законъ не запрещалъ утолять голодъ, и вотъ ученики начали срывать колосья, растирать ихъ между руками и ѣсть. Растирать колосья то же, что молотить. Значитъ ученики Іисуса, чтобъ утолить свой голодъ, принуждены были молотить, работать въ субботу. Христосъ не обличилъ ихъ въ грѣхѣ и на замѣчаніе фарисеевъ: «*вотъ ученики твои дѣлаютъ, чего не должно дѣлать въ субботу, отвѣчалъ: если бы вы знали, что значитъ: милости хочу, а не жертвы, то не осудили бы невиновныхъ. Суббота для человѣка, а не человѣкъ для субботы*. Слѣдовательно Христосъ призналъ поступокъ учениковъ своихъ законнымъ, призналъ, что работа совершается въ праздникъ по нуждѣ, есть дѣло законное. Помня слова Христовы, посмотрите на поступокъ старшаго сына въ вашемъ разсказѣ. Сѣно можетъ погибнуть; семьѣ грозитъ несчастіе. Отецъ объ этомъ безпокоится; съ увеличеніемъ тучи увеличивается и страхъ. Въ душѣ всѣхъ нѣтъ радости, нѣтъ *праздника*. Если сѣно погибнетъ, то и праздникъ для всей семьи будетъ не въ праздникъ, сдѣлается днемъ несчастія. Старшій сынъ хочетъ спасти семью отъ тяжелой потери, отъ несчастія, хочетъ спасти радость праздника, хочетъ идти копить сѣно. Просьба матери рѣшаетъ его недоумѣніе, и онъ идетъ работать, вынуждаемый необходимостію спасти сѣно. То же самое мы должны сказать о поступкѣ матери. Забота ея о сѣнѣ чѣмъ хуже заботы о пирогахъ? На Руси же часто случается, что хозяйка нейдетъ даже къ литургіи, боясь, чтобы въ ея отсутствіе не подгорѣли пироги; а между тѣмъ никто и не думаетъ за

это обвинять хозяйку: «дѣло вѣдь хозяйское».

Разсказъ вашъ несправедливъ и въ распредѣленіи наказанія лицъ, въ него входящихъ. Старшій сынъ убитъ громомъ за то, что пошелъ копить сѣно въ праздникъ; мать, уговорившая сыновей идти, пораженная смертію старшаго сына, умираетъ *безъ покаянія*. Наказаніе страшное, въ которомъ за грознымъ Отмстителемъ грѣха теряется совершенно Отецъ милосердія. Если Господь такъ строго наказываетъ за работу, произведенную въ праздникъ по крайней нуждѣ, то какъ же Онъ долженъ будетъ наказать за нарушеніе главныхъ началъ Своего благодатнаго Царства, за подлости и низости всѣхъ родовъ, за обманы, за такъ называемыя *невинныя шалости* молодого человѣка? Притомъ наказаны только двое; значитъ и виноватыхъ только двое. А развѣ правъ отецъ, который *очень безпокоится* о сѣнѣ, и тѣмъ показываетъ малодушіе и отсутствіе преданности въ волю Божію, той преданности, какую выказалъ младшій его сынъ? Развѣ правъ отецъ, который своимъ безпокойствомъ заставилъ старшаго сына нарушить заповѣдь Божію и не удержалъ его отъ этого нарушенія? Вѣдь онъ подставлялъ подъ наказаніе вмѣсто себя своего сына! А развѣ правъ младшій сынъ, считающій преступленіемъ копить въ праздникъ сѣно, которому грозитъ гибель, и, по просьбѣ матери, идущій совершить грѣхъ, съ полнымъ сознаніемъ, что онъ дѣлаетъ грѣхъ? И однако они оба остаются безнаказанными.

Нѣтъ, христіанское провожденіе праздниковъ состоитъ въ дѣланіи *всего святого*, какъ бы *трудно* ни было это дѣланіе, какъ бы много оно ни заставило человѣка работать, — дѣланіе всего святого и по отношенію къ другимъ, и по отношенію къ себѣ. Всѣ труды и заботы жизни обыденной, мѣшающія этому святому дѣланію, должны быть отложены: для нихъ назначено шесть дней. Но если они не могутъ быть отложены безъ несчастія для другихъ, или для себя, то — *суббота для человѣка, а не человѣкъ для субботы*. Такъ понимали заповѣдь и въ Ветхомъ завѣтѣ; такъ и исполняли ее. Іисусъ Христосъ говорилъ въ обличеніе фарисеевъ: «*развѣ вы не читали, что сдѣлалъ Давидъ, когда взалкалъ Самъ и бывшіе съ нимъ? Какъ онъ вошелъ въ домъ Божій, и ѣлъ хлѣбы предложенія, которыхъ не должно бы ѣсть ни ему, ни бывшимъ съ нимъ, а только однимъ священникамъ? Или не читали вы въ законѣ, что въ субботы священники въ храмѣ нарушаютъ субботу, однако не виновны?*» Припомните при этомъ законъ Іуды Маккавея, разрѣшающій іудеямъ вступать въ сраженіе и въ субботу, когда непріятель дѣлаетъ нападеніе.

Изъ вымышленнаго вами разсказа нельзя вывести такого объясненія четвертой заповѣди, между тѣмъ какъ оно ясно вытекаетъ изъ различныхъ событій Священной исторіи. И намъ страннымъ показалось, что вы въ этомъ случаѣ не обратились къ библейскимъ разсказамъ. Для подтвержденія истины, и факты должны быть истинные.

Свящ. Д. Соколовъ.

Г-жѣ Б. М. въ Елисаветградъ.

(Программа для поступленія въ женскую гимназію.)

Печатной «програмы для поступленія въ женскую гимназію» не существуетъ; но вотъ что намъ сообщили о требованіяхъ отъ поступающихъ во второй и третій классы, и о томъ, какія въ нихъ употребляются руководства.

Для втораго класса требуется:

1) *По закону Божію:* Знаніе молитвъ изъ «Сокращеннаго Молитвослова» [1]).

2) *По русскому языку:* Умѣніе читать и писать, и знаніе наизустъ нѣсколькихъ стихотвореній. Книга, употребляемая для чтенія: Другъ дѣтей, Максимовича. Стоитъ съ перес. 75 коп.

3) *По ариѳметикѣ:* Знаніе нумераціи и 4 основныхъ дѣйствій надъ простыми цѣлыми числами.

4) *По французскому языку:* Умѣніе читать и переводить изъ книги Марго: Cours élémentaire et progressif de langue

[1]) Цѣна молитвослову съ пересылкою 50 к.

française, par D. Margot вѣроятно до § 65, deuxième section). Ц. 1 р. 20 к.

Для третьяго класса:

1) *По закону Божію:* Знаніе ветхаго завѣта вкратцѣ, по руководству Рудакова (Ц. 1 р.).

2) *По русскому языку:* Умѣніе писать безъ грубыхъ орфографическихъ ошибокъ, умѣніе разсказывать прочитанное, знаніе наизусть стихотвореній. Книга употребляемая — тотъ же другъ дѣтей.

3) *По ариѳметикѣ:* Знаніе тѣхъ же 4 правилъ, но съ рѣшеніемъ относящихся къ нимъ задачъ, раздробленіе и превращеніе: умѣніе рѣшать задачи въ умѣ.

4) *По географіи:* Знаніе того, что содержится въ «Приготовительномъ курсѣ» Д. Семенова.

5) *По французскому языку:* Умѣніе переводить изъ упомянутой выше книги Марго (вѣроятно не далѣе § 122); спряженіе глаголовъ (вѣроятно правильныхъ только).

6) *По нѣмецкому языку:* Умѣніе читать и переводить изъ книги Фишера: Elementarlehrbuch der deutschen Sprache für die russische Jngend von A. Fischer, Erster Cursus. 65 стр. Ц. 60 к.

Г-жѣ М. М. . . . . въ Москвѣ.

(О руководствахъ къ географіи.)

Съ величайшимъ удовольствіемъ исполняемъ желаніе ваше. Изъ иностранныхъ руководствъ по географіи, какъ намъ кажется, лучше всего можетъ удовлетворить вашимъ потребностямъ слѣдующее: Esquisse d'une nouvelle Géographie physique, destinée à interesser la jeunesse à l'étude de cette science à l'aide de l'histoire naturelle d'animaux, de minéraux, de plantes utiles, etc. et d'un grand nombre de gravures intercalées dans le texte. Par A. Vulliet. Deuxième édition, revue et augmentée, Paris. 1855. (Теперь кажется есть уже и третье изданіе).

Изъ трехъ томиковъ этого сочиненія вы можете вполнѣ почерпнуть все то, что вамъ нужно для дальнѣйшаго сообщенія воспитаннику вашему. Первый томъ содержитъ въ себѣ, кромѣ введенія, дающаго нѣкоторое понятіе о планетной системѣ, — довольно подробное описаніе морей и материковъ, именно то, чего вы преимущественно желаете. Второй и третій томы содержатъ описаніе отдѣльныхъ странъ стараго и новаго свѣтовъ. Изложеніе чрезвычайно просто и интересно; авторъ касается всего, что только есть замѣчательнаго въ какой-либо странѣ.

Если же вы желаете имѣть нѣчто подобное и на нѣмецкомъ языкѣ, то мы рекомендуемъ:

Praktische Erdkunde mit Illustrationen. Von I. I. Egli. St. Gallen, 1860. 277 стр.

Это сочиненіе, впрочемъ, имѣетъ уже болѣе характеръ обыкновеннаго учебника, съ тою только разницею, что въ немъ нѣтъ сухой номенклатуры.

Всѣ иностранныя руководства по географіи, какъ бы хороши они ни были, имѣютъ однако одинъ большой недостатокъ, по крайней мѣрѣ для насъ, русскихъ: въ нихъ нѣтъ почти вовсе свѣдѣній о Россіи, а если и есть, то большею частію совершенно невѣрныя. Поэтому вамъ конечно нельзя обойтись безъ русскаго руководства; съ этою цѣлью вѣроятно вы и просите насъ назвать «тотъ изъ русскихъ учебниковъ, который по нашему мнѣнію менѣе дуренъ въ сравненіи съ другими». Въ послѣднее время у насъ появилось нѣсколько очень порядочныхъ книгъ по географіи; но такъ какъ онѣ составлены по иностраннымъ руководствамъ, то въ нихъ большею частію также нѣтъ ничего о нашемъ отечествѣ. Къ такимъ книгамъ именно принадлежатъ слѣдующія двѣ:

1) Природа и люди. Курсъ географіи, содержащій описаніе частей свѣта въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Спб. 1860. 2 тома: Океанія, Австралія и Африка.

2) Учебная книга географіи. Составилъ В. Вержбиловичъ. Спб. 1860. 4 тетради: 1. Введеніе. 2. Европа. 3. Австралія и Полинезія. 4. Скандинавскій міръ.

Для дѣтей младшаго возраста можно особенно рекомендовать еще: Уроки географіи. Приготовительный курсъ. Выпускъ I, съ 4 рисунками. Составилъ Д. Семеновъ. Спб. Цѣна 35 к.

Записному педагогу въ Чистополѣ.

(Объ учебникахъ нѣмецкаго языка.)

Вы желаете знать, существуетъ ли у насъ руководство къ изученію нѣмецкаго языка, составленное по методѣ близкой къ методѣ Кюнера?

Едва ли; по крайней мѣрѣ мнѣ до сихъ не случалось слышать о такой книгѣ. Я впрочемъ не понимаю, почему вы желаете имѣть учебникъ *нѣмецкаго языка* по Кюнеру именно; вѣдь это во всякомъ случаѣ будетъ плохой учебникъ. Не говоря уже о томъ, что латинская грамматика Кюнера теперь уже далеко не лучшее руководство, легко понять, что способъ преподаванія древнихъ, мертвыхъ языковъ, въ которыхъ все установилось, все можетъ быть подведено подъ опредѣленныя правила, и способъ преподаванія новѣйшихъ, живыхъ языковъ, не могутъ быть одинаковы, по крайней мѣрѣ въ началѣ; вѣдь тѣ и другіе языки изучаются далеко не по одинаковой причинѣ и не съ одинаковою (матеріальною) цѣлью. Если наши учебники новѣйшихъ языковъ вообще плохи, то именно потому, что составлены большею частію по образцу латинскихъ; если преподаваніе этихъ языковъ въ нашихъ училищахъ остается безъ результата, то именно потому, что у насъ на первомъ планѣ грамматика, правила, формы языка, а самый языкъ является только въ видѣ примѣровъ къ даннымъ правиламъ и формамъ.... Но извините: я не имѣю возможности войти тутъ въ подробное разсужденіе объ этомъ вопросѣ; а вы нуждаетесь въ руководствѣ къ изученію нѣмецкаго языка. Такъ позвольте вамъ рекомендовать слѣдующія двѣ книги. Впрочемъ первую я собственно не рекомендую, а называю только потому, что вы желаете имѣть нѣчто въ родѣ Кюнера.

Deutsche Beispiel-Grammatik in einer Reihenfolge systematisch geordneter Uebungs-Aufgaben, für die Mittelklassen œffentlicher Lehranstalten. Von A. Caspari, — или по русскому заглавію: Практическая грамматика въ примѣрахъ, для среднихъ классовъ гимназіи. Соч. А. Каспари. 1859 г. Стран. XII и 234 въ 8-ую долю. Цѣна 85 коп., съ пересылкою 1 р. 20 к. Продается у книгопродавца М. Арльта въ Москвѣ, на Кузнецкомъ мосту, въ домѣ князя Голицына.

Содержаніе этой книги слѣдующее: Исчисленіе частей рѣчи. Терминологія нѣмецкаго предложенія. Буквы. Слоги. Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе отдѣльныхъ частей рѣчи въ обыкновенномъ порядкѣ, начиная съ *члена* и оканчивая *междометіемъ*.

Текстъ исключительно на нѣмецкомъ языкѣ, но термины всѣ переведены, то есть къ каждому нѣмецкому термину прибавлено въ скобкахъ соотвѣтствующее русское названіе. Въ концѣ каждаго параграфа приложены вопросы для повторенія (на нѣмецкомъ же языкѣ) и задачи для перевода съ нѣмецкаго языка на русскій, и обратно. Въ концѣ книги находятся нѣсколько образцовъ грамматическаго разбора и словарь (т. е. вокабулы) къ задачамъ.

Но гораздо лучшее пособіе для изученія нѣмецкаго языка есть слѣдующій недавно вышедшій

«Практическій курсъ грамматики нѣмецкаго языка по методѣ Оллендорфа. Сост. А. Геннингъ. Спб. 1860. 327 стр. въ 12-ю долю. Цѣна 90 к., съ перес. 1 р. 25 к.» (Продается у всѣхъ извѣст. книгопродавцевъ въ Спб.).

Въ началѣ идутъ нѣмецкія рукописныя и печатныя буквы съ краткимъ указаніемъ ихъ произношенія; а затѣмъ слѣдуютъ практическіе уроки и задачи для перевода съ русскаго языка на нѣмецкій. Уроковъ въ книгѣ 105, а задачъ 212; первые, которые вообще не длинны, содержатъ въ себѣ правила, множество примѣровъ съ русскимъ переводомъ, и вокабулы; а послѣдніе — предложенія на русскомъ языкѣ въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Грамматики въ системѣ нѣтъ вовсе. Словомъ, книга весьма практическая. Жаль только, что г. Геннингъ не только не съумѣлъ устранить недостатки, бывшіе въ оригиналѣ, т. е. въ руководствѣ Оллендорфа, написанномъ для англичанъ и французовъ, но и самъ надѣлалъ много промаховъ. Одинъ изъ величайшихъ недостатковъ этой книги состоитъ въ томъ, что въ задачахъ очень много нелѣпыхъ фразъ, которыя никогда въ жизни не употребляются и способны только возбуждать смѣхъ дѣтей. Всѣ та-

кія фразы слѣдовало бы исключить и замѣнить другими. Затѣмъ слѣдовало бы совершенно передѣлать руководство, т. е. примѣнить его къ преподаванію для русскаго юношества, а не переводить цѣликомъ книгу, которая была написана для англичанъ или для французовъ. Наконецъ г. Геннингъ долженъ бы былъ обратиться къ кому-нибудь изъ товарищей своихъ, который немного лучше его знаетъ русскій языкъ; тогда бы не встрѣчались подобнаго рода переводы:

Haben Sie den Hut? Есть ли у насъ шляпа?

Haben Sie einen Spiegel? Зеркало ли у васъ?

Слѣдуетъ, совершенно на оборотъ, первое предложеніе перевести чрезъ «у васъ ли», а послѣднее чрезъ «есть ли у васъ».

Но не смотря на эти недостатки и множество другихъ, на которые я при подробномъ разборѣ книги не премину указать, книга эта все-таки должна быть признана лучшимъ у насъ руководствомъ къ первоначальному изученію нѣмецкаго языка, и въ рукахъ дѣльнаго учителя принесетъ большую пользу.

Г-ну Э. З. Дук.....му въ Чиг.....ѣ.

(О руководствѣ русскаго языка для евреевъ.)

Весьма сожалѣемъ, что не можемъ исполнить вашего желанія. Грамматики, въ которой бы подробно говорилось о слогоудареніи въ русскихъ словахъ, не существуетъ, какъ не существуетъ и спеціальнаго сочиненія объ этомъ предметѣ. Вообще эта часть у насъ еще вовсе не разработана. Русско-еврейскаго словаря, сколько намъ извѣстно, также нѣтъ; есть только словарь «Еврейско-Россійско Нѣмецкій», составленный Германомъ и изданный въ 1835 году въ Вильнѣ. Объ устройствѣ этого словаря мы вамъ ничего не можемъ сказать, не знаемъ даже, находится ли онъ еще въ продажѣ.

Вамъ остается одно: пріобрѣсти для руководимыхъ вами молодыхъ евреевъ книгу для чтенія, въ которой на каждомъ двухсложномъ и многосложномъ словѣ означено удареніе. Такая, удареніями снабженная, книга есть, между прочимъ: «Русская Хрестоматія для употребленія въ училищахъ прибалтійскихъ губерній, составленная С. Шафрановымъ и И. Николичемъ.» Часть первая: проза. Ревель. 290 стран. въ 2 столбца. Продается она у книгопродавца Шмицдорфа, на Невскомъ проспектѣ, въ д. Боссе. Цѣна ей 1 р. безъ пересылки.

Г-ну А. Б—ку въ Спб.

(Объ учебникахъ всеобщей исторіи.)

Рекомендуемъ вамъ по части исторіи:

«Краткій учебникъ всеобщей исторіи. Соч. Д-ра Георга Вебера. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Соколова. Москва 1860 и 1861 г.» 3 книги, 665 стр. Цѣна 1-ой и 2-ой книгѣ по 60 к.; а 3-ей 1 р. 50 к.

Въ дополненіе къ этому учебнику, какъ руководство для учителя, можно рекомендовать:

«Курсъ всеобщей исторія Доктора Георга Вебера». Переводъ Е. и В. Корша. Москва 1860. 10 выпусковъ.

СМѢСЬ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Хотя мы и обѣщали не помѣщать въ журналѣ нашемъ статей и замѣтокъ, имѣющихъ обличительный характеръ, но нѣтъ правила безъ исключеній: иногда въ педагогическомъ мірѣ совершаются злоупотребленія до того вопіющія, что молчать о нихъ нѣтъ никакой возможности.

Извѣстно всѣмъ, что нѣкоторые предметы школьнаго образованія какъ-то съ давнихъ поръ довольно часто попадались въ руки шарлатановъ и дѣлались средствами безстыдныхъ денежныхъ спекуляцій. Къ такимъ предметамъ принадлежатъ *иностранные языки*, *рисованіе* и особенно *калиграфія*, которая эксплуатируется большею частію бывшими литографами и конторщиками. Кто не встрѣчалъ по временамъ, въ газетахъ объявленія объ открытіи публичныхъ курсовъ, въ которыхъ можно научиться любому иностранному языку въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, или о томъ, что такой-то пріѣзжій калиграфъ берется исправить самый дурной почеркъ въ какіе нибудь 6 уроковъ? — Такое промышленничество упомянутыми учебными предметами и подобными имъ, безъ сомнѣнія, вредно, какъ всякій обманъ; но оно по крайней мѣрѣ безопасно въ педагогическомъ отношеніи: ибо, во первыхъ, расчитано большею частію не на дѣтей, а на взрослыхъ простачковъ, которые, не научась обѣщанному, научатся по крайней мѣрѣ быть болѣе осторожными и впредь не вдаваться въ обманъ; во вторыхъ же, самые предметы не могутъ быть обращены во вредъ учащемуся.

Но между образовательными предметами есть такіе, которые дѣйствуютъ болѣе или менѣе на все существо человѣка, которые ни въ какомъ случаѣ не относятся нейтрально къ учащемуся: смотря по примѣненію, они принесутъ или положительную пользу, или положительный вредъ. Ясно, что въ рукахъ шарлатановъ и денежныхъ спекулянторовъ такіе сильно вліятельные предметы могутъ сдѣлаться страшными орудіями, особенно если они, по новизнѣ своей, мало знакомы публикѣ и будутъ направлены преимущественно на дѣтей. Отъ злоупотребленія такого именно предмета мы хотимъ предостеречь родителей, наставниковъ и всѣхъ, до кого оно можетъ коснуться.

Съ весьма недавняго только времени у насъ стали понимать необходимость *всесторонняго* образованія, т. е. что необходимо развивать дѣтей не только духовно, но и физически, что духовное развитіе безъ физическаго въ этой жизни не имѣетъ прочнаго основанія. Главное, а въ школѣ и единственное средство къ физическому развитію — есть гимнастика; ибо только правильно распредѣленными тѣлодвиженіями можно уничтожить тотъ вредъ, который неизбѣжно причиняется дѣтскому организму продолжительнымъ сидѣніемъ на одномъ мѣстѣ и частымъ умственнымъ напряженіемъ; только ими можно закалить тѣло противъ болѣзней и пороковъ и вообще сдѣлать его послушнымъ орудіемъ воли. Но дѣло это у насъ еще совершенно ново; теорія такъ называемой научной или раціональной гимнастики большинству нашихъ педагоговъ совершенно незнакома; они слѣдовательно судятъ объ ней только по тому, что видѣли на практикѣ. Но одни видѣли ее въ одной формѣ, другіе въ другой; однимъ она понравилась и показалась полезною, другимъ вредною, а можетъ-быть и опасною. И дѣйствительно, нѣтъ никакого сомнѣнія, что тѣмъ же самымъ средствомъ, которое дѣйствуетъ такъ благодѣтельно на физическое развитіе дѣтей, можно сдѣлать человѣка на всю жизнь — *калѣкою*. Вотъ почему гимнастика нашла себѣ столько же рьяныхъ противниковъ, какъ горячихъ поборниковъ; вотъ почему она у насъ и введена пока еще въ весьма немногихъ училищахъ.

Понятно, что въ такой критическій моментъ, когда общественное мнѣніе насчетъ гимнастики нисколько еще не установилось, когда большинство воспитате

лей имѣетъ еще весьма смутное о ней понятіе, всякое злоупотребленіе ея, всякое шарлатанство ею не только будетъ вредно отдѣльнымъ личностямъ, но и можетъ совершенно и навсегда уронить все дѣло.

Принадлежа къ поборникамъ раціональной гимнастики, мы поэтому не можемъ умолчать о томъ, что нѣкоторые chevaliers d'industrie, почуя всю выгоду, которую можно извлечь изъ пробудившагося въ публикѣ интереса къ гимнастикѣ и невѣдѣнія ея, начали эксплуатировать эту часть самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Такъ, между прочими, какой-то нѣмецкій турнеръ, по имени Ш—ъ, уже нѣсколько лѣтъ (не знаемъ сколько именно) разъѣзжаетъ по Россіи и, останавливаясь въ городахъ, гдѣ есть училища, открываетъ въ нихъ *полный курсъ гимнастики*, состоящій изъ 20 уроковъ и оканчивающійся въ 5—6 недѣль. Нынѣ этотъ господинъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ надѣется продолжать свою дѣятельность въ болѣе обширныхъ размѣрахъ и достигнуть блистательныхъ результатовъ. И судя по началу, можно предположить, что надежды его вполнѣ сбудутся, такъ какъ нѣкоторыя учебныя заведенія, прельстясь вѣроятно обѣщаніемъ, что дѣти *выучатся гимнастикѣ въ 20 уроковъ*, позволили ему уже открыть у себя курсъ гимнастики. Очень можетъ быть, что этому примѣру послѣдуютъ еще другія училища, которыхъ у насъ въ Петербургѣ, слава Богу, не мало. Стало быть успѣхъ несомнѣненъ, тѣмъ болѣе что г. Ш—ъ, какъ мастеръ своего дѣла, умѣетъ вполнѣ соображаться съ условіями мѣстности: въ провинціальномъ городѣ, гдѣ много-что два-три училища, долго оставаться невыгодно, и потому курсъ кончается въ полтора мѣсяца, въ Петербургѣ же училищъ пропасть, поэтому тѣ же 20 уроковъ растягиваются на 20 недѣль. Положимъ теперь, что г. Ш—ъ успѣлъ забрать въ руки только 10 училищъ, и въ каждомъ училищѣ 50 учениковъ принимаютъ участіе въ гимнастическихъ упражненіяхъ (замѣтьте, что мы принимаемъ minimum вѣроятнаго числа, какъ училищъ, такъ и учениковъ), то и оказывается, что каждый курсъ, считая по 5 р. съ ученика, дастъ 250 р., а всѣ вмѣстѣ 2,500 р. Результатъ очень блистательный, особенно за 200 часовъ весьма незамысловатой и нетрудной работы! А каковы будутъ результаты для учениковъ? Также блистательны, въ чемъ можно будетъ удостовѣриться на экзаменѣ, который г. Ш—ъ произведетъ по окончаніи курса: большая часть дѣтей окажутся маленькими акробатами и силачами. Но въ этихъ-то мнимыхъ результатахъ и заключается величайшее зло. Если и не всякому придетъ въ голову сообразить, что изученіе гимнастики, какъ искуства, имѣетъ смыслъ лишь для того, кто хочетъ сдѣлаться гимнастомъ, и что въ школѣ, гдѣ гимнастика должна служить средствомъ къ постепенному физическому развитію дѣтей, она не можетъ быть втиснута въ рамку опредѣленнаго курса, то всякій легко пойметъ, что въ 20 урокахъ нѣтъ никакой возможности ни выучиться гимнастической техникѣ, ни развить силъ своихъ настолько, чтобы это было замѣтно. Слѣдовательно, если дѣти на экзаменѣ выкажутъ такую силу и ловкость, которыхъ прежде нельзя было и предположить въ нихъ, то очевидно, г. Ш—ъ можетъ добиться такихъ успѣховъ только *насильственно*, т. е. тѣмъ, что съ самаго начала будетъ непомѣрно напрягать силы учениковъ и пріучать ихъ къ такъ называемымъ tours de force. А это называется не подкрѣплять здоровье, но подрывать. Впрочемъ мы приведемъ фактъ, по которому читатели лучше всего сами могутъ судить о результатахъ такой гимнастики. Въ одномъ изъ заведеній, въ которомъ г. Ш—ъ открылъ курсъ гимнастики, между прочими случился мальчикъ худой и болѣзненный, но весьма ретивый въ гимнастическихъ упражненіяхъ, такъ какъ вѣроятно отъ природы былъ одаренъ гибкостію и ловкостью тѣла. Врачъ заведенія, замѣтивъ, что г. Ш—ъ позволяетъ ему дѣлать различныя эквилибристическія штуки, предостерегъ г. Ш—та, сообщивъ ему, что мальчикъ этотъ имѣетъ сильное расположеніе къ чахоткѣ, и что поэтому съ нимъ нужно быть весьма осторожнымъ и позволять ему дѣлать только самыя легкія движенія. Г. Ш—ъ обѣщалъ доктору обратить на этого ученика особенное вниманіе, но спустя нѣкоторое время забылъ объ этомъ обѣщаніи и поз-

волилъ мальчику сдѣлать такъ называемое висячее кувырканіе. Упражненіе это весьма опасно и для ребенка совершенно здороваго и сильнаго, потому что при этомъ все тѣло, вертясь около горизонтальнаго шеста, продѣтаго между локтями и спиной, виситъ единственно на согнутыхъ въ локтѣ рукахъ. Нерѣдко случается, что вертящійся отъ боли разгибаетъ руки и стремглавъ падаетъ на землю и разбиваетъ себѣ лицо. Тутъ этого не случилось: мальчикъ благополучно перевернулся около шеста разъ 10—15; но по окончаніи движенія тотчасъ же началъ харкать кровью и слегъ въ постель. Намъ нечего прибавлять къ этому факту; онъ говоритъ самъ за себя. Замѣтимъ только, что этотъ случай принадлежитъ еще къ наименѣе опаснымъ, такъ какъ вредъ тотчасъ же явно обнаружился и слѣдовательно можетъ быть во-время прекращенъ. Но большею частію дурныя послѣдствія отъ непосильныхъ тѣлесныхъ упражненій обнаруживаются лишь многіе годы спустя, и влекутъ за собой болѣзни, отравляющія потомъ всю жизнь.

Надѣемся, что предостереженіе это никто не приметъ за протестъ противъ гимнастики вообще; напротивъ, радуясь душевно тому, что въ обществѣ все болѣе и болѣе пробуждается сочувствіе къ физическому воспитанію, мы желали бы скорѣйшаго повсемѣстнаго у насъ введенія гимнастики; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы совѣтуемъ родителямъ и училищнымъ начальствамъ быть осмотрительными и не довѣрять дѣтей первому встрѣчному шарлатану.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ ВОЗЗРѢНІЯ ЖУРНАЛА «Время». [1])

Судить о томъ — вѣрно ли, или нѣтъ наше мнѣніе о журналѣ «Разсвѣтъ» [2]), дѣло нашихъ читателей; но что на тотъ же предметъ можетъ быть и другое воззрѣніе, видно изъ того, что журналъ «Время», поставившій себѣ задачею всегда говорить: *стрижена*, когда другой кто-нибудь говоритъ: *брита*, бранитъ «Разсвѣтъ» за двойственность взляда на призваніе женщинъ, допущенную на страницахъ его. Журналъ «Время» (1861. Сентябрь Томъ V) прежде всего нападаетъ на «Разсвѣтъ» за самый актъ его существованія, говоря, что *цѣль* его пожалуй *очень хороша*, особенно если посмотришь съ *французской* точки зрѣнія, *гдѣ* (т. е. въ точкѣ зрѣнія?) чѣмъ безнравственнѣе мужчина, тѣмъ полнѣйшаго невѣдѣнія требуетъ онъ отъ дѣвушки» (будто бы это французская точка зрѣнія?). «Но, продолжаетъ «Время»: вѣдь мы не французы, а русскіе, и у насъ на этотъ счетъ могутъ быть свои взгляды» (т. е. какіе? Что очень хорошая цѣль можетъ быть дурною цѣлью? Не такъ ли? Такіе собственные взгляды, высказываемые съ высоты величія, весьма похожи на гимназическія упражненія въ спорахъ). Въ чемъ же состоятъ эти собственные взгляды «Времени»? А въ томъ, чтобы *«самыя безнравственныя явленія показывались* дѣвицамъ *во всѣхъ самыхъ страшныхъ и сокровенныхъ степеняхъ своего развитія»*, потому что молъ *«самое безнравственное явленіе носитъ въ себѣ несравненно болѣе возможности подѣйствовать нравственно на душу, нежели сама нравственность*, высказанная голо и сухо, такъ что въ ней ни ужаснуться нечѣмъ, ни *позавидовать нечему* (sic!). Вѣдь жизнь, показанная съ одной стороны, все-таки *мертва* (жизнь-то? каково!) и ничему не научитъ, и всегда, какъ бы ни была хороша сторона ея, намъ показываемая, заставитъ

[1]) Отрывокъ этотъ, въ первомъ изданіи нашего журнала за 1861 годъ, входилъ въ составъ рецензіи журнала «Разсвѣтъ».

[2]) См. Наша дѣтская литература. Опытъ библіографіи Ф. Толля. (ко 2-му изд. ж. Учитель). Стр. 310—319.

насъ думать да гадать о той, о другой сторонѣ ея, отъ насъ скрываемой, и въ ней-то, въ той другой сторонѣ, всегда заподозримъ мы все самое лучшее, самое интересное, потому что ничто не помѣшаетъ намъ представить ее себѣ такъ, какъ намъ вздумается. Мыслить значитъ отыскивать и уничтожать противорѣчія. (Вѣрно рецензентъ «Времени» только въ половину мыслилъ, когда писалъ, «жизнь мертва», потому что хоть и отыскалъ, однако не уничтожилъ противорѣчія!) Узнайте добро и зло, такъ продолжаетъ «Время»: и будете мудры, какъ боги. О чемъ же я буду мыслить, когда мнѣ показываютъ все только одно? (какъ будто объ одномъ нельзя мыслить, а надо всегда мыслить о многомъ!) Правда, въ журналѣ «Разсвѣтъ» вовсе не кормятъ дѣвицъ сладкими, идиллическими картинами, — тамъ содержаніе довольно разнообразное (слѣдовательно показываютъ не *одно*, заключаетъ читатель, и думаетъ, что рецензентъ удовлетворенъ. Ничуть не бывало! Ему подавай другого разнообразія!): но, продолжаетъ рецензентъ, нѣтъ *тѣхъ крайностей*, которыя поражаютъ и будятъ мысль.» (Т. е. чего же нѣтъ? Нѣтъ грязи, нѣтъ сценъ въ родѣ польдекоковскихъ?.. Не такъ ли? Не этого ли хочетъ рецензентъ?) «Либо то, либо другое», восклицаетъ онъ, т. е. либо эмансипація женщинъ, въ такомъ случаѣ разлюли малина! Пусть дѣвицы читаютъ всякую польдекоковщину. За то будутъ эмансипированы на славу!

Но мало того, что «Время» высказываетъ такіе «собственные взгляды», отъ которыхъ всякій незараженный духомъ противорѣчія человѣкъ почувствуетъ на щекахъ своихъ краску стыда, оно еще, не запинаясь, искажаетъ истину, намѣренно приводя изъ разбираемыхъ имъ статей «Разсвѣта» неполные отрывки, которые представляютъ въ ложномъ свѣтѣ тенденцію этихъ статей. Такъ на стр. 38 того же критическаго обозрѣнія выписано около 26 строкъ изъ приложенія къ «Разсвѣту», озаглавленнаго: «Мысли женщины о женщинахъ». Въ поименованной статьѣ приложенія къ «Разсвѣту» доказывается, что 1) прежде, нежели «навязывать женщинамъ положеніе и обязанности мужчинъ», въ то время, «когда многія изъ нихъ еще не понимаютъ или не способны къ выполненію свойственныхъ имъ занятій», слѣдовало бы внушать имъ, что онѣ имѣютъ одно общее съ мужчинами право — право и обязанность труда! Далѣе въ этой статьѣ говорится, 2) что всякая женщина должна стараться пріобрѣсть *самостоятельность*, состоящую въ употребленіи для пользы своей и общества всѣхъ физическихъ и моральныхъ способностей, которыми Творецъ надѣлилъ, хотя и въ разной степени, всѣхъ насъ отдѣльно и совокупно; что 3) всякое занятіе — хорошо, почетно, полезно, если оно исполняется по призванію, съ охотою и знаніемъ дѣла, что «во всякомъ дѣлѣ нѣтъ ничего враднѣе и гибельнѣе посредственности», и потому всякая женщина, прежде чѣмъ примется, для славы или даже для своего пропитанія, за изящныя искусства или литературу, «должна бы подвергнуть себя самой строжайшей нравственной и умственной критикѣ»; что, «избравъ, по зрѣломъ размышленіи, призваніе, въ которомъ она, по совѣсти, надѣется принести наибольшую пользу и наилучшимъ образомъ выполнить цѣль своего существованія, она должна удовлетворять и всѣмъ торжественнымъ требованіямъ этого призванія, до малѣйшей подробности», что «слава, пріобрѣтаемая на поприщѣ изящныхъ искусствъ и литературы, конечно, прочнѣе славы артистки; но, не смотря на то, должно согласиться, что никакой великій даръ не дается съ тѣмъ, чтобы скрывать его подъ спудомъ», что «Сара Сиддонсъ, Рашель и Дженни Линдъ, конечно, были созданы недаромъ». «Да и почему бы, продолжаетъ англійская писательница, «знаменитой актрисѣ или пѣвицѣ не употреблять своихъ талантовъ для пользы свѣта и своей собственной?» и пр.

Изъ этого читатель видитъ, что англійская писательница вполнѣ поощряетъ женщинъ къ слѣдованію артистическому призванію, если оно дѣйствительно есть въ нихъ. Что же дѣлаетъ «Время»? Оно выхватываетъ изъ статьи нѣсколько отрывковъ, въ которыхъ выражена одна изъ сторонъ артистической карьеры и (точь въ точь, какъ дѣлаютъ гимназисты въ своихъ спорахъ съ товари-

щами) выводитъ изъ этихъ недобросовѣстно сопоставленныхъ мѣстъ заключеніе, что авторъ статьи — противница артистической дороги для женщинъ. Потомъ восклицаетъ:

«Вѣдь стыдно это выписывать, не смотря на то, что эти мысли принадлежатъ перу англійской писательницы. Какъ! совѣтовать женщинамъ заниматься литературою на томъ основаніи, что можно наполнить цѣлыя полки исписанными вами книгами, и при этомъ спокойно сидѣть дома, не показывая никому своей личности?»

Гдѣ рецензентъ «Времени» нашелъ такой совѣтъ и на такомъ основаніи, это извѣстно одному ему, да и ему вѣроятно неизвѣстно. И послѣ всего этого онъ рѣшается говорить объ уваженіи къ литературѣ, о почетномъ званіи литератора, и т. д. Дешевы же стали у насъ эти фразы!...

Для того, чтобы навсегда покончить съ собственными взглядами «Времени» на разные вопросы, входящіе въ программу нашего журнала или касающіеся его редакціи, приведемъ здѣсь кстати нѣкоторыя изъ воззрѣній «Времени» на педагогику. Недобросовѣстность литературныхъ промышленниковъ, проникая въ тихую сѣнь воспитанія, вноситъ въ нее элементы, отъ которыхъ всякому отцу, всякой матери семейства, всякому воспитателю становится страшно за будущность: стараться противоборствовать дѣйствію этихъ разрушительныхъ элементовъ, по нашему убѣжденію, — обязанность всякаго честнаго человѣка вообще и всякаго поборника раціональнаго воспитанія въ особенности. Чего можно ожидать отъ того, если къ вопіющимъ недостаткамъ рутины привьются еще педагогическія начала въ родѣ слѣдующихъ («Время» 1861. Іюнь. Критическое Обозрѣніе):

«Только недопонятое доставляетъ намъ наслажденіе; все понятое не интересуетъ уже такъ насъ болѣе.» А потому: «учите всему, все ему (ребенку) открывайте; но оставляйте почаще его душу въ покоѣ, давайте ему то, что онъ *передѣлать не можетъ*; знаніе не передѣлывается, а пониманіе измѣняется. И пусть онъ смотритъ на все, какъ ему *удобнѣе*; потомъ жизнь научитъ...» «Главное, не *пристращайте* его слишкомъ къ книгамъ, къ ученію, къ тому, что дѣлаютъ взрослые...»

«Вѣдь и разсужденія бываютъ, какъ чтеніе, машинальныя: можно наговорить съ три короба, не имѣя ни одной здоровой мысли за душою; и начать пріучать ребенка во все вникать, противъ воли, и думать, это значитъ, сдѣлать изъ него резонера и фразера...» «Я могу, между прочимъ, назвать одинъ механическій способъ пробужденія ранней мысли. Это то гимнастическое упражненіе, о которомъ написалъ цѣлое сочиненіе Тиссо. Всѣ дѣти, страдающія этою болѣзнью, страдаютъ и преждевременнымъ развитіемъ мысли...» «тутъ мысль пробуждается всесторонне. Тогда какъ при перечитываніи пяти строкъ по десяти разъ мысль неминуемо должна получить одностороннее направленіе, должна уткнуться въ уголъ носомъ и образовать изъ русскаго человѣка, отличающагося именно большою всесторонностью, какого-то нѣмецкаго руммеръ-юнга, дальше своего носа ничего не видящаго и дальше своего *я* ничего не понимающаго.»

Самое замѣчательное изъ сочиненій Тиссо называется: «Sur l'onanisme». Такъ вотъ какой способъ пробужденія ранней мысли кажется рецензенту «Времени» предпочтительнѣе пріемовъ, рекомендуемыхъ нашимъ журналомъ, хотя «Время» и подтверждаетъ, что это «болѣзнь» и что мысль, пробужденная этимъ способомъ, потомъ надсаждается, какъ надсаждаются и нервы; за то «тутъ мысль пробуждается всесторонне». Перо выпадаетъ изъ рукъ при переписываніи мерзостей. Но дѣлать нечего: выпьемъ до дна эту горькую чашу. Чтобы доказать нашимъ читателямъ, что для журнала «Время» понятія о призваніи литератора, о пользѣ общей, о воспитаніи молодого поколѣнія, наконецъ, обо всемъ, что мы привыкли уважать и считать священнымъ, однѣ фразы, могущія увеличить число его подписчиковъ, приведемъ еще нѣсколько выписокъ, характеристическихъ для знакомства съ *собственными взглядами* этого журнала.

«По мнѣнію журнала «Учитель», говоритъ рецензентъ «Времени»: нужно прежде всего познакомить учениковъ (на-

родной школы) съ предметами, ежеминутно ими видимыми, да на этомъ, пожалуй, и кончить. Какъ такъ? Это чтобы мужикъ, нашъ добрый (знакомый съ окольными путями, по словамъ того же «Времени»), любопытный мужикъ, удовольствовался какими-то жалкими изверженiями нашихъ познанiй? (Такъ знакомство съ предметами, ежеминутно видимыми имъ, есть жалкое изверженiе нашихъ познанiй?) Мнѣ кажется, ему прежде всего нужно разсказать о томъ, чего онъ не видалъ никогда: это пробудитъ его фантазiю, а фантазiя пробудитъ и пониманiе всего того, что онъ видитъ. (Слушайте!) Всякое короткое знакомство съ предметомъ убиваетъ фантазiю, дѣлаетъ ее невозможною. (Т. е. какъ это? нравственная способность, существующая въ насъ, дѣлается *невозможною* вслѣдствiе знакомства съ предметами! О, психологъ рецензентъ! Вѣдь вы и не замѣтили, что смѣшали фантазiю, какъ способность, съ тѣми *фантазiями*, которыя бываютъ у бароновъ!)

«Изъ-за чего же мы убьемъ человѣческую фантазiю», продолжаетъ этотъ господинъ, «какою-нибудь чумичкою или какими-нибудь онучами? *Намъ хорошо* — коротко знакомиться съ предметами (а мужичку, доброму, любопытному, не хорошо?); но сколько и изъ насъ, понаучившись кое-чему, думаютъ, что они уже все узнали, несмотря на, то, что можно бы, кажется, догадаться сколько есть неузнаннаго, темнаго» (охъ, какъ бы хорошо было, если бы объ этомъ догадались вы, почтеннѣйшiй!),

«Самое важное, говоритъ далѣе тотъ же глубокомысленный рецензентъ, самое важное—научить человѣка блуждать умомъ за горами, за долами (конечно конечно! потому что рецензентъ «Времени», какъ видно, только этому учился); а потомъ уже объяснить ему, что и подъ носомъ у него происходятъ вещи довольно любопытныя. (Вотъ мы какъ: *все на оборотъ*!) Ужъ тогда онъ никакъ не задеретъ носа нѣмецкимъ колонистомъ (что не помѣшаетъ ему задрать носъ петербургскимъ журнальнымъ рецензентомъ!) и не скажетъ, что онъ прiѣхалъ учить варваровъ, прiѣхавши сѣять картофель въ незнакомое мѣсто.»

Но мы устали выписывать вещи, отъ которыхъ не поздоровится молодому поколѣнiю нашему, которое мы любимъ, какъ надежду народа; не поздоровится педагогикѣ, которой преуспѣянiю мы глубоко сочувствуемъ и желали бы по мѣрѣ силъ своихъ содѣйствовать; не поздоровится нашимъ матерямъ и отцамъ семействъ, практическимъ воспитателямъ и учителямъ; наконецъ, не поздоровится и тѣмъ изъ подписчиковъ «Времени», которые предпочитаютъ дѣльное, хоть и несмѣшливое слово серiознаго журнала, гримасамъ, балясничанью и фокусамъ балаганнаго шута, манкировавшаго свое настоящее призванiе и ошибкою попавшаго въ журнальные рецензенты.

ЗАМѢТКИ СТАРАГО ПЕДАГОГА О ШКОЛЬНОЙ ДИСЦИПЛИНѢ.

Хорошая дисциплина господствуетъ тамъ, гдѣ ученики во время уроковъ съ напряженнымъ вниманiемъ слѣдятъ за преподаванiемъ и изъ *уваженiя* къ учителю избѣгаютъ всего, что можетъ прервать преподаванiе. *Уваженiе* къ учителю слѣдовательно есть основанiе хорошей дисциплины, и у учителя, который не умѣетъ внушить къ себѣ уваженiя и поддержать его, не можетъ быть и хорошей дисциплины. Уваженiе учениковъ къ учителю обусловливается какъ нравственными, такъ и вообще духовными его качествами; это всѣмъ извѣстно. Но многое въ этомъ отношенiи зависитъ и отъ внѣшнихъ условiй. Такъ напр. я знавалъ учителей, которые относительно нравственнаго характера своего, были безукоризненны, да и по познанiямъ своимъ не оставляли ничего желать; а между тѣмъ имъ не удавалось прiобрѣсти между учениками такаго авто-

ритета, чтобы можно было сказать, что въ классѣ ихъ господствовала дисциплина. Отчего же такъ? Оттого, что они при появленіи своемъ и въ обращеніи съ учениками не соблюдали многихъ внѣшнихъ условій, повидимому, сущихъ бездѣлицъ. Шаловливая молодежь, какъ извѣстно, весьма легко подмѣчаетъ все странное въ манерахъ, походкѣ, одеждѣ и т. д., и въ этомъ тотчасъ же находитъ матеріалъ для различныхъ замѣчаній и шалостей, подкапывающихъ достоинство учителя и нарушающихъ дисциплину. Поэтому учитель долженъ обращать тщательное вниманіе и на наружность свою, и на манеры, отучаться отъ дурныхъ привычекъ и замашекъ, словомъ, избѣгать всего, что могло бы давать поводъ къ насмѣшкамъ со стороны учениковъ.

—

Какъ бываютъ рожденные поэты и художники, такъ бываютъ и учителя, которые родились быть учителями. У такихъ людей все идетъ успѣшно, все спорится; педагогическій инстинктъ предохраняетъ ихъ отъ множества промаховъ, и въ классахъ ихъ хорошая дисциплина какъ бы сама собой возстановляется. Это счастливцы между педагогами. Но далеко не всѣ изъ подвизающихся на педагогическомъ поприщѣ надѣлены отъ природы учительскимъ талантомъ, поэтому они должны пріобрѣсти необходимыя имъ качества трудомъ, т. е. изученіемъ, размышленіемъ и опытомъ.

Относительно дисциплины, какъ я уже замѣтилъ, учитель въ классѣ прежде всего долженъ обращать вниманіе на наружность свою и манеры, дабы не давать повода къ смѣху и насмѣшкамъ. Затѣмъ весьма важное правило состоитъ въ томъ, чтобы съ перваго уже урока ввести тотъ порядокъ, къ которому учитель желаетъ пріучить учениковъ; ибо и малѣйшія упущенія весьма трудно исправляются впослѣдствіи. Многіе молодые учителя грѣшатъ противъ этого правила, и только потому, что думаютъ пріобрѣсти любовь учениковъ снисхожденіемъ къ ихъ шалостямъ; этому я неоднократно былъ свидѣтелемъ. Любовь, пріобрѣтаемая поблажкою, не есть истинная любовь; истинная любовь безъ уваженія немыслима: внушите ученикамъ уваженіе, и любовь сама собою явится. Одинъ молодой учитель, которому я, при поступленіи его на мѣсто, совѣтовалъ строго придерживаться вышеупомянутаго правила, пренебрегъ моимъ совѣтомъ и непростительною поблажкою своею, вмѣсто любви, внушилъ ученикамъ только неуваженіе къ себѣ, такъ что ему по истеченіи года почти невозможно было болѣе оставаться на этомъ мѣстѣ. Это впрочемъ былъ для него урокъ на всю жизнь. Впослѣдствіи, поступивъ на другое мѣсто, онъ уже не потакалъ ученикамъ и успѣлъ вполнѣ пріобрѣсти ихъ уваженіе и любовь.

—

Казалось бы, что большой ростъ и статная, величественная фигура учителя должны бы значительно способствовать къ сохраненію дисциплины. Но и это не всегда бываетъ. Мнѣ нерѣдко случалось видѣть у такихъ учителей весьма дурную дисциплину, и на оборотъ: весьма хорошую у малорослыхъ и вовсе не казистыхъ людей. Дѣло слѣдовательно не въ ростѣ и не въ статности, а главнымъ образомъ въ умѣньи взяться за дѣло.

—

Самое главное правило, которымъ учитель постоянно долженъ руководствоваться, есть *справедливость*, неподкупная справедливость ко всѣмъ и каждому безъ различія. Только справедливостью онъ можетъ пріобрѣсти себѣ уваженіе и любовь. Если же у него появляются любимцы, къ шалостямъ которыхъ онъ слѣпъ, то этимъ онъ только раздражаетъ другихъ учениковъ и побуждаетъ къ дурнымъ поступкамъ. Непростительно также и весьма несправедливо, если учитель различно обращается съ учениками, потому что одинъ изъ нихъ быть можетъ сынъ сапожника, а другой сынъ важнаго чиновника. Въ школѣ, въ глазахъ учителя, только прилежаніе и нравственное поведеніе учениковъ должны имѣть значеніе, а не состояніе родителей. Несправедливостью въ этомъ отношеніи учитель унижаетъ себя и свое званіе. Кромѣ того, справедливость требуетъ, чтобы учитель признавалъ хорошія стороны и тѣхъ учениковъ, которые во многихъ отно-

шеніяхъ достойны порицанія, ибо нѣтъ такого испорченнаго человѣка, а тѣмъ болѣе юноши, подлежащаго образованію, въ которомъ бы не было и хорошихъ качествъ. Поэтому отыскивайте хорошія качества въ тѣхъ изъ учениковъ вашихъ, которыхъ вы нерѣдко принуждены порицать, и признавайте эти качества. Только такимъ образомъ вы можете пріобрѣсти ихъ довѣріе и расположеніе, которыя необходимы вамъ, чтобы дѣйствовать съ успѣхомъ. И сами ученики тогда замѣтятъ, что вы порицаете не ихъ лично, а только недостатки и пороки ихъ. Только этимъ путемъ и можно исправить такихъ учениковъ.

Несправедливо также—менѣе способныхъ учениковъ оставлять безъ вниманія и заниматься преимущественно только съ тѣми, которые по способностямъ своимъ понимаютъ и учатся съ легкостію, и быстрыми успѣхами своими радуютъ учителя. Напротивъ, учитель долженъ обращать большее вниманіе на слабыхъ учениковъ своихъ и по возможности содѣйствовать ихъ успѣху; онъ долженъ быть доволенъ и слабыми ихъ трудами, чтобы внушить имъ нѣкоторую бодрость и самоувѣренность, чтобы они, лишаясь надежды сравниться съ другими, не впали въ равнодушіе и совершенную недѣятельность. Спрашивая всѣхъ учениковъ въ классѣ по очереди, онъ долженъ обращаться къ слабымъ ученикамъ преимущественно съ такими вопросами, на которые они могутъ отвѣтить, и въ случаѣ надобности помочь имъ. Такимъ образомъ онъ пріучитъ ихъ къ внимательности и прилежанію, и въ то же время освободитъ отъ стыда являться постоянно незнайками передъ товарищами своими.

—

Я знавалъ одного учителя, который удивительно какъ умѣлъ допекать учениковъ, которыхъ онъ почему-либо не терпѣлъ. А такихъ у него всегда было нѣсколько. Бывало, начнетъ выспрашивать ихъ, такъ только держись; какъ бы ни были отвѣты хороши и вѣрны, а ужъ онъ доведетъ до того, что и самый бойкій и знающій изъ нихъ наконецъ станетъ въ тупикъ. И тутъ-то возрадуется мой учитель, понюхаетъ табачку и велитъ нести розги. Почти невѣроятно! А между тѣмъ такихъ учителей не мало. И чѣмъ иной ученикъ заслуживаетъ нерасположенія такаго учителя? Просто тѣмъ, что физіономія у него не подходящая, т. е. не нравится учителю.

—

Многіе учителя имѣютъ привычку или, вѣрнѣе сказать, слабость грозить наказаніемъ; но почти никогда не исполняютъ этой угрозы, потому что смягчаются просьбами и притворными слезами учениковъ и прощаютъ имъ. Ученики же потомъ смѣются надъ добродушіемъ учителя. Такимъ бразомъ учитель дѣлается въ полномъ смыслѣ игрушкой учениковъ, и о дисциплинѣ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи болѣе.

—

Хорошее зрѣніе и чуткій слухъ необходимыя качества для учителя; безъ нихъ дисциплина почти невозможна, по крайней мѣрѣ въ многолюдномъ классѣ. При хорошемъ зрѣніи и слухѣ учитель можетъ однимъ взглядомъ остановить шалуна и во-время обращеннымъ къ нему вопросомъ принудить ко вниманію. Подобная мѣра во всякомъ случаѣ гораздо лучше, нежели предостереженія, упреки, брань, которыя только прерываютъ преподаваніе. Вообще, чтобы сосредоточить все вниманіе учениковъ на себѣ, учитель долженъ по возможности оставаться на одномъ мѣстѣ (на каѳедрѣ), откуда бы онъ могъ разомъ обозрѣть весь классъ. Похаживая же по классу, онъ не можетъ препятствовать ученикамъ поворачиваться безпрестанно въ ту сторону, куда онъ направляетъ свои шаги; а это даетъ поводъ къ разсѣянности. Учителю можно ходить по классу лишь тогда, когда ученики занимаются письменною работою. Въ такомъ случаѣ это иногда даже необходимо.

—

Одинъ изъ бывшихъ товарищей моихъ часто говаривалъ: «Какъ гроза очищаетъ воздухъ и разсѣваетъ вредныя испаренія, такъ и для поддержки дисциплины иногда весьма полезно произвести маленькую грозу въ классѣ, ибо она расшевеливаетъ дремлющіе умы и придаетъ дисциплинѣ новую силу. Если въ классѣ всегда хорошая погода, все благополуч-

но сходитъ съ рукъ, то легкомысленные ученики обыкновенно зазнаются и позволяютъ себѣ вольности, которыя постепенно и незамѣтно возрастая, могутъ наконецъ совершенно подорвать дисциплину. Въ такихъ-то именно случаяхъ внезапная гроза производитъ удивительное дѣйствіе.» Предоставляю мыслящему читателю рѣшить, насколько товарищъ мой былъ правъ. Я же съ моей стороны сдѣлаю одинъ только вопросъ: Слѣдуетъ ли вообще доводить до того, чтобы гроза сдѣлалась необходимою? Или быть можетъ накопленію ученическихъ проступковъ такъ же мало можно воспрепятствовать, какъ скопленію міазмовъ въ воздухѣ?

—

Дѣти любятъ шалить, — это всѣмъ извѣстно, а шалости эти нерѣдко нарушаютъ преподаваніе. Чтобы по возможности воспрепятсвовать этому, учитель, начиная урокъ, хорошо сдѣлаетъ, если скомандуетъ: «руки на столъ!» Однимъ этимъ средствомъ уже можно предотвратить множество шалостей. А что посредствомъ вопросовъ, внезапно предложенныхъ невнимательнымъ ученикамъ, можно заставить всѣхъ быть постоянно на сторожѣ — объ этомъ я уже говорилъ. Къ этимъ двумъ пріемамъ можно прибавить еще третій — *говореніе и чтеніе хоромъ*. Пріемъ этотъ значительно оживляетъ ученіе и возбуждаетъ вниманіе учениковъ, если только учитель не позволитъ кричать дѣтямъ во все горло и, такъ сказать, рубить по такту, и будетъ тщательно слѣдить за тѣмъ, чтобы лѣнивые не молчали въ это время. Дѣти должны говорить хоромъ точно такъ, какъ говорятъ отдѣльно, и хоръ долженъ смѣняться рѣчью отдѣльнаго, и на оборотъ — по одному знаку учителя. Потому, какъ ученики говорятъ хоромъ, можно уже судить о достоинствѣ преподаванія и самого учителя.

—

Тогда какъ одни учители имѣютъ обыкновеніе все хулить и порицать, и тѣмъ отбиваютъ у учениковъ охоту къ ученію: другіе опять впадаютъ въ противоположную крайность, т. е. слишкомъ и не во-время хвалятъ учениковъ. Чрезмѣрная похвала портитъ ученика, который начинаетъ воображать, что онъ ужъ богъ знаетъ какъ трудится, и вслѣдствіе этого перестаетъ стараться. Я видѣлъ множество такихъ примѣровъ, изъ которыхъ мнѣ особенно памятенъ одинъ. Былъ у меня въ классѣ мальчикъ съ весьма хорошими способностями, но чрезвычайно лѣнивый. Домашнія работы онъ или вовсе не дѣлалъ, или же дѣлалъ ихъ весьма небрежно. Всѣ принятыя мною къ исправленію его мѣры не помогали. Наконецъ я обратился къ его родителямъ, объяснилъ имъ, въ чемъ дѣло, я просилъ ихъ помочь мнѣ. Отецъ обѣщалъ мнѣ слѣдить строго за приготовленіемъ домашнихъ уроковъ, и дѣйствительно сдержалъ слово; а я еженедѣльно увѣдомлялъ его запискою, какъ идутъ занятія мальчика въ классѣ. Такимъ образомъ намъ удалось взаимными силами исправить его, и черезъ полгода мальчикъ былъ хоть куда. Пріучившись къ труду, онъ вошелъ, такъ сказать, во вкусъ и сдѣлался прилежнѣйшимъ изъ учениковъ моихъ. По окончаніи года онъ перешелъ въ слѣдующій классъ первымъ. Тутъ дѣло шло въ началѣ такъ же хорошо. Но къ несчастію одинъ изъ учителей, радуясь успѣхамъ новаго ученика своего, не могъ нахвалиться имъ и — тѣмъ все испортилъ. Мальчикъ мой зазнался, началъ гордиться передъ товарищами своими и вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, надѣясь на свои способности, мало по малу сталъ пренебрегать ученьемъ. Въ концѣ года оказалось, что онъ въ слѣдующій классъ перейти не можетъ.

Итакъ: не хвалите черезъ чуръ и не во-время; соображайтесь всегда съ характеромъ ученика, котораго вы хотите похвалить, и увѣрьтесь сперва въ томъ, можетъ ли онъ безъ вреда себѣ снести похвалу вашу. Одобреніе и похвала ободряютъ слабаго и скромнаго ученика, способнаго же и самонадѣяннаго портятъ.

—

Всякое заслуженное ученикомъ порицаніе или наказаніе должно совершаться коротко и скоро; брань, долгія увѣщеванія и упреки ни къ чему не ведутъ, и даже вредны. Но тутъ же я долженъ замѣтить, что далеко не всякое казусное дѣло можетъ быть тотчасъ же рѣшено и кончено въ классѣ; бываютъ случаи, которые могутъ дать поводъ къ весьма не-

пріятнымъ сценамъ, если бы учителю вздумалось тотчасъ же разбирать ихъ и опредѣлить наказаніе. И въ этомъ отношеніи я могу привести примѣръ. Одинъ ученикъ моего класса (онъ былъ изъ дворянъ), вмѣсто того чтобы самому сдѣлать заданный ему урокъ, списалъ его отъ другого ученика, что доказывали нѣкоторыя выраженія, которыхъ онъ не понималъ. Улики были на лицо, и я замѣтилъ ему, что онъ не самъ сдѣлалъ урокъ: но, не смотря на то, онъ оставался при своемъ мнѣніи и увѣрялъ, что это его собственная работа. Я на это не отвѣтилъ ни одного слова, отдалъ ему тетрадь и при этомъ весьма проницательно посмотрѣлъ на него. Наказаніе я отложилъ, потому что мальчикъ былъ такого характера, что, требуй я во что бы то ни стало признанія, у меня вышла бы съ нимъ весьма непріятная исторія. Послѣдствія показали, что я очень хорошо поступилъ. Въ тотъ же день приходитъ ко мнѣ дядя его, у котораго онъ жилъ, и сообщаетъ мнѣ, что племянникъ его внѣ себя и все твердитъ, что онъ себя обезчестилъ: увѣрялъ честью, что самъ сдѣлалъ урокъ, а учитель знаетъ, что онъ солгалъ, потому что посмотрѣлъ на него такимъ взглядомъ, что.... и т. д. Я призвалъ мальчика къ себѣ и объяснилъ ему, что между нами совершенно другое отношеніе, какъ между двумя взрослыми людьми. «Въ отношеніяхъ между учителемъ и ученикомъ, продолжалъ я, не можетъ быть и рѣчи о безчестіи въ томъ смыслѣ, какъ ты это понимаешь. Я конечно долженъ былъ выразить тебѣ мое неудовольствіе, и ты дѣйствительно заслужилъ наказаніе; но такъ какъ ты вину свою теперь самъ чувствуешь, то я прощаю тебѣ. Пусть это впредь послужитъ тебѣ урокомъ».

Съ тѣхъ поръ ученикъ этотъ былъ со мной всегда искренъ и откровененъ.

—

Есть много учителей, которые предъ учениками никогда не подаютъ вида, что они чего-либо не знаютъ, будучи того мнѣнія, что это повредитъ ихъ авторитету. Напротивъ, они гораздо болѣе вредятъ себѣ мнимымъ всезнаніемъ своимъ. Ученики нерѣдко дѣлаютъ такіе вопросы, которые вовсе не относятся къ спеціальности учителя, а потому не могутъ быть рѣшены имъ; онъ слѣдовательно для прикрытія своего незнанія долженъ отдѣлываться общими фразами. Ученики же, какъ бы инстинктивно, весьма скоро разгадываютъ слабыя стороны учителя и вопросамъ ихъ тогда нѣтъ конца. Данные невѣрные отвѣты его они затѣмъ пускаютъ въ ходъ на урокахъ у другого учителя, и когда этотъ замѣтитъ, что они говорятъ вздоръ, то они отвѣчаютъ, что такъ объяснилъ имъ это такой-то учитель. Такимъ образомъ учитель-спеціалистъ нерѣдко бываетъ поставленъ въ самое затруднительное положеніе, ибо не знаетъ, какъ поправить ошибку товарища, не выставляя его на смѣхъ. Для учениковъ же это сущій праздникъ. Узнавъ невѣжество того учителя въ одномъ отношеніи, они конечно начинаютъ воображать, что онъ и вообще ничего не знаетъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ высказываютъ къ нему свое неуваженіе. А до этого бы никогда не дошло, еслибъ учитель, при вопросахъ изъ чуждой ему науки, просто отвѣчалъ ученику, что онъ, какъ неспеціалистъ въ этомъ дѣлѣ, вопроса ихъ разрѣшить не можетъ, и что имъ для этого нужно обратиться къ такому-то учителю. Уваженіе учениковъ къ нему отъ этого не уменьшится, ибо они весьма скоро поймутъ, что одинъ человѣкъ всего знать не можетъ.

СЛѢДУЕТЪ ЛИ ОДНИХЪ УЧЕНИКОВЪ СТАВИТЬ ВЪ ПРИМѢРЪ ДРУГИМЪ?

Хорошія и дурныя качества, отличающія отдѣльныхъ учениковъ въ школѣ, выставляются обыкновенно на видъ всѣмъ другимъ ученикамъ для поощренія и предостереженія. Достигаетъ ли такая выставка хорошихъ и дурныхъ примѣровъ своей цѣли? Положимъ, что въ классѣ есть отличный ученикъ, обращающій на себя вниманіе благонравнымъ поведеніемъ своимъ, неутомимымъ прилежаніемъ и внимательностію, такъ что учитель считаетъ своею обязанностію поставить его товарищамъ въ примѣръ, достойный подражанія; станутъ ли товарищи подражать ему? Конечно нѣтъ. Выставленный образецъ слишкомъ близокъ къ нимъ; а вблизи, какъ извѣстно, и лучшіе люди нерѣдко теряютъ многое изъ своихъ достоинстkъ, потому что, вмѣстѣ съ преимуществами, тотчасъ же замѣтны въ нихъ и слабости, присущія каждому человѣку. Вмѣсто того чтобы подражать рѣзко выдающимся достоинствамъ примѣрнаго товарища, ученики, напротивъ, постараются отыскать въ немъ всѣ слабости и недостатки, даже самые незначительные. Они были бы гораздо безпристрастнѣе и справедливѣе къ нему, если бы сравненіе было предоставлено имъ самимъ. Но это еще не единственное слѣдствіе. Отличный ученикъ до тѣхъ поръ былъ непритязателенъ и скроменъ: похвалы же, расточаемыя ему при всѣхъ, внушатъ ему быть-можетъ высокое о себѣ мнѣніе: онъ начнетъ обнаруживать свои преимущества въ поступи и минахъ — сдѣлается *гордымъ*, или же будетъ выказывать неуваженіе и пренебреженіе къ другимъ — сдѣлается *высокомѣрнымъ*, или еще хуже, станетъ выставлять добродѣтели свои всѣмъ и каждому на показъ — сдѣлается *тщеславнымъ*, или наконецъ будетъ всѣми средствами снискивать себѣ все болѣе похвалъ и почестей — сдѣлается *честолюбивымъ*.

Какъ скупой неусыпно стремится только къ скопленію сокровищъ, имѣющихъ лишь номинальную цѣнность, такъ и честолюбецъ гонится только за внѣшними знаками отличія. Такой человѣкъ конечно будетъ способенъ ко всякому доблестному поступку, но только въ такомъ случаѣ, когда надѣется получить за него похвалу и одобреніе. Желанія же дѣлать добро въ тихомолку, способности подвизаться на скромномъ трудовомъ поприщѣ, гдѣ не услышатся восклицанія: прекрасно! отлично!... этого отъ честолюбца не ждите. Можно быть увѣрену, что расточеніе похвалъ въ классѣ нерѣдко служитъ причиною того, что иной ученикъ впослѣдствіи дѣлается несноснымъ, надмѣннымъ человѣкомъ, а иная ученица — тщеславною женщиною, легкомысленною кокеткою.

У другихъ учениковъ, которымъ хваленый ставится въ примѣръ, результаты также будутъ различны. Одни быть-можетъ и станутъ ему подражать, другіе же возненавидятъ его; третьи, также не безъ достоинствъ, навѣрное негодуютъ, что въ примѣръ поставлены не они, а онъ, и потому *завидуютъ* ему, и т. д.

Не правда ли? отличные результаты достигаются выставкою хорошихъ учениковъ въ примѣръ другимъ!

Предостереженіе ребенка посредствомъ *дурного* примѣра также не всегда производитъ желаемое дѣйствіе, потому что униженіе другого возбуждаетъ состраданіе. Поэтому всѣ школьныя наказанія, даваемыя въ примѣръ другимъ, рѣшительно ни къ чему не ведутъ. Товарищи тотчасъ же находятъ причины, извиняющія наказаннаго, особенно если по ихъ мнѣнію, наказаніе слишкомъ строго. Раскается ли, или исправится ребенокъ, подвергнутый такому *примѣрному* наказанію, весьма сомнительно. Въ большей части случаевъ наказанный не только не исправляется, но напротивъ коренѣетъ въ своихъ дурныхъ наклонностяхъ. Будучи озлобленъ, онъ постарается выместить злобу свою на чемъ или на комъ-нибудь изподтишка, — а впослѣдствіи будетъ только осторожнѣе въ дурныхъ выходкахъ своихъ. Въ ребенкѣ чувствительномъ такое наказаніе подавитъ совершенно чувство стыдливости;

онъ сдѣлается равнодушнымъ къ чести и стыду. Иной же возьметъ на помощь притворство и сдѣлается лицемѣромъ.

Совершенно другое дѣло, когда ребенка бранятъ или наказываютъ, не выставляя его въ примѣръ для предостереженія другихъ; въ такомъ случаѣ нельзя ожидать подобныхъ вредныхъ послѣдствій, если только предположить, что учитель вообще умѣетъ обращаться съ дѣтьми.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что выставкою отдѣльныхъ учениковъ въ примѣръ другимъ должно пользоваться весьма осторожно.

Если указать ученику на тѣхъ изъ его товарищей, которые превосходятъ его въ извѣстныхъ отношеніяхъ, то онъ весьма легко можетъ отыскать другихъ, которые въ этихъ отношеніяхъ ниже его: ему выставляютъ лучшихъ, а онъ находитъ худшихъ. Слѣдовательно лучше хвалить и порицать вообще; можно быть увѣрену, что ученики знаютъ другъ друга въ нравственномъ отношеніи такъ же хорошо, а можетъ быть и лучше, чѣмъ знаетъ ихъ учитель, и потому безъ труда найдутъ въ средѣ своей образцы хорошаго и дурного. Нужно только побуждать ихъ къ подражанію первымъ, и къ удаленію и отвращенію отъ послѣднихъ.

Еще же лучшихъ результатовъ учитель достигнетъ, если съумѣетъ довести учениковъ до того сознанія, что они далеко еще не исполняютъ того, что могли бы исполнять. Такое сознаніе сдѣлаетъ ихъ скромнѣе и заставитъ болѣе напрячь свои силы. Вообще же слѣдовало бы быть гораздо осторожнѣе въ выборѣ поощрительныхъ средствъ. Главнымъ побудительнымъ средствомъ всѣхъ нашихъ поступковъ должно быть — *чувство долга*. Въ комъ нѣтъ чувства долга, тотъ въ поступкахъ своихъ зависитъ совершенно отъ случайныхъ внѣшнихъ вліяній; онъ подобенъ тростнику, колеблющемуся во всѣ стороны отъ малѣйшаго вѣтерка. Поэтому необходимо пріучать учениковъ къ добросовѣстному, точному исполненію своихъ обязанностей, а не къ тщеславію и внѣшнимъ отличіямъ. Справедливо конечно, что *примѣры* дѣйствуютъ сильнѣе однихъ *поученій*. Поэтому и дѣйствуйте, въ нравственномъ отношеніи, посредствомъ примѣровъ: но берите эти примѣры не изъ среды вашихъ учениковъ, а изъ жизни вообще. Прежде же всего учитель самъ долженъ служить образцомъ для учениковъ, долженъ самимъ собою подавать примѣръ, достойный подражанія; иначе всѣ наставленія его, всѣ приводимые имъ примѣры добродѣтелей останутся безъ всякаго вліянія на дѣтей.

ОБУЧЕНІЕ.

Точно такъ же, какъ бываетъ скороспѣлое и излишне медленное обученіе, бываетъ и такое, которое притупляетъ способности. Излишне-медленное обученіе причиняетъ меньше вреда, чѣмъ скороспѣлое: часто поздніе плоды очень здоровы, тогда какъ слишкомъ ранніе вредны, потому что развились искуственно. Въ обученіи, какъ и вообще въ воспитаніи, не столько слѣдуетъ бояться небрежности, какъ излишняго усердія. Лучше совершенное невѣжество, чѣмъ притупляющее ученіе. Въ первомъ случаѣ натура остается неиспорченною, хотя грубою; а во второмъ она извращается. Притупляющее обученіе происходитъ вслѣдствіе: 1) несоглашенія съ человѣческою природою, съ періодами и степенями ея развитія, 2) проповѣдыванія лжи вмѣсто истины. Человѣкъ, находящійся въ невѣжественномъ состояніи, глупъ во всемъ, что касается познаній; онъ естественно глупъ. Искуственная же глупость, могущая назваться извращенностью, гораздо хуже естественной глупости. Тутъ умъ человѣческій похожъ на пашню, усѣянную терніемъ и плевелами, или на

планету, совращенную съ пути и получившую превратное движеніе, или на машину, колеса которой бѣгутъ въ обратномъ направленіи. Естественно глупый человѣкъ только пустъ: понятія его еще безплодны. Въ той же мѣрѣ, какъ легче привести въ правильное движеніе тѣло, находящееся въ спокойномъ состояніи, чѣмъ тѣло движущееся въ ложномъ направленіи, — въ той же мѣрѣ легче бороться съ естественною, чѣмъ съ искуственною глупостію, съ сумасбродствомъ. Люди всегда обсуживаютъ и взвѣшиваютъ новыя впечатлѣнія по старымъ понятіямъ. Невѣжда не имѣетъ предубѣжденій: умъ его еще свободенъ отъ всѣхъ внутреннихъ вліяній; тогда какъ человѣкъ, пропитанный ложными понятіями и вѣрующій въ нихъ, не поддается истинѣ, которую ему показываютъ. Необходимо просвѣтить человѣка; но въ то же время слѣдуетъ замѣтить, что почти невозможно искоренить ложныя понятія.

НѢТЪ ЛИ ЧЕГО НОВАГО?

Это вопросъ, который мы часто, при встрѣчѣ, дѣлаемъ другъ другу. Но онъ имѣетъ значеніе и для школы. Ученикъ жаждетъ новаго; новое необходимо ему; новое освѣжаетъ его также, какъ и насъ; въ новизнѣ заключается свѣжесть. Но не съ неба же свалятся къ намъ новое; оно должно возникнуть изъ стараго, быть слѣдствіемъ давно извѣстнаго. Оно развивается изъ нашихъ прежнихъ понятій, и неразлучно съ ними. Развитіемъ называется дѣйствительное происхожденіе новаго; и потому въ нашихъ понятіяхъ новое должно развиться изъ стараго, неизвѣстное изъ извѣстнаго. Такъ же развиваются и понятія народныхъ массъ. Въ сознаніи ученика, изъ усвоенныхъ имъ познаній, должны возникнуть новыя познанія. Какимъ образомъ? 1) Тѣмъ, что ученику напомнятъ старое, заставятъ его мысленно пройти извѣстные уже ему предметы. 2) Тѣмъ, что учитель постарается представить въ связи со старымъ возникнувшее въ умѣ ученика новое. — Не худо бы учителямъ усвоить этотъ способъ и приложить его къ дѣлу. Только этимъ путемъ они добьются отъ ученія желанныхъ плодовъ; только такое обученіе можетъ назваться естественнымъ, прямымъ путемъ, дѣйствительнымъ успѣхомъ. Мы можемъ научиться этому отъ Жакото, который все новое представлялъ въ связи со старымъ.

ГОЛОДЪ И ЖАЖДА.

Діететическое правило гласитъ: дѣтямъ слѣдуетъ кушать часто, но понемногу; это правило конечно распространяется и на дѣтей, посѣщающихъ школу. Поэтому жестоко и несправедливо воспрещать имъ приносить съ собой съѣстное.

Дитя, если здорово, не можетъ безъ ѣды заниматься отъ 8 до 12, или хоть отъ 8 до 11 часовъ. Безъ сомнѣнія, завтракъ въ школѣ производитъ нѣкоторый безпорядокъ; но этотъ безпорядокъ можно распорядительностью отчасти предупредить или отвратить. Дѣти обыкновенно лакомки: они лакомятся во время урока, и тѣмъ мѣшаютъ другимъ. Въ такихъ случаяхъ надо опредѣлять въ наказаніе конфискацію съѣстного до окончанія ученія. Нѣкоторые ученики марають съѣстнымъ тетради и книги: въ

этомъ отношеніи можно *предложить*, чтобы приносились только однѣ булки или бѣлый хлѣбъ. *Требовать* этого нельзя, потому что часто завтракъ, даваемый дѣтямъ, составляетъ замѣну обѣда, котораго или вовсе нѣтъ у родителей, или который въ нѣкоторыхъ домахъ бываетъ поздно. — Ученики сорятъ полъ училища овощами, хлѣбными крошками и проч.; для отвращенія этого слѣдуетъ постановить, чтобы плоды и овощи ученики ѣли только во время отдыха, на дворѣ. Такимъ образомъ не будетъ въ классѣ приманокъ для мухъ, которыя заносятъ стѣны, окна, книги, навязчиво садятся на дѣтскія головы, и тѣмъ развлекаютъ вниманіе учениковъ. Въ этомъ отношеніи я никогда не шутилъ; напротивъ, безъ милосердія заставлялъ неповинующихся моимъ приказаніямъ собирать съ полу раскиданныя ими нечистоты.

Учитель не долженъ томить жаждой учащихся. — «Вздоръ»! говорилъ при мнѣ одинъ учитель ребенку, отпрашивавшемуся у него пить. «Можно ли до обѣда пить воду? Садись». Но какъ же быть тому ребенку, которому поутру, вмѣсто чаю, родители дали селедку съ черными хлѣбомъ, или вчерашнихъ соленыхъ щей, или соленыхъ огурцовъ? Дозволеніе ученикамъ выходить изъ класса во время урока можетъ быть поводомъ къ нѣкоторому замедленію преподаванія; можетъ случиться, что мальчикъ безъ всякой надобности отпросится и пошалитъ за глазами; можетъ-быть даже учителю придется отвѣчать за снисхожденіе къ нуждамъ учениковъ. Но всего этого можно избѣжать, если поставить въ классѣ графинъ съ водой и станъ. Въ крайнемъ случаѣ старшему ученику можно поручить надзоръ.

Если притомъ каждые полчаса учитель будетъ давать нѣсколько минутъ отдыха, въ которыя ученики могутъ пить, то вѣроятно большая часть ихъ и не будетъ проситься до положеннаго срока. Приглашаемъ учителей поставить себя на мѣсто ребенка, который почти исключительно питается лукомъ, селедкой, картофелемъ и хлѣбомъ. Чѣмъ скуднѣе и грубѣе пища, тѣмъ больше надо пить. Дѣти простолюдиновъ дома пьютъ очень часто. Хорошо ли мы будемъ поступать, если, лишая дитя удовлетворенія первой потребности, превратимъ для него школу въ какой-то адъ?

ВАЖНОСТЬ ОПРЯТНОСТИ ВЪ ПЕДАГОГИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ.

> **Кто судитъ о человѣкѣ по одеждѣ, о домѣ по хозяину, о душѣ по тѣлу, тотъ рѣдко ошибается. Человѣкъ, не заботящійся о тѣлѣ, которое видно, вѣрно не станетъ пещись и о душѣ, которой не видитъ.**
>
> ***Гиппель.***

Всѣмъ извѣстно благотворное вліяніе чистоплотности на тѣло. Чистоплотность укрѣпляетъ тѣло; напротивъ неопрятность разслабляетъ его и подвергаетъ отвратительнымъ и опаснымъ болѣзнямъ, возникающимъ отъ прекращенія дѣятельности кожной системы. Сотни — тысячъ дѣтей вянутъ и чахнутъ отъ грязи. Поэтому всѣ толковые врачи строго предписываютъ частое умыванье водою, въ особенности холодною водою. При нѣкоторой опытности въ медицинѣ нельзя не согласиться съ знаменитымъ Гуфеландомъ, который говоритъ: «Едва вѣрится, какъ удивительно дѣйствуетъ это простое средство (умыванье). Оно незамѣтно укрѣпляетъ поверхность кожи и, дѣлая ее недоступнѣе вредному вліянію холода, сырости и другихъ перемѣнъ атмосферы, становится самымъ вѣрнымъ предохранительнымъ средствомъ противъ насморковъ, кашля, флюсовъ и лихорадокъ. Оно на всю жизнь укрѣпляетъ нервную систему, а дѣтей предохраняетъ отъ судорогъ, нервныхъ припадковъ и отъ болѣзненно-возбужденной чувствительности, могущей обратиться въ недугъ на всю жизнь. Итакъ въ фи-

зическомъ воспитаніи самое первое и главное правило: каждое утро обтирать ребенка холодною водою съ головы до ногъ; впрочемъ сначала необходимо пріучить его тѣло къ такой температурѣ постепенно холоднѣйшими обтиранiями. При этомъ нужно строго соблюдать, чтобы обмывать дѣтей не тотчасъ по оставленіи ими постели, а самое обтиранье производить быстро; собственно же холодныя *ванны* принадлежатъ къ разряду потрясающихъ средствъ для укрѣпленія тѣла, и дѣйствуютъ благотворно только на очень крѣпкія натуры, но не на дѣтей». Хотя въ самомъ нѣжномъ возрастѣ должно купать и мыть дѣтей не иначе, какъ въ теплой водѣ, но въ позднѣйшее время никакъ не слѣдуетъ этого допускать: какъ только дѣти подростутъ, теплую воду надо замѣнить холодною.

Но не станемъ распространяться о томъ, какъ дѣйствуетъ чистоплотность на успѣшное развитіе тѣла, а скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какое важное значеніе привычка къ опрятности имѣетъ относительно развитія духовной и нравственной жизни человѣка.

Неоднократно доказано, что душевная и сердечная чистота непремѣнно связана съ тѣлесною. И точно: чѣмъ ниже отдѣльный человѣкъ или народъ стоитъ по образованію, тѣмъ онъ больше погруженъ бываетъ въ нечистоплотность и неопрятность. Онъ даже чувствуетъ себя счастливымъ въ этой грязи. Самыя символическія умыванья, обливанья и вспрыскиванія, бывшія въ употребленіи у многихъ народовъ и сохранившіяся у нѣкоторыхъ по сію пору, несомнѣнно свидѣтельствуютъ объ этомъ. Чистоплотность имѣетъ большое вліяніе на ясность души и на строеніе нрава. Кто, перемѣнивъ бѣлье или вышедъ изъ ванны, испыталъ пріятное чувство снова возбужденной жизненной дѣятельности, тотъ пойметъ, что чистоплотность не можетъ не отзываться на нравственномъ воспитаніи; ибо только при ясной душѣ можетъ развиться нравственная жизнь. Безъ ясности души не можетъ возникнуть и принести свой сладкій плодъ цвѣтокъ гуманности. Еще важнѣе то обстоятельство, что чистоплотность предрасполагаетъ къ сердечной непорочности. На этомъ основано правило, чтобы матери, наставницы и воспитательницы строго соблюдали чистоплотность и опрятность въ одеждѣ. Пріученія къ опрятности есть первый шагъ къ образованію чувства прекраснаго, къ воспитанію вкуса. А красота и нравственное добро находятся въ близкомъ сродствѣ.

Пока человѣкъ (ребенокъ) не гнушается грязью, пока его не возмущаетъ видъ нечистоты на себѣ или на другомъ человѣкѣ, до тѣхъ поръ онъ не будетъ возмущаться и при встрѣчѣ съ душевной грязью, съ нравственнымъ цинизмомъ, — до тѣхъ поръ нечего помышлять о радостномъ стремленіи къ достиженію сердечной чистоты. Поэтому-то опрятнымъ содержаніемъ и пріученіемъ малютокъ къ внѣшнему порядку и чистоплотности, въ пріютахъ для малолѣтнихъ дѣтей, существенно содѣйствуютъ воспитанію ихъ въ нравственномъ отношеніи. Миссіонеры, вполнѣ вникнувшіе въ свое прекрасное призваніе, съ того и начинаютъ свое дѣло, что стараются пріохотить къ чистотѣ и порядку почти задыхающихся въ грязи эскимосовъ и гренландцевъ. Благопристойность, благонравіе и порядокъ, составляющіе какъ бы преддверіе къ нравственности, не мыслимы безъ опрятности. Потому-то мы вправѣ утверждать: «Тотъ, кто не печется о тѣлѣ, которое видно, не станетъ пещись и о душѣ, которой не видать.»

НѢЧТО О ЧТЕНІИ.

Не то, сколько мы читаемъ, а то, что мы читаемъ и какъ читаемъ, опредѣляетъ степень и характеръ нашего образованія.

Еще въ очень недавнее время книги у насъ были большою рѣдкостью не только въ крестьянскомъ, но и въ мѣщанскомъ, купеческомъ и чиновничьемъ быту. Даже у иного помѣщика, случалось, вся библіотека состояла изъ псалтыря и стараго мѣсяцеслова. Но прошли тѣ времена, — и слава Богу! Книга все болѣе проникаетъ во всѣ слои общества, становится совѣтникомъ, утѣхою, развлеченіемъ, умственною пищею, часто нравственною опорою для семьянина и одинокаго бобыля. Уже не далеко то время — будемъ надѣяться — когда у всякаго нашего мужичка будетъ цѣлая маленькая библіотека дешевыхъ изданій, къ которой онъ, въ праздные часы, будетъ прибѣгать, вмѣсто того, чтобы идти въ кабакъ или въ трактиръ. Книга внесетъ въ домъ его довольство, разрущаемое нынѣ кабакомъ, — научитъ его многому полезному, дастъ женѣ его то нравственное вліяніе, которое мать семейства должна имѣть на дѣтей и мужа.

Въ сословіяхъ привилегированныхъ книга уже нынѣ имѣетъ ту степень гражданственности, которая приличествуетъ умному и дѣльному развлеченію. Чиновники, купцы уже болѣе и болѣе читаютъ. Зажиточные люди даже, почти непремѣнно, выписываютъ одинъ журналъ. Учащаяся молодежь читаетъ съ жадностью. Поэтому мы почитаемъ своевременнымъ постановить нѣкоторыя правила для чтенія, для того чтобы оно было производительнѣе, полезнѣе и вообще вліятельнѣе. Для большей же ясности — проведемъ паралель между чтеніемъ и употребленіемъ пищи. Чтеніе есть умственная пища, и потому можетъ быть подведена подъ правила, аналогическія съ правилами гигіены. Главныя правила для употребленія пищи, почти буквально примѣнимыя и къ чтенію, суть слѣдующія:

1. Касательно *выбора пищи* (тѣлесной и духовной) пригодны правила:

а) «Предпочитай питательную пищу вкусной!» Это правило въ отношеніи чтенія означаетъ: «предпочитай поучительныя книги занимательнымъ!» Жаль того времени, которое мы проводимъ за пустымъ чтеніемъ; время — вещь драгоцѣнная, которую должно расходовать съ большою осмотрительностью.

б) «Избѣгай слишкомъ пряныхъ и сложныхъ кушаньевъ; они вредятъ желудку!» Къ чтенію это правило примѣняется такъ: «Не читай книгъ исключительно возбуждающихъ чувство и приводящихъ воображеніе въ лихорадочное настроеніе; такіе книги притупляютъ вкусъ, усыпляютъ волю и энергію дѣятельности и колеблютъ нравственныя правила.»

в) «Слабому желудку прилична только легкая, рыхлая пища, крѣпкому же — твердая и жесткая!» Это правило, въ отношеніи духовной пищи, можетъ быть выражено словами: «При выборѣ книгъ, которыя мы хотимъ прочесть, мы должны строго соображаться со своими умственными способностями и всегда помнить вопросъ, предложенный апостоломъ Филиппомъ управителю Аравіи: «понимаешь ли ты то, что читаешь?»

г) «Ради минутнаго наслажденія не ѣшь того, въ чемъ есть примѣсь вредныхъ для здоровья веществъ!» Это правило примѣнимо къ чтенію слѣдующимъ образомъ: «Избѣгай чтенія книгъ, которыя могутъ влить въ твое сердце ядъ зла. За непродолжительнымъ развлеченіемъ, доставляемымъ подобнымъ чтеніемъ, обыкновенно слѣдуетъ раскаяніе въ утратѣ нравственныхъ и религіозныхъ убѣжденій.»

2. Въ отношеніи *времени*, приличнаго для употребленія пищи и для чтенія, можетъ послужить правило: «*Ѣшь и читай всегда во-время!*» Все хорошо въ свою пору, говоритъ мудрецъ древности: это относится и къ чтенію. Для человѣка, по званію не ученаго, чтеніе

дѣло второстепенное. Не должно дѣлать его главнымъ занятіемъ, изъ опасенія упустить какую-нибудь изъ своихъ обязанностей. Человѣкъ, много читающій въ ущербъ исполненію своихъ обязанностей, походитъ на гастронома, который живетъ повидимому только для того, чтобы ѣсть.

3. Относительно *количества* въ чтеніи придерживайся правила, безъ котораго нельзя обойтись и въ ѣдѣ, а именно: «*въ мѣру!*» Всякая излишняя ѣда вредно дѣйствуетъ на здоровье, такъ же какъ излишнее чтеніе ослабляетъ память, вмѣсто того чтобы укрѣплять ее, обременяетъ духъ, вмѣсто того чтобы освѣжать его.

Читая, не бросайся отъ одного къ другому, но, только прочитавъ одну книгу и переваривъ ея содержаніе, переходи къ другой.

4. Касательно того, *какъ* слѣдуетъ читать? очень важно замѣтить, что въ той же мѣрѣ, какъ здоровѣе кушать медленно, чѣмъ глотать пищу съ жадностью, — медленное, зрѣло обдуманное чтеніе должно принести болѣе пользы, чѣмъ быстрое и поверхностное. Надо углубиться въ предметъ, о которомъ говорится въ книгѣ, для того чтобы умственно переварить его и обратить въ плоть и кровь. Вообще всякому, по поводу чтенія, не худо помнить слова Священнаго писанія: «*Дитя мое, обдумай, что можетъ послужить въ пользу твоему тѣлу (духу) и не давай ему того, что служитъ ему во вредъ!*» (Іис. Сир. 37, 10.)

ОСКОЛКИ МЫСЛЕЙ.

Когда невѣжда встрѣчаетъ необыкновенныя явленія въ жизни, причину которыхъ онъ не умѣетъ себѣ объяснить, то на него находитъ страхъ. Страхъ мѣшаетъ ему дознаться настоящей причины, потому что овладѣваетъ его умомъ и чувствами, отнимаетъ у него способность здраво судить. Воображеніе вытѣсняетъ разсудокъ; подъ вліяніемъ воображенія явленіе принимаетъ чудовищные размѣры: оно представляется слѣдствіемъ какихъ-то странныхъ и ужасныхъ причинъ; страхъ доходитъ постепенно до ужаса, а ужасъ такъ отуманиваетъ разсудокъ, что несчастливцу кажется, что онъ въ дѣйствительности видитъ воображаемыя причины. Тутъ являются передъ нимъ привидѣнія, порожденія его собственнаго воображенія.

Точно такъ же, какъ глазъ нашъ не можетъ хорошо разглядѣть слишкомъ близкихъ предметовъ, мы рѣдко вѣрно можемъ судить о человѣкѣ, близкомъ нашему сердцу.

Подобно тому, какъ тѣло можетъ крѣпнуть и развиваться только при сообразномъ съ природою уходѣ за нимъ; какъ врачъ только тогда можетъ успѣть въ своихъ стараніяхъ исцѣлить насъ отъ тѣлесныхъ болѣзней, когда ему удается устранить всѣ препятствія, противящіяся свободнымъ отправленіямъ природы: такъ же и умъ человѣческій только тогда можетъ вполнѣ развиться, когда ведутъ его естественнымъ путемъ. Въ душевныхъ болѣзняхъ только тогда можно ожидать исцѣленія, когда сорваны оковы, замедляющія свободное движеніе ума, когда открытъ этому движенію соотвѣтственный исходъ.

УВѢДОМЛЕНІЕ.

Въ конторѣ журнала «УЧИТЕЛЬ» въ Спб. можно получать слѣдующія изданія:

1) **Педагогическія статьи журнала „УЧИТЕЛЬ" за 1861 годъ.** 25 печатныхъ листовъ въ большую 8-ю долю и 2 столбца. *Цѣна 2 р., перес. за 2 ф.*

2) **Опытная психологія въ примѣненіи къ воспитанію и обученію дѣтей.** Составл. по Бенеке, Дреслеру и др. 192 стран., въ 16-ю д. л. *Цѣна 40 к., пер. за 1 ф.*

3) **Дитя въ первые годы жизни.** Очерки первоначальнаго тѣлеснаго и духовнаго воспитанія. 128 стран., въ 16-ю д. л. *Цѣна 35 коп., перес. за 1 ф.*

4) **Изъ области естественныхъ наукъ.** Популярное изложеніе различныхъ отраслей естествознанія. 3 части. — Часть I: *Что всякому нужно знать изъ химіи* Часть II: *О питаніи и пищѣ. — Кое-что изъ метеорологіи. — О жизни земли.* — Часть III: *Мелкія статьи различныхъ авторовъ.* 162 + 167 + 90 стран. въ 16 д. л. *Цѣна 35, 35, 20 к., или всѣхъ 3 частей вмѣстѣ 80 коп., перес. за 1 ф.*

5) **О способѣ первоначальнаго преподаванія закона Божія** по руководству «Начатки христіанскаго ученія, разсмотрѣнныя и одобренныя св. сунодомъ». *Священника Д. Соколова.* 37 стран., въ 16-ю д. л. *Цѣна 5 к. с.*

6) **Бесѣды съ дѣтьми о вѣрѣ и нравственности христіанской.** Соч священника Д. Соколова. Часть I: Ветхій завѣтъ. *Цѣна 50 к., перес. за 1 ф.*

7) **Наглядная ариѳметика.** Руководство для первоначальнаго домашняго обученія. Съ 69 рисунками въ текстѣ. 62 стран., въ 16 д. л. *Цѣна 25 коп., пер. за 1 ф.*

8) **Элементарная геометрія Дистервега.** Учебное пособіе для уѣздныхъ училищъ и вооббще для начинающихъ. Съ 83 чертежами въ текстѣ. *Цѣна 40 коп.*, *перес. за 1 ф.*

9) **Бесѣды о русской исторіи.** Соч. О. Миллера. Выпускъ первый: Отъ первобытныхъ временъ до Ярослава. *Цѣна 25 коп.*, *перес. за 1 ф.*

10) **Первое ознакомленіе дѣтей съ природою.** Руководство для родителей и воспитателей. Соч. д ра Б. Зигисмунда. Съ 25 политипажами. 188 стран. въ 16-ю д. л. *Цѣна 50 к.*, *пер. за 1 ф.*

11) **Наша дѣтская литература.** Опытъ библіографіи современной отечественной дѣтской литературы, преимущественно въ воспитательномъ отношеніи. *Ф. Толля.* 332 стран. въ 16 д. л. *Цѣна 65 к.*, *перес. за 1 ф.*

Всѣ эти 11 званій составляютъ полное изданіе журнала „**УЧИТЕЛЬ**“ за 1861 годъ. Выписывающіе всѣ эти изданія разомъ платятъ пересылочныхъ только за 5 фун.

Въ той же конторѣ можно получать

журналъ „**УЧИТЕЛЬ**“ за 1862, 1863, 1864 и 1865 годы, по 4 р. съ пересылкою за каждый.

Выписывающіе журналъ этотъ за всѣ приведенныя годы пользуются уступкою въ 20%.

